

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

HARVARD COLLEGE LIBRARY

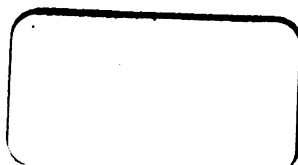

in honor of

ARCHIBALD CARY COOLIDGE

1866 - 1928

**Professor of History
Lifelong Benefactor and
First Director of This Library**

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ

ТОМЪ XXXIII

№ 1140

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Т О М Ъ ХХХІІІ

1888

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФИЯ А. С. СУВОРИНА. ВЪТЪЛЕНЪ ПЕР., Д. 11—2

1888

PSlav 381.10

~~PSlav 381.10~~

~~Slav 25.15~~

HARVARD COLLEGE LIBRARY
GIFT OF
ARCHIBALD CARY COLLIDGE
JULY 1, 1882

СОДЕРЖАНІЕ ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

(ІЮЛЬ, АВГУСТЪ, СЕНТЯВРЬ).

	СТР.
Аракчеевскій сынокъ. Гл. XXVII—XXXVII. (Продолженіе).	
Графа Е. А. Салиаса	5, 217, 433
Изъ семейной хроники. Гл. XXII—XXXII (Продолженіе).	
Л. Н. Павлицева	26, 236, 453
Пруссія въ Крымскую войну. Гл. VII и VIII. (Окончаніе).	
А. С. Трачевскаго	45
Воспоминанія М. Д. Францевой. Гл. VI и VII (Окончаніе) .	61
«Покорная и вѣрная жена». П. П.	88
Миеологическое значеніе нѣкоторыхъ преступленій, совершенныхъ по суевѣрію. Л. С. Вѣлгогриць-Котляревскаго. .	105
Природа и чеховѣкъ въ Средней Азій. Статья П. Н. В. Сорокина.	116
Иллюстраціи: Мечеть Хазрета въ Туркестанѣ.—Фасады мечети Хазрета въ Туркестанѣ.	
Мелочи изъ моей памяти. М. М. Михайлова	124
И. Н. Крамской въ его взглядахъ на искусство. С. Тр—ва. .	129
Рамазанъ въ Самаркандѣ и курбанъ-байрамъ въ Бухарѣ	
Н. И. В.	141
Свѣдѣнія объ архимандритѣ Фотіи, собранныя на мѣстѣ его рожденія, въ селѣ Ямъ-Тесовѣ, Новгородской губерніи и уѣзда. И. П. Можайскаго	148
Проконсулъ Кавказа. Ѳ. М. Уманца	258, 477
Записки покойнаго учителя	296
Послѣдній представитель русской сатиры прошлаго вѣка. С. П. Тимосеева	338
Атаманъ Илюшка Пономаревъ. А. А. Голубева.	355
Праздникъ въ честь А. Д. Балашева, бывшій въ Рязани 13-го іюля 1823 года. Д. А. Корсакова.	364
Какъ въ старину передѣлывали старыхъ людей въ молодые. (Народное преданіе). Д. И. Эварницкаго	374

Эпизодъ изъ вѣтчинно-монастырской жизни прошлаго вѣка. И. Д.	380
Морской кадетскій корпусъ въ 1823—1828 годахъ. Воспоми- нанія П. В. Митурича	507
Богданъ Хмельницкій и благодарная Россія. П. Н. Полевого.	544
Павель Александровичъ Катенинъ. (Биографическій и исто- рико-литературный очеркъ). Е. В. Пѣтухова	553
Иринархъ Ивановичъ Введенскій. Отрывокъ изъ воспоминаній А. П. Милюкова	576
Новая исторія крестьянскаго вопроса въ Россіи. А. Е. Вороз- дина	585
Очеркъ исторіи Херсонеса и егю участіе въ крещеніи Руси. А. И. Киричничкова	602
Очерки стариннаго быта. (I. Казненная тетрадка. II. Мечты канцеляриста. III. Преступная описка). Н. Е. Ермилова.	615
Девіеровское дѣло. II.	626
Одинъ изъ авантюристовъ прошлаго вѣка. П. М.	639

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ:

Герцгеръ, его жизнь и сочиненія. Р. Гайма. Перевелъ съ нѣмецкаго В. Н. Невѣдомскій. Томъ первый. Часть первая. Изда-
ніе К. Т. Солдатенкова. Москва. 1888. А. и.—Сборникъ Импера-
торскаго Русскаго Историческаго Общества. Тома LIX, LXI,
LXIII, LXIV и LXV. Спб. 1888. А. Б.—ма.—Всеобщая исторія
Георга Вебера. Переводъ со втораго изданія, пересмотрѣннаго
переработаннаго при содѣйствіи специалистовъ. Томъ девятый.
Перевелъ Андреевъ. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва. 1888.
А. и.—Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Импе-
раторской Академіи Наукъ. Томъ сорокъ второй. Спб. 1888. П.—
Римская исторія Ф. Моммсена. Томъ второй и третій. Отъ битвы
при Пидіѣ до битвы при Фалсѣ. Переводъ (съ седьмого изданія)
II т. В. Н. Невѣдомскаго и III т. А. Н. Веселовскаго. Изданіе
К. Т. Солдатенкова. Москва. 1888. А. и.—А. П. Барсуковъ. Родъ
Шереметевыхъ. Книга V-я. Спб. 1888. Д. Морсанова.—Русская
исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. Н. Вос-
томарова. Томъ второй (окончаніе). Господство дома Романовыхъ
до вступленія на престолъ Екатерины II. XVIII-е столѣтіе. Вы-
пускъ седьмой. Спб. 1888. А. Бороздина.—«Девятисотлѣтіе русской
іерархіи. 988—1888. Епархіи и архіереи». Составлено по офи-
ціальнымъ и историческимъ даннымъ. Н. Д. Москва. 1888. П.
П.—сва.—Библіотека по русскому и церковно-славянскому языку
и словесности русской и иностранной, съ приложеніемъ описанія
книгъ по логикѣ. Составилъ Левъ Поляновъ. Москва. 1888. Е.
П.—Всеобщая исторія литературы. Выпускъ XXII. Спб. 1888. В.
З.—Сто лѣтъ австрійской политики въ Восточномъ вопросѣ. Со-
ставилъ Я. Н. Бутковскій. Спб. 1888. Г. Б.—Описаніе старой Мало-
россіи. Матеріалы для исторіи заселенія, землевладѣнія и управ-
ленія. Ал. Лазаревскаго. Томъ первый. Полкъ Стародубскій (вы-
пускъ первый). Кіевъ. 1888. Б. Г.—Харьковскій сборникъ. Лите-
ратурно-научное прибавленіе къ Харьковскому календарю на
1888 годъ, подъ редакціей В. И. Касперова. В. З.—Учебникъ рус-

ской исторіи, съ приложеніемъ родословной и хронологической таблицъ и указателя личныхъ именъ. Древняя Русь. Составилъ К. Елпатовскій. Спб. 1888. М. Б.—Русская исторія въ русской повѣи. Сборникъ стихотвореній. Составилъ Петръ Вейнбергъ. Спб. 1888. Б.—Лекціи по исторіи русскаго языка, А. И. Соболевскаго. Кіевъ. 1888. Е. П.—Архивъ князя Воронцова. Книга тридцать четвертая. Москва. 1888. А. Б.—ина.—Проф. М. Н. Петровъ († 23 января 1887 г.). Лекціи по всемірной исторіи. Т. II. Исторія среднихъ вѣковъ, обработанная и дополненная проф. В. К. Надлеромъ. Харьковъ. 1888. А. М.—Θ. Успенскій. Русь и Византія въ X вѣкѣ. Рѣчь, произнесенная 11-го мая 1888 г. въ торжественномъ собраніи Одесскаго славянскаго благотворительнаго Общества, въ память 900-лѣтняго юбилея крещенія Руси. Одесса. 1888. А. Б.—ина.—Вступленіе на престолъ императрицы Елисаветы Петровны. Н. Н. Ойрсова. Казань. 1888. А. Б.—ина.—И. М. Павловъ. «Наше переходное время» (сборникъ статей, помѣщавшихся преимущественно въ газетахъ: «День», «Москва» и «Русь»). Приложеніе къ «Русскому Архиву» 1888 года. Б. Г.—Wisła, miesięcznik geograficzno-etnograficzny. Tom. I, Warszawa, 1887; tom. II: styczni, luty, marzec, Warszawa, 1888. А. С.—сиаго. Н. Н. Любвиць. Къ исторіи іезуитовъ въ литовско-русскихъ земляхъ въ XVI вѣкѣ. Варшава. 1888. А. Б.—Лекціи по новой исторіи проф. В. В. Бауера, читанныя въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Подготовленныя къ печати, редактированныя и изданныя гр. А. А. Мусинимъ-Пушкинымъ. Т. II. Спб. 1888. М. Б.—Историческій обзоръ правительственныхъ мѣропріятій къ развитію сельскаго хозяйства въ Россіи отъ начала государства до настоящаго времени. Н. В. Пономарева. Спб. 1888. Г.—И. Поддубный. Учебный атласъ древней исторіи. Спб. 1888. М. Б.—Систематическій каталогъ дѣламъ комиссіи о коммерціи и о пошлинахъ, хранящимся въ архивѣ департамента таможенныхъ сборовъ. Составилъ начальникъ архива департамента таможенныхъ сборовъ Н. Кайдановъ. Его же. Систематическій каталогъ дѣламъ сибирскаго приказа, московскаго комиссарства и другихъ бывшихъ учрежденій по части промышленности и торговли, хранящимся въ архивѣ департамента таможенныхъ сборовъ. Спб. 1888. Б.—Опытъ исторіи с.-петербургской биржи въ связи съ исторіей С.-Петербурга, какъ торговаго порта. Выпускъ первый. Петербургъ до его основанія. Очеркъ исторіи р. Невы и мѣстности нынѣшняго Петербурга до 1703 года. Г. А. Немирова, секретаря С.-Петербургскаго биржевого комитета. Спб. 1888. В—а.—Теорія науки и метафизики съ точки зрѣнія философскаго критицизма. Сочиненіе профессора А. Ріля. Переводъ съ нѣмецкаго Е. Корша. Изд. К. Т. Солдатенкова. Москва. 1888. А. М.—Лекціи по исторіи римской литературы, читанныя въ Кіевскомъ и С.-Петербургскомъ университетахъ В. М. Модестовымъ. Полное изданіе (три курса въ одномъ томѣ). Спб. изданіе Л. Ф. Пантелѣева. 1888. А. М.—Очерки исторіи южнорусскихъ апокрифическихъ сказаній и пѣсенъ. Н. Θ. Сумцова. Кіевъ. Б.—Братскій хронологическій очеркъ исторіи города Смоленска, его достопримѣчательности, учебныя заведенія, благотворительныя и общественныя учрежденія. Изданіе смоленскаго губернскаго статистическаго комитета. Смоленскъ. 1888. М. Д.—сиаго.—Историческій очеркъ попытокъ католиковъ ввести въ Южную и Западную Россію григоріанскій календарь. Н. Θ. Сумцова. Кіевъ. 1888. А. Б. 152, 387, 648

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ . . . 192, 405, 656

ИЗЪ ПРОШЛАГО:

Святое письмо.—Къ исторіи чумы. Сообщено Е. И. Овчинни-
нымъ.—Къ исторіи Пугачевщины. Сообщено В. И. Малагузовымъ.—
Какъ березовцы икону выручали. Сообщено М. А. Доброволь-
скимъ.—Рашиель и императоръ Николай. Сообщено А. Н. Мерсане-
вымъ 200, 414

СМѢСЬ:

Двухсотлѣтіе «Дѣдушки русскаго флота».—Открытіе бюста
Екатерины II передъ Обуховской больницей.—Пятисотлѣтіе Во-
рисо-Глѣбскаго монастыря.—Археологическое Общество.—Воткъ
Петра Великаго.—Какъ у насъ жертвуютъ на памятники вели-
кимъ людямъ.—Императоръ Николай и бѣлокриницкіе раскол-
ники.—Музей г. Поля.—Отчетъ Александровскаго публичной би-
бліотеки и «Зала императора Александра II», за 1887 годъ.—
Печорагскій монастырь.—Открытіе древняго города на Волгѣ.—
Бюстъ, найденный въ Іерусалимѣ.—Археологическое Общество.—
Брестный ходъ на рѣку Витку, Никольской волости, Новгоро-
дскаго уѣзда.—Отчетъ ростовскаго музея церковныхъ древностей
за 1886—1887 года.—Открытіе Томскаго университета.—Древнія
фрески, открытыя въ Кіевѣ.—Стосемидесятилѣтіе Пантелеймо-
новской церкви.—Смоленскій музей.—Орловская архивная комис-
сія.—Отчетъ о дѣятельности Прибалтійскаго православнаго брат-
ства Христа Спасителя и Покрова Возіей Матери, за 1887 годъ.—
Некрологи: А. Ѳ. Малинина, А. И. Иванова, Л. О. Леванды, Я.
Ѳ. Головацкаго, А. П. Толченова, А. В. Вышеславцева, Б. К. Ней-
мана, Д. П. Родіонова, Г. А. Лынина, М. Г. Гребенщикова, А.
И. Крушевщтерна, князя П. П. Вяземскаго, Л. П. Влюммера,
А. А. Ваганова, В. П. Поляванова, А. Ѳ. Видерта, А. В. Яков-
лева, Л. И. Мечникова, Н. П. Животовскаго, П. А. Гадримо-
вича 205, 418, 665

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ:

Къ «Воспоминаніямъ» г-жи Францевой. К. М. Голодницова.—
Къ статьѣ «Первенецъ богемы». А. Л.—Поправка къ статьѣ г. Пав-
лицева. В. Савельева.—Переяславскій ботикъ Петра Великаго.
П. Самсонова.—Поправка къ «Семейной Хроникѣ» г. Павлицева.
Баронесса Елизавета Дельицъ 215, 247, 671
Девятисотлѣтняя годовщина крещенія Руси. 428

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портреты: графини Екатерины Михай-
ловны Румянцовой, Алексѣя Петровича Ермолова, графа де-Вон-
неваль (Османа-паши). 2) Ганзейцы. Историческій романъ Оскара
Гейбэра. Съ иллюстраціями. Гл. XXX—XXXV. (Окончаніе, съ двумя
рисунками въ текстѣ). 3) Лѣтопись Петербургскихъ наводненій.
1703—1879 гг. П. П. Каратыгина.

Графиня Екатерина Михайловна Румянцева.

Съ портрета, приложеннаго къ ея «Писъмамъ», издааннымъ графомъ
Д. А. Толстымъ.

дож. ц.л.з. сн., 25 юня 1888 г.

АРАКЧЕЕВСКІЙ СЫНОКЪ ¹⁾.

XXVII.

А СЛѢДУЮЩІЙ день Авдотья сумрачная и молчаливая собралась въ домъ Нейдшильда. У нея было письмо отъ Пашуты къ баронессѣ, въ которомъ дѣвушка заявляла, что внезапно выѣхала въ Грузино по своему дѣлу и пробудетъ тамъ около недѣли. Письмо конечно сочинилъ Шумскій, писарь переписалъ, а вмѣсто подписи былъ поставленъ простой крючекъ.

Шумскій и не подозрѣвалъ, что дѣлалъ наивный промахъ, ибо не зналъ, что за время своего пребыванія у Евы ея любимица выучилась изрядно писать порусски, а имя свое писала даже красиво и съ розчеркомъ. Авдотья вышла изъ дома предъ полуднемъ. Шумскій часа три проволновался, ожидая каждую минуту возвращенія женщины обратно въ квартиру и слѣдовательно отказа баронессы взять Авдотью на мѣсто любимицы... А это было равносильно полной неудачѣ въ его предпріятіи.

Но когда было уже часа четыре и на дворѣ стало темнѣть, Шумскій ободрился. Вечеру онъ уже былъ веселъ, доволенъ и почти счастливъ. Авдотья была очевидно принята баронессой на мѣсто Пашуты.

Однако еще въ сумерки Шумскій былъ смущенъ неожиданнымъ посѣщеніемъ юнаго офицера. Но смущеніе продолжалось не долго.

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXII, стр. 513.

«Чортъ ихъ всѣхъ подери!» рѣшилъ мысленно молодой человекъ, узнавъ въ чемъ дѣло.

Къ Шумскому явился посланецъ отъ самого графа Аракчеева, юный прапорщикъ, состоявшій тѣмъ-то по военнымъ поселеньямъ. Онъ объяснилъ почтительно, что графъ «изволяетъ» спрашивать, продолжаетъ ли все еще идти кровь носомъ у Михаила Андреевича.

Сначала Шумскій ничего не понялъ и глаза вытаращилъ, но затѣмъ смутился. Онъ забылъ и думать объ своемъ внезапномъ исчезновеніи изъ дворца, а главное забылъ не только извиниться предъ отцомъ, но даже ни разу не вспомнилъ о присутствіи отца въ Петербургѣ.

Подумавъ нѣсколько секундъ, Шумскій мысленно послалъ «всѣхъ» къ чорту и выговорилъ:

— Доложите его сіятельству, что идетъ...

Офицерикъ, конечно, понимавшій смыслъ данного ему графомъ порученія, теперь въ свой чередъ глаза вытаращилъ на дервостъ отвѣта.

— Какъ то-ись... рѣшился онъ вымолвить.

— Да такъ... Идетъ и шабашъ! То нѣту, а то опять пойдетъ. Вотъ и сижу дома. Такъ и доложите!

Офицерикъ уѣхалъ, а Шумскій долго смѣялся...

Между тѣмъ въ квартирѣ, гдѣ было такъ весело ей владѣльцу, находилось, тоже почти забытое имъ, несчастное существо, которому было не до смѣху.

Первые часы проведенные Пашутой въ чуланѣ, гдѣ она была заперта, прошли для нея незамѣтно. Дѣвушка была въ какомъ-то тупомъ, почти безсознательномъ состояніи. Понемногу разсудокъ вернулся къ ней и прежде всего она стала обвинять себя въ легкомысленномъ шагѣ. Она не понимала, какъ могла на столько наивно и ребячески попасть въ ловушку.

Къ вечеру, много и много передумавъ, Пашута какъ-то успокоилась. Она разсудила, что рано или поздно все равно попала бы въ руки своихъ мучителей. Она ясно понимала, что если графъ Аракчеевъ прежде не соглашался, то и теперь не согласится продать ее, такъ какъ вѣроятно именно Шумскій воспрепятствовалъ этому черезъ Настасью.

Дѣвушка однако по характеру своему не могла относиться пассивно къ чему бы то ни было, до нея касающемуся, а тѣмъ паче къ теперешнему своему положенію. А было очевидно, что, продержавъ ее взаперти необходимое число дней, Шумскій отправитъ ее въ Грузино, гдѣ начнутся, конечно, всякія мытарства и Настасья Федоровна щедро оплатитъ ей за все по наущенію своего сына. Спассти себя отъ будущихъ мученій въ Грузинѣ было почти невозможно. Она могла только, какъ раза два предлагала ей баронесса, тайно бѣжать и на всю жизнь скрыться гдѣ-нибудь въ Фин-

ляндія, гдѣ даже всесильный Аракчеевъ не могъ бы ее розыскать. Но это она могла бы сдѣлать только въ будущемъ. Теперь же нужно было бороться, спасти баронессу и отмстить за себя, воспользовавшись тѣмъ страшнымъ оружіемъ, которое необдуманно и неосторожно дала ей въ руки сама Авдотья.

И ввечеру Пашута почти совершенно успокоилась. Она поѣла хлѣба, выпила воды и невольно грустно улыбулась. Смѣшно и дико показалось ей ея положеніе.

Чуланъ съ довольно чистыми стѣнами, свѣтлый, съ небольшимъ окошкомъ на дворъ, былъ сравнительно великъ, около квадратной сажени. Въ окошечко съ двумя рамами смотрѣлъ на нее новый двурогій мѣсяцъ. Въ чуланъ было натаскано братомъ очень много сѣна и Пашута разодѣтая и разфранченная сидѣла, поджавъ ноги, на полу. Ея щегольской костюмъ всего болѣе казался ей смѣшнымъ при этой обстановкѣ.

«Дворовая, крѣпостная дѣвка, разодѣтая барышней, думалось ей, сидитъ въ чуланѣ на сѣнѣ съ краюхой хлѣба и глинянымъ кувшиномъ воды!»

Пашута вздохнула, перекрестилась и, устроивъ свой теплый салопчикъ въ видѣ подушки, улеглась. Вскорѣ, не столько отъ усталости, сколько отъ волненія и всего пережитаго въ этотъ день, она уже крѣпко спала.

На утро рано она очнулась отъ легкаго стука въ дверь. Такъ какъ стукъ повторялся, то она, наконецъ, отозвалась.

— Я это, Василій,—послышался шопотъ брата за ея дверью. — Что какъ ты?—прибавилъ Копчикъ участливо.

— Ничего,—отозвалась дѣвушка.

— Ты не думай, Пашута, что я тебя тоже имъ предамъ. — Нѣту. Я надумалъ дѣло, только говорить теперь нельзя. По сю пору подойти къ двери не могъ. Авдотья тутъ была, теперь вышла, должно опять Богу молиться. Какъ только разойдутся всѣ изъ дома и баринъ уйдетъ, мы на просторѣ побесѣдуемъ обо всемъ. А теперь покуда сиди, да не печалься. Мы ихъ перехитримъ. Спи себѣ, еще вѣдь рано.

Когда Авдотья ушла въ домъ Нейдшильда, Копчикъ сталъ нетерпѣливо дожидаться, чтобы баринъ тоже выѣхалъ со двора. Войдя раза два въ кабинетъ, малый догадался, что Шумскій очевидно чего-то ждетъ и никуда не собирается. Васька настолько изучилъ барина, что читалъ по его лицу, какъ по книжкѣ. Онъ понялъ теперь, что Шумскій сидитъ въ тревогѣ и ждетъ, конечно, результата отъ посылки Авдотьи.

«Пожалуй, весь вечеръ дома просидитъ, подумалось Васькѣ. А вернется коли Лукьяновна, мнѣ и совсѣмъ нельзя будетъ переговорить съ Пашутой».

Лакей рѣшился вдругъ, притворилъ всѣ двери между кабинетомъ и гардеробной, приблизился къ чулану и окликнулъ сестру.

Пашута тотчасъ же отозвалась болѣе свѣжимъ и бодрымъ голосомъ.

— Садись къ самой двери,—сказалъ Копчикъ,—какъ и я вотъ... И поговоримъ.

И усѣвшись на полу у самой двери чулана, Копчикъ почти прикладывая губы къ небольшому отверстию между дверью и при-толкой, сталъ полушопотомъ спрашивать сестру о всемъ, что случилось новаго за послѣднее время и какъ могла она такъ глупо попасть въ западню. Бесѣда брата съ сестрой затянулась. Ирѣдка Копчикъ вставалъ, проходилъ на цыпочкахъ къ кабинету барина и, удивившись, что тотъ продолжаетъ спокойно сидѣть у себя, снова возвращался и снова начиналъ прерванную бесѣду.

Прошло уже около часа, что братъ съ сестрой объяснялись, и объясненіе это было, вѣроятно, выходящее изъ ряда вонъ. Вѣроятно, Пашута передала брату что-либо чрезвычайно неожиданное и невѣроятное. Лицо Копчика измѣнилось, глаза раскрылись какъ-то шире и смотрѣли тревожнѣе. Онъ былъ настолько сильно взволнованъ, что боялся, какъ бы вдругъ баринъ не позвалъ его къ себѣ. Онъ чувствовалъ и понималъ, что съ такимъ лицомъ являться на глаза къ Шумскому было опасно. Баринъ могъ замѣтить перемѣну, которую самъ чувствовалъ въ себѣ Копчикъ.

Пришедшій по какому-то дѣлу кучеръ прервалъ бесѣду брата съ сестрой. На какіе-то незначущіе вопросы кучера, Копчикъ отвѣчалъ разсѣянно.

— Что? Аль недужится?—спросилъ тотъ, внимательно глядя въ лицо лакея.

— Нѣту, нѣту. Что ты!—поспѣшилъ вымолвить Копчикъ.—А, что? Почему спрашиваешь?

— Рыло-то у тебя такое, точно лихорадка трясеть,—замѣтилъ кучеръ.

Копчикъ испугался мысли, что каждую минуту его можетъ позвать баринъ, а перемѣна въ лицѣ его была, очевидно, велика, если даже простой мужикъ замѣтилъ ее.

И было отчего крѣпостному холопу графа Аракчеева измѣниться въ лицѣ. Пашута передала брату подробно то, что Авдотья называла своимъ «страшнымъ» словомъ и то, что называлъ Шумскій «чертовскимъ» словомъ. Должно быть, въ самомъ дѣлѣ было многозначительно и важно сообщенное Авдотьей своей приѣмной дочери и переданное ею брату, если этотъ малый былъ теперь настолько пораженъ и взволнованъ. Вдобавокъ, въ концѣ бесѣды черезъ дверь, Пашута упростила брата помочь ей бѣжать какъ можно скорѣе, чтобы спасти баронессу и отмстить мучителямъ.

Копчикъ обѣщался, но при этомъ вдохнулъ и прибавилъ:

— Вѣстимо, надо тебѣ бѣжать и все поднять! Вѣстимо, надо перевернуть все верхъ дномъ. Оно имъ всѣмъ будетъ пуще и во-

стрѣе ножа. Но нехай, пуцай, нечего ихъ злодѣевъ жалѣть, ни графа, ни Настасью, ни этого дьявола, ни Лукьяновну. Всѣ они дьявольское сѣмя. Но только надо подумать, Пашута, какъ помочь. Сама ты не захочешь бѣжать такъ, чтобы меня Михаилъ Андреичъ до смерти убилъ за это. Надо надумать такъ, чтобы мнѣ въ сторонѣ остаться. Похитрѣе надо. А то, ты освободишься, а меня онъ убьетъ до смерти. Не впервой ему убивать народъ.

— Но надо слѣпить, каждый день дорогъ,—отъывалась Пашута.

— Нынѣ ввечеру, божусь тебѣ, надумаю я тебя освободить,—рѣшилъ Васька.

Чтобы избавиться нѣсколько отъ той тревоги, которую произвела въ немъ бесѣда съ сестрой, успокоиться и придать лицу обыкновенное выраженіе, Копчикъ вышелъ во дворъ и побѣжалъ въ сосѣднюю лавку, куда часто бѣгалъ за разной мелочью. По дорогѣ онъ нѣсколько разъ украдкой перекрестился и проговорилъ:

— Ахъ, дай-то Господи, кабы все перевернулось верхъ дномъ. Вѣдь тогда и меня отъ него возьмутъ. Поѣду въ Грузино, а тамъ житье лучше будетъ. Настасья нашего брата не трогаетъ, у ней дѣвкамъ житья нѣтъ. Дай-то Господи! Но дѣло какое! Какое дѣло! Господи, какое дѣло!

Возвращаясь назадъ, Копчикъ остановился въ воротахъ и вдругъ вымолвилъ вслухъ.

— Нѣтъ, какова Лукьяновна-то! Ахъ дура, дура! Вотъ Дурафья-то Лукьяновна, какъ онъ сказываетъ. Эдакое слово, ужъ именно страшное, да выпустить какъ птицу. Нѣ, молъ, летай, гдѣ хочешь. Вѣдь не пройдетъ недѣли, по всему Питеру слово-то ей пробѣжить. Не мы одни, холопы, ахнемъ. Весь Питеръ ахнетъ. Вѣдь, пойдѣ, пожалуй, до царя дойдетъ. Вотъ дѣло-то! Ахъ, ты, Господи!—уже улыбаясь, съ злорадствомъ шепталъ лакей.

Вернувшись въ квартиру, онъ хлопнулъ дверью слишкомъ громко и негаданно навлекъ на себя гнѣвъ барина. На стукъ двери Шумскій стремительно вышелъ изъ своего кабинета, быстрыми шагами прошелъ корридоръ и выговорилъ тревожнымъ голосомъ:

— Авдотья, ты?

— Никакъ нѣтъ-съ, она не ворочалась,—отозвался Копчикъ.

— Фу, дьяволы!—воскликнулъ Шумскій.—Кто же вошелъ?

— Это я-съ.

— Убью я тебя когда-нибудь,—закричалъ Шумскій, наступая на лакея, но тотчасъ же повернулся на каблучкахъ и ушелъ къ себѣ, ворча что-то подъ носъ.

— И чего вдругъ озлился?—прошепталъ Копчикъ.—Чортъ его знаетъ, что съ нимъ дѣлается. Мало ли разъ приходилось эдакъ стукнуть. А теперь вскочилъ!

Разумѣется, Копчикъ не могъ знать, въ какомъ нравственномъ

состояніи сидѣлъ у себя Шумскій и какъ важно было для него предполагаемое появленіе Авдотьи. Услыхавъ звукъ захлопнутой двери, онъ почему-то вообразилъ себѣ, что это явилась его мамка, и пожалуй, такъ же, какъ тогда, послѣ объясненія съ Пашутой, ошпаренная и очумѣлая.

Когда совершенно стемнѣло и Копчикъ зажегъ огонь въ нѣсколькихъ горницахъ, а затѣмъ вышелъ въ прихожую, то остановился въ удивленіи: передъ нимъ стояла хорошенькая, молоденькая дѣвушка, незнакомая ему и никогда еще не бывавшая у нихъ въ квартирѣ. Дѣвушка смущенно оглядѣла лакея, видимо конфузясь.

«Это еще что за новая затѣя»,—подумалъ Копчикъ и сурово опросилъ незнакомку.

— Вы кто такіе? Зачѣмъ?

— Бѣлье починить позвали,—отозвалась дѣвушка.

— Кто позвалъ?

— Иванъ Андреевичъ. Они къ барину вашему прошли.

— Бѣлье чинить?—усмѣхнулся Копчикъ.—У насъ драгаго ничего нѣтъ. Все затѣйничество. Смотрите, какъ бы они васъ тутъ...

— Что то-исъ?—слегка оробѣвъ вымолвила дѣвушка.

— Что? Вѣстимо что... Ну, да это ваше дѣло...

Копчикъ махнулъ рукой и вышелъ въ корридоръ.

XXVIII.

Въ эти самыя минуты Лепорелло-Шванскій докладывалъ патрону своему о важномъ дѣлѣ.

Шумскій, сбывъ съ рукъ посланца отъ графа да еще съ дерзкимъ отвѣтомъ, проводивался еще не много относительно Авдотьи. Но полная темнота, вечеръ... успокоили его. Еслибъ баронесса отказала женщинѣ, то она была бы уже дома. Шумскій вполне счастливый распѣвалъ и посвистывалъ, собираясь къ Квашнину, когда въ кабинетѣ его появился Шванскій съ своей особенной обезьяниной усмѣшкой на лицѣ.

— А?—весело воскликнулъ Шумскій.—Иванъ Андреичъ—шпиренъ ви денчъ! Откуда несетъ?

Доморощенному Лепорелло это восклицаніе доказывало, что патронъ Донъ-Жуанъ въ духѣ.. Что-нибудь новое и пріятное случилось.

— Дурафья Лукьяновна не вернулась! Понялъ ты, глиняная голова!—объяснился Шумскій.

— Ну и слава Богу и благодареніе...

— Должно быть...—разсмѣялся Шумскій, и презрительно и рѣзко.—Благодареніе и слава Господу... Дурень! Неужто же ты думаешь, что Господь помогаетъ людямъ во всѣхъ дѣлахъ, хотя бы и въ самыхъ пакостныхъ. Въ это и турки, я чай, не вѣрують.

— Такъ сказывается, Михаилъ Андреевичъ,—тоже смѣясь отозвался Шванскій.—А вѣстимо, что Господь...

— Вѣстимо... Ничего не вѣстимо людямъ. Самъ Господь-то не вѣстимъ. Слышать-то слышали, а видать никто не видалъ,—пробурчалъ Шумскій себѣ подъ носъ, но весело и хорохорясь какъ школьникъ, которому удалась шалость, и онъ ея самъ предъ собой похваляется.

— Верхомъ бы что ли покатался... Или бы выпилъ здорово съ пріятелями...— снова произнесъ Шумскій, какъ бы самъ себѣ.— Такъ бы выпилъ, что непременно бы кончилъ фокусомъ на всю столицу. Давно я не безобразничалъ, засидѣлся, все тѣло какъ-то потягиваешь. Хотѣлось бы косточки расправить.

— Чтожъ прикажите кличь кликнуть. Къ полночи вся квартира полна будетъ народу. Только доложу, Михаилъ Андреевичъ, не время. Не въ пору. Надо бы нынѣ дѣломъ заняться намъ.

— Намъ? Дѣломъ? Тебѣ и мнѣ—вмѣстѣ? Скажите пожалуйста!

— Намъ-съ. А желаете, можно и безъ меня, одни дѣйствовать.

— Что же это? Ну...

Шванскій усмѣхнулся самодовольно.

— Мареуша здѣсь. Привелъ-съ.

— Какая Мареуша?—удивился Шумскій.

— А швейка-то... Забыли. Созданіе-то.

— Созданіе?... Для пробованія питья?!—расхохотался молодой человекъ.—Ну, конечно, надо заняться дѣломъ, а не бездѣльемъ... Ты ей какъ же разъяснилъ-то... Боятся небось?

— Никакъ-съ. Нешто можно говорить эдакое,—возразилъ Шванскій важно.—Помилуйте. Она просто пришла ваше бѣлье перечинить. Вечеръ посидитъ; почуетъ; а утромъ опять за работу... А ввечеру попоздѣе мы ее чайкомъ угостимъ, со сливочками и съ нашимъ новгородскимъ соусомъ. Вотъ и увидимъ какъ оно дѣй-дѣйствуетъ.

Шумскій молчалъ и насупился.

— Жаль бѣдную... Молоденькая? Жаль. Кто его знаетъ, что попадется отъ питья. А дѣлать нечего. Надо.

— Вѣстимо надо... Да и вѣрнаго человекъ. Чтобъ не провралась.

— Ладно... Ну, давай ее сюда... Поглядимъ.

— Ужъ лучше, Михаилъ Андреевичъ, вы выйдете къ ней. Она у меня боязная, пожалуй не пойдетъ сюда, да станетъ домой проситься. А те и убѣжить сама. Дѣвицы народъ опасливый.

— А она дѣвица?

— Да-съ.

— Тебѣ ктожъ это сказалъ?—разсмѣялся Шумскій.

— Видать-съ.

Шумскій расхохотался еще громче и прибавилъ безобразную

шутку. Шваньскій съѣжился, кисло ухмыляясь, такъ какъ она касалась его личности и была хотя и очень остроумна, но до крайности груба и оскорбительна.

— Ну пустое! Разъ залучили твое созданіе, такъ не выпустимъ. Я выѣду не на долго. Приѣду, посылай ко мнѣ; а самъ не приходи. Съ глазъ на глазъ вольготнѣе все. Хотя я и не такой дальноворкій какъ ты, а все-таки сразу увижу годится ли она для пробы. А то можетъ солдата въ юбка привелъ, котораго не то что питьемъ какимъ, а дубьемъ равнѣ свалишь съ ногъ.

— Вотъ изволите увидѣть. Дѣвушка изъ себя совсѣмъ барышня нѣжная...

— Перелетнымъ вѣтеркомъ подбита!..

— Нѣтъ-съ. Зачѣмъ! Не вѣтромъ, а...

— Кости да кожа. Одѣръ. Ну вели чай подавать... Ее посади покуда за работу, а тамъ приѣду посылай сюда. Я ее угощу. Принеси мнѣ сюда сейчасъ же сливки, надо оршадъ-то этотъ загодя приготовить. Какая дура ни будь, а налей ей бурдецы въ чай изъ пувырѣка, побоятся пить... Ну шшѣль! Дѣйствуй. Шпрехенъ ан дейчъ!—весело прибавилъ Шумскій.

Спустя около полутора часа, когда Шумскій, выѣзжавшій изъ дома, вернулся обратно, въ его спальнѣ былъ накрытъ столъ и поданъ самоваръ. Вслѣдъ за нимъ появилась въ горницѣ та же дѣвушка, слегка смущаясь и робко озираясь. Увидя себя въ спальнѣ барина, а его сидящаго на диванѣ, она опустила глаза и стала близь двери. Шумскій, слегка изумленный, молча глядѣлъ на дѣвушку. Его поразило сразу... Сходство!

— Что прикажете?—едва слышно выговорила, наконецъ, дѣвушка, чтобы прервать неловкое молчанье.

— А прикажу я... моя прелесть, меня не дичиться. Успокойтсся... Быть веселой. Никакого худа я тебѣ не сдѣлаю, въ любви объясняться не стану. Ты для меня ни на какое дѣло—не пара. Я швеекъ, да кухарокъ, да поломоекъ—женщинами не почитаю. Пускай за такими, какъ ты, ухаживаютъ господа Иваны Андреичи. Стало быть, ты меня и не бойся. Ты мнѣ что кошка, что канарейка, что блоха... поняла?!

Мареуша молчала и стояла опустя глаза. Она поняла все очень хорошо, но понятное было ей совсѣмъ обидно. Такіе же господа какъ и этотъ, офицеры и чиновники, случалось не разъ говорили съ ней совершенно иначе, бывали много ласковѣе и вѣжливѣе.

— Ну, поди сюда. Садись... Я тебя угощу чайкомъ. Выпьешь чашечку, двѣ и пойдешь опять работать... Ну, иди же... Садись. Не ломайся.

— Чтожъ? Я сяду... Только... Зачѣмъ?—произнесла Мареуша наивно просто и вдругъ впервые подымая большіе глаза на Шумскаго.

И при видѣ ея лица, оживившагося отъ красиваго синяго взора, молодой человѣкъ снова смолкъ на мгновенье.

— Удивительное сходство! — произнесъ, наконецъ, Шумскій вслухъ. — Чудно! Знаешь ли ты, Мареуша. Ты вотъ дѣвочка, такъ себя. Ничего. Не уродъ. А похожа ты на первую въ столицѣ красавицу... Только вотъ... То же, да не то! Ну, садись же?

Мареуша, смущаясь немного, сѣла къ столу, гдѣ стоялъ самоваръ. Шумскій налилъ ей чаю, а затѣмъ сливокъ изъ молочника. Наливая, онъ думалъ: «Чортъ его знаетъ, что я дѣлаю... Ну вдругъ тутъ же у меня въ спальнѣ подохнетъ. Какая возня будетъ». Однако, подвинувъ чашку къ дѣвушкѣ, онъ произнесъ весело:

— Пей скорѣе. Еще налью...

Мареуша принялась за чай... Шумскій глядѣлъ на нее во всѣ глаза, ожидая, что вкусъ чая ее остановитъ. Но дѣвушка, выливъ на блюдце, пила въ прикуску съ видимымъ удовольствіемъ и пощелкивая сахаромъ.

— Сливки-то хороши ли? — вымолвилъ Шумскій совершенно серьезно.

— Ничего-съ.

— Не испортились... Мнѣ показалось, что они малость пахиваютъ... Точно будто сапогами смазными. А? Что?

— Ничего-съ.

— Хороши?!

— Хороши...

— Дайка-съ мнѣ понюхать.

Шумскій взялъ чашку дѣвушки и поднесъ ее къ носу. Чай ничѣмъ не пахнулъ... Онъ держалъ чашку и колебался.

«Хлебнуть малость, чтобы знать вкусъ или нѣтъ...» — думалось ему. «Отъ одного глотка ничего не приключится».

— Твои мысли хочу я знать! — выговорилъ онъ и тотчасъ хлебнулъ крошечный глотокъ.

Вкуса никакого не было. Онъ хлебнулъ еще глотокъ, подержалъ чай во рту и тоже проглотилъ.

«Какъ есть ничего! Будто малость воды мыльной подлили въ сливки», — подумалъ онъ и воскликнулъ вслухъ:

— Нѣтъ, каковы мерзавцы!!

— Кто-съ? — удивилась Мареуша.

— Ахъ, мерзавцы-каторжники! — качалъ Шумскій головой. — Что придумали. Каковы! Что стряпаютъ и людямъ продаютъ.

Дѣвушка съ удивленьемъ глядѣла на барина. Она поняла по своему его восклицанію.

— Онъ право же не кисляя, — возразила она.

Черезъ минуту, однако, Шумскій снова наливалъ чай въ чашку дѣвушки и опорожнилъ затѣмъ туда же весь молочникъ до капли.

— Спасибо,—вымолила Мароуша.—А себя-то вы... Везъ сли-
вокъ стало быть кушаете?

— Нѣтъ, я люблю тоже со сливками! Только не съ эдакими!—
звонко разсмѣялся Шумскій на всю горницу.

— Не съ эдакими?—повторила Мароуша.

— Нѣтъ не съ эдакими!—повторилъ и Шумскій, смѣясь снова
чуть не до слезъ.

Мароуша принялась за чай. Шумскій вдругъ замолкъ сразу,
лицо его сдѣлалось серьезно, онъ наклонилъ немного голову, и
сталъ, искоса глядя на полъ, будто прислушиваться къ чему-то.
Въ дѣйствительности онъ прислушивался не слухомъ, а внутрен-
нимъ осязаніемъ къ тому, что почувствовалъ вдругъ въ желудкѣ
и во всемъ тѣлѣ. Въ немъ разлилась легкая теплота какъ отъ
стакана хорошаго крѣпкаго коньяку или рому... Теплота эта ясно
ощущаемая, казалось, волной разливалась по тѣлу, по спинѣ и въ
особенности по рукамъ и ногамъ.

«Чудно! Вѣдь это отъ бурды!—подумалъ онъ.—Это она... Стало
быть дѣйствуетъ. Даже малость, и та дѣйствуетъ... А ну, какъ и
я съ ней виѣсть свалюсь!»

И, разсмѣявшись, Шумскій прибавилъ вслухъ:

— Мароуша, ты не чуешь, какъ отъ этого чаю тепленько дѣ-
лается во всемъ тѣлѣ?!

— Да-съ,—кратко едва слышно отозвалась дѣвушка.

— Чувствуешь?..

— Да-съ...

— Да что? Что?

— Ничего-съ...

— Тѣфу Господи!—воскликнулъ онъ.—Согрѣло тебя. По тѣлу
пошло теплымъ, жаръ эдакій, какъ отъ вина.

— Да-съ,—тихо отозвалась Мароуша.

— Сильно... захватываетъ.

— Да-съ...—какъ бы черезъ силу выговорила дѣвушка.

— Томить...

Дѣвушка доншла чай съ блюда, потянулась было за чашкой,
чтобы по обычаю поставить ее верхъ дномъ на блюдо, но рука,
не тронувъ чашки, соскользнула со стола на колѣни.

Она собралась что-то сказать, вѣроятно поблагодарить барина,
но только разинула ротъ и не произнесла ни слова...

— Ты, глупая, не понимаешь. Мой чай заморскій, удивитель-
ный, какого ты никогда не пила. Вотъ я тебя и допрашиваю...
Хорошо тебѣ отъ него? Тепло?!

— Тепло...—произнесла дѣвушка лѣниво черезъ силу и откач-
нулась на спинку кресла.—Позвольте... Я пойду...

— Обожди. Куда спѣшишь!—отозвался Шумскій еще ничего

не замѣчая, но затѣмъ онъ тотчасъ же, пристально приглядѣвшись къ дѣвушкамъ, все сообразилъ.

Голосъ ея совсѣмъ спалъ, взглядъ глазъ былъ тоже другой... мутный, потухающій...

— Иди! Ступай!—вдругъ провзнесъ онъ, нагибаясь и внимательно разглядывая ея лицо, замѣтно поблѣдѣвшее, или, вѣрнѣе, вдругъ поблѣкшее...

— Иди же... Чего сидишь. Уходи. Пора!—произнесъ Шумскій, возвышая голосъ и какъ бы приказывая.

Мареуша качнулась въ одну сторону, потомъ въ другую и шепнула тихо какъ бы себѣ самой:

— Ноги...

— Что ноги?..

Мареуша молчала, потомъ вдругъ сразу какъ-то вся осунулась, голова ея склонилась на грудь, и она, качнувшись въ бокъ, свисла чрезъ ручку кресла.

Шумскій быстро вскочилъ и, поддержавъ ее, прислонилъ плотнѣе туловище дѣвушки къ спинкѣ. Она была уже почти безъ сознанія и, пробормотавъ что-то безсвязное, начала тяжело согнѣть... Грудь вздымалась высоко, руки начало слегка подергивать. Наконецъ, дѣвушка вдругъ выпрямилась, тихо простонала или промычала протяжно и опять осунулась уже совсѣмъ безъ чувствъ какъ за-мертво.

— Дѣло-то дряннѣе!—выговорилъ Шумскій.—Стало много я ей сразу хватилъ. Эй, Шванскій! Чортъ. Иди!—крикнувъ молодой человѣкъ, слегка смущаясь.

Но въ домѣ все было тихо, шаговъ не раздавалось...

Шумскій отворилъ дверь въ корридоръ и зычно крикнувъ на всю квартиру.

— Шванскій! Гей, черти! Копчикъ!

И Лепорелло, и лакей, рысью бросились на этотъ голосъ барина. Шумскій впустилъ перваго и тотчасъ снова захлопнулъ дверь подъ носомъ Копчика.

— Готово?—произнесъ Шванскій, удивляясь.

— Такъ готово, что и ты готовься въ Сибирь идти!—угрюмо отозвался Шумскій.

Копчикъ, съ своей стороны, очутившись предъ захлопнутой дверью, тотчасъ воспользовался отсутствіемъ Шванскаго, чтобы снова успѣть переговорить черезъ дверку съ сестрой. Папуга долго не могла понять хорошо, что объяснялъ братъ, такъ какъ онъ старался говорить какъ можно тише. А между тѣмъ, обонимъ была дорога каждая минута. Шванскій могъ ежеминутно прійти изъ кабинета барина.

— Ну, да нечего тебѣ понимать,—выговорилъ наконецъ Копчикъ громче.—Сказано, что тебѣ дѣлать, остальное я самъ сдѣлаю.

Только стучись и у Ивана Андрейча всячески выпроси ножикъ для хлѣба. Дастъ онъ, все дѣло налажено, не дастъ, другое надумаемъ.

— Я не могу ножомъ эдакаго замка сломать,—отозвалась Пашута.

— Ахъ, глупая! Тебѣ говорить, все я сдѣлаю. Ты только достучись, да ножикъ выпроси, остальное не твое дѣло.

Едва Копчикъ успѣлъ произнести эти слова, какъ изъ комнаты Шумскаго вышелъ Шванскій. Лакей тотчасъ же выбѣжалъ изъ дома и сталъ на дворѣ, а Пашута начала стучать въ дверь.

— Василий!—громко произнесъ Шванскій.—Слышь, энта, твоя стучить. Сестричка-то...

Но отвѣта не было. Шванскій осмотрѣлся и увидалъ, что прихожая пуста. Пашута продолжала стучать.

— Ну, чего барабанишь, барышня, — подошелъ Шванскій къ двери чулана.

— Василий! это ты? — отозвалась Пашута, отлично узнавшая голосъ Шванскаго.

— Нѣтъ, не Василий покуда. Чего тебѣ? Чего барабанишь? Думаешь, выпустятъ, что ли?

— Иванъ Андрейчъ, будьте добры, дайте ножичекъ. Ъсть хочется, не могу.

— Это почему?

— Не могу, краюха высохла, ни пальцами, ни зубами ничего не подѣлаешь. Одолжите ножичекъ, не могу же я съ голоду умирать.

— Эге,—разсмѣялся Шванскій громко.—Какая пряткая! Дай ей ножикъ. Это, чтобы расковырять окно или дверь, да высвободиться.

— Господь съ вами! Что вы! Развѣ я могу ножикомъ эдакую дверцу съ эдакимъ замкомъ сломать? Да зачѣмъ мнѣ освобождаться? Чтобы еще хуже было. Какъ вамъ не смѣшно эдакое выдумывать. А еще умный человекъ. Тутъ ломомъ ничего не сдѣлаешь, такъ что же я могу ножикомъ сдѣлать. Мнѣ ѣсть хочется, а отрѣзать нечѣмъ, хлѣбъ одервнѣлъ совсѣмъ.

Шванскій подумалъ мгновение и дѣйствительно ему показалось крайне нелѣпо его подоврѣніе. Можетъ ли дѣвушка простымъ столовымъ ножомъ выломать большой замокъ плотной двери. Если бы она и начала свою работу, у ней не хватить силы, а если бы и достало умѣнья и силы, то вѣдь въ прихожей и гардеробной постоянно кто-нибудь да находится. Наконецъ, если бы Пашута и освободилась изъ своего чулана, то ее схватятъ въ квартирѣ или во дворѣ и опять запрутъ.

— Будьте милостивы, Иванъ Андрейчъ, — снова раздался голосъ дѣвушки.

— Какъ же я тебѣ ножикъ дамъ? сквозь стѣну?

— Подъ дверь просуньте. Тутъ рука проходить даже...

— Ладно, такъ ужъ и быть,—отозвался Шваньскій, и, доставъ изъ буфета столовый ножикъ, онъ просунулъ его между поломъ и дверью.

— Ну вотъ, спасибо вамъ. Хоть поѣсть можно теперь. А то вѣдь, что выдумали,—отозвалась Пашута, тихо смѣясь отъ невольной радости при видѣ ножа.

Но, взявъ его въ руки, Пашута снова задумалась.

«Что же, что ножикъ тутъ»,—подумала она. «Что Василій надумалъ? Я имъ сама, конечно, ничего подѣлать не могу. Будь окно больше, вырѣзала бы рамы и вылѣзла. Но въ это окошко младенецъ развѣ пролѣзетъ. А дверь и замокъ ломать эдакимъ ножомъ, тутъ на двѣ недѣли работы. Увидимъ, что надумалъ Василій. Давай Богъ! Пора бы, пора. Они, злодѣи, дѣйствуютъ».

Въ эту минуту за дверью раздался голосъ брата.

— Ну, что? Получила, аль нѣтъ?

— Ножикъ у меня,—отозвалась дѣвушка.

— Ну слава Богу. Готовься. Въ ночь и убѣжишь...

XXIX.

Около полуночи Копчикъ одинъ одиноконекъ бродилъ изъ комнаты въ комнату по полутемной квартирѣ. Огонь горѣлъ только въ спальнѣ барина и въ прихожей. Лакей двигался по всей квартирѣ, не находя себѣ мѣста, потому что волновался донельзя. Ему казалось, что онъ трусливо упускаетъ дорогое время. Баринъ выѣхалъ со двора, и Копчикъ слышалъ, какъ онъ собирался на радостяхъ кутнуть съ пріятелями, слѣдовательно, его можно было ожидать домой только на зарѣ. Шваньскій тоже куда-то исчезъ и объяснилъ, что ночью розыскивать «эдакое» мудрено и что, если онъ доищется, то, конечно, не ранѣе часовъ трехъ ночи. Другого лакея по обыкновенію не было дома, такъ какъ Шумскій услалъ его куда-то съ письмомъ. Васька былъ теперь въ квартирѣ полнымъ хозяиномъ, а Пашута сидѣла въ чуланѣ съ ножомъ, удачно выманеннымъ у Шваньскаго. Казалось, что наступала вполне удобная минута спасти сестру, а, между тѣмъ, нѣчто особенное въ квартирѣ останавливало Копчика, пугало. Привыкшій къ затѣямъ своего барина, онъ теперь все-таки не могъ понять происшедшаго въ квартирѣ.

— Что за притча,—воскликнулъ онъ.—Чортъ ихъ знаетъ? Да и самъ чортъ не пойметъ! Больно ужъ диковинно.

Дѣло въ томъ, что въ спальнѣ Шумскаго на диванѣ лежала незнакомая дѣвушка, приведенная Шваньскимъ. Васька напрасно соображалъ и ничего сообразить не могъ. Дѣвушка эта сидѣла сначала въ гардеробной, переглядывая и собираясь чинить бѣлье ба-

рина, но затѣмъ ее повалили въ спальню, чтобы угостить чаемъ. Побесѣдовавъ съ дѣвушкою довольно долго, баринъ повалъ къ себѣ Шваньскаго... Но все стихло. Голосовъ не слышно было. Когда Копчикъ, заинтересованный въ высшей степени происходящимъ, рѣшился войти въ спальню, то сталъ какъ вкопанный. Его поразила неожиданная картина. Дѣвушка лежала на диванѣ, баринъ и Шваньскій сидѣли около нея, перешептываясь.

Копчикъ струсилъ и хотѣлъ выскочить, какъ ошпаренный, ожидая окрика и, пожалуй, даже чего-нибудь худшаго отъ тяжелой руки барина. Но Шумскій, увидя лакея, весело подозвалъ его и сказалъ:

— Глянь-ка, вишь, какъ сладко почиваетъ. Что, удивительно? На-ко погляди вотъ.

Шумскій взялъ руку дѣвушки, поднялъ ее и бросилъ. Рука упала и шлепнулась, какъ у трупа.

— Подними-ка ногу,—смился приказалъ Шумскій своему Лепорелло.

Шваньскій сдѣлалъ тоже самое съ ногой дѣвушки.

— Мертвая какъ есть, — воскликнулъ Шумскій — Ну, братъ Васька, плохи наши дѣла. Обвиняютъ меня въ убійствѣ пришедшей дѣвицы. Я на себя не возьму. Скажу, ты убилъ. И пойдешь ты въ каторгу. И Иванъ Авдреевичъ покажетъ тоже подъ присягой, что озлился, молъ, Васька, хватилъ ее полѣномъ по маковкѣ, она упала, да вотъ и лежитъ.

И оба, и баринъ, и его наперстникъ, громко расхохотались.

Лакей долго стоялъ молча и глупо, выпуча глаза и на нихъ, и на лежащую дѣвушку.

Теперь ни того, ни другого не было дома. Копчикъ же точно также, входя теперь въ спальню, глядѣлъ на незнакомую дѣвушку, уже раза два нагнулся близко надъ ея лицомъ, трогалъ ее за руку и за голову. Онъ понялъ теперь, что дѣвушка была жива, но однако въ какомъ-то странномъ состояніи, ему не понятномъ.

«Стало быть, опоили чѣмъ. Пьяна, что ли. Нѣтъ, эдакихъ пьяныхъ не случалось видать,—думалось Копчику.—Но зачѣмъ оно имъ понадобилось. Вотъ диковинно. Опоили и уѣхали». Сотвори они съ ней что-либо иное, Копчикъ еще понялъ бы дьявольскую затѣю барина. Но привезти дѣвушку незнакомую, опонть, бережно уложить на диванѣ, посмѣяться и разѣхаться, казалось Копчику чѣмъ-то совершенно нелѣпымъ. Между тѣмъ, это приключеніе мѣшало ему исполнить свое предпріятіе. Будь онъ одинъ въ квартирѣ съ сестрой, онъ освободилъ бы ее тотчасъ же. Онъ могъ бы сказать, что отсутствовалъ изъ квартиры, а теперь это невозможно, такъ какъ уѣзжая, Шумскій строго приказалъ ему не отлучаться ни на минуту и ни на шагъ отъ спящей дѣвушки. А если она проснется, то не выпускать ее ни за что изъ квартиры до его возвращенія.

— Проснется!—вспомнилъ Копчикъ, тряся головой. — Гдѣ ей! Видать, что эдакъ сутки пролежить, коли совѣмъ не помретъ.

Пробродивъ еще около получаса по корридору, малый вдругъ схватилъ себя за голову и ахнулъ.

— Ахъ, ты дура, дура! Дурья ты голова! Да когда же и дѣло-то дѣлать, коли не теперь. Скажу: вы приказали не отлучаться. Она, молъ, руками двигала. Я побоялся, все и сидѣлъ. Слышалъ я шумъ, да отойти не смѣлъ.

И Копчикъ, потерявъ въ раздумьѣ и нерѣшимости около полутора часа, вдругъ съ лихорадкой во всемъ тѣлѣ, слегка пощелкивая зубами отъ боязни и трепета, принялся за дѣло. Онъ вдругъ бросился, какъ бы рванулся съ мѣста, прямо въ кабинетъ барина и взявъ ключъ отъ чулана; отперевъ дверку, онъ выпустилъ сестру. Пашута вышла, бросилась на шею брату, распѣловала его и, задыхаясь отъ волненія, не вымолвивъ ни слова, махнула только отчаянно рукой и тотчасъ же вышла во дворъ. Ни слова не успѣлъ Копчикъ ни спросить, ни сказать сестрѣ. Не до того и было... Онъ взялъ топоръ, вошелъ въ чуланъ, перемѣстивъ ключъ, заперся изнутри и съ небольшимъ усилиемъ разломалъ и оторвалъ замокъ отъ двери. Замокъ вмѣстѣ съ ключомъ упалъ на землю, а дверь отворилась.

— Ладно, тамъ разнюхивай. Ножомъ ли, топоромъ ли! Я или Пашута!—нервно, судорожно шевеля губами, проговорилъ Копчикъ.

Вынувъ ключъ изъ замка, онъ бросилъ его въ самыхъ дверяхъ, а ключъ быстро отнесъ и положилъ на то же мѣсто письменнаго стола. Затѣмъ онъ снова быстро двинулся, спѣша сдѣлать еще что-то неотложное, поскорѣе, но вдругъ опомнился и произнесъ:

— Все! Что же больше-то? Все сдѣлано? Да, все. Только что мнѣ будетъ? Убить можетъ.

И малый опустился на ближайшій стулъ, такъ какъ ноги у него подкашивались. Однако, чрезъ нѣсколько минутъ, онъ вспомнилъ про опоенную швею и перешелъ въ спальню и снова сѣлъ на стулъ близъ самого дивана, гдѣ точно такъ же, какъ мертвая, лежала незнакомая дѣвушка. Копчикъ поглядѣлъ ей въ лицо. Она была блѣдна попрежнему, но дыханіе казалось свободнѣе и ровнѣе.

— Господи! Дѣла-то какія творятся тутъ,—произнесъ Копчикъ вслухъ.—Что это за проклятый домъ. Мало я какихъ мервостей въ этомъ домѣ насмотрѣлся. Вотъ теперь сестра убѣжала и, пожалуй, черезъ часъ тутъ и смертоубійство будетъ. Я мертвый буду валяться. А эта вотъ уже лежитъ и можетъ помирать, къ утру на томъ свѣтѣ будетъ. Если Господь Богъ все это видитъ, то что же вамъ на страшномъ судѣ будетъ? Даже и не придумаешь, что съ вами быть можетъ. Черти на васъ кататься будутъ въ перегонки, какъ сказываетъ нашъ лавочникъ. Да этого мало. Жарить бы васъ вѣки вѣчныя на сковородѣ, вотъ что нужно.

Копчикъ понурился, уперъ локти въ колѣни и опустилъ на руки голову. Долго ли онъ просидѣлъ тутъ, тяжело обдумывая все случившееся и все, что грозитъ ему каждую минуту по возвращеніи барина, онъ самъ не зналъ.

— Дрыхнешь, скотина!—раздался вдругъ надъ нимъ голосъ, грозный, но визгливый.

Копчикъ очнулся и всталъ. Передъ нимъ былъ Шваньскій, а за нимъ какая-то незнакомая личность со свѣтлыми пуговицами на кафтанѣ.

— Знаешь ли ты, пропащая твоя голова, что въ домѣ приключилось,—закричалъ Шваньскій внѣ себя.—Ты тутъ дрыхалъ, а тамъ знаешь ли что?

Копчикъ молчалъ и умышленно таращилъ глаза.

— Гдѣ Пашута?—прокричалъ Шваньскій.

Копчикъ молчалъ.

— Тебѣ говорятъ, проснись, чортово рыло. Гдѣ Пашута?

— Въ чуланѣ,—отозвался Копчикъ шопотомъ.

— Въ чуланѣ? На вотъ, пойди, гляди.

И Шваньскій въ первый разъ съ тѣхъ поръ, что Копчикъ зналъ его, рѣшился на то, чего никогда не позволялъ себѣ. Онъ схватилъ Копчика за шиворотъ и, толкая передъ собой, пихнулъ въ корридоръ.

— Пошелъ, гляди.

Шваньскій нѣсколькими толчками довелъ Копчика до чулана и показавъ на дверь. Копчикъ стоялъ, не двигаясь, но тотчасъ сообразилъ, что онъ дѣйствуетъ неосторожно и глупо. Онъ всплеснулъ руками надъ головой, потомъ схватилъ себя за волосы и сталъ кричать на всю квартиру:

— Ахъ чорты! Ахъ подлая! Какъ же это? Что же это?

Но голосъ Копчика былъ настолько неестественъ, малый такъ плохо сыгралъ отчаяніе, что только одинъ Шваньскій могъ попасться на удочку. Будь здѣсь самъ баринъ, онъ по этому одному голосу лакея догадался бы, что онъ играетъ комедію.

— Искать, искать надо!—закричалъ Копчикъ и стремглавъ выскочилъ на дворъ. Здѣсь онъ остановился, вздохнулъ и невольно усмѣхнулся.

— Вышло гладко, эдакъ я и надѣяться не могъ,—шепнулъ онъ.— Вышло отлично. Первый увидалъ, самъ меня нашелъ, якобы спящимъ. Очень гладко вышло. Давай, Господи! Помогя, Господи!

И Копчикъ среди темной ночи сталъ креститься, поднимая глаза на нѣсколько мигавшихъ на облачномъ небѣ звѣздочекъ.

Между тѣмъ, Шваньскій ушелъ снова въ спальню, гдѣ остался и теперь молча сидѣлъ около лежавшей на диванѣ дѣвушки, тотъ незнакомецъ, котораго онъ привезъ. Господинъ этотъ въ сюртукѣ

съ металлическими пуговицами былъ конечно докторъ, но не для людей.

Это обстоятельство не мало забавляло Шваньскаго, когда онъ ночью розыскалъ и повезъ въ квартиру незнакомаго ему человѣка, и вдобавокъ ветеринара.

«Для эдакой-то дѣвочки, да коновать. Подумаешь, что она лошадь или корова»,—думалось Шваньскому по дорогѣ.

Ветеринаръ, уже тщательнo освидѣтельствовавшій лежавшую дѣвушку, объявилъ теперь, что положительно ничего сказать не можетъ.

— Бываютъ эдакіе припадки,—заговорилъ онъ.—Падучая, что ли. Сказываете, сидѣла, шла?

— Ну, да, да.

— И вдругъ повалилась и вотъ въ этомъ видѣ все?

— Ну, да, да,—повторялъ Шваньскій.

— А когда повалилась, било ее, ноги закручивало, пѣна изо рта шла?

— Не помню. Кажись, что нѣтъ.

Шваньскій не хотѣлъ лгать, такъ какъ это не входило въ его планъ. Онъ не хотѣлъ сбивать съ толку человѣка, котораго позовалъ для разъясненія опасности положенія и пожалуй для подачи необходимой помощи.

— Какое же ея состояніе? Спитъ она, что ли?—спросилъ онъ.

— Да чтожь, почитай, спитъ. Видите, спитъ,—отозвался ветеринаръ.—Сердце стучить, какъ слѣдуетъ, дыханіе, видите, тоже какъ слѣдуетъ. Лицомъ бѣла, да, можетъ, она всегда такая блѣдно-красная.

— Какъ же по вашему, проснется она?

— Надо думать, что проснется, а можетъ...

— Что?

— А можетъ, и не проснется...

— Да, это вѣрно,—невольнo усмѣхнулся Шваньскій,—что коли проснется, то проснется, а коли не проснется, то не проснется. Да, это очень вѣрно сказано!—прибавилъ онъ, поддѣлываясь подъ тонъ голоса и манеру Шумскаго.

— Да вѣдь позвольте, господинъ, не знаю какъ ваше имя и отчество, позвольте вамъ доложить, что и мы тоже не Духомъ Святымъ пользуемся. Наука сама по себѣ существуетъ, а мы обрабатываемъ...

— Ну да,—прибавилъ Шваньскій, тѣмъ же рѣзкимъ тономъ,—свои дѣлишки обрабатываете. Не объ наукѣ дѣло, сударь, а вы извольте мнѣ сказать прямо и толкомъ, спитъ она и проснется, или съ ней что нехорошее и она не проснется. Помретъ, что-ли. Вотъ что мнѣ важно знать.

Ветеринаръ снова нагнулся, прислушался къ біенію сердца,

пощупалъ пульсъ, потрогалъ голову, присмотрѣлся къ дыханію дѣвушки и пожалъ плечами.

— Кажись, просто спитъ. Да вы пробовали будить?—выговорилъ онъ.

— Ахъ, Создатель мой,—воскликнулъ сердито Шванскій.—Вѣдь вы мнѣ, сударь, этотъ вопросъ, пойди, разъ сто дѣлали. Ну, будите сами. Ну, что же? Будите!

Но ветеринаръ будить дѣвушку не сталъ.

— Давайте пробовать все, что можно...—сказалъ онъ.

XXX.

И тотчасъ же «вѣрный врачъ» — какъ мысленно окрестилъ коновала Шванскій — потребовалъ себѣ горчицы, уксусу, кисейки, холодной и горячей воды, муки и перцу, льду и спирту, тряпокъ, миску, сито, ножъ, ложку и т. д., безчисленное множество всякой всячины. Спальня чуть не обратилась въ кухню. Началась возня и стряпня, дымъ коромысломъ. Разумѣется, пришедшій Копчикъ помогъ тоже чѣмъ и какъ только могъ.

Много всякихъ фокусовъ продѣлалъ коновалъ надъ дѣвушкой, но толку оказалось мало. Прошло около часа возни съ ней, а Мар-оуша попрежнему лежала на спинѣ безъ движенія и безъ сознанія какъ безживнѣнный трупъ.

Однако, Копчикъ первый замѣтилъ одно новое явленіе и передалъ свое наблюденіе господамъ. Ему показалось, что дѣвушка дышетъ легче, ровнѣе. Коновалъ и Шванскій присмотрѣлись внимательнѣе и согласились съ замѣчаніемъ лакея. Дѣвушка дышала видимо лучше, грудь поднималась ровнѣе и выше, дыханіе стало спокойнѣе и свободнѣе.

— Вѣрно! Видать, что лучше!—воскликнулъ радостно Шванскій.—Молодецъ Василій! Тебя за это замѣчаніе наградить слѣдъ. А то я было совсѣмъ и руки опустилъ. Доложу Михаилу Андреевичу, что ты первый меня успокоилъ. Онъ тебя за это... Эхъ, я и забылъ про Пашуту. Тебя вѣдь другая награда ждетъ... Да-а!—протянулъ Шванскій. На-а-гра-а-дить онъ тебя за Пашуту. Будешь ли ты еще къ завтраму живъ-человѣкъ и на этомъ свѣтѣ.

И отъ этихъ словъ, сказанныхъ полупуштя и равнодушно, у Копчика дрогнуло сердце. Онъ самъ тоже каждую минуту ожидалъ съ прибытіемъ барина такой расправы, отъ которой можно было внезапно очутиться мертвымъ. Копчикъ задумчиво вышелъ изъ спальни и ушелъ въ прихожей, стараясь надумать что-нибудь.

Шумскій въ пылу гнѣва, который вдругъ вспыхивалъ въ немъ и необузданно проявлялся въ первое же мгновенье — всегда схватывалъ и вооружался тѣмъ, что оказывалось на подачу руки... Если же не было ничего, онъ кидался на человѣка и, схвативъ за

волосы, встряхивалъ и тотчасъ же съ силой отбрасывалъ отъ себя. На этомъ все и прекращалось, гнѣвъ остывалъ такъ же быстро, какъ вскипалъ. Копчикъ зналъ все это по разговорамъ и отчасти по опыту. Рѣдко Шумскій билъ человѣка кулакомъ въ лицо, хотя именно это и производилось постоянно всѣми господами безъ исключенія.

Вся суть была теперь для лакея въ томъ, чтобы въ минуту гнѣва барина не нашлось бы ничего подъ рукой его. Въ противномъ случаѣ, конечно, онъ могъ легко и убить.

Копчикъ рѣшилъ поэтому объявить о побѣгѣ сестры тотчасъ же, какъ только Шумскій войдетъ въ прихожую. вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ нашелъ трость барина и положилъ ее на столѣ, въ прихожей, на виду.

— Непремѣнно за нее схватится...—рѣшилъ Копчикъ.—А ничего не окажется, пожалуй, бросится въ гостиную да схватится за шандаль о семи рожкахъ. А въ немъ полпуда. Ну и убьетъ!

Шандалъ о семи рожкахъ, по названію лакея, былъ собственно большой бронзовый канделябръ, который, разсказалъ Копчику кучеръ, былъ уже разъ «въ дѣлѣ» и былъ въ починкѣ. А лакей, испробовавшій его на своей головѣ, былъ свезенъ въ больницу.

Тревожно и лихорадочно обдумывая все это, по мѣрѣ приближенія минуты возврата барина домой, Копчикъ охалъ и вздыхалъ, прибавляя вслухъ:

— Вотъ жисть-то пѣся. Почему есть на свѣтѣ мы — холопы крѣпостные. И лучше бы намъ совсѣмъ не родиться на свѣтѣ, или бы родиться звѣрями, лошадьми да коровами.

Наконецъ, у подъѣзда раздался стукъ дрожекъ, баринъ подъѣхалъ... Лакей бросился отворять двери...

— Что дѣвчонка? Жива?—спросилъ Шумскій, войдя въ прихожую и сбрасывая шинель на руки лакея.

— Жива. Ей лучше.

— Спитъ все-таки?

— Спитъ, но вздыхаетъ хорошо... А у насъ Михаилъ Андренчъ бѣда стряслась. Я не виноватъ. И не знаю какъ. Сидѣлъ по вашему приказанію около швеи, не отлучаясь... А куда вся бѣда и приключилась...

— Обокралъ?

— Охъ, много хуже... Бѣда страшнѣющая...

— Говори что, дьяволъ!—разсердился Шумскій.

— Пашута убѣжала,—дрогнувшимъ голосомъ выговорилъ Копчикъ.

— Пашута!—вскрикнулъ Шумскій и, схвативъ себя за голову рукой, замеръ на мѣстѣ.

— И не знаю-съ... Не понятно... Ножикъ добыла...

— Пашута!—повторилъ Шумскій тихо, не слушая лакея.—Все пропало! Все...

Копчикъ бормоталъ что-то уже совсѣмъ безсвязное и дрожалъ всѣми членами, ожидая сейчасъ взрыва гнѣва и расправы...

— Когда? Какъ?—выговорилъ Шумскій такимъ упавшимъ голосомъ, который поразилъ Копчика, не смотря на его собственное смущеніе.

— Въ ночь... Иванъ Андреевичъ... дали ей ножикъ. Я не давалъ. А больше некому... Извольте спросить Ивана Андреевича. Я не знаю-съ.

— Убѣжала!—выговорилъ Шумскій растерянно и какъ бы самъ себя.—Все прахомъ... Все расскажетъ... Все пропало. Все му конецъ! Что же это?

И не тронувъ лакея пальцемъ, Шумскій двинулся въ гостиную... Затѣмъ онъ остановился среди горницы и обернулся снова къ лакею...

— Если ты это... Если твоя работа, я тебя застрѣлю...—глухо выговорилъ онъ.—Вить не буду. Мало! Застрѣлю! Завтра же... Или сейчасъ. Зови Шваньскаго,—прибавилъ Шумскій, но тотчасъ же самъ крикнулъ на всю квартиру.

— Шваньскій!

Но его наперстникъ уже давно стоялъ въ дверяхъ и слышалъ весь разговоръ барина съ лакеемъ.

— Дѣйствительно, Михаилъ Андреевичъ, я виноватъ, далъ ей ножикъ ввечеру,—заговорилъ Шваньскій робко выступя... Но я такъ полагаю...

— Ты ножъ далъ? Зачѣмъ? А?

— Я-съ. Она просила, чтобы хлѣбъ рѣзать... Но я...

— А ты гдѣ былъ... Ты не слыжалъ, какъ она дверь ломала,—обернулся Шумскій къ лакею.

— Я сидѣлъ около швеи. Вы приказали ни на шагъ...

— Ахъ, вы мерзавцы! Губители вы!—воскликнулъ Шумскій.—Вѣдь вы меня зарѣзали.

И молодой человѣкъ вдругъ опустился на первый попавшійся стулъ.

— Что же это?—тихо заговорилъ онъ снова какъ бы самъ съ собой.—За что же это судьба меня... Фу! Дай воды.

Копчикъ бросился въ буфетъ за водой. Шваньскій подступилъ ближе.

— Чего же это вы такъ разстраиваете себя. Плевать намъ на Пашутку. Пускай бѣгаетъ. Что же намъ.

— Дуракъ. Вѣдь она прямо къ барону побѣжала и все, все расскажетъ... Все...

— Ничего не расскажетъ! Было ей времени много для разсказовъ, а молчала же... Возлась. Ну, и теперь не посмѣетъ пикнуть...

Она и не туда убѣжала, не къ баронессѣ.. Вы себя зря разстроиваете!..

И Шванскій началъ краснорѣчиво, толково и дѣльно доказывать, что Пашута не могла, по его мнѣнью, бѣжать среди ночи въ домъ барона, для того чтобы завтра быть взятой ими вновь чрезъ полицію. Если она бѣжала, то ради боязни отправки въ Грузино. И будетъ она скрываться въ Петербургѣ, сколько возможно долѣе, если не скроется тотчасъ совсѣмъ, уйдя на край свѣта... въ Новороссію... на Волгу... въ Брянскіе или Муромскіе лѣса... къ раскольникамъ въ скиты...

— А что не къ баронессѣ она убѣжала, — прибавилъ Шванскій, — за это я голову вамъ свою прозакладываю...

— Выискалъ сокровище въ закладѣ! — спокойнѣе и уже полупутя произнесъ Шумскій, такъ какъ увѣренія Шванскаго убѣдили его въ неосновательности опасеній.

— Ну... А ты гусь, — вымолвилъ Шумскій при видѣ вернушагося со стаканомъ воды Копчика... — Маршъ въ сарай, въ конюшню что ль, въ подвалъ... Запри его, Иванъ Андрянчъ, гдѣ-нибудь. Съ нимъ расправа впереди, если онъ сестру выпустилъ по уговору, я его застрѣлю какъ собаку. Запри его, покуда дѣло не разъяснилось совсѣмъ. Спать пора!..

Шумскій поднялся и двинулся, но Шванскій однимъ словомъ остановилъ его снова, напомнивъ про швею, лежавшую въ спальнѣ на диванѣ.

— Такъ чтожъ мнѣ, дежурить около нея что ли, какъ больничному лѣварю. Гдѣ коноваль твой?

— Все еще съ ней-съ... тамъ... у васъ.

— Такъ тащите ее сейчасъ вмѣстѣ въ гардеробную. Я усталъ какъ собака гончая... Спать хочу. А на утро, смотри, какъ только она проснется, такъ и меня разбуди. Проморгаешь, я тебя... ей-Богу, изувѣчу... Вы мои мучители! Вы меня до смертоубійства доведете!

Графъ Е. Салиасъ.

Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ ¹⁾.

XXIII.

• Бывало, бывало,
• Какъ сердце мечтало,
• Какъ сердце страдало,
• И какъ замирало,
• И какъ оживало...

• Но сколько не стало
• Того, что бывало!..
• Такъ сердце плѣняло,
• Такъ мѣръ оживляло,
• Такъ свѣтло сіяло,
• Бывало, бывало...

Митлевъ.

МОЯ МАТЬ, какъ я уже говорилъ, предчувствовала кончину Василя Львовича, а потому не особенно удивилась роковому извѣстію, сообщенному ей Прасковьей Александровной Осиповой, которой и отвѣчала, что она таинственнымъ образомъ была уже подготовлена къ постигшему ее тяжкому удару.

Объ усопшемъ мать говорила мнѣ слѣдующее:

«Дядя мой, Василій, былъ, могу сказать, ангеломъ-миротворцемъ между моими родителями, искреннимъ другомъ моимъ и моихъ братьевъ, готовымъ для насъ всѣмъ пожертвовать, и если бы онъ, силою судьбы, не былъ разлученъ съ нами въ тѣ именно минуты, когда его благодѣтельное слово могло послужить намъ спаситель-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXII, стр. 565.

нимъ предостереженіемъ, то многое было бы этимъ самымъ словомъ предупреждено и устранено, а главное, онъ сѣумѣлъ бы доказать Надеждѣ Осиповнѣ всю несправедливость ея поступковъ съ Николаемъ Ивановичемъ, и тѣмъ самымъ избавить меня отъ нравственныхъ страданій, которыя я такъ долго и такъ безвинно переносила».

До начала октября мать оставалась въ Михайловскомъ. Отецъ мой не выѣзжалъ изъ Петербурга. Будучи назначенъ начальникомъ библиотеки Авіатскаго департамента, онъ имѣлъ тогда полную возможность изучать греческій и восточные языки, все еще въ надеждѣ получить консульское мѣсто въ Аѳинахъ, или Константинополѣ, или же, по крайней мѣрѣ, въ Тегеранѣ; дальнѣйшее пребываніе его въ Петербургѣ становилось невозможнымъ, при ограниченномъ жалованьи и отсутствіи всякой матеріальной поддержки со стороны Сергѣя Львовича, а сотрудничество въ «Литературной газетѣ» барона Дельвига и переводы иностранныхъ романовъ если и устраняли до нѣкоторой степени его денежные затрудненія, но не представляли собою ничего прочнаго.

Въ концѣ концовъ, физическая натура отца, хотя и довольно крѣпкая, не выдержала: работая безъ устали по ночамъ, онъ въ половинѣ сентября заболѣлъ серьезно. Тутъ-то явились къ нему на выручку баронъ Дельвигъ и Петръ Александровичъ Плетневъ, неоднократно доказывавшіе ему на дѣлѣ свое особенное расположеніе. Дельвигъ привелъ къ нему доктора-спеціалиста, и снабдилъ отца одновременно значительнымъ гонораромъ за подготовленныя и предположенныя журнальныя статьи, а Петръ Александровичъ, принявъ также къ сердцу физическія страданія отца,—который, не желая тревожить жену, не писалъ ей о своей болѣзни ни полслова—счелъ необходимымъ, тайно отъ больного, увѣдомить по почтѣ отъ себя Ольгу Сергѣевну обо всемъ подробно, вслѣдствіе чего она выѣхала изъ Михайловскаго немедленно, и возвратясь къ мужу, окружила больного самыми нѣжными заботами.

Мѣсяца черезъ два отецъ поправился на столько, что могъ приняться за труды съ прежней энергіей.

Плетневъ, будучи семью годами старше дяди Александра—онъ родился 10 августа 1792 года—любилъ Пушкина всею силою своей возвышенной души.

«Такіе друзья»,—говаривала мнѣ моя мать,—«рождаются вѣками. Едва ли кто любилъ моего брата въ такой степени какъ Плетневъ, что и доказывалъ, можно сказать, безпрестанно; за то и братъ платилъ Петру Александровичу такими же теплыми чувствами, дѣлясь съ нимъ задушевными тайнами, наравнѣ со мною, даже больше. Любя Александра, Плетневъ былъ также искренно расположенъ къ брату моему Льву, и ко мнѣ, показывалъ теплое свое сочувствіе Николаю Ивановичу, а Дельвигъ, въ особенности

Баратынскій, Жуковскій, князь Вяземскій и Карамзинъ, видѣли въ Плетневѣ образецъ всего высокаго».

По словамъ матери, Плетневъ былъ богатъ друзьями (*il était riche en amis*); благочестивый христіанинъ, примѣрный мужъ, отецъ, уважаемый всѣми воспитатель и наставникъ юношества, онъ не зналъ, въ теченіе всей своей жизни, не только ни одного врага, но и ни одного недоброжелателя. Петръ Александровичъ безусловно нѣ о комъ не отзывался рѣзко, и будучи снисходительнымъ къ человѣческимъ слабостямъ, всегда умѣлъ открывать въ каждомъ хорошія стороны.

Однажды, моя мать замѣтила Плетневу, что онъ, по всей вѣроятности, ради шутки изобразилъ себя въ одномъ изъ своихъ стихотвореній мрачнымъ мизантропомъ, такъ какъ никогда общества не избѣгалъ, а будучи пріятнымъ собесѣдникомъ, слишкомъ даже любилъ человѣчество. Эти стихи мать знала наизусть, никогда не могла вспоминать о нихъ безъ веселой улыбки, и выразила автору, что мысли имъ изложенныя вовсе не «Плетневскія», а скорѣе «Кюхельбекерскія». Плетневъ на замѣчаніе Ольги Сергѣевны самъ разсмѣялся.

Привожу кстатѣ упомянутые стихи, напечатанныя въ подаренномъ Ольгѣ Сергѣевнѣ Дельвигомъ Альманахѣ его «Сѣверные Цвѣты» за 1826 годъ:

•Я мраченъ, дикъ, людей бѣгу,
•Хотѣлъ бы иногда ихъ видѣть;
•Но я не долженъ, не могу:
•Боюсь друзей возненавидѣть.

•Не смѣю никого обнять,
•На чьей-нибудь забытья груди;
•Мнѣ тяжело вспоминать,
•Мнѣ страшно думать: это люди...

.....

Говоря о Петрѣ Александровичѣ Плетневѣ, не могу не сказать о немъ нѣсколько словъ изъ моихъ личныхъ воспоминаній.

Петра Александровича я имѣлъ счастье встрѣтить въ первый разъ въ 1849 году у моей тетки, вдовы поэта Натальи Николаевны,—тогда уже Ланской,—на дачѣ Строгонова, близъ Черной рѣчки; будучи отвезенъ въ Петербургъ отцомъ, который меня опредѣлилъ въ закрытое учебное заведеніе, я провель въ домѣ тетки все лѣто. Въ то время, какъ извѣстно, происходила венгерская кампанія, почему второй мужъ Натальи Николаевны, генераль-адъютантъ Петръ Петровичъ Ланской, выступилъ въ походъ изъ Петербурга въ западныя губерніи съ ввѣреннымъ его командованію лейбъ-гвардіи Коннымъ полкомъ, а тетка, оказавшая мнѣ пріютъ, поселилась на Строгоновой дачѣ съ дѣтьми отъ перваго и втораго брака и съ не-

замужней своей сестрой Александрой Николаевной Гончаровой¹⁾.

Хотя я былъ весьма обласканъ Натальей Николаевной, но отсутствіе родителей, тоска о мѣстѣ рожденія, гдѣ я провелъ все дѣтство, подѣйствовали на мой характеръ: я подвергся ностальгii— въ полномъ смыслѣ слова ностальгii,—которая промучила меня затѣмъ не одинъ годъ.

При всякомъ удобномъ случаѣ я удалялся въ окружающій дачу небольшой садикъ мечтать о покинутомъ мною мѣстѣ родины, вообразать себѣ знакомые мнѣ иные сады, иные дачи, дома, улицы, иную рѣку, при чемъ нерѣдко давалъ волю самымъ горькимъ слезамъ.

Въ одну изъ такихъ тяжелыхъ минутъ, когда я сидѣлъ на скамейкѣ подъ деревомъ, и мучительно рыдалъ, закрывъ лицо руками, меня потрепали по плечу, и спросили доходившимъ до души симпатичнымъ, тихимъ голосомъ:

— О чемъ плачешь, бѣдное дѣто?

Таковы были первыя услышанныя мною слова отъ пріѣхавшаго посѣтить тетку Петра Александровича Плетнева, въ то время ректора Петербургскаго университета.

Я взглянулъ на его добрѣйшее лицо, бросился въ объятія незнакомцу, и... пуще разревѣлся.

Петръ Александровичъ сѣлъ рядомъ со мной на скамейку, выспыталъ отъ меня всю мою краткую біографію, и узнавъ, что я сынъ Ольги Сергѣевны, удвоилъ утѣшенія и отрадныя мнѣ ласки.

Плетневъ остался у тетки обѣдать, а потомъ попросилъ у нея разрѣшеніе похитить на нѣсколько часовъ четырнадцатилѣтняго меланхолика, чтобы разогнать его тоску на своей дачѣ, и возвратить мою личность назадъ подъ надежнымъ, какъ онъ выразился, конвоемъ.

Плетневъ нанималъ тогда лѣтомъ болѣе уже двадцати лѣтъ одну и ту же дачу Кушелева за Лѣснымъ институтомъ, у такъ называемой Беклеповки, въ деревянномъ, довольно невзрачномъ по наружности, домѣ; этой дачѣ онъ оставался вѣрнѣе, какъ помню, до 1855 года включительно.

Навсегда останется у меня въ памяти проведенный у Петра Александровича вечеръ, и оказанный мнѣ радушный пріемъ его второй супругой, Александрой Васильевной.

Съ Плетневымъ, его супругою и дочерью отъ перваго брака, вышедшею замужъ за г. Лакіера, встрѣчался я затѣмъ нерѣдко въ 1850 и 1851 годахъ въ домѣ Настасьи Львовны Баратынской, а послѣ переезда моей матери на жительство въ Петербургъ, поступилъ, въ 1852 году, въ число студентовъ здѣшняго университета, подъ начало незабвеннаго мнѣ человѣка.

¹⁾ А. Н. вышла впоследствии замужъ за барона Фризенгофа.

Съ 1852 года до самаго своего отъѣзда за границу, Плетневъ видѣлся очень часто съ моею матерью, въ особенности же въ теченіи лѣтнаго времени съ 1853 по 1855 годъ, когда Ольга Сергѣевна проживала тоже на дачахъ Лѣснаго института.

Плетневъ былъ, по отношенію къ моему дядѣ,—съ 1822 года до конца жизни поэта,—самымъ близкимъ лицомъ, и повторяю, самымъ искреннимъ другомъ. Принимая дѣятельное участіе въ изданіи безсмертныхъ твореній Пушкина, Плетневъ подвергся, вслѣдствіе этого, тайному надзору (что видно, между прочимъ, изъ напечатаннаго въ книгѣ Я. К. Грота письма Дибича къ петербургскому генералъ-губернатору П. В. Голенищеву-Кутузову отъ 23 апрѣля 1826 года), взявъ на себя посредничество въ дѣлѣ снятія съ нашего поэта опалы, издалъ въ 1826 году мелкія стихотворенія Пушкина, въ 1827 году—Евгенія Онѣгина, въ 1829 году не мало содѣйствовалъ разрѣшенію появленія въ свѣтъ «Вориса Годунова», и всегда неусыпно заботился объ улучшеніи матеріальныхъ средствъ нашего поэта. Дядя же сообщалъ Плетневу свои планы, и въ задушевныхъ съ нимъ разговорахъ, и въ чистосердечныхъ письмахъ, извѣщалъ его о ходѣ своихъ поэтическихъ занятій, не утаивая отъ этого преданнаго друга постигавшія поэта неприятности, а на сколько цѣнили дружбу и высокую личность Плетнева, можно какъ нельзя лучше убѣдиться изъ слѣдующихъ краснорѣчивыхъ строкъ посвященія дяди Петру Александровичу въ 1828 году 4-й и 5-й главы Евгенія Онѣгина:

- Не мысля гордый свѣтъ забавить,
- Вниманье дружбы возлюбя,
- Хотѣлъ бы я тебѣ представить
- Закогъ достойнѣе тебя,
- Достойнѣе души прекрасной,
- Святой исполненной мечты,
- Поэзіи живой и ясной,
- Высокихъ думъ и простоты...

Послѣ чрезвычайно жаркаго лѣта 1830 года, появилась страшная гостья—холера, которая шла съ береговъ Каспія въ двухъ направленіяхъ, а именно: съ одной стороны чрезъ приволжскія губерніи на Москву, а съ другой—по Тереку и Кубани—въ землю донскихъ казаковъ, Новороссійскій край, Подольскую губернію и Бессарабскую область. Появилась, наконецъ, она въ Москвѣ, и всякій, кто располагалъ какими-либо средствами, бѣжалъ оттуда. Въ числѣ спасавшихся въ деревню оказались и сестра дѣда Сергѣя Львовича, Елизавета Львовна Сонцева, съ мужемъ и обѣими дочерьми, пріѣзжавшіе въ Москву по случаю предсмертной болѣзни Василія Львовича. Незадолго до вторичнаго отъѣзда ихъ въ свою отчину—село Коровино (Зарайскаго уѣзда Рязанской губерніи),

Елизавета Львовна писала племянницѣ, Ольгѣ Сергѣевнѣ, объ угрожающемъ Москвѣ бѣдствіи слѣдующее¹⁾:

«Въ Москвѣ, на прошлой и на этой недѣлѣ, было очень много внезапныхъ заболѣваній холерой: умираютъ скоростижно въ ужасныхъ судорогахъ. Изъ Москвы кто можетъ—бѣжитъ. Нашъ добрыйшій (poire excellent) Голицынъ²⁾, который поручилъ мнѣ очень тебѣ кланяться, я его видѣла въ прошлый понедѣльникъ, употребляетъ всѣ мѣры (il se met en quatre). Заводятся больницы, будутъ устроены заставы. Прѣвѣжающіе подвергнутся двухнедѣльному карантину; сообщаться, какъ отъ многихъ слышала, съ подмосковными губерніями можно будетъ только чрезъ Коломну, Богородскъ и еще черезъ два или три мѣста—какія—не спросила. Скажу лучше: письма будутъ прокалывать и окуривать, а мосты скоро совсѣмъ снимутъ. Вообрази, что надняхъ пьяные мужики приколотили чуть не до смерти двухъ (другіе говорятъ пять) докторовъ. Слышала еще, что на прошлой недѣлѣ полупьяный дьячекъ собралъ, будто бы, на улицѣ какихъ-то фабричныхъ, и кричалъ: «не лѣчитесь у нѣмцевъ лѣкарей. Они-то самая болѣзнь и есть»³⁾. Дьячка арестовали, но нашлись и другіе подобные ему люди: народъ застрачиваютъ вторымъ пришествіемъ, а за эти рассказы съ дурачковъ еще деньги берутъ. Дай Богъ завтра же намъ выбраться, не то не выпустятъ».

Письмо это Ольга Сергѣевна сообщила дѣду и бабулѣ, которые стали сильно беспокоиться объ Александрѣ Сергѣевичѣ, такъ какъ изъ письма Елизаветы Львовны не знали, видѣлась ли она съ нимъ, и здоровъ ли онъ. Дядя же на ихъ письма и въ Москву и въ Болдино, не отвѣчалъ ни строчки. Конецъ тревогъ положилъ Петръ Александровичъ Плетневъ: онъ написалъ Ольгѣ Сергѣевнѣ, извѣстивъ ее, что получилъ отъ Пушкина письмо изъ Болдина, куда Александръ Сергѣевичъ прѣкалъ изъ Москвы здравымъ и невредимымъ. Въ письмѣ къ Плетневу Пушкинъ подсмѣивается надъ холерой слѣдующимъ образомъ: «Около меня «колера морбустъ». Знаешь ли, что это за звѣрь? Того и гляди, что забѣжитъ онъ въ Болдино да всѣхъ насъ перекусаеть, того и гляди, что къ дядѣ Василію отправлюсь, а ты и пиши мою біографію».

Въ подобномъ же шуточномъ тонѣ Александръ Сергѣевичъ писалъ впоследствии изъ Болдина барону Дельвигу, посылая ему стихи для «Сѣверныхъ Цвѣтовъ». ...«Посылаю тебѣ, баронъ, — пишеть дядя, — вассальскую мою подать, именуемую «цвѣточною» по той причинѣ, что платится она въ ноябрѣ, въ самую пору цвѣтовъ. Доношу тебѣ, моему владѣльцу, что нынѣшняя осень была дѣто-

¹⁾ Письмо это, написанное по французски, хранится у меня.

²⁾ Вышій въ то время московскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ.

³⁾ Фраза написана порусски.

родна, и что коли твой смиренный вассаль не околѣветъ отъ сарацинскаго падежа, холерой именуемаго, и занесеннаго къ намъ крестовыми войнами, т. е. бурлаками, то въ замкѣ твоёмъ—«Литературной газетѣ»,—пѣсни трубадуровъ не умолкнутъ круглый годъ»¹⁾).

Письмо это Дельвигу изъ Болдина отъ 4-го ноября 1830 года оказалось послѣднимъ: черезъ два мѣсяца и десять дней Антона Антоновича не стало.

Неудовольствіе же свое по случаю холеры, разстроившей его планы свиданія съ невѣстой, дядя высказываетъ въ письмахъ къ ней²⁾:

«... Въ окрестностяхъ у насъ cholera morbus (очень миленькая персона), и она можетъ удержать меня дней двадцать лишнихъ...

«... Будь проклять тотъ часъ, когда я рѣшился оставить васъ и пуститься въ эту прелестную страну грязи, чумы и пожаровъ—мы только и видимъ это...

«... Наша свадьба, повидимому, все убѣгаетъ отъ меня, и эта чума, съ ея карантинными, развѣ это не самая дрянная шутка, какую судьба могла придумать? Мой ангелъ, только одна ваша любовь препятствуетъ мнѣ повѣситься на воротахъ моего печальнаго замка (на этихъ воротахъ, скажу въ скобкахъ, мой дѣдъ³⁾ нѣкогда повѣсилъ француза, un outchitel, аббата Николь, которымъ онъ былъ не доволенъ)...

«... Мы окружены карантинными, но эпидемія еще не проникла сюда. Болдино имѣетъ видъ острова, окруженнаго скалами. Ни сѣда, ни книги. Погода ужасная. Я провожу мое время въ томъ, что мараю бумагу и злюсь...

«... Передо мной теперь географическая карта; я смотрю, какъ бы дать крюку, и пріѣхать къ вамъ черезъ Кяхту или черезъ Архангельскъ. Дѣло въ томъ, что для друга семь верстъ—не крюкъ; а ѣхать прямо на Москву, значить, семь верстъ киселя ѣсть (да еще какого? московскаго!) Вотъ, по истинѣ плохія шутки. Je ris jaune⁴⁾, какъ говорятъ пуасарди»...

Желая выѣхать изъ Болдина, дядя за два дня до предполагаемой, но несостоявшейся, поѣздки жаловался и Прасковѣ Александровнѣ Осиповой, говоря, что «по случаю проклятой холеры онъ не можетъ добраться до Москвы, какъ желаетъ, такъ какъ его опѣпляють со всѣхъ сторонъ карантинны, и Богъ знаетъ сколько мѣсяцевъ употребить на проѣздъ 500 верстъ, которыя, въ обыкновенное время, проѣзжалъ въ сорокъ восемь часовъ».

Нашествіе холеры, разстроившее поѣздки Пушкина и прико-

¹⁾ См. т. VIII Сув. изд., стр. 167.

²⁾ Тамъ же, стр. 879 и слѣдующія.

³⁾ Левъ Александровичъ Пушкинъ (см. VI часть настоящей хроники).

⁴⁾ Сидюсю желто.

вавшее его къ Болдину до декабря, дало ему возможность проявить въ полномъ блескѣ свой гений, и подарить русскую литературу и общество многими замѣчательными произведеніями.

— «Братъ Александръ,—замѣтила мнѣ однажды мать,—будучи суевѣрнымъ, не лишенъ былъ и мнительности, а потому, въ сущности, совсѣмъ не легко относился къ эпидеміи, вызвавшей самыя строгія правительственныя мѣры. Напротивъ того, онъ обращалъ на нее серьезное вниманіе, стараясь избѣгать излишествъ въ пищѣ, о чемъ и говорилъ мнѣ при свиданіи въ слѣдующемъ году».

Здѣсь будетъ кстати сдѣлать, со словъ моей матери, небольшой комментарий къ «Лѣтописи села Горохнна», написанной Пушкинымъ также во время его невольнаго заключенія въ Болдинѣ.

При свиданіи съ сестрою, по возвращеніи своемъ въ Петербургъ, Александръ Сергѣевичъ сказалъ ей, что помѣщенное въ «Лѣтописи села Горохина» стихотвореніе мнѣическаго лица Архипа Лысаго, идетъ какъ нельзя лучше къ безпечности и непрактичности въ сельскомъ хозяйствѣ Сергѣя Львовича.

Вотъ эти стихи:

«Ко боярскому двору
 «Акимъ староста идетъ,
 «Вирки въ пазухѣ несетъ,
 «Воярину подаетъ.
 «А бояринъ смотритъ,
 «Ничего не смысляетъ.
 «Ахъ ты, староста Акимъ!
 «Обокралъ бояръ кругомъ,
 «Село по міру пустилъ,
 «Старостиху подарилъ»...

На вопросъ матери, почему дядя не хотѣлъ подписать своего настоящаго имени подъ прелестными повѣстями «Станціонный смотритель», «Метель» и «Гробовщикъ», а приписалъ ихъ небывалому «Вѣлкину», Пушкинъ отвѣчалъ, что онъ такъ поступилъ, не желая подвергаться лаянью газетныхъ шавокъ, что подтверждается и въ одномъ изъ писемъ его къ Плетневу.

Наконецъ, относительно сочиненной Пушкинымъ въ Болдинѣ же «Родословной», Ольга Сергѣевна замѣтила брату, что онъ напрасно потратилъ столько поэзіи, такъ какъ вызвавшая ее ничтожная статья редактора «Сѣверной Пчелы», напечатанная въ угоду личному недоброжелателю Пушкина (графу Уварову), не стоитъ торжественной выставки галлерей предковъ, а «Родословная» вооружить только противъ дяди семейства М—хъ, Р—хъ, С—хъ, К—хъ, и другихъ лицъ, родичей которыхъ Александръ Сергѣевичъ затронуть.

Предсказаніе Ольги Сергѣевны сбылось, и какъ впоследствии выразился князь Петръ Андреевичъ Вяземскій, «распространеніе

этихъ стиховъ («Родословной») вооружило противъ Пушкина многихъ озлобленныхъ враговъ, и болѣе всего вооружило противъ поэта, незадолго до его кончины, цѣлую массу вліятельныхъ семействъ въ Петербургѣ.

Задерживаемый обстоятельствами въ деревнѣ, Пушкинъ два раза пытался выѣхать оттуда, но принужденъ былъ, вслѣдствіе принятыхъ противъ распространенія эпидеміи мѣръ, всякій разъ возвращаться назадъ; въ ноябрѣ же былъ задержанъ въ Платовскомъ карантинѣ, почему пріѣхалъ въ Москву не раньше первыхъ чиселъ декабря.

XXIV.

Осенью того же 1830 года, отецъ мой, по выздоровленіи, вновь принялся за служебныя занятія и литературныя труды, стараясь выйти, во что бы ни стало, изъ стѣснительнаго матеріальнаго положенія. Надежды его на скорое полученіе консульскаго мѣста въ Греціи не осуществились, вслѣдствіе неблаговоленія начальника Азіатскаго департамента Родофинкина, о чемъ я уже говорилъ въ первыхъ главахъ моей хроники. Не осуществилось и намѣреніе отца получить подобное же мѣсто въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, и онъ продолжалъ биться какъ рыба объ ледъ.

17 (29) ноября 1830 года вспыхнуло польское возстаніе, начавшееся, какъ извѣстно, избиеніемъ многихъ русскихъ въ Варшавѣ. Подробныя свѣдѣнія о кровавыхъ событіяхъ этого дня дошли до Петербурга не скоро, за недостаткомъ удобныхъ средствъ сообщенія. Мои родители ничего еще не знали, когда ихъ неожиданно, поздно вечеромъ, посѣтилъ большой пріятель отца, Марковъ, товарищъ по службѣ и музыкальному искусству — гитаристъ. Явился Марковъ очень встревоженный, и показалъ полученное отъ знакомаго письмо, извѣщавшее о насильственной смерти общаго ихъ друга, генерала Жуандра.

Отецъ и мать, знавшіе очень хорошо покойнаго Жуандра, были поражены и его смертію, и всѣмъ происходившимъ въ Варшавѣ.

Прочитавъ письмо знакомаго, Марковъ сказалъ, что по всей вѣроятности мятежъ придется подавить силою, а затѣмъ завести въ царствѣ Польскомъ совершенно другой административный порядокъ, слѣдовательно потребуются уже не польскіе, а наши русскіе правительственные дѣятели.

— Вотъ, гдѣ бы тебѣ послужить не дурно, Николай Ивановичъ, — заключилъ Марковъ.

Эти слова Маркова отецъ принялъ къ свѣдѣнію, и воспользовался его дружескимъ совѣтомъ.

1831 годъ рѣшилъ участь и дяди моего, и отца: Александръ Сергѣевичъ, въ февралѣ, связалъ судьбу съ избранной имъ спутни-

ней недолговременнаго, но дорогаго—для каждаго русскаго—земнаго бытія, а Николай Ивановичъ, въ томъ же февралѣ, выѣхалъ на новую для него дѣятельность въ Привислинскій край, гдѣ и остался, сверхъ ожиданія, на цѣлыхъ сорокъ лѣтъ.

И для моего дяди, и для моихъ родителей, 1831 годъ начался какъ нельзя печальнѣе: 14-го января общій другъ ихъ, баронъ Антонъ Антоновичъ Дельвигъ, перешелъ въ вѣчность, вслѣдствіе сильной простуды. Болѣзнь, въ скоромъ времени, приняла такой оборотъ, что не осталось никакого сомнѣнія въ злополучномъ ея исходѣ. Последнее время Антона Антоновича волновали непріятности съ цензурою, обратившею особенное вниманіе на его «Литературную газету», послѣ появленія статьи Александра Сергѣевича «О выходкахъ противъ литературной аристократіи»; въ особенности же непріятно подѣйствовалъ на Дельвига сдѣланный ему строгій выговоръ за четверостишіе Делявина «на памятникъ жертвамъ іюльскихъ дней»,—четверостишіе, о которомъ Пушкинъ въ письмѣ къ Плетневу, еще до кончины Дельвига, отозвался какъ о сущей бездѣлицѣ, называя ее «конфетнымъ билетцемъ».

Полагаютъ, что эти непріятности и были, отчасти, причиною болѣзни, но, по увѣренію моего отца, Дельвигъ обладалъ крѣпкими нервами, а передъ болѣзнию,—послѣдовавшей, какъ я сказалъ выше, отъ простуды,—онъ видѣлся очень часто съ моими родителями, всегда былъ веселъ, и шутилъ попрежнему.

Какъ бы ни было, болѣзнь Антона Антоновича пошла быстрыми шагами; отецъ ежедневно заѣзжалъ осведомляться о больномъ, и свѣдѣнія оказывались самыми неутѣшительными, о чемъ онъ и сообщалъ Ольгѣ Сергѣевнѣ, исподоволь подготавливая ее къ болѣе нежели прискорбному для нея и для ея брата событію.

Угасшій поэтъ былъ только годомъ старше Александра Сергѣевича, и почти годомъ моложе Ольги Сергѣевны, такъ какъ родился въ 1798 году—въ праздникъ Преображенія.

О кончинѣ Дельвига, въ среду 14-го числа, мать узнала на другой день, въ четвергъ, отъ своего мужа. Отецъ, возвращаясь домой наканунѣ изъ театра, зашелъ къ 11 часамъ вечера по пути на квартиру больного, и вызвалъ прислугу съ цѣлью узнать о положеніи страдалца. Оказалось, что за два или за три часа передъ приходомъ моего отца, Дельвигъ уже былъ бездыханенъ.

Придя домой, отецъ не рѣшился на ночь тревожить жену горестнымъ извѣстіемъ. Затѣмъ, подробности о несчастіи сообщилъ Ольгѣ Сергѣевнѣ въ четвергъ же и пользовавшій ее докторъ.

Кончина Антона Антоновича огорчила мою мать до глубины души, а отецъ, сотрудникъ покойнаго, лишился въ лицѣ Дельвига большаго своего пріятели. Ольга Сергѣевна, не желая быть первымъ вѣстникомъ горя, ничего не написала брату, который вовсе не зналъ о болѣзни друга, и еще за недѣлю передъ смертію Антона Анто-

новича выражалъ удивленіе въ письмѣ Плетневу въ шуточномъ тонѣ, почему Дельвигъ не помѣстилъ ни одной строчки отъ себя въ «Сѣверныхъ цвѣтахъ» на наступившій годъ.

О кончинѣ Дельвига сообщилъ Александру Сергѣевичу Плетневу; дядя отвѣчалъ ему, 21-го января, прочувствованнымъ письмомъ, говоря, что смерть Дельвига первая имъ оплаканная, и никто на свѣтѣ не былъ ему ближе покойнаго, который изъ всѣхъ связей дѣтства одинъ остался на виду. «Безъ него мы точно осиротѣли; считай по пальцамъ сколько насъ? ты, я, Баратынскій— вотъ и все»,—заключаетъ въ томъ же письмѣ Пушкинъ.

Дядя затѣмъ поручилъ Плетневу вручить вдовѣ 4,000 руб. изъ долга покойному Сергѣю Львовича, и предложить ей купить у нея свой портретъ, писанный Кипренскимъ по заказу Антона Антоновича, на чтѣ Софья Михайловна и изъявила согласіе, продавъ его дядѣ за тысячу рублей. Съ этого портрета была, въ 1846 году, снята копія для моей матери, находящаяся у меня.

Ольга Сергѣевна, присутствовавшая на похоронахъ Дельвига, навѣщала вдову его ежедневно. Софья Михайловна, въ одну изъ печальныхъ бесѣдъ съ моей матерью, говорила, что со времени случившагося за годъ до смерти мужа страннаго приключенія въ домѣ Дмитріева (см. V главу «Семейной хроники»), она постоянно томилась относительно мужа недобрыми предчувствіями.

Послѣ смерти Дельвига обнаружилась неопытная пропажа цѣнныхъ бумагъ на весьма значительную сумму¹⁾.

Дядя Александръ, чтившій память друга, а потому сочувствовавшій всѣмъ, кто былъ къ нему близокъ, порѣшилъ, посоветовавшись съ П. А. Плетневымъ, взять на себя, въ пользу родныхъ умершаго, изданіе «Сѣверныхъ цвѣтовъ», чтѣ и исполнилъ. Последняя книжка альманаха, изданнаго дядей, вышла въ 1832 году.

Мать моя рассказывала, что братъ ея Александръ и Дельвигъ питали одинъ къ другому не только искреннюю дружбу и уваженіе, но какую-то особенную, прелестную дѣтскую нѣжность. Такъ, на примѣръ, при встрѣчѣ цѣловали другъ другу руки, о чемъ говорили мнѣ и покойные: лицейскій ихъ товарищъ Сергѣй Дмитріевичъ Комовскій и Анна Петровна Виноградская (бывшая Кернъ), которая приводитъ это и въ своихъ воспоминаніяхъ, напечатанныхъ въ «Библіотекѣ для Чтенія» за 1859 годъ.

¹⁾ Объ этомъ обстоятельствѣ П. А. Плетневъ пишетъ Пушкину отъ 22 февраля слѣдующее:

«Въ дѣлахъ ея (баронессы) вышла очень худая притча. Богъ знаетъ, кто и когда успѣлъ утянуть изъ ихъ портфеля комбардныхъ билетовъ на пятьдесятъ четыре тысячи. Сколько ни старались открыть, даже и слѣдовъ не видно. Это тѣмъ непонятнѣе, что всѣ другія бумаги найдены по смерти Дельвига въ чрезвычайномъ порядкѣ, съ удивительною отчетливостью, а пропавшіе билеты находились между этими же бумагами».

XXV.

Я упомянулъ выше, что отецъ мой принялъ къ свѣдѣнію совѣтъ Маркова испытать счастье служебной карьеры въ царствѣ Польскомъ, гдѣ не сегодня—завтра потребуются не однѣ военныя, но и другія русскія силы, по всѣмъ отраслямъ административной дѣятельности. Къ тому же, отцу не былъ чуждъ и мѣстный языкъ: онъ выучился говорить, читать и писать попольски изъ любознательности еще въ 1820 году въ Тульчинѣ, состоя на службѣ при главнокомандовавшемъ второй арміей — своемъ крестномъ отцѣ, — фельдмаршалѣ П. Х. Витгенштейнѣ, а въ 1828 году воспользовался случаемъ примѣнить познанія къ дѣлу во время командировки министерствомъ иностранныхъ дѣлъ въ учрежденную при Сенатѣ слѣдственную комиссію, гдѣ занимался переводами французскихъ и польскихъ бумагъ на русскій языкъ.

Между тѣмъ, походъ противъ польскихъ мятежниковъ былъ объявленъ въ январѣ 1831 года, а по случаю вспыхнувшаго въ Привислинскомъ краѣ мятежа, Высочайше было учреждено временное Правленіе царства Польскаго, подъ предсѣдательствомъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Энгеля, хорошаго знакомаго, даже давнишняго пріятеля дѣда Сергѣя Львовича, а назначаемымъ въ составъ новаго учрежденія чиновникамъ присвоивалось весьма пріличное содержаніе.

Мать моя, узнавъ объ этомъ у «стариковъ» Пушкиныхъ, посоветовала мужу воспользоваться удобнымъ случаемъ, и просить Сергѣя Львовича замолвить о себѣ доброе слово Энгелю. Старикъ Пушкинъ, хотя и не оказывалъ дочери и зятю никакой матеріальной помощи, но долженъ былъ постигнуть, въ концѣ концовъ, что проживаться Николаю Ивановичу въ столицѣ совершенно невозможно, при ничтожномъ жалованьи и непрочной литературной работѣ. Къ тому же эта послѣдняя статья дохода, съ кончиной барона Дельвига, почти всякала, а въ перспективѣ оставались долги, пугавшіе моихъ родителей гораздо больше приближавшейся холеры.

Сергѣй Львовичъ разсудилъ и взвѣсилъ, что если посодѣйствуетъ зятю въ полученіи мѣста съ обезпечивающимъ его будущность постояннымъ и болѣе значительнымъ вознагражденіемъ, то совершенно успокоить совѣсть относительно дочери, въ пользу которой не выговорилъ у Александра Сергѣевича, при подаркѣ ему Болдына, ни гроша дохода. Поэтому дѣдъ, зайдя къ моей матери, выслушалъ очень благосклонно просьбу Николая Ивановича хлопотать у Энгеля, и мало того: предложилъ на другой же день захватить за отцомъ, и вмѣстѣ съ нимъ отправиться ко вновь назначенному предсѣдателю.

Свиданіе состоялось; Энгель, подробно освѣдомившись у отца о его прохожденіи службы и занятіяхъ, тотчасъ же изъявилъ готов-

ность удовлетворить желаніе Николая Ивановича, и не замедлить снестись съ Азіатскимъ департаментомъ о прикомандированіи коллежскаго ассесора Павлицева къ новому учрежденію.

Официальное назначеніе отца на новую должность состоялось 24 февраля, а 5 марта онъ покинулъ сѣверную Пальмиру. Ольга же Сергѣевна осталась въ Петербургѣ до окончательнаго водворенія мужа въ Варшавѣ.

Александръ Сергѣевичъ, который тогда только-что обвинчался, и къ которому я вскорѣ возвращусь, предложилъ сестрѣ сдать квартиру и пріѣхать къ нему въ Москву провести съ нимъ и съ его молодой женой наступающую весну, а потомъ возвратиться съ ними въ Петербургъ вмѣстѣ. Ольга Сергѣевна отклонила предложеніе брата, считая совершенно излишнимъ присутствіе на квартирѣ новобрачныхъ третьяго лица.

Не склонилась она и на просьбы «стариковъ» переселиться къ нимъ.

XXVI.

18-го февраля состоялась, наконецъ, послѣ долгихъ проволочекъ, свадьба дяди Александра въ Москвѣ, и именно въ церкви Старога Вознесенія, на Никитской.

— Родился я въ Вознесеніе, женился у Вознесенія, и увѣренъ, что мнѣ суждено умереть въ праздникъ Вознесенія,—говорилъ онъ неоднократно моей матери.

Подтверженіемъ истины этихъ словъ служатъ напечатанныя П. В. Анненковымъ слѣдующія строки ¹⁾:

«Важнѣйшія событія его (Пушкина) жизни, по собственному его признанію, всѣ совпадали съ днемъ Вознесенья. Невадолго до своей смерти, онъ задумчиво рассказывалъ объ этомъ одному изъ своихъ друзей, и передалъ ему твердое свое намѣреніе выстроить, со временемъ, въ селѣ Михайловскомъ, церковь во имя Вознесенія Господня. Упомянувъ о таинственной связи всей своей жизни съ этимъ великимъ днемъ духовнаго торжества, онъ прибавилъ: «Ты понимаешь, что все это произошло не даромъ, и не можетъ быть дѣломъ одного случая».

Александръ Сергѣевичъ вѣнчался, какъ сказано, 18-го числа, въ день, который считалъ неблагополучнымъ, что и вспомнилъ, когда зацѣли: «Исаія ликуй» (см. III главу «Семейной хроники»). Кроме того, мать мнѣ рассказывала, какъ ея братъ, во время обряда, непріятно былъ пораженъ, когда его обручальное кольцо упало неожиданно на коверъ, и когда изъ свидѣтелей первый усталъ, какъ ему успѣли сообщить послѣ церемоніи, не шаферъ невѣсты, а его шаферъ, передавшій вѣнецъ слѣдующему по очереди. Але-

¹⁾ См. т. I Сочиненій Пушкина, изд. Анненковымъ, 1855 г., стр. 315.

Александръ Сергѣевичъ счелъ и эти два обстоятельства недобрыми предвѣщаніями, и произнесъ выходя изъ церкви: *tous les mauvais augures!*

Сообщаемое я слышалъ не отъ одной моей матери. О случаѣ съ кольцомъ и шаферомъ говорили мнѣ и посаженный отецъ дяди, князь Петръ Андреевичъ Вяземскій, и супруга его, Вѣра Ѳеодоровна, хотя и не присутствовавшая тогда на свадьбѣ, и наконецъ посаженная мать, тогда графиня Елизавета Петровна Потемкина (вышедшая вторично замужъ за сенатора Ипполита Ивановича Подчаскаго).

Иконофоромъ при обрядѣ былъ малолѣтній сынъ князя Вяземскаго, живой свидѣтель происходившаго, многоуважаемый князь Павелъ Петровичъ, а родитель его и другое близкое по чувствамъ къ Александру Сергѣевичу лицо — Павелъ Воиновичъ Нащокинъ, — уѣхавъ прежде новобрачныхъ, встрѣтили Пушкиныхъ съ образомъ на новой квартирѣ молодой четы.

Наталья Николаевна очаровала всѣхъ простотою обращенія, привѣтливостію и ровнымъ характеромъ, не говоря уже о рѣдкой наружной красотѣ. Въ Петербургѣ, куда новобрачные прибыли весной, всѣ отнеслись къ ней сочувственно, а воспѣтая слѣпцомъ-поэтомъ И. И. Козловымъ графиня Фикельмонъ¹⁾, — встрѣтившая новобрачныхъ въ Царскомъ Селѣ, — описываетъ ихъ въ письмѣ отъ 25-го мая князю Петру Андреевичу Вяземскому слѣдующимъ образомъ:

«Жена Пушкина прекрасное созданіе, но это меланхолическое и тихое выраженіе похоже на предчувствіе несчастія. Физиономія мужа и жены не предсказываютъ ни спокойствія, ни тихой радости въ будущемъ: у Пушкина видны всѣ порывы страстей, у жены вся меланхолія отреченія отъ себя».

По словамъ моей матери, графиня Фикельмонъ далека была отъ всякаго сочувствія къ Пушкину, что и доказала какъ нельзя лучше въ послѣдній годъ его жизни, о чемъ и скажу въ своемъ мѣстѣ.

Пушкинъ, за мѣсяцъ до отъѣзда съ женой изъ Москвы, просилъ П. А. Плетнева прислать ему дачу въ Царскомъ Селѣ, куда и положилъ переселиться послѣ возвращенія въ Петербургъ и свиданія съ родными.

Въ первыхъ числахъ мая, Александръ Сергѣевичъ пріѣхалъ, и на другой день явился съ супругой къ своей, какъ онъ выражался, «старшей».

Свиданіе между братомъ и сестрой было, какъ мнѣ рассказывала мать, самое трогательное; братъ въ подробности сообщилъ ей все съ нимъ случившееся въ теченіе отсутствія, во время котораго онъ писалъ Ольгѣ Сергѣевнѣ не болѣе трехъ или четырехъ разъ,

¹⁾ Жена бывшаго австрійскаго посланника при русскомъ дворѣ.

и то лишь нѣсколько строкъ. Мать, попрекнувъ его молчаніемъ, замѣтила, что ревнуетъ его сильно къ Плетневу.

— Если писалъ Плетневу, — отвѣчалъ дядя, — значитъ писалъ вмѣстѣ съ этимъ и тебѣ; вѣдь знаю, что Плетневъ посѣщалъ тебя часто и все рассказывалъ. Зачѣмъ же писать мнѣ было два раза одно и то же? Къ тому же Плетневъ мой первый другъ, отъ котораго ничего не скрываю; онъ занимается и моими дѣлами.

Тутъ дядя объявилъ сестрѣ, что онъ остановился попрежнему въ Демутовой гостинницѣ, но, не теряя времени, переѣзжаетъ надвѣять въ Царское, гдѣ будутъ жить и «старикъ». Александръ Сергѣевичъ убѣждалъ сестру къ нему переѣхать; къ его просьбамъ присоединилась и Наталья Николаевна, но Ольга Сергѣевна отвѣчала, что рѣшительно не хочетъ ихъ стѣснять.

Отъѣздъ молодыхъ въ Царское состоялся 25 мая. Сергѣй Львовичъ и Надежда Осиповна хотѣли въ іюнѣ перебраться туда же, а мать осталась въ городѣ.

Между тѣмъ, матеріальныя средства Ольги Сергѣевны находились въ состояніи весьма незавидномъ, что можно видѣть изъ ея письма къ мужу. Перевожу его порусски:

«Мнѣ очень прискорбно, любезный и милый Николай, что тебѣ приходится ждать, какъ пишешь, еще цѣлыхъ четыре мѣсяца содержанія, какое тебѣ обѣщались. Я въ тонкихъ. Къ счастью, братъ Александръ меня выручилъ, самъ предложивъ тотчасъ послѣ пріѣзда свою помощь; я было отказалась, думая получить кое-что отъ продажи твоихъ романовъ, и согласно обѣщанію отца двѣ тысячи пятьсотъ рублей; но, вообрази, оба твои романа переводные «Патриція» и «Вогемская дѣвица» война» нейдутъ вовсе, а нейдутъ, кажется, потому, что Бугаринъ, въ пику Сомову, который расхвалилъ эти романы въ другой газетѣ, не сказалъ о нихъ въ своей ничего; печатаніе же на твой счетъ другого твоего перевода романа Манцони «I promessi sposi» — ничего не принесло, кромѣ заявленій отъ твоего переписчика, наборщика, разныхъ претензій, и вмѣсто дохода плачу имъ деньги. Избавь меня, ради Бога, отъ хлопотъ; въ нихъ ничего не смыслю. А Сергѣю Львовичу плутъ его управляющій догадался доложить, то есть выдумать, будто бы не можетъ выслать 4,000 рублей оброка, которые будто бы получилъ, и которые у него на другой день украли! Сергѣя Львовича можно, пожалуй, увѣрить, что и пузыри — фонари (on peut lui faire croire que des vessies sont des lanternes); а онъ обѣщался именно дать мнѣ 2,500 рублей изъ этихъ же денегъ..»

«Александръ, — продолжаетъ Ольга Сергѣевна, — въ особенности же моя невѣстка, съ которой я совершенно подружилась, убѣдительно меня просятъ переѣхать къ нимъ. Но какъ же могу на это согласиться? Стѣснять ихъ, во-первыхъ, отнюдь не хочу; во-вторыхъ, образъ ихъ жизни совсѣмъ противоположенъ моему: Александръ будетъ и въ Царскомъ посѣщать большой свѣтъ, а она,

какъ я замѣтила, очень любить изысканные туалеты. Меня же большой свѣтъ не прельщаетъ, а радиться въ мои года уже не пристало. А тутъ, поневолѣ, если переѣду къ нимъ, должна буду выѣзжать вмѣстѣ съ братомъ и невѣсткой, при чемъ и одѣваться не хуже ея. Говорю откровенно, могу ли я это дѣлать при твоёмъ ограниченномъ жалованьи и твоихъ, правда, очень почтенныхъ, литературныхъ трудахъ, но, которыя, кромѣ изъяна, съ тѣхъ поръ какъ Дельвигъ на томъ свѣтѣ, не приносятъ ни гроша?»

Нравственное состояніе Ольги Сергѣевны тоже было очень печально.

«Не получая извѣстій, томлюсь и беспокоюсь: живъ ли ты? — пишетъ она пофранцузски, — не убить ли... все можетъ статься. Не добрый геній вдохновилъ тебя промѣнять спокойный семейный очагъ на проклятую Польшу. Отъ души ее ненавижу. Какъ же могу быть спокойной? Приглашаешь меня пріѣхать. Но куда же? Изъ Гродно, вѣроятно, васъ ушлютъ въ другое мѣсто, а тамъ въ третье и десятое. На поѣздку надо денегъ и денегъ, а откуда мнѣ ихъ взять, чтобы одной поѣхать тебя отыскивать въ непріязненномъ краѣ, гдѣ свирѣпствуетъ и холера, хотя въ глазахъ моихъ это, положимъ, ничего не значить. Но, главное, меня родители отсюда не выпустятъ амазонкой на польскую войну; слишкомъ отъ нихъ завишу; зимой собираются въ Москву да настанваютъ, чтобы и я туда же съ ними поѣхала, коль скоро польская война затянется. То ли бы дѣло, если бы ты потерпѣлъ немного и выждалъ мѣста консула? Переселились бы въ лучшій климатъ. А теперь? Богъ знаетъ, увижу ли тебя? Застрянешь въ дурацкой Польшѣ (avec votre sottise de Pologne!) Да живъ ли ты? откликнись ради Бога.

«Вчера изъ Царскаго пріѣхалъ ко мнѣ Александръ. Говорить, что мои мысли о тебѣ пустяки, и что ты пороку не нюхаешь. Но этимъ меня не утѣшилъ. Мои старіики тоже скоро уѣдутъ отсюда. Оба были у меня надняхъ вечеромъ, но удовольствія не доставили: хотѣлось быть одной, а мать была такъ весела и такъ подшучивала надъ моимъ одиночествомъ, что у меня раздиралось сердце, и я не могла удержаться отъ слезъ. Заходитъ ma très chère mère ко мнѣ часто; вчера провела весь вечеръ и играла въ вистъ, когда, сверхъ ожиданія, пожаловали и Марковъ, и Плетневъ, и Аничковъ; всѣ трое тебѣ кланяются. Вдова Дельвига, — она переѣхала на новую квартиру — въ отчаяніи. Иду сейчасъ къ ней, а завтра меня навѣститъ Александръ; пріѣхалъ вчера по дѣламъ изъ Царскаго, куда меня хочетъ увести на цѣлыхъ три дня. Такъ присталъ, что не знаю какъ отдѣлаться...

«Братъ Леонъ, — какъ говорить Александръ, — желалъ остаться на Кавказѣ драться съ горцами, но Хитрово, во что бы ни стало, хочетъ, чтобы подрался съ поляками. Вѣроятно съ нимъ встрѣтятся»...

Между тѣмъ, отецъ мой, отправившійся на театръ военныхъ дѣйствій въ августѣ, вступилъ съ нашими побѣдоносными войсками въ Варшаву.

Прежде чѣмъ обратиться къ изложенію быта моей матери и ея родныхъ въ 1831 году, считаю болѣе для себя удобнымъ привести предварительно замѣтку моего отца, касающуюся пребыванія его въ томъ же году въ Варшавѣ, а затѣмъ сказать нѣсколько словъ о находившемся на театрѣ военныхъ дѣйствій дядѣ Львѣ Сергѣевичѣ Пушкинѣ, и пріятелѣ его Сіановѣ.

«Вѣзжая въ Варшаву,—пишетъ отецъ,—я прямо направился къ книжной лавкѣ, и тутъ же купилъ книгъ, для пополненія моей небольшой библиотеки, которую оставилъ въ Петербургѣ. При выборѣ книгъ, обращалъ я вниманіе на край, куда судьба призвала меня на долгое время. Случай же захотѣлъ, чтобы мнѣ отвели квартиру у Кох—го, стараго воеводы-кастеляна, которому, не знаю почему, я очень понравился, и который потомъ снабжалъ меня историческими книгами, рассказывая красно про старину Польши, какъ свидѣтель трехъ ея раздѣловъ. Это разбудило во мнѣ страсть къ исторіи, заснувшую съ того времени, какъ я предался музыкѣ и литературѣ. Захотѣлось знать, чего не зналъ; но желаніе это должно было подчиниться требованіямъ службы, когда, съ окончательнымъ открытіемъ временнаго правленія, я туда явился.

«Предсѣдатель Ф. И. Энгель почтилъ меня довѣренностью принимать и докладывать просьбы, поступавшія къ нему сотнями отъ поляковъ,—просьбы и дѣльныя и вздорныя, какъ бываетъ въ такое смутное время. Я принималъ просьбы, спрашивалъ просителей, нужнѣйшее отмѣчалъ карандашомъ на самой просьбѣ, и докладывалъ, исполняя немедленно его приказанія. Все это я дѣлалъ одинъ съ помощью писца: теперь занимается этимъ цѣлое отдѣленіе чиновниковъ. Кромѣ того, на дому, поправлялъ переводъ съ польскаго на русскій журналовъ временнаго правленія. Упоминаю объ этомъ какъ о предметѣ полу-литературномъ и въ послѣдствіяхъ своихъ для меня важномъ. Перемарывая почти до слова жалкій переводъ В—го, я выработывалъ, даже создавалъ языкъ, который, мало по малу, усвоили себѣ позднѣйшіе переводчики журнала, а изложеніе бюджета мнѣ стоило большого труда.

«Это послѣднее занятіе имѣло вліяніе на ходъ моей службы. Поправляя В—го, я неосторожно, однажды, пошутилъ насчетъ его работы: оказалось, что я поправлялъ не В—го, а самого Пр—го, директора канцеляріи. Пр—ій надулся, и, какъ послѣ я узналъ, пожаловался на меня, потому что предсѣдатель привязался однажды къ слову соткновеніе, употребленному въ бумагѣ вмѣсто столкновеніе, и далъ мнѣ чувствовать съ нѣкоторою важностью, «что и я могу ошибиться». Обнаружилось взаимное охлажденіе; вдобавокъ я занемогъ. Въ такомъ положеніи представилось мнѣ

вдругъ, чрезъ посредство Валеріана Ѳедоровича Ширкова, съ которымъ я жилъ на одной квартирѣ, предложеніе перейти къ генераль-интенданту для занятій по иностранной перепискѣ, производившейся съ нашими консулами прусскимъ и австрійскимъ по предмету продовольственныхъ припасовъ, изъ коихъ одни, изъ Пруссіи, доставлены были повдно, когда въ нихъ уже надобность минула, а другіе, изъ Австріи, доставлены не сполна, и увлекли комисіонера подъ судъ. Личное, дружеское ко мнѣ расположеніе генераль-интенданта Погодина, блестящія обѣщанія, а съ другой стороны непріятныя отношенія съ начальствомъ временнаго правленія, наконецъ, приманка новизны (тогда двадцатидевятилѣтнему молодому человѣку), очень еще привлекательной, рѣшили мой выборъ: я простился съ администраціею края, на поприщѣ которой полагалъ быть полевице другихъ, и, согласно моему запискѣ, поданной главнокомандующему дѣйствующею арміею, откомандированъ въ интендантство для сношеній на иностранныхъ языкахъ.

«Удаленіе мое отъ временнаго правленія, кажется, не понравилось предсѣдателю, судя потому, что онъ исходатайствовалъ награды всѣмъ, кромѣ меня.

«Сейчасъ же послѣ моего перевода, мнѣ поручили временно управлять канцеляріею генераль-интенданта. Хотя я и сидѣлъ съ утра до вечера за бумагами иногда, самаго непріятнаго содержанія, но нѣтъ худа безъ добра: управляя канцеляріею, я сталъ изучать одну изъ важнѣйшихъ частей военной науки—способы и тайны продовольствія арміи; познакомился при этомъ съ краемъ, и съ того же времени началъ готовить матеріалы для статистики Польши...»

Съ дядею Львомъ Сергѣевичемъ отецъ мой встрѣтился въ Варшавѣ, вскорѣ послѣ вступленія туда нашихъ войскъ. Прибывъ съ Кавказа на театръ военныхъ дѣйствій въ свитѣ Паскевича, «Пушкинъ Левъ», по своему обыкновенію, явилъ чудеса храбрости, особенно на приступѣ Варшавы, 26-го августа.

Счастіе и здѣсь ему улыбнулось: какая-то невидимая рука его хранила. Находясь среди самого жестокаго огня и отчаянно работая саблей, дядя остался невредимъ; одна лишь лошадь подъ нимъ была убита.

Левъ Сергѣевичъ очень обрадовался встрѣчѣ съ зятемъ, и явился къ нему на слѣдующій же день съ своимъ пріятелемъ Сіановымъ.

П. Г. Сіановъ—воинъ и поэтъ—служилъ еще во время Отечественной войны въ сформированномъ тогда Мамоновымъ полку безсмертныхъ гусаръ. Особенно сблизившись со Львомъ Сергѣевичемъ во время персидскаго похода, онъ, подобно своему пріятелю, не прочь былъ кутнуть, но, какъ оба они выражались, «gardant toujours le calme du comme il faut».

— Знаете ли, любезнѣйшій другъ, Левъ Сергѣевичъ, какая между нами разница?—спросилъ онъ Пушкина.

— Не знаю.

— А вотъ какая. Хотя мы оба, Боже сохрани, никогда во время пирушекъ не выходимъ изъ границъ приличія,—а выпить можемъ на славу,—но шампанское прекращаю тогда, когда начинаю рассказывать собутыльникамъ о французской кампаніи, а вы перестаете пить ромъ, когда поведете рассказъ о персидской.

Левъ Сергѣевичъ и Сіановъ рѣшили поселиться на одной квартирѣ съ Николаемъ Ивановичемъ. Квартира эта состояла изъ двухъ просторныхъ комнатъ; одну занималъ отецъ, вмѣстѣ съ пріятелемъ и сотрудникомъ композитора Глинки Валеріаномъ (Федоровичемъ) Ширковымъ, а другая пустовала.

Сдѣлавъ это отступление, я въ слѣдующей главѣ вернусь къ рассказу о случившемся въ тотъ же періодъ времени,—съ іюня по сентябрь 1831 года,—съ моею матерью, Александромъ Сергѣевичемъ и ихъ родителями.

Левъ Павлицевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ПРУССІЯ ВЪ КРЫМСКУЮ ВОЙНУ ¹⁾.

VII.

«Отклоненіе» въ обѣ стороны.—Тайны Потсдама.

ВРЕДЪ НАСТУПЛЕНІЕМЪ новаго года, положеніе Россіи принимало тотъ отчаянный видъ, предъ которымъ склоняется воля даже такихъ непокорныхъ характеровъ, какъ Николай I. Развился тяжкій, даже по нравственному впечатлѣнію, бой подъ Инкерманомъ. Двѣ недѣли спустя, царь писалъ Меншикову, отправляя резервы, въ отвѣтъ на его отчаянный крикъ о помощи: «замѣть, что больше уже нечего послать». А силы союзниковъ удвоивались по жестокому для насъ договору 2-го декабря. Изъ Берлина доносились звуки оружія, извлекаемаго изъ ноженъ для поддержки «отклоненія на западъ». Нашъ потсдамскій почитатель и родственникъ осююился съ ненавистнымъ ему Габсбургомъ, къ ногамъ котораго склонялся и весь «фатерландъ». Измѣняли и вѣковыя союзники—балканскіе славяне, эта дипломатическая причина всей трагедіи: Александръ Карагеоргіевичъ сбросилъ маску, открыто сталъ за Австрію.

Нессельроде осмѣлился, наконецъ, выступить противъ гордости своего повелителя: въ откровенномъ меморандумѣ внушалъ онъ ему, что «честь не обязываетъ насъ бросаться въ бездонную пропасть».

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXII, стр. 585.

Онъ получилъ разрѣшеніе принять «четыре гарантіи», но въ нѣсколько ослабленной редакціи, и выдвинулъ своего любимаго ученика, князя Горчакова, который замѣнилъ Мейендорфа, но съ званіемъ лишь чрезвычайнаго посланника. По описанію Русса (II, 91), Горчаковъ принадлежалъ къ партіи староруссовъ (*les vieux russes*): «человѣкъ гибкаго ума, искусный собесѣдникъ, внимательный, предпріимчивый, Горчаковъ приобрѣлъ гораздо больше вліянія въ Вюртембергѣ и репутаціи во всей Германіи, чѣмъ можно было ожидать при сравнительно скромныхъ должностяхъ, которыя занималъ онъ въ дипломатической іерархіи». Ротанъ дорисовываетъ портретъ впоследствии маститаго канцлера: «По своему характеру Горчаковъ не былъ предназначенъ къ такому щекотливому дѣлу, хотя онъ и былъ посвященъ въ нашихъ классиковъ, которыхъ приводилъ на каждомъ шагѣ. Никогда ни одинъ дипломатъ не велъ своего дѣла съ такимъ жаромъ, изобрѣтательностью, тонкостью и упорствомъ. Онъ любилъ борьбу и былъ одержимъ запальчивымъ патріотизмомъ. Этотъ патріотизмъ и рѣзкость ума омрачали ясность его сужденій. Если слово неблагодарность не всегда было у него на языкѣ, чувствовалось, слышалось, что оно царствуетъ въ глубинѣ его души. Ему недоставало хладнокровія, этого орудія успѣха, какъ на войнѣ, такъ и за зеленымъ столомъ».

Положеніе Горчакова было самое мучительное: за утратой всего, ему оставалось только какъ-нибудь спасти внѣшніе признаки чести своей страны. Но это-то и было труднѣе всего среди ликующихъ побѣдителей. Буоль никогда еще не былъ такъ высокомеренъ и властителенъ во дворцѣ. Надежды на молодого императора рухнули. «Труднѣе всего проникнуть къ Францу-Госифу, доносилъ совсѣмъ ступежавшійся въ Вѣнѣ Горчаковъ: онъ совсѣмъ баррикадированъ; вотъ уже шесть мѣсяцевъ, а я имѣлъ только четыре аудіенціи». Баррикады состояли изъ Буоля и его пріятеля, французскаго посланника, Вуркенэ, человѣка живого, но умѣвшаго владѣть собой, способнаго, бойкаго на языкѣ, привлекательнаго по своему открытому нраву: онъ много помогъ союзникамъ, увлекая Вѣну искренностью, съ которою онъ вѣрилъ въ безкорыстіе и правдивость Наполеона.

При такой обстановкѣ, идти на конференцію значило для Горчакова совать голову въ пасть льва. Ему хотѣлось видѣть среди своихъ палачей друга, хотя и отличавшагося «двойственностью чувствъ». Но Буоль исключилъ Пруссію въ наказаніе за то, что она не примкнула формально къ великимъ актамъ 8-го августа и 2-го декабря. Възбѣшенный Фридрихъ-Вильгельмъ, которому особенно хотѣлось, безъ всякихъ жертвъ, ворочать дѣломъ мира, послалъ въ Вѣну полковника Мантейфеля настаивать на изгнаніи самого Буоля; но тотъ только убѣдился, что между императоромъ и его министромъ господствуетъ полное согласіе. Какъ ни лавиро-

валь Горчаковъ, какъ на озадачивалъ онъ враговъ обычнымъ русскимъ «къ свѣдѣнію, до новыхъ инструкцій», ему пришлось принять предварительныя условія, немного смягченныя лишь во внѣшней формѣ, приличія ради.

Но прежде чѣмъ открылись конференціи, протекло почти три мѣсяца, въ которые Россія пришлось испить до дна чашу испытаній. Новый годъ ознаменовался такимъ внезапнымъ присоединеніемъ Сардиніи къ союзникамъ, что оскорбился самъ Буоль, котораго, впрочемъ, тотчасъ усмирили вѣрнымъ замѣчаніемъ, что, вѣдь, Австрія помогаетъ только на бумагѣ, а требуется немедленное содѣйствіе оружіемъ. Горчаковъ былъ какъ громомъ пораженъ, по словамъ Буркена: «меня обошли, моя роль кончена, я долженъ потребовать паспорты!»—восклидалъ онъ.

Великая драма была въ томъ моментѣ, когда дѣйствующія лица собираютъ послѣднія силы и возвышаютъ голосъ до крайней нотки, а историческія силы, какъ прорвавшаяся плотина, все ломаютъ на своемъ пути и, какъ бы сами не зная, куда броситься, производятъ внезапныя превратности. На минуту, какъ больному передъ смертью, изнемогающей Россіи какъ будто полегчало. Союзники старались настойчивостью и высокоуміемъ лишь прикрыть паденіе духа. Ихъ побѣды были такъ тяжелы и нерѣшительны, что чувство отчаянія закрадывалось и въ ихъ души. Во Франціи былъ поставленъ на карту послѣдній грошъ: арсеналы опустѣли, у страны были отняты лучшія дѣти, а подъ Севастополемъ едва держалась сотня тысячъ измученныхъ солдатъ. Наполеонъ уже задумывался надъ вопросомъ о собственной поѣздкѣ въ Крымъ; но Персильи твердилъ друзьямъ: «во что бы ни стало нужно удержать его, не то будетъ революція». Во Франкфуртѣ самъ французскій дипломатъ, незлобивый, откровенный старикашка, Тальнэ, говорилъ очень мрачно насчетъ Крымской войны. Мутье писалъ изъ Берлина: «здѣшнія рѣчи о нашихъ арміяхъ походятъ на надгробныя слова; только и думаютъ, что про ожидаемыя наши пораженія».

Берлинъ опять становился рѣшителемъ судебъ, а также узломъ интригъ Запада и Востока. Его значеніе возросло и оттого, что Австрія, которая надѣялась, что живо раздѣлятся съ «червоточной» имперіей и даромъ дадутъ ей наживу на Дунаѣ и въ Балканахъ, теперь дрожала не только за свое вліяніе въ «фатерландѣ», но и за свою власть надъ Италіей, встряхнутой выступленіемъ Сардиніи. Буоль былъ какъ въ лихорадкѣ. Но чѣмъ больше онъ рвался въ бой, тѣмъ скорѣе нужно было ему обезоружить своего соперника въ тылу. Онъ усиленно насѣдалъ въ Берлинѣ и Франкфуртѣ, грубо, даже нелѣпо требуя немедленной мобилизаціи: фюрстамъ онъ забылъ даже пообѣщать вознагражденіе. Фридрихъ-Вильгельмъ, только-что обиженный исключеніемъ изъ конференціи, отвѣчалъ: «меня серьезно оскорбила мысль о наступательномъ по-

ложеніи относительно Россіи; Австрія всегда найдетъ меня готовымъ къ оборонѣ, но не къ нападенію». Когда морскія державы пристали къ нему съ требованіемъ хоть подписать отдѣльный договоръ съ ними въ смыслѣ акта 2-го декабря, онъ прибѣгнулъ къ обычному средству—послалъ Уведомъ въ Лондонъ и Ведыа въ Парижъ съ «необъяснимыми» предложеніями. Они затягивали дѣло: только-что, кажется, согласятся, какъ вдругъ поднимаютъ новыя возраженія, требуютъ новыхъ обезпеченій. Наконецъ, они огорошили собесѣдниковъ заявленіемъ, что король готовъ на сдѣлку, но съ условіемъ, чтобы, въ случаѣ войны, иностранныя войска не проходили по Германіи и чтобы не было вопроса о возстановленіи Польши. Фридрихъ-Вильгельмъ вообразилъ даже, что ловко поссорить союзниковъ: Уведомъ внушалъ англичанамъ, что союзъ Австріи съ Франціей грозитъ погибелью протестантизму. Конечно, въ Лондонѣ только улыбнулись на такіе архаическіе взгляды. Россель, по пути въ Вѣну, заѣхалъ въ Потсдамъ и держалъ себя холодно; а король сказалъ ему, что никогда не пристанетъ къ оскорбляющимъ его шурина требованіямъ. Россель погрозилъ ему исключеніемъ даже изъ общаго протектората надъ княжествами. Фридрихъ-Вильгельмъ возразилъ: «и прекрасно; освобожусь и отъ вѣнскихъ протоколовъ, и отъ обязательствъ предъ Австріей».

Король орудовалъ противъ Вѣны и во Франкфуртѣ. Получившій волю Бисмаркъ пустилъ въ ходъ все свое казарменное краснорѣчіе, которое необходимо смягчать въ печати, по требованію приличій. Онъ кричалъ: «Австрія подала руки двумъ пьяницамъ, которые тянутъ ее по произволу страстей... Конвенція 2-го декабря заставила Австрію испытать мученія крысы въ готовомъ развалиться домѣ». Несчастливымъ и премудрымъ фюрстамъ онъ несъ всякую ахинею: грозилъ даже тѣмъ, что его король спуститъ либераловъ, которые разрушатъ ихъ престолы, соединившись съ Наполеономъ. За исключеніемъ Ганновера и курфюршества Гессенъ, на сеймѣ всѣ отвергли потребованную Буолемъ мобилизацію.

Лучъ надежды лишь на мгновеніе утѣшилъ Россію: въ сущности онъ освѣтилъ пропасть, въ которую она низвергалась. Въ Англіи грозно заговорила совѣсть націи, взывавшая къ искупленію грѣховъ, разоблаченныхъ слѣдственною комиссіей. Здѣсь, какъ у всякаго здороваго и сознательнаго организма, вмѣсто унынія загорѣлись чувства гордости и мести, несокрушимой энергіи. Ихъ вѣрнымъ истолкователемъ могъ быть только Пальмерстонъ—и министерство безжизненнаго Абердина слетѣло. Пальмерстонъ объявилъ, что, еслибы даже Франція отстала, Англія одна будетъ драться, пока не свалитъ высококоѣрнаго врага. Со всѣхъ концовъ огромнаго колониальнаго свѣта Великобританіи стекались разноцвѣтные солдаты. Откуда взялись провіантъ и одежда лучшаго сорта, и въ такомъ изобиліи, что англичане дѣлились съ французами. Послѣд-

ній, искусный планъ русскихъ отвлечь непріятеля рухнулъ подѣ злополучною Евпаторіей. Пальмерстонъ боялся уже не войны, а мира, который могъ вырвать у него изъ рукъ вождѣлѣнный плодъ побѣдъ и долгихъ страданій. Подѣ предлогомъ придать блеску конференціи, онъ послалъ въ Вѣну безсловеснаго Росселя (онъ зналъ только поанглійски), надѣясь, что тотъ надѣлаетъ ошибокъ, которыя послужатъ къ разрыву переговоровъ, въ чемъ и не ошибся.

Пальмерстонъ спѣшилъ недаромъ. 2-го марта скончался Николай I, этотъ исключительный защитникъ военной чести Россіи, — и въ воображеніи всѣхъ повѣяло миромъ. Дѣйствительно, не смотря на гордый манифестъ въ духѣ Николая I и «началь священнаго союза», Александръ II принялъ «четыре гарантіи» — и 15-го марта въ Вѣнѣ открылись конференціи. Но до мира оставался еще добрый годъ: должны были произойти главныя кровопролитія подѣ Севастополемъ, чтобы Западъ добился своей цѣли. Берлинъ опять приобрѣлъ важное значеніе въ тяжбѣ почти равносильныхъ противниковъ. Передъ смертью Николая I, союзники поставили Фридриха-Вильгельма въ весьма стѣснительное положеніе: они соблазнили его допущеніемъ на конференцію, но съ условіемъ воевать съ Россіей, въ случаѣ неудачи переговоровъ. Трагическое событіе въ Петербургѣ вывело его изъ затрудненія. Онъ все писалъ письма, орошаемая слезами, и восклицалъ министрамъ: «Какъ мнѣ заниматься дѣлами, особенно союзомъ съ западными державами? Еще не остыло тѣло императора Николая!». Король совсѣмъ разчувствовался въ письмѣ къ Бунзену. Оплакивая «великолѣпнѣйшее явленіе въ исторіи», онъ кстати сталъ усовѣщевать друга, предлагая ему, бросивши «сухотку спиннаго мозга», стать «славнымъ орудіемъ въ рукахъ Господа», съ помощью «адамантоваго правила» — посланія къ коринѣянамъ.

Чѣмъ воинственнѣе становились Пальмерстонъ съ Наполеономъ, тѣмъ болѣе Фридрихомъ-Вильгельмомъ овладѣвалъ знакомый припадокъ «отклоненія на Востокъ». Узедомъ казался уже «исчерпаннымъ» и собирался исчезнуть съ лондонскаго горизонта. Его король сосредоточилъ вниманіе на Вѣнѣ, о которой доносилъ Бисмаркъ: «Буоль и его друзья черезчуръ предупредительны къ Горчакову и къ русскимъ». Фридрихъ-Вильгельмъ предложилъ даже матеріальную помощь Францу-Иосифу, если только Австрія разорветъ съ морскими державами. Онъ вездѣ расхваливалъ нашу умѣренность и увлекалъ соювный сеймъ, доказывая, что принятіемъ первыхъ гарантій мы уже соблюли «нѣмецкіе интересы». По наблюденіямъ Ротана, въ придворныхъ кружкахъ Берлина уже задавались мыслью сдѣлать демонстрацію на границахъ Франціи, въ надеждѣ освободить руки Россіи. Впрочемъ, король спѣшилъ остановить пылъ далеко заходившихъ кружковъ. Ему претило выйти изъ своей «скорлупы» и броситься въ приключенія. На него угнетательно

дѣйствовали настойчивыя жалобы морскихъ державъ, подкрѣпляемыя шумомъ грозныхъ приготовленій. «Что мнѣ, наконецъ Россія! воскликнулъ онъ: чѣмъ больше солдатъ пошлетъ Франція въ Крымъ, тѣмъ мнѣ будетъ спокойнѣе». А руссофильствующимъ гвардейцамъ онъ скавалъ, намекая на руссофобію Австріи и Германіи: «успокойтесь, вамъ не придется извлекать мечъ противъ вашихъ товарищей».

Въ маѣ 1855 года въ Парижѣ уже отчаявались въ успѣхѣ, лишившись надежды на Австрію, и собирались снять осаду Севастополя. Наполеонъ готовъ былъ даже мириться, прислушиваясь къ словамъ Сеймура: «не предлагайте Россіи унижительнаго мира; я знаю эту страну; такой миръ былъ бы вѣчною войной». Какъ вдругъ все измѣнилось. Неудачный штурмъ передовыхъ укрѣпленій Севастополя выдвинулъ вопросъ о чести для французовъ и о престолѣ—для Наполеона: тотчасъ же слетѣлъ съ министерства трусливый, мирный Друэнъ де Люисъ. Но важнѣе всего было загадочное событіе, которое вполне разъясняется въ любопытномъ разсказѣ Ротана. Въ «Монитерѣ» появилось для всѣхъ неожиданное, громкое объявленіе о скоромъ паденіи Севастополя, на основаніи «вѣрныхъ» извѣстій. Вотъ какъ Наполеонъ сталъ пророкомъ.

Однажды какой-то старикъ, съ величавою осанкой, по его словамъ бывшій офицеръ вестфальскаго короля, послѣ многихъ писемъ въ легацию, явился лично къ Мутье, «побуждаемый сочувствіемъ къ Франціи». Онъ заявлялъ, что обладаетъ драгоценными свѣдѣніями о военномъ положеніи Россіи. Онъ не говорилъ, откуда добылъ ихъ; но намекалъ на свою привязанность и близость къ барону Мантейфелю. Вообще онъ старался внушить, что желаютъ, чтобы въ легацию знали то, чего нельзя высказать открыто. Мутье зналъ, что Мантейфель слѣдовалъ словамъ Кавура: «въ сторону мораль; займемся политикой». Онъ соображалъ, что Мантейфель терялъ свой портфель, а Пруссія подпадала опеку Петербурга, еслибы событія въ Крыму склонились къ невыгодѣ морскихъ державъ. Но опытный дипломатъ, знавшій свою область, гдѣ шпионы шпионяютъ за шпионами и обманщики обманываютъ обманщиковъ, Мутье усомнился и запросилъ Парижъ, а самъ наводилъ справки о таниственномъ посѣтителѣ.

Черезъ нѣсколько недѣль выяснилось, что посѣтитель дѣйствительно уже много лѣтъ состоялъ на жалованьѣ у перваго министра, который содержалъ цѣлую дружину агентовъ, изъ часа въ часъ извѣщавшихъ его о дѣйствіяхъ и даже замыслахъ его враговъ. Мантейфель, въ соучастіи съ Гинкельдеемъ (начальникомъ полиціи) и Зейфертомъ (директоромъ контрольной палаты въ Потсдамѣ), получалъ списки съ частныхъ писемъ, которыми обмѣнивались между собой главы русской партіи при дворѣ и ихъ соумышленники въ Петербургѣ. Цѣлые годы совершалась эта подпольная ра-

бота, какъ вдругъ у Герлаха зародилось подозрѣніе: у него была своя тайная контр-полиція. Вышелъ громкій скандалъ, за который схватилась печать. Козломъ отпущенія сдѣлался Зейфертъ, отъ котораго отказались и Мантейфель, и Гинкельдей: его выгнали со службы.

Таинственный посѣтитель былъ схваченъ въ Потсдамѣ, когда выходилъ изъ квартиры Зейферта. При обыскѣ у него нашли даже письма неосторожнаго директора контроля. Оказалось, что лакей Герлаха давалъ агенту Мантейфеля списывать корреспонденцію своего барина. Зейфертъ горячо защищался. Онъ раскрылъ въ обстоятельной запискѣ всѣ ходы мрачной интриги. Онъ доказалъ, что уже за два года передъ тѣмъ одинъ изъ его агентовъ увѣдомилъ его, что Мантейфель поручилъ ему «надзирать за извѣстными личностями изъ окружающихъ короля», и что онъ получалъ за это мѣсячное жалованье. Зейфертъ посоветовался съ бывшимъ своимъ начальникомъ, министромъ Ладенбергомъ. Тотъ не удивился: онъ зналъ Мантейфеля. А затѣмъ Зейферту признались самъ Мантейфель и его казначей. Тутъ же открылось, что Герлахъ, съ своей стороны, надзиралъ за наследникомъ престола. Однажды Зейферту доставили списокъ съ злословнаго доноса на кронпринца, изготовленный агентами генерала по его собственному приказанію. Зейфертъ предъявилъ его Борку, начальнику кабинета принца; но тотъ возвратилъ доносъ, сказавши, что онъ уже извѣстенъ ему.

Вотъ путь, которымъ дошли до Мутье частныя письма военнаго агента Пруссіи въ Петербургѣ, графа Мюнстера, къ генералу Герлаху. А въ нихъ точно обрисовывалось отчаянное положеніе Россіи и указывалось, что Севастополь падеть, какъ только сосредоточать огонь противъ Малахова Кургана и баттарей Корнилова.

А въ Вѣнѣ все тянулись не разъ прерываемыя конференціи. Горчаковъ одинъ выдерживалъ ожесточенныя нападенія дружно напиравшихъ союзниковъ. По описанію Ротана, за неизмѣнимъ другихъ средствъ, его тактика состояла въ поселеніи раздора между императоромъ и его министромъ. Онъ восхвалялъ Франца-Иосифа и чернилъ Буоля, какъ главное препятствіе къ искренности. Буоль только приводилъ въ свое оправданіе смягчающія обстоятельства: ему было неловко; быть можетъ, онъ не былъ свободенъ отъ угрызеній совѣсти за 1849-й годъ. Царскій посланникъ говорилъ ему покровительственнымъ тономъ: «для насъ это—дѣло жертвы, для васъ—дѣло чести. Только-что вошелъ я въ залу совѣщаній, какъ замѣтилъ, что меня заманили въ ловушку» и т. п. Затѣмъ Горчаковъ схватывался съ Буркензъ, который всегда стоялъ у бреши, готовый отражать его тонкою и сжатой діалектикой, сохраняя вѣжливое спокойствіе, между тѣмъ какъ угрюмый лордъ Уэстморлендъ твердилъ съ несноснымъ однообразіемъ: «и такъ, Россія отказывается?» Горчаковъ съ презрѣніемъ называлъ Бур-

кена «журналистомъ» (Вуркенъ былъ однимъ изъ редакторовъ «Journal des Débats»), который вовсе не забылъ своего стараго ремесла—разжигать страсти. Буоль успокоивалъ его, обѣщаль при первомъ случаѣ доказать ему старую дружбу. А Горчаковъ восклицалъ: «Вы стали на краю пропасти и скоро измѣрите ея глубину; вы пожертвовали вашими жизненными интересами, отказались отъ всякой воли; вы на буксирѣ, вы въ распоряженіи вашихъ союзниковъ». На аудіенціяхъ же у императора онъ прикидывался уступчивымъ, вкрадчивымъ и затрогивалъ самолюбіе юнаго монарха, внушая, что надъ нимъ господствуетъ воля Буоля. Онъ старался также посѣять раздоры въ министерствѣ: онъ льстилъ тцеславію Ваха и Врука (министра финансовъ) насчетъ Буоля.

Одну минуту Горчаковъ могъ думать, что поле осталось за нимъ: Буоль совсѣмъ отказался отъ мысли о войнѣ, даже сокращалъ войска—и конференціи прервались къ нравственному ущербу морскихъ державъ. Горчаковъ приписывалъ себѣ заслугу разъединенія въ лагерѣ союзниковъ. Но вдругъ Буоль одумался. Онъ началъ изливаться передъ Вуркенъ: «На кого намъ положиться, если не на васъ? Мы въ ссорѣ съ Россіей, холодны съ англичанами, покинуты нѣмцами и преданы пруссаками». И возобновились клятвы въ вѣрности договору 2-го декабря. Горчакову пришлось начинать съязнова. Вскорѣ, палъ Севастополь—и роль вѣнскихъ конференцій и Горчакова окончилась среди затаеннаго дыханія Европы, замершей въ ожиданіи слѣдствій великаго финала кровавой драмы.

Побѣжденные хранили грозное молчаніе отчаянія. Побѣдители трепетали отъ сознанія, что нечѣмъ нанести имъ послѣдняго удара. Наполеонъ бросался всюду за новыми союзниками, но нашелъ ихъ только въ шведахъ: Пальмерстонъ рѣшительно отказался восстановить Польшу; Фридрихъ-Вильгельмъ не только отвергъ предложенный ему Голштейнъ, но еще увѣдомилъ объ этомъ Данію.

Тогда-то начались тайныя сношенія Парижа съ Петербургомъ, которыя такъ долго носились въ воздухѣ и не сходили съ языка Бисмарка. Ихъ приписывали княгинѣ Ливенъ, которая проживала тогда въ столицѣ Франціи и зналась съ Морни, этимъ вождемъ партіи мира въ Тюльери.

У Петербурга былъ въ Тюльери болѣе надежный посредникъ—зять Нессельроде, саксонскій министръ, баронъ Зеебахъ, которому было ввѣрено, на время войны, попечительство надъ русскими подданными во Франціи. Онъ былъ скорѣе представителемъ своего тестя, чѣмъ Бейста. Онъ задался цѣлью примирить Францію съ Россіей и помогалъ дѣлу тайною перепиской, которую велъ съ Нессельроде и съ Валевскимъ, подъ личнымъ надзоромъ самого Наполеона. Ему мѣшали только страхъ императора передъ Лондономъ, а еще больше подозрительность англичанъ. Опасаясь, какъ бы Зеебахъ не увлекъ слабого, перемѣнчиваго Наполеона въ

отдѣльную сдѣлку съ Петербургомъ, они внушали императору недо-
вѣріе къ агентамъ фюрстовъ, какъ къ опаснымъ гостямъ, которые
способны издѣваться надъ французами, ловить ихъ тайны и, для
пущей важности, всегда готовы разглашать то, что имъ довѣряютъ
по секрету. «Лордъ Влумфильдъ,—писалъ Мутье,—совѣтуетъ хо-
рошенько хранить наши военныя тайны; онъ думаетъ, что все, что
дѣлается у насъ въ военномъ министерствѣ, тотчасъ передается
русскимъ». Маршалъ Вальянъ телеграфировалъ: «попросите вашего
товарища не скрывать отъ васъ, откуда исходятъ эти нескромности?»
Мутье отвѣчалъ: «Влумфильдъ не говоритъ, но проситъ удвоить
осторожность». Лиш. при новыхъ приставахъ англичанинъ сооб-
щилъ, кто и какъ предавалъ французамъ: оказалось, что въ Лон-
донѣ больше самого Вальяна знали, что дѣлается въ его вѣдомствѣ.
Пока въ Лондонѣ только подозрѣвали опасность, въ Вѣнѣ узнали
о работѣ Зеебаха: самъ Вейстъ пробоялся. Буоль пожаловался
Пальмерстону и объявилъ, что будетъ воевать, если только Россія
отвергнетъ предварительныя условія. Разоблаченный Наполеонъ дол-
женъ былъ прервать переговоры черезъ Зеебаха, обнадеживши его
только, что будетъ поддерживать насъ противъ Англiи, которой
хочется, чтобы мы отвергли условія.

VIII.

Пруссія въ дѣлѣ мира. — Предвѣстники бисмаркизма.

Опять наступала рѣшительная минута — и снова Берлинъ вы-
ступилъ впередъ. Съ открытія вѣнскихъ конференцій, Фридрихъ-
Вильгельмъ былъ самъ не свой. Онъ окаменѣлъ на мысли о даро-
вомъ участіи въ международномъ спектаклѣ. Его измучило обид-
ное изгнаніе изъ европейскаго ареопага. «Вѣдь, если меня не возь-
мутъ замужъ, останусь старою дѣвой!» — плакался онъ въ кругу
друзей. Когда палъ Севастополь, король смекнулъ, что распоряди-
тели спектакля находятся на Западѣ. Онъ поспѣшилъ поздравить
Наполеона, опередивъ Франца-Иосифа: впрочемъ, Австріи, по по-
словицѣ, суждено опаздывать на одинъ годъ, на одну армію и на
одну идею; а Буоль велъ тогда, по словамъ Бисмарка, «дѣтскую
политику». Затѣмъ, Гогенцоллернъ спѣшилъ безъ всякихъ издер-
жекъ сыграть первую скрипку въ дѣлѣ мира, за которое теперь
всякій хватался. Обрадовавшись, что уже въ октябрѣ французскій
агентъ спрашивалъ у Мантейфеля, нѣтъ ли какихъ предложеній
изъ Петербурга, онъ послалъ Гацфельда въ Парижъ вывѣдать усло-
вія и предлагалъ свои услуги въ Лондонѣ, а въ Вѣнѣ заговари-
валъ даже о посредничествѣ на половинныхъ издержкахъ. Но его
отстранили всюду — Валуевскій любезно, Буоль презрительно, Паль-

мерстонъ грубо. Въ Англіи даже общество возмущалось: случившаяся тогда помолвка дочери Викторіи съ нынѣшнимъ нѣмецкимъ императоромъ, Фридрихомъ III, снова вызвала злые пасквили противъ Альберта, какъ бы склоняющагося къ Востоку.

Фридрихъ-Вильгельмъ былъ неутѣшенъ. Онъ срывалъ зло на тѣхъ, кто совѣтовалъ политику воздержанія. Его разочарованіе отражалось на присныхъ. Генераль Герлахъ лишь изрѣдка появлялся въ С.-Суси и сказалъ пріятелю: «пора, братъ, подумать объ отставкѣ». Генералы, важно, по стратегіи, предвѣщавшіе поражение Запада, не смѣли проронить слова; а «Крестовая Газета» лишь изподтишка пускала свои ядовитыя стрѣлы. И въ «фатерландѣ» уже не существовало бамбергцевъ: многіе фюрсты, и во главѣ ихъ король баварскій, горячо кричали о наказаніи Россіи, если она не приметъ мира. Никакія внушенія изъ Петербурга не дѣйствовали: взоры всѣхъ обратились къ Парижу. Дипломаты фюрстовъ, съ Пфортеномъ во главѣ, спѣшили туда... «осматривать выставку». Прежде чѣмъ явиться въ Тюльери, они показали свои оливковыя вѣтви на обѣдѣ у Валевской. Хозяйка сказала, когда гости откланялись ей: «Они пришли ломать открытую дверь. Наша военная честь спасена — и мы ничего больше не желаемъ, какъ мира. Впрочемъ, сначала нужно проучить русскихъ».

Пфортена приняли съ особымъ почетомъ, какъ министра Баваріи, этого стараго друга, даже дѣтища Франціи. Восхищенный старикъ превозносилъ до небесъ Наполеона: нѣмецъ стараго закала, онъ льстилъ себя надеждой, что возвеличившійся Наполеонъ, уже въ силу французскихъ преданій, не дозволитъ ни Австріи, ни Пруссіи мучить фюрстовъ и, тѣмъ менѣе, посягать на ихъ независимость. Пфортенъ услышалъ слова мира: отъ Россіи не желали ничего, кромѣ принятія «четырехъ гарантій», только прямо, безъ всякихъ посредничествъ. Онъ горячо совѣтовалъ Нессельроде согласиться, какъ вдругъ циркуляры изъ Берлина и Вѣны разрушили всю его работу: они требовали, чтобы онъ, лишь какъ одинъ изъ членовъ Нѣмецкаго Союза, присоединился къ посредничеству послѣдняго въ Петербургѣ.

Счастливей былъ Бейстъ, благодаря своему Зеебаху. Онъ позже явился въ Тюльери. По дорогѣ онъ узналъ, во Франкфуртѣ, отъ Вруннова, о мирныхъ намѣреніяхъ Александра II, о чемъ и заявилъ Наполеону, послѣ обѣда въ С.-Клу, за бильярдомъ. Возвратившись въ Дрезденъ, Бейстъ тотчасъ написалъ, конечно, длинное письмо Нессельроде, убѣждая его согласиться. Ему отвѣчали, что уже знаютъ условія изъ переписки съ Зеебахомъ. Вслѣдъ затѣмъ, по прямому желанію Наполеона, Зеебахъ поскакалъ въ Петербургъ. Такъ какъ Англія горячилась, желая доканать финансы и торговлю Россіи, а «Австрія спѣшила на помощь побѣдителя», по выраженію французскаго агента въ Вѣнѣ, то на берегахъ Невы

измѣнился тонъ. Горчаковъ замѣтилъ Буолю: «обстоятельства осудили насъ на нѣмоту, но не на глухоту». И въ таинственныхъ ночныхъ совѣщаніяхъ между Буолемъ и Буркенэ родился знаменитый ультиматумъ, который Эстергази повезъ въ Петербургъ 16-го декабря.

Передъ тѣмъ, Буоль боялся франко-русскаго соглашенія и славяно-итальянской революціи; теперь онъ трепеталъ передъ гнѣвомъ Александра II. Отсюда его стремленіе привлечь Пруссію и Германію къ ультиматуму. Анти-русское настроеніе союзнаго сейма было извѣстно; но оно не нравилось одному бѣшеному человѣку. Бисмарку представилась картина возвышенія Габсбурга и гибели его трехлѣтнихъ трудовъ — и онъ снова ринулся въ бой. Его видѣли при дворахъ Мюнхена и Штутгардта; поговаривали о новомъ Бамбергѣ, но уже во Франкфуртѣ. Блумфильдъ сдѣлалъ строгій запросъ Мантейфелю; Францъ-Иосифъ собственноручно писалъ королямъ Баваріи и Вюртемберга; Вейстъ и Пффордтенъ ополчились. Буоль не стѣснялся въ выраженіяхъ въ своихъ нотахъ Берлину. Онъ указывалъ на одиночество Пруссіи, грозилъ исключеніемъ ея изъ конгресса и даже англійскою блокадой. Флегматичный Мантейфель оставался невозмутимъ, а его помощникъ говорилъ: «все грозятъ одиночествомъ, а какъ только произойдетъ важное событіе, тотчасъ обращаются къ Пруссіи, взываютъ къ ея содѣйствію, предъявляютъ ей ноты и договоры для подписи; лучше бы оставили насъ въ покоѣ».

«Крестовики» твердили въ палатѣ господъ: «Говорятъ, Пруссія — не великая держава. Но если вся Европа хочетъ воевать съ Россіей, а Пруссія мѣшаетъ: это — не великое дѣло? Пруссія можетъ не быть на конференціи, а миръ все-таки будетъ ея дѣломъ». Не такъ думала партія кронпринца и Мантейфеля, къ которой присталъ король, не переваривавшій мысли объ устраненіи Пруссіи изъ конгресса. Ее поддержали слишкомъ серьезныя угрозы Англии. Блумфильдъ официально жаловался на явную военную контрабанду въ Мемель, Данцигъ, Штеттинъ и по всей восточной границѣ. Завявши, что весной послѣдуетъ блокада, онъ кончилъ сухо: «Политика, которая могла быть хороша въ 1855 году, негодится въ 1856-мъ». Англійская печать осмысала бранью самого короля. Въ «Morning Post» (органъ Пальмерстона) писали: «Союзникамъ легче овладѣть Берлиномъ, чѣмъ Москвою. Дадимъ Пруссіи урокъ, котораго она не забудетъ. Второстепенное государство, которое не умѣетъ поддерживать своего званія, заслуживаетъ кары». А Мутле нашептывалъ Мантейфелю, что Пруссія, своимъ рѣшительнымъ шагомъ въ Петербургъ, не только не прогнѣвитъ царя, но поможетъ ему замириться. Наконецъ, Фридрихъ-Вильгельмъ написалъ Александру II убѣдительное письмо и велѣлъ объявить графу Нессельроде, что въ случаѣ отверженія ультиматума онъ будетъ при-

нужденъ отступить отъ Россіи. «Король волновался, страдалъ нервами, говоритъ Ротанъ: его взоры были прикованы къ Петербургу. Его сильно тревожили и страхъ раздражить племянника, и мысль о грядущей необходимости отозвать своего посланника». Тѣмъ сильнѣе была его радость, когда Россія приняла ультиматумъ: онъ могъ думать, что его письмо сотворило чудо и что благодарная Европа распахнетъ передъ нимъ двери конгресса, чего добраго— даже посадить его подъ святые. Онъ тотчасъ же телеграфировалъ Викторіи о радостной новости, важно прибавивши: «прошу сохранить тайну».

Кронпринцъ раздѣлялъ радость брата. Но принцъ Карлъ былъ въ отчаяніи: онъ ничего не видѣлъ, кромѣ униженія Россіи и возвеличенія Франціи. «Крестовики» были не меньше озадачены развязкой. Столько мнившие о себѣ «бамбергцы» были обойдены. Бисмаркъ съ горечью убѣдился, что событія выказали его недалеко-видность: его путь становился тернистымъ. Вейсшь горько жаловался на неблагодарность Потсдама, который яко бы похитилъ у него заслугу уступокъ, сдѣланныхъ Россіей: «Пруссія, говорилъ онъ, воровски проскочила въ проломъ, который я одинъ сдѣлалъ».

Но не меньше негодовали на Берлинъ враги Россіи: Фридрихъ-Вильгельмъ вполне пожиналъ горькіе плоды «отклоненій» и «двойственности чувствъ». Австрія приписывала ему разрушеніе своей мечты о преобладаніи на Балканахъ и въ Германіи: «Княжества были у насъ въ карманѣ, но ихъ поспѣшили вытащить», ворчалъ Буоль. Особенно злились англичане, со свойственною имъ грубой откровенностью. Зная задушевную мысль Фридриха-Вильгельма насчетъ конгресса, Влумфильдъ зло говорилъ Мантейфелю: «Ваша политика доведетъ васъ до полного одиночества въ Европѣ». «Мы не такъ одиноки, какъ вы думаете», возразилъ прусскій министръ. «Да, я и забылъ, что вы—приспѣшники (satellites) русскихъ», поправился англичанинъ. «Times» доказывалъ, что Пруссія «сама лишила себя значенія», и что «на конференціяхъ нѣтъ мѣста для увертливыхъ». Принцъ Альбертъ изумлялся дерзости короля лѣзть къ пирогу, котораго онъ не пекъ. Викторія выразилась краснорѣчивѣе и благороднѣе всѣхъ: «Допустить Пруссію на конгрессъ значило бы унижать Англію и доказать, что она равнодушна къ политической безнравственности».

Австрія и Англія рѣшались допустить Пруссію на конгрессъ лишь съ условіемъ, что она подпишетъ договоръ о военной защитѣ ультиматума въ случаѣ, если прервутся переговоры. Конечно Фридрихъ-Вильгельмъ отказался. Онъ обратился къ «великодушію императора французовъ». Мантейфель сказалъ Мутье: «Король ни за что не явится на конгрессъ по милости и подъ покровительствомъ Буоля. Вы не будете сожалѣть объ оказанной намъ услугѣ: будете довольны нами. Мы рассчитываемъ только на васъ: Англія явится на насъ, Австрія ревнуетъ, а Россія не хочетъ видѣть насъ».

въ Парижѣ. Россія надѣется, что мы склонимся къ ней, обиженные исключеніемъ изъ конгресса. Я хорошо замѣтилъ это изъ моихъ разговоровъ съ Орловымъ: предлагая мнѣ дружеское содѣйствіе, онъ твердилъ, что наше положеніе полно достоинства, и совѣтовалъ сохранять его, отстранять всякія заискиванія». Бисмаркъ точно также понималъ Петербургъ. Онъ писалъ Мантейфелю: «Я убѣжденъ, какъ и вы, что Россія не думаетъ серьезно о нашемъ допущеніи на конгрессъ. Изъ разговоровъ съ Брунновымъ вижу, что наше исключеніе выгоднѣе игрѣ русской дипломатіи, чѣмъ наше допущеніе. Я убѣжденъ, что мы не можемъ рассчитывать на признательность Россіи: мы попадемъ на конгрессъ, лишь благодаря французамъ, если только они заступятся за насъ». Но Бисмаркъ пришелъ къ мысли, что лучше всего спокойно, не сердясь, остаться внѣ конгресса, чтобы сохранить свободныя руки. Онъ такъ уперся въ нее, что Мантейфелю пришлось сдѣлать ему строгій разговоръ за «крайнее руссофильство».

Тогда же Буоль ѣхалъ на конгрессъ, окруженный ореоломъ побѣдителя. Во Франкфуртѣ вокругъ него подобострастно толпились послы фюрстовъ. Бисмаркъ не былъ «въ федеральномъ стадѣ»: онъ «не могъ допустить, чтобы прусскаго полномочнаго смѣшивали съ массой *deorum plurimum gentium*». Онъ даже не сдѣлалъ визита австріяку. Вѣнскій гран-сеньеръ великодушно завезъ ему свою карточку и колко сказалъ ему, встрѣтившись на нейтральной почвѣ: «можете рассчитывать, что въ Парижѣ я ничего не упущу, чтобы васъ допустили на конгрессъ».

25-го февраля 1856 года въ Парижѣ открылся конгрессъ, замѣнившій вѣнскія конференціи, эту жалкую каррикатуру на миръ. Европа дѣйствительно умиротворялась послѣ трехлѣтнихъ жестокихъ страданій. Только въ Пруссіи было непокойно: она расплачивалась за свою «политическую безнравственность». На конгрессѣ, передъ лицомъ міра, она испытывала невиданныя въ исторіи великихъ державъ униженія; у себя дома она, казалось, разлагалась. Вокругъ одного изъ самыхъ ничтожныхъ Гогенцоллерновъ кипѣла слѣпая, безтолковая борьба политическихъ страстей, въ пучинѣ которыхъ можно было найти все, кромѣ правды и нравственнаго достоинства. Мантейфеля и Гинкельдея преслѣдовали и «крестовики», и либералы. Крестовики особенно нападали на начальника полиціи за то, что онъ слишкомъ надзиралъ за ихъ продѣлками, требовалъ отъ нихъ отданія военной чести своимъ околочнымъ и арестовалъ двухъ шулеровъ изъ ихъ среды, въ жокей-клубѣ, гдѣ офицеры продувались въ азартныя игры. Чѣмъ сильнѣе стоялъ король за Гинкельдея, считая его своимъ ангеломъ-хранителемъ, тѣмъ больше ожесточалось общество. Офицеры кидали жребій, кому вызвать на дуэль главу потсдамскихъ архаровцевъ. Гинкельдей палъ, пронзенный пулей въ сердце, на поединкѣ, въ Шарлоттенбургѣ, въ двухъ шагахъ отъ дворца. За этою смертью слѣдовало

загадочное самоубійство одного виднаго лица. На биржѣ открыли подписку въ пользу многочисленной семьи Гинкельдея. Газеты негодовали, и цензура свирѣпствовала противъ нихъ. Крестовики, вечеромъ, въ день шарлоттенбургской драмы, шли за здоровье убійцы. «Я потерялъ единственнаго слугу, который умѣлъ защищать меня!» воскликнулъ растерявшійся король. Среди всеобщаго негодованія, онъ отправился съ пышностью къ трупу своего охранителя. За нимъ слѣдовало восемь придворныхъ каретъ въ траурномъ парадѣ. Всѣ принцы блистали своимъ присутствіемъ на похоронахъ: только наслѣдникъ уѣхалъ къ себѣ, въ Кобленцъ.

Среди такихъ-то событій, въ Потсдамѣ прибылъ курьеръ отъ Наполеона, приглашавшаго короля на конгрессъ, именемъ всѣхъ полномочныхъ. Завѣтная мечта Гогенцоллерна осуществилась, но въ такой формѣ, что это было новымъ ударомъ его вѣнчанному достоинству. Наполеонъ, съ помощью бельгійскаго короля, едва побѣдилъ всеобщее отвращеніе къ Берлину, доходившее у англичанъ и австрійцевъ до ненависти. Пруссію допустили на европейскій ареопагъ съ условіемъ, что она появится лишь къ концу, когда будетъ порѣшено съ главными условіями мира. Приглашеніе было крайне сухое, обидное: его не могла смягчить вѣжливая, но «конфиденціальная», препроводительная депеша Валевакаго. Мантейфель не зналъ, какъ благодарить Мутье за это утѣшеніе. Онъ собирался въ Парижъ, какъ вдругъ, въ самый день отъѣзда, либералы рѣшились воспользоваться описанною смутой для низверженія и этого столпа реакціи. Готовили запросы въ палатахъ, на основаніи тайно печатавшагося памфлета, который вновь подымалъ дѣло Зейферта, снабжая его добавочными разоблаченіями: его приписывали Узедому, желавшему занять мѣсто Мантейфеля. Мутье провѣдалъ объ ударѣ, занесенномъ надъ головой его пріятеля, и увѣдомилъ его. Экземпляры памфлета были захвачены: запросы въ парламентѣ приостановились. Но авторы уже успѣли разослать брошюру членамъ палаты и дипломатическому корпусу — и она пошла гулять по столицѣ Пруссіи. Мантейфель погибалъ? Нѣтъ, онъ получилъ Чернаго Орла. Мутье доносилъ въ Парижъ: «говорятъ, будто высокопоставленныя лица были подвергнуты надзору вовсе не противъ желанія короля и даже не безъ его вѣдома.»

Мантейфель прибылъ въ Парижъ лишь 15-го марта. Начало было для него не безъ горькихъ испытаній. Ему приходилось долго ждать, тереться въ приѣмныхъ залахъ. Не разъ онъ готовъ былъ все бросить и уѣхать. Потребовалось вмѣшательство Наполеона и Валевакаго, чтобы сломить упорную злобу англичанъ, скрытно разжигаемую австрійцами. Мантейфель былъ вознагражденъ за свою терпѣливость и скромность. Товарищи, наконецъ, сошлись съ нимъ, въ особенности же Кавуръ, вызвавшій въ немъ благоговѣніе смѣлостью своихъ замысловъ. Императоръ осыпалъ его

знаками вниманія. Въ отсутствіе императрицы, отъ него не отставали и придворныя дамы.

30-го марта настала вождѣнный миръ. Всѣ съ ума сходили отъ радости. «Я безумно люблю миръ!» восклицала Фридрихъ-Вильгельмъ и служилъ молебны, а французскую легацию осыпалъ милостями, благодарностями, любезностями.

Была омрачена только одна фигура прусскаго Мефистофеля, на черепѣ которой красовалось тогда болѣе трехъ волосковъ. Его грызло сознаніе грубой ошибки. Онъ не могъ выносить картины униженія своихъ петербургскихъ и берлинскихъ друзей и торжества ненавистнаго Габсбурга. Ему хотѣлось поскорѣе утолить жажду мести въ потокахъ хотя бы родной, нѣмецкой крови. На возвратномъ пути Мантейфель совѣщался съ Бисмаркомъ во Франкфуртѣ. Вождь «крестовиковъ» уже выставлялъ новую политику, о которой Муте тотчасъ извѣстилъ Наполеона.

«Нужно перемѣнить шкуру»,—сказалъ Бисмаркъ, имѣя въ виду покинуть преданія Священнаго Союза. Онъ совѣтовалъ не высказываться, дружить со всѣми, приманивать и усыплять всѣхъ надеждой на прусскій союзъ. Въ виду доказанной негодности Нѣмецкаго Союза, который падеть при первомъ толчекѣ, онъ намекалъ, что не мѣшало бы покуда поднять вопросъ объ Эльбскихъ герцогствахъ. Онъ видѣлъ, что въ Тюльери помогутъ: тамъ орудовали рутинеры противъ-австрійской политики временъ Людовиковъ XV и XVI, печальный смыслъ которой разоблаченъ теперь наукой¹⁾. Наполеону III, который уже помышлялъ, подъ влияніемъ герцога саксенъ-кобургскаго, объ освобожденіи Италіи, нужна была могущественная Пруссія. Упрямый въ своихъ фантазіяхъ, онъ такъ мечталъ вслухъ уже въ 1854 году, когда къ нему явился Антонъ Гогенцоллернъ, чтобъ оправдать двусмысленное поведеніе своего короля: «Хочу видѣть Пруссію сильною, съ хорошими географическими и военными границами; пусть она воспользуется случаемъ для своего округленія и утвержденія въ Германіи; Австрія же получить вознагражденіе въ Дунайскихъ княжествахъ, а выгнанные нѣмецкіе князья—въ Польшѣ»²⁾. Какъ мало искусства и краснорѣчія понадобилось Бисмарку въ Біаррицѣ! Онъ проповѣдовалъ уже обращенному.

Бисмаркъ опасался только русско-французскаго союза, мысль о которомъ давила его кошмаромъ въ теченіе всей Крымской войны. Тогда же, въ апрѣлѣ 1856 года, развивая планъ новой политики въ обширной запискѣ королю, онъ говорилъ: «При всѣхъ усиліяхъ

¹⁾ Broglie: «Le secret du roi», 1878.—Tratchevski: «La France et l'Allemagne sous Louis XVI, въ «Revue historique» за 1880—1881.—Mémoires de Bernis.

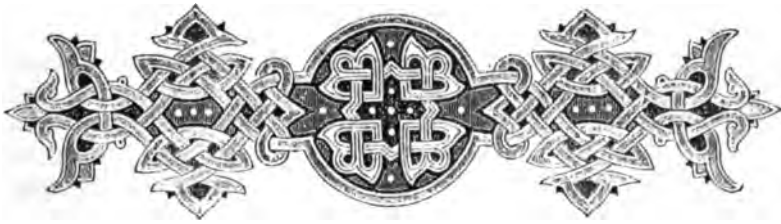
²⁾ Geffken: «Zur Geschichte des Orientalischen Kriegs» 1853—1856. Вышній дипломатъ, сначала врагъ, потомъ присѣшникъ Бисмарка, Гефкенъ былъ близокъ къ герцогу саксенъ-кобургскому и къ принцу Гогенцоллерну. Теперь онъ состоитъ въ редакціи журнала «Deutsche Rundschau».

Орлова, груша еще не упала съ дерева; она упадетъ сама, когда соарѣтъ, и русскіе какъ разъ во-время очутятся на мѣстѣ, чтобы подобрать ее въ свою шапку». Правда, Висмаркъ надѣялся, съ ловкостью юнкера, «прыгнуть обѣими ногами» въ этотъ союзъ. Но зловѣщій призракъ не покидалъ его. Вотъ его раздумье у начала пути, который велъ къ Садовой и Седану: «Станутъ составляться политическія группы. Сближеніе между Франціей и Россіей такъ естественно. Въ силу ихъ географическаго положенія и политическихъ цѣлей, нѣтъ великихъ державъ, у которыхъ было бы меньше поводовъ къ враждѣ: у нихъ нѣтъ такихъ интересовъ, которые сталкивались бы неизбежно. До сихъ поръ обѣ страны чуждались другъ друга, вслѣдствіе непріязни императора Николая къ Орлеанамъ; но только-что конченная война велась безъ ненависти; она служила больше внутреннимъ, чѣмъ внѣшнимъ интересамъ Франціи. Орлеаны исчезли, императоръ Николай въ могилѣ, Священный Союзъ разорванъ: не вижу, что бы могло ослабить силу, которая влечетъ два государства другъ къ другу; любовности, которыми они обмѣниваются,—скорѣе признакъ уже существующаго сочувствія, чѣмъ средство къ его порожденію... Случись франко-русскій союзъ съ завоевательными цѣлями—и мы не можемъ идти противъ него: мы погибнемъ, я убѣжденъ въ этомъ... На Германію нечего надѣяться. Могу утверждать, что, въ случаѣ опасности, ни одинъ фюрстъ не задумается измѣнить своимъ обязательствамъ. Министры Баваріи, Бюртемберга, Вадена, Дармштадта, Нассау ясно дали мнѣ замѣтить, что сочтутъ своимъ долгомъ разорвать узы Союза, если интересы или безопасность ихъ государей подвергнутся опасности. Они убѣждены, что императоры Наполеонъ и Александръ не покинутъ ихъ».

Впрочемъ, будь, что будетъ, а Пруссія должна думать только объ истребленіи ненавистнаго Габсбурга. «Германія слишкомъ тѣсна для насъ двоихъ,—рѣшилъ Висмаркъ:—мы работаемъ на одномъ и томъ же спорномъ полѣ. Не въ нашей власти предупредить столкновение: ходъ дѣлъ въ Германіи не представляетъ другого исхода. Чтобы держать всѣ двери открытыми, покуда достаточно окружить Наполеона занескиваніями, которыя ни къ чему насъ не обявываютъ».

Въ настоящее время Висмаркъ не боится «никого, кромѣ Бога», до котораго, какъ извѣстно, высоко. Въ Крымскую войну онъ боялся Россіи. То была вторая изъ его капитальныхъ ошибокъ. Такимъ образомъ, Висмаркъ отлично видѣлъ то, что всѣ видѣли и слышали, и впалъ въ грубыя ошибки тамъ, гдѣ нужно было предвидѣть. Но эти ошибки означали самыя благопріятныя условія для счастливецъ, для человѣка минуты. *Fata trahunt...* Судьба безстрастно совершаетъ свой ходъ, а мы носимся пылинками въ его вихрѣ, нерѣдко считая себя великими людьми.

А. Травчевскій.

ВОСПОМИНАНІЯ М. Д. ФРАНЦЕВОЙ ¹⁾.

VI.

Нашъ отъѣздъ изъ Тобольска. — Мое прощаніе съ отцомъ. — Наше путешествіе до Нижняго-Новгорода. — Неожиданныя крестины. — Приѣздъ въ Москву. — Приказъ генераль-губернатора, чтобы мы немедленно выѣхали въ Марьяно. — Прощаніе съ жандармомъ. — Приѣздъ въ Марьяно. — Свиданіе съ Михаиломъ Александровичемъ Фонъ-Визинимъ. — Паша живя въ Марьянѣ. — Разказы Михаила Александровича Фонъ-Визина. — Нарышкины. — Моя поѣздка въ Говорово на именины М. М. Нарышкина. — Семейство Репенкамфъ. — Кончина моего отца. — Предсмертная болѣзнь и кончина Михаила Александровича Фонъ-Визина.

4-го мая 1853 года, какъ только дороги стали возможными для проѣзда, мы двинулись въ далекій путь, тоже въ сопровожденіи жандарма, двухъ дѣтей-приемышей, меня, старой няни, раздѣлявшей съ Фонъ-Визиными ихъ изгнанническую жизнь въ Сибири, и прислуги. Мы выѣхали изъ Тобольска утромъ въ трехъ тарантасахъ, нагруженныхъ до верха (сибирскіе тарантасы необыкновенно удобны и пріятны для путешествія); размѣстившись такимъ образомъ: Наталья Дмитріевна со мной и жандармомъ на козлахъ въ одномъ, въ другомъ няня съ дѣтьми, а въ третьемъ прислуга съ багажемъ.

Всѣ близкіе провожали насъ также до берега Иртыша, до мѣста Подъ-Чуваши, гдѣ, пока устанавливали наши экипажи на паромъ, мы простились со всѣми провожавшими насъ. Здѣсь же простилась я съ моею матерью, маленькими сестрами и братьями; не мало, конечно, было пролито горькихъ слезъ при этомъ. Отецъ же

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXII, стр. 610.

мой, Свистуновъ и Бобрлицевъ-Пушкинъ, поѣхали провожать насъ дальше, до второй станціи, верстъ за 40.

Прощаніе мое съ отцемъ было самое тяжелое. Я была поражена его страшною грустью и необыкновенною нѣжностью, вырвавшейся при прощаніи со мной, тогда какъ обыкновенно, при всей его горячей любви ко мнѣ, онъ мало выражалъ это чувство внѣшнимъ образомъ; но при разставаньи оно проявилось въ неудержимомъ потокѣ нѣжныхъ задушевныхъ изліяній; онъ цѣловалъ мнѣ руки, глаза, благословляя меня. Его сердце точно предчувствовало, что наше съ нимъ свиданіе на землѣ не повторится болѣе. (Четыре мѣсяца спустя послѣ кончины Михаила Александровича Фонъ-Визина, отецъ мой скончался въ Tobольскѣ безъ меня).

Наше трехнедѣльное путешествіе изъ Сибири, хотя было далеко не легкое, по случаю сильнаго разлива рѣкъ, но тѣмъ не менѣе очень пріятное. Красота природы поражала насъ на каждомъ шагѣ своими величественными видами. Мы ѣхали день и ночь, дороги были хорошо устроены, гладкія какъ скатерть, вездѣ чрезъ рѣчки отличные, прочные, съ выкрашенными перилами мосты. На большихъ рѣкахъ вездѣ крѣпкіе, исправные паромы, такъ что нигдѣ не было никакой задержки. На станціяхъ мы выходили очень рѣдко, останавливались только для того, чтобы выпить чаю. Обѣдъ же нашъ состоялъ большею частью изъ холодныхъ блюдъ, и мы, сидя въ экипажахъ, закусывали, пока перепрягали лошадей на станціи. По переѣздѣ Уральскаго хребта, горы дѣлались все громаднѣе, подъемъ на нихъ становился очень затруднительнымъ; по бокамъ дороги лежали такіе громадные камни, что нѣкоторые изъ нихъ имѣли видъ домовъ. Подѣхавъ къ границѣ, раздѣляющей Азію отъ Европы, и гдѣ былъ поставленъ гранитный памятникъ въ память путешествія наслѣдника Александра Николаевича по Сибири, мы вышли всѣ изъ экипажей, чтобы поклониться дорогой, оставляемой нами, Азіи. Здѣсь находилась самая вершина Урала, откуда послѣ постоянного подъема въ гору, начинается спускъ съ нея; тутъ и рѣки измѣняютъ свое прежнее теченіе. Поразительная картина цѣпи горъ, утопающей въ синевѣ небосклона, приковывала насъ къ себѣ, и мы долго не могли оторваться отъ нея. Много думъ навѣяла эта живая картина на душу, какъ о прошедшемъ, такъ и о неизвѣстномъ будущемъ, ожидавшемъ насъ за предѣломъ этихъ величественныхъ чудныхъ горъ.

Въ большихъ городахъ мы останавливались отдыхать повѣскольку дней. Въ Екатеринбургѣ пробыли дня три, городъ, хотя и не большой, но намъ очень понравился, особенно поразилъ онъ насъ своею необычайною чистотою. Мы были встрѣчены тамъ очень радушно Одинцовымъ, женатымъ на племянницѣ покойнаго генерала Глинки, бывшаго главнымъ управляющимъ горныхъ заводовъ въ Екатеринбургѣ, и всегда очень расположеннаго къ декабристамъ.

Одинцовы, въ продолженіе всего нашего пребыванія, угощали насъ обѣдами, возили осматривать городъ и дома нѣкоторыхъ богатыхъ мѣстныхъ жителей съ ихъ садами и великолѣпными оранжереями, наполненными всевозможными тропическими растеніями. Наталья Дмитриевна, какъ страстная любительница цвѣтовъ, была просто очарована великолѣпіемъ и богатствомъ сортовъ растеній.

Пермь намъ мало понравилась; она показалась какою-то мрачною; даже Кама настолько была бурна и непривѣтлива, что мы не рѣшились плыть водою, а поѣхали опять въ экипажахъ.

До Казани, по быстротѣ ѣзды и по устройству дорогъ, все еще чувствовалось, что ѣдешь Сибирью; за Казанью же все это измѣнилось. Ѣзда была уже гораздо медленнѣе и дороги менѣе исправны; вмѣсто прекрасныхъ мостовъ, приходилось, большею частью, переѣзжать по полуразвалившимся и сгнившимъ доскамъ. Переправы были тоже далеко не въ исправности. Помню хорошо, какъ выѣхавъ изъ Казани рано утромъ, мы до самаго вечера могли сдѣлать только одну станцію, потому что разлитіе Волги было такъ велико, что затопляло луга и поля на нѣскольکو верстъ въ окружности, и намъ приходилось переправляться, за неимѣніемъ хорошаго парома, на большой лодкѣ, на которую ставили сначала одинъ тарантасъ и плыли съ нимъ чрезъ все это пространство воды, потомъ возвращалась лодка за другимъ тарантасомъ, а такъ какъ у насъ ихъ было три, то мы и должны были провести на берегу весь день въ ожиданіи конца нашей переправы, которая была не безопасна. Лодка, съ натянутымъ изъ рогожи парусомъ и поставленнымъ тарантасомъ, качаемая вѣтромъ, рисковала ежеминутно опрокинуться, особенно пробираясь между затопленныхъ кустовъ, такъ что не мало натерпѣлись мы страха при въѣздѣ на милую родину. На наше счастье погода стояла теплая, ясная.

Михаилъ Александровичъ, проѣздомъ останавливаясь на почтовыхъ станціяхъ, сумѣлъ оставить по себѣ добрую память. Во многихъ мѣстахъ намъ оказывали особенную услужливость станціонные смотрителя, узнавъ, что нашъ кортежъ составлялъ семью того добраго и необыкновенно ласковаго господина, который говорилъ имъ, что скоро будетъ проѣзжать его семейство.

— Что за простой и ласковый въ обхожденіи баринъ! — говорили они про М. А., — рѣдко встрѣчали такихъ господъ, хоть и много проѣзжаетъ ихъ у насъ!

Нижній Новгородъ, раскинувшійся по высокимъ берегамъ Волги, показался намъ необыкновенно живописнымъ. Остановившись въ лучшей гостиницѣ на площади противъ церкви, я, на другой день нашего пріѣзда, пошла къ обѣднѣ. Подойдя къ церкви, я была очень удивлена, увидя около нея цѣлую вереницу повозокъ съ толкающимися вокругъ, плохо одѣтыми мужчинами, женщинами и дѣтьми. Я спросила: «Что это за люди?» Имъ отвѣтили, что это переселенцы изъ Псковской губерніи въ Сибирь.

Въ церкви, по окончаніи литургіи, я замѣтила какого-то несчастнаго мужичка, обращающагося съ какою-то просьбою ко многимъ изъ присутствовавшихъ. Дѣло было въ томъ, что у него въ ночь родился ребенокъ на столько слабый, что онъ торопился его окрестить, но никакъ не могъ найти воспріемниковъ. Придя въ перковь въ страшномъ горѣ, онъ просто не зналъ, что дѣлать. Узнавъ это, я предложила быть крестной матерью, а какой-то господинъ, бывшій тоже въ церкви, не отказался быть воспріемникомъ. Я поскорѣе сходила домой въ гостиницу за необходимыми вещами для крестныхъ и передала Нат. Дмитр. о положеніи бѣдныхъ людей; она собрала кое-что изъ бѣлья, платья и дала денегъ.

Окрестивъ ребенка, мы вмѣстѣ съ крестнымъ отцомъ и новорожденнымъ пошли къ кибиткѣ, гдѣ находилась несчастная мать ребенка. Вѣдность ихъ была поразительная; благодарность несчастныхъ родителей не имѣла границъ, когда мы дали имъ денегъ и разнаго тряпья на дорогу.

До Нижняго мы ѣхали въ убійственной неизвѣстности относительно Михаила Александровича; мы не знали, какъ онъ доѣхалъ и живъ ли? Пробывъ въ Нижнемъ дня три, наконецъ, получили извѣстіе, что онъ живъ и здоровъ, почему и поѣхали дальше покойно. Усталыя и разбитыя отъ продолжительнаго дальняго пути, мы были очень рады дотащиться, наконецъ, до Москвы, гдѣ надѣялись отдохнуть тоже нѣсколько дней; но, увы! намъ не дали даже вдохнуть спокойно, не только хорошо отдохнуть.

Рано утромъ, 25-го мая 1853 года, вѣхали мы въ бѣлокаменную чрезъ Владимірскую заставу; велика показалась мнѣ Москва, пока добрались мы до Малой Дмитровки, въ домъ покойнаго Ивана Александровича Фонъ-Визина. Грустно сжималось сердце въ этой обширной, но пустынной для насъ столицѣ. Въ осиротѣломъ домѣ насъ встрѣтила одна лишь оставшаяся тамъ прислуга. Пустота великолѣпнаго дома и его могильная тишина производили на насъ тягостное впечатлѣніе. Только-что успѣли мы нѣсколько оправиться съ дороги, какъ стали навѣзжать родные Наталья Дмитріевны: тетка ея, Александра Павловна Фонъ-Визина, и дядя ея, Сергій Павловичъ Фонъ-Визинъ, и другіе. Вслѣдъ за ними явился чиновникъ отъ генераль-губернатора графа Закревскаго, прося насъ немедленно выѣхать изъ Москвы въ село Марьино. Наталья Дмитріевна настолько была утомлена далекимъ путешествіемъ, что просила позволить ей хоть переночевать въ Москвѣ. Пошли переговоры, ходатайства родныхъ; но ничто не помогло, — неумолимая власть не согласилась и на это, боясь, какъ мы узнали послѣ, чтобъ у Нат. Дмитр. не было такого же сѣзда, какъ при проѣздѣ Мих. Алекс. чрезъ Москву. И такъ, къ вечеру того же дня, мы выѣхали далѣе, въ сопровожденіи жандарма, но только уже не нашего сибиряка; неизвѣстно по какимъ соображеніямъ власти, вмѣсто него,

посадили къ намъ на козлы одѣтаго въ полную форму московскаго жандарма. Намъ было очень грустно разставаться съ жандармомъ-сибирякомъ, сдѣлавшимъ съ нами трехнедѣльное путешествіе, тѣмъ болѣе, что человекъ онъ былъ прекрасный, и когда сталъ съ нами прощаться, то со слезами бросился къ ногамъ Натальи Дмитріевны и обнимался съ нами побратски.

Проѣхавъ всю ночь, мы на другой день утромъ остановились въ Бронницахъ, съ тѣмъ, чтобъ на могилѣ Ив. Алекс. отслужить панихиду, и отправили гонца въ село Марьино, отстоящее въ 2-хъ верстахъ отъ Бронницъ, предупредить Мих. Алекс. о нашемъ пріѣздѣ. Только-что мы успѣли свернуть съ шоссе на проселокъ, какъ увидѣли вдали быстро шедшаго къ намъ на встрѣчу Михаила Александровича. Радость свиданія нашего была безгранична. Онъ былъ крайне удивленъ, увидя меня вмѣстѣ съ Нат. Дмитр., такъ какъ отъѣздъ мой былъ рѣшенъ неожиданно не задолго до нашего выѣзда, то ему и не успѣли написать объ этомъ.

Марьянская усадьба, окруженная стариннымъ, тѣнистымъ, съ столѣтними липовыми аллеями садомъ, стояла на возвышенной мѣстности; хорошій барскій съ мезаниномъ и балконами домъ видѣлся издали. Домъ былъ обширный, комнаты высокія, большія, увѣшанныя старинными портретами и картинами, работы покойной матери Натальи Дмитріевны, Маріи Павловны Апухтиной.

Мы размѣстились очень удобно; внизу были пріемныя и комнаты для пріѣзжающихъ, прекрасный кабинетъ Мих. Алекс. и помѣщеніе для прислуги. На верху же спальня и моя комната, изъ которой открывался великолѣпный видъ. Вдали видѣлся городъ Бронницы, а за нимъ нескончаемая даль съ разбросанными селами, полями и лугами.

Наша жизнь въ Марьинѣ потекла очень однообразно и мало удовлетворяла М. А., ему пришлось болѣе вращаться съ людьми совершенно чуждыми ему по духу и по воспитанію, тѣмъ болѣе, что на лѣто съ нами поселилась родственница покойнаго Ивана Александровича, привыкшая къ роскоши и самовластному распоряженію въ домѣ Ив. Алекс., гдѣ она жила, окруженная постоянно разными бѣдными дворянками и приживалками, раболѣпно поклонявшимися ей за ея щедрія благодѣянія изъ чужого богатства. Она вздумала было перенести всѣ свои привычки и въ Марьино, окружила себя и тутъ поклонницами и поклонниками изъ представителей маленькаго уѣзднаго городка, которые иногда бывали на столько комичны, что напоминали собой типы Гоголя, и страшно стѣсняли нашу простую жизнь, наши простыя требованія. Раболѣпство крѣпостнаго права ея прислуги нисколько также не гармонировало съ добродушіемъ нашей незатѣливой сибирской прислуги. Вообще, духъ подобострастія, господствовавшій, какъ намъ казалось, въ Россіи, производилъ на насъ удручающее впечатлѣніе.

Михаилъ Александровичъ прожилъ въ Марьинѣ ровно одиннадцать мѣсяцевъ. Отсутствие товарищей и задушевныхъ умныхъ бесѣдъ съ ними видимо было тягостно для него. Наталья же Дмитриевна должна была большую часть времени посвящать приведенію въ порядокъ весьма разстроеннаго имѣнія, доставшагося ей по наслѣдству отъ брата ея мужа, Ивана Александровича Фонъ-Визина. Онъ, умирая, не могъ оставить его брату, которому не были возвращены права и званіе. Сосѣдей, подходящихъ для Мих. Алекс., почти никого не было, такъ что большую часть дня ему приходилось дѣлать со мной.

Радужная внимательность и сердечная признательность за малѣйшую услугу, были отличительными чертами его благороднаго характера; подъ его попеченіемъ жилось пріятно и отрадно. Онъ относился одинаково внимательно къ самымъ малѣйшимъ мелочамъ жизни. Бывало, обо всемъ подумаетъ, чтобъ было удобно и хорошо живущимъ у него. Помню, какъ велика была его заботливость, когда мнѣ случилось поѣхать въ первый разъ изъ Марьина осматривать Москву; заранѣе были посланы всѣ распоряженія управляющему домомъ Ив. Алекс. Фонъ-Визина, гдѣ я должна была остановиться, чтобъ по пріѣздѣ я не имѣла ни въ чемъ недостатка; кромѣ старой няни и человѣка, со мной былъ отправленъ изъ Марьина поваръ, которому даже заказаны были Михаиломъ Александровичемъ обѣды на всю недѣлю, которую я намѣревалась провести въ Москвѣ. Я описываю всѣ эти подробности съ тою именно цѣлью, чтобъ показать во всей полнотѣ, какъ велика была всегда заботливость о другихъ незабвеннаго Михаила Александровича.

Лѣтомъ мы съ нимъ часто ѣзжали по разнымъ селамъ къ обѣдни, много гуляли по любимымъ, роднымъ его полямъ. Ему доставляло особенное удовольствіе рассказывать мнѣ про былыя времена, на примѣръ, про нашествіе французовъ въ 1812 году, при чемъ онъ вспоминалъ разные эпизоды, касавшіеся лично его въ эту эпоху. На примѣръ, какъ, однажды, будучи адъютантомъ Ермолова, онъ прискакалъ въ Марьино къ своему отцу, жившему тутъ съ семействомъ, сказать, что французы идутъ по этой дорогѣ, и чтобъ они уважали, какъ можно скорѣе на Рязань, и какъ, проводивъ ихъ, онъ отправился самъ, не смотря на близость непріятеля, въ баню, которую любилъ, какъ русскій человѣкъ, страстно. Только-что успѣлъ онъ выйти изъ бани, ему докладываютъ, что непріятель близко; онъ вышелъ на балконъ дома и, увидѣвъ, дѣйствительно, вдали приближающихся французовъ, скрылся отъ непріятеля перодеѣтый, съ помощью обожавшихъ его крестьянъ, въ мужицкое платье, и, встрѣтивъ нашу бригаду, шедшую къ Москвѣ, остановилъ ее, сказавъ, что Москва занята уже французами. Бригадный генералъ не повѣрилъ было его словамъ и не хотѣлъ измѣнить маршрута, даннаго ему начальствомъ. Тогда Мих. Алекс. энергично

возсталъ, взявъ всю отвѣтственность на себя, и далъ генералу письменный приказъ, какъ адъютантъ Ермолова, переимѣнить маршрутъ по случаю занятія столицы непріателемъ, чѣмъ и спасъ цѣлую бригаду отъ неминуемаго плѣна. Всѣ эти рассказы развлекали его нѣсколько; но не на столько удовлетворяли, чтобъ онъ не чувствовалъ своего одиночества на родинѣ. Впрочемъ, пріѣзды нѣкоторыхъ старыхъ товарищей-декабристовъ, какъ, напримѣръ, Михаила Михайловича Нарышкина съ женою, рожденной графиней Коновницыной, барона Тизенгаузена, возвращеннаго изъ Сибири по просьбѣ дѣтей, родныхъ П. С. Бобрищева-Пушкина и разныхъ родныхъ Фонъ-Визиныхъ, служили всякій разъ большимъ утѣшеніемъ для Михаила Александровича. Онъ точно перерождался и снова оживалъ въ бесѣдахъ съ людьми одного съ нимъ взгляда, образованія и понятій.

Нарышкины и прежде всегда были очень дружны съ Фонъ-Визиными, а такъ какъ они, какъ я говорила выше, были возвращены чрезъ Кавказъ гораздо раньше всѣхъ другихъ въ Россію, то много о чемъ пришлось поговорить имъ при свиданіи. Личность Мих. Мих. Нарышкина была необыкновенно симпатична. Въ его благообразной старческой фигурѣ (онъ былъ въ молодости очень красивъ собой) сіяло что-то дѣтское, мягкое. Привѣтливо-ласковое его обращеніе привлекало къ нему невольно всѣхъ. Жена его, Елисавета Петровна, имѣла самостоятельный характеръ: она хотя была и некрасива собой, но удивительно умное выраженіе лица заставляло не замѣчать этого; умъ у нея былъ въ высшей степени острый, игривый и восторженный; она все подмѣтитъ и ничего не пропуститъ безъ замѣчанія. Съ ней всегда было очень весело и пріятно. Она получила самое блестящее образованіе и была единственная дочь знаменитаго генерала графа Коновницына. Любимица отца, обожаемая мужемъ, она послѣдовала за нимъ въ Сибирь, на каторгу, гдѣ и подружилась съ Натальей Дмитріевной Фонъ-Визиной, передъ которой впоследствии благоговѣла за ея глубокую религіозность и внутреннюю духовную жизнь. При свиданіи въ Марьянѣ онъ вспоминали о жизни, проведенной на каторгѣ, но безъ малѣйшей горечи или грусти, напротивъ, много смѣялись, припоминая равные смѣшныя эпизоды, случавшіяся тамъ съ ними.

Нарышкины, пріѣзжая нѣсколько разъ въ Марьяно, всегда были очень внимательны и добры ко мнѣ. Пріѣхавъ однажды осенью и узнавъ, что я собиралась въ Москву, они упростили меня пріѣхать на именины къ Михаилу Михайловичу, 8-го ноября, въ Говорово, имѣніе его родной сестры княгини Евдокіи Михайловны Голицыной, въ 15-ти верстахъ отъ Москвы. Отправившись изъ Марьяно въ одно время съ ними, я, пріѣхавъ въ Москву, остановилась у Е. О. Пушиной и, наканунѣ 8-го числа, отправилась съ дѣвушкой на своихъ лошадяхъ въ сопровожденіи присланнаго отъ Нарышки-

ныхъ челоѣка. Меня просили не опаздывать къ обѣду, такъ какъ княгиня не любила этого, но дорога была на столько дурна и по замершей землѣ невозможно было скоро ѣхать. Я застала всѣхъ уже за столомъ. Михаилъ Михайловичъ и Елисавета Петровна вышли меня встрѣтить въ переднюю и представили княгинѣ, которая обворожила меня своею любезностію. Высокая, худая, спокойная, она носила на себѣ отпечатокъ какой-то благородной величавости и невольно внушала къ себѣ уваженіе. Она меня очень обладала, посадила около себя за столомъ, представила всѣмъ присутствующимъ у ней гостямъ, много разспрашивала о Сибири и о жизни тамъ. Говорово показалось мнѣ настоящимъ раемъ, такъ все въ немъ было устроено со вкусомъ и изяществомъ.

Пробывъ дня три въ Говоровѣ, я возвратилась въ Москву съ милымъ и добрымъ барономъ Рененкамфомъ и его женою, съ которыми я познакомилась у княгини и которые предложили мнѣ для большаго удобства поѣхать съ ними вмѣстѣ въ каретѣ. Баронъ и баронесса приняли во мнѣ, какъ въ заѣзжей сибирячкѣ, большое участіе, старались показывать достопримѣчательности Москвы, познакомили со многими своими знакомыми, возили въ оперу. Сама баронесса была довольно слабаго здоровья и мало выѣзжала, такъ что моимъ чичероне былъ самъ генералъ Рененкамфъ. Онъ былъ большой добрякъ, любезный и предупредительный. Благодаря всѣмъ этимъ развлеченіямъ, мнѣ пришлось прожить въ Москвѣ лишнее время; но я начала уже скучать и меня тянуло въ Марьино къ моимъ дорогимъ друзьямъ, зная хорошо, что и имъ безъ меня не весело въ деревнѣ. Подъ конецъ, Мих. Алек. уже началъ въ письмахъ ко мнѣ спрашивать: «скоро ли я приѣду?» Я была счастлива вернуться въ Марьино, гдѣ мнѣ, окруженной любовію и постояннымъ въ высшей степени деликатнымъ вниманіемъ, такъ хорошо жилось; только тоска по отцѣ моемъ, о которомъ я не могла вспоминать безъ давящей грусти, нарушала мое счастье. Какое-то предчувствіе говорило мнѣ, что я его не увижу больше. Конечно, я старалась, сколько могла, скрывать тягостное чувство и боролась съ нимъ, чтобъ не огорчить Фонъ-Визиныхъ; но оно было вѣрнымъ предсказаніемъ души. Ровно чрезъ годъ, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, отецъ мой лежалъ уже въ могилѣ одиноко на тобольскомъ кладбищѣ, такъ какъ мать моя съ осиротѣвшей семьей, вскорѣ послѣ его смерти, должна была переѣхать въ Россію.

Послѣ отъѣзда Ек. Ѳ. Пуцценой изъ Марьино въ Москву на зимній сезонъ въ свой домъ на Малую Дмитровку, доставшійся ей по духовному завѣщанію отъ Ивана Алек. Фонъ-Визина, наша жизнь потекла гораздо пріятнѣе и свободнѣе, безъ нравственнаго стѣсненія, испытываемаго нами во все время лѣтняго ея присутствія въ Марьинѣ.

Мих. Алек. по своему живому характеру, и здѣсь велъ дѣя-

тельную жизнь и много читалъ, такъ какъ въ Марьинѣ сохранилась большая старинная бібліотека; онъ велъ огромную переписку, любилъ очень бесѣдовать съ мужиками, вникалъ во всѣ ихъ нужды, помогалъ имъ и словомъ, и дѣломъ. Всѣ они имѣли къ нему свободный доступъ и большую довѣренность. Гуляя съ нимъ, мы часто заходили къ крестьянамъ въ избы, гдѣ всѣ встрѣчали его какъ родного отца; но не смотря на всю его доброту, онъ не потакалъ дурнымъ ихъ качествамъ и былъ неумолимъ, когда нужно было оказывать правосудіе, что хорошо знали крестьяне и чтили его за это. Вся хозяйственная часть въ Марьинѣ, такъ же какъ и въ Сибири, лежала на старой нянѣ Матренѣ Петровнѣ; она много помогала Мих. Алек. своею чуткою правдивою натурою въ удовлетвореніи нуждъ крестьянскихъ. Маленькія пріемныя дѣти развлекали и утѣшали любящее его сердце. Старшую дѣвочку онъ помѣстилъ въ одинъ изъ московскихъ пансіоновъ, гдѣ она и кончила свое воспитаніе. Наши бесѣды съ Мих. Алек. были продолжительныя; воспоминанія о прошлой сибирской жизни и о всѣхъ, тамъ оставшихся, друзьяхъ, доставляли ему много удовольствія. Наталья Дмитриевна только къ вечеру освобождалась отъ своихъ занятій по привиденію въ порядокъ дѣлъ по имѣніямъ, и тогда наши общія бесѣды длились далеко за полночь.

Однако душевныя потрясенія и горести, вынесенныя съ удивительною покорностью, повліяли разрушительно на здоровье Михаила Александровича. Силы стали измѣнять ему, неизлѣчимая болѣзнь начала проявляться различными недугами, мучившими его не мало. Такъ прошли лѣто и зима; приближалась живительная весна, дававшая намъ большія надежды на обновленіе силъ больного и на успѣшную борьбу съ недугами; но неумолимая смерть подкараулила свою жертву какъ разъ въ то время, когда все въ природѣ возрождалось и давало всему жизнь и силу. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1854 года, у М. А. кромѣ другихъ недуговъ разболѣлась сначала раненая нога, а потомъ и въ другой ногѣ стала ощущаться боль, преимущественно въ пяткѣ. Ему дѣлали нѣсколько разъ ванну, которая немного успокоивала боли, затѣмъ вдругъ боли въ ногахъ прекратились, чему мы очень было порадовались; но чрезъ нѣсколько дней болѣзнь поднялась выше и сдѣлалась опухоль въ лицѣ. Погода всю весну стояла отвратительная; холодъ, сырость и слякоть не позволяли выходить на воздухъ. 20-го же апрѣля наконецъ порадовало насъ солнышко,—это былъ первый теплый, почти лѣтній день. Мих. Алек. не смотря на то, что наканунѣ бралъ ванну, упрямилъ меня пойти съ нимъ гулять; хотя воздухъ былъ теплый и онъ былъ одѣтъ въ драповое пальто, но дулъ довольно пронзительный вѣтеръ; весенній воздухъ показался ему весьма пріятенъ, и онъ находилъ, что давно уже не чувствовалъ себя такъ хорошо, почему и не хотѣлъ вернуться назадъ. Послѣ двухчасовой прогулки,

у него явился хорошей аппетитъ, и онъ, забывъ о діетѣ, которую предъ тѣмъ соблюдалъ, покушалъ хорошо за обѣдомъ, былъ веселъ и доволенъ, много шутилъ, а послѣ обѣда, по обыкновенію, легъ въ своемъ кабинетѣ на полчаса отдохнуть; вставъ же, онъ почувствовалъ тошноту, сдѣлалась рвота, которая никого изъ насъ не испугала; мы отнесли это, конечно, къ простому разстройству желудка, уложили его въ спальнѣ уже наверху въ постель, дали кое-какія домашнія средства противъ разстройства и, успокоившись, разошлись на ночь по своимъ комнатамъ. Ночью меня разбудилъ какой-то шумъ и небывалый топотъ шаговъ, раздававшійся въ корридорѣ. Я встала, чтобы узнать причину этого шума; мнѣ сказали, что у Мих. Алек. опять поднялась рвота, и онъ сошелъ къ себѣ въ кабинетъ. Насъ всѣхъ это такъ встревожило, что мы уже не ложились больше спать, тѣмъ болѣе, что рвота у него не только не прекращалась, но къ утру еще усилилась и сдѣлалась совершенно черной.

Когда утромъ рано я пошла его навѣстить, то, войдя въ кабинетъ, была поражена переменной, происшедшей въ немъ за ночь; онъ былъ неузнаваемъ, лицо осунулось и потемнѣло. Послали въ г. Бронницы за докторомъ, который, пріѣхавъ, осмотрѣлъ больного, покачалъ головою и сказалъ, что болѣзнь очень трудная и опасная. Дѣлали все, что только могли для спасенія больного, но болѣзнь брала верхъ и шла быстро; сдѣлалось разложеніе желчи.

Страданія были жестокія. Томительная жажда изсушала всю внутренность больного; удовлетворять же ее не позволяла несносная рвота, начинавшаяся послѣ каждой ложки освѣжающей воды и доводившая его каждый разъ почти до обморока, такъ что страшно становилось за него. Докторъ, вслѣдствіе сильныхъ приступовъ, совѣтовалъ какъ можно рѣже и осторожнѣе давать ему пить, потому что могло захватить совсѣмъ дыханіе, что составляло для него невыносимую пытку. Томясь палящею жаждой, онъ умолялъ дать ему хоть глотокъ воды; при отказѣ же съ отчаяніемъ восклицалъ: «Что за мученіе такое! Самый послѣдній бѣднякъ на землѣ счастливѣе меня; онъ по крайней мѣрѣ не лишенъ той капли воды, которую я умоляю дать мнѣ!»

Невыносимыя мученія продолжались ровно десять дней; выписали было доктора изъ Москвы; но было уже поздно. Онъ нашелъ, что лѣченіе ведено было Бронницкимъ врачомъ правильно, какъ слѣдовало; но что спасти страдальца съ начала болѣзни не было никакой возможности.

Не довѣряя никому давать ему безъ себя лѣкарства, я не отходила ни днемъ, ни ночью отъ постели больного, который все время не терялъ памяти и сознанія; бодрость духа, остроуміе и какая-то дѣтская веселость, не смотря на страшныя страданія, не оставляли его. Онъ лежалъ въ кабинетѣ, увѣшанномъ портретами

предковъ своихъ; въ числѣ ихъ находился и портретъ его матери, смотря на который, онъ часто сталъ повторять, что скоро увидится со всѣми ими и умретъ въ этомъ же кабинетѣ, гдѣ скончалась его матушка. Чтобъ разогнать мрачныя его мысли, мы рѣшились перевести его въ другую комнату. Онъ согласился и имѣлъ еще на столько силы, что самъ перешелъ нѣсколько комнатъ и шутя говорилъ, что «онъ теперь точно выходецъ съ того свѣта». Попросилъ подать ему зеркало, чтобъ, какъ говорилъ онъ, — «запомнить свой образъ при томъ исчезновеніи, въ которое вступаю я теперь».

Въ полумракѣ отъ теплившейся лампы передъ ликомъ Спасителя «Моленіе о чашѣ» и при царившей тишинѣ, мы просиживали ночи около него; бывало онъ выйдетъ изъ забытья и, видя меня постоянно возлѣ него, обернется ко мнѣ съ своими, всегда добрыми, нѣжными словами: «А вы все здѣсь еще, другъ мой? Измучилъ я васъ?» — Или, глядя меня по головѣ, скажетъ: — «Какъ вы похудѣли, ухаживая за мной! Не знаю какъ и благодарить васъ за ваше нѣжное хожденіе за больнымъ старикомъ. И какъ долженъ я благодарить Бога, что я заболѣлъ не тогда, когда пріѣхалъ сюда одинокимъ! Что сталъ бы дѣлать я тогда безъ нѣжныхъ друзей?» Положеніе больного ухудшалось съ каждымъ днемъ, но никому изъ окружавшихъ его не казалось, что онъ скоро насъ оставитъ. Я не допускала мысли, чтобъ это могло случиться, такъ она меня страшила. Хотя я и совналава тяжелое и трудное состояніе его болѣзни, но все надѣялась, что Господь хотъ чудомъ да оставитъ его еще намъ на землѣ. Чтобъ освѣжиться отъ томительной ночи, я утрами уходила на нѣсколько минутъ къ себѣ наверхъ въ комнату. Видъ великолѣпной картины восходящаго солнца, оживленія природы, чириканіе птичекъ, веселая пѣсня жаворонка, поднявшагося высоко, высоко надъ землею, все это не радовало меня, а еще болѣе придавало грусти, тоска еще сильнѣе сжимала мое сердце отъ поражающаго ужаснаго контраста, что въ то самое время, когда въ природѣ все дышало жизнію, въ только-что оставленной мною комнатѣ угасала жизнь любимаго человѣка. Онъ чувствовалъ и видѣлъ яснѣе насъ, что недугъ его смертельный. Слѣдующій разговоръ его со мною свидѣтельствуешь, насколько душа его была приготовлена къ смерти и переходу въ вѣчность.

Однажды, не за долго до его кончины, подавшись сильному горю при мысли о предстоящей скоро вѣчной разлукѣ съ нимъ, я смотрѣла на умирающаго старца, лежавшаго въ забытїи, и залилась горькими слезами. Точно ли онъ спалъ, или только лежалъ съ закрытыми глазами, но вдругъ онъ ласково обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— О чемъ вы плачете, другъ мой?

Услыхавъ его вопросъ, я какъ бы очнулась и старалась поскорѣе скрыть слезы, чтобъ не испугать его; но онъ продолжалъ также тихо и кротко:

— Не плачьте, другъ мой, обо мнѣ; я готовъ предстать на судъ милосердаго Бога.—И, показывая рукою на стоящую предъ нимъ икону Спасителя, продолжалъ: — Я молю только Господа Бога, чтобъ онъ послалъ ангела своего отрѣшнить мирно душу мою отъ тѣла. Васъ же прошу, другъ мой, когда меня не будетъ здѣсь на землѣ, помолитесь обо мнѣ. Ваша молитва чистая дойдетъ до Господа и будетъ служить самымъ лучшимъ доказательствомъ дружбы вашей ко мнѣ на землѣ.

Тогда я ужъ не могла болѣе сдерживать себя и зарыдала, припавъ къ его исхудалымъ рукамъ и цѣлуя ихъ. Любящему его сердцу видимо стало жалъ меня, и онъ началъ успокаивать меня, говоря: «Не плачьте, другъ мой, Господь можетъ дать, что мы опять будемъ гулять вмѣстѣ съ вами по любимымъ полямъ!» Но, конечно, я хорошо понимала, что это одно лишь утѣшеніе съ его стороны. Въ продолженіе всей болѣзни Михаила Александровича всѣ съ большою любовью ухаживали за нимъ; старая няня тоже почти не отходила отъ больного, никто не тяготился имъ, кажется, всякій былъ бы радъ цѣлый вѣкъ ходить за такимъ кроткимъ, признательнымъ больнымъ, какимъ былъ онъ. Наталіѣ Дмитріевнѣ, женѣ его, конечно, тяжело всѣхъ было видѣть угасающую, столь дорогую, жизнь, и она съ трудомъ могла сдерживать, въ присутствіи больного, свою скорбь. Мы раза два предлагали ему пріобщаться св. Тайнъ, но онъ говорилъ:

— Подождите, я еще не готовъ къ этому великому таинству, скажу самъ, когда нужно будетъ.

За день до кончины, Михаилъ Александровичъ поутру попросилъ послать за священникомъ и Святыми Дарами, исповѣдывался, просилъ у всѣхъ прощенія и съ большимъ чувствомъ пріобщился Святыхъ Тайнъ. Потомъ, часъ спустя, по желанію крестьянъ, которые въ продолженіе всей болѣзни постоянно толпились у дверей дома, узнавая объ его здоровьѣ, принесли ихъ чудотворную икону Скорбящей Божіей Матери, и въ комнатѣ больного отслуженъ былъ молебень объ его здоровьѣ. Трогательная была картина, когда комната наполнилась крестьянами, молящимися о дорогомъ отходящемъ. Михаилъ Александровичъ самъ молился съ чувствомъ и видимо былъ тронутъ молитвами крестьянъ, которыхъ онъ всегда очень любилъ. По окончаніи молебна, съ обычнымъ своимъ добродушіемъ онъ простался съ каждымъ изъ нихъ, благодарилъ за участіе и любовь, выраженную ими. Отдохнувъ не много послѣ утомительнаго утра, онъ подождалъ меня къ себѣ, посадилъ на кровать и спросилъ: «Какой завтра день, почтовый? Вы будете писать въ Тобольскъ?» и, не давъ мнѣ отвѣтить, продолжалъ: «Теперь выслушайте мою послѣднюю просьбу: напишите и передайте пожалуйста всѣмъ моимъ друзьямъ и товарищамъ, назвавъ каждого по имени, послѣдній мой привѣтъ на землѣ. Вашему же отцу ска-

жите особенное отъ меня спасибо за его дружбу и жертву отпустить васъ ко мнѣ. Вѣдь я знаю, какъ это тяжело было ему, любящему васъ такъ горячо». Отдохнувъ немного, онъ продолжалъ: «Другу же моему Ивану Дмитриевичу Якушкину, кромѣ сердечнаго привѣта, передайте еще, что я сдержалъ данное ему слово при полученіи отъ него въ даръ, еще въ Tobольскѣ, этого одѣяла (онъ былъ покрытъ вязаннымъ одѣяломъ, подареннымъ ему Якушкинымъ), обѣщая не разставаться съ нимъ до смерти. А вы сами видите, какъ близокъ я теперь къ ней!»..

День прошелъ спокойно: больной жаловался только на боль въ раненой ногѣ. Къ вечеру боль усилилась, а потомъ появилось пораженіе всей правой стороны и частію языка. Докторъ велѣлъ поставить ногу въ горячую ванну, боль не унималась, а горячая ванна произвела только бредъ; вся кровь прилила къ головѣ; всю ночь онъ бредилъ и порывался встать, но парализованная нога мѣшала ему.

Къ утру 30-го апрѣля 1854 года сдѣлался сильнѣйшій упадокъ силъ съ выступившимъ холоднымъ потомъ; бредъ прошелъ, сознание вернулось, и больной видимо угасалъ; ему начали представляться какія-то видѣнія. Я принесла ему крестъ съ мощами и предложила читать за мною молитву «Да воскреснетъ Богъ». Онъ видимо обрадовался, приложился съ благовѣніемъ къ кресту, но едва могъ уже произносить за мной слова молитвы. Силы все слабѣли, языкъ плохо говорилъ. Послали за священникомъ, началось соборованіе; руки его были слабы и не могли держать свѣчу. Плачь и рыданія огласили комнату умирающаго; всѣ домашніе собрались помолиться объ отходящемъ, всѣми горячо любимомъ, человекѣ. По окончаніи соборованія, священникъ предложилъ ему еще разъ приобщиться Св. Таинъ; онъ радостно выразилъ свое согласіе и съ чувствомъ глубокаго благоговѣнія принялъ Господа. Священникъ началъ читать отходную, и во время чтенія ея Михаилъ Александровичъ отдалъ духъ свой въ руцѣ Божіи съ какою-то неземною радостною улыбкою, оварившею его уста.

Это было въ 4 часа пополудни 30-го апрѣля 1854 года.

Какъ только вѣсть о кончинѣ Михаила Александровича пронеслась на деревнѣ, такъ къ первой же панихидѣ собрались всѣ крестьяне. Трудно описать величественную скорбь, охватившую всѣхъ присутствующихъ при первыхъ звукахъ заукойнаго пѣнія, столь умирительно выражающагося въ молитвахъ объ усопшихъ. Во все время четырехдневнаго стоянія тѣла Михаила Александровича, панихиды отъ крестьянъ не прекращались. Они всѣ считали священнымъ долгомъ помолиться за искренно любившаго ихъ человека.

Въ первыя минуты я какъ будто не понимала, что происходило около меня, плакала и молилась, кажется, только потому, что видѣла,

какъ другіе это дѣлали; не могла даже проникнуться яснымъ сознаниемъ случившагося скорбнаго событія и ходила какъ тѣнь, не принимая ни въ чемъ участія. Но, однако, суетня и бѣготня, которая всегда бываетъ первое время по кончинѣ человѣка, и безсонныя ночи, проведенныя съ больнымъ, на столько меня утомили, что когда всѣ разошлись и все утихло, и мы, оставшись однѣ съ Натальей Дмитріевной, сѣли въ гостиной на диванъ рядомъ съ той комнатою, гдѣ стояло тѣло почившаго, я, положивъ голову къ ней на колѣни, забывъ все, заснула крѣпкимъ сномъ. Но! какое ужасное пробужденіе! До сихъ поръ не могу вспомнить о немъ безъ содроганія.

Я еще не успѣла открыть глазъ, какъ вдругъ слова чтеца, говорившаго медленнымъ, мѣрнымъ тономъ: «Упокой Господи душу новопреставленнаго раба твоего боярина Михаила» — поразили мой слухъ. Невозможно выразить того, что испытывала я въ эту минуту. «Да неужели же свершилось то, чего я никакъ не допускала»? отозвалось у меня глубоко въ разбитомъ сердцѣ. «Неужели же въ самомъ дѣлѣ то существо, которое было такъ недавно еще съ нами, раздѣлявшее вмѣстѣ всѣ наши радости и огорченія, находилось теперь недвижимо тамъ, въ той комнатѣ, откуда неслись эти ужасныя заупокойныя слова? Но гдѣ же онъ самъ? Вѣдь за нѣсколько минутъ онъ былъ тутъ? Теперь же чувствуете, что его нѣтъ уже съ нами? Что же это такое? Человѣкъ былъ, и нѣтъ его? Куда ушелъ?.. Что такое смерть? Что за таинственный, незримый ни для кого переходъ совершилъ онъ?.. Всѣ эти вопросы однѣ за другимъ толпились въ больной головѣ моей и сжимали невиносимою болью сердце. Открывъ глаза, я увидѣла, что уже наступила ночь; тускло горѣвшая лампа на столѣ разливала полусвѣтъ въ обширной гостиной; луна, показавшись изъ-за тучъ, освѣщала мрачный, безмолвный садъ и ударяла прямо въ окна нашего осиротѣвшаго дома. Когда я поднялась, то Наталья Дмитріевна, взглянувъ на меня, невольно вскрикнула: «Посмотри, что это у тебя съ лицомъ, одна сторона темная, другая совершенно бѣлая»?

О кончинѣ Михаила Александровича послали тотчасъ извѣстіе въ Москву къ роднымъ; но такъ какъ тогда телеграфа еще не было, то родные не могли скоро пріѣхать, почему въ ожиданіи ихъ похороны пришлось отложить до 4-го мая. День былъ жаркій, вѣялъ благотворный вѣтерокъ, деревья распустились, даже черемуха была въ цвѣту. Съ ранняго утра несмѣтныя толпы крестьянъ изъ окружныхъ даже деревень собрались отдать послѣдній долгъ человѣку, страдавшему за идею объ ихъ освобожденіи. До самаго собора въ Бронницахъ гробъ несли на рукахъ своихъ крестьяне, вереница экипажей съ родными и знакомыми тянулась по проселочной дорогѣ. Мы же всѣ шли пѣшкомъ за гробомъ отлетѣвшаго нашего друга.

При торжественномъ богослуженіи совершилось погребеніе. Тѣло опустили, при громкихъ рыданіяхъ всѣхъ присутствующихъ, въ тотъ же склепъ, гдѣ погребенъ былъ и братъ его Иванъ Александровичъ при соборномъ храмѣ въ городѣ Бронницахъ.

По окончаніи церемоніи всѣ печально возвратились въ осиротѣвшее Марьино, гдѣ приготовлено было поминовеніе объ усопшемъ, для гостей въ домѣ, а для крестьянъ на разставленныхъ въ саду столахъ.

VII.

Жизнь наша въ Марьинѣ послѣ кончины Михаила Александровича Фонъ-Визина.— Моя болѣзнь.— Отъѣздъ Натальи Дмитриевны Фонъ-Визинной въ Кострому.— Извѣстіе о кончинѣ моего отца.— Печальное положеніе нашей семьи.— Мое душевное разстройство.— Поѣздка моя въ Кострому къ Натальѣ Дмитриевнѣ Фонъ-Визинной.— Приѣздъ въ Марьино моей матери.— Мои заботы о семьѣ.— Первая, неудачная поѣздка въ Петербургъ.— Вторичная поѣздка въ Петербургъ.— Счастливая встрѣча въ моголѣ.— Помѣщеніе двухъ моихъ братьевъ въ кадетскій корпусъ.— Третья поѣздка въ Петербургъ.—хлопоты съ племянницами.— Поѣздка въ Царское Село для подачи просьбы императрицѣ.— Добрый офицеръ-гѣмецъ.— Моя оплошность.— Затруднительное положеніе.— Флигель-адъютантъ графъ Апраксинъ.— Подача моей просьбы императрицѣ.— Опредѣленіе одной изъ моихъ племянницъ въ Елисаветинскій институтъ.— Мое свиданіе съ Николаемъ Николаевичемъ Анненковымъ.— Его любовное участіе ко мнѣ.— Заключеніе.

Послѣ отъѣзда всѣхъ родныхъ въ Москву, мы остались съ Натальей Дмитриевной вдвоемъ. Дни нашей одинокой жизни потянулись, сопровождаемые мрачной тоской, которая точно камнемъ давила насъ своею тяжестью. Для меня все переѣнилось въ домѣ, все обаяніе жизни исчезло съ смертію Михаила Александровича, поля и сады потеряли всю свою прелесть; привыкнувъ дѣлать постоянно почти все время съ нимъ, я чувствовала живо незамѣнимость его утраты. Явилась какая-то убійственная апатія ко всему и всѣмъ; единственное еще утѣшеніе я находила въ ежедневномъ посѣщеніи могилы и въ молитвенномъ единеніи съ усопшимъ. Здоровье мое не выдержало, и я заболѣла. Даже Наталья Дмитриевна, не смотря на твердость своего характера, не могла выносить убійственной тоски и рѣшилась проѣхать въ свои родовыя Костромскія имѣнія, гдѣ она провела всю свою поэтическую юность, и гдѣ нуженъ былъ для обзорѣнія ея хозяйственный глазъ. Къ несчастью, я не могла, какъ предполагала прежде, сопутствовать ей; у меня такъ разболѣлась нога, что я пролежала нѣсколько недѣль въ постели. Оставшись послѣ отъѣзда Натальи Дмитриевны совершенно одной въ деревнѣ, я нисколько не тяготилась моимъ одиночествомъ, мнѣ сначала даже было пріятно имѣть возможность отдаваться все-

цѣло грусти и воспоминаніямъ о прошломъ. Апатія моя нарушалась лишь однимъ желаніемъ увидаться поскорѣе съ отцомъ, къ которому я стремилась всей душой, и я, не смотря на тайный какой-то страхъ не увидеть его больше на землѣ, положила непремѣнно возвратиться къ зимѣ въ Сибирь; но, судьбы Божиіи неисповѣдимы! Въ концѣ сентября я получила письмо отъ матери моей отъ 9-го сентября, гдѣ она писала, что отецъ захворалъ обычными своими спазмами и вспоминаетъ, что никто такъ не угождалъ ему въ болѣзни, какъ я. Странное впечатлѣніе произвели на меня эти малозначущія какъ будто слова. Мнѣ точно кто-то сказалъ, что все уже кончено и отца нѣтъ больше на этомъ свѣтѣ. Я мрачно передала свое впечатлѣніе старой нянѣ Матренѣ Петровнѣ и доктору, прѣвзжавшему ежедневно ко мнѣ изъ города. Они, конечно, стали меня уговаривать не придавать этому значенія, относя все къ расстройству нервъ. Я слушала ихъ, и сколько не старалась заглушить тайный голосъ разумными доводами, никакъ не могла; но чтобъ не спорить, я, взявъ на себя личину равнодушія, стала ждать второго письма, которое недѣлю спустя и было уже въ моихъ рукахъ. Долго не могла я рѣшиться открыть его, перечитала нарочно прежде всѣ другія незначущія отъ разныхъ управляющихъ письма, и когда няня, стоявшая около меня, сказала мнѣ:

— Да оставьте ужъ не интересныя письма, прочтите лучше, что пишутъ изъ Тобольска?

Тогда только рѣшилась я распечатать дрожащими отъ волненія руками письмо, хотя оно и не было запечатано черною печатью. Первые строки письма меня не поразили; писалось о чемъ-то, не помню, незначущемъ. Въ половинѣ же письма вдругъ читаю, что мать «до сихъ поръ не можетъ привыкнуть къ ужасной мысли, что отца нѣтъ больше на свѣтѣ». Я точно окаменѣла, не могла понять: «что же это такое? развѣ въ самомъ дѣлѣ отецъ умеръ? такъ почему же такую ужасную истину сообщаютъ мнѣ слегка, какъ какую-то простую новость».

Чувство злой досады противъ матери за столь легкое сообщеніе охватило меня въ первую минуту. Подробностей никакихъ, кромѣ плача и сѣтованія о своемъ горѣ! но скоро объяснилось это странное увѣдомленіе. Въ тотъ же день, когда мать писала мнѣ отъ 9-го сентября, о легкой болѣзни отца, желая меня нѣсколько приготовить, его уже не было въ живыхъ. 4-го сентября съ нимъ сдѣлался ударъ, а 9-го его уже не стало. Мать моя и добрый нашъ другъ П. С. Бобринцевъ-Пушкинъ написали мнѣ подробно, какъ объ его внезапной болѣзни, такъ и о кончинѣ, и послали все это къ «одной нашей близкой сосѣдкѣ-помѣщицѣ, которой писали и прежде о безнадежномъ состояніи отца, прося ее, подготовивъ меня, передать потомъ ихъ письма. Она же поступила на столько неразумно, что, прѣхавъ ко мнѣ ранѣе и найдя меня въ сильно нер-

вно-возбужденномъ состояніи отъ предчувствія, что отецъ скончался, испугалась и уѣхала, не рѣшившись даже намекнуть мнѣ о моемъ горѣ. Она только велѣла прислать за ней тотчасъ же, какъ я получу второе письмо отъ своихъ. Глуше ея распоряженій ничего не могло быть! Узнавъ о полученіи мною второго письма, она пріѣхала и только теперь прочла первое письмо, гдѣ находилось подробное описаніе христіанской и прекрасной кончины отца. Онъ нѣсколько разъ приходилъ въ себя, два раза пріобщался св. Таинъ, соборовался, благословилъ всѣхъ дѣтей, а меня заочно; потребовавъ мой портретъ, онъ благословилъ его и велѣлъ написать мнѣ, чтобъ я молилась за него. По прочтеніи отходной, духовнику захотѣлось, чтобъ была пропѣта любимая его пѣснь къ Богородицѣ: «Высшую небесъ», во время которой онъ и испустилъ мирно духъ свой, заповѣдавъ плачущей матери «возверзти печаль свою на Господа». Истерическое рыданіе вывело меня изъ того окаменѣнія, въ которое я впала по прочтеніи перваго мною полученнаго письма; потрясеніе и такъ уже разстроенныхъ моихъ нервъ было такъ сильно, и такъ неожиданъ былъ для меня, не смотря на предчувствіе, послѣдній жестокой ударъ, что я положительно боялась за свою голову, тѣмъ болѣе, что кромѣ жгучаго сердечнаго горя, я понимала, что осиротѣвшая семья наша изъ восьми дѣтей съ больною, слабою и волей, и физическими силами, матерью, осталась въ крайне тяжеломъ положеніи и вся забота о ней падала на меня одну. Я тутъ же рѣшила ѣхать какъ можно скорѣе на помощь къ матери; но мать не захотѣла оставаться безъ отца въ Сибири и предупредила меня, что она со всѣми дѣтьми переѣзжаетъ въ Россію. Наталья Дмитріевна, узнавъ объ этомъ, предложила въ наше распоряженіе флигель въ деревнѣ. Сколько ни боролась я съ удручающею меня скорбію, но она одолѣла меня и, постоянно усиливаясь, довела до такого нервнаго состоянія, что у меня явилась болѣзнь (столбнякъ), продолжавшаяся и мучившая меня болѣе восьми лѣтъ. Наталья Дмитріевна по своимъ дѣламъ не могла скоро возвратиться изъ Костромскихъ имѣній и писала мнѣ, что она окружена людьми недоброжелательными и боится, чтобъ они не надѣлали ей много зла. Получая такіа тревожныя отъ нея письма, мнѣ, при моемъ разстройствѣ, вообразилось, что и она находится въ безпомощномъ положеніи, и я, не смотря на свою болѣзненность, взявъ дѣвушку, одна отправилась на помощь къ Натальѣ Дмитріевнѣ въ имѣніе, версть 200 за Кострому. До Троицы Сергія я доѣхала на своихъ лошадахъ, а оттуда должна была уже ѣхать на передаточныхъ. До Ростова насъ везли въ порядочныхъ повозкахъ, дальше мы уже не имѣли этого удобства, а за Костромой пришлось, буквально, лежа въ узкой какъ гробъ повозочкѣ, запряженной парой лошадей, тащиться съ простымъ мужикомъ на козлахъ по дремучимъ Костромскимъ лѣсамъ. Бывало я подниму рогожу, покрывавшую

нашу гробницу, посмотрѣть гдѣ мы ѣдемъ? и кромѣ звѣзднаго небосклона, да дремучаго покрытаго снѣгомъ лѣса ничего не видно. Иногда становилось жутко, что мы двѣ беззащитныя женщины совершенно находимся въ рукахъ неизвѣстнаго намъ мужика. Но милость Божія покрывала насъ своею святою охраною, и мы доѣхали благополучно. Наталья Дмитріевна, непредупрежденная о моемъ пріѣздѣ, сколько обрадовалась, столько же и удивилась, увидивъ меня: «точно привидѣнье явилась ты», говорила она. Имѣнье ея «Давыдовка» расположено въ превосходной мѣстности, на крутой горѣ, покрытой густымъ лѣсомъ, внизу же, его живописно отбала, извиваясь, рѣка Унжа, то ускользя отъ глазъ, то снова показываясь вдали лучезарнымъ изгибомъ.

Назадъ я возвращалась уже вмѣстѣ съ Натальей Дмитріевной на почтовыхъ.

По пріѣздѣ нашемъ обратно въ Марьино, чрезъ нѣсколько дней, въ концѣ декабря 1854 года, изъ Сибири пріѣхала мать моя съ семейю. Несказанно тяжело было мнѣ, увидѣвшись съ своею семейю, не найти посреди ея дорогого отца моего.

Послѣдующая моя жизнь въ Россіи потянулась для меня въ непрестанныхъ заботахъ и хлопотахъ объ осиротѣвшей семьѣ моей, оставшейся, за исключеніемъ небольшой, заслуженной отцомъ пенсіи, почти безъ всякихъ другихъ средствъ къ существованію. Прежде всего я устроила двухъ маленькихъ братьевъ въ пансіонъ, а потомъ стала хлопотать о помѣщеніи ихъ на казенный счетъ въ корпусъ. Поэтому надо было самой ѣхать въ Петербургъ, куда я и отправилась въ маѣ мѣсяцѣ 1855 года. Для меня былъ трудный подвигъ рѣшиться совершенно одной ѣхать въ незнакомый городъ, гдѣ я не имѣла никого изъ близкихъ; но дѣлать было нечего; полная надеждой на успѣхъ, я все-таки довольно бодро отправилась туда.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, я остановилась у однихъ моихъ знакомыхъ. На другой день, скрѣпя сердце, я отправилась въ Главный Штабъ, гдѣ начальникомъ въ то время былъ генералъ Путьята. Спустя долгое время, вышелъ генералъ и обошелъ поочередно просителей. Личность и прекрасныя его манеры плѣнили меня сразу. Онъ учтиво спросилъ о моемъ дѣлѣ и, узнавъ въ чемъ оно состояло, сказалъ, разсмотрѣвъ бумаги, что братья мои имѣютъ полное право на поступленіе въ корпусъ, если только, прибавилъ онъ, попадутъ въ очередь; но что просьба должна быть подана въ сентябрь, а не въ маѣ, почему и не можетъ быть теперь принята. Такъ я и уѣхала изъ Петербурга съ подорванной уже надеждою на успѣхъ помѣстить братьевъ, тѣмъ болѣе, что познакомившись съ нѣкоторыми родственниками декабристовъ: братомъ П. С. Вобрицева-Пушкина, Михаиломъ Сергѣевичемъ Вобрицевымъ-Пушкинымъ, и отыскавъ свою старую пріятельницу, дочь декабриста Анненкова, вышедшую

замужъ и поселившуюся въ Петербургѣ, я еще болѣе разочаровалась въ успѣхъ моего предпріятія, такъ какъ они всѣ говорили, чтобъ я не рассчитывала много на любовныя обѣщанія высокопоставленныхъ лицъ: что они всѣ обѣщаютъ, да мало исполняютъ.

Возвратившись съ разбитымъ сердцемъ назадъ, я въ октябрѣ должна была опять ѣхать въ Петербургъ, но только съ меньшею надеждой на людей, а съ большимъ упованіемъ на помощь Божию, которая и выказалась вскорѣ чуднымъ образомъ. Надо сказать, что когда былъ назначенъ день моего отъѣзда изъ Москвы, одни мои знакомые очень упрашивали меня остаться до другого дня, чтобъ присутствовать у нихъ на маленькомъ вечерѣ. Конечно, такая отсрочка ровно ничего не значила, но какъ иногда бываетъ нужно слѣдовать внутреннему влеченію. Хотя меня очень привлекало быть на вечерѣ, но я не могла поборотъ внутренняго требованія ѣхать именно въ назначенный мною день; сколько я ни колебалась, но все-таки настояла и поѣхала въ тотъ же день. Въ вокзалѣ желѣзной дороги встрѣтила меня Марья Кирилловна Нарышкина, которая, зная мою дикость, пріѣхала меня проводить. Вагонъ былъ полонъ, когда мы вошли въ него. Усѣвшись и оглядѣвшись вокругъ, я нѣсколько испугалась непривлекательнаго вида окружавшей меня компаніи; одно только мѣсто какъ разъ противъ меня, было свободное, я и молила Бога, чтобъ сѣлъ кто-нибудь изъ людей болѣе порядочныхъ; на мое счастье входитъ военный очень приличный господинъ, садится, беретъ книжку и въ продолженіе всего дня читаетъ ее. Я совершенно успокоилась, но на одной станціи входитъ въ вагонъ какой-то старый, очень некрасивый господинъ, неряшливо одѣтый, подходитъ прямо къ моему vis-à-vis и дружески здорвается съ нимъ; меня испугала неприятная наружность вошедшаго, но, къ счастью, поѣздъ скоро двинулся, и онъ ушелъ, а мой vis-à-vis снова принялся за чтеніе. Приходитъ ночь, vis-à-vis, замѣтивъ, что я никуда ни на одной станціи не выходила, обратился ко мнѣ съ просьбою побережь ему, пока онъ пьетъ чай, сосѣднее, опустѣвшее мѣсто, прибавивъ, что онъ ѣдетъ изъ Варшавы и четвертую ночь не спитъ. Я обѣщала. Вернувшись, онъ поблагодарилъ меня и обратился съ вопросомъ, куда я ѣду, и, узнавъ, что я хлопочу о помѣщеніи братьевъ въ корпусъ, сказалъ мнѣ:

— Позвольте записать фамилію вашихъ братьевъ; съ этимъ же поѣздомъ ѣдетъ тестъ г. Путяты; на слѣдующей станціи я его увижу и попрошу замолвить словечко зятю о вашей просьбѣ.

Я поблагодарила его и, конечно, очень обрадовалась такому неожиданному случаю. На слѣдующей станціи почти весь вагонъ опустѣлъ; всѣ ушли ужинать. Оставшись почти одна, я чрезъ нѣсколько минутъ услышала позади меня шумъ, и, оглянувшись, съ испугомъ замѣтила того же непригляднаго старика. Мой vis-à-vis представлялъ мнѣ его:

— Генераль Пашковъ, тестъ генерала Путятъ.

Онъ очень добродушно и любезно отнесся ко мнѣ, обѣщался исполнить все, что только будетъ отъ него зависѣть, записалъ мой адресъ и просилъ прежде его не являться къ Путятѣ, сказавъ, что онъ самъ черезъ три дня пріѣдетъ сообщить мнѣ отвѣтъ г. Путятъ. Я не знала какъ благодарить Бога за такую неожиданную помощь. Мой vis-à-vis былъ нѣкто Варановъ, котораго я тоже благодарила сердечно. Пріѣхавъ въ Петербургъ, я рассказала знакомымъ о моей счастливой встрѣчѣ съ г. Пашковымъ; меня всячески старались разочаровать: «ждите его обѣщанія и пропускайте время», говорили мнѣ всѣ и опять смутили меня страшно; но торжество мое было полное, когда Пашковъ въ назначенный срокъ привезъ мнѣ отвѣтъ, чтобъ я представила всѣ бумаги г. Путятѣ, и просилъ передать ихъ ему, а онъ уже самъ отдастъ ихъ зятю. Такимъ образомъ, черезъ него Господь помогъ мнѣ помѣстить обоихъ братьевъ во 2-ой Московскій кадетскій корпусъ. Только-что я немного успокоилась отъ всѣхъ этихъ тревоженій, какъ пріѣзжаетъ изъ Кіева моя старшая замужня сестра съ тремя маленькими дочерьми, у которыхъ отецъ подполковникъ Нога, вслѣдствіе разстройства своихъ дѣлъ, сошелъ съ ума. Онъ тоже служилъ при кн. Горчаковѣ въ Сибири въ Томскѣ и Омскѣ полиціимейстеромъ и, бывъ необыкновенно честнымъ человѣкомъ, отличался, особенно въ Томскѣ, необычайною распорядительностію, уничтожилъ почти всѣ грабежи, бывшіе до него и наводившіе паническій страхъ на жителей Томска; такъ что при ревизіи гр. Толстымъ Томской губерніи, онъ обратилъ на себя особенное вниманіе гр. Толстого и получилъ орденъ за отличную и примѣрную распорядительность. Переведенный потомъ въ Омскъ, онъ не захотѣлъ подчиняться прихотямъ генеральши Шрамъ, имѣя по этому поводу непріятности съ кн. Горчаковымъ, и вышелъ въ отставку; но, будучи всегда честнымъ труженникомъ, не нажилъ себѣ, конечно, состоянія, хотя и могъ бы обогатиться даже въ Томскѣ. Онъ переѣхалъ къ себѣ на родину въ Кіевъ, сталъ болѣть и, имѣя семью, не вынесъ лишеній и кончилъ сумасшествіемъ. Дѣти подрастали и требовали воспитанія, сестра и привезла ихъ къ намъ. Мнѣ же опять пришлось хлопотать за нихъ. Настало время коронаціи императора Александра Николаевича и я надѣялась что-нибудь сдѣлать; прожила съ мѣсяцъ въ Москвѣ, но ничего не успѣла; трудно было въ такое суетливое время имѣть доступъ къ тѣмъ лицамъ, отъ которыхъ зависѣло дѣло. Подъ конецъ, уже когда дворъ уѣхалъ изъ Москвы, я случайно встрѣтилась у однихъ знакомыхъ опять съ генераломъ Пашковымъ. Обрадовавшись этой встрѣчѣ, я рассказала ему о своихъ новыхъ хлопотахъ и о совершенной своей неудачѣ. Онъ былъ на столько добръ, что снова предложилъ мнѣ свои услуги и сказалъ, что справится въ Петербургѣ и напишетъ мнѣ, что нужно будетъ

предпринять. Вскорѣ я получила отъ него извѣстіе, что мнѣ нужно самой опять пріѣхать въ Петербургъ, куда въ ноябрѣ я и отправилась. Однако, мнѣ съ дѣвочками было гораздо больше хлопотъ, чѣмъ съ мальчиками, не смотря на дѣятельную помощь того же добраго г. Пашкова. Главное затрудненіе состояло въ томъ, что не было нужныхъ бумагъ у дѣтей, а сумасшедшій отецъ не выдавалъ ихъ. Сколько разъ ни ѣздилъ я вмѣстѣ съ Пашковымъ въ канцелярію императрицы къ секретарю г. Морицу, человѣку произведшему на меня самое отрадное впечатлѣніе своею человѣчностью и деликатностью, но безъ бумагъ ничего не могла сдѣлать. Тогда я рѣшилась подать лично просьбу на высочайшее имя. Написала сама на имя императрицы Маріи Александровны просьбу и поѣхала въ Царское Село, гдѣ еще находилась царская фамилія и гдѣ, казалось мнѣ, было удобнѣе подавать просьбу. Рано утромъ, 21-го ноября я была уже въ Царскомъ. Взявъ извозчика, я велѣла вести себя въ ближайшую гостинницу къ дворцу, которая оказалась довольно грязною; но выбирать было некогда. Номеръ былъ очень плоховать. Извозчикъ дорогой рассказалъ мнѣ, что во дворцѣ по случаю праздника есть обѣдня, что туда всѣхъ пускаютъ и государыня вѣроятно будетъ тамъ. Я, оставивъ въ гостинницѣ свои вещи, прямо на томъ же извозчикѣ отправилась во дворецъ къ обѣднѣ; остановившись у подъѣзда, я робко, не зная куда идти, подвинулась по лѣстницѣ на верхъ. Проходя залы, ведущія въ церковь, наполненныя придворными, я невольно смутилась, думая туда ли я иду, и не знала идти ли дальше; но они замѣтили мое смущеніе и учтиво указали дорогу въ церковь. Церковь поразила меня своей красотой, она была голубого цвѣта и покрыта золотыми звѣздочками, полъ устланый дорогими коврами, впереди стояли бархатныя кресла и мягкіе стулья. Я сначала все поджидала прихода императрицы, но она, какъ оказалось послѣ, не была у обѣдни по нездоровью. Тихое, стройное пѣніе придворныхъ пѣвчихъ невольно вызывало у меня слезы отъ страха, какъ я рѣшусь одна, безъ руководителя, подавать прошеніе. Помолясь усердно Господу, я предалась на Его святое милосердіе. Обѣдня кончилась, всѣ стали расходиться; я, смущенная, послѣдовала за другими и запуталась въ корридорахъ, не зная какъ и куда выйти; разспросивъ какъ пробраться въ колоннаду, о которой мнѣ прежде говорили, я только-что вошла въ нее, какъ вижу подають одиночныя сани; спрашиваю у кого-то:

— Для кого эти сани?

— Государь сейчасъ ѣдетъ на парадъ въ Петербургъ;— отвѣтили мнѣ.

У меня сейчасъ мелькнула мысль не подать ли ему тутъ прошеніе? Я пошла дальше, вдали стояла группа офицеровъ; подойдя къ нимъ, я остановилась; нѣкоторые спросили меня, что мнѣ нужно?

И отвѣтила, что я пріѣхала изъ Сибири и желала бы видѣть государя. Одинъ изъ офицеровъ нѣмецъ спросилъ меня, не хочу ли я подать просьбу государю,—я отвѣтила отрицательно, потому что Пашковъ и многіе другіе предупреждали меня, чтобъ я не всёмъ рассказывала, что хочу подавать просьбу императору. Вдругъ всё зашевелились. — «Государь ѣдетъ!» пронеслось по саду; меня поставили ближе къ рѣшеткѣ. Государь выѣзжалъ шагомъ изъ-за рѣшетки въ колоннаду, всё обнажили головы; государь, проѣхавъ мимо меня, вдругъ остановился и громкимъ, строгимъ голосомъ, смотря впередъ, спросилъ:

— Кто вы такой?

Тихимъ, дребезжащимъ голосомъ отвѣчаетъ кто-то:

— Вашего императорскаго величества вѣрноподданный такой-то.

— А развѣ вы не знаете, что мои вѣрноподданные передо мной шапки снимаютъ?—также строго и громко замѣтилъ государь.

Мы всё невольно оглянулись и увидѣли стоявшую несчастную фигуру какого-то человѣчка, съ поднятою къ верху просьбою, забывшаго снять шапку.

— Отведите его къ дежурному флигель-адъютанту и скажите, чтобъ рассмотрѣлъ просьбу!—сказалъ гораздо уже мягче государь и поѣхалъ дальше.

Несчастливаго окружили офицеры и повели дальше; я же осталась какъ громомъ пораженная этою сценой; у меня сжалось сердце отъ предстоящаго и мнѣ самой подвига подаванія прошенія и также полнаго незнаванія правилъ для этого. Куда же, думаю, мнѣ идти? Офицеръ-нѣмецъ, уже не молодой и очень добрый на видъ, замѣтивъ мое смущенное состояніе, опять, когда всё разошлись, обратился ко мнѣ, повторяя вопросъ, не думаю ли я подать просьбу? Съ участіемъ сдѣланный имъ вопросъ внушилъ мнѣ къ нему довѣріе, и я рѣшилась ему сознаться. Онъ, узнавъ, что просьба у меня написана на имя императрицы, замѣтилъ мнѣ, что она только и можетъ быть подана императрицѣ, а не другому кому. Онъ принялъ живое участіе во мнѣ, рассказалъ подробно на мой вопросъ, гдѣ я могу увидать императрицу, объяснилъ, что она въ два часа всегда гуляетъ по саду, и тутъ я могу легко подать ей просьбу. Онъ повелъ меня по царскосельскому саду, показывалъ черныя лебедей и, разставаясь, пожелалъ полнаго успѣха. Оставшись совершенно одна въ неизвѣстномъ саду, я пошла бродить по расчищеннымъ и указаннымъ мнѣ офицеромъ дорожкамъ, гдѣ обыкновенно гуляетъ императрица, ожидая ея выхода. Долго бродила я въ тревожномъ ожиданіи; сначала много гуляющихъ встрѣчалось мнѣ, потомъ садъ началъ пустѣть; началъ перепадать маленькій снѣжокъ и сдѣлалось довольно сумрачно, а императрицы все нѣтъ, какъ нѣтъ. Страхъ запалъ у меня на сердце; а что можетъ быть она по этой погодѣ совсѣмъ не пойдетъ, что мнѣ тогда дѣлать? силы

стали мнѣ измѣнять, такъ какъ я съ утра ничего не ѣла; отдохнувши немного на скамейкѣ и собравъ послѣднія силы, я пошла опять по аллеѣ, ведущей ко дворцу. Вдали показалась какая-то группа, я направила къ ней свои шаги; подойдя ближе, я увидѣла очень быстро идущую, одѣтую въ черное, женщину, окруженную мальчиками и собачками, покрытыми красными попонами. Она такъ скоро шла, что я, принявъ ее за придворную даму съ дѣтьми, посторонилась, давъ имъ дорогу. Поднявшись выше, я встрѣтила нѣмца-офицера, который обратился ко мнѣ съ словами:

— Ну что подали императрицѣ просьбу?

— Какой императрицѣ, она еще не выходила!—растеряннымъ голосомъ отвѣчала я.

— Какъ не выходила, она вѣдь сейчасъ прошла мимо васъ, послѣшите поскорѣе обогнуть эту аллею и дойти до той рѣшетки, за которую не пускаютъ уже постороннихъ, раньше ея прихода,—сказалъ онъ нѣсколько разсерженнымъ голосомъ на мою глупую оплошность. Какъ я ни спѣшила къ рѣшеткѣ, но, подойдя къ ней, увидала, что императрица, опередивъ меня, уже была за ней.

Положеніе мое было ужасное; я впала буквально въ отчаяніе; досада на себя, на свою глупость, терзала невыносимо мое сердце; я не знала, что мнѣ дѣлать; разбитая и усталая, я еле тащилась по дорожкѣ, какъ вдругъ слышу за собой шлепанье калошъ, чаще другихъ встрѣчавшагося мнѣ какого-то офицера. Онъ прошелъ мимо меня, оглянулся и, вернувшись, обратился съ вопросомъ:

— Видѣла ли я великихъ князей и съ кѣмъ они прошли?

Я отвѣчала очень сухо:

— Не знаю съ кѣмъ, кажется съ государыней.

— Какъ, кажется, вы развѣ не знаете ее?

— Не знала, но мнѣ сказали послѣ, что это она.

— Стало быть вы не вдѣшняя?

— Нѣтъ.

— Откуда же вы, изъ Петербурга?

— Да, изъ Петербурга.

— Постоянно тамъ живете?

— Нѣтъ.

— Такъ вы московская?

— Нѣтъ, не московская.

— Такъ откуда же вы?—приставалъ онъ ко мнѣ съ своими докучливыми вопросами.

— Изъ Сибири,—угрюмо отвѣчала я ему.

— Есть ли у васъ знакомые въ Царскомъ?

— Никого нѣтъ.

— Съ кѣмъ же вы пріѣхали?

— Одна.

— Какъ одни, гдѣ же вы остановились?

— Сама не знаю, въ какой-то гостинницѣ, куда привезъ меня съ вокзала извозчикъ и теперь, не зная ея названія и мѣстности, я не знаю даже какъ и дойти до нея.

— Вы что же пріѣхали?—у васъ есть просьба?

— А вамъ что за дѣло? — отвѣтила я ему сурово, вспомнивъ, что мнѣ не совѣтывали говорить объ этомъ.

— Да можетъ быть я могу вамъ быть полезенъ?

— Вы! не думаю!

— Отчего же?—я дежурный флигель-адъютантъ.

Тогда взглянувъ на него пристальнѣе и замѣтивши на немъ аксельбанты, я, нисколько не растерявшись, спросила:

— А фамилія ваша?

— Графъ Апраксинъ.

— Ну, это другое дѣло.

— Я обязанъ даже, если вы имѣете просьбу къ императору, принять и передать ее.

— Моя просьба къ государынѣ.

— Жаль, тогда я не имѣю права принять ее; почему же вы пропустили удобный случай и не подали ей?

— Я не знала, что это императрица.

— Что же вы думаете дѣлать теперь?

— Остаться до завтра, хотя для меня это будетъ ужасно, мнѣ еще надо отыскать гостинницу, гдѣ я остановилась.

— Позвольте мнѣ васъ проводить.

— Я обрадовалась его предложенію.

Выйдя съ нимъ на площадь, я совсѣмъ не узнавала мѣстности и не знала, гдѣ была та гостинница, въ которой я остановилась; но къ моему счастью попался тотъ самый извозчикъ, который везъ меня съ вокзала; я тотчасъ его узнала и закричала ему, чтобъ онъ насъ довезъ.

— Хороша гостинница?—спрашиваетъ меня гр. Апраксинъ.

— Не очень.

— А можно мнѣ войти съ вами?

— Пожалуйста.

Взошли мы въ номеръ, который былъ довольно грязенъ и теменъ.

— Ахъ, какъ тутъ дурно!—воскликнулъ онъ.—Развѣ нѣтъ лучшихъ номеровъ? — обратился онъ къ стоявшему со свѣчей корридорному.

— Есть, но дороже, рубля на два.

— Это для меня слишкомъ дорого,—поспѣшила я сказать.

— Позвольте мнѣ вамъ нанять.

— Съ какой это стати?—гордо отвѣтила я, взглянувъ прямо ему въ глаза.

— Мнѣ вѣдь это ничего не стоитъ.

— Благодарю за вниманіе, но остаюсь тутъ же въ этомъ номерѣ.

— Такъ позвольте нѣсколько минутъ пребыть съ вами?

Я воспользовалась его присутствіемъ, чтобъ показать, по формѣ ли написана моя просьба. Оказалось, какъ слѣдуетъ; онъ, повертѣвшись, опять говоритъ:

— Какъ здѣсь холодно!—Вамъ не холодно?

— Нѣтъ, не холодно.

— Что же вы не обѣдаете?

— Не хочу.

— Какъ не хотите?—да вѣдь я все время въ саду слѣдилъ за вами, только боялся подойти къ вамъ, вы такъ сурово смотрѣли, и знаю, что вы еще не кушали. Позвольте мнѣ взять вамъ обѣдъ?

— Благодарю, я не хочу ѣсть.

— Какая вы гордая!

Посмотрѣвъ на часы, онъ воскликнулъ:

— Ужъ 5-ть часовъ, скоро прійдетъ государь изъ Петербурга, а мнѣ нужно еще пообѣдать; да какъ же вы-то останетесь безъ обѣда?—позвольте мнѣ хоть съ царскаго стола прислать обѣдъ, вѣдь это не мой, а царскій.

На мой рѣшительный отказъ онъ воскликнулъ:

— Видно, что вы сибирячка, гдѣ много гордости.

— То есть достоинства, хотите вы сказать,—замѣтила я ему.

— Однако, прощайте, мнѣ пора идти, да какъ же вы одна останетесь, можно мнѣ вечеромъ зайти къ вамъ?

Я молчала.

— Такъ вѣрно вамъ непріятно мое посѣщеніе?

Я опять молчу.

— Ну такъ прощайте, если случится когда вамъ въ Петербургѣ подавать просьбу императору, спросите въ дежурной комнатѣ флигель-адъютанта графа Апраксина, я всегда буду къ вашимъ услугамъ. Впрочемъ, если и здѣсь что нужно будетъ, то пришлите, я все доставлю вамъ.

Сказавъ это, онъ протянулъ мнѣ руку. Такъ мы простились, и я его больше никогда не видала. Нервы мои въ продолженіе всего дня были такъ натянуты, что, по его уходѣ, мнѣ сдѣлалось дурно. Я впала въ свое каталептическое состояніе, которое съ большимъ трудомъ сдерживала въ его присутствіи. Очнувшись часовъ въ 9-ть вечера и почувствовавъ холодъ, я закуталась въ шубу и заснула, не раздѣваясь. Проснувшись на другой день, хотя я и чувствовала большую слабость, но пошла въ соборъ къ обѣднѣ. Я насилу могла дойти назадъ; сильный вѣтеръ отнималъ у меня и физическія, и нравственныя силы; въ страхѣ я предполагала, что въ такой вѣтеръ императрица не пойдетъ гулять, а мнѣ за неимѣніемъ съ собой денегъ нельзя было уже оставаться дольше. Навившись чаю, чтобъ нѣсколько подкрѣпиться, я въ часъ дня снова пошла въ садъ, который на этотъ разъ былъ почти пустъ. Опять

долго бродила я по его аллеямъ, подь конецъ, изнемогая совсѣмъ, стала ходить взадъ и впередъ по аллеѣ, ведущей во дворецъ. Начало смеркаться, а императрицы все нѣтъ какъ нѣтъ. Я шла, опустивъ голову, и двугъ услышала опять какой-то шумъ. Я присмотрѣлась и увидѣла вдали нѣсколькихъ офицеровъ въ красныхъ фуражкахъ, идущихъ мнѣ на встрѣчу. Мнѣ стало досадно на нихъ, что они могутъ быть свидѣтелями моего неприятнаго положенія при подачѣ просьбы; желая разсмотрѣть ихъ хорошенько, я взглянула въ лорнетъ и представьте мой ужасъ, когда въ этой группѣ я узнала государя подь ручку съ государыней, а впереди ихъ великихъ князей въ красныхъ фуражкахъ. Всѣ они быстро приближались ко мнѣ на встрѣчу. Я пришла въ такое смущеніе, что кажется еслибъ была возможность, то куда-нибудь ускользнула бы. Однако, подавивъ смущеніе, внутренно перекрестившись и держа въ рукахъ просьбу, я пересѣкла имъ дорогу; великіе князья, какъ только замѣтили, что я хочу подойти, тотчасъ посторонились и дали мнѣ дорогу. Государь съ императрицей остановились; я поклонилась имъ, подошла прямо къ ней и съ волненіемъ сказала:

— Ваше величество, я имѣю къ вамъ просьбу.

— Что вамъ угодно?—спросила она тихимъ голосомъ, взглянувъ на меня своими кроткими глазами.

Я, вмѣсто отвѣта, подала ей свою просьбу; она приняла ее и, держа въ рукахъ, сказала:—«Хорошо». Государь же въ это время, осмотрѣвъ меня съ ногъ до головы, спросилъ:—«Кто вы такая? Я назвала себя, посмотрѣвъ прямо ему въ глаза. Онъ еще разъ повторилъ:—«Какъ фамилія?»—Я отвѣтила. Онъ, поклонившись, сказалъ:—«Хорошо».—Я то же поклонилась, и они пошли въ одну сторону, а я въ другую. Я спѣшила, чтобы не опоздать на поѣздъ, наскоро взяла въ гостинницѣ свои вещи и отправилась въ Петербургъ. На другой день, я вмѣстѣ съ Пашковымъ опять поѣхала въ карцелярію императрицы и горе мое было велико, когда тотъ же секретарь ея, г. Морицъ, отвѣтилъ мнѣ, что не смотря на то, что я лично подавала просьбу императрицѣ, безъ формулярнаго списка отца дѣвочекъ, невозможно ничего сдѣлать. Когда же на мое несмѣлое замѣчаніе, не можетъ ли онъ самъ, какъ секретарь императрицы, потребовать этихъ бумагъ? онъ, ухватившись за эту мысль, воскликнулъ:—«Какъ это мнѣ прежде въ голову не приходило, вѣдь это возможно и я непременно это сдѣлаю; а вы теперь же можете спокойно отправляться домой».

Весной, къ моей великой радости, я получила отъ него формальное увѣдомленіе, что одна изъ племянницъ (а я хлопотала о двухъ) зачислена въ Московскій Елисаветинскій институтъ пансіонеркой императрицы. Я даже заплакала, получивъ такую неожиданную радость. Поблагодаривъ Господа за устройство дѣвочки, я начала хлопотать и о другой, съ которой тоже не мало было труда. Но

мнѣ въ этомъ очень помогъ генераль-адъютантъ Ник. Ник. Анненковъ, котораго, какъ уже сказано мною раньше, въ бытность его на ревизіи въ Западной Сибири въ 1851 году, я знала въ Tobольскѣ. Мнѣ не приходилось еще обращаться къ нему въ Петербургѣ съ моими дѣлами, которыя, благодаря г. Пашкову, Богъ помогалъ мнѣ обдѣлывать; но, при помѣщеніи другой племянницы, статсъ-секретарь Гофманъ началъ дѣлать затрудненія, и нужно было имѣть рекомендацію отъ болѣе высокопоставленнаго лица, почему я и обратилась къ Н. Н. Анненкову, который въ то время былъ государственнымъ контролеромъ въ Петербургѣ. Я поѣхала къ нему съ его двоюродной племянницей генеральшей Ивановой, моей хорошей пріятельницей, (дочерью декабриста Анненкова). Ник. Ник. принялъ меня такъ любезно, какъ старую свою знакомую, наговорилъ кучу любезностей, какъ это бывало и въ Tobольскѣ, и даже упрекнулъ, когда узналъ, что я не въ первый уже разъ въ Петербургѣ по дѣламъ, что какъ же я, имѣя такого стараго друга, не обращалась къ нему. Я поблагодарила за его доброту и объяснила, что мнѣ теперь нужна для генерала Гофмана рекомендація о моемъ покойномъ отцѣ, котораго онъ хорошо зналъ въ Tobольскѣ. Анненковъ обѣщавъ вечеромъ же прислать мнѣ письмо въ Гофману. И въ самомъ дѣлѣ, часовъ въ 10 вечера вдругъ отыскиваетъ меня курьеръ съ пакетомъ на мое имя; распечатавъ его, я нашла копію съ письма Анненкова къ Гофману и записочку ко мнѣ, гдѣ онъ писалъ, чтобъ я прочитала эту копію и отвѣтила бы ему, довольна ли я ею. Письмо объ отцѣ было очень лестно написано, и я храню его у себя до сихъ поръ. Но другой день, я передала уже настоящее его письмо Гофману; но онъ такъ медлил своимъ рѣшеніемъ, а время уходило, что я была принуждена снова обратиться къ Анненкову, который прямо уже самъ просилъ императора, и вскорѣ я получила бумагу, что по особому ходатайству генераль-адъютанта Анненкова, помѣщена и другая моя племянница въ Московскій Екатерининской институтъ пансіонеркой императора. Такъ Господь помогъ мнѣ, не смотря на мою немощь, устроить осиротѣлыхъ дѣтей.

Въ коронацію покойнаго императора Александра Николаевича, въ 1856 году возвращены были всѣ декабристы изъ Сибири. Въстникомъ ихъ свободы былъ сынъ декабриста же, князь Михаилъ Сергѣевичъ Волконскій, посланный въ Сибирь курьеромъ съ милостивымъ манифестомъ. Вскорѣ большая часть изъ нихъ перебралась на родину, а нѣкоторые предпочли остаться въ Сибири, гдѣ жизнь удобнѣе и дешевле для людей, не имѣющихъ большихъ средствъ. Мы были очень обрадованы пріѣздомъ къ намъ въ Марьино возвратившихся нашихъ дорогихъ друзей: Павла Сергѣевича Бобринцева-Пушкина, Свистунова, Пущина, Басаргина и многихъ другихъ, пристрадавшихъ болѣе 30-ти лѣтъ въ изгнаніи.

М. Д. Францева.

„ПОКОРНАЯ И ВѢРНАЯ ЖЕНА“¹⁾

(Одинъ изъ типовъ русской женщины XVIII вѣка).

ДИНТЪ изъ важныхъ недостатковъ въ образованіи и развитіи русскаго человѣка—это, конечно, незнаніе русской исторіи. Этотъ недостатокъ прививается намъ въ классѣ, гдѣ исторія преподается по весьма плохимъ и совершенно безсодержательнымъ учебникамъ, и очень не многимъ изъ насъ удастся пополнить этотъ пробѣлъ образованія впоследствии, при помощи серьезнаго изученія или разумнаго чтенія.

Для огромнаго большинства отечественная исторія остается какимъ-то темнымъ пятномъ въ памяти—какою-то путаницею отдѣльных именъ и эпохъ, какою-то скучною вереницею годовъ и событій—которыя возникаютъ въ нашемъ представленіи одинокими, неосмысленными, несвязанными общою нитью народной жизни! Большинству и въ голову не приходитъ, что главную суть исторіи составляетъ именно эта живая, связующая нить, которая непрерывно тянется изъ глубокаго мрака вѣковъ и до нашего времени. Мы видимъ въ минувшемъ только громкія имена и громкія событія—и забываемъ о тысячахъ скромныхъ труженниковъ, которые скрывались за этими именами, и, безъ малѣйшаго притязанія на историческую извѣстность, совершали втихомолку тысячи скромныхъ подвиговъ, изъ которыхъ, собственно, и создавалась вся ихъ будничная жизнь и будничная дѣятельность. Громкая и рѣзкая труба исторической славы трубить намъ только о выдающихся лицахъ и событіяхъ историческихъ—и обходитъ молчаніемъ скромныхъ труженниковъ...

¹⁾ «Письма графини Е. М. Румянцовой къ ея мужу, фельдмаршалу графу П. А. Румянцову-Вадуйскому», Спб. 1888 г.

Вотъ почему мы всегда искренно радуемся появленію въ печати такихъ памятниковъ, которые, не касаясь ни громкихъ именъ, ни громкихъ событій, знакомятъ насъ съ жизнью и дѣятельностью людей, неизвѣстныхъ исторіи—знакомятъ насъ и съ тѣмъ значеніемъ, которое многіе изъ подобныхъ людей могутъ и должны имѣть въ жизни общества...

«Письма графини Е. М. Румянцовой къ ея мужу», знаменитому фельдмаршалу П. А. Румянцову-Задунайскому, недавно-напечатанныя графомъ Д. А. Толстымъ, представляютъ намъ памятникъ, потому именно драгоценнымъ, что они вводятъ насъ въ будничную жизнь русскаго общества прошлаго вѣка и знакомятъ насъ съ прекраснымъ типомъ русской женщины, неблиставшей никакими выдающимися достоинствами, несовершившей ни одного громкаго подвига. Жена знаменитаго фельдмаршала является передъ нами, какъ живая въ этихъ простыхъ, непритязательныхъ письмахъ, нерасчитанныхъ ни на какой эффектъ, наполненныхъ подробностями обыденной жизни. Мы видимъ въ ней женщину глубоко-несчастную въ ея супружескомъ союзѣ, но проникнутую высокимъ сознаніемъ своихъ супружескихъ и материнскихъ обязанностей. Она сама постоянно и съ полнымъ сознаніемъ называетъ себя въ своихъ письмахъ «покорною и вѣрною женою»; но этимъ сознаніемъ не исчерпывается ея жизнь и дѣятельность, не удовлетворяется внутренняя потребность ея горячаго, любящаго сердца:—она не только «покорная и вѣрная жена», но и образцовая мать, ни на мгновеніе не забывающая о дѣтяхъ, покинутыхъ мужемъ на ея попеченіе. Не слѣдуетъ забывать, что ея попеченіямъ и заботливости мы обязаны воспитаніемъ одного изъ просвѣщеннѣйшихъ русскихъ дѣятелей конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія — графа Николая Петровича Румянцова, заслужившаго благодарность потомства многими учеными изданіями и пожертвованіями на пользу русскаго просвѣщенія, а также и учрежденіемъ Румянцовскаго Музея. Читатели не посѣтуютъ на насъ, если мы ближе ознакомимъ ихъ съ содержаніемъ писемъ графини Е. М. Румянцовой и съ тѣмъ богатымъ запасомъ бытовыхъ подробностей о семейной и общественной жизни, которыми эти письма переполнены.

Графиня Екатерина Михайловна Румянцова была дочь извѣстнаго фельдмаршала князя Михаила Михайловича Голицына, который прославился своими воинскими подвигами при Петрѣ Великомъ. Онъ былъ женатъ дважды. Отъ второго брака ¹⁾ его съ княжною Татьяною Борисовною Куракиной и родилась графиня Екатерина Михайловна (25-го сентября 1714 г.).

¹⁾ Въ первомъ бракѣ онъ былъ женатъ на Евдокіи Ивановнѣ Вутуриной, отъ которой имѣлъ двоихъ сыновей. Отъ второго брака, кромѣ дочери, еще пятерыхъ сыновей.

Ничего не зная о дѣтствѣ и юности княжны Екатерины Михайловны, ни о ея жизни до замужества, мы не можемъ уяснить себѣ, почему именно она, умная и красивая, съ порядочнымъ состояніемъ, съ большими связями въ свѣтѣ,—засидѣлась въ дѣвцахъ и вышла замужъ уже очень поздно, на 34-мъ году... Не знаемъ также и чѣмъ вызванъ былъ ея неравный бракъ, и что побудило ее, дѣвицу въ весьма зрѣлыхъ лѣтахъ, выйти замужъ за 23-хъ-лѣтняго юношу, графа Петра Александровича Румянцова? Любовь ли руководила ея выборомъ, или въ основу брака былъ положенъ расчетъ, на которомъ родители думали основать будущее счастье этого неравнаго супружества? Какъ бы то ни было — и чувство, и расчеты, оказались одинаково безсильными для устройства супружескаго счастья графини и графа Румянцовыхъ. Супруги прожили (и то, повидимому, несогласно) не болѣе шести лѣтъ вмѣстѣ: — затѣмъ они развѣхались и до конца жизни продолжали жить въ разлукѣ, связались лишь изрѣдка на короткое время и, повидимому, только для того, чтобы еще разъ убѣдиться въ полной невозможности сожителства. Молодой графъ Румянцовъ, отчасти отвлекаемый военною службою, совсѣмъ махнулъ рукою на свою семейную жизнь — забылъ о женѣ и дѣтяхъ и предался тѣмъ свѣтскимъ удовольствіямъ, которыми такъ изобилвала жизнь нашихъ баръ въ прошломъ вѣкѣ. Зная, что у жены есть свои отдѣльныя, личныя средства, графъ очень мало заботился о ея нуждахъ и о нуждахъ дѣтей, и тщательно старался охранять свое спокойствіе и свободу.

По окончаніи Семилѣтней войны, въ которой графъ Румянцовъ участвовалъ со славою, онъ командовалъ нѣкоторое время корпусомъ войскъ, остававшихся въ Помераніи и предназначенныхъ императоромъ Петромъ III для войны съ Даніею. Но Екатерина, тотчасъ по вступленіи на престолъ, отмѣнила всѣ приготовления къ этой войнѣ, и Румянцовъ былъ устраненъ ею отъ командованія корпусомъ. Румянцовъ, обиженный этимъ, поспѣшилъ подать въ отставку; но Екатерина знала его за отличнаго генерала, оцѣнивала по достоинствамъ его заслуги, и на прошеніе объ отставкѣ отвѣчала любезнымъ письмомъ, въ которомъ просила графа не оставлять службу. Вскорѣ послѣ того, уничтожено было гетманство, учреждена малороссійская коммиссія, и предсѣдателемъ ея былъ назначенъ графъ Румянцовъ, какъ «главный командиръ», на правахъ генералъ-губернатора. Центръ управленія перенесенъ былъ въ Глуховъ, гдѣ надолго основалъ свою резиденцію и графъ Румянцовъ. Сначала и очень не надолго сюда пріѣхала и графиня Румянцова; но уже съ конца 1766 г. графъ пожелалъ еще разъ удалить отъ себя и дѣтей, и супругу, и они уже никогда потомъ не связались. Разладъ между супругами былъ на столько великъ, что даже пріѣзжая, по дѣ-

ламъ, въ Петербургъ, графъ не заглядывалъ къ семейству въ Москву, и ограничивался въ письмахъ только обѣщаніями захватить, которыя выполнялъ очень рѣдко. Впослѣдствіи, во времена наибольшей своей славы, послѣ громкихъ побѣдъ надъ турками, когда и графиня Румянцова была удостоена милостями императрицы Екатерины, графъ, во время своихъ пріѣздовъ въ Петербургъ, никогда не останавливался въ домѣ жены, а занималъ особое помѣщеніе, которое ему отводили отъ двора. Княгиня ѣзжала къ нему въ гости, иногда у него обѣдала и пересылалась съ нимъ записками, когда онъ бывалъ нездоровъ или не желалъ ее принять.

Сообщаемъ всѣ эти подробности объ отношеніяхъ супруговъ потому, что безъ знанія ихъ многое въ письмахъ графини Е. М. Румянцовой было бы непонятно читателямъ; не вполне яснымъ представился бы и нравственный образъ «покорной и вѣрной жены» и тотъ суровый подвигъ жизни, который она такъ терпѣливо и твердо несла на своихъ плечахъ. Покинутая мужемъ, который весело проводилъ время и тратилъ деньги на своихъ любовницъ и на разныя хозяйственныя и промышленныя затѣи, графиня приняла на себя двойной трудъ:— она посвятила себя заботамъ о дѣтяхъ, о ихъ воспитаніи и обученіи, и въ то же время задалась мыслью о необходимости поддержать живую связь отца съ дѣтьми, поддержать и въ дѣтяхъ любовь и уваженіе къ отцу, который забывалъ о ихъ существованіи.

Послѣ разрыва съ мужемъ, графиня долго еще не могла примириться съ своимъ положеніемъ, долго не могла совладать со своею страстною натурою и съ тѣмъ, что мужъ бросилъ ее на произволъ судьбы и людской молвы.. Первые письма ея къ мужу еще переполнены упреками, горемъ и сокрушеніями оскорбленной жены и женщины. Но она потомъ приходитъ къ убѣжденію, что всѣ эти упреки бесполезны, что ей слѣдуетъ примириться со своимъ положеніемъ и создать себѣ свою, особую жизнь. И вотъ она вся уходитъ въ заботы о семьѣ, о дѣтяхъ, о ихъ настоящемъ и будущемъ, а потомъ и въ заботы о сохраненіи имъ состоянія, въ заботы о ихъ общественномъ положеніи и служебной карьерѣ. При этомъ она не забываетъ и о мужѣ, старается угодить ему во всѣхъ его слабостяхъ и прихотяхъ, не роняя своего достоинства жены и матери, заботится о его матеріальномъ состояніи и употребляетъ всѣ усилія ума и воли, чтобы вынудить его къ болѣе благоразумному обращенію съ деньгами, приливающимимъ къ нему отовсюду широкимъ потокомъ. Въ каждомъ совѣтѣ, который она даетъ мужу, слышится умная женщина и радѣтельная, опытная, осторожная хозяйка и домоправительница. Это, повидимому, сознавалъ даже и графъ Румянцовъ, потому что, въ большей части случаевъ, видѣлъ себя почти вынужденнымъ слѣдовать совѣтамъ жены въ управленіи своими обширными имѣніями, въ выборѣ управляющихъ, въ тѣхъ подрядахъ и промышленныхъ пред-

пріятіяхъ, за которыя онъ любилъ приниматься. Настойчивость и выдержка, съ которою графиня Екатерина Михайловна, прекрасно изучившая характеръ своего супруга, вела противъ него постоянную и непрерывную борьбу, для его же пользы и для пользы дѣтей своихъ—по истинѣ изумительны. Сколько терпѣнія, сколько силы, сколько умѣнья и такта нужно было имѣть этой «покорной и вѣрной женѣ» для того, чтобы добиться вліянія на своего суроваго и строптиваго супруга, предубѣжденнаго противъ жены и не очень расположеннаго внимать совѣтамъ своего благоразумнаго друга! И не смотря на это, путемъ самоотреченія отъ всѣхъ земныхъ благъ и соблазновъ, путемъ постоянного самопожертвованія и строгаго соблюденія и выполненія всѣхъ обязанностей жены и матери, графиня Е. М. Румянцова успѣла добиться того, что единичными усиліями своими подняла всю семью, создала ей положеніе въ свѣтѣ, сохранила состояніе мужа отъ разворенія и заслужила уваженіе современниковъ, которое выразилось въ отношеніяхъ къ ней императрицы Екатерины.

18-го августа 1773 г. графиня Румянцова была пожалована въ званіе статсъ-дамы и назначена гофмейстериною великой княгини Натальи Алексѣевны, первой супруги великаго князя Павла Петровича. Когда первая супруга великаго князя скончалась (1776 г.) и цесаревичъ вступилъ во второй бракъ съ принцессою Вюртембергскою, Софією Доротеєю—графиня Румянцова была отправлена со свитою на встрѣчу къ ожидавшейся великой княгинѣ, черезъ Ригу, въ Мемель. При самомъ отъѣздѣ, государыня надѣла на графиню орденъ св. Екатерины. Вскорѣ послѣ свадьбы великой княгини Маріи Феодоровны, графиня Е. М. Румянцова переѣхала изъ С.-Петербурга на жительство въ Москву (въ маѣ 1779 г.) и скончалась тамъ, три мѣсяца спустя (22 августа). Она могла умереть спокойно, съ твердымъ сознаниемъ того, что свято исполнила свой долгъ и всю свою жизнь не переставала быть «покорною и вѣрною женою» и нѣжною матерью.

Переписка графини Румянцовой съ ея мужемъ фельдмаршаломъ обнимаетъ собою 17-тилѣтній періодъ времени (отъ 1762—1779 гг.) и включаетъ въ себѣ 221 письмо. Изъ этого числа 75 писемъ отысканы были графомъ Д. А. Толстымъ въ государственномъ архивѣ, среди Румянцовскихъ бумагъ, принесенныхъ въ даръ княземъ Н. П. Голицынымъ, родственникомъ Румянцовыхъ; всѣ остальные письма составляютъ собственность издателя и хранятся въ его деревенской Маковской библиотекѣ.

Первые письма (1762—63 гг.) переполнены сердечными сокрушеніями и жалобами графини, только-что покинутой мужемъ. Упрекая мужа въ томъ, что онъ не пишетъ ей даже и съ «вѣрной оказіей», она говоритъ: «Несчастіе мое часть отъ часу умно-

жаётся и въ горести уже безъ примѣру огорчена, а за что — то Богъ знаетъ — тобою забыта! Не для меня, сдѣлай милость, пока жива, хотя для бѣдныхъ дѣтей того удовольствія не отымай, что пиши»...

Но горе — горемъ, а заботы — заботами; и вотъ какъ между домашними хлопотами и тревогами за дѣтей течетъ жизнь бѣдной женщины: «Строюсь, садъ развожу», — пишетъ она въ одномъ изъ своихъ писемъ, — «оранжерею сдѣлала на каменномъ фундаментѣ и галерею, да временемъ такая грусть на все возьметъ, что, чаю, каждое бревно слезами оплакано; да знать Богъ опредѣлилъ такъ въ грусти вѣкъ свой кончить».

Но въ то время, какъ она собиралась «въ грусти вѣкъ кончать», судьба готовила ей новые удары. Графъ Румянцовъ и по окончаніи войны не собирался ѣхать домой, а задумывалъ путешествіе на воды съ особою, близкою его сердцу — и супруга, огорченная этимъ прямымъ нарушеніемъ всѣхъ свѣтскихъ приличій, энергически протестовала противъ легкомысленной затѣи: «Буде дозволеніе получашь, такъ прошу, не мѣшкавъ, кого угодно прислать для управленія дому и дѣтей... Я такъ глупа не буду, какъ до сихъ поръ, что все въ своихъ рукахъ имѣючи, всѣ хлопоты и обузу деревенскія и домовыя имѣла, утѣшаяся, что конецъ войны и моимъ горестямъ, и буду жить попрежнему; а теперь вижу иное, что, когда неволя ведетъ со мною жить вмѣстѣ, такъ ты спискиваешь новые способы и послѣ на меня сердиться... За долгъ нахожу послѣднее уже сказать: ...я клянусь, что ежели утѣдешь, ... то, собравъ всѣ крѣпости, письма и все, что въ домѣ есть, съ описью отдамъ твоимъ близкимъ... не хочу этого на себѣ имѣть, что все твое въ моихъ рукахъ будетъ, а ты будешь ѣздить со своею полубовницею да веселиться, а я здѣсь — плакать да крушиться, да въ долги входить. ...Видишь много примѣровъ: Апраксинъ ѣздилъ же съ б....., да теперь дошло, что ни ему, ни женѣ кушать нечего, а дѣтей по миру приходится пускать. ...Коротко скажу: что буде надобно и хочешь жить такъ, какъ живали прежде, а не титулярною женою, и пріѣдешь сюда, или мнѣ къ себѣ быть велишь, — все забываю, ... и до конца пребуду непоколебима, и ниже прошедшее вспомню когда; а буде не любишь и видѣть уже болѣе меня въ жизни не захочешь, такъ исполняй свои желанія, поѣзжай къ водамъ, а на меня не считай инако, какъ удалясь свѣту, уѣду, въ деревню, только невинность свою ¹⁾ къ ногамъ вашимъ подвергаю».

Графъ долго упорствовалъ на своемъ и требовалъ отъ жены денегъ, но та съумѣла отстоять свое мнѣніе, ссылаясь на то, что

¹⁾ «Невинность» — такъ, во всѣхъ своихъ письмахъ къ мужу, графиня Е. М. Румянцова называетъ своихъ дѣтей.

«онъ уже изъ челоуѣколюбія одного не захочетъ, чтобы она лишилась дневной пищи», и выслала ему деньги въ Гданскъ только тогда, когда убѣдилась, что онъ отложилъ свое намѣреніе о путешествіи «къ водамъ». Напоминаая ему о дѣтяхъ, она съ горечью прибавляетъ въ одномъ изъ писемъ: «тяжело, любя, тебя лишаться и ровню жить; а я по не счастью уже и привыкнуть бы могла въ шесть лѣтъ, да нѣтъ способу—отвязаться не могу отъ тебя. Безъ привычки, тяжело сдѣлать; жену бросить и сокрушить, это плюнуть, а матрису покинуть—жаль. Резонъ имѣешь, зная, что имѣешь такую жену, что хоть сама погибнетъ, а тебѣ, конечно, не досадитъ».

«Я знаю»,—пишетъ графиня въ одномъ изъ послѣдующихъ писемъ,—«что мнѣ уже не быть благополучной, да я ужъ изъ себя жертву готова сдѣлать для спасенія моихъ бѣдныхъ невинныхъ... Я уже начинаю думать, что всѣ умыслы противу меня нарочно, чтобы изъ терпѣнія меня вывести; да ошибаетесь—погибну я и дѣти бѣдныя, нежели что-нибудь сдѣлаю противу пристойности. Не буду въ жизни имѣть никакой укоривнѣ, ни отъ тебя, ни отъ чужихъ... Всякій и теперь съ жалостью смотритъ на мое состояніе; да я не пеняю, когда столь несчастна на свѣтъ рождена... а больше (за) наказаніе почитаю, что дѣтьми я обязана такому челоуѣку, какъ ты».

Но никакія сѣтованія, никакія сокрушенія, не могли измѣнить отношеній графа къ супругѣ. Онъ отдавалъ ей въ письмахъ «справедливости, что она такковыя попеченія беретъ о дѣтяхъ», но въ то же время «всячески и ругательнымъ образомъ» доказывалъ ей, что видѣть ее не желаетъ и жить съ ней не будетъ. Дѣло доходило даже до того, что мужъ предлагалъ женѣ—уѣхать и съ дѣтьми за границу, и назначалъ на это довольно крупную сумму на содержаніе. Это предложеніе глубоко возмутило графиню, которая возстала противъ него и отвергла его самымъ энергичнымъ образомъ. Отказываясь отъ предлагаемой суммы, она пишетъ:

«Я рождена отъ такovýchъ родителей, что дай Боже вамъ въ вѣкъ свой то нажить, что отецъ покойникъ счастьемъ своимъ нажилъ; насъ, благодаря Бога, шесть челоуѣкъ, всѣ сыты живемъ, всякой по препорціи имѣетъ, тѣмъ и для себя фортуны большую ни въ какомъ градусѣ не могу почитать—я не саложничкова и не кувнецова дочь. Думала ли я въ жизни, чтобы вы когда-нибудь столько противу меня имѣли, что дѣлать препозицію, что поѣжай я одна съ дѣтьми въ чужіе края; вѣдь, сударь, это разумѣется: хоть чортъ меня возьми, только я съ вами не буду. Пристойно ли это въ свѣтѣ и слышанныя ли дѣла, чтобы жена, оставя мужа, ѣздила по бѣлу свѣту!»

Такъ протекала жизнь графини—мѣсяцъ за мѣсяцемъ, годъ за годомъ—въ полной разлугѣ съ мужемъ, который «свою дѣвку, со всею фамиліею и съ матерью, и съ братьями» поселилъ въ одномъ

изъ лучшихъ своихъ имѣній (въ с. Буртники) и запретилъ женѣ въ это имѣнье вступаться. Наконецъ, несчастная жена мало-по-малу стала примиряться съ своимъ печальнымъ положеніемъ. «Ни одна жена въ свѣтѣ себѣ товарища не хочетъ: а я горестъ свою осьмой годъ претерпѣваю», пишетъ она мужу; но, не вдаваясь въ упреки, добавляетъ: «(для дѣтей) Богъ, умилосердяся, сдѣлаетъ, что, можетъ быть, батюшка, и тебя когда-нибудь мое состояніе тронетъ. Буде же жалости никакой не имѣешь, и я противна тебѣ,—и въ томъ не нудь себя, Бога ради. Лишь дѣтей помни. Я съ охотою жертвовать готова, лишь будь ты спокоенъ и дѣти бѣдныя благополучны».

И дѣйствительно, съ 1764 года графиня всю себѣ посвящаетъ дѣтямъ, о которыхъ старается напоминать графу въ каждомъ письмѣ. То она требуетъ, чтобы графъ прислалъ имъ книгъ изъ академической лавки, нужныхъ для ученія; то описываетъ, какъ они ходятъ въ садъ гулять и радуются на лебедей, плавающихъ въ прудѣ. «Боже мой, услышь меня!»—воскликаетъ она при этомъ,—«чтобы вы ихъ видѣли и узнали, что они есть; а то только развѣ въ лицо ихъ знаете... а каковъ который — то нельзя, не было время ихъ узнать».

Многія замѣчанія, высказываемыя графиней о дѣтяхъ, выказываютъ въ ней не только любящую мать, но и разумную женщину, прекрасно понимающую задачи правильнаго воспитанія. «Дѣтей препоручая въ милости»,—пишетъ она графу въ апрѣлѣ 1764 г.,—«пишешь, чтобы я Миколашкѣ дала что къ именинамъ отъ тебя,—воля твоя, этого не сдѣлаю, чтобы не сдѣлать промежду братьевъ завидости. Ты писалъ, Мишѣ пришлешь, а не прислалъ, а этому — дать. Такъ пускай всѣмъ ничего, а утѣшатся тѣмъ, что съ собою привезешь.» Я же николи одному передъ другимъ ничего лишняго не давала, даже и въ одинаковомъ платьѣ вожу».

Забывая обо всѣхъ мелочахъ для дѣтей, графиня часто проситъ мужа своего, въ письмахъ, чтобы онъ сдѣлалъ для сыновей тѣ или другія закупки и переслалъ ихъ по почтѣ; съ другой стороны, она внимательно слѣдитъ за ученьемъ и успѣхами дѣтей и постоянно старается знакомить графа съ ходомъ ихъ ученія. Посылая, при одномъ изъ своихъ писемъ, письмо старшаго сына, Михаила, графиня прибавляетъ: «нарочно велѣла ему самому о себѣ писать, черезъ что бы амбицію вкладывалъ въ голову, и стыжу его всѣчески, ...онъ конечно не меньше братьевъ выучилъ, да былъ неисправенъ, много фохтовъ (т. е. ошибокъ, fautes), сдѣлалъ». Въ другомъ письмѣ опять тѣ же заботы: «они (дѣти) къ вамъ хотѣли писать; я нарочно велѣла, черезъ что узнаете, какъ они въ годъ профитовали; я не велѣла ни въ штиль, ни въ ортографію мѣнять».

Но дѣти далеко не всегда «профитовали». Учителя мѣнялись или были недобросовѣстны въ отправленіи своихъ обязанностей, и графиня писала къ мужу отчаянныя письма, требуя, чтобы онъ

приложилъ хоть сколько-нибудь заботы къ воспитанію и образованію своихъ дѣтей.

«Я хочу тебѣ, напомнить, — пишетъ она изъ Глухова въ Петербургъ, въ февралѣ 1766 года, — не можешь-ли новаго чело-вѣка въ учителя дѣтямъ найтить? ...Сдѣлай милость, поищи, нѣтъ ли такого чело-вѣка, чтобы и французскій, и нѣмецки бы пора учить. Буде тутъ не можно (т. е. въ Петербургѣ), то хоть отпиши куда во Гданскъ или Варшаву, чтобы тамъ кого и сюда бы прямо черезъ Польшу прислали. У етмана¹⁾ всѣ лучшіе учителя были изъ Варшавы, потому что они тамъ такой платы не получаютъ въ лучшемъ домѣ, какъ у насъ въ Россіи послѣдному даютъ».

Сильно озабоченная тѣмъ, чтобы дѣти въ «праздности не пре-бывали», графиня пишетъ мужу, двѣ недѣли спустя, о томъ же предметѣ и уже указываетъ ему на учителя, котораго рекоменду-етъ Бецкій. При этомъ узнаемъ, что и въ то время хорошій до-машній учитель цѣнился очень дорого: графиня предполагаетъ пла-тить рекомендуемому учителю весьма крупную, по тому времени, сумму, а именно 400 руб. въ годъ. Но и напомнанія графини не помогали: отецъ забывалъ о дѣтяхъ и не заботился о пріисканіи имъ надлежащаго наставника. По крайней мѣрѣ, изъ писемъ гра-фини, писанныхъ полгода спустя, мы видимъ, что дѣти все еще оставались безъ учителя и безъ занятій. «Жаль, что время те-ряютъ безъ ученія всякаго; хотя бы кого къ нимъ взять, коли ихъ не посылать (за границу)», пишетъ графиня 1-го ноября 1766 года. Бѣдная мать, покинутая въ своемъ одиночествѣ и при томъ обладавшая лишь весьма незначительными средствами, ко-торыхъ едва хватало на содержаніе дома, рѣшалась уже одно время даже на разлуку съ дѣтьми. Она думала ихъ отдать въ кадетскій корпусъ, на попеченіе знакомаго директора. «Это бы мнѣ дорого стоило, — пишетъ она, — какъ въ чужіе края, а дома мнѣ не можно столько учителей разныхъ держать, сколько тутъ будетъ... взять въ домъ учителя, который со всѣмъ стоитъ будетъ, ежели счастье, близъ шести сотъ... а вѣдь одинъ всему не можетъ учить; особливо нѣмецкій языкъ весьма нуженъ... Въ чужіе бы края охотно желаю, да правда твоя, что и достатокъ надобенъ, да и съ кѣмъ послать, и то надо думать».

Матери, впрочемъ, приходилось думать не объ одномъ только обученіи дѣтей, а также и о физическомъ развитіи ихъ, потому что въ будущемъ предстояла имъ военная служба, къ которой они должны были дома получить нѣкоторую подготовку, а главное — выучиться верховой манежной ѣздѣ. Въ 1768 году, наконецъ, за-ботливая мать нѣсколько отдохнула отъ своихъ тревогъ. «Что ка-сается до дѣтей, то я теперь спокойна, — пишетъ она своему мужу, —

¹⁾ Графъ Кирилль Григорьевичъ Разумовскій.

я нонеча взяла учителя въ домъ, который и въ математикѣ силенъ, они же ужъ фартификацію и тригонометрію кончили, а теперь планы станутъ чертить; а я ему даю по 400 руб. въ годъ». Такая подготовка въ математикѣ и въ военныхъ наукахъ была тѣмъ болѣе необходима молодымъ графамъ, что всѣ они, по наступленію 15-тилѣтняго возраста, уже получали патенты на первые офицерскіе чины и должны были, въ близкомъ будущемъ, поступить на дѣйствительную службу, хотя и могли еще нѣсколько лѣтъ числиться въ отпуску и оставаться при родителяхъ. И дѣйствительно, ужъ въ февралѣ 1768 года, графиня пишетъ мужу объ одномъ изъ слугъ: «Калмыка къ вамъ посылаю; а другого Ванюшку прикажите мнѣ у себя удержатъ; онъ около васъ ходить не проворенъ будетъ, а я его для сына прочу; мнѣ необходимо Мишу (старшаго сына) съ будущаго января въ полкъ отпустить, такъ ему и люди, и лошади, и кареты — все уже приуговлять».

И съ этой минуты заботы матери получаютъ новое направленіе. Не надѣясь на отца, она сама все начинаетъ готовить для сына, вступающаго въ жизнь. Она хлопочетъ о томъ, какъ бы лучше устроить ему гнѣздо, подбираетъ ему людей понадежнѣе, подготавливаетъ средства для жизни, связи, знакомства и отношенія. Въ этомъ смыслѣ, письма графини представляютъ много своеобразнаго интереса и знакомятъ насъ съ любопытными бытовыми подробностями жизни нашихъ баръ въ прошломъ вѣкѣ. Къ этому именно времени (къ началу 1768 г.) относится одно изъ наиболѣе характерныхъ писемъ графини Екатерины Михайловны, въ которомъ она отплетается отъ своихъ обыденныхъ отчетовъ мужу о домѣ и дѣтяхъ и вскрываетъ передъ нимъ глубокія раны своего сердца. Напоминая ему о томъ, что для поправленія состоянія имъ бы слѣдовало жить вмѣстѣ и о томъ, что необходимо для ея отдѣльнаго житія съ дѣтьми построить въ Москвѣ новый домъ, вмѣсто стараго, графиня добавляетъ:

«Я нонече хочу образъ молчанія лучше и терпѣнія во всемъ вѣять, для того, что я вижу себя столь несчастну во всякомъ случаѣ, что знать вѣкъ все противу воли жить, и нашего состоянія нельзя поправить безъ большой перемѣны жизни, а жизнь перемѣнить трудно; со всѣми доходами сочтѣся, мы не можемъ ни долгу заплатить, ни дому себѣ построить—и такъ знать вѣкъ доживать. Не осердися Бога ради, я право безъ упрековъ и намѣренія все нишу, подумай, не несчастіе ли всему этому мое причиною, что такую аверсію взялъ для меня, что все въ жизни сакрифируешь, только (бы) не жить со мною... часъ-отъ-часу меня отдаляешь, и наконецъ, будетъ, что и слышать не захочемъ другъ про друга... Черезъ нѣсколько лѣтъ невидавшіяся сѣхались и тутъ сколько огорченій въ глазахъ своихъ видѣла!.. И за это благодарна, что

здѣсь опредѣляешь жить—пускай я не свидѣтель всему буду... Не считаю, какъ бы противна я тебѣ ни была, чтобы 'когда-нибудь ты не вздумалъ—въ какія лѣта я лишена всего удовольствія, не будучи причиною... Никто столько не огорченъ въ жизни, какъ я, безпримѣрная въ несчастіи... да какъ и не огорчаться? Кто спросить—для чего къ мужу не ѣду? Вѣдь сказать нельзя, а принуждена на себя сымать... Такъ не всякъ повѣрить: еще скажетъ, что привязана къ кому, какъ и было со мною. Гудовичъ говорить; я ему дѣтей въ резонъ; онъ мнѣ вдругъ на это: для нихъ вамъ тамъ теперь и жить; ноиѣшнее бы лѣто имъ практика»...

Вслѣдъ за этимъ письмомъ, въ нѣсколькихъ письмахъ находимъ любопытныя указанія на домашніе расходы графини, которая перебивалась деньгами изъ копейки въ копейку и, не смотря на это, была вынуждена содержать огромную дворню, которая съѣдала по 10 четвертей хлѣба въ мѣсяцъ и по 10 четвертей издерживала на квасъ¹⁾. «Подумай, батюшка, что наѣхало людей (къ графинѣ въ деревню)»,—пишетъ мужу Е. М. Румянцова,—166 человекъ на хлѣбѣ дворовыхъ—въ состояніи ли и не этакой сѣвъ прокормить? Нонеча съ хлѣба сбавила фабричныхъ 29 человекъ, которые на деньгахъ, да еще и излишнихъ десять убудеть, а все-таки слишкомъ 100 человекъ на хлѣбѣ остается.»

Сборы сына къ отправкѣ въ Петербургъ на службу также всецѣло выпали на долю «покорной и вѣрной жены», которой приходилось безпрестанно напоминать мужу о нуждахъ юноши. «Пріѣхали въ Москву»,—пишетъ она,—«денегъ ни копейки въ домѣ нѣтъ, принуждена на счетъ доходовъ занимать, чѣмъ жить, да и сына большого собирать, какъ зимой въ Петербургъ отпускать:—карету, коляску покоевую, ему дѣлать, только верховой лошади нѣтъ, пожалуй, батюшка, постарайся, какъ-нибудь смирную ему достать, нельзя ему безъ верховой лошади». Въ другомъ письмѣ, опять о томъ же: «О большомъ (сынѣ) и, батюшка, къ тебѣ писала, что въ январѣ уже отпускаю въ полкъ. И такъ прошу назначить, сколько ему въ годъ опредѣлить денегъ: я ему все изготовлю, что надобно, и карету уже заказала дѣлать. Четыре лошади, три коренныхъ, одну верховую—той-то у меня не достаетъ. Да пришли пожалуй пару пистолетъ, у него нѣту; есть очень дурные, а мнѣ помнится, у тебя много. Да пять человекъ людей, то есть камердинеръ его Кылмовъ, и два лакея, два конюха. Почитаю, довольно для него будетъ». Въ письмѣ отъ февраля 1769 г., графиня, пишетъ наконецъ, что она «сына отпускаетъ, ему все изготовила, теперь и платье ему дѣлаетъ, и съ проѣздомъ (въ Петербургъ) и на

¹⁾ Четверть хлѣба, какъ оказывается, обходилась тогда въ 8 р. сер. слѣдовательно 50 четвертей стоила 160 р.—Сумма очень крупная по тому времени и по цѣнѣ денегъ.

годъ чѣмъ жить 600 р. взяла для него»¹⁾. Графинѣ очень хотѣлось, чтобы отецъ взялъ къ себѣ сына на службу, но графъ не изъявилъ на это согласія, и вызвалъ этимъ довольно колкій укоръ со стороны жены. «Что принадлежитъ до сына, я вѣдь съ тѣмъ и писала, какъ ты разсудишь, а это напрасно сказать, что нѣтъ хуже, чтобы съ отцемъ служить. Когда бы ты не при отцѣ въ то время былъ, какъ миръ со шведами, такъ бы въ 17 лѣтъ не былъ полковникомъ...»²⁾ Графъ впрочемъ оставилъ, вѣроятно, и этотъ укоръ безъ вниманія; онъ не отовзался на него точно такъ же, какъ не отовзался и на просьбы жены о высылкѣ сыну верховой лошади и пистолетовъ, какъ мы это видимъ изъ ея письма отъ февраля 1769 г.: «Мишкинъ обовъ (пишетъ графиня) послѣ завтра въ Петербургъ отправляю, а его на первой недѣлѣ великаго поста отпущу. Обѣщала ему пару пистолетовъ прислать, пожалуй, буде есть лишніе; я уже и лошадь верховую нашла для него.» Въ іюлѣ мѣсяцѣ того же года, графиня пишетъ къ мужу, что «Миша въ Петергофѣ наряженъ съ командою, только-что почуветь въ полку, а то у великаго князя и обѣдаетъ, и ужинаетъ.» Но это нахождение сына на дѣйствительной службѣ и это вниманіе къ нему великаго князя не могло еще успокоить нѣжную и заботливую мать, которая прекрасно сознавала всѣ недостатки воспитанія своего сына и всю неполноту его образованія. Въ августѣ того же года она пишетъ мужу: «Я писала къ сыну, чтобы онъ просился въ отпускъ до мая; мнѣ хочется, чтобы онъ еще зиму-то поучился для математки и нѣмецкаго языка, а то онъ тамъ не имѣетъ времени, такъ жаль, что меньшіе здѣсь учатся, а онъ отстанеть».

И не смотря на попятнѣйшее невниманіе со стороны отца, не смотря на то, что большую часть совѣтовъ и предложеній графини онъ оставлялъ безъ всякаго отвѣта или встрѣчалъ съ холоднымъ равнодушіемъ—Екатерина Михайловна не унималась, и съ настойчивостью женщины и любящей матери продолжала свое дѣло... «И капля долбитъ камень», гласитъ пословица; и эта высокодобродѣтельная женщина также добивалась, въ концѣ-концовъ, своихъ цѣлей. «Еще хочу припомнить, только не осердися»,—приписываетъ она къ одному изъ своихъ писемъ,—«нѣту ли старыхъ мундировъ, галуновъ, или шитыхъ, навязжигу:—я бы (изъ) серебра, что сдѣлала. Мундиры очень выгодно выжигать, потому что все канитель, а носить же ихъ некому; только не выбрани меня, я, право, вздумала: чѣмъ имъ лежать, такъ меня теперь дѣти разоряютъ, имъ все собираю». Мы не видимъ изъ писемъ, пожаловалъ ли графъ гра-

¹⁾ И такъ, поручику конной гвардіи, въ то время, достаточно было 600 рублей, чтобы прожить годъ, содержа четверку коней и пять человѣкъ прислуги.

²⁾ Графъ П. А. Румянцовъ былъ присланъ своимъ отцомъ въ Петербургъ съ Абовскимъ мирнымъ договоромъ (1743).

фигѣ мундиры «на выжигу» или отвѣчалъ ей на это «ругательски»; но черезъ нѣсколько писемъ видимъ опять просьбу со стороны графини. Она уговариваетъ мужа продать шпагу, осыпанную брилліантами, и предлагаетъ записку ювелира, который желаетъ выдать за нее 7,688 р.—«Мнѣ разсудилось»,—пишетъ графиня,—«не лучше ли, что это мертвый капиталъ лежитъ, такъ бы ее продать и эти деньги бы употребить, куда тебѣ угодно». И затѣмъ слѣдуютъ новыя жалобы на дороговизну, на нужду въ деньгахъ для достройки московскаго дома, на покрытія домашнихъ издержекъ и т. д. Изъ дальнѣйшаго узнаемъ, что графъ далъ согласіе на продажу шпаги; но графиня не воспользовалась этимъ предложеніемъ и совсѣмъ иначе распорядилась шпагой. Пять лѣтъ спустя, въ періодъ наибольшей славы Румянцева, жена пишетъ ему: «Сказывали мнѣ, что при прощаньи тебѣ эплетъ брилліантовый пожалованъ. И такъ, батюшка, ты теперь совсѣмъ наряженъ, и я хочу у тебя просить вещь ту, которая у тебя безъ всякаго употребленія—портретъ короля прусскаго, который вѣдь тебѣ николи не носить, а я бы съ прибавкою своихъ (брилліатовъ) себѣ на шею сдѣлала что-нибудь. Да боюсь, что осерднись; знаю, что и заочно скажешь, встаетъ ли старухѣ наряжаться? Это правда, да когда въ обычаѣ, что и старья носить алмазы, такъ мнѣ въ моихъ ходить стыдно, будучи твоею женою и въ постѣ этомъ; а шпагу ломать, та, которую ты давно мнѣ пожаловалъ, жаль для сыновей. А я прошу меня извинить, коли это тебѣ противно покажется, что я прошу». Изъ всего письма ясно, что графиня, выпрашивая себѣ алмазы на уборъ, менѣе всего заботится о своихъ нарядахъ; выставя на видъ приличія и требованія свѣтской жизни, она, главнымъ образомъ, имѣетъ въ виду—отобрать отъ своего расточительнаго супруга излишніе алмазы и присоединить ихъ къ общей семейной сокровищницѣ. Ей не хочется видѣть ихъ на другой «особѣ», и она проситъ ихъ себѣ, потому что «дѣтямъ своимъ собираетъ».

Наконецъ, въ апрѣлѣ 1774 г., когда второму сыну, Николаю, минуло 20 лѣтъ, а третьему, Сергѣю, 19 — графиня добилась выполненія своего давняго желанія: она могла отправить сыновей за границу и доставила имъ возможность путешествовать по Европѣ съ извѣстнымъ Гриммомъ, которому они и обязаны тѣмъ, что получили хорошее образованіе. Путешествіе ихъ продолжалось два года, и опять-таки было сопряжено для графини съ непрерывными хлопотами и заботами. Отецъ выдавалъ деньги на путешествіе такъ скупо, что матери безпрестанно приходилось напоминать отцу о нуждахъ дѣтей. Въ январѣ 1776 года она даже прямо пишетъ графу: «вижу изъ письма вашего, что отъ васъ имъ (дѣтямъ) помощи не будетъ; такъ не прикажете ли имъ уже изъ Италіи прямо сюда ѣхать, хотя Франціи, ни Англіи не выдали. А я на весь свѣтъ

пошлою, что этими деньгами, что вы имъ пожаловали, тремъ го сподинамъ (ихъ двое, да Гриммъ) и три слуги—нечѣмъ ѣздить».

И едва только графиня Румянцова успокоилась на счетъ своихъ путешественниковъ, какъ для нея настали и новыя хлопоты. Старшій сынъ уже нѣсколько лѣтъ былъ на службѣ и успѣлъ даже выказать, что онъ «страсть великую къ службѣ имѣеть»¹⁾... Теперь матери хотѣлось окончательно успокоиться на его счетъ—хотѣлось пристроить сына... Во всѣхъ своихъ письмахъ къ мужу, графиня, въ числѣ прочихъ новостей, постоянно извѣщала его о свадьбахъ, которыя ожидались въ Москвѣ, о выгодныхъ партіяхъ, которыя дѣлалъ тотъ если другой изъ знакомыхъ графа. Когда же старшій сынъ подросъ и вступилъ въ службу, она, видимо, стала еще съ большимъ интересомъ слѣдить за этими партіями—но уже съ нѣсколько-эгоистическими цѣлями. Наконецъ, въ февралѣ 1775 года, она написала мужу слѣдующее, чрезвычайна любопытное письмо, прекрасно характеризующее и заботливость предусмотрительной матери, и современные взгляды на супружество:

«Я съ тѣмъ письмо сіе начинаю писать, что ты скажешь обо мнѣ: съ ума сошла. Вотъ яснѣе тебѣ скажу, что здѣсь теперь первая невѣста и по богатству, и по достоинству—графиня Головкина, дочь Гаврила Иваныча. Я же слышу съ ихъ стороны отзывы, что имъ хочется (отдать дочь) за сына нашего, и хотятъ, чтобы прежде его узнать, какъ сіе и натурально. Я же и вижу, что у него склонности къ женитбѣ и нѣту, да и я, право, не проповировала объ этой невѣстѣ; услыша все сіе, заставляеть думать, что партія теперь первая, которая здѣсь почитается и многіе молодые уже и сватаются. Она воспитана по старинѣ, больше дома сидитъ. Мать безъ себя не пускаеть, а сама за болѣзнию отцовскою рѣдко ѣздитъ. За нею дають 2,000 душъ навѣрно, а другіе увѣряють, что четыре; подмосковную по Троицкой дорогѣ очень хорошую; на 50 тысячъ приданого и деньгами нѣсколько. Это все по сторонѣ слышу. А никогда не входила въ подробности, чтобы спрашивать; а то скажу, что и ее хвалять. Да и мудрено ли ей быть богатой: у отца ихъ двое только, а богатство въ домъ со всѣхъ сторонъ придетъ—послѣ бабушки шуваловскія, послѣ Костуриныхъ; она же у всей семьи любимая. Такъ мнѣ хочется знать, что какъ твоя воля будетъ на это, согласишься ли его женить. Я, конечно, знаю, Михайла Петровичъ²⁾ изъ воли нашей не выйдетъ; когда это намъ

¹⁾ Въ письмѣ отъ 15 мая 1771 г., графиня проситъ мужа, чтобы онъ принялъ двухъ старшихъ сыпоевъ къ себѣ волонтерами, или дозволилъ имъ волонтерами поступить во 2-ю армію, и добавляетъ: «Это вѣдь все отъ страсти большого сына; спитъ и во снѣ видитъ, и всѣмъ сказываетъ, что не хочетъ быть придворнымъ»...

²⁾ Чрезвычайно любопытно то, что, въ данномъ случаѣ, мать называетъ сына «Михайла Петровичъ», а не Миша и не Мишка, какъ въ предшествующихъ письмахъ.

надобно, такъ онъ женится. Не думай обо мнѣ, чтобы я его принудила; нѣтъ, батюшка, я резонабельная мать: ежели онъ не захочетъ, ничто меня не прельститъ; а разсуждаю, что партія такая хорошая, на что бы упускать... И такъ прошу мнѣ отписать, какъ ты думаешь, потому я и мѣры буду свои брать;... а онъ (т. е. сынъ) хотя не говоритъ о женитьбѣ своей, а видно, что ему непротивно, что первую невѣсту препозвируютъ. Я тѣмъ кончу, чѣмъ начала, что ты меня расхохочешь, что съума сошла сына женить; только прошу не сказывать, что пишу».

Письма графини Румянцовой выставляютъ ее въ весьма выгодномъ свѣтѣ не только какъ горячую и заботливую мать, не только какъ «покорную и вѣрную жену», но и какъ рачительную, бережливую хозяйку, которая, при самыхъ незначительныхъ средствахъ, умѣла изворачиваться среди множества расходовъ, среди заботъ о промышленныхъ затѣяхъ мужа, среди разнообразныхъ требованій, заявляемыхъ одновременно и со стороны приличій свѣта, и со стороны фабричныхъ производствъ, заведенныхъ въ различныхъ имѣнiяхъ графа, и со стороны тѣхъ подрядовъ, которые онъ принималъ на себя передъ правительствомъ. Екатерина Михайловна, какъ умная и толковая женщина, всюду успѣвала, и со всѣмъ умѣла управиться во-время. Никакія заботы ее не пугали, если сердце ея было спокойно на счетъ мужа и дѣтей. Хлопоты и расчеты по обширному городскому и деревенскому хозяйству ни мало не отклоняли ея мысли отъ различныхъ улучшеній, которыя, по ея мнѣнію, слѣдовало бы внести и въ скотоводство, и въ обработку земли, и въ управленіе имѣніями, и въ отчетность управляющихъ, и въ фабричныя производства, которыя она внимательно изучала на мѣстѣ. Не забывая при этомъ ни о свѣтскихъ приличіяхъ, ни объ отношеніяхъ къ «нужнымъ людямъ», графиня успѣвала и выѣзжать, и выполнять всѣ свѣтскія обязанности,— и въ то же время, ни на минуту, не упускала изъ виду даже мелочныя потребности своего прихотливаго мужа-щеголя, на котораго по ея собственному признанію, «не легко было угодить». Внимательно прослѣдивъ дѣятельность графини по ея письмамъ, мы приходимъ къ тому убѣжденію, что именно ей слѣдуетъ приписать постепенное накопленіе и разумное охраненіе того огромнаго состоянія, которое, понемножку и съ теченіемъ времени, собралось въ рукахъ ея дѣтей. Не имѣя возможности ознакомить читателя съ хозяйственною и экономическою дѣятельностью домовитой и умной графини, мы позволяемъ себѣ указать только еще на одну, чрезвычайно любопытную сторону писемъ Е. М. Румянцовой: на собственно историческій интересъ ихъ: отзывы графини о современныхъ дѣтеляхъ, характеристики ихъ (мѣстами чрезвычайно тонкія и мѣткія) и, въ особенности, описанія нѣкоторыхъ историческихъ событій, происходившихъ въ Москвѣ и въ томъ словѣ общаго гва, который былъ доступенъ на-

блюденіемъ графини. Многія изъ этихъ описаній и характеристикъ вполне заслуживаютъ упоминанія:

«Сегодняшній день»,— пишетъ графиня отъ 18 октября 1768 года,— публичная на площади экзекуція была Салтыковой ¹⁾, Глѣба Алексѣевича женѣ, которая 8 лѣтъ подъ карауломъ содержалася по доносу людей ея на нее. Такову злость имѣла и тиранила, что 150 душъ умертвила, и, сказываютъ, въ 70 сама призналась; и попа деревенскаго и девять человѣкъ людей наказаны: погъ вѣдалъ, хоронилъ, а люди, для чего прежде не доносили на нее. И посадятъ ее въ Ивановскій монастырь, въ земляную тюрьму, гдѣ свѣту видѣть не будетъ, и пить, и ѣсть хлѣбъ да воду въ окошко опускать будутъ. Ее исключить изъ дворянства, ни Салтыковою не называть, ни Ивановою, что по отцѣ слыла. Злость ея столь далеко (шла), что меньшому сыну, прошлаго году, глаза хотѣла выколупать. Иванъ Алексѣичъ, такъ какъ дядя, взялъ къ себѣ и въ полкъ отправилъ».

Любопытныя подробности сообщаетъ графиня мужу о встрѣчѣ, приготовленной императрицѣ Екатеринѣ костромскимъ дворянствомъ. «Въ Костромѣ»,— пишетъ графиня,— «встрѣча была государынѣ съ манеру рижскаго: были выбраны изъ дворянокъ 20 дѣвочекъ наряжены пастушками, кои бросали цвѣты по дорогѣ; обѣдъ давало дворянство, кушанье на столъ ставили и носили дворяне, и за столомъ стояли у государыни двѣ дѣвушки изъ дворянокъ, и государыня изволила быть очень довольна, и чужестранные всѣ очень хвалятъ. Да еще новизну (сообщу) смѣшную изъ Казанской губерніи, а котораго города не упомяну: выборъ дѣлалъ воевода, и выбрали барыню въ депутаты, и пишетъ репортъ, что она въ силу указовъ и въ лѣтахъ тѣхъ, никакихъ продерзости за ней, ни начетовъ не знаютъ, и всѣ сіи достоинства описываетъ; однако, Сенатъ послалъ указъ, что и воеводу смѣнить за это».

Описывая сборы Петра Ивановича Панина на югъ Россіи, на мѣсто Румянцова, назначеннаго главнокомандующимъ арміею, выставленною противъ турокъ, графиня очень вѣрно судитъ и о современныхъ дѣлахъ, и о людяхъ, и о военныхъ дѣйствіяхъ. «Петру Ивановичу Панину,— пишетъ она,— пожалованы палатки и лошади верховыя съ уборами, на подъемъ также получилъ и столовыя деньги; Бибикова Александра Ильича съ собою беретъ; изъ первой арміи, чаю, Рѣпина возьметъ; хорошо такъ воевать, что братъ, кого гдѣ захочетъ... Когда работали, чтобы брата смѣнить, и вину причли что Хотинъ не взять—такъ безъ осадной артиллеріи, сказываютъ, нельзя было городъ взять; когда бы сикурсъ такой большой неподоспѣлъ, могли бы голодомъ принудить сдаться. Такъ, буде правда, такъ вина братнина не столько велика. И думалъ Петръ Ивано-

¹⁾ Известной «Салтычихи».

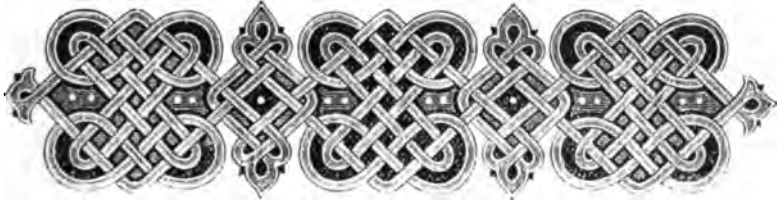
вѣтъ, что онъ поѣдетъ брата смѣнять, а какъ увидѣлъ, что на твое мѣсто, сказываютъ, весьма чувствительно стало, и сталъ собирать (людей) съ собою».

Отъ 20-го марта 1774 года графиня сообщаетъ графу изъ Петербурга, съ вѣрнымъ человѣкомъ, весьма важныя новости: «Сколько новаго перемѣнилось по прїѣздѣ Григорія Александровича (Потемкина)! Здѣсь мнѣ писать тебѣ нечего, что онъ значить; только все странною манерою идетъ, — не такъ какъ прежде. Въ публикѣ содержитсяъ благопристойность, такъ что и отъѣзны никакой нѣту, а больше все старыхъ монажируютъ. Подполковничество гвардіи ихъ съ ногъ срѣзало и доказываетъ, что онъ преодолѣлъ, потому что Алексѣй Григорьевичъ (Орловъ) здѣсь и въ бытность его, при немъ опредѣляется другой въ полкъ. Григорій Александровичъ теперь ту методу ведетъ, что оказывается, что во всѣхъ ищетъ дружбы... только я теперь считаю, ежели Потемкинъ не отбоярить пяти братьевъ (Орловыхъ), такъ опять имъ быть великимъ. Правда, что онъ уменъ, и можетъ вѣзаться такою манерою, только для него одинъ пунктъ тяжелъ, что великій князь не очень любитъ, и по сию пору съ нимъ ничего не говорилъ»...

Затѣмъ, графиня совѣтуетъ мужу, сообразуясь съ обстоятельствами, обращаться теперь со всѣми дѣлами къ Потемкину, который «очень графу служилъ, и много ея (императрицы) мнѣніе (о Румянцовѣ) перемѣнилъ... Онъ, какъ бывъ въ арміи, все знаетъ, переговорить наединѣ все можетъ; а повидимому, хотя султанъ и по-вый, а къ миру дороги не видать. Здѣсь было заговорили о семъ, да нѣчто утихло, что на тебя эту комиссію положить».

Заканчивая этимъ занимательнымъ письмомъ наши выдержки изъ любопытной и весьма назидательной переписки графини Е. М. Румянцовой, мы полагаемъ, что всѣ интересующіеся нашей стариной, вмѣстѣ съ нами, порадуются появленію въ печати этихъ простыхъ, искреннихъ писемъ, важныхъ не только въ историческомъ и бытовомъ, но и въ нравственномъ смыслѣ. На этихъ страницахъ передъ нами—дѣлая жизнь женщины, со всѣми ея страданіями, жертвованіями, заботами, дрязгами, мелочами и расчетами. Перечитывая эти письма, слѣдя внимательно за ихъ внутреннею связью, мы невольно олицетворяемъ передъ собою образъ той русской женщины, которая, пренебрегая всякими резонерствами, всякими побрякушками теорій, принциповъ и разглагольствованій о правахъ и свободѣ, всецѣло посвящала себя только одному святому дѣлу:—выполненію обязанностей жены и матери. И только сознаніе выполняемаго долга давало ей возможность забывать о ея тяжкихъ горяхъ и неудачно-сложившейся жизни, и въ минуты колебанія прибѣгать къ Тому, «чебѣ иго не тяжело и бремя легко». Пожелаемъ же и нашему вѣку побольше такихъ матерей и женъ!

П. П.

МИТОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ НѢКОТОРЫХЪ ПРЕСТУПЛЕНІЙ, СОВЕРШАЕМЫХЪ ПО СУЕВѢРІЮ¹⁾.

ЛИЖАЙШЕЕ знакомство съ народнымъ бытомъ и успѣхи изученія обычнаго права раскрыли цѣлый рядъ чрезвычайно любопытныхъ явленій уголовнаго характера, удовлетворительное объясненіе которыхъ можетъ быть дано только при помощи археологін, раскрывающей отдаленныя времена язычества. Я говорю о преступленіяхъ, совершаемыхъ по суевѣрію, которыя встрѣчаются гораздо чаще, чѣмъ это можно было думать. Не смотря на то, что суевѣрію, какъ источнику преступленій, изслѣдователями народнаго быта было оказано сравнительно второстепенное вниманіе, помѣшавшее полнѣе и глубже раскрыть объемъ его вліянія, уже сдѣланное достаточно для заключенія, что названному обстоятельству принадлежитъ не маловажная роль въ области преступныхъ посягательствъ. Обычаи заворовыванія, опахиванія, преступная практика разрытія могилъ съ суевѣрными цѣлями и насилія надъ колдунами и вѣдьмами, служатъ достаточнонымъ тому доказательствомъ. Наблюденія народнаго быта

¹⁾ Источники. Аванасьевъ, «Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу», 3 т. М. 1866—1869; Якушкинъ, «Обычное право», 1875 г.; Котляревскій, «Погребальные обычаи славянъ», М. 1868; Киричничковъ, «Далеко ли мы ушли отъ мифическаго міросозерцанія», Новь, 1884 г. кн. 1-я; Вестужевъ-Рюминъ, «Русская Исторія», т. 1-й, Спб. 1872; Срепаневскій, «О языческомъ богослуженіи древнихъ славянъ», 1848 г.; Фаминцынъ, «Вожества древнихъ славянъ»; Терещенко, «Бытъ русскаго народа», ч. IV, Спб. 1848; Снегиревъ, «Русскіе въ своихъ пословицахъ», 1831 г., ч. II-я; Вуславъ, «Вліяніе христіанства на славянскій языкъ», М. 1848; Клинискій, «Церковный мѣсяцесловъ на Русн».

показываютъ, что въ формѣ этихъ обычаевъ скрываются довольно разнообразныя преступленія, какъ-то:—убійства, тѣлесныя поврежденія, истребленіе и поврежденіе чужого имущества, святотатство или церковная кража,—преступленія, изъ коихъ нѣкоторыя, особенно имущественныя, случаются довольно часто. По словамъ знатоковъ обычнаго права, противозаконное разрытіе могилъ большею частью совершается не съ цѣлью ограбленія мертвыхъ, а подъ влияніемъ народнаго суевѣрія и часто считается не преступленіемъ, а гражданскимъ долгомъ. Далѣе, опахиваніе, весьма часто предпринимаемое крестьянами во время господства въ селахъ и деревняхъ повальныхъ болѣзней, рѣдко обходится безъ причиненія насилія лицамъ и особенно безъ истребленія животныхъ, встрѣчающихся на пути. Наконецъ, случаи жестокой расправы съ колдунами и вѣдьмами, заподозрѣнными въ причиненіи частныхъ и общественныхъ бѣдъ, расправы, иногда оканчивающейся убійствомъ, слишкомъ извѣстны по своей многократности изъ газетъ, чтобы объ этомъ слѣдовало много говорить. Рѣже повидимому практикуется обычай заворовыванія, но это можно сказать только вообще, а не объ отдаленныхъ губерніяхъ; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ этотъ обычай сохраняетъ большую жизненную силу.

И такъ, важное значеніе суевѣрія, какъ одного изъ факторовъ преступности, едва ли можетъ подлежать сомнѣнію. Отсюда сама собою вытекаетъ и важность вопроса о внутреннемъ смыслѣ этого суевѣрія, о его происхожденіи. Наука не можетъ ограничиться изученіемъ внѣшней стороны явленія, способовъ и формъ его обнаруженія; она стремится проникнуть въ его внутренней смыслъ, въ его глубину. Пытаясь посылно отвѣтить на поставленный вопросъ, мы изученію внутренняго смысла суевѣрія предположимъ изложеніе его формы, его содержанія.

1) Опахиваніе. Обрядъ этотъ совершается такимъ образомъ. Старуха-повѣщалька, большею частью вдова, выходитъ въ полночь въ одной рубахѣ на околицу и съ дикимъ воплемъ бьетъ въ сковороду; на ея призывъ сходятся бабы и дѣвки съ разными хозяйственными орудіями—сковородами, кочергами, ухватами, косами, серпами, дубинками, помялами, вѣниками и т. п. Собравшіяся женщины даютъ знать мужчинамъ, чтобы тѣ не смѣли показываться на улицу, послѣ чего ворота во всѣхъ домахъ запираются, скоть загоняется въ хлѣва, собакъ привязываютъ. Тогда повѣщалька, сбросивъ съ себя рубаху, клянеть смерть, другія же женщины привозятъ соху, въ которую обыкновенно запрягаютъ старуху-повѣщальку, въ нѣкоторыхъ же мѣстностяхъ—незаворныхъ дѣвъ или бабу-неродицу; на старуху же повѣщальку налагаютъ въ однихъ мѣстахъ и хомуть, а въ другихъ—его кладутъ на обнаженную вдову. Затѣмъ открывается троекратное опахиваніе вокругъ села, т. е. обведеніе его замкнутою круговою чертою съ отваливаніемъ земли

въ противоположную отъ села сторону, при чемъ шествіе происходитъ въ такомъ порядкѣ: впереди несутъ образъ св. Власія, если бываетъ чума рогатаго скота, св. Флора и Лавра, если бываетъ падежъ лошадей, при этомъ курятъ ладономъ или цѣлебными травами; далѣе идутъ женщины съ зажженными пучками соломы, сѣна или лучины; за ними ѣдетъ на помелѣ въ одной рубашкѣ съ распущенными волосами старуха, сопровождаемая сохой. Слѣдующая позади толпа при страшномъ трескѣ и звонѣ, производимомъ ударами въ заслонки, сковороды, тазы, чугуны, горшки и косы, а также ударами кнута, пляшетъ, вертится, кривляется и, останавливаясь предъ каждымъ дворомъ, бѣшенно кричитъ: «бей, сѣки, руби коровью смерть или холеру! згинь, пропади, черная немочь! запашу, заколю, загребу, засѣку, замету!» Если при этомъ попадется на встрѣчу какое-либо животное, то его немедленно убиваютъ въ полномъ убѣжденіи, что это смерть, принявшая видъ оборотня; то же повѣрье распространяется и на встрѣчныхъ мужчинъ, которыхъ бьютъ безъ жалости, чѣмъ попало, забивая иногда до смерти. По народному вѣрованію, кое-гдѣ доселѣ уцѣлѣвшему, самое рѣшительное средство для прекращенія повальной болѣзни — холеры, чумы—это зарытіе живого человѣка въ могилу; въ силу этого бывали примѣры самопожертвованія: бросали жребій и того, на кого онъ падалъ, живымъ зарывали въ землю съ пѣтухомъ, собакою и черною кошкою. Въ 40-хъ годахъ въ одномъ селеніи для прекращенія холеры столкнули въ приготовленную могилу старуху и живьемъ ее засыпали землей; а въ 61-мъ году въ Туруханскомъ краѣ одинъ крестьянинъ для прекращенія повальной болѣзни закопалъ въ землю дѣвочку, свою родственницу. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ на мѣстѣ падежа первой зачумленной скотины готовятъ яму и въ ней зарываютъ падалъ вмѣстѣ съ собакой, кошкой и пѣтухомъ, привязанными къ хвосту падшей скотины; въ Нижегородской губ. для прекращенія сибирской язвы вбиваютъ на перекресткахъ осиновые колы и посыпаютъ улицы пепломъ нарочно - сожженной собаки. Иные еще дѣлаютъ такъ: вечеромъ стоняютъ весь скотъ на одинъ дворъ, ворота котораго запираютъ и караулятъ до утра, а съ разсвѣтомъ разбираютъ весь скотъ, выпуская его осторожно поодиночкѣ; если останется хоть одна лишняя корова неавѣстнаго хозяина, то ее принимаютъ за коровью смерть, взваливаютъ на полѣнницу и сожигаютъ живьемъ. По народному убѣжденію, всякое живое существо, первымъ заболѣвшее повальною болѣзнию, есть супостатъ нечистой силы и проводникъ смерти; отъ него зараза быстро переходитъ на все окрестное населеніе¹⁾.

¹⁾ Терещенко, VI, 40—48; Аванасьевъ, ib, I, 565—568, III, 114—115, 523—524; Калицкий, тамъ же, 362—363; Котляревскій, ib, 38; Якушкинъ, ib, XXV.

Такова форма обычая опахиванія. Но гдѣ же, спрашивается, скрывается его начало, его происхожденіе? Последнее слѣдуетъ искать въ тѣхъ мифологическихъ вѣрованіяхъ, которыя соединялись въ фантазіи первобытнаго человѣка съ ежегодной смѣной зимы весной. Съ зимой онъ соединялъ представленіе о временномъ періодическомъ снѣ или смерти природы, которая съ наступленіемъ весны пробуждается къ жизни; это представленіе его богатая фантазія претворила въ живые образы, въ стихійныя существа смерти, синонимъ зимы и жизни, мифической красавицы, синонимъ весны. Наступленіе весны у всѣхъ арійскихъ народовъ встрѣчалось торжественными обрядами, съ которыми соединялся и обрядъ изгнанія смерти; послѣдній былъ ничто иное, какъ эмблема небесной грозы, разбивающей огненными стрѣлами, ударами Перуна, нечистую силу, сковавшую облака на время зимы въ мрачныя тучи, подземелья, которыя вмѣстѣ съ небеснымъ золотомъ—молніей всецѣло подчинены ея власти; весеннія грозы—громы Перуна, освобождая молнію и разражаясь ею, освобождаютъ также небесныя стада—облака изъ-подъ власти нечистой силы и изливаютъ животворную влагу—дождь на поля. Этотъ обрядъ у насъ извѣстенъ подъ именемъ опахиванія, которое съ теченіемъ времени метафорически приобрѣло то исключительное значеніе, которое оно имѣетъ теперь, а именно способа изгнанія повальной смерти живыхъ тварей. Какъ эмблема небесной грозы, побивающей нечистую силу, опахиваніе должно страхомъ Перуновыхъ ударовъ изгнать моровую язву, олицетворяющую эту темную силу. Сообразно съ такимъ символическимъ значеніемъ даннаго обряда создана и вся обстановка его: дѣйствующія лица въ обрядѣ—бабы и дѣвки, большею частію совершенно нагія или въ однихъ бѣлыхъ рубахахъ съ распущенными волосами, совпадаютъ съ народнымъ представленіемъ о вѣдьмахъ, доящихъ весенія тучи и насылающихъ на землю дожди; ихъ, т. е. бабъ и дѣвокъ, дѣйствія сходны съ дѣйствіями въ небесныхъ пространствахъ облачныхъ женъ и дѣвъ: ихъ бѣшенная пляска—эмблема бурнаго полета тучъ, звонъ и стукъ—эмблема громовыхъ раскатовъ, а поѣздъ на помелѣ—стремительныхъ вихрей.

Что же касается истребленія животныхъ и насилій надъ людьми, совершаемыхъ во время обряда опахиванія, то это ничто иное, какъ остатокъ общественной умиловительной жертвы, приносившейся, надо думать, Волосу, въ началѣ какъ солнечному божеству, подателю всѣхъ благъ, а затѣмъ какъ покровителю, главнымъ образомъ, скота, перешедшаго съ принятіемъ христіанства въ св. Власія. Въ жертву приносили какъ людей, такъ и животныхъ, и, вѣроятно, съ приобрѣтеніемъ опахиваніемъ исключительнаго значенія способа изгнанія повальной смерти живыхъ тварей, главнымъ образомъ, тѣхъ изъ нихъ, которые подвергались болѣзни, какъ супостатовъ и проводниковъ нечистой силы въ образѣ смерти. Закланіе ихъ

вмѣстѣ съ идеей умиловленія божества соединяло также и мысль объ очищеніи отъ скверны, грѣха, нечистой силы. Зарытіе въ землю зараженнаго повальной болѣзью человѣка исторгаетъ изъ него злого демона, нечистую силу, которая уходитъ изъ царства жизни въ подземное царство смерти. Жертвы приносились не только въ формѣ закланія, зарытія въ землю, но и въ формѣ сожженія, на что указываетъ приведенный обычай посыпанія улицъ въ Нижегородской губ. пепломъ нарочно сожженной собаки, а также сожиганія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на полѣнницѣ коровы неизвѣстнаго хозяина, оставшейся по разборкѣ скота, изъ одного двора каждымъ хозяиномъ по принадлежности. Въ частности, истребленіе животныхъ и убіеніе людей, встрѣчающихся на пути во время совершенія обряда опахиванія, находятъ свое объясненіе въ тѣхъ же жертвоприношеніяхъ, въ связи съ народнымъ повѣрьемъ въ оборотней, въ которые превращается смерть, принимающая видъ животныхъ или людей. Такъ какъ опахиваніе есть огражденіе села или деревни замкнутою чертою, за которую смерть не можетъ переступить, то понятно, что встрѣчающаяся на дорогѣ нечистая сила или смерть, превратившаяся въ оборотня, должна быть истреблена, дабы опахиваніе достигло своей цѣли, убіеніе ихъ также скрывало въ себѣ двѣ идеи—жертвы и очищенія¹⁾.

2) Заверовываніе. Оно состоитъ въ томъ, что въ ночь предъ Благовѣщеніемъ воры совершаютъ какую-либо кражу, поставляя себѣ цѣлью—не цѣнность вещи, а искусство, ловкость исполненія юрловства; согласно съ этимъ, они нерѣдко вещь, похищенную въ эту ночь тайкомъ у сосѣда, возвращаютъ ему добровольно на слѣдующій день. Крестьяне вѣрятъ, что искусная, ловкая кража въ ночь предъ Благовѣщеніемъ обезпечиваетъ удачный и безопасный промыселъ воровства на цѣлый годъ²⁾. Внутренній смыслъ этого обычая весьма теменъ; мы позволимъ себѣ предложить слѣдующую догадку. Въ старину, уходящую ко временамъ язычества, новый годъ считался съ марта мѣсяца, со дня установленія весны, когда лѣто, по народному убѣжденію, побѣждало зиму. Этотъ день съ принятіемъ христіанства совпалъ съ правдникомъ Благовѣщенія. Такимъ образомъ, по языческимъ вѣрованіямъ, наканунѣ нынѣшняго дня Благовѣщенія въ природѣ совершался чрезвычайно важный переворотъ; лѣто, вступивши съ начала марта въ борьбу съ зимой,

¹⁾ Фаминницъ, ib, 58; Срезневскій, ib, 71—80; Аонасьевъ, ib; Вестужевъ-Рюминъ, ib, 14.

²⁾ Якушкинъ, XXXIV, Калининъ, ib, 369—380. Въ прямой связи съ обычаемъ заверовыванія наканунѣ Благовѣщенія, надо думать, стоитъ и обычай ужалыничковъ похищать другъ у друга крючки для болѣе счастливой ловли паваги, а также обычай похищенія вещей съ св. мощей для улучшенія хозяйства. См. Кириичниковъ, ib, 68; «Московскія Вѣдомости» 1884 года, № 354; сообщилъ Е. И. Якушкинъ.

въ это время довершало свою борьбу, испытывало самый рѣшительный ея актъ. Героями этой борьбы были, съ одной стороны, богъ-громовникъ и карлики-молніи, а съ другой — демоны и великаны тучъ. Наканунѣ Благовѣщенія богъ-громовникъ, являясь въ страну великановъ, въ ихъ темныя облачныя подземелья, старается какъ можно легче и хитрѣе похитить у нихъ свои грозныя атрибуты—громъ и молнію, дабы успѣшнѣе одержать побѣду надъ демонами-великанами, и чѣмъ удачнѣе онъ выполнялъ свою задачу, чѣмъ грознѣе разражались его громоносныя удары, тѣмъ побѣдоноснѣе вступало лѣто въ свои права, тѣмъ болѣе оно изливало золотыхъ лучей на землю, тѣмъ болѣе, наконецъ, изливалось на землю живой, благотворной воды-дождя. На эти мысли указываютъ и народныя примѣты, согласно которымъ если пойдетъ дождь на Благовѣщеніе, то родится рожь, а если разразится гроза, то будетъ теплое лѣто и много орѣховъ. Отсюда само собою возникло представленіе о богѣ-громовникѣ, какъ о хитромъ татѣ и покровителѣ воровства, представленіе, которое особенно перешло на его атрибутъ—молнію, какъ на такое явленіе, которое какъ бы само собою подсказываетъ мысль о ловкости, изворотливости, проворствѣ, отличительныхъ чертахъ искуснаго вора. Вотъ почему въ сказкахъ карлики-молніи изображаются чрезвычайно изворотливыми и искусными ворами, смѣло проникающими въ демонскіе вертепы и ловко уносящими оттуда красавицъ, равное богатство и драгоценности—олицетвореніе благотворныхъ силъ весенней природы; вотъ почему и самое слово воръ этимологически выражаетъ идею искуснаго, ловкаго хищника¹⁾). Послѣ сказаннаго, внутренній смыслъ обычая заворовыванія раскрывается въ такомъ видѣ: это ничто иное, какъ перенесеніе представленія о богѣ-громовникѣ и карликахъ-молніи, стремящихся искуснымъ похищеніемъ у демоновъ-великановъ благотворныхъ весеннихъ силъ природы наканунѣ установленія весны обезпечить изобиліе ихъ на все лѣто,—на людей, желающихъ удачной кражей наканунѣ новаго года обезпечить себѣ безопасное занятіе ею въ теченіе всего года. При такой метафорѣ необходимо предположить, что безопасность, безнаказанность кражи, въ отдаленныя времена явчества совпадали съ искуснымъ, ловкимъ ея совершеніемъ, и, дѣйствительно, мы знаемъ, что до сихъ поръ у нѣкоторыхъ народовъ преслѣдуется только неудачная, замѣченная кража; тайное же, ловкое воровство остается безнаказаннымъ.

3) Разрытіе могилъ. Оно совершается съ тремя цѣлями:

а) Крестьяне вѣрятъ, что если воръ запасается рукою мертвеца или его пальцемъ или свѣчей, приготовленной изъ жира покойника, особенно некрещеннаго младенца, или просто взятой изъ воскового крестика, полагаемаго въ руки покойника, то онъ съ пол-

¹⁾ Аванасьевъ, II, 764; III, 659, 691; Калининскій, ib, 378—380.

ной безопасностью можетъ совершить задуманную кражу, такъ какъ на ховяина нападаетъ глубокій непробудный сонъ. Особенно спленъ бываетъ этотъ сонъ тогда, когда преступникъ обведетъ мертвою рукою спящихъ, откуда и пословица: «обворожилъ, какъ мертвою рукою обвелъ» ¹⁾. Въ нѣкоторыхъ, впрочемъ, мѣстахъ вѣрятъ, что для усыпленія жильцовъ, лучше всего положить мертвую руку на окно и зажечь восковую свѣчу изъ крестика ²⁾. Въ этомъ повѣрѣи воры, думается намъ, олицетворяютъ собою облачныхъ демоновъ, жадныхъ хищниковъ молніи, небеснаго золота. Совершая въ грозѣ торжественное явленіе бога-громовника, народная фантазія представляетъ себѣ молнію его рукой или пальцемъ на ней, которой онъ обыкновенно лишался въ побѣдоносной борьбѣ съ демонами тучъ; ниспровергая мрачнаго великана, засѣвшаго въ черныхъ тучахъ, освобождая облака изъ-подъ его власти посредствомъ ниспосланія при громовыхъ раскатахъ живой воды-дождя, Перунъ, по фантазіи первобытнаго человѣка, самъ лишался одного изъ своихъ членовъ — руки или пальца, т. е. молніи, уходящей при громовыхъ ударахъ въ землю. Облачные же демоны, стремясь сковать и запереть небесныя стада-облака, стараются похитить для того у бога-громовника молнію, безъ чего онъ какъ бы теряетъ свою грозную силу и впадаетъ во временное бездѣйствіе — засыпаетъ. Поэтому, надо думать, и воры стараются зацѣпиться рукою или пальцемъ мертвеца, дабы обезпечить себѣ посредствомъ усыпленія ховяина вещей безпрепятственное ихъ похищеніе. Мертвецы, членамъ которыхъ придается ворами такая чудодѣйственная сила, вѣроятно, означаютъ стихійныхъ обитателей подземнаго царства, метаморфозу небесныхъ явленій — молніи и дождя — по переходѣ ихъ въ землю. На это, между прочимъ, указываетъ и вѣрованіе въ особенную чудодѣйственную силу свѣчи, приготовленной изъ жира некрещеннаго младенца: дѣти умершіе безъ крещенія, по народному убѣжденію, превращаются въ русалокъ и мавокъ, т. е. въ подземныя божественныя существа. Что же касается свѣчи, замѣняющей палецъ мертвеца, свѣчи, приготовленной изъ его же жира, то это ничто иное какъ эмблема огня, свѣта, составляющихъ естественныя свойства молніи ³⁾.

b) Разрытіе могилъ далѣе предпринимается или для избавленія отъ волшебныхъ дѣйствій похороненныхъ колдуновъ и вѣдьмъ, самоубійцъ, некрещенныхъ дѣтей, или c) съ суевѣрными медицинскими цѣлями. Крестьяне вѣрятъ, что колдуны и вѣдьмы не только при жизни, но и послѣ смерти не оставляютъ людей въ покоѣ; иногда они выходятъ изъ могилъ, являются къ живымъ и нано-

¹⁾ Якушкинъ, ib, XXXIV; Снегиревъ, ib, 85; Аванасевъ, II, 787.

²⁾ «С.-Петербургскія Вѣдомости», 1876 г. № 242; сообщилъ Якушкинъ.

³⁾ Аванасевъ, II, 690, 701, 785—787; III, 240—244; Фаминцынъ, ib, 281—286; Терещенко, ib, 119 и слѣд.

сятъ имъ тотъ или другой вредъ, напимѣрь, высасываютъ у нихъ кровь; для избавленія отъ такого вреда или порчи, причиняемыхъ умершими колдунами и вѣдьмами, необходимо осиновоѣ колъ вбить въ сердце трупа или же еще лучше въ спину, перевернувъ предварительно мертвеца ницъ, или, наконецъ, отрубить у него голову и положить у его ногъ. Крестьяне также вѣрятъ, что изъ могилъ выходятъ и причиняютъ вредъ людямъ не только колдуны и вѣдьмы, но и самоубійцы, затѣмъ, что отъ почетнаго погребенія, т. е. такого, которое подобаетъ христіанину, самоубійцѣ, и вообще лицъ, погибшихъ насильственною смертью, напимѣрь, утопшихъ, замерзшихъ и т. д., происходятъ разныя народныя бѣдствія, какъ-то—губительный градъ, безвременный морозъ, особенно бездождіе. Для прекращенія такого вредоноснаго вліянія самоубійцѣ, необходимо въ первомъ случаѣ разрыть могилу послѣднихъ и забить въ трупъ осиновоѣ колъ, а во-второмъ вырыть трупъ самоубійцѣ и погибшихъ насильственною смертью изъ могилы и, перенеся его за предѣлы христіанскаго кладбища, похоронить на распутіяхъ, перекресткахъ полей и т. п. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ рядъ съ лицами, погибшими насильственною смертью, ставятся старообрядцы и инородцы, которымъ также приписываютъ разныя общественныя бѣдствія и вырываютъ ихъ изъ могилы, если они похоронены на общемъ съ православными кладбищѣ. Наконецъ, по народному повѣрью—нѣкоторыя части мертваго тѣла, напимѣрь, запекшаяся кровь некрещеннаго младенца, весьма спасительны въ извѣстныхъ болѣзняхъ; почему суевѣрные люди иногда разрываютъ могилы, дабы достать у трупа его цѣлебныя части ¹⁾.

Дабы понять смыслъ приведеннаго вѣрованія о колдунахъ, замѣтимъ, что въ эпоху младенчества народы, не понимая внутренней связи между явленіями природы и тѣхъ законовъ, которые ими управляютъ, относили все это на счетъ живыхъ существъ, созданныхъ воображеніемъ. Наполняя природу разными сверхъестественными существами, олицетворяя ея силы, люди приписывали этимъ существамъ причину не только благодѣтельныхъ для человѣка явленій окружающаго міра, но и непріятныхъ, гибельныхъ. Такимъ образомъ, сверхъестественныя существа приобрѣли значеніе причины, источника какъ добра, такъ и зла въ жизни человѣка, который раздѣлялъ ихъ на двѣ категоріи—свѣтлыхъ и темныхъ. При всей своей разобщенности съ человѣкомъ, эти божественныя существа не лишены связи съ нимъ; они снисходятъ какъ бы къ нему и оказываютъ ему свою помощь, содѣйствіе. Отъ нихъ, какъ отъ причины явленій, люди приобрѣтаютъ знаніе, вѣдѣніе сверхъестествен-

¹⁾ Аванасьевъ, II, 306—307; Котляревскій, ib, 34—35; «Рязанскія Губернскія Вѣдомости», 1868 г., № 52; сообщилъ Якушкинъ; Кирпичниковъ, «Новь», 67—68; Якушкинъ, «Обыч. право», XXXIV—XXXV.

наго и способность такъ или иначе направлять силы природы; отсюда беретъ свое начало волшебство или вѣдовство — способность совершать сверхъестественныя дѣйствія, которое по различію самихъ источниковъ послѣднихъ распадается на доброе, бѣлое, такъ сказать, и злое, черное. На эту связь волшебства или вѣдовства съ сверхъестественными существами лучше всего указываетъ то, что чудесный даръ вѣдѣнія, тайна познанія непонятныхъ явленій въ старину приписывались одинаково, какъ божественнымъ или демоническимъ существамъ, управлявшимъ дождевыми тучами, вѣтрами и грозами, такъ и нѣкоторымъ людямъ, которыхъ считали близко стоящими къ богамъ или одаренными отъ нихъ особенными талантами, таковы—жрецы, гадатели или ворожеи, лѣкаря и пѣвцы или поэты. Поэтому совершенно понятна вѣра въ способность колдуновъ и вѣдьмъ, какъ пособниковъ или супостатовъ демоническихъ существъ, насылать общественныя бѣдствія, особенно засуху, голодь. Подобно тому, какъ демоны тучъ высасываютъ молоко-дождь небесныхъ коровъ-облаковъ, колдуны и вѣдьмы скрадываютъ дождь и росу, доятъ и высасываютъ тѣхъ же коровъ; подобно тому какъ первые весною, пробуждаясь отъ смерти къ жизни, любятъ непомерно упиваться теплою кровью—безвременными гибельными дождями, сопровождающимися градомъ и опустошеніемъ, вторые, т. е. колдуны и вѣдьмы, послѣ смерти выходятъ изъ гробовъ и высасываютъ кровь у живыхъ людей. Выдаиваніе небесныхъ коровъ съ теченіемъ времени метафорически перешло въ выдаиваніе земныхъ домашнихъ коровъ, до сихъ поръ упорно приписываемое суевѣрнымъ народомъ вѣдьмамъ. Но вредоносныя дѣйствія демоническихъ силъ въ воображеніи первобытнаго человѣка не проявляются съ безграничной силой, не остаются безъ противовѣса; такимъ противовѣсомъ здѣсь являются грозные удары громовыхъ стрѣлъ Перуна, разящіе нерѣдко хищниковъ-демоновъ или колдуновъ и вѣдьмъ въ то время, когда они съ жадностью бросаются на любимый ими напитокъ живой воды. Отсюда само собою возникло представленіе о чудодѣйственномъ значеніи осиноваго кола, биваемаго въ спину или въ сердце умершаго колдуна или вѣдьмы; заостренный осиновый колъ въ народныхъ вѣрованіяхъ имѣетъ значеніе Перуновой палицы¹⁾. Что же касается другого способа прекращенія вредныхъ дѣйствій похороненнаго колдуна, а именно отсѣченія головы съ положеніемъ ея у ногъ, то это повѣрье для насъ темно; не стоитъ ли оно въ связи съ первобытнымъ вѣрованіемъ нашихъ предковъ въ загробную матеріальную жизнь мертвецовъ со всей обстановкой жизни земной²⁾, вѣрованіемъ, при которомъ отсѣченіе

¹⁾ Аванасьевъ, II, ib; III, 426—427; Вѣлглицъ-Котляревскій, «Преступленія противъ религіи въ важнѣйшихъ государствахъ Запада», 1836 г., 98—94.

²⁾ А. Котляревскій, ib, 179, 196 203.

истог. вѣстн., июль, 1888 г., т. XXIII.

головой отъ туловища съ положеніемъ ея у ногъ въ представленіи народа, очевидно, было равносильно полному лишенію возможности похороненныхъ колдуновъ выходить изъ могилъ? Такимъ образомъ, здѣсь возможно стеченіе двухъ мнѳологическихъ воззрѣній: одного, исходящаго изъ олицетворенія стихійныхъ силъ природы, другого— изъ вѣрованія въ продолженіе человѣкомъ за гробомъ своей матеріальной жизни.

Вѣрованіе въ самоубійцѣ, какъ причину частныхъ и общественныхъ бѣдъ, находитъ свое объясненіе въ томъ значеніи почетнаго погребенія, какое оно получило въ отдаленныя времена язычества. Совершеніе погребенія, отвѣчающаго земнымъ заслугамъ умершаго, признавалось почти у всѣхъ народовъ священною нравственною обязанностью живыхъ, особенно ближайшихъ родственниковъ; это было своего рода право мертвыхъ на чѣсть и услугу, необходимыя для достойнаго перехода ихъ и водворенія въ вѣчномъ жилищѣ; отсюда лишеніе погребальной почести, по понятіямъ древности, было равносильно самому тяжкому наказанію, самому страшному проклятію; до сихъ поръ нѣтъ страшнѣе мысли для темнаго простолюдья, какъ та, что земля его не приметъ. Лишаясь погребальной почести, человѣкъ, по народному убѣжденію, какъ бы лишается будущей жизни; его душа обрекается навѣчное безпріютное, мятежное блужданіе; какъ не воздавшая землѣ земнаго, она, по взглядамъ древнихъ, не могла войти въ жилище усопшихъ и приобщиться къ сонму дорогихъ родственниковъ тѣней¹⁾. При такомъ священномъ значеніи подобающаго погребенія, понятно, оно не могло распространиться на всѣхъ умершихъ безъ различія; его лишались, во-первыхъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напримѣръ въ классическомъ мірѣ—тяжкіе преступники, какъ покрывшіе себя неизгладимымъ пятномъ безчестія, во-вторыхъ, всюду самоубійцы, какъ лица, которыя, насильственно порвавъ таинственный процессъ своей жизни, тѣмъ самымъ какъ бы прекратили возможность естественнаго продолженія его за гробомъ. Будучи же лишены погребальной почести, мятежныя души самоубійцѣ, какъ проклятыя, подобно душамъ умершихъ колдуновъ и вѣдмъ, вѣроятно сближались народною фантазіей съ темными существами—демонами, ставились съ ними въ родство, откуда и получили, какъ и души колдуновъ и вѣдмъ—сверхъестественную способность выходить изъ могилъ и выпивать кровь изъ живыхъ, вообще вредить послѣднимъ. Прекращеніе такого вредоноснаго дѣйствія похороненій самоубійцѣ, такъ же какъ и мертвыхъ колдуновъ, предполагаетъ вбитіе въ трупъ осиноваго кола, который здѣсь имѣетъ такое же значеніе.

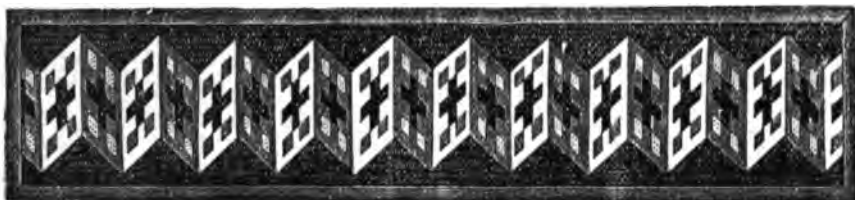
Что же касается вредоноснаго характера почетнаго погребенія самоубійцѣ, то это вѣрованіе, надо думать, стойтъ въ связи съ по-

¹⁾ А. Котляревскій, *ib.*, 6—7.

клоненіемъ тѣнямъ усопшихъ. Если мятежныя души самоубійць, какъ проклятые, обрекались на лишеніе погребальной почести, то понятно, что нарушеніе этого отрицательнаго долга не могло оставаться безнаказаннымъ; тѣни усопшихъ, пенаты, мстили за такое поведеніе живыхъ, которое было какъ бы кощунствомъ, надругательствомъ надъ ними, мстили, отвращая отъ живыхъ свое благоволеніе и раскрывая темнымъ силамъ, родственнымъ душамъ самоубійць,—возможности вредоноснаго дѣйствія; отсюда и появленіе природныхъ бѣдствій — бездожья, града и т. п. Для прекращенія этихъ бѣдствій, очевидно, ничего болѣе не оставалось, какъ вырыть самоубійцу изъ мѣста общаго покоя мертвыхъ и зарыть его на распутіяхъ, перекресткахъ полей, вообще, похоронить его безъ погребальной почести. Сопоставленіе же въ этомъ отношеніи съ самоубійцами и лицъ, погибшихъ стихійною насильственною смертью, вѣроятно, объясняется сближеніемъ сихъ послѣднихъ, какъ и самоубійць, съ темными силами, которымъ приписывалась ихъ смерть. По вѣрованіямъ народа, утопленники, удавленники, замерзшіе— суть жертвы темныхъ духовъ, такихъ какъ водяной, дѣсной и др., которые какъ бы поселяются въ ихъ тѣла и губятъ ихъ душу, жизнь. Изъ признанія же близости родства погибающихъ насильственною смертью съ темными силами совершенно естественно заключеніе народной фантазіи къ ихъ волшебнымъ дѣйствіямъ, для прекращенія которыхъ необходимо вырыть ихъ трупы изъ мѣста общаго покоя и похоронить на распутіяхъ, перекресткахъ и т. п. мѣстахъ. Въ связи съ приведенными соображеніями не трудно понять и смыслъ вѣрованія въ волшебную силу крови похороненнаго некрещеннаго младенца. Дѣти, умершія безъ крещенія, по фантазіи народной, превращаются въ мавокъ, въ русалокъ; ихъ мучаютъ злые духи, теряющіе свою власть только въ зеленые святки. Такимъ образомъ, дѣти, умершія безъ крещенія, въ воззрѣніяхъ народа, равнымъ образомъ сближаются съ темными демоническими существами, откуда и раскрывается сама собою цѣлебная сила ихъ крови.

Таковъ внутренній смыслъ, таковъ отдаленный источникъ, какъ мы полагаемъ, нѣкоторыхъ преступленій, создаваемыхъ суевѣріемъ. Можно думать, что и многія другія преступленія, совершаемыя нашимъ народомъ по суевѣрію, конечно, не всѣ, также скрываютъ свой первоначальный источникъ въ дебряхъ миеологіи; но само собою разумѣется, что совершенно авторитетнаго рѣшенія этого вопроса можно ожидать только отъ будущаго, которое, вмѣстѣ съ болѣе богатымъ накопленіемъ обычно-правоваго матеріала, неминуемо вызоветъ и болѣе широкія научныя изслѣдованія.

Л. С. Вѣлогриць-Котляревскій.

ПРИРОДА И ЧЕЛОВѢКЪ ВЪ СРЕДНЕЙ АЗИИ¹⁾.

IV.

В ПЕРОВСКИМЪ природа нѣсколько измѣняется. По обѣ стороны избитой и ухабистой дороги начинается мѣстами появляться своеобразный саксауловый лѣсъ. Уродливые, толстые стволы этого растенія покрыты пучками ярко-зеленыхъ вѣтокъ, которыя своимъ нѣжнымъ цвѣтомъ рѣзко выдѣляются на темно-сѣрой корѣ. Древесина необыкновенно крѣпка, такъ что никакой топоръ не въ состоянїи перерубить даже неособенно толстый стебель; за то достаточно посильнѣе ударить обухомъ, чтобы весь онъ рассыпался въ щепки. Не смотря на такую хрупкость, тонкіе годичные слои древесины до такой степени плотны, что куски ея, брошенные въ воду—тотчасъ же тонуть, падаютъ на дно.

Благодаря полному отсутствію листьевъ, къ которымъ мы такъ привыкли на нашей родинѣ, лѣсъ саксаула не имѣетъ ни малѣйшей тѣни. Лучи солнца жгутъ землю, песокъ заноситъ деревья, ломаетъ вѣтки... И при такой ужасной обстановкѣ саксаульные деревья доживаютъ до глубокой старости: мнѣ удавалось насчитывать болѣе двухсотъ лѣтъ у нѣкоторыхъ, не особенно толстыхъ, экземпляровъ. Прибавлю еще, что благодаря тому обстоятельству, что эти сухіе невзрачные стволы, представляютъ собою превосходное топливо, скоро наступитъ время, когда своеобразныя растенія со-

¹⁾ Первые три главы этой статьи были напечатаны въ октябрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» 1887 года.

вершено исчезнуть изъ нашихъ средне-азиатскихъ владѣній,—до такой степени безопадно истребляются они во всѣхъ мѣстахъ.

Не доѣзжая до маленькаго форта Джулека, влево отъ дороги, начинаютъ показываться на горизонтѣ синѣющія горы Кара-тау; то свѣтлѣе, то темнѣе идутъ онѣ почти до самаго Чимкента. По рассказамъ старожиловъ, весьма недавно горы эти изобиловали богато дичью,—тутъ встрѣчались даже олени, кабаны и тигры.

Но вотъ вдали являются какіе-то сѣро-желтые холмы, полуразрушенныя башни, высокія стѣны. Это остатки города Саурана. Лѣтъ 15 тому назадъ можно было еще видѣть здѣсь оригинальныя сооруженія, въ видѣ гигантскихъ бутылокъ изъ-подъ рейнвейна. Говорятъ, что съ этихъ высокихъ минаретовъ когда-то сбрасывали преступниковъ.

По другой легендѣ, башни построены Тамерланомъ, въ угоду его любимой внучкѣ, нелюбившей сидѣть въ гаремѣ и большой охотницѣ любоваться окрестностями и видомъ громадной мечети Хазрета, которая построена въ городѣ Туркестанѣ ¹⁾.

Какъ бы то ни было, но Сауранъ былъ большимъ городомъ, торговля процвѣтала, караваны тянулись къ нему со всѣхъ сторонъ. Говорятъ, что владыка этой мѣстности только зимовалъ здѣсь, держалъ войско, молился въ мечети, а лѣтомъ кочевалъ въ сосѣднихъ горахъ. Наконецъ, калмыки во второй половинѣ XVII вѣка будто бы напали на городъ и разрушили его. Теперь, только пыльные остатки указываютъ на мѣсто, гдѣ когда-то кипѣла жизнь...

Наконецъ, еще немного и на горизонтѣ начинаетъ обрисовываться Туркестанъ съ своей колоссальной и чудной развалиной мечети, которая и до сихъ поръ поражаетъ красотой, не смотря на обрушившіяся украшенія.

Глухою ночью въѣхали мы въ городъ. Все кругомъ спало. Пустыя, неособенно широкія улицы, обсаженныя стройными пирамидальными тополями и кудрявымъ тальникомъ, затянуло какъ дымкой, легкимъ туманомъ; въ двухъ-трехъ домикахъ только свѣтились огоньки.

Усталой рысью подкатили лошади нашъ запыленный тарантасъ къ подъѣзду почтовой станціи. Ямщикъ-киргизъ грувно спрыгнулъ съ козелъ и принялся стучать въ окно смотрителя.

Черезъ пять минутъ мы вошли въ чистую, просторную комнату, куда заспанная женщина внесла зажженную свѣчу.

Съ какимъ наслажденіемъ кинулся я на твердый кожаный диванъ и, не смотря на приглашеніе зоолога поужинать, не хотѣлъ двинуться съ мѣста...

¹⁾ Хорошхинъ. Сборникъ статей, касающихся до Туркестанскаго края 1876. стр. 10.

Бодрые и веселые шагали мы на другое утро къ крѣпости, взятой русскими въ 1864 году, гдѣ помѣщается мечеть.

На высокомъ холмѣ стоятъ сгруппированными казенныя зданія, стѣна съ воротами... Кругомъ расположенъ городъ съ тѣнистыми бульварами; вездѣ журчатъ арки съ холодной свѣтлой водой...

Такъ какъ мы попали въ базарный день, то на улицахъ было довольно оживленно. Киргизы съ верблюдами, навьюченными всякимъ хламомъ, хивинцы въ громадныхъ мѣховыхъ шапкахъ верхомъ на маленькихъ ослахъ, офицеры, солдаты, дамы... все это сновало, кричало, шумѣло. Протолкавшись сквозь пеструю толпу, мы, наконецъ, очутились передъ развалиной. Разноцвѣтные глазированные кирпичи ярко блестя на солнцѣ, но во многихъ мѣстахъ «поливка» отскочила и видны широкіе и тонкіе кирпичи. По бокамъ главнаго входа (по угламъ) высатся круглыя башни. Надъ дверью замѣтно большое окно, суживающееся кверху. Справа и лѣва торчатъ деревянные брусья неопредѣленнаго назначенія, на которыхъ поселились задумчивые аисты.

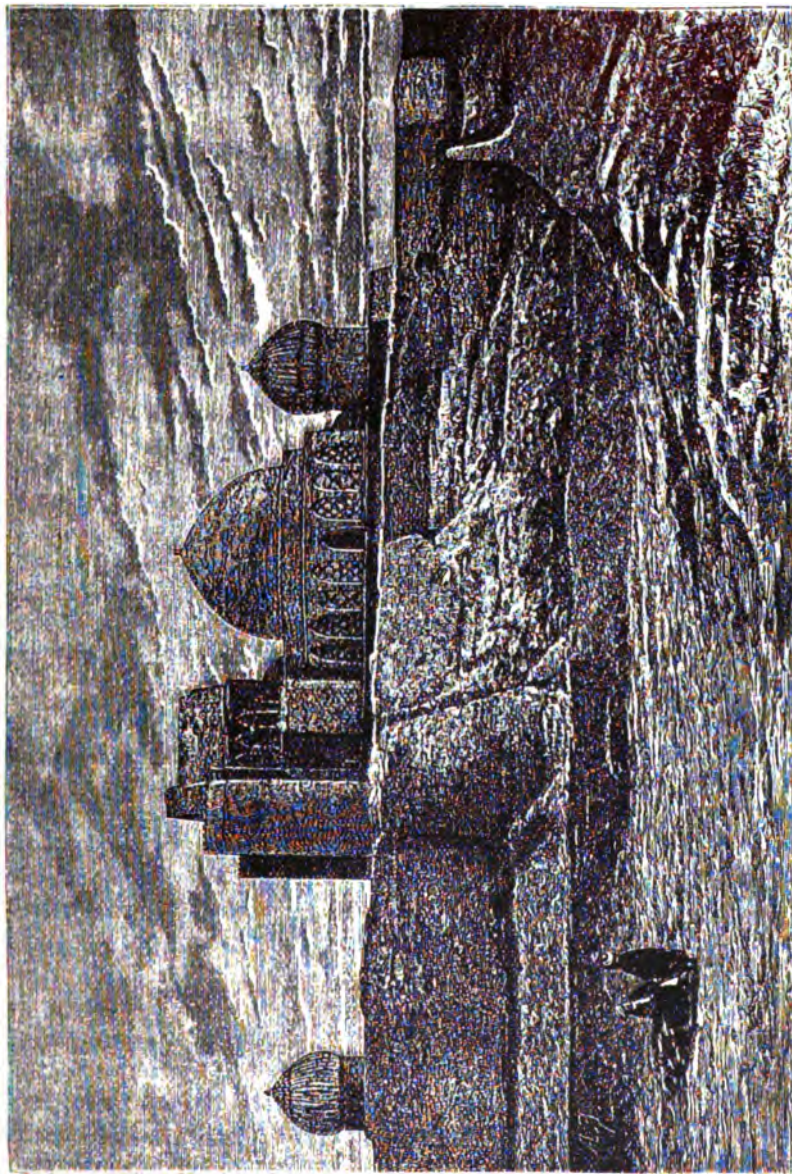
Сбоку видѣны главный куполь, а сзади него—другой, сравнительно меньшихъ размѣровъ и необыкновенно красиваго очертанія. Вообще, надо сказать, что въ настоящее время видъ мечети съ боковъ представляется болѣе эффектнымъ: эти купола, пестрота окраски, рѣшетчатые огромныя окна—все производитъ сильное впечатлѣніе.

Войдя въ зданіе, невольно останавливаешься передъ громаднымъ металлическимъ чаномъ вязальной работы, который имѣетъ форму колоссальной вазы. Вокругъ него стоятъ бунчуки съ ветхими пучками конскихъ волосъ. У входа въ главный придѣлъ, гдѣ покоится прахъ пророка Хазрета, помѣщены большіе мѣдные, когда-то позолоченные, пандалы, а двери, ведущая въ это святилище, поражаетъ прекрасной рѣзной работой.

Говорятъ, что описываемое зданіе построено Тамерланомъ 490 лѣтъ тому назадъ, на могилѣ сартовскаго святого, пророка султана Хаджи-Ахмета-Хазрета. По поводу этой постройки существуетъ слѣдующая легенда:

Однажды Магометъ училъ народъ и приводилъ его въ восторгъ силою своего ума и слова. Видя восхищеніе слушателей, пророкъ сказалъ:

— Черезъ 500 лѣтъ послѣ моей смерти явится на землѣ святой человѣкъ, который будетъ имѣть даръ пророчества не менѣе меня!.. Но,—прибавилъ Магометъ,—не скрою отъ васъ и того, что мнѣ необходимо передать этому будущему избраннику одинъ талисманъ. Кто изъ васъ согласится сохранить его и доставить по принадлежности?!

Мечеть Хазрета въ Туркестанѣ.

Тогда изъ толпы вышелъ старецъ, Онъ былъ благочестивъ, прожилъ уже 500 лѣтъ и назывался Арслонъ-бобъ. Изъявивши готовность отыскать святого, старецъ спросилъ Магомета:

— Гдѣ же долженъ я найти избраннаго?

— Иди,—отвѣчалъ пророкъ,—въ городъ далекій, лежащій отсюда на сѣверо-восточной сторонѣ. Городъ этотъ называется Туркестанъ; тамъ находится медресе, а въ числѣ учениковъ найдешь и новаго пророка.

— Но, какъ же я узнаю его? чѣмъ онъ отличается отъ обыкновенныхъ смертныхъ?—допытывалъ Арслонъ-бобъ.

— Когда всѣ ученики будутъ выходить изъ училища и радостно побѣгутъ домой, останется у дверей только одинъ; онъ можно сложить руки и медленно пойдетъ спиной впередъ. Спроси его—какъ зовутъ? странный юноша отвѣтитъ—Хазретъ. Тогда передай ему вотъ эту ягоду, въ которой сокрытъ мой талисманъ, мое завѣщаніе. Но, помни, старецъ,—прибавилъ Магометъ,—что ягоду эту надобно сохранять осторожно во рту, за устами, въ теченіе 500 лѣтъ; ее нельзя ни помять, ни разгрысть, ни раздавить—иначе горе тебѣ и всему народу!

— Исполню свято твое завѣщаніе,—отвѣчалъ старецъ...—И если умру ранѣе указаннаго срока, то берусь найти человѣка, который возьмется за продолженіе начатаго мною дѣла.

Однако, благочестивому Арслонъ-бобу удалось самому исполнить волю пророка. Онъ прожилъ еще 500 лѣтъ, добрался до Туркестана и здѣсь нашелъ все такъ, какъ говорилъ и предсказывалъ Магометъ.

Когда молодой святой получилъ ягоду, то спросилъ у посланнаго:

— Что же ты высосалъ изъ нея весь жиръ, а отдаешь мнѣ кость?

Тѣмъ не менѣе принялъ даръ пророка, сталъ учить народъ, прославился добрыми дѣлами и вскорѣ приобрѣлъ себѣ славу самаго умнаго и благочестиваго человѣка. Само собою разумѣется—явились завистники, вздумавшіе погубить проповѣдника. Двое изъ старшинъ города велѣли украсть корову, убить ее, а кожу и голову подбросить въ домъ Хазрета. На другой день по городу забили тревогу, пустились розыскивать пропажу и къ удивленію всѣхъ нашли у святого окровавленные остатки украденнаго животнаго. Народъ былъ въ смущеніи, не зная какъ объяснить подобный фактъ, а старѣйшины обвинили уличеннаго въ воровствѣ.

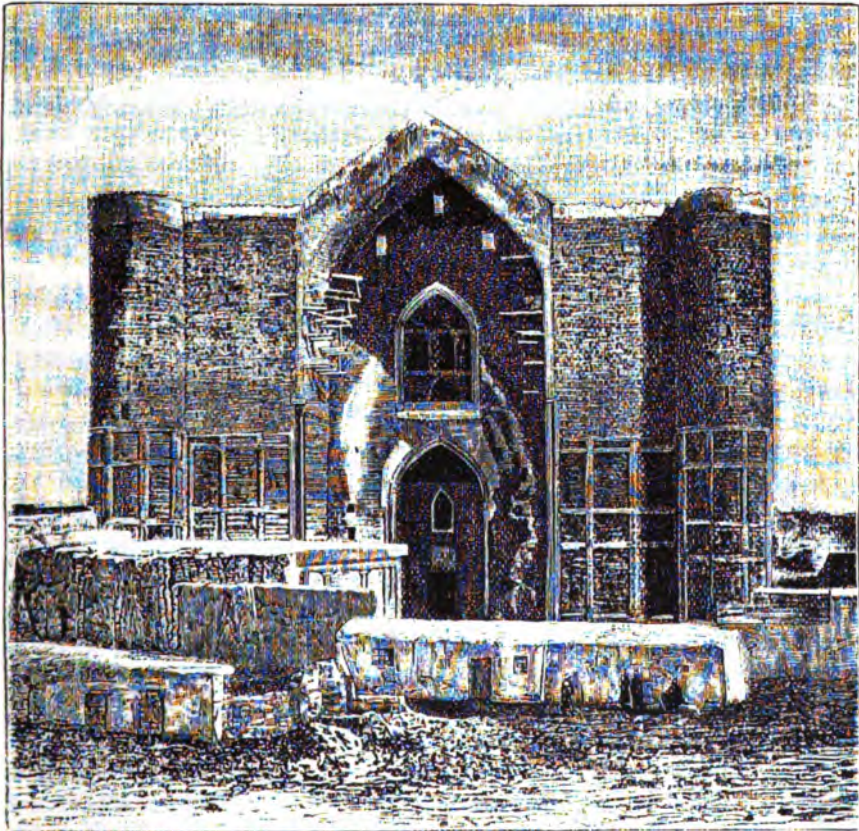
— Если я укралъ корову,—заявилъ тогда спокойно Хазретъ,—то пусть я превращусь въ собаку; если же это неправда, то пусть виновники этой исторіи сейчасъ сдѣлаются собаками.

Не успѣлъ святой докончить этихъ словъ, какъ въ ту же минуту оба старѣйшины превратились: одинъ—въ бѣлую, другой—

въ черную собаку, которыя, поджавъ хвосты, стремительно выбѣжали изъ дома Хазрета.

Новое чудо еще болѣе привлекло къ святому сердца правовѣрныхъ, со всѣхъ сторонъ стали стекаться слушать его поученія.

Хазрету въ это время было 60 лѣтъ. Онъ вырылъ себѣ пещеру и молился въ ней еще 60 лѣтъ. Толпы народа стояли у пещеры и слушали.

Фасадъ мечети Хазрета въ Туркестанѣ.

Пророкъ приходилъ въ экстазъ и въ это время испускалъ изо рта пѣнистую слюну, которая попадая на кого-нибудь изъ слушающихъ, дѣлала его святымъ.

Въ мѣстѣ своего ученія Хазретъ и умеръ. Его похоронили тутъ же и насыпали надъ нимъ земляной курганъ.

Что касается до праведнаго старца Арслонъ-боба, то исполнивши обѣщаніе, данное Магомету, онъ удалился въ городъ Отроръ, лежа-

пій на Сыръ-Дарьѣ, въ 40 верстахъ южиѣе города Туркестана, и тамъ вскорѣ скончался.

Когда Тамерланъ во главѣ своего многочисленнаго войска шелъ изъ Самарканда на Россію, то остановился въ Туркестанѣ. Онъ слышалъ о святомъ, но не вполне вѣрилъ въ его могущество. Тѣмъ не менѣе, однако, заявилъ, что если Хазретъ поможетъ ему завоевать Россію и взять Москву, то надъ простой могилой пророка онъ соорудитъ великолѣпную мечеть.

И приснился въ ту же ночь Тамерлану сонъ. Хазретъ явился къ нему и сказалъ: «Много ты русскихъ городовъ разворишь, но Москвы не возьмешь».

Предсказаніе сбылось. Однако, властитель Азіи велѣлъ строить мечеть.

Не смотря на громадное количество рабочихъ, не смотря на всѣ старанія мастеровъ—дѣло не шло; что сложено было днемъ, разваливалось ночью. Наконецъ, явился Тамерлану опять Хазретъ и сказалъ:

— Выстрой сначала мечеть надъ могилой святого, ранѣе меня жившаго и неменѣе меня славнаго. Святой этотъ Зимга-Ате (Зенготъ) похороненъ въ 15 верстахъ отъ Ташкента, въ городѣ, названномъ въ честь его Зенготъ.

Желаніе пророка было исполнено, и только тогда въ Туркестанѣ явилась мечеть, удивлявшая своей красотой и роскошью всѣхъ богомольцевъ.

Такова легенда, которую мнѣ удалось записать на мѣстѣ. Она вся дышетъ восточной фантазіей и оригинальностью. При мечети когда-то находилось и медресе, т. е. высшее училище. Маленькія кельи муллъ и учениковъ расположены въ два этажа. Изъ нихъ въ верхнемъ—обитаютъ въ настоящее время только стаи одичавшихъ кошекъ.

Въ особомъ помѣщеніи развалины, по пятницамъ, убиваютъ барановъ, приводимыхъ благочестивыми мусульманами въ даръ мулламъ, которые варятъ тутъ же эти добровольныя пожертвованія и поѣдаютъ вмѣстѣ съ прихожанами. Здѣсь же въ мечети имѣется и колодезь.

Такъ какъ, кромѣ развалины мечети, въ Туркестанѣ нѣтъ ничего замѣчательнаго, то мы въ тотъ же день двинулись дальше. Близость Ташкента и сознаніе того, что въ азіатскомъ Парижѣ можно будетъ отдохнуть послѣ безконечной дороги, бодрила насъ, и заставляла терпѣливо переносить всѣ невзгоды и нецрїятности. Не останавливаясь, почти не ѣвши, мчались мы все дальше и дальше...

Вотъ и маленькій Чимкентъ. Тѣ же глиняные домики, тѣ же хивинцы, бухарцы, солдатики... Красивые сарты обступили насъ

съ разными товарами: одинъ—предлагалъ уроки и яблоки, другой—дыни, черешни и огурцы, третій притащилъ сокола въ красной шапочкѣ и приученнаго къ охотѣ за перепелами... Сѣдой, внушительнаго вида, старикъ развертывалъ передъ нашими глазами серебряныя запонки, пуговицы и всякую мелочь, украшенную чернью и бирювой. Однимъ словомъ, станція наполнилась всевозможными азіатами, отъ которыхъ трудно отдѣлаться.

— Лошади готовы!—пробасилъ высокій смотритель съ серьгой въ лѣвомъ ухѣ.

Наскоро захвативши свой скудный завтракъ, бросились мы въ тарантасъ. Бойкая тройка не стояла. Киргизъ-ямщикъ заложилъ себѣ за губу порядочную порцію нюхательнаго табаку, расправилъ возжи и мы ринулись по мягкой пыльной дорогѣ. «Сухой» туманъ задернулъ всю даль, какъ кисея; сквозь него темнѣли высокіе пирамидальные тополи, кишлаки, горы съ причудливыми очертаніями.

Когда жаръ свалилъ, когда повѣяло прохладой, мы добрались и до послѣдней станціи передъ Ташкентомъ.

Здѣсь стояло нѣсколько экипажей, въ открытыя окна слышалось пѣніе, хлопанье пробокъ, звонъ стакановъ, веселые голоса. Оказалось, что какое-то значительное лицо ѣдетъ въ Россію, и вотъ сослуживцы, по здѣшнему обыкновенію, пріѣхали проводить его и пожелать благополучнаго пути.

Все это было причиною того, что намъ лошадей не дали и предложили остаться до разсвѣта.

— Вы посудите сами,—говорилъ шопотомъ, подошедшій къ нашему тарантасу, смотритель,—развѣ я могу отпустить васъ сейчасъ? вѣдь достанется такъ, что вѣчно помнить будешь!.. засните у себя въ экипажѣ, а я распоряджусь, чтобъ все было, какъ слѣдуетъ... Вотъ черезъ часъ, черезъ два, ихъ превосходительство уѣдутъ,—ну, и всѣ разѣдутся... тогда и вамъ лошадокъ дадимъ, а теперь — Боже сохрани!.. ужъ пожалуйте!.. обождите!.. сдѣлайте божескую милость!

Дѣлать было нечего, улеглись въ тарантасъ, и долго слышались пьяные голоса. Какъ уѣхалъ генераль, мы не слышали.

Н. Сорокинъ.

МЕЛОЧИ ИЗЪ МОЕЙ ПАМЯТИ.

АХОДЯСЬ въ той жизненной порѣ, когда воспомина-
нiя о быломъ составляютъ единственное отрад-
ное утѣшенiе, я съ особеннымъ чувствомъ пере-
ношусь мысленно въ періодъ первыхъ годовъ цар-
ствованiя императора Николая Павловича, — ко
времени моей молодости, и въ памяти моей воскре-
саютъ разнообразныя случаи, при которыхъ я
имѣлъ счастье видѣть и слышать государя, оставившаго
своимъ царствованiемъ крупный слѣдъ въ исторiи нашего оте-
чества. Нѣкоторые изъ этихъ случаевъ я постараюсь передать
здѣсь.

Въ началѣ 30-хъ годовъ я кончилъ курсъ въ Петербургскомъ
университетѣ, со степенью кандидата правъ, и жилъ при отцѣ мо-
емъ, который въ то время занималъ должность директора канце-
лярiи министра внутреннихъ дѣлъ. Должность эту отецъ мой не-
измѣнно сохранялъ при министрахъ: князѣ Кочубеѣ, Ланскомъ и
Закревскомъ. Зная основательно иностранныя языки и зачислен-
ный, съ 12-лѣтняго возраста, на службу въ министерство внутрен-
нихъ дѣлъ, я перешелъ вскорѣ въ министерство иностранныхъ
дѣлъ, чему способствовало также и дружеское знакомство отца
моего съ директоромъ департамента внутреннихъ сношенiй, тай-
нымъ совѣтникомъ Поляневымъ. Прослуживъ нѣкоторое время въ
департаментѣ внутреннихъ сношенiй, я вскорѣ получилъ повыше-
нiе и былъ назначенъ, по высочайшему повѣленiю, секретаремъ
церемонiальнаго департамента.

Непосредственнымъ моимъ начальникомъ въ этомъ департаментѣ
былъ оберъ-церемонiей-мейстеръ двора, графъ Иванъ Илларионовичъ
Воронцовъ-Дашковъ.

Съ особеннымъ чувствомъ вспоминаю о графѣ. Это былъ человекъ чрезвычайно добрый. Супруга его, графиня Александра Кирилловна, была по моимъ понятіямъ дивная женщина; она соединяла въ себѣ красоту, умъ, доброе сердце и очаровательную манеру обращенія.

Изъ сослуживцевъ моихъ по церемониальному департаменту въ особенности памятенъ мнѣ: Висконти, съ которымъ я впоследствии вступилъ въ родственныя отношенія и правитель церемониальныхъ дѣлъ Осипъ Ивановичъ Чиполло.

Я останавлиюсь на личности Чиполло, потому что съ нимъ соединено одно изъ моихъ воспоминаній объ императорѣ Николаѣ Павловичѣ.

Осипъ Ивановичъ былъ, что называется, оригиналь и чудакъ; способностями онъ не отличался и своимъ служебнымъ положеніемъ былъ обязанъ покровительству графа Литты, своего соотечественника. Странностями своими онъ давалъ иногда пишу остроумію своихъ подчиненныхъ; болѣе же всего ему надобѣдали мои шутки; однажды, выведенный изъ терпѣнія, онъ пожаловался на меня графу; послѣ чего когда я, по обыкновенію, пріѣхалъ на службу, Осипъ Ивановичъ, съ торжествующимъ лицомъ, объявилъ мнѣ, что графъ требуетъ меня къ себѣ.

Недоумѣвая о причинѣ вызова и догадываясь, что виновникомъ его былъ Чиполло, я входилъ въ кабинетъ графа съ нѣкоторымъ смущеніемъ.

Но, къ удивленію моему, графъ встрѣтилъ меня самымъ пріятливымъ образомъ и на мое молчаливое выжиданіе спросилъ меня пофранцузски?

— Ah, c'est vous mon cher Michailoff. Que puis-je faire, pour vous être agréable? (Это вы, любезный Михайловъ! Что вамъ угодно?)

Я отвѣчалъ съ самымъ смиреннымъ видомъ:

— Monsieur le comte, j'ai reçu l'ordre de me presenter, pour recevoir votre reprimende. — M-r Chipollo — vient me l'annoncer. (Ваше сіятельство, я получилъ приказаніе явиться, чтобы выслушать, по словамъ г. Чиполло—отъ васъ замѣчаніе).

— Ah, c'est vrais, сказалъ графъ, припоминая, m-r Chipollo vous en veut; il m'a dit des choses que je n'ai pas bien compris. Du reste je sais, que vous etes un jeune homme irreprochable et je n'ai rien contre vous. (Да, правда, г. Чиполло что-то противъ васъ имѣетъ; но я не совсѣмъ понимаю. Впрочемъ, я знаю, что вы отличный молодой человекъ и ничего противъ васъ не имѣю).

Въ такихъ почти выраженіяхъ было объясненіе мое съ графомъ. Я извинился, что былъ причиною его безпокойства, и онъ отпустилъ меня, прибавивъ:

— Dites pourtant à m-r Chipollo, que je vous ai fait une forte reprimende. (Скажите, однако же, Чиполло, что я вамъ сдѣлалъ строгій выговоръ).

Я коснулся характеристики Чиполло, потому что оригинальность его проявилась въ присутствіи императора Николая Павловича и вотъ по какому случаю:

Лордъ Кланрикардъ, англійскій чрезвычайный посолъ, представлялся государю, съ полнымъ составомъ своего посольства, при которомъ секретаремъ былъ памятный мнѣ г. Кинеръ. Этотъ Кинеръ страдалъ нервными припадками.

При представленіи посольства должны были находиться оберъ-церемоніймейстеръ графъ Воронцовъ-Дашковъ, правитель церемоніальныхъ дѣлъ Чиполло, и я, какъ секретарь.

Масса придворныхъ и другихъ окружающихъ лицъ уже исчезла изъ моей памяти, такъ какъ прошло полстолѣтія, заслонивъ въ ней туманомъ подробности этой сцены, хотя при этомъ выдѣляется фигура графа Литты, замѣчательная по своему необыкновенно высокому росту.

Живо припоминается и величественная поза императора, стояшаго близь трона, подъ руку съ императрицею, и тотъ моментъ, когда происходило представленіе несчастнаго Кинера.

Въ то время какъ государь сдѣлалъ ему вопросъ, съ Кинеромъ внезапно случился болѣзненный его припадокъ, и онъ вмѣсто отвѣта, зашатался и упалъ къ ногамъ императора.

Впечатлѣніе было потрясающее: государыня вскрикнула, а государь громко приказалъ позвать доктора.

Но всѣ присутствующіе до того были поражены происшедшимъ случаемъ, что стояли неподвижно.

Тогда государь возвысилъ свой голосъ и еще разъ повторилъ: «Доктора! я сказалъ доктора!»

При этихъ словахъ, стоявшій близь Чиполло, какъ будто наэлектризованный, бросился со всѣхъ ногъ къ выходу, чтобы исполнить приказаніе.

Но въ дверяхъ загородила ему дорогу колоссальная фигура графа Литты—Чиполло, разбѣжавшись, съ наклоненной головой, ударилъ его прямо въ животъ. Толчекъ былъ такъ силенъ, что, отпрыгнувъ, онъ потерялъ равновѣсіе и всѣмъ туловищемъ чрезвычайно смѣшно повалился на полъ.

Картина вышла комическая; государь едва сдерживалъ улыбку, государыня поднесла къ лицу платокъ.—Въ эту минуту изъ смежной залы показался быстро входившій военный докторъ.

Это было послѣднее впечатлѣніе памятной мнѣ сцены.

Рассказавъ объ этомъ происшествіи едва ли многимъ извѣстномъ, я переносусь въ минуту болѣе свѣтлую и для меня отрадную.

Я имѣлъ счастье говорить съ императоромъ Николаемъ Павловичемъ и находился въ кабинетѣ его величества въ продолженіе полчаса времени.

Этими счастливыми минутами я обязанъ графу Ивану Илла-

ріоновичу, и потому воспоминаніе это вызываетъ во мнѣ вновь чувства признательности къ незабвенному графу.

Поводомъ къ этому случаю послужило слѣдующее обстоятельство:

Посланникъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ мистеръ Гаррисонъ представлялся императору.

Государю угодно было принять посла въ своемъ кабинетѣ—и такъ какъ Гаррисонъ не зналъ другого языка, кромѣ англійскаго, то государь, желая говорить съ нимъ на этомъ языкѣ, но не имѣя частаго упражненія и привычки, спросилъ графа Воронцова—не находится ли въ числѣ его чиновниковъ, говорящій свободно по-англійски.

Графъ, всегда ко мнѣ благосклонный, выбралъ меня.

Сознавая всю важность возложенной на меня обязанности, я съ трудомъ преодолевалъ волненіе, входя съ Гаррисономъ въ кабинетъ императора.

Государь стоялъ посреди кабинета. На немъ былъ мундирный сюртукъ морской формы.

Окинувъ меня своимъ быстрымъ испытующимъ взглядомъ, и указавъ на Гаррисона, императоръ произнесъ:

«Скажи ему, что я говорилъ поанглійски съ своими няньками, а теперь духу не хватаетъ».

Я перевелъ такъ:

«His Majesty says that spok english with his norces—but naw he is not bold enaugh».

Я стоялъ довольно близко отъ императора, и когда я кончилъ мою фразу, государь, взглянувъ на меня благосклонно, милостиво коснулся плеча моего, положивъ на него два пальца своей руки.

Ободренный такимъ благоволеніемъ, я почувствовалъ возвращающуюся ко мнѣ смѣлость.

Но это было мгновенно—государь сдѣлалъ тотчасъ вопросъ Гаррисону, поразившій меня новымъ страхомъ.

«Спроси его, сказалъ императоръ, видѣлъ ли онъ бригъ Камчатку, прибывшій на дняхъ въ Кронштадтъ изъ Соединенныхъ Штатовъ?»

Мнѣ представилось, что вотъ посыплются морскіе термины для меня непонятные—что и случилось. Но къ счастью моему, всѣ онѣ были знакомы государю, и онъ далъ мнѣ понять, что переводить выраженія Гаррисона излишне.

Такъ кончилась аудіенція, оставившая во мнѣ на всю жизнь неизгладимое впечатлѣніе. Государь отпустилъ насъ въ самомъ лучшемъ настроеніи духа.—Для меня же послѣдствіемъ этого случая было немедленное производство въ званіе камергера двора его величества, награда тѣмъ болѣе драгоцѣнная, что я не носилъ званія камеръ-юнкера.

Припоминая эти случаи изъ моихъ личныхъ впечатлѣній, не лишнимъ считаю привести нѣкоторыя черты величія незабвеннаго императора и по отношенію къ отцу моему.

Какъ я уже упомянулъ, отецъ мой управлялъ канцелярією министра внутреннихъ дѣлъ.

Однажды, во время управления министерствомъ Ланскаго, онъ представилъ отца моего къ ордену св. Анны 1-й степени.

Эта награда была занесена въ общій списокъ нѣсколькихъ лицъ при докладѣ, отправленномъ къ государю, въ бытность его въ Москвѣ.

По возвращеніи доклада оказалось, что всѣ награды были утверждены, имя же отца къ удивленію осталось съ пробѣломъ.

Такое исключеніе подѣйствовало на отца удручающимъ образомъ, онъ обратился за разъясненіемъ къ Закревскому, смѣнившему въ то время Ланскаго.

Но Закревскій недоумѣвалъ самъ и разрѣшилъ отцу обратиться съ просьбою къ самому государю.

Въ отчаяніи отецъ написалъ государю письмо, умоляя вразумить его, чѣмъ онъ могъ навлечь на себя монаршее не благоволеніе.

Черезъ три дня полученъ былъ отвѣтъ шефа-жандармовъ графа Бенкендорфа.

«На всеподданнѣйшее прошеніе ваше, государь императоръ соизволилъ повелѣть сообщить вашему превосходительству, что его величество ничего противъ васъ не имѣлъ и не имѣеть и въ то же время находить съ вашей стороны излишнимъ утруждать особу его этимъ прошеніемъ».

По прошествіи нѣсколькихъ дней, отцу были присланы знаки ордена св. Анны 1-й степени.

Въ другой разъ государь безъ всякаго представленія назначилъ отца моего въ сенаторы, но при этомъ собственноручно подчеркнулъ: «спросить однако Закревскаго».

Я вспоминаю эти незначительныя обстоятельства, только потому, что и въ нихъ проявилось величіе государя Николая Павловича. Память моя уже слабѣетъ и воспоминанія эти кратки; но за то они правдивы.

М. М. Михайловъ.

И. Н. КРАМСКОЙ ВЪ ЕГО ВЗГЛЯДАХЪ НА ИСКУССТВО.

I.

ИРДИ художниковъ очень рѣдко встрѣчается счастливое сочетаніе творческаго дара съ даромъ проницательнаго критическаго анализа. Много ли найдется писателей-художниковъ, одаренныхъ талантомъ критика въ равной степени съ талантомъ творца художественнаго слова? Много ли музыкантовъ, скульпторовъ, живописцевъ, писавшихъ объ искусствѣ съ такимъ же глубокимъ и тонкимъ пониманіемъ общихъ условій его существованія, съ такимъ же пониманіемъ всѣхъ эстетическихъ и техническихъ частныхъ, съ какимъ они писали свои оперы и симфоніи, картины и портреты, съ какимъ ваяли свои статуи, одушевляя рѣзцомъ мраморъ? Въ психіатріи существуетъ даже мнѣніе, что художественныя способности часто сопутствуютъ умственному вырожденію, что онѣ могутъ сочетаться чуть ли не съ идиотизмомъ, что, наконецъ, у художниковъ почти всегда фантазія развивается на счетъ ума и, слѣдовательно, талантъ (по преимуществу живописный и музыкальный) можетъ уживаться съ весьма микроскопическимъ интеллектомъ. Конечно, психіатрія оговаривается, что ея наблюденія справедливы по отношенію къ талантамъ средней руки, третьестепеннымъ и десятистепеннымъ: великое художественное произведеніе не можетъ создать идиотъ; но можетъ, конечно, человѣкъ средняго ума и огромной фантазіи. Словомъ, такъ или иначе, въ художественномъ творествѣ умъ играетъ роль подчиненную, второстепенную и зачастую даже враждуетъ съ тѣмъ, что мы привыкли называть та-

лантомъ, съ той прирожденной воспримчивостью къ звукамъ, краскамъ и формамъ, съ прирожденной способностью думать звуками, образами, красками и формами. Исключенія бываютъ крайне рѣдки: гармоничныя сочетанія мыслителя и художника въ одномъ чловѣкѣ извѣстны наперечетъ.

Крамской принадлежитъ къ такимъ именно счастливымъ и рѣдкимъ исключеніямъ, хотя съ нѣкоторой оговоркой, которую, вѣроятно, приметъ всякій, прочитавшій его недавно изданную переписку въ количествѣ около четырехсотъ писемъ къ разнымъ лицамъ и статьи его по вопросамъ искусства ¹⁾. Эта оговорка заключается въ томъ, что въ Крамскомъ замѣтенъ перевѣсъ мыслителя-критика надъ художникомъ-творцомъ. Сложись жизненныя обстоятельства Крамского иначе, получи онъ систематическое образованіе, которое бы развязало ему руки и развило бы природныя критическія способности, мы имѣли бы въ немъ дѣйствительно великаго художественнаго критика. Въ послѣднія десять лѣтъ своей жизни Крамской, не создавая ничего особенно-крупнаго, становится въ своихъ письмахъ рѣшительно создателемъ художественной критики, является первымъ русскимъ настоящимъ художественнымъ критикомъ, ясно намѣтившимъ пути русской живописи, точно и добросовѣстно сдѣлавшимъ анализъ своихъ наблюденій надъ ея развитіемъ и давшимъ оцѣнку значительнѣйшихъ явленій живописи иностранной. Крамской самъ сознается, что онъ «самоучка во многомъ», что не занимался специально живописью и пасуетъ передъ многими «бронзовыми головами», которыя знакомы со всѣми теоріями и теченіями въ какой-либо специальности, при полномъ отсутствіи непосредственнаго чувства, художественнаго чутья. Но если Крамской не рѣшался выступать въ качествѣ критика публично, для чего у него не было апломба систематической образованности, то жившая въ немъ потребность высказываться находила исходъ въ письмахъ, зачастую переходящихъ размѣры печатнаго полулиста. Книга писемъ Крамского никогда не забудется въ исторіи нашего искусства, ибо въ ней читателю раскрывается содержаніе русской школы живописи и эта школа предстаетъ во всей своей яркой самобытности, обнажая свою душу, показывая свои стремленія и отношенія къ живописи другихъ странъ. Книга писемъ этого даровитаго самородка увлекаетъ постоянной и страстной возбужденностью мысли, неизмѣнной простотой тона, удивляетъ тонкой пронизательностью и рѣдкой ясностью взглядовъ. Она проникнута огненной любовью къ искусству, — любовью тревожной за его судьбы, строгой и настойчивой въ его не-

¹⁾ Иванъ Николаевичъ Крамской. Его жизнь, переписка и художественно-критическія статьи. 1887—1887. Издавъ Алексѣй Суворинъ. Съ факсимиле и двумя портретами. Спб. 1888.

установомъ совершенствованіи,—любовью восторженной ко всякой выдающейся картинѣ, въ которую Крамской поистинѣ влюблялся, изучалъ ее въ подробностяхъ, пропагандировалъ ее, гдѣ только могъ, и успокоивался не раньше, чѣмъ бывъ убѣжденъ, что картина произвела впечатлѣніе и запомнилась. Право на историческое значеніе этой книги выстрадано Крамскимъ, ибо самъ онъ, кипѣвшій внутренней потребностью творчества, говорить: «страдалъ же и я также надъ искусствомъ, вопрошалъ и я боговъ—что такое искусство?»—и съ этимъ, конечно, безпрекословно согласится всякій, читавшій его превосходную книгу, въ которой на каждой страницѣ видѣнъ независимый умъ, всему ищущій разрѣшенія и окончательной разгадки.

Упорно отстаивая права на полную самостоятельность, почитая искусство величиной необъятной, Крамской относился съ страстной нетерпимостью ко всякому принужденію въ дѣлѣ искусства, былъ неумолимо строгъ къ себѣ, умалая предъ искусствомъ свое дарованіе и боясь до ужаса всякаго ложнаго шага; въ смѣломъ и напряженномъ исканіи истины онъ дѣйствовалъ съ рѣдкой страстностью увлеченія и суровой прямою логикой. Эта независимость характера, эта умственная самостоятельность выработалась въ Крамскомъ, благодаря тому, что, во-первыхъ, это былъ человѣкъ настойчивый, энергичный, по натурѣ цѣльный и крѣпкій, а, во-вторыхъ, жизнь заставила его проявить и развить эти качества: послѣ отказа отъ академическаго конкурса на большую золотую медаль, не усумнившись выйти на «страшную свободу», Крамской вмѣстѣ съ тринадцатію товарищами былъ предоставленъ собственной энергіи, наблюдательности и догадкѣ при полномъ отсутствіи руководства и какой бы то ни было поддержки. Скоро между молодыми художниками явилась нѣкоторая организація, благодаря Крамскому, въ которомъ съ страстнымъ художническимъ темпераментомъ уживалась серьезная и трезвая ясность ума, здравомысленность и практичная дѣловитость. У Крамского былъ несомнѣнный организаторскій тактъ, онъ былъ энергическимъ проповѣдникомъ всякаго предпріятія, обѣщавшаго помощь и поддержку художникамъ: по его идеѣ на первыхъ порахъ по выходѣ изъ академіи устроилась артель художниковъ, въ которую всякій художникъ долженъ былъ вносить 25% своего заработка, при помощи же Крамского создавалось и нынѣшнее «Товарищество передвижныхъ выставокъ». Возникла новая молодая сила, соперница академіи, сгумѣвшая оригинальнымъ направленіемъ художественныхъ идей обратить на себя вниманіе общества и доказавшая возможность признанія правъ за русскимъ искусствомъ и самостоятельности его задачъ. Благодаря Крамскому, русской живописи удалось доказать (это было кореннымъ убѣжденіемъ покойнаго художника), что русское искусство

имѣть свою почву, должно имѣть свои особенныя задачи и свою исторію.

Видя пагубность академическаго вліянія, тянувшаго молодое русское искусство на общіе пути сохраненія обветшалыхъ традицій, Крамской ненавидѣлъ за это академію и патетически замѣчалъ, что она «новорожденнаго младенца (русское искусство) пеленать не умѣетъ даже,—она его непремѣнно задушить» (стр. 369). Признавая самую незначительную пользу за академіей, Крамскій ненавидѣлъ ее за то, что она душила молодыхъ дарованія, онъ боялся за судьбу молодежи, находящуюся въ академическихъ рукахъ, стремясь еще при жизни обезпечить свободу роста новаго русскаго искусства, мечтая о школѣ живописи свободной и широко гуманной, ибо академія теперь—«сторожъ, дожившій до глубокой старости при пустомъ храмѣ, не имѣя къ тому же капитала на ремонтъ».

Новая школа живописи должна была помѣщаться въ большомъ зданіи, которое передвижники собирались построить для своихъ выставокъ и въ которомъ, кромѣ того, должны были находиться мастерскія для художниковъ. Это былъ грандіозный планъ новой академіи, учрежденіе которой сыграло бы громадную роль въ исторіи русской живописи. Но, къ сожалѣнію, этому замыслу не суждено было осуществиться, какъ и другому, не менѣе плодотворному, о которомъ Крамской такъ хлопоталъ въ послѣдніе годы,—замыслу объ устройствѣ художественнаго съѣзда.

Такимъ образомъ, книга писемъ Крамскаго рекомендуетъ его публикѣ съ совершенно новыхъ, интересныхъ и незабвенныхъ для исторіи искусства сторонъ. У Крамскаго въ этомъ отношеніи былъ лишь одинъ предшественникъ—творецъ картины «Явленіе Христа народу», нашъ Ивановъ, въ которомъ глубокой мыслитель въ дѣлѣ искусства сочетался съ крупнымъ художникомъ. Но если Ивановъ ограничивается въ своей перепискѣ только сферою своей специальности—искусствомъ религіознымъ, историческимъ, то Крамской глубоко понимаетъ и бытовое, національное и реальное искусство, которое развернулось пышнымъ цвѣтомъ лишь по смерти Иванова и не было ему знакомо, составляя между тѣмъ одну изъ главныхъ задачъ нашего времени. Крамской являетъ очень много сходныхъ и родственныхъ чертъ въ своей натурѣ при сравненіи его съ Ивановымъ, который былъ для недавно усопшаго художника дѣйствительно во многомъ учителемъ и предтечей. У обоихъ мы замѣчаемъ склонность къ библейскимъ сюжетамъ, у обоихъ умъ перевѣшивалъ непосредственный талантъ, который они какъ будто хотѣли наверстать постояннымъ пристальнымъ вниманіемъ ко всѣмъ подробностямъ своего дѣла, оба страстно любили его, были глубокими, истинными художниками въ душѣ, страдая подчасъ отъ недостатка мѣткости въ выборѣ красокъ, не переносившихъ на по-

отно то, что они видѣли въ природѣ и въ себѣ самихъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, сходствуя по характеру творчества съ Ивановымъ, Крамской, будучи, кромѣ того, портретистомъ, сильно превосходилъ послѣдняго разнообразіемъ и гибкостью своей натуры вообще и художественной критики въ частности. Объ этомъ мы говорили выше и будемъ еще говорить, приступая къ детальному анализу взглядовъ Крамского на искусство.

Крамской въ одномъ изъ своихъ предсмертныхъ писемъ (№ CCCLXIV, отъ 30-го января 1887 г.), чувствуя свою природную критическую силу, говоритъ о себѣ такъ: «я не то, чтобы былъ непогрѣшимый критикъ, но утверждаю о себѣ, что если мнѣ что понравится и засядетъ, въ томъ есть что-нибудь». Эти слова совершенно вѣрны; Крамской рѣдко ошибался въ оцѣнкѣ какъ общаго склада таланта художника, такъ и въ оцѣнкѣ его отдѣльныхъ произведеній. Къ сожалѣнію, этого нельзя сказать о присяжныхъ газетныхъ и журнальныхъ quasi-художественныхъ цѣнителяхъ и судьяхъ, которые любятъ авторитетнымъ тономъ изрекать авторитетныя нелѣпости, пользуясь или невѣжествомъ публики или угождая ея фальшивымъ вкусамъ. Въ письмахъ Крамского мы читаемъ неоднократно жалобы на отсутствіе у насъ критики, на трудность работы въ потьмахъ, ибо нѣтъ такого человѣка, который бы «какъ голосъ совѣсти или труба архангела» оповѣщалъ художнику—идетъ ли онъ по настоящей дорогѣ или заблуждается. «Вмѣсто этого среди публики полное равнодушіе къ цѣлямъ и задачамъ искусства; господствующіе взгляды и тенденціи, т. е. отсутствіе ихъ, возведено авторитетами въ принципъ, а въ средѣ художниковъ «повальное помѣшательство, нѣтъ голоса достаточно авторитетнаго, чтобы вывести изъ мрака всѣхъ потерявшихся и потерянныхъ. Съ одной стороны чиновникъ, напортившій и погубившій будущность искусства, съ другой алчность голодныхъ и слабыхъ натуръ дѣлаетъ и жизнь, и трудъ почти невозможными». Это дѣйствительно безотрадное положеніе заставляло чуткаго къ идеалу художника и отзывчиваго на высшую правду въ искусствѣ критика съ мрачнымъ сокрушеніемъ замѣчать: «Все такъ грубо кругомъ, такъ мало нужды въ интересахъ нѣскольکو вышшаго порядка, чѣмъ интересъ желудка, чина, улыбки особы, что бѣжалъ бы вонъ, далеко и безъ оглядки... Но куда? вотъ вопросъ». Въ самомъ дѣлѣ некуда было бѣжать, а приходилось уживаться съ тѣми «бронзовыми головами», которыми кишитъ общество, отъ которыхъ художнику даже страшно за человѣка становилось, которые оглушаютъ своимъ дикимъ ревомъ при появленіи выдающагося произведенія, восклицая: «Что это такое? Какъ можно это выставлять? Какъ позволяютъ!» и пр. и пр. Дѣйствовавшіе въ печати художественные критики по профессіи не удовлетворяли Крамского, и не

отъ нихъ онъ надѣялся услышать властный и авторитетный голосъ за настоящее искусство, который «раздавался бы такъ, чтобы мы, его слабые адепты, чувствовали, что горизонты говорящаго за насъ гораздо шире нашихъ собственныхъ, что сознаніе у нашего вожака и защитника зорко слѣдитъ и ничего не упуститъ безнаказанно, что должно быть наказано, что главныя положенія, служившія основаніемъ движенію, будутъ разъяснены съ должною полнотою, и споръ станетъ невозможнымъ». Конечно, Крамской не могъ дожидаться такого времени, ибо не было силъ, которыя создали бы, удовлетворяя настоятельной потребности, такую истинно художественную критику, уничтоживъ водворившуюся въ ней «ликующую вакхалію». Истинный критикъ, по мнѣнію Крамского, долженъ имѣть идеалъ, захватывающій дальше всего, куда художникъ когда-либо достигалъ; онъ долженъ любить художника и понимать его, т. е. имѣть непосредственное художническое чутье; любовь смягчитъ суровость, оправдаетъ художника и найдетъ постоянную причину недочетовъ, а знаніе, пониманіе дѣла, не позволятъ вмѣстѣ съ тѣмъ спускать уровень требованій; онъ долженъ громко, какъ труба, провозглашать, что безъ идеи нѣтъ искусства, но въ то же время, и еще болѣе того, безъ живописи живой и разительной нѣтъ картинъ, а есть лишь благія намѣренія; критикъ долженъ помнить, что «идеи искренни», пока онѣ новы, но разъ имъ прошло одно-два поколѣнія, онѣ теряютъ остроту и интересъ, и если въ холстѣ, кромѣ идей, не окажется чисто живописныхъ качествъ, картина отправляется на чердакъ». Критикъ не долженъ: «выбзгать на эстетикъ», въ которой можно наговорить «съ три короба», не сказавъ ничего существеннаго, прочнаго; критикъ долженъ не гнущаться приѣмомъ «разжевыванія», поступая какъ Бѣлинскій въ свое время, долженъ кропотливо, медленно, шагъ за шагомъ, выбивать старые предрасудки изъ ихъ позицій, для того, чтобы овладѣть прежде всего массой, а не аристократами мысли; для истиннаго критика мало сказать, а нужно доказывать, нужно не бросать отрывочныя положенія на воздухъ, не оставлять ихъ висѣть въ пространствѣ изъ опасенія, что «ловкіе парни» все это потомъ нанижутъ на ниточку и высмѣютъ передъ публикой въ другихъ аудиторіяхъ. Отказываясь «убѣждать, убѣждать, разжевывать и вдалбливать», критикъ рискуетъ дожидаться самыхъ неожиданныхъ результатовъ своей дѣятельности: онъ рискуетъ подвергнуться посмѣянію, не дождавшись торжества своихъ истинныхъ положеній. Вмѣстѣ съ тѣмъ, обходя намѣченныя требованія отъ критики и расплываясь въ краснорѣчивомъ эстетическомъ туманѣ, критики будутъ только портить дѣло.

Таковъ былъ критическій идеалъ Крамского, для воплощенія котораго онъ носилъ въ своей богатоодаренной природѣ обильныя,

но, къ сожалѣнію, не развившіеся задатки. Всѣ же дѣйствовавшіе критики являлись воплощеніемъ какой-нибудь одной стороны, одной части истиннаго критика. Наибольше цѣнными качествами Крамской, конечно, считалъ въ критикѣ природныя чутье и любовь къ искусству, которыя онъ, напр., находилъ въ А. С. Суворинѣ. Съ истинно-дѣтскимъ восторгомъ Крамской привѣтствовалъ статьи Суворина о передвижной выставкѣ 1885 года, на которой между прочимъ была выставлена извѣстная картина Рѣпина: «Іоаннъ Грозный». Крамской беззавѣтно радовался, что нашелся человѣкъ, оцѣнившій съ точки зрѣнія общихъ положеній, одинаковыхъ для всѣхъ родовъ искусства, минуя все специальное,—оцѣнившій мѣтко главное произведеніе тогдашней выставки, разобравшій съ такимъ же чутьемъ и всѣ остальные выдающіяся произведенія. «Еще ни разу, замѣчаетъ Крамской, съ художниками не говорили такимъ тономъ и съ такой точки зрѣнія. Вы признали за художникомъ права на творчество въ такой же мѣрѣ, какъ за писателемъ, и отсюда неисчислимыя послѣдствія. Художественныя же критики критиковали самый холстъ, да еще высокомѣрно. Вы разбираете идеи художника, его голову — вотъ это важно и, повторяю, нужно». По этому-то Крамской и говорилъ, что статьи Суворина дѣйствуютъ «какъ хорошій освѣжающій душъ» и на публику, и на художниковъ. Не могъ, конечно, удовлетворить Крамского и В. В. Стасовъ, не смотря на свою любовь къ новой русской школѣ, не смотря на многія мѣткія замѣчанія объ ея значенія и объ ея представителяхъ,—замѣчанія къ сожалѣнію, не достигшія значенія вполне обоснованныхъ и вполне доказанныхъ положеній, непреложныхъ для всѣхъ и каждаго. Неодобрительно отзывался Крамской и о Праховѣ, и о Чуйко, — особенно о послѣднемъ, совершенно отказывая ему въ главныхъ критическихъ дарахъ,—въ непосредственномъ чувствѣ, безъ котораго все написанное объ искусствѣ будетъ лишь мертвой, холодной и даже фальшивой теоріей. О Праховѣ же Крамской говорилъ, что это—«художественный бичъ», онъ распространяетъ «нездоровую атмосферу». Нездоровой атмосферой (можно, кромѣ того, прибавить гнилой и затхлой) Крамской по справедливости называлъ «это величіе Олимпа, эти непрерываемыя положенія, эти глубоко-мысленныя нѣмецкія мысли», отъ которыхъ у свѣжаго и чуткаго художника стыла кровь заранѣе.

II.

Самому Крамскому выступать въ роли критика мѣшало чувство приличія, или, лучше сказать, смущенія, боязнь быть заподозрѣннымъ въ пристрастіи, зависти и въ другихъ непохвальныхъ качествахъ. Къ этому, кромѣ того, присоединялась боязнь за отсутствіе

спеціальной теоретической подготовки для такой отвѣтственной роли. Печатавъ Крамской очень рѣдко и мало, большая часть статей его осталась неизвѣстной публикѣ при жизни ихъ автора. Въ этихъ статьяхъ, какъ и въ письмахъ, замѣчается при слабой теоретической обоснованности вся глубина, сила и тонкость художественнаго чутія Крамского, рѣдко подсказывавшаго критику ложныя мнѣнія. Для доказательства стоитъ лишь припомнить мастерскую оцѣнку картинъ В. В. Верещагина изъ ташкентской жизни, изъ индійской и изъ войны русско-турецкой 1877 года, стоитъ припомнить статью Крамского: «За отсутствіемъ критики», въ которой онъ безошибочно вѣрно анализировалъ фокусную картину «Христосъ» Габріэля Макса, письма по поводу картины Рѣпина «Іоаннъ Грозный», оцѣнки таланта Айвазовскаго, Шишкина, Куинджи, Перова, Иванова (которому Крамской посвятилъ цѣлую статью, но во многихъ отношеніяхъ не особенно удачную), отзывы о современныхъ художникахъ французскихъ, нѣмецкихъ и польскихъ (Матейко, Семирадскій), отзывы объ европейскомъ искусствѣ временъ Возрожденія и объ античныхъ твореніяхъ. Вообще, эти отзывы доказываютъ только одно: въ Крамскомъ сидѣлъ самородный крупный критическій талантъ, но теоретически не развитійся. Въ своихъ статьяхъ Крамской теоретическихъ положеній или избѣгаетъ, или говоритъ, сознаваясь въ этомъ, азбучныя истины, изъ прописей искусства. Вообще теорія, систематичность взглядовъ, стоящая въ уровень съ глубиной непосредственнаго пониманія, были слабыми сторонами Крамского. И въ этомъ, вѣроятно, была одна изъ главныхъ причинъ критической дѣятельности Крамского въ письмахъ, а не въ статьяхъ. Въ письмахъ Крамской тоже детально не развиваетъ своихъ взглядовъ: онъ говоритъ лишь о главныхъ, основныхъ положеніяхъ искусства живописи, — положеніяхъ, которыя въ литературѣ сдѣлались уже давно ходячей монетой, между тѣмъ какъ къ живописи ихъ еще и не примѣняли, а если и пытались это дѣлать, то неумѣло, односторонне, повинуваясь отжившимъ традиціямъ.

Крамской былъ убѣжденъ, что искусство только тогда и сильно, когда оно національно, что общечеловѣческое пробивается въ немъ только сквозь національную форму; если же есть космополитическіе, международные мотивы, то всѣ они лежатъ далеко въ древности, отъ которой всѣ народы одинаково далеко отстоятъ. Онъ настаивалъ на необходимости серьезнаго идейнаго содержанія для живописи, гармонично соединеннаго съ формой, которая должна быть также значительна и выдержана, какъ и содержаніе. И то и другое находится въ тѣсной зависимости: «мысль, и одна мысль создаетъ технику и возвышаетъ ее». Если оскудѣваетъ содержаніе, то не понимается и достоинство исполненія. Къ сожалѣнію, это положеніе не доказалъ и не развилъ Крамской, находя даже, что на Западѣ

идеть какъ будто на выворотъ. Если искусство начинаетъ преобладать въ жизни какого-либо народа,—это признакъ паденія, разложенія (Греція, Римъ, Италия временъ Возрожденія), ибо искусство въ общей экономіи общечеловѣческой и особенно въ государственной жизни народа не должно занимать очень виднаго мѣста. Въ современной Франціи Крамской видѣлъ подтвержденіе своему мнѣнію. Онъ замѣчалъ, что тамъ люди нарочно стараются не чувствовать глухихъ подземныхъ раскатовъ, что «искусство ушло въ блескъ, роскошь и ликованіе, стало подлымъ, замазываетъ щели, убаюкиваетъ стадо, отвращаетъ вниманіе и притупляетъ зоркость, присутствующую человѣку». Французское искусство сдѣлалось буржуазнымъ, ушло все въ исполненіе, утратило всякіе идеалы, ибо буржуазіи они и не нужны; той денежной буржуазіи, которая, награвивъ съ народа денегъ, хочетъ наслаждаться и требуетъ буржуазной, виртуозной музыки, искусства, политики, религіи, бросая баснословные деньги за картины. «Развѣ Патти—сердце?—замѣчаетъ Крамской.—Да и зачѣмъ ей это, когда искусство буржуазіи заключается именно въ отрицаніи этого комочка мяса: оно мѣшаетъ сколачивать деньгу; при немъ неудобно снимать рубашку съ бѣдняка, посредствомъ биржевыхъ сдѣлокъ». Относясь отрицательно къ современному западному искусству, Крамской всѣ свои упованія возлагалъ не безъ основанія на искусство русское, предрекая ему не въ далекомъ будущемъ выдающуюся общечеловѣческую роль. Въ русскихъ художникахъ Крамской видѣлъ живучесть «тѣхъ главныхъ положеній искусства», которыя обязательны для всѣхъ помимо личнаго вкуса и темперамента. На Западѣ отъ этого уклонились — и въ этомъ одна изъ главныхъ причинъ паденія западнаго, почти исключительно виртуознаго, искусства. Крамской указывалъ на то, что теперь чрезвычайно трудно быть художникомъ, что теперь мало даже таланта, какъ бы онъ ни былъ великъ, и что ближайшая задача искусства, осуществляющаяся въ русской живописи и скульптурѣ,— это соединеніе таланта съ головой. «Если же этого химическаго соединенія не произойдетъ,—говорилъ Крамской,—искусство вредно и бесполезно, пустая забава, и больше ничего». Онъ говорилъ, сознавая, что «думающіе и понимающіе художники рѣдкости», сознавая, что настоящее время—строгое время, въ которое съ одной стороны являются «коллективныя, колоссальныя подлости и разбой, разбой утонченный и цивилизованный, а съ другой—грандіозныя и величественныя, захватывающія духъ открытія науки, позволяющія уже почти построить философскую систему, обнимающую міръ внѣшній и внутренній».

Новая русская школа живописи потому поддерживала въ Крамскомъ надежды на будущность искусства, что въ ней за послѣднее двадцатипятилѣтіе появились существенные признаки самостоятельнаго отношенія русскихъ художниковъ, en masse, къ дѣйствитель-

ности, сравнительно съ прежнимъ временемъ, когда движеніе это было только единичнымъ. Онъ говорилъ, что русское искусство несомнѣнно уже народилось, что оно уже вышло изъ младенчества, хворало, но при смерти не было, а теперь уже стало мальчикомъ, къ сожалѣнію, не имѣющимъ ни отца, ни матери. «Кое-что этотъ мальчикъ лепечетъ, — замѣчаетъ въ шутивно-проническомъ тонѣ Крамской, — изрѣдка есть проблески оригинальныхъ идей; онъ учится самъ, то у дьячка, то у прохожаго солдата, то такъ, шляясь по полямъ, у Господа Бога». Ближайшими задачами Крамской считалъ устройство школъ и мастерскихъ съ помощью государства и общества, отъ которыхъ, впрочемъ, онъ не надѣялся увидѣть помощи, ибо общества вообще въ Россіи нѣтъ, государство русскимъ не дѣлается. Школы и мастерскія нужны для того, чтобы продолжать традиціи народившагося русскаго искусства, поддерживать которыя академія рѣшительно не въ состояніи.

Крамской гордился русской школой, доказывая, что въ нынѣшней Европѣ не найдется художниковъ, равныхъ нашимъ, доказывая, что въ бытовомъ русскомъ искусствѣ заключена величайшая плодотворная сила. Русскіе художники, какъ и литераторы, тенденціозны, разумѣя слѣдующее отношеніе художника къ дѣйствительности. Художникъ, какъ гражданинъ и человѣкъ, принадлежа известному времени, непременно что-нибудь любить и что-нибудь ненавидитъ. Слѣдовательно, ему остается быть только искреннимъ, чтобы быть тенденціознымъ. Русскій художникъ не жметъ на форму. Если же форма иногда и не удовлетворяетъ, то вовсе не изъ тенденціозности, а потому просто, что художникъ не сладилъ. По мнѣнію Крамского искусство грековъ тоже было тенденціозно, руководясь высокими мотивами религіи. Когда же оно забыло свои тенденціи, быстро выродилось въ забаву, роскошное украшеніе, а затѣмъ не замедлило сдѣлаться манернымъ и умереть. То же самое повторилось въ Италіи въ эпоху Возрожденія. Крамской былъ увѣренъ, что русское искусство завоюетъ уваженіе, и уваженіе широкое, начиная «съ правящихъ и управляющихъ его судьбами и кончая улицей».

Указывая на успѣхъ передвижныхъ выставокъ въ публикѣ, Крамской высказываетъ оригинальную мысль (во многихъ писмахъ) не желательное возникновеніе такой «безапелляціонной критики, которая бы сообщала художнику первичныя впечатлѣнія публики, прежде чѣмъ человѣкъ обмѣнялся съ кѣмъ-нибудь мыслями». Въ этомъ направленіи не положено еще ни одного камня, но это не должно смущать тѣхъ, кому это нужно, т. е. художниковъ. Крамской говорилъ, что онъ уже кое-что сдѣлалъ въ этомъ направленіи. Тогда бы не захватывали въ художественной критикѣ власти тѣ, кто громче кричитъ. Тогда критика была бы истиннымъ путеводителемъ русскаго искусства, въ которомъ оно такъ теперь

нуждается и съ помощію котораго она завоевала бы всеобщія симпатіи скорѣе и съ меньшимъ трудомъ.

Хотя Крамской и не былъ тѣмъ, что называютъ «классическій художникъ», увлеченный красотою формы, гармоничнымъ и симметричнымъ сочетаніемъ частей и фигуръ, влюбленный въ игру красокъ, но онъ глубоко понималъ классическое искусство, въ которомъ, кромѣ формы, поражаютъ «возвышенность мысли, сила, благородство, энергія, словомъ, тѣ высшія человѣческія свойства, которыми мы безъ святотатства надѣляемъ божественное». Такова голова Юпитера Олимпійскаго, такова Венера Милосская въ Луврѣ, которая, по мнѣнію художника, и настоящая богиня, и въ то же самое время реальнѣйшая женщина. Ея красота такъ сильно дѣйствовала на Крамского, что онъ начиналъ «опять юношески вѣрить въ счастливый исходъ судьбы человѣчества». Дѣйствительно, повторяемъ, художественное чутье у Крамского было исключительное. Какъ, напр., вѣрно онъ характеризовалъ талантъ Верещагина и разбиралъ его картины. Крамской замѣчалъ, что Верещагинъ не изъ тѣхъ художниковъ, которые раскрываютъ глубокія драмы человѣческаго сердца. Онъ объективенъ гораздо болѣе, чѣмъ чловѣку свойственно вообще. Онъ чловѣкъ формальный, внѣшній, не смотря на свой громаднй талантъ. Онъ великолѣпно пишетъ мертвую, неподвижную натуру и слабѣе все живое, предпочитая всегда при этомъ «перенести выраженіе съ головы на всю фигуру, а еще лучше на нѣсколько фигуръ, соединенныхъ вмѣстѣ, благодаря только какому-нибудь забористому событію». Глубоко вѣрно замѣчаніе, что у Верещагина замѣчается зачастую несоотвѣтствіе размѣровъ холста съ содержаніемъ картинъ, въ которыхъ, кромѣ того, сплошь и рядомъ не бываетъ ни начала, ни конца, нѣтъ исполненія характеровъ, стараясь замѣнить эту настоящую задачу художника — живописью, блескомъ, сюжетомъ. Въ его картинахъ замѣчается, по пронизательному мнѣнію Крамского, «игра въ идейности», не выходящая изъ сострадающаго сердца. Подобныхъ отзывовъ и характеристикъ не мало разсыпано въ письмахъ и статьяхъ Крамского.

Глубоко любя русское искусство, ратуя за его преуспѣаніе, Крамской и самъ, какъ художникъ, былъ художникомъ чисто-русскимъ, глубокимъ и тонкимъ истолкователемъ библейскихъ сюжетовъ, или, вѣрнѣе, Евангельскихъ, раздѣляя въ данномъ случаѣ славу Иванова, являясь истиннымъ носителемъ тѣхъ высоко-гуманныхъ началъ, которыя Провидѣніемъ заложены въ русскую душу и выразителями которыхъ въ литературѣ нужно считать Достоевскаго и Толстого. Крамской не находилъ на Западѣ удовлетворительнаго изображенія «Христа, который помѣстилъ Бога въ самый центръ человѣческаго духа и идетъ спокойно умирать за это». Всѣ мысли о Христѣ въ письмахъ Крамского дышатъ возвышен-

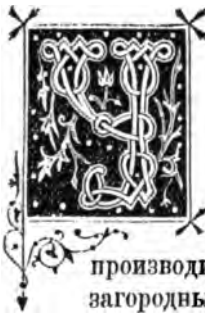
нымъ паэсомъ, горячей любовью, искреннимъ умеченіемъ. Христось былъ для Крамского средоточіемъ всѣхъ моральныхъ вопросовъ, какъ для Достоевскаго и Толстого. Поэтому-то, Крамской является истинно русскимъ художникомъ. Исторія будетъ всегда считаться съ его большими цивилизаторскими заслугами въ области живописи, въ области критики искусства и, вообще, въ сферѣ общественнаго самосовнанія.

О. Тр—въ.

РАМАЗАНЪ ВЪ САМАРКАНДѢ И КУРБАНЪ-БАЙРАМЪ ВЪ БУХАРѢ.

МУСУЛЬМАНЪ Средней Азіи праздниковъ не много, но за то и справляются они основательно. Праздники эти: идъ-уль-фитръ—«роговѣнья», послѣ мусульманскаго поста, курбанъ-байрамъ—«праздникъ жертвоприношенія», и ноурузъ—«новый годъ», праздникъ весны. Послѣдній—установленіе гражданское, а не церковное, производитъ въ народѣ большое оживленіе и сопровождается загородными гуляньями, байгой (скачками), борьбой и тому подобной томашой. Увеселенія эти продолжаются иногда недѣли двѣ и въ разныхъ мѣстахъ бывають въ разное время; но обыкновенно въ мартѣ мѣсяцѣ. Празднованіе «роговѣнья» и «жертвоприношенія» не отличается здѣсь, по бѣдности населенія, такою пышностію и торжественностію, какъ въ другихъ мусульманскихъ странахъ, какъ въ Персіи и Турціи; но хлопотъ, заботъ и всякаго рода суеты, не мало и въ Туркестанѣ; а о тѣхъ безобразіяхъ, какимъ предаются, напримѣръ, шитты-персіане въ праздникъ мухарремъ, нѣтъ у туркестанцевъ и помина.

Постъ установленъ Мухаммедомъ въ память ниспосланія корана въ рамазанъ—9-й мѣсяцъ года ¹⁾. Постъ этотъ обязателенъ (фарвъ), какъ для взрослыхъ, такъ и для дѣтей. Освобождаются отъ него

¹⁾ Мѣсяцъ Рамазанъ есть тотъ мѣсяцъ, въ который ниспосланъ вамъ коранъ, въ руководство людямъ, въ объясненіе того руководства и различенія добра отъ зла. Кто изъ васъ въ этотъ мѣсяцъ находится дома, тотъ въ продолженіе его долженъ поститься; а кто будетъ боленъ, или въ путешествіи, тому такое же число дней поститься въ другой мѣсяцъ. Коранъ, переводъ Саблукова, гл. II, стихъ 181.

больные и путешественники (мусафирь), поэтому покойный эмиръ бухарскій всегда предпринималъ путешествія по ханству въ мѣсяцъ рамазанъ. Освобождается отъ поста и тотъ, кто удалился отъ своего мѣстопробыванія на три дня пути или остановился въ какой-либо мѣстности (хотя бы и въ родномъ городѣ) не болѣе какъ на 15 дней. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ требуется пеня въ пользу бѣдныхъ (черезъ муллу мечети въ своемъ кварталѣ)—3 нимча пшеницы за себя и по стольку же за своихъ членовъ семьи, хотя бы они и постились. Если жена у него беременна, то плата взимается и за будущаго младенца. По расчету можно вносить пеню и деньгами.

Постъ мусульманскій (руза, или какъ произносятъ русскіе въ Туркестанѣ ураза) состоитъ, какъ извѣстно, въ полномъ воздержаніи отъ пищи, питья, куренія и т. д. въ теченіе всего дня, отъ зари до зари, и въ разрѣшеніи всѣхъ удовольствій ночью. Оттого мусульманскій постъ особенно тяжелъ, когда приходится лѣтомъ, и не только тяжелъ, а просто даже губителенъ: строгое воздержаніе днемъ и безобразное обжорство ночью производятъ усиленную смертность въ теченіе всего рамазана. Сарты, поступающіе въ услуженіе къ русскимъ, легче смотрятъ на свой постъ и въ одиночку почти не постятся, но если ихъ въ домѣ двое или больше, то постятся всѣ непременно. «У русскихъ законъ не хорошъ,—говорилъ мнѣ одинъ сартъ,—имъ все равно постимся мы или нѣтъ; а въ Бухарѣ строго наблюдается за поведеніемъ народа: увидить ренсъ, что бѣдятъ—сейчасъ плеть, курятъ—опять плеть». Хорошо благочестіе явъ-подъ плети!

Въ 1885 году, когда рамазанъ приходился на іюнь мѣсяцъ, довелось мнѣ быть въ Самаркандѣ и наблюдать мусульманскій постъ среди туземнаго населенія.

Не пользуясь календарями, въ которыхъ точно опредѣляется время появленія новой луны, туркестанцамъ приходится наблюдать это появленіе самымъ примитивнымъ способомъ: смотря на воду (въ прудъ или рѣку), или забравшись въ глубокой колодезь. Человѣкъ, который явится къ мѣстному казію съ заявленіемъ, что ему удалось увидѣть серпъ луны, получаетъ въ награду халатъ. Свидѣтельствовать можетъ всякій, кто представитъ двухъ поручителей, которые не откажутся, въ случаѣ надобности, присягнуть на коранѣ, что этому человѣку можно вѣрить. И въ такомъ случаѣ казіи не имѣетъ права не вѣрить, хотя бы и былъ убѣжденъ въ противномъ. Желаніе получить награду отъ казія или бека возбуждаетъ соревнованіе наблюдателей, но богатымъ обыкновенно не удается первымъ увидать народившуюся луну: у бѣдняковъ глаза видятъ лучше. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ бываютъ постоянные уже вѣстники рамазанскаго новолунія. Тамъ, гдѣ удалось раньше высмотрѣть народившуюся луну, и постъ начинается раньше; но

во всякомъ случаѣ разница бываетъ не болѣе, какъ на одинъ день. Оттого мусульманинъ въ Средней Азіи и не знаетъ: начнетъ ли онъ свой постъ сегодня или завтра. На этотъ случай арабы ввели даже особый терминъ въ свое законовѣдѣніе: яуму-ш-шакъ (день сомнѣнія). «Сомнѣніе» случилось и въ Самаркандѣ. Начала поста ожидали съ вечера пятницы 31 мая и приготовились уже начать постъ хорошимъ ужиномъ; но извѣщенія о наступленіи рамазана не послѣдовало, чему народъ былъ очень радъ. Въ Шехрисабѣ, между тѣмъ, постъ былъ возвѣщенъ семикратными выстрѣлами изъ пушекъ и барабаннымъ боемъ въ пятницу, какъ сообщилъ мнѣ потомъ одинъ очевидецъ.

Въ субботу, 1-го іюня, наканунѣ перваго числа рамазана, въ 8 часовъ вечера, жители были возвѣщены о наступленіи поста особымъ сигналомъ, своего рода здрей, исполняемой на деревянныхъ трубахъ подъ акомпанементъ барабановъ (нагара). Музыканты, выводяшіе своеобразныя мелодіи, помѣщались у мечети Ширъ-даръ. Масса народу собралась на площади (регистанъ), большинство составляли ребятишки, которые положительно бѣсновались и производили оглушительный вой. Взрослая молодежь тоже не оставалась спокойною: двое-трое молодыхъ парней схватывались руками и старались повалить одинъ другого. Только сѣдые старцы расхаживали чинно и какъ-то странно поглядывали на толкавшагося среди ихъ русскаго; но ни отъ кого не слыхалъ я ни одного недоброжелательнаго выраженія. Изрѣдка приходили наши солдатки небольшими группами послушать туземной музыки. Женщинъ, конечно, не было ни одной. Болѣе часа продолжалась эта суматоха и прекратилась за совершенной темнотой.

Постъ начался. Воскресенье день базарный, но вѣтъ на базарѣ обычнаго оживленія и шума; всѣ ходятъ молча, какъ бы боясь утруждать себя не только работой, но даже разговоромъ; чайныя лавки пусты, и самоваровъ въ нихъ не видать. Къ 1 часу на базарѣ сдѣлалось совсѣмъ пусто: большинство предалось сну, гдѣ пошло и какъ пошло. Хотя коранъ и предписываетъ проводить время поста на молитвѣ въ мечетяхъ; но и спать не запрещается; сномъ и убиваютъ правовѣрные томительный день. Бодрствующіе же, истомленные жарой и воздержаніемъ, двигаются, какъ тѣни, возбуждая къ себѣ жалость въ постороннихъ наблюдателяхъ и придавая унылый видъ туземнымъ городамъ и селамъ. Рабочіе, принужденные добывать себѣ пропитаніе поденнымъ трудомъ, работаютъ только до полудня, но работаютъ вяло и болѣе мечтаютъ о снѣ, чѣмъ занимаются своимъ дѣломъ. Къ вечеру все оживаетъ. Лавки отпираются, зажигаются огни, и послѣ намаза пишинъ, «когда бѣлую нитку нельзя отличить отъ черной», начинается розговѣнье (ифтаръ). Въ Бухарѣ, гдѣ обыкновенно запрещается выходить на улицу, безъ крайней надобности, послѣ 8 часовъ вечера,

базаръ во время рамазана продолжается всю ночь (базари шабъ), и всю ночь народъ гуляетъ. Въ Самаркандѣ особенное оживленіе происходитъ за Пайкобакскими воротами и за городомъ, въ Календаръ-ханэ (дервишскій монастырь). Въ Календаръ-ханэ находится садъ, въ которомъ устроено множество чайныхъ лавокъ, съ огромными русскими самоварами, расположились продавцы фруктовъ, кумыса и кебаба, на мѣстѣ же, въ походныхъ очагахъ изготовляемаго. Тутъ же маскарabaзы (актеры) потѣшаютъ публику своими представленіями, болѣе или менѣе скабрёзнаго свойства: какъ дѣлать арыкъ, какъ мулла тащить въ школу ученика, и т. п.; тутъ и бачи, окруженные толпой обожателей. Тутъ же пристроился французъ-фокусникъ, взимавшій съ посѣтителей по двугривенному за входъ въ свой балаганъ—цѣна для сартовъ очень большая. Въ обыкновенные дни Календаръ-ханэ открытъ до 9 часовъ вечера, а въ рамазанъ на всю ночь. За Пайкобакомъ происходятъ уже чистыя безобразія. Въ лунныя ночи сарты большими компаніями развѣзжаютъ изъ Календаръ-ханэ къ Пайкобакскимъ воротамъ и обратно. Съ ущербомъ луны разгулъ нѣсколько ослабѣваетъ вслѣдствіе административнаго распоряженія русскихъ властей въ предупрежденіе несчастныхъ случаевъ, воровства и драки. И такъ, что запрещается мусульманину днемъ, тѣмъ съ избыткомъ вознаграждаетъ онъ себя ночью. Конечно, не всѣ же безобразничаютъ. Очень многіе собираются въ компаніи, гдѣ муллы читаютъ книги религіознаго содержанія, и гдѣ развлекаются только чаемъ.

Часа въ 3 ночи, передъ разсвѣтомъ, раздается барабанный бой: это приглашаютъ правобѣрныхъ поѣсть, пока еще можно (сахаръ). И правобѣрные нагружаются пищей, сколько могутъ.

Въ кипшакахъ рамазанъ проводится гораздо скромнѣе, чѣмъ въ городахъ.

Жениться въ рамазанъ нельзя; свадьбы разрѣшены только въ послѣдніе три дня мѣсяца. Обрѣзаніе же можно совершать во весь постъ.

Какъ никто не знаетъ заранее, когда начнется постъ, такъ никто не знаетъ въ точности, когда онъ и кончится: для этого надо увидать народившуюся луну слѣдующаго мѣсяца шеввала. Но всѣ готовятся къ празднику (байрамъ, или идъ-уль-фитръ), и въ предполагаемый сочельникъ (рапа) закупаютъ провизію, заготавливаютъ обновы домоладцамъ—семейный вопросъ великой важности. Подарки выражаютъ степень расположенія главы дома къ своимъ ближнимъ. Не сдумѣтъ онъ удовлетворить ихъ сокровенныхъ желаній, эти ближніе отравятъ ему завтрашній праздникъ домашними сценами.

30 іюня барабанный бой въ 8 часовъ вечера возвѣститъ окончаніе поста. Всѣ какъ-то оживились и повесѣли. Хорошъ постъ, котораго ждуть со страхомъ, исполняютъ со вздохами, а провожаютъ съ радостію!

1 июля, послѣ намаза въ 10-мъ часу утра, открылось гулянье на регистанѣ. Лавки были отворены. Все почистилось; особенно замѣтно это на съѣстныхъ лавкахъ: ихъ побѣлили, печи завѣсили краснымъ кумачемъ. Народъ вырядился въ лучшіе халаты. На базарѣ и регистанѣ продается масса игрушекъ домашняго, самаго невзатѣйливаго издѣлія: деревянные лошадки, напоминающія жирафовъ, погремушки, глиняныя свистульки и т. д., и т. д. Люди достаточные развѣзжаютъ на извозчикахъ - сартахъ: новый родъ развлеченій, явившійся при русскомъ владычествѣ. Въ гуляньѣ принимаютъ участіе и русскіе изъ простаго народа.

Курбанъ-байрамъ бываетъ черезъ два мѣсяца и 10 дней послѣ рамазана, т. е. 10-го числа мѣсяца зиль-хиддже, служить воспоминаніемъ принесенія Авраамомъ въ жертву Богу сына своего Измаила¹⁾, (а не Исаака, такъ какъ Мухаммедъ измѣнилъ библейскій разсказъ). Празднество продолжается 4 дня. Въ первый день обязательно приносятъ жертвы, а мясо жертвенныхъ животныхъ раздавать бѣднымъ. Шаріатъ не рассчитываетъ на великодушіе людей и состраданіе ихъ къ своимъ ближнимъ, а потому опредѣляетъ весьма точно, кто сколько обязанъ жертвовать, сообразно получаемому доходу или количеству свободныхъ денегъ въ это время. Кто имѣетъ 200 тенегъ (40 рублей), тотъ обязанъ заколоть одного барана. Сообразно увеличенію дохода увеличивается и жертва: дѣло доходитъ до коровы, лошади и, наконецъ, верблюда. Но такъ какъ исполненіе этого постановленія возлагается на совѣсть каждаго, то человѣкъ скупой и малосовѣстливый всегда сумѣетъ усчитать свой доходъ въ свою пользу. Бѣдняки приносятъ жертвы по усердію, кто чѣмъ можетъ.

Въ 1885 году мнѣ пришлось быть во время праздника курбанъ-байрама въ Вухарѣ, еще при прежнемъ эмирѣ Музаффарѣ, и я обратилъ особенное вниманіе на это торжество. Вотъ какъ оно происходило.

Наканунѣ праздника (это было 6 сентября), когда поминаютъ умершихъ родственниковъ²⁾, отъ имени эмира раздавались по ме-

¹⁾ См. Коранъ, гл. 87, стр. 81—112. Разсказъ Корана о жертвопринесеніи довольно кратокъ, но преданія добавляютъ его. Въ Вухарѣ я слышала такую редакцію: Когда Авраамъ точитъ ножъ, въ то время Измаилъ обратился къ отцу съ такими словами: «свѣтъ ты хочешь рѣзать меня этимъ ножомъ? быть можетъ онъ нечистый, и на мнѣ будетъ еще больше грѣха». Ставъ Авраамъ рѣзать сына, и ножъ не подѣйствовалъ. И вотъ явился Джейбриль и приказалъ Аврааму оставить сына, а зарѣзать кушкара (баранъ-самецъ съ большими рогами). Авраамъ такъ и сдѣлалъ. Изъ крови кушкара выросъ бамбукъ, плодъ котораго имѣетъ форму бараньяго живота; оттого деревниши и употребляютъ для сбора подаяній чашки изъ скорлупы этого орѣха. Женщины вѣрятъ, что коралль появился также изъ крови кушкара.

²⁾ Поминаютъ талкап'омъ: поджариваютъ пшеницу, толкутъ ее и смѣшиваютъ, кто съ русскимъ медомъ (богатые), кто съ мѣстной патокой (бѣдные), и тѣмъ это ѣдятъ. При поминкахъ соблюдаютъ нечетъ (тока): хлѣбъ, напримеръ, подаютъ въ нечетномъ числѣ.

«истор. вѣсти.», июль, 1888 г., т. XXXI.

четыремъ деньги бѣднымъ людямъ, которыхъ въ Бухарѣ очень и очень много. Говорили, что эмиръ отпускаетъ для этой цѣли два лака серебряныхъ монетъ, т. е. 200,000 тенегъ (нѣсколько болѣе 40,000 рублей). Сумма довольно значительная; но такъ какъ на Востока любятъ все преувеличивать, то я думаю, что эту цифру мы смѣло можемъ сократить хотя бы только на одинъ ноль. Въ 4 часа пополудни пробилъ барабанъ; а въ 5 часовъ провозглашено съ мечетей, что завтра послѣдуетъ праздникъ курбанъ-байрамъ. Въ 7 часовъ воззваніе было повторено вновь и продолжалось съ $\frac{1}{4}$ часа.

7 сентября, въ день праздника, съ ранняго утра раздался рѣзкій и непріятный бой въ барабаны, сопровождаемый трубными звуками. Музыка эта, замѣняющая, какъ и обычный аванъ, нашъ колокольный звонъ, продолжалась до 8 часовъ и прекратилась предъ началомъ моленія (намаза).

Моленіе совершается за городомъ, въ намазга, отстоящемъ отъ города версты на двѣ. Это обширная площадь, десятины въ 15, обнесенная глинобитною стѣною. Внутри ограды находится мечеть съ большимъ куполомъ. При мечети выстроено нѣсколько, соединяющихся между собою, келій для дервишей. Сюда, въ намазга, народъ собрался спозаранку: каждый старается занять мѣсто поближе къ мечети. Оригинальную картину представляла эта масса людей въ бѣлыхъ и цвѣтныхъ чалмахъ, въ пестрыхъ новыхъ халатахъ. На всѣхъ подобныхъ торжествахъ женщины отсутствуютъ. Онѣ или выглядываютъ украдкой изъ какого-нибудь укромнаго уголка, или спѣшно пробираются по своимъ дѣламъ, прижимаясь къ заборамъ улицъ и стѣнамъ жилищъ. Въ мужскомъ обществѣ имъ нѣтъ мѣста. Вся площадь внутри ограды была устлана чистыми коврами, на которыхъ богомольцы расположились цѣлыми семьями.

Моленіе началось не въ 7 часовъ ¹⁾, какъ бы слѣдовало, а въ 9 часовъ, такъ какъ къ этому только времени пріѣхалъ эмиръ. Сейчас же раздался призывъ къ порядку: сафонъ-сафонъ, т. е. «въ ряды (становитесь), въ ряды!» Аванъ этотъ повторялся нѣсколько разъ семью муэззинами одновременно. Затѣмъ, имамъ всталъ передъ михрабомъ (ниша въ мечети указывающая направление киблы), поднялись и всѣ присутствующіе и изготвились къ молитвѣ, отпустивъ назадъ конецъ чалмы (фаць ²⁾) и выстроившись въ ряды (сафъ). Предварительно читается эктенья (хутба), а затѣмъ начинается моленіе, состоящее изъ двухъ ракятовъ, приступающа къ совершенію которыхъ, молящійся говоритъ про себя: «вознамѣрившись совершить два ракята намаза праздника курбанъ, обращаюсь къ киблѣ, той киблѣ, что въ каабѣ, и подражаю здѣсь предстоящему имаму. Богъ Великъ!» Такъ какъ занимающій пло-

¹⁾ Молитву въ этотъ день надо начинать тогда, когда солнце поднимется надъ горизонтомъ на высоту растущаго дерева или на два копыя.

²⁾ Простой народъ не наблюдаетъ строго длины фаца, но у имама она должна быть не менѣе 7 кавазъ (мѣра соответствуетъ величинѣ кулака).

ицадъ народъ не можетъ ни видѣть, ни слышать имама, то въ разныхъ мѣстахъ намазга разставлены такбирчи (возглашатели), числомъ быть можетъ до сотни, которые и повторяютъ возгласы имама послѣдовательно другъ за другомъ; но и то далеко не всѣ слышали такбирчи, въ особенности тѣ которые находились на улицѣ.

Для эмира особаго мѣста въ мечети не полагается: первые ряды занимаютъ сейиды и ходжи (потомки Мухаммеда), а эмиру приходится становиться уже позади ихъ.

За намазомъ слѣдуетъ жертвоприношеніе, но предварительно имамъ читаетъ народу поученіе на тему о милостынѣ и дѣлаетъ наставленіе на счетъ обряда закланія жертвы. Эмиръ жертвуетъ верблюдомъ, но самъ, какъ мнѣ передавали, не закалываетъ его, такъ какъ шаріатъ допускаетъ совершеніе обряда по довѣренности: эмиръ беретъ въ руки одинъ конецъ чалмы или какой-либо ткани, а другой держитъ рѣзакъ, который и закалываетъ животное. Имамъ получаетъ отъ эмира халатъ.

По окончаніи церемоніи, часовъ около 10, возобновился барабанный бой, съ большою чѣмъ прежде силою. Народъ устремился вонъ и у воротъ произошла страшная давка, не всегда проходящая благополучно. Весь путь отъ города до намазга уставленъ лотками съ съѣстными припасами, фруктами, игрушками. Тутъ продается жареная рыба, баранина, лепешки, крашенныя куриныя яйца, которыхъ навалены цѣлыя горы, винограда, арбузы, дыни и проч. При этомъ наблюдается извѣстный порядокъ: продукты разложены рядами, сообразно ихъ однородности. Муллы и дервиши раздаютъ народу несмѣтное количество молитвъ (дуа), написанныхъ на лоскуткахъ бумаги, въ предупреденіе отъ разныхъ напастей, одолавающихъ человѣчество. Отплачиваютъ за эти молитвы, кто чѣмъ можетъ, обыкновенно даютъ по одной чакѣ (въ одной нашей копѣйкѣ 3 чакѣ).

Лавки запираются на два дня, и торговля въ это время принимаетъ своеобразный видъ, располагаясь на площадяхъ и большихъ улицахъ. Мужская половина населенія толпами шествуетъ по улицамъ и вполнѣ наслаждается уличною жизнью, столь любезною азіатцамъ. Каждый старается принять участіе во всеобщей томашѣ; но тѣхъ безобразій, которыя такъ неразлучны съ нашими народными гуляньями, здѣсь не бываетъ по отсутствію главной причины всѣхъ безобразій—спиртныхъ напитковъ. Народъ усердно тѣшится пляскою бачей, представленіями маскарабазовъ или наслаждается чаемъ въ чай-ханѣ.

На слѣдующій день, 8-го сентября, эмиръ съ 7 часовъ утра принималъ отъ народа поздравленія съ праздникомъ. На третій день празднество замѣтно слабѣетъ, все мало-по-малу приходитъ въ обычную колею, и возбужденное населеніе возвращается къ своимъ постояннымъ занятіямъ.

Н. И. В.

СВѢДѢНІЯ ОБЪ АРХИМАНДРИТѢ ФОТІИ, СОБРАННЫЯ НА МѢСТѢ ЕГО
РОЖДЕНІЯ, ВЪ СЕЛѢ ЯМЪ-ТЕСОВѢ, НОВГОРОДСКОЙ ГУБЕРНІИ И
УѢЗДА.

АРХИМАНДРИТѢ Фотій, по метрической записи, сынъ дьячка Спасскаго погоста Никиты Федорова, родился 6-го іюня 1792 года и при крещеніи названъ Петромъ. Отецъ его по малочисленности прихода, собственной безпечности и пристрастію къ спиртнымъ напиткамъ, жилъ очень бѣдно. Впрочемъ, не смотря на его нравственные недостатки, онъ потомъ былъ посвященъ въ дьяконы къ той же церкви. Будучи дьякономъ, онъ овдовѣлъ и захотѣлъ вступить во второй бракъ, а такъ какъ дьякону это запрещается, то онъ снялъ съ себя дьяконскій санъ и женился вторично. Такимъ образомъ, Фотій родился и выросъ въ бѣдности, въ малолѣтствѣ лишился матери, а въ жизни отца не могъ видѣть примѣра достойнаго подражанія. Съ раннихъ лѣтъ въ немъ была замѣтна склонность къ уединенію и размышленію. Онъ чуждался своихъ сверстниковъ и не любилъ предаваться дѣтскимъ играмъ и развлеченіямъ. Когда онъ обучался въ семинаріи, то отецъ его отъ пожара лишился своего дома и долгое время не могъ обзавестись собственнымъ кровомъ, такъ что Фотій, приходя изъ семинаріи на родину, иногда не зналъ, гдѣ и ночь провести. Въ это время одинъ изъ ближайшихъ помѣщиковъ, предводитель дворянства Петръ Ивановичъ Балле, изъ состраданія пригласилъ Фотія въ свой домъ, гдѣ онъ и жилъ лѣтніе каникулы.

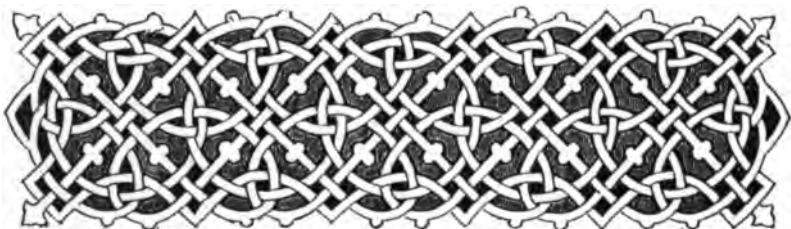
Здѣсь онъ обучалъ дѣтей помѣщика преимущественно Закону Божию и ни чуть не былъ похожъ на обыкновеннаго молодого человека: былъ крайне скромнъ, молчаливъ, никогда не входилъ въ

молодое общество, ѣлъ рѣдко, умѣренно и то только пищу постную. Любимое его блюдо было овсяный супъ, и тотъ безъ соли. Когда хозяйнѣ дома говорилъ Фотію, что у него супъ безъ соли, онъ отвѣчалъ: «Если посолить, то много съѣмъ». Въ свободное отъ занятій время, Фотій читалъ богослужебныя книги, не пропускалъ ни одной церковной службы и на клиросѣ помогалъ читать и пѣть. Когда обѣдня начиналась не сразу послѣ утрени, Фотій не выходилъ изъ церкви и иногда священникъ, приходя въ церковь, находилъ его спящимъ. Единственное развлеченіе Фотія состояло въ томъ, что въ протекающей мимо рѣчкѣ онъ удилъ рыбу. Впослѣдствіи, бывши архимандритомъ сначала въ Сквородскомъ монастырѣ, а потомъ въ Юрьевскомъ, Фотій повелъ жизнь вустытника: носилъ на голомъ тѣлѣ колючую волосяную рубашку и вериги. Хитонъ на немъ былъ изъ простой матеріи, пища самая простая и чрезвычайно умѣренная; вмѣсто чаю, онъ пилъ липовый цвѣтъ съ медомъ, а въ великій постъ обѣдалъ всего семь разъ и ѣлъ одинъ крупяный супъ; ни съ кѣмъ не разговаривалъ, а если приходилось распорядиться по хозяйству, то онъ писалъ эти распоряженія на бумагѣ и, затѣмъ, передавалъ ихъ кому слѣдуетъ. Праздности не терпѣлъ и посылалъ на покосы не только монастырскихъ работниковъ и послушниковъ, но іеромонаховъ и іеродіаконовъ, а самъ наблюдалъ за ихъ работою. Пьянство тоже было для него невыносимо. По ночамъ онъ ходилъ по монастырю, заглядывалъ въ кельи монаховъ и если заставалъ ихъ за чтеніемъ книгъ, то оставался этимъ доволенъ, если же монахи пили чай, то разбивалъ всю посуду, а монаховъ наказывалъ. Послѣ осмотра келій, отправлялся нерѣдко за монастырскую ограду и тамъ блуждалъ всю ночь. Разъ, при такомъ осмотрѣ, онъ нашелъ монаха, который хотѣлъ перелѣзть черезъ стѣну по водосточной трубѣ, но труба обломилась и монахъ сломалъ себѣ ногу. Фотій сейчасъ же велѣлъ перенести больного въ сторожку, а на утро отправилъ его за ограду въ одну избушку, гдѣ за нимъ былъ назначенъ самый тщательный уходъ. «За монастыремъ я его нашелъ, за монастыремъ пусть же онъ поправляется»,—сказалъ Фотій. Монахъ поправился и былъ принятъ въ монастырь, но съ наложеніемъ на него строгой эпитиміи. Монахи въ Юрьевѣ монастырѣ до Фотія были очень распущены: ходили по ночамъ въ деревню, пьянствовали, пѣли гѣсни и, вообще, вели себя неприлично. Но со времени поступленія архимандритомъ Фотія, имъ уже не было прежней свободы. Фотій сажалъ пьяныхъ въ карцеръ, гдѣ приказывалъ ихъ наказывать метлами. Имѣя прекрасный теноръ, онъ завелъ у себя такой отличный хоръ, какого не было даже у архіерея. Мальчиковъ въ этотъ хоръ графиня Орлова присылала изъ своего имѣнія, гдѣ ихъ обучали пѣнію опытные регенты. Фотій служилъ часто въ соборѣ св. Георгія, чуть ли не каждый день и—съ царственною пышностью. Самъ посѣщалъ всѣ

службы и требовалъ того же отъ братіи. Однажды онъ пришелъ къ утрени и увидѣлъ въ церкви только однихъ служащихъ, изъ молящихся же не было никого, и на клиросѣ былъ только одинъ чтець. По окончаніи службы Фотій приказалъ въ трапезѣ на сей день ничего не готовить, а братію посылать на архимандритскую кухню. Братія отправляется послѣ обѣдни въ трапезу и находятъ двери ея запертыми. Ихъ посылаютъ къ архимандриту, и тамъ ничего нѣтъ; такъ цѣлый день имъ не давали ничего ѣсть, кромѣ тѣхъ, которые были на утренней службѣ. Фотій былъ и хорошимъ хозяиномъ. Такъ по его распоряженію насажена волягъ Юрьевскаго монастыря роща и выкопанъ прудъ, которые до сихъ поръ служатъ его украшеніемъ. Фотій щедро надѣлялъ бѣдныхъ милостыней, особенно своихъ земляковъ. Этимъ пользовались корыстолюбцы и стали приходять къ нему за милостынею, называясь его земляками. Узнавши объ этомъ, онъ прекратилъ свои щедрія подаванія. Келейникомъ у Фотіа былъ старецъ Симоонъ, такой же молчаливый какъ и онъ самъ. Послѣ его смерти, Симоонъ далъ обѣтъ молчать три года. Разъ крестьяне деревни Яма, въ полночь, услышали колокольный звонъ, и когда они пошли въ церковь узнать причину такого необычнаго звона, то увидѣли церковь освѣщенною, какъ въ Христову заутреню и изъ нея доносилось до нихъ прекрасное пѣніе. Оказалось, что это на свою родину пріѣхалъ Фотій съ братіею и своими пѣвчими. На утро крестьяне стали просить Фотіа объ устройствѣ каменной церкви, такъ какъ до сего времени существовала деревянная, да и та уже ветхая. И, дѣйствительно, Фотій построилъ имъ на свои средства каменный храмъ, а для священника каменный домъ. Храмъ этотъ во имя Спасителя былъ освященъ самимъ Фотиємъ 1835 году. Здѣсь къ Фотию—между другими—подвели молодого парня, у котораго сильно болѣли глаза. Фотій благословилъ и спросилъ больного:—«Хочешь ли жить въ монастырѣ?» Тотъ изъявилъ свое согласіе.—«Ну, такъ приходи ко мнѣ»,—сказалъ Фотій. Вольной скоро поправился и прибылъ съ отцомъ своимъ въ Юрьевъ монастырь. Здѣсь въ кельѣ Фотій принималъ ихъ ласково и далъ парню большую просфору, приказывая отламывать по маленькому кусочку и при чтеніи «Вогородице» съѣдать, а самъ вышелъ. Парень всталъ на колѣни и началъ ѣсть просвирку. «Мнѣ, рассказывалъ онъ, и надѣло уже ѣсть по маленькому куску, я и давай уписывать просфору большими кусками; какъ вдругъ во рту что-то зазвенѣло, — гляжу — золотой». Фотій вошелъ, я и говорю ему: «Ваше высокопреподобіе! я въ просфорѣ нашелъ золотой.—«Это тебѣ Богородица дала»,—говоритъ Фотій,—«что же ты съ нимъ будешь дѣлать?»—«Да что прикажете ваше высокопреподобіе».—«Ну такъ отошли его матери. А съ кѣмъ же ты его пошлешь?»—«Да съ отцемъ, ваше высокопреподобіе, больше не съ кѣмъ, а впрочемъ, какъ прикажете».—«Нѣтъ, нѣтъ,—пошли

его съ отцомъ». — «На прощаніе Фотій далъ отцу еще золотой и просфору, которую велѣлъ передать матери. Я же остался при монастырѣ». Обстановка кельи Фотія была скромная, но нельзя сказать чтобы очень бѣдная. Онъ часто уединялся на молитву, но неизвѣстно куда и только послѣ его смерти нашли въ его кельѣ потайной ходъ, который велъ въ подземелье, гдѣ горѣла лампада передъ образомъ, и гдѣ Фотій завѣщалъ похоронить себя. Теперь на томъ мѣстѣ, по его же завѣщанію, устроена церковь. Родину свою Фотій никогда не забывалъ и, уже бывши архимандритомъ и имѣя большой вѣсъ въ обществѣ, много помогалъ и покровительствовалъ бывшему своему благодѣтелю, помѣщику Балде. Такъ какъ помѣщикъ этотъ былъ лютеранскаго вѣроисповѣданія, то Фотій обращалъ вниманіе и на его духовную сторону и обратилъ его въ православіе. Всѣ крестьяне-прихожане Спасскаго погоста, во всякое время находили у Фотія помощь и радушный пріютъ. Въ концѣ своей жизни, Фотій былъ принужденъ слечь въ постель. Болѣзнь его страшно изнурила. Графиня Орлова и генеральша Веригина почти день и ночь дежурили при одрѣ умирающаго. Въ средокрестную недѣлю Фотію было особенно тяжело. Увидѣвъ Веригину и Орлову, онъ спросилъ, что имъ здѣсь нужно? — «Мы хотимъ дожидаться вашего послѣдняго часа». — «Не дожидаться вамъ его», и затѣмъ, помолчавъ немного, прибавилъ: «я умру тогда, когда въ колоколь мѣдъ впустить». На той же недѣлѣ съ субботы на воскресенье въ полночь монахи, изготовлявшіе новый колоколь, впустили растопленную мѣдъ ровно въ 12 часовъ ночи и въ тотъ же мигъ раздался протяжный унылый звонъ самаго большого монастырскаго колокола. Братія тотчасъ же поняла, что архимандритъ Фотій отдалъ душу Богу. Когда хотѣли снять съ тѣла почившаго вериги, то это оказалось невозможнымъ, потому что они какъ бы вросли въ тѣло. Двѣ недѣли тѣло Фотія не предавалось погребенію, такъ какъ архіерей былъ въ отъѣздѣ и окружающіе гробъ почившаго дожидали прибытія владыки. Во все это время тѣло Фотія не издавало никакого запаха. По пріѣздѣ архіерея, Фотій былъ погребенъ съ подобающей торжественностью. Его три раза обносили вокругъ монастыря, останавливаясь у каждой стороны свѣта для совершенія литіи. На родинѣ о немъ сохранились самыя отрадные воспоминанія. Имя Фотія произносится прихожанами Спасскаго погоста съ какимъ-то благоговѣніемъ. Во всемъ приходѣ нѣтъ ни одного поминанія, подаваемого въ церковь, въ которомъ на первомъ мѣстѣ не былъ бы записанъ священно-архимандритъ Фотій.

И. Можайскій.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Гердеръ, его жизнь и сочиненія. Р. Гайма. Перевелъ съ нѣмецкаго В. Н. Невѣдомскій. Томъ первый. Часть первая. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва. 1888.

НОЯВЛЕНІЕ русскаго перевода книги Гайма и радуеть и печалитъ насъ одновременно; радуеть потому, что это одна изъ самыхъ основательныхъ монографій по новой нѣмецкой литературѣ, которую, конечно, очень пріятно имѣть на русскомъ языкѣ въ хорошемъ переводѣ, а что переводъ г. Невѣдомскаго хорошъ, объ этомъ распространяться излишне; печалитъ по тому, что появленіе такого specialнаго, обширнаго и не отличающагося особенно блестящимъ изложеніемъ изслѣдованія не можетъ не напомнить намъ, сколько нѣмецкихъ книгъ потому же предмету болѣе необходимыхъ, и въ то же время болѣе пріятныхъ для чтенія, до сихъ поръ остаются у насъ безъ перевода. Мы имѣемъ только одну біографію Гете извѣстнаго Льюиса, біографію превосходную, но нѣсколько одностороннюю и теперь уже устарѣлую; мы не имѣемъ ни одной хорошей біографіи Лессинга (извѣстный рядъ статей въ «Современникѣ» — недоступная библиографическая рѣдкость); Дюнцеровы книги о Гете и о Лессингѣ нашли бы, безъ сомнѣнія, многихъ и многихъ читателей. Мы имѣемъ только одну біографію Шиллера извѣстнаго своею тенденціозностью Юг. Шерра, къ тому же, сколько помнится, въ плохомъ переводѣ. Съ 1885 года начала выходить въ Штуттартѣ біографія Шиллера, авторъ которой Рихардъ Вельтрихъ (Weltrich) равенъ съ Гаймомъ по основательности и усердію и далеко превосходитъ его по таланту изложенія, по умѣнью искусно группировать подробности въ живыя и блестящія картины нравовъ; а кто же не согласится, что біографія Шиллера для русскихъ несравненно

интереснѣе биографіи Гердера, изъ сочиненій котораго наша публика знаетъ только: «Мысли къ философіи исторіи человѣчества», да и то въ переводѣ 1829 года!

Соглашаемся, что можно взглянуть на дѣло и съ другой стороны: чѣмъ менѣе у насъ извѣстнѣе Гердеръ, тѣмъ нужнѣе для насъ книга о немъ, которая могла бы заинтересовать русскихъ читателей къ изученію сочиненій знаменитаго учителя Гете и предшественника романтиковъ. Но для этой дѣли мы сочли бы болѣе подходящимъ переводъ лучше написанной книги Жоре (Charles Joret: «Herder et la renaissance littéraire en Allemagne au XVIII siècle». Paris, 1876 года), нѣкоторыя неточности и слабыя мѣста которой переводчикъ могъ бы дополнить по тому же Гайму. Гаймъ, приобрѣтшій почетную извѣстность въ 1870 году своей книгой: «Die romantische Schule, ein Beitrag zur Geschichte des deutschen Geistes», принадлежитъ къ числу тѣхъ солидныхъ нѣмецкихъ изслѣдователей, труды которыхъ—находка для спеціалиста и тяжелая, неудобоваримая пища для обыкновеннаго читателя. Гердера Гаймъ знаетъ, какъ никто во всей Германіи (онъ редактировалъ единственное вполне критическіе изданіе его сочиненій); для его биографіи онъ изучилъ до послѣдней черточки всѣ студонческіи тетрадки Гердера, всѣ коллекціи писемъ его знакомыхъ; въ то же время онъ вовсе не ослѣпилъ своимъ героизмъ и не скрываетъ его слабостей ни литературныхъ, ни человѣческихъ (см. напр. стр. 115 и 256 русскаго перевода); но читать ради удовольствія десятки страницъ, посвященныхъ детальному разбору вопросовъ, напримѣръ, объ отношеніи Гердера-студента къ Кванту или сотни строкъ петиту о хронологіи юношескихъ статей его, можно было бы только при условіи блестящаго по логичности и силѣ изложенія aber das ist nicht der Fall, какъ говорятъ нѣмцы. Только до нѣкоторой степени скуку этихъ мѣстъ выкупаютъ хорошо составленное изложеніе сочиненій самого Гердера.

Опасаясь, что большинство читателей «Историческаго Вѣстника» не рѣшатся посвятить свободные часы 2-хъ 3-хъ недѣль на ознакомленіе съ порвыми 32 годами жизни Гердера, считаемъ по личному знакомству ихъ вратцѣ съ результатами многолѣтней работы Гайма.

Иоганнъ Готфридъ Гердеръ родился 25-го августа 1744 года въ маленькомъ городкѣ восточной Пруссіи Морунгенѣ, въ семействѣ пономара, который былъ въ то же время и учителемъ элементарной школы; отецъ его человѣкъ серьезный и спокойный; мать (дочь мѣстнаго кузнеца и оружейника)—женщина кроткая, чувствительная и искренно-благочестивая. Грамотѣ выучился онъ дома, а потомъ поступилъ въ городскую школу, гдѣ попалъ въ руки стараго и большого педанта, вколачивавшаго въ учениковъ латинскую грамматику и на всю жизнь показавшаго ему, какъ не слѣдуетъ учить дѣтей. Мальчикъ усердный и благоправный, Гердеръ заслужилъ расположеніе Морунгенскаго Орблліа, и тотъ обучалъ его даромъ греческому, сколько зналъ—еврейскому, логикѣ и догматикѣ. Кромѣ того, маленькій Гердеръ съ усердіемъ читалъ все, что попадалось ему подъ руку; но онъ вовсе не былъ изъ тѣхъ «образцовыхъ» дѣтей, которыя живутъ одними уроками и книгами; онъ очень любилъ гулять за городомъ, мечтать, учить наизусть подходившіе къ его настроенію стихи. Воплнѣ естественное при такихъ условіяхъ стремленіе мальчика къ карьерѣ пасторской нашло себѣ подкрѣпленіе въ той дружбѣ, которая связывала семейство Гердеровъ съ старымъ и добрымъ пасторомъ Вилламовіусомъ, который въ то по крайней мѣрѣ время представлялся Гер-

дери лучшимъ человѣкомъ на землѣ. Въ 1760 году въ Морунгенъ былъ назначенъ новый дьяконъ Трешо, человѣкъ несомнѣнно ученый и съ нѣкоторыми литературными имениемъ, но сухой и не симпатичный. Онъ взялъ къ себѣ въ домъ молодого Гердера въ качествѣ секретаря или помощника, но не платилъ ему ни копѣйки и не училъ его ничему, только позволялъ ему въ свободное время пользоваться своей довольно богатой библиотекой; молодой человѣкъ и тѣмъ былъ доволенъ и завлекъ изъ постоянного общенія съ литераторомъ больше, чѣмъ тотъ хотѣлъ ему дать: ему даже удалось выступить на литературное поприще, пославъ въ пакетѣ Трешо свое стихотвореніе, которое удостоилось печати и заинтересовало многихъ. Тѣмъ не менѣе его жизнь у Трешо была нелегкая, и надежда поступить когда-нибудь въ университетъ, повидимому, далека отъ осуществленія. Его выручилъ одинъ хирургъ русской службы, который былъ пораженъ его дарованіями и предложилъ отвезти его въ Кёнигсберъ, гдѣ Гердеръ могъ на его счетъ заняться изученіемъ медицины и выѣсть съ тѣмъ вылѣчить свой больной глазъ. Онъ съ дѣтства страдалъ фистулою слезной желѣзки. Но Гердеръ упалъ въ обморокъ при первомъ вскрытіи, на которомъ онъ присутствовалъ, и, не продолжая опытовъ, на свой страхъ и рискъ поступилъ 18-ти лѣтъ отъ роду студентомъ богословія. Случай, добрые люди и энергичная воля сразу поставили его на ноги: онъ былъ принятъ немедленно въ Фридрихову коллегію—среднее учебное заведеніе, гдѣ бѣдные студенты за квартиру и освѣщеніе (безъ стола) исполняли должность гувернеровъ и лучшіе изъ нихъ могли находить довольно выгодные частные уроки. Гердеръ заслужилъ вскорѣ настолько доброе мнѣніе начальства, что ему за небольшую плату поручили и преподаваніе въ классахъ школы, сперва въ низшихъ, а потомъ въ среднихъ и высшихъ; такимъ образомъ, уже во время студенчества ему удалось совершенно обезпечить себя постоянными заработкомъ, а его изумительное прилежаніе давало ему возможность широко пользоваться академической свободой для самообразованія. Кромѣ специально богословскихъ лекцій, онъ слушалъ множество другихъ предметовъ, но наибольшее вліяніе оказали на него лекціи, а потомъ знакомство и дружба привать-доцента Канта. Кантъ, котораго всѣ мы знаемъ, какъ основателя новой философіи, великаго, но нѣсколько суроваго профессора, въ біографіи Гердера является нѣсколько въ иномъ видѣ: это остроумный и живой человѣкъ, интересующійся всѣми науками и поевіей, равнообразные по содержанію курсы котораго скорѣй походили на умную дружескую бесѣду. Его философскіе взгляды тогда еще только выработывались; студентъ Гердеръ, такъ сказать, ловилъ ихъ налету и вторилъ имъ своими стихотвореніями. Кантъ очень цѣнилъ сочувствіе Гердера и сообщалъ ему свои статьи въ рукописи. По убѣжденію Гайма, Гердеръ всю жизнь оставался ученикомъ Канта (даже и тогда, когда полемизировалъ съ нимъ) и только дальше развивалъ его идеи, иногда впрочемъ не въ прямомъ направленіи.

Гердеръ не имѣлъ ни времени, ни средствъ, чтобъ жить настоящей студенческой жизнью; но онъ не чуждался товарищей, охотно проводилъ съ ними время за чашкой чаю и, не смотря на свою молодость, игралъ между ними роль ходячей бібліотеки и Ментора; но самъ онъ нашелъ себѣ Ментора въ лицѣ Гаманна, который былъ старше его на 14 лѣтъ. Гаманнъ—одна изъ самыхъ даровитыхъ, любопытныхъ и безобразныхъ фигуръ въ исторіи нѣмецкой литературы и мысли XVIII вѣка: человѣкъ съ огромными дарованіями,

чудовищнымъ прилежаніемъ, глубокимъ умомъ и горячей любовью къ истинѣ, и въ то же время человѣкъ съ безпутѣйшимъ, до крайности слабымъ и недержанимымъ характеромъ. Сынъ довольно состоятельныхъ родителей, въ ранней юности онъ учился много, но беспорядочно, въ университетѣ прожигалъ жизнь и не кончилъ курса, нѣсколько разъ брался за педагогію, потомъ вдругъ, бросивъ науку, пустился въ торговлю, промоталъ свои и чужія деньги и въ минуты полнаго отчаянія нашелъ себѣ утѣшеніе въ библіи, ради лучшаго пониманія которой выучился не только поеврейски, но и по-арабски; въ это время онъ работалъ болѣе половины кѣнигсбергскихъ профессоровъ, вмѣстѣ вѣдѣвшихъ, но безъ всякой цѣли и плана. Наконецъ, по увѣщанію друзей, онъ выступилъ на литературное поприще съ цѣлымъ рядомъ беспорядочныхъ и неуклюжихъ трактатовъ съ дико-нелѣпыми заглавіями, въ которыхъ однако же было раскидано много оригинальныхъ и глубокомысленныхъ идей и больше чувствовалось, чѣмъ проявлялось единство мировоззрѣнія: въ вѣкъ безграничнаго господства разума и просвѣщенія онъ выступаетъ противъ разума на защиту вѣры, чувства и гонія. Гердеръ началъ брать у него уроки англійскаго, а потомъ и итальянскаго языка, читалъ съ нимъ Мильтона и Шекспира, и потомъ всецѣло подчинился вліянію этого бессильно-могучаго полуумнаго гонія. Въ 1764 году Гаманнъ дѣлается редакторомъ одного журнала и съ удовольствіемъ помѣщается въ немъ отчаянно глубокомысленныя и возвышенныя оды студента Гердера: Гаманнъ при всей своей огромной начитанности въ литературахъ всѣхъ странъ не имѣя вкуса и въ стихахъ одахъ видѣлъ бедную достоинствъ; но самъ поэтъ скоро понялъ ихъ слабыя стороны и бросилъ это занятіе. Мягкосердечный при всемъ своемъ кажущемся эгоизмѣ, Гаманнъ очень привязался къ Гердеру и, если не сумѣлъ устроить сколько-нибудь сносно свою собственную жизнь, за то успѣлъ доставить своему Телемаку прочное мѣсто: благодаря его рекомендаціи на 20-мъ году жизни, не имѣя никакой ученой степени, Гердеръ поѣхалъ въ Ригу, чтобы занять тамъ должность помощника ректора въ церковной школѣ, съ чѣмъ скоро соединилась и должность проповѣдника.

Въ Ригѣ впервые развернулись общественныя наклонности и способности молодого богослова: ему хорошо жилось въ этомъ богатомъ купеческомъ городѣ, лучше граждане котораго, какъ бы нѣтъ боязни слишкомъ вдаться въ матеріальныя интересы жизни, старались поближе держаться къ литературѣ и искусству. Ректоръ школы отнесся къ своему молодому помощнику съ большой теплотой; богатые купцы и окрестные дворяне непрерывно приглашали его къ себѣ; матеріальное его положеніе, по его лѣтамъ и привычкамъ, было очень хорошо. Гердеръ, ворчунъ отъ природы, и въ Ригѣ находилъ предлоги для ворчанья; но въ общемъ въ первые годы письма его дышали довольствомъ; вмѣсто высокопарныхъ одъ онъ пишетъ пѣсни; съ удовольствіемъ читаетъ вслухъ въ небольшихъ кружкахъ Мессіаду, Чувствительное путешествіе Юрка и пр. Тамъ впервые сердце его раскрылось для любви, впрочемъ вполне платонической; тамъ развернулись его педагогическія, а потомъ и ораторскія способности и въ проявленіи ихъ онъ, естественно, находилъ высокое наслажденіе. Вначалѣ онъ жаловался на удаленіе отъ друзей, но уже въ 1765 году Гаманнъ беретъ мѣсто гувернера въ Митавѣ, и Телемакъ довольно часто видится съ Менторомъ. Однако, всѣ эти блага жизни скоро потеряли прелесть новизны, и хандра все чаще и чаще посѣщала Гердера, и все болѣе и болѣе усиливалось въ немъ стремленіе къ пережвѣннѣмъ

ста жительства и дѣятельности. Но когда ему предлагали мѣста въ другихъ большихъ городахъ, въ Берлинѣ, въ Петербургѣ (въ Петербургѣ 23-лѣтняго богослова приглашали на мѣсто инспектора въ лютеранскую школу), онъ находилъ основательные предлоги для отказа: нечувствительно для себя онъ привязывался къ Ригѣ и дѣлался русско-рижскимъ патриотомъ, видѣвшимъ въ гуманной философiи Екатерины зарю счастья для половины Европы. Не удовлетворяясь своими педагогическими и пастырскими занятіями, Гердеръ теперь серьезно, съ цѣлымъ рядомъ томиковъ, выступаетъ на литературное поприще. Въ 1766—1767 гг. выходятъ его «Фрагменты о нѣмецкой литературѣ», рядъ замѣчательныхъ критическихъ статей, связанныхъ одной идеей; въ нихъ Гердеръ явится продолжателемъ дѣла Лессинга и берлинцевъ, но продолжателемъ самостоятельнымъ, идущимъ по своей дорогѣ. Здѣсь много Гаманновскаго (Гаманнъ, по просьбѣ Гердера, долженъ былъ написать на рукописи: печатать дозволяется), но гдѣ у Гаманна отрицаніе, здѣсь—положеніе, гдѣ у Гаманна парадоксъ, здѣсь—истина. Здѣсь впервые поднято значеніе народнаго языка и народной поэзіи; здѣсь развѣнчана масса нѣмецкихъ авторитетовъ и авторитеты этихъ авторитетовъ—французскіе псевдоклассики; но здѣсь же сведены съ пьедесталовъ и архинациональные поэты въ родѣ Водмера и отчасти даже Клопштокъ. Книга (безъ имени Гердера) разошлась очень быстро и вызвала рядъ отзывовъ, самыхъ разнообразныхъ; рецензіи неблагоприятны заставляли сильно страдать самолюбиваго автора, но не удержали его отъ продолженія. Въ 1769 году выходятъ «Критическіе Лѣса», въ которыхъ Гердеръ дополняетъ и поправляетъ Вилкельмана и Лессинга, указывая на односторонность ихъ преклоненія передъ греками; онъ открываетъ новыя, пока еще облеченныя туманомъ области для эстетическаго обслѣдованія—въ европейской старинѣ и на азіатскомъ Востокѣ. И здѣсь Гердеръ игралъ въ прядки съ публикой: онъ не только не выставилъ на книгѣ своего имени, но даже не обозначилъ мѣста изданія; тѣмъ не менѣе его узнали сейчасъ же и въ рецензіяхъ называли по фамиліи, причемъ иногда охотно указывали на несоотвѣтствіе его революціонной критики и дерзкихъ пріемовъ съ пасторскимъ званіемъ. Гердеръ, наконецъ, рѣшилъ выйти въ отставку и уѣхать изъ Риги, чтобы скрыться на время отъ людей, одуматься и въ путешествіи набраться знаній и мыслей. Напрасно рижскіе друзья убѣждали его остаться, обѣщая скорое повышеніе: въ маѣ 1769 года онъ распродалъ мебель, заплатилъ долги и покинулъ Ригу, послѣ пятилѣтняго пребыванія въ ней, постаравшись впрочемъ обезпечить себѣ возможность возвращенія.

Гердеру было все равно, куда ни ѣхать; ради общества пріятеля онъ, объѣхавъ все Нѣмецкое море, пріѣзжаетъ въ Нантъ и поселяется тамъ на нѣсколько мѣсяцевъ. Онъ изучаетъ французскій языкъ и нравы, много читаетъ и думаетъ. Изъ его дневника узнаемъ мы, что уже въ то время онъ набрасывалъ планъ грандіозной работы: «всеобщей исторіи развитія міра».

Въ Нантѣ онъ стремится душою въ только-что покинутую Ригу, вырабатываетъ программу, по которой поведетъ рижскую дворянскую школу (въ основу образованія онъ кладетъ родной языкъ, потомъ естественныя науки, потомъ французскій и только послѣ него латинскій и греческій); онъ мечтаетъ преобразовать не только эту школу, но и всю Лифляндію, но не только Лифляндію, но, при содѣйствіи Екатерины, и всю Россію, а черезъ нее и всю Европу, въ которую Россія вольетъ новыя свѣжіе соки. Изъ Нанта Гердеръ

отправился въ Парижъ, обѣжалъ Лувръ, Пале-Рояль, Версаль, театры, сдѣлалъ визиты Дидро, д'Аламберу и др.; но въ противоположность другимъ нѣмецкимъ путешественникамъ онъ вовсе не былъ пораженъ величіемъ французской націи; напротивъ, теперь онъ былъ болѣе нѣмцемъ, чѣмъ когда-нибудь; онъ находить у французовъ вкусъ и роскошь, но вкусъ, по его убѣжденію, есть только самое поверхностное понятіе о красотѣ, а роскошь ея плохой суррогатъ. Но Гердеръ не сдѣлался и французомъ, какъ повѣдѣніе нѣмцы: онъ раздѣляетъ многія изъ идей Руссо, глубоко уважаетъ Монтескье и съ большою симпатіей относится къ Дидро, который, подобно ему, не любилъ отвлеченностей и системъ. Денежныя дѣла Гердера, который не могъ и въ Ригѣ обойтись безъ долговъ, конечно, не исправились вслѣдствіе путешествія, а разстроились еще болѣе: надо было подумать о какомъ-нибудь заработкѣ. Въ это время онъ получилъ предложеніе поступить на 3 года въ качествѣ компаньона путешествія къ 16-тилѣтнему принцу Эйттинскому на довольно выгодныхъ условіяхъ. Послѣ продолжительныхъ колебаній, Гердеръ принялъ мѣсто, и изъ Парижа черезъ Амстердамъ отправился въ сѣверную Германію, и въ Гамбургѣ имѣлъ счастье провести 2 недѣли въ обществѣ единственнаго критика, передъ которымъ и онъ преклонился, — Лессинга. Оттуда онъ проѣхалъ въ маленькую столицу своего новаго патрона Эйттинъ, гдѣ счумѣлъ своими проповѣдями списать уваженіе всѣхъ (кромя слишкомъ ортодоксальнаго пастора Вольфа), и привязанности юнаго принца, который полюбилъ въ немъ гуманнаго педагога. 15-го іюля 1770 года Гердеръ съ принцемъ и его свитой двинулся въ путь; черезъ Кассель и Геттингенъ они направились въ Дармштадтъ. Тамъ Гердеръ приобрѣлъ новаго друга въ лицѣ Мерка ¹⁾ и свою проповѣдь плѣнилъ умъ и сердце одной 20-лѣтней дѣвушки-сироты, которой плохо жилось у ея вспыльчиваго ятця; это была Каролина Флаксландъ, будущая вѣрная подруга Гердера. Молодые люди повнакомились и поврались другъ другу. Необходимость скорой разлуки повела къ объясненію, правда, довольно сдержанному со стороны Гердера (набѣгая говорить о будущемъ, онъ предлагалъ Королигѣ раздѣлить его чувство «во имя невинности и добродѣтелей»), но Мерку, за ¹/₄ часа до отбѣда Гердера, удалось свести ихъ наединѣ, и это свиданіе закончилось, такъ сказать, молчаливой помолвкой посредствомъ горячаго поцѣлуя; Меркъ охотно вывѣлся быть посредникомъ въ перепискѣ Гердера съ его невѣстой. Изъ Дармштадта принцъ поѣхалъ въ Карльсруэ, гдѣ Гердеръ былъ очень любезно принятъ ландграфомъ, а оттуда въ Страсбургъ, гдѣ Гердеръ рѣшился разстаться съ принцемъ: онъ не сошелся съ главнымъ гувернеромъ и оказался неспособенъ ни на энергичную самозащиту, ни на дипломатическую осторожность. Его рѣшеніе укрѣпилось вслѣдствіе того, что графъ Липпе-Шаумбургскій (одинъ изъ интереснѣйшихъ типовъ XVIII столѣтія, исправленный экземпляръ воспитателя Шиллера пресловутаго Карла Евгенія; сперва онъ мечталъ сдѣлать новую Спарту изъ своего крошечнаго государства ²⁾, потомъ; побывавъ на службѣ въ Португаліи, армию которой онъ пре-

¹⁾ Меркъ, имѣвшій довольно сильное вліяніе и на Гете (который, говорятъ, отчасти съ него писалъ Мефистофела), въ это время вѣнчавшій въ Дармштадтѣ должность критсрата, былъ большой знатокъ литературы, но его собственныя произведенія слишкомъ тощи и рассудочны, а въ его критикѣ нѣтъ энергіи.

²⁾ Про которое Гейне говорятъ, что онъ унесъ половину его на своихъ подшвахъ.

образованъ съ большимъ умѣньемъ и энергіей, онъ вернулся большимъ либераломъ по убѣжденіямъ, но съ замашками деспота) предложилъ ему мѣсто совѣтника консисторіи и оберъ-пастора въ своей столицѣ Вюкебургѣ. Гердеръ принялъ предложеніе, подалъ въ отставку въ Эйтнѣ, но прежде, чѣмъ ѣхать на новое мѣсто, рѣшился въ Страсбургѣ приобрести себѣ докторскій дипломъ и заняться окончательнымъ излѣченіемъ своего больного глаза. Онъ не достигъ ни той, ни другой цѣли (очень мучительная операція сверленія носовой кости не принесла ему никакой пользы, хотя онъ и промучился цѣлый рядъ мѣсяцевъ, а вслѣдствіе физическихъ страданій нечего было и думать о дипломѣ), но его пребываніе въ Страсбургѣ Гаймъ довольно справедливо считаетъ моментомъ истиннаго возрожденія нѣмецкой классической поэзіи: дѣло въ томъ, что въ это время въ Страсбургѣ оканчивалъ курсъ «бурный» студентъ Вольфгангъ Гете, который посѣпшилъ представиться прѣзжому смѣлому критику. Гердеръ принялъ даровитаго юношу довольно благосклонно, и такъ какъ скорѣ послѣ этого доктора запретили ему читать и выходить изъ комнаты, частыя посѣщенія Гете доставляли ему развлеченіе и удовольствіе: онъ былъ педагогъ по натурѣ, и въ лицѣ Гете нашелъ внимательнаго и послушнаго ученика. А Гете нуждался именно въ такомъ руководителѣ, строгомъ, рѣзкомъ и часто злобно-насмѣшливомъ: онъ былъ слишкомъ небалованъ живнью и окружающими. Онъ до сихъ поръ любилъ поевіи, но какъ и всѣ въ то время, считалъ ее, такъ сказать, декоративнымъ искусствомъ; отъ Гердера узналъ онъ, что поэзія есть глубокая потребность, душа жизни народовъ; что его любовь къ природѣ и естественности не только не должна идти въ разрѣзъ съ любовью къ искусству, а напротивъ: должна составлять ея основу. Въ это время Гердеръ началъ заниматься собираніемъ народныхъ пѣсанъ, «бѣшено» увлекался Шекспиромъ и наслаждался Оссіаномъ; всѣ эти свои симпатіи онъ передалъ Гете; самыя желчныя выходы Гердера противъ современныхъ нѣмецкихъ поетовъ были очень полезны для Гете, который съ дѣтства привыкъ благоговѣть передъ многими именами, недостойными своей славы. Гердеръ въ это время обдумывалъ свою статью «о происхожденіи языка», приготовляемую имъ на премію, одинъ изъ самыхъ яркихъ продуктовъ своего свѣтлаго ума; онъ много разъ говорилъ съ Гете о ней и о планахъ другихъ своихъ работъ и болѣе расширилъ умственный кругозоръ страсбургскаго студента, нежели всѣ профессоры университета, вмѣстѣ взятые.

Въ апрѣлѣ 1771 года Гердеръ прекратилъ свое неудачное лѣченіе и отправился на мѣсто службы въ Вюкебургъ. Первое свиданіе его съ его новымъ властелиномъ обѣщало ему въ будущемъ немого хорошаго; онъ не сошелся ни съ неравнитою своею паствой, ни съ сослуживцами и убѣдился, что дѣлать ему въ Вюкебургѣ нечего. Но первое время онъ много гулялъ и занимался легкой литературной работой (стихами, рецензіями); потомъ, осмотрѣвшись и оправившись, онъ принялся за одно изъ самыхъ крупныхъ своихъ произведеній: «древнѣйшій документъ человеческого рода» (обсѣдованіе библии); въ связи съ этой работой было его временное сближеніе съ мистиками и дружба съ Лафатеромъ. Тогда же онъ сошелся и съ молодой шеттской графиней, которая сблизила его съ мужемъ.

Между тѣмъ, Каролинѣ жилось очень плохо въ семьѣ вятя, и Гердеръ не подавалъ ей надежды на освобожденіе и новую жизнь. Наконецъ, она ясно поставила вопросъ о бракѣ, и Гердеръ, только тогда уразумѣвшій ея

положеніе, искренно раскаялся въ егоманіи и нерѣшительности и началъ дѣйствовать очень энергично. Денегъ на устройство ихъ дома онъ не сумѣлъ собрать, но ему помогли вѣрные друзья; 2-го мая 1773 года онъ пріѣхалъ въ Дармштадтъ, обвинчался и увезъ жену въ Бюкебургъ. Они зажили очень счастливо; Каролина оказалась во всѣхъ отношеніяхъ прекрасной женой; Гердеръ теперь ближе сошелся съ обществомъ и бюкебургцы только въ это время оцѣнили его; графиня подружилась съ Каролиной. Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ благопріятныхъ обстоятельствъ, Гердеръ энергично принялся за работу; все, что было имъ надумано и заготовлено раньше, теперь почти сразу вылилось изъ-подъ пера его. Появился «древнѣйшій документъ» развѣщавшій вольтеріанство въ Германіи; потомъ «Провинціальныя листки для церковнаго проповѣдника» (противъ раціонализма берлинскихъ теологовъ); кромѣ того, рядъ мелкихъ сочиненій, все такого же вызывающаго характера. Снова запылалъ вокругъ Гердера полемическій пожаръ; на него напали и Шлецеръ, и Николай и многіе другіе. Гердеръ и теперь оказывался также чувствителенъ къ неблагопріятной критикѣ; онъ страдался, надѣлалъ массу ошибокъ, и еслибъ не семья, онъ убѣжалъ бы изъ Бюкебурга, какъ прежде изъ Риги. Немного поуспокоившись, онъ снова взялся за перо: написалъ «объясненія къ Новому Завѣту», «Апокалипсису» и опять рядъ мелкихъ статей, но уже въ болѣе сдержанномъ тонѣ; изъ осторожности, которой научили его литературныя неудачи или то, что онъ считалъ таковыми, онъ оставилъ на время свое намѣреніе выступить съ сборникомъ народныхъ пѣсенъ, но въ статьяхъ не разъ заговаривалъ о красотѣ и силѣ ихъ.

Гердеръ уже давно хлопоталъ о кафедрѣ въ Геттингенскомъ университетѣ, гдѣ у него былъ пріятель—известный филологъ Гейне; для этого онъ не одинъ разъ ѣздилъ въ Ганноверъ. Наконецъ, онъ получилъ оттуда предложеніе, но на невыносимомъ для него условіи подвергнуться экзамену при геттингенскомъ факультетѣ (на степень доктора). Гердеръ торговался: онъ соглашался на экзаменъ письменный, но не на устный; наконецъ, его уломали; и онъ уже готовился къ этой неприятной процедурѣ, какъ получилъ новое и болѣе выгодное предложеніе—заять въ Веймарѣ, который уже въ то время сталъ дѣлаться столицей музъ, высшую церковную должность генералъ-суперъ-интендента. Это дѣло для него устраивалъ старый его пріятель Гете, котораго онъ теперь, послѣ Геца ф. Берлинггена и Вертера, сталъ цѣнить по достоинству. Правовѣрные пасторы Веймара были въ ужасѣ отъ перспективы имѣть своимъ начальникомъ чуть не явнаго еретика, но Карлъ Августъ и его другъ Гете заставили замолчать недовольныхъ; и Гердеръ въ сентябрѣ 1776 года переѣзжаетъ въ Веймаръ. Въ это время уже была порвана его послѣдняя крѣпкая связь съ Бюкебургомъ, такъ какъ молодая графиня, одна умѣвшая мирить его съ странностями мужа, умерла два мѣсяца назадъ.

Веймарскій періодъ жизни Гердера составляетъ содержаніе 2-го тома книги Гайма, перевода котораго съ нетерпѣніемъ будутъ ждать всѣ тѣ, кто прочтетъ первый томъ, заинтересуется судьбою и дѣятельностью Гердера и попривыкнетъ къ тяжеловатому изложенію Гайма. Отъ всей души желаемъ, чтобы число такихъ было побольше.

А. Е.

**Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества.
Томы LX, LXI, LXIII, LXIV и LXV. Спб. 1888.**

Въ своему годичному собранію Императорское Русское Историческое Общество выпустило шесть томовъ своего «Сборника», заключающихъ весьма много цѣнныхъ матеріаловъ, какъ для внутренней, такъ особенно для внѣшней дипломатической исторіи нашего отечества. О томѣ LX «Историческій Вѣстникъ» далъ уже особый отзывъ, мы же остановимся на остальныхъ пяти томахъ и укажемъ наиболее важныя свѣдѣнія, въ нихъ находящіяся.

Въ томѣ LX помѣщены «Памятники дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ Польско-Литовскимъ за 1533—1560 годы», составляющіе непосредственное продолженіе «Памятниковъ», изданныхъ въ XXXV томѣ «Сборника». Обиная эпоху малолѣтства великаго князя Ивана IV Васильевича, время принятія имъ царскаго титула, завоеванія царствъ Кавказскаго и Астраханскаго и начало Ливонской войны,— эти дипломатическія сношенія Московскаго государства съ Польско-Литовскимъ заключаютъ въ себѣ главнымъ образомъ переговоры о перемиріяхъ: московское правительство ни при какихъ обстоятельствахъ не соглашалось возвратить Литвѣ Смоленскъ, завоеванный въ 1514 году; польско-литовское же правительство не хотѣло примириться съ мыслью объ уступкѣ этого города. Руководители московской политики въ первой половинѣ царствованія Ивана IV— Оболенскіе, Шуйскіе, Романовы и самъ Иванъ IV— являются даровитыми учениками дипломатовъ школы великаго князя Ивана III: они не только держались пріемовъ, но и ни въ чемъ не отступали отъ конечныхъ цѣлей политики, намѣченныхъ и точно опредѣленныхъ ихъ знаменитыми предшественниками. Представляя богатый матеріалъ для изученія тогдашнихъ дипломатическихъ формъ и обрядовъ и являясь, такъ сказать, политическимъ отчетомъ о внѣшнемъ положеніи Россіи за 1533 по 1560 годы, изданные въ настоящемъ томѣ документы даютъ сверхъ того довольно много историческихъ свѣдѣній для другихъ сторонъ русской исторіи того времени: такъ въ нихъ постоянно встрѣчаются драгоцѣнныя и разнообразныя извѣстія для исторіи правящаго сословія въ Россіи, во всякомъ случаѣ о тѣхъ лицахъ и фамиліяхъ, которыя принимали то или другое участіе въ дипломатическихъ сношеніяхъ съ польско-литовскимъ правительствомъ; кроме того, переговоры о точномъ опредѣленіи государственныхъ границъ полны интересныхъ географическихъ данныхъ. Матеріаломъ для изданія этого тома «Памятниковъ» служили московскія посольскія книги архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Изданы документы подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Карпова.

Томъ LXI, содержащій въ себѣ донесенія и другія бумаги англійскихъ пословъ, посланниковъ и резидентовъ при русскомъ дворѣ съ 1711 по 1719 г., изданъ подъ наблюденіемъ предсѣдателя Историческаго Общества А. А. Половцова и является продолженіемъ томовъ XXXIX и L. Документы, помѣщенные въ настоящемъ томѣ, извлечены изъ лондонскаго государственнаго архива (Public Record Office). Сообщая много интересныхъ данныхъ для исторіи великой Сѣверной войны, документы очень хорошо характеризуютъ отношеніе Англіи къ этой распрѣ и къ воюющимъ сторонамъ. Занятая сама большой войной за испанское наслѣдство, Англія сперва оставалась по отношенію къ Россіи въ качествѣ простой наблюдательницы. Она сознавала уже силу Россіи, объ этой силѣ ей говорили ея дипломаты, такъ, напримѣръ,

секретарь англійскаго посольства Вейсбродъ писалъ изъ Москвы: «Конечно нужно еще много времени, чтобы нація эта достигла высокаго образованія и хорошаго политическаго строя: ей не достасть надлежащаго пониманія и опытныхъ людей въ дѣлахъ государственныхъ и военныхъ; тѣмъ не менѣе ее уже и теперь совершенно превратить нельзя, такъ какъ не обладая ни знаніемъ, ни искусствомъ, она все-таки каждый день видимо умнѣетъ подъ вліяніемъ Франціи, представителей своихъ союзниковъ и собственныхъ представителей за границей, въ числѣ которыхъ много иностранцевъ; кромѣ того, царь—человѣкъ глубокаго ума, здраваго смысла, одаренный природными дарованіями, вполне способный судить, что соотвѣтствуетъ его дѣламъ и его интересамъ». Сознавая значеніе Россіи и ея великаго преобразователя, англичане старались поддерживать съ нимъ дружественныя отношенія, но желая продолженія Сѣверной войны, опасаясь, какъ бы царь, освободившись отъ дѣлъ на сѣверѣ, не вступилъ въ болѣе тѣсныя сношенія съ Франціей чтобы отдалить его отъ Франціи, они заботились о примиреніи царя съ вѣнскими дворами. Уже въ это время, однако, высказывалось желаніе сохранить авторитетъ Швеціи. «Для насъ будутъ неблагопріятны, писалъ статсъ-секретарь Сень-Деконъ, успѣхи сѣверныхъ союзниковъ, если имъ удастся значительно унизить Швецію, слѣдовательно нарушить европейское равновѣсіе на сѣверѣ; но намъ ничего не остается, какъ тянуть переговоры съ сѣверными монархами; развѣ счастье поможетъ намъ выпутаться изъ настоящей войны съ Франціей, и мы въ силахъ будемъ предписать свою волю и придать своимъ требованіямъ прежній вѣсъ». Но когда кончилась война за испанское наслѣдство, и лондонскій кабинетъ почувствовалъ себя свободнымъ, отношенія его къ Россіи мѣняются, и онъ стремится дать вѣсъ своему голосу. Англійскій представитель при царскомъ дворѣ получаетъ инструкцію всѣми мѣрами препятствовать соглашенію Россіи съ Франціей и вѣстѣ съ тѣмъ предлагается посредничество для заключенія мира съ Швеціей. Однако, при этомъ посредничествѣ Англія открыто выступила защитницей шведскихъ интересовъ. Начались такіа дѣйствія, которыя клонились прямо къ ущербу растущему русскому могуществу. Очень неприятнымъ казалось англичанамъ развитіе русскаго флота. Джемсъ Джефферисъ, посланникъ при царскомъ дворѣ, постоянно сообщаетъ о ходѣ кораблестроенія, о работахъ царя о флотѣ, о передвиженіяхъ кораблей, указываетъ на будущее значеніе этого флота. «Еще недавно, пишетъ Джефферисъ 15 мая 1719 г., царь открыто въ обществѣ высказывалъ, что его флотъ и флотъ Великобританіи—два лучшіе флота въ мірѣ. Если онъ теперь уже ставитъ свой флотъ выше флотовъ Франціи и Голландіи, отчего не предположить, что лѣтъ черезъ десять, онъ не признаетъ своей флотъ равнымъ нашему или даже лучшимъ, чѣмъ нашъ? Короче—корабли строятся здѣсь не хуже, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ Европѣ, и царь принимаетъ всѣ возможныя мѣры къ тому, чтобы приучить своихъ подданныхъ къ морю, чтобы создать изъ нихъ моряковъ». Необходимо устранить грядущую опасность, и Джефферисъ предлагаетъ отнять у царя корабельныхъ мастеровъ, которые почти всѣ англичане; эти люди осыпаются царемъ всевозможными милостями и пользуются большимъ почетомъ,—надо ихъ переманить домой, на такое дѣло не слѣдуетъ жалѣть денегъ; вѣстѣ съ этимъ надо издать строгій указъ противъ всѣхъ англійскихъ подданныхъ, которые не возвратятся, — безъ такого указа мастерамъ, въ виду всѣхъ милостей, которыми они осыпаны, трудно найти поводъ къ отъѣзду, какъ бы

они его не искали. Совѣту Джеффериса въ Лондонѣ рѣшили послѣдовать, указъ былъ изданъ; въ то же время былъ обнародованъ парламентарскій актъ, которымъ запрещалось англійскимъ мастерамъ держать у себя иностранныхъ учениковъ; этотъ актъ также направлялся противъ русскихъ, которыхъ въ Англіи училось довольно много. Интриги англичанъ въ пользу шведовъ велись усиленно. Лондонскій дворъ примирялъ съ Швеціей Пруссію, а когда русскія войска высадились въ Швецію, англійская эскадра открыто соединилась съ шведскимъ флотомъ, вслѣдствіе чего въ 1719 г. послѣдовалъ разрывъ дипломатическихъ сношеній Россіи съ Англіей. Изъ исторіи этихъ англійскихъ интригъ не можемъ не привести такого эпизода. Въ мартѣ 1719 г. изъ Петербурга должны были выѣхать уполномоченные на Аландскій конгрессъ для переговоровъ со шведами. Англичанамъ такіе отдѣльные переговоры безъ ихъ участія очень не нравились, и чтобы имъ помѣшать Джефферисъ предложилъ слѣдующій проектъ: «Я предложилъ бы отправить къ Аланду фрегатъ или два и увести оттуда шведскихъ уполномоченныхъ силою. Такъ какъ Данія состоитъ съ Швеціей въ открытой войнѣ, и шведскіе уполномоченные снабжены датскими паспортами, — исполненіе проекта, по моему мнѣнію, всего удобнѣе было бы поручить датчанамъ. При шведскихъ и русскихъ представителяхъ всего по сто гренадеръ, у прусскаго представителя (на сколько я слышалъ) никакой стражи нѣтъ, да если бы пятеро уполномоченныхъ охранялись и еще сотнею гренадеръ, — для выполненія предлагаемаго захвата все-таки вполнѣ достаточно пяти или шестисотъ рѣшительныхъ людей. Чтобы совершить это предпріятіе еще съ большою безопасностью, корабль, которому оно будетъ поручено, могъ бы прикрыться русскимъ флагомъ. Если его величество пожелаетъ прервать переговоры еще на болѣе продолжительное время, — можно захватить и русскихъ уполномоченныхъ, а затѣмъ высадить ихъ на берегъ въ Данцигѣ, Кенигсбергѣ или Ригѣ. Въ извиненіе такого поступка передъ русскими можно придумать что-нибудь; извиняться же по поводу захвата шведскихъ уполномоченныхъ не вижу и основанія, особенно въ случаѣ если онъ будетъ провведенъ датчанами». Проектъ этотъ не осуществился, но онъ чрезвычайно характеренъ и совершенно въ духѣ англійской политики, не церемонящейся, когда дѣло касается ея интересовъ. Рисунъ очень ярко вышінія политическія отношенія, довнесенія англійскихъ пословъ представляютъ собой весьма важный источникъ для внутренней русской исторіи того времени: въ нихъ очень много данныхъ о состояніи войска, флота, финансовъ, управленія, о придворныхъ событіяхъ, много крайне любопытныхъ подробностей, характеризующихъ великаго царя и его ближайшихъ сподвижниковъ.

I. XIII томъ, изданный подъ редакціей академика Н. Θ. Дубровина, представляетъ собою продолженіе томовъ LV и LVI, въ которыхъ помѣщены протоколы, журналы и указы верховнаго тайнаго совѣта; въ настоящемъ томѣ находятся документы съ января по іюнь 1727 г., извлеченные изъ архивовъ: государственнаго, сенатскаго и московскаго министерства иностранныхъ дѣлъ. Кругъ дѣятельности верховнаго тайнаго совѣта былъ чрезвычайно широкій; онъ вѣдалъ и вышінія и внутреннія дѣла, и при томъ самого разнообразнаго содержанія. Съ просьбами въ совѣтъ обращались со всѣхъ сторонъ, такъ что необходимо было ихъ сортировать и облегчать членовъ совѣта, и въ одномъ изъ его журналовъ мы находимъ такое постановленіе «Разсужденіе имѣлося, что умножилося челобитчиковъ при канцеляріи Верховнаго тайнаго совѣта; того для, буде стануть впредъ подавать челобитныя,

и ония оберъ-секретарю Анисиму Маслову разсматривать, и прежде поданныя разсмотрѣть же, и ежели по онымъ будетъ что являться до рѣшенія Сената или которой коллегіи, отсылать туда со объявленіемъ указнаго рѣшенія безъ продолженія времени». Но и послѣ этого, просматривая журналы совѣта, мы замѣчаемъ не меньшее равнообразіе въ дѣлахъ, — понятно, что вслѣдствіе такого равнообразія, документы, напечатанные въ настоящемъ томѣ, имѣютъ тѣмъ большую важность. По нѣкоторымъ вопросамъ, редакторъ не ограничился однимъ помѣщеніемъ журналовъ и протоколовъ, но привелъ и все сохранившееся дѣлопроизводство, иногда чрезвычайно обширное, такъ, напр., по дѣламъ о строеніи Ладожскаго канала, о немирныхъ сибирскихъ новоземцахъ, о раздѣлѣ помѣстій князя Троекурова и др. Просматривая всѣ эти бумаги совѣта, мы можемъ видѣть, какую выдающуюся роль игралъ въ его постановленіяхъ свѣтлѣйшій князь Моншиковъ; онъ былъ душой совѣта за это время; особенно усилилось его значеніе послѣ восшествія на престолъ Петра II и обрученія этого императора съ дочерью князя, Марьей Александровной. Интересно, между прочимъ, рѣшеніе совѣта о штатахъ на домашнее содержаніе ихъ высочествъ: великой княгини Натальи Алексѣевны назначено 32 т. р., обрученной Е. И. В. невѣсты, Ея Высочеству государынѣ Марьи Александровны 34 т. р. и цесаревнѣ Елисаветѣ Петровнѣ 32 т. р.

LXIV томъ включаетъ въ себѣ «донесенія французскаго полномочнаго министра при русскомъ дворѣ, Кампредона и агента Маньяна, за 1725 — 1727 годы», и служить продолженіемъ дипломатической переписки, обнаруженной въ томахъ XXXIV, XL, XLIX и L «Сборника». Томъ изданъ подъ наблюденіемъ секретаря Общества Г. Ф. Штендмана, документы извлечены изъ парижскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Французскій дворъ усиленно хлопоталъ о сближеніи съ русскимъ, но къ такому сближенію являлось множество всякихъ препятствій. Однимъ изъ существенныхъ препятствій были голштинскія дѣла; Россія и Швеція требовали возвращенія голштинскому герцогу Шлезвига, уступленнаго во время великой Сѣверной войны Даніи; Франція и Англія противились этому, — и всѣ дипломатическія сношенія Франціи съ русскимъ кабинетомъ за это время главнымъ образомъ сосредоточены около этого вопроса. Союзъ Франціи съ Англіей, съ которой не были у насъ еще возобновлены дипломатическія сношенія, прерванныя въ 1719 г., очень не нравился русскому двору, и для осуществленія своихъ требованій по голштинскому вопросу онъ вошелъ въ союзъ съ домою австрійскимъ, издавна враждебнымъ Франціи. Французы и англичане дѣйствовали очень энергично, англійская эскадра вошла въ Балтійское море и подъ конецъ англичанамъ удалось отвлечь шведовъ отъ союзныхъ дѣйствій съ русскими. Главнымъ въ сущности стимуломъ всѣхъ дѣйствій Франціи и Англіи, не смотря на обильно расточаемыя дружественныя увѣренія, было стремленіе унижить Россію. Въ этомъ смыслѣ Кампредонъ писалъ къ министру иностранныхъ дѣлъ, гр. де-Морвиллю: «Какъ вѣрный слуга короля и, будучи, съ одной стороны, страстно преданъ дѣлу сохраненія мира, который я считаю главнымъ предметомъ желаній его величества, съ другой — зная хорошо, на основаніи несомнѣннаго опыта, высокоуміе, неблагодарность и недобросовѣстность русскихъ, я не могу не желать и желаю, чтобы этотъ народъ былъ униженъ и, если возможно, вдвинуть снова въ свои прежнія границы. Безъ этого крайне трудно будетъ поддержать

миръ на сѣверѣ». Всѣ переговоры, однако, не вели ни къ чему и въ концѣ 1726 г. гр. Морвилль писалъ Кампредону: «Теперь почти несомнѣнно, что тѣ же лица, которыя прежде—впрочемъ, по вѣщности только—хлопотали объ успѣхѣ вашихъ переговоровъ, нынѣ весьма искренно стараются доставлять успѣхъ предложеніямъ вѣнскаго двора и вліянію его сторонниковъ въ Петербургѣ. Положеніе, кажется, таково даже, что вамъ рѣшительно нечего дѣлать болѣе при особѣ царицы, такъ какъ съ нашей стороны мѣра уступчивости достигла предѣла и вести ее дальше нельзя». Въ 1726 г. Кампредонъ былъ отозванъ, и въ Петербургѣ остался простой повѣренный въ дѣлахъ, Маньянъ. Переговоры уже болѣе не велось, и Маньянъ является въ качествѣ наблюдателя, доносящаго своему кабинету о всемъ происходящемъ при русскомъ дворѣ и о дипломатическихъ его сношеніяхъ съ Австріей, Пруссіей и Швеціей. Донесенія Кампредона и Маньяна очень хорошо рисуютъ тогдашнее состояніе русскаго двора и общества, смуту, господствовавшую въ царствованіи Екатерины I, олигархическія стремленія высшихъ сановниковъ, недовольство народа. Французы слѣдятъ за всѣмъ происходящимъ въ Россіи, ихъ донесенія очень интересны, хотя и уступаютъ по содер­жательности выше рассмотрѣннымъ донесеніямъ англійскихъ пословъ.

Наконецъ, въ LXV томѣ «Сборника» помѣщены «Дипломатическіе акты, относящіеся до Тешенскаго конгресса», извлеченные изъ семейнаго архива кн. Н. В. Репнина и изданные подъ наблюденіемъ профессора Ф. Ф. Мар­тенса. Лѣтомъ 1778 года, между Австріей и Пруссіей возникло недоразумѣніе по поводу «Баварскаго наслѣдства». Марія-Терезія стремилась захватить значительную часть Баваріи, но этому воспротивился Фридрихъ Великій. Въ Вогеміи начались уже военныя дѣйствія, но обѣ державы желали предупредить кровопролитіе и обратились къ императрицѣ Екатеринѣ II съ просьбою взять на себя посредничество въ этомъ запутанномъ вопросѣ. Екатерина приняла сдѣланное ей предложеніе. На князя Н. В. Репнина императрица возложила порученіе отправиться въ Германію и стараться безпристрастнымъ посредничествомъ между Австріей и Пруссіей предупредить развитіе начавшейся войны. Кн. Репнинъ отправился черезъ Гангу и Варшаву въ Вреславль, а оттуда выѣхалъ въ Тешенъ, гдѣ послѣ весьма продолжительныхъ переговоровъ были, наконецъ, подписаны мирныя трактаты между заинтересованными германскими государствами. Документы, относящіеся къ конгрессу, свидѣтельствуютъ о замѣчательномъ государственномъ умѣ, терпѣніи и выносливости кн. Репнина. Мелкіе интересы маленькихъ германскихъ государей и мелочное самолюбіе ихъ представителей рѣдко выводили изъ терпѣнія посредника, хотя онъ не могъ не сказать, что «горько, грустно и стыдно видѣть, что дѣла важныя замедляются такими помѣшательствами». Но онъ постоянно имѣлъ въ виду назначенную ему цѣль: покончить миромъ возникшій вопросъ. «Я полагаю», писалъ онъ 12-го апрѣля 1779 г. графу Н. И. Панину, «что нашъ главнѣйшій интересъ, наша слава и наше достоинство требуютъ, чтобы скорѣе кончить дѣла, дабы желаемымъ рѣшеніемъ утвердилась при томъ инфлюенція нашего двора въ Германіи». Когда же трактатъ мирный между Австріей и Пруссіей былъ подписанъ, обѣ державы были искренно благодарны Россіи и ея представителю. «Вся Германія», писалъ Фридрихъ Екатеринѣ II, «обязана Вамъ миромъ, которыми мы будемъ наслаждаться отнынѣ; нѣсколькихъ словъ, государыня, изъ Вашихъ устъ было достаточно для украшенія австрійскаго честолюбія».

А. В. —инъ.

Всеобщая история Георга Вебера. Переводъ со второго изданія, пересмотреннаго и переработаннаго при содѣйствіи специалистовъ. Томъ девятый. Перевелъ Андреевъ. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва. 1888.

Громадный трудъ Вебера какъ въ оригиналѣ, такъ и въ добросовѣстномъ русскомъ переводѣ, быстро подвигается къ завершенію. Въ этомъ 9-мъ томѣ заключается «Исторія народовъ и государствъ въ этоу перехода отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени», т. е. исторія западной и отчасти восточной Европы въ XIV и XV столѣтіяхъ; сюда же, стало быть, входитъ и исторія открытій и завоеваній въ Новомъ Свѣтѣ и начало умственного движенія, повѣстнаго подъ именемъ Возрожденія. Кромѣ того, здѣсь же находится обширный экскурсъ (отъ 194 стр. до 260) о средневѣковой литературѣ въ послѣдній періодъ ея развитія. Достоинства и недостатки труда Георга Вебера въ общемъ остаются тѣ же: та же объективность, та же педагогичная ясность изложенія, та же подавляющая масса приведеваемыхъ во внѣшнюю систему, но не осмысленныхъ фактовъ, то же стремленіе держаться «золотой» середины въ случаѣ равногласія специалистовъ-ислѣдователей. Но въ нѣкоторыхъ пунктахъ этотъ томъ возбуждаетъ опасеніе: не слабѣетъ ли энергія маститаго историка? не намѣренъ ли онъ въ новой исторіи во многихъ отдѣлахъ ограничиться перепечаткой 1-го изданія? Намъ не удивило, что въ «литературѣ» исторіи культуры (стр. 194) мы не встрѣтили для Франціи книги Обертена (Aubertin: «Histoire de la langue et de la littérature fr.») и др. ей подобныя, или что тамъ же для извѣстнаго сборника *Gesta Romanorum* указаны только 2 старыя изданія Келлера и Грессе и не названо единственное критическое изданіе Остерлея: въ качествѣ составителя общаго курса по исторіи, Георгъ Веберъ имѣетъ право пренебрегать такими литературными тонкостями, и взявъ для исторіи нѣмецкой литературы такого новатора, какъ Вильгельмъ Шереръ, онъ могъ быть вполне увѣренъ, что его краткій обзоръ никакъ не отстанетъ отъ науки, если онъ даже и пренебрежетъ новѣйшими трудами по литературѣ Франціи или Италіи. Но намъ очень непріятно поразило, когда въ «литературѣ» эпохи гуманизма мы не увидели ни Фейхта (даже порусски имѣется полный переводъ второго изданія этой важной книги), ни Бурзіана, ни Гейгера, ни Кёртинга, и когда мы убѣдились, что весь этотъ важный отдѣлъ остался почти не тронутымъ, въ своемъ первоначальномъ видѣ, теперь далеко уже не удовлетворительномъ. Будемъ надѣяться, что это если не случайность, то, по крайней мѣрѣ, слѣдствіе довольно еще, къ сожалѣнію, распространеннаго пренебреженія историковъ къ явленіямъ литературной жизни народовъ, и что послѣдующіе отдѣлы политической исторіи Европы г. Веберъ подвергнетъ такой же серьезной переработкѣ, какой подвергъ древнюю и отчасти среднюю исторію.

Переводчикъ и этому тому предпослалъ очень интересную статью «о различіяхъ между народами по національному характеру». Въ началѣ ея онъ указываетъ на различіе, которое, въ отношеніи опредѣленія характера, замѣчается между отдѣльными людьми и цѣлыми народами: «качества первыхъ намъ извѣстны гораздо болѣе, нежели ихъ бытъ и крупныя факты ихъ исторіи; качества же вторыхъ мы выводимъ именно изъ изученія ихъ быта и извѣстныхъ намъ фактовъ. Составляемыя такимъ путемъ характеристики обыкновенно выходятъ односторонни или даже тенденціозно-живны». Авторъ очень

остроумно надѣвается надъ тѣмъ, какъ историки, взявшіе на прокатъ такіа характеристика «великихъ» народовъ, играютъ теоріями наследственности, вырожденія и возрожденія. Онъ самъ убѣждаетъ, что такъ называемый характеръ народа всецѣло зависитъ отъ условій его жизни, что «умственные качества» народа есть ничто иное, какъ степенъ его цивилизаціи, что во всей западной Европѣ есть только одинъ народъ, гораздо болѣе различающійся по сословіямъ, чѣмъ по національностямъ, что португальскій вельможа гораздо ближе по характеру къ шведскому аристократу, чѣмъ къ португальскому же земледѣльцу, который, такимъ образомъ, только по неравности можетъ не признать брата въ шведскомъ крестьянинѣ. «Мы знаемъ, говоритъ г. Андреевъ, не качества народовъ, а только состояніе этихъ качествъ въ данное время», и это состояніе «сильно видоизмѣняется вліяніемъ обстоятельствъ».

Вполнѣ раздѣляя пренебреженіе г. Андреева къ предвзятымъ характеристикамъ національностей и его убѣжденіе въ одинаковой способности всѣхъ людей къ цивилизаціи и къ альтруистическимъ или, какъ удачно выражается г. Андреевъ, къ доброжелательнымъ поступкамъ, рецензентъ считаетъ однако же нужнымъ замѣтить, что принять основныя положенія г. Андреева въ такой рѣзкой формѣ вѣтъ никакой возможности. Самъ же г. Андреевъ говоритъ, что все зависитъ отъ условій жизни; между условіями жизни португальскаго и шведскаго аристократовъ есть много общаго, но много и существенныхъ различій; хотя бы въ отношеніи того же приспособленія желудка, которому такое большое значеніе придаетъ г. Андреевъ: шведскій помѣщикъ во многихъ отношеніяхъ ближе къ шведскому крестьянину, нежели къ португальцу; шведу, будетъ ли онъ аристократъ или деревенскій батракъ, по климатическимъ условіямъ его страны, нужно много питательныхъ веществъ и нужны пособія для перевариванія ихъ; явятся ли эти пособія въ видѣ дорогого ликера или въ видѣ норвежскаго рому, это не важно, не говоря про религію, про историческія реминисценціи, южное солнце, которое жжетъ и расслабляетъ испанцевъ безъ различія сословій, настолько же сближаетъ гранда съ нищимъ, насколько политико-экономическія условія раздѣляютъ ихъ. Мы совершенно согласны въ томъ, что «состояніе качествъ» сильно, даже радикально, видоизмѣняется «вліяніемъ обстоятельствъ», но подъ обстоятельствами слѣдуетъ разумѣть не одни политическія и политико-экономическія условія жизни народа, а также и условія жизни духовной: религію, поэзію, нравственные воззрѣнія, память о прошломъ и пр. и пр., не говоря уже про географическое положеніе страны и всѣ зависящія отъ него послѣдствія.

Впрочемъ, убѣдительно доказать, что національности вообще имѣютъ характеръ, также трудно, какъ и доказать, что онѣ не имѣютъ характера; по старымъ учебникамъ, первое положеніе есть общее мѣсто, а второе противоположное общее мѣсто, а споръ объ общихъ мѣстахъ называется логомахіей.

А. Е.

Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Томъ сорокъ-второй. Спб. 1888.

Этотъ томъ «Сборника» заключаетъ въ себѣ четыре монографіи, вышедшихъ ранѣе въ отдѣльномъ видѣ. Первая, подъ заглавіемъ «Къ библиографіи церковно-славянскихъ печатныхъ изданій», принадлежитъ г. Э. Калужняц-

кому и представляет подробное библиографическое исследование одной довольно редкой и мало известной книги «Богословія правоучительная, Почаевъ 1751 г.», пользовавшейся в свое время у исповѣдниковъ униатской церкви в Россіи большимъ уваженіемъ. Особенно любопытенъ приложенный къ книгѣ славяно-польскій лексиконъ, составленный, какъ доказываетъ г. Калужняцкій, главнымъ образомъ, на основаніи известнаго лексикона Памвы Верынды 1627 г.

Вторая обширная работа въ «Сборникѣ» принадлежитъ акад. Ѳ. И. Буславу, подъ заглавіемъ «Народная поэзія». Это—собраніе статей, написанныхъ авторомъ преимущественно въ 60-хъ годахъ по разнымъ вопросамъ русской народной поэзіи и разбросанныхъ доселѣ въ періодическихъ изданіяхъ. Знаменитый авторъ скромно сознается, что многое въ этихъ работахъ слѣдовало бы передѣлать, что онѣ не вполне отвѣчаютъ тому уровню требованій, которые теперь предъявляетъ наука народной словесности, ушедшая за последнее время очень далеко впередъ; но, конечно, всякій согласится, что работы эти не только для своего времени были весьма замѣчательными, но и теперь являются далеко не лишними. Влестящій талантъ автора и любовь къ изслѣдуемому матеріалу будутъ всегда современны. Живое изложеніе и богатство мыслей общаго характера дѣлаютъ эту книгу привлекательной не только для ученыхъ специалистовъ, но и для обыкновеннаго образованнаго читателя. Вотъ перечень статей, вошедшихъ въ это собраніе: «Русскій богатырскій эпосъ» (1862), «Слѣды славянскихъ эпическихъ преданій въ нѣмецкой мнѳологіи» (1862), «Бытовые слогъ русскаго эпоса» (1871), «Пѣсня о Роландѣ» (1864), «Испанскій народный эпосъ о Сидѣ» (1864) и «Русскіе духовные стихи» (1861).

Третья статья въ «Сборникѣ»—«Къ вопросу о Кириллахъ—авторахъ въ древней русской литературѣ» принадлежитъ г. Пѣтухову. Авторъ даетъ рядъ отдѣльныхъ замѣтокъ о различныхъ древне-русскихъ памятникахъ поучительнаго содержанія, озаглавленныхъ именемъ «Кирилла», которое было весьма любимымъ у древне-русскихъ книжниковъ и прилагалось довольно произвольно. Читатель можетъ найти въ этихъ замѣткахъ нѣсколько древнихъ «поученій», извлеченныхъ изъ рукописей съ XIV по XVIII ст.

Последняя статья «Сборника» представляетъ собраніе различныхъ работъ акад. Я. К. Грота, касающихся Пушкина и напечатанныхъ ранѣе въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ; теперь онѣ собраны подъ общимъ заглавіемъ «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники». Самое заглавіе показываетъ, какого періода жизни великаго поэта касаются эти статьи; среди нихъ есть, впрочемъ, нѣсколько болѣе общаго содержанія («Очеркъ біографіи Пушкина», «Личность Пушкина какъ человѣка») или относящихся къ позднѣйшимъ періодамъ жизни поэта («Приготовительныя занятія Пушкина для историческихъ трудовъ», «Замѣтка о перепискѣ Пушкина съ Плетневымъ»). Кроме того, почтенный авторъ даетъ нѣсколько весьма цѣнныхъ дополненій къ изданіямъ сочиненій Пушкина, явившимся ко дню 50-тилѣтія со времени его кончины; предлагаетъ «Историческій очеркъ сооруженія памятника Пушкину» и, наконецъ, «Хронологическую канву для біографіи Пушкина». Последняя въ особенности любопытна и принесетъ несомнѣнную пользу будущимъ біографамъ поэта; она начинается 1696 г., въ которомъ родился предокъ Пушкина, Абр. Петр. Ганнибаль, идетъ по годамъ, мѣсяцамъ и числамъ, подъ которыми отмѣчаются различные событія изъ жизни Пуш-

кина и близкихъ ему людей, и кончается 28 февраля 1883 г., когда умеръ послѣдній лицеистъ 1-го курса князь А. М. Горчаковъ. Въ «приложеніяхъ» г. Гротъ сообщаетъ нѣсколько неизданныхъ матерьяловъ, касающихся жизни Пушкина въ лицей, его связей съ Плетневымъ и, наконецъ, трагической смерти поэта. II.

Римская исторія **Ө. Моммсена**. Томъ второй и третій. Отъ битвы при Пиднѣ до битвы при Фансѣ. Переводъ (съ седьмого изданія) **II т. В. Н. Невѣдомскаго** и **III т. А. Н. Веселовскаго**. Изданіе **К. Т. Солдатенкова**. Москва. 1888.

Эти такъ скромно озаглавленные два тома знаменитаго труда Теодора Моммсена, обнимающіе всего только 122 года исторіи римскаго государства, въ сущности есть базисъ всей славы своего автора, такъ же какъ эти 122 года есть единственное основаніе всей славы римскаго народа и его доминирующаго значенія во всемірной исторіи.

Римъ до эпохи Гракховъ — одна изъ грубыхъ италійскихъ республікъ, устроенная на принципахъ эгоизма и возвысившаяся только вслѣдствіе политическаго ничтожества другихъ державъ, прилегающихъ къ Средиземному морю, и своей твердой, но совершенно безсовѣстной системы подсаживанья сосѣдей. Римъ послѣ Цезаря, Римъ императорскій — важная и продолжительная эпоха всеобщей исторіи, но такая эпоха, память о которой человѣчество было бы не прочь вырвать изъ души своей, еслибъ это было возможно, подобно тому, какъ отдѣльный, вполне сложившійся человѣкъ былъ бы не прочь истребить въ себѣ и другихъ память о двухъ-трехъ годахъ своей молодости, въ продолженіе которыхъ онъ, разочаровавшись въ юношескихъ идеалахъ своихъ и поддавъ подъ вліяніе негодяевъ, кутнилъ и безобразничалъ, какъ только могъ хуже, какъ бы усленно стараясь убить въ себѣ все хорошее и доброе. Все, что мы находимъ величественнаго и плодотворнаго въ римской имперіи: мировое ея владычество, единство и энергія ея культуры, способствовавшія быстрому распространенію христіанства, все это обусловлено дѣятельностью римской республики. Еслибъ всѣ три страны свѣта не были запуганы орлами Сулль, Помпеевъ и Цезарей, легіоны Клавдіевъ и Антонинновъ не внушали бы имъ страха; еслибъ онѣ не преклонились передъ гениемъ администраторовъ и цивилизаторовъ республики, претензіи чиновниковъ имперіи были бы только смѣшны. Ясное, какъ день, доказательство у всѣхъ передъ глазами: имперія была сильна только до тѣхъ поръ, пока она старалась, въ чемъ можно, удержать формы республики: какъ только Констанціявъ задумалъ замѣнить ихъ формами, соответствующими дѣйствительному положенію вещей, она растаяла, какъ свѣжій сугробъ весною.

Второй томъ исторіи Моммсена начинается съ изображенія судебъ Испаніи за время отъ 206 до 123 года до Р. X.; этотъ эпизодъ вовсе не интересенъ, какъ это прекрасно сознаетъ авторъ, съ первыхъ же строкъ заявляющій о своемъ правѣ требовать отъ серьезнаго читателя, чтобы онъ слѣдовалъ за нимъ «какъ въ счастливые дни, такъ и въ несчастные, какъ среди весеннихъ, такъ и среди зимнихъ ландшафтовъ»; съ страницы 21 начинается печальная драма третьей Пунической войны, тяжелая для нравственнаго чувства читателя

борьба самоувѣренныхъ побѣдителей съ бессильнымъ и отчаяннымъ врагомъ; затѣмъ, разрушеніе Коринѳа и обожреніе другихъ сосѣднихъ государствъ; глава кончается нѣсколькими страницами общихъ выводовъ.

Уже изъ этой, наименѣе интересной, главы читатель получаетъ ясное представленіе о цѣли и методѣ Моммсена: онъ назначаетъ книгу свою не для специалистовъ, а для массы публики; онъ не полемизируетъ съ предшественниками, не взвѣшиваетъ ихъ выводовъ и заключеній, не указываетъ источниковъ, а просто рассказываетъ, настолько живо и интересно, насколько это допускаютъ имѣющіеся подъ его руками матеріалы. За рассказомъ слѣдуютъ (иногда, по мѣрѣ надобности, ему предшествуютъ) ясные и простые, какъ будто необходимо вытекающіе изъ дѣла, общіе выводы. Къ столь любимымъ нѣмецкими учеными примѣчаніямъ Моммсенъ прибѣгаетъ въ очень рѣдкихъ случаяхъ; но за то въ нихъ почти всегда находится какой-нибудь результатъ самостоятельныхъ работъ автора, несомнѣнный вкладъ въ науку.

Со 2-й главы начинается изложеніе самой Революціи (этимъ терминомъ авторъ озаглавилъ весь 2-й томъ своего труда) исторіей Тиберія Гракха. 3-я глава посвящена Каю Гракху; рассказъ, разумѣется, становится все живѣе и драматичнѣе.

Моммсенъ симпатизируетъ Гракхамъ, въ особенности младшему, посправленно болѣе даровитому¹⁾; но, какъ юристъ по своему образованію и первоначальной дѣятельности, онъ началъ свою профессорскую карьеру, въ 1848 году, 31 года отъ роду, какъ профессоръ правовѣдѣнія въ Лейпцигѣ, потомъ читалъ римское право въ Цюрихѣ и Бреславлѣ, и только 40 лѣтъ отъ роду сталъ профессоромъ древней исторіи въ Берлинѣ, — онъ никакъ не можетъ примириться съ тѣми незаконными средствами, къ которымъ приходилось прибѣгать знаменитому демагогу, и едва ли съ достаточнымъ основаніемъ объясняетъ ихъ личной истинностью Каю.

Далѣе слѣдуетъ живой и, если можно такъ выразиться, одухотворенный ненавистью къ правящимъ классамъ Рима рассказъ о Югуртинской войнѣ, съ событій которой онъ стираетъ тенденціозно-поэтическую окраску, приданную ей Саллюстіемъ, и о борьбѣ римлянъ съ предвозвѣстниками переселенія народовъ — кимврами и тевтонами. Историкъ къ этимъ главамъ уже такъ ожилъ съ своимъ народомъ, такъ огорченъ развращенностью римскихъ сенаторовъ и всадниковъ, что раздѣляетъ всѣ взгляды и предубѣжденія пессимистовъ того времени; а такъ какъ талантъ его подчиняетъ себя читателя, то послѣдному вполне ясно, почему римляно при началѣ вслкой войны должны терпѣть рядъ повортнѣйшихъ пораженій, но темно и непонятно, почему тѣ же римляно въ концѣ войны все же оказываются побѣдителями, и почему кутилы и развратники изъ золотой молодежи Рима, взобравшись на высоту и добившись важнаго отвѣтственнаго мѣста, вдругъ становились способными полководцами и администраторами, находили въ себѣ и тактъ, и чувство законности и энергичный патриотизмъ. Моммсенъ поступаетъ съ республиканскимъ Римомъ, какъ любящій, но требовательный отецъ съ сыномъ: онъ глубоко возмущенъ его недостатками и не хочетъ говорить о его достоинствахъ, хотя въ душѣ своей не можетъ не признать перевѣса послѣднихъ надъ первыми.

¹⁾ По его, можетъ быть, слишкомъ рѣзко выраженному мнѣнію, «въ римской монархіи едва ли найдется хоть одна плодотворная идея, которая не вела бы своего начала отъ Каю Гракха» (стр. 119).

Начинается борьба Марія и Суллы, и драматическій интерес разсказа Моммсена и мастерство его характеристикъ еще болѣе возрастаютъ. Можно, пожалуй, въ отдѣльных случаяхъ придать болѣе вѣсъ тѣмъ фактамъ, которые не соотвѣтствуютъ заключеніямъ Моммсена, и посмотреть иными глазами на то или другое историческое лицо, о которомъ говоритъ онъ, можно отвергнуть историческую правду той или другой изъ его характеристикъ, но нельзя отвергнуть ихъ художественной правды; можетъ быть, Дивій Друзъ или Фимбрія были на самомъ дѣлѣ и не совсѣмъ таковы, какъ ихъ представляетъ Моммсенъ, но Друзъ и Фимбрія Моммсена совершенно живые люди, и если они дѣйствовали такъ, какъ разсказываетъ Моммсенъ, т. е. какъ ихъ знаетъ исторія нашего времени, они были именно таковы. Все это типы, созданные художникомъ. Какъ типиченъ, на примѣръ, недалекаго ума служака Маріи, сдѣлавшійся революціонеромъ по неволѣ¹⁾! Какъ типиченъ и величественъ, при всемъ своемъ легкомысліи, «политическій Донъ-Жуанъ», Сулла Счастливый, программѣ котораго авторъ вовсе не сочувствуетъ, но патріотичнѣе и гениальнѣе находчивость котораго онъ высоко цѣнитъ²⁾! Какъ типиченъ восточный тиранъ Митридатъ своей азіатской изворотливостью и настойчивостью почти дослужившійся до чина великаго человѣка! Иногда, вконецъ временемъ читателя, Моммсенъ ограничивается тремя словами для характеристики второстепеннаго лица, но и въ этомъ случаѣ передъ нами живой образъ³⁾. Но, что должно быть поставлено въ наибольшую заслугу— остроумная наблюдательность автора и живость его разсказа даетъ самому читателю возможность представлять себѣ съ полною ясностью всѣхъ безъ исключенія дѣятелей и общій ходъ дѣлъ, и почти заставляеть его дѣлать обобщенія, поучительныя для всѣхъ временъ и народовъ.

Приведемъ хоть одинъ примѣръ. Моммсенъ только разсказываетъ о тѣхъ вспышкахъ террора, безумнаго преслѣдованія дѣйствительныхъ или мнимыхъ враговъ государства, которыя происходили въ Римѣ при сильной неудачѣ въ опасной войнѣ (напр., при началѣ Союзнической войны, см. стр. 231); но всякій смыслящій читатель вспомнитъ при этомъ парижскій терроръ 1793 года, и самъ дойдетъ до обобщенія.

Послѣднія три главы II тома посвящены обзору внутренняго состоянія Римскаго государства въ эпоху первой гражданской войны. У насъ такъ немного сдѣлано для римской литературы и искусства, что характеристику Плавта и Теренція у Моммсена чуть ли не слѣдуетъ признать лучшимъ, что существуетъ на русскомъ языкѣ.

Третій томъ заключаетъ въ себѣ изложеніе второй гражданской войны, судьбы Рима при Помпей и Цезарѣ. Дѣйствующихъ лицъ здѣсь еще меньше, и они характеризованы еще нагляднѣе, еще энергичнѣе. Авторъ стоитъ всецѣло на сторонѣ Цезаря и какъ человѣка, и какъ государственнаго дѣятеля, хотя результаты его дѣятельности считаетъ губительными для Рима и вредными для всей послѣдующей исторіи человѣчества⁴⁾. Но эти результаты—необходимое, неизбежное слѣдствіе устройства римской республики и всего

¹⁾ См. стр. 191 и слѣд.

²⁾ См. стр. 294, 374 и слѣд.

³⁾ Про Фимбрию, на примѣръ, онъ говоритъ только: «Фимбрія былъ нахаль, но вовсе не трусъ»; въ нѣмецкомъ оригиналѣ еще смѣльчѣе и нагляднѣе: «Fimbria war eine frevelhafte Natur, aber keine Memme».

⁴⁾ См. стр. 414.

предшествующаго. Вотъ въ двухъ словахъ общій ходъ римской исторіи, какъ ее представляетъ Моммсенъ: міродержавство Рима должно было повлечь за собою полное переустройство республики; но свойственный человѣку тупой консерватизмъ дѣлалъ его невозможнымъ, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ онъ былъ необходимъ, и республика, попрежнему, осталась аристократической. Правящій классъ угнеталъ свободный народъ и разворалялъ весь извѣстный тогда міръ. Была необходима революція; не удалась, болѣе или менѣе, мирная попытка Гракховъ, но побѣжденная демократическая партія не могла быть подавлена, потому что ей принадлежало будущее. Она соединилась въ время съ анархистами (заговоръ Катилины), но здравый смыслъ народа помѣшалъ этой безумной вспышкѣ. А, между тѣмъ, положеніе дѣлъ становилось все болѣе и болѣе невыносимымъ; тогда демократія вступила въ отчаянную борьбу съ консервативнымъ сенатомъ и побѣдила его; но изъ этой побѣды, въ силу необходимости, вышла не демократическая республика, а военная монархія. Цезарь, глава демократіи, при всей своей гениальности и политической проворливости, самъ не зналъ, куда идетъ онъ; онъ видѣлъ передъ собою только ближайшій поворотъ тропинки, а конечная цѣль была отъ него скрыта; но какъ человѣкъ съ трезвымъ и сильнымъ умомъ, онъ шелъ прямо впередъ, куда вела его судьба.

Цезарь, по убѣжденію Моммсена, единственный истинно-великій человѣкъ этой эпохи (см. его характеристику стр. 400 и слѣд.); въ его характерѣ всего симпатичнѣе соединеніе гуманности и благородства съ полной трезвостью мысли и чувства, съ полнѣйшимъ отсутствіемъ «идеологій»; въ этомъ отношеніи онъ несравненно выше Наполеона, въ которомъ трезвость и сила ума, необходимые для успѣха, соединялись съ черствостью сердца.

Относительно главныхъ противниковъ Цезаря, сужденія Моммсена слишкомъ уже неумолимы; характеристики ихъ гениально-смѣлы, но не свободны отъ односторонности. Помпей, по его словамъ (стр. 7 и слѣд.), мнимо-великій человѣкъ, котораго природа назначила быть «хорошимъ вахмистромъ», а обстоятельство сдѣлало государственнымъ дѣятелемъ и заставило бороться съ Цезаремъ.

Не всякій согласится принять на вѣру такое опредѣленіе Помпея, и какъ ни надѣвается, въ дальнѣйшемъ своемъ разсказѣ, Моммсенъ надъ Помпеемъ за его вѣчныя колебанія между стремленіемъ къ царской власти и нежеланіемъ протянуть руку къ вѣнцу, въ нихъ нельзя не видѣть трагической борьбы съ собственными принципами, борьбы, къ которой неспособны мелкія души и ординарные характеры. Но Моммсенъ правъ въ томъ отношеніи, что сравненіе Помпея съ Цезаремъ окажется, конечно, не въ пользу перваго, и что его, такъ поразительно ясно мотивированные, переходы отъ одной партіи къ другой, при чемъ не онъ руководилъ партіей, а она имъ, свидѣтельствуютъ о томъ, что его политическая роль была ему не по силамъ. Крассъ (стр. 10 и слѣд.), по мнѣнію Моммсена, только «торгашъ», готовый съ помощью кредита и торговыхъ товариществъ спекулировать даже на корону. Но этотъ торгашъ во главѣ арміи умѣлъ биться и умирать истиннымъ римляниномъ. Порцій Катонъ, по словамъ Моммсена, едва годился въ сносные государственные контролеры (стр. 138 и слѣд.); историкъ вло надѣвается надъ формализмомъ этого «Донъ-Кихота аристократіи», который готовъ уступить начальство надъ войскомъ Цицерону, какъ старшему чиновнику (стр. 887); но читатель не въ правѣ забывать, что всякій римскій санов-

никъ былъ, въ то же время, и воинъ, и въ этомъ уваженіи къ законамъ и установленному порядку, среди всеобщаго шатанія и полнаго разгара революціонныхъ страстей, нельзя не видѣть своего рода доблести, а смерть Катона, обстоятельства которой извѣстны каждому гимназисту, несомнѣнно, смерть героя. Цицеронъ, по убѣжденію Моммсена, политическій лицемеръ, трусъ, боявшійся прослыть робкимъ человѣкомъ. Никто не станетъ отрицать, что себялюбіе есть одна изъ слабостей Цицерона и что въ немъ, какъ и во многихъ другихъ художникахъ слова, чувствуется недостатокъ характера; но вѣдь это только одна сторона знаменитаго оратора: его общепризнанная гуманность, широта его взглядовъ, тоже должны найти мѣсто въ его характеристикѣ. Моммсенъ справедливѣе тамъ, гдѣ ему не приходится имѣть дѣло съ заранѣе прославленными людьми, передъ которыми благоговѣютъ школьники: чрезвычайно тонка и остроумна характеристика Верцингеторихса, первого французскаго рыцаря, который именно вслѣдствіе рыцарскихъ своихъ качествъ не могъ быть героемъ. У кого не вызоветъ она въ памяти параллелей? кому не дастъ политическаго урока? Но намъ пришлось бы выписать десятки страницъ, если бы мы вздумали перечислять всѣ подобныя мѣста или слѣдить за развитіемъ страшной Шекспировской трагедіи, составляющей предметъ этого тома. Въ изложеніи Моммсена она именно выходитъ Шекспировской, не только по своей живности и силѣ, но и по смѣшенію трагическаго съ комическимъ (какъ прекрасно, напримѣръ, изображена комическая борьба неповоротливаго Помпея съ ловкимъ демагогомъ Клодіомъ (стр. 264 и слѣд.). Но мы не можемъ не обратить вниманія читателей на крупный и, въ то же время, неизбежный недостатокъ высокоталантливей исторической книги, который въ ней выступаетъ съ особенной рельефностью, именно потому, что она очень умно написана: Моммсену, а по его волѣ читателю, представляется, что всѣ крупныя дѣйствія Цезаря были обусловлены расчетомъ и яснымъ пониманіемъ той конечной цѣли, которая историкъ, *post factum*, кажется столь простой и определенной. Знаменитый авторъ «Войны и Мира», мотивирующій всѣ дѣйствія такъ называемыхъ «великихъ людей» цѣлями ближайшими и мелкими, изображающіи ихъ такими же близорукими и мелочными, какъ и всѣ мы грѣшныя, представляетъ только другую крайность, которая во всякомъ случаѣ никакъ не хуже «провиденціальности» великихъ историковъ.

Моммсена нѣмецкая критика упрекала за перенесеніе современныхъ понятій въ римскую жизнь, за его «столичные клубы» Рима, «ратушу» и пр. Не видимъ въ этихъ смѣлыхъ выраженіяхъ никакого грѣха, а только удачное нововведеніе, способствующее оживленію разсказа: если въ Римѣ были своего рода политическіе клубы, отчего не назвать ихъ этимъ терминомъ, столь всѣмъ понятнымъ и определеннымъ? Когда-то даже не позволяли римскихъ солдатъ называть солдатами, а непременно волнами, генераловъ — военачальниками и т. д. Пора оставить этотъ псевдоклассицизмъ.

Исторія Моммсена, какъ замѣчательно умная книга, представляетъ интересъ и для такого читателя, которому до древняго Рима нѣтъ ровно никакого дѣла: столько мыслей и параллелей извлечетъ онъ изъ талантливаго изложенія давнoproшедшаго для пониманія настоящаго. Часто авторъ облегчаетъ и этотъ интересный трудъ читателя, давая выводы готовыми. Приведемъ хоть два-три примѣра. «Надежды обаяываютъ того, на кого онѣ вола-

гаются», — говорит онъ по поводу затруднительнаго положенія Марія¹⁾ (II, 194). — «Выдающіяся личности уважаютъ законъ, какъ нравственную необходимость; должинные же — какъ рутинное обыденное правило; именно поэтому, военная дисциплина, въ которой болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, законъ является какъ бы привычкою, сковываетъ каждаго не очень твердаго человѣка точно какииъ-то волшебнымъ заклинаньемъ» (III, 171). — «Каждый революціонный побѣдитель узнаетъ на опытъ, что если онъ не останется, подобно Цингъ и Сулль, вождемъ партіи, но подобно Цезарю, Генриху IV и Вильгельму Оранскому, захочетъ на мѣсто односторонней программы партіи поставить общее благосостояніе, то тотчасъ обѣ партіи, и его собственная и побѣжденная, соединятся противъ него» (III, 412) и т. д., и т. д.

Переводъ обоихъ томовъ одинаково точенъ и хорошъ, какъ и всѣ переводы, издаваемые г. Солдатенковымъ. При слѣдующемъ изданіи, разумѣется, будутъ исправлены и тѣ немногія неточности или неловкости, которыя проскользнули въ настоящемъ, напримѣръ, Gährungsstoff (стр. 5) — причина броженія, переведено: поводъ къ сопротивленію; ein Mann des Volkes (стр. 190), слѣдуетъ перевести: человѣкъ изъ народа, а не «популярный человѣкъ», «Сципионъ былъ тотъ, кто заявилъ о прекращеніи перемирія» (стр. 327) — есть явный германизмъ и т. д. Рѣшаемся также посоветовать гг. переводчикамъ латинскія цитаты переводить съ оригинала, а не съ нѣмецкихъ стихотворныхъ переводовъ, чтобы humilis, напримѣръ, не оказывалось не гладкимъ (стр. 441) и проч.

Желательно было бы и въ III томѣ видѣть на поляхъ хронологію по общепринятому счету (до Р. X.).

Указатель — очень полезная вещь; но его слѣдуетъ пополнить: мы не нашли, напримѣръ, въ немъ имени Красса. А. К.

А. П. Барсуковъ. Родъ Шереметевыхъ. Книга V-я. Спб. 1888.

Смерть Богдана Хмельницкаго, послѣдовавшая въ августѣ 1657 г., привела, какъ извѣстно, къ смутамъ въ Малороссіи. Юрій Хмельницкій, которому его отецъ Богданъ передалъ гетманство за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти, долженъ былъ уступить свое мѣсто хитроумному и пронырливому гоперальному писарю Выговскому, котораго поддерживали значительная часть малорусской войсковой старшины и поляки. Московское правительство, оказывая покровительство Юрію Хмельницкому, вмѣстѣ съ тѣмъ, должно было изъ политическихъ соображеній входить въ компромиссъ съ Выговскимъ, но тѣмъ не менѣе не могло предотвратить новой войны съ Польшей, такъ какъ поляки, весьма естественно, не въ состояніи были примириться съ Виленскимъ договоромъ 1656 г. Этотъ договоръ, которымъ закончилась первая побѣдоносная Польская война царя Алексѣя Михайловича съ Яномъ Казиміромъ, война, въ которую войска русскаго царя заняли почти всю Литву, — какъ извѣстно, заключалъ въ себѣ еще въ то время разрѣшеніе Польскаго вопроса въ пользу Россіи, резюмируясь въ слѣдующихъ пяти главнѣйшихъ пунктахъ: 1) Признать царя Алексѣя Михайловича королемъ поль-

¹⁾ Въ оригиналѣ это выражено значительно кратче и сильнѣе: «Hoffnungen binden».

скимъ при жизни Казимира, а по смерти его царю московскому вступить на польскій престолъ. 2) Присоединить къ Московскому государству Вѣлоруссію и Малороссію. 3) Въ польскихъ областяхъ римскіе католики и православные пользуются одинаковою и полной свободой богослуженія. 4) Церковную унию прекратить. 5) Россіи и Польшѣ, до окончательнаго ихъ соединенія, не заключать мира и не начинать войны съ сосѣдними государствами, безъ обоюднаго ихъ согласія. Такимъ образомъ, повидимому, приближалось соединеніе подъ однимъ скипетромъ двухъ величайшихъ славянскихъ народностей—русской и польской. Но на дѣлѣ Виленскій договоръ повелъ къ результатамъ вовсе не мирнаго свойства, и явился однимъ изъ элементовъ дальнѣйшей распри между Россіей и Польшей. Царь Алексѣй Михайловичъ, считая Польшу уже частію своего государства, началъ войну съ Карломъ X, королемъ шведскимъ, который еще до Виленскаго договора покорилъ Варшаву, Краковъ и всѣ почти польскія земли на лѣвомъ берегу Вислы. Московскія войска перенесли театръ военныхъ дѣйствій изъ Литвы въ Ливонію, занятую шведами, и отнимали у шведовъ одинъ городъ за другимъ. Карлу X было плохо: его оставилъ его союзникъ курфюрстъ бранденбургскій, а король датскій объявилъ ему войну; но царь Алексѣй Михайловичъ, тревожимый дѣлами малороссійскими и польскими, заключилъ со Швеціей, въ декабрь 1658 года, перемиріе, удержавъ, впрочемъ, всѣ свои ливонскія завоеванія впредь до заключенія вѣчнаго мира. Этотъ вѣчный миръ послѣдовалъ въ Кардисѣ, въ 1661 г., и Швеція получила обратно всѣ завоеванныя русскими города. Мѣтомъ 1659 г. Выговскій, не смотря на поддержку со стороны крымскаго хана, былъ разбитъ русскими войсками и бѣжалъ въ Польшу, и гетманомъ Малороссіи былъ признанъ Юрій Хмельницкій, при подданствѣ царю московскому, а осенью того же 1659 г. возгорѣлась вторая польская война, совершенно уничтожившая пункты Виленскаго договора. Неудачная для Россіи, она закончилась лишь черезъ 8 лѣтъ извѣстнымъ Андрусовскимъ договоромъ, по которому московскій царь не только отказывался отъ польскаго престола, но и отъ своихъ завоеваній въ Литвѣ и отъ всей правобережной Малороссіи, оставивъ за собой на правомъ берегу Днѣпра только Кіевъ, и то временно, на два года, а на западъ расширивъ предѣлы Московскаго государства лишь возвращеніемъ Смоленска, отнятаго поляками въ смутное время.

Указанныя политическія отношенія, сложившіяся во второй половинѣ XVII вѣка въ восточной Европѣ между государствами Московскимъ, Польскимъ и Шведскимъ, полны глубокаго историческаго интереса. Они надолго опредѣляютъ всѣ политическія осложненія на востокѣ Европы, таятъ въ себѣ зародышъ вопросовъ Польскаго и Восточнаго, служа прологомъ къ великой Сѣверной войнѣ Петра Великаго съ Карломъ XII и къ польскимъ раздѣламъ въ концѣ XVIII вѣка. Эти-то важныя отношенія послужили исторической канвой для изображенія плодотворной и почтенной административной и военной дѣятельности Василя Борисовича Шереметева въ V книгѣ «Рода Шереметевыхъ».

Вояринъ Василій Борисовичъ Шереметевъ, назначенный воеводой въ Кіевъ 6 апрѣля 1658 г. вмѣсто околичаго Андрея Васильевича Вутурлина «для успокоенія межеусобія и для государскихъ великихъ и войска запорожскаго потребныхъ и годныхъ дѣлъ» — поналъ въ самый разгаръ происходившихъ малороссійскихъ «нестроеній» и испилъ горькую чашу, благодаря этимъ нестроеніямъ съ одной стороны и неблагоустройству тогдашнихъ московскихъ

военныхъ распоряжковъ съ другой. Съ честью отстоявая «великія государскія дѣла» и стойко борясь съ Польшею за русское дѣло, Василій Борисовичъ Шереметевъ палъ жертвою тогдашней неурядицы въ Малороссіи: преданный польскими военачальниками—Потоцкимъ и Любомирскимъ крымскому хану, онъ былъ отведенъ плѣнникомъ въ Крымъ и протомился въ этомъ плѣну дѣлныхъ двадцать лѣтъ. Василій Борисовичъ Шереметевъ, сынъ боярина Боряса Петровича, родился около 1622 года и началъ службу стольникомъ еще при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ. Служебная дѣятельность его съ 1653 г., когда онъ, имѣя отъ роду немного болѣе 30 лѣтъ былъ уже пожалованъ бояриномъ, до назначенія воеводой въ Кіевъ, въ 1668 г., рассказана въ IV книгѣ «Рода Шереметевыхъ», вышедшей въ 1884 г. Настоящая V-я книга обнимаетъ собою съ небольшою лишь два года изъ жизни Василія Борисовича, будучи почти цѣликомъ посвящена ему. Эта V-я книга въ 469 стр. in 4° и раздѣленная на 28 главъ, отводитъ лишь одну, XV главу (стр. 226—244) краткому упоминанію о другихъ его сородичахъ, жившихъ съ нимъ одновременно, и о его сынѣ Иванѣ Васильевичѣ, пользовавшемся особеннымъ благоволеніемъ царя Алексѣя Михайловича.

Малороссійскія смуты послѣ смерти Богдана Хмельницкаго изложены въ разсматриваемой книгѣ на столько, на сколько онѣ служатъ къ выясненію дѣятельности Василія Борисовича. Весьма естественно, что при подробной фактической передачѣ этой дѣятельности, слѣдя шагъ за шагомъ за Шереметевымъ со времени его выѣзда изъ Москвы, 5 мая 1658 года, до отведенія его въ плѣнъ къ крымцамъ, 25 октября 1661 года, А. П. Барсуковъ принужденъ останавливаться на детальныя описанія, касающіяся Выговскаго, Мартина Пушкяра, Юрія Хмельницкаго и другихъ лицъ. Поэтому V-я книга «Рода Шереметевыхъ», кромѣ біографическихъ данныхъ и весьма интересныхъ подробностей, касающихся лично Василія Борисовича Шереметева, не только дополняетъ свѣдѣнія о малороссійскихъ смутахъ послѣ Хмельницкаго, извѣстныя изъ прежнихъ изслѣдованій о нихъ, но представляетъ въ иныхъ случаяхъ новое освѣщеніе многихъ эпизодовъ изъ указанныхъ историческихъ событій. Страницы, посвященныя времени, непосредственно слѣдовавшему за смертью Богдана Хмельницкаго, въ исторіяхъ Малороссіи Бантыша-Каменскаго и Маркевича не отличаются полнотой, изложеніе этихъ событій въ XI томѣ «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ» С. М. Соловьева, вышедшемъ въ 1861 г. и въ его же статьѣ: «Гетманъ Иванъ Выговскій» («Отеч. Зап.» 1859 г., № 11, стр. 43—64), представляя массу новыхъ архивныхъ данныхъ, посвящено главнымъ образомъ описанію военныхъ дѣйствій и международныхъ дипломатическихъ сношеній между Россіей и Польшею. Что же касается до монографій Н. И. Костомарова: «Гетманство Выговскаго» («Основа», 1861 г., кн. IV и VII и II т. «Монографій», изд. 1863 г.) и «Гетманство Юрія Хмельницкаго» («Вѣстн. Евр.», 1868 г., кн. IV и V и XII т. «Монографій», изд. 1872 г.), то обѣ онѣ не отличаются безпристрастной передачей мѣропріятій тогдашняго Московскаго правительства.

Очень много подробностей въ V-й книгѣ «Рода Шереметевыхъ», касающихся собственно дѣятельности Василія Борисовича въ Малороссіи, тщательно собранныхъ и впервые обнародованныхъ А. П. Барсуковымъ, рисуютъ яркими чертами симпатіи массы малороссійскаго населенія къ «Бѣлому Московскому царю» и тогдашнее положеніе русскаго дѣла по отношенію къ Польшѣ. Къ такимъ подробностямъ относятся факты, переданные въ главахъ V, VI,

IX, XIII и XIV. Въ этихъ главахъ налагаются слѣдующія весьма интересныя историческія данныя: путь Шереметева отъ Москвы до Кіева, тогдашнее положеніе малороссійскаго народа и восторженная встрѣча имъ Шереметева, о чемъ тотъ не замедлилъ отписать царю Алексію Михайловичу, который такъ любилъ своего «вѣрнаго и истиннаго послушника, храбраго и мужественнаго архистратига», какъ называлъ онъ Шереметева; вступленіе Шереметева въ Кіевъ въ должность кіевского воеводы и пріемъ имъ казны, наряда и ратныхъ людей, отношенія Шереметева къ извѣстному кіевскому ученому XVII вѣка архимандриту Кіевонечерской Лавры Иннокентію Гизелю, нѣжинскому протопопу Максиму Филиповичу и полковнику Дворецкому, которые выказывали искреннюю преданность дальновидному, храброму и гуманному московскому воеводѣ; дѣятельность Шереметева послѣ Конотопскаго сраженія и награжденіе его царемъ «золотыми» и расширеніе власти, подчиненіемъ ему воеводъ и ратныхъ людей въ Переяславѣ, Нѣжинѣ, Черниговѣ, Вѣлой Церкви и Браสลавѣ. Весьма важны также въ этихъ и другихъ главахъ указанія на неправильную тогдашнюю организацію войскъ и центрального военнаго управленія въ Московскомъ государствѣ и на мѣстныя счеты, существовавшія между царскими воеводами въ Малороссіи. Всѣми этими обстоятельствами обуславливаются неуспѣхи и невольныя ошибки въ военныхъ дѣйствіяхъ талантливаго полководца В. В. Шереметева, которому своевременно не давали помощи начальники отдѣльныхъ военныхъ отрядовъ: кн. Воротынскій, кн. Трубецкой, Чаадаевъ и кн. Ромодановскій. Въ этомъ отношеніи особенно строптивымъ оказывался кн. Юрій Никитичъ Воротынскій, который не желалъ подчиниться Чудновскому договору, заключенному Шереметевымъ съ польскими вождями. На письмо къ нему Шереметева о выводѣ царскихъ войскъ изъ Кіева, Чернигова, Переяславля и Нѣжина, кн. Воротынскій отвѣчалъ ему, что онъ сдѣлать этого не можетъ, не получивъ соотвѣствующихъ приказаній изъ Москвы. «Я повинуюсь указамъ царскаго величества, а не Шереметева — много въ Москвѣ Шереметевыхъ», — писалъ онъ. Централизація въ Москвѣ военныхъ распоряженій во время весьма серьезныхъ и сложныхъ военныхъ дѣйствій, бывшихъ одновременно въ Малороссіи, Литвѣ и Швеціи, напоминала австрійскіе военные порядки XVIII и XIX вѣковъ, ихъ канцелярски-чопорные «критсы-раты», которые приводили въ бѣшенство великаго Суворова; такая централизація затрудняла Московское правительство и, что навязывала по рукамъ и по ногамъ даже столь близкихъ къ царю людей, каковымъ бесспорно былъ Василій Борисовичъ Шереметевъ. XXVIII-я заключительная глава разсматриваемой книги передаетъ весьма интересныя подробности о злосчастномъ предательскомъ плѣнѣ В. В. Шереметева, въ которомъ онъ былъ содержанъ первое время весьма жестоко: три мѣсяца провелъ «храбрый и мужественный архистратигъ» въ ханскомъ дворцѣ въ Вахчисарѣ, въ тяжелыхъ оковахъ и лишь переведенный послѣ того въ другое мѣсто заключенія, Шереметевъ былъ освобожденъ отъ оковъ и получилъ возможность писать изъ плѣна царю, раздѣляя неволю съ добровольными товарищами плѣна, не пожелавшими оставить своего любимаго начальника — священникомъ, переводчикомъ, нѣсколькими жильцами и подъячими, имена которыхъ перечисляются А. П. Барсуковымъ.

Какъ личность самого Василія Борисовича, такъ и разные слои малороссійскаго народа второй половины XVII вѣка и отдѣльныя черкасы, съ ко-

торыми приходилъ въ сношеніе Шереметевъ, а равно и поляки, и польскіе порядки, или лучше сказать безпорядки, того времени—рельефно выступаютъ въ безпристрастномъ, совершенно объективномъ, изложеніи А. П. Барсукова. Подробныя свѣдѣнія о жизни Василія Борисовича Шереметева, по справедливости одного изъ выдающихся русскихъ государственныхъ и военныхъ людей XVII вѣка, ясно указываютъ на то, какихъ замѣчательныхъ сподвижниковъ имѣлъ «тишайшій» царь, и какъ глубоко понимали они тогдашніе русскіе интересы и честно служили царю и Россіи. «Смиреннолукавствіе» и двоедушіе малорусской старшины (за малыми исключеніями), приниженность массы малорусскаго народа и вѣроломство поляковъ выражены также весьма наглядно въ біографіи В. В. Шереметева.

V-я книга «Рода Шереметевыхъ» читается съ большимъ интересомъ, заключающая въ себѣ много назидательныхъ поученій изъ прошлаго и воспроизводя это прошлое въ ясномъ историческомъ изложеніи; а потому эта книга, кромѣ удовольствія, которое она несомнѣнно доставитъ всякому любителю русской исторіи, сообщитъ ученому историку Россіи большой запасъ новыхъ данныхъ, извлеченныхъ изъ архивовъ правительственныхъ и частнаго архива графа Шереметева. Въ виду такихъ достоинствъ новаго почтеннаго труда А. П. Барсукова нельзя не обратиться съ глубокой благодарностью, какъ къ нему за его продолженіе исторіи Шереметевыхъ, такъ и къ графу С. Д. Шереметеву за предпринятое имъ изданіе этой исторіи. Последніе тома, по мѣрѣ приближенія историческихъ событій къ XVIII в., обѣщаютъ все болѣе и болѣе интереса, и мы съ нетерпѣніемъ ожидаемъ тѣхъ изъ нихъ, въ которыхъ должно выступить на сцену изложеніе реформы Петра Великаго и славной дѣятельности одного изъ главнѣйшихъ его сподвижниковъ, фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева.

Д. Корсаковъ.

Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. Н. Костомарова. Томъ второй (окончаніе). Господство дома Романовыхъ до вступленія на престолъ Екатерины II. XVIII-е столѣтіе. Выпускъ седьмой. Спб. 1888.

Настоящій выпускъ «Русской исторіи» покойнаго Н. И. Костомарова включаетъ въ себѣ три біографіи: фельдмаршала Миниха и императрицу Анны Иваловны и Елисаветы Петровны, печатавшіяся въ «Вѣстникѣ Европы» и въ «Нови».

Самой удачной изъ этихъ біографій слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, признать біографію Миниха. Передъ нами, какъ живой выступаетъ этотъ «искусный водопродователь, мудрый администраторъ, непобѣдимый полководецъ», одинъ изъ лучшихъ и дароватѣйшихъ нѣмцевъ, вызванныхъ Петромъ Великимъ на службу Россіи. «По своей неутомимой дѣятельности, говоритъ Н. И. Костомаровъ, и по безпродѣльному трудолюбію Минихъ напоминалъ собою великаго государя, къ памяти котораго до гробовой доски сохранялъ благоговѣнное уваженіе. Будучи въ Россіи чужеземцемъ и въ русской службѣ наемникомъ, онъ по своему обширному уму не могъ послѣдовать общему предрасудку своихъ земляковъ-нѣмцевъ, которые, вступая въ Россію, считали ее варварскою страной, смотрѣли на русскій народъ, какъ на матеріаль,

пригодный только для ихъ корыстолюбивыхъ и честолюбивыхъ плановъ; Минихъ не переставалъ принадлежать къ той народности, въ глѣдѣ которой родился, но уразумѣлъ, какъ немногіе изъ русскихъ, всѣ достоинства русскаго народа и служилъ пользѣ и интересамъ Россіи честно, открыто и неутомимо. При Петрѣ дѣятельность Миниха ограничивалась инженерными, гидравлическими работами по строенію Ладожскаго канала, императоръ высоко цѣнилъ его «труды», говоря, «что они радуютъ его и подкрѣпляютъ его здоровье». «Еще въ службѣ у меня, объявилъ Петръ сенаторамъ, не было такого иностранца, который бы такъ умѣлъ приводить въ исполненіе великіе планы, какъ Минихъ!» Но Петръ скоро умеръ, при его преемникахъ кругъ дѣятельности Миниха значительно расширился, онъ стяжалъ себѣ славу полководца и правителя, но вмѣстѣ съ тѣмъ нажилъ и враговъ, его не умѣли цѣнить, какъ слѣдуетъ, въ немъ видѣли только интригана и честолюбивца, забывая, что онъ прежде всего работникъ, и талантливый работникъ. Эта сторона характера Миниха, ненасытная жажда дѣятельности, прекрасно очерчена Костомаровымъ. «Натура Миниха въ силахъ нести непомѣрные для другихъ труды, претерпѣвать лишенія и оскорбленія, какъ никто иной не въ силахъ, но бездѣятельности вынести не можетъ». Даже въ ссылки въ Сибирь Минихъ не остается праздымъ: «онъ пишетъ и посылаетъ изъ своей грустной темницы проектъ за проектомъ въ видахъ то того, то другого предпріятія въ пользу Россіи, указываетъ на все, какъ на продолженіе того, что замыслилъ Петръ Великій, проситъ себѣ свободы настолько, чтобы могъ потрудиться для Россіи». Но въ судьбѣ Миниха есть много трагическаго: «въ своихъ широкихъ видахъ на пользу Россіи онъ постоянно встрѣчалъ препятствія отъ самой Россіи». Правительство не понимало его плановъ и часто не обращало на нихъ никакого вниманія. Трагизмъ никогда не покидалъ этой личности. «Казалось бы, говорить Костомаровъ, съ кѣмъ легче могъ сойтись Минихъ, какъ не съ Екатериной! И что же? Мы видимъ, что она предоставила ему строить гавани и каналы, окружила его вѣншими почетомъ, цѣнила его личность, слушала со вниманіемъ, но тутъ же и скучала отъ его старческихъ предположеній и даже не содѣйствовала успѣшному окончанію его инженерныхъ и гидравлическихъ работъ въ такой степени, какъ онъ желалъ и требовалъ».

Обращаясь къ біографіямъ Анны Ивановны и Елисаветы Петровны, мы замѣчаемъ, что онѣ написаны гораздо слабѣе, чѣмъ жизнеописаніе Миниха. Въ нихъ есть главы чрезвычайно тяжелыя, скучныя, лишеныя художественности, составляющей обычное качество работъ Костомарова. По этому поводу позволимъ себѣ маленькое общее замѣчаніе: Костомаровъ—художникъ, когда онъ рассказываетъ о дѣйствіяхъ, когда занимается характеристикой лицъ, но у него нѣтъ художественности въ описаніяхъ быта; эти описанія положительно не удавались покойному исторнику, они составляютъ тяжелый балластъ даже въ его чисто балетристическихъ прозведеніяхъ, и такіе балласты являются въ двухъ разсматриваемыхъ біографіяхъ тѣ главы, которыя посвящены описанію того, что принято обыкновенно относить въ рубрику: «внутреннее состояніе». Фактовъ чрезвычайно много, но картина выходитъ неясная, блѣдная. Взглядъ Костомарова на правленіе и личности двухъ императрицъ совершенно противоположенъ взгляду Соловьева. Костомаровъ старается оправдать Анну Ивановну и нѣмцевъ-правителей отъ вводимыхъ на нихъ обвиненій. «Невозможно, говоритъ онъ, приписывать весь характеръ царствованія огуломъ нѣмцамъ уже потому, что стоявшіе

на челѣ правительства нѣмцы не составляли согласной корпораціи, и каждый изъ нихъ преслѣдовалъ свои личные интересы, одинъ другому завидовалъ, одинъ къ другому враждовалъ». «Мы не затруднимся сказать, продолжаетъ историкъ, что приписывать все, что насъ возмущаетъ въ царствованіи Анны Ивановны, слѣдуетъ не самой императрицѣ, не любимцу ея, герцогу курляндскому, а всему вѣку, въ которомъ происходили налагаемыя здѣсь событія». Но такой взглядъ не совсѣмъ вѣренъ, въ немъ есть односторонность: правда, вѣкъ былъ жестокой, правда, что нѣмцы не составляли согласной корпораціи, но въ чемъ нѣмцы были между собой солидарны—это въ презрѣніи ко всему русскому, и эта именно сторона ихъ правленія дѣлала ихъ ненавистными народу и была причиною многихъ бессмысленныхъ ихъ жестокостей.—Взглядъ на царствованіе Елисаветы у Костомарова, также въ противоположность Соловьеву, чисто отрицательный. «Обозрѣвая царствованіе императрицы Елисаветы Петровны, говоритъ Костомаровъ, нельзя не отнѣсти двухъ важныхъ дѣлъ этого царствованія въ области внутренняго управленія—распространенія просвѣщенія, которому много содѣйствовало учрежденіе университетовъ и гимназій, и уничтоженіе внутреннихъ таможенъ, сильно парализовавшихъ русскую торговлю въ теченіе долгаго времени. И то и другое дѣло устранивалось представленіями и трудами Шуваловыхъ. Что касается до вѣншней политики, то вмѣшательство Россіи въ Семилѣтнюю войну ничего не принесло ей, кромѣ истощенія, и возбуждало всеобщее неудовольствіе даже въ войскѣ. Обыкновенно ставятъ въ заслугу Елисаветѣ Петровнѣ уничтоженіе смертной казни и нѣкоторое смягчающее движеніе въ законодательствѣ относительно употребленія пытокъ при разслѣдованіяхъ; но мы не видимъ тутъ смягченія нравовъ и проявленія человѣколюбія, потому что въ разсматриваемую эпоху продолжались страшныя пытки — рваніе ноздрей, битіе клутомъ, урѣзаніе языка и тлжолыя ссылки, часто даже людей невинныхъ». Но и этотъ взглядъ одностороненъ и несправедливъ. Если хорошія дѣла совершались не самой Елисаветой, а ея приближенными, то не слѣдуетъ забывать, что этихъ приближенныхъ выбирала все же она сама, а это весьма важно: достоинство правителей и состоитъ больше въ умѣніи окружать себя хорошими сотрудниками. Сужденіе объ отнѣннѣ смертной казни и смягченіи законодательства представляется уже совсѣмъ страннымъ: сколько бы ни оставалось жестокости въ нравахъ и законодательствѣ, отнѣна смертной казни такой большой шагъ впередъ и такое проявленіе человѣколюбія, что ое нельзя не ставить высоко, и отзывъ Костомарова объ этомъ фактѣ слишкомъ поверхностенъ.

А. Ворондизъ.

„Деятелостлѣтіе русской іерархіи. 988—1888. Епархіи и архіерои“. Составлено по официалънымъ и историческимъ даннымъ. Н. Д. Москва. 1888.

Заглавіе этой книжки далеко не оправдывается содержаніемъ. Судя по заглавію, ожидаешь найти исторію происхожденія епархій и дѣятельность іерарховъ, хотя бы въ краткомъ, но связномъ очеркѣ. Между тѣмъ, въ книжкѣ находится только перечень именъ монашескихъ, если и съ фамиліями, то безъ обозначенія имени іерарховъ до постриженія, и божь дать ихъ жизни.

Какъ перечень, «Деятелостлѣтіе» даетъ даже излишекъ, включая грузинскую іерархію, за настоящее столѣтіе, выдѣляя епархіи грузинскія изъ

состава русских и внося «Управлявших военнымъ духовенствомъ оберъ-священниковъ и главныхъ священниковъ арміи и флота», которые не должны имѣть мѣста въ перечнѣ іерарховъ. Въ такомъ случаѣ читатель въ правѣ требовать также и списка оберъ-іеромонаховъ флота и армій съ Петра I, а при спискѣ грузинскихъ архіереевъ, указанія главныхъ священниковъ кавказской арміи.

Изнѣшествомъ, ничѣмъ неоправдываемымъ, считаемъ мы включеніе на стр. 21 епархіи Мукачевской (Мункачской въ Венгріи), никогда незахваченной въ предѣлахъ російской имперіи. Точно также и на стр. 92—93, неосновательно сообщеніе о грузинскихъ епархіяхъ съ 318 до 1422 года. Еще менѣе относятся до нашей іерархіи «настоятели патриаршихъ въ Москвѣ поворобѣвъ» (стр. 98—99), управляющіеся архимандритами, когда нашихъ архимандритовъ нѣтъ въ составѣ перечня. Въ концѣ алфавитнаго списка бывшихъ іерарховъ, (на стр. XVII) поставленъ еще алфавитный указатель (46) именъ архіереевъ (никогда не существовавшихъ, но будто бы), упомянутыхъ въ нѣкоторыхъ (?) спискахъ и синодикахъ. Мы просто скажемъ, что эти имена не только сомнительныя, но прямо фантастическія. Указавъ на изнѣшества и отступленія отъ условій программы, по вопросамъ, возбуждаемымъ широтою заглавія брошюры, мы должны точно также выставить и достоинства выполненія задачи перечня именъ. Прежде всего скажемъ, что этотъ перечень доведенъ до дня выпуска брошюры въ свѣтъ. Включеніе фамилій іерарховъ, только-что рукоположенныхъ, даетъ очень важное преимущество перечню именъ, даже передъ «Спискомъ», изданнымъ на текущій годъ Святѣйшимъ Синодомъ. Относительно же прежнихъ списковъ іерарховъ, обращающихся въ публикѣ, трудъ покойнаго Юрія Васильевича Толстого уже представляетъ пробѣлъ на 13—12 лѣтъ, а по спискамъ Строева на 15 лѣтъ. Правда, въ спискахъ Толстого есть справки о прохожденіи службы іерарховъ и до рукоположенія епископскаго, есть и указаніе, хотя не вездѣ, именъ до постриженія. Снабженіе списка этими качествами, усилило бы цѣну брошюры г. Н. Д., хотя и въ настоящемъ видѣ, какъ справочный матеріалъ, «Девятистолѣтіе», несомнѣнно занимаетъ видное мѣсто. Опечатокъ немного, но не всѣ они оговорены. Напримѣръ, преосвященный Виталій Борисовъ, напечатано Жигаевъ, вмѣсто Жегачевъ, а Клирианъ первый архіепископъ Тобольскій названъ Старорусениковъ, вмѣсто Старорусенинъ. Незамѣчены также и даты кончины іерарховъ «на покоѣ». Напримѣръ, сказано на 75 стр. въ епископствѣ Врестскомъ «Игнатій Желязовскій изъ архимандритовъ и инспекторовъ Литовской семинаріи, епископъ 20-го мая 1848 г., 1870 г. 27-го іюня уволенъ». По этой справкѣ всякій подумаетъ, что преосвященный еще живъ, но онъ уже скончался 31-го марта 1872 г. И при имени преосвященнаго Хрисанеа (Ретивцева) тоже подобной оговорки не сдѣлано, но онъ, какъ извѣстно, скончался почти пять лѣтъ (6-го ноября 1883 г.). Подобныя даты кончины были бы больше чѣмъ желанныя въ головѣ спискѣ именъ, какова брошюра «Девятистолѣтіе русской іерархіи». Приобрѣтатели ея, заплативъ 2 р. 25 к. за списокъ въ 104 стр. и XX (рим. нумер.), въ правѣ ожидать встрѣтить такія необходимыя заключительныя черты справки о лицѣ іерарховъ.

П. П. оръ.

Библиотека по русскому и церковно-славянскому языку и словесности русской и иностранной, съ приложеніемъ описанія книгъ по логикѣ. Составилъ Левъ Поливановъ. Москва. 1888.

Г. Поливанову было поручено сформировать для выставки Общества поощренія трудолюбія въ Москвѣ учительскую и ученическую библиотеки по русскому и церковно-славянскому языкамъ и по словесности, русской и иностранной. Каталогъ къ этому собранію книгъ онъ и представилъ теперь въ небольшой, компактно изданной книжкѣ. По собственному свидѣтельству автора, являющійся теперь печатный каталогъ пополненъ нѣкоторыми книгами, не бывшими на выставкѣ—въ виду того, что онъ предназначается теперь къ болѣе широкому употребленію, какъ справочное руководство по указаннымъ предметамъ для учителей и учениковъ. Нельзя въ самомъ дѣлѣ не отнестись сочувственно къ такой мысли г. Поливанова, и предлагаемая книжка, какъ первый опытъ подобнаго рода, заслуживаетъ самаго живого вниманія.

«Библиотека» раздѣляется на двѣ части: учительскую (стр. 1—126) и ученическую (127—148); въ концѣ приложенъ общій указатель именъ (149—156). Что касается учительской библиотеки, то самъ г. Поливановъ хорошо понимаетъ, что это—понятіе очень относительное, по самой сущности своей и свою точку зрѣнія при выборѣ книгъ опредѣляетъ такимъ образомъ: «вносить все, что включаетъ въ себя самостоятельный трудъ и касается крупнѣйшихъ явленій литературы, т. е. такихъ, съ которыми приходится имѣть дѣло преподавателю; что касается книгъ—собственно учебныхъ, то авторъ вносилъ въ свой каталогъ «лишь труды самостоятельные, которые носятъ опредѣленный характеръ или представляютъ починъ среди другихъ книгъ того же рода, а также такія, которыя приобрѣли общую извѣстность наибольшимъ распространеніемъ или же выдѣляются авторитетностію авторовъ» (прод. II). Конечно, при такихъ рамкахъ автору, по самой сущности дѣла, былъ предоставленъ большой произволъ—особенно въ выборѣ книгъ для учительской библиотеки, и тутъ могутъ быть указаны въ его книгѣ не маловажные недочеты. Мы здѣсь не имѣемъ возможности указать ихъ всѣ (это, впрочемъ, едва ли было бы и возможно при неопредѣленности той точки зрѣнія, на которую онъ сталъ, и которая была обусловлена самымъ характеромъ его задачи) и ограничимся только нѣкоторыми, бросающимися въ глаза съ перваго раза. По № 5 упомянуто нѣмецкое изданіе «Vergleichende Grammatik» Ф. Миклошича, но не указано на существованіе русскаго перевода морфологической части этого сочиненія (пять выпусковъ, М. 1884—87), который гораздо важнѣе соответствующей части нѣмецкаго подлинника, такъ какъ снабженъ обширными замѣчаніями и дополненіями редактора этого перевода проф. Р. Врандта; мы не говоримъ уже о томъ, что въ книгѣ г. Поливанова, сообразно ея цѣли, русскіе переводы такихъ сочиненій, какъ упомянутое Ф. Миклошича, должны быть указаны, какого бы достоинства эти переводы ни были. № 10: не указано 2-го изд. (Weimar, 1886) учебника А. Левкиен'а «Handbuch der albulgarischen Sprache», а оно значительно переработано и замѣнено, сравнительно съ первымъ. № 22: не указано второго изд. «Мыслей объ исторіи русскаго языка» Срезневскаго (Спб. 1887), расширеннаго сравнительно съ первымъ изданіемъ, которое къ тому же давно сдѣлалось библиографической рѣдкостью. № 72: не указано новаго изданія (Суворина,

Спб., 1886) первых двух книг «Сказаний русского народа» И. Сахарова. № 136: нѣтъ указанія на второе изданіе «Домостроя» В. Яковлева (Одесса, 1887); первое уже давно вышло изъ продажи. № 415: указать 32-й томъ, «Сборника II отд. Имп. Акад. Наукъ»; но отчего именно этотъ томъ, а не все вообще изданіе (недавно вышелъ его 43-й томъ), весьма важное по множеству помѣщенныхъ въ немъ капитальнѣйшихъ работъ по русскому языку и словесности? № 431: не точно указано названіе такого сочиненія, какъ «Исторія Русской Словесности» С. Шевырева, и не упомянуто о новомъ его изданіи, явившемся въ самое послѣднее время (Спб., 1887). № 436: не указано третьяго изданія «Обзора русской духовной литературы» Филарета (Спб., 1884), весьма важнаго не только потому, что предшествующихъ изданій давно уже не существуетъ въ продажѣ, но и по своей полнотѣ. №№ 451 и 456 нужно было соединить подъ однимъ №, какъ части одного и того же сочиненія (О. Миллера, «Русскіе писатели послѣ Гоголя»). Кромѣ того, совершенно нельзя понять такихъ капитальныхъ пропусковъ, какъ «Словарь русскаго и церковно-славянскаго языка, составленный II отд. Ак. Наукъ», 4 тома (1-е изд. 1847, второе 1867) и сочиненія G. Крек'а «Einleitung in die slavische Litterargeschichte» (1-е изд. Graz, 1874, 2-е весьма увеличенное 1887), въ высшей степени важнаго по своему энциклопедическому характеру.

Мы увѣрены, что подобныхъ указаній на неполноту «Библиотеки» г. Поливанова можно бы сдѣлать очень много, но они все-таки не лишены бы попытку дать такое руководство извѣстной цѣли. Будемъ признательны нашему дѣятельному педагогу за этотъ его новый трудъ и пожелаемъ, чтобы въ послѣдующихъ изданіяхъ онъ вышелъ бы болѣе удовлетворяющимъ требованіямъ библиографической полноты.

Е. П.

Всеобщая исторія литературы. Выпускъ XXII. Спб. 1888.

Двадцать вторымъ выпускомъ оканчивается третій томъ изданія весьма полезнаго, составленнаго весьма добросовѣстно и отчетливо и, въ то же время — мы должны привнать это — не достигающаго своей цѣли. Всеобщая исторія эта принадлежитъ очевидно къ числу тѣхъ предпріятій, о которыхъ еще недавно говорилось въ статьѣ «Наши энциклопедическіе словари». Задуманная въ слишкомъ широкихъ размѣрахъ, исторія эта вмѣсто того, чтобы вмѣститься въ заранее опредѣленныхъ рамкахъ, расплылась до предѣловъ, о которыхъ не думали ни издатель, ни читатели, встрѣтившіе сочувственно ея первые выпуски, но поневоли охладѣвшіе къ ней, видя, что и черезъ девять лѣтъ послѣ своего начала она все еще далека отъ конца. Первый редакторъ ея, покойный Коршъ, принадлежалъ самъ къ числу лицъ, въ характерѣ которыхъ преобладаетъ свойство, присущее многимъ даровитымъ русскимъ людямъ, горячо приниматься за всякое дѣло и потомъ постепенно охладѣвать къ нему. Въ первый годъ своего редакторства (1880 г.) онъ составилъ семь выпусковъ, во второй — пять, въ третій — только три. Затѣмъ онъ умеръ и изданіе прекратилось на два года. Возобновленное въ 1885 году, оно вышло въ числѣ четырехъ выпусковъ, въ 1886 году вышелъ одинъ выпускъ, въ слѣдующемъ — также одинъ и, наконецъ, въ нынѣшнемъ еще одинъ. Итого, круглымъ числомъ по три выпуска въ годъ или по тридцати листовъ, — такъ какъ каждый выпускъ состоитъ изъ десяти листовъ. Но трид-

цать листовъ у насъ дають въ мѣсяцъ — наши толстые журналы. Конечно, исторія литературы не журналъ, но что она могла бы печататься гораздо скорѣе — въ этомъ не можетъ быть сомнѣнiя. Въ двадцатомъ выпускѣ издатель объявилъ, что сочиненiе окончится въ 25-ти выпускахъ. Теперь вышелъ 22-й, гдѣ оканчивается исторiя западно-европейской литературы въ эпоху Возрожденiя и въ вѣкъ псевдоклассицизма. Едва ли справедливо называть эту эпоху «новой литературой», какъ дѣлають редакторы. Нельзя считать новыми писателями итальянскихъ гуманистовъ и поетовъ XV вѣка или Эразма Роттердамскаго, Ульриха Гуттена и Лютера. Итальянская и англiйская литература доведена до XIX столѣтiя, нѣмецкая до Лессинга, французская до энциклопедистовъ и Вольтера. Мы имѣли уже случай замѣтить, что при этомъ значенiе многихъ писателей, какъ Рабле, Сервантеса, Шекспира, неложно въ слишкомъ сжатомъ видѣ. Неужели всѣхъ остальныхъ писателей конца прошлаго и всего нынѣшняго столѣтiя можно втиснуть въ три послѣднiе выпуска? Лессингъ, Гете, Шиллеръ, Вольтеръ, Байронъ, Гюго, французскiй революционизмъ, затѣмъ романтизмъ и реализмъ, нѣмецкая философiя, итальянская новелла, социальный и англiйскiй романъ, все движенiе современныхъ идей, съ каждымъ годомъ расширяющихъ область литературы и творческой фантазiи — развѣ есть возможность изложить и оцѣнить все это на тридцати листахъ? Поневолѣ придется скомкать или вовсе пропустить явленiя, имѣющiя неоспоримое значенiе въ культурной исторiи человѣчества. И такъ уже въ этой «всеобщей» исторiи слишкомъ много пробѣловъ въ то время, когда даво слишкомъ широкое мѣсто явленiямъ второстепеннымъ, какъ литературѣ еврейской, арабской, новогреческой. А, между тѣмъ, о литературѣ скандинавскихъ племенъ нѣтъ ни одной статьи; о сагахъ Скандинавiи упоминается только по поводу средневѣкового германскаго эпоса, а о шведскихъ, датскихъ, норвежскихъ писателяхъ нѣтъ ни слова; о нидерландской литературѣ говорится только въ эпоху среднихъ вѣковъ, о румынской — ни слова; французская историографiя упоминается только въ среднiе вѣка, а потому не цитируется ни одинъ историкъ. Можно было бы привести примѣры пропусковъ и въ статьяхъ, посвященныхъ обзору провведенной отдѣльныхъ нацiй и эпохъ, и эти пропуски превращаютъ «всеобщую» исторiю литературы въ сборникъ статей, исследующихъ, по специальности авторовъ, тотъ или другой періодъ литературной дѣятельности известнаго народа. Нельзя будетъ не пожалѣть, если такое полеванное изданiе, превосходно исполненное въ отдѣльныхъ частяхъ — въ цѣломъ окажется не достигающимъ своей цѣли.

В. З.

Сто лѣтъ австрiйской политики въ Восточномъ вопросѣ. Составилъ Я. Н. Вутковскiй. Спб. 1888.

«Благодаря вѣковому гнету, славянство осталось въ младенчествѣ и вотъ, съ возрожденiемъ его, у него оказались двѣ матери, предъявляющiя на него свои права: Австрiя и Россiя. Обѣ считаются славянскими державами, обѣ манять къ себѣ ребенка; явится ли Соломонъ для рѣшенiя ихъ спора?» Изобразивъ такъ фигурально положенiе Восточнаго вопроса, г. Вутковскiй пынается и разрѣшить его, съ каковою цѣлью раскрываетъ передъ читателемъ столѣтнее прошлое этого вопроса и приподнимаетъ даже завѣсу будущаго.

Материаломъ для его труда послужили «маловажные въ Россіи компиляціи, составленныя по австрійскимъ архивнымъ документамъ», знакомство съ которыми, по словамъ автора, «даетъ возможность на основаніи прошедшаго судить о томъ, что на этомъ пути ожидаетъ насъ въ будущемъ». Современная историческая критика отучила насъ въ серьезныхъ вопросахъ витать въ области романтическихъ грёзъ и пользоваться несовершенными и устарѣвшими методами, но г. Вутковский, повидимому, не признаетъ научнаго прогресса и остается вѣрнѣ завѣтамъ стараго добраго времени. Онъ не желаетъ знать, что при разработкѣ такого сложнаго вопроса, какииъ онъ занять, нельзя пользоваться односторонними и несовершенными компиляціями, будутъ ли то австрійскія или русскія, все равно, хотя бы они и были мало извѣстны: это лишаетъ работу серьезности и обращаетъ ее въ фельетонъ; онъ не желаетъ даже обозначить въ своемъ сочиненіи, что это за компиляціи, такъ какъ почти нигдѣ не дѣлаетъ ссылки, за исключеніемъ двухъ-трехъ мѣстъ; онъ не признаетъ мудраго правила не спѣшить съ историческими обобщеніями и заключеніями насчетъ будущихъ судебъ народовъ, такъ какъ говорить насчетъ историческаго будущаго вообще мудро и опасно по неизбѣжно строгихъ и математически точныхъ законовъ. Авторъ сочиненія возражаетъ, что онъ имѣлъ только цѣлю «ознакомить русскихъ читателей со взглядами на Восточный вопросъ нашей соперницы», но въ такомъ случаѣ онъ не выполнилъ, да и не могъ выполнить своей задачи, такъ какъ, если въ наложеніи прошлаго этого вопроса онъ съ трудомъ выдерживаетъ тонъ австрійскаго взгляда на вещи, то въ вопросѣ настоящаго и будущаго онъ его совершенно теряетъ; кромѣ того сомнительно, чтобы о взглядѣ нашей соперницы можно было судить вполнѣ правильно по компиляціямъ. Историческая наука по Восточному вопросу имѣетъ даже у насъ цѣнное, если не по количеству, то по достоинству, число трудовъ, гдѣ авторы безпристрастно и въ достаточной полнотѣ рисуютъ намъ дѣянія и начинанія двухъ соперничающихъ сторонъ и подвергаютъ имѣющіися матеріалъ, почерпнутый изъ иностранныхъ и отечественныхъ архивныхъ источниковъ, научной критикѣ; назовемъ для примѣра труды В. Углицкаго «Очерки дипломатической исторіи Восточнаго вопроса», С. Солоньва «Императоръ Александръ I», Ф. Мартенса «Собраніе трактатовъ и конвенцій», С. Татищева недавно вышедшее прекрасное сочиненіе «Внѣшняя политика императора Николая I» и др. Во всѣхъ этихъ трудахъ г. Вутковский найдетъ весь тотъ матеріалъ, который нуженъ былъ ему для его книги, за исключеніемъ развѣ нѣкоторыхъ анекдотическихкихъ сторонъ дѣла и изреченій великихъ мужей, которыя встрѣчаются у него и которыя въ сущности ничего не выясняютъ въ вопросѣ. Пользованіе же исключительно одними австрійскими источниками, и то изъ вторыхъ рукъ, вводитъ читателя въ заблужденіе въ тѣхъ случаяхъ, когда авторъ пытается дѣлать обобщенія,—неизвѣстно, кто адѣсь говорить: г. Вутковский или австрійскіе патріоты; главнымъ образомъ, недоумѣніе возникаетъ въ заключительной главѣ, гдѣ рисуется несостоятельность Австріи, какъ самостоятельнаго, органическаго государства и предсказывается торжество Россіи, напр. «Изъ томъ и заключается фальшь Австріи, что она какъ бы обречена на неподвижность, которая есть синонимъ смерти» или «По составу своего населенія Австрія болѣе всего держава славянская; правительство ея сознаетъ (?) это, но въ виду меньшей культурности славянъ совѣстится признаться въ этомъ передъ Европой». Неужели къ такимъ выводамъ привели

автора австрийских компиляцій? сомнительно. Г. Бутковский, какъ мы говорили выше, пытается явиться Соломономъ и разрѣшаетъ вопросы, что на пути прошедшаго, которое онъ нашелъ въ иностранныхъ источникахъ, «ожидаетъ насъ въ будущемъ»: «... роль Австрiи опредѣляется сама собою: ея спасенiе заключается въ славянахъ... при тѣхъ условiяхъ (т. е. при равноправности политической и религiозной съ другими ея народами) Австрiя перестанетъ изображать фикцию и сдѣлается въ союзѣ съ Россiей вполнѣ Восточной имперiей (Ostreich)». Но что, если «вѣнецкіе Габсбурги не захотятъ войти въ славянскую плотъ?» спрашиваетъ авторъ. О, тогда, отвѣчаетъ онъ «произоидетъ столкновение съ Россiей: этого потрясенiя не выдержитъ хрупкій организмъ Австрiи и послѣдуетъ катастрофа... Вѣроятно тогда Триестъ и Тироль перейдутъ къ Италиі; валашскiя населенiя примкнутъ къ Румыніи; Вонгрія уединится, австрийское эрцгерцогство сольется съ Германiей, а всему великому славянству Россiя должна помочь разобратъся въ общей путаницѣ». Неправда ли, какъ все выяснено и всякому точно обозначено свое мѣсто и своя роль? но г. Бутковский полагаетъ, что этого еще недостаточно, «прошедшее» исторiи на основанiи австрийскихъ компиляцій позволяетъ ему нарисовать передъ читателемъ романтическій апоэозъ: «Турецкая волна, хлынувшая на европейскiй берегъ понемногу отступитъ въ Азію, осушивъ залитый ею край. Константинополь, такъ счастливо расположенный, сдѣлается сосредоточіемъ мировой торговли подъ охраной всѣхъ державъ, а о свободѣ Чернаго моря и говоритъ нечего: весь міръ идетъ по пути къ свободѣ и нѣтъ основанiя предполагать, чтобы ее не допустили туда, гдѣ царствуетъ свободная стихiя. Волѣ четырехъ сотъ лѣтъ южная красавица находится въ неволѣ у магометанскаго Черномора; неужели Русланъ не освободитъ?» Картина въ высшей степени эффектная! давно мы не читали ничего подобнаго въ отечественныхъ историческихъ сочиненiяхъ.

В. Г.

Описанiе старой Малороссiи. Матерiалы для исторiи заселенiя, землевладѣнiя и управленiя. Ал. Лазаревскаго. Томъ первый. Полкъ Стародубскiй (выпускъ первый). Кіевъ. 1888.

Въ настоящемъ трудѣ г. Лазаревскаго заключается описанiе Малороссiи лѣваго берега Днѣпра (нынѣшнія губерніи Черниговская и Полтавская), за періодъ времени отъ 1654 г., т. е. отъ присоединенiя Малороссiи къ русскому государству до 1782 г., времени открытiя намѣстничества и введенiя въ ней общерусскихъ формъ гражданскаго управленiя. Собранный и приведенный въ систему многочисленный матерiалъ для исторiи заселенiя, землевладѣнiя и управленiя, расположенъ потому административному дѣленію Малороссiи, которое въ ней существовало до открытiя намѣстничества: по полкамъ. По плану сочиненiя каждый полкъ долженъ быть описанъ отдѣльно и въ настоящій выпускъ вошло лишь описанiе части Стародубскаго полка; адѣсь послѣ историческаго очерка мѣстности, перечисляется въ хронологическомъ порядкѣ полковная старшина, отъ полковника до хорунжихъ включительно, съ сообщеніемъ о нихъ возможно подробныхъ свѣдѣнiй; затѣмъ слѣдуетъ описанiе полка по сотнямъ, которому предшествуетъ перечень сотниковъ и, наконецъ, перечень всѣхъ поселенiй, составлявшихъ сотню. Такимъ образомъ, мы имѣемъ въ настоящее время чрезвычайно обстоятельныя біографіи-

ческія свѣдѣнія о большинствѣ лицъ, игравшихъ въ административномъ строѣ ту или другую роль, а также свѣдѣнія о времени возникновенія почти всѣхъ поселеній дѣлаго берега Днѣпра, о владѣльцахъ этихъ поселеній и о количествѣ жителей въ нихъ. Стараясь по возможности меньше касаться событій внѣшней исторіи, г. Лазаревскій чрезвычайно полно и рельефно рисуетъ передъ читателями истинную народную жизнь въ ея экономическомъ, бытовомъ и государственномъ развитіи, при чемъ повѣствованіе ведется авторомъ въ строгонаучномъ, объективномъ направленіи. Хотя почтенный ученый по скромности и заявляетъ, что его книга даетъ лишь «нѣкоторые матеріалы для изученія народной жизни», однако эти нѣкоторые матеріалы настолько многочисленны, настолько удачно сгруппированы и освѣщены, что стоятъ выше многихъ работъ, имѣющихъ претензію на полноту изображенія народной жизни въ ея историческомъ развитіи. Наибольшей скудостью, какъ и слѣдовало полагать, отличаются свѣдѣнія о времени возникновенія описываемыхъ мѣстностей, особенно когда автору приходится углубляться въ глубь первой половины XVII вѣка, такъ какъ за неимѣніемъ точныхъ данныхъ приходится допускать много догадокъ и строить разныя гипотезы. Тѣмъ не менѣе, и поэтому вопросу въ настоящемъ трудѣ сдѣлано не мало цѣннаго для нашей исторической географіи. Главнымъ источникомъ, откуда авторъ черпалъ данныя для этого предмета, послужило «Генеральное слѣдствіе о мѣстностяхъ 1729—1730 гг.». Что касается до статистическихъ свѣдѣній о количествѣ населенія, казачьяго и крестьянскаго, то таковыя вполне удовлетворительны и указаны за два момента, за 1723 годъ, когда произведена была перепись Малороссіи и за 1781 годъ, когда по распоряженію гр. Румянцова было сдѣлано статистическое описаніе Малороссіи передъ открытіемъ намѣстничества. Особенною точностью и полнотою отличаются данныя по монастырскимъ имѣніямъ, которыя г. Лазаревскимъ найдены въ «поземельныхъ актахъ Черниговскихъ монастырей», хранящихся въ Черниговской казенной палатѣ. Эти «монастырскіе поземельные акты—свидѣтельствуетъ авторъ—заключаютъ въ себѣ готовый матеріалъ для исторіи монастырскаго землевладѣнія въ Малороссіи». Пользованіе архивнымъ матеріаломъ дало возможность г. Лазаревскому ознакомить читателей со многими чрезвычайно любопытными, доселѣ неизвѣстными документами, имѣющими значительную важность для характеристики того темнаго времени, времени безправія, корысти и своеволія. Каждая страница въ жизнеописаніяхъ, какъ мѣстныхъ дѣятелей, такъ и пришлыхъ чиновниковъ, раскрываетъ ужасы прошлаго и свидѣтельствуетъ, какъ трудно было центральному правительству установить какой-нибудь порядокъ въ новоприсоединенномъ краѣ и мало-мальски облегчить участь населенія угнетеннаго цоборами и жестокостями мѣстной администраціи.

Большинство рукописнаго матеріала г. Лазаревскому удалось почерпнуть изъ архивовъ городовъ, Чернигова, Харькова, Кіева, а также приобрести отъ частныхъ лицъ. Помимо названныхъ нами выше трехъ источниковъ (Генеральнаго слѣдствія о мѣстностяхъ и поземельныхъ актовъ Черниговскихъ монастырей), авторъ пользовался еще: 1) архивомъ генеральной войсковой канцеляріи, 2) Румянцовскою описью Малороссіи, 3) ревизской книгой Стародубскаго поля 1723 г., 4) Описаніемъ Новгородсѣверскаго намѣстничества, 5) отдаточными книгами пожалованныхъ графу П. А. Румянцову волостей Топальской и Чолховской. Въ распоряженіи г. Лазаревскаго были

и многочисленныя бумаги изъ семейныхъ архивовъ Миклашевскихъ, Скорупъ, Есимонтовскихъ, Ворождъ, Велинскихъ, Покорскихъ, Губчиновъ и др., большая часть которыхъ хранится въ настоящее время въ его обширной библиотекѣ. Указывая на рукописные источники для своего сочиненія, авторъ дѣлаетъ и чрезвычайно интересныя указанія на историческую судьбу нѣкоторыхъ архивовъ, а также на мѣсто нахождения многихъ документовъ. Нечего и говорить, конечно, что въ настоящемъ трудѣ исчерпаны и все печатныя пособія для исторіи Малороссіи, какъ русскія, такъ и польскія, при чемъ отмѣчены промахи нѣкоторыхъ прежнихъ историографовъ (Вантышъ-Каменскаго, пресв. Филарета, Костомарова и др.). Если настоящій трудъ во всемъ его объемѣ будетъ доведенъ до конца въ такомъ же стройномъ изложеніи и съ такою же добросовѣстностью, каковыми качествами отличается настоящій выпускъ, то г. Лазаревскій сдѣлаетъ богатѣйшій вкладъ въ нашу историческую науку. Наша областная исторія въ высшей степени нуждается въ свѣдующихъ и талантливыхъ изслѣдованіяхъ, пока еще не все драгоцѣнные матеріалы погибли въ кладовыхъ и подвалахъ казенныхъ учреждений и на чердакахъ частныхъ лицъ.

В. Г.

Харьковскій сборникъ. Литературно-научное прибавленіе къ Харьковскому календарю на 1888-й годъ, подъ редакціей В. И. Касперова.

Харьковъ принадлежитъ къ небольшому числу нашихъ губернскихъ городовъ, гдѣ процвѣтаютъ — относительно — мѣстная литература и наука. Своею общественно-культурною дѣятельностью городъ, конечно, обязанъ университету, но въ немъ работаютъ на пользу общую и другія учрежденія, какъ напр.: статистическій комитетъ, не только «сочиняющій» статистику, но и дѣйствительно изслѣдующій явленія областной жизни, въ ея настоящемъ и прошедшемъ. Комитетъ издаетъ одинъ изъ лучшихъ провинціальныхъ календарей, гдѣ помѣщается не мало статей, относящихся къ изученію края. Теперь онъ издалъ, какъ приложение къ этому календарю, объемистый сборникъ въ 570 страницъ съ статьями, посвященными исторіи литературы, этнографіи, статистики, сельскому хозяйству, географіи края. Въ сборникѣ два отдѣла — статистико-экономическій и литературно-научный. Половину перваго отдѣла занимаетъ всестороннее описаніе сельско-хозяйственной выставки, бывшей въ Харьковѣ въ прошломъ году. 12 сотрудниковъ доставили разнаго рода статьи по коневодству, овцеводству, свиноводству, садоводству, земледѣльческимъ и техническимъ производствамъ, образцы которыхъ были на выставкѣ. Далѣе, въ этомъ отдѣлѣ помѣщено еще семь статей объ урожаяхъ хлѣбовъ въ губерніи, скотоводствѣ, торговлѣ, земскомъ ежегодникѣ, сельской общинѣ и кустарныхъ промыслахъ. Второй, литературно-научный отдѣлъ сборника еще богаче статьями и свѣдѣніями. Здѣсь перепечатано, съ примѣчаніями и введеніемъ любопытное «Топографическое описаніе Харьковскаго намѣстничества», появившееся въ Москвѣ ровно сто лѣтъ назадъ (въ 1788 году). Въ этомъ описаніи важны цифры и данныя, относящіяся къ первымъ годамъ учрежденія намѣстничества, и очень слаба историческая часть, трактующая «о бывшихъ въ сей странѣ съ древнихъ временъ перемѣнахъ», хотя свѣдѣнія по этому предмету ваяты изъ Абульгази, кн. Щербатова, Ахенвала и Пуфендорфа. Во введеніи рассматривается вопросъ: кѣмъ

составлено это описание: начальникомъ ли харьковскихъ училищъ Н. Переврзевымъ, какъ упоминаетъ митрополитъ Енгеній и ректоръ университета Рославскій-Петровскій, или какимъ-то капитаномъ арміи Н. Загоровскимъ, какъ свидѣтельствуетъ цензоръ. Авторъ введенія, Д. И. Вагалій, чтобы помирить два эти официальные извѣстія, говоритъ, что вѣроятно «Загоровскій принялъ на себя авторство передъ цензоромъ, и передалъ только литературную форму фактическому матеріалу, доставленному Переврзевымъ». Нельзя сказать, чтобы это объясненіе было удачно. Начальникъ училищъ, прибѣгающій къ литературной помощи армейскаго капитана, представлялъ бы странное явленіе даже въ Екатерининское время.

Изъ другихъ статей литературно-научнаго сборника любопытны «Народныя представленія и вѣрованія, относящіяся къ высшему міру». Авторъ приводит нѣсколько характеристическихъ примѣровъ крестьянскаго миро-совершенія, хотя и ограничиваетъ свои наблюденія слишкомъ узкимъ райономъ—однимъ Купянскимъ уѣдомъ. Несомнѣнно, вѣрованія эти раздѣляются и всѣмъ краемъ, если не всѣмъ южно-русскимъ населеніемъ. Дѣйствительно, въ сборникѣ Чубинскаго, Драгоманова и др. встрѣчаются такіе же легенды и повѣрья, какъ и въ статьѣ П. И. Чисто мѣстныхъ преданій въ ней не много. Въ нимъ можно отнести развѣ рассказъ о томъ, что мѣсяць — царь Папарымъ: «Когда Іисусъ Христосъ родился, то царь Иродъ, жалая погубить его, началъ гоняться за дѣвой Маріей. Однажды, преслѣдуемая Иродомъ, вбѣжала она въ хату женщины, у которой въ колыбели лежалъ младенецъ того же возраста какъ и Христосъ. Богородица бросила его въ топившуюся печь, на его мѣсто положила своего сына, а сама спряталась. Иродъ, войдя въ небу спросилъ, не была ли тутъ женщина съ груднымъ ребенкомъ? Хозяйка отвѣчала, что не была, и что въ колыбели ея сынъ. Когда Иродъ ушелъ, Богородица вынула изъ печи брошеннаго ею туда младенца: онъ не получилъ ни малѣйшаго обжога и когда выросъ, его назвали—царемъ Папарымомъ». Интересно было бы прослѣдить эту легенду и по другимъ источникамъ, но авторъ статья, приводя народныя повѣрья, не дѣлаетъ сравнительныхъ выводовъ. Въ статьѣ «Культурный уголокъ Харьковской губерніи» приводятся любопытныя свѣдѣнія о нѣсколькихъ интеллигентныхъ лицахъ, группировавшихся вокругъ писателя М. Палицына, помѣщика села Поповки, жившаго въ началѣ нынѣшняго столѣтія, о его дочери и друзьяхъ: Ярославскомъ, Алферовѣ, Станевичѣ, Карааниѣ и др. Вообще о мѣстныхъ дѣятеляхъ редакторъ Харьковскаго сборника тщательно собираетъ всѣ свѣдѣнія, помѣщаетъ некрологи профессора Ценковского и даже скромныхъ труженниковъ, какъ садовникъ Поликарповъ и педагогъ Лачинскій. Въ предисловіи къ сборнику г. Каснеровъ весьма сочувственно отзывается о своемъ предшественникѣ въ званіи члена-секретаря статистическаго комитета и составителя календарей П. С. Ефименко. На труды и заслуги его указывается весьма подробно, что весьма пріятно, такъ какъ у насъ, большею частью, всякій преемникъ начинается, если не съ отрицанія, то съ игнорированія трудовъ своего предшественника на какомъ бы то ни было поприщѣ.

Нельзя не остановиться также на статьѣ Н. Л.—скаго «Народныя колыбельныя пѣсни». Авторъ ея — не специалистъ, а студентъ, «не побоявшійся лѣтомъ зарабатывать мужицкимъ земледѣльческимъ трудомъ средства для прохожденія зимою университетскаго курса». Къ интересной статьѣ И. Зарѣцкаго «Запѣтка о древностяхъ Харьковской губерніи, слободы Лихачевки

Вогодуховскаго уѣзда), приложены рисунки замѣчательныхъ вещей, найденныхъ при раскопкахъ въ этой слободѣ. Сборникъ оканчивается обширнымъ отдѣломъ библиографіи, дающей отзывъ о книгахъ, вышедшихъ въ Харьковѣ, или написанныхъ мѣстными дѣятелями. Вообще, нашимъ университетскимъ и губернскимъ городамъ не мѣшало бы, хоть нрѣдка, издавать сборники въ родѣ составленнаго харьковскимъ статистическимъ комитетомъ. Сильно могло бы подвинуться тогда впередъ изученіе областей и провинцій нашего обширнаго отечества.

В. З.

Учебникъ русской исторіи, съ приложеніемъ родословной и хронологической таблицъ и указателя личныхъ именъ. Древняя Русь. Составилъ К. Елпатьевскій. Спб. 1888.

Учебникъ г. Елпатьевского излагаетъ событія русской исторіи съ основанія Руси до конца XVII столѣтія, т. е. до царствованія Θεодора Алексѣевича включительно. Г. Елпатьевскій начинаетъ свое руководство указаніемъ на источники для изученія русской исторіи и перечисляетъ главнѣйшіе изъ нихъ, а затѣмъ указываетъ и на важнѣйшіе научные труды по русской исторіи. Обзорніе источниковъ сдѣлано въ книгѣ ясно и сжато (всего 4 стр.). Далѣе курсъ русской исторіи ведется такъ же, какъ и въ другихъ руководствахъ; говорится о вліяніи природы Восточной Европы на русскую исторію, о древнѣйшихъ жителяхъ Восточной Европы, о славянахъ, ихъ бытѣ и расселеніи племенъ и, наконецъ, объ инородцахъ, жившихъ въ Восточной Европѣ въ IX вѣкѣ. Потомъ излагаются самыя событія русской исторіи, начиная съ призванія князей. Къ достоинствамъ учебника нужно отнести строгій выборъ фактовъ; въ немъ приводятся только тѣ изъ нихъ, которые имѣютъ крупное значеніе, а мелкія подробности, только затѣмняющія для учащихся суть дѣла и не мало не характеристичныя, благоразумно пропускаются. Этотъ приѣмъ много облегчаетъ дѣло прохожденія исторіи въ классѣ, а чтобы судить, насколько онъ труденъ для составителя и какого педагогическаго такта и опытности требуетъ отъ него, стоитъ только сравнить съ руководствомъ г. Елпатьевского нѣкоторыя мѣста такого распространеннаго учебника, какъ курсъ русской исторіи г. Иловайскаго. Сравненіе будетъ не къ выгодѣ послѣдняго ¹⁾. Кроме того, въ учебникѣ г. Елпатьевского нужно отмѣтить старательное, подробное и большею частью удачное освѣщеніе выдающихся событій нашей исторіи, чѣмъ учебникъ Иловайскаго, при всѣхъ его достоинствахъ, похвалиться не можетъ. Такъ при изложеніи событій удѣльнаго періода, наиболѣе труднаго при прохожденіи въ школѣ, г. Елпатьевскій помѣщаетъ статью объ основаніяхъ удѣльной системы и о причинахъ княжескихъ усобицъ, составленную по Соловьеву. Исторія удѣльнаго періода излагается сжато, но очень ясно; тутъ опять учебникъ г. Елпатьевского имѣетъ преимущество предъ руководствомъ Иловайскаго. Причины возвышенія Московскаго княжества и потери самостоятельности Юго-Запада Русью выяснены подробно и очень удачно. Прикрѣпленіе крестьянъ, учрежденіе патріарше-

¹⁾ Напримѣръ приводятся г. Иловайскимъ и пропускаются г. Елпатьевскимъ: мелкія подробности борьбы Святослава съ Цимихіемъ, разсказъ объ ослѣпленіи Василья, летописныя подробности борьбы Иваслава II съ Юріемъ Долгорукимъ довольно запутанныя и мало характерныя, и т. д.

ства, событія смутнаго времени, сношенія съ иностранцами при Михаилѣ Теодоровичѣ и подготовка къ преобразованію московскаго государства при Алексѣѣ Михайловичѣ изложены также очень обстоятельно. Наконецъ, гораздо подробнѣе и многостороннѣе, чѣмъ въ другихъ учебникахъ, въ руководствѣ г. Елпатьяевскаго излагаются событія внутренней жизни русскаго народа.

Изложеніе г. Елпатьяевскаго вообще удовлетворительно, хотя мѣстами слогъ его нѣсколько шероховатъ. Есть въ учебникѣ и недосмотры, которые, впрочемъ, легко исправить при слѣдующихъ изданіяхъ. Такъ въ разсказѣ о призваніи князей говорится, что они были призваны «по предложенію новгородскаго старѣйшины Гостомысла»: пора бы дѣдушку Гостомысла оставить въ покоѣ, какъ лицо совсѣмъ не историческое. Племя Русь, согласно принятому теперь въ наукѣ мнѣнію, не варяжское, а славянское. Въ описаніи внутренней состоянія Руси до татарщины напрасно вездѣ выдвигать норманское вліяніе: разъ призванные варяги—сборная дружина, вліяніе ихъ не могло быть замѣтно. Ледовое побоище было 1-го апрѣля 1242 года, а не въ 1241 году. Юрій Даниловичъ московскій княжилъ не до 1326, а до 1324 года. Дѣленіе русской исторіи на періоды, какъ совершенно не нужное и отчасти произвольное, можно было бы совсѣмъ выпустить. При разсказѣ о принятіи христіанства недостаточно выяснены причины его введенія, хотя хорошо указано на значеніе принятія его именно изъ Византіи, а не изъ Рима; также не указанъ путь, по которому распространялось христіанство. Далѣе, по нашему мнѣнію, слишкомъ сжато изложены усобицы при сыновьяхъ и внукахъ Ярослава Мудраго, и о половцахъ умѣстнѣе было бы сообщить бытовныя подробности при появленіи этого народа въ исторіи, а не при описаніи Черниговскаго и сѣверскаго княжествъ. Характеристикѣ московскихъ государей и указанія на значеніе ихъ дѣятельности, прямо заимствованныя изъ Соловьева, у г. Елпатьяевскаго напечатаны мелкимъ шрифтомъ, а по нашему мнѣнію, ихъ можно бы и совсѣмъ пропустить, такъ какъ ихъ прямое мѣсто—въ хрестоматіи по русской исторіи, здѣсь же они только увеличиваютъ объемъ книги. Но главнѣйшимъ недостаткомъ руководства г. Елпатьяевскаго служитъ то, что оно не представляетъ изъ себя законченнаго курса по русской исторіи, а доведено только до конца XVII вѣка. Вслѣдствіе этого преподаватель, вздумавшій проходить курсъ по этому руководству, былъ бы поставленъ въ необходимость заставить учениковъ покупать учебникъ два раза и, такимъ образомъ, платить вмѣсто одного рубля (стоимость книги гг. Иловайскаго и Елпатьяевскаго) два рубля. Кто знакомъ съ положеніемъ нашей средней семьи, гдѣ нерѣдко нѣсколько дѣтей учатся въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, тотъ пойметъ, что каждый новый рубль, который должны родители истратить на книги для ихъ дѣтей, ложится тяжкимъ бременемъ на ихъ бюджетъ.

И. В.

Русская исторія въ русской поэзіи. Сборникъ стихотвореній.

Составилъ Петръ Вейнбергъ. Спб. 1888.

Мысль издать сборникъ стихотвореній, относящихся къ лицамъ и событіямъ нашей исторіи, очень хорошая, хотя и не совсѣмъ новая: у г. Вейнберга были нѣкоторые предшественники, но это, впрочемъ, нисколько не умаляетъ достоинства его книжки. Значеніе сборника преимущественно педагогическое, и потому весьма важенъ выборъ для него матеріала. Первое мѣсто должно въ немъ принадлежать народнымъ историческимъ пѣснямъ,— эти пѣсни являются большею частью современнымъ отголоскомъ той эпохи,

къ которой относятся по содержанию, онѣ характеризуютъ народныя стремленія, и въ нихъ сказывается народный судъ, къ рѣшеніямъ котораго необходимо прислушиваться,—и мы должны отдать справедливость г. Вейнбергу, что онъ не поспешилъ включить ихъ въ свой сборникъ: начиная со стараго эпического творенія «Слова о полку Игоря», которое онъ помѣстилъ въ трехъ переводахъ: Майкова, Гербеля и Мея, г. Вейнбергъ приводитъ пѣсни о Щелканѣ Дудентевичѣ, Ермакѣ, покореніи Казани, убійствѣ Грознымъ сына, убіеніи царевича Дмитрія, Гришкѣ Отрепьевѣ, Михаилѣ Скопинѣ, Мининѣ и Пожарскомъ и др. Изъ произведеній нашихъ поэтовъ г. Вейнбергомъ помѣщены въ сборникѣ цѣлыя стихотворенія и большіе отрывки Державина, Ломоносова, Озерова, Дмитріева, Рылѣва, Пушкина, Жуковскаго, гр. А. Толстого, А. Н. Майкова, Я. П. Полонскаго, Некрасова и Мея. Выборъ стихотвореній и отрывковъ сдѣланъ по большей части весьма удовлетворительно, хотя нельзя не замѣтить, что новому, времени нашей исторіи отведено сравнительно мало мѣста, и въ этомъ отдѣлѣ желательны нѣкоторыя измѣненія, наприм., сократить заимствованія изъ Державина (оду «На Шведскій міръ» можно бы совсѣмъ выкинуть), ввести нѣкоторыя стихотворенія славянофильскихъ поэтовъ по поводу освобожденія крестьянъ, а теперь для этого великаго событія въ сборникѣ помѣщены только «Картинка» А. Н. Майкова и одно довольно блѣдное и риторичное стихотвореніе самого г. Вейнберга. Этого нѣсколько мало, но мы надѣемся, что при слѣдующемъ изданіи своей книжки г. Вейнбергъ самъ ее дополнитъ. В.

Лекціи по исторіи русскаго языка, А. И. Соболевскаго. Кіевъ. 1888.

Спеціальная критика, безъ сомнѣнія, оцѣнитъ этотъ новый трудъ автора, извѣстнаго своими основательными изслѣдованіями въ области древняго русскаго языка. Этотъ трудъ является первымъ, болѣе или менѣе полнымъ, сводомъ всѣхъ данныхъ по фонетикѣ и морфологій древняго русскаго языка, которыя до сихъ поръ даны спеціальными языковѣдами; значительная часть послѣднихъ принадлежитъ и самому г. Соболевскому. Вооруженный знаніемъ существующей литературы предмета и самъ отлично начитанный въ памятникахъ древняго русскаго языка, г. Соболевскій пользуется въ своемъ сочиненіи и историческимъ, и сравнительнымъ методомъ. Вопросъ о говорахъ древне-русскаго языка занимаетъ въ «Лекціяхъ» весьма видное мѣсто, и данныя этого рода даютъ автору богатые средства для многихъ весьма важныхъ и крайне любопытныхъ соображеній и сопоставленій. Г. Соболевскій рассматриваетъ историческое развитіе фонетическихъ и морфологическихъ особенностей русскаго языка на пространствѣ съ XI по XVI ст., когда приблизительно закончилось сложеніе этихъ его сторонъ. «Лекціи» г. Соболевскаго есть трудъ истинно научный, основанный на самостоятельномъ изученіи источниковъ, о послѣднихъ даны краткія свѣдѣнія во «введеніи», гдѣ представленъ также перечень рукописныхъ собраній, съ указаніемъ существующихъ имъ описаній. Послѣ каждаго отдѣла книги обстоятельно указана литература предмета; въ концѣ приложены образцы древне-русскаго склоненія и спряженія XI вѣка и три указателя: звуковъ, формъ и словъ. Остается желать теперь, чтобы синтаксическая и лексическая стороны нашего древняго языка дождались для себя подобнаго же изслѣдованія; впрочемъ, этому послѣднему должны еще предшествовать многія спеціальныя подготовительныя работы.

Е. П.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Нѣмецкій критикъ—бывшій русскій книгопродавецъ.—Оцѣнка нмъ современной русской литературы.—Характеристика Всеволода Гаршина.—Словарь русских писателей г. Венгерова въ оцѣнкѣ нѣмецкаго историка русской литературы.—Французскій критикъ о драмѣ Л. Н. Толстого.—Конференція о Л. Толстомъ, какъ объ историкѣ.—Двадцать четыре милліона войска.—Письма Эмина-паши.—Венеціанскіе дѣятели.—Эскимосы.—Католическая цензура, очищающая классическія сочиненія.—Исторія восточнаго авантюриста.

ТЪ ДАВНИХЪ ПОРЪ привыкли мы къ неблагодарности иностранцевъ, въ особеннѣсть нѣмцевъ, подолгу живущихъ въ Россіи, эксплуатирующихъ ее и потомъ, по возвращеніи на родину, осыпающихъ ее всевозможными клеветами. Презрительными отзывами о нашемъ отечествѣ отличается не только промышленный и торговый классъ, не имѣющій ни о чемъ понятія, кромѣ наживы, но и интеллигенція, пользующаяся возможностью ближе ознакомиться съ нами.

Тѣмъ пріятнѣе встрѣтятся съ исключеніями между лицами, имѣющими даже нѣкоторое основаніе жаловаться на Россію и, между тѣмъ, сохраняющими къ ней тощую симпатію. Намъ и въ прежнее время приходилось говорить въ «Историческомъ Вѣстникѣ» о бывшемъ русскомъ книгопродавцѣ-издателѣ Василіи Егоровичѣ Генкелѣ, имѣвшемъ въ Петербургѣ книжный магазинъ, гдѣ торговля велась честно и издававшимся критико-беллетристическій журналъ «Сѣверное Сіяніе» съ прекрасными гравюрами на стали изъ русской исторіи, жизни и литературы, «Библіотеку для дачъ» и равные сборники. Торговля его не пошла, изданія не имѣли успѣха, журналъ не просуществовалъ и трехъ лѣтъ, Генкель долженъ былъ ликвидировать свои дѣла и оставить Россію. Но и въ Германіи онъ сохранилъ къ намъ прежнія теплыя отношенія; зная основательно русскій языкъ, онъ занялся переводами на нѣмецкій нашихъ писателей—Тургенева, Достоевскаго и др. Теперь, поселившись въ Мюнхенѣ, онъ сотрудничаетъ въ серьезномъ критическомъ журналѣ «Magazin für die Litteratur des In-und Auslandes» и пишетъ статьи о Россіи. Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ помѣщена его статья «Современная русская литература» (Die heutige russische Litteratur). Лучшимъ свойствомъ отдѣльнаго лица, какъ и цѣлой націи, авторъ считаетъ самопознаніе (Selbsterkenntnis) и въ этомъ отношеніи русскіе стоятъ выше другихъ

народовъ. Особенно въ русской журналистикѣ, какъ настоящей, такъ и прошлаго времени, видно постоянное стремленіе улучшить нравы общества строгимъ обличеніемъ недостатковъ, злою сатирою общественныхъ пороковъ, беспощадною критикою народныхъ слабостей. Въ Россіи очень мало приверженцевъ теоріи «искусства для искусства» (*Kunst an und für sich*). Отъ него требуютъ служенія гуманнѣйшимъ дѣламъ. То, что считаютъ тенденціею у русскихъ писателей, составляетъ этическую основу всей русской литературы. Девизъ ея — стремленіе къ улучшенію не только въ искусствѣ, но въ социальной и политической жизни. Это не холодная дидактика, а живое увлеченіе, и именно это свойство заставило, въ послѣднее время, всѣ націи обратить вниманіе на русскую литературу и заняться ея изученіемъ. Этотъ жизненный принципъ, высказывающійся и въ современныхъ русскихъ романахъ, поборолъ скептицизмъ западной Европы и заставилъ ея критиковъ признать серьезное и универсальное значеніе русскихъ романовъ. Флоберъ и Зола открыто признали это прежде другихъ. Много оригинальныхъ силъ самобытнаго дарованія должны имѣть народъ, возбуждившій своими произведеніями интересъ въ такой классическо-цивилизированной странѣ какъ Франція. «Мы, однако, лучше иностранцевъ можемъ знать и оцѣнить своихъ писателей», — говоритъ г. Генкель, называющій себя въ своихъ статьяхъ русскимъ человѣкомъ, но смотря на то, что пишетъ по-нѣмецки. — «Западная литература знаетъ только нашихъ классическихъ писателей: Пушкинна, Лермонтова, Гоголя, Л. Толстого, Тургенева. Но мы не должны забывать и гг. Ясинскаго и Альбова». Изъ современныхъ писателей г. Генкель могъ бы привести и болѣе талантливыхъ беллетристовъ и самъ же, вслѣдъ вѣтѣмъ, называетъ гг. Чехова, Гаршина, Короленко, хотя сознается, что произведенія ихъ не производятъ сильнаго впечатлѣнія на публику. Не потому ли, что лица эти еще молоды? Но Лермонтовъ написалъ «Героя нашего времени», когда ему было 25 лѣтъ, Тургеневу не было 30-ти, когда онъ писалъ «Записки Охотника». Или равнодушіе читателей происходитъ оттого, что они устарѣли и утомлены (*gealtert und ermüdet*), потеряли юношескую впечатлительность? Но вѣдь названныхъ выше писателей пересчитываютъ съ прежнимъ увлеченіемъ; стало быть виновата не публика, а молодые таланты. Авторъ видитъ въ нихъ отсутствіе индивидуальности и широкаго міросозерцанія: «они не принадлежатъ ни къ какой философской школѣ и не исповѣдуютъ никакого этического принципа. Преобладающее свойство ихъ дарованія — индифферентная виртуозность». Не смотря на такое строгое осужденіе г. Генкель съ большимъ сочувствіемъ относится къ представителямъ новѣйшей русской литературы.

— Въ отдѣльной статьѣ послѣдняго номера нѣмецкаго журнала г. Генкель представляетъ характеристику недавно умершаго талантливаго беллетриста Вс. Гаршина. Еще въ прошломъ году вышли въ переводѣ г. Генкеля «Пессимистскіе рассказы» (*Wsewolod Garschin. Pessimistische Erzählungen. Aus dem Russischen übersetzt von Wilhelm Henckel*). Едва ли, впрочемъ, главное свойство рассказовъ Гаршина — пессимизмъ. Не одинъ пессимизмъ довелъ даровитаго писателя до сумасшествія и до самоубійства. Генкель довольно подробно рассказываетъ жизнь бѣднаго молодого человѣка, нѣсколько разъ испытывавшаго припадки душевной болѣзни, упорно боровагоса съ своимъ страшнымъ недугомъ и рѣшившагоса покончить съ собою, въ виду невозможности исцѣленія. Напрасно также нѣмецкій переводчикъ считаетъ Достоевскаго прототипомъ (*Vorbild*) Гаршина. Мягкая, впечатлительная, глупо-

боко любимшая все челоѣчество натура 33-лѣтняго самоубійцы диаметрально противоположна самолюбивой натурѣ автора «Карамановыхъ», считавшаго себя не только писателемъ, но и пророкомъ. Везвременную кончину Гаршина переводчикъ приписываетъ отчасти современному положенію русскаго общества, но надѣется, что народъ, столько перенесшій въ теченіе своей тысячелѣтней исторіи, побѣдитъ и настоящія ретроградныя тенденціи (Rückwärts-regieren).

— Другой знатокъ русскаго литературнаго, составившій лучшую исторію ея на нѣмецкомъ языкѣ, Александръ Рейнгольдтъ разбираетъ, въ томъ же журналѣ «Словарь русскіхъ писателей и ученыхъ» г. Венгерова (Ein russisches Schriftsteller- und Gelehrten-Lexicon). Отдавая полную справедливость этому дѣйствительно замѣчательному и серьезному труду, критику совершенно сходитъ въ его оцѣнкѣ съ сужденіемъ, высказаннымъ нашимъ журналомъ въ статьѣ «Наши энциклопедическіе словари». Упомянувъ о томъ, что г. Венгеромъ обѣщано кончить свой словарь въ теченіе десяти лѣтъ, Рейнгольдтъ доказываетъ невозможность этого предположенія. Съ первыхъ же выпусковъ словарь вышелъ изъ рамокъ, которыя поставилъ себя авторъ, съ первыхъ же шаговъ измѣнившій своему плану, занявшему въ тѣхъ же выпускахъ. Обѣщавъ дать не болѣе 25-ти страницъ такимъ писателямъ какъ Ломоносовъ, Бѣлинскій, Тургеневъ, Л. Толстой и болѣе 45 такимъ какъ Пушкинъ и Гоголь (почему же и не Лермонтовъ? спрашиваетъ нѣмецкій критикъ), г. Венгеромъ, видѣвъ этой разумной экономіи, посвящаетъ 51 страницу Сѣргію Аксакову, 26 Ивану Аксакову—безъ критической оцѣнки, которая войдетъ въ дополненіе и 117 страницъ (5, 6, и 7-й выпуски) Константину Аксакову! При такихъ условіяхъ словарь не умѣстится не только въ 200-хъ выпускахъ, но и въ 600-хъ. Мы знаемъ, къ тому же, что авторъ, занятый частной службою, не можетъ посвятить словарю всей своей дѣятельности, заслуживающей полнаго уваженія, и это еще болѣе заставляетъ сожалѣть о томъ, что въ стонильномъ населеніи Россіи не найдется и двухъ тысячъ лицъ, интересующихся исторіей своей литературы, которые, даже не подписываясь на словарь, пожертвовали бы четвертакъ за каждый выпускъ. А это дало бы возможность г. Венгеру бросить всѣ постороннія занятія и отдаться всецѣло своему полезному и добросовѣстному труду.

— О Л. Н. Толстомъ, вышли двѣ замѣчательныя статьи. Одна принадлежитъ Мельхиору Вогю и относится къ «Власти тьмы». Мы говорили уже объ исполненіи этой драмы, игранный въ Парижѣ не для публики, а для избранныхъ писателей и лицъ изъ высшей интеллигенціи. Дрaму попробовали потомъ дать въ Брюсселѣ и, наконецъ, для парижанъ. Успѣхъ былъ огромный и, по поводу его, поклонникъ Л. Толстого, французскій критикъ напечаталъ въ «Revue des deux mondes» свои выводы. Прежде всего онъ сознается, что ждалъ неуспѣха. Не только многія характерныя выраженія, но и вообще многія русскія понятія и черты народнаго быта совершенно непонятны для французовъ. Такъ появленіе пьянаго въ русскаго пьесѣ производитъ печальное впечатлѣніе, а на французской сценѣ смѣхъ, и французскіе критики ставили даже въ особую заслугу автору—умѣнье ввести комическій элементъ въ трагическое положеніе. По поводу замѣчанія, что «Власть тьмы» не болѣе какъ обыкновенная грубая мелодрама, въ которой нѣтъ ничего новаго, Вогю возражалъ, что новаго ничего нѣтъ на сценѣ да оно и не нужно. Все дѣло въ выраженіи, въ олицетвореніи мысли и чувства, въ силѣ творчества. Вѣдь и Гамлетъ и Отелло, по содержанію такія же мелодрамы. Реаль-

ность ужасных картин не мѣшаетъ гениальности произведенія. Еще Эсхилъ, Софоклъ, Еврипидъ не щадили нервовъ зрителей, желая именно возбудить чувство ужаса. Въ греческихъ драмахъ участвовали цари и герои, но культурный и нравственный уровень какого-нибудь Агамемнона, по мнѣнію Вогюэ, едва ли многимъ разнится отъ уровня Никиты или Акима. Этотъ выводъ французскаго критика, конечно, слишкомъ парадоксаленъ; но Вогюэ, совнаваясь, что лица драмы не тины, а исключеніе, допускаетъ умѣстность появленія ихъ на сценѣ, потому что театръ живетъ именно исключеніями и публика «уходитъ въ него отъ обыденной жизни». «Власть тьмы» сравнивали съ «Землею», Зола, но Вогюэ не находитъ между ними ничего общаго. Зола прежде всего — реалистъ, Толстой — моралистъ и реализмъ для него не цѣль, а средство. Вогюэ называетъ даже русскаго драматурга прямымъ преемникомъ Эскила, конечно, не по языку, а по глубокому пониманію человеческого сердца. Французскій критикъ забываетъ только, что въ «Орестіи» главная роль принадлежитъ роковому предопредѣленію, фатализму, изъ котораго вытекаютъ всѣ преступленія трилогіи, а въ драмѣ гр. Толстого убійство мужа нисколько не связано съ убійствомъ ребенка и приводима авторомъ мысль, что женщина — первый источникъ грѣха, хотя и вѣрна стариннымъ вѣрованіямъ, но антипатична современнымъ понятіямъ. Общій выводъ Вогюэ тотъ, что «Власть тьмы» — произведеніе, не выходящее изъ уровня посредственности. Это пожалуй и вѣрно, подля чего же тогда сравненіе съ Эскиломъ? Вообще, на приговоры французскаго критика о русскіяхъ произведеніяхъ полагаться нельзя. Не смотря на то, что онъ нигдѣ возможности видѣть въ Петербургѣ пьесы Островскаго, онъ высказываетъ объ нихъ очень неслѣдное сужденіе, сравнивая ихъ съ грубыми пьесами стараго французскаго репертуара, что не дѣлаетъ чести критическому чутью Вогюэ.

— Въ «школѣ политическихъ наукъ» Альбертъ Сорель читалъ лекцію о Толстомъ какъ объ историкѣ; она напечатана въ «Revue politique et littéraire», подъ заглавіемъ «Tolstoï historien». У русскаго историка своя философія и свой методъ при изложеніи событій. Въ «Войнѣ и Мирѣ» рассказана исторія Россіи отъ 1804 по 1812 годъ. Настоящій герой этой колоссальной эпопеи — русскій народъ въ борьбѣ съ вооруженнымъ западомъ, вторгнувшимся въ Россію. Первообразъ мыслей Л. Толстого о войнѣ Сорель находитъ въ книгѣ Жозефа де Местра: «Les soirées de St-Petersburg», появившейся въ 1809 году, не смотря на то, что Местръ былъ теократъ, а Л. Толстой, по мнѣнію французскаго критика — пигилистъ (!), но оба они какъ мистики, сходятся въ ученіи о предопредѣленіи, о томъ, что человекъ не имѣетъ своей воли и только слѣпое орудіе, дѣйствующее по предначертаніямъ провидѣнія. Русскій историкъ не признаетъ ни случайностей въ событіяхъ, ни рѣшительной роли въ нихъ, принадлежащей великимъ людямъ. Гениальныхъ людей онъ вообще не признаетъ ни въ Россіи, ни въ цѣломъ свѣтѣ, особенно на войнѣ, особенно между дипломатами, надъ которыми зло подсмѣивается. Сраженіе выигрывается тѣмъ, кто сильно желаетъ выиграть его. Русскіе одержали побѣду потому, что желали пламеннѣе своего спасенія, чѣмъ французы ихъ погибли. Сравнивая описаніе бородинской битвы у Толстого и Мериме, ватерлооской у Стендаля и аутстерлицкой у нашего романиста, Сорель отдаетъ преимущество Л. Толстому. Русскій историкъ очень строгъ въ отношеніи къ французамъ, но онъ еще болѣе строгъ къ нѣмцамъ, къ которымъ относится съ колоссальнымъ презрѣніемъ. Сорель возстаетъ противъ мнѣнія Толстого о ничтоже-

ствѣ Наполеона, не съумѣвшаго даже въ изгнаніи сохранить свое челоѣческое достоинство. И между тѣмъ, въ утро Аустерлица, на полѣ Бородина историкъ рисуеъ императора симпатичными красками: факты остаются всегда фактами и говорятъ сами за себя. Монтескье говорилъ не даромъ: «если бы не было Цезаря, его роль въ исторіи исполнилъ бы другой полководецъ». Общій выводъ Сореля тотъ, что если Толстой и не историкъ, то все-таки великій писатель.

— Разсужденія о вооруженныхъ силахъ разныхъ державъ Европы, выходящія во множествѣ на всѣхъ языкахъ, сводятся въ одинъ итогъ въ брошюрѣ «Двадцать четыре милліона бойцовъ» (24,000,000 de combattants). Цифру эту о численности современныхъ армій поручилъ Фроманъ вывести изъ официальныхъ документовъ сообщая также свѣдѣнія объ устройствѣ, составѣ, даже о военномъ духѣ разныхъ націй. И еще эти милліонныя цифры только приблизительныя, такъ какъ теперь происходятъ постоянныя измѣненія въ организаціи армій даже маленькихъ державъ. Что касается до характеристикъ этихъ армій, Фроманъ рѣшительно обо всѣхъ отзывается съ похвалою, неисключая австрійской, состоящей, въ равныхъ частяхъ, изъ славянъ, нѣмцевъ и венгровъ. Больше всего авторъ говоритъ о германской арміи, гдѣ офицеры пользуются почетомъ во всѣхъ слояхъ общества и сами о себѣ очень высокаго мнѣнія, и это убѣжденіе переходитъ къ солдатамъ. Безъ начальника нѣмецкіе солдаты теряютъ, впрочемъ, очень скоро свои хорошія боевыя качества. Мундиръ въ Германіи вообще въ большомъ уваженіи. О русской арміи авторъ самаго жесткаго мнѣнія и отдаеъ ей даже предпочтеніе передъ французской, потому, что «неудача не обезкураживаетъ русскаго солдата, поддерживаемаго фатализмомъ, и увлекаемаго впередъ дисциплиною». Не разъ отбитые, русскіе отряды упорно возобновляютъ атаку, отчего несутъ большія потери при равной численности силъ. Въ европейскихъ государствахъ военный и морской бюджетъ на 1888 годъ превосходитъ 4 миллиарда франковъ, кромѣ единовременныхъ затратъ на перевооруженіе, организацію резервовъ и ландверовъ, сооруженіе крѣпостей и стратегическихъ желѣзныхъ дорогъ. Во Франціи, съ 1871 года истрачено 2 миллиарда 300 милліоновъ на возобновленіе военныхъ силъ, кромѣ обыкновеннаго военнаго бюджета, поглотившаго въ 17 лѣтъ 14 миллиардовъ. А сколько же теряютъ государства въ живой рабочей силѣ народонаселенія, держа подъ ружьемъ 24,000,000 здоровыхъ, молодыхъ людей, тоестъ одну седьмую часть всего мужского населенія Европы. И это въ то время, когда при 52-хъ милліонномъ населеніи Сѣвероамериканскіе штаты содержатъ всего тридцатитысячную армію! И нѣтъ никакой надежды на уменьшеніе этихъ безумныхъ тратъ людей и милліардовъ. По примѣру Германіи и подъ ея угрозами, вся Европа обращается въ вооруженный лагерь и, при страшномъ столкновеніи націй, неминуемомъ при этомъ неестественномъ напряженіи боевыхъ силъ, никакія контрибуціи не вознаграждаютъ громадныхъ военныхъ издержекъ настоящаго времени. Если еще не начинаютъ борьбы, то потому, что предвидятъ всѣ ея ужасы. Франція, помня урокъ 1870 года, хотя и готова къ войнѣ, но конечно не начнетъ ее, если не будетъ вынуждена. Германію же можетъ принудить подняться—чрезмѣрность ея вооруженій.

— На англійскомъ языкѣ переведены письма и дневники Эмина-паша, губернатора отдаленнѣйшей провинціи Египта—верхняго Нила. (Emin-pasha in Central Africa, being a collection of his letters and journals). Этотъ смѣлый исследователь внутренней Африки, бывший лѣкарь въ войскѣ

генерала Гордона, былъ давно уже извѣстенъ своими научными изслѣдованіями, когда Гордонъ, цѣня его энергію и административныя способности, назначилъ его губернаторомъ. Восстаніе Махди въ Суданѣ, возвратившее независимость этой области, отдѣлило ее отъ нижняго Египта и прервало съ нимъ всѣ сообщенія земель, лежащихъ въ верховьяхъ Нила, и долгое время въ Европѣ не получалось никакихъ свѣдѣній о судьбѣ губернатора, окруженнаго возмущившимися племенами. Опасались, что онъ подвергся печальной участи Гордона, погбшаго въ Хартумѣ. Но потомъ, были получены извѣстія, что онъ держится въ своей провинціи съ небольшимъ числомъ преданныхъ ему людей. Чтобы помочь ему и войти съ нимъ въ сношенія, англичане отправили къ нему извѣстнаго Стенлея, открывшаго нѣкогда слѣды Ливингстона въ африканскихъ пустыняхъ и управлявшаго, въ послѣднее время, областью Конго. Отважный изслѣдователь Африки отправился на равнине Эмина-паша съ многочисленнымъ отрядомъ и не разъ приходилъ вѣсти, что онъ погибъ въ далекомъ и опасномъ пути. И теперь еще нѣтъ вѣрныхъ свѣдѣній, нашелъ ли Стенлей Эмина-пашу и въ какомъ положеніи. Письма и замѣтки его, изданныя его соотечественниками (Эминъ-паша—нѣмецъ по происхожденію) относятся къ первымъ годамъ его дѣятельности, какъ натуралиста и собирателя антропологическихъ и естественнонаучныхъ коллекцій, обогатившихъ музеи Европы рѣдкими и цѣнными предметами. Въ то же время читатель этихъ записокъ знакомятся и съ дѣйствіями Эмина-паша, какъ администратора. Въ теченіе одиннадцати лѣтъ управленія своею провинціею, онъ изслѣдовалъ ее нѣсколько разъ, былъ въ Угандѣ и на озерѣ Альбертъ-Ніанза, вездѣ болѣе всего заботясь объ уничтоженіи торгова невольниками. Услуги его, оказанныя въ этомъ отношеніи, чрезвычайно важны. Онъ положилъ конецъ разбойничьимъ набѣгамъ дикихъ племенъ и во многихъ мѣстностяхъ прекратилъ гнусную торговлю женщинами и дѣтьми. Эминъ-паша положительно убѣжденъ, что негритянскимъ племенамъ нельзя предоставить свободу въ ихъ международныхъ и даже внутреннихъ сношеніяхъ. Эти дикари постоянно будутъ нападать на своихъ сосѣдей, грабить ихъ, истреблять и продавать въ неволю. Безъ вмѣшательства европейцевъ невозможно водворить порядокъ между этими дѣтьми природы, непонимающими часто самыхъ простыхъ законовъ справедливости. Въ послѣднемъ письмѣ своемъ, отъ 17-го апрѣля прошлаго года, Эминъ-паша, замѣчая, что онъ остался послѣднимъ представителемъ штаба Гордона въ Африкѣ, обѣщаетъ твердо слѣдовать указаніямъ своего генерала въ управленіи племенами, хотя и возставшими теперь противъ власти Египта.

— Мистрисъ Олифантъ издала любопытныя историческія очерки, подъ названіемъ «Дѣятели Венеціи» (The makers of Venice). Книга составлена въ такомъ же родѣ какъ «Дѣятели Флоренціи», того же автора, появившіяся два года назадъ. Властными характеристикамъ Гвиччардини и Виллани этого послѣдняго сочиненія вполне отвѣчаютъ портреты Орсо, Николо Джустиніани, Тициана, Тинторета, Шетро Орсеоло, Карло Зено и другихъ выдающихся фигуръ XVI столѣтія. Одна изъ самыхъ трагическихъ фигуръ этой эпохи, извѣстный дожъ Маріно Фальеро, обрисованъ авторомъ особенно рельефно. Не смотря на то, что множество историковъ и повто въображали эту замѣчательную личность, многое въ немъ остается еще неразгаданнымъ и неяснымъ. Мистрисъ Олифантъ отвергаетъ, чтобы онъ имѣлъ какіе-нибудь личныя виды или расчеты, составляя съ народными вождями заговоръ противъ венеціанской олигархіи и совѣта десяти, лишавшаго дожа всякой

возможности сдѣлать что-нибудь хорошее для своей родины. Дѣйствительно, стараясь инвергнуть власть тайнаго совѣта, 77-миллітій дожъ не могъ увлечься личнымъ властолюбіемъ. Неменѣе удачны въ книгѣ английской писательницы характеристики Дандоло, Сабеллико и другихъ венеціанцевъ.

— Датчанинъ докторъ Ринкъ посвятилъ болѣе сорока лѣтъ своей жизни изученію эскимосовъ. Онъ издавъ уже объ нихъ два сочиненія, на английскомъ языкѣ, такъ какъ датскій языкъ мало извѣстенъ въ Европѣ. Въ первыхъ своихъ сочиненіяхъ Ринкъ описывалъ нравы, преданія, обычаи этого племени; въ вышедшемъ нынѣ томѣ онъ изучаетъ ихъ преимущественно съ лингвистической и этнографической стороны. Новый трудъ ученаго, жившаго 22 весны и 16 зимъ въ Гренландіи, носитъ названіе «Племена эскимосовъ, ихъ распредѣленіе и характеристики по отношенію къ языку» (*The Eskimo tribes, their distribution and characteristics, especially in regard to language*). Авторъ признаетъ ихъ не выходцами изъ Авіи, а американскими аборигенами. Эскимосовъ нѣтъ ни на Шницборгенѣ, ни на Новой землѣ. Племена, живущія по берегамъ европейскаго арктическаго моря: лапландцы, самоѣды, чукчи и др., не имѣютъ сношеній съ эскимосами, которыхъ только небольшое число живетъ на азіатскомъ берегу Берингова пролива и доходитъ до Ялуторска. Далѣе ихъ вытѣснили чукчи, такъ же какъ на Волыи якуты вытѣснили омоковъ, шеллоховъ, тунгусовъ и юкагировъ, нѣкогда населявшихъ эти страны. Но хотя чукчи, нравами близкіе къ корякамъ, по одеждѣ похожи на эскимосовъ и также придерживаются шаманства, азіатскія племена эскимосовъ никогда не переселяются въ Америку, тогда какъ американскіе эскимосы охотно ѣздятъ по ту сторону Берингова пролива и даже устраиваютъ на одномъ островѣ посреди пролива постоянную ярмарку, на которой производятъ мѣшную торговлю. Алеуты, по мнѣнію д-ра Ринка—отрасль эскимосовъ, смѣшавшихся съ чукчами и камчадалами. Авторъ описываетъ постепенное расселеніе эскимосовъ отъ запада къ востоку, а не наоборотъ. Большое сходство встрѣчается между жителями острова Ванкувера и эскимосами; но ни изъ языка, ни изъ обычаевъ племени, нельзя выводить положительныхъ заключеній о ихъ происхожденіи. Въ языкѣ эскимосовъ много словъ съ Гавайскихъ острововъ, но слова эти очевидно занесены въ Беринговъ проливъ китобойцами изъ южныхъ морей. Многія преданія нидійцевъ Британской Колумбіи напоминаютъ обычаи болѣе холодныхъ странъ, сходные съ эскимосскими. Племя это никогда не было европейскимъ, а тѣмъ болѣе не происходитъ отъ народа, занимавшаго въ палеолитическую эпоху сѣверъ Европы съ своими безчисленными стадами сѣверныхъ оленей. Извѣстно, что въ этомъ народѣ хотятъ видѣть родоначальниковъ европейскаго населенія—арійцевъ.

— Великіе писатели эпохи Возрожденія въ Италіи пользуются заслуженнымъ почетомъ, но не слѣдуетъ забывать, что сочиненія ихъ надо читать не въ итальянскихъ изданіяхъ, искаженныхъ папскою цензурою. Въ Миланѣ вышла брошюра Витторіо Чіана «Эпизодъ изъ исторіи цензуры въ Италіи въ XVI столѣтіи: очищенное изданіе «Царедворца» (*Un episodio della storia della censura in Italia nel secolo XVI. L'edizione purgata del «Cortegiano»*). Авторъ говоритъ, что клерикальная реакція, послѣдовавшая за Тридентскимъ соборомъ, была такъ сильна, что папская конгрегація потребовала «очищенія» всѣхъ распространенныхъ въ Италіи книгъ. Самое знаменитое «очищеніе» этого рода произошло съ Декамерономъ Бокачіо, не говоря уже объ искаженіи древнихъ классиковъ, въ духѣ требованій като-

лицизма. Чіанъ нашелъ и надалъ первоначальную рукопись «Царедворца» Вальтазара Кастильоне. Сборникъ этого друга Рафаэля включаетъ въ себя любопытныя рассказы, наблюденія, анекдоты, рисующіе дѣятели эпохи Возрожденія. Многіе изъ этихъ рассказовъ, судя по рукописи, принадлежащей теперь лаврентинской бібліотекѣ, выброшены или искажены цензурою; Чіанъ, авторъ біографіи кардинала Вембо и вышедшаго недавно оттуда «Galanterie italiane del secolo XVI», доказываетъ, что искаженіемъ «Царедворца» занимался богословъ Чикарелли при Сикстѣ V. Всѣ скабрзные и даже явно непристойныя анекдоты, цитируемыя Кастильоне, сохранены и оставлены безъ измѣненія въ печати, но вездѣ, гдѣ говорится о духовенствѣ текстъ значительно «очищенъ». Выброшены не только непочтительныя отзывы о патерахъ, но даже невинныя пасмѣшки надъ простыми монахами. Въ рассказахъ прелаты замѣнены вездѣ свѣтскими людьми. Такъ Кастильоне приводитъ слѣдующій отвѣтъ Рафаэля двумъ кардиналамъ, замѣтившимъ, что на одной картинѣ художника апостолы Петръ и Павелъ изображены съ красными слишкомъ лицами: «я сдѣлалъ это нарочно, чтобы показать, какъ должны краснѣть святые, видя съ высоты небесъ, что церковь управляется такими людьми какъ вы». Въ изданіи «очищенномъ» католическимъ прелатомъ, Рафаэль замѣненъ—древнимъ живописцемъ, кардиналы—римскими сенаторами, а апостолы—Ромуломъ и Ремомъ. Эта находчивость цензуры, работавшей три вѣка тому назадъ, не должна, впрочемъ, удивлять современниковъ, помнившихъ, какъ перекрестили Монсея въ Зорю, гугенотовъ въ гибеллиновъ и Вильгельма Телля въ Карла Сиблаго.

— Эдуардъ Локруа рассказываетъ любопытную біографію восточнаго авантюриста «Ахмеда-мясника» (Ahmed le boucher, la Syrie et l'Égypte au XIX siècle). Этотъ Ахмедъ родился въ Восніи и былъ христианиномъ. Совершивъ на роднѣхъ преступленіе, онъ бѣжалъ въ Стамбулъ, гдѣ былъ по-сильничкомъ, потомъ юнгою на каботажномъ суднѣ. Умирая съ голода, онъ продался жиду, перепродавшему его Али-бею, каирскому пашѣ. Ахмедъ 17-ти лѣтъ перешелъ въ мусульманство. Онъ былъ красивъ и силенъ, Али-бей поручилъ ему—убивать тѣхъ, отъ кого паша желалъ избавитися. Ахмедъ подстерегалъ на улицѣ намѣченную ему жертву и убивалъ ее ударомъ ножа въ сердце. Его прозвали «мясникомъ» (въ джедаръ) и стали бояться и уважать по ремеслу палача надобно ему, онъ сталъ не исполнять приказанія паша и тотъ велѣлъ убить его. Ахмеду съ трудомъ удалось бѣжать, переодевшись женщиной. Потомъ онъ является въ Сиріи, гдѣ 86-тилѣтній паша Сен-Жан-д'Акра Дагерсъ задумалъ отложиться отъ Порты. Его примѣру собрался послѣдовать эмиръ друзовъ Юсуфъ, у котораго Ахмедъ служилъ въ качествѣ шута. Эмиръ далъ въ управленіе своему любимцу Бейрутъ, и Ахмедъ вскорѣ же завладѣлъ городомъ, который Юсуфу пришлось осаждать. Ахмедъ неистовствовалъ въ захваченномъ имъ Бейрутѣ, жегъ церкви, истреблялъ жителей, бросалъ своихъ женъ въ воду, зашитыхъ въ мѣшки, замуравалъ въ стѣны воедвигнутаго имъ укрѣпленія двадцать христіанъ, «чтобы стѣны были крѣпче». Потомъ онъ принималъ участіе въ осадѣ Сен-Жан-д'Акра генераломъ Вонапарте и здѣсь авторъ выводитъ на сцену Мурата, Ланна, Клебера, англійскаго адмирала Сиднея Смита, Османа, пашу Дамаска, фабрикующаго подложныя фирманы отъ имени султана, въ то время, когда Ахмедъ убиваетъ татаръ, посланныхъ султаномъ, съ шнуркомъ къ непокорному вассалу. Вся эта исторія, полная крови, намѣчатъ и убійствъ, похожа на романъ, не смотря на свою историческую дѣйствительность.

ИЗЪ ПРОШЛАГО!

Святое письмо.

Е СМОТРИ на то, что русскій народъ отличается религиозностію, онъ имѣетъ очень смутныя понятія о главнѣйшихъ догматахъ вѣры и часто простодушно вѣрить самымъ нелѣпымъ сказаніямъ, если они только носятъ на себѣ религиозный характеръ. Незнакомый ни съ каноническими, ни съ апокрифическими книгами Православной Церкви, онъ не въ состояніи критически отнестись къ такимъ сказаніямъ и опредѣлить ихъ истинный характеръ. Велѣдствіе этого онъ нерѣдко становится жертвой или черезчуръ экзальтированныхъ лицъ, или, негнушающихся обманомъ, разныхъ странниковъ и странницъ. Въ крестьянскомъ быту можно услышать цѣлый рядъ разсказовъ о разныхъ явленіяхъ, голосахъ съ неба, путешествіяхъ по небесному царству и т. п. и, что особенно замѣчательно, все это приурочивается къ простой обыденной жизни. Въ явленіяхъ, голосахъ съ неба и пр. часто предсказывается какое-нибудь наказаніе за неисполненіе заповѣдей Божіихъ, пророчества о будущихъ бѣдствіяхъ и проч. Такія явленія и голоса чаще всего исходятъ отъ экзальтированныхъ людей, которыхъ гнететъ живая, идущая слишкомъ въ разрѣзъ съ религиозными требованіями, почему они и стараются найти своему душевному состоянію. Въ этихъ пророчествахъ и предсказаніяхъ они и находятъ свою миссію, становятся спокойными:—они удовлетворяются найденнымъ равновѣсіемъ—наказаніемъ за грѣхи. Народъ же, тоже смущаемый укорами совѣсти, въ простотѣ душевной, принимаетъ все это на вѣру и разноситъ по городамъ и весямъ. Съ другой стороны такимъ легковѣріемъ народа могутъ воспользоваться и разнаго рода пройдохи, чтобы поживиться на счетъ добродушнаго поселя-

нина. Они уже являются равносчиками и комментаторами равносмыслыхъ чудесъ и нерѣдко дополняютъ ихъ своими вымыслами, чтобы еще больше поразить крестьянъ. Часто въ такихъ сказаніяхъ можно въ концѣ встрѣтить и высказанную награду тѣмъ, кто будетъ вѣрить въ такія сказанія и письма; или кто ихъ будетъ пріобрѣтать въ собственность. Такихъ лицъ, говорится тамъ обыкновенно, или минуютъ предполагаемыя для міра наказанія, или они получаютъ особое благоволеніе и наследуютъ жизнь вѣчную. Къ такого рода сомнительнымъ произведеніямъ принадлежитъ и слѣдующее любопытное «Святое письмо», рассчитанное на легковѣріе народа. Оно было найдено гдѣ-то «около Лондона», какъ говорится въ предисловіи, и, вѣроятно, уже во многихъ спискахъ разошлось по святой Руси. Вотъ его полный заголовокъ: «Святое письмо, посланное чуднымъ образомъ Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ и писанное собственною его рукою золотыми литерами на еврейскомъ языкѣ. Оно было найдено въ 12 верстахъ отъ Семборта въ Лондонѣ съ изображеніемъ креста и истолковано семилѣтнимъ сиротою, который до того времени ничего не говорилъ». Содержаніе «письма» слѣдующее: «Я предписываю вамъ, говоритъ Господь: чтите святой день воскресеніе, будьте благочестивы; ежели не будете исполнять это, то не избѣгните моего проклятія; ибо я вамъ далъ шесть дней въ недѣлѣ для запятія вашего, а седьмой для отдохновенія и для присутствія при службѣ Возжей, правдивныя и воскресныя дни для вспомошествованія прощенія грѣховъ и спасенія вашего; если же будете наблюдать это правило, то ваши поля и дома наполнены будутъ благословенія, ежели напротивъ, то вы будете имѣть язву, голодъ и жестокія душевныя страданія въ ознаменованіе моего гнѣва,—и вы должны почитать пять пятницъ и читать пять разъ «Отче нашъ» и «Вогородицу» въ воспоминаніе Моихъ страданій и того, что Я претерпѣлъ на древѣ Креста для спасенія нашего. Вы должны носить сіе письмо на себѣ и давать всякому, кто будетъ просить; тѣ, которые усомнятся, или будутъ отвергать истину святаго письма, написаннаго моими устами, тѣ будутъ прокляты въ день суда, а которые будутъ объявлять о немъ и давать съ него всѣмъ тѣмъ копія, кто будетъ просить, тѣ благословлены мною; если они сдѣлали столько грѣховъ, сколько на небѣ звѣздъ, грѣхи сіи имъ будутъ прощены, когда, сдѣлавши ихъ, раскаются въ оскорбленіи столь милостиваго Бога и исповѣдуютъ оные священнику. Очень счастливы тѣ, которые возьмутъ копія съ сего письма и будутъ хранить на себѣ, или въ своихъ домахъ, съ большимъ благочестіемъ и вѣрою: никогда ялой духъ, ни градъ, ни огонь, ни язва, ни другое бѣдствіе, коснутся ихъ не можетъ».

Сообщено Е. Н. Омочиннымъ.

Къ исторіи чумы.

Въ 1770 и 1771 годахъ, во многихъ городахъ и въ особенности въ Москвѣ свирѣпствовала чума, похищая ежедневно сотни новыхъ и новыхъ жертвъ, наводя панику на населеніе и лишая его необходимой бодрости духа. Требовались чрезвычайныя мѣры какъ санитарныя, чтобы оvdоровить города и, по возможности, прекратить распространеніе «черной смерти», такъ и полицейскія, чтобы подавлять вспыхивавшія по мѣстамъ возмущенія и не дозволить народу скопляться въ толпы. Самая жестокая борьба съ «моровой язвой»

шла въ Москвѣ и тамъ рельефнѣе всего выражались какъ мѣропріятія начальства, такъ и состояніе духа народныхъ массъ. Самой большой заботой начальства было какъ можно болѣе изолировать районъ дѣйствія моровой яввы и не дать ей возможности распространяться по другимъ городамъ: Вслѣдствіе этого, напр., Москва была окружена цѣлымъ кордономъ войскъ, задерживавшимъ и никого не пропускавшимъ безъ нѣсколькихъ дней карантина. На большихъ трактахъ, ведущихъ отъ Москвы къ Тулѣ, Ярославлю, Смоленску и Петербургу, были устроены заставы, имѣвшія цѣлью воспрепятствовать свободному сообщенію зараженнаго города съ другими, гдѣ еще чума не появлялась. Въ самой Москвѣ эпидемія была до того сильна, что часто вымирали цѣлые дома и даже кварталы; почти на каждой улицѣ можно было встрѣтить домъ, мрачный и безлюдный, гдѣ не видѣлось ни обычной жизни, ни одного человѣческаго существа, развѣ только раздавался стонъ послѣдняго умирающаго, совершенно уже безнадежнаго и покинутаго всѣми. Какъ это ни жестоко казалось, но настоятельная необходимость и общественная безопасность требовали, чтобы больные вь дома, гдѣ проявлялась эпидемія, были тщательно изолированы, и ихъ дѣйствительно изолировали. Полицейскія власти принимали также строгія мѣры къ тому, чтобы прекратить народныя скопища и тѣмъ воспрепятствовать эпидеміи. Между тѣмъ, простой народъ, не понимая всей важности изоляціи больныхъ, не признавая, что въ одномъ прикосновеніи къ чумному болному можетъ заключаться смерть, былъ недоволенъ и возмущался всѣми распоряженіями высшей полицейской власти. Всѣмъ извѣстенъ эпизодъ изъ этого времени, страшный эпизодъ, закончившійся смертію московскаго архипастыря. Когда въ избѣжаніе народныхъ скопищъ было приказано перенести икону Иверской Возшеі Матери, предъ которой ежедневно собирались тысячи народа какъ здороваго, такъ и больного, и гдѣ легко могла быть, да несомнѣнно и была, самая дѣйствительная передача эпидеміи, то народъ, думая, что у него отнимали святыню и, не понявъ всей важности такого распоряженія, взбунтовался и закончилъ свою ярость убійствомъ архипастыря. Нѣтъ сомнѣнія, что для православнаго народонаселенія было важно прибѣгать къ вступничеству Бога и его святыхъ, но это можно было дѣлать не приходя въ соприкосновеніе съ людьми сомнительнаго здоровья. Такъ думало, вѣроятно, и московское высшее начальство и духовенство. Но вотъ передъ нами историческій документъ — указъ изъ костромской духовной консисторіи, — который показываетъ, что не вездѣ такъ думали представители духовенства и, въ своемъ похвальномъ усердіи заставить народонаселеніе обратиться къ покровительству Возшеі, зашли слишкомъ далеко. Вмѣсто того, чтобы стремиться къ прекращенію многолюдныхъ народныхъ собраній, они предписывали совершать крестные ходы вокругъ городовъ и селеній, даже тамъ, гдѣ уже была эпидемія. Конечно, тамъ, гдѣ не было заразы — это нѣсколько не вредило, а напротивъ помогало, поднимая упавшій народный духъ и давая ему необходимую нравственную стойкость; но тамъ, гдѣ эпидемія уже свирѣпствовала, это, понятно, приводило къ весьма плачевнымъ результатамъ. Очень любопытно познакомиться съ этимъ документомъ отчасти и потому, что изъ него видно, что уже въ ноябрѣ 1771 г. въ костромской епархіи начали появляться случаи чумнаго заболѣванія, хотя только въ немногихъ мѣстахъ. «Указъ Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссийскія, изъ Костромской Преосвященнаго Сімона, Епископа Костромскаго и Галицкаго, Духовной

Консисторіи, Вогородицкаго Игрицкаго монастыря игумену Героею збратію. Сего ноября 5 дня вданномъ отъ Его Преосвященства консисторіи приказаніи написано: Его Преосвященство, разсуждая по обстоятельствамъ, что хотя милосердіемъ Божиимъ здѣшній архіереопрестольный городъ и сохраняется отъ заразительной болѣзни, но по нѣкоторымъ мѣстамъ паствы Его Преосвященства оная входитъ и отъѣмлетъ нещадно чадь Его Преосвященства и братію о Господѣ, то и предпріялъ Его Преосвященство всѣхъ здѣшнихъ обывателей вторительно побудить къ особливому покаянію и молитвѣ, купно и къ благодаренію за оказанія по сіе время божескія щедроты, и въ силу другихъ церковныхъ узаконеній, такъ и состоявшагося 1730 году марта 17 дня имяннаго указа опредѣлили: быть посту на нѣкоторые дни и крестному хожденію, что и здѣсь исполняться имѣеть; а какъ въ епархіи Его Преосвященства имѣется и прочихъ городовъ, монастырей и селеній немалое число, то и во оныхъ всѣхъ мѣстахъ, гдѣ ежели благостію и милосердіемъ Божиимъ чада Его Преосвященства и братія о Господѣ отъ сей заразительной и опасной болѣзни сохраняемы суть, тѣмъ для благодаренія Вышнему и для предосторожности отъ оной болѣзни, а гдѣ оная по Его, Творца нашего, праведному Суду оказалась, то для покаянія и исправленія нравовъ и дабы преклонить Отца Небеснаго на милость,—опредѣляетъ Его Преосвященство быть слѣдующему: 1-е имѣть крестной ходъ, продолжая оной генерально отъ всего священства и народа въ Воскресный день, а естля гдѣ обширной городъ, то и на другой и на третій день сразу, когда ненастливая погода не воспрятствуетъ, что и чинить какъ по разсужденію первенствующаго священства и градоначальника,—а въ монастыряхъ и селеніяхъ, такъ же и гдѣ городъ не такъ пространный и обширный и можно обойти безъ дальняго труда въ одинъ день, тамо и исправлять то крестохожденіе вокругъ всего города, монастыря и селенія. 2-е. Предъ тѣми крестохожденіями длияи вавовѣдать всему народу тридневной постъ со особиявымъ прилежаніемъ и молитвой, чего ради и ходить ко всякой церковной службѣ усердно, а постъ совершенной разумѣется сухолденіе и ввечеру несовершенной же—имѣть и вареніе; но въ мясоостные дни, ежели гдѣ оныя прилучатся, то безъ мяса и рыбы, а буде въ постъ, то безъ рыбы; хмѣльнаго же ничего не пить во время поста, а во дни крестохожденія хотя по трудахъ и можно отъ вина и отъ нищи подкрѣпиться, но надлежитъ наблюдать, чтобы излишества, наипаче же пьянства не оказалось, да тако совершая трудолюбно усердіе въ покаяніи и молитвѣ возможемъ достойными оказаться получить милость Божию. 3-е. Какъ по всѣмъ церквамъ въ городѣхъ, такъ и монастыряхъ и селеніяхъ въ тѣ крестохожденія дни исправлять всенощныя бдѣнія дневнымъ святымъ съ приложеніемъ покаяннаго и святѣй Троицѣ канона въ требникѣ напечатаннаго, и эктевіи съ молитвою на литургіи,—а послѣ литургіи градскимъ священно-церковно-служителямъ собираться туда, откуда крестной ходъ имѣеть быть; а гдѣ въ селахъ не можно быть крестному ходу около селенія, тамо молебствіе совершать въ церкви послѣ литургіи, ноя изъ требника покаянные каноны и чтая молитвы, приличныя къ сему богомолію. Есть ли же обывателямъ разсудится и до трехъ разъ повторять сіе богомоліе, то Его Преосвященство благословляетъ и духомъ своимъ соприсутствовать ихъ усердію будетъ. О чемъ изъ консисторіи Галицкія въ провинціальныя канцелярію и магистратъ сообщитъ промеморіи, и куда надлежитъ послать указы. И по Ея Императорскаго Величества Указу, консисторію опредѣлено: въ силу

оного Его Преосвященства приказанія о достожджнѣмъ и непремѣнномъ всего вышеписаннаго исполненія въ галицкія провинціалныя канцелярію и магистратъ сообщить промеморіи, съ тѣмъ чтобы онѣ по всѣмъ городамъ всей своей провинціи къ непремѣнному того Его Преосвященства приказанію исполненію подтвердили указами, а во всѣ монастыри и духовныя правленія послать указы съ такимъ предписаніемъ, чтобы объ ономъ тѣ правленія (кромя галицкой провинціи и костромскаго правленія) дали знать во всѣ, по тѣмъ правленіямъ, присутственныя мѣста, а священно и церковно-служителямъ объявляли чрезъ десятоначальниковъ съ подписками, и когда сперва въ градѣхъ и монастыряхъ таковое молебствіе отправлено будетъ,—а потомъ и въ селахъ,—въ консисторію репортовать. О чемъ сей Указъ къ вамъ и посылается Вогородицкаго нгрицкаго монастыря игумену Герошею съ братією. Учинить о томъ по сему Ея Императорскаго Величества Указу. А въ прочія монастыри и правленія Указы и въ Галицкія провинціалныя канцелярію и магистратъ промеморіи посланы. Ноября 7 дня 1771 года. Іоаннъ Протопресвитеръ Успенскій».

Въ томъ же самомъ документѣ находится и небольшой перечень крестныхъ ходовъ, которые были сдѣланы въ эту достопамятную эпоху монастырскимъ духовенствомъ. Здѣсь перечислены только четыре крестныхъ хода—одинъ около монастыря подъ монастырскую слободу и три—въ сосѣднія деревни. Именно:

«1771 году мѣсяца ноября 19 дня первой ходъ былъ по чиноположенію вокругъ монастыря и въ подмонастырскую слободу.

«Второй былъ ходъ ноября 20 въ деревню Василево.

«Третій ходъ былъ ноября 21 въ деревню Терентіево.

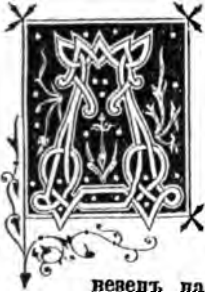
«Четвертый ходъ былъ ноября 27 въ деревню Злобино».

Сообщено Е. Н. Олечиннымъ.

С М Ъ С Ъ.

ВУХСОТЛѢТІЕ „Дѣдушки русскаго флота“. Въ маѣ 1688 года, Петръ I, какъ извѣстно, нашелъ въ амбарѣ села Измайлова англійскій ботъ, привезенный по Вѣлому морю черезъ Архангельскъ въ Москву, для Никиты Ивановича Романова, двоюроднаго брата царя Михаила Федоровича. На этомъ ботѣ, починенномъ Карстенномъ Врантомъ, служившемъ помощникомъ пушкаря на кораблѣ «Орелъ», построенномъ при Алексѣѣ Михайловичѣ и сожженномъ Стенькою Разиннымъ — Петръ I ѣздилъ по Яузѣ, учась управлять паруснымъ судномъ; потому ботъ былъ перевезенъ на Плещеево озеро, въ Переяславль, гдѣ молодой монархъ продолжалъ заниматься мореходствомъ, пока не положилъ начало русскому военному флоту. Послѣ Ништадтскаго мира, Петръ вспомнилъ объ этомъ ботѣ и съ торжествомъ привезъ его въ свою столицу изъ Шлиссельбурга, куда онъ былъ доставленъ по именному приказанію изъ Москвы. Впослѣдствіи церемонія встрѣчи ботика судами балтійскаго флота повторялась нѣсколько разъ до 1760 года, возобновлялась въ 1803, 1836 и 1872 годахъ. Теперь, историкъ нашего флота Э. Э. Веселаго издалъ свѣдѣнія о ботикѣ въ 200 лѣтъ и приложилъ рисунокъ его, снятый съ гравюры 1722 года. Величиною «ботикъ» не превосходитъ среднихъ размѣровъ шлюпки и вѣситъ нѣсколько менѣе 80 пудовъ. Длина его 19 футъ 9 дюймовъ, высота отъ кила до верха 2 фута 8 дюймовъ, ширина 6 футъ 5 дюймовъ и высота мачты 21 футъ; вооруженъ онъ четырьмя маленькими пушками и выкрашенъ красною краскою съ полосою вдоль борта, состоящею изъ бѣлыхъ, красныхъ и зеленыхъ треугольниковъ. Надъ этой полосою въ кормовой половинѣ, на нѣсколько возвышенной части борта, по черному полю нарисована желтою краскою гарлянда. На кормѣ, съ наружной стороны, представленъ старецъ съ посохомъ, въ бѣлой одеждѣ и красной шапкѣ съ крестомъ. Съ лѣвой стороны старца домъ, а съ правой стороны судно, идущее подъ парусами. Все торѣзано изъ дерева, какъ и двѣ головы, напоминающія львиныя и находящіяся подъ первою картиною. Съ внутренней стороны кормы, въ черномъ полѣ, на бѣломъ щитѣ изображенъ русскій гербъ. Артиллерія ботика состояла изъ четырехъ маленькихъ чугунныхъ пушекъ. Теперь онъ хранится близъ могилы основателя флота.

Открытие бюста Ематеринъ II передъ Обуховской больницей. 29-го мая состоялось торжественное открытіе бюста Екаторины II, сооруженнаго городскимъ самоуправленіемъ передъ главнымъ фасадомъ Обуховской мужской больницы, основательницей которой была покойная императрица. Густыя массы народа,

задолго до начала торжества, покрывали обѣ стороны набережной Фонтанки, между Обуховскимъ и Семеновскимъ мостами. Зданіе больницы было украшено группами флаговъ и декорировано цвѣтною матеріею. Литургію совершалъ главный священникъ арміи и флота. По окончаніи ея, изъ больничной церкви былъ совершенъ крестный ходъ къ иконѣ Божіей Матери всѣхъ скорбящихъ радости, помѣщающейся съ правой стороны вновь сооруженнаго бюста. По окончаніи молебствія полотно, скрывавшее изваяніе, было снято, и явился бюстъ императрицы, изображающій ее въ самую цвѣтущую эпоху ея дѣятельности. Голова императрицы украшена императорскою короною; плечи и грудь покрыты порфирой и императорскими регалиями. Бронзовый бюстъ поставленъ на черный гранитный пьедесталъ, на четырехъ сторонахъ котораго золотыми буквами сдѣланы слѣдующія надписи: 1) «Императрица Екатерина II — основательница Обуховской больницы». 2) «Больница основана въ 1784 г.». 3) «Сооруженъ с.-петербургскимъ городскимъ самоуправленіемъ въ 1888 г.». 4) «... Рѣкой благодѣяній покрылась вся страна!» (Отъици мнѣ «Феллицы» — Державина). Бюстъ работы скульптора А. И. Обера (отлитъ на заводѣ А. Морана), обошелся городу въ 7,200 рублей вмѣстѣ съ громаднымъ пьедесталомъ работы г. Вогта.

Пятистлѣтіе Борисо-Глѣбскаго монастыря. Въ г. Дмитровѣ, Московской губерніи, находится Борисо-Глѣбскій монастырь, торжественно праздновавшій, 2-го мая, свой пятистлѣтній юбилей. Наканунѣ этого торжества, Мисалъ, епископъ дмитровский, совершалъ всенощное бдѣніе, а въ самый день торжества литургія была совершена соборно съ игуменами и духовенствомъ окрестныхъ монастырей. Все населеніе Дмитрова, чтущаго свою древнюю святыню, а также жители окружающихъ селеній наполнили храмъ, монастырскій дворъ и его окрестности. По окончаніи богослуженія, въ помѣщеніи настоятеля монастыря, состоялось собраніе, на которомъ присутствовалъ Мисалъ, сказавшій рѣчь, законченную обращеніемъ къ благотворителямъ объ увѣковѣченіи этого достопамятнаго дня учрежденіемъ ремесленной школы при монастырѣ, о чемъ уже давно хлопочетъ настоятель о. Сергій. Въ собраніи было прочитано историческое изслѣдованіе Борисо-Глѣбскаго монастыря, составленное г. П. Выловымъ по рукописямъ, хранящимся въ монастырскомъ архивѣ. За обѣдомъ была получена телеграмма московскаго генералъ-губернатора, упоминавшая о заслугахъ монастыря: «Возвorno существующій пятьсотъ лѣтъ Борисо-Глѣбскій монастырь, по преданію, уходитъ еще болѣе въ глубь иѣконъ, являясь свидѣтельствомъ благочестія князя Юрія Владиміровича Долгорукова. Зародившеся такимъ образомъ почти одновременно съ Москвою, Борисо-Глѣбскій монастырь въ теченіе своей многолѣтней, подвижнической жизни былъ постояннымъ очевидцемъ и участникомъ долгаго періода собиранія и укрѣпленія русскаго царства. Это даетъ ему двойное право на народную привнательность и уваженіе: онъ составляетъ драгоцѣнное достояніе отечественной церкви».

Борисо-Глѣбскій монастырь существуетъ болѣе 500 лѣтъ; подлинныя свидѣнія о времени его основанія, какъ и первоначальныя жалованныя ему грамоты, сгорѣли въ Москвѣ во время разоренія ея поляками. Историки предполагаютъ, что начало монастыря относится ко второй половинѣ XII вѣка, ко времени построенія города Дмитрова, княземъ Ростовскимъ и Суздальскимъ, Юріемъ Владиміровичемъ Долгоруковымъ. По преданію, вошедшему въ «Историческое описаніе уѣдныхъ городовъ Московской губерніи», выданное при Екатеринѣ II, возникновеніе города Дмитрова объясняется слѣдующимъ образомъ: великій князь Юрій Долгоруковъ, въ 1154 г. возвращался изъ Кіева со всѣмъ дворомъ и войскомъ домой, въ свое Ростовское княжество. При переправѣ чрезъ рѣку Яхрому, гдѣ было селеніе «Великое Полюдь», супруга князя княгиня Ольга, бывшая греческая царевна, развѣрилась отъ бремени сыномъ, названнымъ при крещеніи Дмитріемъ. Образованный такимъ событіемъ, Юрій Владиміровичъ велѣлъ основать въ Великомъ Полюдь городъ и пере-

именовать его въ Дмитровѣ, въ честь своего сына Дмитрія. Во время своего существованія въ продолженіе пяти вѣковъ, Борисо-Глѣбскій монастырь неоднократно былъ разоряемъ неприятелями. Во время татарскаго ига его разоряли полчища Батыя; повдигше, въ началѣ XVII вѣка, монастырь былъ разграбленъ Сапѣгою, на возвратномъ пути изъ-подъ стѣны Троицко-Сергіевской лавры. Лишь подъ конецъ 1620 г., уже въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича монастырь былъ возобновленъ и 31-го декабря 1620 г. совершенно освященіе алтаря въ честь св. мучениковъ Бориса и Глѣба. Борисо-Глѣбскій монастырь первоначально находился подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ повгородскаго митрополита. Въ 1652 г. онъ приписанъ былъ къ новгородскому архіерейскому дому: вѣдѣніе состояло въ синодальномъ вѣдомствѣ, послѣ чего причисленъ къ переяславской епархіи. Въ то время за нимъ числилось 1214 душъ крестьянъ. Съ учрежденіемъ губерній при Екатеринѣ II, монастырь перечисленъ въ московскую епархію.

Археологическое Общество. Въ послѣднемъ засѣданіи этого Общества В. В. Латышевъ, авторъ капитальнаго эпиграфическаго труда «Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini», изданнаго русскимъ археологическимъ Обществомъ въ 1886 г., представилъ на разсмотрѣніе и утвержденіе собранія планъ приготовленнаго ученымъ авторомъ къ печати второго тома того же труда, въ который войдетъ еще около 300 надписей сѣвернаго берега Чернаго моря, найденныхъ въ предѣлахъ бывшаго Босфорскаго царства, т. е. въ Пантикапей (Керчь), Фанагоріи (Тамань) и т. д. Среди этихъ надписей преобладаютъ надгробныя (240), заключающія въ себѣ имена, какъ пантикапейскихъ гражданъ, такъ и проживавшихъ здѣсь иностранцевъ, пріѣзжавшихъ сюда съ разныхъ концовъ античнаго міра. Но сохранились также въ видѣ эпиграфическихъ обломковъ постановленія босфорскихъ архонтовъ и царей, надписи къ статуямъ въ честь римскихъ императоровъ и, между прочимъ, къ статуѣ въ честь Каракалы, воздвигнутой царемъ савроматовъ. По плану исследователя, труды котораго полны фактическаго матеріала, онъ намѣренъ предпослать обстоятельное историческое введеніе, освѣщающее всю эпоху, къ которой относятся данные памятники. Въ особомъ приложеніи къ этому замѣчательному труду дается сводъ всякаго рода историческихъ и эпиграфическихъ упоминаній о босфорцахъ, какія только дошли до насъ. Туземцами долины Сунджи (Герской области), до которыхъ не скоро еще, вѣроятно, дойдетъ запрещеніе археологической комиссіи не касаться безъ ея вѣдома до кургановъ, при раскопкахъ близъ аула Куллара, найденъ человѣчскій остовъ, на головѣ котораго надѣтъ былъ мѣдный шлемъ, украшенный золотымъ вѣнцомъ или короной, со множествомъ золотыхъ же привѣсокъ. Занимаясь археологическими изслѣдованіями и раскопками въ той же мѣстности, гр. А. А. Вобринскій имѣлъ случай быть въ Кулларахъ именно въ то время, когда эта корона была только-что отправлена въ Москву. Съ цѣлью сохранить для науки описаніе всѣхъ данныхъ, представляемыхъ раскопкой кургана, въ которомъ сдѣлана эта драгоценная находка, гр. Вобринскій произвелъ систематическое его обследованіе. Въ курганѣ сверху до низу оказалось нѣсколько рядовъ погребеній. Всего встрѣтилось болѣе 15 человѣческихъ остововъ въ различныхъ положеніяхъ, также остовы лошадей, вмѣстѣ съ различными предметами, всегда находимыми при раскопкѣ древнихъ могилъ. Наконецъ, нѣсколько ниже грунта, т. е. на глубинѣ 6—7 аршинъ отъ вершины кургана оказались костяки, погребенные въ узкихъ, продолговатыхъ канавахъ, заваленныхъ со всѣхъ сторонъ камнями и покрытыхъ глинобитнымъ сводомъ. Въ сторонѣ же отъ этихъ могилъ, расположенныхъ въ восточной и западной частяхъ кургана, въ сѣверной его части была найдена вышеуказанная корона, вовсе не на головѣ человѣческаго остова, а въ особомъ деревянномъ ковчегѣ, въ которомъ и лежалъ золотой вѣнецъ и 110 бусъ. Вѣнецъ былъ немедленно разбитъ нашедшими на нѣсколько частей, изъ которыхъ одну такъ и не удалось отыскать. Вышесказанная обстановка могильника была,

конечно, оставлена безъ вниманія туземцами, которые, въ числѣ 11 человекъ, 15 дней копали съ вершины кургана воронкообразную яму и, такимъ образомъ попали прямо на драгоценную находку и навлекли ее, не заботясь объ интересахъ науки. Опираясь на вышеназложенный фактъ, безусловно вредный для научной эксплуатаціи курганныхъ богатствъ, гр. Вобринскій указать на необходимость принятія административныхъ мѣръ къ огражденію древностей отъ нераціональнаго извлеченія ихъ изъ нѣдръ земли повѣжественными туземцами, причемъ желательно со стороны ученыхъ обществъ возможное содѣйствіе усиліямъ археологической комиссіи, направленнымъ въ эту сторону. Выстъ съ тѣмъ гр. Вобринскій сообщилъ, что такіа мѣры уже приняты кавказскими властями, которые весьма сочувственно отнеслись къ начинаніямъ комиссіи въ этомъ направленіи.

Ботикъ Петра Великаго. На торжественномъ празднествѣ 200-лѣтія основанія русскаго флота, конечно, будетъ отведено почетное мѣсто такъ называемому «Дѣдушкѣ русскаго флота». Не вспомнить ли въ это время и другого истиннаго, несомнѣннаго дѣдушку русскаго флота—ботикъ Петра Великаго, «Фортуна», приведенный имъ съ узкой Жувы на широкій просторъ Переяславскаго (Плещеева) озера и нынѣ, въ заброшенномъ видѣ, догнивающій свои послѣдніе дни? Въ Переяславлѣ сохранился въ подлинникѣ своеручный указъ великаго преобразователя, которымъ онъ вмѣняетъ въ обязанность переяславскимъ воеводамъ, подъ страхомъ кары имъ и потомкамъ ихъ за неисполненіе, хранить находящіяся въ Переяславлѣ фрегаты, яхты, галеры и ботики; но ни фрегатовъ, ни другихъ судовъ не сохранилось; сохранился лишь, я то въ полусгнившемъ видѣ, любимый ботикъ Петра «Фортуна», или «Фортуна», какъ вырѣзано на носовой его части, и его-то, а также и еще кое-какіе предметы, принадлежавшіе Петру или оставшіеся отъ него, взялось охранять владимірское дворянство. Правда, въ свои счастливыя времена, оно устроило нѣсколько зданій близъ села Велькова, въ 2—3 верстахъ отъ Переяслава, помѣстиво въ одномъ изъ нихъ этотъ ботикъ и Петровскій музей; но теперь зданія эти безъ ремонта валяются, нѣкоторыхъ вещей уже не видно, охрана и уходъ за музеемъ Богъ-вѣсть какіе, и ходятъ уже упорные слухи, что одно изъ зданій продается на сломъ, потому что ни поправить, ни содержать его нечѣмъ. Казалось бы, не частной корпорациі дѣло оберегать храненіе предметовъ, дорогихъ не одной ей, а всему русскому народу, иначе, при отсутствіи у оберегателей средствъ, драгоценнѣйшій для всей Руси памятникъ пернаго хожденія Петра по водамъ разсыпался въ прахъ и безслѣдно исчезъ для потомства. Кажется, что при празднованіи 200-лѣтія основанія флота, морскому вѣдомству не грѣхъ будетъ вспомнить заброшеннаго своего дѣда и принять мѣры къ сохраненію его остатковъ, а средствъ для этого потребуется не много.

Какъ у насъ жертвуютъ на памятники великимъ людямъ. Раскапывая волостные архивы Нолнскаго уѣзда, «археологъ» «Волжскаго Вѣстника» встрѣтилъ цѣлый рядъ любопытныхъ данныхъ о томъ, какъ собирались съ крестьянъ пожертвованія на памятники: Ломоносову, Карамзину, Державину и на стипендію имени Крылова. «Жители г. Архангельска, — читаемъ въ губернаторскомъ предписаніи, — сохраняя уваженіе къ памяти единосемца своего, статскаго совѣтника М. В. Ломоносова, изъявили желаніе воздвигнуть въ своемъ городѣ приличнѣйшій памятникъ сему незабвенному въ лѣтописяхъ отечественной словесности мужу». Въ концѣ 1826 г. вятскій губернаторъ поручилъ уѣздной администраціи собирать добровольныя пожертвованія. Нолнскій городничій расослалъ «жителямъ г. Нолнска разнаго ессловія приглашенія», а волостнымъ правленіямъ—строгіе приказы». Изъ приводимыхъ «рапортовъ» волостныхъ старшинъ видно, что волостное начальство поусердствовало повсемѣстно собирать волостныя сходки, на которыхъ «съ прочетомъ» и «растолкованіемъ» объявлялись приказы городничаго. Получались курьезныя отвѣты, напримѣръ, Архангельское волостное начальство категорически за-

явилось, «что на памятникъ событія статскому совѣтнику Ломоносову никого желающихъ не оказалось». Юртинское правленіе «съ покорностью» рапортовало, что «на послѣдовавшій памятникъ по разнымъ строгимъ предписаніямъ ко взысканію государственныхъ податей на предметъ сей денегъ собрать—остались въ прежней скудости и впередъ не желаютъ». На приглашеніе о подпискѣ на «монументъ російскаго исторіографа Карамзина» въ 1833 г. рапортовало Пильянское волостное правленіе: «Въ исполненіе приказа вашего н—дія отъ 10 минувшаго сентября за № 643, съ приложеніемъ подписнаго листка, правленіе сіе честь имѣеть представить отъ доброхотно-дателей пожертвованныхъ памятнику въ г. Симбирскѣ на сооруженіе исторіи графу Карамзину съ имяннымъ регистромъ собранныхъ съ поселаянъ денегъ 5 р. 54 к.». Нѣкоторые волостныя правленія, какъ напримѣръ, Никольское величало Карамзина—«незабвеннымъ графомъ Каменскимъ». Юртинское волостное правленіе зинететь—«незабвенный исторіографъ» — превратило въ «незабвенный старый графъ». Вознесенское правленіе сообщало исправнику, что «за всѣмъ стараніемъ къ пожертвованію памятника исконюрю (?) графу Карамзину въ гор. Симбирскѣ поселаянъ склонить не могло, отываясь якобы по неурожаю въ нынѣшнемъ году хлѣба». Вотылинское правленіе «убѣдительно» образомъ приглашало и употребляло къ оному дѣятельнѣйшія мѣры, но поселаяне, по бѣдному своему состоянію, пожертвованія не учинили». Кырчалское волостное правленіе пожертвовало на «содержаніе» памятника, архіерейское — на соображеніе (?) и т. д. Пѣвецъ «Фролицы» въ глазахъ жертвопателей представлялся «титулярнымъ совѣтникомъ Державинимъ». Впрочемъ, одно правленіе жертвовало въ 1832 году. «Почетному члену, дѣйствительному тайному совѣтнику Державину, стяжавшему безсмертную славу на поприщѣ повѣи». А далѣе слѣдовало: «по безграмотству» волостной голова приложилъ волостную печать. Въ 1838 году собиралась подписка на составленіе крыловской стипендіи. И вотъ во что превратилась «стипендія» въ подписныхъ листахъ. Крестьяне Лобанской и Архангельской волостей жертвовали «на составленіе крыловской станціи!» Подписной листъ Лобанскаго волостнаго правленія носитъ слѣдующій заголовокъ: «Списокъ Нолинскаго уѣзда, Лобанскаго волостнаго правленія, о пожертвованіи посоллными денегъ на составленіе крыловской станціи»...

Императоръ Николай и бѣловриницкіе раскольники. Въ № 7-мъ «Трудовъ» рязанской архивной комисіи помѣщенъ безъ пропусковъ любопытный документъ для исторіи раскола и также международныхъ отношеній Россіи, составленный г. Яхонтовимъ. Это — проектъ меморіи русскаго правительства австрійскому, отъ 10-го ноябра 1848 года, печатавшійся уже въ сборникѣ Кельсіева, но съ пропусками и невѣроятностями. Меморія касается Вѣлой Крипцы, какъ «гнѣда раскольниковъ иптригъ, устремленныхъ на Россію, при слишкомъ явномъ снисхожденіи австрійскаго правительства». Вообще, тонъ меморіи по отношенію къ Австріи — энергическій и даже властный, а резолюція императора Николая, требующая, чтобы «мнимый монастырь былъ немедленно закрытъ, а самованецъ епископъ высланъ, какъ бродяга», заканчивается категорическимъ объявленіемъ австрійскому правительству, что «ежели я не получу скорого удовлетворенія въ справедливыхъ моихъ настояніяхъ, то вынужденъ буду прибѣгнуть къ инымъ, крайне мнѣ прискорбнымъ, мѣрамъ». Вотъ какъ писали къ Австріи 40 лѣтъ назадъ, что объясняется, конечно, разгоравшимся тогда венгерскимъ восстаніемъ. Строгая вообще политика императора Николая противъ раскола съ особенною характерностью выражалась относительно возникшей въ 1846 году бѣлоривинской джеберархіи, основателемъ которой былъ, какъ извѣстно, съ большими хлопотами добытый тамошними раскольниками епископъ, бѣглый греческій митрополитъ Амвросій, ставившій поповъ не только для заграничныхъ раскольниковъ, но и для русскихъ, къ которымъ стали являться изъ-за границы попы и сборщики по-

данія. Русское правительство, особенно въ виду тогдашняго смутнаго положенія европейскихъ дѣлъ, преслѣдовало подобныя сношенія, считая ихъ «противозаконными связями за предѣлами отечества». Пользы отъ этого, впрочемъ, было мало, такъ какъ Вилокринціи монастырь уцѣлѣлъ и даже въ Россію продолжали прорываться изъ-за границы раскольническіе агенты. Это и вызвало строгую меморію, напоминающую, какъ предупредительно, даже прежде требованія австрійскихъ властей, отнеслось русское правительство къ подавленію въ своихъ предѣлахъ ученія ново-католиковъ, «которое есть не что иное, какъ расколъ въ нѣдрахъ католической церкви». Какъ видно, и тогда Австрія плохо соблюдала требованія взаимности по отношенію къ Россіи. Не лишне напоминать объ этомъ при случаѣ.

Музей г. Поля. Землеуладелецъ Верхнедѣпровскаго уѣзда г. Поля открылъ въ Екатеринославѣ археологическо-историческій музей. Музей этотъ представляетъ не просто случайное собраніе старинныхъ вещей, принадлежащихъ антикварію-любителю, а строго систематизированныя археологическія и историческія коллекціи изъ вещей, найденныхъ вообще на югѣ Россіи и преимущественно въ предѣлахъ Екатеринославской губерніи. Музей г. Поля занимаетъ 4 большихъ комнаты; при музее имѣется особый консерваторъ-археологъ, дающій публикѣ объясненія. Содержимое музея можетъ быть раздѣлено на 7 слѣдующихъ отдѣловъ: I-й, каменный вѣкъ; II-й, бронзовый вѣкъ; III-й, желѣзный (окмесаго древне-русскаго періода); IV-й, казацко-запорожскій періодъ; V-й, автографы и портреты наиболее выдающихся дѣателей Новороссіи и VII-й, общій, въ которомъ собраны вещи, не принадлежащія ни къ одному изъ предыдущихъ отдѣловъ.

Отчетъ Александровской публичной бібліотеки и «Зала императора Александра II», за 1887 годъ. Библіотека управлялась почетнымъ комитетомъ изъ 4-хъ членовъ подъ предѣлительствомъ городского головы, завѣдывали ею: Ю. Д. Богомолова и помощница ея А. Ѳ. Никольская. Библіотека и «Залъ императора Александра II», а также начатый формированіемъ публичный музей, помѣщались въ прежнемъ наемномъ домѣ. Къ 1-му января 1887 года бібліотека имѣла въ остаткѣ, залоговыхъ суммъ 2,415 р. Въ отчетномъ 1887 году поступило и записано на приходъ: залоговыхъ суммъ 2,470 р., ассигнованныхъ городскою думою на содержаніе бібліотеки 1,466 р., процентовъ и другихъ доходовъ—всего, съ остаткомъ отъ предыдущаго года, 9,507 р. 23 к.; въ нихъ: принадлежащихъ собственно бібліотекѣ 4,622 р. 23 к., израсходовано въ отчетномъ году 6,877 р. 23 к., затѣмъ къ 1 января 1888 года въ остаткѣ: залоговыхъ суммъ 2,595 р., принадлежащихъ бібліотекѣ 284 р. 96 к. Кроме того, городская дума выплачивала изъ городскихъ средствъ за наемъ помѣщенія для бібліотеки и «Зала» 1,500 руб. въ годъ и на отопленіе помѣщенія сторожей и кухни отпускала 12 сажень дровъ. Изданіе плановъ города Самары стоило бібліотекѣ 136 р. 20 к., отъ этого изданія бібліотека получила чистой прибыли 85 руб. и осталось еще не проданныхъ 210 экземпляровъ плана. На печатаніе каталога и 2-хъ къ нему прибавленій израсходовано 1,478 р. 73 к., каталоговъ продано 151 экз. и прибавленій 9 экз., за все выручено 194 р. 95 к. Слѣдовательно числится затраченными бібліотекою и еще не возвращенными отъ печатанія каталога 1,283 р. 78 к. и каталоговъ имѣется на лицо 1,002 экземпляра. А) Равными учеными обществами, учрежденіями, правительственными мѣстами и частными лицами въ 1887 году пожертвовано въ бібліотеку: 810 сочиненій въ 1,338-ми томахъ. Изъ періодическихъ изданій безплатно высланы въ бібліотеку 24 изданія. Приобрѣтено покупкою: русскихъ книгъ—364 наименованія, 662 тома, иностранныхъ—91 наименованіе, 97 томовъ, газетъ и журналовъ русскихъ и иностранныхъ 76 наименованій. Къ 1 января 1888 года по инвентарю бібліотеки состоитъ книгъ, брошюръ и періодическихъ изданій русскихъ и иностранныхъ 13,293 наименованія въ 23,231 переплетѣ и дублетовъ 452 наименованія въ 679 переплетахъ, а всего 13,745 наименованій въ 23,910 переплетахъ. Читательный

залъ библіотеки былъ открытъ для публики въ тѣ же дни и часы, что и въ прошломъ отчетномъ году. Посѣтителей въ немъ бывало ежедневно отъ 75 до 195 человекъ. Больше число посѣщеній приходилось на праздничные дни; въ зимніе мѣсяцы было болѣе посѣтителей, чѣмъ въ лѣтніе. Посѣщали залъ преимущественно чиновники, мѣщане и крестьяне. Посѣтители читали газеты, иллюстрированныя изданія и журналы, выложенныя на столахъ зала, а также справочныя изданія, находящіяся въ залѣ въ особо устроенныхъ стойкахъ. Требованіе книгъ изъ библіотеки въ читальный залъ было очень ограниченное. Въ отчетномъ году брали книги и періодическія изданія для чтенія на домъ 1,129 человекъ, болѣе всего мѣщане, воспитанники учебныхъ заведеній и чиновники. Изъ русскихъ писателей требовались чаще всего въ библіотекѣ: Толстой (Л. Н.) 1,063, Достоевскій 968 и Писемскій 856 разъ; изъ иностранныхъ: Дюма 492, Эмаръ 475 и Понсонъ дю-Террайль 466 разъ. Требовались чаще журналы: «Вѣстникъ Европы» 1,391 разъ «Русская Мысль» 1,346, «Русскій Вѣстникъ» 1,217, «Наблюдатель» 1,184 раза. Въ «Залъ императора Александра II» поступило отъ великаго князя Георгія Михайловича изданіе его высочества «Описаніе и изображеніе нѣкоторыхъ рѣдкихъ монетъ моего собранія». Спб. 1886, и передано изъ публичной библіотеки книгъ и брошюръ 38 наименованій и три альбома рисунковъ, относящихся до обмундированія войскъ. Частными лицами пожертвовано 12 различныхъ предметовъ. Въ формируемый публичный музей поступило также нѣсколько цѣнныхъ пожертвованій.

† Въ концѣ февраля въ Москвѣ Александръ Федоровичъ Малининъ, извѣстный московскій педагогъ и авторъ цѣлой серіи руководствъ по математикѣ и физикѣ, написанныхъ имъ однимъ или въ сотрудничествѣ съ другими лицами, главнымъ образомъ съ покойнымъ К. П. Вуренинымъ. Учебный отдѣлъ Общества распространія техническихъ занятій, гдѣ А. Ф. Малининъ состоялъ членомъ и былъ председателемъ комиссіи по устройству чтеній для воспитанниковъ среднихъ учебныхъ заведеній, почтилъ память покойнаго особымъ засѣданіемъ 21-го марта. А. Ф. Малининъ былъ сынъ штатнаго смотрителя уѣзднаго училища, который всѣ свои усилія и средства употребилъ на то, чтобы доставить дѣтямъ высшее образованіе. А. Ф. отличался и тогда уже значительными способностями и получалъ, какъ въ гимназіи, такъ и въ университетѣ, гдѣ онъ кончилъ курсъ еще очень молодымъ, по золотой медали. Въ гимназіи онъ особенно интересовался классическими языками, но, кончивъ курсъ по физико-математическому факультету, началъ свою педагогическую дѣятельность въ тверской гимназіи, откуда вскорѣ перешелъ въ 4-ю московскую. Затѣмъ былъ назначенъ директоромъ тульской гимназіи, а начиная съ 1872 г., съ основанія московскаго учительскаго института и до самой смерти состоялъ его директоромъ. Покойный былъ всесторонне образованъ, постоянно слѣдилъ за литературой, интересовался не только своей спеціальностью, но и другими отраслями науки, напримѣръ исторіей, даже грамматическія тонкости русскаго языка не были ему чужды. Онъ принялъ весьма дѣятельное участіе въ томъ переворотѣ въ педагогикѣ, который совершился у насъ въ 60 годахъ. Въ его учебникахъ впервые было устранено формальное, сухое, догматическое отношеніе къ наукѣ, господствовавшее до тѣхъ поръ, и замѣнено яснымъ, живымъ изложеніемъ. Отсюда и та популярность, которую пріобрѣли эти учебники. Его руководства, по которымъ учатся теперь вся грамотная Россія, распространялись въ огромныхъ количествахъ экземпляровъ: такъ, напримѣръ, «Собраніе арифметическихъ задачъ» въ количествѣ, превышающемъ 600,000 экземпляровъ, арифметика—въ 400,000 экз., остальные учебники хотя и въ меньшемъ числѣ, благодаря главнымъ образомъ тому, что А. Ф. почти для каждаго учебнаго заведенія писалъ отдѣльные учебники, но все же не менѣе, чѣмъ въ сотни тысячъ экземпляровъ каждаго. И тиражъ этихъ руководствъ, съ каждаго новымъ изданіемъ, уве-

личивался все болѣе. Такой успѣхъ объясняется, кромѣ системы и ясности изложенія, еще и тѣмъ, что А. Ѳ. Малининъ постоянно слѣдилъ за развитіемъ знаній и вводилъ въ учебники все то новое, что имѣло существенное научное значеніе и цѣнность. Съ основаніемъ учительскаго института его педагогическому таланту открылось новое поприще. Дѣло было совершенно новое, нужно было его организовать и поставить на правильныя основы, и А. Ѳ. выполнилъ эту задачу превосходно. Онъ не только самъ работалъ, но научалъ работать и всѣхъ окружающихъ его. Но этотъ обширный и постоянный трудъ не удовлетворялъ его отзывчивую на всякое общественное дѣло натуру, и онъ примкнулъ къ обществу распространенія техническихъ знаній, гдѣ организацией чтеній воспитанникамъ среднихъ учебныхъ заведеній оставилъ прочный слѣдъ и живую по себѣ память. Онъ умѣлъ также завести и дѣятельно поддерживать связь между учительскимъ институтомъ и уѣздными городскими училищами, куда поступали учителями его воспитанники. Какъ директоръ института, А. Ѳ. соединилъ всѣхъ его преподавателей въ одну тѣсную и работающую семью, гдѣ царствовала полная коллективность въ дѣлствіяхъ.

† 26-го марта, одинъ изъ смилантинскихъ недолгоговъ — полковникъ Андрей Ивановичъ Мамовъ. Онъ родился въ 1822 г., воспитывался въ первомъ кадетскомъ корпусѣ и числился на службѣ съ 1842 г. по инженернымъ войскамъ. Послѣдніе двадцать лѣтъ покойный былъ въ чинѣ полковника. Много разъ ему предлагали производство въ генералы, но онъ такъ свыкся съ своимъ положеніемъ, такъ сжился съ инженерной академіей и училищемъ, что систематически отказывался отъ всякаго повышенія по службѣ. Его награждали орденами, деньгами, знаками отличія, но онъ оставался среди молодого поколѣнія инженеровъ, которое беззаветно любилъ и которое ему было предано всею душой. Всѣ, кому случалось приходиться въ соприкосновеніи съ покойнымъ, относились къ нему съ глубокимъ уваженіемъ, съ такой искренней симпатіей, какая рѣдко выпадаетъ на долю человѣка. Онъ интересовался вопросами политики, науки и искусства, его постоянно окружали литераторы, художники, артисты. Всѣ цѣнили его оригинальные, подчасъ рѣзкіе, но всегда честные и прямые взгляды. Никогда никому покойный не лѣстилъ, никому не старался угодить, всегда и каждому говорилъ правду.

† Въ психиатрической больницѣ д-ра Фрея на 53-мъ году писатель Левъ Осиповичъ Леванда. Покойный помѣщалъ свои статьи, преимущественно беллетристическія изъ польскаго и еврейскаго быта, въ различныхъ журналахъ. Нѣкоторое время онъ состоялъ редакторомъ «Виленскаго Вѣстника». Изъ большихъ произведеній Леванды лучшіе романы: «Дѣло бакалейныхъ товаровъ», «Исповѣдь дѣльца», «Горячее сердце».

† 1-го мая, въ Вильнѣ, на 74-мъ году русско-галицкій общественный дѣятель Яковъ Федоровичъ Головацкій. Онъ родился въ Галиціи и, по окончаніи курса наукъ въ Пештскомъ и Львовскомъ университетахъ по философскому и богословскому факультетамъ, рукоположенъ въ 1843 г. викарнымъ священникомъ Папынскаго прихода, съ назначеніемъ законоучителемъ въ мѣстной школѣ. Въ 1847 г. получилъ самостоятельный приходъ въ Хмелевѣ, а въ 1848 г. приглашенъ Львовскимъ университетомъ на кафедру галицко-русскаго языка и литературы. Начиная съ этого времени Я. Ѳ. былъ ревностнымъ, самостоятельнымъ дѣятелемъ и членомъ разныхъ комиссій для развитія русскаго языка и правильной постановки преподаванія его въ учебныхъ заведеніяхъ Галиціи. Такъ, въ 1849 г. онъ состоялъ членомъ комиссіи по устройству народныхъ училищъ, комиссіи для перевода гражданскихъ законовъ на русскій языкъ, рассматривалъ различныя русскія книги и учебники, предназначенныя для среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній. Одновременно Я. Ѳ. состоялъ преподавателемъ русской словесности въ старшихъ классахъ львовскихъ академической и второй гимназій. Въ 1850 г. онъ получалъ за свои ученые труды дипломъ члена-корреспондента чешскаго

Общества наукъ въ Прагѣ. Затѣмъ званіе почетнаго члена Московскаго Общества исторіи и древностей руссійскихъ (1866 года), члена географическаго Общества въ Петербургѣ, золотой медали географическаго Общества, большой серебряной медали этнографическаго Общества въ Москвѣ, дѣйствительнаго члена Московскаго Археологическаго Общества, степени доктора Новороссійскаго университета, члена Общества любителей руссійской словесности въ Москвѣ, непрѣмннаго члена Общества естествознанія, антропологіи и этнографіи въ Москвѣ, золотой Уваровской медали за разборъ книги М. Цецуле: «Станиславъ-Августъ Понятовскій въ Гроднѣ и Литвѣ 1794—1797 гг.», Уваровской преміи въ 500 руб. за сочиненіе «Народныя пѣсни галицко-русскаго народа». За свое сочиненіе: «Географическій словарь западно-славянскихъ и юго-славянскихъ земель и прилежащихъ странъ съ картою» получилъ золотой перстень съ рубинами и брилліантами. Кромѣ того, М. О. составлена была славяно-русская хрестоматія для высшихъ классовъ галицкихъ гимназій и русско-нѣмецкій и нѣмецко-русскій словарь; имъ же выработана галицко-русская терминологія для учебника геометріи. Состоя профессоромъ Львовскаго университета, М. О. неоднократно избираемъ былъ въ должности декана и ректора этого университета, а именно деканомъ филологическаго факультета избранъ на 1857 и 1858 гг., и ректоромъ на 1863—1864 годъ. Съ 1867 г. Яковъ Федоровичъ перенесъ свою дѣятельность въ Вильну. 22-го декабря опредѣленъ предсѣдателемъ виленской комиссіи для разбора и издаванія древнихъ актовъ и въ этой должности оставался по день смерти; сверхъ того, съ 1871 г. состоялъ предсѣдателемъ временной комиссіи по устройству виленской публичной бібліотеки и музея, членомъ распорядительнаго комитета западнаго отдѣла русскаго географическаго Общества въ Вильнѣ и членомъ почительнаго совѣта при учебномъ округѣ.

† 7-го мая, въ городской богадѣльнѣ, послѣ продолжительной болѣзни одинъ изъ старѣйшихъ русскихъ актеровъ, Александръ Павловичъ Толченевъ. Выйдя въ 1845 г. изъ петербургскаго театральнаго училища, Толченевъ поступилъ въ русскую драматическую труппу и дебютировалъ на сценѣ Александринскаго театра въ водевилѣ «Подставной женихъ». Затѣмъ былъ дублетомъ покойнаго А. М. Максимова, выступая въ нѣкоторыхъ роляхъ его репертуара. Въ началѣ пятидесятихъ годовъ Толченевъ перешелъ на одесскую сцену, гдѣ въ то время была блестящая труппа, — въ составъ ея входили С. В. Шумскій, П. И. Орловъ, Воробьевъ, А. И. Шубертъ и др. Покойный не безъ успѣха занималъ амплу перваго любовника. Въ 1856 г. А. П. Толченевъ, за невяку въ срокъ изъ отпуска, былъ исключенъ изъ состава императорской русской драматической труппы и съ этого времени посвящалъ всю свою дѣятельность провинціи; долгое время игралъ въ Орлѣ. Въ 1875 г. прибылъ въ Петербургъ и до самой болѣзни игралъ на клубныхъ сценахъ. Три года тому назадъ, вслѣдствіе паралича, Толченевъ лишился возможности продолжать сценическую карьеру. Покойный написалъ и перевелъ нѣсколько пьесъ. Изъ оригинальныхъ пьесъ лучшія: комедія «Губернскія сплетни», водевилъ «Кутерьма 1-го апрѣля» и др. Изъ переводныхъ особенно долго держался на репертуарѣ провинціальныхъ сценъ — водевилъ «Рай Магомета». Кромѣ того, А. П. Толченевъ помѣщалъ въ журналахъ воспоминанія изъ театральной жизни. Часть ихъ была напечатана въ еженедѣльномъ «Новомъ Времени». Александръ Павловичъ былъ послѣдній сынъ трагическаго актера Павла Ивановича Толченова, игравшаго еще при Каратыгинѣ роли злодѣевъ въ мелодрамахъ, но въ концѣ своего артистическаго поприща, возбуждавшаго смѣхъ, а не ужасъ. Два старшіе брата Александра Павловича, Алексій и Яковъ также умершіе, не отличались сценическимъ дарованіемъ и рано оставили службу при театрѣ. Сестра покойнаго Екатерина также сошла со сцены послѣ неудачнаго дебюта.

† Алексій Владиміровичъ Вышеславцевъ, родился въ Кирсановскомъ уѣздѣ, г. с. Караулѣ, 20-го мая 1831 г. Поступивъ 10 лѣтъ въ московскій дворян-

скій институтъ, онъ окончилъ тамъ курсъ и въ 1848 г. поступилъ на медицинскій факультетъ Московскаго университета. Окончивъ курсъ, онъ во время начавшейся Крымской кампаніи поступилъ лѣкаремъ въ полтавскій пѣхотный полкъ и съ 30-го апрѣля по 30-е августа находился съ полкомъ въ Севастополѣ, на Малаховомъ курганѣ. По окончаніи войны, онъ поступилъ лѣкаремъ на клинерь «Пластунъ», который въ составѣ эскадры адмирала Попова сдѣлалъ въ продолженіе трехъ лѣтъ (1857—1859 гг.) кругосвѣтное плаваніе. Во время освобожденія крестьянъ Вышеславцевъ былъ въ маѣ 1861 г. мировымъ посредникомъ въ 6-мъ участіи Тамбовскаго уѣзда и въ этой должности прослужилъ 3 года. Въ 1865 г. онъ перешелъ въ государственный контроль и состоялъ управляющимъ контрольныхъ палатъ: черниговской 2 года, одесской—5 лѣтъ и варшавской—4 года. Въ 1876 г. по болѣзни вышелъ въ отставку и большую часть жилъ въ своемъ имѣніи въ селѣ Волконщинѣ, Тамбовскаго уѣзда. Но государственною службою дѣятельность его не ограничивалась: нѣсколько разъ онъ ѣздилъ въ Италію, посѣтилъ Грецію и Константинополь; кромѣ того, постоянно занимался исторіею живописи, много писалъ по этому предмету и издавалъ свои книги объ искусствѣ, за что Академія Художествъ дала ему званіе почетнаго члена общника. Изъ напечатанныхъ его сочиненій лучшія: 1) «6-е іюня въ Севастополѣ»; 2) «30-е августа въ Севастополѣ»; 3) «Сутки на Малаховомъ курганѣ»; 4) «Очерки перомъ и карандашемъ изъ кругосвѣтнаго плаванія» (изданіе иллюстрировано по его рисункамъ); 5) «Вогоматеръ съ младенцемъ, Донателло»; 6) «Между храмовъ и развалинъ» (напечатано въ «Русскомъ Вѣстникѣ»); 7) «Джіото и Джіотисти»; 8) «Искусство Итали въ XV вѣкѣ» (Флоренція); 9) «Умбріо и школы сѣверной Итали» и 10) «Полная біографія Рафаэля» (первыя двѣ части этого сочиненія были напечатаны въ «Русскомъ Вѣстникѣ»; все же сочиненіе готовится къ изданію въ нынѣшнемъ году). Занятіямъ живописью онъ также не мало посвящалъ своего труда, а въ послѣднее время исключительно предавался писанію образовъ для иконостаса въ церковь строящагося въ Тамбовѣ пріюта св. Елисаветы. Въ день смерти еще не покидала его эта забота, и за нѣсколько часовъ до послѣдняго выдоха онъ написалъ и отправилъ письмо петербургскому рѣзчику, которому заказанъ иконостасъ. Всей живописной работѣ по иконостасу онъ окончить не успѣлъ и исполнѣны только царскія врата, т. е. 4 евангелиста и Благовѣщеніе, которое было послѣднимъ его произведеніемъ. Всѣ труды его по исторіи искусствъ сосредоточивались на наученіи Рафаэля. При своей извѣстности въ литературѣ и наукѣ, онъ всѣмъ былъ дорогъ, какъ человѣкъ съ самыми симпатичными чертами.

† На Гардскомъ озерѣ, въ городкѣ Рива, Карлъ Карловичъ Нейманъ. Страна была судьба этого даровитаго человѣка. Сынъ рижскаго бургомистра, К. К. блестяще окончилъ курсъ въ Дерптскомъ университетѣ и, послѣ недолгаго подготовленія въ Пулковской обсерваторіи, былъ посланъ, въ пятидесятыхъ годахъ, въ Пекинъ, начальникомъ пекинской обсерваторіи. Доѣхавъ благополучно до Красноярска, онъ нашелъ тамъ нѣсколькихъ земляковъ въ числѣ мѣстныхъ аптекарскихъ служившихъ и—вострагъ вдѣсь на цѣлые годы. Увлеченный въ кутежи, К. К. забылъ и о своемъ назначеніи и о вѣренномъ ему транспортѣ инструментовъ. Всѣ считали его человѣкомъ навсегда потеряннымъ. Въ шестидесятыхъ годахъ онъ кое-какъ добрался до Иркутска и—опять пристроился къ аптекѣ. Но тутъ на него обратили вниманіе нѣкоторые изъ членовъ сибирскаго отдѣла и онъ привлеченъ былъ къ занятіямъ въ отдѣлѣ. Въ 1868 г. онъ избранъ въ члены отдѣла и въ члены распорядительнаго комитета, а въ 1869 г. посланъ былъ въ чукотскую экспедицію, съ чиновникомъ, барономъ Майделемъ. Плодами послѣдней экспедиціи были, кромѣ отчетовъ, богатая этнографическая коллекція, которая сгорѣла въ пожаръ 1879 г. Отчеты по экспедиціи помѣщены въ «Извѣстіяхъ» отдѣла. Въ 1871 г. К. К. совершена экспедиція въ Тунисскій край и на оз. Косоголъ. Вскорѣ

онъ избранъ былъ въ правители дѣлъ отдѣла и въ этой должности пробылъ 3 года, читая лекціи на общихъ собраніяхъ. Карлъ Карловичъ не былъ только ученымъ специалистомъ,—это былъ человекъ вполне общественный.— При учрежденіи въ Иркутскѣ общественной гимназіи, онъ приглашенъ былъ въ нее преподавателемъ математическихъ наукъ, потомъ избранъ въ инспекторы этого заведенія. Любопытная черта изъ жизни покойнаго: отправляясь на десятокъ лѣтъ изъ Дерпта въ Китай, онъ оставилъ на роднѣхъ невѣсту. Цѣлыхъ двадцать лѣтъ ждала невѣста своего жениха. И вотъ, по возвращеніи его изъ Сибири, въ 70-хъ годахъ, они женились и, счастливые и обеспеченные, провели нѣсколько лѣтъ на Барромеискихъ островахъ...

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Въ майской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» я съ особеннымъ удовольствіемъ прочтала «Воспоминанія М. Д. Францевой». Эта статья представляла для меня особенный интересъ уже потому, что почти всѣ описанныя въ ней лица, начиная съ почтеннаго отца М. Д., были мнѣ хорошо извѣстны; у декабристовъ же, проживавшихъ въ городѣ Ялуторовскѣ, я, по прибытіи моемъ на службу въ этотъ городъ, въ 1839 году, будучи всего 17-ти лѣтъ, былъ принятъ, какъ родной; а черезъ нихъ, увѣжая почти каждаго годна на канвулярное время въ городъ Тобольскъ¹⁾, познакомился здѣсь и съ товарищами ихъ по ссылке.

Еще за два или за три мѣсяца до смерти глубокоуважаемаго Матвѣя Ивановича Муравьева-Апостола я имѣлъ честь получить отъ него фотографическую карточку его, при письмѣ воспитанницы Августы Матвѣевны, урожденной Собоновичъ, такъ какъ Матвѣй Ивановичъ по преклонности лѣтъ и за слабостію зрѣнія—самъ писать уже не могъ.

Все это я пишу съ тою цѣлію, чтобы, указавъ на довольно близкое знакомство мое со многими изъ лицъ, описываемыхъ почтенною Марьею Дмитриевною, имѣть поводъ и основаніе указать на нѣкоторыя неточности, вкрапившіяся, къ сожалѣнію, въ весьма интересную статью ея. Вотъ напримѣръ:

Стр. 390. «Между ними (сосланными въ Тобольскъ по политическимъ дѣламъ поляками) особенно отличался нѣкто графъ Мархидскій». Такого графа ни въ Тобольскѣ, ни даже въ Сибири, не бывало; а жилъ въ Тобольскѣ нѣкто графъ Маркотскій, который дѣйствительно хорошо былъ знакомъ съ декабристами и вообще считался прекраснымъ пьанистомъ.

Тамъ же. «Фонъ-Визинны вели жизнь хотя скромную . . . а также по родству съ генералъ-губернаторомъ княземъ Горчаковымъ, который бывалъ у нихъ вѣрнѣе, какъ близкій родственникъ». Не совсѣмъ вѣрно: Горчаковъ, державшій себя недоступнымъ вельможею и отличавшійся особеннымъ деспотизмомъ въ сферѣ вѣреннаго ему управленія, мало придавалъ цѣны своему знакомству съ Фонъ-Визинными; было ли это слѣдствіемъ его характера, или же изъ опасенія доносовъ на близкія сношенія свои съ декабристами,—уже не знаю. Только знаю, что у Фонъ-Визинныхъ онъ не только бывалъ рѣдко, но иногда не дѣлалъ для нихъ даже и того, чего они въ правѣ были ожидать отъ него. Это подтверждаютъ и сами Фонъ-Визинны въ запискахъ своихъ, помѣщенныхъ—если не ошибаюсь—въ «Русской Старинѣ».

Стр. 391. «Народъ на куски разорвалъ несчастныхъ исправника и засѣдателя (Курганскихъ). Ничего подобнаго не было. Во время крестьянскихъ волненій въ Курганскомъ округѣ должность исправника отправлялъ засѣдатель А. Н. Никитинъ; а участковымъ засѣдателемъ, командированнымъ для усмиренія крестьянъ, былъ нѣкто молодой человекъ Долговъ. Оба они не потерпѣли ни малѣйшей несправедливости отъ крестьянъ и вышли изъ тогдашнихъ смутъ, не сопровождавшихся особыми насиліями въ Курганскомъ округѣ, цѣлы и невредимы. Долговъ впоследствии возвратился въ Россію, на родину,

¹⁾ Я былъ тогда учителемъ русскаго языка въ Ялуторовскомъ уѣздномъ училищѣ.

и Никитинъ спокойно умеръ въ Курганѣ. Обоимъ ихъ я зналъ хорошо; а съ Никитинымъ былъ даже въ дружбѣ и свойствѣ. Вѣснорнымъ доказательствомъ словъ моихъ въ этомъ отношеніи можетъ служить подлинное дѣло «О крестьянскихъ волненіяхъ въ Ялуторовскомъ и Курганскомъ округахъ въ 1843 году», хранящееся подъ № 3661 въ архивѣ бывшаго Главнаго Управленія З. Сибири, въ г. Омскѣ. Составленная изъ этого дѣла выписка помѣщена была извѣстнымъ любителемъ сибирской старины А. Ф. Денисовымъ въ неофициальномъ отдѣлѣ «Тобольскихъ Губ. Вѣдомостей», въ началѣ настоящаго 1888 года.

Стр. 407. «Тамъ онъ (т. е. въ Курганѣ—П. Н. Свистуновъ) женился на дочери исправника».

Опять не вѣрно. Петръ Николаевичъ Свистуновъ женился на дочери не исправника, а квартальнаго надзирателя Степана Неугодикина, Татьянѣ Степановнѣ, Александровнѣ же величали ее почему-то въ честь крестнаго отца ея, бывшаго курганскаго исправника А. И. Дуранова, не имѣвшаго дѣтей. Съ братомъ Татьяны Степановны, или Александровны, я воспитывался вмѣстѣ въ пансіонѣ при Тобольской гимназіи; впоследствии онъ былъ смотрителемъ Тюменскихъ училищъ и умеръ дѣтъ 8 тому назадъ въ отставкѣ въ г. Туринскѣ.

II.

Въ 6-й книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за 1888 годъ, въ статьѣ «Первенецъ богемы», составителемъ статьи или вѣрнѣе автобіографіи В. П. Бурнашевымъ сдѣланъ довольно рѣзкій отзывъ о духовенствѣ Подольской епархіи, Летичевскаго и Валтаскаго уѣздовъ, въ 60-хъ годахъ.

Въ теченіе 11-ти лѣтъ управляя Подольскою епархіею въ описываемое Бурнашевымъ время, изучивши достаточно мѣстное духовенство, нравственную его сторону, частную и общественную жизнь, я рѣшительно отрицаю возможность существованія въ средѣ подольскаго духовенства личностей, подобныхъ указываемымъ Бурнашевымъ, и долгомъ чести считаю протестовать противъ его отзывовъ, оскорбительныхъ для всего духовенства Подольской епархіи.

Бурнашевъ, состоя на службѣ въ Подоліи, извѣстенъ былъ, какъ чело-вѣкъ крайне односторонній, легкомысленный не по лѣтамъ, внушавшій меня непостоянствомъ въ сужденіяхъ и неустойчивостію въ мнѣніяхъ о лицахъ и событіяхъ. Извѣстны многимъ въ Подоліи его желчныя нападки на подольскую администрацію всѣхъ вѣдомствъ, начиная съ достоуважаемаго генералъ-губернатора Безака, потрудившагося съ великою пользою въ Юго-Западномъ краѣ для Руси. Мнѣ не разъ приходилось имѣть съ Бурнашевымъ споры по равнымъ мѣстнымъ вопросамъ, интересовавшимъ подольское общество. Но страстность Бурнашева въ этихъ случаяхъ, его нетерпимость къ мнѣніямъ, имъ не раздѣляемымъ, доводила его нерѣдко до противорѣчія очевидной истины.

Говоря въ своей автобіографіи о подольскомъ духовенствѣ, онъ намѣренно или безъ намѣренія забываетъ и тотъ историческій фактъ, что все подольское духовенство еще въ прошломъ столѣтіи, а именно въ 1795 году, воссоединилось съ православіемъ, значить много болѣе чѣмъ за полстолѣтіе до прибытія Бурнашева на службу въ Подольскую губернію. Два или три конфиденціальныя письма Бурнашева о предосудительныхъ поступкахъ въ которыхъ лицъ изъ подольскаго духовенства дѣйствительно мною были получены. Письма по повѣркѣ оказались несправедливыми и, конечно, оставлены безъ послѣдствій. Очень удивилъ меня и слова Бурнашева, что мною, будто бы, сдѣлано было распоряженіе о поминованіи его имени въ церквахъ на ектеніяхъ. Это уже очевидная ложь. Не думаю, чтобы Бурнашеву было извѣстно, что на ектеніяхъ поминаются только имена Высочайшихъ особъ и мѣстнаго архіерея, и незаконное распоряженіе мною уже ни въ какомъ случаѣ не могло быть сдѣлано. Быть можетъ его имя и внесено было въ какой-либо церкви въ церковный помянникъ (диптихи); но это имѣетъ совершенно другое значеніе. Поминать мнѣ, что за труды Бурнашева по сбору пожертвованій для церквей письмомъ выражена была ему моя благодарность—и только.

Если впечатлѣнія, вынесенныя Бурнашевымъ изъ времени его служебной дѣятельности въ Подольской губерніи, не имѣли для него пріятныхъ сторонъ, то вина въ этомъ падаетъ на личный характеръ самого Бурнашева.

А. Л.

— Вотъ, вотъ онъ! Вонъ, гдѣ убійца! — закричало разомъ нѣсколько голосовъ, когда толпа увидѣла Реймара, быстро взбѣжавшаго въ сторонѣ по узкой лѣстницѣ, которая съ церковныхъ хоръ вела въ одинъ изъ верхнихъ монастырскихъ тайниковъ.

— Бери его, лови его! — заревѣла толпа, волнуясь и порываясь впередъ. Но, въ то же мгновеніе, и Реймаръ, и лѣстница, по которой онъ карабкался, исчезла изъ глазъ изумленной толпы, которая даже и представить себѣ не могла, что незначительнаго прикосновенія къ тайной пружинѣ было достаточно, чтобы задвинуть стѣною всякій доступъ къ тайникамъ. И въ то же самое мгновеніе, близъ алтаря св. Франциска явился самъ отецъ настоятель, съ крестомъ въ рукахъ. Онъ высоко поднялъ его надъ толпою и произнесъ:

— Удалитесь изъ монастырской ограды, которая самимъ Богомъ предназначена служить убѣжищемъ для всѣхъ несчастныхъ и всѣхъ нуждающихся въ помощи!

Толпа не смѣла ему противорѣчить; однако же не спѣшила исполнять его приказаніе.

Но вотъ она быстро раздалась на обѣ стороны: въ церковь вошелъ шерифъ со своею стражею.

— Прошу васъ защитить насъ отъ буйствъ толпы, — обратился къ нему настоятель.

— А гдѣ же убійца? — спросилъ въ свою очередь шерифъ.

— Я далъ ему воспользоваться въ нашей обители правомъ убѣжища, — отвѣчалъ настоятель, — такъ какъ я успѣлъ убѣдиться, что его проступокъ менѣе важенъ, нежели вина пораненнаго имъ датчанина.

— А, въ такомъ случаѣ, это другое дѣло! Къ тому же, ваше преподобіе, имѣете право самосуда въ предѣлахъ ограды вашей обители. — Затѣмъ онъ обратился къ толпѣ, поднялъ вверхъ свой жезлъ и повелительно крикнулъ ей:

— «Всѣ отсюда прочь!»

Въ то же время и стража шерифа стала напирать на толпу, и народъ, съ ворчаньемъ и ропотомъ, очистилъ церковь, очень недовольный тѣмъ, что его лишили возможности присутствовать при поимкѣ преступника и расправѣ съ нимъ. Затѣмъ и дворъ обители былъ, точно такъ же, какъ и церковь, очищенъ шерифомъ и его стражей, и, четверть часа спустя, толпа опять уже очутилась на улицѣ, и могла утѣшать себя только тѣмъ, что въ безсильной злобѣ стучалась въ наглухо-запертыя крѣпкія монастырскія ворота.}

XXX.

Судъ совѣсти.

А монахи, между тѣмъ, перенесли Торсена, все еще непріходившаго въ чувство, въ больницу, гдѣ тотчасъ же ему была подана

необходимая помощь. Но вскорѣ оказалось, что помощь добрыхъ братьевъ, въ такой же степени, необходима и для Реймара, такъ какъ у него, послѣ страшнаго напряженія, наступилъ періодъ сильнѣйшаго упадка энергіи, — почти полного истощенія силъ.

Онъ лежалъ въ кельѣ своего дяди, который просилъ настоятеля, чтобы тотъ разрѣшилъ ему ухаживать за племянникомъ. Въ продолженіе всей ночи вѣрный Ансельмъ не сомкнулъ надъ Реймаромъ глазъ и былъ отъ души радъ, когда, уже утро, племянникъ очнулся, обвелъ келью смутнымъ взоромъ, и спросилъ, какъ онъ сюда попалъ?

Отецъ Ансельмъ поспѣшилъ удовлетворить его любопытству, и Реймаръ медленно опять сомкнулъ глаза, спросивъ:

— Ну, а мой врагъ Торсенъ?—Какowo ему?

— Онъ еще живъ!—отвѣчалъ дядя со вздохомъ.

— Моли Бога, чтобы онъ не сразу отправилъ его душу въ преисподнюю, —добавилъ Реймаръ Стеенъ едва слышнымъ голосомъ, — потому что я, въ такомъ случаѣ, могу быть навѣки несчастнымъ человѣкомъ!

И, минутою спустя, молодой человѣкъ опять задремалъ.

Много дней протекло прежде, нежели Реймаръ настолько окрѣпъ, что могъ подолге сохранять полное сознаніе. Прекрасное монастырское вино, въ значительной степени способствовало подкрѣпленію его силъ, но здоровье его окончательно поправилось только тогда, когда Реймару донесли, что Кнутъ Торсенъ не умретъ отъ нанесенной ему раны.

Это извѣстіе удивительно благотворно на него подѣйствовало. Тогда онъ почасту сталъ бесѣдовать съ настоятелемъ, который принялъ живѣйшее участіе въ его судьбѣ и даже убѣдилъ его до тѣхъ поръ остаться въ обители, пока можно будетъ вступить въ объясненіе съ датчаниномъ. Но выздоровленіе его врага шло очень медленно, и въ Лондонъ уже дошли новыя вѣсти о томъ, что ганзейскій военный флотъ направляется въ Норвундъ, когда, наконецъ, Реймару было дозволено посѣтить больного.

Кнутъ Торсенъ ужасно перепугался, увидавъ молодого любезнанина. Боязливо ухватилъ онъ за руку того брата-монаха, который за нимъ ухаживалъ и шепнулъ ему:

— Ради всего святого, не покидайте меня!

— Вамъ нечего меня бояться, —сказалъ ему Реймаръ спокойно, — ваша кровь, пролитая мною, меня охладилъ. И я сегодня прихожу, чтобы доставить вамъ полную возможность загладить ту тяжкую вину, которую вы совершили по отношенію ко мнѣ и къ моему отцу!

Лицо датчанина выразило сильнѣйшее волненіе.

— Чего же вамъ отъ меня нужно?—спросилъ онъ мрачно и рѣзко.

— Прежде всего желаю, чтобы вы отказались отъ клеветы, порорящей мою честь!—отвѣчалъ Реймаръ. —Вы сообщили моему отцу, въ совершенно превратномъ видѣ, о томъ несчастіи, которое по-

стигло нашъ Войскій флотъ въ Каттегатъ. Благодаря этой вашей клеветѣ, я выставленъ былъ въ глазахъ моего отца подлымъ трусомъ и родной отецъ отъ меня отказался!

— Я повторилъ только то, что мнѣ передавали другіе,—уклончиво отвѣчалъ Торсенъ.

— Этого я не могу допустить, тѣмъ болѣе, что вы отца моего увѣрили, будто бы вы были очевидцомъ моего бѣгства отъ нападавшихъ морскихъ разбойниковъ. При этомъ, вы даже страшали его тѣмъ, что можете представить и другихъ свидѣтелей, которые готовы будто бы поддержать ваше показаніе. Затѣмъ вы этой угрозы не выполнили?

Торсенъ помолчалъ, и потомъ отвѣтилъ:

— Я и самъ потомъ не могъ отыскать этихъ свидѣтелей.

— Но скажите, по крайней мѣрѣ, кто же это были?

— Они принадлежали къ экипажу Войскаго флота.

— А!—съ усмѣшкою сказала Реймаръ,—ужъ не тѣ ли самыя, которые лежатъ на днѣ морскомъ, потопленные пиратами, нанятыми королемъ аттердагомъ?!

Эти слова произвели сильное впечатлѣніе на Торсена. Онъ сталъ тревожно озираться и напрасно старался казаться спокойнымъ.

— Кто могъ вамъ это сообщить?—спросилъ онъ, едва слышно.

— Да вашъ же другъ и пріятель!

— Нильсъ!—вскричалъ Кнутъ Торсенъ, позабывшись.

— Нѣтъ — другой, Петеръ Скитте! — главный начальникъ этихъ разбойниковъ. Я встрѣтился съ нимъ, въ нашей ганзейской конторѣ въ Новгородѣ, и вынудилъ его дать мнѣ правдивый отчетъ обо всѣхъ вашихъ темныхъ дѣлахъ.

Эти слова привели датчанина въ еще большее смущеніе.

— Замыселъ, который вы придумали, при помощи вашихъ сообщниковъ и пособниковъ, былъ, по истинѣ, мастерски затѣянъ и ловко приведенъ въ исполненіе. Я попался въ вашу западню, потому что увлекся преслѣдованіемъ быстроходнаго судна, на которомъ находился Скитте. Но вамъ недостаточно было этого, чтобы отмстить мнѣ за урокъ, который я вамъ далъ мечемъ моимъ, во время вашего нападенія на Стальной дворъ! И вотъ, вы постарались передъ отцомъ моимъ—выставить меня трусомъ, будто бы обратившимся въ бѣгство при самомъ приближеніи разбойничьяго корабля! Вы увѣрили его, что я предоставилъ весь нашъ Войскій флотъ на произволъ судьбы... И эта ложь, эта клевета была тѣмъ болѣе отвратительна, что соединялась съ насиліемъ и вымогательствомъ отъ него денегъ на восстановленіе вашихъ разстроенныхъ дѣлъ. Не говорю уже о томъ, сколько горя вы принесли, разорвавъ тѣсную связь между отцомъ и нѣжно-любившимъ его сыномъ... Вамъ этого не понять!

Торсенъ пристыженно опустилъ глаза.

— Я требую отъ васъ, прежде всего, восстановленія чести и

добраго имени моего,—требую письменнаго заявленія при свидѣтеляхъ о томъ, что вы преднамѣренно меня оклеветали, исказивъ истинное происшествіе вашимъ вымысломъ.

— Этого я ни за что не сдѣлаю!—воскликнулъ Торсенъ, приподымаясь на постели.

— Прекрасно!—отвѣчалъ ему съ величайшимъ спокойствіемъ Реймаръ,—въ такомъ случаѣ, я передамъ васъ въ руки правосудія, какъ клеветника, обманщика, какъ неисправнаго должника и нарушителя общественнаго спокойствія, руководившаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ открытымъ нападеніемъ на Стальной Дворъ. Вы, кажется, слишкомъ опытенъ въ разныхъ темныхъ дѣлахъ, чтобы не знать, какой отвѣтственности вы должны подвергнуться по обвиненію въ такихъ тяжкихъ преступленіяхъ?

Кнутъ Торсенъ тяжело вздохнулъ и опустилъ голову.

Настоятель обители, вошедшій въ комнату больного, вмѣстѣ съ отцомъ Ансельмомъ, вслѣдъ за Реймаромъ, подтвердилъ слова молодого человѣка, заявивъ датчанину, что если онъ не согласится на всѣ справедливыя требованія Реймара, то будетъ неминуемо переданъ въ руки надлежащей власти.

И такъ Кнуту Торсену осталось только одно:—подписаться подъ свидѣтельствомъ, которое возлагало на него весь позоръ, запятнавшій имя Реймара.

Реймаръ прижалъ къ сердцу этотъ листокъ, на которомъ подпись Торсена была скрѣплена подписями настоятеля и отца Ансельма. Глаза юноши наполнились слезами, и онъ воскликнулъ:

— Теперь я вновь могу переступить порогъ роднаго дома и взглянуть прямо въ глаза моему отцу, и обнять мою мать и сестру!

Датчанинъ мрачно и упорно смотрѣлъ въ сторону.

— Теперь еще есть у меня до васъ другое дѣло,—началъ опять Реймаръ, послѣ нѣкотораго молчанія.—Мой отецъ далъ вамъ известную сумму денегъ въ долгъ, на срокъ, который вы давно уже пропустили, такъ какъ видно желаете уклониться отъ исполненія вашихъ обязательствъ. Вы для этой цѣли переселились въ Данію, сообразивъ, что васъ невозможно будетъ преслѣдовать тамъ за долги, при нынѣшнихъ безпрестанныхъ войнахъ нѣмецкихъ торговыхъ городовъ съ аттердагомъ. Такъ вотъ и это дѣло тоже должно быть теперь же улажено.

Кнутъ Торсенъ, однако же, сталъ оспаривать размѣры выданной ему суммы и, наконецъ, уличаемый Реймаромъ, насмѣшливо воскликнулъ:

— Что же вы со мной спорите? Не хотите ли заглянуть въ мое долговое обязательство въ городской книгѣ, что въ Любекѣ?

— Кнутъ Торсенъ!—сказалъ Реймаръ совершенно измѣнившимся голосомъ,—до сихъ поръ я считалъ васъ только влымъ и

мстительнымъ человѣкомъ, который не разбираетъ средствъ для удовлетворенія своей страсти. Но ваше теперешнее насмѣшливое замѣчаніе выказываетъ мнѣ въ васъ просто негодя!

Торсенъ закричалъ отъ злости и сжалъ кулаки.

Молодой любечанинъ безстрашно подошелъ къ нему и сказалъ:

— Я знаю, что это вы приказали выкрасть ваше обязательство изъ городской книги?

Торсенъ содрогнулся и его взоръ ясно изобразилъ полное признаніе виновности.

— Я, право, ничего объ этомъ не знаю,—посмѣшиль онъ проормотать. — Если этотъ документъ и пропалъ, то я въ этомъ нисколько не виноватъ. Могу присягнуть въ томъ, что съ того дня, какъ я въ послѣдній разъ посѣтилъ вашего отца въ его конторѣ, я ни разу не бывалъ въ Любекѣ!

— Вы приводите ребяческіе доводы, — сказалъ Реймаръ съ величайшимъ пренебреженіемъ.—Само собою разумѣется, что не вы сами, а только по вашему порученію, другое лицо похитило этотъ документъ, точно такъ же, какъ по вашему наущенію произведено было нападеніе и на Бойскую флотилію, хотя вы самъ при этомъ и не были. Нѣтъ, нѣтъ, Торсенъ, поступайте, какъ подобаетъ зрѣлому и разумному мужчине. Намъ же съ вами ни о чемъ болѣе и говорить не придется, и я оставлю васъ въ покоѣ, какъ только вы исполните ваши обязательства по отношенію къ моему отцу.

— Да какъ же я ихъ исполню! — насмѣшливо отозвался датчанинъ. — У меня ничего нѣтъ! Вонъ, пойдите, обыщите у меня всѣ карманы!

— Вы можете написать вашему торговому дому въ Копенгагенъ, чтобы вамъ сюда была выслана соответствующая вашему обязательству сумма. Знайте, что ранѣе ея полученія, вы не выйдете отсюда.

Торсенъ былъ внѣ себя отъ ярости.

— Опомнитесь, — сказалъ ему подъ конецъ объясненія Реймаръ,—и подумайте о томъ, что вы, неисполненіемъ вашего обязательства, можете довести старую, почтенную фирму до полной гибели. Не берите еще и этого укора себѣ на совѣсть — сжальтесь надъ самимъ собою! Вѣдь было же время, когда и вы, Кнутъ Торсенъ, пользовались общимъ уваженіемъ. Постарайтесь возвратить себѣ это уваженіе—и прощайте!..

И Реймаръ удалился, оставивъ датчанина въ сильномъ волненіи и въ тяжелой борьбѣ съ самимъ собою.

XXXI.

Настойчивый другъ.

Въ опредѣленное договоромъ время, приморскіе города выпустили изъ своихъ гаваней суда, снаряженные къ плаванію и къ военнымъ потребностямъ, и флоты ихъ покрыли собою все море на сѣверъ и югъ отъ Норезунда, собираясь на великую борьбу съ соединенными силами Даніи и Норвегіи.

Войну начали вестерлинги, набросившись съ страшною яростію на южныя берега Норвегіи, гдѣ они стали огнемъ и мечемъ опустошать города Ганона, сожгли до тла около двухъ сотъ деревень и увели въ плѣнъ всѣ непріятельскіе корабли.

Перепуганный король сталъ молить о перемиріи, которое ему тотчасъ и было дано, такъ какъ онъ добровольно отказался отъ всякихъ притязаній на шведскую корону и призналъ шведскимъ королемъ Альберта Мекленбургскаго.

Такими же успѣхами и побѣдами могли похвалиться и остерлинги, которые начали войну съ нападенія на Данію. Ихъ военный флотъ не только опустошилъ часть датскихъ прибрежій, но и захватилъ врасплохъ копенгагенскій замокъ и самую столицу ограбилъ дочиста. На югъ Даніи ганзейцы овладѣли Никьбингомъ, крѣпкимъ городомъ на островѣ Фальстерѣ, а на сѣверѣ—Эльсиноромъ, ключемъ Норезунда. Въ то же время и новый шведскій король, ревностный союзникъ ганзейцевъ, помогъ имъ въ окончательномъ завоеваніи Шонена, гдѣ побѣдители были съ распротертыми объятіями приняты нѣмецкими общинами. Не дремала и ютландская знать; соединившись съ голштинцами, они захватили весь Западъ Даніи. Изъ всѣхъ датскихъ твердынь держалась только крѣпость Гельсингборгъ, какъ послѣдній оплотъ нѣкогда славнаго могущества аттердага.

Немногихъ недѣль было достаточно для ганзейцевъ, чтобы одержать такую полную побѣду, которая превосходила всѣ самыя смѣлыя ихъ надежды, такъ какъ они оказались теперь полными хозяевами Норезунда и важнѣйшихъ пунктовъ на полуостровѣ Шоненѣ, т. е. такихъ владѣній, которыя были всего важнѣе для ихъ промысловъ и торговли на сѣверѣ.

Всѣ извѣстія объ этихъ блестящихъ успѣхахъ любечане принимали радостно, но избѣгали всякаго торжества и всякой похвалы. Проученные тяжелыми ударами судьбы, они научились быть скромными и были особенно довольны тѣмъ, что, не смотря на войну, торговля ихъ не только не ослабѣвала, но, вслѣдствіе извѣстій о побѣдахъ, все болѣе и болѣе расширялась и возростала.

Этотъ благоприятный оборотъ дѣлъ отовался и на почтенномъ, старинномъ торговомъ домѣ Госвина Стеена и Сына, который не

только не оказался несостоятельнымъ (какъ говорили о немъ какіе-то неблагонамѣренные люди), но продолжалъ процвѣтать и пользоваться прежнимъ почетомъ.

Распространитель ложной вѣсти о банкротствѣ этой почтенной фирмы пріобрѣлъ себѣ непримиримыхъ враговъ въ тѣхъ именно людяхъ, которые слишкомъ поспѣшили ему повѣрить. Беера всѣ стали считать лжецомъ, и былъ даже такой слухъ, что бюргермейстеръ Варендорпъ, по возвращеніи изъ похода, думаетъ поднять въ совѣтѣ вопросъ объ увольненіи Беера отъ его служебныхъ обязанностей.

Но слухи о банкротствѣ фирмы, однакожь, ни мало не повредили Госвину Стеену. Владѣльцы богатѣйшихъ торговыхъ домовъ, въ бывшее время относившіеся къ нему весьма холодно, теперь изъ всѣхъ силъ, наперерывъ, старались выказать ему свое участіе. Его чуть было не забытое имя разомъ пріобрѣло очень большое значеніе, и какъ совѣтъ, такъ и все бюргерство обратились къ нему съ неотступными просьбами, чтобы онъ, въ отсутствіи Варендорпа, принялъ на себя предсѣдательство въ общихъ засѣданіяхъ совѣта.

Теперь, когда Госвинъ Стеенъ выходилъ изъ своего дома, то онъ часто искоса поглядывалъ на полустертую надпись у входной двери, гласившую: «Живъ еще старый Богъ!» И онъ, читая ее, уже не усмѣхался желчно и злобно; напротивъ, его губы тихо и спокойно шептали это древнее изреченіе, какъ бы стараясь закрѣпить его въ своей памяти.

И дѣйствительно, онъ имѣлъ полное основаніе за многое и многое благодарить Бога, и мрачное настроеніе его, видимо, стало нѣсколько смягчаться и разсѣиваться, къ великой радости его жены и дочери. Его взоръ опять нѣсколько просвѣтлѣлъ; изрѣдка, на его устахъ стала даже появляться улыбка. Но и взоръ, и улыбка его выражали ту же, неопредѣленную тоску. Фрау Мехтильда отлично понимала, что его сердце еще не вполне исцѣлилось, что въ немъ еще есть незажившее, наболѣвшее мѣсто.

И вотъ опять какъ-то разъ солнце весело свѣтило въ конторѣ Госвина Стеена; но на этотъ разъ оно не стѣсняло его, не докучало ему,—онъ охотно видѣлъ около себя лучи небеснаго свѣта, послѣ того, какъ онъ такъ долго бродилъ среди непривѣтной ночи своего глубокаго душевнаго недуга.

И вотъ вошелъ въ контору старикъ Даніэль, чтобы возвѣстить о приходѣ челоуѣка, котораго имя вдругъ заставило стараго купца нахмуриться.

Молча далъ онъ знакъ слугѣ, чтобы тотъ попросилъ къ нему гостя, и вскорѣ послѣ того Тидеманъ фонъ Лимбергъ вошелъ въ контору.

Онъ попріятельски кивнулъ головою въ сторону хозяина дома и сказалъ громко:

— Прихожу поздравить васъ, старый другъ.

— Съ чѣмъ же это?—спросилъ Госвинъ Стеенъ, довольно холодно отвѣчая на его поклонъ.

— Какъ съ чѣмъ? Когда я здѣсь былъ послѣдній разъ, дѣла вашей фирмы были не блестящи; вы были этимъ крайне озабочены и даже близки къ отчаянію. А вѣдь теперь, какъ кажется, вы благополучно избѣгли той пропасти, которая васъ такъ пугала.

— Да, благодареніе Богу!—отвѣчалъ Стеенъ.—Онъ послалъ мнѣ въ помощь добрыхъ, сострадательныхъ людей, которые спасли меня отъ гибели.

— Вотъ видите, ли,—продолжалъ Тидеманъ, не обращая вниманія на легкій укоръ, заключавшійся въ словахъ Стеена,—это ясно доказываетъ, что не надо спѣшить отчаяваться. Кто же это вамъ помогъ?

— Я не спрашивалъ объ именахъ...—рѣзко отвѣчалъ Стеенъ.

— Это, пожалуй, даже и очень умно съ вашей стороны, потому что иначе, вы, можетъ быть, даже и не приняли бы помощи.

— Что вы этимъ хотите сказать?

— Да такъ, вѣдь у каждаго свои взгляды.

— Въ данномъ случаѣ, ваши—ошибочны!—съ досадою воскликнулъ Стеенъ.

Тидеманъ пожалъ плечами и усмѣхнулся; помолчавъ немного, онъ продолжалъ:

— Я узналъ, что вы теперь—предсѣдатель совѣта, и это тоже очень меня радуетъ; это должно придавать вамъ много энергіи. Ну, что же? какъ? Теперь вы чувствуете себя вполне счастливымъ?

И онъ какъ-то особенно пронизательно посмотрѣлъ ему въ глаза.

— Вы выказали себя по отношенію ко мнѣ не на столько хорошимъ пріателемъ, чтобы у меня была охота отвѣчать вамъ на этотъ вопросъ!—возразилъ Тидеману Госвинъ Стеенъ.

— Да мнѣ вашъ отвѣтъ и не нуженъ!—мягко замѣтилъ Тидеманъ.—Выраженіе вашего лица и вашихъ глазъ выясняетъ мнѣ все, лучше всякихъ словъ.

Хозяинъ дома нахмурился.

— Да, да,—продолжалъ настаивать Тидеманъ,—вы только тогда могли бы быть теперь счастливы, если бы къ вамъ вернулся вашъ Реймаръ!

Госвинъ Стеенъ топнулъ ногою.

— Не гнѣвайтесь, старый другъ,—продолжалъ Тидеманъ, касаясь рукою руки Стеена,—вѣдь этимъ вы мнѣ ничего не докажете, потому что все, происходящее тамъ (и онъ при этомъ указалъ на сердце), отражается и на лицѣ; а я на вашемъ лицѣ читаю ясно вопль вашего сердца, которое говоритъ вамъ: «о, если

бы я могъ еще разъ прижать Реймара къ моему сердцу! Какой бы я былъ счастливый человѣкъ!»

Госвинъ Стеенъ отвернулся въ сторону.

— Зачѣмъ отвращаете вы отъ меня ваши взоры, старый другъ?— допрашивалъ Тидеманъ Стеена (и у него самого голосъ дрожалъ!).— Да, я увѣренъ, что у васъ до тѣхъ поръ камень будетъ лежать на сердцѣ, пока онъ опять къ вамъ не вернется.

Госвинъ Стеенъ поднялся съ своего мѣста.

— Скажите пожалуйста,—воскликнулъ онъ гнѣвно,—вы, должно быть, пришли ко мнѣ, чтобы надо мною издѣваться?!

— Видите Богъ, что мнѣ это и въ мысль не приходило! Это могло бы случиться лишь тогда, если бы я васъ не любилъ и не считалъ бы себя вашимъ другомъ...

— Вы все толкуете мнѣ о своей дружбѣ,—перебилъ гостя хозяинъ,—но вы мнѣ не доказали ея на дѣлѣ.

Гость отвѣчалъ только грустною улыбкою. Затѣмъ, немного помолчавъ, спросилъ:

— А вы ничего не знаете о Реймарѣ?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ, тревожно поглядывая на гостя, и тотчасъ добавилъ:—Вы ко мнѣ приходите точно филинъ—предвѣстникъ бѣдъ и несчастій! Говорите, если вамъ что-нибудь о немъ извѣстно!

— Даю вамъ слово, что ничего не знаю о немъ; не знаю даже, гдѣ онъ въ настоящее время находится. Я, напротивъ, думалъ отъ насъ что-нибудь узнать, и долженъ сознаться, что я нѣсколько тревожусь на счетъ Реймара.

Ище болѣе безпокойства явилось на лицѣ Стеена...

— Прошло ужъ довольно много времени,—продолжалъ Тидеманъ,—съ тѣхъ поръ, какъ я получилъ отъ него послѣднее извѣстіе изъ Копенгагена. О мужественномъ подвигѣ освобожденія плѣнныхъ узналъ я позже, и не отъ него. Надѣюсь, что онъ самъ не попался въ руки враговъ, но рѣшительно не могу себѣ уяснить его слишкомъ продолжительнаго молчанія.

— Нѣтъ, онъ избѣгнулъ плѣна,—отвѣчалъ Стеенъ,—и остался на свободѣ.

— Откуда вы это знаете?—поспѣшно спросилъ Тидеманъ.

— Отъ одного изъ возвратившихся сюда плѣнниковъ. Я, впрочемъ, знаю это черезъ Даніэля, такъ какъ я не допустилъ этого человѣка до свиданія со мною.

— Какъ! онъ принесъ вамъ извѣстіе о томъ, что сынъ вашъ живъ,—воскликнулъ Тидеманъ,—а вы даже и принять его не захотѣли?

— Дѣло требуетъ нѣкотораго поясненія,—сказалъ Стеенъ.— Возвратившійся изъ плѣна принадлежалъ прежде къ числу моихъ

служащихъ. Я оказывалъ ему большое довѣріе, и онъ это довѣріе нарушилъ самымъ недостойнымъ образомъ.

— Если вы хотите оказать мнѣ дѣйствительную услугу,—сказалъ Тидеманъ,— то прикажите позвать этого человѣка; я хотѣлъ бы изъ его собственныхъ устъ услышать то, что ему извѣстно о Реймарѣ.

Стеенъ выразилъ неудовольствіе на лицѣ, однако же призвалъ Даніэля и приказалъ ему немедленно отыскать и представить къ нему Ганнеке.

XXXII.

Правда и кривда.

Прошло не мало времени, пока Даніэлю удалось отыскать Ганнеке. Рыбакъ былъ крайне удивленъ, узнавъ, что его такъ спѣшно зовутъ къ себѣ его старый хозяинъ, къ которому онъ нѣсколько разъ приходилъ и каждый разъ не бывалъ допущенъ. Но онъ попрежнему былъ къ нему привязанъ, а потому и весьма охотно послѣдовалъ за старикомъ Даніэлемъ и, наконецъ, явился въ конторѣ.

Госвинъ Стеенъ встрѣтилъ его довольно сурово.

— Я призвалъ васъ только затѣмъ,—сказалъ онъ,—чтобы вы могли этому господину передать, что поручалъ вамъ мой сынъ въ ту ночь, когда освободилъ васъ изъ плѣна.

Ганнеке удовлетворилъ желанію хозяина, но при этомъ очень печально посмотрѣлъ на своего хозяина.

— Не знали ли вы,—спросилъ Тидеманъ,—объ этомъ Торсенѣ? Былъ ли онъ въ ту пору въ Копенгагенѣ?

— Да, онъ былъ тамъ,—подтвердилъ Ганнеке,— я это узналъ отъ моего шурина Шрёдера, который былъ съ нами на одномъ кораблѣ. Онъ же сказалъ мнѣ, что господинъ Реймаръ не засталъ датчанина дома, такъ какъ тотъ былъ предупрежденъ о его приходѣ шпиономъ Нильсомъ. Господинъ Реймаръ даже опасался, что Торсенъ опять отъ него улизнетъ, а потому и сторожилъ его въ ту ночь въ гавани.

— Легко можетъ быть,—сказалъ Тидеманъ Госвину Стеену,— что Реймаръ погнался за этимъ негодяемъ по горячему слѣду, а потому и не имѣетъ возможности дать о себѣ вѣсточку. Во всякомъ случаѣ, спасибо вамъ за ваше сообщеніе,—добавилъ Тидеманъ, обращаясь къ Ганнеке и суя ему въ руку золотой.

— Сударь, я бы отъ васъ этого не принялъ,—сказалъ чистосердечно рыбакъ,— если бы ужъ дома-то у меня не было большой нужды. Вѣдь вотъ: и сынъ, и я — мы оба бьемся, ищемъ работы, и никакъ сыскать не можемъ. Перебиваемся кое-какъ, а постояннаго дѣла все нѣтъ, какъ нѣтъ. Очень это чудно, а кажется какъ будто всѣ любекскіе хозяева къ намъ относятся съ недовѣріемъ.

— Вѣрно у нихъ на это есть свои причины, — отоввался Госвинъ Стеенъ, равнодушно слушавшій разговоръ.

— Извольте говорить: «есть причины»? Да развѣ же я или мой Янъ не всегда служили вамъ вѣрой и правдой? Знаю, вы Яна потому отъ себя такъ вдругъ отпустили, что вамъ на него секретарь Бееръ что-то наговорилъ!

— Ну, а развѣ же то, что сообщилъ мнѣ Бееръ, было несправедливо?—горячо обратился къ нему Госвинъ.

— То есть, какъ вамъ сказать,—и справедливо, и нѣтъ, смотря потому, какъ на это взглянете.

— Вполнѣ справедливо, потому что вы не сѣумѣли удержать языка за зубами!

— Я?!—съ изумленіемъ спросилъ Ганнеке.—Помилюйте, г. Стеенъ, да я объ этой самой исторіи-то только тогда и узналъ, когда изъ плѣна вернулся!

— Какъ!—гнѣвно вскричалъ Стеенъ,—такъ вы хотите отрицать, что вы объ этомъ знали отъ меня самого, потому что я вамъ довѣрился? И знали прежде, нежели отправились въ походъ противъ Аттердага?

— Ей же, ей, г. Стеенъ, — отвѣчалъ Ганнеке, совершенно сбитый съ толку,—я какъ есть объ этомъ ничего не зналъ! Такъ неужели же это у нихъ еще съ тѣхъ поръ повелось? Да вѣдь тогда Янъ еще почти не зналъ фрейлейнъ Елисаветы?

— Чего вы тамъ путаете имена, которыя вовсе не идутъ къ дѣлу!—крикнулъ Госвинъ Стеенъ.

— Какъ не идти къ дѣлу! Вѣдь вы же потому рассчитали Яна, что онъ хвасталъ, будто женится на Елисаветѣ; но это все секретарь, повѣрьте, выдумалъ, и ничего подобнаго нѣтъ. Хоть Яну дѣвушка и точно нравится, но до свадьбы—помилюйте!—далеко; а онъ бы даже очень спокойно могъ у васъ оставаться на службѣ.

Стеенъ рѣшительно ничего не могъ понять въ томъ, что говорилъ ему Ганнеке. Тогда онъ рѣшилъ разомъ разрубить Гордіевъ узелъ и сказалъ:

— Я отпустилъ вашего сына потому, что онъ разболталъ всѣмъ ту тайну, которую я вамъ когда-то довѣрилъ, призвавъ васъ въ свидѣтели при подписаніи одного долгового обязательства!

Ганнеке не могъ въ себя прійти отъ изумленія.

— Янъ могъ это разболтать!?—воскликнулъ онъ.—Господи, да откуда же онъ это узналъ?

— Откуда, какъ не отъ васъ?—строго замѣтилъ ховяинъ.

— Добрый господинъ Стеенъ!—взмолился Ганнеке со слезами на глазахъ,—разрази меня Богъ на этомъ мѣстѣ, если я хоть когда-нибудь кому-бы-то ни было сказалъ объ этомъ хоть слово! Ваше довѣріе ко мнѣ было для меня такимъ сокровищемъ, которое я

хранилъ глубоко въ сердцѣ своемъ и даже Маригѣ объ этомъ ни полслова не сказалъ... А ужъ это не шутка!

Слова честнаго рыбака носили на себѣ такой отпечатокъ истины, что Стеенъ не могъ въ нихъ усомниться.

— Ну, такъ значить секретарь мнѣ на васъ напалъ! — прямо высказалъ онъ рыбаку и тотчасъ подробно сообщилъ ему обо всѣхъ плутняхъ секретаря. Ганнеке отъ изумленія всплеснулъ руками.

— Вѣдь вотъ подите же! вѣдь этакій негодяй! — воскликнулъ Ганнеке. — Право, такого человѣка стѣбитъ живого за ноги повѣсить! Такъ вотъ изъ-за чего былъ отъ васъ прогнанъ мой бѣдный Янгъ; вотъ изъ-за чего вы и меня къ себѣ на глаза не пускали! А этотъ негодяй еще вездѣ разславлялъ, будто бы мой сынъ хвасталъ, что на Елисаветѣ женится! Нѣтъ, ужъ... нѣтъ, ужъ!..

И онъ искалъ подходящаго слова, и не могъ его найти, и продолжалъ все понижать голосъ, почти до рыданій:

— Я человѣкъ бѣдный, г. Стеенъ, но я горжусь своею честностью и своею правотою, и Янгъ у меня ни дать, ни взять такой же, какъ я, и какъ жена моя, и хоть у насъ ничего за душой нѣтъ, однако же мы бьемся и пробиваемся въ жизни честнымъ путемъ; а вотъ этакій негодяй секретарь осмѣливается насъ чернить!.. И хоть я не буянъ какой-нибудь, но я бы его готовъ отдрать, и драть его до тѣхъ поръ, пока... Нѣтъ! подумайте, каковъ негодяй!

И Стеену, и Тидеману было очень не легко успокоить бѣднаго Ганнеке, который нѣсколько разъ принимался причитать и плакать, и наконецъ, не слушая никакихъ уговоровъ, стремглавъ выбѣжалъ изъ конторы и пустился бѣжать къ ратушѣ, чтобы тотчасъ же привлечь Веера къ отвѣтственности.

Но Вееръ былъ въ это время у Детмаровъ, и долженъ былъ выдерживать въ тотъ вечеръ не совсѣмъ пріятный разговоръ, такъ какъ супругъ не сходился во мнѣніи съ супругою, которая все старалась оправдать секретаря въ тѣхъ небылицахъ, которыя онъ взвелъ на Яна.

Елисавета, какъ оказывается, воспользовалась первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы очень горячо высказать въ глаза клеветнику горькую правду.

Онъ скривилъ очень кислую рожу; но сталъ говорить себѣ въ оправданіе какія-то весьма сладкія и жалкія слова.

— Э-э, помилуйте, да если бы мы всѣ, изъ-за каждаго слова, сказаннаго не впадать, или даже на вѣтеръ, на основаніи слуховъ, должны были нести на себѣ отвѣтственность, такъ вѣдь это, пожалуй и жизнь не мила бы намъ стала.

— Это все такъ г. секретарь, — сталъ выговаривать мейстеръ Детмаръ, не смотря на внушительные взгляды своей супруги, — но

дѣло въ томъ, что ужъ вы слишкомъ много лишняго говорите о добрыхъ людяхъ...

— Другъ мой!—вступилась фрау Детмаръ въ видѣ напоминанія мужу.

— И лучшимъ доказательствомъ моихъ словъ, — продолжалъ мейстеръ Детмаръ, ничѣмъ не смущаясь, — должно служить то, что и самъ г. бюргермейстеръ порядочный носъ наклеилъ вамъ за вашу излишнюю болтливость...

— Детмаръ!—попыталась было еще разъ вступиться супруга.

— Ну, что тамъ стѣсняться! Правда — всегда правда, а клевета — позорное дѣло, и я признаюсь господину секретарю, что я потерялъ къ нему всякое уваженіе, съ тѣхъ поръ, какъ онъ рѣшился набросить такую неблагоприятную тѣнь на старую и почтенную фирму Госвинъ и Сынъ...

— Да полно же, въ самомъ дѣлѣ, — перебила Детмара его супруга, — ты забываешь о томъ уваженіи, которое слѣдуетъ питать къ гостю...

— Ну, да! Еще вопросъ въ томъ, каковъ этотъ гость? — проворчалъ про себя мейстеръ.

— Я бы легко могъ доказать вамъ, дорогой мой другъ, — съ улыбкой отвѣчалъ секретарь, хотя лицо его, во время всей рѣчи Детмара становилось все блѣднѣе и блѣднѣе — ясно могъ бы доказать вамъ, что вы ко мнѣ очень несправедливы, что я заявилъ вамъ о фирмѣ Госвинъ Стеенъ истинную правду. И если я действительно получилъ выговоръ отъ моего начальника, то исключительно за то, что нарушилъ служебную тайну. Это, конечно, было съ моей стороны не разумно; но вѣдь я же, доверяя эту тайну вамъ, предполагалъ, что вы никому ее не выдадите, а потому только вамъ одному рѣшился сообщить ее.

Этотъ неожиданный оборотъ рѣчи вынудилъ мейстера Детмара замолчать.

— Вотъ это тебѣ по-дѣломъ, — замѣтила супруга. — Что правда — то правда.

— Ну, да мы все это оставимъ, — вкрадчиво сказалъ секретарь, — вѣдь всѣ мы люди, «человѣки, а не ангелы»; а потому и должны обоюднo прощать другъ-другу.

— Истинно такъ, г. Бееръ! — подтвердила фрау Детмаръ, тронутая христіанскою моралью лицемѣра.

— А потому не лучше ли будетъ намъ обратиться къ болѣе пріятнымъ предметамъ, — продолжалъ Бееръ съ сладенькой улыбкой. — Военные корабли ганзейскихъ городовъ скоро вернутся изъ своего побѣдоноснаго похода, и улицы Любека облекутся въ свою праздничную одежду. Не дурно было бы, знаете ли, если бы колокола нашей Маріинской церкви въ ту пору стали звонить не только

по поводу торжества заключенія міра, но и по поводу нѣкаго другого праздника?...

Онъ приулокъ въ ожиданіи отвѣта.

Мейстеръ Детмаръ, однако же, весьма равнодушно посматривалъ въ потолокъ, а Елисавета быстро вскочила со своего мѣста и выбѣжала изъ комнаты.

— По моему, это было бы прекрасно — замѣтила фрау Детмаръ.—А ты какъ объ этомъ думаешь, мой другъ?

Мейстеръ Детмаръ обратился къ гостю и спросилъ:

— А васъ, должно быть, уволить тотчасъ послѣ заключенія міра?

Вопросъ очевидно очень смутилъ секретаря.

— Такъ вотъ видите ли,—преспокойно продолжалъ Детмаръ,— намъ обо всемъ объ этомъ слѣдуетъ потолковать заранѣе. Съ тѣмъ ничтожнымъ содержаніемъ, какое получаетъ отчисленный отъ службы секретарь, далеко не уѣдешь. Да и на тѣ двѣ тысячи марокъ, которыя при жизни нашей будетъ получать Елисавета, тоже настоящаго гнѣзда не сошьешь. Такъ вотъ, господинъ секретарь, какъ вы предполагаете на счетъ преврѣннаго металла?

— Ахъ, какъ ты это не деликатно обернулъ, другъ мой!—замѣтила ему супруга.

— И, матушка, такъ говорю, какъ долженъ говорить честный отецъ семейства, не желающій ставить дочь свою въ стѣсненное положеніе. А потому я и полагаю, что если у господина секретаря нѣтъ собственнаго, хорошаго состоянія, то и женитьба его состояться не можетъ.

Изъ всей этой рѣчи одно было ясно секретарю, что мейстеръ Детмаръ, очевидно, весьма желалъ его бракъ разстроить... Онъ былъ твердо увѣренъ въ томъ, что этимъ требованьемъ отдалить отъ дочери непріятнаго ей жениха. Тѣмъ непріятнѣе было отцу услышать, когда секретарь отвѣтилъ ему:

— По счастью, я имѣю возможность удовлетворить вашему желанію; я обладаю достаточнымъ состояніемъ, которое даетъ мнѣ возможность завести домокъ не хуже другихъ и прожить безбѣдно даже и въ томъ случаѣ, если бы у меня было отнято мое секретарское жалованье.

Мейстеръ Детмаръ едва могъ подавить въ себѣ досаду, однако же добавилъ:

— Нынче, знаете ли, такія времена, что приходится быть со всѣми осторожнымъ; а потому, я желалъ бы сначала собственными глазами видѣть, что у васъ есть, и тогда уже окончательно дать свое согласіе на бракъ дочери.

— Извольте, — сказалъ секретарь, — я и на это согласенъ. Сегодня же отпрошусь въ отпускъ у г. Стеена, какъ исправляющаго должность бургмейстера, такъ какъ все, что я имѣю, хранится у меня не здѣсь.

— Хорошо, такъ и поступайте, — отвѣчалъ мейстеръ Детмаръ, которому слова секретаря не внушали особеннаго довѣрія. На томъ онъ и распрощался съ будущимъ зятемъ.

XXXIII.

Въ западѣ.

Но мудро было сказать—удастся ли этимъ путемъ мейстеру Детмару отдѣлаться отъ непріятнаго ему претендента? Секретарь дѣйствительно взялъ краткосрочный отпускъ, ссылаясь на то, что ему нужно было побывать въ Фальстербо. Госвинъ Стеенъ разрѣшилъ ему отпускъ, но при этомъ не упустилъ случая поставить ему на видъ его клеветническія продѣлки по отношенію къ Яну и Ганнеке. Вееръ старался всѣми способами себя извинить и оправдать, но при этомъ путался въ такихъ противорѣчіяхъ, что Стеенъ пришелъ къ несомнѣнному убѣжденію: «этотъ плуть долженъ былъ знать о существованіи документа въ книгѣ!» Однако же, онъ скрылъ это подозрѣніе въ душѣ своей, и Вееръ, воображая себѣ, что старый купецъ повѣрилъ его оправданіямъ, направился къ гавани.

Тамъ кипѣла такая дѣятельность, такое оживленіе, какихъ и прежде не видано было. Сверхъ множества купеческихъ судовъ, которые безпрестанно приходили и уходили, то нагружаясь, то выгружаясь въ гавани, туда прибывали почти ежедневно различныя суда, захваченныя ганзейцами у непріятеля. Они не только прибывали съ богатою добычею, но и съ множествомъ плѣнныхъ. Сверхъ всего этого, готовилось къ отплытію множество рыболовныхъ судовъ, спѣшившихъ къ Шоненскимъ берегамъ на ловъ сельдей, такъ какъ сношенія съ Шоненомъ были снова восстановлены и новый шведскій король Альбрехтъ щедро рукою подтвердилъ и даже расширилъ для своихъ союзниковъ ганзейцевъ всѣ ихъ привилегіи, которыя были такъ недобросовѣстно нарушены хищническими захватами аттердага. Могущество Даніи было не только тамъ, но и всюду поколеблено, и оставалось только вопросомъ времени, когда удасться ганзейцамъ пожать плоды своихъ побѣдъ, заключивъ прочный и выгодный для нихъ миръ.

Большія и малыя суда почти ежечасно отбывали въ Шоненъ; на одномъ изъ этихъ судовъ отправился туда секретарь Вееръ, а на другомъ отплыли наши пріятель—Ганнеке и Янъ. Оба отправлялись на Шоненъ, вновь принятые на службу фирмою Госвинъ Стеенъ и Сынъ, щедро награжденные ховяиномъ и поставленные въ очень выгодное положеніе на время шоненской сельдяной ярмарки, которая въ нынѣшнемъ году, впервые, послѣ значительнаго

перерыва, должна была открыться въ обычное время и общаца была необычайно оживленною. При этомъ, Ганнеке и Яну дано было хованномъ и тайное порученіе: ворко наблюдать за секретаремъ, и неотступно слѣдить за каждымъ его шагомъ.

При помощи шурина Шрёдера, который опять занялъ на Шоненѣ свое прежнее положеніе, они, всѣ трое, принялись за самое точное выполненіе даннаго имъ тайнаго порученія. Днемъ слѣдилъ за Бееромъ береговой сторожъ, а ночью—отецъ и сынъ Ганнеке, между тѣмъ какъ почтенный секретарь даже и не подозрѣвалъ о назначеніи за нимъ такого бдительнаго дозора.

Чудесный іюльскій вечеръ, удивительно теплый и тихій, опустился надъ Шоненомъ. По ту сторону замка Фольстербо простирался обширный лѣсъ, манившій въ прохладу своей темной зелени, которая очень красиво перемежалась съ большими сѣрыми валунами, поросшими вѣковымъ мохомъ. Подъ тѣнью этого лѣса, въ сторонѣ отъ шума и движенія, оживлявшаго Шоненъ во время ярмарки, пріютился какой-то одинокій и невзрачный домикъ. Туда, подъ покровомъ вечерней мглы, и направился секретарь Бееръ. Около изгороди, окружавшей домъ, его уже ожидала какая-то женская фигура, и когда онъ тихонько шепнулъ ей на ухо свое имя, она сказала:

— Отецъ пріѣхалъ. Ступайте въ горницу.

Бееръ послѣдовалъ ея указаніямъ. Нѣсколько мгновеній спустя, онъ былъ уже въ горницѣ и бесѣдовалъ съ Нильсомъ.

— Вы ужъ лучше и не оглядывайте моего здѣшняго помѣщенія, — сказала шпіонъ Бееру, который съ нѣкоторымъ любопытствомъ оглядывалъ голыя стѣны комнаты. — Здѣсь всюду такая бѣдность, что мнѣ, право, даже совѣстно васъ такъ принимать. Но мнѣ только и осталось, что укрыться сюда, потому что ваши земляки всюду гнались за мною по-пятамъ. Они заставили меня бѣжать и изъ Зеландіи, и я только какимъ-то чудомъ спасся отъ плѣна.

— Ну, а что же аттердагъ?—спросилъ секретарь.—Развѣ у васъ нѣтъ никакихъ о немъ извѣстій?

— Сколько мнѣ извѣстно, онъ изъ Пруссіи, отправился въ Прагу, — мрачно отвѣчалъ Нильсъ.—Императоръ Карлъ вернулся туда изъ Италіи, и Вольдемаръ возлагаетъ надежды на его помощь именно теперь.

Секретарь пожалъ плечами и взглянулъ на Кристину, дочь Нильса, которая занята была въ сторонѣ надъ ткацкимъ станкомъ.

— Ну, а Торсентъ?—спросилъ Бееръ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Съ той самой ночи, когда онъ такъ необъяснимо исчезъ, я объ немъ и не слыхивалъ.

— Это весьма неприятно слышать, — отвѣчалъ Бееръ, — потому что мнѣ необходимы обѣщанныя деньги.

Нильсъ, въ отвѣтъ на это, только плечами пожалъ.

— Надо же что-нибудь предпринять, — продолжалъ секретарь съ досадою, — благодаря тѣмъ любезностямъ, которыя я вамъ оказывалъ, я, кажется, долженъ буду лишиться моей должности.

— А что? Развѣ премудрый любекскій городской совѣтъ, наконецъ, добрался и до вашей продѣлки?

— Не то, чтобы добрался, а такъ имѣть на меня нѣкоторые подозрѣнія, — отозвался Бееръ, придавая чертамъ лица своего выраженіе весьма хмурое и суровое.

— Да, да! Такъ-то вотъ и все на свѣтѣ! — замѣтилъ мимоходомъ Нильсъ. — Вѣдь если бы, напримѣръ, все исполнилось по моему желанію, то я бы теперь былъ просто богачемъ. И вѣдь сколько я рисковалъ — а вотъ приходится и мнѣ себя стѣснять, какъ и всѣмъ другимъ.

Глаза Беера загорались ненавистью.

— Если вы полагаете, — началъ онъ слегка дрожащимъ голосомъ, — что вамъ будетъ легко отъ меня отдѣлаться, то, могу васъ увѣрить, что вы очень ошибаетесь. Когда вы тогда пріѣхали во время майскаго праздника въ Любекъ и, по порученію вашего со-товарища Торсена, предложили мнѣ извѣстный вамъ документъ выкрасть изъ книги и уничтожить, то...

— То я, — перебилъ его Нильсъ, — вручилъ вамъ двѣсти марокъ...

— И обязались, — продолжалъ Бееръ, возвышая голосъ, — выдать мнѣ еще три тысячи марокъ, когда дѣло будетъ сдѣлано. Я сдержалъ свое обѣщаніе, и для того, чтобы отклонить отъ себя всякое подозрѣніе, уничтожилъ еще и другой документъ, неизвѣстный въ данномъ случаѣ никакого значенія. Этимъ-то и ввелъ я своего начальника въ заблужденіе. Однимъ словомъ, я все то сдѣлалъ, что мнѣ представлялось полезнымъ для Торсена; а потому, прошу и васъ, наконецъ, сдержать ваше слово, потому что мнѣ теперь существенно необходима эта сумма, заслуженная мною не малымъ трудомъ.

Нильсъ протянулъ ему руку съ грубымъ хохотомъ.

— Вотъ, — сказалъ онъ, — возьмите ножъ, да вѣрѣжьте мнѣ кожу, такъ авось изъ-за нея посыплются три тысячи марокъ!

— Да вы что же это! Смѣяться, что ли, надо мной затѣяли? — вскричалъ Бееръ.

— А я такъ думаю, что это вы надо мною вздумали смѣяться, — возразилъ Нильсъ, — потому что вы, кажется, считаете меня за колдуна. Что же я то могу сдѣлать, коли этотъ Торсенъ исчезъ безслѣдно!

— Вы обязались мнѣ вашимъ словомъ за него!

— Ха! ха! ха! — продолжалъ смѣяться Нильсъ. — Вонъ, спросите-ка вы у Кристины, куда я подѣвалъ свои сокровища! Я же вамъ не на шутку говорю, что иногда въ домѣ корки хлѣба нѣтъ.

Собачья жизнь—да и только! Вѣдь съ тѣхъ поръ, какъ аттердагъ уѣхалъ изъ Копенгагена, я не получаю отъ него ни шеллинга. Если мнѣ не будетъ, въ скоромъ времени, оказано хоть какая-нибудь помощь, то мнѣ просто съ голоду придется съ дочкой помирать; а вы вздумали, въ такую-то пору, требовать отъ меня тысячной уплаты!

Вееру все еще не вѣрилось, чтобы Нильсъ могъ говорить правду; а потому онъ и рѣшился на послѣднее средство, и сказалъ:

— Вы окружены теперь врагами, которые отлично знакомы со всѣми вашими увертками и плутнями. Мнѣ стоитъ сказать слово, вы будете схвачены. И вы, я полагаю, сами понимаете, что можете васъ ожидать въ подобномъ случаѣ?

— Полагаю, что меня ожидаетъ тоже, что и васъ!—совершенно спокойно отвѣчалъ Нильсъ. — Вѣдь если совѣтъ узнаетъ, что вы выкрали изъ книги документы, то, я полагаю, васъ не похвалятъ!

— Такъ проваливай же ты къ дьяволу, негодяй! — закричалъ Вееръ, бросаясь на шпиона съ обнаженнымъ мечемъ.

Въ то самое мгновеніе, когда Кристина бросилась на помощь къ отцу своему, дверь распахнулась и въ комнату разомъ ворвались Ганнеке, Янгъ и еще нѣсколько рыбаковъ.

— Хватайте вора-секретаря! — кричалъ Ганнеке во все горло.

Быстро обернувшись къ нападающимъ, Вееръ вздумалъ было отъ нихъ отбиваться мечемъ и даже тяжело ранилъ одного изъ рыбаковъ въ плечо. Но видъ крови только привелъ Ганнеке и его товарищей въ еще большую ярость, и, нѣсколько минутъ спустя, Вееръ лежалъ уже на полу, крѣпко скрученный по рукамъ и по ногамъ.

Нильсъ и дочь его, воспользовавшись общей суматохой, исчезли безслѣдно.

XXXIV.

«Живъ еще старый Вогъ!»

Немаловажныя вѣсти пришли въ Любекъ изъ Шонена. Всѣ вдругъ прослышали, что секретарь Вееръ, обвиняемый въ весьма тяжкихъ преступленіяхъ, схваченъ на Шоненѣ и привезенъ въ Любекъ скованный и подъ стражею. При этомъ случаѣ оказалось, какъ мало было у Веера въ городѣ друзей. Каждый спѣшилъ, наперерывъ, заявить, что уже изстари питалъ къ «тому Вееру» нѣкоторое недобѣріе. Рассказывались про него и были, и небылицы, и всѣ любечане пришли наконецъ къ тому убѣжденію, что даже, моль, странно, какъ такого негодяя могли такъ долго терпѣть на службѣ.

Напротивъ того, къ Яну и Ганнеке, недавнимъ страдальцамъ, относились всѣ съ величайшею похвалою и ставили имъ въ за-

Бєра вєзя на казнь...

слугу то, что они сорвали личину съ наглаго обманщика. Но особенно радовались мейстеръ Детмаръ и дочь его Елисавета, между тѣмъ, какъ ея мать ужасно досадовала на себя, что могла до-вѣриться такому недостойному плуту, какъ «этотъ секретарь Бееръ». Но, впрочемъ, фрау Детмаръ была такая честная и правдивая женщина, что она тотчасъ же созидала всю степень несправедливости, оказанной Яну, и постаралась ее загладить: сама пошла къ Марикѣ и пригласила ее, ея мужа и сына къ обѣду въ ближайшее воскресенье.

Въ то самое время, когда оба, снова примирившіяся и сблизившіяся семейства весьма дружелюбно усѣлись за однимъ столомъ и предались воспоминаніямъ и разговорамъ о томъ, что такъ недавно всѣми ими было пережито, — по городу Любеку, направляясь къ торговой площади тянулась довольно курьезная процессія, сопровождаемая криками и насмѣшками толпы. По улицѣ двигалась кучка помощниковъ палача, сопровождавшая секретаря Беера, посаженнаго верхомъ на осла, лицомъ къ хвосту его... Его везли на площадь, чтобы привязать къ поворному столбу и бѣжавшая за нимъ толпа, со свойственною ей жестокостью, издѣвалась и глумилась беспощадно надъ бывшимъ «господиномъ секретаремъ». На другой день предполагено было совершить надъ нимъ публично смертную казнь. Но онъ извѣгъ ея, наложивъ на себя руки: онъ удавился въ тюрьмѣ...

Елисавета затрепетала отъ ужаса, когда отецъ сообщилъ ей эту страшную новость. А мейстеръ Детмаръ глубокомысленно добавилъ:

— Такъ-то лучше и для него, и для всего города Любека, потому что черный помостъ и палачъ съ помощниками не подходили бы къ тѣмъ праздничнымъ и торжественнымъ днямъ, которые предстоятъ теперь нашему городу. Должно быть, теперь ужъ и до заключенія мира не далеко, судя по тому, что нашъ бургмейстеръ Варендорпъ, вмѣстѣ съ другими выборными ганзейскихъ городовъ, засѣдаетъ теперь на съѣздѣ въ Стральзундѣ, гдѣ они совѣщаются относительно условій мира, предложенныхъ имъ со стороны датскаго государственнаго совѣта.

Эта новость не только въ домѣ Детмаровъ, но и во всемъ городѣ вызвала живѣйшую радость. Этотъ съѣздъ представлялъ уже много ручательствъ въ пользу того, что заключенъ будетъ почетный миръ, и что слѣдствіемъ его будетъ увеличеніе и упроченіе могущества Ганзы, для которой уже принесено было союзными городами такъ много жертвъ.

Датскій рейхсъ-маршалъ фонъ-Падебускъ выказалъ себя гораздо болѣе разумнымъ, нежели скитавшійся по европейскимъ дворамъ король Вольдемаръ, который нигдѣ не могъ найти поддержки и помощи своему сокрушенному могуществу. Рейхсъ-маршалъ очень хорошо понималъ, что слѣдовало какъ можно скорѣе заключить миръ

съ ганзейцами, такъ какъ въ противномъ случаѣ и будущность, и самостоятельное существованіе Даніи подвергались большой опасности. Онъ началъ мало-по-малу вести переговоры съ побѣдителями, а такъ какъ, постепенно, весь датскій рейхсратъ сошелся съ нимъ во взглядахъ на положеніе Даніи, то онъ наконецъ и рѣшился отправиться въ Стральзундъ, въ сопровожденіи архіепископа Лундскаго, датскихъ епископовъ и бароновъ, засѣдавшихъ въ совѣтѣ короля Вольдемара. И тяжело было этимъ гордымъ сановникамъ, представителямъ Даніи, всегда попиравшей права Ганзы и съ презрѣніемъ относившейся къ ея интересамъ и преимуществамъ—тяжело было имъ теперь явиться въ Стральзундскую ратушу, гдѣ засѣдали представители ганзейскихъ городовъ, къ которымъ приходилось обращаться съ униженною просьбою о мирѣ и обсуждать его очень тягостныя для Даніи условія.

Переговоры привели, однако же, къ благопріятному результату, и заключенъ былъ миръ, которымъ ганзейцы могли гордиться по праву. Данія не только предложила вознаградить Ганзу за весь тотъ ущербъ, который былъ ей нанесенъ происками и произволомъ аттердага, но даже обязалась отнынѣ защищать ганзейцевъ отъ всякаго внѣшняго врага. Сверхъ того, союзныя ганзейскіе города получали, на основаніи мирнаго договора, множество разныхъ торговыхъ привилегій въ датскихъ провинціяхъ. Болѣе выгодныхъ условій мира не возможно было себѣ и представить. Побѣдители могли смѣло радоваться своимъ лаврамъ, которые доставили имъ преобладаніе на всемъ Скандинавскомъ полуостровѣ, такъ какъ и король Ганонъ Норвежскій долженъ былъ также подписать унижительный для себя миръ съ ганзейцами. Густавъ Ваза былъ правъ, когда онъ впоследствии говаривалъ о Даніи, Норвегіи и Швеціи, что эти три королевства Стральзундскимъ миромъ подрались слугить Ганзѣ товарными складами.

И когда насталъ, послѣ заключенія этого мира, тотъ день, когда бюргермейстеръ Варендорпъ возвратился въ Любекъ съ побѣдоносными войсками и экипажами ганзейскихъ кораблей—для Любека, дѣйствительно, настало такое торжество, какого городъ еще никогда не видывалъ. Праздники смѣнялись праздниками, дома обвѣшаны были коврами, флагами и гирляндами живыхъ цвѣтовъ и растеній. Вездѣ на улицахъ воздвигнуты были триумфальныя арки,— все дышало радостью и весельемъ. Среди торжествъ и веселій, благородный Варендорпъ не забылъ на городскомъ кладбищѣ скромную могилу Іоганна Виттенборга, своего предшественника и собрата: онъ возложилъ вѣнокъ на надгробную плиту этого несчастнаго, такъ несправедливо искупившаго смертію на эшафотѣ свои увлеченія и ошибки.

На обратномъ пути съ кладбища, Варендорпъ остановился въ Гольстенской улицѣ противъ дома съ извѣстнымъ уже намъ древ-

нимъ изреченіемъ около входной двери. Тихонько поднялся онъ на верхъ по лѣстницѣ, сопровождаемый старымъ Даніалемъ въ покои фрау Мехтильды.

Въ старомъ домѣ Госвиновъ сегодня вообще что-то такое подготавлилось, и при томъ подъ покровомъ величайшей тайны. На лѣстницѣ и по корридорамъ слышно было движеніе взадъ и впередъ, всѣ о чемъ-то шептались и совѣщались, всюду мелькали знакомыя намъ лица, и на всѣхъ написано было какое-то волненіе и сосредоточенная озабоченность.

Госвинъ Стеенъ въ этотъ день былъ уже не въ конторѣ своей, а въ уютной комнаткѣ верхняго этажа. Празднество и торжество послѣднихъ дней сильно его поутумили. Онъ отъ души былъ радъ успѣхамъ ганзейцевъ; но на сердцѣ его все же было не весело, — тамъ все ныла старая, незажившая рана, и онъ не могъ спокойно видѣть людей, наслаждавшихся семейнымъ счастіемъ и согласіемъ у своего домашняго очага. Онъ много думалъ теперь о прошедшемъ. Особенно живо представлялся въ его памяти тотъ день, когда Мехтильда подарила его мальчикомъ, и онъ, счастливый отецъ, при видѣ этого ребенка и смѣялся, и плакалъ. Ему вспоминалось какъ онъ впервые прижалъ малютку къ своему отеческому сердцу, и какъ оно тогда радостно билось. Вспомнились ему потомъ и всякія причуды подростовающаго ребенка, и онъ, при этихъ воспоминаніяхъ, улыбался сквозь слезы. А тамъ и годы ученія, въ теченіе которыхъ онъ частенько забѣгалъ къ отцу въ контору для рѣшенія какой-нибудь мудреной задачи. И все милѣе, все прекраснѣе выросталъ и развивался мальчикъ, и сталъ юношей, съ которымъ отецъ тѣсно сдружился, потому что гордился имъ, и говорилъ себѣ, что этотъ юноша будетъ современемъ достойнымъ его преемникомъ и владѣльцемъ старой фирмы. И Госвинъ Стеенъ вспоминалъ, какъ онъ былъ счастливъ этою любовью къ сыну, и какъ ежедневно и ежечасно благодарилъ Бога за то, что ему данъ былъ такой сынъ. Тревожно слѣдилъ онъ затѣмъ, чтобы Реймаръ не зналъ никакихъ лишеній, и каждое маленькое нездоровье ребенка уже причиняло ему безпокойство. Добрые, честные глаза его сына были ему краше солнца и кроткіе лучи ихъ проникали въ самый тайникъ его души. Онъ съ ужасомъ думалъ о томъ, что можетъ потерять Реймара, и вотъ, каждый вечеръ, отходя ко сну, и каждое утро, едва открывъ глаза, онъ, становясь на молитву, обращался къ Богу только съ одною мольбою: «Боже, Царь небесный, сохрани мнѣ сына!» И что же?..

Изъ-за юношеской необдуманности, за которую нельзя было даже привлечь Реймара ни къ какой отвѣтственности, изъ-за того, что у него еще не хватало воинской опытности, онъ вдругъ порвалъ всѣ связи съ нѣжно-любимымъ сыномъ и безжалости оттолкнулъ его отъ себя!

Гдѣ же была его отеческая любовь? О! Святая искра ея все еще продолжала горѣть въ его сердцѣ, хотя его уста и произносили брань и хуленія противъ сына. И эта искра не могла вполнѣ потухнуть, потому что она была частицею вѣчной, непреходящей любви. И по временамъ она такимъ огнемъ палила его сердце, что онъ способенъ былъ утолить сердечную боль только слезами...

А съ надворья доносились крики веселой толпы; эти люди могли радоваться наступленію счастливаго времени, потому что всѣ они снова свидѣлись теперь со своими родными и близкими, между тѣмъ, какъ онъ,—владѣлецъ старой и богатой фирмы, устоявшій противъ всѣхъ бурь и невзгодъ—сидѣлъ въ своей комнатѣ одинокій, грустно опустивъ голову на руки...

И вдругъ кто-то постучалъ въ его дверь, такъ нѣжно и тихо, словно не человѣкъ хотѣлъ войти въ комнату, а мирный ангелъ. Госвинтъ Стеенъ поспѣшилъ сказать: «войдите», — и въ комнату вошла прекрасная дѣвушка съ такими добрыми, ласковыми глазами и такою чудною улыбкою, что старый купецъ невольно поднялся ей на встрѣчу.

Она не смѣло подошла къ нему, взяла его за руку и сказала:

— Я—дочь вашего стараго друга Тидемана. Онъ, вѣроятно, не разъ говорилъ вамъ о своей Росвинтѣ?

Госвинтъ Стеенъ поклонился—и глазъ не могъ оторвать отъ милаго образа.

— Я приношу вамъ отъ него поклонъ,—продолжала Росвинта,—и вотъ должна передать вамъ этотъ листокъ.

Госвинтъ взялъ листокъ изъ ея рукъ. Это была дѣловая бумага съ датскою печатью. Съ величайшимъ изумленіемъ, онъ прочелъ тѣ немногія латинскія строки документа, въ которой значилось, что «уроженецъ города Копенгагена, нѣкто Кнутъ Торсенъ, уступаетъ фирмѣ Госвинтъ Стеенъ и Сынъ въ Любекѣ всѣ находящіяся у него на складѣ въ Лондонѣ товары, въ уплату долга оной фирмѣ, почему лордъ мэръ города Лондона и проситъ для полученія вышеозначенныхъ товаровъ прислать довѣренное и уполномоченное лицо».

Госвинтъ Стеенъ могъ только, послѣ прочтенія документа, восторженно взглянуть на Росвинту.

— Какъ!?—сказалъ онъ наконецъ,—неужели Кнутъ Торсенъ самъ, по собственному почину и доброй волѣ рѣшился на такую сдѣлку?

— Онъ рѣшился на нее послѣ того, какъ, на его совѣсть и сознание подѣйствовалъ человѣкъ, котораго я считаю лучшимъ изъ людей!—произнесла съ необыкновеннымъ одушевленіемъ Росвинта. — А вотъ вамъ и еще два документа, которыми съ чести и добраго имени этого человѣка стирается и послѣднее пятно!

И она передала Стеену сознание Торсена въ оклеветаніи Рей-

И Реймаръ устремился въ объятія отца.

мара и заявленіе пирата Петера Скитте, скрѣпленное подписью новгородскаго посадника и старшинъ нѣмецкаго двора въ Новгородѣ; въ этомъ заявленіи вполнѣ выяснился весь эпизодъ разграбленія Бойской флотиліи и доказывалась полная невинность Реймара.

Тутъ ужъ Госвинъ Стеенъ едва могъ дочитать это заявленіе до конца, потому что горячія слезы туманили ему глаза... Наконецъ, съ глухими рыданіями, онъ опустился на стулъ, едва будучи въ состояніи произнести:

— И я осмѣлился называть своего Реймара трусомъ, я заставилъ его такъ страшно страдать— о, Господи, я не стою этого сына; но умилосердись, Господи, не дай мнѣ впасть въ бездну отчаянія, возврати мнѣ сына въ мои объятія!

И онъ, говоря это, поднялся со своего мѣста и поднялъ съ мольбою руки къ небу.

Въ эту минуту дверь, уже заранѣе нѣсколько приотворенная, распахнулась настезь и Реймаръ бросился въ объятія отца!

Произошла сцена неописуемая... И отецъ, и сынъ кричали, смѣялись и плакали одновременно, и обнимались, и называли друга друга нѣжнѣйшими именами... Два любящихъ сердца слились въ одномъ потокѣ словъ, восклицаній, радости и восторга!..

И миръ воцарился въ старомъ домѣ Госвина Стеена, и онъ засіялъ свѣтомъ давно-покинувшей его благодати.

XXXV.

И порокъ наказанъ.

Госвинъ Стеенъ все еще обнималъ своего дорогого Реймара лѣвою рукою, все еще не могъ выпустить его изъ своихъ объятій, а правою пожималъ протянутыя къ нему руки тѣхъ лицъ, которые переступили порогъ его комнаты, вслѣдъ за Реймаромъ. То были— счастливая мать и дочь, старый Даніэль, бюргермейстеръ Варендорпъ, и старый, добрый Тидеманъ. Позади всѣхъ вошелъ и Ганнеке, тоже обнявшись со своимъ Яномъ, какъ Госвинъ Стеенъ со своимъ, возвращеннымъ ему сыномъ. И во всѣхъ глазахъ видны были слезы, а среди общаго молчанія, отъ времени до времени, слышались и сдерживаемыя рыданія... Всѣ понимали какъ торжественна и радостна была переживаемая минута.

Когда, наконецъ, Госвинъ Стеенъ почувствовалъ себя въ состояніи говорить, онъ обратился къ Тидеману и сказалъ:

— Спасибо, старый другъ! Этимъ всѣмъ я тебѣ обязанъ! Да вознаграждать тебя за это Богъ!

И оба старика обнялись крѣпко и радостно. А затѣмъ Тидеманъ сказалъ сухимъ, дѣловымъ тономъ:

— Теперь я просилъ бы всѣхъ васъ пожаловать вмѣстѣ со мною въ залу, гдѣ намъ придется присутствовать при обрученіи, если только, конечно, хозяинъ дома ничего не будетъ противъ этого имѣть.

— При обрученіи?—тревожно переспросилъ Госвинъ Стеенъ.

Тидеманъ кивнулъ ему въ отвѣтъ, а затѣмъ взялъ за руки Реймара и Росвинту, которые опустились на колѣни передъ Госвиномъ Стееномъ и просили благословить ихъ.

Госвинъ Стеенъ положилъ имъ руки на головы, и невольно проговорилъ:

— Видно, я для того только и обрѣлъ своего сына, чтобы вновь и навсегда его утратить!

— Ничуть не бывало!—замѣтилъ весело Тидеманъ.—Если это вамъ будетъ угодно, то мы всѣ станемъ жить вмѣстѣ, неразлучаясь. Я учредилъ въ Визби особое отдѣленіе своей торговой фирмы, которое, при нынѣшнемъ оборотѣ политическихъ обстоятельствъ, обѣщаетъ принести большія выгоды. А потому не лучше ли будетъ намъ соединить наши обѣ фирмы въ одну общую? Тогда мы могли бы и поселиться въ Любекѣ, и...

— И тогда не нужно было бы фирмѣ Госвина Стеена возвращать вамъ тѣ капиталы, которыми вы ссудили ее въ трудное время!—замѣтилъ Варендорфъ.

Можно себѣ представить изумленіе стараго Госвина Стеена при этихъ словахъ бюргермейстера! Только тутъ сообразилъ онъ и принялъ вполне все дивное благородство своего друга. Въ сильнѣйшемъ волненіи онъ прижалъ руку Тидемана къ своему сердцу и, поднявъ очи къ небу, воскликнулъ:

— Молю Бога, чтобы Онъ даровалъ намъ еще хоть нѣсколько лѣтъ невозмутимаго счастья, дабы мы еще разъ могли пережить всю прелесть юности въ нашихъ дѣтяхъ! И Онъ, Всеблагій и Милосердый, услышитъ молитву мою!

— Онъ услышитъ и внемлетъ ей!—добавилъ Тидеманъ взволнованнымъ голосомъ.

А фрау Мехтильда ласково наклонилась къ уху своего супруга и шепнула ему:

— Ну, что же! Вѣдь «живъ еще старый-то Богъ». Не такъ ли?

.....

По странной игрѣ случайностей, которую нерѣдко допускаетъ судьба, въ тотъ самый день, когда эта трогательная сцена происходила въ Любекѣ, въ домѣ Госвина Стеена, иная, страшная трагическая сцена разыгрывалась въ Шоненѣ, близъ Фальстербо, въ томъ лѣсу, который служилъ убѣжищемъ Нильсу.

Всѣми оставленный и забытый, отъ всѣхъ вынужденный скрываться, Нильсъ вдругъ, во время одной изъ своихъ вечернихъ прогулокъ, лицомъ къ лицу столкнулся съ Петеромъ Скитте...

Прежній пиратъ, обратившійся, благодаря щедрости Реймара, въ достаточнаго и мирнаго землевладѣльца, могъ, конечно, съ полною безопасностью являться въ Шоненѣ. Прослышавъ о томъ, что его злѣйшій врагъ, Нильсъ, скрывается гдѣ-то около Фальстербо, Петеръ Скитте не вытерпѣлъ, и отправился выслѣживать шпіона. Онъ не нуждался въ тѣхъ деньгахъ, которыхъ такъ коварно лишилъ его Нильсъ, онъ вовсе и не думалъ требовать отъ него обѣщанной ему награды,—онъ просто не могъ совладать съ тою жаждою мести, которую питалъ въ душѣ своей, онъ не могъ примириться съ мыслью о томъ, что Нильсъ, такъ ловко его обманувшій, остался безнаказаннымъ—что онъ живетъ, существуетъ!

Какъ только Нильсъ взглянулъ въ лицо Петра Скитте, словно изъ земли выросшаго передъ нимъ, такъ онъ прочелъ въ его глазахъ свою смерть и гибель, и пустился бѣжать... Скитте—за нимъ, неотступно, почти по пятамъ. Такъ добѣжали оба врага до края скалы, угрюмо нависшей надъ моремъ. Не видя людей, Нильсъ рѣшился на послѣднюю, отчаянную борьбу, и бросился на Петра Скитте. Они схватились, сплелись руками и ногами, слились въ одну неразрывную массу, то изгибаясь, то колеблясь; они падали на землю, катались по ней въ судорожныхъ усиліяхъ, напрягаясь и истощая послѣднія силы, крича и проклиная другъ друга. Такъ докатились они до края утеса... Еще одно безнадежное усиліе, еще одинъ порывъ и напряжение—страшный, раздирающій крикъ, нарушившій вечернюю тишь, раздался и замеръ!.. Два тѣла, неразрывно-сплетенныя судорожно-замершими руками и ногами, грузно рухнули съ утеса въ воду, и несытая морская пучина прикрыла своими волнами влажную могилу двухъ непримиримыхъ враговъ...

Иная, лучшая доля постигла Кнута Торсена. Долгое, вынужденное пребываніе въ обители Сѣрыхъ братьевъ, тяжелая болѣзнь, при которой онъ постоянно былъ окруженъ ихъ уходомъ и нѣжными заботами, полная тишина и спокойствіе, до тѣхъ поръ недоступныя его тревожному, безпокойному духу,—все это сильно подѣйствовало на ожесточенное, закоренѣлое сердце датчанина. Онъ вдругъ со страхомъ сталъ думать о томъ, что ему опять придется выйти изъ-подъ мирнаго крова и вновь окунуться въ житейскій омутъ!

Долго боролся онъ съ самимъ собою,—и, наконецъ, пришелъ къ тому убѣжденію, что онъ можетъ еще найти себѣ утѣшеніе въ полномъ раскаяніи и въ умиротвореніи своей совѣсти. Онъ отказался отъ своего неправедно-нажитаго имущества, уплатилъ свой

долгъ Госвину Стеену, чистосердечно раскаялся во всѣхъ своихъ дурныхъ дѣяніяхъ, и молилъ настоятеля о томъ, чтобы онъ дозволилъ ему остаться въ обители, наложивъ на него строгій искъ. Выдержавъ тяжелое испытаніе, Кнутъ Торсенъ былъ постриженъ и со временемъ заслужилъ общее уваженіе братіи, какъ одинъ изъ усердѣйшихъ въ средѣ ея.

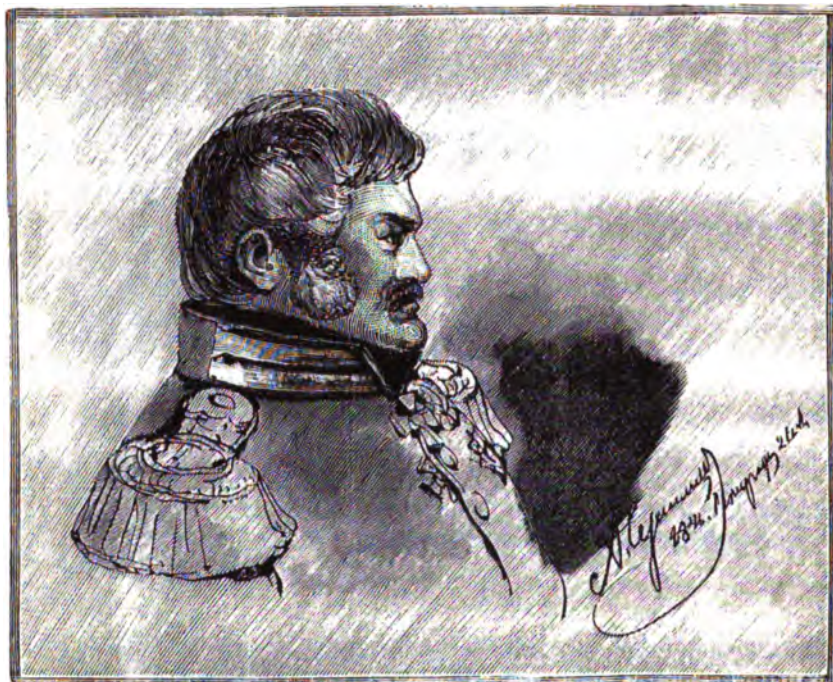
Само собою разумѣется, что Янгъ вскорѣ послѣ вышеописанныхъ торжествъ, происходившихъ въ Любекѣ, былъ объявленъ формальнымъ женихомъ Елисаветы. Онъ теперь занималъ хорошее мѣсто, стоялъ на хорошей дорогѣ, но благоразумные родители все же рѣшили, что слѣдуетъ молодымъ людямъ подождать еще два-три года, позапасть житейскою мудростью и поприкопить деньжонокъ...

Впрочемъ, и Янгъ, и Елисавета, и Марика, и Ганнеке—отчасти предвкушали свое будущее счастье, присутствуя на великолѣпной, шумной и радостной свадьбѣ Реймара и Росвинты, на которую со званъ былъ чуть не весь Любекъ, гдѣ за вечернимъ, блестящимъ пиршествомъ рѣкою лилось дорогое старое вино, и тяжелые серебряные кубки звонко чокались при звукахъ музыки, при общихъ кликахъ, пожеланіяхъ и поздравленіяхъ.

Пили на этомъ пиршествѣ, и за молодыхъ, и за старыхъ, пили за дружбу и согласіе, пили за славу и процвѣтаніе могущественнаго Ганзейскаго союза!

Да,—могущественнаго въ то время, и долго еще сохранявшаго свою силу и значеніе, до того историческаго момента, когда открытіе Америки и морской путь въ Индію совершенно видоизмѣнили всѣ пути и обороты всемірной торговли. Но и отживши свой вѣкъ, и распавшись окончательно, и утративъ всякое значеніе, Ганзейскій союзъ оставилъ по себѣ глубокой слѣдъ въ исторіи сѣверно-европейской культуры, въ исторіи общенія народовъ и установленія между ними правильныхъ отношеній. «Рѣка временъ», которая такъ безжалостно уноситъ «въ пропасть забвенія», такъ много всякихъ громкихъ именъ и дѣлъ, не стерла и до сихъ поръ со скрижалей исторіи воспоминанія о мирной, полезной и плодотворной дѣятельности Ганзейскаго союза!

КОНЕЦЪ.

АЛЕКСѢЙ ПЕТРОВИЧЪ ЕРМОЛОВЪ.

Съ портрета, сдѣланнаго съ натуры карандашомъ художникомъ Чернышевскимъ въ 1864 году.
(Подлинникъ принадлежитъ П. Я. Дашкову).

Довл. цѣмв. сѣв., 27 июля 1898 г.

АРАКЧЕЕВСКИЙ СЫНОКЪ ¹⁾.

XXXI.

А УТРО, однако, никто не приходилъ будить Шумскаго. Когда онъ проснулся самъ и взглянулъ на часы, было около полудня. Онъ готовъ былъ разсердиться, но тотчасъ же сообразилъ, что его ослушаться не посмѣли бы и, слѣдовательно, дѣвушка еще не просыпалась.

— Дрянъ дѣло,—смутился Шумскій.—Больше двѣнадцати часовъ спать.

Его смутило не столько то, что могло случиться съ швейкой, сколько мысль, что можетъ произойти отъ этого питья въ иномъ случаѣ. На его зычный крикъ тотчасъ появился въ спальнѣ Шванскій.

— Ну!—вымолвилъ офицеръ.

— Что прикажете?

— Да, дубина эдакая, что я могу приказать? Понятно, о чемъ спрашиваю. Что она?

— Не просыпалась. Шевелилась, а проснуться, не проснулась. Я не смѣлъ трогать, а полагаю, что если потормозить, проснется. Извольте посмотрѣть сами.

Шумскій быстро поднялся, надѣлъ халатъ и вышелъ въ гардеробную. Дѣвушка лежала на боку, лицомъ къ стѣнѣ, и спокойно дышала.

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXIII, стр. 5.

«истор. вѣстн.», августъ, 1888 г., т. XXXI.

— Буди,—вымолвилъ онъ, обратясь къ Шваньскому.

Шваньскій началъ тормошить дѣвушку за руку, и кликать. Она нѣсколько разъ глубоко вдохнула и, наконецъ, открыла глаза.

— Вставать пора, заспалась. Знаешь ли, который часъ?—говорилъ Шваньскій.—Нешто эдакъ работаютъ.

Дѣвушка безсмысленно смотрѣла въ лицо Шваньскому, какъ бы спросонья, потомъ, ничего не говоря, приподнялась, сѣла, но тотчасъ же взялась за голову.

— Чего? Аль голова болитъ?—спросилъ Шваньскій.

— Болитъ,—тихо произнесла Мареуша.

— Сильно? Стучить, что ли?

— Тяжела,—отозвалась дѣвушка.

— Ну, ничего, пройдетъ. Вставай, да выйди прогуляться по двору. Больно ужъ заспалась. Вставай, что ли. Вѣдь ужъ двѣнадцать часовъ. Обѣдать людямъ пора, а ты спишь.

— Двѣнадцать!—воскликнула, оживясь Мареуша.—О Господи!

И это простое обстоятельство, повидному, всего сильнѣе подействовало на дѣвушку, которая, быть можетъ, въ первый разъ въ жизни проснулась въ такой часъ. Она поднялась на ноги, хотѣла шагнуть, но покачнулась. Шваньскій поддержалъ ее. Шумскій приблизился тоже и выговорилъ:

— Аль на ногахъ не стоишь?

Мареуша взглянула на молодого человѣка, котораго сначала не замѣтила, и тотчасъ же смутилась.

— Говори,—вымолвилъ Шваньскій.—Ноги, что ли, слабы?

— Да. Чудно. Отлежала, что ли. Совсѣмъ, какъ чужія?!

— Ну, это пройдетъ.

— Чудно. Никогда эдакого со мной не бывало.

— Выйди во дворъ, живо все пройдетъ. На, вотъ, надѣвай.

Шваньскій живо надѣлъ на Мареушу лежавшій по близости самопчикъ ея, пакинулъ ей платокъ на голову и повелъ къ входной двери. Дѣвушка шла не ровной походкой, слегка какъ бы пошатываясь. Шваньскій бережно свелъ ее по лѣсенкѣ и, выведя на воздухъ, продолжалъ поддерживать. Но черезъ минуту Мареуша уже твердо и свободно стояла на ногахъ и съ наслажденіемъ вдыхала свѣжій воздухъ.

— Что?—спросилъ Шваньскій.

— Ничего. Эдакъ лучше. Угорѣла я у васъ.

— Вотъ! Вотъ! Именно и есть!—воскликнулъ Шваньскій.—Всѣ угорѣли, а ты пуще всѣхъ.

— Ничего, пройдетъ,—отозвалась Мареуша.—Я разъ не такъ-то угорѣла, сутки безъ памяти была. А это что! Вотъ ужъ теперь совсѣмъ хорошо.

И Мареуша вдругъ задумалась. На два или на три вопроса,

предложенныхъ Шванскій, она не отвѣчала ни слова и, наконецъ, онъ тронулъ ее за руку.

— О чемъ задумалась-то?

— Да такъ. Не знаю. Такъ. Чудно. Ничего что-то не помню.

— Чего, не помнишь?

— Да ничего не помню. Помню, послѣ питья пила чай у барина; про сливки онъ все говорилъ... А какъ я пришла и легла, ну, вотъ ничего не помню, точно какъ отшибло память.

— Ну, это пустое, не стоитъ и вспоминать. Угорѣла и шабашъ. Тошнить, что ли?

— Нѣту.

— Голова-то болитъ?

— Ничего.

— А ноги? Стоять твердо? Ходить можешь?

— Могу.

— Ну, вотъ и погуляй по двору, а потомъ приходи въ домъ.

Шванскій, довольный, почти сіяющій, вернулся въ квартиру и напелъ Шумскаго внимательно осматривающимъ чуланную дверь и замѣкъ.

— Не понимаю,—сказалъ онъ при видѣ Шванскаго,—совсѣмъ не понимаю. Эдакій замчище отодрать ножомъ совсѣмъ невозможно. Тутъ дѣло не чисто. Говори правду, кромѣ ножа, ты ей ничего не давалъ?

— Ей-Богу, ничего-съ. Что же мнѣ лгать. Да что же я за дуракъ такой. Я и столоваго ножа-то не хотѣлъ давать.

— Чортъ ее знаетъ! Проклятал дѣвка,—злобно произнесъ Шумскій.—Что теперь будетъ и ума не приложу. А Авдотья не идетъ. Не могли же ее заарестовать тамъ. Ей первое дѣло уходить, если Пашутка опять явилась къ барону.

— А я, Михаилъ Андренчъ, все-таки свое вамъ докладываю, не пойдетъ она туда. Просто убѣжала, и въ городѣ гдѣ скрывается будетъ и мѣшать вамъ не станетъ.

Шумскій не отвѣтилъ ничего и прошелъ къ себѣ. Шванскій молча послѣдовалъ за нимъ и очевидно собирался начать разговоръ о чемъ-то особенномъ, такъ какъ онъ улыбался своей обезьяньей улыбкой, «во всю рожу», по выраженію Шумскаго.

— Михаилъ Андренчъ, позвольте вамъ доложить, — началъ Шванскій, — о такомъ моемъ намѣреніи, которое васъ можетъ очень удивить. Но вы меня не осудите, дѣло благое, хорошее.

— Ну, какое такое дѣло?

— А насчетъ именно вотъ этой дѣвицы-швеи. Насчетъ этого, какъ вы изволили ее обозвать, созданія.

— Ну,—нетерпѣливо отозвался Шумскій.

— Вотъ я и хочу вамъ доложить, что Мареуша эта дѣвушка

тихая, кроткая, доброты безконечной; характера совѣтъ овецъ, — тонкимъ и ласковымъ голосомъ началъ Шванскій.

— Глупа, какъ пень, остолопъ съ головы до пятъ, — тѣмъ же голосомъ продолжалъ Шумскій, какъ бы поддѣлываясь. — Ну дальше-то что же? — прибавилъ онъ.

— Вотъ я все, Михаилъ Андреичъ, обсудивъ и рѣшился на благое дѣло.

— Жениться, что ли на ней? — усмѣхнулся Шумскій.

— А хоть бы и такъ.

Шумскій громко расхохотался и, наконецъ, вымолвилъ:

— Ахъ, ты дура, дура! Право, дура!

— Почему же-съ?

— Почему? Ну, это, братъ, въ три дня не расскажешь. Во всякомъ случаѣ...

И Шумскій, глядѣвшій въ это время въ окно на улицу, вскрикнулъ такъ, какъ если бы его ударили ножомъ. Шванскій вдрогнулъ отъ этого крика и остолбенѣлъ.

— Авдотья! Авдотья! — прокричалъ Шумскій, бросившись къ окну.

Дѣйствительно, къ крыльцу дома подѣхала на извозчикѣ его мамка.

— Ну, вотъ! Гдѣ Пашута? — грозно обернулся Шумскій, подставляя кулакъ къ самому лицу своего Менорелло. — Гдѣ Пашута? Въ городѣ?! скотина эдакая? Иди, бѣги, тащи ее сюда. Она, чертъ, цѣлый часъ расплачиваться будетъ съ извозчикомъ. Тащи!

Но послѣднее слово Шумскій уже крикнулъ въ догонку, такъ какъ Шванскій рысью пустился къ парадной двери. Шумскій стоялъ въ халатѣ въ дверяхъ гостиной и, понуривъ голову, тихо шепталъ себѣ подъ носъ:

— Все пропало! Прибѣжала Пашута, все рассказала, а эту прогнали...

Но въ то же мгновеніе Шванскій опрометью вбѣжалъ изъ передней въ гостиную и воскликнулъ:

— А вотъ нѣтъ же. Не было ее тамъ. Не приходила туда. Авдотья къ вамъ сама явилась.

Шумскій встрепенулся.

— Она не приходила! Не была! — кричалъ Шванскій, чуть не прыгая отъ радости. — А коли за всю ночь не пришла и до сихъ поръ ее не было, то и не будетъ, по моему. Побѣжала просто куда въ городъ, а не къ барону.

При видѣ Авдотьи, тихо шагающей изъ передней, Шумскій вскрикнулъ:

— Да иди же! Иди! Что у тебя ноги-то отнялись, что ли?

И онъ тотчасъ же закидалъ женщину вопросами. Она объ Пашутѣ ничего не знала и только широко раскрывала глаза.

— Да нешто она у васъ ушла? — выговорила, наконецъ, Авдотья. — Какимъ же это способомъ? Какже это вы не доглядѣли?

— Ну, ладно, — махнулъ рукой Шумскій. — Ты тутъ будешь еще другихъ учить. Иди, рассказывай.

И привелъ Авдотью къ себѣ въ спальню, Шумскій началъ подробно разспрашивать мамку обо всемъ, что есть новаго. Вѣсти были самыя лучшія. Баронесса очень жалѣла свою любимицу, но вполнѣ вѣрила во все и ожидала возвращенія Пашуты черезъ два или три дня. Авдотью она согласилась оставить тотчасъ же, обращалась съ ней ласково и, вообще, ничего не подоврѣвала.

— Ну, слава Богу! — нѣсколько разъ повторилъ Шумскій и, произнеся эти слова въ десятый разъ, прибавилъ:

— Тьфу, прости Господи! И я тоже, какъ Шванскій, за всякую гадость славословлю Творца Небеснаго.

И Шумскій расхохотался.

— Ну, Дотюшка, теперь коли все обстоитъ благополучно, то принимаясь за главное дѣло, для котораго я тебя изъ Грузіина выписалъ. Время терять нечего. Вотъ тебѣ прежде всего пузырекъ, береги его яко зеницу ока. Помни одно, что эта скляница съ бурдею сто рублей стоитъ.

— О-охъ! — вздохнула Авдотья.

— То-то, охъ! Тебѣ это главное. Оттого я и говорю. Есть ли у тебя красный платокъ, хоть маленькій что ли?

— Нѣту, родной мой. Откуда же ему быть?!

— Ну, сейчасъ купить пошлю. Ну, слушай, теперь.

— Вотъ что, родной мой, — перебила Авдотья. — У меня съ утра маковой росинки во рту не было. Позволь мнѣ чаю напиться. Я живо въ одну минутку; а тамъ и рассказывай.

— Ну, ладно.

Шумскій отпустилъ мамку и совершенно довольный, насвистывая какую-то цыганскую пѣсню, началъ шагать изъ угла въ уголъ. Черезъ нѣсколько времени онъ вышелъ въ корридоръ и увидалъ вдаль за чайнымъ столомъ три весело бесѣдовавшихъ фигуры — мамку, Шванскаго и швейку.

— Женихъ съ невестой, — выговаривалъ Шумскій и разсмѣялся. — Эка дура! Во всемъ-то Питерѣ лучше не розыскалъ, — прибавилъ онъ, глядя издали на Марешу.

Но, затѣмъ, помолчавъ съ минуту и пристальнѣе приглядѣвшись къ дѣвушкамъ, онъ задумался.

— Нѣтъ, — произнесъ онъ, — я вру, а не онъ вретъ. Издали она еще пуще смахиваетъ на Еву. Только волосы обыкновенные, блонкурые, а будь они свѣтлѣе, совсѣмъ бы на нее смахивала. Вѣстимо вдурнѣ. Такъ если Ева для меня пара, то Мареша для Шванскаго и совсѣмъ пара. Даже, пожалуй, Шванскій ей не пара.

Стало, Иванъ Андреичъ мой,—губа не дура. А что шпеля она, такъ вѣдь и онъ не генераль-фельдмаршалъ.

Шумскій вернулся къ себѣ, одѣлся въ мундиръ и, выйдя въ кабинетъ, крикнулъ Колчика.

«Тыфу забылъ, что запертъ—подумалъ онъ.—Но за что же я его посадилъ? Вѣдь все-таки же виноватъ Шванскій. А, можетъ, и онъ. Дѣло не чисто. А выпустить все-таки надо, безъ него какъ безъ рукъ. Все въ квартирѣ вверхъ дномъ станеть».

Шумскій вышелъ снова въ корридоръ, кликнулъ своего Лепорелло и приказалъ немедленно выпустить заключеннаго. Черезъ минуту Васька, смущенный, появился на глаза барина. Онъ очевидно ожидалъ побоевъ. Лакей испуганно и робко переступилъ порогъ, готовый каждую минуту броситься на колѣни и, повидимому, то, что онъ намѣревался сказать, было уже у него приготовлено заранее.

— Слушай ты. Если ты тутъ не при чемъ, ничего не будетъ тебѣ, но мнѣ сдается, дѣло не чисто, замкъ не ножомъ оторванъ.

— Помилуйте, Михаилъ Андреичъ,—началъ Колчикъ слезливымъ голосомъ.—Вѣрите Богу, что я...

— Молчи. Я не изъ тѣхъ, что вѣрятъ всему, что съ языка сбросить всякій болтунъ. Языкъ безъ костей. Я знаю не то, что мнѣ говорить, а знаю то, что знаю. Если это дѣло твоихъ рукъ, то оно окажется послѣ. И когда окажется, быть тебѣ въ Сибири. И это еще славу Богу. А то похуже приключится. Быть тебѣ запоротымъ на-смерть въ конюшнѣ Грузинской. Ну, пошелъ и куда дѣлай свое дѣло. Зови сюда Авдотью.

Черезъ минуту женщина нѣсколько болѣе въ духѣ, такъ какъ успѣла выпить нѣсколько чашекъ чаю, который она обожала, явилась къ своему питомцу.

— Ну, садись, Дотюшка, и слушай въ оба. Самая теперъ суть пошла у насъ, самое что ни на есть свѣтопреставленіе начинается.

— Охъ, типунъ вамъ! Что это ты, родной мой,—перекрестилась Авдотья.

— Ну, ладно. Слушай.

— Грѣхъ эдакія шутки шутить.

— Слушай, тебѣ говорятъ,—перебилъ Шумскій серьезно.

Собравшись съ мыслями, молодой человекъ подробно чѣмъ когда-либо повторилъ три раза сподрядъ то, что должна была мамка сдѣлать въ тотъ же вечеръ. По мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, доброе расположеніе духа мамки исчезло. Она снова понурилась и снова лицо ея было печально и тревожно.

— Ну, пугайся сколько хочешь,—прибавилъ Шумскій.—Это твое дѣло. А все-таки все, какъ я приказываю, должно быть сдѣлано нынѣ ввечеру. А что изъ сего свѣтопреставленія выйдетъ, это не твоя забота. Въ сотый разъ тебѣ говорю, я въ отвѣтъ, а не

ты. Ты была здѣсь, и нѣту. Что ни случись, уѣдешь въ Грузино, и никакими собаками тамъ тебя никто не достанетъ. Настасья Федоровна не выдастъ. Да и кто посмѣеть хвататься за человѣка графа Аракчеева. Да и мнѣ-то, что ни случись, ничего не будетъ. Неужто ты по сю пору не понимаешь, что мы съ тобой, чего ни захотимъ, то все въ столицѣ и сдѣлаемъ. Хоть народъ вотъ станемъ грабить на Невскомъ проспектѣ, и намъ никто ничего не сдѣлаетъ. Пойми ты, что я, сынъ царскаго друга, графа Аракчеева. Знаю въ Питерѣ больше, чѣмъ онъ самъ. Онъ ради срама дряннаго дѣла не затѣетъ, а я все могу и никто тронуть меня не смѣетъ. Мало ли какіе я тутъ фокусы продѣлывалъ, еще когда былъ въ Нажескомъ корпусѣ. Все съ рукъ сходило. Теперь говори, поняла ли ты, что тебѣ дѣлать.

— Вѣстимо, поняла,—глухо отозвалась Авдотья.

— Говори, главная въ чемъ суть? Повтори.

— Что же повторять-то?

— Повтори, тебѣ говорятъ.

— Ну, значить, дать испить этихъ сливочекъ въ чаю или въ питьѣ какомъ вечернемъ.

— Предпочтительно — въ чаю, помни это. — Не захочетъ чаю, отложи до другого дня. А затянется дѣло, тогда ужъ въ питьѣ.

— Понятно, знаю.

— Ну, потомъ? Повтори.

— Ну, красный платокъ, стало быть, на окошко повѣсить, какъ заснетъ, и дверь изъ дома во дворъ оставить не запертую.

— Ну, вотъ умница!—усмѣхнулся Шумскій.—Не забудь ничего и не перепутай. А теперь собирайся...

Авдотья поднялась, но при этомъ вдохнула глубоко.

— Что, изъ всего этого будетъ вамъ?—пробурчала она вдругъ.

— Сегодня же ввечеру, т. е. около полуночи, я навѣдуюсь,—привнесъ Шумскій, какъ бы не слыжавъ словъ мамки.

— Бѣда изъ всего этого будетъ!—Твоя гибель,—сказала Авдотья.

— Ну, это не твоя забота: Ты не разсуждай, а дѣйствуй! — рѣзко и грубо отозвался Шумскій.—Твоихъ совѣтовъ мнѣ не надо. И не твое это дѣло. Ты за себя боишься... не финти!..

— За васъ... а не за себя. Богъ съ вами!..

— Ну, вотъ что, Авдотья, — медленно вымолвилъ Шумскій. — Будетъ тебѣ, положимъ, хотъ распробовать, хотъ распробаторга и распродьявольщина всякая, хотъ подохнуть тебѣ придется черезъ день послѣ содѣяннаго... а все-таки ты все по моему приказу исполнишь.

Слова эти были произнесены такимъ голосомъ, что мамка, привыкшая все слышать отъ своего питомца за двадцать пять лѣтъ, все-таки невольно почувствовала теперь въ его голосѣ грубое оскор-

бленіе. Въ звукѣ его голоса и равно въ каждомъ словѣ звучало насиліе. Шумскій пристально взглянулъ на женщину, прошелся по комнатѣ, и, затѣмъ, остановясь передъ своей мамкой, выговорилъ мягче:

— Я тебя заставить, собственно говоря, не могу насильно. Хочешь ты это сдѣлать, сдѣлай, не хочешь, не дѣлай. Но вотъ тебѣ крестъ,—Шумскій перекрестился,—что если ты не сдѣлаешь этого нынче ввечеру или завтра ввечеру, какъ будетъ удобно по обстоятельствамъ, то знай... Я тебя позову сюда, притворю вотъ эту дверь и тутъ же на твоихъ глазахъ прострѣлю себѣ башку изъ этого вотъ пистолета. Въ этомъ даю тебѣ священную клятву передъ Господомъ Богомъ.

— Ахъ, что ты, что ты!—завопила вдругъ Авдотья и замахала руками.

— Будь я проклятъ на томъ и на этомъ свѣтѣ, если я не застрѣлюсь передъ тобой. Ты дура баба. Ты не понимаешь, что когда человѣкъ влюбится въ дѣвушку, какъ я, въ первый разъ отъ роду, то ему или добиться своего, или не жить.

— Господи помилуй, да развѣ инако нельзя!—воскликнула Авдотья.—Такъ женись на ней!

— Жениться! Нѣтъ, мамушка, дудки. Я не сдѣлаю того, что всякій дуракъ умѣетъ сдѣлать. Ну, а теперь намъ съ тобой толковать не о чѣмъ больше. Сейчасъ принесутъ красный платокъ, бери его и маршъ восвояси, служить и услуживать вѣрой и правдой, и баронессѣ, и мнѣ. Прощай. Въ добрый часъ! Ввечеру часовъ въ одиннадцать или около полуночи я буду у дома. Коли нѣтъ платка на окошкѣ вернусь. Коли есть платокъ, въ домъ шагну.

Авдотья тихо пошла изъ горницы, держа пузырькъ съ жидкостью.

— Помни. Дай меньше половины,—весело прибавилъ Шумскій ей вслѣдъ,—а остальное сохрани какъ зеницу ока. На другой разъ можетъ пригодиться.

И, оставшись одинъ, онъ подумалъ:

«Не люби меня эта дурачья, ничего бы не подѣлать съ ней. Вѣда—бабы!»..

XXXII.

Въ одиннадцать часовъ вечера Шумскій выѣхалъ изъ дома. Не смотря на полную тьму въ улицахъ, онъ ѣхалъ довольно быстро по направленію къ Васильевскому острову. Молодой человѣкъ волновался чрезвычайно и часто жадно вдыхалъ свѣжій ночной воздухъ, какъ если бы у него были припадки удушья. Происходило это отъ тѣхъ мыслей, что роились въ его разгоряченной головѣ, заставляя нервно-порывисто стучать сердце.

— «Наконецъ-то!»

Вотъ слово, которое не сходило съ его языка, не выходило изъ головы и сердца.

Да, наконецъ, послѣ многихъ дней, онъ былъ на шагъ отъ достиженія завѣтной, преступной, но тайно взлелѣянной цѣли.

Тому назадъ часа два Шумскій посылалъ Ваську въ домъ барона Нейдшильда за вѣстями, и Авдотья дала знать барину, что надѣется почти навѣрное исполнить всѣ его приказанья, иначе говоря, предать ему, хотя и въ собственномъ ея домѣ, но совершенно беззащитную дѣвушку.

«А вѣдь, ей-Богу, я молодецъ!» — самодовольно думалъ теперь Шумскій, обсуждая свой дикій замыселъ, который удавался.

А затѣянное имъ дѣло было и мудрено, и просто. Мудрено, по-видимому, потому что Ева была у себя, въ своихъ горницахъ, за шагъ отъ своего отца, но просто—вслѣдствіе чрезвычайной дерзости двухъ преступныхъ людей, дѣйствующихъ при помощи дурмана.

Дверь задняго крыльца на дворъ бывала всегда расперта, калитка воротъ и подавно оставалась настежь по ночамъ. Встрѣтить на крыльцѣ или въ прихожей кого-либо изъ людей было, конечно, возможно... Но это было бы случайностью, о которой Шумскій не думалъ, ибо заранѣе рѣшилъ дерзко вывернуться и все-таки войти въ домъ. Лѣнь и тупость людей барона были за него...

Разумѣется, въ нѣкыя мгновенья Шумскій сомнѣвался въ успѣхѣ своего дерзкаго предпріятія. Мало ли какая мелочь можетъ вдругъ нежданно явиться помѣхой. Но затѣмъ тотчасъ же, ему снова казалось, что никакая преграда его остановить не можетъ. Все въ дерзости!

«Найдусь какъ-нибудь,—думалъ онъ.—Даже выйду изъ дома и отѣду. И опять вернусь... И все-таки пройду и буду у нея.. Не сейчасъ, то позднѣе среди ночи, наконецъ, на зарѣ... Вадорь! Все на свѣтѣ вадорь, для того, кто смѣлъ и презираетъ весь этотъ міръ. Чтѣ онъ? Людская комедія въ мишурныхъ костюмахъ при размалеванныхъ декораціяхъ. И чего не выдумали эти актеры, живущіе ужъ сколько тысячъ лѣтъ на этой планетѣ. Добродѣтель, долгъ, нравственность, совѣсть, честность и всякая такая абракадабра, чтобы сдѣлать жизнь тяжелой и невыносимой, чтобы только дуракъ былъ счастливъ; а умный, смѣлый, предпримчивый, желающій жить истинной жизнью, сиди какъ скованный въ кандалахъ, именуемыхъ законами. И того нельзя и этого нельзя. Чортъ знаетъ, что за чепуха. Ну, да я спасибо не изъ тѣхъ, что вѣрятъ въ святость всѣхъ этихъ кандаловъ человѣческихъ. Подай мнѣ то, чего я захотѣлъ! А хорошо ли, дурно ли—это ужъ философія. Стало быть хорошо, коли мнѣ хорошо! А коли вамъ отъ него же дурно приходится, такъ это не мое дѣло. Пожалуй даже оно тѣмъ мнѣ и лучше, что отъ него вамъ, человѣкамъ, плохо».

Шумскій, мечтая и раздумывая, не смотря на быструю ѣзду, самодовольно ухмылялся, иногда ворчалъ вслухъ и чувствовалъ себя вполне счастливымъ. Иврѣдка, при мысли, что чрезъ нѣсколько мгновеній онъ очутится близъ существа, которое онъ страстно обожаетъ, и при томъ это существо будетъ беззащитно, въ его полной власти, — заставляло странно замирать его сердце, перерывало дыханіе, и онъ глубоко-жадно вдыхалъ въ себя свѣжій воздухъ.

Наконецъ, Шумскій былъ уже за нѣсколько домовъ отъ квартиры барона. Онъ остановилъ кучера и, приказавъ ему дожидаться себя, пошелъ пѣшкомъ. Среди полной темноты ночи дома барона было не видно, но Шумскій зналъ, что домъ находится отъ него въ сотнѣ шаговъ. Онъ шелъ быстро, нервно, и, по мѣрѣ приближенія къ дому, волненіе все болѣе овлаждало имъ.

— Даже не вѣрится! — прошептала онъ. — А какъ давно!.. Съ какими усиліями! Сколько хлопотъ, стараній...

Миновавъ лавочку, которую онъ хорошо зналъ, Шумскій вдругъ замедлилъ шагъ и пристально впился глазами въ то мѣсто, гдѣ приблизительно должны были находиться ворота дома барона...

— Что это? Что такое? — чуть не вслухъ произнесъ онъ.

Онъ сдѣлалъ еще нѣсколько шаговъ... Нѣтъ онъ не ошибся, это не обманъ зрѣнія. Около самаго дома стоитъ карета.

Шумскій приостановился и глядѣлъ.

«Что это. Зачѣмъ она тутъ?» подумалъ онъ и странное, ни на чемъ не основанное, подозрѣніе, нѣчто въ родѣ предчувствія, сказалося въ немъ.

Онъ зналъ хорошо, что у барона гостей почти никогда не бывало, а если кто изъ пріятелей его пріѣзжалъ къ нему вечеромъ, то никогда не засиживался позже десяти часовъ, время въ которое баронъ аккуратно всю жизнь ложился спать.

Постоявъ минуту, Шумскій смѣло двинулся впередъ, поровнялся съ каретой и воротами дома, и уже хотѣлъ пройти мимо, чтобы взглянуть на второе отъ угла окно... Здѣсь виднѣлся свѣтъ и долженъ былъ висѣть красный платокъ...

Но въ то самое мгновеніе, когда Шумскій, проходя глядѣлъ на кучера, дверка кареты не слышно отворилась и изъ нея выпелъ человекъ. Не смотря на темноту, Шумскій сразу разглядѣлъ фигуру въ военной формѣ и въ киверѣ.

Онъ приостановился и невольно, безсознательнымъ движеніемъ, быстро обернулся лицомъ къ этому военному.

— Прошу васъ дальше не идти! — раздался тихій и твердый голосъ.

Шумскій вздрогнулъ и застылъ на мѣстѣ какъ пораженный громомъ. Это былъ голосъ фонъ-Энзе.

Наступила пауза. Шумскій превратился въ истукана, но только руки его дрожали, и онъ медленно поднималъ стиснутые яростью

кулаки. Еще нѣсколько мгновений и онъ, казалось, бросится на врага, какъ разъяренный звѣрь.

— Совѣтую вамъ послушаться меня. Я не одинъ здѣсь,— снова тихо и какъ-то просто, или робчески простодушно, заговорилъ фонъ-Энзе.— Вотъ здѣсь, за заборомъ, на сосѣднемъ дворѣ, дежурятъ двое моихъ друзей-уланъ. Въ случаѣ вашего упрямства они перемахнуть сюда и съ вами будетъ нехорошо поступлено.

— Даже очень не хорошо,— раздался голосъ за заборомъ и, затѣмъ, двойной сдержанный смѣхъ.

Отъ этого смѣха Шумскій какъ бы выпелъ изъ своего столбняка и, быстро отбросивъ шинель, выхватилъ шпагу изъ ноженъ.

— Я васъ всѣхъ тутъ... Негодяи!..— задыхаясь, вскрикнулъ Шумскій, наступая съ обнаженной шпагой на фонъ-Энзе. Тотъ сдѣлалъ движеніе и вытянулъ на Шумскаго руку, въ которой былъ пистолетъ.

— Прострѣлю голову, положу тѣло въ карету и отвезя брошу въ Неву!— тихо, просто, точно будто нѣчто ласковое проговорилъ фонъ-Энзе.

И оба, молча, замерли такъ, другъ противъ друга, не шевелясь. Шумскій первый опустилъ шпагу, за нимъ и фонъ-Энзе принялъ руку съ пистолетомъ.

— Я требую у васъ удовлетворенья за эту комедію,— выговорилъ Шумскій сдавленнымъ отъ гнѣва голосомъ.— Завтра же утромъ мы должны драться на-смерть.

— Ни завтра, ни когда-либо,— вымолвилъ фонъ-Энзе спокойно.— Съ такими людьми какъ вы, честные люди не выходятъ на поединокъ.

— Какъ вы смѣете?— вскрикнулъ Шумскій.— Вы подлый трусъ и прикрываетесь...

— Не кричите, перебудите мирныхъ обывателей и срамъ будетъ... Драться я съ вами, даю честное слово, никогда не стану. Буду только постоянно до извѣстнаго срока оберегать этотъ домъ отъ васъ.

— Такъ я васъ завтра же просто застрѣлю при встрѣчѣ!— виѣ себя едва выговорилъ Шумскій.

— Можете... и пойдете въ Сибирь, или въ солдаты. Если же Аракчеевъ васъ запититъ, то вашъ адскій планъ все-таки не удастся, ибо товарищи передадутъ барону объяснительное письмо отъ меня. Если же вы уступите, удалитесь отсюда и, вообще, бросите вашу подлую и преступную затѣю, то ни баронъ, ни «она» никогда не узнаютъ ничего... Теперь же, въ случаѣ вашего упрямства, повторяю, мы васъ не пустимъ въ домъ. Убить себя здѣсь ночью я вамъ не дамъ, а убью васъ и тотчасъ же увезу въ каретѣ, чтобы избѣжать соблазна около дома барона... Удалитесь!..

— Хорошо... Но завтра я застаю васъ драться со мной за-

коннымъ образомъ,—вымолвилъ Шумскій глухимъ голосомъ и двинулся отъ дома.

Только пройдя нѣсколько шаговъ, онъ вспомнилъ о шпагѣ, которую все еще держалъ обнаженною въ рукѣ.

Онъ всунулъ ее въ ножны и провелъ рукой по горѣвшему лицу... Бѣшеная злоба душила его, глаза застилало туманомъ, и онъ слегка пошатывался какъ пьяный. Тяжело ступая, нѣсколько разъ оставался Шумскій и стоялъ среди панели, бормоча что-то безсвязное.

Когда шаги и звукъ шпоръ замолкли, фонъ-Энзе произнесъ нѣсколько громче, обернувшись къ забору.

— Ну, побѣдили!.. Выходите... Онъ далеко...

Черезъ минуту двое уланъ явились изъ калитки сосѣдняго двора. Какой-то мѣщанинъ въ длинномъ кафтанѣ провожалъ ихъ.

— Можетъ быть, завтра опять придемъ на дежурство,—сказалъ одинъ изъ уланъ, обращаясь къ нему.

— Пожалуйте. Рады служить, хотя и не знаемъ въ чемъ.

— И знать вамъ не полагается...

Уланы сошлись съ фонъ-Энзе и переговорили шопотомъ.

— А если опять вернется,—сказалъ одинъ изъ нихъ, по имени Мартенсъ.

— Никогда!—отозвался фонъ-Энзе.—Это было бы уже безуміемъ. Но еслибъ онъ оказался безумцемъ, то я, мой милый другъ, и одинъ съ нимъ справлюсь.

Фонъ-Энзе сѣлъ снова въ карету, тихо затворивъ дверцу. Карета не двинулась... Уланы, переговариваясь и смѣясь, зашагали по направленію къ Невѣ...

— Если онъ пѣшкомъ и мы его догонимъ,—сказалъ Мартенсъ,—то я его назову мерзавцемъ.

— Зачѣмъ?

— Ужъ очень хочется.

Впереди раздавался грохотъ двинувшагося экипажа.

— Удралъ, проклятый!—произнесъ Мартенсъ.

XXXIII.

Когда Шумскій вернулся домой, то гнѣвъ его прошелъ, яростнаго озлобленія не было и слѣда. Онъ впалъ въ какое-то странное, ему самому непонятное состояніе. Онъ уже не думалъ о неудачѣ, не вспоминалъ о томъ, что даже забылъ поглядѣть на окно, чтобы убѣдиться, виситъ ли красный платокъ въ видѣ условнаго знака. Равно не думалъ онъ о виновницѣ его безумной страсти. Всѣ мысли сосредоточивались на одномъ, на страстномъ желаніи мести, даже на нравственной необходимости отмщенія. Помѣха или преграда въ

достиженіи твердо намѣченномъ гѣбли явилась неожиданно въ лицѣ совершенно посторонняго человѣка, о существованіи котораго онъ и думать забылъ. Чужой человѣкъ сталъ на дорогѣ, какъ какое-то дьявольское навожденіе, хотя было понятно, что главной пособницей его была Пашута.

Теперь все сводилось къ одному,—стереть съ лица земли, уничтожить фонъ-Энзе. Какъ? Всячески.

И въ разгоряченной, а отчасти и какъ-то отуманенной головѣ Шумскаго возникъ вопросъ: драться съ нимъ на поединкѣ, рисковать собой или просто убить, хоть бы изъ-за угла? На томъ скользкомъ пути, на который вступилъ теперь молодой малый, подобные вопросы имѣли логическую возможность возникать.

Войдя въ свою квартиру, Шумскій черезъ нѣсколько мгновеній поневолѣ самъ себѣ удивился. Онъ удивился своему спокойствію. Дѣйствительно, онъ вошелъ въ свой кабинетъ тихо и молча, раздѣлся, надѣлъ халатъ, затѣмъ раскурилъ трубку, позвалъ Коцчика и, спокойно приказавъ подать себѣ чаю, даже перекинулся двумя-тремя фразами съ явившимся Шваньскимъ. Онъ былъ совершенно спокоенъ и чувствовалъ, что не способенъ разсердиться ни на что. И въ самомъ дѣлѣ, что же, какая мелочь, могла бы разсердить его и взволновать послѣ такого страшнаго удара, вынесеннаго сейчасъ сердцемъ и мозгомъ.

Однако, приглядѣвшись мысленно къ себѣ самому, Шумскій сознался или догадался, что состояніе его не есть спокойствіе; онъ не спокоенъ, а просто раздавленъ. Онъ ясно ощущалъ на себѣ гнетъ чего-то громаднаго, упавшаго вдругъ, и наваливагося на все его существо. И въ отвѣтъ на этотъ гнетъ явилась одна мысль—освободиться... такъ или иначе, во чтобы то ни стало, какимъ бы то ни было образомъ.

— Надо его убить!—мысленно, а затѣмъ и бормоча вслухъ, себѣ подъ носъ, повторялъ Шумскій.

И вся ночь вплоть до восьми часовъ утра прошла въ томъ, что молодой человѣкъ, просидѣвъ молча полчаса, иногда и часъ, или пройдясь нѣсколько разъ по горницѣ взадъ и впередъ, снова повторялъ на безчисленные лады все ту же фразу:

— Надо его убить!

Дѣйствительно, другого исхода для него не было. Или отказаться отъ всего, или уничтожить фонъ-Энзе, какъ сильную преграду на пути.

Среди ночи Шумскій рѣшилъ безповоротно просто застрѣлить фонъ-Энзе какимъ-нибудь предательскимъ образомъ. Подлымъ, мошенническимъ образомъ заманить куда-нибудь, отравить, задушить и въ крайнемъ случаѣ застрѣлить. Не черезъ недѣлю, такъ черезъ мѣсяцъ, наконецъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Весь вопросъ заключался не во времени, а въ томъ, чтобы преступленіе было

совершенно умно, тонко, талантливо, безъ слѣдовъ и, стало бытъ, безнаказанно. А если дѣйствовать такъ, чтобы попасться, то ужъ гораздо проще: приставить ему ко лбу пистолеть, да при всемъ честномъ народѣ и повалить замертво.

Но тотчасъ же Шумскій испыталъ на себѣ самомъ, что изъ всѣхъ преступленій убійство, лишеніе человѣка жизни, есть самое трудное дѣло. Онъ, легко рѣшившійся на позорно-преступный поступокъ съ обожаемой имъ женщиной, теперь чувствовалъ, что у него не хватить духу на подлое, предательское убійство.

Къ утру Шумскій рѣшилъ, что надо поневолѣ рисковать своей жизнью и драться съ фонъ-Энзе на поединкѣ. И рѣшивъ равный бой, а не предательское убійство, онъ какъ-то успокоился. На улицѣ уже брезжилъ свѣтъ, когда онъ взялъ съ постели подушку, бросилъ ее себѣ подъ голову и, не раздѣваясь, въ халатѣ, улегся на узенькомъ и неудобномъ диванѣ, и тотчасъ же заснулъ глубокимъ сномъ, какъ человѣкъ истомленный физически и нравственно.

Около полудня Шумскій открылъ глаза, пришелъ въ себя и вновь вспомнилъ все происшедшее. Прежде по поводу иного чего, онъ тотчасъ же взбѣлся бы, вскочилъ и сталъ бы придирагься къ Копчику или къ Шванскому, или влѣсть на самого себя. Теперь же онъ поднялся, сѣлъ на диванѣ и тяжело вздохнулъ. Тотъ же гнетъ, то же чувство пришибленности сказалось снова. Онъ былъ попрежнему ошеломленъ и раздавленъ всѣмъ случившимся наканунѣ.

И съ тѣмъ же внѣшнимъ спокойствіемъ, съ тѣмъ же хладнокровіемъ, которое равно замѣтили и Шванскій, и Копчикъ, и которое не мало поразило ихъ обоихъ, Шумскій началъ одѣваться, собираясь со двора. Не смотря, однако, на это наружное спокойствіе, на лицѣ его, вѣроятно, было что-нибудь особенное, потому что Копчикъ по малѣйшему приказанію или движенію руки его швырнулся какъ угорѣлый, а Шванскій, вѣсколько разъ заглянувъ въ лицо своего патрона, отводилъ глаза въ сторону и не заговаривалъ ни о чемъ. На лицѣ Шумскаго было слишкомъ ясно написано, что съ нимъ случилось нѣчто чрезвычайное. Обращаясь съ своимъ патрономъ все-таки довольно храбро, Шванскій видѣлъ и чувствовалъ, что теперь было опасно riskовать самымъ пустымъ вопросомъ.

«Убьетъ еще!» думалось ему.

Однако, Лепорелло и лакей ломали себѣ голову, придумывая и стараясь отгадать, что могло случиться. Когда баринъ отбѣжалъ отъ квартиры, Шванскій встрѣтился въ столовой съ Копчикомъ и оба молча поглядѣли другъ другу въ лицо нѣсколько мгновеній. Копчикъ первый опустилъ глаза. Онъ подумалъ:

«Говори ты, а я словечка первый не пророню».

Шванскій будто понялъ мысль лакея.

— Что же это, Василій?—выговорилъ онъ.

— Чего-съ?—простодушно отозвался Копчикъ.

— Будто не понимаешь? Полно хвостомъ-то вялать. Я тебя спрашиваю, потому что самъ ума не приложу. Вѣдь что-то на него стряслось, братецъ ты мой, да такое, какого никогда не бывало. Ты не лукавь, я, вишь, прямо сказываю. Да и бѣды намъ объ этомъ толковать нѣтъ никакой. Мы же не виноваты. Неужто ты ничего не видишь?

— Вѣстимо,—отозвался Копчикъ,—есть что-то.

— Да чтò по твоему.

Копчикъ тряхнулъ плечами.

— Кто же его знаетъ. Прибить его тамъ не могли, то-ись исколотить. Были бы синяки, что ли, на лицѣ. Или поймали въ чемъ, выпустили на время, а нонче посадятъ въ крѣпость.

— Нѣтъ, Василій, не то. Не таковъ онъ, чтобы бояться того, что будетъ. Приди къ нему въ горницу смерть сама, онъ до тѣхъ поръ будетъ фыркать на нее, покуда она не схватитъ, прости Господи, за воротъ, да подъ себя не подомнетъ. Онъ не боится того, что можетъ случиться. Онъ спасуетъ только предъ тѣмъ, что было, вотъ сейчасъ было. Если бы ему пригрозили крѣпостью, онъ бы, все-таки, фыркалъ или говорилъ: ладно, тамъ еще видно будетъ. Что-нибудь ужъ приключилось не поправимое.

И Шванскій вдругъ раскрылъ широко глаза, раскрылъ ротъ и выговорилъ:

— Знаешь, что?

При видѣ лица Шванскаго, Копчикъ тоже невольно встрепенулся.

— Не померла ли она въ эту ночь,—выговорилъ Шванскій. И наступило молчаніе. Оба стояли разиня ротъ.

— Отъ питья не померла ли она, Василій? Съ Мареушей ничего не было, а вѣдь та, все-таки, баронесса. Ну, вдругъ лежитъ мертвая... Вотъ онъ и сталъ эдакій.

Догадка Шванскаго показалась и Копчику самой подходящей.

— Стало, все-таки, въ отвѣтъ будетъ,—прибавилъ Копчикъ послѣ небольшой паузы.—Да и вамъ не хорошо будетъ!

— Я тутъ при чемъ? Какимъ это способомъ? Въ отвѣтъ Авдотья, а, можетъ, и она отвертится. Кому на умъ эдакая пакость придетъ. Вонъ Мареуша сама говорила, что угорѣла. И тамъ скажутъ доктора, угорѣла или лопнуло что-нибудь внутри и померла. Нешто люди такъ не мрутъ? Кому же эдакая дьявольская ватѣя на умъ придетъ.

Наступило снова молчаніе и, наконецъ, Шванскій выговорилъ:

— Намъ-то что же дѣлать?

Копчикъ усмѣхнулся злобно.

— Мнѣ-то что же, Иванъ Андреичъ? Вы по своимъ разнымъ дѣламъ ступайте, а я сяду чайку напьюсь. Я-то ужъ совсѣмъ въ

сторонѣ. Нешто я въ участіи. Жалѣть его, прямо вамъ скажу, въ первый, да можетъ и въ послѣдній разъ, жалѣть мнѣ его не рука. Онъ злодѣй. Какъ его ни поворачивай, со всѣхъ сторонъ онъ злодѣй. И былъ, и есть, и будетъ навсегда. Такъ нехай его хоть въ Сибирь, хоть въ преисподнюю! Вы еще этого отъ меня не слышали? Ну, такъ вотъ вамъ!...—И лакей быстро вышелъ изъ горницы.

Между тѣмъ, Шумскій былъ уже на другомъ краю города и подѣзжалъ къ квартирѣ Квашнина. Нетерпѣніе повидаться съ другомъ было такъ сильно, что Шумскій въ эту минуту боялся только одного—не застать Квашнина дома. По счастью, на вопросъ о баринѣ лохматая и чумазая кухарка отвѣтила:

— Пожалуйте, собираются выходить.

Когда Шумскій вошелъ къ пріятелю, тотъ, не подавая руки, вытаращилъ глаза и выговорилъ:

— Ахъ приключилось что-нибудь?

Квашнина тоже поразило лицо Шумскаго.

— Да, приключилось,—глухо отозвался Шумскій.—Къ тебѣ за помощью. Сядемъ-ка.

Пріятели молча сѣли. Квашнинъ ждалъ, глядя на друга. Шумскій молчалъ, тяжело переводя дыханіе, затѣмъ глубоко вдохнулъ и выговорилъ:

— Дай мнѣ чаю... Чего-нибудь... Внутри горитъ какъ отъ перепоя. Ну, чаю, что ли.

— Да ты скажи, въ чемъ дѣло?

— Нѣтъ, обожди. Сразу не могу. Да и дѣло короткое, простое. Прикажи дать чаю.

Квашнинъ распорядился и снова подсѣлъ къ Шумскому, уже съ участіемъ глядя ему въ лицо.

— Нарвался на бѣду,—выговорилъ онъ.—Поймали на мѣстѣ. Теперь судить будутъ, въ солдаты разжалуютъ. Я и такъ все понимаю.

— Ничего ты не понимаешь.

— Догадался, тебѣ говорить. Что же другое-то можетъ быть.

— Никакого чорта ты не догадался. Совсѣмъ не то. Кабы я добился своего, да поймали бы, такъ не обидно и было бы. Въ эдакомъ случаѣ я бы ходилъ гоголемъ. Что мнѣ твое солдатство!.. Не видалъ какая! Нѣтъ, хуже. Меня раздавили.

— Кто? Какъ? Каретой?

Шумскій махнулъ рукой.

— Каретой бы ничего. Синякомъ отдѣлался бы, либо на мѣстѣ остался.

Понемногу, какъ бы собравшись съ духомъ, Шумскій заговорилъ и передалъ пріятелю все подробно. Наступило молчаніе.

— Ну, что же?—нетерпѣливо вымолвилъ Шумскій.

— Что? Ничего,—развелъ руками Квашнинъ.—Что же я скажу?

По моему разсужденію... Ты вѣдь вотъ обовлишься сейчасъ... По моему разсужденію—все слава Богу. Помѣшали тебѣ загубить невинную дѣвушку и помѣшали тебѣ преступникомъ содѣяться. Ну, слава тебѣ Господи, лучшаго желать нельзя было.

— Ахъ, Квашининъ,—выговорилъ Шумскій съ страннымъ чувствомъ.—За что я тебя люблю? Чтѣ я въ тебѣ нашель? Непонятно. Хуже ты всякаго хама судишь.

— Спасибо.

— Такъ ты низко берешь инныя вещи на свѣтѣ, такъ глупо разсуждаешь. Ну, прямо хамъ, животное безбразсудное.

— Спасибо,—снова выговорилъ Квашининъ шутливымъ тономъ.— За что жалуешь. Право не стою...

Шумскій махнулъ рукой и отвернулся.

— Что же, я одинъ что ли такой уродился?—вдругъ, будто самъ себѣ, проивнесъ онъ.—Что же, во мнѣ одномъ, что ли, такой огонь горить, о которомъ вы и во свѣ не знавали? Отчего же мнѣ весь міръ такая дрянь, что если бы я могъ, я бы раздавилъ его пятой, какъ козивку. Только потому и не трогаю, что не подъ силу. А то бы все, и людей всѣхъ, и все живущее, и всю эту нашу планету треклятую и дурашную, со всѣми звѣздами, да и съ солнцемъ, все бы это обратилъ въ прахъ.

— Ну, опять дымить началъ,—проговорилъ Квашининъ.— Это уже совсѣмъ глупо. Вѣдь эдакъ и собака ночью на дворѣ по цѣлымъ часамъ на луну лаеетъ. Что же, вѣдь ты просто лаешься на планету да на все живущее на землѣ. Тѣфу, глупость кака! Можетъ же человѣкъ умный до эдакаго озорства, чтобы начать злиться на весь міръ Божій, на солнце и на луну. Вѣдь ты, Михайлъ Андреевичъ, сталъ будто прихварывать. Опомнись.

Квашининъ сказалъ все это съ чувствомъ, съ дрожаніемъ въ голосѣ.

Шумскій опустилъ голову и проивнесъ тихо:

— Да, пожалуй, можетъ и въ самомъ дѣлѣ хворость какая. Раздавленъ я, братъ. Прямо-таки чувствую, что раздавленъ, но прахъ меня обратили. И вотъ потому-то и я долженъ его обратить въ прахъ, да только въ настоящій прахъ, въ то, что за ноги берутъ, да въ гробъ кладутъ и въ землю зарываютъ. Вотъ за этымъ-то я къ тебѣ и пріѣхалъ.

— Дратся съ нимъ? Ну, ужъ придумаль...

Квашининъ пожалъ плечами.

— Зачѣмъ? Не вижу я никакого резона. Убьешь ты его, отъ этого толку мало будетъ; а онъ тебя убьетъ, и совсѣмъ глупо.

— Иначе нельзя. Ты прямо говори, отказываешься быть мнѣ въ помощь.

Квашининъ молчалъ.

— Если откажешься, я къ другому поѣду. Найдется же въ Пи-

терѣ порядочный товарищъ, который согласится для меня пострадать.

— Нѣтъ, отказываться я не стану, — отозвался Квашнинъ. — Да и что же! Секунданты почти и въ отвѣтъ не идутъ, посадятъ на полгода въ крѣпость. — Я для тебя готовъ и больше высидѣть, только дѣло-то мнѣ сдается глушымъ.

— Ну, глупо или нѣтъ, то другое дѣло, а надо намъ обсудить, какъ заставить его драться.

— Заставить немудрено.

— Нѣтъ, Петя, мудрено. Онъ, мерзавецъ, сказалъ мнѣ: «даю честное слово, что съ вами драться не стану».

— Вотъ какъ?! Трусика да еще честное слово даетъ!..

— Нѣтъ, Петя, онъ хитритъ, хотя и на труса не похожъ. Онъ сказалъ: «стрѣляйте въ меня на улицѣ или въ домѣ, гдѣ меня встрѣтите, на то ваша воля. Можете, конечно, убить, но за то пойдете въ Сибирь или въ солдаты, а на честный поединокъ я съ вами не пойду». И сказалъ онъ все это холодно и крѣпко.

— Это что же такое? Я ужъ что-то не пойму.

— Нѣмецкая штука.

— Какъ, то есть?

— Да такъ, нѣмецкая штука. Драться онъ со мною боится и увѣренъ, что я не рѣшусь просто въ него палить, чтобы въ солдаты идти. Вотъ дѣло-то и уладится. Это по его! А по моему, онъ вретъ, собака! Онъ нѣмецъ, гоноръ у нихъ, надо правду сказать, сильнѣе, чѣмъ въ насъ. Коли здорово обидѣтъ его, при всѣхъ оскорбить, онъ полѣзетъ, станетъ драться. Вотъ на это у меня весь расчетъ. Одного боюсь, что онъ честное слово далъ.

— Какъ же, то есть? — спросилъ Квашнинъ.

— Пойми, я его доведу не мытьемъ, такъ катаньемъ, до того, что онъ будетъ желать драться. Но его остановить его же честное слово. Нѣмецъ тоже на это смотреть по своему. Далъ честное слово, измѣнить нельзя. Какъ мы изъ этого всего выдеремся, я теперь и ума приложить не могу.

— А я, братецъ мой, ничего и теперь въ толкъ не возьму.

— Фу, Господи! Чего проще. Послѣ здороваго тумака онъ бы радъ душой драться. И радъ бы да нельзя, потому что далъ, молъ, честное слово, что не буду. И не могу, молъ. Вотъ ты тутъ и вертись съ нимъ.

— Да, понялъ теперь, — произнесъ Квашнинъ. — Это вѣрно. Я этихъ нѣмцевъ тоже малость знаю. Это точно. Но что же теперь дѣлать?!

— А теперь одѣвайся и поѣдемъ его искать по городу.

— Зачѣмъ?

— А зачѣмъ, чтобы пробовать... Надо мнѣ ему побольше лю-

безностей наговорить. Такъ усахарить, чтобы онъ на меня, какъ бѣшеная собака полѣзъ. Авось мы его въ Питерѣ разыщемъ.

— Почему же сейчасъ?

— Нѣтъ, ужъ, братецъ мой, извини. Если я его до вечера нигдѣ не найду и не изувѣчу, то, кажется, у меня сердце лопнетъ отъ натуги и самъ къ вечеру издохну. Живѣй собирайся. Онъ въ эту пору всегда бываетъ въ трактирѣ на углу Конюшенной. Быть не можетъ, чтобы на мое несчастіе сегодня его теперъ тамъ не нашлось. Нѣтъ, сердце во мнѣ радуется, вѣрно чувствуетъ, что онъ тамъ.

И Шумскій, поднявшись съ мѣста, въ первый разъ улыбнулся, а затѣмъ, хотя и злобно, но разсмѣялся.

— Авось, Богъ дастъ,—весело выговорилъ онъ, потирая руки,— черезъ какихъ-нибудь полчасака, я изъ него того понатворю, что и самъ не знаю, и никто не знаетъ, самъ Господь Богъ не знаетъ. А ужъ отвѣчаю головой, что завтра въ эту пору мы съ нимъ другъ въ дружку палить будемъ. Отвѣчаю тоже, что въ тотъ же вечеръ будетъ панихида. Только по комъ, вотъ, братецъ ты мой, загадка.

И послѣ небольшой паузы Шумскій прибавилъ:

— И чудится мнѣ, что по немъ!

— У тебя глазъ скверный,—сказалъ Квашнинъ, улыбаясь.— Не надо никогда идти на поединокъ въ убѣжденіи, что убьешь. Лучше бояться за себя и ждать... смерти... Тогда выгорить.

— Ну, а если, не смотря ни на что,—воскликнулъ вдругъ Шумскій,—онъ не станетъ драться... откажется настрѣзъ!..

— Тогда брось... Свое сорвалъ!..

— Ни за что... Тогда, тогда... я его застрѣлю просто...

— И въ солдаты! А то я въ каторгу?..

— Да.

— Ужъ очень это глупо, братецъ мой.

— Чтожъ дѣлать! Другого никакого исхода нѣтъ!..

Графъ Е. А. Салиасъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ ¹⁾.

XXVII.

«... Знакомы мнѣ и радость и печаль,
«И дней моихъ уже лампада догораетъ,
«Но часто прежняго мнѣ жаль:
«О немъ въ раздуміи душа моя мечтаетъ...»
Мятлевъ.

ВЪЮ 1831 года моя мать оставалась болѣею частью въ Петербургѣ, не имѣя возможности слѣдовать за своимъ мужемъ; провела она все это время въ постоянныхъ безпокойствахъ и душевныхъ волненіяхъ. Не зная съ точностью мѣсто-пробываніе Николая Ивановича и получая отъ него извѣстія крайне неисправно, вслѣдствіе воен-обстоятельствъ, Ольга Сергѣевна предавалась самымъ чернымъ мыслямъ, и писала отцу наугадъ въ Минскъ, Врестъ, Бѣлостоку, Пултускъ, Плоцкъ, смотря по доходившимъ до немъ слухамъ о движеніяхъ арміи.

Къ душевнымъ безпокойствамъ Ольги Сергѣевны присоединялись и вещественныя заботы, при совершенной неизвѣстности, что будетъ дальше.

Дѣдъ и бабка наняли въ половинѣ іюня дачу въ Павловскѣ, по близости къ Александру Сергѣевичу, переѣхавшему съ молодой женой въ Царское; въ деревню же порѣшили лѣтомъ 1831 года не заглядывать, и держаться вдали отъ разныхъ заботъ о сельскомъ хо-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXIII, стр. 26.

зайствѣ, на которое Сергій Львовичъ, что называется, тогда и рукой махнулъ.

Привожу за это время нѣсколько выдержекъ изъ подлинныхъ французскихъ писемъ, на сколько они касаются быта моей матери и ея родныхъ.

«Никогда мнѣ такъ не было грустно, какъ въ настоящую минуту», — пишетъ Ольга Сергѣевна мужу въ концѣ мая, — «воображаю тебя среди неустрашимыхъ опасностей, въ край враждебномъ, зараженномъ холерой, представляя тебя то больнымъ, то убитымъ злодѣями-мятежниками. Не повѣришь, въ какомъ я отчаяннн, что ты уѣхалъ въ Польшу, а какъ нарочно — черезъ недѣлю послѣ твоего отъѣзда въ этотъ глупѣйшій край, — открылась вакансія консула въ Смирнѣ. Вакансію предложили твоему же бывшему товарищу въ азіатскомъ департаментѣ Габбе; но по болѣзни жены, которая не могла за нимъ слѣдовать, онъ отказался и подыскалъ, взамѣнъ себя, другаго сослуживца. Очень, очень жаль. Служилъ бы ты не въ Польшѣ, рискуя жизнью, а жилъ бы со мной неравлично въ прекрасномъ климатѣ, при весьма порядочномъ — можно сказать — завидномъ всякому жалованьѣ, а теперь Богъ вѣсть, какая будущность насъ ожидаетъ.

«Александръ въ Царскомъ; не знаю куда уѣдутъ дражайшіе ¹⁾ родители. Ничего не рѣшили: въ деревню, или въ Павловскъ».

«Братъ Александръ занимаетъ прелестную дачу въ Царскомъ. Чего хочешь, того просишь; прогостила я у новобрачныхъ три дня, а новобрачные кажется другъ другомъ очень довольны. Моя невѣстка (Наталія Николаевна) очаровательна во всѣхъ отношеніяхъ. (*ma belle soeur est charmante sous tous les rapports*). О ея наружности скажу, что она изъ такихъ красавицъ, какихъ встрѣтишь рѣдко не только въ Россіи, но и въ Европѣ, и Александръ совершенно правъ, называя ее Мадонной; въ самомъ дѣлѣ: греческій, вполне правильный профиль, ростъ, гораздо выше средняго, стройный станъ, при нѣкоторой худощавости, безукоризненные черты лица — все это, привлекая общее вниманіе, придаетъ внѣшности ея жены какое-то величіе а главное, она предоброе дитя (*tout à fait bonne enfant*), и кажется далеко не глупа (*bien loin d'être sotte*). Правда, еще застѣнчива, но и этотъ милый порокъ съ лѣтами пройдетъ. Дай Боже, чтобы она сдѣлала брата счастливымъ, и успокоила бы его. Между тѣмъ, онъ и она — двѣ противоположности, — Вулканъ и Венера, Кирикъ и Улита. Ея недоступны ни безпокойства, ни гнѣвъ, а братъ иногда становится капризенъ, какъ беременная женщина, и ворчливъ какъ шестидесятилѣтній старецъ (*mon frère devient quelquefois capricieux comme une femme enceinte, et grognon comme un barbon de soixante ans*), что впрочемъ ему,

¹⁾ Слово написано порусски и подчеркнута.

при тѣхъ непріятностяхъ, какими его безпрестанно угощаютъ «добрые люди», извинительно. Надѣюсь, жена будетъ его утѣшеніемъ, если не ангеломъ хранителемъ»...

... «Холера появилась въ Петербургѣ» — сообщаетъ моя мать Николаю Ивановичу отъ 18 іюня, — «и сдѣлала намъ визитъ изъ Нарвы, гдѣ очень напроказила. Холеры я хотя ни мало не боюсь, но должна выѣхать отсюда, и поселиться на нѣкоторое время въ Царскомъ у брата. Меня къ этому принуждаютъ и онъ, и дражайшіе. Всѣ они вообразили, что мнѣ въ Петербургѣ холеры не миновать. Мама вчера пристала съ криками, папа со слезами, а тутъ и братъ пріѣхалъ ко мнѣ изъ Царскаго родителемъ на подмогу; Александръ сталъ меня бранить, зачѣмъ не переѣзжаю къ нему съ «дражайшими» немедленно спастись отъ болѣзни; укорялъ онъ меня въ упрямствѣ, не понимая, что въ полчаса нельзя мнѣ уложить вещи, рассчитаться съ кѣмъ слѣдуетъ, да сдѣлать всѣ необходимыя распоряженія по оставляемому хозяйству. Насилу доказала брату, что мнѣ раньше трехъ дней переѣхать къ нему невозможно. — «Если черезъ три дня не увижу тебя у меня въ Царскомъ, то самъ зайду за тобой, да увезу къ себѣ насильно; вотъ мои послѣднія слова»...

«Что же мнѣ дѣлать? Приходится уступить, чтобы успокоить и брата, и дражайшихъ. Собираюсь и укладываюсь, но этимъ уступки мои кончатся, и я изъ Царскаго далѣе ни шагу. Ни за что на свѣтѣ не поѣду съ «дражайшими» въ Михайловское, если паче чаянныя имъ задумается туда явиться; иначе не выпустать»...

... «Я еще въ Петербургѣ», — пишетъ Ольга Сергѣевна моему отцу отъ 22-го іюня. — «Родители, испугавшись холеры, уложились на скорую руку, и бѣжали къ Александру въ Царское безъ оглядки на другой же день послѣ того, какъ меня постигли съ братомъ, т. е. въ прошлый четвергъ (когда тебѣ писала), — 18-го іюня. Подражать имъ физически — въ быстротѣ передвиженія — и нравственно — въ ихъ трусости — никакъ не могла, а по уговору съ Александромъ, располагала непремѣнно выѣхать отсюда въ субботу, 20-го іюня; но въ пятницу — 19-го — мнѣ сказали, что городъ окружатъ какимъ-то кордономъ, а въ Пулковѣ устроили карантинъ, гдѣ останавливаютъ проѣзжихъ далеко не на сутки, да окуриваютъ удушливымъ хлоромъ, что страшнѣе, по моему, всякой холеры. У насъ же въ городѣ отъ холеры — хочу тебя поугатать такъ же, какъ и меня пугаешь Польшей — большая смертность; развозятъ по кладбищамъ въ сутки болѣе 250 человекъ, а въ домѣ, въ которомъ ты меня оставилъ, сію минуту скончался жилецъ верхняго этажа, старикъ Ростъ; за полчаса до смерти онъ былъ веселъ и отобѣдалъ съ большимъ аппетитомъ; вчера тоже внезапно отправилась на тотъ свѣтъ прислуга нижнихъ жильцовъ — молодая, здоровая дѣвушка, — за четверть часа передъ смертью стиравшая бѣлье. Зна-

читъ, Александръ былъ правъ, совѣтуя бѣжать, но что же дѣлать?.. опоздала. Народъ въ отчаяніи, а фабричныя, и мастеровыя безчинствуютъ на улицѣ; страшно мнѣ изъ дома выходить, но и въ бѣдныхъ людей грѣшно бросать камень; они отчасти невиноваты: полиція никуда не годится, забираетъ въ лазареты пьяныхъ, принимая ихъ за больныхъ; а доктора — безпримѣрные невѣжды (*qui sont d'une ignorance sans exemple*) — понимающіе въ болѣзни и лѣкарствахъ еще меньше нежели мы съ тобой, дупать этихъ несчастныхъ пьяныхъ такими микстурами, отъ которыхъ безхолерные превращаются въ холерныхъ¹⁾. Не можешь себѣ представить, что тутъ за содомъ! Легковѣріемъ народа пользуются мерзавцы, рассказывая ему ужасы разнаго рода; волосы становятся дыбомъ...

«... Съ часу на часъ ждуть Государя²⁾, какъ слышала сегодня отъ моего кузена, графа Константина Николаевича Толстаго, и твоего товарища Бухольца. Оба они только-что ушли. Что будетъ дальше — неизвѣстно.

«... Ходятъ вотъ еще какіе слухи, но на сколько вѣрны, сказать не могу: будто бы надняхъ обнаружили гнусный заговоръ, и посадили въ Петропавловскую крѣпость пятьсотъ человѣкъ, подкупленныхъ врагами Россіи. Говорятъ, эти чудовища (*ces monstres*) дѣйствовали на счетъ холеры, которая не совершила и четвертой части приписываемыхъ ей опустошеній.

«Какъ же ни было, я въ ужасномъ положеніи, не будучи увѣрена въ завтрашнемъ днѣ, а отсюда теперь двинуться къ Александру не могу. Развѣ рѣшусь на рискъ.

«Всѣ развѣхались заблаговременно, кто могъ. Жуковскій въ Царскомъ, Шлетневъ въ Ораніенбаумѣ, Марковъ выѣхалъ въ Кронштадтъ, Нодены въ Ревель, а вдова Дельвицъ въ Москву...»

Ольга Сергѣевна дѣйствительно рѣшилась ѣхать въ Царское на рискъ, и вынуждена была возвратиться назадъ. Александръ Сергѣевичъ, называя попытку сестры въ своемъ письмѣ къ Прасковѣ Александровнѣ «шалостью»³⁾, остался этой попыткой очень недополень, вслѣдствіе чего и черкнулъ сестрѣ довольно рѣвкое посланіе. О случившемся моя мать рассказываетъ Николаю Ивановичу отъ 7-го іюля слѣдующимъ образомъ:

«... Путешествіе мое въ Царское совершенно не удалось. Желая избѣгнуть карантина, я рѣшилась сдѣлать крюкъ, и пріѣхала на мѣсто благополучно, хотя и поздно вечеромъ, но повзвонила по ошибкѣ не къ брату, у котораго остановились отецъ и мать до

¹⁾ Эта фраза написана порусски.

²⁾ Императоръ Николай I дѣйствительно былъ въ Петербургѣ на другой день, 28-го іюня, и усмирилъ бунтъ на Сѣнной площади. Л. П.

³⁾ См. Письма Пушкина въ VIII томѣ Суворинскаго изданія.

переѣзда ихъ въ Павловское, а къ его сосѣдкѣ—нашей доброй старушкѣ Архаровой. Вообразивъ, что это не я, а сама петербургская холера въ моемъ образѣ пожаловала къ ней въ гости, Архарова закричала отъ испуга, указала на дачу Пушкиныхъ, и крикомъ своимъ произвела суматоху всеобщую. Я къ дражайшимъ; мать, въ особенности же отецъ—Александръ и жена его были въ гостяхъ—перепугались еще хуже Архаровой; не холера, а страхъ заразителенъ, и вотъ не прошло получаса, какъ меня отвозятъ съ «триумфомъ» въ каретѣ, въ сопровожденіи госпожи полиціи, и отвозятъ будто бы для того, чтобы выдержать карантинъ, но на повѣрку моимъ глазамъ представился не карантинъ, а кордонъ, откуда мнѣ безъ дальнихъ разговоровъ указали обратную дорогу—въ сѣверную столицу. Александръ, узнавъ о моемъ походѣ, тоже встревожился, и на меня разсердился жестокимъ образомъ. Написалъ онъ мнѣ такое дерзкое и неумное письмо, что готова быть погребенной живо, если только оно когда-либо дойдетъ до потомства, а судя по стараніямъ брата мнѣ его отправить, кажется, Богъ меня прости, онъ на это и рассчитывалъ. (*Alexandre m'a écrit une lettre si impertinente et sottе, que je veux être enterrée toute vive, si jamais elle sera vouée à la postérité; vu la peine qu'il s'est donnée à me l'envoyer, il paraît, Dieu me pardonne, qu'il en avait l'espoir.*) Между прочимъ, братъ меня очень энергически укоряетъ въ томъ, что я не исполнила его приказанія (?) ѣхать къ нему въ Царское заблаговременно, до холеры, когда за мной заѣзжалъ. А письмо кончается фразой: «чортъ знаетъ что такое», которую написалъ огромными буквами...»

Впрочемъ, гнѣвъ дяди Александра на сестру былъ весьма непродолжителенъ. Онъ очень хотѣлъ ее видѣть, однако подъ условіемъ, чтобы она выдержала карантинъ, что и доказывается слѣдующей его французской припиской къ письму Сергѣя Львовича отъ 12-го іюля:

«Милая Ольга! Сію минуту получилъ записку отъ Жуковскаго. Онъ сообщаетъ, что выхлопоталъ для тебя позволеніе у князя Волконскаго пріѣхать къ намъ, выдержавъ предварительно карантинъ въ Каменкѣ,—единственный остающійся въ Царскомъ Селѣ; во всей же имперіи карантинны сняты. Посылаю тебѣ письмо Жуковскаго въ подлинникѣ, которое онъ мнѣ писалъ, и тебѣ остается только пойти къ Вулгакову. Вулгаковъ вручить тебѣ билетъ Волконскаго. Да приведетъ тебя Богъ къ намъ; скоро соединимся и будемъ въ состояніи гулять вездѣ, гдѣ намъ угодно. Прости за рѣзкость прошедшаго письма, и не сердись».

(*Chère Olga! A l'instant je viens de recevoir un billet de Joukofsky; il m'apprend, qu'il a obtenu pour vous une permission du prince Wolkonsky de venir chez nous, en subissant préalablement la quarantaine à Kamienka. C'est la seule instituée à Царское Село, quoique les autres*

dans tout l'empire sont abolis. Je vous envoie la lettre de Joukofsky en original, qu'il m'écrit. Vous n'avez qu' à faire une petite visite à Boulgakoff; il vous remettra le billet de Wolkonsky. Que le bon Dieu vous ramène auprès de nous. Bientôt nous serons réunis et libres de nous promener, où bon nous semble. Excusez moi de vous avoir écrit une lettre aussi brusque la fois passée, et ne vous fâchez plus contre moi).

Не желая подчиняться стѣснительнымъ формальностямъ, Ольга Сергѣевна разсудила, помимо полученнаго разрѣшенія, посѣтить брата въ Царскомъ и родителей въ Павловскѣ не иначе, какъ при болѣе удобныхъ обстоятельствахъ, что и исполнила въ половинѣ августа.

О своемъ пребываніи у брата она пишетъ Николаю Ивановичу отъ 19-го августа слѣдующее:

«Александръ въ восторгѣ: прогуливаясь съ Наташей въ Царскосельскомъ паркѣ, онъ встрѣтилъ императора и императрицу. Ихъ величества остановились, чтобы говорить съ ними, а государыня заявила моему невѣсткѣ, что очень рада съ ней познакомиться, и сказала ей много другихъ милостивыхъ и ласковыхъ словъ (l'Impératrice a dit à Nathalie, qu'elle était charmée de faire sa connaissance, et mille autres choses très gracieuses et très aimables). И вотъ Наташа волей неволей должна явиться ко двору. Она очень застѣнчива, а потому въ отчаяніи; за то Александръ на седьмомъ небѣ, и когда воротился домой, не зналъ отъ радости куда дѣвать свою особу, приговаривая: «Сестра! Теперь не только я, какъ поэтъ, знаменитость, но и Наташа будетъ знаменитостью; чѣмъ же она хуже хваленыхъ красавицъ: Фикельмонши, графини Мусиной-Пушкиной,—Пушкиной не простой,—да Зубовой?»

«Братъ, конечно, порѣшилъ, послѣ этого, бывать съ женой въ большомъ свѣтѣ, и принимать у себя высшее общество, которое меня ничуть не забавляетъ, а мои друзья поэтому не могутъ быть ихъ друзьями. (Ils se propose d'aller dans le grand monde, et de recevoir du monde, qui ne m'amuse guère, et par conséquent mes amis à moi ne seront pas les leurs)».

«Братъ очень обрадованъ и другой милостью»,—продолжаетъ Ольга Сергѣевна.—«Ему удалось хлопоты у Бенкендорфа позволить ему описывать подвиги Петра Перваго, Екатерины II-й и заниматься для этого въ архивахъ, на что Александръ получилъ разрѣшеніе. Кстати о Бенкендорфѣ: намеренъ, гуляя съ братомъ, я встрѣтила этого господина. Наружность его очень мало привлекательна, а улыбка какая-то кислосладкая: точно въ лимонъ укусь, какъ выражается братъ Леонъ¹⁾».

«Александръ, точно такъ же какъ я, очень сквернаго мнѣнія о Польнѣ; называетъ и онъ ее краемъ сумасшедшихъ; надѣется¹⁾

¹⁾ Последняя фраза порусски.

что мятежниковъ скоро усмирять, но совѣтуетъ мнѣ пока туда ноги не ставить, даже въ томъ случаѣ, если бы ты и болѣе года сюда не являлся. «Въ твои лѣта, Ольга,—говоритъ онъ мнѣ,—не легко тебѣ разстаться съ мѣстомъ, гдѣ провела пору цвѣтущей молодости, и приобрѣла незамѣнимыхъ друзей; не говорю уже о твоихъ естественныхъ друзьяхъ. Пусть твой мужъ рисуетъ тебѣ сколько ему угодно счастье проживать въ Польшѣ—вдали отъ родины; не вѣрь заманчивымъ картинамъ, самъ не знаетъ, что говорить. Уѣхать на время изъ Петербурга, гдѣ климатъ, правда, никуда не годится—другое дѣло, но разстаться съ Россіей навсегда—не допускаю и повторяю правило Вольтера: «le mieux est l'ennemi du bien».

«Дай Богъ»,—продолжаетъ Ольга Сергѣевна,—«чтобы кампанія съ «польскими шутами» кончилась скорѣе; затѣмъ въ Польшѣ пробудешь не долго, такъ какъ правленіе Ангеля временное: онъ воротится, и можетъ тебя въ Петербургѣ какъ-нибудь пристроить.

«Александръ я говорила, что до сихъ, поръ не могу получить изъ комиссаріата высланныя мнѣ тобою деньги еще въ апрѣлѣ. Братъ хочетъ на это жаловаться власть имущимъ (aux autorités), и войдя въ мое положеніе, снабдилъ меня средствами на цѣлый мѣсяцъ, но пока я останусь у него, тоестъ еще недѣлку, онъ запретилъ мнѣ ихъ трогать, а объ отцѣ сказалъ: «на дражайшаго не рассчитывай: никогда не получишь, что должна получить отъ него: оброкъ пропалъ, а Михайловское родители рискуютъ видѣть проданнымъ съ аукціона; отецъ не можетъ выплатить казнѣ процентовъ, и сидитъ теперъ безъ копѣйки (il n'a pas le sou vaillant). Постараюсь, какъ можно скорѣе, выручить его изъ этой бѣды, когда напечатаю мои повѣсти¹⁾, но теперъ не могу этого сдѣлать изъ назначеннаго мнѣ Государемъ жалованья, а мои «Годуновскія» деньги на исходѣ».

«Александръ и я очень тебя просимъ написать, гдѣ стоитъ Финляндскій драгунскій полкъ, куда поступилъ нашъ храбрый Левъ. Если по близости отъ тебя, то постарайся его увидѣть. Братъ и я очень о немъ беспокоимся, я же особенно.

«... Два послѣднія твои письма дошли до меня распечатанными, и я рассказала вчера объ этомъ Александръ, въ присутствіи Жуковскаго и Россети. Всѣ нашли любопытство почтамтскихъ чиновниковъ неприличнымъ, а братъ замѣтилъ: «Да развѣ въ патриотическомъ образѣ мыслей и безукоризненной службѣ Николая Ивановича царю и отечеству можно сомнѣваться?»,—и тутъ же примѣнилъ къ усердному почтамтскому чиновнику поговорку: «Заставь дурака Богу молиться—лобъ расшибеть».

«Сегодня Александръ подарилъ мнѣ вышедшій недавно романъ

¹⁾ Кажется, повѣсти Вѣлкина. Л. П.

Виктора Гюго «Notre Dame de Paris». Объ этой книгѣ мнѣ трубили съ такимъ рвеніемъ вездѣ, куда бы ни заходила, что отбили у меня охоту не только прочесть, но и взглянуть даже на нее. Братъ сказалъ, что подносить мнѣ новое твореніе Гюго, именно, чтобы меня подразнить и разбѣсить.

«... Надняхъ я была въ Павловскѣ у дражайшихъ. Просятъ меня помочь отыскать для нихъ какъ можно скорѣе городскую квартиру, и завтра мамѣ увѣжаетъ со мной для этого въ Петербургъ; проживеть у меня съ недѣлю, можетъ быть и больше, пока не отыщемъ...

«... Переслала ли я тебѣ оду Александра «Клеветникамъ Россіи»? ¹⁾ Не можешь себѣ вообразить, какой она здѣсь производитъ эффектъ, а Жуковский отъ нея въ восторгѣ. Постарайся-ка распространить ее въ дурацкой твоей Польшѣ (*lansz votre sottie de Pologne*). Александръ говоритъ, что онъ хотѣлъ заклеить не столько «безмозглыхъ» мятежниковъ, сколько иностранныхъ недоброжелателей нашихъ. Толкують они о Россіи всякій вздоръ и въ газетахъ и во французской палатѣ депутатовъ, а въ Лондонѣ какой-то шляхтичъ сочинилъ преглупую записку съ тѣмъ, чтобы о ней болтали въ парламентѣ. Братъ мнѣ объ этомъ рассказывалъ ²⁾, и непремѣнно хотеть отыскать между истыми русскими патриотами такого знатока французской поэзіи, который могъ бы перевести «Клеветникамъ Россіи»; иначе, дальше Россіи обличеніе это не пойдетъ, чтѣ и будетъ даромъ потраченной для господъ иностранцевъ риторикой (*et cela sera une rhétorique en pure perte pour messieurs les étrangers*).

Извѣстіе о взятіи штурмомъ Варшавы такъ обрадовало дядю, какъ увѣрляла Ольга Сергѣевна, что онъ прослезился отъ взволнованныхъ его чувствъ, которыя и не замедлилъ выразить въ своей знаменитой «Вородинской годовщинѣ», не уступившей по силѣ и достоинству предшествовавшей ей одѣ. Оба стихотворенія тогда же были напечатаны отдѣльной книжкой, вмѣстѣ съ «Русской славой» Василія Андреевича Жуковского,—одой, начинающеюся словами:

«Святая Русь, славянъ могучій родъ,
«Сколь велика, сильна твоя держава» ³⁾.

¹⁾ Дядя написалъ эту оду въ Царскомъ же Селѣ 5-го августа того же 1831 года. Л. П.

²⁾ Вѣроятно, Ольга Сергѣевна подразумеваетъ записку не «неизвѣстнаго», какъ она полагаетъ, шляхтича, а ноту, поданную въ мартѣ 1831 года лорду Пальмерстону польскимъ депутатомъ маркизомъ Велепольскимъ. Записка Велепольскаго напечатана была тогда и въ Варшавѣ на польскомъ языкѣ въ видѣ брошюры, составляющей теперь библиографическую рѣдкость, которую подарилъ мнѣ мой покойный отецъ, въ числѣ другихъ курьезовъ. Л. П.

³⁾ См. т. III, Стихотвореній Жуковского, изд. пятое, стр. 325.

Объ этомъ Ольга Сергѣевна пишетъ отцу изъ Петербурга 10-го сентября 1831 года, между прочимъ:

«Варшава взята, стрѣляютъ изъ пушекъ, городъ залитъ илюминаціей. Назначено благодарственное молебствіе, и торжественный парадъ въ высочайшемъ присутствіи. Стихи Александра и Жуковского на взятіе Варшавы приводятъ всѣхъ въ восторгъ необычайный. Говорятъ, очень понравились государю; ихъ читаютъ вездѣ, разучиваютъ навзвустъ; нашлось много охотниковъ переводить ихъ и пофранцузски, и понѣмецки (было бы забавно перевести попольски!), и коверкать ихъ самымъ жестокимъ образомъ. Въ числѣ такихъ переводчиковъ или искажителей (au nombre de ces auteurs ou estropeurs) нашелся, къ своему несчастію, бывшій мой почитатель (mon ex-adorateur) Вакунинъ; говорю «къ своему несчастію», такъ какъ не щадилъ ни силъ, ни трудовъ, стряпая напе русское кушанье на французскій ладъ; даже похудѣлъ, бѣдняга, но изъ его стряпни вышелъ такой соусъ, который и въ ротъ не возьмешь. Пришелъ ко мнѣ и сталъ читать. Я должна была волей неволей отпустить ему дипломатическій комплиментъ; Вакунинъ обрадовался, да и пригрозилъ дать попробовать свой соусъ Александру, но я отсовѣтывала, сообразивъ, что братъ можетъ этому труженнику намылить голову по своему. Явился и пѣмецкій искажитель «Вородинской годовщины», какой-то учитель (Schulmeister). Этотъ ужъ изъ рукъ вонъ: переводъ четверо хуже бакунинскаго.

«Братъ вручилъ мнѣ свои стихи, писанныя собственной рукою, съ тѣмъ, чтобы я переслала ихъ черезъ тебя бѣднягѣ Александру Языкову—преображенскому капитану, ради утѣшенія: но Языковъ, какъ должно быть тебѣ извѣстно, такъ страдаетъ отъ тяжелой раны, полученной при взятіи непріятельской батареи, что ему не до стиховъ; посылаю на всякій случай. Передай ему ихъ, да отпиши Александру Сергѣевичу, какъ ты его нашелъ? Другой экземпляръ Александръ хочетъ послать своему пріятелю Саломірскому; этотъ тоже, говорятъ, сильно раненъ; рассказывали даже, что ему оторвало челюсть, но слухъ, къ счастью, оказался невѣрнымъ.

«Показала я брату присланныя тобою патріотическія солдатскія пѣсни Ширкова и Сіянова на знаменитый штурмъ; стихи, не въ обиду будь этимъ храбрымъ двумъ воинамъ сказано, незавидны. Братъ прочелъ, разсмѣялся и сказалъ: «ивязнаго тутъ мало, но все же стихи остроумны, а главное въ «нихъ русскій духъ и Русью пахнеть», кто во чтѣ горавдъ». Посылаетъ онъ этимъ пѣнтамъ сердечный поклонъ, и очень радъ, что Левъ остановился вмѣстѣ съ Сіяновымъ у тебя. Не вдохновился ли и онъ музой своего пріятеля?

«Кстати или некстати: Александръ пріѣхалъ ко мнѣ вчера, въ среду, изъ Царскаго; долженъ былъ явиться въ иностранную коллегію, куда поступаетъ на службу; веселъ какъ мѣдный грошъ, забавлялъ меня островами, уморительно передразнивалъ Архарову,

Ноденовъ, при чемъ не забылъ представить и «дражайшаго»¹⁾). Разсмѣшилъ онъ меня и фразой, пущенной по адресу твоей возлюбленной «Сѣверной Пчелы», изъ которой ровно ничего хорошенько узнать нельзя—ни о дальнѣйшемъ ходѣ военныхъ дѣйствій, ни о томъ, когда послѣдуетъ возвращеніе гвардіи, ни о Модлинѣ, ни о Замостьѣ и проч., не говорю уже о политикѣ иностранной. «Ради Бога,—сказалъ Александръ,—читай что-нибудь подѣльнѣе «Сѣверной Пчелы»: эта драгоценная газета сдѣлалась глубѣе тридцати шести пустыхъ горшковъ. (Au nom du ciel lisez quelque chose de plus sérieux que la «Сѣверная Пчела»: ce très cher journal est devenu plus bête que trente six pots vides)». Наконецъ, братъ сталъ немножко и надо мной подсмѣиваться, когда я ему сказала, что очень беспокоилась о тебѣ послѣднее время, воображая тебя убитымъ. Александръ на это покотился со смѣху, и отвѣчалъ: «Твой мужъ не въ строю, а въ чиновничьемъ полку Энгеля: не штыкомъ, а перомъ работаетъ, и вѣрь мнѣ, онъ обожаетъ тебя гораздо больше, нежели Донъ-Кихоть обожалъ Дульцинею. Рыцарь печальнаго образа ломалъ копье въ честь своей дамы, между тѣмъ, какъ Николай Ивановичъ, заботясь о твоёмъ спокойствіи и будущности, этого не сдѣлаетъ; твое предположеніе, будто бы твой рыцарь пошелъ добровольцемъ на штурмъ—не отъ міра сего. (Crois bien, que l'adoration de ton mari pour toi dépasse de beaucoup celle de Don-Quichotte pour sa Dulcinée. Le chevalier de la triste figure rompt sa lance en faveur de sa dame, tandis que Николай Ивановичъ, rien qu'en songeant à la tranquillité et à ton avenir ne le fera pas, et ton idée comme si ton chevalier s'est présenté en volontaire à l'assaut est une idée de l'autre monde):»

«Прочитавъ это нравоученіе и продолжая смѣяться, Александръ довольно сильно ущипнулъ меня за щеку, и проговорилъ: «Recevez cette caresse fraternelle! Vous n'êtes qu'une Маремьяна старица, что обо всемъ на свѣтѣ печалится». Но братская ласка-лаской, а его просьба при прощаньѣ, отыскивать ему такъ же, какъ для родителей, квартиру—мнѣ совсѣмъ не по нутру. Найдешь—не понравится, и на меня же посѣтуетъ: хочетъ непременно поселиться, если не на англійской набережной, то по близости. Впрочемъ, переѣдетъ не раньше половины октября.

«Смѣется Александръ и надъ тобой, въ особенности же надъ твоимъ другомъ—барономъ Бухольдомъ, потому что вы оба «Орестъ и Пиладъ», какъ онъ выражается, сами не знаете, что дѣлаете.

«Александръ говоритъ справедливо. Зная мою городскую квартиру, ты пишешь мнѣ письма на имя твоего «Пилада», а «Пиладъ», не освѣдомясь, гдѣ живу, занимается ихъ отправкой въ Царское къ Александру. Братъ же, пересылавшій мнѣ твои письма неакку-

¹⁾ Сергѣя Львовича.

ратно,—а два письма не переслалъ вовсе,—сказалъ вчера въ оправданіе: «Не отправлялъ тебѣ писемъ твоего мужа изъ-за моего добраго сердца: я ихъ пожалѣлъ, и хотѣлъ, чтобы они у меня отдохнули; не то—устали бы бѣдняжки отъ длиннаго путешествія».

«Какъ видишь, расположеніе духа Александра великолѣпно. Онъ какъ нельзя болѣе обрадованъ и успѣхами въ большомъ свѣтѣ своей жены, и успѣхами на Руси второй, какъ онъ выразился, своей жены—музы, и оказанными ему царскими милостями, а, наконецъ,—сказалъ мнѣ по секрету,—осчастливленъ надеждой назвать себя будущей весной (1832 года) отцомъ семейства: Наташа, какъ онъ полагаетъ, беременна¹⁾».

«За то папа и мама въ отчаяніи; впрочемъ, сами кругомъ виноваты, что дѣла запутали. Въ практической жизни оба совершенные дѣти—и мало того: избалованные дѣти: не могутъ ни съ чѣмъ справиться, и только кричатъ: «вынь да положи!» Отыскала имъ квартиру у Синяго моста, но переѣдутъ изъ Павловска тоже не раньше октября. Я же, все тебя поджидая, и узнавъ, что Энгель мѣтитъ на мѣсто Закревскаго, рассчитываю, что и ты не застрянешь въ Польшѣ; поэтому и не трогаюсь изъ дома Дмитріева, гдѣ все тебя мнѣ напоминаетъ, и ни за что не соглашаюсь ни на какія просьбы брата Александра переѣхать къ нему; у него уже и безъ того гостить одна изъ его свояченицъ; ожидаетъ еще другую и безъ того заводитъ, значить, цѣлый гаремъ; выходитъ смѣшно: *il sera le coq du village*, а еще пристягнетъ и меня.. этого только не доставало. Я ему высказала мои мысли въ шуточномъ тонѣ, и высказала такъ забавно, что братъ расхохотался; отвѣчалъ мнѣ на шутку шуткой: зная, что и ты, милый Николай, иногда не прочь посмѣяться, понимаешь невинныя шутки, а потому на него не обидишься, братъ попросилъ меня тебѣ написать, что сравниваетъ меня съ неутѣшной Пенелопой, ожидающей въ Итаку (въ домъ Дмитріева) своего Улиса (тебя), который послѣ взятія Трои (Варшавы), совершитъ въ Итаку окольный или лучше сказать школьный путь (*il prendra le chemin de l'école*), а лавируя теперь между Сциллою (предсѣдателемъ временнаго правленія Энгелемъ), да Харибдой (интендантомъ Погодинымъ²⁾), попадетъ въ лапы на годъ къ Цирцеѣ какой-нибудь, а на семь лѣтъ къ Калипсо—тоже какой-нибудь; но тутъ сравненіе брату не удалось (*Ici la comparaison lui a fait défaut*)».

Хлопоты Ольги Сергѣевны отыскать для дяди городскую квартиру по его вкусу не увѣнчались, какъ она и предвидѣла, успѣ-

¹⁾ Надежды дядю не обманули: старшая дочь его, Марья Александровна, родилась 19 мая 1832 года.

²⁾ Еще до своего прикомандированія къ генераль-интенданту Погодину, (о чемъ ниже), отецъ, по его просьбѣ, писалъ для него вѣрѣдка бумаги на иностранныхъ языкахъ, въ которыхъ Погодинъ не былъ особенно силенъ.

комъ. Нанятая квартира ему не понравилась, и онъ послѣ своего прїѣзда изъ Царскаго, не остался въ ней и на недѣлю; нашелъ другую, какъ пишетъ мать отъ 2-го ноября Николаю Ивановичу, за 2,500 рублей годовой платы, по Галерной улицѣ, въ домѣ Брискорна. Старики же остались выборомъ квартиры для нихъ Ольги Сергѣевны у Синяго моста очень довольны.

Веселое настроеніе не покинуло Пушкина съ его возвращеніемъ изъ Царскаго,—настроеніе, которое его тамъ вдохновило, какъ дядя сообщилъ Ольгѣ Сергѣевнѣ, написать смѣшную сказку «О попѣ-осиновомъ лбѣ¹⁾ и работникѣ его Балдѣ».

При свиданіи съ сестрой, послѣ прїѣзда, первыя слова дяди были:

— «Поздравь меня, Оля! У меня еще гора съ плечъ свалилась: Онѣгина, Онѣгина, я кончилъ: понимаешь, Онѣгина! Правда, жаль было разлучиться съ такимъ хорошимъ десятилѣтнимъ знакомымъ²⁾, «*mais pas de bonne compagnie qu'on ne quitte*», по французской поговоркѣ: остается валить вѣчную горькую разлуку шампанскимъ»,— прибавилъ весело Пушкинъ, обращаясь къ сидѣвшимъ у Ольги Сергѣевны Мятлеву, и своему лицейскому товарищу Комовскому,— «право не худо...»

Послѣдніе три мѣсяца 1831 года Ольга Сергѣевна ограничивалась небольшимъ кружкомъ своихъ подругъ—Трубецкихъ, Анны Петровны Кернъ, Голицыныхъ, Талызиныхъ, г-жи Вейдемейеръ и двѣицъ Шевичъ—съ которыми отводила душу. Изъ этого дружескаго кружка выбыла вдова поэта Дельвига: она еще въ іюнѣ,—слѣдовательно пять мѣсяцевъ спустя послѣ кончины мужа,—обвѣнчалась съ братомъ другого поэта—Сергѣемъ Абрамовичемъ Баратынскимъ, но свадьбу объявила только въ октябрѣ, и выѣхала въ Москву.

Посѣщая и принимая своихъ подругъ, исполняя порученія родителей, наблюдая за сбытомъ литературныхъ трудовъ отсутствовавшего Николая Ивановича, моя мать посвящала остальное время любимому своему занятію—акварельнымъ портретамъ—и, слѣдуя совѣту брата, продолжала свои «воспоминанія» на французскомъ языкѣ (*mes souvenirs*), въ которыхъ излагала весьма интересно—въ историческомъ порядкѣ—происшествія, случившіяся какъ въ домѣ ея родителей, такъ и въ домахъ родственныхъ ей семействъ—Ганибаловыхъ, Ржевскихъ, Бутурлиныхъ, Овцыныхъ и т. д., при чемъ характеризовала дѣйствовавшихъ лицъ, можно сказать, неподражаемо. Вскорѣ послѣ сказаннаго мною выше свиданія съ братомъ, она прочитала ему нѣсколько главъ, написанныхъ ею во время его отсутствія.

¹⁾ Впоследствии попъ, какъ извѣстно, преобразился въ купца Остолопа.
Л. П.

²⁾ Дядя писалъ Онѣгина слишкомъ девять лѣтъ. Л. П.

Дядя Александръ, никогда не сярывавшій передъ сестрою то, что чувствовалъ, и никогда не льстившій ни своимъ, ни чужимъ, выслушавъ эти главы съ особеннымъ вниманіемъ, бросился ее обнять, и сказалъ:

— «Ты ли это писала? Да это образецъ искусства: (*Mais c'est un chef d'oeuvre!*) Рада Бога, пиши, пиши и пиши! Глава твоя о семействѣ Овцыныхъ стоитъ цѣлой поэмы, а нашего предка Юрія Г'жевскаго радъ бы самъ такъ прелестно нарисовать въ стихахъ, какъ ты нарисовала его въ прозѣ. Вижу въ этихъ главахъ и конецъ моей недождьланной повѣсти о нашемъ прадѣдѣ Абрамѣ Петровичѣ ¹⁾ и конецъ моего послѣдняго отрывка ²⁾! Жаль только, и какъ нельзя болѣе жаль, что пишешь не по-русски, моя безцѣнная мадамъ Кампанъ»,—заключилъ дядя, подчуя сестру даннымъ ей прозвищемъ.

Ольга Сергѣевна отвѣчала брату, что если ея воспоминанія дѣйствительно кажутся ему сюжетомъ достойнымъ поэмы, то пусть онъ этимъ сюжетомъ и воспользуется, при чемъ поставила, однако, брату условіемъ не называть дѣйствующихъ лицъ по фамиліямъ, если задумаетъ написать поэму въ стихахъ. Если же захочетъ перевести эти главы на русскій языкъ, и изложить ихъ прозою, передалъ ихъ по своему усмотрѣнію—дѣло другое.

Дядя отвѣчалъ, что надняхъ онъ возьметъ у сестры тѣ главы, которыя послужили бы дополненіемъ напечатанныхъ имъ отрывковъ, касающихся біографіи предковъ Ганнибаловъ, но будучи въ восторгѣ отъ прочитаннаго, умоляетъ «мадамъ Кампанъ» прочесть послѣднія главы тѣмъ слушателямъ, которыхъ онъ приведетъ къ ней на другой же день.

Ольга Сергѣевна согласилась на предложеніе брата, и дѣйствительно, на другой день явились къ ней съ Александромъ Сергѣевичемъ другъ его Плетневъ, пріѣхавшій изъ Москвы князь Вяземскій, Соболевскій, Илличевскій и еще кое-кто. Господа эти заняли мѣста за круглымъ столомъ, почему Ольга Сергѣевна, и начала чтеніе шуткой:—«*Prêtez attention chevaliers de la table ronde!*»

Мастерскимъ чтеніемъ и интересомъ изложеннаго моя мать доставила слушателямъ большое удовольствіе.

Александръ Сергѣевичъ затѣмъ взялъ воспоминанія для просмотра, и черезъ нѣсколько времени возвратилъ ихъ сестрѣ, говоря, что извлекъ изъ нихъ все, что ему можетъ пригодиться.

Но намѣреніе Пушкина облечь написанное сестрой въ поэтическую форму не осуществилось,—при другихъ принятыхъ имъ на себя работахъ.

¹⁾ Арапъ Петра Великаго, написанный въ 1827 году.

²⁾ Родословная Пушкиныхъ и Ганнибаловыхъ (1830—1831 г.).

Затѣмъ, о злополучной, дѣль «воспоминаній» покойной моей матери я уже вкратцѣ сообщалъ въ первой главѣ настоящей «Семейной хроники», но возвращусь къ этому предмету при изложеніи послѣдующихъ событій.

XXVIII.

Дядя Александръ, вращаясь въ большомъ петербургскомъ свѣтѣ, пытался неоднократно втянуть туда и сестру, увѣряя ее, что ей еще не подобаетъ по лѣтамъ превратиться въ отшельницу, а знакомство съ аристократическими салонами ей необходимо. По мнѣнію Александра Сергѣевича, сестра его, «познакомься съ вліятельными при дворѣ дамами и другими особами, расположить ихъ сейчасъ же,—при умѣнны говорить,—въ свою пользу, а потомъ,—даже очень скоро—вытащить, при ихъ помощи, Николая Ивановича, который получить мѣсто въ Петербургѣ уже не съ такимъ несчастнымъ жалованьемъ, какимъ пользуется, и не «пропадетъ», а скорѣе въ камеръ-юнкеры попадетъ».

Ольга Сергѣевна, не раздѣляя мнѣнія брата, нерѣдко сердила его—Пупкинъ не особенно жаловалъ противурѣчій, высказываемыхъ ему безъ обиняковъ—когда заявляла дядѣ, что посѣщенія, а слѣдовательно волей-неволей и пріемъ на скромной квартирѣ великосвѣтскихъ барынь—поведутъ лишь и къ убытку матеріальному, т.-е. къ опростанью и безъ того тощаго ея кармана, и къ убытку нравственному—весьма тяжелому сознанію, что эти госпожи и господа сочтутъ себя въ правѣ давать ей чувствовать разницу между ея домашней обстановкой и той, къ которой они привыкли. Зайскланья же ея Николая Ивановича ради,—которыя едва ли могутъ повести къ предполагаемой цѣли—она считаетъ дѣломъ несовѣстнымъ съ ея достоинствомъ, и даже прямо для себя оскорбительнымъ.

— «Я самъ гордъ,—отвѣчалъ моей матери однажды Александръ Сергѣевичъ на ея доводы,—но, какъ вижу, ты меня и въ этомъ миломъ качествѣ перещеголяла: ты уже не горда, а высокомерна (tu n'es pas seulement fière, mais altière). Впрочемъ, дѣлай, какъ знаешь, но мой совѣтъ непремѣнно являться изрѣдка туда, куда, по моему, должны ходить люди, не обиженные судьбою своимъ происхожденіемъ...

— «Но куда не должны ходить люди, обиженные карманомъ»,—докончила Ольга Сергѣевна.

Дядя не сдался, и повторяя, что даетъ ей совѣты изъ желанія всевозможнаго добра и благополучія, склонялъ сестру познакомиться, хоть изъ любви къ нему, и черезъ него же, съ двумя-тремя великосвѣтскими семействами, у которыхъ бывать съ нимъ и Натальей Николаевной изрѣдка, и весьма обрадовался одержанной надъ сестрой побѣдой, выраженной ею въ словахъ: «для тебя, такъ и быть».

Ольга Сергѣевна исполнила то, чѣмъ братъ считалъ для нея необходимымъ, а именно сопровождала его съ женою—весѣма, впрочемъ, не часто—въ петербургскій мондъ.

О посѣщеніи одного изъ великосвѣтскихъ собраній Ольга Сергѣевна, между прочимъ, писала мужу 15-го ноября 1831 года:

«Вчера я была съ братомъ и его женой на раутѣ у графини Р—й. Сама не рада: кромѣ сплетень high-life'a, ничего путнаго оттуда не вынесла. Ничего еще, если бы отъ нустыхъ разговоровъ поглупѣла на нѣсколько часовъ: на другой же день дурь бы прошла, но одна изъ слышанныхъ мною сплетень меня взбудоражила ¹⁾. На раутѣ очутился какой-то прискакавшій изъ Варшавы польскій камергеръ, знакомый брату. Узнавъ отъ Nathalie, что я ея невѣстка, онъ брякнулъ ²⁾ ей—затѣмъ—по секрету: «мужъ вашей belle soeur имѣлъ съ Энгелемъ большую ссору, изъ-за какого-то дѣла по службѣ, наговорилъ ему рѣзкостей, и принужденъ возвратиться въ Петербургъ разжалованнымъ, т. е. безъ мѣста, а мѣсто его предлагаютъ вашему брату Гончарову». Сообщивъ такую «прелестную» новость, «панъ вельможный» счелъ долгомъ отвѣсить belle soeur'ѣ низкій поклонъ à la Louis treize, и поздравить ее съ назначеніемъ братца на твое мѣсто, а невѣстка, по своей разсѣянности (par étourderie)—свойственной, впрочемъ, ея молодости—препроводила мнѣ секретъ «вельможнаго» цѣвникомъ, (d'un bout à l'autre) вмѣсто того, чтобы спросить прежде брата письмомъ, точно ли такъ. Разумѣется, я пустила всю эту штуку (j'ai lancé toute cette pièce) Александру. Онъ пожурилъ Наташу за несоблюденіе секрета, и утѣшилъ меня тѣмъ, что хотя у тебя и могли быть недоразумѣнія по службѣ и щекотливыя объясненія, но дѣлать изъ-за этого тебѣ сцену начальнику,—котораго уважаешь и цѣнишь—на это ты слишкомъ уменъ и благовоспитанъ, а Гончаровъ, если бы и предложили ему мѣсто какое-нибудь, не молчалъ бы. Все-таки Александръ не могъ меня успокоить; всю ночь не смыкала глазъ и только сегодня разсудила, что разсказъ «вельможнаго» неловко придуманная сплетня. Отъ службы тебя не отставятъ, а скорѣе—какъ сострилъ мнѣ братъ—сдѣлаютъ тебя если не консуломъ или вице-губернаторомъ, то по крайней мѣрѣ частнымъ, а на худой конецъ солянымъ приставомъ. ³⁾ Не явился я вчера въ большой свѣтъ да сиди себѣ дома на здоровье—провела бы вечеръ въ тысячу разъ пріятнѣе».

«Говоря о большомъ свѣтѣ»,—заканчиваетъ письмо Ольга Сергѣевна,—«скажу тебѣ, что большой свѣтъ также не былъ избавленъ отъ холеры, и Александръ очень ошибался, когда увѣрялъ, что поря-

¹⁾ Въ подлинникѣ подчеркнутая фраза написана порусски.

²⁾ Это слово тоже написано порусски.

³⁾ Последнія фразы письма порусски. Л. П.

дочныхъ (?), по его мнѣнію, людей холера не тронетъ: моя подруга и кузина Окунева, — ее я видѣла за нѣсколько дней передъ смертью — разсталась съ недолговременной жизнью въ ужасныхъ мученіяхъ; въ такихъ же мученіяхъ закончилъ тоже отъ холеры короткій жизненный путь баронъ Корфъ — родственникъ и зять (*cousin et beau frère*) Модеста — саперный полковникъ. Пригласили меня на похороны, откуда вынесла самое тяжелое впечатлѣніе: въ церкви, во время отпѣванія тѣла, съ Модестомъ (Андреевичемъ) случился припадокъ, какъ у самой слабонервной женщины: рыдалъ, хохоталъ, и лишился, наконецъ, сознания! Можешь себѣ представить суматоху! Его вынесли изъ церкви безъ чувствъ. Жена покойнаго въ отчаяніи. Ожидаю мама и Александра съ женой поѣхать съ ними къ Корфамъ въѣсть. Поподчивала холера (*le choléra a régalé*) и твоего пріятеля Маркова: на силу поправился, но ты бы его не узналъ. Ругаетъ не столько холеру сколько докторовъ, а докторъ Р., уморившій пьяныхъ, принимая ихъ за больныхъ, самъ на тотъ свѣтъ отправился, въ качествѣ уже настоящаго холернаго. Булгаринъ напечаталъ въ «Сѣверной Пчелѣ», въ память этого господина, трогательный панегирикъ, какъ о спасителѣ челоуѣчества, которое, однако, послѣ смерти Р. почувствуетъ себя гораздо лучше, — какъ всѣ предсказываютъ, кромѣ Булгарина».

Услышанная Ольгой Сергѣевной отъ своей невѣстки новость о небывалой ссорѣ Николая Ивановича съ Ангелемъ, и о замѣнѣ моего отца шуриномъ Александра Сергѣевича не имѣла ни малѣйшаго основанія: никакой ссоры съ Ангелемъ не было, отставки же недавно.

Напротивъ того: Ангель, опѣившій службу моего отца, остался очень недоволенъ окончательнымъ его прикомандированіемъ въ 1832 году къ генераль-интенданту дѣйствующей арміи Погодину. Считать же громкой ссорой отнюдь было нельзя случайное охлажденіе Ангеля къ Николаю Ивановичу, вызванное жалобой директора канцеляріи Пр—го на отца за насмѣпливый его отзывъ о чиновничьей музѣ этого послѣдняго дѣтеля.

Какъ бы ни было, Надежда Осиповна, воспользовавшись дошедшей до нея — изъ того же источника — сплетней на счетъ зятя, стала съ злорадствомъ попрекать дочь бракомъ съ челоуѣкомъ неугомоннымъ, не изучившимъ яко бы азбуки уживаться съ людьми, а когда нелѣпость пущеной сплетни была опровергнута недѣли черезъ двѣ отвѣтомъ Николая Ивановича женѣ, въ которомъ отецъ извѣщалъ, что онъ дѣйствительно хочетъ пріѣхать въ Петербургъ весною, но единственно съ цѣлію увести въ Варшаву Ольгу Сергѣевну — бабка выразила дочери уже чистосердечно, что отставка Николая Ивановича пришлась бы ей гораздо больше по вкусу, чѣмъ разлука съ Ольгой Сергѣевной.

Мать видѣлась часто съ дѣдомъ и бабкой, выслушивая ихъ безконечныя сѣтованія на плутни управляющихъ, въ силу чего въ родительской кассѣ царилъ пустота. Ольга Сергѣевна, сама ожидавшая отъ своего отца помощи, согласно его обѣщанію, могла извѣщать родителямъ только соболѣзнованіе, а дядя Александръ, выручая ихъ по мѣрѣ силъ, и выплативъ только-что долгъ храбраго воина Льва, — кутнувшаго, во славу русскаго оружія, порядкомъ въ покоренной Варшавѣ — не могъ, въ концѣ концовъ, сдѣлаться для стариковъ и брата неизсякаемымъ источникомъ карманныхъ благъ. Доходы Александра Сергѣевича оказались значительно меньше расходовъ, при частыхъ выѣздахъ въ свѣтъ съ Натальей Николаевной и неизбѣжныхъ отъ этого послѣдствій, а именно далеко не дешевыхъ приемовъ у себя дорогихъ гостей. По словамъ моей матери — опять-таки говорю не отъ себя — Александръ Сергѣевичъ ей жаловался, что у него постоянныя недохватки и перехватки, и хотя надѣется получить за стихъ даже по червонцу, заработать Евгениемъ Онѣгинымъ и повѣстами Бѣлкина не мало, а доходы отъ изданія задуманной дядей ежедневной газеты, при назначенныхъ ему 5,000 рублѣхъ жалованья за «ничего не дѣланье въ иностранной коллегіи» совсѣмъ не бездѣлица, но все это впереди, и было бы хорошо, если бы «свѣтъ» не ставилъ его въ стѣснительныя рамки. Сестра совѣтывала ему уменьшить путешествія по великосвѣтскимъ салонамъ, и, взявъ мѣсяца на два отпускъ, предпринять, экономіи ради, другое путешествіе лѣтомъ въ деревню, пребываніе въ которой — вдали отъ свѣтской суеты — можетъ обогатить не только его, но и отечество новыми его твореніями; но Александръ Сергѣевичъ замѣтилъ, что такая поѣздка невозможна, когда онъ именно долженъ вмѣстѣ съ женою стоять ближе къ солнцу.

Заключаю описаніе семейныхъ происшествій 1831 года выдержками изъ письма Ольги Сергѣевны къ моему отцу въ концѣ декабря, относительно своего брата.

«Александръ — сообщаетъ мать — ускакалъ въ Москву еще передъ Николинымъ днемъ, и по своему обыкновенію, совершенно нечаянно — *sans tambour ni trompète*; предупредилъ только Наташу, объявивъ, что ему необходимо видѣться съ Нащокинымъ и совсѣмъ не по дѣламъ поэтическимъ, а по дѣламъ гораздо болѣе существеннымъ — прозаическимъ. Задумалъ онъ издавать и газету въ свою пользу, и «Сѣверные цвѣты» въ пользу семейства нашего покойнаго пріятели¹⁾, — лучше сказать его братьевъ — и въ архивахъ копаться не хуже тебя, но какія именно у него дѣла денежныя, по которымъ улепетнулъ отсюда — узнать отъ него не могла, а жену не спрашиваю. Ждутъ брата, однако, весьма скоро назадъ. Очень

¹⁾ Разумѣется тутъ баронъ Дельвигъ.

часто вижу съ его женой; то я захожу къ ней, то она ко мнѣ заходитъ, но наши свиданія всегда случаются среди бѣлаго дня. Заставать ее по вечерамъ и думать нечего: ее забрасываютъ приглашеніями то на балъ, то на раутъ. Тамъ отъ нея всѣ въ восторгѣ, и прозвали ее Психеею, съ легкой руки госпожи Фикельмонъ, которая не терпитъ, однако, моего брата—одинъ Богъ знаетъ почему.»...

XXIX.

Дядя Александръ возвратился изъ Москвы къ новому году.

Этотъ новый (1832) годъ, Ольга Сергѣевна встрѣтила въ послѣдній разъ въ кругу родныхъ—въ домѣ моего дѣда и бабки—съ братомъ и его женой.

«Никогда еще мнѣ не было такъ грустно какъ въ прошлую пятницу, 1-го января»,—пишетъ она отцу (во вторникъ 5 января),—«когда обѣдала съ братомъ и Наташей у стариковъ. Папа и мама, хотя и не совсѣмъ передо мною правы, но все же любятъ меня по своему; меня томили недобрыя предчувствія, что въ день новаго года обѣдаю у нихъ послѣдній разъ. Александръ и Наташа оставались у нихъ—какъ и я—весь вечеръ. Родные, когда я заговорила имъ о вѣроятной разлукѣ, и слышать не хотятъ, чтобы я промѣняла Петербургъ на Варшаву, а Соболевскій, который тоже былъ тамъ (онъ ѣдетъ скоро за границу, и будетъ у тебя въ твоемъ возлюбленномъ городѣ) увѣрялъ меня, что твое пребываніе въ Польшѣ временное, и если только искренно захочешь, можешь возвратиться въ иностранную коллегію, тѣмъ болѣе, что тебя еще не вычеркнули изъ списка ея чиновниковъ, точно также какъ и еще двухъ или трехъ господъ, отправившихся съ Ангелемъ. Соболевскій правъ, и послушай меня: брось чужой тебѣ край, и возвращайся на твою родину, святую Русь, ко мнѣ. Чѣмъ тебѣ опротивѣла наша—хоть и бѣдененькая, но все же миленькая—квартирка въ домѣ Дмитріева? Чѣмъ тебѣ стали немилы твои лицейскіе товарищи, твои добрые петербургскіе сослуживцы-друзья, которые тебя такъ любятъ, и такъ жальютъ о твоемъ отсутствіи? Съ кѣмъ, не говоря уже обо мнѣ, обмѣняешься по душѣ роднымъ русскимъ словомъ? Братъ Леонъ пишетъ Александру, что онъ ни за чтѣ не останется въ Варшавѣ: война давно кончена, и ему тамъ ровно нечего дѣлать, а Ширковъ и Сіановъ тоже уѣдутъ. Съ кѣмъ же останешься изъ близкихъ тебѣ? Въ твоей варшавской службѣ счастья не вижу, и вотъ мой совѣтъ: братъ Александръ еще въ ноябрѣ поступилъ на службу съ прекраснымъ жалованьемъ туда, гдѣ и ты еще считаешься—въ иностранную коллегію—заниматься въ архивѣ историческими работами; эти работы и ты любишь. Хотя Александръ и моложе тебя

чинами, но извѣстенъ всей Россіи; слово его вѣско, и онъ будетъ очень радъ случаю тебя толкнуть впередъ (*de te pousser aussi en avant*) какъ своего вятя, выхлопочеть тебѣ такое же занятіе себѣ въ помощь, и пристроить тебя, увѣряю, въ коллегію; сдѣлать это брату будетъ тѣмъ легче, что ты въ коллегію не вновь долженъ опредѣлиться, а только возвратиться. Выхлопочеть Александръ тебѣ и занятія по литературѣ; не одни же недоброжелатели журналисты его окружаютъ, а твое перо многимъ уже извѣстно. Обо всемъ этомъ онъ, при Соболевскомъ, мнѣ намекалъ, слѣдовательно и пишу тебѣ *en connaissance de cause*».

Предположеніямъ матери не суждено было, однако, осуществиться. Отецъ не изъявилъ Ольгѣ Сергѣевнѣ—за которой рѣшилъ пріѣхать—желанія вновь поселиться въ Петербургѣ. Возобновить службу въ иностранной коллегіи онъ не находилъ цѣлесообразнымъ, полагая, что не можетъ на этомъ поприщѣ принести столько пользы, сколько своей русскою дѣятельностью въ краѣ, заинтересовавшемъ его во всѣхъ отношеніяхъ.

«Временное правленіе царства Польскаго,—сообщаетъ Николай Ивановичъ, своей матери Луизѣ Матвѣевнѣ отъ 12-го марта 1832 года,—закрыто; но еще до закрытія Богъ мнѣ послалъ благодѣтеля въ генераль-интендантъ арміи Погодинѣ. По его ходатайству фельд-маршалъ прикомандировалъ меня къ нему для иностранной корреспонденціи. Жалованья получаю 2,500 руб. въ годъ по грузинскому—какъ объявилъ мнѣ Погодинъ—положенію, съ оставленіемъ по министерству иностранныхъ дѣлъ. Правда, съ выступленіемъ большей части войскъ изъ царства Польскаго—ибо въ сентябрѣ останется одинъ только второй пѣхотный корпусъ,—главный штабъ арміи долженъ сократиться, а со временемъ и вовсе уничтожиться, но я уже обезпеченъ жалованьемъ, и мнѣ не трудно будетъ поступить въ штатъ намѣстника или военного губернатора.

«Въ маѣ отпращиваюсь въ Кіевъ по дѣламъ службы, оттуда въ Петербургъ, на два дня, за женою, и въ концѣ іюня ворочусь съ нею въ Варшаву. Грустно ей будетъ разставаться съ родиной, но жребій брошенъ. Проклинаетъ Варшаву, хочетъ чтобы я опять попалъ въ Петербургъ, куда меня и калачемъ не заманишь. Драка съ поляками для меня гораздо любопытнѣе, чѣмъ междоусобная брань съ тещей. Можетъ быть и совсѣмъ Петербургъ меня не увидитъ, а съ женою встрѣчусь въ Кіевѣ. Все зависитъ отъ ея здоровья, и успѣха, съ какимъ она устроитъ дѣла. Словомъ я предполагаю, а Богъ расположитъ».

XXX.

Подробное изложеніе дѣятельности покойнаго отца послѣ 1837 года,—года сразившаго дядю,—составляетъ особый отдѣлъ моихъ

воспоминаній, не вошедшій въ составъ настоящей «Семейной хроники», и который я имѣю въ виду напечатать особо. Здѣсь же, прежде нежели говорить о дальнѣйшихъ семейныхъ событіяхъ въ послѣдовательномъ порядкѣ, считаю для себя удобнѣе сказать нѣсколько словъ о дѣятельности моего отца за періодъ времени съ 1832 по 1834 годъ, когда я появился на свѣтъ Божій.

Не прошло и трехъ мѣсяцевъ со времени прикомандированія отца къ генераль-интенданту дѣйствующей арміи Погодину, для сношеній на иностранныхъ языкахъ съ нашими консулами, какъ Николай Ивановичъ былъ назначенъ въ составъ учрежденнаго тогда (въ 1832 г.) комитета для повѣрки счетовъ тайнаго совѣтника Пейкера по ликвидаціи съ Пруссіей относительно доставки въ русскую армію продовольственныхъ припасовъ въ теченіе польской кампаніи. Кампанія эта доставила Николаю Ивановичу и денежную награду въ размѣрѣ годового жалованья двухъ тысячъ пяти сотъ рублей ассигнаціями, и знакъ военнаго достоинства (*Vir-tuti militari*) третьей степени, а талантливое исполненіе возложенныхъ на него трудовъ въ названномъ комитетѣ обратило на себя особенное вниманіе свѣтлѣйшаго, вслѣдствіе чего не достигнувъ и тридцатилѣтняго возраста, бывшій питомецъ царскосельскаго лицейскаго пансіона получилъ местное назначеніе управлять, въ чинѣ коллежскаго ассесора, канцеляріей генераль-интенданта дѣйствующей арміи.

Пользуясь не только расположеніемъ, но и дружбой сего послѣдняго, Николай Ивановичъ, не имѣвшій отъ него секретовъ, въ одной изъ нерѣдкихъ съ нимъ откровенныхъ бесѣдъ, показалъ ему и предпринятый имъ трудъ по составленію статистики царства Польскаго. Погодинъ, разсмотрѣвъ работу, нашелъ ее дѣломъ громадной важности, что и доказалъ вскорѣ на дѣлѣ.

Въ 1833 году открылась вакансія помощника статсъ-секретаря государственнаго совѣта царства Польскаго. Выборъ Паскевича, пожелавшаго замѣстить эту вакансію не иначе какъ природнымъ русскимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ основательно изучившимъ край — палъ на моего отца, именно во вниманіе къ лестнымъ о немъ отзывамъ генераль-интенданта, который и высказалъ свѣтлѣйшему, что управляющій его канцеляріей «коллежскій ассесоръ Павлицевъ, обладая надлежащимъ запасомъ историческихъ и статистическихъ свѣдѣній о вѣрренной его свѣтлости странѣ, знакомый съ ея прошедшимъ и настоящимъ, можетъ занимать предлагаемую должность съ честью и пользою».

Потребовавъ къ себѣ Николая Ивановича, Паскевичъ, какъ пишетъ отецъ, очень обласкалъ его, и приказалъ ему вступить немедленно въ исправленіе возлагаемыхъ на него новыхъ обязанностей.

Занявъ, такимъ образомъ, новый, важный постъ, отецъ мой принялся за тщательное изученіе польскихъ законовъ, сдѣлавшихся

предметомъ его службы, и вскорѣ ему представился какъ нельзя болѣе удобный случай примѣнить познанія къ дѣлу.

Дѣйствія совѣта начались проектомъ новаго закона о дворянствѣ для польской шляхты, и Николай Ивановичъ составилъ проектъ названнаго закона, изданнаго впоследствии своимъ порядкомъ. Этотъ проектъ послужилъ отцу первымъ докладомъ князю Варшавскому, и вмѣстѣ приступомъ къ дальнѣйшимъ историко-юридическимъ трудамъ.

Отецъ взялся сперва за прошедшее, и написалъ «Историческое обзорѣніе правъ и преимуществъ польскаго дворянства», а потомъ обратился къ настоящему, и узнавъ, что число шляхты чрезвычайно велико, подалъ Паскевичу записку, въ которой представилъ свѣтлѣйшему необходимость потребовать строгихъ доказательствъ на «шляхетство» — по прежнимъ законамъ. Съ перваго чтенія все важнѣйшее было обсуждено и рѣшено фельдмаршаломъ; работать съ намѣстникомъ было, какъ выражается отецъ въ сохранившихся у меня замѣткахъ, «наслажденіемъ, которое, по его словамъ, бывало тѣмъ возвышеннѣе, чѣмъ болѣе намѣстникъ сосредоточивалъ вниманіе на предметъ, а это для человѣка, озабоченнаго иногда вдругъ нѣсколькими дѣлами равной важности, не всегда бываетъ возможно». Записка направила дѣло къ законной цѣли. Хотя мой отецъ, въ качествѣ помощника статсъ-секретаря, и не имѣлъ по настоящему права докладывать дѣла совѣта, однако, докладывалъ, и не потому, что статсъ-секретарь былъ неспособенъ къ дѣламъ, а по той именно причинѣ, что этотъ сановникъ былъ полякъ; взглядъ же на дѣла нуженъ былъ чисто русскій.

«Во всякомъ случаѣ, — замѣчаетъ Николай Ивановичъ, — положеніе мое бѣдлалось страннымъ, щекотливымъ, неприятнымъ. Удивляюсь, какъ я могъ сохранить въ немъ счастливую середину, ибо я прямодушенъ и слѣдственно неловокъ. Думаю, что прямодушіе-то и спасало меня; чего лучше, какъ идти прямою дорогою, слѣдуя поговоркѣ моей родительницы Луизы Матвѣевны: «Der grade Weg ist am besten»? Замѣчу ли что-нибудь неладное, пишу записку, и иду къ фельдмаршалу. Долженъ сказать и то, что князь понималъ мое положеніе, и былъ ко мнѣ внимателенъ, а я старался угадывать его мысли, не стѣсняясь, однако, высказывать ему мои правдивые взгляды съ откровенностью, чѣмъ и вызвалъ разъ шутливую фразу Паскевича: — «Я тебя всегда уважаю (Паскевичъ тыкалъ только тѣхъ, къ которымъ чувствовалъ особенное расположеніе), но за сегодняшнюю горькую правду терпѣть не могу».

«Привѣтливая улыбка противурѣчила его словамъ, и съ изложившимъ мною въ докладѣ мнѣніемъ онъ совершенно, въ концѣ концовъ, согласился».

Такимъ образомъ, проходили черезъ руки отца проекты нѣсколькихъ законовъ, болѣею частію утверждаемые, и только весьма немногіе не получили дальнѣйшаго хода, впрочемъ, отнюдь не по винѣ

Николая Ивановича, какъ, напримѣръ, о знакъ отличія безпорочной службы, и о спорныхъ дѣлахъ управленія (le contentieux de l'administration). Послѣдній проектъ стоилъ отцу немовѣрныхъ трудовъ.

Любя всякое дѣло брать не съ верхушки, а съ корня, Николай Ивановичъ изучилъ основательно французскій уставъ гражданскаго судопроизводства (Le code Napoléon), и перечиталъ всѣ томы Полнаго собранія законовъ, съ цѣлю изложить какъ слѣдуетъ на русскомъ языкѣ проектъ постановленія о правительственномъ судопроизводствѣ. Фельдмаршалъ оцѣнилъ этотъ трудъ по достоинству въ административномъ отношеніи, а, впоследствии, близкій отцу знакомый, (о которомъ я упоминалъ уже во 2-й части настоящей «Семейной хроники»), покойный членъ здѣшней академіи наукъ Петръ Павловичъ Дубровскій—авторъ польско-русскаго словаря, административнаго и судебнаго,—нашелъ въ переводѣ отцомъ проекта разрѣшеніе многихъ важныхъ лексикографическихъ вопросовъ.

Николай Ивановичъ долго хранилъ у себя черновую своего перевода, какъ трудъ, о которомъ онъ вспоминалъ всегда съ особеннымъ удовольствіемъ, и какъ памятникъ новаго судебного русскаго языка. Показывалъ онъ мнѣ черновую, но куда она дѣлась—мнѣ неизвѣстно; въ подаренныхъ мнѣ отцомъ кнѣгахъ и картонахъ съ его рукописями я ее не нашелъ.

Кромѣ безчисленныхъ проектовъ по законодательной части, черезъ руки покойнаго отца проходили, въ бытность его помощникомъ статсъ-секретаря мѣстнаго государственнаго совѣта, и отчеты по управленію царствомъ Польскимъ, и бюджеты края; обращалъ онъ на нихъ особенное вниманіе, какъ на драгоцѣнные матеріалы для статистики Привислянскон окранны.

Когда представили отца къ утвержденію въ должности помощника статсъ-секретаря, Николай Ивановичъ, все еще считая себя въ гостяхъ, на чужбинѣ, просилъ объ оставленіи его числящимся по министерству иностранныхъ дѣлъ, но на это не послѣдовало высочайшей воли. Чѣмъ не менѣе, министръ статсъ-секретарь объявилъ всемилостивѣйшее соизволеніе на полученіе Павлицевымъ чиновъ, буде пожелаетъ. Эту привиллегію отецъ считалъ для себя необходимой, будучи первымъ русскимъ, очутившимся въ польской службѣ, на которой не было тогда чиновъ. Даннымъ отцу разрѣшеніемъ воспользовались впоследствии и другіе русскіе чиновники.

Закончивъ краткій разсказъ объ административной дѣятельности моего отца по 1834 годъ, приступаю къ изложенію событій въ семействѣ моей матери съ 1832 года, въ которомъ Ольга Сергѣевна принуждена была разстаться съ горячо любимымъ мѣстомъ своей родины, стариками Пушкиными, и братомъ.

Левъ Павлицевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ПРОКОНСУЛЬ КАВКАЗА.

«И испытанный трудами
«Вури боевой,
«Ихъ ведетъ, грозя очами,
«Генеральъ съдой—
«
«Прямо на Востокъ».

М. Ю. Лермонтовъ.

I.

ТИХИЙНОЕ движеніе на Востокъ наложило отпечатокъ на все прошлое Россіи. Поэтъ и воинъ, ка-торжникъ и колонистъ, опричники и земство, уда-лой новгородецъ и осторожный государственный дѣятель.. тянуть одну и ту же русскую государ-ственную ляжку: «Прямо на Востокъ».

Каждый чувствуетъ что, рано или поздно, для Россіи, «не будетъ Гималаевъ». Такая перестановка фак-товъ природы совершится собственной тяжестью элементовъ, въ чьего бы то ни было личнаго авторитета. Она явится неиз-бѣжнымъ концомъ, вытекающимъ изъ симетріи русской исторіи.

Наши достоинства и недостатки одинаково приспособлены къ движенію на Востокъ. Ему служатъ войска и чиновники, бездарно-сти и таланты, геройская стойкость русскаго народа и безпорядоч-ная разбросанность его «широкой натуры». Движеніе на Востокъ совершается независимо отъ военныхъ побѣдъ и дипломатическихъ ошибокъ, въ минуты слабости Россіи и въ періоды ея могущества, наперекоръ желаніямъ податнаго и правящаго классовъ, вопреки

всѣмъ разсчетахъ комерціи и всѣмъ требованіямъ здраваго смысла, въ эпохи подъема народнаго духа и не взирая на обычную у насъ бюрократическую безтолковщину.

Иногда трудно разобрать, что болѣе способствуетъ этому колоссальному движенію: пороки русскаго народа, или его добродѣтели?— «пушечное мясо», которое мы никогда не умѣли беречь или «государственные умы», по отношенію къ которымъ мы часто выказывали излишнюю бережливость?—мертвое повиновеніе «совершавшее чудеса», или организаторскіе таланты, дозволяющіе государству обходиться безъ чудесъ?.. Беззаботность характера, равнодушіе къ удобствамъ и безшабашное «авось» иногда болѣе дѣлали для этого движенія, чѣмъ дальновидная проницательность и умная бережливость.

Въ своемъ движеніи на Востокъ, русскій народъ отличается, въ одно и то же время, свойствами орла, саранчи и лисицы. Онъ беретъ по праву сильнаго; гдѣ нельзя взять силой, онъ беретъ умомъ; гдѣ не беретъ ни то, ни другое — онъ одолеваетъ пассивнымъ сопротивленіемъ. «Московскіе люди»,—разсуждаютъ послы Ивана Грознаго про свой народъ,—«къ чему приступятся, отъ того не отступятся». Крымскіе мурзы, не хуже русскихъ пословъ, знали цѣнность нашей народной руки. «Теперь»—наставляли они своего хана—«московскій царь тебѣ поминки шлетъ, чтобы короля извоевать; а когда короля извоюетъ, то нашему курту отъ него не пробывать; онъ и казанцамъ шубы давалъ, да послѣ того и Казань взялъ».

Съ очевидностью прописной морали можно бы доказать, что, вмѣсто стремленія на Востокъ, намъ слѣдовало бы устроиться дома, сосредоточиться на своихъ дѣлахъ, исключительно заняться разработкой внутреннихъ вопросовъ. Тогда мы могли бы выгоднѣй реализовать свой нравственный и матеріальный капиталъ и немедленно создать болѣе интенсивную цивилизацію. Какъ Леонора Фіско (Шиллеръ) русскій человѣкъ хотѣлъ бы сказать своему народу: «бросимъ во прахъ эту блестящую мишуру, поселимся гдѣ-нибудь въ пустынѣ и будетъ жить для одной любви; и наши души чистыя какъ лазурь небесъ перестанутъ заражаться дыханіемъ горя, и наша жизнь, въ мелодическомъ согласіи, потечетъ на лоно Творца».

Неумолимый законъ исторіи душировать идиллію и требуетъ жертвы. Вопросъ не только въ томъ, что для насъ «выгоднѣй», но и въ томъ, что для всѣхъ «необходимо». Распространеніе Россіи на Востокъ для насъ также неизбѣжно, какъ нѣкогда было неизбѣжно для Рима распространеніе почти на весь тогдашній міръ. Кавказская война, безъ сомнѣнія, столь же убыточна для насъ, какъ германская для Рима; но, какъ посылка легионовъ въ Германію, во имя интересовъ человѣчества, въ свое время, была обязательна для римскаго форума, такъ точно, для представителя русской государственной идеи, обязательно стремленіе опереться на Тянь-Шань

и Казбекъ; та же роковая сила, которая заставляла римлянина, двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, на острівъ меча, вопреки всѣмъ личнымъ расчетамъ, нести сѣмена цивилизаціи къ дикимъ британъ и кочевымъ пароянамъ, теперь заставляетъ насъ, вопреки собственнымъ выгодамъ, идти къ номадамъ Средней Азіи и въ пустыни Арменіи.

Англичанамъ, прикрывшись десятью морями, легко разсуждать о нашихъ завоевательныхъ планахъ, но, въ непосредственномъ со-сѣдствѣ съ стихійными силами Азіи, завоеваніи вытекаютъ изъ положенія вещей и совершаются вопреки самыхъ благоразумныхъ плановъ.

Да не подумаетъ читатель, что пишущій эти строки увлекается нашей ролью въ Восточномъ вопросѣ. Въ чемъ другомъ,—но авторъ не повиненъ въ красномъ патріотизмѣ. Да и чѣмъ тутъ увлекаться. Въ нашемъ восточномъ движеніи столько ошибокъ и фальшивыхъ нотъ, что едва ли остается мѣсто для увлеченій. Мы только констатируемъ фактъ необходимости нашего восточнаго движенія. Неприваждлежа къ его поклонникамъ, мы вѣримъ въ его неизбежность.

Просто, наше сопротивленіе было бы бесполезно. Волею-неволею мы должны примириться съ восточнымъ движеніемъ и искать въ немъ не одну личную пользу, но и высшую историческую задачу. Оно выражаетъ своего рода справедливость. Только «народы — копители неба» могутъ брать, ничего не отдавая. Русскій же народъ, принявъ сѣмена цивилизаціи отъ старшихъ членовъ человѣческой семьи, какъ народъ историческій, долженъ принятое съ лихвой возвратить человечеству. Мы идемъ въ горы и пустыни дальняго Востока, потому что намъ нельзя не идти, потому что, кромѣ насъ, некому идти, потому, наконецъ, что это наша историческая повинность, отъ которой мы и физически «не можемъ», и нравственно «не въ правѣ» отказаться.

Если, передъ судомъ исторіи, движеніе на Востокъ до сихъ поръ едва ли не единственный нашъ патентъ на историческую знаменитость, то мы имѣемъ полное право сказать, что свою восточную миссію мы проходимъ далеко не безуспѣшно. Можно бы сдѣлать болѣе, но, во всякомъ случаѣ, сдѣлано много. Только слѣпое предубѣжденіе можетъ отрицать этотъ фактъ въ Польшѣ, Туркестанѣ и на Кавказѣ. Замѣчательно, что сами мы—какъ народъ—не отличаемся и никогда не отличались любовью къ порядку; но вездѣ, куда бы мы ни появились, мы водворяемъ порядокъ и неразлучный съ нимъ прогрессъ.

Но здѣсь же, по поводу этого рокового движенія на Востокъ, напрашивается и другая мысль. Если это движеніе—неизбѣжный шахматный ходъ, отъ котораго мы не можемъ отказаться, если «судьбой намъ суждено» разбудить дремлющія на Востокѣ силы,

то желательно совершить эту миссію съ наименьшей потерей собственныхъ силъ и наибольшей пользой для той нравственной и физической пустыни, которая, фатальнымъ образомъ, входитъ въ сферу нашего государственнаго призванія. Не уклоняясь отъ выполненія нашей исторической повинности, мы имѣемъ однако право, отправляя свою службу, стараться о наименьшей потерѣ своихъ и чужихъ силъ. Если движеніе неизбежно, то лучше двигаться, соблюдая всѣ требованія здраваго смысла и правильнаго разчета, чѣмъ ощупью, рискуя на каждомъ шагѣ. Если до сихъ поръ русская исторія была средствомъ — путемъ великихъ жертвъ, цѣною громадной затраты времени, труда, жизни и денегъ, поправленіемъ личности, кровавымъ напряженіемъ всѣхъ силъ страны — достигнуть безспорно великихъ результатовъ, то было бы желательно, чтобы въ будущемъ историческомъ движеніи очистилось болѣе мѣста таланту и менѣе оставлялось на долю русской выносливости; если прежде, для нашей широкой государственной натуры, бросить 100,000 жизней состовляло «мелочь», то желательно, чтобы добросовѣстно-скупое отношеніе къ каждой каплѣ русскаго пота и крови вошло основнымъ приѣмомъ будущей политики. Хорошо понимаемъ, что тамъ «гдѣ рубятъ — щепки летятъ», но если нельзя обойтись безъ траты человѣческаго матеріала, то, по крайней мѣрѣ, можно пожелать, чтобы онъ тратился съ наибольшей умѣренностью.

Страстное, сознательное стремленіе на Востокъ, соединенное съ экономіей нравственныхъ и матеріальныхъ средствъ — особенность личнаго характера и историческаго значенія Ермолова. Велика слава его, какъ одного изъ паладиновъ Александра I въ Отечественную войну; но Россія имѣла много защитниковъ въ 1812 году; свою славу, въ этомъ случаѣ, Ермоловъ раздѣляетъ съ цѣлой толпой замѣчательныхъ русскихъ людей. Кавказскими лаврами Ермолову не съ кѣмъ дѣлиться. (Не касаемся современныхъ дѣятелей). Никто отчетливѣй Ермолова не смотрѣлъ на задачу Россіи на Востокѣ и никто не превзошелъ его въ умѣннѣй беречь русскую силу въ ея роковомъ стремленіи къ завѣтной исторической цѣли.

II.

Алексій Петровичъ Ермоловъ родился въ 1777 году. По отцу, онъ принадлежалъ къ небогатымъ, но стариннымъ дворянамъ Орловской губерніи; по матери, находился въ родствѣ съ Потемкиными, Раевскими, Самойловыми и Орловыми. Его старшій братъ имѣлъ шансы выдвинуться при дворѣ Екатерины. Партизанъ Давыдовъ — его двоюродный братъ.

Отецъ Ермолова, при генераль-прокурорѣ графѣ Самойловѣ, занималъ должность правителя канцеляріи. Но сельцо Лукьянчи-

ково — вотъ все, что приближенный и родственникъ одного изъ временщиковъ XVIII вѣка оставилъ своему сыну.

Бываютъ слова характеризующіе не только человѣка, но цѣлый кружокъ. Такое слово встрѣчаемъ въ перепискѣ Ермолова-отца. «Твердилъ я своему сыну, что, когда требуетъ государь и отечество службы, служить не щадя ничего, не ожидая награды, ибо наша обязанность только служить»¹⁾.

Короче, задушевная любовь къ государю, безграничная преданность отечеству и готовность всего себя отдать общему дѣлу, были въ характерѣ отца и въ преданіяхъ семьи²⁾.

Первымъ учителемъ Ермолова былъ крѣпостной дворовый; нѣсколько времени жилъ онъ потомъ у дальней родственницы, чтобы пользоваться уроками вмѣстѣ съ ея племянникомъ. Официальное образованіе закончено университетскомъ благороднымъ пансіономъ въ Москвѣ, откуда, капитаномъ гвардіи (людей со связями тогда записывали на службу очень рано) въ 1792 году, то есть пятнадцати лѣтъ, привезенъ въ Петербургъ и опредѣленъ адъютантомъ къ графу Самойлову. Въ 1794 году видимъ его при штурмѣ Праги, за который, 17-ти лѣтъ, по назначенію самого Суворова, получаетъ Георгія 4 степени. Вслѣдъ за этимъ, благодаря рекомендательнымъ письмамъ Самойлова и Безбородка, Ермоловъ нѣсколько времени состоялъ при австрійскомъ главнокомандующемъ Девисѣ «питавшемъ къ русскимъ величайшее уваженіе»³⁾ и вызванный изъ Италіи, тотчасъ по приѣздѣ въ Петербургъ, зачисляется въ каспійскій корпусъ графа Зубова.

Среди лицъ, выдвинутыхъ благосклонностью Екатерины, были Зубовы. Старшій Николай, зять Суворова, не отличался способностями. Платону Зубову да простится его высокомеріе. (Вѣкъ выскочекъ не бываетъ вѣкомъ джентльменовъ. Только Разумовскій былъ невысокомѣренъ). Во всякомъ случаѣ, Платонъ Зубовъ человѣкъ замѣчательнаго ума и возвышеннаго честолюбія. Его отношеніе къ расколу⁴⁾ и записка объ освобожденіи крестьянъ, переданная Александромъ I на разсмотрѣніе негласнаго комитета

¹⁾ Дубровинъ, «А. П. Ермоловъ при назначеніи на Кавказъ». («Воен. Сб.» 1869, XI, 22).

²⁾ Волотовъ называетъ Ермолова-отца «всей Россіи, по великой своей силѣ, по безмѣрной горделивости и по безпредѣльному грабительству извѣстнымъ». («Русскій Архивъ», 1864 г., стр. 768). Въ подтвержденіе разсказываютъ только о томъ, что высочайшее повелѣніе объ освобожденіи какихъ-то «содержащихся подъ стражей преступниковъ» пролежало у Ермолова 8 дней безъ исполненія. Довольно принять во вниманіе скромную жизнь Петра Алексѣевича и скромныя средства, оставленныя дѣтямъ, чтобы дать надежащую цѣну отъыгу Волотова. Очевидно Волотовъ пишетъ по слухамъ и при томъ въ началѣ царствованія, когда все обратилось въ сторону новыхъ надеждъ и кончало со старыми.

³⁾ Погодинъ, «А. П. Ермоловъ», 13.

⁴⁾ «Русскій Архивъ», 1864 г., стр. 115.

первыхъ лѣтъ его царствованія ¹⁾, указываютъ наклонность брать широкія задачи и идти за вѣкомъ. Но, это—художникъ слишкомъ долго работавшій подъ рукой учителя и слишкомъ скоро послѣ него удалившійся со сцены, чтобы вполне опредѣлиться. Изъ Зубовыхъ вполне высказался только графъ Валеріанъ—начальникъ каспійской экспедиціи.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что, отправляя Валеріана Зубова на Кавказъ, императрица знала, что ему предстоитъ совершить не одну только военную прогулку. Не прошло пяти лѣтъ послѣ несчастной экспедиціи Вибикова—достаточный поводъ для осмотрительности въ выборѣ главнокомандующаго.

Зубовъ оправдалъ довѣріе императрицы. Свое незнакомство съ Кавказомъ онъ восполнялъ умѣньемъ примѣняться къ обстоятельствамъ, знаніемъ людей, осторожностью и организаторскимъ талантомъ. Только благодаря своимъ государственнымъ способностямъ, этотъ кутила и блестящій придворный съ образованіемъ французскаго *petit maitre*, экспромтомъ перенесенный въ новую страну съ дикимъ населеніемъ и восточной дипломатіей, не потерялся и не надѣлалъ ошибокъ. Привлекая, то страхомъ оружія, то щедростью екатерининскаго вельможи, Зубовъ, въ нѣсколько мѣсяцевъ, съ незначительными силами, завладѣваетъ Тарками, Дербентомъ, Кубой, Баку, Шемахой и Ганжей (Елисаветполь) и, что гораздо важнѣй, выказываетъ намѣреніе заняться прочнымъ гражданскимъ устройствомъ покоренной страны.

Среди похода, Зубова занимаетъ мысль строить городъ при сліяніи Куры съ Араксомъ, при чемъ, для первоначальнаго поселенія, предположено оставить здѣсь 2,000 молодыхъ солдатъ ²⁾. Можно не согласиться съ подробностями нѣкоторыхъ плановъ Зубова, но уже одного того, что, вкусивъ побѣдныхъ фиміамовъ, онъ ими не увлекается, и обращаетъ вниманіе на прочность водворенія въ завоеванной странѣ, достаточно характеризуетъ царедворца Екатерины.

Замѣчательно вниманіе, съ которымъ относился Зубовъ къ санитарному положенію арміи,—черта, которую впоследствии видимъ у Ермолова.

Къ сожалѣнію Зубову не дали окончить экспедицію. 6 ноября 1796 года умерла Екатерина, а 7 отправлено высочайшее повелѣніе о приостановленіи военныхъ дѣйствій и возвращеніи войскъ въ предѣлы имперіи, при чемъ, по мѣрѣ прибытія полковъ на линію, они должны были поступать въ распоряженіе графа Гудовича. Исполняя въ точности приказъ, полки должны были бы отступать каждый отдѣльно, безъ всякаго общаго плана, подъ выстрѣлами

¹⁾ «Русскій Архивъ» 1867 г., стр. 1675.

²⁾ Зиссерманъ, «Исторія 80-го пѣхотнаго, Кабардинскаго полка» I, 236, 251.

враждебно настроеннаго населенія. Къ счастью, военный совѣтъ рѣшился распорядиться сообразнѣе съ мѣстными обстоятельствами. Корпусъ Зубова отступилъ въ полномъ составѣ до Терека и здѣсь былъ сданъ графу Гудовичу. Отсюда гнѣвъ Гудовича. Избѣгая встрѣчи съ нимъ, многіе, въ томъ числѣ Ермоловъ, пробрались степью въ Астрахань, а оттуда въ полки внутренней Россіи.

Императоръ Павелъ могъ удивить Европу и Азію отозваніемъ побѣдоноснаго войска и уничтоженіемъ плодовъ побѣды, но оставитъ самую войну не могъ. Всякій разъ, когда мы не умѣли внушить страхъ горцамъ и персіанамъ, они заставляли насъ бояться за собственную безопасность. Такъ и въ настоящемъ случаѣ. Тотчасъ по уходѣ русскихъ изъ Закавказья, Ага-Магометъ-Ханъ двинулъ въ Грузію персидскія полчища. Грузинскій царь Ираклій просилъ защиты и, по договору 1783 года, имѣлъ на нее право. Въ отмѣну повелѣнія 7 ноября, императоръ не только былъ вынужденъ оставить въ Тифлисѣ два баталіона, находившіеся тамъ при объявленіи приказа объ отступленіи, но прислать туда два новые полка. Эта небольшая армія имѣла блистательное дѣло со скопичами Омеръ-хана и тотъ же государь, который, при вступленіи на престолъ, отказался отъ результатовъ похода 1796 года, въ годъ смерти, за побѣду при Іорѣ, награждалъ полки деньгами, крестами и знаменами ¹⁾).

По прибытіи въ Россію, Ермоловъ былъ арестованъ; его бумаги доставлены въ Петербургъ; государь, найдя между ними описаніе похода 1794 года и планы сраженій, «простилъ его». Прощеніе ли было неумѣло передано генераломъ Линденеромъ или природная строптивость толкала Ермолова, — онъ имъ не удовольствовался и спросилъ генерала: «За что былъ арестованъ и за что теперь прощень?» Съ фельдъегеремъ его привезли въ Петербургъ и посадили въ крѣпость. Секретарь судной комиссіи, «человѣкъ добрый», по выраженію Погодина, продиктовалъ ему просьбу, но, переписывая ее, Ермоловъ вставилъ какія-то выраженія, которыя не понравились и, вмѣсто новаго прощенія, онъ былъ сосланъ на житье въ Кострому. Ермоловъ могъ бы освободиться и изъ костромскаго ареста; стоило написать частное просительное письмо къ всемогущему тогда Кутайсову. Онъ отказался, потому что, не чувствуя себя виноватымъ, не хотѣлъ быть обязаннымъ своимъ освобожденіемъ фавориту.

Будь эти подробности біографіи Ермолова простое фрондерство, свойственное молодымъ людямъ, или не почтительность къ несправедливому начальству свойственная Ермолову, на нихъ можно бы не останавливаться. Но въ поведеніи Ермолова подъ арестомъ заключается нѣчто общерусское той эпохи. Онъ является здѣсь болѣе сыномъ своего вѣка, чѣмъ кажется съ перваго взгляда.

¹⁾ Зиссерманъ, I, 268.

Дѣло не въ личной строптивости, а въ духѣ екатерининскаго царствованія. То былъ вѣкъ гордаго патріотизма и сознательнаго стремленія cadaго выдающагося русскаго къ общегосударственной цѣли. Деспотическое правительство игнорировало народъ, но, нельзя отрицать, оно имѣло твердую нравственную опору въ массѣ интеллигенціи. Просвѣщенные люди эпохи не только повиновались, но глубоко и искренно сознавали себя слугами Россіи, орудіями ея величія и славы. И вдругъ, послѣ ослѣпительнаго блеска екатерининскаго царствованія, мрачная смѣна декораціи. Сѣдые вольтерьянцы, гордые тѣмъ, что, вмѣстѣ «съ Великой Екатериной», они кое-что сдѣлали для Россіи, люди выше всего ставившіе честь «быть русскимъ», люди привыкшіе къ желѣзной рукѣ, но въ бархатной перчаткѣ, — привыкшіе служить солнцу, но съ тѣмъ, что благотворное свѣтило все оваряло своими лучами, вѣрнопопданнные вездѣ дѣйствовавшіе на свой рискъ и страхъ, — вдругъ очутились въ хаосѣ противурѣчащихъ распоряженій, обожанія прусскихъ порядковъ, несправедливыхъ жестокостей и столько же несправедливыхъ наградъ. При Екатеринѣ всѣ они научились мыслить; при Павлѣ еще не всѣ научились молчать. Лучшіе русскіе люди этой переходной эпохи, вмѣстѣ съ Ричардомъ II Шекспировской драмы, могли бы сказать:

«О, для чего меня призвали вы?
 «...Вѣдь я не могъ такъ скоро
 «Страхнуть съ себя остатокъ царскихъ мыслей!
 «Я ль няхъ еще король: я не умѣю
 «Пока еще ни льстять, ни притворяться,—
 «Дождитесь, чтобъ горе научило
 «Меня такой покорности»...

Отсюда, не смотря на крайнія строгости, случаи полной свободы выраженія. Генералиссимусъ Суворовъ, адмиралъ Чичаговъ и капитанъ Ермоловъ, возбудивъ гнѣвъ, по ихъ мнѣнію, не справедливый, педутъ себя одинаково. Вмѣсто приниженности челоѣка «безъ вины виноватаго», отъ нихъ слышимъ вопросъ: «за что взять и почему прощень?» Это не та пошлая строптивость, которая сама ищетъ предлога для оппозиціи, а чувство гражданскаго достоинства, которое не волнуется безъ достаточнаго повода, но и не замолкаетъ по первому капризу.

Императоръ Александръ, въ первый день по восшествіи на престолъ, приказалъ освободить множество сосланныхъ и арестованныхъ, въ томъ числѣ и Ермолова. Чувство личной благодарности смѣшивалось въ немъ съ обожаніемъ Александра I, охватившимъ въ это время Россію. Онъ весь отдался мысли посвятить жизнь на службу государю. Но и хорошія намѣренія не всегда исполнимы. За время удаленія со службы выдвинулась масса новыхъ лицъ. О

Ермоловъ забыли. Когда онъ сталъ напоминать, къ нему отнеслись съ предубѣжденіемъ. Одни, принимая его за брата, считали неудавшимся фаворитомъ¹⁾, другіе, припоминая знатное родство Ермолова, относили его къ категоріи тѣхъ лицъ, которыя, держась протекціями, отнимаютъ хлѣбъ у настоящаго работника. Съ трудомъ дали Ермолову роту конной артиллеріи. Изъ провинціальной глуши, онъ принужденъ былъ смотрѣть на далеко опередившихъ сверстниковъ. Его письма этой эпохи отзываются неудовлетвореннымъ честолюбіемъ, молодой жаждой дѣла, стараніемъ наверстать потерянное.

Такъ служилъ Ермоловъ до 1805 года. Отправляясь къ арміи, Кутузовъ нагналъ его роту въ походѣ и нашелъ блестящей. Выѣшность молодого командира обратила его вниманіе. Царужность Ахиллеса; два знака времени Екатерины; рассказы—какъ участника походовъ Суворова и Зубова. Кутузовъ удивился, что въ теченіе почти девяти лѣтъ (царствованіе Павла и первые годы Александра) Ермоловъ почти оставался безъ производства и рѣшилъ не терять его изъ виду.

Въ характерѣ Кутузова много загадочнаго. Къ нему, можетъ быть, въ такой же степени, какъ къ Суворову, приложимъ эпитетъ: «непрочтенный іероглифъ».

Трудно отыскать человѣка, который, въ равной степени съ Кутузовымъ, соединялъ талантъ полководца съ уступчивостью апатичѣйшаго изъ русскихъ помѣщиковъ. Вся армія, до послѣдняго солдата, знала, что Кутузовъ не считалъ возможнымъ дать сраженіе подъ Аустерлицомъ²⁾. Тѣмъ не менѣе, уступая желанію неопытнаго государя, онъ не только начинаетъ дѣло, въ которое не вѣрить, но ведетъ его по диспозиціи австрійскаго генеральнаго штаба «болѣе похожей на топографическое описаніе Брюннскаго округа, нежели на начертаніе порядка приготавлиющаго цѣлую армію къ бою». Когда на другой день, еще до разсвѣта, войска должны были занимать назначенныя для нихъ мѣста, произошелъ невообразимый хаосъ. «Колонны, — говоритъ Ермоловъ, — начали встрѣчаться между собой и проходить одна сквозь другую; войска разорвались, смѣшались и, конечно, не въ темнотѣ удобно имъ было отыскивать мѣста свои. Колонны пѣхоты, состоящія изъ большого числа полковъ не имѣли при себѣ ни человѣка конницы, такъ что не кѣмъ было открыть, что происходитъ впереди или узнать, что дѣлаютъ и гдѣ находятся ближайшія войска, назначенныя къ содѣйствію. Генераль Милорадовичъ, въ моихъ глазахъ, выпросилъ по знакомству у одного шефа полка двадцать гусаръ для необхо-

¹⁾ Филипповъ, «Эпизодъ изъ жизни генерала Ермолова». («Новое Время» 1886 г., № 3857).

²⁾ «Общая молва была». Записки А. П. Ермолова, I, 82.

димыхъ посылокъ... Я не описалъ аустерлицкаго сраженія,—продолжаетъ Ермоловъ,—съ большею подробностью, ибо сопровождали его обстоятельства столь странныя, что я не умѣю дать ни малѣйшей связи происшествіямъ. Случалось мнѣ слышать разсужденія о семъ сраженіи многихъ достойныхъ офицеровъ, но ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ яснаго о немъ понятія и только согласовались въ томъ, что никогда не были свидѣтелями подобнаго событія. Нѣтъ сомнѣнія, что впослѣдствіи составятся описанія, но трудно будетъ дать имъ полную достовѣрность и скорѣе могутъ быть опредѣлены частныя дѣйствія, нежели соотношеніе ихъ между собой и согласованіе дѣйствій со временемъ. О сраженіи аустерлицкомъ можно, кажется, сказать, что каждой части войскъ предоставлено было дѣйствовать отдѣльно съ условіемъ при томъ, ни себѣ не ожидать, ни другимъ не давать вспомошествованія и, для лучшаго успѣха, полезно было бы даже забыть, что на томъ же самомъ полѣ и въ то же самое время, были другія русскія войска».

Самъ Ермоловъ попался въ плѣнъ, но благодаря случайно подоспѣвшей гусарской колоннѣ, «черезъ самое короткое время», но уже вблизи французской линіи, получилъ свободу ¹⁾.

Вообще, дисциплина не процвѣтала при Кутузовѣ. Если партизанская война развилась при немъ, то это произошло не отъ одного только феноменальнаго, напоминающаго Библию, саморазстройства арміи Наполеона. Личный характеръ главнокомандующаго способствовалъ развитію партизанской войны. Начальники частей всегда пользовались у Кутузова большою свободою дѣйствій, а подчиненные можетъ быть слишкомъ много разсуждали. «Голубчикъ, объясниеть онъ впослѣдствіи Ермолову, не все можно писать въ рапортахъ, извѣщай меня о важнѣйшемъ записками» ²⁾. Въ кампанію 12 года будучи начальникомъ штаба Кутузова, Ермоловъ не только распечатываетъ депеши Витгенштейна ³⁾, но именемъ главнокомандующаго объявляетъ выговоръ принцу Виртембергскому ⁴⁾, отдаетъ приказы по отряду ⁵⁾ и даже направляетъ войска ⁶⁾.

Даже отлично зная положеніе дѣла, Кутузовъ не любитъ идти въ разрѣзъ, ни съ мнѣніемъ толпы, ни съ желаніями сильныхъ лицъ и очень радъ если истину можно высказать чужими устами. Эта черта въ характерѣ знаменитаго полководца, между прочимъ, съ поразительной ясностью, обрисовалась на военномъ совѣтѣ въ Филяхъ, когда главнокомандующій старался маскировать свое рѣшеніе оставить Москву авторитетомъ второстепенныхъ лицъ. Благо-

¹⁾ Записки Ермолова, I, 38—40.

²⁾ Погодинъ, 160; Записки Ермолова, I, 287.

³⁾ Записки Ермолова, I, 258.

⁴⁾ Записки Ермолова, I, 289; Погодинъ, 162.

⁵⁾ Погодинъ, 149.

⁶⁾ Записки Ермолова, I, 198, 281, 256, 258; Погодинъ, 120, 144, 163, 164.

разумно рассчитывая на содѣйствіе мороза и изнурительнаго похода и давно рѣшивъ не рисковать ни однимъ солдатомъ своей арміи и ни однимъ лавромъ въ своемъ вѣнкѣ, Кутузовъ однако не говоритъ, что ему нужно, а косвенными мѣрами удерживаетъ рвеніе подчиненныхъ. Отсюда репутація «старой лисицы» прочно утвердившаяся за Кутузовымъ.

И тѣмъ не менѣе, дѣлистый, на взглядъ безпечный, какъ будто бы весь отданный мелкимъ страстямъ, — Кутузовъ неизмѣнно побѣждаетъ вездѣ, гдѣ можетъ дѣйствовать самостоятельно, предусмотрителенъ, гдѣ это необходимо и радикально чуждъ всѣхъ признаковъ nepотизма. Князь Кудашевъ, мужъ его любимой дочери, едва ли не потерялъ болѣе, чѣмъ выигралъ отъ этого родства ¹⁾. Со стороны кажется, будто побѣды Кутузова приходятъ сами собой, будто въ нихъ нѣтъ ни напряженія, ни умственной работы. Такъ мало въ немъ суеты и движенія. Такъ все свободно и «безъ хлопотъ»...

Именно въ томъ, что составляетъ слабую сторону въ характерѣ Кутузова, онъ нашелъ средство для успѣховъ на военномъ поприщѣ. Предоставляя своимъ генераламъ нѣсколько рискованную свободу дѣйствій, Кутузовъ понималъ, что можно ожидать отъ cadaго изъ нихъ. Умѣнье похвалить и умѣнье cadaго поставить тамъ, гдѣ онъ всего болѣе полезенъ—геній Кутузова. Были частныя опибки, но общіе результаты его оправдали. Въ противоположность Суворову, не терпѣвшему при себѣ людей способныхъ ²⁾, Кутузовъ любилъ окружать себя талантами, выдвигалъ ихъ и создалъ на нихъ свою репутацію.

Во имя справедливости слѣдуетъ однако прибавить, что нѣкоторый беспорядокъ въ арміи Кутузова былъ только частью общей беспорядочности военнаго дѣла Россіи въ началѣ этого столѣтія. Говорили, что, послѣ сраженія при Пултускѣ, графъ Вуксгевденъ, желая повредить Бенингсену, нарочно пошелъ не такъ, какъ бы слѣдовало, чтобы воспользоваться побѣдой надъ войсками находившимися подъ начальствомъ самаго Наполеона ³⁾, что баронъ Сакенъ то же сдѣлалъ при Альткирхенѣ ⁴⁾. Платовъ выражается такимъ образомъ: «Служу сорокъ второй годъ, а такого коловратства, которое я вижу, не видывалъ и не ожидалъ» ⁵⁾.

Это было время, когда фельдмаршалъ Каменскій самовольно оставляетъ командованіе арміей; Баграціонъ въ открытой враждѣ съ Барклаемъ-де-Толи; интендантство воюетъ съ дѣйствующею

¹⁾ Шишковъ, «Воспоминанія о кн. Смоленскомъ» («Рус. Архивъ», 1866 г., № 3, стр. 462); Записки Ермолова, I, 205.

²⁾ Погодинъ, А. П. Ермоловъ, 423.

³⁾ Записки Ермолова, I, 50.

⁴⁾ Ibid. 85.

⁵⁾ Записки Ермолова, I, Матеріалы, 163.

армією; одни изъ начальниковъ заводятъ ланкастерскія школы, другіе расширяютъ «палочную академію»¹⁾. Вездѣ недостатокъ выдержаннаго плана и дисциплины... и отдѣльныя блестящія дѣла.

Остается прибавить, что нѣсколько излишняя самостоятельность вѣроятно была въ духѣ времени, если даже Аракчеевъ, во время финляндской войны, писалъ графу Барклаю-де-Толи: «Генераль съ вашими достоинствами въ наставленіяхъ главнокомандующаго не нуждается»²⁾.

Возвращаемся къ Ермолову. Слишкомъ близко отъ него проходили корифеи нашей арміи: Кутузовъ, Милорадовичъ, Прозоровскій, Венингсенъ, Зубовъ, Каменскій, Вуксевденъ и другіе, чтобы въ немъ не зародилось нѣсколько свободное отношеніе къ тогдашнимъ, военнымъ авторитетамъ. Это ясно видно изъ его «Записокъ». Но, рядомъ съ этимъ, въ кампанію 1805 — 1807 года, Ермоловъ воспиталъ привычку дѣйствовать самостоятельно, соображаться съ обстоятельствами, брать все на себя, смѣло распорядиться тамъ, гдѣ соотвѣтствующее распоряженіе къмѣ слѣдуетъ не сдѣлано. Подъ Фридландомъ, случайно проѣзжая мимо орудій растратившихъ свои снаряды, онъ приказываетъ командиру батареи остаться на мѣстѣ, чтобы не образовать интервала. «Если ваше начальство будетъ недовольно, скажите, что сдѣлали на основаніи приказанія полковника Ермолова; а я, между тѣмъ, доставлю вамъ зарядные ящики». Въ томъ же родѣ при Амштетенѣ, Аустерлицѣ и т. д.

Но, уже въ это время, въ душѣ будущаго «проконсула» звучать грозныя ноты. «Два раза, пишетъ онъ, подходили непріятельскія войска и осматривали броды; но бѣльшая часть сорока орудій, которыми я командовалъ употреблены были на защиту оныхъ и трудно было успѣть въ томъ. Потеря отъ канонады должна была быть значительною, и мы успѣли разрушить часть моста. Мнѣ грозили наказаніемъ за произведенный пожаръ; въ главной квартирѣ много о томъ разсуждали и находили мѣру жестокой. Я разумѣлъ, что послѣ хорошаго обѣда, на досугѣ, а особливо въ 20 верстахъ отъ опасности, не трудно щеголять великодушіемъ. Вняли однако же моимъ оправданіямъ»³⁾.

«Не прежде отошелъ я отъ города (Гутштадта), какъ загорѣлся онъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Я платилъ негоднымъ жителямъ приверженнымъ къ французамъ за то, что въ февралѣ, когда 5-й егер-

¹⁾ Въ 1801 году наши солдаты, отъ жестокихъ наказаній при ученіяхъ, дезертируютъ въ Пруссію. Изъ архангелогородскаго полка бѣжала цѣлая рота. Многіе на границѣ кончали самоубійствомъ. Какъ бы въ вознагражденіе, изъ Пруссіи и Австріи дезертировали къ намъ. (Записки генерала Отроценко «Русскій Вѣстникъ» 1877 г., сентябрь, 150).

²⁾ «Русскій Архивъ» 1865 г., стр. 1039.

³⁾ Записки Ермолова, I, 52.

скій полкъ былъ вытѣсненъ изъ города, они изъявили радость рукоплесканіемъ и дѣлали насмѣшки»¹⁾).

Въ эту же кампанію было положено начало популярности Ермолова въ войскахъ. «Когда солдаты наши, говоритъ Давыдовъ, замѣчали роту Ермолова выѣзжавшую на позицію и, въ особенности его самого, они громко кричали: «Напрасно французъ горячку поретъ; Ермоловъ за себя постоитъ...» Слава приобрѣтенная имъ въ теченіе этой войны была такова, что одного удостовѣренія его было достаточно для полученія знаковъ св. Георгія»²⁾). Подчиненные между прочимъ уважали Ермолова за справедливость.

Неизвѣстный офицеръ, на походѣ представлявшійся Кутузову въ 1805 году, Ермоловъ въ 1807 возвращался въ Россію, уже какъ одна изъ восходящихъ звѣздъ русской арміи, на хорошемъ счету у государя, пользуясь капривной благосклонностью цесаревича, лично извѣстнымъ прусскому королю. Замѣчательно, что Вагратіонъ, два раза, безуспѣшно, представлялъ Ермолова въ генераль-маіоры. Отказано, вѣроятно благодаря Аракчееву. Ермоловъ уже имѣлъ враговъ, но были и поклонники.

III.

Жизнь Ермолова, по возвращеніи въ Россію, представляетъ мало выдающагося до самаго 12-го года.

Измѣнились отношенія къ Аракчееву. Давыдовъ объясняетъ преслѣдованія Аракчеева тѣмъ, что карьеру Ермолова онъ считалъ результатомъ фаворитизма. Убѣдившись, благодаря генералу Бухмееру въ противномъ, онъ рѣшился вознаградить Ермолова за все прошлое. Не знаемъ на сколько такая щепетильность и такіе порывы великодушія въ характерѣ Аракчеева. Не вѣроятнѣе ли другое объясненіе? Аракчеевъ тѣснилъ Ермолова, какъ тѣснилъ все, что ему подчинялось; но увидѣвъ потомъ невозможность поколебать расположеніе къ нему государя, счелъ благоразумнымъ не имѣть его своимъ противникомъ.

Первый шагъ къ сближенію былъ сдѣланъ Аракчеевымъ въ декабрѣ 1807 года. Препровождая Ермолову рескриптъ государя съ тысячею рублей для раздачи, по его усмотрѣнію, отличившимся фейрверкерамъ и рядовымъ, графъ Аракчеевъ, съ своей стороны, написалъ любезное письмо, главный мотивъ котораго заключается, однако, въ томъ, что это онъ, Аракчеевъ, исходатайствовалъ рескриптъ.

Когда, вслѣдъ за этимъ, Ермоловъ представлялся Аракчееву, какъ военному министру, послѣдній встрѣтилъ его фразой: «вы одѣты не по формѣ». — «Позвольте усумниться ваше сіятельство», —

¹⁾ Записки Ермолова, I, 90.

²⁾ Погодинъ, 63.

отвѣтилъ Ермоловъ. Оказалось, что бригадѣ Ермолова, за отличіе, были пожалованы петлицы, и что Аракчеевъ еще ничего не зналъ о новомъ знакѣ расположенія государя ¹⁾).

Вскорѣ послѣ рескрипта, Ермоловъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и, во время фиктивной войны съ Австріей, назначенъ начальникомъ резервнаго отряда, расположеннаго въ Волынской и Подольской губерніи. Между прочимъ, на него было возложено наблюденіе за тѣмъ, чтобы русскіе поляки не перебѣгали въ армію Понятовскаго и дано право виновныхъ, «не взирая на лица», отсылать въ Кіевъ для препровожденія далѣе въ Оренбургъ и Сибирь. Вѣрный принципу, какъ можно болѣе брать на свою отвѣтственность и, гдѣ надо, дѣйствовать рѣшительно, Ермоловъ нѣсколько превзошелъ свои полномочія, приказавъ «тѣхъ изъ переходящихъ за границу, которые будутъ вооружены и въ большихъ партіяхъ, наказывать оружіемъ. Начальство,—прибавляетъ Ермоловъ,—довольно было рѣшительностью. Я употребилъ строгія весьма мѣры, но не было сосланныхъ» ²⁾).

Къ этому же времени относится столкновеніе Ермолова съ знаменитымъ въ исторіи польской культуры на русской землѣ почитаемымъ кременецкаго лица графомъ Чапскимъ. Графъ держалъ въ этомъ городѣ не позволительныя рѣчи и Ермоловъ, услышавъ объ этомъ, нарочно пріѣхалъ изъ Житомира въ Кременецъ и, при свидѣтеляхъ, сдѣлалъ выговоръ въ такихъ выраженіяхъ. «Благодарю васъ, графъ, за ваше доброе обо мнѣ мнѣніе; вы повидимому убѣждены, что я не захочу воспользоваться предоставленнымъ мнѣ правомъ; но я обязанъ предупредить васъ, что впредь, малѣйшее неосторожное слово ваше будетъ имѣть самыя печальныя для васъ послѣдствія». «Это краткое, но ясное увѣщаніе,—прибавляетъ Давыдовъ,—не осталось безъ желанныхъ послѣдствій» ³⁾).

Очевидно, государь имѣлъ въ виду Ермолова и, можетъ быть, уже въ это время рѣшилъ его приблизить. Только этимъ можно объяснить, почему, не смотря на собственное желаніе и ходатайство Кутузова, Багратіона и Каменскаго, Ермоловъ, во время турецкой войны 1810 года, не попалъ въ дѣйствующую армію, а приказомъ государя переведенъ въ гвардію начальникомъ артилерійской бригады. Когда и послѣ этого Ермоловъ продолжалъ хлопотать о назначеніи въ молдавскую армію, бригаднымъ командиромъ на Кавказъ, наконецъ, о командированіи для осмотра крѣпостей, государь принялъ все это за интриги и приказалъ сказать ему, что впредь самъ будетъ давать ему назначенія по службѣ ⁴⁾).

¹⁾ Погодинъ, 65, 66.

²⁾ Записки Ермолова, I, 109.

³⁾ Сочиненія Давыдова, II, 79.

⁴⁾ Записки Ермолова, I, 110—118.

IV.

«Насталъ 12-й годъ! Годъ памятный каждому росіянину тяжкими несчастіями, знаменитый блистательной славой въ роды родовъ»... Такъ, съ весьма понятнымъ благоговѣніемъ, подходитъ Ермоловъ въ своихъ воспоминавіяхъ, къ этому юбилейному году русской славы.

Сказаннаго выше объ отношеніяхъ государя къ Ермолову достаточно, чтобы понять, почему, при самомъ началѣ военныхъ дѣйствій, Ермоловъ былъ назначенъ начальникомъ штаба 1-й арміи. Онъ старался отклонить эту должность, но государь, лично, приказалъ. Ермоловъ просилъ «не липить его надежды возвратиться къ командованію гвардейской дивизіей». Государь согласился¹⁾.

Къ невыгодамъ новой службы Ермолова надо отнести двусмысленное положеніе главнокомандующихъ. Государь любилъ неопредѣленность и, по странному капризу, вопреки всѣмъ правиламъ войны, въ самую критическую минуту, допустилъ ее въ отношеніяхъ графа Барклай-де-Толли начальника 1-й арміи и князя Багратіона начальника 2-й. Въ военной іерархіи первый стоялъ выше, какъ военный министръ, второй—какъ старшій въ чинѣ. Законъ не разъяснялъ, кто изъ нихъ подчиняется. Высочайшаго повелѣнія на этотъ предметъ издано не было. Вся армія принимала живое участіе въ этомъ недоразумѣніи.

Вѣчно ровный, одинаковый при дворѣ и въ своемъ кабинетѣ, «следовитый нѣмецъ», по выраженію Ермолова²⁾, графъ Барклай-де-Толли былъ понятъ весьма не многими и никого не привязалъ къ себѣ. Солдаты изумлялись его храбрости («глядя на Барклая, и страхъ не береть»³⁾). Но этотъ холодный героизмъ, въ соединеніи съ большимъ военнымъ талантомъ, не искупалъ, въ глазахъ русскаго войска, того полного отсутствія экспансивности, которая сообщаетъ задушевный отпечатокъ и простому обращенію ежедневной жизни, и великому подвигу. Къ этому надо прибавить, что графъ Барклай дурно, до трудности понимать, говорилъ порусски, что на его долю пришлось вести армію по дорогѣ отступленій, что онъ не имѣлъ связей при дворѣ и не напелъ ихъ въ составѣ скуднаго наслѣдства полученнаго отъ отца.

Князя Багратіона почему-то считаютъ у насъ человѣкомъ ограниченнымъ, способнымъ только ударить въ штыки и разнести все предстоящее. Вѣрнѣе судить Ермоловъ, называя его человѣкомъ «ума тонкаго и гибкаго... утонченной ловкости передъ государемъ»,

¹⁾ Записки Ермолова, I, 129.

²⁾ Ibid., 113.

³⁾ Сочиненія Давыдова, II, 81.

увлекательно лестнаго обращенія съ приближенными» ¹⁾. Обходясь безъ вывѣски ума, вѣпросто со всѣми, Багратіонъ тѣмъ сильнѣй сходился съ каждымъ, тѣмъ глубже проникалъ въ душу подчиненныхъ. Въ то время, когда армія Барклай-де-Толли «отступала» передъ Наполеономъ, всѣмъ казалось, что Багратіонъ «идетъ впередъ, на соединеніе». Въ 1-й арміи слышался ропотъ, замѣчались признаки унынія и упадка дисциплины. Для 2-й арміи, какъ будто не было Наполеона; музыка, пѣсни, «гордость преодолѣнныхъ опасностей, готовность къ превозможенію новыхъ» ²⁾. Недостатокъ научной подготовки Багратіонъ вполне замѣнялъ военнымъ глазомѣромъ и опытностью. Въ рѣшительную минуту Багратіонъ требовалъ полного напряженія силъ. «Прикажутъ, такъ пойдемъ»,—лаконически отвѣтилъ онъ на приказаніе переходить по льду черезъ Аландъ (финляндская война) ³⁾. Военные подвиги Барклая знали только архивъ и специалисты; Багратіонъ былъ ученикъ Суворова и старая слава русской арміи.

Императоръ Александръ, великій гуманистъ и хорошій администраторъ, но человѣкъ совершенно чуждый талантовъ военачальника, въ военномъ дѣлѣ слишкомъ цѣнилъ *le latin de son cugè*. Отсюда его предубѣжденіе въ пользу ученыхъ иѣмцевъ Пфуля и Фока; отсюда же его довѣріе къ Барклай-де-Толли и не довѣріе къ Багратіону, какъ самоучкѣ. Но всякая толпа, хотя бы и организованная въ армію, чужда педантизма, увлекается только видимымъ, предпочитаетъ бьющіе въ глаза факты. Войска довѣряли Багратіону и подозрѣвали Барклая въ измѣнѣ. Къ этому времени относятся каламбуры на фамиліи главнокомандующихъ: «Богъ-ратионъ», «Балтай-да-и-Только».

Отношенія между самими главнокомандующими были натянуты до послѣдней степени. Когда соединеніе армій было близко къ осуществленію, Барклай-де-Толли, чтобы не имѣть около себя Багратіона, колебался не дать ли его арміи попрежнему отдѣльное направленіе на Москву ⁴⁾. Багратіонъ въ каждомъ письмѣ къ Ермолову грозилъ отставкой и безъ всякихъ церемоній называлъ Барклая измѣнникомъ. «Голова его на плахѣ... Мало повѣсить... Не могу служить никакъ... Прощайте... Мы проданы... Служить подъ игомъ иновѣрцевъ-мошенниковъ! Никогда!.. Прощайте, я уже не слуга» ⁵⁾...

Въ данномъ случаѣ, на вѣсы человеческой совѣсти надо положить не одни только официальные отношенія Ермолова, но и его

¹⁾ Записки Ермолова, I, 152—155.

²⁾ Ibid., 155.

³⁾ Липранди, «Рус. Архивъ», 1865 г., стр. 1038.

⁴⁾ Записки Ермолова, I, 150.

⁵⁾ Ibid., 169—178.

личныя симпатіи. Судьбѣ было угодно, чтобы Ермоловъ, не сходясь въ характерѣ въ связанный только службой съ Барклай-де-Толли, считалъ Багратіона своимъ другомъ и благодѣтелемъ и чтобы сангвиническій темпераментъ и суворовская тактика второго болѣе совпадали съ его собственными наклонностями, чѣмъ холодная разсудительность перваго.

Итакъ, надо было желать и ожидать дальнѣйшихъ распоряженій государя въ смыслѣ установленія единоначалія въ арміи, а пока устроить какой-нибудь *modus vivendi* между главнокомандующими. Ермоловъ такъ изображаетъ свою роль въ примиреніи начальниковъ:

«За что терпѣлъ я отъ тебя упреки Багратіонъ, благодѣтель мой!... Я всё средства употреблялъ удерживать между вами яко главными начальниками доброе согласіе... Скажу и то, что, въ сношеніяхъ вашихъ, въ объясненіяхъ одного съ другимъ черезъ меня происходившихъ, я холодность, грубость Барклея представлялъ передъ тебя во всѣхъ тѣхъ видахъ, какіе могли тебѣ казаться пріятными. Твои отзывы дерзкіе и колкіе передавалъ ему въ выраженіяхъ самыхъ обязательныхъ. Ты часто говаривалъ мнѣ, что не ожидалъ найти въ Барклаѣ столько хорошаго, какъ нашелъ въ немъ. Не разъ онъ мнѣ повторялъ, что онъ не думалъ, чтобы можно было служить вмѣстѣ съ тобою съ такою пріятностію. Благодаря довѣренности обоихъ васъ ко мнѣ, я долго бы удерживалъ васъ въ семь мѣсящъ, но причиной вражды между вами помощникъ твой графъ Сенъ-При... Онъ пользу общую заставилъ молчать передъ собственною»¹⁾.

Короче, въ докладахъ начальника штаба, начальники армій, до известной степени, не узнавали другъ друга. Въ этомъ лагерѣ рыцарей и патріотовъ нашлось мѣсто для водевиля!

Со всей энергіей очевидной опасности и искренняго убѣжденія Ермоловъ, угадавшій истинныя причины нежеланія Барклея соединиться съ Багратіономъ, воспротивился его намѣренію дать отдѣльное направленіе арміи Багратіона. «Вы не смѣете сего сдѣлать; должны соединиться съ княземъ Багратіономъ, составить общій планъ дѣйствій и тѣмъ исполнить волю государя. Россія не будетъ имѣть права упрекать васъ, и вы успокоите ее на счетъ участи армій»²⁾.

Къ этому же періоду войны относится письмо Ермолова къ Багратіону (2 августа), которое мы желали бы встрѣтить въ каждой русской хрестоматіи, среди образцовыхъ произведеній русскаго чувства и литературы.

¹⁾ Погодинъ, 94; Записки Ермолова, I, 162. Мы часто будемъ пользоваться воспоминаніями Ермолова въ редакціи Погодина, какъ отличающейся большей непосредственностію.

²⁾ Погодинъ, 90; Записки Ермолова, I, 150.

«Несправедливо вините вы меня, благодѣтель мой, будто бы я началъ писать дипломатическимъ стилемъ. Я вамъ говорю, какъ человѣку, имя котораго извѣстно всѣмъ и всюду, даже въ самыхъ отдаленныхъ областяхъ Россіи, тому, на котораго не безъ основанія Отечество полагаетъ надежду свою, человѣку, высокоуважаемому государемъ и пользующемуся его довѣріемъ. Вы соглашаетесь на предложеніе военнаго министра; не хочу сказать, чтобы вы ему повиновались, но пусть будетъ такъ! Въ обстоятельствахъ, въ какихъ мы находимся, я на колѣняхъ умоляю васъ, ради Бога, ради Отечества, писать государю и объясниться съ нимъ откровенно. Вы этимъ исполните обязанность свою относительно его величества и оправдаете себя передъ Россіей».

«Я молодъ; мнѣ не стануть вѣрить; если же буду писать—не заслужу вниманія; буду говорить—почтутъ недовольнымъ и оуждающимъ все; повѣрите, ваше сіятельство, это меня не устрашаетъ. Когда гибнетъ все, когда Отечеству грозитъ не только срамъ, но и величайшая опасность, тамъ нѣтъ ни боязни частной, ни выгодъ личныхъ. Я не боюсь и не скрою отъ васъ, что писалъ; но молчаніе, слишкомъ долго продолжающееся, служитъ уже доказательствомъ, что мнѣніе мое почитается мнѣніемъ молодого человѣка¹⁾. Однако я не робѣю; буду еще писать; изображу все, что вы сдѣлали и въ чемъ встрѣчены вами препятствія. Я люблю васъ слишкомъ горячо; вы всегда благодѣтельствовали мнѣ; а потому я спрошу у его величества писали ли вы къ нему или хранили виновное молчаніе? Въ послѣднемъ случаѣ, достойнѣйшій начальникъ, вы будете кругомъ виноваты».

«Если вы уже не хотите, какъ человѣкъ постигающій ужасное положеніе, въ которомъ мы теперь находимся, продолжать командованіе арміей, я при всемъ уваженіи моемъ къ вамъ, буду называть и считать васъ не великодушнымъ».

«Принесите ваше самолюбіе въ жертву погибающему Отечеству нашему; уступите другому и ожидайте, пока не назначится человѣкъ, какаго требуютъ обстоятельства».

«Пишите, ваше сіятельство, или молчаніе ваше будетъ ужасно обвинять васъ²⁾».

Переходимъ къ второстепеннымъ лицамъ. Многихъ изъ нихъ, въ кампанію 12-го года Ермоловъ старался одушевить болѣе горячимъ стремленіемъ къ общей пользѣ. При этомъ, его средства также разнообразны, какъ характеръ и положеніе этихъ лицъ.

Письмо къ Милорадовичу онъ заключаетъ такимъ образомъ. «Здѣсь нѣтъ почти полка, который бы не служилъ подъ началь-

¹⁾ Въ смыслѣ чина, конечно, потому что Ермолову, въ это время, было 35 лѣтъ.

²⁾ Погодинъ, 115; Записки Ермолова, I, Матеріалы, 180.

ствомъ вашимъ. Впереди васъ никто не бываетъ; покажитесь—и все противустоящее намъ останется истребленнымъ»¹⁾).

(О способностяхъ Милорадовича онъ былъ не высокаго мнѣнія; рассказывая о его ошибкѣ, которая могла окончиться «потерею многихъ головъ», добавляетъ, что «непріятель не засталъ бы головы у Милорадовича, ибо, не взирая на безстрашіе, она была въ величайшемъ замѣшательствѣ»²⁾). Но на войнѣ бываютъ минуты, когда безстрашіе нужнѣе «головы». Отсюда нѣсколько льстящее письмо Милорадовичу).

Въ другомъ родѣ переписка съ Платовымъ. Атаманъ—еще по Костромѣ большой пріятель Ермолова—по поводу назначенія генерала Краснова въ легкій отрядъ Шевича, написалъ оффиціальную бумагу, въ которой спрашиваетъ: давно ли старшаго отдають подъ команду младшаго? Ермоловъ, также оффиціально отвѣтилъ, что о старшинствѣ Краснова имъ обоимъ ничего неизвѣстно, потому что до сихъ поръ не доставленъ его формулярный списокъ, «вмѣстѣ съ тѣмъ, я вынужденъ заключить изъ словъ вашихъ, что вы (донскіе казаки) почитаете себя лишь союзниками русскаго государя, но никакъ не подданными его». Правитель дѣлъ атамана предлагалъ возразить Ермолову.—«Остави Ермолова въ покоѣ, отвѣтилъ Платовъ; ты его не знаешь; онъ въ состояніи сдѣлать съ нами то, что приведетъ нашихъ казаковъ въ сокрушеніе, а меня въ размышленіе»³⁾).

Полковникъ Кикинъ отказывался отъ должности дежурнаго генерала. Между тѣмъ, свойственная ему склонность къ порядку и дѣятельность заставляли удерживать именно на этомъ посту.

«Помню даже,—пишетъ Ермоловъ,—разъ упрекнулъ ему... Не чувствительностью къ общей пользѣ. Я ничѣмъ не тронулъ его; искалъ его дружбу, и онъ согласился!»

«Ты преупрямѣйшее существо, Кикинъ, котораго впоследствии любилъ я какъ брата, котораго почитаю честность правилъ и прекрасное свойство души! Поздно началъ ты смѣяться надъ моимъ обращеніемъ; поздно странными нашелъ употребляемые мной въ обхожденіи способы, сколько по наружности одинаковые, столько разнообразны по дѣйствию. Они и надъ тобою самимъ имѣли дѣйствіе, ты не примѣтилъ, что впечатлѣніе ихъ зависитъ отъ различнаго образа чувствъ, и если можно мнѣ доказать, что ты и Ставраковъ⁴⁾ одинаково понимае вещи, то согласусь я, что любезный другъ, старый товарищъ и почтенный сослуживецъ одинаково

¹⁾ Погодинъ, 88.

²⁾ Записки Ермолова, I, 20.

³⁾ Погодинъ, 124.

⁴⁾ Одинъ изъ помощниковъ Ермолова, отъ котораго онъ не зналъ какъ отдѣлаться.

всѣми принимаемы и одинаковую цѣну въ чувствахъ каждаго имѣютъ. Чѣмъ сблизилъ я тебя съ собою? Обыкновеннымъ умомъ не привлекаютъ! Конечно, не очаровалъ пріятностью: взгляни мнѣ на рожу, или, послѣ собственной твоей, кажусь я еще хорошимъ? И такъ, успѣлъ я моимъ обращеніемъ, обыкновенными моими средствами. И Кикинъ мнѣ братъ, а Ставраковъ сослуживецъ!»¹⁾

Надо принять во вниманіе, что все это дѣлалось и писалось не въ кабинетѣ; а послѣ одного сраженія и въ виду другого, среди безчисленныхъ занятій по штабу, между случаями личнаго предводительства значительными колоннами, при постоянно мѣняющемся положеніи арміи.

Стараніе Ермолова сгруппировать всѣхъ у общей цѣли тогдашняго русскаго патріотизма составляетъ только незначительную часть сдѣланнаго имъ въ кампанію 12-го года и, при томъ, часть превышающую его обязанности какъ военнаго. Прямые заслуги Ермолова занимаютъ еще болѣе почетное мѣсто въ военной исторіи того времени. Спасеніе русской арміи подъ Витебскомъ, возвращеніе «редута Раепскаго» подъ Бородиноиъ, направленіе арміи подъ Малоярославцемъ, побѣда при Кульмѣ и т. д., все это—подвиги выдающіеся даже въ ту эпоху, когда на страницы русской лѣтописи занесено такъ много подвиговъ храбрости, рыцарства, гражданскаго и военнаго генія и беззавѣтнаго патріотизма. Но все это оставляемъ въ сторонѣ, такъ какъ наша задача не исторія Отечественной войны, но очеркъ жизни знаменитаго генерала, принимавшаго въ ней дѣятельное участіе.

Единственно для того, чтобы судить, чѣмъ были въ частныхъ отношеніяхъ люди этого героическаго кружка, позволимъ себѣ привести слѣдующій эпизодъ.

Подъ конецъ сраженія при Кульмѣ, прибылъ князь Голицынъ, впоследствии московскій генералъ-губернаторъ. Ермоловъ, еще при началѣ сраженія принявшій команду отъ раненаго графа Остерманъ-Толстого, тотчасъ является къ Голицыну, какъ къ старшему въ чинѣ, рискуя этой формальностью передать другому славу побѣдителя. Князь Голицынъ благородно отказался отъ командованія. «Побѣда за вами; довершайте ее; если вамъ нужна будетъ кавалерія, я охотно и немедленно вышлю ее по первому вашему требованію»²⁾.

Въ реляціи объ этомъ сраженіи Ермоловъ почти умалчалъ о себѣ, приписывая весь успѣхъ непоколебимому мужеству войскъ и распоряженіямъ графа Остермана. Жестоко страдая отъ раны, Остерманъ пишетъ ему слѣдующую записку: «Довольно возблаго-

¹⁾ Погодинъ, 76, 95; Записки Ермолова, I, 180.

²⁾ Погодинъ, 178.

дарить не могу ваше превосходительство, находя лишь только-что (въ реляціи о кудымскомъ сраженіи) вы мало упомянули о генералѣ Ермоловѣ, которому я всю истинную справедливость отдавать привыченъ» ¹⁾.

Присвоеніе чужихъ заслугъ, въ то время и въ томъ кругу, до извѣстной степени было небезопасно. Послѣ сраженія при Прейсишъ-Эйлау, Ермоловъ, независимо распорядившійся отдѣльной частью, имѣлъ полное основаніе отъ себя представить генералу Рѣзову о наградахъ отличившимся. Но генералъ, желая выставить своего родственника графа Кутайсова, потребовалъ списки черезъ него, отнимая такимъ манеромъ у Ермолова заслуженную награду. «Влагодарю, ваше сіятельство, иронически рапортовалъ Ермоловъ, представляя списки, что вамъ угодно было извѣстить меня, что вы были моимъ начальникомъ во время битвы» ²⁾.

Всѣ несправедливо обойденные имѣли въ Ермоловѣ ревностнаго ходатая. «Ты не худо дѣлаешь, что иногда пишешь мнѣ,—отвѣчаетъ онъ Давыдову,—ибо я о заслугахъ другихъ кричать умѣю» ³⁾.

Какъ бы то ни было, не смотря на популярность въ войскахъ, собственныя отношенія Ермолова по службѣ, въ концѣ Отечественной войны, были далеко не изъ самыхъ удовлетворительныхъ. Это видно между прочимъ изъ отвѣта другу, А. В. Казадаеву, на вопросъ: почему имени Ермолова нѣтъ въ реляціяхъ?

«Письмо твое раздирало сердце мое, ибо я полагалъ, что ты заключилъ обо мнѣ, какъ о человѣкѣ уклонявшемся отъ опасностей. Нѣтъ, другъ любезнѣйшій, я не избѣгалъ ихъ, но я боролся и съ самимъ непріятелемъ и съ злодѣями моими главной квартиры. И сіи послѣдніе суть самые опаснѣйшіе...» Далѣе, изложивъ все сдѣланное имъ въ послѣднюю войну, заключаетъ: «служить не хочу и заставить меня нѣтъ власти... Поцѣлуй сыновою и научи ихъ мерзвить военной службой для ихъ счастья» ⁴⁾.

Конечно, это была только минутная вспышка, вызванная неудовольствіемъ съ Барклай де-Толли. Благоволеніе императора Александра не позволило бы Ермолову сдѣлать этотъ ложный шагъ.

V.

Хотя Ермолову еще не было сорока лѣтъ, но сдѣланнаго имъ было достаточно, чтобы на вѣки записать его имя на страницахъ русской исторіи. Послѣ 1815 года, все гарантировало ему одну изъ тѣхъ блестящихъ, но часто бесполезныхъ карьеръ, которыми на-

¹⁾ Погодинъ, 179.

²⁾ Погодинъ, 49. Записки Ермолова, I, 81.

³⁾ Погодинъ, 160.

⁴⁾ Дубровинъ, «А. П. Ермоловъ при назначеніи его на Кавказъ» («Воен. Сб.» 1869, XI, 42—44.

граждаютъ отживающіе таланты и назойливую бездарность. Если бы онъ не хотѣлъ безгрѣшно почить на лаврахъ Бородина, Кульма и Парижа и, подобно многимъ своимъ современникамъ, жить на проценты добытой славы,—за нимъ было обеспечено командованіе гвардіей ¹⁾ и имѣлось основаніе рассчитывать на нѣчто большее. Самъ Аракчеевъ поддается, наконецъ, обаянію талантовъ Ермолова и указываетъ на него государю, какъ на единственнаго человѣка способнаго, въ данную минуту быть военнымъ министромъ и привести въ порядокъ разстроенную продолжительными войнами армію ²⁾.

Вмѣсто всего этого Ермоловъ ѣдетъ въ отдаленный полудикій край, едва замѣтный въ это время изъ Петербурга, будущее котораго только начало обрисовываться на политическомъ горизонтѣ, гдѣ жизнь была лишена всѣхъ удобствъ цивилизаціи и сопряжена со всѣми опасностями для жизни и военной славы.

Назначеніе Ермолова главнокомандующимъ на Кавказъ представляется въ такомъ видѣ. Вскорѣ по окончаніи наполеоновскихъ войнъ, когда лихорадочная дѣятельность замѣнилась перспективой всеобщаго мира, разговаривая съ графомъ Аракчеевымъ и княземъ Волконскимъ, Ермоловъ высказалъ, что онъ былъ бы очень доволенъ, если бы ему поручили главное начальство на Кавказѣ. Государь удивился. Кавказу не придавали особеннаго значенія въ Петербургѣ; сюда назначали второстепенныхъ генераловъ; этотъ постъ, на петербургскій аршинъ, не соотвѣтствовалъ заслугамъ и служебному положенію Ермолова.

Однако было очевидно, что именно такой человѣкъ какъ Ермоловъ необходимъ для Кавказа. Эта мысль, разъ запавши государю, не переставала его занимать. Такимъ образомъ состоялось назначеніе Ермолова. При представленіи, государь высказался съ полной откровенностью. «Я никакъ не думалъ, что ты можешь желать сего назначенія, но такимъ свидѣтелямъ, какъ графъ Алексій Андреевичъ и князь Петръ Михайловичъ (Аракчеевъ и Волконскій) я долженъ повѣрить» ³⁾.

«Объясненіемъ симъ,—разсуждаетъ Ермоловъ,—государь истолковалъ мнѣ какого онъ о Грузіи мнѣнія. Сего достаточно было, чтобы на моемъ мѣствѣ устрашить многихъ; но я рѣшился повѣрить себя моему счастью» ⁴⁾.

Грузію называли тогда «теплой Сибирью», то есть мѣстомъ ссылки провинившихся офицеровъ и говорили, что это названіе было дано самимъ императоромъ ⁵⁾.

¹⁾ Погодинъ, 179.

²⁾ Давыдовъ, II, 88.

³⁾ Погодинъ, 186, 191.

⁴⁾ Записки Ермолова, II, 8.

⁵⁾ Записки Ванъ-Галена («Истор. Вѣстникъ», 1884, июнь, 657).

И такъ, идея главнаго начальства на Кавказѣ принадлежитъ самому Ермолову и никому болѣе.

Въ предисловіи къ настоящему очерку было указано на отношеніе цивилизованныхъ народовъ къ нецивилизованнымъ. Особенности въ управленіи нецивилизованными народами неизбежны. Чрезвычайныя полномочія здѣсь необходимы.

Тѣхъ людей, которые, вооружившись полномочіями римскаго народа, несли въ дальніе края римскую и человѣческую идею называли «проконсулами». Эти вожди гуманизма давно владѣли мыслью Ермолова. Отсюда желаніе главнаго начальства на Кавказѣ.

«Подъ нимъ струя свѣтлой лазури,
 «Надъ нимъ лучъ солнца золотой;
 «А онъ, матежный, проситъ бури,
 «Какъ будто въ буряхъ есть покой!»
 (Лермонтовъ).

Кстати, приведемъ здѣсь оцѣнку русской политики, сдѣланную Ермоловымъ въ позднѣйшіе годы, въ Москвѣ, но выражавшую то, что онъ думалъ ранѣе назначенія на Кавказъ.

«Нашу прошедшую европейскую политику», — говоритъ Погодинъ, — «онъ осуждалъ и повторялъ часто, что намъ предлежитъ Азія, и когда я напомнилъ ему, однажды, что это политика очень древняя, что Добрыня, дядя Володимера Святаго, совѣтовалъ ему искать лапотниковъ, а сапожники будутъ неохотно платить дань, тогда онъ расхохотался и восклицалъ: «Такъ, такъ, именно такъ. Въ Европѣ не дадутъ намъ ни шагу безъ боя, въ Азіи цѣлныя царства къ нашимъ услугамъ»¹⁾.

VI.

Только двумя поколѣніями отдѣляется современный Кавказъ отъ того, который былъ подчиненъ Ермолову; однако, въ современномъ трудно узнать до-Ермоловскій. Нѣтъ старыхъ чувствъ и отношеній; въ корнѣ перемѣнились общественныя силы. Надѣмся, — все стало лучше.

«Теперь», въ тифлисской классической гимназіи обучается болѣе 700 учениковъ, принадлежащихъ къ различнымъ національностямъ Кавказа. «Тогда», князь Цициановъ, посѣтивъ въ 1803 году «тифлисское благородное училище для грузинскаго благороднаго юношества», не нашелъ учениковъ. Разбѣжались въ горы.

«Теперь» имеретинскій крестьянинъ, поторговавъ выгодно на базарѣ, зайдетъ въ казначейство за гербовой маркой. «Хорошая

¹⁾ Погодинъ, 446.

вещь; можно родственнику въ праздникъ подарить; да и самъ думаю подать прошеніе на сосѣда». «Тогда» имеретинскій царь Соломонъ словесно отвѣтилъ на письмо князя Циціанова, потому что его канцлеръ куда-то уѣхалъ; самъ же царь и его сановники безграмотны. Рубилъ онъ головы своихъ вѣрноподданныхъ и жаловалъ дворянствомъ, не прибѣгая къ письменному дѣлопроизводству.

«Теперь» утонченность тифлисскаго бала не позволяетъ мечтать о чемъ-нибудь лучшемъ. «Тогда» имеретинскій царь питался, переѣзжая отъ одного своего подданнаго въ другому (какъ пастухи и иногда сельскіе учителя въ коренной Россіи). Въ Лемчугѣ онъ кушалъ пшеничный хлѣбъ; въ Одиши, гдѣ пшеницу не сѣять, хотя-нехотя долженъ былъ ѣсть просяную кашу. Тѣмъ же способомъ кормилось и дворянство. «Пока царь и окружающіе его находятъ пищу, жителями съ великимъ стараніемъ скрываемую, до тѣхъ поръ онъ съ того мѣста не выѣзжаетъ. Голодъ и жалобы народа въ насильствѣ и грабежѣ возвѣщаютъ царю о необходимости выѣхать; простота сей жизни сливается самовластіе съ рабствомъ... Общій столъ и общая постель со всѣми. Разность состоятъ только въ томъ, что мужикъ прислуживаетъ дворянину, дворянинъ—князю, а князь—царю»¹⁾.

«Теперь» грузинскій патриотизмъ ограничивается убѣжденіемъ, что не кто другой, а настоящій грузинъ, укралъ сандалиа у апостола Андрея Первозваннаго. «Тогда» почти не было княжеской фамилии безъ нѣсколькихъ измѣнниковъ, бѣжавшихъ въ Персію и Турцію. Бывшій царскій домъ не составлялъ исключенія. Царевичъ Александръ, то скрывался въ горахъ, то уходилъ въ Персію; вообще, не безъ успѣха бунтовалъ магометанскіе народцы и имѣлъ много сообщниковъ среди населенія Грузіи. Почти каждое распоряженіе правительства встрѣчалось тогдашнимъ грузинскимъ дворянствомъ съ явнымъ недоброжелательствомъ²⁾.

«Теперь» уроженецъ Востока исправно занимается концессіями на ту или другую желѣзную дорогу. «Тогда» часто не было даже простыхъ путей сообщенія. Самъ «проконсулъ» (онъ же чрезвычайный русскій посолъ въ Персіи), проѣзжая черезъ Область Войска Донскаго, однажды, чтобы добыть лошадей, сѣлъ верхомъ и при себѣ приказалъ отогнать ихъ изъ ближайшаго табуна. Казаки удивились, видя хищника въ орденахъ и генеральскомъ мундирѣ³⁾.

«Теперь» Кавказъ—одинъ изъ европейскихъ Сиг-Ог'овъ. «Тогда» онъ только-что пересталъ быть рассадникомъ чумной заразы. Въ 1816 году чума находилась въ донскихъ полкахъ конвоя Ерма-

¹⁾ Дубровинъ, 259.

²⁾ Записки Ермакова, II, 38, 39. Записки Муравьева, «Рус. Арх.» 1886, № 5, 27.

³⁾ Записки Муравьева, «Рус. Арх.» 1886, № 4, 458. Погодинъ, 193.

«истор. вѣстн.», августъ, 1888 г., т. XXXI.

лова. Чтобы менѣе рисковать заразой, было официально запрещено преслѣдовать хищниковъ за линію. Черкесы знали объ этомъ и часто, перейдя на свою сторону, дразнили показывая добычу¹⁾. Приѣзжавшіе пользоваться Нарваномъ, занимали тогда долину подлѣ источника, оплетеннаго полусгнившимъ плетнемъ, а купались въ выкопанной ямѣ; жили же, кто въ своемъ экипажѣ, кто въ сдѣланномъ наскоро шалашѣ²⁾.

«Теперь» вся страна на дорогѣ превращенія въ «Русскую Швейцарію» — мѣсто свиданія европейскихъ туристовъ. «Тогда», въ исторіи одного Кабардинскаго полка, за одинъ только 1801 годъ, отмѣчены крупныя нападенія лезгинъ 6 и 8 іюля и 24 ноября³⁾. Всего за десять лѣтъ до Ермолова, князь Циціановъ былъ измѣнически убитъ въ присутствіи бакинскаго хана и нѣсколько случаевъ въ томъ же родѣ — при самомъ Ермоловѣ. Нашимъ войскамъ строго запрещено въ малыхъ силахъ переходить черезъ Кубань. На выкупъ плѣнныхъ военнымъ министерствомъ назначалась особая сумма.

Общій выводъ. Отъ Зубова до Ермолова едва ли что существенно измѣнилось на Кавказѣ. Князь Циціановъ, грузинъ по происхожденію, благодаря таланту и связямъ съ грузинскимъ царскимъ домомъ, имѣлъ большой, но не прочный успѣхъ. Непосредственный предшественникъ Ермолова, Ртищевъ, какъ видно изъ его послѣдняго донесенія императору⁴⁾, смотрѣлъ на дѣло крайне оптимистически. Онъ или не зналъ Кавказъ, или считалъ шаткость населенія, хроническую чуму, вездѣ тающуюся измѣну, тиранію высшаго сословія, полное отсутствіе промышленности и безопасности — нормальными для Кавказа явленіями.

Первое распоряженіе Ермолова характерно для него и для императора Александра.

Поводомъ служить конвой линейныхъ казаковъ, высланный на встрѣчу главнокомандующаго. Всегда отличаясь ловкостью, исправностью оружія и лошадей (Ермоловъ зналъ ихъ еще по экспедиціи Зубова), на этотъ разъ, казаки почти на половину представляютъ нигдѣ не служившую молодежь. Оказалось, что по настоянію графа Платова и съ разрѣшенія государя, Ртищевъ отпустилъ на родину шесть донскихъ полковъ, вслѣдствіе чего вся тяжесть службы упала на линейныхъ. Должны были выйти всѣ шестнадцатилѣтніе, отцы съ двумя и тремя сыновьями, даже находившіеся въ отставкѣ. Дома остались жены, дѣти и старики неспособные къ работѣ. Ермо-

¹⁾ Записки Ермолова, II, 43, 44.

²⁾ Погодинъ, 438.

³⁾ Эиссерманъ, Ист. Каб. полка, I, 270.

⁴⁾ Акты собранныя Кавказской археологической комиссіей, V, № 326.

ловъ, еще не въѣзжая въ Тифлисъ, донесъ государю: «На смѣну донскихъ полковъ есть воля вашего императорскаго величества, но никакъ не смѣю допустить исполненіе оной подобнымъ образомъ». Отпустивъ одинъ или два долге служившихъ на Кавказѣ донскихъ полка, Ермоловъ остальные удержалъ. Государь утвердилъ распоряженіе ¹⁾.

Черезъ нѣсколькочней по прибытіи въ Тифлисъ, Ермоловъ обратился къ мѣстной администраціи съ приказомъ, заключавшимъ такую фразу: «въ правилахъ моихъ нѣтъ снисхожденія къ нерадивымъ» ²⁾.

Съ пріѣздомъ Ермолова измѣнился языкъ, на которомъ мы разговаривали съ непокорными горцами. «Плѣнные и бѣглецы... или мщеніе ужасное!... Бойтесь быть непокорными сефи-беку, потому что онъ будетъ исполнять мои собственныя приказанія; каждый сопротивляющійся будетъ наказанъ свыше ожиданія... если кто ослушается приказаній, то представить мнѣ неповинующагося князя или узденя и это будетъ послѣднее въ жизни такового неповиновеніе» ³⁾.

По поводу измѣнническаго убійства полковника Пузыревскаго, въ дневникѣ Ермолова записано: «Вотъ мои слова при первомъ о семъ извѣстіи: «Не при мнѣ умирать достойному офицеру безъ отмщенія» ⁴⁾. «Бунтующія селенія были разорены и сожжены, сады и виноградники вырублены до корня и черезъ многіе годы не придуть измѣнники въ первобытное состояніе. Нищета крайняя будетъ ихъ казнью» ⁵⁾.

Названіе «мошенникъ», въ это время почти сдѣлалось официальнымъ титуломъ горца въ перепискѣ Ермолова. «Извольте, ваше превосходительство,—пишетъ Ермоловъ генераль-маіору Дельпоццо,—отъ мирныхъ называющихся мошенниковъ взять аманатовъ... Извольте объявить мирнымъ мошенникамъ... Внушите имъ, что намъ не нужны мирные мошенники» ⁶⁾.

Въ дневникѣ Ермолова часто встрѣчаются отмѣтки въ такомъ родѣ: «Лагерь на Сунжѣ. Заложена крѣпость, которая названа Гривной. Безпрестанныя стычки съ чеченцами... Началось построеніе крѣпости Внезапной. Жители Андрея (ауль) разбѣжались и городъ остался пустой... Окончена крѣпость Бурная... Со мной случилось смѣшное происшествіе: квартира моя была на самомъ концѣ се-

¹⁾ Записки Ермолова, II, 4, Матеріалы, 29. Погодинъ, 194.

²⁾ Погодинъ, 256.

³⁾ Акты, VI, ч. I, № 875, 945.... Дубровинъ, «Воен. Сборн.» 1869, III, 7, 8 и 9.

⁴⁾ Погодинъ, 241.

⁵⁾ Записки Ермолова, II, 112.

⁶⁾ Погодинъ, 256.

ленія и когда начали пули достигать оной, поваръ мой отказался готовить обѣдъ, говоря, что онъ не создастъ быть на пуляхъ чеченскихъ. Кажется, онъ желалъ заставить думать, что онъ меньше гнушается пумъ народа просвѣщеннѣйшаго... Далѣе уже нѣтъ пути и стоять громады горъ, покрытыхъ вѣчными снѣгами...¹⁾

За то, что горцы измѣннически осадили Башлы (и едва не вырѣзали русскій отрядъ) въ 1818 году, по приказанію Ермолова, въ Дербентѣ, повѣшены 17 аманатовъ²⁾. «Извольте объявить мирнымъ мошенникамъ, что есть мое повелѣніе наказывать смертью аманатовъ»³⁾. «Въ разсужденіи плѣнныхъ, — пишетъ Ермоловъ князю Мадатову, — предлагаю вашему сіятельству къ соблюденію впредь слѣдующія замѣчанія: внушить войскамъ, чтобы незащищающагося или паче бросающаго оружіе, щадить непремѣнно; при малѣйшей защитѣ истреблять необходимо и, тѣмъ пользуясь, не обременять себя излишнимъ и тягостнымъ числомъ плѣнныхъ»⁴⁾.

Полковникъ Швецовъ взять въ плѣнъ еще до прибытія Ермолова; но въ связи съ этимъ плѣномъ такой приказъ Ермолова: «владѣльцамъ селеній на берегу Терека лежащимъ». «... По открытіи, гдѣ прошла нартія, изслѣдуется: точно ли защищались жители, или они пропустили мошенниковъ; въ семъ послѣднемъ случаѣ деревня истребляется, жены и дѣти вырѣзываются»⁵⁾.

Слѣдующій за этимъ № «Актвъ» заключаетъ въ себѣ ходатайство Ермолова о присылкѣ миссіонеровъ къ ингушамъ⁶⁾. Иронія случая, археологической комиссіи, или регистратуры временъ «проконсула»?

«Кахетія забунтовала!.. обратился онъ къ грузинскому дворянству. При мнѣ можетъ быть здѣсь только послѣдній бунтъ, а потомъ на сто лѣтъ тишины»⁷⁾.

Мы были бы несправедливы къ Ермолову и не въ истинномъ свѣтѣ представили бы его дѣлю передъ читателемъ, если бы забыли сказать, что суровый проконсулъ, «начальникъ извѣстный строгостью», какъ самъ о себѣ отзывался Ермоловъ, обращается къ милосердію всякій разъ, когда считалъ его не выходящимъ изъ предѣловъ своей политической системы.

«Одобряю весьма, пишетъ онъ князю Мадатову, что возвратили захваченныхъ женщинъ, не говорю ничего и противъ освобожденія плѣнныхъ, ибо полезно вразумить, что русскіе великодушно даруютъ

¹⁾ Погодинъ, 286, 287, 288, 289, 245 и 247.

²⁾ Дубровинъ, «Воен. Сборн.» 1869, III, 20.

³⁾ Погодинъ, 266.

⁴⁾ Погодинъ, 287.

⁵⁾ Акты, VI, ч. II, № 879.

⁶⁾ Акты, VI, гл. II, № 880.

⁷⁾ Записки Муравьева, «Рус. Архивъ» 1886 г., № 5, стр. 27.

и самую жизнь, когда не дѣлають упрямой и безразсудной зашиты»¹⁾.

«Наказаны смертию, — отмѣчаетъ Ермоловъ въ своемъ дневникѣ—главнѣйшіе изъ виновниковъ мятежа и убійцы пристава Батырева въ страхъ прочимъ измѣнникамъ. Народъ принялъ съ признательностью наказаніе только трехъ человѣкъ, когда самъ указывалъ гораздо большее число»²⁾.

«Селеніе Казахъ Кечу выслало старшинъ съ хлѣбомъ и солью, которые, раскаяваясь въ сдѣланныхъ ими преступленіяхъ, ввѣрили себя великодушію войскъ. Не приличествовало наказывать такихъ и имъ прощено».

Однимъ изъ первыхъ распоряженій Ермолова при вступленіи въ управленіе Кавказомъ было ходатайство объ освобожденіи нѣсколькихъ десятковъ грузинскихъ дворянъ, сосланныхъ въ Сибирь за участіе въ возмущеніи³⁾.

Кстати замѣтимъ, что Ермоловъ не разъ ходатайствовалъ передъ высшей властью за опальныхъ людей, при чемъ не всегда принималъ во вниманіе насколько такое ходатайство безопасно для него самого.

Однажды на смотру, во время пребыванія русской арміи въ Парижѣ, три взвода сбились съ ноги отъ неправильности музыки. «Государь—записано въ дневникѣ Ермолова—приказалъ арестовать трехъ полковыхъ командировъ и они посажены подъ иностранный караулъ. Я просилъ о прощеніи отличныхъ офицеровъ; мнѣ отвѣствовано съ гнѣвомъ. Я вспомнилъ объ иностранномъ караулѣ. Подтверждено о исполненіи повелѣнія». На другой день объ арестованныхъ полковникахъ Ермоловъ имѣлъ горячій разговоръ съ великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ⁴⁾.

Донеся государю, что разжалованные рядовыми на Кавказъ полковникъ Ермолаевъ и майоръ князь Щербатовъ отличились въ дѣлѣ противъ чеченцевъ, Ермоловъ заключаетъ: «ничего не дерзаю испрашивать для нихъ; но столько же, какъ и я, знаютъ они, что не безконеченъ гнѣвъ великаго государя».

«Дерзаю думать—въ другой разъ представляетъ Ермоловъ—что государь, въ великодушіи своемъ простить прежнее преступленіе (разжалованнаго Литинскаго бывшаго во всѣхъ сраженіяхъ впереди съ храбрѣйшими): служить долге, по дряхлости, не способенъ. Не смѣю испрашивать ему при увольненіи прежняго 8 класса, но столь же не смѣю полагать предѣла милосердію императора»⁵⁾.

¹⁾ Погодинъ, 287.

²⁾ Погодинъ, 251.

³⁾ Записки Ермолова, II, приложение, 84.

⁴⁾ Погодинъ, 188, 183.

⁵⁾ Ibid., 321.

Вослѣдствіи, при Николаѣ Павловичѣ, самъ опальный, Ермоловъ въ такой формѣ выразилъ свое заступничество за польскихъ генераловъ, участвовавшихъ въ мятежѣ 1830 года. «Никто ихъ конечно не убѣдитъ, что милосердіе государя никогда не обратится на нихъ¹⁾».

Обращеніе къ великодушію — въ характерѣ заступничества Ермолова.

Возвращаясь къ системѣ ермоловскаго управленія Кавказомъ, замѣтимъ, что каждое поколѣніе можетъ воспринимать порокъ и добродѣтель только въ известной формѣ. Офелія на престолѣ Семирамиды была бы также неумѣстна, какъ Мессалина въ лагерѣ пуританъ.

Разъ членами управленія является малочисленность русскаго войска на Кавказѣ, разъ слабость окупаціи является основной формой общественной жизни завоеванной страны — крутыя мѣры неизбѣжны.

Былъ ли Ермоловъ причиной малочисленности русскаго войска на Кавказѣ и, косвенно, причиной жестокости русскаго владычества, вытекающей изъ этой малочисленности — вопросъ котораго мы коснемся впоследствии. А пока скажемъ, что при данныхъ условіяхъ Ермоловъ не могъ быть кротокъ, потому что у него было мало войска.

Слѣдовательно, все сомнѣніе о характерѣ ермоловскаго управленія Кавказомъ сводится къ тому: былъ ли онъ неумолимъ именно на столько, на сколько это необходимо, чтобы поразить воображеніе горца и, приведя въ трепеть непокорныя племена, смирить Кавказъ, или, въ этомъ случаѣ, перешелъ предѣлы человѣчности и благоразумія?

Чтобы быть справедливымъ къ Ермолову необходимо признать и ту печальную истину, что если необходимо сдѣлать сильную операцію, то надо умѣть сдѣлать ее однимъ ударомъ («спрятый ножъ» говорятъ хирурги)! Если для пользы человѣчества, Россіи и самаго Кавказа, необходимо его покореніе, — надо совершить это покореніе безъ лишннихъ жертвъ и продолжительной агоніи неразлучной съ колебаніями въ политикѣ завоеванія.

Въ сердечной нѣжности къ «мошенникамъ», конечно, нельзя упрекнуть Ермолова. Да и, вообще, нельзя требовать отъ человѣка — совершившаго полжизни въ обстановкѣ анатомическаго театра, воспитаннаго въ атмосферѣ наполеоновскихъ вивисекцій, многолѣтней практикой усвоившаго охотничій инстинктъ «пользованія минутой» — философскаго расположенія къ медленному процессу вещей¹⁾. Но нельзя отрицать и того, что бываютъ ступени въ раз-

¹⁾ Погодинъ, 397.

²⁾ Ермоловъ — о пожарѣ Смоленска. «Въ первый разъ въ жизни коснулся ушей моихъ стонъ соотечественниковъ, въ первый разъ раскрылись глаза на ужасъ бѣдственнаго ихъ положенія. Великодушіе почитаю я даромъ Божества но едва ли бы далъ я ему мѣсто прежде отищенія». (Записки, I, 172).

витіи патриархальныхъ обществъ и такія минуты въ исторіи сношеній съ этими обществами, когда языкъ фактовъ надо предпочесть длиннымъ разсужденіямъ.

За Ермолова, хотя отчасти, говорятъ результаты. Джамаль-бекъ, знатный горецъ, блаженствовалъ въ своемъ аулѣ.—«Смотри Джамаль, — объявляетъ Ермоловъ — ты богатъ, имѣешь связи, всѣми уважаемъ... Когда будемъ подходить къ аулу, чтобы не было ни одного выстрѣла; въ противномъ случаѣ, не останется слѣда твоего аула». Джамаль вѣрилъ въ силу русскаго оружія; нашъ отрядъ проходилъ спокойно; аулъ оставался невредимъ. Впослѣдствіи, при преемникахъ Ермолова—когда въ умѣ горца надо было возстановлять страхъ русскаго оружія—аулъ былъ взятъ штурмомъ, разоренъ, сожженъ, огромнѣйшіе сады его истреблены, а жители — въ числѣ ихъ Джамаль-бекъ—сосланы въ Сибирь. По просьбѣ Ермолова, проживавшаго отставнымъ въ Москвѣ, Джамаль-беку возвратили свободу; но лишенный имущества и семьи, старый черкесъ принужденъ былъ скитаться по роднымъ и знакомымъ ¹⁾).

Обвинители Ермолова обыкновенно забываютъ, что Востокъ «имѣетъ свои права». Снисхожденіе часто принимается здѣсь за слабость; показаться же слабымъ—при дѣйствительно слабомъ положеніи русской стороны на Кавказѣ — было всего опаснѣй для Ермолова. Далѣе, — забываютъ, что представитель русской власти (при крайне ограниченныхъ средствахъ) былъ обяванъ прежде всего защищать интересы Россіи и тѣхъ русскихъ людей, которые или уже находились въ плѣну, или ежеминутно подвергались опасности, въ качествѣ невольниковъ, появиться на рынкахъ дальняго Востока.

«Недавно еще,—доносить Ермоловъ 7 іюля 1819 г.,—строгимъ настояніемъ моимъ и усердіемъ старшаго владѣльца, прекращенъ (въ аулѣ Андрей) торгъ невольниками, которые свозились изъ горъ и дорогою весьма цѣной продавались въ Константинополь. Большая часть таковыхъ были жители Грузін, похищаемые лезгинами и не мало солдатъ нашихъ» ²⁾).

Мы еще далеко не окончили анализъ внутренней и внѣшней политики Ермолова.

Надежнѣйшимъ средствомъ къ покоренію Кавказа Ермоловъ справедливо считалъ перенесеніе линіи нашихъ укрѣпленій къ самой подошвѣ кавказскихъ горъ. Такимъ образомъ, у чеченцевъ и кабардинцевъ отнималось все пространство лучшихъ земель между рѣками и горной цѣпью; стѣсненное населеніе бросалось въ горы; здѣсь оно встрѣчалось съ недостаткомъ продовольствія; надо было покориться. Ермоловъ принималъ подданство, но съ условіемъ не-

¹⁾ Погодинъ, 428. Зиссерманъ, II, 188.

²⁾ Акты, VI, ч. II, № 17; Записки Ермолова, II, приложение, стр. 102.

реселенія въ долины, подъ надзоръ русскихъ укрѣпленій, составлявшихъ непрерывную строго обдуманную цѣпь. Необходимымъ дополненіемъ системы является устройство путей сообщенія, прорывавшихъ территоріи непокорныхъ племенъ.

Только кратковременность управленія Кавказомъ помѣшала Ермолову, желѣзнымъ кольцомъ крѣпостей, дорогъ и пикетовъ, охватить враждебное пространство и вездѣ водворить общественную безопасность и знамя русской государственности.

Такова внѣшняя сторона завоеванія. Но Ермоловъ, съ свойственною ему пронизательностью, стремился произвести перемѣну въ социальныя отношенія покоряемаго пространства.

Если удалая кавказская вольница сопротивлялась намъ, то, предоставленное себѣ, это было порывистое разрозненное сопротивление. Каждого абрека, при случаѣ, можно было испытать въ роли шпіона. Деспотическое управленіе хановъ и князей, напротивъ, было силой, которая, хотя и торговала собой, но, въ то же время, объединяла духъ сопротивленія и охраняла старый бытъ. Масса горцовъ увлекалась какимъ-нибудь фанатикомъ и только. Аристократія обыкновенно дѣлала покорный видъ, но, при первомъ случаѣ, давала народному энтузиазму организацію и цѣлесообразное направленіе. Маленькіе люди обыкновенно только по недоразумѣнію и неразвитости стояли противъ вліянія Россіи; они сопротивлялись настолько, насколько новые порядки стѣсняли ихъ въ отдѣльныхъ случаяхъ. Кавказская аристократія сопротивлялась потому, что старые порядки давали ей единственное средство сохранить прежнее положеніе. Хань, князья и хаджи боролись за старый порядокъ потому что только при немъ могли удержать за собой деспотическое вліяніе на полудикія племена. По этой причинѣ, какъ сказано выше, во времени Ермолова, не только магометанскія фамиліи, но даже большинство членовъ грузинскаго царскаго семейства и весьма многіе изъ грузинскаго дворянства, въ душѣ были нашими противниками.

Итакъ, соединенное съ справедливостью ослабленіе мѣстной аристократіи и освобожденіе народныхъ массъ изъ-подъ ея вліянія было, какъ нельзя болѣе, въ видахъ Россіи.

«Вникая въ способы введенія въ адмѣнствѣ краю устройства,— писалъ Ермоловъ государю черезъ три мѣсяца по прибытіи на Кавказъ,—хотя вижу я большія затрудненія, надѣюсь, однако же, современемъ и терпѣніемъ въ свойствѣ грузинъ ослабить закоренѣлую наклонность къ безпорядкамъ; но области, ханами управляемыя, долго противуставутъ всякому устройству, ибо данныя имъ трактаты, предоставляють имъ прежнюю власть... Управленіе ханствами даровано имъ наслѣдственно. Благодѣтельные російскіе законы не иначе могутъ распространяться на богатые и изобильныя области сіи, какъ въ случаѣ прекращенія наслѣдственной лянн

или измѣны хановъ. Покойный генералъ князь Циціановъ, при недостаткѣ средствъ со стороны нашей... присоединилъ ханства къ Россіи. Необходимость вырвала у него въ пользу хановъ трактаты снисходительные. Впослѣдствіи ощутительно было сколько они противны пользамъ нашимъ, отяготительны для народа и сколько потому съ намѣреніемъ вашего императорскаго величества не согласуются. Никто, однако же, не воспользовался возможностью переимѣнить ихъ. Измѣна хана шекинскаго вручила намъ богатая его владѣнія; главный городъ взятъ былъ нашими войсками; ханъ бѣжалъ въ Персію и введено было россійское управленіе. Генералъ-фельдмаршалъ графъ Гудовичъ безъ всякой нужды вызвалъ на ханство одного изъ бѣжавшихъ хановъ изъ Персіи, и нынѣ сынъ его, генералъ-маіоръ Исмаилъ-ханъ, имъ управляетъ. Такимъ же образомъ измѣнилъ и ханъ карабахскій... По немъ наследникъ, племянникъ его, полковникъ Джафаръ-Кули-ага, который, въ 1812 году, измѣнилъ намъ, бѣжалъ въ Персію, вводилъ персидскія войска въ свое отечество неоднократно, съ ними вмѣстѣ, но одинъ батальонъ нашъ, слабый числомъ, напалъ и истребилъ его. Предмѣстникъ мой, генералъ Ртищевъ... призналъ его прежнимъ полковникомъ и ввелъ въ прежнія права наследника ханства. Оба сіи ханства положеніемъ своимъ важныя... должны непременно быть управляемы россійскими законами... Доводя объ этомъ до свѣдѣнія вашего императорскаго величества, всеподданѣйше прошу полковника Джафаръ-Кули-агу не утверждать наследникомъ ханства карабахскаго; и хотя генералъ Ртищевъ (предусмотрительно добавляетъ Ермоловъ), именемъ вашего величества, призналъ его въ семь достоинствъ, я найду благовидныя причины не допускать его управлять ханствомъ.

«Хана шекинскаго, олюбившаго управленіемъ народъ его ненавидящій, жестокаго свойствами и преступающаго дарованныя ему трактатомъ права, я началъ уже усмирять весьма строгими мѣрами и даю направленіе общему мнѣнію, что онъ ханомъ быть недостойнъ.

«Я не испрашиваю вашего императорскаго величества на сей предметъ повелѣнія; обязанности мои истолкуютъ мнѣ попеченіе вашего величества о благѣ народовъ покорствующихъ высокой державѣ вашей; правила мои — не приывать власти государя моего тамъ, гдѣ она благотворить не можетъ; необходимость же наказанія предоставляю я законамъ. По возвращеніи изъ Персіи, согласуясь съ обстоятельствами, приступлю я къ нѣкоторымъ необходимымъ преобразованіямъ»¹⁾.

Письмо Ермолова къ хану шекинскому, упоминаемому въ предыдущемъ донесеніи:

¹⁾ «Записки Ермолова», II, прилож. 27.

«Едва я пріѣхалъ сюда, какъ уже закиданъ просьбами на васъ. Не хочу я вѣрить имъ безъ изслѣдованія, ибо въ каждомъ изъ нихъ описаны дѣйствія одному злонаправному и жестокому человѣку приличныя. Я поручилъ удостовѣриться о всемъ томъ чиновнику заслуживающему вѣры. Если точно откроется онъ тѣ жестокости, которыя дѣланы по вашей волѣ, что могутъ доказать оторванныя щипцами носы и уши, то я приказалъ всѣхъ таковыхъ несчастныхъ помѣстить въ домъ вашемъ, до тѣхъ поръ пока вы ихъ не удовлетворите. Чиновника вашего, который билъ одного жителя палкой до того, что онъ умеръ и тѣло его было брошено въ ровъ, я приказалъ взять и, по учиненіи надъ нимъ суда, будетъ лишень жизни. Совѣтую вамъ г. генераль-маіоръ ханъ шекинскій быть осмотрительнѣй въ выборѣ чиновниковъ назначаемыхъ для приведенія въ исполненіе вашей воли; паче совѣтую вамъ, чтобы воля ваша не была противна милосердію и великодушію государя, который управленіе ханствомъ ввѣрилъ вамъ совѣтъ не въ томъ намѣреніи, чтобы народъ его населяющій, страдалъ въ дни славнаго его царствованія и ручаюсь вамъ, что если найду жалобы основательными, я научу васъ лучше исполнять намѣренія всемилостивѣйшаго нашего государя. Знайте, что я ни шутить, ни повторять своихъ приказаній не люблю»¹⁾.

Чтобы судить насколько политика Ермолова противорѣчила бывшимъ до него административнымъ теченіямъ, довольно сказать, что при Ртищевѣ, на хана шекинскаго вообще не было управы въ Тифлисѣ. Говорили о взыткахъ. Однажды, изъ двухсотъ жалобщиковъ, болѣе двадцати сослали въ Сибирь, остальныхъ наказали тѣлесно. Ермоловъ «съ негодованіемъ» упоминаетъ объ этомъ «постыдномъ начальства поступкѣ»²⁾.

Новая администрація систематически становилась на сторону народа всякій разъ, когда мѣстная аристократія противудѣйствовала политическому объединенію съ Россіей.

«Не защитятъ васъ мошенники—сказано въ воззваніи Ермолова къ кабардинскому народу— незнающіе ничего, кромѣ подлаго воровства и разбоевъ. Я не мщу простому народу; и, наконецъ, еще таки обѣщаю вамъ покой, счастье и свободу; послѣ повдно будетъ просить о пощадѣ»³⁾.

«Я приказалъ истребить часть города прилежащую къ лѣсному ущелью... Князьямъ неприятна сія переменъ, ибо въ новомъ положеніи города, лишились они (возможности) продолжать дружественныя связи съ мошенниками и уклоняться отъ повиновенія начальству. Простой народъ весьма былъ доволенъ, ибо вблизи отъ наз-

¹⁾ Погодинъ, 284.

²⁾ Записки Ермолова, II, 10.

³⁾ Погодинъ, 316.

наченнаго мѣста находится ихъ хлѣбопашество и обширныя пастбища для скотоводства» ¹⁾.

Управленіе Ермолова можно разсматривать какъ попытку, въ самомъ населеніи, найти элементы порядка и сближенія съ Россіей. Онъ учредилъ народные суды, подъ предсѣдательствомъ комендантовъ и ихъ адъютантовъ изъ представителей всѣхъ народностей и сословій Кавказа и приказалъ составить уставъ для кабардинцевъ ²⁾.

Вообще, склонный къ чувству дружбы, Ермоловъ любилъ иногда съ пріятелями показаться на респашку. Къ этой категоріи относится его письмо къ барону Мелеръ-Закомельскому. Строго говоря, мы встрѣчаемъ здѣсь обстоятельное изложеніе кавказской политики Ермолова, при чемъ, съ цинизмомъ военнаго лагеря, шутя говорятся ужасныя вещи.

«Мнѣ кажется, пишетъ Ермоловъ, все вниманіе ваше обращено было на Ахенъ и въ сторону Кавказа не удостоиваете минутой воспоминанія. Теперь отдохнули вы, ибо судить повидимому возможно, что судьба позволила царямъ наслаждаться миромъ; даже самыя нѣмецкіе редакторы, все обыкновенно предузнающіе, не грозятъ намъ бурей несогласія и вражды. Спокойно стаканъ пива наливаетъ мирный гражданинъ; къ роскошному дыму кнастера не примѣшивается дымъ пороха и картофель растетъ не для реквизицій. Одинъ я, отчужденный миролюбивой системы, наполняю Кавказъ звуками оружія. Съ чеченцами употреблялъ я кротость ангельскую шесть мѣсяцевъ, плѣнялъ ихъ простотою и невинностью лагерной жизни, но ни какъ не могъ внушить равнодушія къ охраненію ихъ жилищъ, когда приходилось превращать ихъ въ бивуакъ, столь удобно уравнивающій всѣ состоянія. Только успѣлъ приучить ихъ къ нѣкоторой умѣренности, отнявъ лучшую половину хлѣба родной земли, которую они уже не будутъ имѣть труда воздѣлывать. Они даже не постигаютъ самаго удобопонятнаго права—права сильнаго! Они противятся. Съ ними опредѣлилъ я систему медленія и, какъ римскій императоръ Августъ, могу сказать: «я медленно сиѣшу». Здѣсь мало истребилъ я пороку, почтеннѣйшій начальникъ; но одинъ изъ вѣрноподанныхъ слугъ нашего государя вырвалъ меня изъ этого бездѣйствія; онъ мучился совѣстью, что безъ всякихъ заслугъ возведенъ въ достоинство хана, получилъ чинъ генераль-маіора и 5,000 р. въ годъ жалованья ³⁾. Собралъ войска, онъ напалъ на одинъ изъ нашихъ отрядовъ, успѣха не имѣлъ, былъ отраженъ, но отрядъ нашъ не былъ довольно силенъ, чтобы его наказать. Я выступилъ и когда нельзя было ожидать,

¹⁾ Погодинъ, 253.

²⁾ Сочиненія Давыдова, II, 96.

³⁾ Рѣчь идетъ объ Ахметъ-Ханъ-Аварскомъ.

чтобы я въ глубокую осень, появился въ горы, я прошелъ довольно далеко, прямо къ владѣніямъ измѣнника, разбилъ, разсѣялъ лезгинъ и землю «важно обработалъ». Вотъ что значитъ «отложиться!» Сдѣлалъ честно и роптать на меня нельзя; вѣдь я не шелъ на задоръ и даже князь П. М. Волконскій придраться не можетъ: неужели потерпѣть дерзость лезгинъ? Однако, поговорите съ нимъ, почему я слышу несовсѣмъ покойнымъ человѣкомъ? По справедливости надлежитъ спросить предмѣстниковъ моихъ, почему они, со всею ихъ патріаршею кротостью, не умѣли внушить горцамъ благочестія и миролюбія? Меня, по крайней мѣрѣ, упрекнуть нельзя, чтобы я металъ бисеръ передъ свиньями; я уже не берусь дѣйствовать на нихъ силою Евангелія, да и самой Библии жалъ для сихъ омраченныхъ невѣжествомъ. И такъ, 30-го ноября я возвратился на Линію и собираюсь теперь въ Грузію, можетъ быть пѣшкомъ, какъ въ апрѣлѣ переходилъ горы. Проклятая гора Казбекъ не уважаетъ проконсула Кавказа. Вотъ, батюшка Петръ Ивановичъ, какую здѣсь должно жизнь вести; тому кто хочетъ служить усердно, не много случится сидѣть на мѣстѣ; за то въ Тифлисъ возвращусь какъ въ роскошную столицу; а чтобы таковой показалась она, стоить прожить семь мѣсяцевъ, не выдавши крыши. Но должно спросить, чего добиваюсь я такими мученіями? Станешь въ пень съ отвѣтомъ. Я думаю, что лучшая причина тому та, что терпѣть не могу безпорядковъ, а паче не люблю, что и самая каналья, каковы здѣшніе городскіе народы, смѣютъ противиться власти государя. Здѣсь нѣтъ такого общества разбойниковъ, которое не думало бы быть союзникомъ Россіи. Я того и смотрю, что отправлять депутацію въ Петербургъ съ мирными трактатами. Никто не повѣритъ, что многіе подобные тому депутаты бывали принимаемы...»¹⁾

Сейчасъ увидимъ, что Ермоловъ клеветалъ на себя, притворяясь, будто не знаетъ для чего надѣлъ кровавые доспѣхи проконсула. Никто не имѣлъ болѣе опредѣленныхъ цѣлей.

Русской политикѣ на Кавказѣ (да и на одномъ ли Кавказѣ?) до Ермолова, въ высшей степени не доставало того, что даетъ средневѣковымъ городамъ возможности, столѣтіями, по одному плану, строить готическіе соборы, того что заставило либерала Гладстона идти по дорогѣ своихъ консервативныхъ предшественниковъ, того что посылаетъ англійскихъ консерваторовъ на тропинку проложенную либераломъ Гладстономъ... Короче,—не было на Кавказѣ единства и преемственности во внутренней и внѣшней политикѣ, не было того что составляетъ особенность исторіи Рима, Венеціи, Англій и древней Москвы.

При вступленіи на престолъ императрицы Анны, мы сами

¹⁾ Погодинъ, 280.

искали случая возвратить Персіи сдѣланныя на Кавказѣ современъ Петра завоеванія и, съ большими усиліями, достигли этого только въ 1735 году... для того чтобы черезъ нѣсколько лѣтъ «повторять зады», снова брать Дербентъ, Баку и т. д. Можно ли далѣе простираť безсистемность въ политикѣ!

«Всякій командовавшій на Кавказѣ,—говоритъ одинъ изъ знатоковъ этого края,—да и мѣстные частные начальники, дѣйствовали преимущественно по собственному усмотрѣнію; никакой системы, ни какой руководящей идеи не существовало; никто какъ бы и не подумалъ задаться вопросомъ: какія наши цѣли? Къ чему мы стремимся? Оставаться ли на линіи рѣкъ Кубанн, Терека, Алазани, защищая въ тылу лежащій край отъ вторженій черкесъ, чеченцевъ, лезгинъ, или же дѣйствовать въ смыслѣ усмиренія этихъ воинственно-хищныхъ народцевъ, или, просто, покорить ихъ со всѣмъ, овладѣть всею занятою ими по обѣимъ сторонамъ хребта обширною частью кавказскаго перешейка»¹⁾.

Непоследовательность и противорѣчіе нашихъ взглядовъ на Востокъ низвели, наконецъ, дѣятельность русскаго войска на Кавказѣ до мелкаго набѣга, который самъ себя имѣетъ цѣлю. Высто широкихъ плановъ Екатерины и Зубова, мы встрѣчаемъ здѣсь политику безцѣльной борьбы, столько же удалой, сколько и безполезнаго, одинаково утомительной и раздражающей для обѣихъ сторонъ, вредной для непріятеля, но крайне рискованной и мало достойной Россіи—представителемъ которой въ позднѣйшей исторіи Кавказа является генералъ Засъ.

Самое замѣчательное въ дѣятельности Ермолова на Кавказѣ, не его побѣды надъ горами, не его стратегическій талантъ и даже не его гражданское управленіе... Этого было достаточно и прежде и послѣ него. Зубовъ, Паулучи, Кнорингъ, Циціановъ... Можно ли желать лучшихъ военачальниковъ, администраторовъ и исполнителей? Заслуживаетъ наибольшаго вниманія попытка Ермолова разв навсегда покончить съ безсистемностью въ политикѣ, неопредѣленностью желаній и вѣчнымъ передѣлываніемъ и недодѣлываніемъ.

Говоримъ это по поводу его представленія о перенесеніи линіи укрѣпленій съ Терека на Сунжу. «Если Вашему Величеству благоугодно будетъ планъ сей утвердить—доносить Ермоловъ—то нужно на имя мое высочайшій указъ, въ руководство и непремѣнную цѣль преемникамъ моимъ. Въ предложеніи моемъ нѣтъ собственной моей пользы; не могу я имѣть въ предметъ составлять военную репутацію мою насчетъ разбойниковъ и потому въ мой расчетъ входятъ не однѣ средства оружія. Не у всякаго же, однако, на моемъ мѣстѣ могутъ быть одинаковые виды». Государь утвердилъ предположенія Ермолова и, въ особомъ указѣ, по-

¹⁾ Зиссерманъ, I, 380.

велѣлъ, какъ ему такъ и всѣмъ могущимъ заступитъ его мѣсто, покорять горскіе народы постепенно, но настоятельно, занимать лишь то, что можно за собой удержать, распространяться не иначе, какъ утвердившись на предыдущемъ пунктѣ и, съ помощью колонизаціи, обезпечивать занятое пространство ¹⁾).

Во имя той же послѣдовательности русской политики, Ермоловъ не допускалъ мысли о поземельныхъ уступкахъ на Востокѣ.

Александръ I считалъ свое царство слишкомъ обширнымъ, чтобы быть благоустроеннымъ, былъ утомленъ продолжительными войнами и миролюбивъ по принципу. Искреннее желаніе жить въ добромъ ладу съ сосѣдями и даже, въ случаѣ надобности, безкорыстно помогать имъ, отличали его всегда, а въ послѣдніе годы въ особенности. Отсюда понятно, почему онъ не слишкомъ дорожилъ территоріальными пріобрѣтеніями по Гюлистанскому миру 1813 года и почему, въ видахъ сохраненія мира, онъ согласился бы возвратить кое-что Персіи изъ недавнихъ завоеваній. Ермоловъ стоялъ ближе къ дѣлу, лучше зналъ Востокъ и опытомъ понималъ, что уступленное, рано или поздно, придется завоевывать. Онъ видѣлъ, по меньшей мѣрѣ, нелогичность уступокъ.

Въ 1816 году персидскій посоль въ Россіи привезъ на родину не совсѣмъ безосновательную увѣренность въ томъ, что главнокомандующему Кавказа, ради сохраненія дружбы тегеранскаго двора, приказано сдѣлать весьма значительныя поземельныя уступки. Но, прибывъ русскимъ посломъ въ Персію, Ермоловъ поставилъ переговоры на иную почву. «Я пріѣхалъ не съ тѣмъ, чтобы пріобрѣсти дружбу шаха пожертвованіемъ областей, жители которыхъ прибѣгли подъ покровительство Россіи; есть много выгодъ—помимо поземельныхъ уступокъ—которыя Персія можетъ извлечь изъ дружбы Россіи... Если бы я во снѣ увидѣлъ, что персіянамъ отдаютъ русскія земли, то, конечно, не проснулся бы во вѣки» ²⁾).

Давыдовъ рассказываетъ, что, получивъ однажды запросъ объ уступкѣ Турціи части восточнаго берега Чернаго моря, Ермоловъ такимъ образомъ закончилъ всеподданѣйшее письмо государю: «Если воля Вашего Величества (въ пользу уступки) неотвратима, то прошу прислать мнѣ преемника для приведенія ея въ исполненіе» ³⁾. Государь внялъ голосу патриота и государственнаго чловека и отмѣнилъ уже сдѣланное распоряженіе.

Вѣря въ не избѣжность русскаго вліянія на Востокѣ и далеко простирая свои виды въ этомъ направленіи, Ермоловъ не только не допускалъ здѣсь поземельныхъ уступокъ, но, будучи убѣжденъ въ близости войны съ Персіей и Турціей, заранѣе изучалъ край и

¹⁾ Зиссерманъ, I, 380, 393.

²⁾ «Записка Ермолова о посольствѣ въ Персію», 82, 42.

³⁾ Сочиненія Давыдова, II, 94. Записки Ермолова, II, 123; прилож. 118.

гдѣ только можно пріобрѣтать союзниковъ. Государь предоставилъ на его волю самому ѣхать въ Персію или послать другого. Считая личное знакомство съ краемъ и его государственными людьми необходимымъ въ виду будущихъ отношеній, Ермоловъ, при первой возможности, самъ поѣхалъ въ Персію.

По возвращеніи изъ посольства, Ермолова занимаетъ мысль, для начала сношеній съ среднеазиатскими народами, послать туда «человѣкъ двухъ-трехъ отчаянныхъ». Вызвался Н. Н. Муравьевъ, впоследствии намѣстникъ Кавказа, а въ то время молодой гвардейскій офицеръ, горячій поклонникъ Ермолова, прикомандированный къ его штабу ¹⁾.

Не лишнее прибавить что, какъ Талейрану, при заключеніи какого-нибудь трактата отъ имени Франціи, труднѣй всего было вести переговоры съ Наполеономъ, такъ и Ермолову, въ его рекогносцировкахъ въ Средней Азійи, всего труднѣй было успокоить подозрительность нашего министерства иностранныхъ дѣлъ. Его депеши графу Нессельроде полны увѣреній въ миролюбіи; почти извиняясь въ своей дальноворкости, онъ указываетъ на то, что при предстоящихъ волненіяхъ въ Персіи, военно-торговый постъ на восточномъ берегу Каспійскаго моря «доставитъ величайшія выгоды» и въ заключеніе поясняетъ, что если правительству угодно съ нимъ согласиться «то нужно скорое разрѣшеніе, благонадежнаго чиновника, тысячу человѣкъ пѣхоты (!) и сильную крѣпостную артиллерію» ²⁾.

И такъ, основывая черты ермоловской политики на Кавказѣ: вѣрная постановка вопроса, холодный расчетъ, стремительное исполненіе, неотступное преслѣдованіе намѣченной цѣли.

Ө. М. Уманецъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

¹⁾ Записки Муравьева, «Русскій Архивъ», 1886, V, 20, 26.

²⁾ Записки Ермолова, II, прилож. 121, 123.

ЗАПИСКИ ПОКОЙНАГО УЧИТЕЛЯ.

В РАСПОРЯЖЕНІЕ редакціи «Историческаго Вѣстника» поступила рукопись записокъ одного учителя, заключающихъ въ себѣ много любопытныхъ и характерныхъ фактовъ изъ жизни начальныхъ школъ сороковыхъ годовъ, нѣсколько удачно и живо нарисованныхъ портретовъ ученыхъ начальниковъ, какъ высшихъ, въ родѣ министра и попечителя, такъ и низшихъ—директоровъ и смотрителей николаевской эпохи, нѣсколько типичныхъ эпизодовъ изъ жизни приходскихъ училищъ—эпизодовъ, въ которыхъ учебное начальство вмѣстѣ съ авторомъ записокъ является интересными дѣйствующими лицами. Последнія главы записокъ гораздо содержательнѣе и интереснѣе первыхъ, ибо въ нихъ авторъ говоритъ о смотрителяхъ приходскихъ училищъ въ сороковыхъ годахъ, о тогдашнемъ попечителѣ спб. учебнаго округа Мусинѣ-Пушкинѣ, о министрѣ народнаго просвѣщенія кн. Ширинскомъ-Шахматовѣ. Особенно, какъ увидятъ читатели, автору удалось портреты Мусина-Пушкина и смотрителя того самаго училища, въ которомъ авторъ записокъ началъ свою педагогическую карьеру въ качествѣ приходскаго учителя. Эта часть записокъ написана живо и наблюдательно, не безъ юмора, и имѣетъ несомнѣнную цѣнность, какъ любопытная страница изъ исторіи просвѣщенія въ Россіи. Эту часть мы беремъ почти цѣликомъ и безъ измѣненій, лишь группируя въ болѣе удобномъ и литературномъ видѣ воспоминанія покойнаго учителя. Наоборотъ, вступительныя главы мы почти совсѣмъ опустили, воспользовавшись только не многими свѣдѣніями о бытѣ учителей приходскихъ до-реформенныхъ училищъ и свѣдѣніями автобіографическими о симпатичной

личности автора записокъ. Немногіе факты о печальномъ положеніи приходскихъ учителей въ николаевское время мы дополнили бѣглымъ очеркомъ общаго состоянія народнаго образованія въ эту эпоху, сказавъ при этомъ нѣсколько словъ о народномъ образованіи въ въ предыдущія царствованія.

Объ образованіи простаго народа въ Россіи, въ строгомъ смыслѣ слова, можно говорить только съ освобожденія крестьянъ: до этого времени мы видимъ лишь слабыя попытки, благія намѣренія и нѣкоторыя мѣры, оказывавшіяся или вовсе безуспѣшными или не приносившими предполагаемыхъ результатовъ. Со временъ Екатерины II начинается попытка создать народную школу на началахъ западно-европейскихъ; но эта попытка остановилась на составленіи проектовъ и проивведеніи опытовъ, не давшихъ никакихъ солидныхъ результатовъ. При Александрѣ I, съ учрежденіемъ министерства народнаго просвѣщенія (1802), открылся періодъ административно-организаціонный, также не принесшій начальной школѣ никакихъ положительныхъ результатовъ. Съ 1825 года, при Николаѣ I, вступила въ силу административная опека надъ школами, и съ особенной энергіей открылось дѣйствіе разныхъ стѣснительныхъ мѣръ по начальному образованію. Этотъ періодъ времени можетъ быть названъ административно-ограничительнымъ. Со времени учрежденія министерства народнаго просвѣщенія образованіе въ Россіи получаетъ административную организацію сверху до низу. Именно, во главѣ стало министерство, за нимъ слѣдовали попечители округовъ, далѣе университеты, съ значеніемъ центровъ, къ которымъ относились всѣ другія училища въ учебно-административномъ отношеніи; при университетахъ еще состояли училищные комитеты; затѣмъ, шли директоры гимназій, непосредственно завѣдывавшіе училищами; еще ниже смотрители училищъ, учителя—и приходскія училища. Вся эта сложная администрація въ конечномъ результатѣ сводилась къ сельской школѣ,—но ея на дѣлѣ не было. Правительство почти исключительно обратило свое вниманіе на устройство учебныхъ заведеній для высшихъ классовъ общества,—оно выработало проекты пяти университетовъ, гимназій, городскихъ училищъ; но относительно сельскихъ держалось системы безразличія или безучастія.—Новый учебный уставъ, появившійся въ началѣ николаевскаго царствованія, еще болѣе развилъ централизацію училищной системы, и правительство, повторяемъ, весьма осязательно усилило ограничительное вліяніе на училища. Въ основу раздѣленія училищъ на различные ихъ виды (сельскія, городскія-уѣздныя, гимназій) было положено раздѣленіе народа на состоянія, при чемъ задача университета была ограничена образованіемъ лицъ только свободныхъ состояній. Для приготовленія учи-

телей въ низшія училища не признавалось нужды въ особой спеціальной подготовкѣ и въ особыхъ для этой цѣли учрежденіяхъ. Поэтому ряды жалкой арміи голодныхъ народныхъ педагоговъ заполнялись всякимъ отребьемъ: въ народные учителя шли всѣ, желавшіе преподавать ради куска хлѣба и пріюта, — изгнанные изъ службы чиновники, недоучки разныхъ учебныхъ заведеній, отставные солдаты, писаря и т. п. Конечно, сомнительно, чтобы подобные педагоги могли чему-нибудь научить своихъ учениковъ: учителя голодали; мизерное жалованье ихъ задерживалось, школы приходили въ упадокъ, между тѣмъ, съ народа собирали на нихъ деньги. Школъ же было мало и тѣ стояли пусты, — многія числились лишь на бумагѣ.

Наблюдателями являлись лица ни мало съ школьнымъ дѣломъ не знакомыя и нисколько имъ не заинтересованныя. «Окружные» и разныхъ видовъ чиновники, преимущественно изъ отставныхъ военныхъ, заботились болѣе о томъ, чтобы въ школахъ была субординація; они наблюдали, чтобы вывѣска на школѣ съ орломъ была надлежащаго рисунка и блистала свѣжестью, — чтобы школа на случай пріѣзда высшаго начальства, бѣдилась, чтобы книги были цѣлы, хотя бы лежали неразрѣзанными, — чтобы на стѣнахъ развѣшивались разные правила, инструкціи, расписанія. Постороннія лица школъ не посѣщали; пріѣздъ же «особы» составлялъ эпоху. Обозрѣніе школы, конечно, было чисто показнымъ. Ученики выдабривали особые уроки для отвѣта, заучивали привѣтствія и даже стихи. Ученикамъ строжайше предписывалось явиться въ лучшихъ праздничныхъ одѣяніяхъ, при чемъ обучали «вѣжеству»: какъ при особѣ встать, какъ держать руки, въ какихъ случаяхъ потупить скромно очи, въ какихъ съ привѣтливою улыбкою и радостнымъ взоромъ смотрѣть на особу и т. д. Ублаженный посѣтитель, предложивъ нѣсколько вопросовъ ученикамъ, полюбовавшись видомъ училища, выражалъ удовольствіе о благосостояніи его. Отсюда объясняется тотъ замѣчательный фактъ, что по отчетамъ училищъ числилось много, и всѣ они считались благоустроенными, — на самомъ же дѣлѣ многихъ школъ совсѣмъ не было, а существовавшія были крайне плохи и дезорганизованы. Среди народа зародилось недовѣріе къ школѣ, если не сказать прямо, недоброжелательство. Народъ отвернулся отъ чуждой ему «казенной учебы», которая имѣла цѣлю готовить волостныхъ и сельскихъ писарей, столь ненавидимыхъ народомъ, фельдшеровъ и землемѣрскихъ помощниковъ. Видя повсюдныя ограниченія и стѣсненія въ школьномъ дѣлѣ, но въ то же время не видя никакого толку отъ ученья, направляемаго и руководимаго лицами невѣжественными, ни мало имъ не заинтересованными, народъ сталъ смотрѣть на школу, какъ на какую-то повинность, установленную въ неизвѣстныхъ и непонятныхъ ему видахъ, отъ начальства, для народа совершенно без-

полезную. Съ общества выскивались только деньги на содержаніе учителей и училищъ, но само общество отъ участія въ училищномъ дѣлѣ было совершенно устранено. Отъ того общество всячески старалось обойти эту повинность—и сборы на школы приходилось взимать силою. Обученія дѣвочекъ совершенно почти не существовало; женщины не только коснѣли въ поголовномъ невѣжествѣ, но грамотность въ глазахъ народа стала казаться для нихъ чѣмъ-то чуждымъ, почти непристойнымъ!

Въ общемъ результатѣ—положеніе начальнаго образованія въ николаевское время не представлялось отраднымъ. Правительство задавалось цѣлью, чтобы предметы ученія и самые способы преподаванія были по возможности сообразены съ будущимъ вѣроятнымъ назначеніемъ учащихся, и согласно съ этимъ въ сельскихъ училищахъ могли обучаться поселяне, помѣщичьи и государственные крестьяне,—въ уѣздныхъ училищахъ—дѣти купцовъ, ремесленниковъ и городскихъ обывателей; въ гимназіяхъ—дѣти дворянъ и чиновниковъ,—дѣти духовенства попрежнему только въ семинаріяхъ. Результаты этой ограничительной системы, царившей цѣлыхъ тридцать лѣтъ (1826—1856), были крайне печальны и на столько убѣдительно въ отрицательномъ смыслѣ, что съ вступленіемъ на престолъ императора Александра II начался пересмотръ училищныхъ уставовъ,—пересмотръ, служившій переходнымъ и подготовительнымъ временемъ къ великой эпохѣ реформъ, начавшейся съ 19-го февраля 1861 года. Правительство вступаетъ на путь свободы и поощренія въ народномъ образованіи, давая полный просторъ и всѣ способы приобрѣсти образованіе каждому путемъ свободнаго желанія. Народное образованіе становится предметомъ теоретическаго и практическаго общественнаго интереса, приобрѣтаетъ значеніе государственное. Мѣры, принятыя правительствомъ съ одной, а обществомъ съ другой стороны, дали могущественный толчекъ народному образованію въ Россіи, хотя не успѣли еще создать стройнаго, цѣльнаго организма. Много сдѣлано въ этомъ отношеніи въ царствованіе царя-освободителя, но еще болѣе остается сдѣлать для будущаго времени.—Если въ николаевское время было безотрадно положеніе сельскихъ учителей, влачившихъ свое горемычное существованіе и едва не умиравшихъ съ голоду на нищенскихъ окладахъ (50—70 р. въ годъ),—то не лучше было въ дореформенной школѣ и положеніе учителей приходскихъ. По горькому сознанію автора предлагаемыхъ ниже записокъ, въ народные учителя загопяла нужда, да нужда и выгоняла. Приходскому учителю изъ податнаго состоянія слѣдовало прослужить 12 лѣтъ до коллежскаго регистратора и 10 лѣтъ еще за то, чтобы его сдѣлали благороднымъ. Когда же послѣ 25-тилѣтней службы оставался одинъ живой скелетъ учителя, то ему назначалась пенсія 90 руб. въ годъ. При томъ, при переходѣ въ другое вѣдомство, служба въ

министерствѣ народнаго просвѣщенія не считалась: «Никто изъ законовѣдцовъ,—съ горькой ироніей говоритъ авторъ записокъ,—не обратилъ вниманія, что приходскіе учителя при самомъ поступленіи уже наказывались тѣмъ, что служба ихъ по другимъ министерствамъ не будетъ считаться на пенсію!.. Спрашивается, зачѣмъ же законовѣды признали за благо причислить эту службу къ государственной съ такими странными правами и дать по прослуженіи извѣстнаго срока только два чина? Можетъ быть, давая два чина, думали мудрецы, что учитель будетъ болѣе благонамѣренъ, ни о чемъ не возмечтаетъ, а пенсія въ семь рублей въ мѣсяцъ совершенно достаточна для приходскаго учителя!..» По справедливому замѣчанію автора, могли назначить хорошее жалованье, права по службѣ и пенсію,—«тогда пошли бы въ учителя образованные, даровитые и добросовѣстные люди, а не какія-нибудь бездарныя личности, съ которыми мнѣ пришлось служить».—«Конечно, продолжаетъ авторъ записокъ, голодный учитель такъ прекрасно читаетъ науки своимъ юнымъ слушателямъ, какъ читальщикъ псалтирь по покойникѣ! Правда, многіе занимались со всею энергіею съ дѣтками, но въ результатѣ все-таки оставались голодъ, нищета и безотрадное положеніе!—Хорошо, если учитель былъ одинокій, то одна голова не бѣдна и гдѣ-нибудь у родителей или родственниковъ учениковъ накормятъ и напоятъ чайкомъ или кофейкомъ; а будь женатъ, да имѣй дѣтей, то хоть въ петлю полѣзай!.. Во время оно я и самъ мѣсяца по три не ѣдалъ горячаго, а питался все сухояденіемъ, даже мѣръ кормилъ меня, т. е. родители или родственники моихъ учениковъ». Годами безпросвѣтной голодной доли охлаждалась и забивалась энергія въ приходскихъ учителяхъ, постоянныя житейскія невзгоды приучали ихъ недовѣрчиво смотрѣть на возможность выбиться изъ этой Богомъ и людьми забытой службы, они дѣлались не только голодными эгоистами, но и идіотами. Молодой идеализмъ новичка-учителя лѣтъ черезъ пять проходилъ безвозвратно, онъ начиналъ проникаться апатіею къ своему дѣлу и мечталъ о другомъ мѣстѣ, какъ о маннѣ небесной. Попадались, по замѣчанію автора, и такіе, которыхъ прельщала фуражка съ кокардою, вицмундиръ и золотое руно — чинъ коллежскаго регистратора; но для большинства педагоговъ этотъ заманчивый чинъ становился миражемъ и иллюзіею! Мечтавшіе о «золотомъ рунѣ» дѣлались по полученіи его удивительными фанфаронами, если имъ удавалось выйти изъ податнаго сословія и сдѣлаться благородными. «Это были просто мандарины и громопершцы съ Олимпа, а не сыновья плебеевъ. Къ своимъ бывшимъ родственникамъ, товарищамъ-крестьянамъ, мѣщанамъ и солдатамъ, они питали какое-то особенное презрѣніе, даже не хотѣли поздороваться почеловѣчески и прятали правую руку или нарочно держали въ ней фуражку съ кокардою». Приходскіе учителя, какъ и всѣ другіе

педагоги низшихъ школъ, были дѣйствительными мучениками просвѣщенія.

Выше мы говорили о низкомъ уровнѣ развитія учениковъ сельскихъ школъ. Теперь это печальное, но правдивое замѣчаніе приходится распространить и на приходскія училища, въ которыхъ, по откровенному признанію автора записокъ, нельзя было научиться «въ сущности ничему». Умственное развитіе учащихся находилось въ пеленкахъ, хотя по программамъ всѣ науки проходились прекрасно—отъ переплета до переплета. Авторъ замѣчаетъ, что какъ скоро все проходило, такъ скоро и забывалось, улетучиваясь изъ головъ, что ученики выходили изъ училищъ «съ запасомъ какой-то каши, которую они не могли положить ни въ какія житейскія кострюли».

«Не говоря уже о томъ, повѣтствуетъ далѣе нашъ авторъ, что ни одинъ ученикъ не умѣлъ написать не только прошенія, квитанціи или другой бумаги, но даже аттестата на адресномъ билетѣ, который нужно было выдать дворнику, кухаркѣ и прочей прислугѣ! Что же изъ того, что ученикъ научался читать, какъ попугай,—писалъ кое-какъ и съ цѣлою серіею ошибокъ, рѣшалъ задачу (по Буссе) на сложеніе, — такъ на сложеніе, — на дѣленіе — такъ на дѣленіе, но больше отъ него ничего не требуйте, ибо такъ гласятъ программы приходскихъ училищъ... Всѣ учебники заучивались почти наизусть. Воже сохрани, если бы какой-нибудь ученикъ, особенно по русской исторіи Устрялова, осмѣлился сказать нѣсколько словъ изъ другихъ источниковъ! Впрочемъ, такихъ смѣльчаковъ не существовало, и всѣ ученики жаждали за бессмысленную болтовню получить на публичныхъ экзаменахъ пятерочки, а тамъ хоть трава не расти!»

Если большинство шло въ приходскіе и сельскіе педагоги только изъ-за нужды, изъ-за куска хлѣба, на первыхъ же порахъ теряло энергію, охлаждвало къ преподаванію и, сѣтуя на свою безталанную долю, мечтало вырваться изъ каторжнаго ярма народнаго учителя, то авторъ записокъ представляетъ рѣдкое и счастливое исключеніе изъ этой арміи педагогическихъ невольниковъ, вѣчно-ропщущихъ рабовъ гнетущей нужды и мачихи-судьбы. Вотъ что говоритъ о себѣ авторъ записокъ: «Я пошелъ въ учителя по призванію; бывъ уже въ отставкѣ, не смотря на старческіе годы, живши лѣтомъ въ деревнѣ, любилъ съ дѣтьми бесѣдовать о разныхъ предметахъ, занимался съ ними нагляднымъ обученіемъ, ходилъ съ цѣлымъ эскадрономъ дѣтей въ лѣсъ за грибами, ягодами, ловить рыбу, купаться въ быстрой и неглубокой рѣчкѣ, которая протекала верстахъ въ двухъ отъ деревни. Утромъ, бывало, дѣтки уже поджидаютъ у калитки моего домика, гдѣ я нанималъ дачу съ однимъ окномъ въ огородъ; только выйду на дорогу, какъ они изъясняли свою радость, ядоровались, ластились ко мнѣ и спрашивали: «куда

я пойду съ ними?» Крестьяне и крестьянки, завидя меня съ дѣтьми, говорили: «вонъ учитель-забавникъ опять уведетъ до заката солнца парнишекъ на бесѣду въ лѣсъ, да поди, какъ они любятъ его! Вишь ты, какъ забавника терять, а онъ смѣется и приники раздастъ имъ! Да вонъ у забавника въ корзинѣ лежатъ хлѣбъ, булки и масло!» Я очень хорошо слышалъ о себѣ такіе пріятные отзывы, и еще болѣе радовался съ дѣтьми, и бѣгалъ на перегонку, а потомъ нарочно ложился на траву. Это очень веселило ихъ, они были въ восторгѣ, что я игралъ съ ними! Я былъ бѣднякъ, но любя дѣтей покупалъ на послѣдніе гроши разныя учебныя пособія и гостинцы. Вся деревня любила и уважала меня. Все прошло, все миновалось! Теперь я въ богадѣльнѣ, а, кажется, давно ли и у меня была розовая юность, надежды,—но все исчезло, какъ сонъ, и мнѣ остается умереть! Учатіеся любили меня и уважали; бывало, я ходилъ къ нѣкоторымъ бывшимъ моимъ ученикамъ, которые приглашали меня съ ласкою къ себѣ, вспоминали, что я училъ и обращался съ ними, какъ рѣдкій отецъ. Вотъ, юные учителя, что значить обращаться съ дѣтьми ласково, быть добрымъ, справедливымъ, взыскательнымъ, а иногда и строгимъ. Спустя слишкомъ 30 лѣтъ, бывшіе мои воспитанники, учившіеся у меня въ пансіонахъ, въ низшихъ, среднихъ гражданскихъ и военныхъ заведеніяхъ, съ радостію встрѣчали меня на дорогѣ и говорили: «правда, вы постарѣли и посѣдѣли, но такой же веселый и говорунъ! Вы старѣетесь тѣломъ, а ваша душа такая же юная, какъ и была!» Святая истина, думалъ, я и какъ отецъ на любящаго сына смотрѣлъ на бывшего своего ученика!

«Педагогическая дѣятельность, не смотря на терніи, привлекала меня и пробуждала къ себѣ чувство святого почтенія. Распространеніе грамотности казалось мнѣ дѣломъ, стоящимъ того, чтобы положить на него всѣ свои силы, лечь костями! Я знаю, что многіе подумаютъ: работать цѣлую жизнь и нищимъ умереть; но не надо при этомъ забывать, что *sumus siquae*. Я старался стоять въ ряду лучшихъ изъ нашей братіи. Мы не обращали никакого вниманія, что были изолированы, что иногда подъ сурдинку подсмѣивались надъ нами откормленные педагоги, что мы тратили молодыя силы даромъ и наши служебныя права не стоили грязной тряпки, пора бы намъ одуматься и бросить неблагодарную службу, правда, безотрадно намъ было служить, но мы утѣшали себя тѣмъ, что работали для народа. Многіе учителя не теряли надежды до могилы, что, можетъ быть, солнышко взойдетъ и бросить лучъ состраданія на забытыхъ тружениковъ...

«Я много работалъ, читалъ педагогическія сочиненія, даже самъ пробовалъ кое-что создать и читалъ свои рефераты въ педагогическомъ собраніи, которые хитрецамъ-учителямъ не нравились, начальство косилось, а большинство одобряло. Сослуживцы любили

меня, начальство уважало, какъ дѣльнаго и полезнаго дѣятеля, но я не умѣлъ подличать и тѣмъ вредилъ себѣ по службѣ. Я не унывалъ и мнѣ послѣ долгаго тяжкаго прозябанія повезло въ жизни. Я имѣлъ практику въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ частныхъ домахъ и пансіонахъ. Наконецъ, приобрѣлъ репутацію чловѣка, фактически преданнаго дѣлу, и эту репутацію свято несущу, пока смерть не прекратитъ мою неудавшуюся жизнь!»

Многострадальный идеалистъ учитель умеръ въ богадѣльнѣ, куда его опредѣлили бывшій ученикъ и тѣмъ спасъ отъ угрожавшей опасности—замерзнуть въ сыромъ и холодномъ углу, нанимаемомъ за рубль пятьдесятъ копѣекъ въ мѣсяцъ у вдовы-солдатки, послѣ долгихъ общаній сердобольныхъ начальниковъ. Авторъ записокъ, съ этимъ, вѣроятно, всякій согласится, въ приведенныхъ выше словахъ обрисовывается съ самой симпатичной стороны, какъ чловѣкъ беззащитно и страстно преданный своему дѣлу, безкорыстно и самоотверженно любящій его, работавшій ради пользы народа и въ этомъ находившій утѣшеніе среди, вѣроятно, часто посѣщавшихъ его минутъ безотраднана и горькаго раздумья надъ своей тяжелой, одинокой долей. По вступительнымъ главамъ записокъ, въ которыхъ авторъ предается многословнымъ печальнымъ размышленіямъ о судьбѣ народныхъ учителей, видно, что свои воспоминанія онъ писалъ послѣ долгаго тяжкаго страданія, что ему не хотѣлось воскрешать «далеко неотрадныя дни своей жизни, въ которыхъ, по словамъ автора, только иврѣдка мелькаетъ минутное счастье, какъ отблескъ печерней зарницы». Мы раясказали здѣсь все существовавшее и интересное въ томъ или другомъ отношеніи изъ вступительныхъ лирическихъ главъ, и теперь приводимъ почти цѣликомъ послѣднія, наиболѣе содержательныя главы записокъ.

I.

Судя, конечно, относительно, на свѣтѣ нѣтъ болѣе спокойнаго служебнаго мѣста, чѣмъ мѣсто штатнаго смотрителя. Въ мѣсяцъ разъ написать двѣ-три бумаженки въ дирекцію училищъ, выдать жалованье учителямъ и сторожамъ, настроичить съ грѣхомъ пополамъ ежемѣсячную вѣдомость о приходѣ и расходѣ училищной суммы, переписать къ концу учебнаго года годичный отчетъ о вѣренномъ его надзору училищъ съ древней копіи, переимѣнивъ только фамиліи учителей, количество учащихся, число, мѣсяцъ и годъ. Церѣдко подобною перепиской занимались если не учитель, какой-нибудь смотрительскій наперсникъ, то ученикъ III уѣднаго класса подъ руководствомъ трудолюбиваго штатнаго смотрителя. Вотъ и вся его тяжелая ученая дѣятельность. Больше отъ нѣкоторыхъ штатныхъ смотрителей ничего не ожидайте. Не думайте (я пишу

о штатныхъ смотрителяхъ давно умершихъ, которыхъ я зналъ хорошо, даже нѣкоторые изъ нихъ были моими ближайшими начальниками), чтобы они постоянно посѣщали ввѣренные имъ училища, строго слѣдили за успѣхами и нравственностью ихъ, присутствовали на урокахъ учителей; однимъ словомъ, старались бы о процвѣтаніи просвѣщенія. Казалось, что имъ до этого не было никакого дѣла. Большею частію сами учителя были единственными наставниками и наблюдателями педагогическаго дѣла, стараясь сохранять въ немъ порядокъ, строй и единство.

Смотритель же, любопытный субъектъ изъ недоучившихся семинаристовъ, нѣкто N, любилъ только пороть учениковъ десятками, приговаривая: «ну, ложись,—кто скорѣе—тому меньше!» При этомъ онъ наступалъ въ промежность между брюкъ ногою, а сторожъ Юрка отлично зналъ свое дѣло—жарилъ на славу до тѣхъ поръ, пока смотритель не изрыгалъ: «довольно!» и неизвѣстно почему улыбался. Экзекуція производилась на грязномъ полу въ классѣ или корридорѣ при всѣхъ ученикахъ класса и учителяхъ. Лупка носила совершенно семейный характеръ, и всѣ, какъ казалось, были довольны—ученики, учителя, а штатный смотритель N былъ просто въ восхищеніи. Послѣ экзекуціи онъ любилъ хвастаться и говаривалъ: «ничего, не рѣпу сѣять, пороли меня въ бурсѣ нещадно, да вотъ видите ли начальникомъ вашимъ сталъ и васъ учу умуравуму!» При этомъ, неизвѣстно отчего смѣялись учитель и ученики, смѣялся самъ N, раскрывши свой ротъ съ однимъ зубомъ, хихикалъ въ полусолдатской шинели мейстеръ Юрка. Послѣдній получалъ даже взятку отъ учениковъ, чтобы поролъ милосерднѣе. Ученики говорили, что у Юрки рука очень тяжелая, и долго поэтому не заживали запятыя на извѣстныхъ авалахъ. «Вотъ, бывало, сторожъ Андрюша, рассказывали мнѣ ученики, не сѣчетъ, а какъ-то пріятно щекотать, какъ будто мурашки бѣгаютъ по тѣлу!»—Этотъ Андрей ростомъ былъ почти въ сажень, служилъ въ гвардіи, былъ на Кавказѣ, получалъ тамъ георгіевскій крестъ за то, что убилъ пять черкесовъ, но былъ слабъ характеромъ, бралъ взятки съ учениковъ, что будетъ пороть ихъ легонько,—и былъ замѣченъ пучеглазымъ смотрителемъ, который упрекнулъ кавалера Андрея въ потворствѣ по службѣ, въ измѣнѣ присягѣ, за что и лишилъ его навсегда права пороть мальчугановъ; смотритель даже назвалъ этотъ поступокъ почему-то «вредными и заразительными пакостями» для училища.—Андрей расплакался, какъ пьяная баба на кладбищѣ, даже сталъ голосать, просилъ явить Божескую милость и простать; но смотритель былъ неумолимъ, даже хотѣлъ выгнать вонъ изъ училища, но все-таки простилъ безъ права порки, благодаря заступничеству смотрительской калмычкѣ-кухаркѣ.

Сторожъ Юрка прежде служилъ гдѣ-то въ интенданствѣ, бывалъ битъ и много разъ жестоко сѣченъ за несоблюденіе восьмой заповѣди.

Въ отставку старался отличиться передъ начальствомъ честностью и языкомъ, но нахально бралъ взятки съ учениковъ и поинтендантски надувалъ ихъ. Смотритель зналъ, что Юрка бралъ взятки, но и поролъ на славу; «да, такого молодца для порки не скоро сыщешь, говаривалъ смотритель, пусть его беретъ взятки съ мальчишекъ,—только помнилъ бы присягу!»

Смотритель изъ кутейниковъ въ карты не игралъ, не курилъ, табуку не нюхалъ, не пилъ, но не брезгалъ никакими приношеніями отъ родителей и родственниковъ учащихъся, казеннымъ пирогомъ былъ не обиженъ и былъ его всегда съ усмѣшкою, обладалъ такими маклаческими наклонностями, что всѣми правдами и неправдами успѣлъ накопить въ теченіе своей 50-тилѣтней службы болѣе 20 тысячъ рублей. Семейство его состояло изъ забитой и загнанной жены (окончившей курсъ въ Смольномъ институтѣ), дочери и сына. Часто смотритель любилъ намъ рассказывать, какъ онъ бѣгалъ нѣсколько разъ изъ семинаріи, за что былъ нещадно сбченъ розгами, исключенъ, наконецъ, съ позоромъ, какъ записной бѣгунъ и лѣтяй, былъ совершенно погибшій человекъ; но судьбы Божіи неисповѣдимы. Онъ какъ-то опредѣлился въ N дирекцію училищъ писаремъ, служилъ усердно (больше языкомъ и подслуживаньемъ), былъ сперва, благодаря протекціи директора, опредѣленъ учителемъ, а потомъ и штатнымъ смотрителемъ. Всѣ мы знали и были увѣрены, что ни одна наука не далась ему, да онъ и самъ не скрывалъ этого, а милое начальство за ветхостью и бездарностью не хотѣло почему-то уволить негоднаго старикашку, отчаяннаго сплетника и хапуна.—Впрочемъ, на экзаменѣ закона Божіи смотритель любилъ спрашивать учениковъ: «что прежде сотворено—видимое или невидимое?» Если же ученикъ говорилъ видимое, то нерѣдко подвергался поркѣ послѣ экзамена, когда у ученика были плохіе баллы и по другимъ предметамъ. При этомъ смотритель любилъ приговаривать: «мерзавецъ, ты долженъ всегда помнить, что ангелы Божіи прежде человека были сотворены Всевышнимъ Творцомъ! Вотъ и Юрка это знаетъ!»—«Точно такъ, ваше высокоблагородіе», отвѣчалъ, усмѣхаясь, училищный мейстеръ-инквизиторъ, державшій въ правой рукѣ отягченный букетъ изъ длинныхъ березовыхъ прутьевъ.

Разумѣется, были добросовѣстные штатные смотрителя, но они были рѣдки. Большинство этихъ замаскированныхъ дармоѣдовъ получало высшее домашнее образованіе или, недоучившись, убоясь бездны премудрости, сначала выдерживало экзамены при помощи сильныхъ міра сего, а то и вовсе не выдерживало (встарину все бывало возможно), и дѣлалось викариями негодными учителями. Сознавая въ душѣ, что избраннаго предмета они не знаютъ, боясь на службѣ, въ случаѣ пріѣзда страшнаго ученаго ревизора (а такіа таинственныя посѣщенія случались) выдержать начальническій

штормъ и быть выброшенными девятымъ валомъ на берегъ житейскаго моря, эти недоучки поскорѣе пристраивались на должности смотрителей; принявъ бразды правленія, они дѣлались сонями и лежебоками. Лежа на боку, они воображали, что приносятъ великую пользу отечеству, старались внушить это учителямъ, давъ, кромѣ того, понять, что они люди съ большимъ вѣсомъ, съ проекціею (большая часть ихъ хотя и считалась плебейскаго происхожденія, но на самомъ дѣлѣ была дѣтми любви привилегированнаго сословія) и поэтому могутъ своимъ подчиненнымъ учителямъ во всякое время напакостить самымъ мерзвѣйшимъ образомъ. Впрочемъ, такія недоучки съ хлестаковскими манерами заслуживали еще маленькое снисхожденіе. Но мнѣ случалось видѣть ученыхъ людей, которые признавали своими сослуживцами только тѣхъ, которые получили высшее образованіе (а такихъ въ то время служило въ дирекціи немного), а на прочихъ учителей они смотрѣли, какъ на негодную ветошь. Съ учеными штатными смотрителями я не служилъ, а мнѣ иногда случалось видѣть ихъ на совѣтахъ. — Нѣкоторые просвѣщенные начальники къ вѣщшему прискорбію общества чрезвычайно любили ябедниковъ-смотрителей; не разобравъ защиты бѣдныхъ учителей, — правы ли они или виноваты, — подобныя начальники дѣлали строжайшіе выговоры, или просто поручали ябеднику-смотрителю, чтобы такой-то учитель подалъ въ отставку, а то будетъ уволенъ безъ прошенія. Да если бы несчастный учитель задумалъ обратиться съ жалобой къ знаменитому попечителю с.-петербургскаго учебнаго округа Мусяну-Пушкину, то еще болѣе повредилъ бы себѣ.

Конечно, не всѣмъ учителямъ подобныя начальники могли дѣлать такіе подарки. Всегда была такая горсточка учителей, которыхъ трусило ближайшее начальство. Я помню такой фактъ. Начальникъ пригласилъ учителя къ себѣ на квартиру для объясненія по дѣламъ службы и вслѣдствіе наговоровъ предложилъ ему по нерадѣнію къ занятіямъ подать въ отставку. Учитель замѣтилъ: прежде чѣмъ подать въ отставку, я долженъ буду сказать отцу!

— А кто вашъ отецъ? — спросилъ начальникъ. Вѣроятно, онъ думалъ, что отецъ учителя какой-нибудь мѣщанинъ или ремесленникъ.

— Такой-то! отчеканилъ учитель.

Начальникъ вдругъ поблѣднѣлъ, протянулъ руку (а прежде не хотѣлъ дать и пальца), сталъ умолять и просить, чтобы учитель не говорилъ отцу. Тѣмъ дѣло и кончилось. Этотъ привилегированный учитель полублѣлой кости былъ моимъ одноклассникомъ и школьнымъ товарищемъ. Онъ былъ человекъ образованный, хорошій товарищъ, говорилъ на четырехъ языкахъ и проводилъ все свободное время у своего отца, который занималъ тогда одно изъ видныхъ мѣстъ въ государствѣ.

Нашъ смотритель N, о которомъ я еще буду говорить ниже, былъ страшнымъ фанфарономъ и любилъ въ разговорѣ обдуманно и тонко прорѣзывать собесѣдника-учителя, желая показать, что онъ личность незаурядная, а принадлежитъ къ привилегированному сословію и ведетъ знакомство со сливками общества, а не такъ какъ мы—со всякою голью и нолью.

Въиномъ его службы было подслушиванье въ корридорахъ у учительскихъ дверей; со всѣми учительскими кухарками онъ былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ, даже дѣлалъ имъ подарочки къ праздникамъ, чтобы они лучше шпионили про семейную жизнь своихъ господъ, и нерѣдко совалъ въ руки ихъ двугривенные за какое-нибудь сказанное лишнее слово учителемъ или пикантное происшествіе въ квартирѣ особенно холостого учителя, которому вздумалось бы въ святилище наукъ пригласить даму своего сердца. Смотритель берегъ цѣломудріе холостыхъ учителей, горѣлъ желаніемъ, чтобы всѣ они брали примѣръ съ Іосифа Прекраснаго и бѣгали отъ блудныхъ женъ Пентефрія. Смотритель любилъ молодымъ учителямъ читать душеспасительныя навиданія, но самъ, какъ рассказывали намъ земляки его, въ своей молодости былъ отчаянный поклонникъ Бахуса и Венеры, которая оставила ему, вмѣсто сувенира, какіе-то знаки отличія, отъ которыхъ онъ постоянно пилъ какой-то жизненный декоктъ собственнаго издѣлія. Пристрастіе въ поклоненіи Бахусу и Венерѣ смотритель, вѣроятно, наслѣдовалъ отъ своей родительницы. Какъ мы сейчасъ увидимъ, смотритель совершенно напрасно гордился своимъ аристократизмомъ, ибо этотъ аристократизмъ былъ совершенно случайный, и то только со стороны отца. Въ дѣйствительности же, онъ былъ сынъ какой-то чухонки, которая долго служила вѣрой и правдой старому штатскому генералу. Отъ этого сожительства чудомъ родился будущій смотритель; но чтобы прикрыть старческій грѣхъ и обезпечить до гроба вѣрную Пенелопу, чтобы пенсія не досталась казнѣ,—старикашка женился незадолго до смерти на Іоганнѣ Мартыновнѣ. Оставшись вдовою, она стала получать очень хорошую пенсію и прислугѣ строго было приказано, чтобы величать хозяйку «ваше превосходительство».—Она не знала грамоты; была очень толста, маленькаго роста, курносая, беззубая, съ громаднымъ ртомъ, длинными ушами, на которыхъ какъ и на носу, росъ какой-то рыжій мохъ; любила попивать водочку и дрей-мандеру; не смотря на старческіе годы, держала на содержаніи со стипендіею какого-то красавчика отставнаго гусарскаго юнкера, который подъ вліяніемъ винныхъ паровъ и воинственнаго азарта нерѣдко бивалъ ее и ставилъ подъ ея косыми глазами бутонъ-д'амуры. Вся плѣшивая, она носила рыжій шиньонъ, бѣлилась, румянилась и красила брови, какъ зоологическій клоунъ.—Скрывая свою безграмотность, она отговаривалась тѣмъ, что худо видитъ, просила своихъ знакомыхъ прочтатъ письмо или

присланную бумагу и росписаться за нее; даже за пенсіей ѣздила въ коляскѣ на своихъ рыженькихъ лошадкахъ съ какою-то красноносою салопницею, которая совершала въ казначействѣ всѣ операціи не хуже ученаго секретаря.—Всѣ ея знакомые, которыхъ она любила очень часто угощать, нарочно безпрестанно называли ее: «ваше превосходительство»; а были и такіе, которые въ пьяномъ видѣ поднимали выше и голосили: «ваше высокопревосходительство, ты наша мать и благодѣтельница!». Генеральша любила всѣхъ тыкать, она кричала, бранила горничную, кухарку, кучера и дворника, даже своихъ гостей, какихъ-то разношерстныхъ дармоѣдовъ и дармоѣдокъ, поднимала на нихъ кулаки, но ударить боялась—какъ бы кто изъ пьяной компаніи сдачи не далъ и тѣмъ на вѣки вѣковъ не обезчестилъ наштукатуренныя ланиты ея превосходительства.—Всѣ лавочники на рынкѣ знали, что она генеральша; даже сосѣди-будочники любили козырять ей, а нѣкоторые изъ шутниковъ становились передъ нею во фронтъ, надѣясь въ праздникъ получить отъ нея на табакъ. Генеральшѣ это очень нравилось, и она дѣйствительно щедро награждала будочниковъ, однакожъ, не было также ни отъ кого въ секретѣ, что покойный ея папа былъ истый чухонецъ, пріѣзжавшій каждое лѣто на лайбѣ изъ Финляндіи и продававшій у Никольскаго моста салаку и дрова.

Приходскіе учителя въ мнѣніи всемогущихъ смотрителей ничего не значили: послѣдніе считали себя въ дѣлѣ образованія головами, а учителей безсловесными животными. Одинъ косой взглядъ штатнаго смотрителя могъ угнать хотя и не въ нѣдра Сибири для изученія полярной географіи, а въ такой забытый городъ, тоже приходскимъ учителемъ, что долго будешь раскаиваться въ своей горячности и необдуманности. Если бы грубиянъ вздумалъ противорѣчить, его уволили бы въ отставку.—Кто же не зналъ, что начальство наѣзжало только для того, чтобы не стали громко говорить: училища совсѣмъ заброшены и никто носа туда не показываетъ. Такимъ образомъ, вся жизнь приходскихъ учителей зависѣла отъ каприза смотрителя, не говоря уже о другихъ начальникахъ, которые въ старое время увольняли учителей по наговору негодныхъ личностей или просто такъ. Педагоги-начальники относились къ намъ, паріямъ, съ нескрываемымъ презрѣніемъ, считая приходскаго учителя, повидимому шушерой, дрянью, ветошью и пр.—У такихъ ли начальниковъ можно было искать защиты, вниманія, заботливости?

Мудрено ли поэтому, что встарину учителя болѣе служили изъ-за чести, какъ офицеры въ гвардіи (все народъ былъ богатѣющей, у нѣкоторыхъ учителей даже подошвы на сапогахъ, по мѣткому выраженію какого-то остряка, были на камнеходѣ, платье плохое и засаленое!) Большая часть учителей строго придерживалась, какъ прославленные анахореты, знаменитаго устава св. Антонія, всѣ

были награждены прелестями петербургскаго климата, страдая всевозможными болѣзнями. Видъ они имѣли представительный только для кладбища, всѣ на подборъ были красавцы: блѣдные, зеленые, худые, съ провалившееся грудью, беззубые, плѣшивые, нѣкоторые напропалую кашляли и имѣли на щекахъ цвѣтущій чахоточный румянецъ.

II.

Теперь всѣ служащіе чиновники-педагоги носятъ усы и бороды, никто слова не смѣетъ сказать; въ сороковыхъ же годахъ было совсѣмъ не то. Попробуй-ка въ то время кто-нибудь изъ педагоговъ отростить усы, бороду или длинныя волосы, да и натолкнись на историческаго попечителя Мусина-Пушкина, такъ онъ такъ, бывало, распечетъ, что долго будешь помнить! Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ у военныхъ былъ гровою великій князь Михаилъ Павловичъ; по петербургскому же учебному округу гремѣлъ попечитель Мусинъ-Пушкинъ. На мою долю пришлось отъ попечителя четыре словесные выговора за ношеніе усовъ и длинныхъ волосъ.

До сихъ поръ я живо помню эту грозную фигуру съ Бѣлымъ Орломъ на шеѣ, со звѣздами на обѣихъ сторонахъ синяго, застегнутаго на всѣ шесть пуговицъ вицмундира, въ синихъ брюкахъ, въ высокостоящемъ черномъ атласномъ галстухѣ (извѣстные высокіе галстуки на щетинѣ, изобрѣтенные въ царствованіе Александра I первымъ военнымъ франтомъ Горголи) безъ признаковъ бѣлья, съ рѣдкими, гладкоподстриженными почти сѣдыми волосами на почти лысой головѣ, за исключеніемъ тщательно прилизанныхъ височковъ, начесанныхъ à la фельдфебель. «Стригись подъ гребенку, а франтить тебѣ, братецъ мой, нечего, бери примѣръ съ меня», такъ говаривалъ нерѣдко попечитель учителямъ. Густыя нависшія брови, черныя съ просѣдью, пронизательные каріе глаза, орлиный носъ съ горбомъ, отвислыя щеки и заостренный подбородокъ, являли въ немъ сходство съ старымъ коршуномъ. Лобъ и щеки были изборождены глубокими морщинами, голову держалъ онъ высоко, откинувъ назадъ, старался ходить величественно, какъ короли въ театрѣ, опираясь на свой знаменитый костыль. Брился онъ такъ что былъ виденъ млечный путь съ какимъ-то синеватымъ оттѣнкомъ на верхней губѣ, щекахъ и подбородкѣ. Вотъ портретъ моего бывшаго эксцентричнаго, очень вспыльчиваго, но иногда добрейшаго начальника.

Намъ еще въ гимназій учитель географіи рассказывалъ, что художникъ Дьяконовъ, впослѣдствіи мой сослуживецъ, желая снять портретъ съ Мусина-Пушкина, какъ-то сговорился съ попечительскимъ лакеемъ, чтобы онъ пустилъ его въ какую-то комнату, гдѣ

и ухитрился снять карандашомъ портретъ попечителя, да такъ удачно, что потомъ, послѣ отдѣлки, осмѣлился поднести ему свое произведеніе.

Попечитель былъ удивленъ, хотѣлъ было жестоко распечь дерзкаго художника, но мастерски-нарисованный портретъ понравился ему. Онъ промѣнялъ гнѣвъ на милость и, улыбаясь, долго распространялся о смѣлой продѣлкѣ художника.

— Счастливъ ты, что я не замѣтилъ тогда,—сказалъ онъ художнику,—а то я принялъ бы тебя за мошенника, да и своего лакея не пощадилъ бы. Вѣдь ты знаешь, что за такую дерзость я могъ бы уволить тебя въ 24 часа, даже сдѣлать тебя несчастнымъ, а лакея—просто приказалъ бы высѣчь на шѣвзжей!

Художникъ зналъ, что гроза прошла, кланялся и извинялся.

— Ты мастеръ рисовать, я прощаю тебя, но смотри, чтобы впредь этого не было. Я оставляю портретъ у себя!

Конечно, художникъ получилъ хорошее вознагражденіе. Много лѣтъ спустя этотъ портретъ былъ отпечатанъ и разосланъ во вѣренныя попечителю учебныя заведенія.

Никогда я не видалъ, чтобы попечитель протянулъ кому-нибудь руку изъ служившихъ подъ его начальствомъ. Какъ предсѣдатель цензурнаго комитета—и тамъ давалъ себя чувствовать, не стѣснялся въ выраженіяхъ, если невнимательный цензоръ пропускалъ что-нибудь въ вольномъ духѣ или рѣзкое выраженіе. Въ старое педагогическое время и то нужно было почестъ за великое счастье, если попечитель поговорить съ тобою ласково, да кивнетъ еще при встрѣчѣ головою, а про руку и говорить нечего; да никто изъ подчиненныхъ не смѣлъ и думать о такой неслышанной жертвѣ со стороны потомка бѣлой аристократической кости.

Первые три словесные выговора, сдѣланные мнѣ попечителемъ въ классѣ, какъ-то ступевались изъ моей памяти и прошли удачно. Я удивлялся, какъ онъ не уволилъ меня, только, помнится, сказалъ:

— Усы сбрей и не завивайся! Слышишь ли ты?

— Слышу и все будетъ исполнено, ваше превосходительство, что вы изволили приказать мнѣ.

— Ну, теперь прощай, да смотри у меня, не играй службою!—и вышелъ изъ класса.

Еще помнится, что послѣ третьяго словеснаго выговора, сдѣланнаго мнѣ попечителемъ, пришелъ ко мнѣ въ классъ послѣ отпуска воспитанниковъ знаменитый сплетникъ-смотритель N и сказалъ съ злорадствомъ:

— Что опять попались, и по дѣломъ, а вотъ я пойду къ директору, доложу, что г. попечитель удостоилъ своимъ посѣщеніемъ уѣздное училище и распеку васъ!

— Да онъ вовсе и не распеку, а только сказалъ, чтобы я сбрилъ усы!

— И это скажу, что вы осмѣлились сказать мнѣ, что не распеку, а сказалъ!

— Ступайте, жалуйтеся, еще что-нибудь прибавьте, вы вѣдь на это великій чревоушитель!.. Я не испугался, а вы такъ себя прекрасно поставили, что вашему наговору директоръ не повѣритъ!

— Вы еще вздумали мнѣ дерзости говорить! Нѣтъ, я не могу простить вамъ! Я имѣю знакъ отличія за XXX лѣтъ, а у васъ еще молочко на губахъ не обсохло! Погодите, будете помнить меня!— горячился и брызгалъ слюною во всѣ стороны ветхій старикашка-смотритель.

Отправляясь съ доносомъ, жалобою или свѣженъкою билетною на учителей, въ ненастное время года онъ бралъ съ собою древній красный зонтикъ, доставшійся ему отъ какого-то старца-протоіерея и маршировалъ къ Аларчину мосту, гдѣ жила особа на радость или несчастіе для всѣхъ служащихъ въ с. петербургской дирекціи училищъ; но начальство не обращало вниманія на эти доносы, извиняло старца, только удивлялось его безтактнымъ выходкамъ и кутейнической бравадѣ. Въ теченіе своей 72-лѣтней жизни онъ ни разу не нанялъ извозчика и совершалъ знаменитые походы къ директору по образу пѣшаго хожденія: очень жалко было тратить на извозчиковъ деньги, какъ онъ признавался самъ.

Директоръ, пріѣзжая въ училище, нерѣдко говаривалъ намъ:

— Вы, господа, только сердите старика-смотрителя, живите съ нимъ въ мирѣ.

Серьезныя жалобы на учителей директоръ разбиралъ самъ, творя судъ и расправу, или доносилъ о виновномъ учителѣ попечителю.

Вечеромъ въ тотъ же день, когда я получилъ третій словесный выговоръ отъ попечителя, и послѣ доноса на меня директору смотрителемъ, пришелъ ко мнѣ на квартиру училищный сторожъ Юрка съ разсылной книжкою и вручилъ мнѣ пакетъ. Я росписался въ полученіи, распечаталъ пакетъ и прочелъ давно знакомое всѣмъ: «такой-то учитель приглашается явиться къ г. директору въ такое-то число, мѣсяцъ и часъ для объясненій по дѣламъ службы». Часто подобныя посланія бывали роковыми.

Въ означенный день и часъ пришелъ я къ директору, по обыкновенію, долго дождался въ пріемной, наконецъ, вышелъ вѣчно улыбающійся толстякъ директоръ, протянулъ правую руку и сказалъ:

— Что, вы опять получили распеканку за усы отъ Михаила Николаевича?

— Виноватъ, Семенъ Семеновичъ, не успѣлъ побриться, а онъ, какъ на грѣхъ, и пріѣхалъ!

— Преподаваніемъ остался ли доволенъ?

— Похвалилъ, Семенъ Семеновичъ!

— Если за преподаваніе похвалили, то прощайте; пожалуйста, я прошу васъ, брейтесъ! И что за охота вамъ школьничать съ попечителемъ? Вы знаете, что все это можетъ очень скверно кончиться для васъ, да и меня вы поставите въ неловкое положеніе!

Я извинялся, кланялся, уходилъ, тѣмъ исторія и кончалась. На другой день мы встрѣчались въ училищѣ съ смотрителемъ какъ ни въ чемъ не бывало. Проходили мѣсяцы, распеканка позабывалась, и я опять щеголялъ въ усахъ и съ длинными волосами. Смотритель нарочно не дѣлалъ мнѣ замѣчанія, даже не доносилъ на меня директору. При случаѣ онъ всегда могъ вывернуться и сказать, что не только его, но и директора я не слушаюсь. Конечно, кутейникъ-смотритель все это дѣлалъ съ цѣлію, и душевно былъ бы радъ, если бы я опять попался въ усахъ попечителю, который выгналъ бы меня изъ службы.

Четвертый словесный выговоръ едва не кончился для меня несчастіемъ; но Богъ, директоръ и чтеніе «Клеветникамъ Россіи» спасли меня. Дѣло было въ глубокую осень. Сторожъ Юрка полуотворилъ дверь въ классъ и сказалъ тихо:

— Попечитель съ директоромъ пріѣхали.

Я струхнулъ порядкомъ, зачесалъ волоса за уши, но такъ какъ они вились у меня отъ природы, то и не слушались гребенки; а усы, какъ два доносчика картинно лежали на верхней губѣ и подсмѣивались надъ моимъ страхомъ.

«Мать Пресвятая Богородица,—подумалъ я,—спаси меня отъ приближающагося урагана!»

Я подошелъ къ шкафу и мнѣ какъ будто кто-то шепнулъ: возьми хрестоматію и прочитай: «Клеветникамъ Россіи»...

Вдругъ отворилась дверь въ классъ и вошелъ, сильно опираясь на костыль, попечитель, а за нимъ директоръ училищъ.

— Здравствуйте, дѣти!—громко сказалъ попечитель, покосился на меня и гроза блеснула на глазахъ его.

Моментально всѣ ученики встали и дружно гаркнули:

— Здравія желаемъ, ваше превосходительство!

Раньше я застегнулъ вицмундиръ на всѣ шесть пуговицъ, держалъ въ лѣвой рукѣ хрестоматію, отвѣсилъ низкій поклонъ попечителю и директору.

— Здорово, ты что тутъ дѣлаешь? спросилъ попечитель.

— Читаю стихотвореніе Пушкина «Клеветникамъ Россіи», ваше превосходительство!

— Читай!

Попечитель пошелъ, опираясь на костыль, и сѣлъ съ директоромъ на незанятую заднюю скамейку.

Время прошлое, я грѣшенъ, каюсь, что любилъ изучать слабыя струнки своихъ начальниковъ и отлично зналъ, что высокоуважаемый Михаилъ Николаевичъ любилъ слушать, когда кто хорошо

читалъ изъ учителей: Державина, Карамзина, Пушкина, Жуковского, Крылова и другихъ классиковъ.

Безъ фанфаронства, но я читалъ мастерски, нерѣдко получалъ личныя благодарности отъ начальства, а въ среднихъ, низшихъ учебныхъ заведеніяхъ и пансіонахъ ученики и ученицы называли меня отличнымъ декламаторомъ. Я учился декламации у знамени-таго въ свое время артиста Максимова 1-го, который по рекомендаціи и просьбѣ извѣстнаго табачника Жукова училъ меня даромъ. Максимовъ всегда оставался моимъ чтеніемъ доволенъ, хваля, какъ я читалъ извѣстныя стихотворенія, монологи изъ драмъ и комедій.

Мое сердце сильно билось, я зналъ, что моя служба виситъ на волоскѣ.

«Можетъ быть,—думалъ я,—Пушкинъ выручить!»; я не ошибся въ немъ и прочелъ мастерски.

Попечитель и директоръ остались очень довольны моимъ чтеніемъ, директоръ даже не вытерпѣлъ и позволилъ себѣ что-то тихо сказать попечителю, на что тотъ, вѣроятно, въ знакъ удовольствія кивнулъ головою и, посмотрѣвъ на меня, улыбнулся.

Я, раскраснѣвшись, смѣло смотрѣлъ на попечителя, ожидалъ своего приговора и думалъ: «погибать, такъ погибать!»

Попечитель громко сказалъ мнѣ:

— Спасибо, благодарю, точно актеръ, даже рукою куда-то указывалъ! Превосходно сказалъ:

«Есть мѣсто имъ въ поляхъ Россіи

«Среди не чуждыхъ имъ гробовъ!»

Я поклонился.

— Я служилъ офицеромъ въ Отечественную войну и отлично помню нашествіе французовъ на Россію,—сказалъ попечитель и всталъ.

Директоръ послѣдовалъ его примѣру.

Директоръ, стоя сзади попечителя, привѣтливо улыбался мнѣ, качалъ головою и показывалъ на усы. Я думалъ: «и ты, Врутъ, противъ меня».

— Что ты теперь будешь дѣлать?—спросилъ попечитель.

— Буду рассказывать ученикамъ, ваше превосходительство, по какому случаю было написано это стихотвореніе безсмертнымъ нашимъ поэтомъ Пушкинымъ, а потомъ буду объяснять всѣ непонятныя слова, встрѣчающіяся въ этомъ прекрасномъ произведеніи.

Я ждалъ, что скоро приблизится гроза, потому что предатели-усы не исчезли чудомъ, но картинно лежали на старомъ мѣстѣ. «Эхъ, думалъ я, была не была, не попросить ли позволенія у его превосходительства прочитать еще монологъ изъ Гамлета или не хватить ли еще изъ Пушкина:

«Истор. вѣстн.», августъ, 1888 г., т. XXXIII.

«Румяны щечки пожелтѣють,
«И черны кудри побѣлѣють,
«И старость выщиплетъ усы!»

Да вдругъ вспомнилъ, а что если попечитель разсердится, то и «Клеветникамъ Россіи» не спасутъ отъ увольненія.

— Хорошо, рассказывай! — И попечитель сталъ слушать стоя. Я рассказывалъ до тѣхъ поръ, пока не раздался колокольчикъ въ корридоръ, давая знать, что наступила перемѣна.

— Довольно, благодарю, хорошо! Дѣти, идите на перемѣну! — сказалъ попечитель.

Когда всѣ ученики ушли, попечитель подошелъ съ директоромъ къ окну и подозвалъ меня къ себѣ.

Я приблизился къ нему, замѣтилъ, что онъ нахмурилъ и сдвинулъ брови, что предвѣщало грозу. «Да будетъ во всемъ воля Господня», подумалъ я.

— Ты кто такой? — грозно спросилъ попечитель.

Я былъ убитъ горемъ и молчалъ.

— Я спрашиваю тебя: ты кто такой?

— Учитель, ваше превосходительство!

— Учитель, а развѣ учитель имѣеть право носить усы и длинные волосы въ завиткахъ? Ты вѣдь знаешь, что я былъ офицеромъ, да и то не имѣю права носить усовъ! Но, что ты на это скажешь, усачъ?

— Виноватъ, ваше превосходительство, едва сегодня не проспалъ на урокъ, не успѣлъ побриться и подстричь волосы.

— А зачѣмъ ты завиваешься, — вѣрно у тебя много денегъ?

— Я не завиваюсь, ваше превосходительство, они выюты у меня отъ природы; что же касается до денегъ, то осмѣливаюсь доложить вашему превосходительству, что скоро наступитъ зима, а у меня нѣтъ зимняго пальто!

Я былъ чувствителенъ и слезы невольно показались на глазахъ, но я поспѣшно ихъ вытеръ.

— Да ты дѣлалъ ли ему выговоры, чтобы онъ не носилъ усовъ и длинныхъ волосъ? — обратился попечитель къ директору, — ты вѣдь знаешь, что я терпѣть не могу, кто у меня изъ подчиненныхъ отступаетъ отъ высочайше утвержденного правила! А хорошъ ли онъ по службѣ?

— Прошедшій разъ я сдѣлалъ выговоръ ему, ваше превосходительство, но онъ, вѣроятно, по молодости лѣтъ и разсѣянности забылъ побриться и постричь волосы, но что же касается до службы, то вы, ваше превосходительство, изволили остаться чтеніемъ его довольны, а я осмѣливаюсь доложить, что считаю его однимъ изъ лучшихъ и опытныхъ учителей; душевно сожалѣю, что онъ живетъ въ крайней бѣдности и содержитъ больную мать, — сказалъ директоръ.

— Слышишь, любезный, какая тебѣ прекрасная похвала, а ты еще вдумалъ модничать—носить усы и длинные волосы!

Гроза уже проходила и изъ-за тучъ проглядывало солнышко.

— Какъ же ты думаешь о зимнемъ пальто? — спросилъ попечитель.

— Какъ-нибудь, ваше превосходительство, прохожу зиму. Никто какъ Богъ!

На сердитомъ и суровомъ лицѣ попечителя блеснула улыбка, онъ ласково взглянулъ на меня, видимо, ему стало жаль восемнадцатилѣтняго учителя, и онъ пожелалъ спасти меня отъ простуды, а, можетъ быть, и отъ смерти. Попечитель сказалъ:

— Я подумаю о твоёмъ зимнемъ пальто! Смотри же, сбрей усы, а не то я велю ихъ сбрить на барабанѣ! Слышишь?! Понимаешь?

— Понимаю, ваше превосходительство!

— За чтеніе спасибо, усовъ и длинныхъ волосъ смотри не носи,— и, выходя изъ класса, попечитель сталъ декламировать:

«Отъ финскихъ холодныхъ скалъ до пламенной Коллиды,

«Отъ потрясеннаго Кремля

«До стѣнъ недвижнаго Китая,

«Стальной щетиною сверкая,

«Не встанетъ русская земля?»...

.....

Черезъ нѣсколько времени я былъ обрадованъ приглашеніемъ явиться къ директору и получилъ отъ него 75 рублей, которые были переданы ему попечителемъ, чтобы я купилъ не только зимнее пальто, но и заказалъ бы вицмундиръ, брюки и сапоги, потому что мои доспѣхи были плохи, а на нихъ, какъ сказалъ директоръ, его превосходительство обратилъ вниманіе.

Къ зимѣ я купилъ пальто съ отличнымъ чернымъ собачьимъ воротникомъ, даже немножко напоядилъ его; сдѣлалъ новую синюю тройку, купилъ на Толкучкѣ сапоги съ галошами и лѣтъ на пять съ матерью былъ обеспеченъ въ платьѣ и во всякой всячинѣ. Благодаря поддержкѣ человѣколюбиваго начальника, въ хозяйствѣ прибавилось много посуды, даже былъ купленъ новый самоваръ; но на карманные часы не достало денегъ, и я щеголялъ съ отлично вычищеною мѣдною цѣпочкою, на которой былъ привѣшенъ ключъ отъ пустого письменнаго ящика. Я былъ бѣденъ, но молодъ, исправенъ, трудолюбивъ,—и попечитель наградилъ меня изъ своихъ собственныхъ средствъ (онъ былъ не богатъ), выдалъ мнѣ пособіе съ условіемъ, какъ мнѣ наказывалъ директоръ, чтобъ я никому не болталъ.

Многіе изъ моихъ сослуживцевъ при одномъ имени попечителя приходили въ ужасъ, но я нѣсколько разъ говорилъ съ нимъ безъ всякаго страха. Правда, за усы и длинные волосы мнѣ доставалось

порядкомъ, но я любилъ эту свѣтлую и безъ всякой фальши личность. Я не обращалъ вниманія на фельдфебельское его тыканье, а иногда и грубыя выраженія. Я зналъ, что онъ вслѣдствіе своего вспыльчиваго характера оборветъ, обидитъ жестоко, но никогда не уволитъ безъ причины. Боже сохрани, еслибы кто изъ подчиненныхъ вздумалъ возражать ему, тогда не жди пощады. Попечитель дѣлалъ и такъ: позоветъ жалующагося и обвиняемаго, разспроситъ въ подробностяхъ о всѣхъ обстоятельствахъ дѣла и, если увидитъ, что это интрига и наглая ложь начальника на подчиненнаго, то такого язычника, но выраженію попечителя, онъ увольняетъ въ 24 часа.

Побольше бы такихъ добросовѣстныхъ и справедливыхъ начальниковъ, а то большая часть изъ нихъ живетъ и служитъ только для себя и своихъ любимчиковъ.

Случалось, что попечитель пріѣзжалъ и на публичные экзамены въ наше училище. Такъ, однажды случилось, что Мусинъ-Пушкинъ нагрѣнулъ какъ свѣтъ на голову на экзаменъ исторіи. Все присутствующее ученое начальство перепугалось, а у учителя историческихъ наукъ душа ушла въ пятки.

Вызвали ученика III учебнаго класса, и учитель предложилъ взять билетъ. Ученикъ взялъ и прочиталъ: «Междоусарствіе».

— Ну, говори,—громко сказалъ попечитель.

Заиграли куранты и пошелъ ученикъ валять по Устрялову.

— Довольно! скажи ты мнѣ—какое правленіе въ Россіи?

Ученикъ не растерялся, но невнятно и тихо сказалъ «неограниченное».

— Врешь ты, правленіе въ Россіи всегда было неограниченное!—сказалъ попечитель.

Учитель былъ блѣденъ, но не сробѣлъ и громко сказалъ:

— Имѣю честь доложить вашему превосходительству, что ученикъ такъ и отвѣтилъ, какъ вы изволили сказать.

— Если такъ, то пусть по твоему!

Будь попечитель не въ духѣ, ураганъ разразился бы надъ бѣднымъ учителемъ, но Богъ спасъ.

— Когда Рюрикъ вступилъ на престолъ и сколько лѣтъ княжилъ?—спросилъ попечитель того же ученика.

Всѣ ученики знали хронологію по Явлинскому хорошо и ученикъ громко, даже речитативомъ пробарабанилъ:

— Рюрикъ вступилъ на престолъ въ 862 г. и княжилъ 17 лѣтъ!
— Хорошо, иди на мѣсто!

И попечитель велѣлъ поставить ученику пять.

Учителя держали ухо востро, знали всѣ любимые вопросы попечителя и изучили ихъ отъ доски до доски.

Былъ и другой случай на публичномъ экзаменѣ, гдѣ отъ попечителя порядкомъ досталось на орѣхи учителю историческихъ

наукъ; даже лежащій на столѣ въ числѣ вещественныхъ документовъ Устряловъ не могъ выручить учителя.

— Ты, братъ, меня не учи,—говорилъ попечитель,—не указывай на Устрялова: я самъ изучалъ исторію, лично участвовалъ въ Отечественной войнѣ, а ты тогда еще и не родился!

Учитель стоялъ какъ приговоренный къ смерти и думалъ: «ты прости-прощай училище и вмѣстѣ съ нимъ не село родное, а моя служба!» Попечитель строго посмотрѣлъ на учителя, который былъ взволнованъ, спросилъ фамилію, — тѣмъ дебаты и кончились, но будь онъ не въ духѣ — не одобровать бы учителю.

Всѣ знали, что болѣе всего попечитель любилъ спрашивать учениковъ про царствованіе Александра Благословеннаго. Учителя даже приносили въ классъ знаменитаго историка Михайловскаго-Данилевскаго, раскладывалась карта Бородинской битвы и изучались мѣста со всѣми деталями. Конечно, не были забыты Тарутино, Малый Ярославецъ и другія замѣчательныя битвы российскихъ войскъ. Ученики заучивали всѣхъ отличившихся генераловъ въ этой битвѣ, даже знали полкового командира, гдѣ служилъ попечитель и былъ раненъ. Былъ даже такой историческій учитель, который просилъ директора училищъ, чтобы онъ позволилъ ему обратиться къ попечителю съ такимъ привѣтствіемъ, отвѣчая на вопросъ — какой подвигъ совершилъ его превосходительство въ Бородинской битвѣ: бывъ раненъ въ кровавой сѣчѣ, оросивъ священное поле своею благородною кровью, вынесенъ съ поля битвы вѣрными усацами-войнами, которые, видѣвъ храбрѣйшаго изъ храбрыхъ жестоко раненымъ, истекающимъ кровью, проливали горячія слезы, капавшія на сѣдые усы...

— Витіевато вы говорите, — сказалъ директоръ, — но все это пустяки, и я совѣтую вамъ лучше не выходить изъ рамокъ преподаванія и не ѣсть всякой дряни, особенно луку, когда идете въ классъ! Извините, мнѣ даже противно съ вами разговаривать и нюхать трущобный букетъ Сѣнной площади, а прійдетъ попечитель, тогда не только-что удалить изъ службы за такой специфическій запахъ отъ васъ, но и я получу выговоръ, какъ виновникъ распространенія зловонія. Бросьте эту дурь, полощите ротъ фіалковымъ корнемъ и чаще ходите въ баню!

Послѣ учитель рассказывалъ намъ, что директоръ обидѣлъ его, коснулся тайныхъ струнъ его сердца, даже будто хотѣлъ заглянуть въ тайникъ души его; «но я, — говорилъ онъ намъ, — рѣшительно не виноватъ въ томъ, что люблю натошакъ отъ юности моей ѣсть разные злаки, отъ которыхъ при разложеніи изъ рта пахиваетъ природными газами!» Всѣ мы подсмѣивались надъ нимъ, въ глаза называли его хорькомъ, но онъ и не думалъ сердиться! Впослѣдствіи онъ сталъ сильно понивать, былъ уволенъ и умеръ гдѣ-то подъ заборомъ.

Много улетучилось изъ головы, но помню, что на публичномъ экзаменѣ со слезами на глазахъ, послѣ разсказа ученика объ Отечественной войнѣ, попечитель всталъ съ кресель и началъ самъ повѣствовать, какъ былъ раненъ князь Багратионъ, какъ не наши послѣ сраженія трупа графа Кутайсова, а только лошадь его съ окровавленнымъ сѣдломъ прибѣжала въ станъ. Долго и много говорилъ попечитель Мусинъ-Пушкинъ о герояхъ двѣнадцатаго года и закончилъ словами: «въ Возѣ почившій императоръ Александръ Благословенный спасъ всю Европу отъ ига Наполеона!»

Все ученое начальство, учителя, учащіяся, родители, родственники ихъ и всѣ присутствующіе на публичномъ экзаменѣ, стояли опустивъ глаза долу и съ замираніемъ сердца слушали медорѣчивое, трогательное повѣствованіе старца-инвалида. Было много и плакавшихъ. На публичныхъ экзаменахъ попечитель постоянно сидѣлъ долго, любилъ публично похвалить, но и на выговоры не скупился.

Изъ задачъ онъ болѣе любилъ военные, въ которыхъ осаждались крѣпости и при этомъ сколько во время осады или битвы было убито генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, солдатъ, сколько было ранено; не забывались даже и лошади, сколько было израсходовано пороху, ядеръ и прочей военной закуски, сколько осталось въ строю. По рѣшенію всегда выходило такъ, что убитыхъ непріятелей было больше, чѣмъ россіянъ. Попечитель не любилъ, чтобы убитые были представлены въ десятичныхъ дробяхъ.

— Ты выведи мнѣ рѣшеніе въ простыхъ числахъ, — говорилъ попечитель учителю, — вѣдь изъ присутствующихъ на экзаменѣ многіе не изучали десятичныхъ дробей, они и знать поэтому не будутъ сколько въ битвѣ убито русскихъ и сколько враговъ!

Приказаніе въ точности исполнялось.

Попечитель и всѣ присутствовавшіе на экзаменѣ оставались довольны, что малютки-ученики рѣшали такія головоломныя задачи, и главное, что даже въ задачахъ наша армія одерживала побѣды, убитыхъ и раненыхъ была бездѣлица, за то съ непріятельской стороны все бранное поле было усѣяно убитыми и ранеными!...

III.

Много лѣтъ прошло съ того времени, какъ я видѣлъ бывшаго министра народнаго просвѣщенія князя Ширинскаго-Шихматова; но эта симпатичная личность произвела на меня такое глубокое впечатлѣніе, что я до сихъ поръ не могу забыть этой встрѣчи.

Въ началѣ пятидесятихъ годовъ я служилъ въ N уѣздномъ училищѣ; во время большой перемѣны моя обязанность была разъ въ недѣлю дежурить и смотрѣть за учениками. Дежурство продолжа-

лось около часа. Въ корридорѣ, ниже часовъ и рядомъ съ росписаніемъ уроковъ, было вывѣшено объявленіе, что «никто не имѣетъ права безъ позволенія начальства посѣщать и осматривать уѣздное училище». Осенью, года не помню, я былъ дежурнымъ, разгуливалъ по корридору, заглядывалъ въ классы, чтобы ученики шумѣли потише: шелъ дождь, и они не были отпущены играть на дворъ. Въ нашемъ училищѣ было много учащихся и оно ставилось какъ образцовое. Шуму и крику было вдоволь, приходилось смотрѣть въ оба, чтобы ученики не сочинили мамаево побонце и не пошли бы въ походъ классъ на классъ, чтобы потомъ устроить соборную свалку со всѣми запасными резервами. Впрочемъ, у насъ вмѣсто осадной артиллеріи противъ полководцевъ и храбрыхъ джигитовъ было страшное 1½ аршинное орудіе — розги, такъ долго повелѣвавшія въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ не только на страхъ лѣтянямъ и шалунамъ, но и на страхъ тѣмъ, которые осмѣливались быть дерзкими, непослушными, неблагонамѣренными, неоднократно замѣченными въ куреніи Жукова табаку изъ своихъ маленькихъ трубочекъ.

Внизу у парадной лѣстницы училища былъ дежурный сторожъ. Смотрю, кто-то въ черномъ пальто, съ зонтикомъ и цилиндромъ въ рукѣ поднимается по лѣстницѣ, а свадя его сторожъ Юрка. Вошедшій на площадку корридора не представлялъ ничего начальническаго и походилъ на многихъ изъ тѣхъ посѣтителей, которыхъ мы привыкли встрѣчать почти ежедневно, т. е. родителей или родственниковъ учащихся въ уѣздномъ училищѣ.

Посѣтитель былъ небольшого роста, не худъ, волоса съ просѣдью, рѣдкіе и гладко причесанные, глаза онъ имѣлъ каріе и говорилъ тихо. Пальто его было застегнуто на всѣ пуговицы.

Я подошелъ къ вошедшему, который стоялъ на площадкѣ корридора и пристально смотрѣлъ на меня.

На поклонъ его я поклонился и спросилъ:

— Что вамъ угодно и съ кѣмъ имѣю честь говорить?

— Я желалъ бы осмотрѣть училище и послушать преподаваніе, — сказалъ незнакомецъ.

— Безъ позволенія начальства осматривать училище и слушать преподаваніе никто не имѣетъ права: неудобно ли вамъ прочесть объявленіе, которое въ трехъ шагахъ висѣло отъ насъ.

— Зачѣмъ читать, я вѣрю; а развѣ вы не знаете меня молодой человѣкъ?

— Не имѣю чести знать!

— А гдѣ я могу снять пальто?

— Всѣ мы служащіе и посѣтители снимаютъ пальто въ этомъ корридорѣ и кладутъ на перила лѣстницы.

— Такъ позволите снять пальто?

Я поклонился и сказалъ сторожу:

— Сними пальто!

Юрка сталъ снимать пальто, а я съ удивленіемъ смотрѣлъ на незнакомца. Юрка снялъ пальто, положилъ его на перила, а вонтикъ на лавочку, которая помѣщалась около перилъ. Я увидѣлъ, что незнакомецъ былъ въ синемъ вицмундирѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы и съ двумя звѣздами!..

Въ это время во II уѣздномъ классѣ стали кричать и кто-то зашпакать.

Я извинился передъ незнакомцемъ, побѣжалъ въ классъ творить судъ. Записавъ подсудимыхъ, я, возвратясь, сказалъ:

— Позвольте узнать съ кѣмъ я имѣю удовольствіе говорить?

— Я министръ народнаго просвѣщенія и послѣ обѣдни зашелъ, чтобы осмотрѣть и послушать преподаваніе въ училищѣ!

Я не испугался, какъ гоголевскій городинчій, и не сталъ произносить: ва... ва... ва... а предложилъ:

— Не угодно ли вашему сіятельству, такъ какъ до начала уроковъ осталось три четверти часа, осмотрѣть классы и бібліотеку?

— Хорошо, идите и показывайте,—сказалъ министръ.

Вмигъ всѣ воспитанники узнали, черезъ другого сторожа Андрея (нѣкоторые же сами замѣтили, что какой-то важный начальникъ со звѣздами разговариваетъ со мной), что пріѣхалъ министръ народнаго просвѣщенія, князь П. А. Ширинскій-Шихматовъ.

Ученики быстро разбѣжались по классамъ, съ любопытствомъ стали разсматривать министра и кланяться ему, а онъ привѣтливо отвѣчалъ имъ и говорилъ:

— Здравствуйте, дѣти, здравствуйте!

Моментально онъ произвелъ на всѣхъ учениковъ симпатичное впечатлѣніе, и на него уже съ любовью смотрѣли, какъ дѣти на добраго отца. Да онъ и всегда былъ такимъ для ближнихъ.

Министръ былъ удивленъ, что ученики перестали шумѣть, воизвѣсть, кричать, и спросилъ меня:

— Развѣ перемѣна кончилась?

— Нѣтъ еще, но изъ глубочайшаго уваженія къ вашему сіятельству они сами не желаютъ своимъ крикомъ беспокоить васъ— и притихли.

— Похвально, похвально, что ваши ученики ведутъ себя такъ примѣрно.

Я поклонился. Мы обошли всѣ классы, нѣкоторыхъ учениковъ министръ спрашивалъ,—давно ли они учатся, сколько имъ лѣтъ и кто ихъ родители.

Министръ осмотрѣлъ бібліотеку и спросилъ сколько въ ней названій и книгъ, на сколько выписывается и кто завѣдуетъ бібліотекой?

Я доложилъ министру, что завѣдую я и рассказавъ ему со всѣми деталями все то, о чемъ было угодно министру спросить меня.

Министръ остался доволенъ моими отвѣтами и благодарилъ за отличный порядокъ въ библиотекѣ. Министръ, увидѣвъ учителей въ корридорѣ, которые кланялись ему, поклонился имъ и каждого спросилъ, что онъ преподааетъ.

Смотритель отсутствовалъ и, вѣроятно, собиралъ сплетни во вѣреннѣхъ ему другихъ училищахъ.

Министръ посмотрѣлъ на часы, велѣлъ подать пальто и сказалъ:

— Жаль, что я не имѣю болѣе времени быть въ училищѣ, но благодарю васъ, господа, что я нашелъ N уѣздное училище въ отличномъ порядкѣ и вамъ, обращаясь ко мнѣ, приношу мою личную благодарность за отличный порядокъ въ библиотекѣ и за то, что вы буквально исполняете предписаніе начальства, не смотря на ваши очень молодые годы, такъ энергично относитесь къ обязанностямъ службы!

Я низко поклонился.

Министръ удостоилъ дать мнѣ руку.

— Прощайте, гг. учителя,—сказалъ министръ, поклонился имъ, учителя сдѣлали тоже, и стали спускаться съ лѣстницы.

Какъ дежурный, я проводилъ министра до парадныхъ дверей, которыя были отворены настежь, и двое сторожей стояли по обѣимъ сторонамъ ихъ.

При прощаніи министръ еще разъ удостоилъ дать мнѣ руку и сказалъ:

— Прощайте, молодой человѣкъ, я не забуду васъ!

Часа черезъ полтора пришелъ въ училище смотритель, узналъ, что я занимаюсь въ библиотекѣ, прибѣжалъ туда и сталъ кричать:

— Да какъ вы смѣли не знать министра народнаго просвѣщенія Платона Александровича князя Ширинскаго-Шихматова, теперь ужъ вамъ не сдобровать и г. попечитель непременно уволитъ васъ въ отставку. Я побѣгу сейчасъ къ г. директору и расскажу все! Не ожидайте отъ васъ такого пассажи!—горячился смотритель и брызгалъ слюною.

Я смотрѣлъ съ презрѣніемъ на эту педагогическую сороконожку, улыбался и сказалъ ему:

— Вы кричали на меня, говорили чепуху, я прощаю вамъ потому, что вы невѣжа, извѣстный сплетникъ и давно страдаете разжиженіемъ мозга! Идите жаловаться хотя къ самому багдадскому халифу и не мѣшайте мнѣ работать!

— Я донесу на васъ рапортъ, милостивый государь, что вы обидѣли меня, посылали жаловаться къ какому-то багдадскому пирожнику, разговаривали со мною сидя, когда я ближайшій вашъ начальникъ, штатный смотритель и коллежскій ассесоръ стоялъ предъ вами! Я буду искать защиты у правосудія!—кричалъ на меня смотритель.

— Вы еще не заслужили, чтобъ я предъ вами стоялъ,—идите и жалуйтесь кому вамъ будетъ угодно!—сказалъ я.

Смотритель побѣжалъ въ другія училища къ своимъ знакомымъ и забилъ тревогу, что будто бы я нарочно не хотѣлъ пустить министра въ училище, обидѣлъ штатнаго смотрителя, назвавъ его багдадскимъ пирожникомъ, даже хотѣлъ нанести оскорбленіе дѣйствию и осмѣлился сидѣть передъ своимъ ближайшимъ начальствомъ!

Никто не вѣрилъ его редакціи, и только удивлялись, что онъ лжетъ хуже Нодрева, а занимаетъ ученый постъ!

У смотрителя вышло изъ памяти всѣвшее на стѣнѣ правило, что никто не имѣетъ права посѣщать и осматривать училище, на которое и указывали всѣ учителя, «а не выдавши отъ роду, — говорили они, — министра, невозможно въ каждомъ приходнемъ въ училище видѣть высокопоставленное лицо!» Вразумить обезумѣвшаго смотрителя было невозможно. Онъ твердилъ всѣмъ и каждому, что «я долженъ былъ знать министра» (вѣроятно, по откровенію свыше) и что онъ не багдадскій пирожникъ, а государю своему коллежскій ассесоръ!

Привѣжали ко мнѣ учителя нарочно узнать, что сія опера-буффъ сплетника смотрителя значить?!

— Будьте терпѣливы, — говорилъ я любопытнымъ, — время покажетъ виновать ли я или нѣтъ!

Вечеромъ пришелъ ко мнѣ на квартиру сторожъ Андрей съ разсыльною книгою, въ которой лежалъ пакетъ на мое имя. Я расписался, распечаталъ пакетъ и прочиталъ: «завтра, въ 8 часовъ утра, явиться по дѣламъ службы къ г. директору, съ которымъ я долженъ буду вѣхать къ его превосходительству г. попечителю с.-петербургскаго учебнаго округа М. Н. Мусину-Пушкину».

Ну, думалъ я, быть худу, быть бѣдѣ, сокрушайся сердце, когда языкъ не смѣетъ говорить!

На другой день, еще не было 8 часовъ утра, какъ я уже пришелъ къ директору, который ожидалъ меня съ нетерпѣніемъ, отворилъ мнѣ самъ парадную дверь, повелъ въ кабинетъ, просилъ сѣсть и рассказать со всѣми деталями посѣщеніе училища министромъ народнаго просвѣщенія.

«Эхъ, думалъ я, глядя на блѣдное лицо директора, какого онъ страха и на тебя бѣднаго нагналъ, а все виновать изъ ума выжившій смотритель!»

Я рассказавъ. Директоръ попотчивалъ меня папирскою и сказалъ:

— Все это прекрасно, но развѣ вы прежде никогда не видали министра народнаго просвѣщенія?

— Нѣтъ, не видѣлъ!

— Очень жаль, — сказалъ директоръ.

«Чтожь онъ жалѣеть? Эдипъ, разръши!» подумалъ я.

— Впрочемъ, пора, поѣдемте къ попечителю, я не знаю, какъ онъ на это даже взглянетъ! Ахъ, Боже мой, Боже мой! — проговорилъ печально директоръ.

— Мнѣ бояться нечего, Семень Семеновичъ, — сказала я директору, — тѣмъ болѣе, что министръ остался мною доволенъ!

— Дай Богъ, чтобы все окончилось къ лучшему, я буду очень радъ, поѣдемте, — сказалъ директоръ.

Мы вышли на улицу, наняли извозчика и поѣхали къ грозному судѣ.

Надобно замѣтить, что въ то время фотографіи еще не существовало, а изъ литографированныхъ портретовъ былъ одинъ — бывшаго министра народнаго просвѣщенія графа Уварова, да и тотъ уже не красовался на стѣнѣ въ библіотекѣ, не приводилъ никого изъ учителей въ страхъ и трепеть, а, какъ отставной, мирно покоился въ библіотечномъ шкафу и дожидался съ сокрушеннымъ сердцемъ, что вотъ скоро наступитъ то время, когда изображеніе его вынется изъ золоченой рамки и будетъ переплетчикомъ вставленъ литографированный портретъ новаго министра..

Наконецъ, мы пріѣхали, вошли въ квартиру попечителя и стали дожидаться въ пріемной.

Сейчасъ доложили о насъ, потому что попечитель ожидалъ меня съ нетерпѣніемъ. По уходѣ очереднаго просителя, вышелъ лакей и попросилъ директора къ его превосходительству. Я остался и слышалъ, какъ попечитель кричалъ на кого-то и хотѣлъ выгнать вонъ.

Вѣроятно, меня, подумалъ я.

— А учитель здѣсь? — громко спросилъ онъ у директора.

— Въ пріемной, ваше превосходительство!

— Позвать его!

Отворились двери, и лакей сказалъ мнѣ.

— Пожалуйте къ его превосходительству!

Оставшіеся въ пріемной педагогическіе калѣки, убогіе просители и просительницы съ жалостію посмотрѣли на меня, а какая-то ветхая и убитая горемъ старушка со слезами на глазахъ проговорила вслѣдъ мнѣ:

— Вѣдны молодой человекъ!

«Да, подумалъ я, плачь и молись, горемычная старушка, можетъ быть, твоя молитва обо мнѣ дойдетъ до Бога!..»

Я перекрестился и подумалъ: «да будетъ во всемъ Твоя святая воля!»

Я вошелъ въ кабинетъ, гдѣ за длиннымъ письменнымъ столомъ сидѣлъ грозный и лютый попечитель, въ застегнутомъ вицмундирѣ, со звѣздами, съ Бѣлымъ Орломъ на шеѣ, который, какъ и хозяинъ его, свирѣпо смотрѣлъ на меня, а звѣзды на вицмундирѣ какъ будто мигали и ласково шептали мнѣ: «не бойся, голубчакъ!»

Директоръ стоялъ у стола въ застегнутомъ вицмундирѣ и былъ очень блѣденъ.

Я поклонился.

— Здорово, и какъ ты смѣлъ не пустить министра въ училище, отвѣчай!—грозно сказалъ попечитель, нахмуривъ брови и свирѣпо посмотрѣвъ на меня.

— Я не зналъ, что этотъ посѣтитель былъ министръ народнаго просвѣщенія, а потому не могъ позволить осмотрѣть училище согласно циркуляру вашего превосходительства, въ которомъ объявлено, что никто не имѣетъ права безъ дозволенія начальства посѣщать и осматривать училища,—отчеканилъ я, нисколько не оробѣвъ и смѣло глядя въ глаза вспыльчивому, но добрыйшему начальнику.

— За кого же ты принялъ министра?

— Я принялъ его, ваше превосходительство, за обыкновеннаго посѣтителя и думалъ, что онъ пришелъ въ училище для того, чтобы отдать сына или справиться, какъ учатся дѣти его!

— Ну, вѣдь ты могъ узнать по костюму и звѣздамъ, что это государственная особа?

— Пальто было застегнуто, одѣтъ былъ очень просто, ваше превосходительство, а потому я и не подозрѣвалъ, что это государственная особа!

— Пстой, пстой, а какъ же ты послѣ узналъ, что посѣтитель былъ министръ?

— Когда посѣтитель, ваше превосходительство, снялъ пальто, я увидѣлъ, что на немъ былъ надѣтъ синій вицмундиръ съ двумя звѣздами, и онъ сказалъ мнѣ:—Я министръ народнаго просвѣщенія и послѣ обѣдни зашелъ, чтобы осмотрѣть училище.

— А портретъ министра есть въ училищѣ?

И попечитель, видимо, сталъ дѣлаться веселѣе.

— Нѣтъ, ваше превосходительство!

— Чтожъ, министръ остался доволенъ осмотромъ училища? Вѣдь я знаю тебя, что ты большой мастеръ говорить!—и ласково посмотрѣлъ на меня.

Я улыбнулся и рассказалъ подробно пріѣздъ министра въ училище и заключилъ, что министръ поблагодарилъ всѣхъ учителей за отличный порядокъ въ училищѣ и что я удостоился получить отъ него личную благодарность за библиотеку и за то, что буквально исполнилъ предписаніе начальства; «и не смотря на ваши молодые годы», сказалъ мнѣ министръ, «вы такъ энергично относитесь къ обязанностямъ службы», и на прощаніи удостоилъ еще подать мнѣ руку и сказалъ, что «не забудетъ меня!»

— Смотри, сегодня я буду у министра и все узнаю!

— Тѣмъ лучше будетъ для васъ, ваше превосходительство, что вы имѣете подъ своимъ начальствомъ такого исправнаго учителя.

— Да, ты правъ! Я сознаюсь, что разсердился понапрасну на тебя; душевно благодарю, что министръ остался доволенъ учил-
цемъ и радуюсь, что онъ далъ тебѣ руку! Это, братъ, такая вели-
кая честь для учителя, которой не всякій удостоится!

Я поклонился.

— Прощай! иди,—нѣтъ, постой! А ты въ усахъ встрѣтилъ ми-
нистра?

Я замѣтилъ, что попечитель очень развеселился (что было съ
нимъ рѣдко), да и у директора пропала блѣдность.

Онъ сталъ весело смотрѣть на меня и улыбаться.

— Послѣ выговора вашего превосходительства усы перестали
рости у меня!

— Отчего же они перестали рости?—спросилъ, смѣясь, веселый
начальникъ.

— Отъ страха, который угодно было сдѣлать вашему превосхо-
дительству моимъ усамъ, чтобы они болѣе не смѣли рости.

Онъ такъ громко сталъ смѣяться, какъ гоголевскій генералъ
Бетрищевъ, а директоръ хихикалъ тихонько, какъ подобаетъ под-
чиненному, закрывая ротъ платкомъ. Я же по чину могъ только
улыбаться, и душевно былъ радъ, что удалось мнѣ развеселить
почти постоянно угрюмага начальника.

— Иди, прощай, еще разъ благодарю тебя!—сказалъ попечи-
тель и всталъ съ кресель.

Я зналъ, что ураганъ разнесся, солнышко бросило свѣтлый лучъ
на меня, природа освѣжилась, директоръ, какъ тюльпанъ, привѣт-
ливо кивалъ мнѣ головой, и я даже почувствовалъ, что въ каби-
нетѣ запахло фиалками, а не прежнимъ специфическимъ запахомъ:
«выгоню вонъ»!

«Надобно, думалъ я, воспользоваться геніальнѣйшею мыслью—
попросить пособіе! Можетъ быть, клюнетъ: тѣмъ болѣе, что попе-
читель былъ въ прекрасномъ расположеніи духа и не откажетъ».

Я стоялъ на одномъ мѣстѣ.

— Ты чего дожидаясь?—И онъ подошелъ ко мнѣ.

— Осмѣливаюсь доложить вашему превосходительству, что край-
няя нужда заставляетъ меня обратиться съ покорнѣйшей просьбой
о выдачѣ мнѣ единовременнаго пособія. Въ прошедшемъ мѣсяцѣ я
подавалъ просьбу г. директору, но мнѣ было отказано за неимѣ-
ніемъ денегъ.

Вообще, этотъ директоръ имѣлъ вячій характеръ, заботился
только о себѣ и о своихъ любимчикахъ, а представлять другихъ
къ наградамъ какъ-то позабывалъ.

— Скажите, пожалуйста, какая смѣлость?—обратился попечи-
тель къ директору.

Директоръ ничего не могъ отвѣтить, а только опять поблѣднѣлъ
и сталъ пристально смотрѣть на меня.

— Вы мой отецъ и начальникъ, а потому я и осмѣлился обратиться къ вамъ, ваше превосходительство, что я съ большою матерью положительно нахожусь въ самомъ крайнемъ и безотрадномъ положеніи! Одна надежда на ваше человѣколюбивое вниманіе!

Мои слова опять тронули попечителя и онъ сказалъ:

— Вѣрю, и мнѣ жаль тебя, но въ министерствѣ, любезный, денегъ нѣтъ; а, впрочемъ,—весело посмотрѣлъ и взялъ меня за подбородокъ,—если я найду возможность, то такому хорошему учителю не откажу, и ты получишь отъ директора. Прощай!

Я поклонился и вышелъ.

Въ приемной радостно встрѣтили меня просители и просительницы, увидѣвъ, что я возвратился веселымъ.

Ветхая старушка спросила меня:

— Ну, что, родимый, спасла ли тебя Царица Небесная отъ напраслины злыхъ людей?

— Не только спасла, милая старушка, но еще большую радость удостоился получить!

Я раскланялся со всѣми чающими, алчущими и жаждущими, и весело пошелъ домой.

Дѣйствительно, черезъ нѣсколько времени я былъ призванъ къ директору, получилъ 90 р., которые были присланы мнѣ отъ добрѣйшаго попечителя и опять съ условіемъ, какъ передалъ мнѣ директоръ, чтобъ я ни кому не болталъ.

Во всѣ учебныя заведенія мѣсяца черезъ три были разосланы литографированные портреты министра народнаго просвѣщенія. Впослѣдствіи были присланы въ училища также портреты попечителя и директора училищъ.

Портретъ бывшаго министра графа Уварова остался въ библиотечномъ шкафу, а въ золоченую рамку былъ вставленъ портретъ новаго министра, который отъ нечего дѣлать смотрѣлъ со стѣны, что подѣлываютъ уѣздные учителя въ библиотекѣ и какіе они ведутъ ученые дебаты. Скоро пріѣхалъ директоръ, спросилъ виситъ ли портретъ и долго смотрѣлъ на симпатичное лицо министра.

IV.

Посылись слухи, что императоръ Николай I удостоилъ своимъ посѣщеніемъ во время второй недѣли Великаго поста какую-то гимназію и остался недоволенъ преподаваніемъ закона Божія.

Полетѣли циркуляры въ низшія училища на счетъ преподаванія закона Божія, порядкомъ налегли на всѣхъ законоучителей среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній,—ибо законоучители, во время оно, не въ укоръ будетъ имъ сказано, очень манкировали уроками, отговариваясь требами и различными недугами.

Прежде нежели я расскажу о вторичномъ и третьемъ, послѣд-

намъ, посвѣщеніяхъ попечителемъ N уѣднаго училища, сообщу одинъ анекдотъ о томъ, какъ онъ посѣтилъ гимназію и какія чрезъ это были послѣдствія.

Попечитель и законоучитель давно умерли, но анекдотъ такъ хорошъ, что я не желалъ бы, чтобы онъ съ моею смертію канулъ въ Лету.

Мусинъ-Пушкинъ зачастилъ ѣздить на уроки закона Божія въ гимназію, уѣздныя и приходскія училища. Пріѣхавъ въ гимназію, онъ спросилъ директора—въ которомъ классѣ законоучитель. Директоръ сказалъ и отправился, кажется, въ IV классъ. Вдругъ отворилась дверь, и попечитель безъ свиты вошелъ въ классъ.

Моментально законоучитель и ученики встали и поклонились.— Поклонившись всѣмъ, попечитель приказалъ ученикамъ сѣсть, а законоучителю продолжать урокъ.

Попечитель сѣлъ на единственный стулъ, находившійся у учительскаго стола, а законоучитель сталъ стоя объяснять—«о надеждѣ христіанской».

Спустя нѣсколько времени, попечитель обратился къ законоучителю, выразивъ желаніе самому спросить учениковъ.

Законоучитель прерываетъ бесѣду, и попечитель, обращаясь къ крайнему ученику, сидѣвшему на первой скамейкѣ, спрашиваетъ:

— Что такое Богъ?

— Богъ есть духъ,—отвѣчаетъ испугавшійся ученикъ.

— Ну;—и продолжай далѣе!

Ученикъ молчалъ.

— Отвѣчай слѣдующій!

Слѣдующій всталъ и тоже молчалъ.

Однимъ словомъ, попечитель переспросилъ всѣхъ учениковъ,— и всѣ только молчали и блѣднѣли.

Надобно сказать, что на заднихъ скамейкахъ помѣщались иновѣрцы. Попечитель добрался и до нихъ; какъ видно было, очень разсердился и закричалъ:—«Отвѣчай, ты!»

Ученикъ всталъ, какъ-то странно перегнулся черезъ столъ, поблѣднѣлъ и дрожащимъ голосомъ сказалъ: «нѣмецъ»...

Попечитель вскочилъ со стула, захохоталъ, какъ генералъ Бетрищевъ, и потомъ, возвысивъ голосъ, сказалъ:— «вотъ тебѣ-на, Богъ-то нѣмецъ! Что ты сума сошелъ, что ли?»

Законоучитель стоялъ блѣдный и такъ оробѣлъ, что едва могъ проговорить:

— На заднихъ скамейкахъ, ваше превосходительство, сидятъ иновѣрцы, а этотъ ученикъ лютеранскаго исповѣданія!

— Нѣтъ, ты слышалъ, какъ онъ сказалъ, — Богъ-то нѣмецъ! Какой онъ лютеранинъ, просто дуракъ, а ты, какъ я вижу, ничѣмъ не занимаешься!

И, застучавъ костылемъ, попечитель вышелъ изъ класса.

Придя въ рекреационное зало, онъ велѣлъ всѣмъ ученикамъ

поставить изъ закона Божія по единицѣ, а законоучитель въ скоромъ времени былъ уволенъ въ отставку.

Правда, что законоучитель по болѣзни или по другой причинѣ любилъ только рассказывать по программѣ далѣе, а спрашивалъ урокъ очень рѣдко; былъ добръ; ставилъ, по большей части, хорошія отмѣтки даже тѣмъ ученикамъ, которые были записными лѣнтяями, въ той надеждѣ, что, можетъ быть, они исправятся. — Попечитель раньше въ другихъ классахъ неоднократно благодарилъ въ лестныхъ выраженіяхъ ученаго законоучителя; но въ этотъ разъ послѣдній попался подъ горячую руку начальнику, — и всѣ прежнія благодарности были забыты, законоучитель же лишился мѣста. . .

Наконецъ, попечитель налетѣлъ на наше уѣздное училище и какъ на грѣхъ, въ мое дежурство! Я былъ въ классѣ и дожидаясь законоучителя, который любилъ опаздывать на урокъ, очень часто манкировалъ даже, отговариваясь душевными и тѣлесными недугами. Сторожъ Юрка полуотворилъ дверь и шопотомъ сказалъ: «Попечитель пріѣхалъ и пошелъ въ III классъ!» — Ну, подумалъ я, быть грозѣ. Я не боялся за себя, потому что усы, борода, бакенбарды были выбриты, а волосы подстрижены.

Въ училищѣ воцарилась мертвая тишина, и я слышалъ, какъ попечитель въ классѣ что-то кричалъ и кого-то называлъ «дуракъ»!

Я встегнулъ вицмундиръ на всѣ пуговицы и сталъ спрашивать учениковъ молитвы.

Вдругъ отворилась дверь, величественно вошелъ въ классъ, опираясь на костыль, попечитель, и громко сказалъ: — «Здравствуйте, дѣти!»

Моментально ученики вскочили съ мѣстъ и дружно гаркнули: — «Здравія желаемъ вашему превосходительству».

— Садитесь, — и покосился на меня.

Я замѣтилъ, что онъ былъ сильно назлектризованъ и только ожидалъ малѣйшаго толчка, чтобы произвести взрывъ.

Ученики сѣли и боязливо стали смотрѣть на грознаго начальника.

Насчетъ выправки и привѣтствій въ училищѣ было строго.

Мы обучали учениковъ, какъ нужно съ начальствующими лицами здороваться, стоять при нихъ, отвѣчать и прощаться!

Ученики буквально исполняли наши наставленія и всегда насъ радовали, когда говорили съ начальниками.

Я стоялъ у учительскаго стола, отвѣсилъ учительской грозѣ низкій поклонъ нѣсколько на бокъ, даже шаркнулъ, какъ Чичиковъ, ногою, и услышалъ звукъ собственныхъ каблуковъ.

Я подошелъ къ нему; конечно, руки были по швамъ.

— Имѣю честь доложить вашему превосходительству, что въ

этомъ классѣ долженъ быть законоучитель, и что я, по обязанности дежурнаго, ожидаю его.

— Зачѣмъ же онъ опаздываетъ на урокъ?

— Осмѣливаюсь доложить вашему превосходительству, можетъ быть, внезапная церковная треба или болѣзнь задержали его!

Попечитель улыбнулся и сказалъ:

— У нихъ, братъ, все однѣ пустыя отговорки, то церковныя требы, да болѣзни, а сами лѣнятся! Добросовѣстныхъ служака не много, я знаю ихъ очень хорошо!—Чѣмъ же ты занимаешься?

— Спрашиваю молитвы, ваше превосходительство.

— Какія?

— «Ангелу Хранителю», «Спаси Господи», «Царю Небесный» и другія.

— А, хорошо! Онъ подошелъ къ первой скамейкѣ и, указывая на одного ученика, сказалъ:

— Ну, ты отвѣчай мнѣ молитву «Ангелу Хранителю»!

Ученикъ всталъ и началъ отвѣчать довольно тихо.

— Говори громче,—сказалъ попечитель.

Ученикъ прибавилъ голоса и когда прочиталъ молитву, то Мусинъ-Пушкинъ спросилъ его:

— А какъ твоего Ангела Хранителя зовутъ?

Ученикъ молчалъ.

— Я спрашиваю тебя, какъ твоего Ангела Хранителя зовутъ? Чужъ ты, дуракъ, не знаешь? Отвѣчай.

Я замѣтилъ, что начальникъ очень разсердился, сдвинулъ брови и молнія блеснула въ глазахъ его.

Товарищи этого ученика перепугались и у всѣхъ у нихъ ушла душа въ пятки!

— Отвѣчай же, каналья!—И попечитель толкнулъ воспитанника...

Вѣднй мальчикъ поблѣднѣлъ и совсѣмъ растерялся.

Я стоялъ на прежнемъ мѣстѣ и эта сцена поразила меня. Онъ взглянулъ на меня и сказалъ:—Пооди сюда!

Я подошелъ, такъ какъ находился прежде на нѣкоторомъ разстояніи отъ грознаго начальника.

— Ты слышалъ, что этотъ дуракъ выучилъ молитву Ангелу Хранителю, а не знаетъ, какъ зовутъ ангела его!

— Осмѣливаюсь доложить вашему превосходительству, что ученикъ, вѣроятно, оробѣлъ и испугался!

— Чего оробѣлъ и испугался, онъ вѣдь не въ сраженіи, гдѣ летать пули и ядра, да и тамъ не робѣли, не боялись, а напротивъ, шли впередъ! Что я медвѣдь, что мальчишка испугался меня! Съ малолѣтства должно приучать, любезный, чтобы дѣти не были зайцами. Да и какъ ты смѣлъ защищать эту каналью?!

— Я не осмѣлюсь и думать, ваше превосходительство, защи-

идать ученика, но знало по опыту, что один изъ нихъ бывалъ робокъ, другіе смѣлы.

Грозовая туча, налетѣвшая на меня и могшая кончиться несчастіемъ, миновала, благодаря удачному отвѣту, который поправился ему, и я былъ спасенъ.

— Ты знаешь, по моему мнѣнію, кто робокъ, тотъ заяцъ, а кто смѣлъ, тотъ храбръ! Знаешь ли ты, что я люблю тебя за то, что ты смѣлъ, не хитришь передо мною, энергиченъ и трудолюбивъ!

Я низко поклонился и много передумалъ въ то тяжелое для меня время.

— Вотъ скоро, я думаю, урокъ кончится, а твоего хваленнаго законоучителя вѣтъ. Хорошо, нечего сказать, законоучитель!—проницательно сказалъ попечитель.

Я удивился и думалъ: съ чего онъ взялъ, что я защищаю добраго пастыря.

Наконецъ, раздался веселый звонокъ, этотъ столь радостный, а иногда и столь печальный вѣстникъ для учащихъ и учащихся; онъ весело пробилъ тревогу, никого не боясь, и наша школьная армія запумѣла, забѣгала въ корридорахъ, классахъ, а въ особенности въ «мѣстахъ задумчивости», гдѣ можно всласть покурить и вдоволь подраться...

Попечитель сказалъ дѣтямъ: «сидите всѣ на переѣмну!» и они вмѣгъ выбѣжали изъ класса; потомъ строго посмотрѣвъ на меня и громко сказалъ:

— Смотри, ты передай законоучителю, что если онъ будетъ такъ манкировать уроками и худо заниматься,—я уволю его!

— Будетъ передано законоучителю приказаніе вашего превосходительства буквально.

— Какъ же ты передашь, повтори,—сказалъ смѣясь, онъ.

Я нарочно возвысилъ голосъ и повторилъ его слова.

— Смотри, такъ и передай! А гдѣ твои усы?

— Совсѣмъ перестали расти, ваше превосходительство.

— Прощай!—встучалъ костылемъ и вышелъ изъ класса.

Я поклонился.

Послѣ ухода его, ко мнѣ прибѣжалъ въ классъ нашъ смотритель, учителя, стали спрашивать: «что и какъ?»—Я рассказалъ.

Говорить много было нельзя, потому что смотритель внимательно приготовился слушать, даже морской канатъ вынулъ изъ ушей, но мы вели казенный разговоръ, изъ котораго смотрителю невозможно было сдѣлать никакого доноса на васъ, покурили, тайно возмутились поступкомъ начальника и съ сокрушеннымъ сердцемъ разошлись по своимъ убогимъ кельямъ.

Законоучителю былъ сдѣланъ выговоръ директоромъ, который пригрозилъ ему увольненіемъ въ случаѣ манкировки занятіями,

но румяный и дебелий законоучитель не исправился, отговариваясь постоянно то церковными требами, то тяжкими недугами.

Последній прїѣзд попечителя въ наше училище былъ самымъ грознымъ, бурнымъ и роковымъ для нѣкоторыхъ служащихъ и, между прочимъ, для нашего знаменитаго смотрителя. Неоднократно начальство предостерегало насъ, чтобы мы не встрѣчались безъ нужды съ его превосходительствомъ во набѣжаніе попечительскаго шторма и девятаго вала, а я, напротивъ, любилъ встрѣчаться и говорить съ такою историческою личностью.

Однажды, во время большой перемѣны я былъ въ библиотекѣ и выдавалъ книги. Вдругъ сторожъ Андрей прибѣжалъ, какъ угорѣлый, и сказалъ:

— Попечитель прїѣхалъ!

Мы застегнули виць-мундиры на всѣ шесть пуговиць, дежурный учитель ушелъ сказать, чтобы потише шумѣли ученики въ классахъ и корридорѣ, а учитель, которому я выдавалъ книги, сталъ завязывать ихъ, потомъ выждалъ, чтобы не попасться на глаза грозному начальнику и улизнулъ домой.

Я же заперъ библиотечный шкапъ и вышелъ нарочно въ корридоръ, чтобы встрѣтиться съ попечителемъ, а два учителя отправились почему-то въ классы, хотя еще до начала уроковъ оставалось минутъ пятнадцать.

Я увидѣлъ въ корридорѣ учительскую гробу, съ которой сторожъ Юрка снималъ пальто. Я подошелъ къ нему и поклонился.

— А, здорово, ты здѣсь? Подержи-ка стариковскій костыль!

Я взялъ темно-желтый костыль изъ испанскаго камыша съ перекладиной изъ чернаго дерева въ видѣ буквы С—вмѣсто набалдашника.

Нерѣдко эта невинная натуральная трость употреблялась въ видѣ исправительной мѣры, выдѣлывая вензеля на спинахъ провинившихся солдатъ на вахтпарадахъ и въ казармахъ. Снявши пальто и отдавши цилиндръ Юркѣ, попечитель взялъ отъ меня костыль, сказавъ: «спасибо, что помогъ старику раздѣться»! — Я поклонился.

— Что ты дѣлаешь въ училищѣ?

— Теперь большая перемѣна, ваше превосходительство, я былъ въ библиотекѣ и выдавалъ книги учителямъ.

— Когда же уроки начнутся?

Я посмотрѣлъ на стѣнные часы и сказалъ:

— Черезъ десять минутъ, ваше превосходительство!

Вижу, бѣжить смотритель по парадной лѣстницѣ, вступилъ на площадку корридора, подошелъ къ попечителю, не поклонился, а почти согнулся въ дугу и, заикаясь, дрожащимъ голосомъ прошепталъ: «имѣю честь доложить вашему превосходительству, что

посѣщала ввѣренный моему надзору училища», и раскрыть ротъ отъ старческой немощи.

Мнѣ было мерзко смотрѣть на эту низкую и подлую тварь, которая въ теченіе своей долговременной безполезной службы такъ много сдѣлала зла умнымъ и достойнымъ педагогамъ.

— А это что у тебя?—спросилъ грозно попечитель, взявъ смотрителя за пеструю косынку.—Зачѣмъ пестрая, а не черная, старый хрѣнь?

«Вотъ, думалъ я, и ты старая безхвостая крыса, наконецъ-то, попался въ мышеловку! Давно пора бы!»

— Не успѣлъ побриться, ваше превосходительство,—прошамкалъ смотритель, у котораго въ роту какимъ-то чудомъ сохранился одинъ только передній зубъ на верхней челюсти. Онъ стоялъ съ открытымъ ртомъ и мутными глазами, изъ которыхъ самовольно сочились слезы, смотрѣлъ на попечителя, ожидая приговора.

Вся фizioномія его и фигура въ синихъ дослѣбахъ походила на высохшую мумію, но онъ брился превосходно, на головѣ красовалась огромная лысина, а около висковъ и на затылкѣ росла вмѣсто волосъ какая-то желто-бѣлая пакля; изъ ушей постоянно торчалъ морской канатъ, приносившійся ему знакомымъ матросомъ. Смотритель увѣрялъ насъ, что этотъ канатъ имѣетъ чудодѣйственную силу потому, что не разъ спускался на страшную глубину близъ мыса Доброй Надежды, и берегъ его, какъ святыню! Мы подсмѣивались надъ этой чудодѣйственной силой.

Носъ у смотрителя былъ въ видѣ переспѣлой груши съ какими-то синими, фіолетовыми красными жилками; на немъ росъ какой-то еще неизвѣстный ботаникамъ сѣдой мохъ.

Смотритель молчалъ. Тогда попечитель обратился ко мнѣ:

— Ну, отвѣчай ты за него, если на этого старикашку нашель столбнякъ!

— Штатный смотритель, ваше превосходительство, не разслышалъ, что вы извоили сказать!

— Значить, онъ глухой, а хочетъ еще франтить и носить пестрые косынки! Какой же тутъ можетъ быть примѣръ для подчиненныхъ отъ стараго дурака и модника!

Я замѣтилъ, что попечитель рассердился, повернулся отъ насъ и пошелъ по корридору, въ которомъ у стѣны были поставлены другъ на дружку нѣсколько лишнихъ классныхъ столовъ. Мы пошли за нимъ.

— Зачѣмъ столы стоять не на мѣстѣ?—оборотился къ намъ и строго спросилъ попечитель у смотрителя.

Смотритель молчалъ.

— Чтожь ты молчишь,—отвѣчай!

— Мела маста, ваше превосходительство!—прошамкалъ смотритель.

— Что-о-о такое? — спросил сильно удивленный начальник.

— Маста мела, ваше превосходительство! — почти шопотом прошамкалъ растерявшійся и оробѣвшій смотритель.

— Что такое онъ мелеть, помѣшался, что ли?! Отвѣчай ты, что онъ вздумалъ со мною разыгрывать комедію,—такъ завтра же я уволю его въ отставку!

— Имѣю честь доложить вашему превосходительству, что штатный смотритель хотѣлъ доложить самъ, что за немѣнѣемъ мѣста столы поставлены въ корридоръ.

— Теперь я понялъ, а ты слышалъ какую онъ дичь поролъ? — И попечитель громко сталъ смѣяться.

— Штатный смотритель, ваше превосходительство, такъ перепугался, что сказалъ абсурдъ.

— Я понимаю, что ты вступаешься за своего начальника, и это дѣлаетъ тебѣ честь; но я, братецъ мой, не волкъ, что смотритель испугался меня, да и лишніе столы должны стоять въ сараѣ, а не въ корридорѣ, гдѣ мальчишки могутъ въ шалостяхъ уронить ихъ на себя, тогда этотъ старый дуракъ и ты пошли бы подъ судъ! Я не сталъ бы шутить съ вами! Резонно ли я говорю,—отвѣчай! и, улыбнувшись, посмотрѣлъ на меня.

Я подумалъ: слава Богу, гроза миновалась, а то принимай въ чукомъ пиру похмѣлье,—но ошибся.

— Осмѣливаюсь доложить вашему превосходительству, что я не помощникъ штатнаго смотрителя и по закону за распоряженія его не отвѣчаю.

— Постой, постой, — не горячись, молодъ еще, — ласково сказалъ мнѣ попечитель: слушай и запомни хорошенько: если онъ по своей старости, что дѣлаетъ не такъ, то ты долженъ остановить его, доложить директору, — а кто этого не исполняетъ, тотъ предается суду,—тутъ твой законъ не при чемъ. Вотъ тебѣ мое приказаніе! Слышалъ?!

— Слышалъ, ваше превосходительство.

Попечитель опять вышелъ на площадку корридора и увидѣлъ учителя, у котораго вслѣдствіе зубной боли щека была подвязана не первой молодости бѣлымъ платкомъ.

Учитель какъ-то странно взглянулъ на проникательнаго начальника, поклонился ему и остановился бливъ дверей класса.

— Ты куда идешь? — спросилъ попечитель и наклонилъ голову къ лицу его.

— На урокъ, ваше превосходительство!

— Да отъ тебя водкой пахнетъ?!

— У меня, ваше превосходительство, зубы болятъ и я не пилъ, а только полоскалъ ротъ, чтобы унялась зубная боль.

— Ты еще смѣлъ передо мной оправдываться! Развѣ я не слышу, что отъ тебя разить водкою, а еще вздумалъ меня обманывать!

Хорошъ, учитель, — пьяница! — закричалъ на него разгнѣванный попечитель.

Бѣдный и несчастный учитель сталъ блѣдень и предчувствовалъ, что будетъ уволенъ.

Рядомъ со мною стоялъ смотритель, который бормоталъ что-то, вѣроятно, читалъ молитву, и трясся! Картина.

— Вотъ, дуракъ, вздумалъ еще выпивши давать уроки! Какой можетъ быть примѣръ для мальчишекъ! Давно онъ служить?—спросилъ попечитель у смотрителя.

Но на того нашелъ столбнякъ, онъ только дрожалъ, нижняя челюсть прыгала, поминутно открывалъ ротъ, мигалъ, смотрѣлъ апатично на всѣхъ, — и, кажется, никого не видѣлъ.

— Чтожъ онъ молчитъ? Ну, ты, заступникъ и покровитель, отвѣчай за нихъ! Постой, я и съ тобою раздѣлаюсь!—грозно сказалъ мнѣ попечитель.

«Мать Пресвятая Богородица, заступись за меня, вѣдь Ты видишь, что я безвинно страдаю»,—подумалъ я,—даже ругнулъ себя, зачѣмъ я добровольно подвергъ свою персону опасной исторіи,—и мнѣ тоже, значить, вылетѣтъ фуксомъ... Значить, былъ молодъ и неопытенъ, и по своей глупости захотѣлъ поиграть съ огнемъ...

— Осмѣливаюсь доложить вашему превосходительству, что напрасно вы изволите гнѣваться на меня! Я не нахожу никакой вины за собою въ погрѣшностяхъ смотрителя и учителя!...

— Какъ не виновать?! Я приказываю говорить тебѣ: отчего смотритель молчитъ и трясется? Посмотри, что случилось съ ними, да и учитель совсѣмъ раскисъ, стоя у стѣны, а ты молчишь? Говори!..

— Штатный смотритель, ваше превосходительство, такъ растерялся, что онъ ничего не видитъ и не слышитъ, что же касается до учителя, который содержитъ престарѣлыхъ родителей и убогую сестру, на службѣ же онъ третій годъ, то простите его, ваше превосходительство,—и у меня на глазахъ навернулись слезы.

— Я вижу, что ты имѣешь доброе сердце, но просишь невозможнаго!

Попечитель велѣлъ сторожу подать пальто, кивнулъ мнѣ головою и ушелъ. Я поклонился. Послѣ ухода его смотритель такъ разревѣлся, что я едва могъ уговорить его идти домой и успокоиться.

— Простите меня,—говорилъ мнѣ, плача, смотритель, — что я обижалъ васъ, но вы хотѣли оправдать меня передъ попечителемъ. Никогда я не забуду вашего великодушія, за которое чуть и вы не пострадали!..

Учитель, придя домой, съ горя напился пьянъ, говоря мнѣ: «Эхъ, милый! попался я этому десятиглазому, какъ куръ во щипъ!»

Впослѣдствіи онъ пересталъ пить и занималъ хорошую должность.

На другой день прѣхалъ директоръ, которому я рассказалъ эту плачевную исторію; долго онъ распекалъ несчастнаго учителя (мать котораго когда-то жила въ услуженіи у директора, досталось порядкомъ и смотрителю, а мнѣ было сказано: «спасибо вамъ, что вы подвернулись еще и могли нѣсколько успокоить разгнѣваннаго начальника»).

— Никогда я, Семень Семеновичъ, не прощу себѣ этого «подвернулся»; и угораздила же меня не легкая выскочить изъ библіотеки, быть свидѣтелемъ небывалой исторіи изъ педагогическаго міра и едва не лишиться мѣста!..

Директоръ мило улыбнулся, простился только со мною, а на «подсудимыхъ» даже не посмотрѣлъ и уѣхалъ на дачу мечтать, среди деревьевъ и злаковъ сельскихъ, о суетѣ міра сего, а можетъ быть, думалъ о чемъ-нибудь пикантномъ, или какое сегодня курьеза приготовить меню по указанію сдобной и крупичатой супруги его высокородія...

Посились слухи, что директоръ ходатайствовалъ у попечителя, въ виду молодости учителя и чистосердечнаго раскаянія, ограничиться только выговоромъ и не увольнять бѣдняка въ отставку. Но попечитель былъ неумолимъ.

Черезъ нѣсколько времени учителю было предложено подать въ отставку, а ветхаго смотрителя N, за выслугу лѣтъ, уволили съ мундиромъ, полною пенсіею и съ пряжкой за XXX-тилѣтнюю безпорочную службу на поприщѣ народнаго образованія.

Давно умеръ князь Ширинскій-Шихматовъ, давно покоится его прахъ въ Сергіевской пустыни, что на 18 верстѣхъ по Петергофской желѣзной дорогѣ. Вся жизнь его была посвящена на пользу трудящихся и обремененныхъ, которымъ онъ помогалъ и словомъ и дѣломъ. Лѣтомъ я бывалъ въ Пустынѣ, приходилъ къ могилѣ, чтобъ помолиться объ успокоеніи души его.

Заходилъ также на кладбище Александро-Невской Лавры, гдѣ похороненъ бывшій попечитель Мусиянъ-Пушкинъ, чтобъ помолиться на могилѣ его.

Мнѣ вспоминалось старое время, когда весь округъ трепеталъ предъ грознымъ попечителемъ. Въ дѣйствительности же онъ былъ не грозенъ, а только очень вспыльчивъ, упрямъ, и не любилъ, чтобъ ему возражали, но имѣлъ предобрѣйшее сердце и отдавалъ послѣдній грошъ многострадальнымъ и достойнымъ бѣднякамъ съ условіемъ — «никому не болтать».

Конечно, было много недовольныхъ и ненавидящихъ его за дерзости и солдатское обращеніе. Пожалуй, они были и правы, но односторонне правы. Я никогда не слышалъ, чтобъ попечитель называлъ кого-нибудь изъ учителей по фамиліи; онъ считалъ это

лишнимъ, довольствуясь обращеніями въ родѣ: а, ты, что, молчать, дуракъ, вонъ и др. ласкательными словами изъ собственнаго лексикона. Онъ любилъ, чтобы кадили ему, чтобы встрѣчали его со страхомъ и трепетомъ. Онъ, повидимому, не хотѣлъ и думать, что, выражаясь вульгарно, роняетъ авторитетъ учителя въ мнѣніи учениковъ, что и самъ теряетъ уваженіе, какъ попечитель, долженствующій служить примѣромъ для учащихъ и для учащихся. Бывшій военный начальникъ, распекавшій въ казармахъ и на ученьѣ офицеровъ и солдатъ, попечитель не хотѣлъ стѣсняться и во вѣрренныхъ ему учебныхъ заведеніяхъ, ибо никто и не могъ ему возразить, что школа— не казарма и не военное поселеніе. Всѣмъ извѣстно, какъ гуманный Аракчеевъ обращался съ учителями въ военныхъ поселеніяхъ. Попечитель былъ современникомъ его, видѣлъ достохвальныя дѣянія самодура Аракчеева и слышалъ про нихъ. Всѣмъ также извѣстно, что въ николаевское время всякій начальникъ своихъ подчиненныхъ считалъ и называлъ: «мальчишками, дураками, дрянью, милуемой, дермомъ, ветошью, старымъ хрѣномъ» и пр., которыхъ за лишнія выраженія ссылали изучать полярную географію или отдавали подъ надзоръ полиціи для изученія флоры и фауны въ Сѣверномъ краѣ. Попечитель былъ сыномъ николаевскаго времени и современникомъ Аракчеева. Въ немъ, такимъ образомъ, соединялись черты того и другого.

Попечитель былъ на виду у императора Николая I и повышенія по службѣ бралъ гражданскою доблестію, а не такъ какъ другіе, сгибая предъ начальствомъ спину, доползали ужомъ до обѣтованнаго мѣста. Онъ былъ заслуженный ветеранъ, одинъ изъ героевъ двѣнадцатаго года, поработалъ на военномъ и гражданскихъ поприщахъ, по привычкѣ, дѣйствительно, любилъ тыкать, обращаясь подчасъ не такъ какъ слѣдовало бы ученому мужу. Онъ обращался такъ же, какъ съ нимъ обращались во время его боевой и гражданской службы. Вся сила въ обращеніи съ нимъ, повторяю, заключалась въ томъ, что когда онъ дѣлалъ замѣчанія или выговоры—молчать, не возражать, стоять почтительно и титуловать его, иначе попечитель выходилъ изъ себя и подчиненный погибалъ.

Въ нынѣшнее время начальство образованное, гуманное, деликатное, замѣчательно вѣжливое, даже съ прислугою разговариваетъ на вы, но только и подчиненнымъ надобно быть въ высшей степени дипломатами и смотрѣть на эту фата-моргану въ оба. Мнѣ рассказывали, что недавно гуманный начальникъ не хотѣлъ разговаривать съ увольняемымъ, встрѣтилъ его нарочно въ передней, загородилъ ему дорогу, отговариваясь и извиняясь тѣмъ, что ему некогда принять его въ кабинетъ, что онъ сейчасъ уѣзжаетъ по дѣламъ службы.

Отъ начальника вѣяло дорогими духами, и онъ сладко говорилъ:

«очень жаль, что я не могу ничего сдѣлать для васъ» и при этомъ крѣпко жаль руку.

Долго я сидѣлъ на скамейкѣ близъ могилы попечителя, и одно воспоминаніе смѣнялось другимъ; наконецъ, я вставалъ, опять молился объ успокоеніи души раба Божія Михаила и просилъ Всевышняго Творца, чтобы Онъ простилъ ему всѣ согрѣшенія вольныя и невольныя и упокоилъ въ селеніи праведныхъ.

Я былъ на похоронахъ министра и на похоронахъ попечителя и видѣлъ многихъ, чьихъ печаль и невозвратная потеря были непритворны. На тѣхъ и другихъ похоронахъ можно было слышать: «лишились мы своихъ благодѣтелей и покровителей», говорили, плача, безъутѣшные труженики и убогія старушки; «много они помогали намъ тайно, но Господь воздастъ имъ явно!»

Я былъ изъ числа этихъ несчастныхъ горемыкъ, я плакалъ и зналъ, что терялъ въ нихъ очень близкое сердцу, которое никогда не повторится. Предчувствіе не обмануло меня: я сталъ вянуть и засыхать отъ вѣчныхъ недостатковъ и горькой моей доли. Теперь я доживаю въ богадѣльнѣ остатокъ дней моихъ, дожидаясь смерти, — этой вѣчной успокоительницы и избавительницы отъ всѣхъ волъ и страданій, отъ «роковыхъ когтей» которой, по словамъ Державина, «ни кая тварь не убѣгаетъ: монархъ и узникъ — снѣдь червей.»

ПОСЛѢДНІЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ РУССКОЙ САТИРЫ ПРОШЛАГО ВѢКА.

АХАРАКТЕРНОЙ чертой русской литературы прошлаго вѣка является, какъ я прежде сказалъ ¹⁾, ея сатирическій отгѣнокъ: даже серьезные люди не прочь осмѣять общественныя явны и возгласить о нихъ при случаѣ «въ забавномъ слогѣ». Другой характерной чертой, уже относящейся къ представителямъ литературы, является отсутствіе специальности въ ихъ занятіяхъ, какая-то быстрая, лихорадочная перебѣжка изъ одной литературной сферы въ другую, отъ совершенно серьезной, приправленной подчасъ философій, темы къ совершенно шутиливой, граничащей съ гаерствомъ и не всегда удачнымъ остроуміемъ. Переводчикъ Гольдсмитовскаго «Вексфильдскаго священника» въ то же время сочиняетъ «Разговоръ модъ и нарядовъ», осмѣивая пагубную страсть къ вѣшнему блеску, унаслѣдованную русскими людьми у западныхъ петиметровъ и «модныхъ вѣтреницъ». Наблюдая эту цеструю смѣсь симпатій и наклонностей, думается, что, съ легкой руки Новикова, каждый благомыслящій интеллигентъ прошлаго вѣка считалъ своимъ нравственнымъ долгомъ обличать недостатки толпы, хотя бы для того, чтобы, видя измѣненіе къ лучшему нравовъ, имѣть право сказать: «и моего тутъ меду капля есть». Ничѣмъ инымъ нельзя объяснить появленія въ концѣ XVIII вѣка на ряду съ сочиненіями, полными дидактической тенденціи, цѣлой серіи книжекъ и нѣсколькихъ жур-

¹⁾ «Историческій Вѣстникъ». 1887 года, сентябрь. «Образцы журнальной полемики прошлаго вѣка».

наловъ, значительно спавшихъ съ голоса сравнительно съ сатирой первой, Новиковской формациі, высказывающихъ насмѣшливыя замѣчанія въ строго «улыбательномъ духѣ» и почти исключительно направленныхъ противъ внѣшнихъ безобразій неперемѣдившаго еще общества. Только сильнымъ развитіемъ и подъемомъ гражданскаго мужества можно объяснить появленіе такого, напримѣръ, изданія, какъ «Сатирической Вѣстникъ», издававшийся уже подъ цензурой (1792 и 1795 гг.) и, вѣроятно, въ силу этого обстоятельства, съузвившій до нѣкоторой степени рамки своихъ инвектовъ.

Тѣмъ не менѣе, не смотря на всю свою незначительность сравнительно съ предшественниками, журналъ интересенъ не только какъ послѣдній, умирающій отзвукъ когда-то громогласной сатиры, но и какъ характерный показатель (допустимъ даже отрицательный) общественнаго развитія наканунѣ нашего столѣтія. Съ другой стороны этотъ журналъ издавался человекомъ, не занимавшимъ никакого общественнаго положенія, Николаемъ Ивановичемъ Страховымъ, напоминающимъ своего знаменитаго тезку тѣмъ, что тотъ и другой по официальному выраженію находились «не у дѣлъ», и дѣятельность Страхова была, какъ надо полагать, исключительно литературнаго свойства. Подобно Карамзину, издатель «Сатирическаго Вѣстника» является однимъ изъ первыхъ литераторовъ въ европейскомъ смыслѣ слова, если судить по перечню его трудовъ, изданныхъ отдѣльными книгами. Можно думать также, что Страховъ принадлежалъ къ благородной группѣ гуманистовъ прошлаго вѣка съ Новиковымъ во главѣ, такъ какъ нѣкоторыя изъ его произведеній изданы типографической компаніей, инициатива которой принадлежала всецѣло Новикову. И что особенно дорого въ Н. И. Страховѣ, это его неуклонное шествіе по пути обличенія общественныхъ недостатковъ. Это не Рубанъ, случайно попавшій въ сочинители и издатели, не Тузовъ эфемерно блеснувшій и исчезнувшій съ своимъ изданіемъ. Во всѣхъ его сочиненіяхъ проводится сатирической взглядъ на общество и выражается негодованіе нравственно чистого человека на безнравственность обезличившихся людей XVIII вѣка. Выстъ съ тѣмъ, это человекъ, стоящій au courant западно-европейской литературы, чутко прислушивающійся къ ея настроенію. Онъ переводитъ для русскихъ читателей «изъ Монтескью» восточную повѣсть: «Арсась и Исмения» (1787 г.) и Гольдсмитовскаго «Вексфильдскаго священника» (1786 г.), надѣлавшаго въ свое время не мало шума въ Англіи. И «Сатирическому Вѣстнику» предшествовала работа подготовительная, однороднаго характера. Въ 1791 году вышла: «Переписка моды, содержащая письма безрукихъ модъ, размышленія неодушевленныхъ нарядовъ, разговоры бессловесныхъ чепцовъ, чувствованія мебели, каретъ, записныхъ книжекъ». и т. д. Въ 1791 же году «Карманная книжка для прѣбывающихъ на зиму въ Москву

старичковъ и старушекъ, невѣсть и жениховъ, молодыхъ и устарѣлыхъ дѣвушекъ, щеголей, вертопраховъ (sic), волокитъ, игроковъ и проч.). И въ томъ же 1791 году выступаетъ Страховъ съ строго-сатирическимъ изданіемъ ¹⁾, которое пришлось повторить въ 1795 году. Уже изъ полного заглавія вышеприведенныхъ произведеній видно, что Страховъ возмущался главнымъ образомъ внѣшнимъ доскомъ, который его сограждане очень ловко и легко перенимали у «господъ французовъ». Въ остроумно придуманной формѣ переписки неодушевленныхъ предметовъ, онъ глубоко скорбитъ надъ безолаберной тратой денегъ, уходящихъ исключительно на удовлетвореніе нагѣлыхъ прихотей, жалуется на «ступоуміе, праздность и скуку» господъ, усвоившихъ въ совершенствѣ одну «волосоподвивательную» науку,—эти нападки на русскихъ петиметровъ, на ихъ цинизмъ и безнравственность, напоминаютъ лучшія страницы Новиковскихъ изданій. Возьмемъ на выдержку 2—3 примѣра, тѣмъ болѣе необходимыя, что «Переписка моды» и «Карманная книжка» составили извѣстное реномэ автору «Сатирическаго Вѣстника». Вотъ что говорилъ самъ авторъ въ «Предобъясненіи» къ «Перепискѣ». «Сочиненія моего «Карманная книжка» имѣла счастье понравиться публикѣ. Ищѣмъ изданія «Переписки» та, чтобы изложенныя здѣсь истины могли принести хотя малѣйшую пользу». Здѣсь же авторъ объясняетъ и иносказательную форму своего произведенія. «Правда, съ тѣхъ поръ, какъ стала для глазъ непріятнѣе дыма, должна уже являться въ свѣтъ не иначе, какъ инкогнито, или, по просту сказать, въ платѣ навыворотъ.» Причины этого «инкогнито» заключались несомнѣнно въ цензурныхъ условіяхъ, на что указываютъ дальнѣйшія слова автора. «По причинѣ встрѣчавшихся неудобствъ» онъ не могъ всегда ясно проводить свою мысль, высказывать горькую истину, но онъ желалъ бы, чтобы юношество, видя прикрытую аллегорической одеждой истину, полюбило послѣднюю «въ собственномъ ея видѣ». «Желаю, чтобы безпристрастное сіе начертаніе могло удостовѣрить о вредѣ, причиняемомъ модою, роскошью, вертопрашествомъ и прочими пороками, которые являются повсюду и во многихъ сценахъ нынѣшней жизни». Въ описаніи Петербурга и Москвы свывается вполне сатирическій, недюжинный талантъ Страхова. «Здѣсь достоинство носятъ на плечахъ, знаніе имѣютъ въ ногахъ, а премудрость шутъ» ²⁾; здѣсь «почитаются наиважнѣйшей наукой передѣлываться изъ людей въ обезьянъ». «Три части дня проходятъ въ бездѣйственномъ существованіи, а одна, составляющая жизнь, протекаетъ въ дѣятельныхъ порокахъ и заблужденіяхъ» ³⁾. Здѣсь

¹⁾ 9-я и послѣдняя часть вышла въ 1792 году, что доказываетъ основательность работы.

²⁾ «Переписка Моды», стр. 9.

³⁾ Ibid., стр. 10.

«кто прѣхалъ на 4-хъ колесахъ, того голова почитается превосходитѣ головы, прибывшей на двухъ собственныхъ ногахъ». Представители этой quasi-европейской жизни не лишены и нѣкоторыхъ положительныхъ знаній: они знаютъ, напримѣръ, 29 сортовъ карточныхъ игръ и посвящаютъ изученію ихъ весь свой досугъ. Это черта историческая, постоянно повторяющаяся въ мемуарахъ прошлаго вѣка. Въ параллель изысканнымъ людямъ XVIII вѣка, щеголямъ и вѣтреницамъ, съ ихъ исковерканнымъ языкомъ, авторъ выводитъ и людей, не тронутыхъ реформой, съ ихъ безцеремонно-грубыми выраженіями, сдѣлавшимися въ наше время достояніемъ улицы и неудобными въ нашей печати. Я не остановлюсь на подробномъ описаніи жизни и времяпровожденіи «петиметровъ», потому что мы съ этимъ еще встрѣтимся, и эта сторона общества осмѣивалась еще Новиковымъ, укажу на новый порокъ щеголей— это сутенѣрство. У щеголя въ приходорасходной книжкѣ записано: «получено отъ разныхъ старушекъ разными оборотами (?) 5,000 р. въ годъ». Въ этомъ же произведеніи мы встрѣчаемся съ фактомъ литературной кражи (контрфакціи), нерѣдкой и въ наше время, но тогда бывшей новостью. Таковъ «писецъ или писатель, плагиаторъ, выкрадывающій мнѣнія изъ Расина, Мольера и выдающій ихъ за свои» ¹⁾ Сюда же относится и новый въ сатирѣ XVIII вѣка типъ: «чудесная тварь; ремесло ея состояло въ прекрасномъ личикѣ, на которое право смотрѣть и пользоваться имъ уступала она кому бы то ни было, но только бы за деньги» ²⁾. Здѣсь мы встрѣчаемъ судью, изобрѣвшаго способъ продавать правосудіе; золотой дождь предохраняетъ его отъ «небесной молніи», а подарки подобно вѣтру «разгоняютъ находящія на него грововыя тучи» ³⁾. Нѣтъ ничего удивительнаго, что нравы портятся отъ присутствія «въ обществѣ массы безнравственныхъ людей,—и добрая нравственность встрѣчается очень рѣдко. Великими людей дѣлаютъ не науки, не мудрые мужи, просвѣщенные учителя,—нынѣ одни портные выкряиваютъ и спиваютъ достойныхъ и именитыхъ людей» ⁴⁾.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что подобная сатира, не лишённая, какъ видитъ читатель, остроумія, создала репутацію Страхову, не смотря на то, что въ его книжкѣ говорятъ ботанки, пуговицы, корсажи даже комоды. Наоборотъ, этотъ пріемъ, зависѣвшій отъ «встрѣчавшихся неудобствъ», послужилъ еще въ пользу автора. По крайней мѣрѣ, «Московскія Вѣдомости» встрѣтили появленіе 1-й части «Сатирическаго Вѣстника» слѣдующей замѣткой: «Въ Университетской книжной лавкѣ, что на Тверской, въ продажу вступила слѣдующая вновь изъ печати вышедшая книжка: «Сатириче-

¹⁾ «Переписка Моды», стр. 80.

²⁾ Ibidem, стр. 81.

³⁾ Ibid., стр. 88.

⁴⁾ Ibid., стр. 94.

скій Вѣстникъ», удобоспособствующій разглаживать наморщенное чело старичковъ. Часть I». Сочиненіе сіе, какъ изъ титула онаго видѣть можно, содержитъ въ себѣ замѣчаніе о разныхъ модныхъ предразсудкахъ, въ нынѣшнемъ образѣ жизни существующихъ, включающія соль благоразумной и не выступающей однакожь никогда изъ должныхъ предѣловъ (?) критики и тѣмъ сами(ы)мъ, а не менѣе и пріятностію слога, основательностью разбросанныхъ въ пристойныхъ мѣстахъ разсужденій, удовлетворяетъ любопытство читающаго». «Сочинитель—добавляетъ рецензія—предоставилъ себѣ, ежели опытъ сей принять будетъ благосклонно Почтенною Публикою, выдать со временемъ и продолженіе сего сочиненія... Цѣна сей книжкѣ, напечатанной на бѣлой бумагѣ и въ приличномъ форматѣ, 50 к. въ бумажномъ переплетѣ»¹⁾.

При выходѣ 2-й части было въ той же газетѣ сказано: «Сія вторая часть ни въ чемъ не уступаетъ предыдущей части веселымъ и забавнымъ повѣствованіемъ, острою критики и пріятностію слога, а потому и можетъ принести удовольствіе всѣмъ находящимъ вкусу въ сочиненіяхъ сего рода». «Московскія Вѣдомости» рекламировали появленіе и 3-й части «Сатирическаго Вѣстника». «По явыку, которымъ написанъ «Сатирическій Вѣстникъ»,—говоритъ одинъ изъ изслѣдователей русской журналистики—«по увлекательной его сатирѣ читается съ удовольствіемъ даже и теперь, и въ свое время публикою былъ принятъ очень хорошо, чему служитъ доказательствомъ и то, что въ скорости, а именно въ 1795 году, онъ напечатанъ былъ вторымъ изданіемъ»²⁾.

Форма статей, помѣщенныхъ въ журналѣ Страхова—корреспонденціи изъ разныхъ городовъ и уѣздовъ, обозначаемыхъ инициалами. Выходилъ журналъ не въ опредѣленные сроки, такъ что, начавшись съ 1790 года (вышла съ I—VI части) онъ дотянулся до 1792 года, когда явилась IX и послѣдняя часть. Первое изданіе быстро разошлось, и теперь извѣстно болѣе 2-е изданіе, 2-е же изданіе извѣстно было и Анастасевичу, автору извѣстной Смирдинской «Росписи Россійскимъ книгамъ». Первые восемь частей вышли подъ цензурою, «краснорѣчія профессора», Антона Барсова, и 9-я подъ цензурою «логики и метафизики» профессора Андрея Брянцева. У меня подъ руками при составленіи очерка находилось 1-е изданіе.

Первое мѣсто въ своемъ изданіи Страховъ отводитъ «щеголямъ», которые за 20 лѣтъ мало въ чемъ измѣнились — сравнительно съ своими собратьями, воспитанными въ Новиковскихъ журналахъ. Изъ

¹⁾ «Московскія Вѣдомости», 1790 года, № 86, мая 4-го.

²⁾ А. Н. Неустроевъ. «Историческое розысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1708—1802 гг.». Спб., 1875 годъ.

«Сатирическаго Вѣстника» оказывается, что роскошь и мотовство до известной степени усилились. Если по словамъ «Трутня» были такіе щеголи, которые держали по 6 каретъ и по 6 цуговъ лошадей, кромѣ верховыхъ и санныхъ¹⁾; если были такіе франты во времена «Смѣси», которые на одинъ столъ издерживали ежегодно до 14 тыс. рублей²⁾; то и щеголи времени Страхова не знали, или вѣрнѣй не хотѣли знать счета деньгамъ. Они «настроили себѣ богатые кареты», понашили множество кафтановъ, навѣшали на себя множество цѣпочекъ, наполнили карманы табакерками, сувенирами; грудь у нихъ испещрена модными пуговицами³⁾; шею увязали въ жабо; руки изукрашили бриллиантными перстнями; на ноги надѣли продолговатые пряжки; «голова преобразилась въ ранжерей, волосы и пухляки въ висящіе Вавилонскіе сады». Такіе-то господа, заботящіеся о «наружности достоинствъ своихъ», не получали никакого воспитанія,—не ставили никакихъ цѣлей жизни и рѣдко бывали честными людьми, добрыми гражданами и «содружками ближнихъ». Не имѣя опредѣленныхъ занятій, они всю силу полагали въ изученіи «науки страсти нѣжной», и, благодаря легкости нравовъ («по удивительной силѣ страстей и развратности нравовъ»), успѣхи въ этой наукѣ «вмѣняемы стали за блистательныя достоинства». Эти господа «отважились явно выдавать себя такъ называемыми волокитами». Чтобы удобнѣе приводить въ исполненіе свои цѣли, эти «растлители честныхъ нравовъ», прикрываются личиною добродѣтели, «безнаказанно втираются въ дома, гдѣ есть молодыя дамы и дѣвицы, которыя охотно дѣлятъ время съ этими «великими въ порокахъ и безчестіи людьми». Да и сами дѣвицы не получали никакого воспитанія,—все ограничивалось заботами о вѣншности. Ихъ наряжали, учили танцовать, выпрямляли станъ, заставляли держать голову известнымъ образомъ и поворачиваться по циркулю подъ опасеніемъ никогда не выйти замужъ, если онѣ не овладѣютъ тонкостями этихъ наукъ⁴⁾.

«Воспитаніе дочерей своихъ начинаютъ здѣсь не съ головы, а ногъ»—говоритъ «Сатирической Вѣстникъ». Понятное дѣло, что у такой молодежи не было мѣста истинному чувству,—любовь замѣнялась расчетомъ, на основаніи котораго вступали въ бракъ. Эти дѣвицы «назначили и положили, какого достоинства и чина долженъ неотмѣнно быть тотъ, кто хочетъ искать чести сдѣлаться ихъ супругомъ». Многія отказывали своимъ претендентамъ лишь потому, что они не имѣли возможности «вовить свою повозку че-

¹⁾ Стр. 219.

²⁾ «Смѣсь», стр. 185, 210.

³⁾ Какую цѣну въ прошломъ вѣкѣ придавали пуговицамъ, видно изъ того, что Страховъ въ «Перепискѣ Моды» помѣстилъ шутовское прошеніе купцовъ пуговичнаго ряда.

⁴⁾ «Всякая Всячина», стр. 124, 325—6.

тырьмя или шестью лошадьми»¹⁾. Нравственные достоинства въ этомъ обществѣ ставятся не во что, и родословная, модный кафтанъ, свѣтское приличіе, всецѣло замѣняли «высокую цѣну души, сердца и просвѣщенія». Родители стараются объ одномъ—поскорѣй пристроить дочерей замужъ и обыкновенно начинаютъ вывозить «сей товаръ» съ 18 лѣтъ по зимамъ въ большіе города²⁾. Нѣтъ ничего удивительнаго, если эти «щеголи» и «вертопрашки» не далеки въ научныхъ познаніяхъ: «они увѣряютъ, что Сибирь есть городъ Костромскаго намѣстничества, а Камчатка—большое село въ Кашинскомъ уѣздѣ, что торгъ лѣсомъ производится изъ степныхъ мѣстъ, соболей ловятъ близъ Москвы, а икру и рыбу получаемъ мы изъ Украйны». «Мода есть ихъ тиранъ; разныя рѣшетки, цвѣточки, узоры составляютъ всѣ цѣли ихъ жизни». Другую отрасль знанія составляла попрежнему картежная игра. «Единственное упражненіе здѣшнихъ дворянъ состоитъ въ безпрестанномъ занятіи себя игрою». Игры эти имѣли исключительно азартный характеръ,—«дурачки, а особливо марьяжъ, почитаются уже нынѣ подлыми играми, потому наиболѣе, что въ сіи игры въ деньги не играютъ». И здѣсь мы видимъ, что за 20 лѣтъ (съ изданія первыхъ журналовъ) общество не далеко ушло. Въ 1763 году Екатерина писала московскому главнокомандующему Салтыкову: «Вы знаете, что немѣренныя игры ни къ чему болѣе не служатъ, какъ только къ дѣйствительному разоренію дворянскихъ фамилій». Страховъ категорически замѣчаетъ: «не проходить собранія, чтобы игра не разорила двухъ или трехъ человекъ, весьма непріятнымъ образомъ». Мало того, «не упражняющіеся въ картежной игрѣ почитаются дураками или худо воспитанными людьми, и въ обществѣ появляется новый типъ—благовоспитаннаго шулера, котораго ругаютъ вездѣ, а всюду принимаютъ», какъ позднѣе Загорѣцкаго.

Не разъ выводились «на всенародныя очи» эти моты-картежники, начиная со временъ Кантемира и кончая сатирой Новикова, но исправленія не замѣчалось. Шулерство развилось до того, что шайки мастеровъ этого цеха «бѣдятъ весь годъ и обыгрываютъ дворянъ по ярмонкамъ, деревнямъ и городамъ».

Иногда эти щеголи обращаются въ меломановъ—новая черта въ русской сатирической литературѣ—покровителей театральнаго искусства. Такого меломана ничѣмъ нельзя унять, если онъ увлечется, войдетъ въ ражъ. «Въ случаѣ, если устанетъ онъ отъ глѣнія (онъ всегда напѣваетъ ари), то, не внимая и не слушая, кто бы что ни говорилъ, или о чемъ бы его ни спрашивалъ, вдругъ съ жаромъ произноситъ разныя монологи изъ трагедій». Этотъ

¹⁾ Всѣ цитаты я привожу по находящемуся въ моей библиотекѣ 1-му изданію «Сатирическаго Вѣстника».

²⁾ Часть I, стр. 18.

юноша въ концѣ концовъ «много пропѣлъ отцовскихъ денежекъ». Даже искусство служило предлогомъ къ мотовству, разумѣется, потому, что деньги при даровомъ крѣпостномъ трудѣ были дешевы. Грибовскій говоритъ, что статсъ-секретарь Поповъ часто выносилъ на игру изъ своего кабинета полную шляпу червонцевъ, которые никогда, однако, назадъ не возвращались ¹⁾. Страховъ ясно намекаетъ, что доходы его современниковъ не покрывали расходовъ. Многіе люди тѣмъ и знамениты были, что имѣли «многія тысячи долгу». Жизнь не по средствамъ сдѣлалась общимъ правиломъ. «Нѣкто изъ разумнѣйшихъ гражданъ сдѣлалъ исчисленіе, что на 5000 дворянъ число перукахеровъ, поваровъ, камердинеровъ, слугъ и служанокъ простирается здѣсь болѣе, нежели до 100,000 человекъ». Здѣсь нѣтъ никакого преувеличенія, если вспомнить факты роскоши и великолѣпія XVIII вѣка, обильно разсѣянные и въ монографіи проф. Незеленова, и въ книгѣ Аванасьева о русскихъ сатирическихъ журналахъ, и въ различныхъ журнальныхъ статьяхъ, воспроизводившихъ бытовую сторону прошлаго вѣка. Само собой разумѣется, что для удовлетворенія прихотей являлись на помощь ростовщики, которыхъ отмѣтили предшественники Страхова ²⁾.

Страховъ обрисовываетъ займъ новой чертой—лицемѣріемъ, которое развилось у людей его времени до высшей степени. Щеголь его времени не просто занимается, а льститъ ростовщику, хвалитъ его и не скоро объявляетъ причину своего «подлинательства» ³⁾. Лесть и низкопоклонство замѣчаемъ мы не относительно только ростовщиковъ; не одни обладатели пустыхъ кошельковъ и головъ прибѣгаютъ къ этому средству, къ нему, что особенно возмутительно, прибѣгали даже и литераторы. Страховъ говоритъ о нѣкомъ Бѣдняковѣ (вѣроятно намекъ на известную личность, но мы не можемъ опредѣлить ее), который, вынужденный бѣдностью, поднесъ свое сочиненіе «человѣку весьма богатому, но ни мало не свѣдущему». Затѣмъ, «чувствуя толь предосудительный поступокъ», онъ въ свое оправданіе написалъ цѣлыхъ три тома и посвятилъ ихъ другому лицу, еще болѣе богатому, но еще менѣе знающему. Что это личный намекъ, видно изъ заключительныхъ словъ Страхова по поводу этого факта: «прибыточный способъ оправдывать себя таковымъ образомъ въ безбристрастіи и твердости!» ⁴⁾.

Чтобы покончить съ *modus vivendi* щеголей, замѣчу, что Страховъ даетъ образчикъ щегольского нарѣчія и отличается отъ Новикова тѣмъ, что обращаетъ вниманіе читателя на полную безгра-

¹⁾ Записки Грибовскаго, стр. 82.

²⁾ «Трутенъ», стр. 48, «И то и сѣ», нед. 84, «Парнасск. Щепетильникъ», стр. 8—9, «Живописецъ», ч. I, «Вечера», ч. II, стр. 93 и т. д.

³⁾ «Сат. В.», стр. 12, ч. II.

⁴⁾ «Сатир. В.», ч. I, стр. 54 и 55.

«истор. вѣсти.», августъ, 1888 г., т. XXIII.

мотность свѣтскихъ людей въ языкѣ русскомъ. Вотъ коротенькій отрывокъ изъ дневника («журнала») «нынѣшняго вѣка дѣвушекъ»: «Впа Неделникъ на Вечеру Была pour faire visite Госпожѣ Д. Все катоРы ни находились Уней были étrangement stupides. Mr. Ч. тама не былъ Perdu пятьдесять рублюофъ. Приѣхала дамоѣ de fort mauvaise humeur» и т. д. ¹⁾.

Начиная съ Петра въ нашей литературѣ постоянно раздаются голоса противъ взяточничества и лихоимства подъячичь. Сатира Новикова не обошла этого вопроса; не обходитъ его и Страховъ. Онъ называетъ склонность къ взяткамъ «опаснѣйшей болѣзью», присущей большею частью приказнымъ. «У писарей она начинается такъ называемою попрошайничествомъ, а у судей судорогою, корчащею обѣ руки всегда на ту сторону, съ которой подають имъ взятки» ²⁾.

Взятки сдѣлались до того необходимымъ аргументомъ на судѣ, что нѣкоторые судьи безъ церемоніи, «публично» «облагали тягостнымъ оброкомъ всѣхъ истцовъ и отвѣтчиковъ», и у послѣднихъ «отъ ядовитаго прикосновенія «перстовъ» первыхъ кошелекъ совсѣмъ высыхали ³⁾. Старинный приемъ—брать взятки не прямо, а подъ какимъ-либо предлогомъ, дожившій до временъ Гоголевскаго «Ревизора» извѣстенъ и «Сатирическому Вѣстнику». «Г. Взяткинъ изобрѣлъ новѣйшее средство драть взятки безхлопотнымъ образомъ, т. е. у просильщиковъ не прямо брать деньги изъ кармана, но подъ предлогомъ, яко бы проигрыша по игрѣ брать оныя у нихъ со стола» ⁴⁾. Въ сатирическихъ публикаціяхъ, печатавшихся въ приложеніи къ журналу, мы находимъ слѣдующую: «Въ улицѣ бездѣльничества подъ 12 номеромъ плутовства жительство имѣеть стряпчій, умѣющій праваго дѣлать неправымъ, а неправаго правымъ, защищать обидчика противу обиженнаго, въ гибель ввергать бѣдныхъ и безпомощныхъ людей и коего ремесло состоитъ вообще во лжи и всякихъ каверсахъ» ⁵⁾.

«Сатирической Вѣстникъ», правда довольно витіевато, изображаетъ намъ новый типъ взяточника, созданнаго рекрутскимъ наборомъ. «Главнѣйшій образъ мыслей» г. Обдиралова состоитъ въ томъ, что низкорослые и какимъ-либо членомъ не владѣющіе могутъ быть толь же исправные солдаты, какъ и прочіе. Помощію таковыхъ непривызокъ къ росту и снисхожденія къ страждущимъ людямъ, кошелекъ его знатно приумножился, и изъ всѣхъ вершковъ не достающихъ къ росту рекрутовъ, вышло у него полнаго росту 100 крестьянъ» ⁶⁾.

¹⁾ «Сатир. Вѣстн.», ч. II, стр. 75.

²⁾ Ibidem, стр. 100.

³⁾ Ibidem, ч. VII, стр. 20 и 21.

⁴⁾ Ibidem, ч. V, стр. 29, 30.

⁵⁾ Ibidem, ч. V, стр. 101.

⁶⁾ Ibidem, ч. VI, стр. 69.

Особенно выдающуюся черту журнала составляет характеристика деревенской жизни дворянъ, ихъ грубости, необразованности, отсутствія всѣхъ интересовъ, кромѣ чувственныхъ. При этомъ дается обстоятельный очеркъ народныхъ забавъ и увеселеній, поражающихъ своей грубостью и составляющихъ рѣзкій контрастъ съ щегольской внѣшностью и изысканными удовольствіями «новоманерныхъ людей». Эта характеристика ясно указываетъ, что обществу не доставало науки и твердыхъ нравственныхъ основъ жизни; что полуазиатскій дикарь ни мало не измѣнялся во внутреннемъ складѣ, если даже и наряжался въ заморскій кафтанъ и получалъ возможность щегольнуть французскимъ *bon mot*. Если забаву «вертопраховъ» и «щеголей» составляетъ «театръ и маскарадъ», то деревенскіе жители, слѣдуя дѣдовскому обычаю «набираютъ себѣ полки» шутовъ и шутихъ. Какъ состоятельность «щеголя» измѣняется количествомъ нарядовъ и драгоценностей, такъ средства деревенскаго жителя оцѣниваются количествомъ шутовъ въ его передней. «Помѣщикъ, за которымъ нѣсколько сотъ душъ, за непремѣнное почитаетъ имѣть у себя таковыхъ по два и по три». Журналъ указываетъ читателямъ всю непристойность и безнравственность подобнаго издѣвательства надъ человѣческой личностью. «Отъ скуки дѣлаютъ ихъ во весь вѣкъ несчастливими, а для препровожденія времени распредѣляютъ ихъ умомъ и повелѣваютъ имъ дѣйствовать всегда вопреки онаго; съ утра до вечера болтать вздоръ, кричать что есть силы, пѣть разныя пѣсни, плясать, прыгать, коверкаться, отъ всѣхъ быть безпрестанно битыми—составляетъ должности цѣлаго ихъ вѣка». Этихъ людей производятъ въ шуты изъ страсти къ грубой и безтолковой забавѣ. «Изъ неглуцаго и добраго крестьянина или простой крестьянки простое средство вдругъ сдѣлать дурака или дуру, шута или шутиху состоитъ только въ слѣдующемъ обрядѣ: посадить на стулъ, остричь голову до гола, надѣть шахматное платье и привѣситъ колокольчики»¹⁾.

Другое, не менѣе любимое развлеченіе, воспѣтое Державинимъ и Крыловымъ, доставляла псовая охота, истреблявшая «годовой доходъ» и съ своихъ, и съ чужихъ полей и въ конецъ разорявшая крестьянъ²⁾. «Дворяне претворились здѣсь въ саранчу, поядающую другъ у друга всѣ плоды ежегодныхъ трудовъ».

Нѣтъ ничего удивительнаго, что подобные господа такъ же суевѣрны, какъ ихъ подданные—крестьяне. И вотъ «Сатирическій Вѣстникъ» даетъ подробное описаніе суевѣрій и разныхъ обрядовъ, проявляющихся, напримѣръ, во время Святкокъ. Это описаніе интересно и тѣмъ, что оно почти не встрѣчалось у предшествен-

¹⁾ «Сат. В.», ч. V, стр. 60—62.

²⁾ Ibidem, ч. VI, стр. 45.

никовъ Страхова, и тѣмъ, что написано довольно гладкими стихами. Интересно и то, что гадаютъ всё отъ мала до велика, особенно ховалева-помѣщики. «Угрюмый земледѣлецъ» гадаетъ на улицѣ, очертясь въ кругѣ, и, лежа дожидается, пока услышитъ шумъ, «что будто на току молотать хлѣбъ цѣпами»,—тогда, успокоенный, онъ возвращается домой, радуясь за будущій урожай. Другой, опять-таки въ кругѣ, лежитъ на перекресткѣ двухъ дорогъ и тоже гадаетъ объ урожаѣ. Не менѣе, если не болѣе ретиво бросается на гаданье и «вѣтрена младость». Дѣвушки смотрятъ въ зеркало, на луну, ходятъ къ банному окну и, оборотившись къ нему спиной, ждуть: погладить ихъ суженый-ряженный или ударить, и отсюда дѣлаютъ выводъ объ его характерѣ. Нѣкоторыя гаданья оканчиваются несчастьемъ. Такой исходъ имѣетъ ловля чужого коня, который долженъ отвезти вскочившую на него дѣвушку во дворъ ея суженаго. Дѣвушка, сѣвши лицомъ къ хвосту коня, у котораго глаза завязаны, часто «углы считаетъ лбомъ; упавши иногда на острое ребромъ, стонаетъ на снѣгу; здоровье потерявъ, гадаетъ только то, что замужъ не возьметъ увѣчную никто»¹⁾. Дѣвушки льютъ олово, воскъ, ходятъ на прорубь, возлѣ которой, сидя на кожѣ, прислушиваются къ голосу будущаго мужа; ходятъ на церковную наперть, не услышатъ ли «надгробнаго рыданья», спрашиваютъ у чужихъ воротъ имя, чтобъ узнать имя суженаго и т. д. Эти суевѣрные обычаи практикуются не въ одной деревнѣ,

«Но многихъ и въ городахъ въ такихъ мы зримъ сѣтахъ»²⁾.

Выводъ изъ этихъ суевѣрій для просвѣщеннаго издателя «Сатирическаго Вѣстника» очевиденъ. Всѣ эти суевѣрія будутъ существовать до тѣхъ поръ, пока невѣжество будетъ «ослѣплять умъ», и пока не явится знаніе, которое одно можетъ разсѣять этотъ мракъ. Добрая нравственность лучше всѣхъ «бѣсовъ» подскажетъ дѣвушкѣ, можетъ ли она ожидать замужества, такъ какъ «благую жизнь дарить одна лишь добродѣтель; и за добромъ всегда грядетъ во слѣдъ добро, а за худымъ спѣшитъ съ несчастіями зло»³⁾.

Не трудно догадаться, какъ эти огрубѣлые «умомъ и сердечкомъ» люди проводятъ «гуляливую» масляницу. Характерной чертой этого національнаго праздника являются кулачные бои. Облѣвшися блинами «добрыя молодцы—идутъ «поразмять бока», въ которыхъ ощущаютъ коляки, и бьются до полусмерти «стѣнка на стѣнку». Чтобы оцѣнить значеніе этой стороны Страховской сатиры, слѣдуетъ вспомнить, что даже вельможи, какъ на примѣръ извѣстный А. Г. Орловъ, покровительствовали подобнымъ боямъ и даже принимали въ нихъ непосредственное участіе. Масляничное

¹⁾ «Сатир. В.», ч. V, стр. 73—79.

²⁾ Ibidem, стр. 79.

³⁾ Ibidem, стр. 80.

объединеніе, безобразная трата денегъ и, затѣмъ, переходъ къ «пищѣ св. Антонія» даютъ возможность сатирику послать упрекъ по адресу «ханжества». Люди, отказывающіеся отъ рыбы, «набиваютъ брюхо до полна капустой» и

«Думаютъ тогда со хриномъ безъ помѣхъ,
«На пищѣ что яной большой написанъ грѣхъ»¹⁾).

Что касается до «галантомовъ» и «щеголихъ», то они, воспитанные въ древнерусскихъ суевѣріяхъ, тщетно слятся освободиться отъ нихъ. Изъ всѣхъ видовъ гаданья они оставили одинъ: глядѣть въ зеркало на луну,—иные виды они не практикуютъ, но лишь потому—удачно острить Страховъ—что знаютъ, что «для радеву съ чертами потребно болѣе смѣлости, нежели сколько надобно для радеву съ щеголями и вертопрахами»²⁾. Тѣмъ не менѣе подблюдныя пѣсни и гаданье при посредствѣ ихъ практикуется и въ высшихъ кругахъ общества. «Однимъ словомъ, въ сіе время сколько о томъ ни стараются свѣтскіе люди, дабы не подпасть суевѣрію, однакожъ тѣ веселости, которыми думаютъ они себя выгородить изъ числа послѣдующихъ оному, малымъ чѣмъ лучше забавъ простонародныхъ».

Посмотримъ же теперъ поближе со словъ достовѣрнаго свидѣтеля, котораго можно развѣ упрекнуть въ излишней скромности, какъ жило современное ему «наше будто богатое барство». Подобно гоголевскимъ помѣщикамъ, одинъ хвалился «великимъ и безпрестаннымъ къ себѣ пріѣздомъ», другой своей охотой, третій разоряющими его строеніями и заводами. Но всѣ непременно имѣли свой, такъ сказать, придворный штатъ, который составляли, кромѣ шутовъ, слѣдующія лица³⁾:

1) Учитель-французъ, которому платили отъ 250—1,000 рублей, и котораго брали «на удачу», такъ какъ онъ нуженъ былъ не для воспитанія дѣтей, а «для того, что мода и обычай требуютъ, дабы безотмѣнно дворянину, который имѣетъ отъ 500 душъ до 1,000 и далѣе, держать у себя въ штатѣ учителя».

2) Вѣдныи дворянинъ-прихлебатель, обязанности котораго состояли въ томъ, чтобы всюду сопровождать своего патрона, для скуки умѣлъ бы играть въ вистъ и шашки, раскуривалъ и подавалъ трубку и «выходилъ бы сказывать (приказывать) о подведе-ніи къ крыльцу кареты».

3) «Попъ», съ которымъ поступаютъ безъ должнаго къ священному сану уваженія; произносятъ его имя всегда «съ кислымъ видомъ» и всячески надъ нимъ издѣваются: «стараются преклонять его къ поступкамъ, которые всегда кончаются смѣхомъ на счетъ его».

¹⁾ «Сатир. В.», ч. VI, стр. 70—79.

²⁾ Ibid., ч. VII, стр. 48 и 49.

³⁾ Ibid., ч. III, стр., 84—88.

4) Управитель, должность котораго состоитъ «въ безпрестанномъ упражненіи въ бракѣ и разореніи крестьянъ».

5) Секретарь, пишущій за барина письма, списывающій новые рецепты для наливокъ и пѣсни для барышень-дочерей патрона. Онъ также крадетъ барскія деньги вмѣстѣ съ управляющимъ.

6) Дядька за дѣтьми, оберегающій ихъ отъ ушибовъ и увѣчий.

За симъ слѣдуютъ садовникъ, конюшій, поваръ и разные слуги, «изъ коихъ одни должны вѣкъ свой сидѣть въ передней; иные держать на своемъ отчетѣ карты, столы и мѣлъ; нѣкоторые переносятъ вѣсти; самые же несчастные съ обритою головой и въ шутовскомъ платьѣ отправляютъ вѣчно ролю шутовъ и дураковъ». За ними слѣдуетъ рядъ приказчиковъ, бурмистровъ, старость, земскихъ, выборныхъ. Вся эта голодная челядь, обладающая волчьимъ аппетитомъ и крайне растяжимой совѣстью, вѣчно обманываетъ господъ, вѣчно отписывается и оправдывается въ недомѣкахъ неурожаемъ, вѣчно предлагаетъ сдать въ рекруты тѣхъ, «которые или навлекли на себя гнѣвъ ихъ, или по бѣдности—не въ силахъ ихъ дарить». Широкое поприще для хищеній даютъ сами дворяне, съ сентября по май живущіе въ столицѣ или вообще въ городѣ, куда ѣдутъ или повеселиться, или везутъ туда дочерей, «на ярмарку невѣсть». Въ концѣ августа, собираясь въ городъ и собирая для побѣдки средства, они, правда, обращаютъ вниманіе на хозяйство, при чемъ заботы ихъ ограничиваются лишь тѣмъ, «чтобы, нѣкоторыхъ пересѣчь, выдать замужъ дѣвокъ, смѣнить старость, выбрать для продажи годныхъ въ рекруты и собрать запасъ, оброкъ и деньги».

Яркая картина полного произвола и обезличенія человѣчества возстаетъ передъ нами при чтеніи этихъ преисполненныхъ горечи строкъ, посвященныхъ иллюстраціи крѣпостного права. Образы до того ярки, картина до того типична, что забываешь, что она нарисована 100 лѣтъ назадъ, а думаешь, что она выхвачена изъ 40-хъ, 50-хъ годовъ текущаго столѣтія.

Добавимъ ее одной чертой, отмѣченной повдѣе безсмертной комедіей Грибоѣдова. Это—страсть помѣщиковъ къ собственнымъ, доморощеннымъ театрамъ. «Нѣкоторые слабоумные дворяне, слышавъ издалека о гремящей славѣ театра», побывавъ въ столицѣ, накаплиютъ долги, проматываютъ состояніе, «въ замѣну же всего этого возвращаются въ уголокъ свой съ великою толпою музыкантовъ и актеровъ и съ великимъ числомъ повозокъ, напичканныхъ декораціями и музыкальными инструментами»¹⁾.

Финалъ подобныхъ затѣй, засвидѣтельствованныхъ исторіей, очень вѣрно высказанъ Грибоѣдовымъ:

¹⁾ «Сатирическій Вѣстникъ», ч. III, стр. 10.

«Но должниковъ не согласилъ въ отсрочкѣ:
«Амуры и эфиры всё
«Распроданы поодинокѣ».

Страховъ не разъ указываетъ подобный конецъ барскихъ затѣй его времени. Въ «Журналѣ нѣкоторыхъ великихъ людей въ большомъ свѣтѣ» ярко изображена судьба мота:

«Я продалъ первое удачно мужика,
«Хотя работника, не дурака.
«Второе, за пять лѣтъ впередъ, оброкъ весь обралъ,
«А третье за большимъ расходомъ
«Деревню за безцѣнокъ заложилъ».

Въ концѣ концовъ разряженнаго на добытое подобнымъ путемъ дворянина схватываетъ «займодавецъ кропотливый» прямо на улицѣ:

«Крауль!—онъ закричалъ... меня и потащилъ»¹⁾.

Не трудно догадаться, каково жилось при такомъ режимѣ крестьянамъ. Страховъ, не смотря на стѣсненное положеніе своего журнала даетъ намъ, помимо вышеприведеннаго, образцы помѣщичьяго управленія; и неприглядное положеніе русскаго *bête de somme*, какъ мѣтко окрестили въ прошломъ вѣкѣ во Франціи крестьянина, востаетъ во всей наготѣ. Этимъ Страховъ напоминаетъ удачнѣйшія страницы своего знаменитаго предшественника.

Основной взглядъ Страхова на крѣпостное право тотъ, что оно унижало человѣческое достоинство и разоряло сотни людей по прихоти одного какого-нибудь «галантома». Въ отдѣлѣ публикацій находимъ слѣдующую: «Для проданія мужиковъ въ рекруты и разоренія оныхъ отбылъ въ деревню г. Моторыгинъ»²⁾.

Характеризуя способности и ловкость опытнаго управителя, журналъ говоритъ слѣдующее: «при всемъ томъ онъ и въ домо-водствѣ весьма искусенъ; знаетъ, по какой цѣнѣ продавать хлѣбъ; какъ воздерживаться не давать онаго крестьянамъ; какая цѣна, естьли ставить крестьянъ оныхъ въ рекруты; какимъ образомъ побоями можно ихъ довести до того, что они, не смотря на всё его притѣсненія, только-что будутъ отзываться однимъ словомъ: много довольны и пожалованы». «Не рѣдкой ли это воспитатель и смотритель?» съ нескрываемою ироніей спрашиваетъ авторъ³⁾.

Есть еще болѣе опредѣленное мѣсто въ журналѣ, выражающее ясно воззрѣнія автора (издателя) на крѣпостное право. Возмущаясь роскошью и мотовствомъ дворянъ, онъ указываетъ на одно изъ проявленій послѣдняго: дворяне, собирая вокругъ себя толпу прихлебателей, шутовъ и слугъ, содержать и одѣваютъ ихъ на счетъ «глады и наготы несчастныхъ и грабимыхъ ими земледѣльцевъ».

¹⁾ «Сатирическій Вѣстникъ», ч. VIII, стр. 70—72.

²⁾ Ibid., ч. II, стр. 114.

³⁾ Ibid., стр. 24.

Эти слуги опустошают села и деревни, отнимают изобиліе у хлѣбопашцевъ, лишаютъ ихъ нужныхъ помощниковъ, «для возвращенія которыхъ родители проливали потъ, лишались сна и утѣхъ», а въ концѣ видятъ, что изъ ихъ дѣтей понадѣлали шутовъ и холоповъ, праздныхъ тунеядцевъ, созданныхъ «алчными руками тще-славія, роскоши и прихотей. Выводъ изъ такого status quo вполне очевиденъ: «отъ сего самаго государства и цѣлыя гражданскія общества лишаются такихъ людей, коихъ ремесло состоитъ въ обработаніи той земли, произведенія которой питаютъ ихъ, поддерживаютъ ихъ дѣятельность, споспѣшествуютъ ихъ изобилію, спокойствію, порядку, тишинѣ и цѣлому благосостоянію»¹⁾.

Лучшія страницы Новиковскихъ изданій отходятъ на второе мѣсто сравнительно съ приведеннымъ отрывкомъ «Сатирическаго Вѣстника», такъ какъ послѣдній строго опредѣленно и не въ объективной уже формѣ выражаетъ свою «гражданскую скорбь» по поводу бесспорно возмутительныхъ проявленій крѣпостничества. Изъ всей массы русскихъ сатирическихъ изданій прошлаго вѣка только въ одномъ «Покоящемся Трудолюбцѣ» я нашелъ подобную, такъ сказать, принципиальную характеристику положенія рабовъ подъ тяжелой рукой рабоплащдѣлицей²⁾...

Чтобы покончить съ разборомъ этого превосходнаго изданія, непосредственно примыкающаго къ циклу Новиковскихъ, слѣдуетъ сказать, что въ немъ нашла себѣ мѣсто и критика. Здѣсь мы находимъ вполне основательную оцѣнку игры трагическихъ актеровъ, поставленныхъ ходульными піесами въ необходимость становиться и самимъ на ходули.

«По мѣнью сихъ актеровъ, ноги и руки могутъ изъяснить болѣе, чѣмъ лицо. Для сего самаго обыкновенно относятъ они одну руку вверхъ, а другую столь сильно прижимаютъ къ тѣлу, что въ продолженіе всей піесы представляютъ изъ себя статую въ древнемъ вкусѣ или такого стариннаго бойца, которой наждаетъ на себя соперника. Они также почитаютъ великою красой выпяливать глаза, а пальцы той руки, которою дѣйствуютъ, такъ притягивать, дабы казалось, что никакая сила не можетъ опять согнуть. Въ разсужденіи голоса они также весьма знающа. Нѣкоторые изъ актеровъ кричатъ, что есть силы, другіе же произносятъ слова на распѣвъ, такъ что отъ сего почти всегда комедія кажется оперою»³⁾.

Подобный протестъ на неестественную игру актеровъ комическаго классическаго традицій былъ высказанъ затѣмъ лишь спустя лѣтъ

¹⁾ «Сатир. В.», ч. I, стр. 96—98.

²⁾ «Покоящійся Трудолюбецъ», ч. IV, стр. 224—230; 1784—1785 г. «Письмо къ другу», принадлежащее перу женщины, что особенно замѣчательно.

³⁾ «Сатирическій Вѣстникъ», ч. VII, стр. 42—45.

50 Вѣликимъ, по поводу игры супруговъ Каратыгиныхъ и высказанъ въ болѣе сдержанной формѣ.

Наконецъ, совершенной новинкой является въ «Сатирическомъ Вѣстникѣ» разсужденіе объ общественномъ мнѣніи и его недѣльных прерогативахъ надъ легкомысленной толпой. И опять этотъ вопросъ повторился въ нашей литературѣ лишь черезъ 30 лѣтъ въ бессмертной комедіи «Горе отъ ума».—Страховъ и здѣсь опередилъ свой вѣкъ и современныя ему требованія духа времени. Вотъ эта статья.

«Что скажутъ другіе? Сіе краткое словцо столь примѣтнымъ образомъ дѣйствуетъ надъ умами здѣшнихъ жителей, что нѣтъ почти ни одного худого дѣла, или приключенія, которое бы послѣдовало не отъ словца: что скажутъ другіе?» «Что скажутъ другіе? многихъ заставляеть пренебрегать къ самому себѣ собственное сказаніе совѣсти. Что скажутъ другіе?—судью заставляеть брать вятки, дворянина—разорить своихъ мужиковъ, дѣвушекъ не по склонности жертвовать своимъ сердцемъ, мужчинѣ жениться вопреки своей волѣ. Что скажутъ другіе?—заставляеть многихъ лишаться послѣдняго имѣнія. Что скажутъ другіе?—заставляеть жить не такъ, какъ хочется, и думать не такъ, какъ надобно... Вотъ сколь важно словцо: что скажутъ другіе? Или лучше сказать, сколь вредно излишнее уваженіе людскихъ мнѣній, изъ коихъ для души составляется самопроизвольная цѣпь невольничества, цѣпь, которая творитъ сердце робкимъ къ добру и содержитъ въ недѣйствіи разсудокъ, великость духа и истинныя чувствованія» ¹⁾.

Подводя итогъ всему нами сказанному, мы должны принять въ «Сатирическомъ Вѣстникѣ» и его издатель дѣльных представителей русскаго печатнаго слова, которое не смотря на кажущееся благоденствіе далеко «не въ авантажѣ обрѣталось» въ прошломъ вѣкѣ. Изданію Страхова принадлежитъ тѣмъ большая честь въ дѣлѣ проведенія гуманитарныхъ идей, что его положеніе, какъ литератора, было весьма затруднительное. Въ памяти читателя еще свѣжи были жгучія страницы Новиковскихъ изданій, съ юношескимъ пыломъ бичевавшихъ въ конецъ опустившееся общество, потерявшее жизненную нить, лишённое разумныхъ стремленій и чуждое всякихъ иныхъ, кромѣ эгоистическихъ, стремленій. Новиковъ сдѣлалъ, что могъ, и всякій неумѣльный работникъ на журнальномъ поприщѣ явился бы или жалкимъ плагиаторомъ или скучнымъ болтуномъ, переливающимъ «на тысячу ладовъ» тысячу разъ говоренное. Талантливый человекъ счастливо избѣгъ этихъ крайностей и, удержавъ основные взгляды своего предшественника, нашель возможнымъ внести въ свой журналъ и нѣчто новое, чего по обстоятельствамъ не пришлось досказать Новикову. За то стрем-

¹⁾ «Сатирическій Вѣстникъ», ч. IX, стр. 8—5.

ленія его и идеалы остались тѣми же, что были и у послѣдняго, такъ какъ это идеалы общечеловѣческіе, руководящіе проповѣдью свѣта и знанія и ведущіе общество на новый путь личнаго труда на почвѣ гражданскаго самосознанія. И общество откликнулось на призывъ лучшаго изъ своихъ членовъ: черезъ три года изданіе пришлось повторить—очевидно общество начало созрѣвать,—благодарныя идеи русскихъ гуманистовъ въ него значительно глубоко за-пали, и для гуманнѣйшихъ мѣръ Александра I выдвинулись проводники изъ «новой породы людей», созданныхъ уже общими усиліями науки и родной литературы и потому всѣми силами души чуряющихся своихъ предшественниковъ, во вкусъ Екатерининскаго времени.

Сергій Тимоеевъ.

АТАМАНЪ ИЛЮШКА ПОНОМАРЕВЪ¹⁾.

ЛЪ ПОСЛѢДНИХЪ числахъ сентября мѣсяца 1670 года, въ городъ Козьмодемьянскъ явился воровской казакъ Илюшка Пономаревъ, называвшій себя атаманомъ Разина, и сталъ возмущать народъ, склоняя его пристать къ Стенькѣ. Не прошло нѣсколько дней, какъ весь Козьмодемьянскъ и окрестныя села и деревни взбунтовались. Заворовала черемиса луговая и нагорная, возмутилось крестьянство и посадскіе люди. Въ первыхъ числахъ октября, Козьмодемьянскъ представлялъ обширный воровской лагерь: лавки были заперты, царевы кабаки разбиты, дворы и дома начальныхъ людей разорены, церкви Божіи стояли безъ пѣнія. Буйныя толпы ватажились на базарной площади, по улицамъ и пустырямъ. Дикій и зловѣщій шумъ и днемъ и ночью висѣлъ надъ городомъ. Надъ этой буйной толпой стали атаманы и начальные люди. Первый атаманъ былъ донской казакъ Ивашко Васильевъ симбирецъ, другой—Стрикъ черкашенинъ, третій Миронко Ѳедоровъ Мумаринъ козьмодемьянецъ, черемисскій приставъ, и четвертый Илюшка Пономаревъ, а подъ ними начальные люди были—черемисяне Шабайко да сотникъ Овдуйка Алпарусъ и четверо изъ русскихъ людей. «Главной старшиной»

¹⁾ Свѣдѣній о томъ, какъ распространился и угасъ бунтъ Разина на луговой сторонѣ Волги, въ нынѣшней Костромской губерніи, нѣтъ ни въ исторіи С. М. Соловьева, ни въ монографіяхъ гг. Попова и Костомарова. Матеріаломъ для настоящаго очерка послужилъ столбецъ, заключающій въ себѣ «Списокъ съ отписки» Тотемскаго воеводы Максима Ртищева, предоставленный въ наше пользованіе Н. С. Кашкиннмъ, у котораго онъ сохранился въ домашней библиотекѣ.

надъ всѣми сталъ Ивашко Васильевъ, отличавшійся дикою отвагою и жестокостію. Всякаго сброду набралось подъ командою Ивашки до 15-ти тысячъ. Илюшка Пономареву, очевидно, не захотѣлось быть подъ началомъ Ивашки и бездѣтельно стоять подъ Козьмодемьянскимъ, и онъ умыслилъ «отстать отъ войска и старшины», чтобы въ иныхъ мѣстахъ и на свой страхъ начать «дѣйство». Онъ сталъ собирать свою ватагу. На его сторону перешелъ атаманъ Миронко Мумаринъ, два есаула — Митька Куварка и Ондришка Скукорокъ, да пятнадцать человѣкъ мелкихъ начальныхъ людей, пять человѣкъ козьмодемьянскихъ ямщиковъ, два кузнеца, нѣсколько человѣкъ черемисы луговой. И стало ихъ всего «съ тридцать душъ». «Прибрався тѣми небольшими людьми, Илюшка отъ атамановъ въ Козьмодемьянску отсталъ», и ночью, захвативъ нѣсколько лодокъ, «равшитыхъ на семеры веслы», ушелъ съ своею ватагою на Ветлугу. Эта кучка отчаянныхъ удалцовъ, одержимыхъ духомъ корысти и буйнаго своеволія, три дня шла въ верхъ по Ветлугѣ, среди дремучихъ лѣсовъ и непроходимыхъ дебрей. На четвертый день ватага пристала къ селу Николаевскому, вотчиннѣ боярина и царскаго оружейника Богдана Матвѣевича Хитрово, бросилась на боярскій дворъ, пограбила все, что попало, взяла много оброчныхъ денегъ, а человѣка его, который сидѣлъ въ вотчинѣ на приказѣ, хотѣла убить, но крестьянство за него заступилось, одобривъ «его обхожденіе». Вору убили только десяцкаго «по мирской сказкѣ». Село взбунтовалось. Отсюда вору разослали прелестныя письма по окрестнымъ селамъ и деревнямъ. Заволновалось крестьянство и пристало къ вору явъ крестьянъ селъ Воскресенскаго, Баконъ, Дмитровска, да съ Лапшанги рѣки изъ разныхъ приходоу «съ триста семьдесятъ человѣкъ, а всѣхъ въ сборѣ теперь стало съ четыреста человѣкъ». Вору сдѣлали пять знаменъ пестрядинныхъ красныхъ и распредѣлились по сотнямъ и десяткамъ. Старшиною въ этомъ «войску» сталъ черемисской приставъ Миронко Федоровъ Мумаринъ, а подъ нимъ атаманомъ Илюшка; Митька Куварка и Ондришка Скукорокъ выбраны есаулами. Съ этой толпою Илюшка пошелъ на рѣку Унжу, подымая къ бунту крестьянство. Страшное опустошеніе представлялъ его воровскій слѣдъ. Боярскіе дворы были опустошены и сожжены, много побито было бояръ, дѣтей боярскихъ, приказныхъ людей и крестьянъ, все «по мирской сказкѣ». Илюшкино «войско» все увеличивалось: подъ его пестрядинными знаменами насчитывалось четыреста человѣкъ конныхъ и болѣе трехъ сотъ пѣшихъ. Илюшка шелъ съ Ветлуги двумя ватагами: одна отъ рѣки Лапшанги «лапшангскою дорогою», а другая проселочными и лѣсными дорогами, направляясь къ Макарьеву, на Унжѣ, монастырю. Впереди воровскихъ ватагъ шли разные заводчики къ бунту съ прелестными письмами.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ въ Унжинской городокъ пришелъ крестья-

нинъ княгиня Лыковой, Микитка Тонконоговъ, и, явившись на дворъ унженскаго цѣловальника Гурки Семенова, попросился говорить съ нимъ съ очей на очи. Гурко вышелъ на дворъ, гдѣ Микитка подалъ ему письмо.

— Отъ кого?—спросилъ Гурко.

— Вычти, самъ увидишь,—отвѣтилъ Тонконоговъ.

Гурко Семеновъ прочиталъ письмо.

— Къ атаману Илюшкѣ я не пойду, а ты скажи ему, дабы онъ на насъ не находилъ, шелъ бы мимо нашей осады,—отвѣтилъ Гурко.

— А ты кличь клички на посадѣ и ту память Илейкину міру вычти. Что міръ скажетъ,—возразилъ Тонконоговъ.

— И читать не стану, а ты бѣги отсель, покуда душа въ тебѣ держится.

— Не путевое затѣваешь. Я уйду и атаману стану сказывать про твое влѣдство... придетъ сюда, на Унженскую осаду, самъ Илюшка и тебя срубить,—замѣтилъ съ угрозой Тонконоговъ.

— Не боюсь я твоего атамана вора.

— Оглядывайся теперь, послѣ поздно будетъ,—опять погрозилъ Тонконоговъ.—Придетъ атаманъ, всѣмъ начальнымъ людямъ лихо станеть, коль вы сами противу него идете.

Въ эту пору на дворѣ цѣловальника случился земскій староста Тараска Григорьевъ, который попросилъ Гурку воровскую память ему вычестъ.

— Бѣда пришла,—проговорилъ онъ, выслушавъ память,—не знай, въ кою сторону и кидаться.

— Куда намъ кидаться? На своей сторонѣ и стоять надо,—твердо высказался Гурко.

— А мой обычай—атамана послушаться. Видно, Стенька верхъ взялъ, коль атаманъ его до насъ дошелъ. Видно, все ему покорилось, и намъ проти его идти не гоже. Не причлось бы намъ какого дурна отъ атамана за нашу противность.

— Худыя рѣчи ты выговариваешь. Помнить бы тебѣ государеву присягу.

— Присягу я помню не хуже тебя,—запальчиво высказался староста.—А тебѣ безъ міру рѣшенья класть не доводится. Надо міръ скликать, какъ онъ велить: по мірской сказкѣ и поступать надо.

— Это дѣло не мірское.

— Врешь, мірское.

Староста съ цѣловальникомъ заспорили.

— Эй, цѣловальникъ, атаманъей волѣ не противься. Клички кличь!—уговаривалъ Тонконоговъ.

— Не кликну, а тебя велю въ тюрьму бросить.

— Я отъ атамана пришелъ... меня коль тронешь, головы своей не сносишь,—отвѣтилъ Тонконоговъ и пошелъ со двора.

А за нимъ отправился и староста Тараска Григорьевъ. Догнавъ Тонконогова, онъ пошелъ вмѣстѣ съ нимъ и на базарной площади учалъ кличь кликать, «самъ вмѣсто бирюча». На кличь сбѣжались на площадь посадскіе люди и нѣсколько крестьянъ изъ села Покровскаго. Тараска Григорьевъ объявилъ народу про воровскую Илюшкину память и пересказалъ ея содержаніе.

— А гдѣ та память?—спрашивали старосту.

— У цѣловальника, у Гурки Семенова,—отвѣтилъ Тараска.— И онъ ту память объявлять міру не хочетъ.

— Взять ее у цѣловальника,—заголосила толпа.

А въ это время пришелъ на площадь самъ цѣловальникъ съ подъячимъ Галицкой площади Григорьемъ Васильевымъ и воровскую память народу показалъ.

— Вычти!—кричала толпа.

Но цѣловальникъ читать отказался. Взялъ у него бумагу унжинскій попь Тимофей Андрониковъ и прочиталъ ее на всю площадь. Толпа нѣсколько минутъ молчала.

— Атаманъ Илюшка идетъ вездѣ съ милостью да со слободой. Бьетъ и вѣшаетъ бояръ лихихъ и худыхъ начальныхъ людей,—крикнулъ Тонконоговъ молчаливой толпѣ.

— Перекинемся къ атаману, жить намъ лучше станеть, вольготнѣй. А то отъ поборовъ-де, утѣсненій всякихъ въ конецъ обнищали,—заговорилъ попь.

— Прямая рѣчь! Правое слово!—выкрикнуло нѣсколько голо-совъ.

— Доподлинно... пойдемъ съ атаманомъ,—отозвались другіе голоса.

И толпа сразу зашумѣла, заволновалась. Бунтъ вспыхнулъ и разгорѣлся. Цѣловальникъ съ подъячимъ поторопились уйти съ площади.

— Ты теперь посгѣпай на Галичъ и объяви возводѣ про здѣшній бунтъ,—наказалъ Гурко подъячему.— А мнѣ теперь довелось себя и животы свои хоронить. Лихо на нашъ городокъ набрело.

Въ эту же ночь подъячій уѣхалъ въ Галичъ, а цѣловальникъ съ семьей и пожитками ушелъ невѣдомо куда. На другой день и село Покровское забунтовало, гдѣ «бунтъ завелъ того села попь Климъ да дячокъ Ѳедотка Ѳедоровъ». Въ это время въ Унжинской городокъ пришелъ сотникъ московскихъ стрѣльцовъ Ѳедоръ Поливкинъ съ нѣсколькими стрѣльцами, чтобы собрать подводы подъ ратныхъ людей. Буйная толпа попыталась не давать подводъ, и Поливкину пришлось собрать ихъ силой.

3-го декабря «о половинѣ дня, пришелъ на Унжу на посадъ» атаманъ Илюшка съ большой ратью: конныхъ четыреста человекъ

и гѣшихъ съ триста по санямъ. Воры кинулись къ тюрьмѣ, отворили ее и выпустили тюремныхъ сидѣльцевъ, которые всѣ пристали къ мятежникамъ, а затѣмъ на таможенный и кружечный дворы и пограбили таможенную и кружечную казну, а также у головы взяли денежную государеву казну. Сотникъ Ѳедоръ Поливкинъ и пять человѣкъ стрѣльцовъ попались въ руки воровъ. Старшина Миронко Мумаринъ сталъ допрашивать сотника: «кто онъ? и зачѣмъ въ Унжинскую осаду пришелъ?»

— Я сотникъ московскихъ стрѣльцовъ прибору стольника и воеводы Василья Нарбекова,—отвѣчалъ Поливкинъ.—А въ Унжинской городокъ пришелъ для наряда подводъ подъ ратныхъ людей.

— А гдѣ тотъ воевода?

— Недалече отсель. Идетъ онъ за мной со многою ратью промыслятъ воровскихъ казаковъ, атамана и клятвопреступника Илюшку Пономарева съ его воришками и бунтовщиками.

— Когда онъ обѣщался быть на Унжѣ?

— Новѣшній день въ ночи.

— Пускай приходитъ,—отвѣтилъ Миронко и велѣлъ «своему войску» рубить головы Поливкину и стрѣльцамъ.

Воры тотчасъ исполнили приказаніе своего старшины и «посѣкли стрѣлецкія головы».

Илюшка, услыхавъ отъ Поливкина «про сыскъ его», скликнулъ къ себѣ есауловъ, Митьку Куварку да Ондришку Скукорока, чтобы обдумать какъ имъ отъ сыска уберечься.

— Проти московскихъ стрѣльцовъ биться намъ съ нашимъ войскомъ немочно, для того что изоружены мы бѣдно и пушекъ у насъ нѣтъ, а стрѣльцы, знатно, идутъ съ пушками и съ пичалью. Какъ намъ быть?—говорилъ Илюшка своимъ близкимъ товарищамъ.

— Ты думай,—отвѣтили ему тѣ.

— Зима теперь и въ лѣсу намъ скорониться нельзя: слѣдъ не скрадешь, сыскъ по слѣду до насъ дойдетъ и насъ изымасть. Одинъ способъ намъ есть: уйти отсюда въ верхніе города и зиму хорониться по уѣздамъ. А весна придетъ, проняться бы намъ опять на Волгу да опять къ старшинѣ атаману Стенькѣ пристать. Теперь идти на Волгу опасливо: вездѣ по дорогамъ, по заставамъ и по околицамъ деревенскимъ сыскъ стоитъ, коего миновать будетъ немочно. Ивоймутъ насъ.

Есаулы одобрили рѣчь атамана и согласились слѣдовать за нимъ.

— Мѣшкать намъ теперь одного часу нельзя. Скоряй подводы изготовляйте!—заключилъ Илюшка.

Свечерѣло. Воровское Илюшкино войско собралось на базарной площади, шумѣло и неистовствовало. Старшина Мумаринъ послалъ искать Илюшку «для совѣту», но его уже не нашли: онъ самъ-пять

бѣжалъ изъ городка на двухъ подводахъ, взявъ себѣ «въ вози дѣтину тотмянина». «Для проходу», чтобы не возбуждать подозрѣнiя, Илюшка надѣлъ чернеческое платье-манатью и клобукъ, а возу приказалъ вести себя «уходомъ», лѣсными дорогами.

Въ этой же ночи и Миронко Мумаринъ ушелъ съ войскомъ изъ Унжинскаго городка, убоявшись воеводы Нарбекова.

11-го декабря прибѣжалъ на Тотму съ Усолья Леденскаго работный человекъ Панка Замятнинъ и объявилъ воеводѣ Максиму Ртищеву, что «сего-де числа ѣхали мимо ихъ Усолья Леденскаго въ саняхъ на пяти лошадахъ незнаемые люди, сидятъ по два человекъ въ саняхъ, да передъ ними лошадь простая заводная бѣжить, а сказываются казанцами». Такъ какъ про появленiе на Велугѣ и на Ужѣ воровскаго атамана Илюшки Пономарева разосланы были вѣсти по всѣмъ воеводамъ, то Ртищевъ серьезно принялъ вѣсть Панки Замятнина.

— А куда они путь держали?—спросилъ его Ртищевъ.

— Знато, на Тотму,—отвѣтилъ тотъ.—Я бѣжалъ къ тебѣ лѣсною дорогою, а не ѣзжей, по коей тѣ незнаемые люди ѣхали.

Воевода тотчасъ собралъ своихъ людей и тотмянъ посадскихъ жилецкихъ людей со сто человекъ и послалъ ихъ «въ подѣвздѣ», въ сопровожденiи Панки Замятнина. Эти люди пошли ѣзжею дорогою къ Усолью Леденскому. Верстъ за пять отъ Тотмы они замѣтили слѣдъ въ сторону отъ дороги, въ лѣсъ. По примѣткамъ, слѣдъ этотъ былъ тѣхъ самыхъ незнаемыхъ людей, которые, по словамъ Замятнина, ѣхали на пяти лошадахъ; тотмяне свернули съ дороги и пошли по свѣжему слѣду. Недалеко, на болотѣ, за Сухоною рѣчкой, нашли они на незнаемыхъ людей, которые, знато, пристали «нощевать». Всѣхъ ихъ было одиннадцать человекъ. Одинъ изъ нихъ былъ въ богатой одеждѣ: «скафтанъ камчатной желтой, а у него девять пуговицъ серебряныхъ съ финифтомъ, подкладка—тафта дымчатая, шапка вершокъ червчатой бархатной, околъ соболей, тулейка выбойчатая; за кушакомъ пистоль оправная серебромъ, а на боку сабля—полоса булатная, черенъ кость рыба, ножны ховъ черной, оправка мѣдная почеркаски». Незнаемые люди сказались казанцами торговыми людьми. Подѣвзчики взяли ихъ, и съ подводами, и привели на Тотму въ свѣзжую избу. По спросу воеводы, они опять назвали торговыми людьми, но Ртищевъ не повѣрилъ ихъ рѣчамъ и на ночь посадилъ ихъ въ тюрьму подъ крѣпкой караулъ. На утро воевода учинилъ имъ допросъ съ розыску, въ застѣнкѣ. Незнаемые люди повинились. Первый человекъ сказалъ:

— Илюшкой меня зовутъ, Ивановъ сынъ, Пономаревъ и Поповъ тоже, родомъ черкашенинъ, Кадома города, допрежь бывалъ дворовой человекъ боярина князь Юрья Петровича Вуйносова-Ростовскаго и женатъ тутъ же во дворѣ, а жену зовутъ Грунькой,

Иванова дочь. Казацкій я атаманъ войску (и прибору атамана и старшины казацка Стеньки Разина.

Зачѣмъ, Илюшка разсказалъ «про свои воровскіе походы» отъ Козьмодемьянска по Велугѣ и Унжѣ. Тѣ же рѣчи сказали и есаулы—Куварка и Скукорокъ.

— Зачѣмъ ты на Тотѣму шель?—спросилъ Илюшку воевода.

— Шель я сюда для подзору и провѣдыванія про ратныхъ людей и ружья, напередъ старшины,—отвѣтилъ Илюшка.—А старшина Мумаринъ Миронко съ войскомъ остался у Судая и хотѣлъ быть за нами на Тотѣму вскорѣ, съ понедѣльника на овторникъ, или кончае на среду, декабря 14-го числа, черезъ Судая.

Услыхавъ такія вѣсти, воевода поторопился «вершить вора Илюшку съ его товарищи». Въ этотъ же день всѣ они были повѣшены на берегу рѣки Сухоны. У Илюшки съ товарищами «вынято изъ черезовъ денегъ сто шестьдесятъ рублей и одиннадцать алтынъ, да много всякаго воровскаго скарбу».

По Илюшкиной сказкѣ, воевода Ртищевъ, «опасаясь отъ старшины отъ Миронки Мумарина съ товарищи на Тотѣму приходу ихъ воровскаго съ боемъ и Божимъ церквамъ и градскимъ людемъ разоренія и тѣмъ ворами на Тотѣмѣ для отбою» поспѣшилъ принять мѣры къ оборонѣ: «велѣлъ собрать изъ всякихъ чиновъ съ ружьемъ малочныхъ людей и поставилъ сотни сторожею, а по дорогамъ заказъ учинилъ крѣпкой, и заставы поставить и за сѣки велѣлъ засѣчь, чтобъ тѣ воры на Тотѣму не прокрались, а въ понизовые города, на Устюгъ Великій и на Вагу—въ государевы дворцовыя села о тѣхъ ворахъ, также къ воеводамъ и къ приказнымъ людемъ тотчасъ отписалъ, чтобъ они въ тѣхъ городахъ жили со всякимъ опасеніемъ». Въмѣстѣ съ этимъ воевода раздалъ малочнымъ людемъ изъ воровскихъ денегъ, отобранныхъ у Илюшки съ товарищами, подможныхъ и жалованныхъ денегъ до восьмидесяти рублей, по словесной просьбѣ тѣхъ людей, сказанной въ сѣзжей избѣ «чтобы имъ было изъ-за чего государю работать, покаместъ воровскіе казаки, Миронко Мумаринъ, нынѣ на слуху». Эти ратные люди, набранные изъ разныхъ чиновъ, долго стояли сторожею, напрасно ожидая на Тотѣму воровскихъ казаковъ. Илюшка обманулъ Ртищева, расчитывая, можетъ быть, этимъ обманомъ застращать воеводу и хотъ на нѣсколько дней отсрочить свою казнь, а тѣмъ временемъ поискать случая къ утечкѣ изъ воеводскихъ рукъ и спасти свой животъ.

А Миронко Мумаринъ, опасаясь близкой погони отъ воеводы Нарбекова, пошелъ изъ Унжинскаго городка «на слѣхъ». Онъ раздѣлилъ свою нестройную и своевольную толпу поватажно, поручивъ каждую ватагу особому, вновь выбранному, есаулу, и велѣлъ идти разными дорогами, чтобы спутать свой слѣдъ, чтобы и Нарбековъ, «примѣти воровскіе слѣды», раздѣлилъ свою рать на мел-

кіе отряды, съ которыми Миронко надѣялся расправиться по одиночкѣ. Толпы мятежниковъ двинулись по направленію къ сѣверовостоку и шли большею частію глѣсными дорогами, а мятели и вьюги заматали ихъ воровской слѣдъ. Воевода Нарбековъ въ ту же ночь пришелъ въ Унжинскій городокъ и, не заставъ тамъ мятежниковъ, не пошелъ за ними въ погоню, а остался въ городкѣ, чтобы дать отдыхъ своей утомленной большимъ переходомъ рати. А Миронко ушелъ на Меринскую дорогу и расположился въ Богородскомъ стану, на верху рѣки Шанги. Нѣсколько человекъ изъ мятежниковъ отъ него отстали и разошлись по своимъ домамъ. Съ недѣлю стоялъ здѣсь Мумаринъ спокойно, никакихъ вѣстей про погоню до него не доходило. Онъ сталъ думать, что воевода Нарбековъ стерялъ его воровской слѣдъ. Но однажды есаулъ Микерка привелъ къ Мумарину какого-то крестьянина, который извѣщалъ, что недалеко идетъ Нарбеково войско, и что онъ бѣжалъ впередъ его съ этими вѣстями.

— А велико ли войско?—спросилъ Мумаринъ.

— Немноголюдно,—отвѣтилъ вѣстовщикъ.

Мумаринъ рѣшился вступить въ бой съ воеводой, «попытать свое воровское счастье». Онъ велѣлъ своей «артели» изготовляться къ бою, а самъ въ то же время принялъ всѣ мѣры къ утечкѣ въ случаѣ если счастье будетъ не на его сторонѣ. 13-го декабря, передъ вечеромъ, воевода Нарбековъ показался въ виду воровского стана съ небольшою дружиною московскихъ стрѣльцовъ и тотчасъ ударилъ на мятежныхъ. Въ первую минуту воры смѣло приняли бой, но не устояли. Ихъ нестройная масса скоро смѣшалась и пустилась на утекъ въ разсыпную, кто куда звалъ. Нарбековъ «побилъ и посякъ» въ этотъ день больше двухсотъ мятежниковъ и взялъ семьдесятъ человекъ плѣнныхъ, остальные воры разбѣжались «по разнымъ дорогамъ». Самъ старшина Мумаринъ съ крестьянскою женою молодухой, да съ есауломъ Оедькой Дуракомъ и съ устюжаниномъ швецомъ Ганькой, всего въ семи человекѣхъ, бѣжалъ въ самомъ началѣ боя, «тремя саньми и нарядясь всѣ въ богатые кафтаны». Нарбековъ сталъ пытать у плѣнныхъ — куда бѣжалъ Мумаринъ, но точныхъ указаній не получилъ: одни говорили, что бѣжалъ онъ на Галичъ, другіе указывали на Ветлугу, третьи на Пареньевскую осаду. Въ числѣ плѣнныхъ оказался попъ села Покровскаго Климъ, который «близко ходилъ къ старшинѣ». Воевода сталъ его спрашивать—куда бѣжалъ Мумаринъ.

— Передъ твоимъ приходомъ говорилъ онъ: уйти бы къ Ветлужскому пригороду Кологриву, а туда ль онъ бѣжалъ и которой дорогой—про то я не свѣдомъ,—отвѣтилъ Климъ.

Воевода послалъ нѣсколько человекъ конныхъ по дорогѣ къ Кологриву, которые воротились только на другой день и сказали, что и слѣда воровскаго по той дорогѣ не пало.

— У насъ была дорога одна, а у воровъ ихъ много,—замѣтилъ при этомъ стрѣлецкій сотникъ.

Воевода больше не сталъ искать Мумарина и занялся казнью плѣнныхъ мятежниковъ: онъ всѣхъ ихъ перевѣшалъ, въ томъ числѣ и попа Клима, какъ заводчика къ бунту покровскихъ крестьянъ.

Въ этотъ же день воевода разслалъ отряды по разнымъ дорогамъ провѣдывать и ловить мятежниковъ. Одинъ отрядъ стрѣльцовъ настигъ «большое собраніе изъ воровской артели» въ селѣ Рожествинѣ. Толпа мало сопротивлялась государеву войску и бросилась бѣжать: здѣсь стрѣльцы посѣкли «съ восемьдесятъ человекъ». Воровское «войско» все разсѣялось. Воевода Нарбековъ возвратился въ Унжинской городокъ.

Въ это время привезли туда тѣло Илюшки Пономарева «для опозванія и дабы люди его не боялись». Воевода Нарбековъ разслалъ отписки по всѣмъ окрестнымъ воеводствамъ, которыми извѣщалъ, что онъ «на воровъ и мятежниковъ ходилъ и помощію Всеблагаго Бога и общія наша заступницы Пресвятой Богородицы и великаго государя счастіемъ, тѣхъ воровъ побилъ, посѣкъ и перевѣшалъ съ пятьсотъ въ разныхъ мѣстахъ».

Бунтъ затихъ.

Но воровской старшина Миронко Мумаринъ какъ будто пропалъ безъ вѣсти: и слуху объ немъ не стало, хотя приняты были мѣры къ его сыску.

Въ январѣ мѣсяцѣ 1671 года появился на Устюгѣ Великомъ заѣзжій человекъ и съ нимъ товарищей четыре человекъ. Жилъ тотъ человекъ въ куренѣ и деньги серебряной монеты харчилъ на пропой необычно, а сказывался, что онъ-де съ Соли Камской посадскій человекъ и торгуетъ-де всякой звѣриной, а, между тѣмъ, на Устюгѣ у него торгу никакого не было. Устюжскій воевода сталъ присматривать за незнаемымъ человекомъ и дознался, кто привелъ его на Устюгъ Великій. Сысканъ былъ швецъ Ганька, оказавшійся бѣглымъ стрѣльцомъ, и на допросѣ сказалъ, что онъ привелъ тѣхъ людей на Устюгъ съ Унжи. Это показаніе усилило подозрѣніе воеводы на счетъ заѣзжаго человека, и онъ тотчасъ ввѣлъ его и съ товарищами подъ караулъ. На допросѣ заѣзжій человекъ назвался посадскимъ съ Соли Камской, а про товарищей сказалъ, что они-де его работные люди. Воевода осмотрѣлъ его скарбъ и тотъ скарбъ былъ, знатно, весь воровской. Невѣдомый человекъ приведенъ былъ въ застѣнокъ, гдѣ онъ перемѣнилъ прежнія рѣчи и сознался.

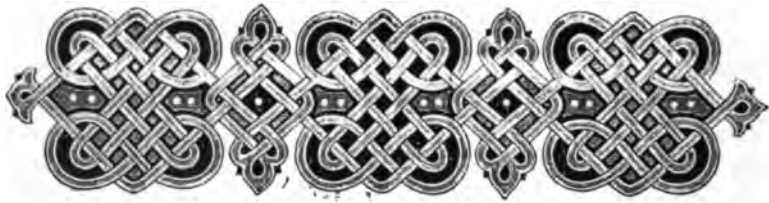
Это былъ Миронко Мумаринъ.

По его сказкѣ, онъ намѣревался пройти на Пермь, а оттуда Камой рѣкой сплыть на Волгу, въ «свои родные городы».

Воевода отправилъ Мумарина и Ѳедьку Дурака, какъ главныхъ къ бунту заводчиковъ, на Москву на судъ самого государя.

А. Голубевъ.

ПРАЗДНИКЪ ВЪ ЧЕСТЬ А. Д. БАЛАШЕВА, БЫВШІЙ ВЪ РЯЗАНИ 13-ГО ІЮЛЯ 1823 ГОДА.

ВЪ БУМАГАХЪ моего дѣда Дмитрія Александровича Кавелина находится, между прочимъ, тетрадь изъ шести листовъ почтовой бумаги большого формата, съ золотымъ обрѣзомъ, подъ заглавіемъ: «Описаніе праздника 13-го іюля 1823 года». Праздникъ этотъ происходилъ въ Рязани въ день рожденія извѣстнаго дѣятеля царствованія императора Александра Перваго, А. Д. Балашева, въ то время Рязанскаго, Тамбовскаго, Воронежскаго, Орловскаго и Тульскаго генералъ-губернатора, описанъ, по всей вѣроятности, кѣмъ-нибудь изъ чиновниковъ его канцеляріи и переписанъ красивымъ писарскимъ почеркомъ, въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, для раздачи лицамъ, занимавшимъ въ Рязани болѣе или менѣе выдающееся служебное положеніе. Въ числѣ ихъ получилъ одинъ экземпляръ и мой дѣдъ. Къ тетради пришиты: 1) печатная афишка съ поименованіемъ лицъ, участвовавшихъ въ комедіяхъ и танцахъ, 2) пѣснь на голось «Прими побѣдъ вѣнецъ», 3) стихи, сочиненные по всей вѣроятности кн. Шаховской, 4) объявленіе о времени пріѣзда приглашенныхъ особъ.

Считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ, какъ объ А. Д. Балашевѣ, такъ и о Д. А. Кавелинѣ, для уясненія помѣщаемаго ниже «Описанія».

Александръ Дмитріевичъ Балашевъ (р. въ Москвѣ 13-го іюля 1770 г., † въ Кронштадтѣ 8 мая 1837 г.) происходилъ изъ небогатыхъ саратовскихъ дворянъ, хотя впоследствии, когда онъ возвысился при императорѣ Александрѣ I, сталъ производить свой родъ отъ какого-то князя, утратившаго княжескій титулъ вслѣд-

ствіе истребленія фамильныхъ документовъ во время пожара въ одной изъ деревень Балашевыхъ въ 1790 г. Одинъ изъ Балашевыхъ,—Козьма,—служилъ рядовымъ въ гренадерской ротѣ Преображенскаго полка, возведшей на престолъ императрицу Елисавету Петровну, и сталъ въ привилегированное положеніе вмѣстѣ съ остальными рядовыми этой роты, переименованной въ лейбъ-компанію, а отецъ Александра Дмитріевича, Дмитрій Ивановичъ былъ при Екатеринѣ II тайнымъ совѣтникомъ и сенаторомъ. Александръ Дмитріевичъ Балашевъ, записанный пятилѣтнимъ ребенкомъ въ военную службу въ Преображенскій полкъ фурьеромъ, одиннадцати лѣтъ поступилъ для ученія въ Пажескій корпусъ, а въ 1791 году выпущенъ оттуда поручикомъ въ лейбъ-гвардію Измайловскій полкъ. Перешедъ черезъ четыре года въ армію подполковникомъ, онъ при императорѣ Павлѣ находился на службѣ въ Казани и въ Омскѣ командиромъ, а затѣмъ шефомъ мѣстныхъ гарнизонныхъ полковъ и генераль-майоромъ, послѣ чего подпалъ опалѣ императора и былъ уволенъ въ отставку; но вскорѣ назначенъ военнымъ губернаторомъ въ Ревель. При императорѣ Александрѣ, А. Д. Балашевъ былъ послѣдовательно: Московскимъ оберъ-полиціймейстеромъ, генераль-крюгсъ-комиссаромъ, С.-Петербургскимъ оберъ-полиціймейстеромъ, министромъ полиціи и, наконецъ, генераль-губернаторомъ пяти названныхъ выше губерній (1819—1828 гг.). При нечаянномъ нападеніи Наполеона I на предѣлы Россіи въ 1812 г Балашевъ былъ избранъ императоромъ Александромъ для дипломатическихъ переговоровъ, которые впрочемъ не увѣнчались успѣхомъ, и Наполеонъ быстро занялъ Вильну, чѣмъ и началась достопамятная въ лѣтописяхъ новѣйшей европейской исторіи война 1812 года. При императорѣ Николаѣ Павловичѣ, который не долюбивалъ Балашева, онъ былъ не у дѣла, состоя лишь членомъ государственнаго и военнаго совѣта, и въ 1834 г. былъ уволенъ въ отставку. А. Д. Балашевъ былъ женатъ два раза: первымъ бракомъ на Натальѣ Антипатовнѣ Коновницыной, вторымъ (съ 1808 г.) на Еленѣ Петровнѣ Бекетовой († 1823 г.), сестрѣ извѣстнаго археолога, перваго предсѣдателя Общества Ист. и Древн. Росс. при Московскомъ университетѣ. Случайный сановникъ, не получившій къ серьезнымъ государственнымъ дѣламъ должной подготовки, Балашевъ не ознаменовалъ ничѣмъ выдающимся свое долговременное служеніе. Не обладая широкимъ политическимъ умомъ, онъ отличался той изворотливостью и сметкой, которыя ведутъ къ быстрой карьерѣ, но не оставляютъ въ исторіи прочныхъ слѣдовъ. Хитрый и проницательный царедворецъ, Балашевъ умѣлъ создать себѣ кратковременный блескъ, который быстро погасъ вмѣстѣ съ нимъ¹⁾.

¹⁾ О Балашевыхъ подробности см. родословная ихъ, Родословная кн., изд. «Рус. Ст.», т. I, стр. 126.—О лейбъ-компаніяхъ «Русскій Архивъ», 1880 г., т. II, осо.

Дмитрій Александровичъ Кавелинъ (р. 28 апрѣля 1778 г., † 14 марта 1851 г.) былъ назначенъ въ Рязань въ 1823 году старшимъ чиновникомъ особыхъ порученій при Балашевѣ. Не въ первый разъ приходилось моему дѣду служить подъ его начальствомъ: въ 1812 году, когда Балашевъ былъ министромъ полиціи, Кавелинъ занималъ должность директора медицинскаго департамента, а съ 1817 г., кромѣ того, принялъ мѣсто директора главнаго педагогическаго института и благороднаго при немъ пансіона, а затѣмъ и Петербургскаго университета. Когда, по случаю извѣстной исторіи профессоровъ Германа, Арсеньева, Галича и Раупаха, Д. А. Кавелинъ долженъ былъ оставить университетъ, его назначили губернаторомъ во Владимірь, но онъ отказался и предпочелъ снова служить подъ начальствомъ Балашева, къ которому былъ лично расположенъ¹⁾.

Въ 1823 году А. Д. Балашевъ отправился обзрѣвать вѣрныя ему губерніи и долженъ былъ возвратиться въ Рязань къ 13-му іюля, т. е. ко дню своего рожденія. Его жена приготовила къ этому времени сюрпризъ на дачѣ Пустынкѣ, въ 4 верстахъ отъ Рязани, состоявшій въ праздникѣ, въ которомъ приняло дѣятельное участіе все лучшее тогдашнее рязанское общество и объ описаніи котораго идетъ рѣчь въ настоящей замѣткѣ. Это описаніе весьма интересно въ историческомъ отношеніи. Оно даетъ понятіе о житіи-бытѣ и забавахъ русскаго провинціального дворянства первой четверти XIX вѣка и указываетъ на степень культуры этого дворянства, а также на то положеніе, какое занимали тогда среди него мѣстные правители, облеченные особымъ довѣріемъ государя. Весьма характеристично, что тогдашнее рязанское дворянство сочувственно отнеслось къ подобной затѣѣ и, принявъ участіе въ чисто-семейномъ празднествѣ, тѣмъ самымъ придало ему видъ официальнаго чествованія генераль-губернатора. Во всѣхъ торжествахъ 13 іюля 1823 г. нельзя не видѣть подражанія тѣмъ великолѣпнымъ празднованіямъ, которыя устраивались въ Петербургѣ и сосѣднихъ съ нимъ загородныхъ дворцахъ (Царскомъ Селѣ и Петергофѣ) въ блестящій вѣкъ Екатерины II, а также и въ провинціяхъ въ честь «величайшей изъ женъ», во время путешествій «Сѣверной Семирамиды» въ Москву и отдаленныя области ея государства—Казань, Тавриду и Бѣлоруссію. Но подражаніе это, какъ всегда, является блѣдною копіею съ оригинала, становясь, кромѣ того, анахронизмомъ и незаслуженнымъ чествованіемъ такого лица, какъ Балашевъ.

бое приложение.—Биографія А. Д. Балашева, составленная подъ редакціей А. В. Висковатова, см. въ VI-мъ томѣ изданія «Императоръ Александръ I и его сподвижники».

¹⁾ Подробности о Д. А. Кавелинѣ см. въ моихъ «Материалахъ для биографіи К. Д. Кавелина», «Вѣстн. Евр.» 1886 г., май, стр. 8—14.

Не рѣшаясь утомлять читателей подробностями, а тѣмъ болѣе тяжелымъ слономъ неизвѣстнаго автора «Описанія», передамъ сущность разсказа, сохранивъ впрочемъ стихи, которыми онъ пересыпалъ свое повѣствованіе.

«Коль сердце умъ нашъ направляетъ,
Онъ можетъ, говорятъ, и чудеса творить;
По празднику сему намъ можно утвердить,
Что истинно оно бываетъ».

Такъ начинается это льстивое литературное произведеніе Рязанскаго Тредьяковскаго двадцатыхъ годовъ текущаго столѣтія.

Не болѣе, какъ въ десять дней, выстроены были на генераль-губернаторской дачѣ Пустынкѣ новый театръ, одинаковой величины съ публичнымъ театромъ города Рязани того времени.

«Для Талии и Терпсихоры,
Гдѣ проходилъ недавно плугъ,
Громада очутилась вдругъ,
Чтобъ удивить и умъ, и взоры!»

«Воздвигнулся памятникъ! украсилась дача, и сердца привлекли многочисленное дворянство къ участию сего праздника, который начался хороводомъ». Въ 5 часовъ пополудни участвовавшіе въ хороводѣ (около 50 лицъ), съ хозяйкой во главѣ, собрались у ближняго дома, съ правой стороны средняго павильона ¹⁾.

«Когда бывалъ ли хороводъ
Столь многочисленна дворянства?
Вмѣстали въ коемъ знатный родъ,
Пренестны лица и убранства!»

При пѣніи соотвѣствующихъ пѣсень, хороводъ обогнулъ павильонъ и направился на лужокъ близъ оранжерей, гдѣ въ кругу хоровода проплясали порусски: племянница Валашева—С. П. Папкина и сынъ ея Иванъ Александровичъ. Самъ виновникъ торжества и гости, увидавъ изъ павильона хороводъ, пошли вслѣдъ за нимъ на лужокъ и любовались танцами.

«Сколь можно въ плавной пляскѣ сей
Дивить насъ грасами своими,
Столь много въ ловкости своей
Папкина всѣхъ пѣняла ими».

По окончаніи хороводныхъ и русскихъ плясокъ, всѣ участвовавшіе, продолжая держать другъ друга за руки, поздравляли А. Д. Валашева, проходя мимо него къ пруду, гдѣ изъ-за острова показалась мачтовая шляпка, украшенная разными флагами. Рулемъ правилъ князь А. Ф. Шаховской; гребцами были: братья Рюмины (Н. Г., И. Г., К. Г.), П. Г. Озерской, П. К. Крюковской и

¹⁾ Подробности см. въ приложеніи № 8.

И. Ф. Титаревъ. «Пассажирки» — Н. Н. Князева, В. А. и Е. А. Наумова, В. С. Мосолова. И гребцы, и дамы, были въ английскихъ костюмахъ и пѣли въ честь генераль-губернатора куплеты на голосъ народной английской пѣсни. Когда шлюпка стала подплывать къ берегу, раздались крики ура, сопровождаемые пушечной пальбой. Сойдя на берегъ, всѣ шли попарно до мѣста, назначеннаго для «матлоцкаго танца», который и протанцовали вышепоименованныя «пассажирки» и А. А. Валашевъ.

«Съ образомъ английскимъ во всемъ,

«Быль сходенъ танецъ и наряды:

«Ухватки, пѣнье, даже взгляды,

«Никакъ не рознили ни въ чемъ.

«Что показалось намъ, столь много мы дивились,

«Что будто въ Англии мы съ дачи очутились».

За павильономъ была раскинута большая палатка, а вокругъ нея разставлены между деревьями скамейки. По окончаніи танца загремѣлъ хоръ пѣсенниковъ, гости расположились въ палаткѣ и на скамьяхъ и были угощаемы чаемъ. Нѣкоторыя дамы были въ сарафанахъ и повойникахъ, унизированныхъ брилліантами и жемчужомъ, что дало поводъ автору «Описанія» воскликнуть:

«Съ одеждой сельской простоты,

«На мѣстѣ съ простотою сходнымъ

«Мѣшались моды пестроты

«Съ богатства блескомъ превосходнымъ».

Послѣ чая пошли къ лужку, вокругъ котораго были устроены разныя увеселенія, какъ, напр., качели, бильбоксъ, кегли, а среди лужка возвышалась колонна, украшенная медальонами и фамильными вензелями; посрединѣ—вензель А. Д. Валашева, между вензелями его жены и тещи, а прочіе 39 медальоновъ съ вензелями дѣтей и ближнихъ родственниковъ окружали колонну и были соединены гирляндами изъ цвѣтовъ. На пьедесталѣ была слѣдующая надпись, сдѣланная самой хозяйкой: «Нѣжная привязанность супруги твоей внушила ей желаніе припомнить тебѣ симъ изображеніемъ ту картину, которую ты рисовалъ для матери своей, посвящая ей минуты отъ службы тебѣ свободныя»¹⁾.

На дощатой площадкѣ, съ трехъ сторонъ уставленной лимонными деревьями и другими оранжерейными растеніями и цвѣтами, былъ «группъ изъ дѣтей».

«Такъ тронуло его супруги столько нѣжной

«Ему желанье угодить,

¹⁾ По словамъ автора «Описанія», А. Д. Валашевъ, будучи 23 года передъ тѣмъ Ревельскимъ губернаторомъ, рисовалъ такую колонну съ медальонами для своей матери.

- Что чувства оны свои старался изъяснить,
- Къ ней обрати свой взоръ прилежной,
- Души признательность тогда въ чертахъ явилась,
- И радости слеза изъ глазъ его просилась:
- Спасибо русское сказать оны съ русскимъ чувствомъ,
- Нельзя что изъяснить ничьимъ пера искусствомъ».

Изъ-за колонны вышли въ венгерскихъ костюмахъ княгиня А. Г. Лобанова-Ростовская и нѣкоторыя другія, раздалась музыка и начался венгерскій танецъ.

- Венгерскъ легкость и искусство,
- Венгерца ловкость,—ихъ нарядъ,
- На нихъ лишь устремилъ взглядъ,
- Приятное вселени чувство,
- И всё тутъ искренно жалѣи,
- Что танецъ повторить еще просить не смѣи».

Послѣ венгерскаго танца, въ ново-построенномъ театрѣ, скрытомъ отъ взоровъ зрителей деревьями, загремѣлъ оркестръ. Всѣ поспѣшили туда и заняли мѣста. Шла комедія въ одномъ дѣйствіи «Два слова, или ночь въ хѣсу», передѣланная изъ французскаго водевиля, а потомъ опера-водевиль «Ренодасть» въ двухъ дѣйствіяхъ, на французскомъ языкѣ; музыка была составлена нѣкоторыми изъ дѣйствующихъ лицъ¹⁾.

За этими пьесами слѣдовалъ дивертисментъ въ трехъ отдѣленіяхъ подъ названіемъ «Домашній праздникъ», состоявшій изъ разныхъ танцевъ. Первое отдѣленіе заключалось въ слѣдующемъ: сыновья А. Д. Валашева, одѣтые пастушками, исполнили па-де-труа. Затѣмъ были исполнены: па-де-шаль, па-де-де—съ тамбуринами, гавоть, въ которомъ участвовали три пастушки и три пастушка; одинъ изъ нихъ поднесъ своей дамѣ розанъ и танцевалъ съ ней особо. По восемь человекъ танцевали кадрили съ гирляндами и кадрили «гулетонъ» и столько же малолѣтнихъ дѣтей, «къ удивленію всѣхъ, съ ловкостью и безъ малѣйшей ошибки танцевали съ вѣнками». Далѣе слѣдовали: танецъ съ птичкой въ клѣточкѣ, «вилажоазъ», тарантелла (соло съ кастаньетами), «трианглъ» и, наконецъ, «групъ изъ 30-ти персонъ съ гулетками и гирляндами».

Второе отдѣленіе начиналось гавотомъ съ гирляндами, подражаніе Вестрисъ. Два генія приносятъ жертвенникъ, вокругъ кото-

¹⁾ Въ комедіи «Два слова, или ночь въ хѣсу» роли были распределены слѣдующимъ образомъ: Вольбель, проѣзжій офицеръ—кн. А. Ф. Шаховской; Лафрансъ, слуга его—П. Г. Оверскій; трактирщица—А. Д. Денисьева; Роза—кн. А. Г. Лобанова-Ростовская; разбойники—Г. П. Ржевскій, В. М. Загряжскій, И. П. Пелуза и Ф. Ф. Керцели.—Въ «Ренодасть»: комендантъ—Ф. Ф. Керцели; Ренодасть—В. М. Загряжскій; Сефиза—кн. А. Г. Лобанова-Ростовская; Мартонъ—кн. Н. А. Шаховская; Алиизъ садовникъ—Г. П. Ржевскій.

раго сыновья Балашева становятся на колѣна съ шашками и вѣнками. Минерва приказываетъ генію соединить ихъ гирляндами изъ цвѣтовъ, что геній и исполняетъ. С. П. Палкова поетъ куплеты своего сочиненія ¹⁾ и танцуетъ на-де-труа съ двумя Балашевыми; Минерва велитъ имъ стать къ жертвеннику, они становятся,—вдругъ показываются на транспарантѣ слова: «Among filial». Минерва держитъ надъ жертвенникомъ вѣнокъ.

Въ третьемъ отдѣленіи кн. Н. А. Шаховская поетъ стихи своего сочиненія въ честь А. Д. Балашева ²⁾, а послѣ танцуетъ соло. Изъ-за деревьевъ, которыя исчезаютъ, являются два купидона и танцуютъ съ С. П. Палковой на-де-труа. По знаку Минервы задняя завѣсъ поднимается и, къ удивленію всѣхъ, представляется сквозь крепь «групъ» изъ 50 человѣкъ, среди которыхъ помѣщается вѣзель Балашева; Минерва держитъ надъ нимъ лавровый вѣнокъ, а нимфы и геніи разныя гирлянды. Этимъ заканчивается дивертисментъ ³⁾.

По мнѣнію автора «Описанія», сами стихи какъ бы способствовали пріятности праздника. Десять дней кряду,—замѣчаетъ онъ,—передъ праздникомъ стояли такіе жары, что на солнцѣ было не менѣе 30 градусовъ, и почти невозможно было дѣлать репетиціи танцевъ на предназначенныхъ мѣстахъ. Въ самый день праздника до пяти часовъ пополудни попрежнему было жарко, но вотъ солнце заслонилось тонкимъ облакомъ и оставалось такъ до начала представленія въ театрѣ. Тогда пошелъ дождь, прибилъ пылъ и прохладилъ воздухъ даже въ театрѣ, а передъ выходомъ оттуда—прекратился.

По окончаніи спектакля, собрались въ среднемъ павильонѣ, гдѣ начался балъ, а затѣмъ былъ ужинъ. Вечеръ былъ тихій и пріятный, на деревьяхъ видѣлись разноцвѣтные огни, и мѣсяцъ освѣщалъ полнымъ свѣтомъ возвращавшихся въ городъ гостей.

«Описаніе» праздника заканчивается слѣдующимъ болѣе или менѣе патетическимъ эпилогомъ.

«Казалось, какъ-будто ночь соревновала въ семъ пособіямъ дня, для успѣха праздника и пріятности посѣтителей; если бы не было сему болѣе 200 свидѣтелей, не упомянулъ бы я объ этомъ удивля-

¹⁾ См. приложение № 1.

²⁾ См. приложение № 2.

³⁾ Въ «Домашнемъ праздникѣ» принимали участіе слѣдующія лица: кн. А. Г. Лобанова-Ростовская, кн. Н. А. Шаховская, С. П. Палкова, А. С. и В. С. Мосоловы, Варв. Ал. Ел. Ал., Ек. Ал., Евг. Ал. Наумовы, М. Н. Макарова, Н. А. Вердеревская, баронесса В. А. Губертъ, П. И. Князева, С. Г. Кирьякова, баронесса К. К. Фитингофъ; дѣти: княж. Цад. Ал., Ек. Ал., Люб. Ал. Лобановы-Ростовскія, княж. Ек. Ал. Шаховская, Лид. Ив., Ел. Ив. Пейкеръ, П. П. и А. П. Семеновы и А. Д. Щербачева.—Н. А., А. А., И. А. Балашевы, Ник. Гавр., Ив. Гавр., Конст. Гв. Рюмины, Дм. Ив. Князевъ, кн. Григ. Ник. Чагодаевъ, Вл. Ст. Мосоловъ.

тельномъ приключеніи, дабы истина не могла имѣть видъ вымысла.

«Какого здѣсь ума найду соображеніе,
 «Что могъ бы объяснить, что трудно мнѣ понять.
 «Кто умствуешь, скажи! къ чему намъ приписать
 «Такое къ празднику стихій принаровленіе?
 «Не сердце ли съ умомъ должны мы соединить,
 «Чтобъ всёмъ намъ Вышняго понять — благодарить —
 «Когда въ желаньяхъ намъ мы видимъ исполненія?
 «Возможно ль къ случаю всё дѣлать отношенія?..
 «Удачныхъ случаевъ тутъ было не одинъ:
 «Закрылось солнце вдругъ, когда желали тѣни,
 «И вѣтровъ буйный востепанъ,
 «Казалось, угождать, принявши самъ видъ лѣни;
 «Дождь долженъ былъ итти, однако напередъ
 «Дождь дождался танцевъ всёхъ на воздухъ кончанья,
 «Какъ-будто исполнялъ хозяйки приказанье —
 «И шелъ лишь празднику онъ въ поляю, не во вредъ,
 «Ужасно ныль прибилъ, пока въ театрѣ были;
 «А пересталъ итти тогда, какъ выходили,
 «И разнымъ дакъ огнямъ гулянье украшать;
 «Луна во весь свой блескъ насъ стала освѣщать
 «Тогда, какъ ужинъ, балъ и праздникъ сей кончался,
 «Что каждый будто днемъ весеннимъ возвращался!
 «Къ печальности ль все это приписать?
 «Ко благодати Творца! — котораго вниманье,
 «Коль чуть достойны мы, свершаетъ намъ желанье;
 «То какъ на случай сей намъ мысль не обратить!
 «Себя разительнымъ прииѣромъ не казнить? —
 «Кто праздновалъ сей день, се мы знаемъ свойства,
 «И тайны милости, и чувства благородства,
 «Семейны качества: то пусть ея уснѣхъ
 «Къ правоученію послужитъ здѣсь для всёхъ».

ПРИЛОЖЕНІЯ.

№ 1.

П ъ с н ъ.

На голосъ: «Прими побѣдъ вѣнецъ».
 «Въ сей небомъ данный часъ
 «Прими любови гласъ
 «Отъ всёхъ сердець.
 «Тебя любовь зоветъ,
 «Тебѣ вѣнки плететь,
 «Тебѣ приноситъ даръ
 «Отъ всёхъ сердець.

«Среди благихъ трудовъ
 «Покой тебѣ готовъ
 «Въ кругу родномъ.
 «Среди семьи твоей,
 «Среди твоихъ дѣтей
 «Влаженствомъ насладись
 «Въ кругу родномъ.
 «Дорога намъ одна
 «Ко счастью дана:
 «Благотворить.
 «Кто ближнимъ далъ покой,
 «Тотъ счастливъ самъ душой;
 «Онъ жизнь всю посвятить—
 «Благотворить.
 «Кто жизнь отдалъ Царю,
 «А сердце Олтарю,
 «Съ тѣмъ вѣчно Богъ.
 «Съ тѣмъ радостно всѣмъ жить,
 «Отечеству служить,
 «Съ тѣмъ легки всѣмъ труды,
 «Съ тѣмъ вѣчно Богъ.
 «Для счастья нашихъ дней
 «Отъ всѣхъ тебя скорбей
 «Богъ да хранитъ!
 «Твои безцѣнны дни
 «Въ благой своей сѣни,
 «Мы просимъ всей душой,
 «Богъ да хранитъ!»

№ 2.

«День милой твоего рожденья
 «Есть праздникъ радости для всѣхъ,
 «Въ тебѣ послало провидѣнье
 «Источникъ счастья и утѣхъ.
 «Желала бь выравнть тѣ чувства,
 «Которы ты умѣлъ внушить;
 «Но слабымъ можно ли искусствомъ
 «Всѣ чувства сердца замѣнить.
 «Семьи ты другъ и покровитель,
 «Ты всѣмъ отрада и покой:
 «Роднымъ и ближнимъ благодѣтель,
 «Ты Ангелъ сердцемъ и душой,
 «Стократъ тотъ день благословяемъ,
 «Въ которой ты на свѣтъ рожденъ
 «И къ Богу всей душой вываемъ:
 «Да будешь Имъ ты награжденъ».

№ 3.

«Въ половинѣ 5-го часа прѣзжающія кареты напередъ останавливаются у перваго дому, куда входятъ дамы въ костюмахъ одѣты, и останавливаются въ билиардной комнатѣ, потомъ уже кареты подъѣзжаютъ къ большому дому, куда входятъ прочіе особы, передъ тѣмъ временемъ, когда хороводу выходить изъ перваго дому, чтобъ идти садомъ, то въ это же время тѣ, которые должны быть на шляпкахъ, садятся въ кареты и прѣзжаютъ къ дорожкѣ, вѣдущей очень близко къ пруду. Тѣ, которые должны быть въ венгерскомъ танцѣ, могутъ также поѣхать и, закрывшись, стоять на луку, куда придетъ хороводъ и будутъ имѣть время, при концѣ матлоцкаго танца сѣсть на приготовленную линейку и отъѣхать къ тому мѣсту, гдѣ имъ должно быть. По окончаніи матлоцкаго танца всѣ идутъ къ рошѣ, и останавливаются въ палаткѣ пить чай; этимъ временемъ маленькіе, находящіеся въ хороводѣ и назначенные быть при хорѣ, имѣютъ время переодѣться и быть помѣщены на свои мѣста».

Д. Корсаковъ.

КАКЪ ВЪ СТАРИНУ ПЕРЕДЪЛЫВАЛИ СТАРЫХЪ ЛЮДЕЙ ВЪ МОЛОДЫЕ.

(Народное преданіе).

СЕНЬЮ, 1885 года, послѣ продолжительныхъ и трудныхъ раскопокъ кургановъ въ одномъ изъ мѣстъ бывшихъ вольностей запорожскихъ казаковъ, близъ теперешней деревни Вороной, имѣнія владѣльца А. М. Миклашевскаго, пониже г. Екатеринослава, медленно тащился я на парѣ захудалыхъ лошадеенокъ, запряженныхъ въ огромную нѣмецкую бричку, имѣющую видъ длиннаго ящика, съ придѣланнымъ къ нему дышлою. Мой путь лежалъ отъ села Славгорода, Павлоградскаго уѣзда, къ селу Покровскому, Александровскаго уѣзда. День былъ превосходный; на небѣ ни облачка; солнце хотя и припекало, но не жгло и не палило такъ, какъ оно жжетъ и палитъ въ лѣтніе мѣсяцы; въ степи было такъ тихо, точно природа погрузилась на время въ сладкую дремоту, въ легкій полусонъ, послѣ долгаго знойнаго лѣта. Я сидѣлъ на такъ называемомъ креслѣ, попросту сказать, люлькѣ, навѣшенномъ при помощи толстыхъ ремней на поперечныя стѣнки брички, и слегка покачивался, то нависая всѣмъ тѣломъ напередъ, то наклоняясь правымъ или лѣвымъ бокомъ на ту или на другую сторону брички; покойное сидѣніе и тахая ѣзда убаюкивали меня. Передо мною на передней дощечкѣ сидѣлъ кучеръ, типичный новороссійскій хохоль, бѣлокурый, съ длинными русыми усами, съ короткой черной, давно небритой бородой, съ остриженной вплотную круглой головой, въ широкихъ темнаго цвѣта шароварахъ, надѣтыхъ поверхъ бѣлой съ мережками сорочки и опоясанныхъ суконнымъ, зеленаго цвѣта, поясомъ. И выраженіе лица, и отрывочныя, бросаемыя какъ бы на

ходу и вскользь, замѣчанія моимъ возницей, сразу дали мнѣ понять, что я имѣю дѣло съ человѣкомъ не безъ юмора.

— Пана!

— А что?

— Я хотѣлъ спросить васъ о чемъ-то, да и самъ не знаю, какъ оно вамъ покажется.

— Спроси, можетъ быть и хорошо покажется.

— Вы подчасъ не изъ тѣхъ, что курганы копаютъ?

— Нѣтъ, братецъ, не изъ тѣхъ; цуръ имъ совсѣмъ! Я съ тѣми и знаться не знаюсь и вѣдаться не вѣдаюсь. А что, развѣ ты знаешь кого-нибудь изъ нихъ?

— Самъ-то ничего не знаю, а вотъ слышать—слышалъ.

— А что же именно ты слышалъ?

— Да слышалъ, будто они много золота выкапываютъ въ курганахъ. Вотъ тамъ, надъ Днѣпромъ, близко Лоханскаго порога, стоитъ деревня пана Миклашевскаго, и близь той деревни Богъ насѣялъ страшное множество кургановъ. Такъ вотъ до этихъ-то кургановъ выѣхалъ изъ Петербурга панъ; говорятъ, и молодой еще, а бѣдовый каторжный человѣкъ... Ну, такъ этотъ панъ и выѣхалъ до кургановъ, выѣхалъ онъ до кургановъ и давай ихъ копать. И что бы вы думали, что онъ выкопалъ? Что онъ выкопалъ? Выкопалъ сорокъ пудовъ золота! Выкопалъ да какъ навалилъ на воловъ да и «посунулъ» въ губернію. Кожа на воллахъ трещитъ, а онъ «сунеть»; а изъ губерніи прямо къ царю повезъ. Вотъ оно что! И какъ вы думаете, сиропу я васъ, своею то онъ силою выкопалъ тѣ деньги? Думаю, что не своею. Потому, видите ли, прежде чѣмъ копать курганъ, онъ всходитъ на самую вершину его, вынимаетъ изъ кармана какую-то стрѣлочку и на нее смотритъ, а она уже ему и показываетъ, гдѣ и клады лежатъ, гдѣ и что другое ¹⁾. Она такъ и «типается» у него въ рукахъ; онъ говоритъ: «тутъ кладъ!» А она покажетъ: «нѣтъ, вотъ тутъ!»

— Нѣтъ, братику, я не изъ такихъ. И неужелижъ-таки правда, что въ тѣхъ курганахъ богатство зарыто?

— Вѣроятно, что правда, коли у насъ всѣ такъ говорятъ; сорока—сорокъ, ворона—воронъ, а за ними уже и народъ.

— Да кто же зарывалъ его тамъ?

— Гм! Кто зарывалъ? Купцы черти да чубатые запорожцы!

— Какъ такъ?

— А вы не знаете, какъ? Дивно мнѣ; вы, кажется, и грамотный человѣкъ, а той притчи, какъ чортъ, да запорожскій кузнецъ зарывали въ курганы деньги, и не знаете.

— И слыхомъ не слыхалъ.

¹⁾ Рассказчикъ разумѣетъ магнитную стрѣлку, которую я всегда употребляю при раскопкахъ кургановъ для опредѣленія точекъ ихъ положеній.

— Э, такъ вы, значитъ, не знаете и того, какъ старыѣ людей передѣлываютъ на молодыѣ?

— Ну, ужъ этого, братику, я и понять-то не могу, не то что не знаю.

— А коли не знаете, такъ послушайте. Вотъ какъ оно было:

...Жилъ когда-то между запорожцами одинъ кузнецъ, да не такой кузнецъ, какіе теперь повелись,—пьянюги да мошенники,—а кузнецъ настоящій, честный, трезвый человекъ, еще стариннаго завѣту. И коваль онъ коней чуть ли не на всю Сѣчь. Чуть свѣтъ, а онъ уже и въ кузницѣ, уже й «гукаетъ» молотомъ. Только сколько онъ ни дѣлалъ, сколько ни годилъ себѣ и казакамъ, а все бѣднякомъ былъ: ни на немъ, ни подъ нимъ. Вотъ какъ-то разъ приходитъ онъ къ своей кузницѣ «у-досвита», а на дворѣ было еще такъ темно, что хочь въ глазъ коли, то ничего не видно. Отомкнулъ дверь; вошелъ въ средину. А тамъ, у него, видите ли, всегда висѣло двѣ картины: на одной срисованъ былъ Господь Іисусъ Христосъ, а на другой намалеванъ чортяка съ рогами; первая картина прибита была на стѣнѣ, что прямо противъ дверей, а вторая на стѣнѣ, что надъ дверьми. Такъ вотъ какъ бывало войдетъ кузнецъ въ кузницу, то сейчасъ же станеть лицомъ къ иконѣ и помолится Богу, а потомъ обернется назадъ и плюнетъ чорту, да и плюнетъ какъ разъ въ самую рожу. Вотъ такъ онъ и дѣлалъ каждый день; Богу помолится, а чорту плюнетъ; такъ сдѣлалъ онъ и на этотъ разъ; потомъ взялъ въ руки молотокъ и началъ «гукать». Ударилъ тамъ два, или три раза, коли гулькъ, а передъ нимъ стоитъ парняга, здоровый, красовитый, съ такими черными усами, что они такъ и «вылискуются» у него; а на видъ нѣсколько смугловатый. «Здоровъ, дядько!»—«Здоровъ, парняга!» «Часъ добрый тебѣ ковать и не перековать, брать денегъ и не перебрать!»—«Хорошо говоришь, да не ладно выходитъ». «А что такъ?»—«А то, что сколько я ни работаю, а нѣтъ ни на мнѣ, ни подо мною». «Жалко мнѣ тебя, дядько, но что же дѣлать, коли у тебя такая скверная наука? Вотъ если бы ты зналъ той науки, которую я знаю, то тогда бы ты и горемъ объ землю покатишь».—«А какая же твоя наука?» «Моя такая наука, что по ней я могу старыѣ людей передѣлывать на молодыѣ».—«Неужели можешь?» «Могу!»—«Научи меня, спасибо тебѣ!» «Э, не хотѣлось бы мнѣ, но жалъ ужъ очень тебя. Такъ вотъ же что: пойдемъ вмѣстѣ по свѣту, посмотришь ты, какъ я дѣло дѣлаю, то и себѣ научишься».—«Пойдемъ». Вотъ и пошли они. Идутъ-идутъ; приходятъ въ одну слободу и сейчасъ же спрашиваютъ: «А что это панская слобода?»—«Панская». «А есть тутъ панъ?»—«Есть!» «А что онъ старый или молодой?»—«Да лѣтъ съ девяносто будетъ». «Ну, вотъ это и нашъ; идемъ къ нему». Пришли, доложились объ себѣ. Вотъ и вылазятъ панъ, старый-престарый, сморщенный, насилу волочить ноги. «А

что вы скажете, мужички?»—«Да мы пришли, пане, называться вамъ работою». «А какую же вы работу можете исполнять?»—«Мы можемъ, пане, старыхъ людей передѣлывать на молодыхъ».—«Неужели можете?»—«Можемъ». — «Сдѣлайте милость, передѣлайте меня». «А что дадите?»—«А что возьмете?»—«Да съ васъ тысячу рублей надо, потому что вы ужъ больно стары». — «Нельзя ли взять восемьсотъ?»—«Нѣтъ, пане, струментъ дорого стоитъ». Сюды-туды: сторговались за тысячу. Тогда тотъ молодой парняга взялъ долбню «ошелешилъ» пана по лбу, изрѣзалъ его на куски, повкидалъ тѣ куски въ бочку, налилъ туда воды, насыпалъ зола, взялъ весилку да и давай все это мѣшать весилкою. Мѣшалъ-мѣшалъ, мѣшалъ-мѣшалъ, а потомъ плюнулъ-дунулъ, да какъ крикнетъ: «стань передо мною, какъ листъ передъ травою!» Тутъ по этому слову изъ бочки выскочилъ такой молодецъ, что ажъ любо на него посмотрѣть, молоденькій-молоденькій, какъ будто ему лѣтъ семнадцать. Получилъ парняга тотъ деньги, часть далъ кузнецу, а часть зарылъ зачѣмъ-то въ курганъ. Пошли дальше. Идутъ-идутъ; приходятъ въ другую слободу и сейчасъ же спрашиваютъ: «А что это панская слобода?» «Панская». «А кто тутъ живетъ—панъ или паня?» «Паня». «А стара она?» «Да лѣтъ сто, а то и больше». «Вотъ это и наша. Идемъ». Приходятъ, докладываютъ объ себѣ. Вотъ и выносятъ имъ барыню на подушкахъ. Такая страшная, такая страшная, что смотрѣть даже страшно. «Что вы скажете мужички?» «Да мы пришли называться работою». «А что вы можете работать?» «Можемъ старыхъ людей передѣлывать на молодыхъ». «Можете?» «Можемъ!» «Сдѣлайте божескую милость, передѣлайте меня!» «А чтожь можно! Только дадите вы намъ двѣ тысячи рублей?» «Нельзя ли полторы?» «Никакъ нельзя, намъ стоитъ струментъ дорого». Ну, вотъ, такъ-сякъ, за двѣ тысячи договорились. Вотъ тотъ парняга вновь взялъ свою долбню, хватилъ ею по лбу пана, порѣзалъ тѣло на куски, укинулъ ихъ въ бочку, налилъ воды, насыпалъ зола, взялъ весилку и началъ ею мѣшать. Мѣшалъ-мѣшалъ, мѣшалъ-мѣшалъ, а потомъ плюнулъ-дунулъ да какъ крикнетъ: «Стань передо мною, какъ листъ передъ травою!» а оттуда и вышла такая красавица, такая красавица, что ажъ сияетъ: точно ей годовъ шестнадцать. Получили деньги, подѣлили, опять часть ихъ парняга зарылъ въ курганъ, и, пошли въ третью слободу. Тутъ они тоже нашли какого-то пана и передѣлали его изъ стараго на молодого. Вотъ кузнецъ видитъ, что наука того парня не особенно мудра, и говоритъ самъ себѣ: «Э, катъ тебѣ бери! Я и самъ теперь могу то же самое сдѣлать!» Положились спать. Вотъ только-что нашъ парняга заснулъ, а кузнецъ поднялся да и ушелъ. Приходитъ въ слободу и сейчасъ же спрашиваетъ: «А есть ли тутъ панъ?» «Есть»,—отвѣчаютъ. «А старъ онъ?» «Да, годовъ семьдесятъ будетъ». «Вотъ это и мой». Приходитъ; доложилъ объ себѣ. Выходитъ панъ—хилый-прехилый, да

еще и сторбленный. «А что скажешь, мужичек?» «Да пришел работою называться». «А какую же ты работу можешь дѣлать?» «Могу изъ старыхъ людей дѣлать молодыхъ». «Можешь?» «Могу!» «А что ты возьмешь передѣлать меня?» «Тысячу рублей!» «О, какъ дорого! возьми восемьсотъ». «Никакъ нельзя, потому что инструментъ дорого стоитъ». Такъ-сякъ, за тысячу согласились. Вотъ тотъ кузнецъ взялъ долбню, убилъ ею пана, изрѣзалъ его на кусочки, побросалъ тѣ кусочки въ бочку, налилъ туда воды, насыпалъ соли, взялъ весилку и давай мѣшать. Мѣшалъ-мѣшалъ, мѣшалъ-мѣшалъ, а потомъ какъ свиснетъ, какъ крикнетъ: «Стань передо мною, какъ листъ передъ травою!» А оно ничего и не выходитъ. Онъ вновь мѣшалъ; мѣшалъ-мѣшалъ, мѣшалъ-мѣшалъ,—потъ бѣднягу прошибъ и снова крикнетъ: «Стань передо мною, какъ листъ передъ травою!» и снова ничего не выходитъ. Онъ и въ третій разъ, и въ третій не выходитъ. Что тутъ дѣлать? А дѣти убитаго пана пристають, чтобы кузнецъ воротилъ имъ отца, а не воротить, то въ Сибирь зададутъ. «Погодите, — говоритъ кузнецъ, — старъ онъ черевчуръ: не вкипѣлъ!» Да снова мѣшать. Вотъ уже и ночь обняла его; усталъ бѣдный кузнецъ, сѣлъ и задумался. Коли кто-то торкъ его за руку! Оглянулся кузнецъ, а это парняга тотъ съ блескучими глазами и черными усиками. «Чего это ты, дядько, такъ зажурился?» «Э, голубчикъ мой свый, выручь изъ бѣды! Покарала меня нечистая гадина: я думалъ, что уже научился твоей наукѣ, взялъ ушелъ отъ тебя да и давай передѣлывать старыхъ людей на молодыхъ, а вотъ оно вышло такъ, что я ничего не умѣю: убилъ человѣка, а теперь и не воскресу. Сдѣлай милость, помоги въ бѣдѣ! До вѣку не забуду!» Задумался парняга, а кузнецъ все просить. «Ну, вотъ что: я тебѣ помогу, только дай мнѣ одинъ зарокъ». «Какой твоей душѣ угодно, такой и дамъ; что же именно тебѣ нужно?» «Да что? Не будешь ты плевать вотъ на ту картину, которая виситъ у тебя въ кузницѣ надъ дверьми?» «Да это та, что чортъ на ней намалеванъ?» «Та самая!...» Понялъ тогда кузнецъ, что у него за товарищъ и какая его наука... Ну, что же было дѣлать? «Не буду, до вѣку не буду!» Съ тѣхъ поръ пересталъ кузнецъ плевать чорту въ рожу, съ тѣхъ же поръ люди и пословицу сложили: «Бога не забывай да и чорта не обижай». Это сдѣлалось между запорожцами, а отъ нихъ уже и къ намъ перешло... А что хороша моя баечка?

— Хороша-то хороша, но я не понимаю, зачѣмъ же чортъ зарывалъ заработанныя имъ деньги въ курганы?

— А за тѣмъ, что то христіанскія деньги,—они бы его спалили.

Тутъ бричка наша поднялась на небольшой пригорокъ, потомъ скатилась внизъ, и черезъ десять-пятнадцать минутъ мы очутились въ селѣ Николаевкѣ. Передъ нами потянулись вереницы чистенькихъ, выбѣленныхъ хатъ съ ихъ зеленѣющими садиками и

высокими стройными тополями, то тамъ, то сямъ пирамидально поднимающимися кверху. А вотъ, среди села, у самой дороги, показалась и корчма, съ большой бутылкой, привязанной къ палкѣ, воткнутой подъ стрѣху хаты, и съ желѣзной вывѣской, стоящей на соломенной крышѣ, съ изображеніемъ бочки и ухаживающаго возлѣ нея полупьянаго хохла съ огромнымъ рожкомъ для табаку въ лѣвой рукѣ.

— Пане, а пане! что я вамъ скажу?

— Говори, если что есть.

— Вы не знаете, какъ я страдаю животомъ?

— Нѣтъ, не знаю; но если ты страдаешь животомъ, то ты бы побывалъ у доктора.

— Я былъ у доктора.

— Что же онъ тебѣ сказалъ?

— Да что онъ мнѣ сказалъ? Ты, говорить, хлопче, ничѣмъ другимъ не можешь вылѣчиться, какъ горилкою: какъ будешь ѣхать мимо корчмы, такъ и не мидай.

— Ну, коли тебѣ такъ докторъ сказалъ, то подвертывай къ корчмѣ.

... Уже солнце совсѣмъ склонялось къ горизонту, когда мы оставили корчму и потянулись дальше по направленію къ востоку отъ Николаевки. Лошаденки наши, переступая съ ноги на ногу, едва тащили тяжелую бричку.

— Эхъ, пане, пристануть наши кони!

— Такъ что же дѣлать?

— Что дѣлать? Съѣдимъ вотъ въ ту балку, что впереди насъ, отпряжемъ коней да и заночуемъ въ ней.

— И то дѣло.

Скоро мы спознали въ балку, отъѣхали немного въ сторону съ дороги, распрягли коней, пустили ихъ въ степь, а сами расположились подъ бричкой, между колесами, на голой землѣ, подмостивъ лишъ подъ головы по клочку душистой степной травы. Ночь была тихая-тихая; изъ-за горизонта выплывала полная и чистая луна, на небѣ мигали и переливались мириады звѣздъ, дикіе степные цвѣты отдѣляли отъ себя пахучіе ароматы и напоили ими прозрачный воздухъ. Вдоль всей балки тянула пріятная, послѣ жаркаго дня, прохлада. Среди ночной тишины только и слышно было, какъ фыркали да пощипывали траву наши лошади. Я долго прислушивался къ этому звуку, потомъ мало-по-малу сталъ забываться и, наконецъ, заснулъ мирнымъ и безмятежнымъ сномъ...

Д. И. Эварницкій.

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ВОТЧИННО-МОНАСТЫРСКОЙ ЖИЗНИ ПРОШЛАГО ВѢКА.

ВЕРЕЗЪ ВСЮ нашу исторію, за весь крѣпостной ея періодъ, проходятъ весьма не рѣдкіе эпизоды крестьянскихъ волненій. Эти волненія вызывались и крестьянскою бѣдою, и административно-вотчинною неправдою, и нерѣдко исконнымъ крестьянскимъ неразуміемъ... Къ подобнымъ фактамъ принадлежитъ и слѣдующій случай, заимствованный мною изъ подлиннаго архивнаго дѣла о безпорядкахъ происходившихъ въ нынѣшнемъ Спасскомъ уѣздѣ, Тамбовской губерніи, въ вотчинахъ Московскаго Новоспасскаго монастыря.

25-го августа 1756 года, новоспасскій келарь Сильвестръ получилъ отъ монаха Тимоѣя, проживавшаго въ селѣ Спасскомъ, рапортъ съ сообщеніями совершенно неожиданными. Конечно, іеромонахъ Сильвестръ давно зналъ, что спасскіе монастырскіе крестьяне были крайне недополнены монастырскою барщиною и оброками, и вслѣдствіе этого бѣжали изъ вотчины вонъ, куда глаза глядятъ, цѣлыми семьями. Но онъ слишкомъ рассчитывалъ на мужицкое долготерпѣніе. Случилось же вотъ что.

Спасскіе крестьяне обнаружили полное неповиновеніе своимъ монастырскимъ властямъ. Тогда московская сунодальная контора снеслась съ воронежскою губернскою канцеляріею и въ Спасскія дебри, для усмиренія бунта, двинулся отрядъ подъ начальствомъ капитана Сѣверцова. Въ отрядѣ Сѣверцова было два офицера: Касаткинъ и Медвѣдевъ и многое число конныхъ и пѣшихъ солдатъ воронежскаго гарнизона и Ямбургскаго драгунскаго полка.

Солдаты вооружены были ружьями, пистолетами, палашами, ручною картечью. Вся эта грозная сила вступила въ село Спасское вечеромъ 22-го августа 1756 года и разбрелась по крестьянскимъ дворамъ. Въ лучшей избѣ остановился самъ Сѣверцовъ съ офицерами. Немедленно къ нему явился съ обыкновеннымъ поклономъ сельскій староста и спросилъ:

— По какому дѣлу, ваше благородіе, пожаловали къ намъ съ командою?

Сѣверцовъ промолчалъ и выслалъ старосту вонъ, а, между тѣмъ, отдалъ приказъ: взять у крестьянъ безденежно сѣна, овса и изъ одоней всякаго хлѣба. Приказъ былъ исполненъ немедленно. Солдаты разбрелись по задворкамъ и озорнически начали травить хлѣбъ.

На утро 23-го августа весь отрядъ вооружился, выровнялся и двинулся на сельскую торговую площадь для экзекуціи. Солдаты шли съ примкнутыми штыками, съ обнаженными палашами и съ барабаннымъ боемъ, яко непріатели на приступъ,—жаловались впоследствии спасскіе крестьяне. За солдатами молча и сурово двигалась крестьянская толпа, въ которой между прочимъ мелькали и ярко-красныя бабьи платки, и свѣтло-русые дѣтскія головы. И вотъ, по командѣ Сѣверцова, солдаты выстрѣлили въ толпу. Крестьяне всполошились и бросились вразсыпную. Тогда Сѣверцовъ съ офицерами верхами устремились за крестьянами и начали бить ихъ палашами. Во время этой суматохи убиты были крестьяне Алексѣй Ѳеодоровъ, Родіонъ Аванасьевъ и Дмитрій Ильинъ. Кромѣ того, было много раненныхъ. А Сѣверцовъ побѣдоносно развѣзжалъ по площади и грозилъ всѣхъ крестьянъ побить до смерти, а дворы ихъ выжечь и разорить безъ остатка. Однако, понемногу крестьяне опомнились. Злоба взяла ихъ на незванныхъ,—какъ они говорили,—непрощенныхъ гостей, и они плотной стѣной ринулись на команду съ кольями и дубьемъ. Солдаты начали послѣпно отступать и укрылись на монастырскомъ дворѣ, между тѣмъ какъ офицеры спрятались въ своей квартирѣ. Въ это время по селу гудѣлъ набатъ. По дорогамъ бѣжали въ Спасское окрестные крестьяне. Такимъ образомъ, составила огромная, болѣе 1,000 человекъ, крестьянская вооруженная толпа и подъ руководствомъ крестьянина Михайла Мирвина, перваго къ противности заводчика, открыла противъ команды самыя рѣшительныя дѣйствія. Солдаты, всѣ до одного, были обезоружены и нещадно избиты. У многихъ были переломаны руки и ноги и пробиты головы. Солдатское оружіе было испорчено и приведено въ негодность... Дошла очередь и до офицеровъ. Они было заперлись въ своей избѣ, но ея двери и окна немедленно были выломаны, офицеры схвачены и подвергнуты тяжкимъ истязаніямъ, биты они были смертными побоями. Капитана Сѣверцова приковали къ ногѣ трупа Алексѣя Ѳеодорова, а осталь-

ныхъ офицеровъ ножными жалъвами сковали другъ съ другомъ и всѣхъ ихъ вытащили, раздѣтыхъ и избитыхъ, на торговую площадь. Тамъ ихъ и бросили вмѣстѣ съ тѣломъ... Такъ какъ стояла теплая погода, то тѣла убитыхъ спасскихъ крестьянъ быстро начали разлагаться. Въ особенности скоро разложилось мертвое тѣло Дмитрія Ильина и былъ отъ него въ избѣ нестерпимый смрадъ, отъ котораго убѣжали на дворъ даже родственники покойника. Въ эту-то смрадную избу озлобленные крестьяне и привели съ площади своихъ несчастныхъ плѣнниковъ, кинули на лавки соломы, а на солому бросили офицеровъ. Въ ужасномъ соудствѣ съ разложившимся тѣломъ, у котораго уже и руки сами собой отвалились, Сѣверцовъ и его товарищи пробыли 3 дня!

Во все это время въ зловонную избу наскоро вбѣгали крестьянскія спасскія женки, били беззащитныхъ узниковъ по щекамъ и смѣялись надъ ихъ плачемъ и стонами...

А солдатъ въ то же время содержали на монастырскомъ дворѣ. Тамъ ихъ морили голодною смертію, смѣялись надъ ними и похвалялись: «Хотя бы и два полка вашихъ супротивъ насъ прислали, въ обиду себя не дадимъ». Кругомъ связанныхъ солдатъ, брошенныхъ на голую землю, въ беспорядкѣ валялось сломанное солдатское оружіе: ружья съ оторванными замками, исковерканные палаши и штыки.

Черезъ недѣлю послѣ этого, когда спасскіе крестьяне нѣсколько поунялись и поуспокоились, новоспасскій келарь Сильвестръ, бывшій въ то время въ городѣ Керенскѣ, обратился въ керенскую воеводскую канцелярію съ просьбою о командированіи въ возмущившуюся вотчину надежнаго лица для выручки плѣнниковъ и, вообще, для надлежащаго ознакомленія съ совершившимися фактами. Воеводская канцелярія, по этой просьбѣ, командировала въ село Спасское отставнаго капитана Карякина и прапорщика Сакаева съ небольшимъ числомъ солдатъ и съ понятими окрестными крестьянами.

29-го августа, утромъ, капитанъ Карякинъ выѣхалъ къ мѣсту назначенія. Между Керенскимъ и Спасскимъ разстоянія только 30 верстъ, тѣмъ не менѣе осторожный капитанъ подѣхалъ къ возмущившемуся селу передъ вечеромъ. Всѣхъ встрѣчныхъ путешественниковъ онъ спрашивалъ о томъ, что дѣлается въ Спасскомъ и что слышно про дальнѣйшія намѣренія обывателей. Въ отвѣтъ онъ получалъ одно и то же: «въ томъ селѣ обывателей во улицахъ находятъ въ великомъ собраніи и ѣхать къ нимъ не безъ опасности». Изъ деревни Лопуховки Карякинъ послалъ въ Спасское гонца Давыда Исаева.

Исаевъ подѣхалъ къ околицѣ, которую охраняла многолюдная вооруженная толпа, и вызвалъ къ себѣ спасскаго выборнаго Степана Караушева. Исаевъ сообщилъ Караушеву:

— Посланъ изъ Керенска капитанъ для осмотра вашего села и не будетъ ли ему отъ васъ какого овлобленія?

— Ежели капитанъ ѣдетъ съ честію, — отвѣчалъ Караушевъ, — пускай пріѣзжаетъ.

Утромъ 30-го августа Карякинъ вѣхалъ въ Спасское. Такъ какъ сельскія улицы были переполнены народомъ, при чемъ многіе обыватели, за тѣсною, глядѣли на керенскій поѣздъ съ крышъ и съ колоколни, то керенскій капитанъ смутился и послалъ солдата Малина вѣжливо справиться у сельскихъ властей: гдѣ велать ему остановиться... Мѣсто было указано.

Когда Карякинъ шелъ затѣмъ осматривать плѣнную команду, его сопровождало множество народа съ дреколіемъ. Составленъ былъ актъ осмотра, а въ немъ значилось:

«На капитанѣ Григоріи Сѣверцовѣ явилось: хребетъ и лѣвый бокъ опухъ, правая рука значить синя и багрова, на головѣ волосы выдраны, лѣвый високъ и лѣвое ухо оцарапаны, да на лѣвой рукѣ указательный палецъ расшибенъ и штаны изодраны».

Подобные же знаки явились и на остальныхъ чинахъ команды. У кого была кисть руки перебита или голова проломлена, или вся одежда уничтожена, и у всѣхъ были синебагровыя пятна...

Во время осмотра, когда происходило подробное описаніе боевыхъ знаковъ изувѣченныхъ военныхъ чиновъ, спасскіе крестьяне все подшучивали. Опухшія мѣста они называли жиромъ, а про сине-багровые знаки отзывались такъ:

— Это у нихъ, у вашихъ солдатъ, отъ лежанія, да блохи навѣли.

Когда же керенскіе слѣдователи вошли на монастырскій дворъ, гдѣ въ безпорядкѣ свалены были оружіе и аммуниція, то путешники и тутъ не унялись и съ притворнымъ страхомъ говорили:

— Не подходите къ ружью близко, оно все заражено и какъ бы всѣхъ васъ не побил...

Въ ночь 30-го августа Карякинъ возвратился въ Керенскъ. Команда Сѣверцова осталась въ плѣну. А спасскіе обыватели, подъ руководствомъ какого-то Шацкаго подканцеляриста Валуева, принялись сочинять жалобу на Сѣверцова съ командой. На сходѣ они выбрали Степана Акимова и Семена Дмитріева и на мірской подводѣ отправили ихъ въ Шацкъ, въ провинціальную канцелярію. Шацкій воевода Ниротворцевъ принялъ ходоконъ весьма грозно и немедленно приказалъ: «подателей написать въ колодничій реестръ и отдать подъ крѣпчайшій караулъ». Засѣли эти горемычные податели навѣкъ въ сырую и грязную тюрьму. Извѣдали они всю муку пристрастныхъ допросовъ. Пошла о нихъ въ разныхъ мѣстахъ переписка, ничего хорошаго имъ не обѣщавшая, а навивные земляки ихъ, собираясь на шумные деревенскіе сходы, или же посиживая на заваленкахъ и у царевыхъ кабаковъ, все

ждали ихъ съ часа на часъ съ добрыми вѣстями и съ грозною карою для монастырскихъ властей и воинскихъ командъ.

Наступила осень 1756 года. Переписка о спасскихъ возмутителяхъ кончилась. Сенатъ (съ Синодомъ) и Военная Коллегія рѣшились приступить къ рѣшительнымъ и усилненнымъ дѣйствіямъ. Противъ вотчины Новоспасскаго монастыря, именно противъ селъ Спасскаго, Введенскаго и Козмодемьянскаго, виновныхъ въ неповиновеніи монастырю и въ возмущеніи и прочихъ непорядочныхъ поступкахъ, наряжена была команда Тенгинскаго пѣхотнаго полка, въ трехъ ротахъ, подъ начальствомъ секундъ-маіора Маркова. Команду везли изъ Тамбова на переѣзныхъ обывательскихъ подводахъ. 28-го ноября роты остановились передъ селомъ Введенскимъ. Начальникъ отряда по реестру потребовалъ отъ сельскихъ властей выдачи зачинщиковъ. Но крестьяне въ томъ учинились противны и не токмо никого не дали, но его маіора съ командою въ то село не пустили. Лишь только передовой взводъ приблизился къ околицѣ, какъ всѣ обыватели, старые и малые, точно по командѣ, произвели чрезвычайный крикъ. Всѣ взрослые мужики вооружились чѣмъ попало и съ азартностію стали бить солдатъ дубьемъ и всякимъ дреколѣмъ, и кололи рогатинами смертельно, и палили изъ ружей и прострѣлили шедшему при первомъ взводѣ поручику Журавлеву шляпу навывлетъ и концемъ ногу покололи и лобъ оцарапали, а у самаго маіора отбили собственную его лошадь.

Маіоръ Марковъ не рѣшился приступать къ самымъ крайнимъ мѣрамъ. Повидимому, это былъ человекъ осторожный и вдумчивый: Онъ вернулся въ мирныя деревни и сталъ ожидать начальственныхъ распоряженій. Скоро послѣдовалъ указъ: всѣхъ противниковъ стараться окружить и, не упуская ни единого, ловить и сажать подъ крѣпкій караулъ. А ежели тѣхъ деревень крестьяне будутъ какъ чинить противности, то въ такомъ случаѣ съ ними поступать, какъ съ злодѣями, военною рукою.

Команда Маркова была усилена отрядомъ Ярославскаго полка въ 700 человекъ подъ начальствомъ Хатунскаго. На помощь къ конницѣ и пѣхотѣ явилась еще одна пушка и мортиры съ принадлежащими къ нимъ припасы. Тогда произошло то, что сотни разъ бывало на Руси. Неразумные возмутители были схвачены, связаны и скованы и препровождены въ тюрьмы. Спаслись лишь тѣ, которые во время скрылись съ женами и дѣтьми въ дремучихъ лѣсахъ.

На этотъ разъ окончательный судъ надъ возмутителями былъ въ Рязани, такъ какъ Шацкая провинціальная канцелярія явилась подозрительна.

На судѣ, между прочимъ, выяснились, что новоспасскіе старцы въ качествѣ вотчинныхъ управителей были далеко не на высотѣ своего призванія. Они издавна чинили крестьянамъ многія обиды и взытки. На этомъ печальномъ поприщѣ больше всѣхъ старцевъ прославился іеромонахъ Евстафій. Все это и было причиною того, что Спасскіе, Введенскіе и Козмодемьянскіе крестьяне перестали платить монастырю оброкъ и прочіе сборы. Недоразумѣнія между монастыремъ и крестьянами обострились еще въ 1754 году и только крайняя монастырская безпечность довела дѣло до открытаго крестьянскаго возмущенія и до кровавой правительственной расправы. Еще тогда, по монастырскому ходатайству, въ Новоспасскія вотчины пріѣзжали особо командированные офицеры и брали съ старостъ и выборныхъ подписки относительно безусловнаго повиновенія. Но уже и въ то время по монастырскимъ вотчинамъ ходили упорные слухи, что офицеры подкуплены монастырскими властями за 200 рублей и что ихъ грамотки—воровскія и непотребныя. Эту мысль съ особенною энергіею распространялъ по селамъ уже упомянутый нами крестьянинъ Михайла Мирвинъ, грамотѣй и начетчикъ.

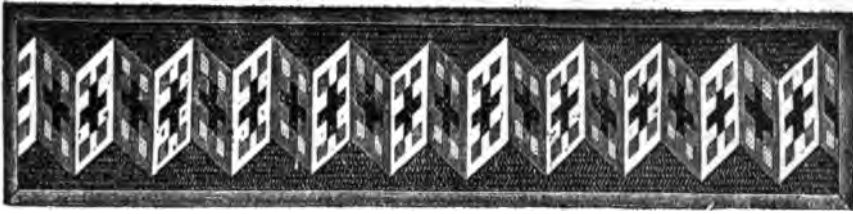
«Онѣй Михайла Мирвинъ,—писала Московская синодальная контора,—вотчинныхъ крестьянъ ухищренно научаетъ и въ дѣлахъ приказываетъ». И его хотѣли было арестовать присланные изъ Воронежа солдаты еще въ 1755 году, но вынуждены были вернуться домой ни съ чѣмъ, такъ какъ изба Мирвина была охраняема днемъ и ночью вооруженными крестьянами. У воротъ его избы попеременно стояло по 20 человѣкъ и приближительно такое же число дежурило на дворѣ, на огородѣ и вокругъ усадьбы. Ясно, вотчинный миръ берегъ Мирвина, какъ человѣка своего, мірскаго. Посланные изъ Воронежа солдаты такъ испугались толпы, грозно оберегавшей мірскаго любимца, что отреклись даже отъ своего посланничества и на вопросъ о томъ, что они за люди, отвѣчали: «мы люди пробажіе, по своимъ дѣламъ ѣдемъ изъ Воронежа въ Астрахань». Вслѣдъ за воронежскими солдатами въ томъ же 1755 году пріѣзжали въ село Спасское съ уговорными грамотами прапорщикъ Щекутинъ съ монахомъ Наумомъ, и также неудачно. На сходкѣ крестьяне окружили ихъ и звѣрообразно и весьма необыкновенно закричали: «вокругъ насъ съ своими грамотами вы не лебезите, у насъ свои есть, получше вашихъ, а теперь побажайте-ка отъ насъ честію, покуда цѣлы, напрасно не натруждайтесь, а то и зубъ не досчитаетесь и пожалуй разорвемъ мы васъ на клочки». Конечно, о. Наумъ и прапорщикъ Щекутинъ послѣ этого уже не дожидались дальнѣйшихъ винушеній и благополучно прослѣдовали въ городъ Шацкъ.

Кромѣ того, на томъ же судѣ вполне объявились вины крестьянскія. Съ начала возмущенія крестьяне перестали пла-

титъ монастырю деньги и доставлять хлѣбъ. Она отказались отъ полевыхъ работъ и отъ всякихъ издѣлій и стали жить правдо и самовольно. И при этомъ были вполне увѣрены въ совершенной правдивости своихъ дѣйствій. Въ особенности эту мысль усвоили именно тѣ крестьяне, числомъ 25 человекъ, которые наиболѣе волновали миръ и за это впоследствии больше всѣхъ заплатились...

И. Д.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Архивъ князя Воронцова. Книга тридцать четвертая. Москва. 1888.

ВЪ НАСТОЯЩЕМЪ томѣ «Архива кн. Воронцова» помѣщены бумаги равнаго содержанія трехъ царствованій, Елисаветы, Петра III и Екатерины II. Документы касаются вопросовъ внѣшней и внутренней политики, частныхъ дѣлъ Воронцовыхъ, дѣлъ администраціи и др. Далеко не всѣ бумаги имѣютъ важность въ историческомъ отношеніи, о нѣкоторыхъ положительно мы не можемъ сказать, почему они попали въ этотъ весьма богатый со-
держаніемъ сборникъ, хотя почтенный редакторъ и называетъ ихъ «любопытными»: таково, напримѣръ, «письмо отъ неизвѣстнаго къ неизвѣстному», почему-то относимое редакторомъ къ началу Александровскаго царствованія, а въ сущности тракующее о никому появившихся и ни для кого не важныхъ дѣлахъ; таковы же докладъ о награжденіи Острогожскаго полковника Ивана Тевяшева, письмо г. Ивинскаго и нѣкоторыя другія бумаги. Такое нагроможденіе никому ненужнаго матеріала совершенно напрасно увеличиваетъ объемъ сборника, и вмѣсто него, намъ кажется, было бы гораздо полезнѣе расширить комментарии, на которые редакторъ чрезвычайно скупъ.

Обратимся, однако, къ документамъ и постараемся отмѣтить наиболѣе существенные факты, которые они намъ дадутъ. Изъ бумагъ Елисаветинскаго времени наиболѣе интереса представляютъ относящіяся къ Семилѣтней войнѣ. Мы прежде всего остановимся на секретной запискѣ о союзѣ противъ Англій, представленной нашему кабинету маркизомъ Лопиталемъ. Проектъ Лопитала очень широкъ, онъ хочетъ уничтожить морское владычество Англій; «всѣ купечествующія державы и города, говорится въ запискѣ, должныствовали спознать существительные свои интересы и соединить всѣ силы для преду-

прежденія неограниченнаго самовластія, которое Англія на всѣхъ моряхъ получать, смели только единодушно не молочатся предѣлы жадности къ несправедливымъ ея воспріятіямъ. Причиною соединенія всѣхъ почти Европейскихъ державъ противъ Франціи было черезъ кѣпый вѣкъ сохраненіе равновѣсія на твердой землѣ: англичане старались увѣрить, что Людовикъ XIV намѣреніе имѣть основать универсальную монархію. Но между тѣмъ какъ она сію мечту представляла, чтобъ общее легковѣріе прельстить, непрестанно устремлялись она (въ чемъ по несчастію весьма и преуспѣла) уничтожить равновѣсіе силъ на морѣ, безъ котораго, однакожъ, невозможно равновѣсію быть на твердой землѣ. Мысль очень интересная, но для ея осуществленія ничего не было тогда предпріято. Далѣе мы отиѣтитъ довольно обширную переписку по поводу контрибуціи, наложенной на жителей Кенигсберга и провинціи Пруссія: изъ нея видно, какъ была разорена эта страна военными дѣйствіями. Особенный интересъ представляютъ экстракты и переводы писемъ Фридриха Великаго, вятыхъ у генерала Фуке. Положеніе Фридриха было очень тяжелое, онъ неоднократно жалуется въ своихъ письмахъ на разныя трудности. «Во всю жизнь мою, пишетъ онъ маркизу Даржансу, я не бывалъ еще въ столь затруднительныхъ обстоятельствахъ, какъ въ нынѣшнюю кампанію, и вѣрете мнѣ, что надобно еще чудесамъ быть, чтобъ преодолѣть намъ всѣ предусматриваемыя мною трудности. Я, конечно, при случаѣ сдѣлаю мою должность: но намятуйте всегда, любезный маркизь, что счастье не состоитъ въ моей власти и что я принужденъ въ моихъ просктахъ много на удачу отвѣчивать, за неимѣніемъ способовъ составлять со всѣмъ надежныя. Геркулесовы труды довершать мнѣ надлежитъ въ такіахъ мѣстахъ, гдѣ силы мои слабѣютъ, а немощи умножаются, и когда, правду сказать, надежда, единое несчастныхъ утѣшеніе, не доставать начинаеть. Вы не столько о дѣлахъ свѣдомы, чтобъ могли точно себѣ воображеніе сдѣлать о всѣхъ опасностяхъ, кои моему государству угрожаютъ». Въ письмѣ къ Фуке отъ 5-го января 1760 года Фридрихъ пишетъ: «Мы окончили злополучный годъ, да и наступившій не лучшую намъ подаютъ надежду». Въ другомъ письмѣ Фридрихъ жалуется на своихъ помощниковъ: «мои генералы причиняютъ мнѣ больше вреда, нежели непріятель, потому что они всегда вопреки моимъ намѣреніямъ поступаютъ». Но вмѣстѣ съ жалобами на свое положеніе Фридрихъ неоднократно высказываетъ сильнѣйшую рѣшимость продолжать борьбу и увѣренность въ успѣхъ: «я еще весьма слабъ, но должность моя и рѣвность къ отечеству придають мнѣ крылья и везутъ меня въ Саксонію, такъ сказать, какъ мумію, а не солдата, который умѣетъ воевать. Состояніе мое весьма худо, однако, надлежитъ исправлять свою должность, и если уже необходимо надобно будетъ погибнуть, то не иначе погибнемъ, какъ со шпагою въ рукахъ, принеся въ жертву мщенію нашему столько непріятелей, сколько намъ возможно будетъ. Я уже къ худому моему счастью начинаю привыкать, и обнадеживаю васъ, что непріятели не скоро меня склонятъ къ такому соглашенію, каковаго они желали бы и разорить мои области развѣ только по отнятіи моей жизни». Фридрихъ старался отвлечь союзниковъ въ другую сторону, противъ какихъ-нибудь новыхъ ихъ враговъ, для этого онъ усиленно возбуждалъ Турцію противъ Россіи и Австріи. «Турки находятся въ движеніи, писалъ Фридрихъ къ Фуке отъ 9-го января 1759 г., и весной не будутъ стоять, руки поджавши. Король Гішпанской при смерти, а сіе довольно сдѣлаеть труда симъ робкимъ злоумышленникамъ, которые

старались о моей погибели. Если сей народъ, которой не носятъ шляпъ (т. е. турки), обратится противъ варваровъ (т. е. русскихъ), то вся сія орда исчезнетъ, и слѣдовательно Швеція оставитъ ихъ партію; еслижъ обратятся они противъ дерзкихъ нашихъ сосѣдовъ, то сіи не могутъ супротивляться въ одно время противъ меня и обрѣванцовъ; если же сверхъ того всего умретъ король Гишпанской, то тотчасъ возгорится война въ Италиі, и глупые ваши и безразсудные земляки (т. е. французы) принуждены будутъ воевать съ дерзкими и гордыми германскими тиранами». Къ русскимъ Фридрихъ относится съ сильнымъ презрѣніемъ, называетъ ихъ «варварами», меккѣдями, «урсомалами», хотя и сильно ихъ побаивается: «силеская армія», пишетъ онъ, «должна пользоваться наималѣйшими погрѣшностями россиянъ и папестъ имъ, если можно, клякой-нибудь ударъ, прежде нежели главная армія начнетъ свои операціи, занимать трудныя мѣста и оставлять чистыя поля, ибо россияне имѣютъ такое правило, чтобъ самими не атаковать и маршировать лѣсами, а не полями, если же случится имъ идти черезъ поле, то, можетъ быть, и удастся ихъ побить. Главное примѣчаніе противъ нихъ должно быть сіе, чтобъ препятствовать имъ, дабы они не могли брать крѣпостей и въ оныхъ утвердиться».

Изъ другихъ бумагъ Елисаветинскаго времени отиѣтити «предложеніе гр. М. Ил. Воронцова о формѣ суда», въ этомъ предложеніи любопытна мысль о «публичныхъ стряпчихъ», проектъ учрежденія присяжной адвокатуры, при чемъ каждый стряпчій долженъ былъ давать присягу, «дабы онъ ни по чьему дѣлу ни за какую плату въ судъ не вступалъ, ежели не усмотритъ, что искъ праведной и сумнѣнію не подверженъ: ибо когда по окончаніи дѣла явится, что неправое челобитіе было, за которымъ онъ ходилъ, ему достойное наказаніе учинено будетъ». Очень курьезнымъ документомъ представляется несподдапнѣйшій докладъ о флотѣ: адмираловъ по штату полагалось двое, а было 4, но каковы они были? «1) Мишуковъ въ такой глупой старости, что невозможно и требовать, чтобъ онъ еще флотомъ командовалъ, или, въ коллегіи присутствуя, отправлялъ безостановочно множество трудныхъ дѣлъ; 2) Головинъ по слабому состоянію здоровья уже давно время не выѣзжаетъ и теперь подалъ прошеніе объ отставкѣ; 3) Талызинъ хотя не столько боленъ, однакожъ на морѣ не бывалъ и также старъ; 4) Мятлевъ такъ слабъ, что когда и выѣзжаетъ, то для безпрестанныхъ гипохондрическихъ припадковъ не можетъ однакожъ не токмо въ морѣ командовать флотомъ, но ниже въ коллегіи здѣсь съ пользою присутствовать». Всѣ они были уволены, но и вице-адмиралы были не совсемъ удовлетворительны: Любовскій «устарѣлъ», «во флотѣ отрекся быть» и «россійскаго языка не знаетъ», Кейзеръ «старъ и неспособенъ въ адмиралы».

Бумаги Екатерининскаго царствованія, помѣщенные въ настоящей книгѣ «Архива», имѣютъ преимущественно частный характеръ. Много документовъ касается развода дочери гр. М. И. Воронцова, Анны Михайловны, съ мужемъ ея гр. А. С. Строгоновымъ. Объ этомъ вопросѣ говорится много въ письмахъ къ ней П. В. Вакунина. Письма эти писаны пофранцузски, и ничего особенно важнаго въ себѣ не заключаютъ, но характерны въ нихъ два курьеза: во-первыхъ, Вакунинъ объясняетъ, почему онъ пишетъ пофранцузски: «я хотѣлъ писать вамъ порусски, но я сразу увидѣлъ, что мои карауки на родномъ языкѣ походятъ немного на условные знаки или на еврейскую азбуку (*mon griffonage dans la langue maternelle ressemble un peu*

аих chiffres on bien à l'hebreux);—второй курсъвъ относительно общественныхъ увеселеній: на одномъ маскарадѣ: «1) человѣкъ съ десяти въ галереѣ переблевались; 2) маски покрали нѣсколько серебряныхъ кувертовъ; 3) у одной маски нашли въ карманѣ жареную утку». Въ числѣ этихъ бумагъ интересны нѣкоторые документы о дипломатической службѣ гр. С. Р. Воронцова, письма Екаторины II по поводу второго брака вел. кн. Павла Петровича, рѣшеніе совѣтнаго суда по извѣстному бракоразводному дѣлу П. А. Демидова и многія другія. Изъ бумагъ политическаго содержанія заслуживаетъ вниманія всеподданнѣйшій докладъ секретной экспедиціи коллегіи иностранныхъ дѣлъ объ отношеніяхъ Россіи къ Англіи. А. В.-ник.

Проф. М. Н. Петровъ († 23 января 1887 г.). Лекціи по всемірной исторіи. Т. II. Исторія среднихъ вѣковъ, обработанная и дополненная проф. В. К. Надлеромъ. Харьковъ. 1888.

Референтъ лично зналъ покойнаго профессора М. Н. Петрова, одного изъ самыхъ даровитыхъ и опытныхъ университетскихъ преподавателей исторіи. Онъ производилъ впечатлѣніе человѣка очень талантливаго, съ тонко развитымъ умомъ и эстетическимъ чувствомъ, съ замѣчательнымъ даромъ слова. Хотя въ послѣдніе годы своей дѣятельности онъ, по болѣзни глазъ, не могъ слѣдить за наукой и подновлять своего курса, лекціи его производили на студентовъ Харьковскаго университета сильное и благотворное вліаніе. Непосредственно для науки покойный, по разнымъ причинамъ, сдѣлалъ очень немного, но рядъ его блестящихъ статей, помѣщенныхъ въ разныхъ журналахъ 50-хъ и 60-хъ годовъ и потомъ собранныхъ въ одну книгу, теперь уже выдержавшую два изданія, указываютъ ему видное мѣсто между вполне подготовленными популяризаторами науки, дѣятельность которыхъ въ наше молодомъ обществѣ столько же почтенна и полезна, какъ и дѣятельность записныхъ ученыхъ.

Нельзя не отнестись съ полнѣйшимъ сочувствіемъ къ мысли учениковъ покойнаго надать лекціи даровитаго профессора, представляющія именно тотъ общій курсъ, въ которомъ такъ нуждаются наши студенты и наши преподаватели исторіи. Въ Германіи такія орага роста извѣстныхъ преподавателей допвляются очень часто и иногда выдерживаютъ цѣлый рядъ изданій; само собою разумѣется, что на издателяхъ такихъ курсовъ лежитъ нравственный долгъ не только внимательно проредактировать бумаги покойнаго и записки его слушателей, но и дополнить ихъ примѣчаніями и вставками, которыя должны составить книгу безусловно въ уровень съ современнымъ изданію состояніемъ науки. Эту нелегкую задачу относительно курсовъ покойнаго Петрова принялъ на себя его наслѣдникъ по кафедрѣ проф. Надлеръ.

Г. Надлеръ заявляетъ въ предисловіи, что въ этомъ томѣ «такихъ поправокъ и добавленій накопилось довольно много», потому что лекціи Петрова по средней исторіи остались въ менѣе обработанномъ и законченномъ видѣ, нежели, напримѣръ, его чтенія по древней исторіи, такъ какъ курсъ свой по этому отдѣлу покойный профессоръ читалъ не болѣе двухъ разъ и за послѣдніе десять лѣтъ не повторялъ и не передѣлывалъ его». Перечисливъ наиболѣе существенныя свои добавленія въ самомъ текстѣ курса, г. Над-

леръ (съ большей откровенностью, нежели скромностью) указываетъ на самую важную свою заслугу; «въ цѣломъ рядѣ очерковъ и отдѣльныхъ подстрочныхъ примѣчаній, говоритъ онъ, я не только указалъ на важнѣйшихъ средневѣковыхъ авторовъ, но и далъ краткую характеристику какъ средневѣковой историографіи вообще, такъ и выдающихся ея произведеній въ частности». Что касается повнѣйшей литературы, то г. Надлеръ берется привести лишь выдающіеся ученые труды, и только сочиненія русскихъ ученыхъ перечислить «съ возможно большею подробностью».

Курсъ покойнаго Петрова въ общемъ отличается замѣчательною стройностью, ясностью и изяществомъ изложенія, въ частности можно не соглашаться со многими изъ его положеній, но заявленіе издателя, что онъ не передѣлывался цѣлые десять лѣтъ, закрываетъ ротъ самому придирчивому рецензенту. Единственный его общій недостатокъ, лежащій, впрочемъ, болѣе на ответственности редакціи, нѣсколько странная терминологія, напримѣръ, цирцейскія партіи (вмѣсто партіи црка, стр. 72), вѣкъ Медичеевъ (вмѣсто Медичисовъ), Ома Аквино (вмѣсто Аквинскій) и т. п.; мы убѣждены, что если покойный не исправлялъ подобныхъ необычныхъ выраженій въ студенческихъ тетрадахъ, онъ непремѣнно исправилъ бы ихъ въ виду печати. Что касается до добавленій, сдѣланныхъ г. Надлеромъ въ самомъ текстѣ, въ виду того, что курсъ предназначается не для среднихъ учебныхъ заведеній, а для людей, которымъ главные факты средневѣковой исторіи извѣстны, болшинство ихъ мы должны признать излишними. Покойный Петровъ говоритъ, напримѣръ, что «новое человѣчество отличается отъ древняго новыми религіями, измѣнившими его нравственныя понятія» (стр. 3). Проф. Надлеръ дѣлаетъ при этомъ довольно большую вставку, гдѣ объясняетъ, что такими религіями являются христіанство и исламъ, разъясняетъ сущность политеизма (по его убѣжденію всѣ политеистическіе культы обоготворяли природу) и пр. Петровъ говоритъ (стр. 23), что въ учрежденіи майордомата обнаруживается реакція германизма, а г. Надлеръ въ скобкахъ рассказываетъ о Пипинѣ Ланденскомъ, о Карлѣ Мартелѣ и пр. Ужели такими вставками онъ думаетъ поставить книгу «на уровеньъ современнаго историческаго знанія» (см. Предисловіе)? Университетскій учебникъ или долженъ вмѣщать въ себя и повтореніе гимназическаго, но въ такомъ случаѣ книгу проф. Петрова понадобится переделывать отъ начала до конца и втрое увеличить ее въ объемѣ, или предполагать извѣстнымъ хотя бы краткій курсъ Иловайскаго. Вообще, къ г. Надлеру нельзя примѣнить того, за что онъ справедливо хвалитъ покойнаго своего учителя, который «господствуетъ надъ фактами и подробностями, но не подчиняется имъ».

Что касается до историографіи г. Надлера, то она гораздо лучше въ идеѣ, нежели въ исполненіи. Во-первыхъ она испещрена недосмотрами и неисправленными опечатками, которыя неприяты вездѣ, а особенно въ библиографіи. Откуда, напримѣръ, г. Надлеръ взялъ Во луспу-сагу (стр. 63 прим.)? Ужели ему неизвестно, что Во луспа, или вѣрнѣе: Вѣлю-спо значить иѣсны Вѣлы и что слово сага въ видѣ приложенія къ ней не имѣетъ смысла? Или что за писатель Средневекскій, сочинившій исследование о языческомъ богослуженіи славянъ (стр. 87), будто бы отличный отъ Средневекскаго, упомянутого строкою выше? Или: какъ читатель выпутается изъ того, что на стр. 6, г. Надлеръ «Histoire littéraire de France» ограничиваетъ 24 томами, а на стр. 146 «Литературная исторія Франціи», оказывается доведенной до

38 тома? Или: какое жалкое позитіе получить читатель о древнеиѣмецкой литературѣ, когда г. Надлеръ заявить ему, что «спорадическіе памятники письменности на народномъ языкѣ въ Германіи встрѣчаются « рѣдкѣ крестовыхъ походовъ» (стр. 159) и т. д.

Экскурсы г. Надлера о средневѣковыхъ историкахъ отличаются поразительною краткостью: даже въ новомъ изданіи Вебера, читатель найдетъ несравненно больше полезнаго, не говоря уже объ извѣстномъ изданіи Стасюлевича. «Позднѣйшая литература» указана довольно бессистемно и при томъ, то въ оригиналѣ, то порусски; послѣднее до крайности неудобно; если г. Надлеръ имѣлъ въ виду дѣйствительную пользу читателя, что онъ надѣялся дать ему хоть напр., такимъ указаніемъ: Шульцъ «Придворная жизнь»? Кому неизвѣстно, какое множество Шульцевъ въ Германіи и кто, кромѣ читавшаго книгу Альвина Шульца: «Hofliches Leben im Zeitalter der Minnesinger», найдетъ по такому указанію нужное ему сочиненіе?

Что касается до сочиненій русскихъ ученыхъ, то нѣкоторую полноту указаній читатель найдетъ только относительно ученыхъ харьковскихъ; относительно петербургскихъ и московскихъ легко исписать страницу именами книгъ, не упомянутыхъ г. Надлеромъ.

Намѣреніе г. Надлера—почтить память учителя и вмѣстѣ съ тѣмъ дать русской публикѣ хорошую книгу—прекрасное, но исполненіе, какъ говорится, оставляетъ желать многого. Надѣмся, что при второмъ изданіи, котораго отъ души желаемъ книгѣ проф. Петрова, г. Надлеръ отнесется къ дѣлу съ тѣмъ вниманіемъ, какого оно заслуживаетъ.

А. К.

Ө. Успенскій. Русь и Византія въ X вѣкѣ. Рѣчь, произнесенная 11-го мая 1888 г. въ торжественномъ собраніи Одесскаго славянскаго благотворительнаго Общества, въ память 900-лѣтняго юбилея крещенія Руси. Одесса. 1888.

Юбилей крещенія Руси естественно долженъ былъ обратить вниманіе нашихъ ученыхъ къ отдаленнымъ временамъ X столѣтія, въ которыхъ для насъ такъ много еще смутнаго и запутаннаго. Тутъ, что ни событие, то вопросъ, сомнѣніе, подчасъ неразрѣшное: прежде всего на сцену выступаетъ знаменитый варяжскій вопросъ, изъ-за котораго было поломано столько копей на ученыхъ турнирахъ. Этого-то вопроса, какъ онъ ни кажется истрепаннымъ, касается въ своей рѣчи профессоръ Одесскаго университета Ө. И. Успенскій и, не смотря на эту кажущуюся истрепанность предмета, сообщаетъ нѣкоторыя новыя данныя для его рѣшенія и даетъ весьма интересное новое освѣщеніе событіямъ X столѣтія нашей исторіи. Новыя данныя, сообщаемыя г. Успенскимъ, ваяты изъ византійскихъ источниковъ;—это, между прочимъ, загадки на слово Рѣс: 1) «Имя мое мученикъ и въ то же время птица. По отгнати трехъ первыхъ буквъ, ты увидишь гордое надменное языческое племя. Загадка дана на слово Φλῶρος—и относится къ языческой эпохѣ Руси. 2) Меня производитъ сладко-рождающее животное, одаренное способностью летать. Я часто нахожусь въ храмахъ и пользуюсь вниманіемъ молящихся. Если отнимешь двѣ первыя буквы, то три остальные будутъ обозначать надменной гордости варвара склеа. Эта загадка дана на слово Κηρός—воськъ, она снабжена при томъ загадкой, въ которой прямо обо-

значено, что по отнятіи первыхъ двухъ буквъ данное слово значитъ русскій народъ». Изъ этого весьма естественъ выводъ, дѣлаемый авторомъ, что «варваръ склепъ и русскій народъ въ представленіи византійцевъ X в. суть равнозначашіе терминны». Вопросъ о происхожденіи Руси ставится, такимъ образомъ, въ связь съ вопросомъ склескимъ. Самъ для себя авторъ покуда рѣшаетъ его такъ: «я бы присоединился къ норманской школѣ, хотя не безъ сожалѣнія. На сторону норманской школы обязываетъ стать разсудокъ и логика сохранившихся текстовъ, но къ противоположной школѣ влечетъ чувство и опасеніе пожертвовать живою дѣйствительностью, наблюдаемою въ жизни и дѣятельности Руси X вѣка». Но какова же была эта живая дѣйствительность? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, г. Успенскій разбираетъ исторію Руси въ X столѣтіи, говоритъ о походахъ русскихъ на Царьградъ, объ ихъ торговыхъ сношеніяхъ съ Византіей, о государственномъ устройствѣ Руси въ это время, о путешествіяхъ Ольги, политическихъ стремленіяхъ Святослава. Тонкіе и остроумные критическіе приемы автора даютъ ему возможность высказать довольно много новыхъ и справедливыхъ мыслей, хотя бы, напримѣръ, о силѣ русскаго флота, который далеко не состоялъ изъ лодокъ однодеревокъ, какъ мы это привыкли себѣ представлять,— къ сожалѣнію мѣсто не позволяетъ намъ распространиться подробнѣе о выводахъ автора. Скандинавское вліяніе г. Успенскій подвергаетъ сильнѣйшему сомнѣнію; если пѣсмъ своимъ развитіемъ гражданскимъ, культурнымъ и государственнымъ Русь обязана норманскимъ князьямъ съ ихъ дружиною, то «эти князья», какъ говоритъ г. Успенскій, «похожи на чародѣевъ, о которыхъ расказывается въ сказкахъ, и отсюда прямо вытекаетъ то заключеніе, что, гражданственность на Руси должна была начаться раньше 862 г. и, слѣдовательно, не варяги-Русь основали государство, а туземная Русь». Событія русской исторіи X вѣка невольно приводятъ автора къ вопросу о культурномъ значеніи Византіи. Неоспоримо, что заслуги Византіи въ дѣлѣ просвѣщенія варварскихъ народовъ очень велики, и мы вполне согласны съ авторомъ въ его неодобреніи тѣхъ писателей, которые относятся къ Византіи съ огульнымъ порицаніемъ; мы такъ же, какъ и авторъ, находимъ необходимымъ, прежде чѣмъ провозносить суровый приговоръ, изучить вліяніе Византіи въ разныхъ сферахъ русской жизни, но мы въ то же время полагаемъ, что авторъ впалъ въ противоположную крайность: онъ слишкомъ уже вознесъ Византію. Онъ говоритъ, что «греческіе проповѣдники не подчиняютъ новопросвѣщенныхъ византійскому царю, а служатъ религіозной идеѣ»,—этому противопоставляется «шумъ оружія тамъ, гдѣ господствуетъ латинская церковь». Мы никакъ не можемъ согласиться съ такимъ противопоставленіемъ, въ немъ, кажется намъ, заключается очень крупная ошибка, присущая всѣмъ нашимъ поклонникамъ Византіи. Говоря о шумѣ оружія на Западѣ и мирномъ распространеніи христіанства Византіей,—не слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, забывать, въ какомъ положеніи находилась въ это время Византія. Могла ли она распространять христіанство огнемъ и мечемъ, когда эти огонь и мечъ нужны ей были, чтобы охранять себя отъ варваровъ, обеспечивать себѣ возможность существованія? Вѣдь нельзя же ставить въ заслугу человѣку, что онъ не дѣлаетъ извѣстныхъ худыхъ поступковъ, если онъ лишентъ возможности ихъ совершать. Тоже и съ Византіей. Мы не можемъ здѣсь видѣть какихъ-либо «народныхъ и психологическихъ чертъ», отличающихъ Византію отъ Рима. Вопросъ сводится къ тому, было ли въ Ви-

вантіи стремленіе къ политическимъ цѣлямъ при помощи религіозныхъ средствъ. Оно несомнѣнно было, какъ видно, напримѣръ, въ грамоты царградскаго патріарха къ великому князю московскому Василю Дмитріевичу о поминаніи въ эктенияхъ византійскаго императора. Въ Византіи была постоянно мечта о гегемоніи на Востокаѣ: за неизмѣнимъ политической силы, Византія старалась удержать за собой гегемонію церковную, при чемъ къ мысли о первенствѣ въ церкви всегда прииѣшивалась идея политическая. На «религіозной идеѣ» отразился византійскій цезаропанизмъ. Если Риму можно ставить въ упрекъ, что онъ земными путями стремился къ небеснымъ цѣлямъ, то относительно Византіи надо указать, что она нерѣдко небесными путями добивалась цѣлей чисто земныхъ. А. В.—инъ.

Вступленіе на престолъ императрицы Елисаветы Петровны. Н. Н. Фирсова. Казань 1888.

Авторъ настоящей книжки поставилъ себѣ задачей изслѣдовать два вопроса: 1) почему пало то правительство, которое правило Россіею до воцаренія императрицы Елисаветы? и 2) почему императрица Елисавета, занявши силой престолъ, могла удержаться на немъ въ теченіе всей остальной ея жизни? Оба эти вопроса далеко не новы, много разъ ставились различными учеными, и большинствомъ изслѣдователей они рѣшались одинаково: главнымъ причиною паденія иносемнаго правительства было недовольство, возбужденное имъ противъ себя во всѣхъ слояхъ русскаго народа; источникомъ недовольства было иносемное происхожденіе правителей и ихъ презрѣніе ко всему русскому; Елисавета удержалась на тронѣ потому, что была русская и по крови и по духу, народъ въ ней одной видѣлъ законную наслѣдницу великаго преобразователя Россіи и ждалъ отъ нея облегченія ярма, наложеннаго на него иносемцами. Такое же точно рѣшеніе указанныхъ вопросовъ даетъ и г. Фирсовъ, такъ что основная его мысль оказывается столь же не новою, какъ и предметъ изслѣдованія.

Но высказавъ такое общее мнѣніе о трудѣ г. Фирсова, мы все же не можемъ не признать за нимъ многихъ выдающихся достоинствъ. Авторъ даетъ намъ весьма полную картину состоянія русскаго общества и народа за время бирюзовщины; онъ сводитъ всѣ отрывочныя и противорѣчивыя извѣстія о характерѣ и дѣятельности главныхъ правителей: Вирона, Миниха и Остермана, и въ общемъ эти характеристики вѣрны и даютъ ясное представленіе о личностяхъ, хотя подчасъ въ нѣкоторыхъ штрихахъ имѣть достаточной силы и опредѣленности. Очень яркими чертами описывается положеніе крестьянъ, угнетенныхъ непомѣрными налогами, всысканіемъ недоимокъ, (вопросу о недоимкахъ г. Фирсовъ отвелъ довольно большое мѣсто въ своемъ сочиненіи, и это, по нашему мнѣнію, составляетъ одно изъ крупныхъ его достоинствъ), злоупотребленіями властей и помѣщиковъ и т. д. Во всѣхъ своихъ сѣдствіяхъ крестьяне по старой традиціи винили окружавшихъ престолъ бояръ, а эти послѣдніе въдобавокъ были иносемцы, что еще болѣе усиливало недовольство противъ нихъ. Недовольно было и дворянство, но особенно велико было раздраженіе противъ иносемнаго правительства въ средѣ духовенства и въ старыхъ двухъ гвардейскихъ полкахъ: Преображенскомъ и Семёновскомъ. Г. Фирсовъ весьма вѣрно опредѣляетъ разницу въ отношеніяхъ къ духовенству Петра Великаго и иносемцевъ-правителей. «И Петръ Великій,

говорить авторъ, относился къ духовенству далеко не такъ, какъ его предшественники; но ему, рускому человѣку, было ясно, какую силу заключаетъ въ себѣ этотъ классъ, и поэтому его мѣропріятія по отношенію къ нему отличаются значительною умѣренностью сравнительно съ тѣми, которыя были сдѣланы иновѣрнымъ правительствомъ. Последнее во многихъ случаяхъ опиралось на идеи, наблюдаемыя въ указахъ Петра В.; но будучи не русскаго происхожденія, оно слишкомъ приувеличивало для себя опасность со стороны духовенства, почему и предпринимало въ отношеніи его черезчуръ радикальныя мѣры». Гвардія была обижена Вирономъ, который обвинялся даже въ желаніи «рассказать» Преображенскій полкъ, и не могла полюбить Брауншвейскую принцессу, не смотря даже на замѣчанія ея мужа. Почва для переворота была очень благоприятная. Изобразивъ положеніе русскаго общества въ эту эпоху, г. Эирсовъ обращается къ характеристикѣ Елисаветы и ея приближенныхъ: Лестока, Воронцова, Разумовскаго, Шуваловыхъ. Здѣсь авторъ пользуется, главнымъ образомъ, извѣстной книгой Пекарскаго: «Маркизъ де-ла-Шетарди». Самому описанію переворота г. Эирсовъ посвящаетъ сравнительно мало мѣста и заключаетъ свой трудъ разсказомъ о радостномъ впечатлѣніи, произведенномъ на всѣ общественныя слои восшествіемъ на престолъ Елисаветы.

Намъ остается сдѣлать еще нѣсколько частныхъ замѣчаній о книгѣ г. Эирсова. Первая ея глава посвящена разбору литературы вопроса, — этотъ разборъ не совсѣмъ полонъ: пропущено русское сочиненіе Вейдемейера, весьма важная книга Вандала: «Louis XV et Elisabeth de Russie» совсѣмъ, какъ видно, невѣдѣтна автору, наконецъ, по взгляду на бироновщину довольно интересна книга фонъ-Брюгена «Wie Russland europäisch wurde». Въ изложеніи у г. Эирсова есть крупный недостатокъ, свойственный, правда, многимъ молодымъ ученымъ, а именно привычка обо всякой мелочи говорить, начиная съ Адама, отчего книга страшно и бесполезно растягивается. Другой недостатокъ изложенія — любовь къ общимъ сентенціямъ, иногда чрезвычайно наивнымъ: напр., Анна Ивановна скучала, по этому поводу г. Эирсовъ замѣчаетъ: «Констатировать явленіе скуки, нетрудно рѣшить вопросъ о причинѣ ея. Всѣмъ извѣстно, что скука обыкновенно является отъ празднои, бездѣятельной жизни».

Однако, въ заключеніе считаемъ нужнымъ замѣтить, что очень строго судить г. Эирсова нельзя, такъ какъ его работа есть собственно студенческое сочиненіе на модаль и, какъ мы выше показали, все же имѣетъ довольно много достоинствъ.

А. В—инъ.

И. М. Павловъ. „Наше переходное время“ (сборникъ статей, помѣщавшихся преимущественно въ газетахъ: „День“, „Москва“ и „Русь“). Приложение къ „Русскому Архиву“ 1888 года.

Въ настоящемъ году почтенному редактору «Русскаго Архива» вдумалось «изложить свой образъ мыслей», сказать свое слово о минувшихъ событіяхъ послѣдняго 25-тилітія и онъ, пользуясь «добрымъ согласіемъ въ историческихъ понятіяхъ и убѣжденіяхъ» съ г. Павловымъ, издалъ въ видѣ отдѣльнаго сборника, печатавшіяся послѣднимъ статьи разнаго содержанія и представилъ этотъ сборникъ въ качествѣ «передовой статьи ко всѣмъ двадцати пяти годамъ «Русскаго Архива». Нельзя не сознаться, что этотъ способъ

налагать свой образ мыслей совершенно новый и для такого литературного деятеля, как г. Баргеновъ, довольно курьезный. Не вдаваясь, однако, въ подробности столь трогательнаго единомыслия редактора «Русскаго Архива» съ г. Павловымъ, остановимся на самомъ сборникѣ, такъ какъ онъ представляетъ для исторіи нашей литературы не малый интересъ. «Для реформенной эпохи 60-хъ и 70-хъ годовъ настаетъ потомство — такъ начинаеть свой сборникъ г. Павловъ. Старое сошло, новое не наступило — такова минута, переживаемая русскимъ самосознаніемъ... Въ такую минуту какъ не оглянуться на пройденный путь... Можетъ быть послѣ той пресловутой поры выглянуть они (сочиненія) на свѣтъ болѣе современными чѣмъ тогда, какъ въ самый ея разгаръ писались, и во всякомъ случаѣ дадутъ для ея характеристики не лишній матеріалъ». Дѣйствительно, съ точки зрѣнія «матеріала» для исторіи русскаго самосознанія, книга г. Павлова имѣетъ цѣну, такъ какъ дѣятельность его по соудничеству связана съ такими крупными именами, каковы покойные Катковъ и Аксаковъ, послѣдній по преимуществу, ибо большая часть статей г. Павлова помѣщалась въ издаваніяхъ этого представителя славянофильской партіи и писана въ томъ «Дія», «Москвы» и «Руси». Есть, однако, въ сборникѣ рядъ статей подъ общимъ заглавіемъ «Письма къ публикѣ», которые въ теченіе 1873 и 74 гг. печатались въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ»; это обстоятельство даетъ поводъ автору сборника опасаться, чтобы его не заподозрили въ «балансированіи» между направленіями «антиподовъ» нашей литературы», однако, этотъ страхъ совершенно напрасный, такъ какъ всякій внимательный читатель будетъ имѣть въ виду, что эти «Письма» были печатаемы въ тѣ годы, когда на дѣятельности Аксакова на конрищѣ литературы лежалъ запретъ молчанія, а «Московскія Вѣдомости» по вопросамъ о земствѣ не получали того крайняго, специфическаго характера, какимъ отличались въ 80-хъ годахъ. Отъ этого «Письма къ публикѣ» служатъ ни болѣе ни менѣе, какъ началомъ къ «Современному фельетону», печатавшемуся въ «Руси» въ 1880—81 гг. Эти статьи наиболѣе капитальныя изъ всего писаннаго г. Павловымъ и въ нихъ заключается его profession de foi. Темовъ здѣсь служить вопросъ о нашемъ иѣстномъ самоуправленіи, вопросъ, столь сильно выдвинутый событіями настоящаго времени, обсуждаемый столь подробно текущей журналистикой и ждущій своего разрѣшенія въ законодательномъ порядкѣ. Авторъ сборника признаетъ состояніе нашего самоуправления не выдерживающимъ критики и требующимъ кореннаго переустройства. Въ «Письмахъ къ публикѣ» онъ даетъ яркую и хорошо нарисованную картину сельской безурядицы и общаго шатаванія, дѣлаетъ чрезвычайно интересный анализъ института мировыхъ посредниковъ и значенія для деревни сельскаго мирового участка, при чемъ всѣ симпатіи автора лежатъ на сторонѣ мирового института, въ оправданіи котораго онъ видитъ весь корень зла. Значеніе этого института, не замкнутаго сословно и основаннаго на высокомъ образовательномъ цензѣ въ томъ и заключается, по мнѣнію автора, «что оно предоставляло живымъ внутреннимъ силамъ Россіи дѣйствительную самостоятельность ко благу всего государства; оно создавало въ самомъ обществѣ здоровый политическій элементъ и при томъ съ несомнѣнными залогоми органическаго развитія. А когда нѣтъ этого — нѣтъ и земства» (стр. 334). Замѣтимъ мимоходомъ, что этотъ взглядъ чрезвычайно характеренъ собственно для «Московскихъ Вѣдомостей» и любопытенъ для сравненія съ тѣмъ, что писалось на страницахъ этой газеты въ 80-хъ годахъ, когда вы-

двигался образъ земскаго начальника, не имѣющаго въ основаніи ни отсутствія сословной замкнутости, ни высокаго образовательнаго цѣна. Эти цитированныя выше статьи заключаются во второй части сборника, посвященной публицистикѣ; первая же часть имѣетъ предметомъ критику словесности 60-хъ—70-хъ гг. Какъ критикъ, г. Павловъ обнаруживаетъ большой эстетическій вкусъ, тонкое пониманіе задачъ искусства и глубокое знаніе русской жизни. Особенно хороши его разборы произведеній Островскаго, Чаева, Писемскаго и повѣсти Кохановской «Рой Θεодосій Саввичъ на покой». Авторъ критическихъ очерковъ вездѣ жалуется на упадокъ художественности въ нашей словесности, которая, по его мнѣнію, «сошла на романъ-фельетонъ или даже просто на фельетонъ», гдѣ царитъ вмѣсто мысли и содержанія, такъ называемый, интересъ современности; въ этомъ отношеніи особенно достается отъ него Писемскому за воспроизведеніе или, правильнѣе, фотографированье тогдашней дѣйствительности и погоню за реализмомъ въ романѣ «Взбалоученное море». Не лишены также интереса въ книгѣ г. Павлова очерки, посвященные характеристикамъ тогдашней петербургской журналистикѣ, въ лицѣ «Современника» и «Русскаго Слова». Понятно, что отношеніе къ нимъ автора недоброжелательное и проницательное.

Сборникъ г. Павлова (извѣстнаго болѣе подъ псевдонимомъ Вишнякъ) представляетъ собою главнымъ образомъ значеніе для будущаго исторіографа литературныхъ направленій 60-хъ—70-хъ годовъ и въ особенности для характеристики московской журналистики того времени, а славянофильской по преимуществу.

В. Г.

Wisła, miesięcznik geograficzno-etnograficzny. Tom. I, Warszawa, 1887; tom. II: styczeń, luty, marzec, Warszawa, 1888.

Новое періодическое изданіе, названіе котораго значится выше, начало выходить въ Варшавѣ съ апрѣля прошедшаго года подъ редакціею г. Грушецкаго. Томъ I-й составилъ изъ 9 выпусковъ (zeszytów); начало II-го тома состоитъ изъ книжки почти въ 260 страницъ и представляетъ собою, повидимому, четвертую часть годичнаго изданія. Главная задача новаго журнала — польская географія и этнографія, но редакция обѣщаетъ слѣдить за успѣхами этихъ наукъ въ Западной Европѣ. Важнѣйшія статьи I-го тома «Вислы» слѣдующія.

«Этнографическо-статистическій обзоръ численности и расселенія польскаго племени», Э. Чинскаго. Этотъ статистическій этюдъ, кажется, не особенно точный, — вышелъ также отдѣльнымъ оттискомъ и уже обратилъ на себя вниманіе нашей періодической печати. Между прочимъ, онъ прекрасно рисуетъ отчаянное положеніе польскаго дѣла въ Силезіи и, вообще, въ польскихъ провинціяхъ Пруссіи...

«Чары и вѣдьмы въ Польшѣ», Яна Карловича. Авторъ сообщаетъ рядъ данныхъ о вѣрованіяхъ поляковъ въ чародѣйство, какъ въ настоящее время, такъ и въ старину. Оказывается, что польскія вѣдьмы—родныя сестры нашихъ вѣдьмъ.

«Польская сельская драма», К. Матиаса. Г. Матиасъ записалъ подъ Краковомъ текстъ, такъ называемой «коляды», т. е. драматическаго дѣйствія, имѣющаго сюжетомъ Рождество Христово и исполняемаго на святкахъ сель-

скими парнями. Его статья заключаетъ въ себя, кромѣ текста, рядъ свѣдѣній объ обстановкѣ, исполненіи и исполнителяхъ «коляды».

«Среди краковского люда», Стефанія Уляновской. Авторъ описываетъ бытъ поляковъ, живущихъ въ одной изъ большихъ деревень недалеко отъ Кракова, и сообщаетъ свѣдѣнія объ ихъ языкѣ, вѣрованіяхъ, преданіяхъ. Данные г-жи Уляновской показываютъ, что эта польская деревня мало чѣмъ отличается отъ русскихъ захолустныхъ деревень: та же бѣдность, та же скудная пища, состоящая у поляковъ круглый годъ изъ одного картофеля, та же обиліе всякаго рода суевѣрій, та же гнѣзность населенія.

«Изъ Зеленой Пуци», А. Закржевскаго. Этотъ этнографическій этюдъ посвященъ такъ называемымъ курпамъ, живущимъ въ Ломжинской и Плоцкой губерніяхъ царства Польскаго.

«Образцы литовскихъ пѣсень». Незавѣстный авторъ сообщаетъ свѣдѣнія о содержаніи и музыкѣ литовскихъ пѣсень, при чемъ предлагаетъ нѣкоторымъ изъ нихъ въ польскомъ переводѣ.

«Какіе народы обитали при устьѣ Вислы въ древнѣйшую эпоху», Ш. Матусяка. Эта статья молодого автора, совершенно не подготовленнаго къ изслѣдованіямъ въ области до-исторической этнографіи,—одна изъ самыхъ слабыхъ въ I-мъ томѣ «Вислы». Выводъ ея: устье Вислы съ незапамятныхъ временъ было заселено поляками, которые называли себя Вѣльми.

«Знахари на Украинѣ». Здѣсь незавѣстный авторъ сообщаетъ много любопытнаго, но мало новаго для русскихъ читателей.

Во II-мъ томѣ «Вислы» мы находимъ, между прочимъ:

«Рассказы бескидскихъ горцевъ», Завилинскаго. «Поѣздка по Нѣману», Глѣгера. «Рождество Христова у горцевъ», Уляновской. «Матеріалы для этнографіи народа около Прясныша», Хелковскаго.

Сверхъ статей, II-й томъ заключаетъ въ себя цѣлый рядъ мелкихъ критико-библиографическихъ замѣтокъ о книгахъ и статьяхъ по польской и, вообще, славянской этнографіи, въ томъ числѣ о «Вѣлорусскомъ Сборникѣ» Романова, о «Матеріалахъ» Шейна, о «Вѣлорусской этнографіи» Пышина и друг.

А. С—скій.

Н. Н. Любовичъ. Къ исторіи іезуитовъ въ литовско-русскихъ земляхъ въ XVI вѣкѣ. Варшава. 1888.

Чтобы внушить довѣріе къ своимъ способностямъ и умѣнію дѣйствовать на пользу вѣры, іезуиты постоянно въ своихъ сочиненіяхъ преувеличивали свои заслуги въ распространеніи католицизма и приписывали себѣ такіе успѣхи, которые имъ не принадлежали. Такое преувеличеніе отозвалось и на серьезныхъ историческихъ трудахъ, вышедшихъ даже изъ-подъ пера писателей, враждебныхъ іезуитамъ. Столь же неправильный взглядъ установился и относительно роли іезуитовъ въ Польшѣ и Литвѣ въ XVI вѣкѣ: почти единственнымъ источникомъ по этому вопросу являлось сочиненіе іезуита Ростовскаго, который изобразилъ положеніе католицизма въ Польшѣ въ эту эпоху чрезвычайно мрачными красками, и протестантизму приписалъ слишкомъ много успѣховъ. Благодаря этому сочиненію, невольнo возникло мнѣніе, что вся польская контръ-реформація была дѣломъ іезуитовъ. Г. Любовичъ въ разбираемой книжкѣ доказываетъ всю ошибочность приведеннаго мнѣнія; на основаніи документовъ Ватиканскаго архива, онъ выясняетъ, что

главная роль въ борьбѣ съ протестантизмомъ и въ пропагандѣ католицизма въ православныхъ литовско-русскихъ земляхъ принадлежала папскимъ нунціямъ и другимъ органамъ римской церкви, а не іезуитамъ, которые появились въ этихъ земляхъ уже тогда, когда протестантизмъ по разнымъ обстоятельствамъ былъ значительно ослабленъ, и имъ, такимъ образомъ, приходилось только довершать дѣло, начатое и прочно поставленное другими лицами. Выводы г. Любовича очень интересны и подтверждаются имъ при помощи многихъ документальныхъ данныхъ,—между прочимъ, въ приложеніи помѣщено шесть писемъ іезуитскихъ, хранящихся въ Ватиканѣ. Считаю въ заключеніе нелишнимъ отиѣтить сообщеніе г. Любовича о томъ, что «ходить слухи, будто со смертію папы Льва XIII, архивъ Ватиканскій будетъ или совершенно закрытъ, или историкамъ будутъ выдаваться только документы до XVI вѣка». Понятно, что терять времени не слѣдуетъ и надо скорѣе приступить къ разработкѣ ватиканскихъ сокровищъ. А. В.

Лекціи по новой исторіи проф. В. В. Вауера, читанныя въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Подготовленныя къ печати, редактированныя и изданныя гр. А. А. Мусинимъ-Пушкинымъ. Т. II. Спб. 1888.

Два года тому назадъ вышелъ первый томъ лекцій по новой исторіи покойнаго профессора В. В. Вауера, изданный его ученикомъ гр. Мусинимъ-Пушкинымъ. Издатель, по его собственнымъ словамъ, не считъ себя въ правѣ вмѣнать записки своего учителя и дополнять встрѣчавшіяся въ нихъ существенныя пробѣлы, а ограничился лишь приведеніемъ въ порядокъ и подготовкою къ печати матеріала, находившагося въ его распоряженіи. Результатъ получился далеко не блестящій. Изданныя только по конспектамъ покойнаго и студенческимъ запискамъ, лекціи Вауера («Исторія Западной Европы въ эпоху реформации») оказались очень неудовлетворительными, а небрежность издателя, допустившаго массу ошибокъ, неточностей и опечатокъ, окончательно даскредитовала это изданіе. Мы думали, что г. Мусинъ-Пушкинъ ограничится своимъ неудачнымъ дебютомъ и продолженія изданія не послѣдуетъ; вышло иначе: черезъ два года является второй томъ лекцій В. В. Вауера, изданный и редактированный тѣмъ же лицомъ. Этотъ второй томъ включаетъ въ себя два курса покойнаго профессора: «Вѣкъ Людовика XIV» (стр. 1—60) и «Исторію Зап. Европы въ XVIII столѣтіи до французской революціи» (стр. 61—438); кромѣ того, въ этомъ томѣ перепечатаны три статьи Вауера, помѣщенные раньше въ «Журналъ министерства народнаго просвѣщенія». Во второмъ томѣ лекцій г. Мусинъ-Пушкинъ расширилъ свою задачу: онъ самъ заявляетъ въ предисловіи, что значительно пополнилъ и видоизмѣнилъ конспектъ Вауера, для того, чтобы воспродать живую рѣчь покойнаго профессора. Такимъ образомъ, въ этомъ томѣ являются два автора; однако, что принадлежитъ покойному Вауеру и какія дополненія сдѣланы издателемъ, изъ книги понять нельзя, такъ какъ послѣдній нигдѣ не обозначалъ сдѣланныхъ имъ дополненій какими-либо знаками. Не смотря на дополненія и поправки г. Мусина-Пушкина, второй томъ его изданія оказался еще менѣе удовлетворителенъ, чѣмъ первый. То подробное, то совершенно отрывочное изложеніе исторіи XVIII столѣтія, иногда съ весьма су-

щественными проблемами; постоянныя повторенія на всѣхъ ладахъ одной и той же высказанной мысли и пересказъ ея другими словами; неточности, а часто и грубыя ошибки, встрѣчающіяся почти на каждой страницѣ, и, наконецъ, масса опечатокъ: вотъ характерныя особенности этого тома. По словамъ г. Мусина-Пушкина, онъ хотѣлъ своимъ наданіемъ лекцій Вауера принести дань уваженія и благодарности памяти своего учителя, а также и посильную помощь студентамъ и вообще всѣмъ, занимающимся новою исторіею. Цѣль эта не только не можетъ оправдаться, но г. Мусинъ-Пушкинъ могъ бы даже подорвать научный авторитетъ своего учителя такимъ наданіемъ его лекцій, если бы покойный профессоръ не оставилъ по себѣ прочную память, какъ прекрасный лекторъ и вполне серьезный ученый. К. В.

Историческій обзоръ правительственныхъ мѣропріятій къ развитію сельскаго хозяйства въ Россіи отъ начала государства до настоящаго времени. Н. В. Пономарева. Спб. 1888.

Авторъ вышеозначеннаго изслѣдованія задался чрезвычайно полезною цѣлью представить «Компендіумъ всѣхъ мѣръ, направившихся въ теченіе болѣе чѣмъ тысячелѣтняго существованія государства, къ развитію сельскаго хозяйства Россіи», съ каковою цѣлью имъ собранъ громадный матеріалъ правительственныхъ постановленій и административныхъ распоряженій, разъясненныхъ въ сотняхъ томовъ Полнаго Собранія Законовъ, официальныхъ журналовъ, сборниковъ и т. п. и приведенъ въ стройную систему по историко-монографическому методу. Такимъ образомъ, историческій ходъ мѣропріятій прослѣженъ отдѣльно, при чемъ эти мѣропріятія въ отдѣльныхъ главахъ раздѣлены на общія, касающіяся всего сельскаго хозяйства, и частныя, касающіяся отдѣльныхъ отраслей его. Г. Пономаревъ не претендуетъ въ своей книгѣ сказать какое-нибудь новое слово, онъ даже не пытается выдвинуть какую-нибудь теорію и втиснуть въ ея рамки имѣющуюся подъ рукою матеріалъ, онъ просто группируетъ факты по мѣрѣ ихъ историческаго накопленія, стараясь придать своему труду справочный характеръ. Въ виду этого онъ не считаетъ себя въ правѣ скрыть отъ пользующихся его книгою источниковъ своей работы и помногу частыхъ ссылокъ въ текстѣ, на матеріалъ второстепенной важности, даетъ отдѣльныя приложенія «главнѣйшихъ источниковъ и сочиненій, послужившихъ основаніемъ для написанія книги» и «списка книгъ сельско-хозяйственнаго содержанія, изданныхъ различными правительственными учрежденіями въ Россіи» въ хронологическомъ порядкѣ. Съ точки зрѣнія спеціалиста по этому предмету, каждая вообще страницка труда г. Пономарева представляетъ собою большую цѣнность, съ обще-исторической же точки, особенный интересъ имѣетъ отдѣлъ первый, гдѣ изложены мѣропріятія по развитію сельскаго хозяйства на Руси до Петра Великаго и тѣ части каждой главы втораго отдѣла, гдѣ изложены мѣропріятія до начала нынѣшняго столѣтія, такъ какъ все касающееся нашего вѣка гораздо болѣе навѣстно и доступно, нежели предшествующая эпоха, хотя послѣдняя и объимаетъ собою меньшій матеріалъ и скуднѣе данными. Г.

И. Поддубный. Учебный атласъ древней исторiи. Спб. 1888.

Русская учебная литература не богата историческими атласами. Еще для русской исторiи мы имѣемъ прекрасный, вполне отвѣчающій научнымъ требованiямъ, атласъ проф. Замысловскаго, а для школы вполне удовлетворительный атласъ г. Добрякова; для всеобщей же исторiи единственнымъ мало-мальски годнымъ школьнымъ пособiемъ является историческiй атласъ, составленный гг. Сидонскимъ и Иорданомъ. Поэтому атласъ г. Поддубнаго является далеко не лишнимъ; жаль только, что онъ касается одной древней исторiи и стbитъ нѣсколько дорого. Составленъ и редактированъ атласъ тщательно, ошибокъ и опечатокъ почти не встрѣчается. Лучшими вышли карты древняго Востока, гдѣ каждое государство, въ эпоху его наибольшаго могущества, изображено отдѣльно; но общiя карты Греции и Италии напечатаны недостаточно ясно, особенно трудна для чтенiя карта Италии. Планы главныхъ городовъ древняго мира и мѣстностей, гдѣ происходили важнѣйшия событiя, также помѣщены въ атласѣ г. Поддубнаго. Для справокъ приложенъ алфавитный указатель всѣхъ собственныхъ именъ, упоминаемыхъ въ атласѣ, но пользоваться имъ для ученика будетъ довольно трудно, такъ какъ г. Поддубный вводитъ массу совсѣмъ ненужныхъ знаковъ для отысканiя того или другого требуемаго мѣста. Нѣкоторыя карты въ атласѣ являются совершенно излишними и только увеличиваютъ объемъ его; таковы, напримѣръ, карты: распространения народовъ послѣ потопа, финикiйскихъ колонiй, царствъ дiадоховъ, земель по Гомеру, Геродоту и Птоломею, раздѣленiя римской имперiи при Θεодосiи Великомъ. Конечно, эти ненужныя карты не вредятъ атласу, но, держась правила «non multa, sed multum», мы скажемъ, что желали бы въ слѣдующихъ изданiяхъ атласа видѣть лучше только необходимыя карты, но за то отпечатанныя съ большею наглядностью.

И. В.

Систематическiй каталогъ дѣламъ комиссiи о коммерцiи и о пошлинахъ, хранящимся въ архивѣ департамента таможенныхъ сборовъ. Составилъ начальникъ архива департамента таможенныхъ сборовъ Н. Кайдановъ.

Его же. **Систематическiй каталогъ дѣламъ сибирскаго приказа, московскаго комиссарства и другихъ бывшихъ учрежденiй по части промышленности и торговли, хранящимся въ архивѣ департамента таможенныхъ сборовъ. Спб. 1888.**

Начальникъ архива департамента таможенныхъ сборовъ, г. Кайдановъ, составившiй уже нѣсколько описанiй дѣламъ различныхъ учрежденiй, хранящимся въ этомъ архивѣ, въ настоящее время напечаталъ еще два тома «Систематическаго каталога», въ которомъ описалъ дѣла комиссiй о коммерцiи и пошлинахъ, сибирскаго приказа, московскаго комиссарства коммерцъ-коллегии, ликвидационныхъ и нейтральныхъ коцторъ, поташной конторы, и помѣстилъ добавленiе къ описанiю дѣлъ департамента внѣшней торговли. Наибольшую историческую важность въ всего этого материала имѣютъ дѣла комиссiй о коммерцiи и о пошлинахъ и дѣла департамента внѣшней торговли. Комиссiй о коммерцiи было двѣ: одна существовала съ 1720 по 1749 г., другая—съ 1760 по 1796 г.; комиссiя о пошлинахъ была учреждена въ 1763 г. и закрылась въ 1760 г. Кругъ занятiй для комиссiи о коммерцiи былъ на-

значенъ весьма обширный, такъ какъ ей вѣново было въ обязанность рассмотреть во всѣхъ отношеніяхъ торговлю и промышленность Россіи и искать способы къ развитію ихъ. Согласно инструкціи, сочиненной для комиссіи, она должна была стараться о размноженіи внутри Россіи фабрикъ, мануфактуръ и заводовъ, о расширеніи вѣншней торговли, объ учрежденіи торговаго флота, о составленіи выгодныхъ для Россіи коммерческихъ трактатовъ, объ искорененіи злоупотребленій по торговлѣ, объ образованіи купеческихъ дѣтей, по примѣру иностранныхъ государствъ, объ учрежденіи взаимныхъ банковъ для расширенія оборотовъ купечества и, вообще, объ изысканіи новыхъ путей къ умноженію благосостоянія государства и умноженію доходовъ казны безъ отягощенія народа. Вмѣстѣ съ этихъ, предположено было учредить при комиссіи особый особый финаисовый департаментъ, который долженъ былъ сочинить планъ и проектъ къ устройству казны государства, установить порядокъ отчетности и собрать свѣдѣнія о всѣхъ получаемыхъ государствомъ доходахъ, отдѣливъ доходы постоянные отъ случайныхъ. Помянуто, что такой широтѣ и равносѣоронности задачъ дѣятельность комиссіи о коммерціи имѣла весьма большое значеніе, и дѣла ея представляютъ весьма любопытныя свѣдѣнія о промышленности и торговлѣ Россіи въ прошломъ столѣтіи. Всего дѣлъ этой комиссіи въ «Каталогѣ» г. Кайдалова указано 786, не считая журналовъ и протоколовъ. Изъ бумагъ департамента вѣншней торговли описаны въ разбираемыхъ «Каталогахъ» высочайшіе именныя указы, рескрипты и новеллы, высочайше утвержденныя докладныя записки министровъ коммерціи и финаисовъ и выписки изъ журналовъ государственнаго совѣта, а также изъ журналовъ комитетовъ: министровъ, кавказскаго и сибирскаго. Содержаніе этихъ бумагъ очень разнообразно: тутъ есть инструкціи коммерцъ-коллегіи, консуламъ, разнымъ лицамъ и учрежденіямъ, проекты о борьбѣ съ контрабандою и разными злоупотребленіями по торговлѣ, о введеніи фабрикъ и мануфактуръ и т. п. На многихъ изъ документовъ этихъ находятся собственноручныя подписи и резолюціи государей. Въ «Каталогахъ» г. Кайдалова дѣла систематизированы по предметамъ и расположены въ хронологическомъ порядкѣ; при каждомъ дѣлѣ указанъ архивный номеръ связки, въ которой оно хранится. Съ вѣншей стороны «Каталоги» напечатаны прекрасно; и бумага и шрифтъ очень хороши. Въ концѣ «Каталоговъ» помѣщены указатели. В.

Опытъ исторіи с.-петербургской биржи въ связи съ исторіей С.-Петербурга, какъ торговаго порта. Выпускъ первый. Петербургъ до его основанія. Очеркъ исторіи р. Невы и мѣстности нынѣшняго Петербурга до 1703 года. Г. А. Немирова, секретаря С.-Петербургскаго биржевого комитета. Спб. 1888.

Это мало толковое заглавіе брошюры въ 56 страницъ способно привести въ недоумѣніе всякаго читателя. Какую исторію хочетъ рассказывать секретаря петербургскаго биржевого комитета? Исторію биржи, Петербурга, рѣки Невы или мѣстности, на которой выстроенъ Петербургъ? Все это обѣщаетъ заглавіе обложки, раздѣляющееся собственно на два заглавія, отдѣленные одно отъ другого чертою, при чемъ верхнее заглавіе набрано шрифтомъ помельче, нижнее—по крупнѣе. Стало быть главный предметъ брошюры — исторія Пе-

тербурга до основанія Петербурга. Это повидимому подтверждается тѣмъ, что на той же первой страницѣ обложки приведены краткіе заголовки содержанія: предмѣстники Петербурга, исторія происхожденія Невы, древнѣйшая исторія Невской дельты, поселенія на устьѣ въ 1496—1500 гг., а на второй страницѣ обертки эти же заголовки являются уже съ подраздѣленіями по параграфамъ и съ претензіями на юморъ. Такъ встрѣчаются тутъ заголовки: «Не Петръ задумалъ Петербургъ» (основать?) «Красавица Нева не дѣвой оставалась» (!) Но дѣло идетъ все еще о Невѣ и Петербургѣ. На оберткѣ напечатана, впрочемъ, еще одна фраза «изживеніемъ лицъ с.-петербургскаго биржевого комитета». Отчего же купечеству не пожертвовать извѣстную сумму, чтобы г. Немировъ описалъ «Петербургъ до его основанія?» Но съ слѣдующей же первой страницы брошюры является уже главная цѣль купеческаго пожертвованія: страница эта носитъ уже совершенно другое заглавіе: «Петербургская биржа при Петрѣ Великомъ. Хронологическое изложеніе историческихъ матеріаловъ, сохранившихся въ дѣлахъ бывшей государственной комерцъ-коллегіи, съ дополненіемъ по другимъ преимущественно документальнымъ источникамъ». Затѣмъ, послѣ эпиграфа изъ Пушкина, приводящаго слова Екатерины о томъ, что Петръ положилъ начало всѣмъ преобразовательнымъ установленіямъ въ Россіи — слѣдуетъ «вмѣсто предисловія» благодарность разнымъ лицамъ, «оказавшимъ содѣйствіе по составленію настоящей книги» и всѣмъ лицамъ, «принявшимъ участіе въ подпискѣ». Далѣе идетъ списокъ этихъ лицъ и фирмъ биржевого купечества. Такихъ лицъ, внесшихъ отъ 250 до 10 рублей, оказалось 76 и сумма ихъ взноса составила 5,220 руб. Во всякомъ случаѣ написать и выдать исторію петербургской биржи, въ такихъ широкихъ размѣрахъ, какъ это задумалъ г. Немировъ, врядъ ли можно на пожертвованные пять тысячъ, а на читателей не изъ биржевиковъ — рассчитывать трудно. Кромѣ пяти «вступительныхъ очерковъ» (теперь вышелъ только первый выпускъ) г. Немировъ предполагаетъ выдать — самъ не знаетъ сколько выпусковъ, вложивъ въ нихъ одиннадцать періодовъ биржевой исторіи. Подписка въ 25 рублей сер. принимается на первую серію, въ которую войдетъ десять выпусковъ, если подписчиковъ будетъ 300, 14 выпусковъ при четырехстахъ подписчикахъ, увеличивая число выпусковъ по четыре на каждую новую сотню подписчиковъ, такъ что при восьмистахъ, авторъ дастъ 30 выпусковъ, каждый отъ 2 до 4 листовъ. Такихъ странныхъ условій подписки намъ не приходилось встрѣчать въ нашемъ книжномъ дѣлѣ. Чѣмъ больше будетъ подписчиковъ, тѣмъ больше будетъ писать г. Немировъ. Оригинальное объявленіе! Правда, желанія автора не велики и ограничиваются восьмьюстами подписчиками, но между биржевиками не нашлось и восьмидесяти, а кому же изъ обыкновенныхъ читателей нужна исторія петербургской биржи, не сдѣлавшей ничего особеннаго ни для Петербурга, ни для русской торговли? И еще неизвѣстно, во сколькихъ серіяхъ выйдетъ эта исторія въ одиннадцати періодахъ, раздѣляющихся каждый на три отдѣла: на хронику, то есть подробное изложеніе событий и документовъ, на изложеніе дѣлъ и другихъ матеріаловъ и на общій обзоръ положенія биржевой торговли и биржевого управления. Кому нужна и кого можетъ интересовать такая пространныя исторія, которую для чего-то понадобилось начать съ ледниковаго періода, за 60,000 лѣтъ до образованія Скандинавскаго полуострова и Балтійскаго моря? И авторъ подробно описываетъ всѣ послѣдующія видоизмѣненія Бал-

тійскаго побережья, первыя поселенія на немъ отъ Ладожскаго озера до Невской дельты, заселеніе береговъ Невы въ концѣ XV вѣка, измѣненіе формы невискихъ острововъ и русла самой рѣки. Все это извѣстно изъ прежнихъ изслѣдованій этой мѣстности и не имѣетъ никакого отношенія къ биржѣ. Авторъ недоволенъ извѣстными стихами Пушкина «На берегу пустынныхъ волей» и пр. и говоритъ, что воды эти не были вовсе пустыни, что на нихъ жилъ не одинъ финскій рыболовъ и Петербургъ основанъ не на болотѣ. «Для насъ,—говоритъ онъ, разумія вѣроятно биржевикова,—Петербургъ прежде всего не столица, а купеческій приморскій городъ, пристань Балтійскаго моря» и въ настоящее время Петръ Великій самъ перенесъ бы столицу въ иное мѣсто «чтобы военные парады и разныя формальности столичной жизни не мѣшали мирному отправленію купечества». Эта претензія—вообразить, что столица существуетъ только для купечества и что главное учрежденіе въ ней — биржа, до того странно, что невольно бросается въ глаза. И какому «мирному отправленію» мѣшаютъ «военные парады и разныя формальности?» Вѣдь, кажется, никакія формальности не мѣшаютъ нашей биржѣ устранять свои личныя дѣлишки, хотя бы для этого надо было заодно съ берлинскими жидами, ронять нашъ курсъ до послѣдней степени возможности. Для чего же ей понадобилось еще воздвигать себѣ памятникъ нерукотворный, въ видѣ исторіи г. Невирова, которая, конечно, не замедлитъ обратиться въ панегирикъ биржевому купечеству, если только авторъ дотянетъ свой трудъ до нашего времени, что, однако, подвержено сильному сомнѣнію.

В—я.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Возможенъ ли тройственный союзъ Россіи, Франціи и Англіи? Рѣшеніе этого вопроса французскимъ публицистомъ.—Новая франко-русская газета.—Военныя карты русской и австрійской арміи.—Три книги по русской исторіи: русскаго эмигранта, нѣмецкаго ученаго и дерптскаго профессора.—Характеристика Надсона въ нѣмецкомъ журналѣ.—Сатиры Салтыкова въ нѣмецкомъ переводѣ.—Англичане, знакомящіеся съ русскими крестьянами.—Три книги объ императорѣ Фридрихѣ III.—Стодневное междуцарствіе.—Физическія страданія и борьба съ нравственными, происходящими отъ невозможности осуществить свои планы.

ОЮЗЪ Германіи съ Австріею и Италіею торжественно подтвержденъ съ высоты трона новымъ германскимъ императоромъ Вильгельмомъ II, при открытіи имъ германскаго парламента, хотя условія этого союза до сихъ поръ остаются тайною для народовъ Европы. Въ главныхъ основаніяхъ своихъ онъ, впрочемъ, извѣстенъ, и хотя явная цѣль его—по словамъ правящихъ лицъ—оборонительная, но онъ долженъ былъ неминуемо возбудить опасенія въ остальныхъ державахъ, какъ бы эта оборона не превратилась, при удобныхъ обстоятельствахъ, въ нападеніе. Для устраненія всѣхъ опасеній, самымъ естественнымъ являлся союзъ остальныхъ трехъ великихъ державъ—Россіи, Франціи и Англіи, но въ политикѣ далеко не всегда принимаются мѣры, которыя и естественны и необходимы, а очень часто заключаются международныя сношенія, прямо противорѣчащія симпатіямъ странъ сосѣднихъ между собою. Дипломатія и публицистика давно уже разработываютъ на всѣ лады основанія тройственнаго союза, который предвидѣлъ бы надежный оплотъ противъ «лиги мира», но всѣ попытки въ этомъ направленіи до сихъ поръ не имѣли никакихъ шансовъ къ осуществленію. Извѣстный публицистъ, хорошо знакомый съ Россіею, Леруа-Вольте разсматриваетъ причины этого, въ «Revue politique et littéraire», въ статьѣ озаглавленной «Англія, Россія и Франція» (L'Angleterre, la Russie et la France) и, прежде всего, высказываетъ вопросъ: возможенъ ли союзъ между Россіею и Англіею.

Какие могут быть мотивы и цели этого союза? Какие выгоды может извлечь из него каждая из этих держав? Полное согласие между «слоном и котомъ» было бы естественно, если бы у России были интересы только на суши, а у Англии на морѣ. Каждая из этих держав оставалась бы въ своей стихии и дружба между ними ничѣмъ бы не нарушалась. Но Англия, захвативъ Индію, сдѣлалась державою континентальною, а Россія не можетъ не обладать Чернымъ моремъ и выходомъ изъ него, для чего ей необходимъ сильный флотъ, не говоря уже о его необходимости на берегахъ Балтійскаго моря, Сѣвернаго океана или русскихъ окраинъ, лежащихъ по Восточному океану. Что можетъ предложить Россія Англии въ замѣнъ своего законнаго вліянія на Балканскомъ полуостровѣ? Гарантию Англии ея индійскихъ владѣній? Но Англия не довольствуется этимъ: она хочетъ быть вполне обезпечена на Гиндукушѣ и Параномѣ и въ то же время не пустить русскихъ на Балканы. Логично ли это? «Лучшее средство сохранить Индію—пожертвовать Турцію», говоритъ Леруа-Вольте, а на это Англия не согласится, хотя за господство на Востокѣ Россія могла бы сверхъ того предоставить Англии господство на Нилѣ. Но на это не согласится Франція, да и вообще раздѣлъ Турціи не такъ легко устроить, какъ раздѣлъ Польши, и онъ неминуемо возбуждетъ аппетиты и притязанія другихъ державъ. Чарльсъ Дилке, въ своей книгѣ «Европа въ 1877 году», говоритъ прямо: «Занятіе русскими Восточнаго Босфора и Дарданелъ будетъ вѣчною угрозою англичанъ въ Египтѣ и ихъ сношеніямъ съ Индіею черезъ Суэскій каналъ. Обладаніе Константинополемъ повлечетъ за собою necessarily обладаніе Малою Азіею, а затѣмъ и Сириемъ». Къ тому же у Англии 50 милліоновъ подданныхъ мусульманъ въ Индіи и власть надъ ними поколеблется съ паденіемъ власти надшаха. Въ виду неминуемаго разложенія Турціи, либеральная партія въ Англии хочетъ создать оmlотъ отъ стремленія Россіи къ Босфору въ федерациі балканскихъ племенъ: грековъ, сербовъ, румынъ, болгаръ, но силы ихъ еще слишкомъ ничтожны въ настоящее время. И потому покровительственная таможенная система Россіи будетъ препятствовать свободѣ англійской торговли вездѣ, гдѣ русскіе приобретутъ вліяніе. Англичане до сихъ поръ еще не перестаютъ кричать о вѣроломномъ уничтоженіи порто-франко въ Батумѣ, черезъ восемь лѣтъ послѣ его открытія, а торговые интересы для нихъ гораздо важнѣе политическихъ. Изъ-за нихъ Англія, конечно, никогда не объявитъ войны Россіи, не имѣя сухопутной арміи, но флотъ ея будетъ непремѣнно помогать врагамъ Россіи, если противъ нея поднимется «дига мира». Стало быть тутъ нечего и думать о союзѣ. Если объ немъ и мечтаютъ увлекающіеся дипломаты въ Петербургѣ и Лондонѣ, то однимъ парижанамъ могла прийти въ голову возможность русско-англо-французскаго союза. Англійская парламентская трибуна и журналистика только и твердятъ о томъ, что у нихъ только два врага въ Европѣ—Россія и Франція. Народная антипатія Великобританіи еще сильнѣе къ французамъ, чѣмъ къ русскимъ. Русскихъ Англія боится только въ Индіи; французы—вѣчные соперники англичанъ въ ихъ морскомъ и колониальномъ владычествѣ. Самый свѣтлый умъ Англии—Гладстонъ, бывший министромъ, первый возсталъ противъ проекта ламанискаго туннеля. Теперь, какъ глава оппозиціи, онъ ратуетъ за устройство туннеля—и совершенно напрасно: англичане никогда не согласятся на него. При Луи-Филиппѣ и Наполеонѣ III Франція приносила значительныя жертвы въ пользу союза съ Англіей, но ничѣмъ не могла приобрести ея довѣрія. Если онъ всту-

нали въ союзъ, то только противъ Россіи, точно такъ же какъ при Наполеонѣ I Англія соединилась съ Россіей только противъ Франціи. Англія отняла у нея обширныя колоніи въ Азіи, Америкѣ, Австраліи и все-таки жалуются, что вездѣ встрѣчаютъ ее какъ соперницу: въ Египтѣ, въ Тихомъ океанѣ, на Мадагаскарѣ, въ Индо-Китаѣ. Къ тремъ державамъ, въ союзъ противъ которыхъ думаютъ вовлечь Англію, она питаетъ гораздо больше симпатій. Съ Германіей ее соединяетъ единство расы, религіи, темперамента. Англо-саксъ гордится побѣдами и гегемоніей тевтона. Пруссія можетъ овладѣть Голландіей, даже Вельгіей, Англія не помѣшаетъ этому: лишь бы онѣ не достались французамъ. Къ Италіи она расположена потому, что эта держава—соперница Франціи въ Средиземномъ морѣ, Австрія симпатизируетъ потому, что это—оплотъ противъ Россіи. Эгоистическая политика Англіи не позволяетъ ей вступить въ «лигу мира», но тѣмъ невозможнѣе для англичанна союзъ съ страной, гдѣ такъ непрочны политическія и социальныя учрежденія и которая постоянно угрожаетъ революціею, не говоря уже объ упадкѣ въ ней семейныхъ и нравственныхъ началъ—такъ строго соблюдаемыхъ Великобританіею,—по крайней мѣрѣ, по наружности. «Надо радоваться, если Англія останется нейтральной, когда во Франціи вспыхнетъ война». Этими словами французскій публицистъ заключаетъ свою статью.

— О сближеніи съ Россіей продолжаетъ попрежнему толковать французская журналистика. Мы говорили уже о специальныхъ періодическихъ органахъ, основанныхъ съ этой цѣлью, но далеко не достигающихъ ее. Одинъ изъ этихъ органовъ—плодъ прямой спекуляціи и смѣлой бездарности.—«*La vie franco-russe*» уже прекратился, такъ какъ даже непритязательные французы увидали всю пустоту и совершенное незнакомство съ Россіею этого «органа народныхъ симпатій». Къ сожалѣнію, скончавшуюся газету замѣнила другая, такая же плохая, съ такою же спекулятивною цѣлью и такимъ же полнымъ незнакомствомъ нашего отечества... Франко-русская газета («*La gazette franco-russe*») отличается даже еще большими пошлостями и неаппетитными въ статьяхъ о Россіи, хотя насъ расхваливаютъ безъ мѣры. Русскіе—и «гиганты сѣвера» и «содерживаютъ величайшую мирную побѣду цивилизаціи» и «идутъ по пути прогресса исполинскими шагами». Но когда, послѣ комплиментовъ, редакція начинаетъ въ первой же руководящей статьѣ знакомить французовъ съ Россіей, въ ней являются губерніи: Tchémidoff, Poltowa, Rodan и Jaroslow. Далѣе авторъ статьи, какой-то Феликсъ Рока, говоритъ, что въ «Новой Россіи», со времени ея завоеванія, населеніе значительно увеличилось, послѣ паденія имперіи Монго (Mongko) и занятія Корона (Cogan) и Астрахани. За такими блестящими историческими и географическими свѣдѣніями тотъ же Рока сообщаетъ и промышленныя извѣстія, заключающіяся въ томъ, что «промышленность центральныхъ губерній не склонна соединять жителей въ большія поселенія, такъ какъ она распространена и разсыяна въ деревняхъ, гдѣ фабрики любятъ уединяться». Послѣ такого изумительнаго, всесторонняго знанія русской жизни, газета считаетъ нужнымъ перечислить русскихъ туристовъ, живущихъ теперь на водахъ во Франціи. И тутъ являются знаменитыя имена: madame Berdief, Nicolas de Pitoeff, m. Egloff, Wladimir Plotovsky, m-r Tar-moucki и проч. Особенно отличается знаніемъ путей сообщенія вторая статья, серьезно трактующая о проведеніи желѣзной дороги de Korlof à Kagam и о необходимости основать на берегахъ Аму-Дарьи города Алпенкwa. На послѣдней страницѣ газета увѣряетъ, что она разсылается всѣмъ членамъ ари-

стократин и de la grande bourgeoisie, и требуют за свои рекламы по 12-ти франковъ за строчку и по 2 фр. за простые объявленія. Неужели французы думаютъ, что подобные органы могутъ содѣйствовать знакомству ихъ соотечественниковъ съ Россіей?

— Надо сознаться, что нѣмцы знакомятся съ нами гораздо серьезнѣе и всестороннѣе. Въ Вѣнѣ вышла превосходная карта расположенія русской арміи («Dislocationskarte der russischen Armee») въ европейской части нашихъ владѣній. Къ картѣ приложено въ таблицахъ—обозрѣніе орду-батайля, положеніе арміи въ мирное время, при мобилизаціи и во время войны,—все это, по словамъ составителя карты, на основаніи официальныхъ свѣдѣній о расположеніи русскихъ войскъ («Vossrismanie», какъ говоритъ авторъ). «Многое открываютъ наблюдателю эти синіе, красные и черныя значки на картѣ, говоритъ нѣмецкая критика: Польша кишитъ оружіемъ. Вся страна — настоящая мышеловка, для всякаго войска, которое задумаетъ въ нее вторгнуться. Не извѣстно только, не назначатся ли это скопленія войскъ больше для Германіи, чѣмъ для Австріи». Критикъ сравниваетъ эту карту съ вышедшею также «всеобщею административною картою австрійско-венгерской арміи» (Universal-administrativ-Karte der österreichisch-ungarischen Armee). Страннымъ кажется критикѣ то, что верхняя Австрія съ Зальцкаммерными владѣніями совершенно обнажена отъ войскъ, густо расположенныхъ въ Богеміи, даже больше чѣмъ въ Галиціи. «Неужели не довѣряютъ чехамъ», спрашиваетъ критикъ и находитъ также, что австрійская карта не даетъ все-таки полнаго понятія о точномъ числѣ войскъ, расположенныхъ въ имперіи. Но изъ сравненій русской и австрійской картъ можно сдѣлать поучительный выводъ и ихъ необходимо тщательно изучать.

— По русской исторіи «Вестермановъ ежемѣсячникъ» (Westerman's Monatshefte) отмѣчаетъ три сочиненія: «Историческое развитіе русскаго народа» (Die geschichtliche Entwicklung des russischen Volkes) стараго эмигранта Ивана Головина, еще прежде Герцена оставившаго свое отечество. Критика находитъ много вѣрныхъ данныхъ въ этой книгѣ, но онѣ перемѣшаны, къ сожалѣнію, со множествомъ ложныхъ свѣдѣній, ошибочныхъ цифръ и вдобавокъ все изложено невозможнымъ нѣмецкимъ языкомъ, доквашающимъ иносемное происхожденіе автора. Гораздо серьезнѣе книга Визнера «Дополненіе къ исторіи Россіи» (Beiträge zur geschichte Russlands). Книга основа на новѣйшихъ источникахъ и свѣдѣніяхъ перечисленныхъ авторомъ въ предисловіи. Оба сочиненія написаны не въ особенно благосклонномъ тонѣ. Совершенно объективны за то «Дополненія къ культурной исторіи Россіи въ XVII вѣкѣ» (Beiträge zur Kulturgeschichte Russlands im siebzehnten Jahrhundert) профессора Брюкнера. Содержаніе статей, составляющихъ эту книгу, весьма равнообразно: тутъ говорится и объ отношеніи внутренней русской жизни и о международныхъ сношеніяхъ посредствомъ пословъ, отправляемыхъ въ Италию и Францію и объ иностранцахъ, пріѣхавшихъ въ Россію изъ западной Европы, какъ Лавреціи Рингуберъ и Патрикъ Гордонъ, наконецъ, о попыткахъ реформъ до Петра I и въ его эпоху. Тутъ особенно замѣчательна біографія В. В. Голицына. Вообще книга дерптскаго профессора читается въ Германіи съ большимъ интересомъ.

— Въ то же время нѣмцы занимаются и русской литературой. Журналъ «Die Gesellschaft» далъ обширную характеристику Надсона, съ переводомъ

его стихотвореній. Авторъ Артуръ Лейстъ придастъ однако уже слишкомъ много значенія поэту даровитому, но неуспѣвшему развить свой талантъ и оставившему только нѣсколько хорошихъ стихотвореній. А нѣмецкій критикъ считаетъ его лучшимъ поэтомъ послѣ Пушкина и Лермонтова, забывая о Некрасовѣ, Полонскомъ, А. Толстомъ и другихъ поэтахъ, которые выше Надсона. Самъ же Лейстъ, говоритъ, что господствующее направленіе стихотвореній Надсона грусть и отчаяніе, что даже въ этомъ направленіи онъ поэтъ только субъективной, а не мировой скорби. Уже одно это, совершенно вѣрное замѣчаніе, доказываетъ, что круговоръ поэта былъ весьма ограниченъ. Личныя страданія, какъ бы сильны и несправедливы они ни были, не имѣютъ общечеловѣческаго интереса и значенія.

— Гораздо важнѣе, что нѣмцы ознакомились съ М. Е. Салтыковымъ, въ переводѣ его «Мелочей жизни» (*Des Lebens Kleinigkeiten*). Переводъ сдѣлалъ Эккардтомъ, не Юліемъ, биографомъ Герцена, Тургенева и др., авторомъ хорошихъ этюдовъ исторіи русскаго общества, а какимъ-то Іоганномъ Эккардтомъ. Онъ перевелъ не всю книгу, появившуюся подъ этимъ названіемъ, выпустивъ типы русскаго читателя и другіе очерки. Любопытно, какъ встрѣяты нѣмцы труды русскаго сатирика. «Мелочи жизни» написаны не такимъ своеобразнымъ языкомъ какъ другія произведенія Салтыкова и переводъ ихъ вообще очень хорошъ, хотя Эккардтъ оставляетъ безъ объясненія такія слова, какъ дьячекъ, десятникъ, батюшка (священникъ), а слова *nitschewo* и *won!* такъ и не переводитъ вовсе. Если первое изъ этихъ словъ знакомо нѣмцамъ, такъ какъ его очень любитъ Висмаркъ, то замѣна нѣмецкаго негала русскимъ—*won!* уже совершенно напрасна. Въ предисловіи Эккардтъ совершенно основательно замѣчаетъ, что Салтыкова читали бы за границей съ такимъ же увлеченіемъ какъ Тургенева, Толстого, Гончарова, Достоевскаго, еслибы слогъ Салтыкова, исполненный намеками и разными аллегоріями, хотя и остроумными, не былъ часто теменъ и непонятенъ для иностранцевъ.

— Англичане знакомятся съ Россіей по сочиненіямъ «Стенняка». Вышедшее недавно двухтомное сочиненіе его: «Русское крестьянство, его земельное положеніе, общественная жизнь и религія» (*The russian peasantry: their agrarian condition, social life and religion*) критикъ «Атенеума» причисляетъ къ серьезнымъ произведеніямъ, а не къ памфлетамъ. Содержаніе книги очень важное и изложено спокойно, безъ преувеличеній, хотя и не безъ тенденціи. Стеннякъ, говоря о печальной участи своихъ соотечественниковъ изъ низшихъ сословій, не предлагаетъ средствъ улучшить ихъ положеніе, но отсутствіе всякихъ крайнихъ и утопическихъ мѣръ не уменьшаетъ значенія приводимыхъ имъ фактовъ. По признанію самого автора, земельное богатство Россіи такъ велико, что вполне возможно превратить бѣдняковъ-крестьянъ въ зажиточное сословіе. Онъ подтверждаетъ это словами Рейлю, пришедшаго къ выводу, что поля Россіи, хорошо воздѣланныя, могутъ прокормить 500 милліоновъ, тогда какъ жителей въ ней съ небольшимъ сто милліоновъ. Теперь Стеннякъ насчитываетъ между ними 20 милліоновъ безземельныхъ пролетаріевъ, обидѣвшихъ съ 1861 года. Критикъ «Атенеума» находитъ такой расчетъ преувеличеннымъ, а взглядъ автора социалистскимъ. Разумѣется, всю вину авторъ вваливаетъ на администрацію, находя существованіе налоговъ чрезмѣрными и принуждающими крестьянъ прибѣгать къ помощи ростовщиковъ-мироѣдовъ (*koulak and mir-eaters*). Поло-

вина книги Стеньяка посвящена религиознымъ воззрѣніямъ русскаго народа, придающимъ ему увѣренность въ лучшей жизни—на томъ свѣтѣ и помогающимъ переносить всё тяготы въ настоящемъ. Терпѣніе и спокойствіе—отличительныя качества славянскихъ расъ дѣлаютъ ихъ также неспособными къ восстаніямъ и къ принятію революціонныхъ идей, въ чемъ давно уже убѣдились бунтари-пропагандисты. Авторъ сообщаетъ много новыхъ фактовъ о расколѣ, съ которымъ мало знакома Европа. Онъ кончаетъ убѣжденіемъ, что «народъ-земледѣлецъ» выработаетъ новыя, благоприятныя условія безбѣднаго существованія и подастъ примѣръ обветшавой Европѣ, какъ извѣщать для общаго благополучія условія соціальной жизни народовъ.

— Быстрыя перемѣны въ управленіи Германіею, на тронѣ которой въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, смѣнилось три императора, послужили, конечно, поводомъ къ появленію брошюръ и серьезныхъ сочиненій объ этихъ вѣщеносцахъ. Особенно возбуждаетъ участіе судьба Фридриха III, біографія котораго посвящены три книги: одна на французскомъ языкѣ Эдуарда Симона, автора обширной монографіи «L'Empereur Guillaume» и двѣ нѣмецкихъ: извѣстнаго публициста Шмидта Вейсенфельда «Friedrich, deutscher Kaiser» и Вермана—«Friedrich III». Книга публициста лучше всего характеризуетъ царствованіе, не продолжавшееся и ста дней, возбуждавшее въ европейской политикѣ столько ожиданій, тревогъ, опасеній, разочарованій, волненій всякаго рода, и названное прусскими консерваторами—междоцарствіемъ. Среди тяжелыхъ, почти непрерывныхъ страданій, царственный больной удивлялъ міръ своимъ терпѣніемъ, своею кротостью и твердостью въ перенесеніи такихъ мукъ, какіе давно сломили бы болѣе слабый организмъ. Едва ли когда-либо всемірная исторія представляла примѣръ монарха, вступившаго на престолъ умирающимъ, три мѣсяца боровшагося со смертью, но продолжавшаго править странкою въ краткія минуты облегченія отъ приступовъ странной болѣзни. Есть что-то высоко-трагическое въ судьбѣ этого Гогенцоллерна, жизнь котораго искусственно поддерживалась наукою, давно уже признавшею положеніе Фридриха безнадежнымъ, но не высказывавшею этого прямо въ политическихъ соображеніяхъ. Безсильная оказать дѣйствительную помощь, врачевная наука употребила однако всё усилія для продленія угасающей жизни императора и, въ этомъ отношеніи, старанія врачей заслуживали бы глубокую благодарность, если бы къ заботамъ о больномъ не примѣшивался тотъ антагонизмъ, который съ первыхъ дней новаго царствованія тормозилъ, и въ политикѣ и въ семейной жизни императора, всё его благія начинанія. Лѣченіемъ больного руководили врачи двухъ національностей германской и англійской: они, по временамъ не сходились между собою въ опредѣленіи мѣри, какія слѣдуетъ принять противъ того или другого симптома болѣзни, и это возбуждало не только тревожныя опасенія въ подданныхъ Фридриха III, но даже прямыя обвиненія въ небрежности надзора, въ ошибочной системѣ лѣченія. Нѣмецкая публика, увлекаемая впечатлѣтельными минутами, волнуемая понятными опасеніями, не разъ высказывала недовѣріе и нерасположеніе къ иностраннымъ врачамъ. Въ карету доктора Мекена бросали въ Берлинѣ гравію, а нѣкоторыя газеты распространяли слухи, что больной едва не умеръ въ Сан-Ремо отъ дурнаго ухода за нимъ англійскихъ врачей. Тотъ же припадокъ удущья повторялся и въ Шарлотенбургѣ, и докторъ Гоуваль не могъ понять нѣмецкаго фельдшера, толковавшаго о томъ, что сдвинулась съ мѣста трубочка, посредствомъ которой дышалъ больной. Обвиненія врачей

были такъ настойчивы въ печати, что Мекензи и Гоувэлль обратились къ суду, чтобы онъ положилъ конецъ газетнымъ клеветамъ и оскорбленіямъ. Но общественное мнѣніе, однажды встревоженное, успокоить нелегко, тѣмъ болѣе что въ пристрастіи къ Англіи обвиняли и самого императора. Этими отличались нѣкоторыя мѣстныя, ультраконсервативныя газеты. «Hartungesche Zeitung» приводитъ весьма непочтительныя отзывы Кельнбергской газеты «о высокопоставленныхъ дамахъ, болѣе сентиментальныхъ, чѣмъ понимающихъ толкъ, ведущихъ бабью или юбочную политику, подчиняющихся чуждому вліянію и неспособныхъ постичь и усвоить себѣ германскія чувства». И безъ того уже, продолжала газета, весь образъ жизни нашего императора настоящій англійскій. У себя въ семьѣ онъ говоритъ поанглійски, вся обстановка его англійская, служители, состоящіе при немъ, англичане, лѣченіемъ его руководить англійскій врачъ. Все это, впрочемъ, можетъ считаться личнымъ, домашнимъ дѣломъ императора, некасающимся германскаго народа. Но совершенно иной характеръ имѣеть удаленіе изъ Шарлотенбургскаго дворца реликвій, напоминающихъ лучшую эпоху». Какія же это реликвіи? Не болѣе какъ пустыя аптечныя склянки и пузырьки, хранившіяся въ Шарлотенбургѣ со времени Фридриха II и которые императрица, наконецъ, приказала убрать, находя совершенно основательно, что уваженіе къ усопшему не должно простираться до уваженія къ его посудѣ и старымъ черепкамъ. Но прусская газета видитъ въ этомъ «желаніе перестроить все въ историческомъ дворцѣ на англійскій образецъ», и прибавляетъ, что «ради удовольствія двухъ лицъ ставить, по внушенію Англіи, на карту сохраненіе европейскаго мира». Мудрено ли, что и на пріѣздъ англійской королевы въ Берлинъ ультраконсерваторы смотрѣли съ большимъ неудовольствіемъ и, въ то время, когда одніе газеты находили вполнѣ естественнымъ посѣщеніе больного его тещею, другія упрекали ее за то, что она встревожила больного, которому было вредно малѣйшее волненіе. Да еще, кромѣ того, привезла она съ собой своего Ватенберга, конечно, не жениха, а его брата, но и этотъ господилъ былъ попое не желаннымъ гостемъ у одра императора, только-что выдержавшаго тяжелую борьбу изъ-за сватовства его братца. Во всякомъ случаѣ пріѣздъ такихъ гостей взволновалъ больного, который самъ распоряжался всѣми подробностями ихъ пріема, не считывая на особенный энтузіазмъ къ нимъ ни придворныхъ, ни народа. И пріемъ, сдѣланный пруссаками королевѣ Викторіи, былъ далеко несочувственный и весьма холодный. Еще въ Берлинѣ легко было набрать нѣсколько десятковъ зѣнакъ и крикуновъ, оравшихъ при пріѣздѣ гостыи въ открытомъ экипажѣ, но въ Шарлотенбургѣ ее встрѣчали положительно гробовымъ молчаніемъ. Вольное неудовольствіе и даже прямое негодованіе во всѣхъ слояхъ общества возбуждено назначеніе королевѣ тѣхъ комнатъ, въ Шарлотенбургскомъ дворцѣ, гдѣ жила мать Вильгельма I, королева Луиза. Послѣ смерти этой женщины, вынесшей столько горя и почитаемой святою всѣми пруссаками, комнаты ея остались въ томъ видѣ, какъ были при ея смерти, а ихъ начали убирать и реставрировать для жилья англійской королевы. Это до того возмутило придворные кружки, что пришлось сдѣлать измѣненіе въ первоначальномъ распоряженіи, и Викторіи отвели комнаты, сосѣдныя съ апартаментами королевы Луизы. Гостью пріѣхалъ встрѣтить въ вокзалѣ кронпринцъ, но не въ парадной формѣ, такъ какъ характеръ встрѣчи былъ чисто семейный и королева пріѣхала инкогнито. За нимъ пріѣхала кронпринцесса, принцъ Генрихъ, императрица съ тремя

дочерью, приицъ Саксен-Мейнингенскій и Гессенскій, какъ близкіе члены императорской семьи и англійскаго дома. Изъ другихъ принцевъ и принцессъ никто не явился. Съ императоромъ Викторіа видѣлась нѣсколько разъ и окружающіе его только удивлялись силѣ характера, съ какою онъ, подавивъ страданія, умѣлъ быть любовнымъ съ своею гостьюю. А еще незадолго передъ тѣмъ, онъ писалъ своему любимцу, фельдмаршалу Влументалю, пожалавшему скорѣйшаго выздоровленія монарху: «у меня почти нѣтъ болѣе силъ выносить эти страданія». Сыну своему онъ писалъ въ то же время: «учись страдать, не жалуйся, вотъ все, чему я могу тебя научить». Своему старому, оглохшему служителю онъ написалъ: «ты счастливейше меня—ты не можешь слышать, а я не могу говорить и при томъ еще такъ страдаю». Наконецъ, придворному проповѣднику онъ написалъ: «можете ли вы не о моемъ выздоровленіи, а о томъ, чтобы скорѣе прекратились мои страданія». Послѣднія слова опровергала, впрочемъ, «Norddeutsche Zeitung», но «Kölnische Zeitung» настаивала на ихъ подлинности, такъ же какъ «Kreuz Zeitung» и «Nazional Zeitung». Что императоръ самъ сознавалъ всю безнадежность своего положенія—было очевидно; раковый характеръ горловой опухоли не оставлялъ надеждъ. Были дни, когда каждую минуту ожидали роковой развязки. Крѣпкій организмъ Фридриха III только отсрочивалъ неизбежный исходъ. Нашли какого-то вѣнца, вынесшаго такую же операцію и уже семь лѣтъ живущаго съ трубочкой, вставленной въ горло. Но одинъ исключительный примѣръ ничего не доказываетъ, а императоръ замѣтно терялъ силы. Въ послѣднее время онъ писалъ такъ неразборчиво, что съ трудомъ понимали его распоряженія.

— Книга Симона, озаглавленная «L'Empereur Frédéric» написана въ панегирическомъ тонѣ, занимается больше политическими соображеніями и доводитъ біографію императора до половины апрѣля. Мудрено ли, что при трагическомъ положеніи одного изъ главныхъ дѣствующихъ лицъ европейской политики, она не предпринимала никакихъ рѣшительныхъ мѣръ и выжидала исхода безпримѣрной въ исторіи шарлотенбургской драмы. Даже дипломатія приостановила на время обычное теченіе своихъ нотъ и переговоровъ. Указывается на то, что вслѣдствіе свиданія королевы Викторіи съ Францемъ-Иосифомъ въ Инсбрукѣ, продолжавшагося полтора часа, и съ Фридрихомъ III, Англія приметъ болѣе дѣятельное участіе въ дѣлѣ средней Европы противъ Россіи. Но для насъ, въ усмѣнннхъ непрязненнаго расположенія къ намъ европейскихъ державъ, нѣтъ ничего новаго, и ничего иного мы не можемъ ждать отъ всѣхъ родственныхъ и политическихъ союзовъ, устраиваемыхъ давно уже противъ Россіи. Если бы дипломатія наша не была заражена какимъ-то эпидемическимъ оптимизмомъ, она давно могла бы убѣдиться въ томъ, что у насъ нѣтъ друзей въ Европѣ, кромѣ славянскихъ народовъ—въ силу племенного родства, кромѣ Франціи—въ силу историческихъ обстоятельствъ, да развѣ еще Даниі—въ силу родственныхъ сношеній. Даже единовѣрная Греція недовольна нами за то, что мы не помогаемъ ей бунтовать критявъ, не поддерживаемъ ея претензіи на Македонію. Въ послѣднее время греки, правда, заговорили опять о своихъ симпатіяхъ къ Россіи, но стѣбитъ Англіи или Германіи поощрять имъ клочокъ Фессаліи или Македоніи—и они трижды отречутся отъ всякихъ единовѣрческихъ симпатій. Но никакія новыя дипломатическія комбинаціи не мыслимы до разрѣшенія вопроса: какъ будетъ дѣйствовать новый императоръ Вильгельмъ II, одаренный твердою волею, тогда какъ Фридриха III упрекали въ слабомъ характерѣ. Въ то время когда, по-

увѣренію англійскихъ газетъ, теща подчинила совершенно своему вліянію вѣтъ, нѣмецкія газеты сообщали, что кронпринцъ запретилъ своей бригадѣ, которую онъ ежедневно упражнялъ въ шагистикѣ, носить даже ботинки англійскаго фасона. Особенно недовольны были ультраконсервативные кружки императрицею. Но приписывая ей всѣ непопулярныя распоряженія: невѣдліе особаго приказа по арміи о восшествіи на престолъ, отиѣну вполетъ, пожалованіе чинами и назначеніе на важныя должности ничѣмъ не выдающихся лицъ, нѣкоторые прусскіе органы общественнаго мнѣнія дѣлали намеки на то, что недовольствуясь 126 милліонами марокъ, назначенными ей пожизненно императоромъ, императрица мечтала и о сохраненіи власти, даже въ случаѣ несчастнаго исхода болѣзни. Ходили слухи—конечно нелѣпыя, но характеризующіе настроеніе извѣстной части общества, что императрицѣ даетъ на это право какой-то документъ. Но если бы онъ даже и былъ подписанъ покойнымъ императоромъ, то не имѣлъ бы никакого практическаго значенія, въ виду прусской конституціи и существующихъ въ странѣ законовъ. Самое завѣщаніе императора можетъ имѣть силу, только когда оно согласуется съ этими законами. Нарушеніе законовъ берлинская оффиціальная печать видитъ и въ газетныхъ толкахъ о сватовствѣ Ватевберга за дочь императора. Дѣло это, касавшееся царствующаго дома и не предназначавшееся для парламентскаго или иного публичнаго обсужденія, по мнѣнію оффиціозовъ составляло государственную тайну, обнародованіе которой могло возбудить недовольствіе державы, дружественное расположеніе которой имѣлось въ виду сохранить (тоестъ желалось провести ее—и объявить уже потомъ о совершившемся фактѣ). При этомъ дѣлалась даже ссылка на 92-й параграфъ уголовнаго кодекса германской имперіи, говорящій, что «за обнародованіе во всеобщее свѣдѣніе государственной тайны виновный подвергается тюремному заключенію не менѣе какъ на двухгодичный срокъ». Но вѣдъ первыя свѣдѣнія о предполагавшемся бракѣ сообщены органомъ германскаго канцлера, отчего же газеты придворной партіи не требовали привлечь его къ суду?—О брошюрахъ, касающихся Вильгельма II—до слѣдующей книжки.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Къ исторіи Пугачевщины.

ВЪ ПОИМКѢ самозванца Емельяна Иванова Пугачова и къ подавленію волненія, произведеннаго имъ въ населеніи по всему среднему и южному Поволжью, на верховьяхъ рѣки Дона и на окраинахъ съ Сибирью, правительствомъ въ 1773 и 1774 годахъ, кромѣ воинскихъ командъ, были употреблены мѣры вразумленія и разъясненія, что Пугачевъ есть не Петръ III, а бѣглый донской казакъ, принявшій на себя имя императора. Архіепископу казанскому Веніамину предложено было, при помощи подчиненнаго ему духовенства, употребить всѣ мѣры къ отклоненію народа отъ содѣйствія самозванцу. Веніаминъ 5 октября 1773 года назначилъ торжественное богослуженіе въ соборѣ. Послѣ литургіи высокопреосвященный вышелъ къ народу, публично проклялъ Пугачева и предалъ его анаемѣ, а 15 числа того же мѣсяца издалъ былъ въ 200 экземплярахъ высочайшій манифестъ, для распространенія на мѣстѣ возникшаго волненія, о томъ, что называющій себя императоромъ Петромъ III есть каторжникъ, донской казакъ Емельянъ Пугачевъ. Тогда же императрица Екатерина просила письмомъ архіепископа казанскаго Веніамина, чтобы онъ отиравилъ отъ себя «священникамъ наставленіе, кое бы они своимъ прихожанамъ съ увѣщаніемъ читать и тѣмъ удерживать ихъ могла отъ присоединенія къ самозванцу, толкуя имъ, сколь страшно преступленіе предъ Богомъ и предъ свѣтомъ нарушеніе учиненной государю своему присяги, и что таковыхъ преступниковъ святая наша церковь предавала и предастъ всегда вѣчному проклятію». Къ своей просьбѣ объ увѣщаніи Екатерина присовокупила, что «если не вся Оренбургская епархія состоятъ въ его вѣдѣніи, то ея письмо онъ сообщалъ бы и тѣмъ архіереямъ, подъ вѣдомствомъ коихъ тѣ мѣста состоятъ, дабы они по сему исполненіе чинили»¹⁾.

¹⁾ «Правосл. Собесѣд.» 1859 года, кн. II, стр. 203.

Волѣдствіе сдѣланныхъ распоряженій, архіепископъ Вениаминъ приказалъ отъ всѣхъ священниковъ отобрать подписки въ томъ, что они поставятся своихъ прихожанъ «отъ помянутаго противнаго и опаснаго всему обществу случая отвратить». Изъ консисторій и духовныхъ правленій писались къ заикашкамъ и священникамъ приходскимъ по этому поводу къ исполненію указы и подтвержденія.

Одинъ изъ такихъ указовъ казанской духовной консисторіи, случайно сохранившійся подлинникомъ въ бумагахъ послѣ умершаго въ 1885 году священника с. Высокаго, Николаевского уѣзда, Самарской губерніи, Михаила Предтеченскаго, помѣщается ниже, съ сохраненіемъ орфографіи. Указъ этотъ написанъ на полулистѣ сѣрой бумаги, безъ сгиба; съ правой и лѣвой сторонъ полулиста проведены, въ видѣ рамокъ, чернилами графы, съ лѣвой же стороны проставленъ номеръ указа. Текстъ указа написанъ довольно четко, по кудреватой вязью; чернила значительно выцвѣли и пожелтели; наверху указа помѣчено: «№ 41. Полученъ декабря 19 ч. 1773 года». Изъ вставокъ въ двухъ пробѣлахъ текста адресата слѣдуетъ заключить, что указъ этотъ посланъ былъ многимъ лицамъ изъ духовенства къ исполненію; настоящій же экземпляръ адресованъ на имя «заикашка Маликовскаго»⁴⁾.

№ 3223.

«Указъ Ея Императорскаго Величества Самодержици Всероссийскія изъ казанской духовной консисторіи Маликовскому заикашкѣ протопопу Николаю Кирилову. Понсже неоднократно посланными сего года въ октябрѣ и ноябрѣ мѣцахъ Ея Императорскаго Величества изъ духовной консисторіи въ состоящіи въ казанской епархіи духовныя правленія и къ заикашкамъ указами велѣно: всѣмъ священнослужителямъ что не происходитъ ли въ которомъ приходѣ о извѣстномъ злодѣе воре бунтовщикѣ и самозванцѣ донскомъ казаке и расколщикѣ Емельяне Пугачевѣ и его злодѣйской толпѣ какого отъ кого по легкомыслію и безумію разглашенія и не явится ли гдѣ при подтвержденіяхъ отъ нихъ синопникомъ и всѣмъ прихожанамъ что бы нѣкто ни въ чемъ оному злодею не вѣрили і къ его злодѣйской сторонѣ отнюдь не предавались отъ кого в томъ противности или смятенія и о прочемъ объявлять письменно вѣ духовныя правленія а отъ оныхъ по воинскимъ командамъ кому куда способности и да въ консисторію давать о томъ вѣать безъ упущенія по вся недѣли с нарочными по толкѣ весьма рѣткіе да и не яко всѣхъ мѣсть извѣстія о томъ здѣсь имѣются а въ нѣкихъ духовныхъ правленій что все ли вѣдомствахъ ихъ обстоитъ благополучно или какой гдѣ раздоръ происходитъ и по днесъ не репортовано. Того ради Ею Пресвщенство приказалъ: О непремолномъ по вышеозначеннымъ прежде разсланнымъ въ духовной консисторіи указамъ исполненія во всѣ духовныя правленія и къ заикашкамъ подтвердить еще указами съ тѣмъ есть ли іс котораго правленія по содержанию силы тѣхъ указовъ в показанный оными срокѣ а в случае каковаго гдѣ нестроянія и предупредительныхъ репортовъ доставляемо сюда не будетъ то тѣ правленія за таковое ненаблюдательство подвержены будутъ немалому штрафу безъ всякой пощады ібо должны силу тѣхъ

⁴⁾ Маликовка или Малыковка—дворцовое село, до 1775 года находилось въ Симбирской провинціи, нынѣ городъ Вольскъ, Саратовской губерніи.

Авт.

указовъ яко особливо самонужнейшихъ содержать и священноцерковно-служителей к тому побуждать не ослабно со всякимъ тщаніемъ и предосторожнымъ усихомъ безъ наималѣйшаго отлагательства. И Маликовскому заказчику протопопу Николаю Кириллову чинить о томъ по саму Ея Императорскаго Величества указу. А о полученіи сего того жъ числа в консисторію отренпортовать. Ноября 30 дня 1773 года. Димитрій протопопъ Влагоевѣцскій. Секретарь Василій Аристовъ. Канцеляристъ Петръ Васильевъ».

Сообщено В. И. Калатузовымъ.

Самара.

Какъ березовцы икону выручали.

Въ Приволжскомъ и Прикамскомъ краѣ до сихъ поръ сохранилось много преданій о темной и грозной эпохѣ Пугачевщины. Нѣкоторые изъ этихъ преданій и разсказовъ были уже сообщены нами въ XII кн. «Историческаго Вѣстника» 1884 года. Въ настоящее время намъ удалось записать въ Прикамскомъ краѣ еще одно любопытное преданіе, касающееся той же эпохи, интересное, однако, не по своему отношенію къ Пугачевщинѣ, а скорѣе съ бытовой стороны. Вотъ это преданіе.

Въ Уфимской губерніи, почти на границѣ ея съ Вятской, есть село Перезовка, отстоящее отъ г. Саранула, Вятской губ., въ 40 верстахъ, внизъ по теченію р. Камы. Въ церкви этого села съ давнихъ, незапамятныхъ временъ находится образъ св. Николая чудотворца, по преданію — явленный и чудотворный, высоко чтимый, какъ святыня, во всемъ окрестномъ краѣ, на нѣсколько десятковъ верстъ кругомъ. Когда въ здѣшней мѣстности разнесся слухъ о приближеніи Пугачева, мѣстное духовенство, чтобы сохранить свою святыню, отправило икону, съ согласія мірянъ, въ г. Сарануль, какъ мѣсто сравнительно укрѣпленное и болѣе безопасное. Здѣсь, въ соборной церкви, икона и простояла до конца Пугачевского погрома.

Когда пронеслась гроза и спокойствіе водворилось въ краѣ, жители гор. Березовки вспомнили о своемъ «угодникѣ» и стали просить у саранульцевъ икону обратно. Послѣдніе отказали имъ въ просьбѣ, приводя въ резонъ то обстоятельство, что они, какъ спасители иконы, имѣютъ право быть ея постоянными владѣтелями. Березовцы настаивали на своей просьбѣ, посылали для этого въ г. Сарануль нѣсколько депутацій, но саранульцы не сдавались и стояли на своемъ.

— Нашъ, де, угодничекъ теперича. Мы его, батюшку, изъ бѣды вызволили, отъ Пугача спасли, а теперь онъ насъ за это покрывать будетъ своей милостью...

Вились, бились березовцы — ничто не помогаетъ, не удастся уладить съ саранульцами, да и на поди!

Надумались, наконецъ, предложить имъ выкупъ за чудотворца. Предложили: «что хотите, берите съ насъ, только отдайте намъ святителя».

Но саранульцы возмутились этимъ.

— Что мы, говорятъ, нехристи что ли какіе, али жида, чтобы продавать за деньги святой образъ? За кого вы насъ считаете? Чай, тамъ погнѣ-отъ, когда крестилъ насъ, молитвы читалъ надъ нами, а не пѣсни сатанинскія пѣлъ... Нѣтъ ужъ вы это оставьте.

— Ну, ладно,—говорятъ депутаты березовскіе,—мы это оставимъ. А можете, вамъ такъ любѣе будетъ: вы намъ чудотворцевъ образъ отдадите, а мы вамъ... ведро водки выставимъ.

Сарапульцамъ больше по мысли пришлось это предложеніе.

— Это, отвѣчаютъ, можно. За деньги продать образъ грѣшно, а выпить за труды во имя Воле и въ честь народа православнаго — это можно, это не грѣхъ. Только... вы мало ставите. Ведро—что же.. Вы посмотрите, вѣдь насъ вона сколько, а какъ вино будетъ, сойдется еще больше.

Потомковали такъ немного съ березовскими депутатами и порѣшили на трехъ ведрахъ водки. Березовцы тутъ же выставили водку и съ торжествомъ вняли икону изъ собора и понесли въ свое село, гдѣ она находится и понынѣ.

Этотъ расказъ съ различными вариантами мы слышали отъ нѣсколькихъ человѣкъ въ самомъ г. Сарапулѣ.

Сообщено И. А. Добровольскимъ.

Рашель и императоръ Николай.

Это было, кажется, въ первый приѣздъ Рашели въ Петербургъ. Публика, желая видѣть игру славной артистки, валомъ валела въ театръ и переполняла ложи до такой тѣсноты, что, какъ говорится, негдѣ было яблоку упасть. Артисткѣ льстило такое вниманіе публики, но она тотчасъ же смекнула, что такой наплывъ въ ложахъ можетъ при послѣдующихъ дебютахъ невыгодно отозваться на ея сборахъ, а потому и потребовала отъ дирекціи, чтобы билеты на ложи выдавались не болѣе какъ на четыре лица.

Императоръ Николай, какъ любитель сценическаго искусства, всегда интересовался театромъ, поэтому до него не могъ не дойти слухъ о предложеніи Рашели. Однажды, когда онъ разговаривалъ съ лею послѣ одного представленія, она въ глубоко-почтительныхъ выраженіяхъ высказала государю сожалѣніе, что такъ рѣдко имѣетъ счастье видѣть его величество на своихъ представленіяхъ. «*Ma famille est trop grande et je crain d'être le cinquième dans la loge*» (моя семья слишкомъ велика и я боюсь, чтобъ не быть пятымъ въ ложѣ),—отвѣчалъ ей Николай.

Сообщено А. Н. Корсаковымъ.

С М Ъ С Ъ.

ВЕЧЕНГСКИЙ МОНАСТЫРЬ. Передъ канцелярными временемъ въ квартирѣ оберъ-прокурора св. Синода, русскій консулъ въ Норвегiи г. Островскій читалъ лекцію о Печенгскомъ монастырѣ св. Трифона и означенiи этой обители для нашего сѣвера. Лекторъ началъ съ краткаго историческаго очерка древняго Печенгскаго монастыря. Еще при Иванѣ Грозномъ пришли въ дикую Лопь сперва Трифонъ, сынъ священника, а черезъ 5 лѣтъ, инокъ Соловецкаго монастыря Теодоритъ. 20 лѣтъ они трудились вмѣстѣ надъ просвѣщенiемъ лопарей, дикихъ жителей холоднаго сѣвера; на р. Печонгѣ, у самаго «Студенаго моря» они основали обитель. Лопари нерѣдко ихъ мучили, били, грозились совсѣмъ убить, но они съ смиренiемъ и кротостью переносили все и любовью христіанской не только побѣдили ненависть дикихъ людей, но она замѣнилась глубокимъ и всеобщимъ уваженiемъ къ монахамъ. Сначала, не имѣя священнаго сана, они не могли крестить обращенныхъ,—тогда они предприняли путешествiе въ Новгородъ, гдѣ архіепископъ посвятилъ Теодорита въ іеромонахи, и благословилъ Трифона на основанiе монастыря. Вернувшись, они въ одинъ день крестили вѣскольکو тысячъ лопарей. Искорѣ, по основанiи Печенгскаго монастыря, Теодоритъ опять ѣздилъ уже въ Москву, откуда Иванъ Грозный послалъ его въ Константинополь за уставомъ византійскимъ вѣнчанiя на царство. исполнивъ порученiе, Теодоритъ снова вернулся въ Лапландiю. Царь слушалъ отъ него о своихъ невѣдомыхъ владѣнiяхъ, гдѣ живутъ дикіе люди, гдѣ лѣтомъ, въ полночь ярко свѣтитъ солнце, гдѣ въ Студеномъ морѣ плаваютъ льды, водятся необыкновенныя животныя и рыбы. Рѣчи Теодорита произвели такое сильное впечатлѣнiе, что царевичъ Теодоръ снялъ съ себя свою богатую одежду и отдалъ ее въ пользу монастыря. Бояре слѣдовали примѣру царевича. Богато-одаренный и слабженный царскимъ жалованьемъ, по которому всѣ угоды рыбнаго промысла пожалованы монастырю, возвратился Теодоритъ въ обитель, и она стала расти и крѣпнуть, просвѣщать лопарей и закрѣплять русское влiянiе въ этомъ отдаленномъ краѣ. Въ 1572 г. въ обители

было уже 40 братій и много послушниковъ; купцы стекались сюда за рыбой; здѣсь росла русская торговля; здѣсь, наконецъ, встрѣтились лицомъ къ лицу русскіе и англичане, завязалась торговля съ ними и голландцами. Монастырь обратилъ вниманіе московскаго правительства на этотъ край и не далъ его отторгнуть датчанамъ и шведамъ. Описавъ далѣе пожаръ, грабежъ и гибель монастыря при набѣгѣ шведскихъ разбойниковъ, при чемъ убитъ былъ іеромонахъ Іона, совершавшій всенощную и другіе, лекторъ перешелъ къ возникновенію современной мысли о возрожденіи Печенгскаго монастыря, теперь уже осуществившейся. Государь Императоръ послалъ въ монастырь утварь, облаченія. На собранныя пожертвованія и пособие выстроили для братіи двухъ-этажный корпусъ, соорудили кувницу, скотный дворъ, службы, развели огороды; стали проводить дороги по этой мѣстности, никогда ихъ не знавшей, устроили кирпичный заводъ и при 2 колоніяхъ открыли школы. Значенію возобновленія монастыря для всей обширной Лапландіи можетъ быть громадно уже и потому, что это населенный пунктъ среди лапландскихъ пустынь. Практическое значеніе сказывается и въ томъ, что лопари въ работахъ монастырскихъ учатся владѣть топоромъ, учатся ремесламъ, чѣмъ улучшаютъ свою дикую, скудную жизнь, свои невозможныя жилища. Въ прошломъ году монастырь спасъ нѣсколько сотъ лопарей отъ голода. Религіозное значеніе монастыря особенно велико. Лопари доселѣ глубоко чтутъ память св. Трифона, а монастырь такъ полюбили, что составили актъ, можетъ быть юридически неправильный, но за то искренній по чувству, что они дарятъ монастырю всю р. Печенгу. Монастырь укрѣпляетъ, такимъ образомъ, русское вліяніе и вѣру православную, а это не лишнее, особенно теперь, когда римско-католическая церковь уже помышляла о завоеваніи края; здѣсь есть уже 3 костела; католическіе миссіонеры богаты денежными средствами и личною энергіей. Еще немного заповдали бы мы, и лопари, сами того не зная, очутились бы католиками. Печенгскій монастырь памятникъ великаго русскаго дѣла, онъ сослужилъ службу нашему сѣверу и водворилъ православный крестъ въ полнотной окраинѣ русской земли.

Открытіе древняго города на Волгѣ. Саратовская ученая архивная коммиссія получила сообщеніе правителя дѣлъ Н. С. Соколова о томъ, что жители посада Дубовки, Царицискаго уѣзда, часто находятъ въ окрестностяхъ посада древнія монеты, осколки какой-то посуды и т. п. Получивъ это свѣдѣніе и сопоставивъ его съ указаніемъ древнихъ арабскихъ географовъ на существованіе въ 12—15 дней пути отъ Астрахани какого-то большого города, предсѣдатель коммиссіи А. А. Тилло и нѣкоторые члены рѣшили предпринять поѣздку въ посадь Дубовку. Поѣздка предпринята 14-го іюня и дала блистательные результаты. На основаніи указаній мѣстныхъ жителей, коммиссія отправилась на ватагу Часюкаповыхъ, отстоящую отъ Дубовки въ 2—3 верстахъ по Волгѣ. Производя обзоръ мѣстности, убѣдились, что здѣсь, на протяженіи почти 2½ верстѣ въ длину и около 1 вер. въ ширину, было когда-то раскинуто поселеніе. Немедленно было приступлено къ снятію астролибическаго плана и производству раскопокъ. Первую находку сдѣлала супруга А. А. Тилло, найдя въ слобѣ намытыхъ водотокомъ галекъ на берегу Волги древнюю, прекрасно сохранившуюся, серебряную монету. При дальнѣйшемъ исследованіи были открыты ясныя слѣды нѣсколькихъ сотенъ домовъ, фундаменты большихъ зданій, вѣроятно, дворцовъ и храмовъ, большой водопроводъ, много серебряныхъ и мѣдныхъ монетъ, остатки домашней утвари, оружія, много костей человѣческихъ и животныхъ, орнаменты и масса другихъ вещей. Несомнѣнно, что въ этомъ мѣстѣ былъ когда-то большой ховарскій или татарскій городъ. Повсемѣстное присутствіе углей, покрытыхъ землей на разной глубинѣ, и отсутствіе сохранившихся въ цѣлости домашнихъ вещей привели коммиссію къ убѣжденію, что городъ этотъ былъ разграбленъ и сожженъ. Между прочимъ, возникаетъ вопросъ: не есть ли это слѣды ховарскаго го-

рода Сумкеркента, мѣстоположеніе котораго наука указываетъ на протяженіи Волги отъ устья ея до отдѣленія Ахтубы? Всѣ цѣнные въ научномъ отношеніи экземпляры отправлены въ Петербургъ для научнаго опредѣленія.

Бюстъ, найденный въ Иерусалимѣ. Извѣстный археологъ г. Кибальчичъ сообщаетъ свѣдѣнія о важной находкѣ, обогатившей недавно коллекцію начальника нашей духовной миссіи въ Иерусалимѣ, о. архимандрита Антоинна. Находка эта—бюстъ, изваянный изъ мрамора въ обыкновенную величину размѣра головы человѣка, найденный близъ стѣнъ Иерусалима, со стороны, такъ называемыхъ, европейскихъ кварталовъ. Этотъ бюстъ носитъ всѣ слѣды древняго происхожденія: полувывѣтрившійся и, по характернымъ особенностямъ рисунка и рѣзца, онъ относится къ III или IV вѣку упадка эллинскаго искусства или къ такъ называемому эллинико-римскому періоду, что соответствуетъ приблизительно времени римскаго императора Августа, а въ Палестинѣ—времени Ирода, прозваннаго Великимъ. Этотъ мраморный бюстъ представляетъ мужскую голову съ круглою, подстриженною и въющеюся бородою и усами, съ такими же подстриженными вокругъ головы волосами и удивительную лавровымъ вѣнкомъ (бессмертія), соединеннымъ спереди медальономъ, на которомъ (вывѣтрившееся) изображеніе императора римскаго съ подписью вокругъ. Архимандритъ думаетъ, что хранящееся нынѣ у него изображеніе представляетъ Ирода Великаго, который, быть можетъ, самъ себя воодвигъ памятникъ еще при жизни. Это мнѣніе находитъ подтвержденіе въ безграничномъ честолюбіи Ирода и въ его заискиваніяхъ у римлянъ, удивившихъ его, какъ царя Іудейскаго, и вѣнкомъ бессмертія; а, можетъ быть, это даръ римскаго императора народу, провозгласившему Ирода своимъ царемъ. Увѣковѣчиваніе себя при жизни монументами производилось у древнихъ народовъ часто.

Археологическое Общество. Въ послѣднемъ засѣданіи классическаго отдѣленія Русскаго Археологическаго Общества, было доложено сообщеніе А. Н. Щукарева «о византійскихъ мозаикахъ двухъ сицілійскихъ церквей XII в.». Командированный за границу Петербургскимъ университетомъ для научныхъ занятій по древней исторіи, г. Щукаревъ, во время своего пребыванія въ Сициліи, обратилъ вниманіе на мозаичныя изображенія въ церквяхъ Чефалу и Марторака, вполне сходныя съ соответственными иконографическими образцами древняго византійскаго типа; иныя въ виду чрезвычайное значеніе византійскихъ мозаикъ для древней исторіи русскаго искусства, г. Щукаревъ представилъ обществу подробное описаніе вышесказанныхъ мозаикъ. Собраію было доложено также сообщеніе иностраннаго члена-сотрудника г. Пападопуло-Караменсъ «о недавнихъ хіосскихъ надписяхъ», изъ которыхъ одна относится, по опредѣленію докладчика, къ срединѣ VI в. до Р. X., другая къ V в. до Р. X. и третья къ началу II в. до Р. X. Всѣ эти надписи весьма любопытны какъ въ палеографическомъ, такъ и въ историческомъ отношеніяхъ. Въ томъ же засѣданіи профессоръ В. Г. Васильевскій прочиталъ рефератъ «о торговыхъ сношеніяхъ Кіева съ придунайскими землями». Иныя въ виду преимущественно побережья средняго теченія Дуная, занятаго теперь австрійскими землями и невѣстнаго въ X в. подъ именемъ Восточной Парки, докладчикъ обратилъ вниманіе на иностранныя свидѣтельства о торговыхъ сношеніяхъ Кіева съ этими землями. Такъ, регенбургскій гражданинъ Гартвигъ, проживая по торговымъ дѣламъ въ Кіевѣ, пожертвовалъ въ одинъ изъ монастырей своего роднаго города 18 фунтовъ серебра; жптію св. Маріана рассказываетъ, что регенбургскій монахъ, братъ Маврикій, отправившись въ Кіевъ, получилъ для своей обители большіе дары мѣхами отъ кіевскаго князя (одного изъ сыновей Иаислава) и возвратился назадъ съ купеческимъ караваномъ; наконецъ, сохранилось извѣстіе, что императоръ Конрадъ III жаловался византійскому императору Іоанну Коммену (1142 г.) на обиды, причиненныя русскими гѣмцами купцамъ.

Крестный ходъ на рѣку Витку, Никольской волости, Новгородскаго уѣзда. Въ 11-ти верстахъ, по узкоколейной желѣзной дорогѣ отъ Новгорода къ Чудову, находится желѣзнодорожная будка, лежащая на проселочной дорогѣ, ведущей въ Витку. Въ названной деревнѣ, лѣтъ 15 тому назадъ, милостію покойнаго государя и иждивеніемъ добрыхъ дателей, построена на возвышенномъ мѣстѣ каменная церковь въ честь Покрова Пресвятыя Богородицы. Ежегодно, въ день св. Пела Столбенскаго, 27-го мая, совершается изъ нея крестный ходъ. Церковное шествіе, по окончаніи поздней обѣдни, направляется по Новгородскому шоссе, поворачиваетъ затѣмъ на проселочную дорогу, пересѣкаетъ желѣзнодорожный путь и, проходя мимо древней, деревянной, построенной лѣтъ слишкомъ за 200, церкви, спускается къ рѣкѣ Виткѣ. По совершеніи молебствія и погруженіи креста въ воду, многіе изъ богомольцевъ, нѣсколько ниже мѣста водоосвященія, омываются въ струяхъ рѣки. Купанье замѣчательное тѣмъ, что совершается при большомъ стеченіи народа и безъ рѣзкаго разграниченія мѣста для пола и возврата. По существующему народному повѣрью, большой, выкупавшійся въ этотъ день въ Виткѣ, исцѣляется отъ одержимаго недуга. Принадлежности платья и одежды, покрывающія больныя мѣста, бросаются при этомъ въ воду и несутся въ Пидьбу и далѣе въ мутный Волховъ. Мѣсто около котораго совершается водосватіе, номимо древности деревянной церкви, построенной нѣкіими Воровдинымъ, замѣчательно еще въ другомъ историческомъ отношеніи. На окружающемъ ея кладбищѣ похоронены офицеры его величества короля Прусскаго полка, стоявшаго здѣсь до Севастопольской кампаніи, а у самаго мѣста молебствія, на берегу Витки, стоятъ два гранитныхъ памятника въ формѣ небольшихъ колоннъ дорическаго ордера съ отломанными верхами. Одинъ изъ нихъ, обнесенный желѣзною рѣшеткою не сохранилъ на себѣ никакихъ письменныхъ знаковъ, на другомъ же, съ значительнымъ трудомъ, можно разобрать слѣдующія надписи. Приводимъ ихъ съ соблюденіемъ орографіи и расположенія строкъ.

На лѣвой сторонѣ верхняго постамента, если стоять лицомъ къ Виткѣ.

«Здѣсь прахъ лѣжитъ сраженный
«Злодѣйскою рукой
«Несчастный... чужъ безвинный
«Подъ черной клеветой».

На той же сторонѣ нижняго постамента:

«Здѣсь покоится незабвенный супругъ мой Яковъ Ивановичъ Султановъ, бывший майоромъ Его Величества Императора Австрійскаго полка. Служилъ Отечеству 35 лѣтъ, отъ роду имѣлъ 46 и въ 1831 году 16 числа Іюля пріиалъ мученическую смерть отъ рукъ мятежниковъ».

На сторонѣ, обращенной къ Виткѣ, на плоскости верхняго постамента:

«Покойся милый прахъ
«Подъ сенью безопасной
«Ты на землѣ въ юдоли
«Вѣдь и слезъ страданья
«Крестъ тяжелый несъ
«И кончилъ жизнь свою
«Какъ мученикъ несчастный»...

На той же сторонѣ нижняго постамента:

«Подполковникъ Вутовичъ пріиалъ смерть отъ рукъ мятежниковъ 16 Іюля 1831 года живни его было 38 лѣтъ».

На той же сторонѣ нижняго постамента:

«Памятникъ сей посвященъ несчастными супругами, оплакивающими преждевременную смерть безъценныхъ друзей своихъ: А. Вутовичевой и А. Султановой».

«Вмѣстѣ съ друзьями нашими покоются тѣла такихъ же несчастныхъ штабъ-лекаря Алексѣя Андрѣевича Вогоявленскаго и фельдшера Ивана Безмяннаго».

По окончаніи молебствія церковное шествіе, сопутствуемое уже меньшимъ числомъ народа, возвращается тѣмъ же путемъ обратно въ деревню Вятку.

Отчетъ ростовскаго музея церковныхъ древностей за 1885—1887 года. Правленіе ростовскаго музея церковныхъ древностей, находящагося въ кремль города Ростова-Великаго, представило краткій отчетъ о своей дѣятельности за 3, 4 и 5-й годы своего существованія. Независимо отъ управленія музеемъ, на членовъ комитета, какъ на членовъ московскаго Археологическаго Общества, возложено и заведываніе древними кремлевскими зданіями, а также и реставрація послѣднихъ. Ростовскій музей въ 1885 году посѣтилъ великій князь Владиміръ Александровичъ и, при осмотрѣ древняго пещернаго соборнаго храма св. Леоптія Ростовскаго, реставрировавшагося въ то время подъ наблюденіемъ музея, замѣтилъ, что у насъ мало такихъ древнихъ памятниковъ на Русѣ. Членъ комитета музея поканивалъ затѣмъ и остальные работы коммисіи по возобновленію древнихъ памятниковъ—«Княжій Терема», церковь Григорія Вогослова (восстановленные въ 1884 году) и открытую, въ 1885 году, древнюю фресковую живопись въ церкви Іоанна Вогослова—бывшаго монастыря, упоминаемаго въ актахъ XIII вѣка. Въ 1886 году наследникъ цесаревичъ пожаловалъ въ пособіе музею нѣзъ собственныхъ суммъ 1,000 руб. съ тѣмъ, чтобы деньги эти составили неприкосновенный капиталъ, а проценты съ нихъ были обращены на нужды музея. Избранная московскимъ Археологическимъ Обществомъ коммисіа, восстановивъ, въ 1883 году, Вѣлую палату и переходы въ такъ называемые княжій терема, въ 1884 году возобновила самые терема, церковь бывшаго Григорьевскаго монастыря—вѣтора съ переходами и башнею. Въ 1885 г. коммисіа открыла и реставрировала древній, XIII вѣка, придѣлъ св. Леоптія въ Успенскомъ соборѣ. Въ соборѣ же въ куполѣ ризницы и подъ плитами чугуннаго пола въ самомъ соборѣ коммисіею были отысканы древнѣйшія фрески (къ сожалѣнію, и до нынѣ невосстановленные). Въ томъ же году были возобновлены Садовая башня и переходы. Въ 1886 г. коммисіей, на средства почетнаго члена музея А. Л. Кекина, произведена капитальная работа—реставрирована часть развалившейся стѣны, примыкающей къ теремамъ и восстановлена упавшая башня. Въ этой башнѣ въ настоящее время устроена городская читальня. Изъ числа работъ по реставраціи кремлевскихъ зданій, намѣченны въ настоящее время коммисіею, слѣдующія: 1) Реставрація кремлевской церкви Іоанна Вогослова, пришедшей въ страшную вѣтхость, въ особенности наперть, которая угрожаетъ паденіемъ. Возобновленіе этой церкви будетъ произведено на средства А. Л. Кекина, отъ котораго уже получено заявленіе объ его согласіи,—и 2) Реставрація Воскресенской церкви и въ особенности, тоже угрожающей паденіемъ, такъ называемой водяной башни, въ которой была устроена церковь Всѣхъ Святыхъ бывшимъ ростовскимъ епископомъ Досеоемъ. Отъ Академіи Наукъ принесено въ даръ музею до 60 томовъ академическихъ изданій; отъ археографической коммисіи—ея изданія; отъ московскаго публичнаго и румянцевскаго музеевъ—отчеты и изданія по исторіи и археологіи; отъ совѣта казанскаго Общества археологіи, исторіи и этнографіи—изданія о дѣятельности Общества; товарищъ предсѣдателя музея Д. А. Булатовъ принесъ въ даръ музею всю свою бібліотеку, до 700 том., состоящую изъ книгъ богословскаго, философскаго и историческаго содержанія; кромѣ того, имъ пожертвованы: коллекція древнихъ иконъ, доставшихся ему по наследству изъ рода князей Голицыныхъ; коллекція древнихъ складней и мѣдныхъ крестовъ; богатая коллекція древнихъ римскихъ и восточныхъ монетъ (до 400 штукъ); коллекція автографовъ государей и раз-

ныхъ замѣчательныхъ лицъ. Всѣ эти вещи пожертвованы Д. А. Булатовымъ на особые условія, заключающіяся въ томъ, что, если бы музей перешелъ исключительно въ духовное управленіе, то жертвователь имѣетъ право всё принесенныя имъ въ даръ музею вещи брать обратно, какъ свою собственность. Баронъ Ф. А. Вюлеръ, Д. А. Ровинскій, М. В. Толстой, В. В. Стасовъ, Я. Ф. Головацкій и другія лица принесли также цѣнные вклады музею книгами и древними вещами. Кромѣ того, еще поступили пожертванія какъ древними иконами, облаченіями, такъ и по отдѣлу этнографіи, нумизматики, рукописями и книгами. Къ 1-му января 1888 г. въ ростовскомъ музей церковныхъ древностей находилось: въ собраніи иконъ, крестовъ, царскихъ вратъ и хоругвей 690 предметовъ. Въ собраніи церковной утвари, богослужебныхъ предметовъ, антикинсовъ, плащаницъ, покрововъ и священнослужительскихъ облачений 254 предмета. Въ собраніи портретовъ, картинъ, гравюръ и фотографическихъ снимковъ 234 предмета. Въ собраніи рукописей и книгъ 2,611 предметовъ. Въ собраніи монетъ и медалей 1,581 предметъ. Въ собраніи древнебытовыхъ и этнографическихъ предметовъ 405. Къ 1-му января 1887 г. неприкосновенныхъ капиталовъ музея состояло всего 2,391 руб. 90 коп. Кромѣ того, къ 1-му января 1887 г. находилось въ распоряженіи комитета пожертвованныхъ суммъ на содержаніе музея 1,626 руб. 92 коп. Изъ этой суммы на хозяйственные расходы вышло 295 руб. 96 коп. На содержаніе же писмоводителя музея отъ трехъ членовъ комитета пожертвовано было по 113 руб. 35 коп., всего 340 руб. Затѣмъ къ 1-му января текущаго года осталось неприкосновенными 1,001 руб. 71 коп. Неприкосновенные капиталы ростовскаго музея остались къ 1-му января 1888 года въ прежней суммѣ—2,400 руб., лишь съ нѣкоторыми видоизмѣненіями ихъ храненія.

† 13-го мая, 57 лѣтъ, въ Москвѣ, послѣ тяжкихъ страданій отъ паралича мозга, Дмитрій Петровичъ Родіоновъ. По окончаніи курса въ училищѣ правовѣдѣнія, покойный, прослуживъ установленный срокъ на государственной службѣ, перешелъ въ свое имѣніе с. Вышкайму, Сибирской губерніи. Къ этому времени относится начало общественной дѣятельности Д. П., когда, назначенный на должность мирового посредника, онъ всецѣло посвятилъ себя примиренію къ жизни началъ реформы 19-го февраля. Въ дѣятельности всеской Д. П. оставилъ за собой крупный слѣдъ труда и самаго участнаго отношенія къ интересамъ общественнымъ. Онъ немало времени удѣлялъ научной разработкѣ вопросовъ по сельскому хозяйству и неоднократно помѣщалъ популярныя статьи по садоводству и огородничеству. Его «Основы сельскаго хозяйства» весьма полезное руководство, гдѣ въ сжатомъ, но ясномъ изложеніи собрано много данныхъ, необходимыхъ сельскому хозяину. По личнымъ свойствамъ покойный принадлежалъ къ типу людей симпатичныхъ, доступныхъ всякому и готовыхъ подѣлиться съ каждымъ совѣтомъ или услугой.

† 16-го іюня талантливый композиторъ Григорій Андреевичъ Лисинъ, послѣ тяжелой и мучительной болѣзни, едва достигнувъ 34-хъ лѣтъ. Болѣзнь его длилась около четырехъ мѣсяцевъ, но ранняя смерть поразила всѣхъ знавшихъ покойнаго, а нашъ музыкальный міръ понесъ значительную утрату, потерявъ въ немъ одного изъ даровитыхъ дѣятелей. Талантливость Лисина, скрывавшаяся какъ въ литературномъ, такъ и въ композиторскомъ поприщѣ, признавалась всѣми. Онъ родился въ Петербургѣ, 28-го апрѣля 1854 г. Первоначальное образованіе получилъ дома, а музыкальное—подъ руководствомъ матери, ученицы Шопена. На 13 году онъ поступилъ въ училище правовѣдѣнія, которое и окончилъ въ 1875 г. однимъ изъ лучшихъ учениковъ. Дальнѣйшее музыкальное образованіе продолжалъ онъ у Гензельта, а по теоріи композиціи у профессора консерваторіи Н. Ф. Соловьева. Два года прослужилъ Лисинъ въ иностранной цензурѣ. Одаренный отъ природы равносторонними талантами, Г. А. успѣлъ много сдѣлать и въ литературной, и въ

музыкальной сферахъ. Лишневъ отлично владелъ стихомъ и писалъ много юмористическихъ и сатирическихъ пьесъ. Прекрасно зная музыку, чуткій ко всевозможнымъ вѣяніямъ, Г. А. отзывался въ легкой, остроумной формѣ на разныя явленія нашей музыкальной жизни и охотно помѣщалъ свои замѣтки и статьи въ периодическихъ издавіяхъ, какъ столичныхъ, такъ и провинціальныхъ. Онъ работалъ въ «Петербургской Газетѣ», «Свѣтѣ», «Звѣздѣ», «Гражданинѣ», «Еженедѣльномъ Обзорѣннѣ» и др. Имъ написано болѣе двухсотъ стихотвореній, въ томъ числѣ баллады, между которыми особенное вниманіе заслуживаетъ «Княжна Зося». Много поработалъ также покойный и для опернаго театра; имъ приспособленъ былъ русскій текстъ множества иностранныхъ оперъ для пѣнія; онъ перевелъ либретто «Африканки», «Жанъ де Нивеля», «Джоконды», «Карменъ», «Мефистофеля», «Сен-Марса», «Риенци», «Бѣлой дамы», «Чернаго Домино» и др.; всѣхъ около 40. Кромѣ того, имъ составлено либретто для оперы «Страшная мѣсть». Но главное значеніе Лишневъ заключаетъ въ его композиторской дѣятельности, выразившейся въ романахъ, инструментальныхъ пронаведеніяхъ и операхъ. Онъ много писалъ и почти все, имъ написанное, отличается главнѣйшимъ качествомъ хорошей музыки—мелодичностью; какой бы родъ изъ его сочиненій мы ни взяли, вездѣ находимъ мелодію, этотъ главнѣйшій нервъ музыкальнаго творчества,—мелодію не вымученную и не высиженную, а свободно льющуюся и свидѣтельствующую о несомнѣнномъ дарованіи композитора и о его непосредственномъ вдохновеніи. Многіе изъ его романсовъ,—всѣхъ написано болѣе 100,—пользуются большою популярностью и часто исполняются пѣвцами на сценахъ и въстрадахъ; большую извѣстность приобрѣли его баллады: «Она хохотала», «Колодки» и романсы: «Нельзя повѣрить», «У ногъ твоихъ», «Дождя отшумѣваго капли», новогреческія пѣсни и др. Изъ оркестровыхъ его вещей лучшія: «Торжественный маршъ», исполняемый ежегодно на актѣ въ училищѣ правовѣдѣнія, и «сюиту» для оркестра, составленную изъ мотивовъ его же оперы «Дон-Цезарь де Вазанъ». Оперы, написанныя Лишневымъ, слѣдующія: лирическія—«Графъ Нуинъ» и «Цыгане» на текстъ Пушкина, комическая «Дон-Цезарь де Вазанъ», шедшая съ большимъ успѣхомъ истекшею зимою въ Кіевѣ, гдѣ авторъ, лично ставившій ее, служилъ предметомъ восторженныхъ овацій, и неоконченная «Бахчисарайскій фонтанъ». Изъ этихъ оперъ «Дон-Цезарь» переведетъ поитальянски и пойдетъ зимою въ Одессѣ, а «Цыгане» будутъ поставлены на кievской сценѣ. Къ этому циклу пронаведеній долженъ быть отнесенъ и «Прологъ», написанный для солистовъ, хора и оркестра и поставленный подъ управленіемъ автора съ громаднымъ успѣхомъ въ Одессѣ при открытіи городского театра 1-го октября 1887 г. Въ жанрѣ комической оперы Г. А. обнаружилъ большой талантъ и, быть можетъ, ему суждено было положить прочную основу у насъ этому роду композицій; но молодой композиторъ умеръ, далеко не исполнивъ всего намѣченнаго имъ. Всѣмъ извѣстенъ прекрасный талантъ его аккомпанировать; рѣдкій концертъ и рѣдка афиша обходились безъ его имени. Г. А. весьма успѣшно попробовалъ свои силы и на дирижерскомъ поприщѣ. Оперой онъ дирижировалъ въ Харьковѣ и въ Астрахани и вывелъ массу цѣнныхъ подарковъ изъ разныхъ провинціальныхъ городовъ, гдѣ ему приходилось концерттировать, отъ цѣнившей его публики.

† Русская журналистика понесла утрату въ лицѣ скончавшагося 17-го іюня присяжнаго повѣреннаго Михаила Григорьевича Гребенщикова. Полный силъ и здоровья М. Г. нашелъ трагическую смерть на вѣморѣ. Онъ предпринялъ вмѣстѣ съ товарищами, въ числѣ которыхъ были и журнальные труженики, экскурсію на лодкѣ изъ Новой Деревни на Махту. На обратномъ пути подулъ сильный вѣтеръ. Около 4-хъ часовъ утра [одна изъ волнъ ударила въ бортъ шлюпки, на которой находился М. Г. и опрокинула ее. Подоспѣвшіе товарищи стали спасать тонувшихъ; троимъ имъ удалось вытащить изъ воды,

а четвертый, М. Г., погрузился на дно и болѣе не показывался на поверхность. Не смотря на тщательные розыски, тѣло его найдено было только черезъ три недѣли. Окончивъ петербургскій университетъ съ степенью кандидата правъ, Гребениковъ началъ службу въ Примурскомъ край и, возвратившись оттуда, поступилъ въ составъ присяжныхъ повѣренныхъ округа петербургской судебной палаты. Адвокатская дѣятельность, однако, не удовлетворяла подвижной, требовавшей постоянного умственного напряженія, натуры Михаила Григорьевича. Прозваніемъ его—была журналистика. М. Г. сдѣлался дѣятельнымъ сотрудникомъ газетъ и журналовъ, какъ столичныхъ, такъ и провинціальныхъ. Читателямъ «Наблюдателя», «Дѣла», «Страны» (во время редактированія ея Л. Полонскимъ), «Журнала гражданского и уголовного права», «Новаго Времени» и «Петербургскаго Листка», (гдѣ онъ еще въ прошломъ году велъ особый отдѣлъ, подъ рубрикой «Текущіе мысли и факты»), онъ былъ извѣстенъ, какъ талантливый публицистъ, обладающій легкостью изложенія и ясностью мысли. Последнее время Михаилъ Григорьевичъ усердно приводилъ въ порядокъ матеріалы, собранные имъ во время путешествія, и недавно издалъ въ свѣтъ книгу «По дальнему Востоку». Знатокъ и любитель Сибири, М. Г. не разъ дѣлалъ доклады въ ученыхъ обществахъ по вопросамъ, касающимся этой далекой окраины Россіи. Прекратилась жизнь Михаила Григорьевича такъ неожиданно въ разцвѣтѣ физическихъ и умственныхъ силъ,—ему было всего 34 года.

† Въ своемъ имѣніи Дойлиды, Бѣлостокскаго уѣзда, Гродненской губерніи, на 81-мъ году, сенаторъ, Александръ Ивановичъ Крузенштеръ. Покойный былъ сыномъ извѣстнаго не только въ Россіи, но и во всемъ образованномъ мірѣ перваго русскаго пловца вокругъ свѣта, адмирала Ивана Федоровича Крузенштерна. Общественная дѣятельность покойнаго начинается съ 1832 г. въ Варшавѣ, въ дипломатической канцеляріи генералъ-фельдмаршала. Въ 1837 г., онъ былъ назначенъ членомъ совѣта народнаго просвѣщенія въ царствѣ Польскомъ, въ 1840 г. предсѣдателемъ генеральной консисторіи евангелическихъ исповѣданій царства, въ 1858 г. сенаторомъ въ варшавскихъ департаментахъ сената, въ 1861 г. членомъ государственнаго совѣта царства. Въ 1863 г. покойный былъ перемѣщенъ на службу въ имперію, въ 1-е отдѣленіе 3-го департамента сената. Въ 1882 году вышелъ въ отставку. А. И. оставилъ послѣ себя значительное число рукописей. Одно его сочиненіе напечатано (въ 1837 г. въ Варшавѣ): «Précis du système de progrès et de l'état de l'instruction publique en Russie». Изъ рукописей, написанныхъ частью на французскомъ, частью на русскомъ языкахъ, заслуживаютъ вниманія: «Воспоминанія о хивинской экспедиціи», «О видахъ на торговлю съ Персією», «О пороселоніи крестьянъ въ Сибирь», «Описаніе системъ золотопромышленности въ Восточной Сибири», «Воспоминанія о севастопольскихъ герояхъ», «Объ образованіи юношества въ царствѣ Польскомъ», «О первобытной народности въ западныхъ губерніяхъ», и др. Значительный интересъ представляютъ также воспоминанія покойнаго о путешествіи его по Италіи, Франціи и Германіи, разговоръ его съ Наполеономъ III, перенеска съ Гумбольдтомъ, Тьеромъ, Гизо и другими выдающимися личностями.

† 29-го іюня, въ Петербургѣ гофмейстеръ, сенаторъ князь Павелъ Петровичъ Вяземскій. Покойный вступилъ на службу въ 1840 г. въ министерство иностранныхъ дѣлъ, а черезъ шесть лѣтъ былъ назначенъ помощникомъ секретаря миссіи въ Константинополь. Въ 1850 г. онъ занималъ мѣсто младшаго секретаря миссіи въ Гагѣ. Въ 1852 году былъ старшимъ секретаремъ миссіи въ Карлсруэ; затѣмъ назначенъ старшимъ секретаремъ въ Вѣну. Съ этого времени дѣятельность князя П. П. измѣняется: онъ переходитъ въ министерство народнаго просвѣщенія помощникомъ попечителя петербургскаго учебнаго округа. Черезъ три года онъ переводится на такую же должность попечителя казанскаго учебнаго округа; въ 1860 г. утверждень чле-

номъ археографической комиссіи, затѣмъ командированъ для запятій въ главное управленіе по дѣламъ печати и въ томъ же году назначенъ председателемъ петербургскаго комитета цензуры иностранной. Съ 1881 г. ему поручено исполненіе обязанностей начальника главнаго управленія по дѣламъ печати, а въ слѣдующемъ году онъ утвержденъ въ этой должности. 1-го января 1883 г. Павелъ Петровичъ назначенъ присутствовать въ сенатѣ. Покойный былъ знатокъ и любитель древностей; онъ основалъ въ Петербургѣ Общество любителей древней письменности и искусство и немало напечаталъ ученыхъ изслѣдованій, изъ которыхъ главныя: «Замѣчанія на слово о полку Игоревѣ», «Политика Фридриха II», «А. С. Пушкинъ по документамъ Остафьевскаго архива» и проч. Князь П. П. Вяземскій скончался на 68 году.

† Въ Петербургѣ, скоропостижно, сидя въ гостяхъ, Леонидъ Петровичъ Блюммеръ. Окончивъ курсъ гимназіи воронежской, онъ, со второго курса, вышелъ изъ университета и затѣмъ блестяще держалъ экзаменъ сразу на кандидата. Получивъ дипломъ, Блюммеръ увлекся моднымъ въ ту пору потокомъ и эмигрировалъ за границу, гдѣ былъ въ рядахъ нелегальной оппозиціи, издавая въ Берлинѣ нецензурный журналъ «Свободное Слово», вибѣсть съ кн. Долгоруковымъ. Съ Герценомъ, Огаревымъ и Вакуиничемъ Блюммеръ не ладилъ и не былъ врагомъ Россіи. Познакомившись съ покойнымъ кн. Орловымъ, бывшимъ то время посланникомъ въ Парижѣ, Леонидъ Петровичъ, по его совѣту, рѣшился добровольно явиться въ отечество, что ему было вачтено при обсужденіи въ сенатѣ его дѣла. Блюммеръ былъ сосланъ въ Сибирь, но черезъ три года пребыванія тамъ помилованъ и возвращенъ на родину, въ Воронежъ. За время пребыванія въ Сибири, Блюммеръ пристроился къ управленію частныхъ золотыхъ примсковъ и занималъ тамъ довольно значительное мѣсто, а плодомъ наблюденія тамошней жизни явился его извѣстный романъ, печатавшійся въ «Зарѣ» Кашпирева «Около золота». Въ Воронежѣ Блюммеръ принималъ участіе въ газетѣ «Донъ», въ которой помѣстилъ массу публицистическихъ статей, всякаго рода замѣтокъ и рецензій. По пріѣздѣ въ семидесятыхъ годахъ въ Саратовъ, Леонидъ Петровичъ и здѣсь первымъ дѣломъ пустился въ литературную работу: жилка журналиста въ немъ билась всегда и смятатіи его всецѣло лежали къ типографскому станку. Въ послѣднее время Блюммеръ превратился въ «дѣльца» и «проводилъ дѣла» съ большимъ успѣхомъ. Онъ началъ сотрудничествомъ съ кн. Долгоруковымъ, продолжалъ публицистическую работу, издавая брошюры «Папство и Россія», писалъ романы, началъ издавать газету «Волга», сотрудничалъ въ одесскихъ и саратовскихъ газетахъ, бросаясь въ то же время, отъ золотопромышленности къ адвокатурѣ, отъ адвокатуры къ промышленному предпринимательству и т. д. Все это онъ мѣнялъ, но перо писателя держалъ въ своихъ рукахъ невмѣнно до самой смерти. Она застала его накануне изданія большой газеты въ Петербургѣ, задуманной по мысли Блюммера, компаніей товарищей (газета должна была выходить съ конца текущаго года). Это была обширная мысль. Газета предполагалась въ двухъ изданіяхъ—утреннемъ и вечернемъ, по типу новыхъ американскихъ газетъ—на черной бумагѣ бѣлымъ шрифтомъ. Ассигновалось на изданіе до 90 тыс. въ годъ... Не было простора этому человѣку, чтобы развернуться. При нныхъ обстоятельствахъ изъ Блюммера вышелъ бы, человѣкъ не только общественнаго, но общегосударственнаго значенія, а у насъ изъ него не вышло ничего цѣльнаго—ни журналиста, ни адвоката, ни просто крупнаго промышленника. Была только личность, полная ума и способности, которой могло бы хватить на какое угодно дѣло. Не могли пройти ему даромъ безсонныя ночи и работа, которой онъ предавался иногда недѣлями, не давая себѣ отдыха. Въ редакціи «Волги» онъ выкапывалъ почти невѣроятную энергію, приходилъ въ редакцію въ 10 час. утра, и писалъ статьи для слѣдующаго № газеты,

писалъ и возвратившись откуда-нибудь въ 2—3 часа ночи. Иногда утомленіе отъ такихъ усилій бывало у него настолько велико, что онъ засыпалъ въ своемъ креслѣ за письменнымъ столомъ и, отдохнувъ полчаса, продолжалъ начатую статью, которая выходила блестящей, умной, увлекательной. Не обходилось, конечно, безъ возбуждательныхъ средствъ. На дѣлѣ саратовско-симбирскаго банка, слушавшемся въ прошломъ году въ Тамбовѣ, съ Влюмеромъ нѣсколько разъ дѣлалось дурно. Его защительная рѣчь (онъ защищалъ Алфимова) прерывалась раза три или четыре. Въ отдѣльной комнатѣ онъ долженъ былъ нюхать спиртъ, смачивать холодной водой голову. Конечно, ему было не до защиты, и рѣчь его вышла слабой, хотя начало ея замѣчательно. Сердце давало себя знать и мучила одышка. А онъ скакалъ за границу, организовывалъ компаніи для постройки конно-железныхъ дорогъ, для устройства канализаціи, для введенія правильного пароходства по Дону!.. Силы въ немъ было много, но она была подорвана, а онъ напрягалъ ее безъ всякой пощадности—и, не въ мѣру натянутая струна лопнула...

ЗАБѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Поправка къ статьѣ г. Павлицева.

Прошу редакцію напечатать слѣдующую поправку къ «Семейной хроникѣ» г. Павлицева, помѣщенной въ мартовской книжкѣ «Историческаго Вѣстника».

1) На стр. 358-й сказано: «Эти послѣдніе стансы дядя посвятилъ Александрѣ Алексѣевнѣ Олениной двоюродной сестрѣ Анны Петровны Кернъ». Тутъ двѣ левѣрности, а именно: а) Александры Алексѣевны Олениной никогда не было, а была Анна Алексѣевна Оленина (дочь Алексѣя Николаевича Оленина, известнаго президента Академіи Художествъ), живущая, если не ошибаюсь, и понынѣ въ Петербургѣ и которой теперь 80 лѣтъ. б) Анна Петровна Кернъ не была двоюродной сестрой Анны Алексѣевны Олениной, а только родственницей.

2) Мужъ Анны Алексѣевны назывался Фодоръ Александровичъ.

За точность этой поправки ручаюсь, ибо съ юныхъ лѣтъ и до кончины стариковъ Олениныхъ (въ 1838 и 1840 годахъ) былъ почти ежедневнымъ посетителемъ ихъ гостепріимнаго дома, такъ какъ мой двоюродный братъ Г. Н. Оленинъ былъ мужемъ Варвары Алексѣевны Олениной, старшей сестры Анны Алексѣевны.

В. Савельевъ.

ДЕВЯТИСОТЛѢТНЯЯ ГОДОВЩИНА КРЕЩЕНІЯ РУСИ.

ВЪ ДВѢНАДЦАТАГО іюля вся вѣрующая православная Русь праздновала годовщину принятія христіанства. Это великое историческое событіе совершилось девять вѣковъ тому назадъ. Съ той эпохи какъ славянскія племена сплелись въ одно государство, подъ управленіемъ варяжскихъ князей, Русь оставалась въ язычествѣ всего столѣтіе съ четвертью, да и то языческимъ было только правительство, а въ народѣ давно встрѣчались многочисленные приверженцы Христова ученія. Были они и въ княжеской семьѣ, а въ правленіе Владиміра, въ его столичный городъ, были и христіанскія церкви задолго до крещенія князя съ его дружиною. Этимъ и объясняется то, что народъ охотно послѣдовалъ примѣру своего владыки и безъ сопротивленія крестился въ струяхъ Почайны, Волхова и рѣкахъ Червонной Руси, куда князь перенесъ вскорѣ свою апостольскую дѣятельность. Въ то время, какъ западные миссіонеры съ огнемъ и мечомъ вносили ученіе любви и смиренія въ земли языческія, а Карлъ Великій гораздо больше истребилъ, чѣмъ окрестилъ саксонцевъ, Владиміръ объявилъ, что ему «будетъ противенъ» тотъ, кто не захочетъ креститься—и вся Русь сдѣлалась христіанскою. Последнее проявленіе нехристіанской гордости войнлюбиваго князя состояло въ томъ, что онъ захотѣлъ завоевать себѣ истинную вѣру и, взявъ у грековъ Корсунь, потребовалъ вмѣстѣ съ присылкою священниковъ въ жены себѣ и сестру византійскихъ императоровъ. Принятіе христіанства съ Востока, а не съ Запада, было, въ то же время, актомъ политическаго мудрости. Вступая въ близкія и родственныя сношенія съ имперіей, начинавшей терять свое государственное могущество, Русь дѣлалась поддержкою и преемницею византійскихъ преданій. Усобицы удѣльнаго періода, затѣмъ татарское иго и тяжелая эпоха собранія русской земли

Москвою, надолго помѣшали Руси сдѣлаться прямою наслѣдницею Византіи, когда она подпала подъ владычество турокъ, но это наслѣдство, по неизбежному ходу историческихъ событій, все-таки принадлежитъ ей въ будущемъ. Объ этомъ говорить не только внутреннее убѣжденіе каждаго истинно-русскаго человѣка, но даже преданія самихъ мусульманъ. Храня въ чистотѣ догматы и обряды восточнаго христіанства, искаженные западною римскою церковью, Русь, не жалѣя крови своихъ дѣтей, содѣйствовала къ водворенію государственной самостоятельности своихъ единовѣрцевъ: грековъ, сербовъ, румынъ, черногорцевъ, болгаръ, въ то время, когда славянскія племена, принявшіе католичество, не пользуются политической свободою, какъ чехи, словаки, хорваты, словенцы.

Это различіе немально бросается въ глаза, и на него прежде всего обратила вниманіе иностранная публицистика, получивъ свѣдѣнія, что, вступая въ десятый вѣкъ своего присоединенія къ христіанскимъ державамъ, Россія празднуетъ эту годовщину. Напрасно было объявлено, что праздникъ этотъ— какъ оно было и на самомъ дѣлѣ — не имѣетъ никакого политическаго значенія, а чисто религіозный, церковный праздникъ, что на немъ будутъ только гости, а не представители чужихъ племенъ и народностей. Западная Европа подозрительно отнеслась къ этому празднику, что, конечно, нисколько не помѣшало его торжественности. Начался онъ еще съ празднованія дня св. Ольги, за три дня до тезоименитства св. Владиміра. Къ 16-му іюля приуроченъ былъ и день крещенія кіевлянъ, не указаный лѣтописями. Въ Ольгинъ день открытъ былъ памятникъ, увѣковѣчивающій и другое знаменательное событіе: воссоединенія южной Руси съ сѣвѣрною. Воссоединеніе это совершилось, какъ извѣстно, при малороссійскомъ гетманѣ Богданѣ Хмельницкомъ, конная статуя котораго воздвиглась теперь на Софійской площади Кіева. Хмельницкій изображенъ въ полномъ гетманскомъ нарядѣ, лѣвою рукою сдерживающъ коня, вѣхавшаго на курганъ, а булавкою правой руки указываетъ на сѣверо-востокъ по направленію къ Москвѣ. На сторонахъ кургана надписи: «Единая, недѣлимая Россія Богдану Хмельницкому 1654—1868» и «Волимъ подъ царя восточнаго православнаго» — слова народа на переславской радѣ. Извѣстно также, что чрезъ 32 года послѣ принесенія малороссами присяги Россіи, ей былъ возвращенъ отъ Польши и Кіевъ, 366 лѣтъ находившійся во власти сначала Литвы, потомъ Польши.

Празднованіе крещенія Руси въ этомъ городѣ, пережившемъ столько тяжелыхъ эпохъ со времени разрушенія его монголами въ XIII вѣкѣ, продолжалось три дня. Кромѣ обычныхъ молебствій, крестнаго хода, парада, иллюминаціи, обѣда пріѣзжимъ гостямъ и депутаціямъ, городъ показывалъ имъ достопримѣчательности древней столицы и ея окрестностей. А гостей было не мало. Однихъ болгаръ прибыло девять человѣкъ: бывший министръ-президентъ княжества Драганъ Цанковъ съ братомъ, Маджаровъ, министръ финансовъ въ Румелии, Вобчевъ—бывшій министръ финансовъ, Людскановъ, управлявшій иностранными дѣлами, Вазовъ, поэтъ и публицистъ, Мыларовъ, редакторъ газеты «19 февруарій», Врѣчковъ и Вагчевановъ — депутаты народнаго собранія. Изъ Сербіи прибыли вожаки радикальной партіи — Пашичъ и Леотичъ; словацкій поэтъ Святозаръ Гурбанъ-Воянскій; изъ Румыніи—члены славянскаго общества въ Вукарестѣ—Губмайеръ, Новакъ и Красильниковъ, черногорскій митрополитъ Митрофанъ, докторъ Барвичъ, глава моравянъ, рѣшившихся вернуться въ православіе, Амбро Шотеръ, редакторъ словацкой газеты

«Народныя Новины», патриотъ Павелъ Мудроуъ и др. На торжественномъ актѣ въ Кіевской духовной академіи оберъ-прокуроръ Синода прочиталъ пріѣзженный адресъ, присланный изъ Лондона отъ архіепископа Кентербурійскаго. Верховный глава англиканской церкви извиняется, что не могъ послать на празднество епископа, такъ какъ теперь въ Лондонѣ созвана конференція изъ 140 епископовъ, бывающая одинъ разъ въ десять лѣтъ. Архіепископъ говоритъ, что русскимъ, какъ и англичанамъ, опаснымъ врагомъ является папа, который всѣми силами старается вредить православію—и съ этимъ врагомъ бороться необходимо.

Празднику въ Петербургѣ не помѣшала и проливной дождь, встрѣтившій крестный ходъ всего петербургскаго духовенства на пути его отъ церкви князя Владиміра у Тучкова моста къ Исаакіевскому собору, Дворцовой площади и Иордани, устроенной на Невѣ для водосвѣтія. Картина этого крестнаго хода была грандіозна, особенно на Дворцовой площади, гдѣ при богослуженіи присутствовали Высочайшія Особы, войско и стотысячная масса народа, которому раздавали безплатно брошюры съ описаніемъ жизни и изображеніемъ князя Владиміра. Такихъ брошюръ вышло не мало къ этому дню, хотя всѣ онѣ не отличаются ни историческими, ни литературными достоинствами. Вечеромъ было торжественное засѣданіе славянскаго общества, на которомъ было немного публики, зато говорилось очень много рѣчей. Лучшею была рѣчь редактора австрійской газеты «Парламентеръ» Живнаго, котораго австрійскіе суды еще недавно, хотя и безуспѣшно, пытались осудить за славянскія тенденціи. Г. Живный высказалъ мысль, что славянскій народъ пришелъ уже къ убѣжденію, что духовная просвѣтительная жизнь народа, основанная на истинной почвѣ народности, составляетъ идеалъ патриотизма—идеалъ, котораго славянскій народъ никогда не промѣняетъ на политическія стремленія съ государственными цѣлями. За тысячу лѣтъ передъ нами славянскій народъ былъ единымъ: онъ былъ объединенъ Кирилломъ и Меѳодіемъ, какъ въ церкви, такъ и въ отношеніи къ письменности и литературному языку и это единство утверждено на Востокѣ княземъ Владиміромъ. Всегда и вездѣ, гдѣ оно было нарушено, славянство стремилось восстановить его и при томъ не для политическихъ и государственныхъ цѣлей, но для мирнаго просвѣтительнаго труда въ духѣ народномъ. На этотъ народъ поднимаются противники, прибѣгающіе къ такъ называемому «панславизму», чтобы набросить подозрѣнія на законныя его стремленія къ объединенію. Это объединеніе славянъ можетъ быть достигнуто въ различныхъ направленіяхъ и для разныхъ цѣлей, и, такимъ образомъ, панславизмъ можетъ проявляться въ различныхъ видахъ: 1) политическій панславизмъ—соединеніе всѣхъ славянъ въ одномъ государствѣ; 2) литературный панславизмъ—соединеніе всѣхъ славянъ въ области письменнаго языка для достиженія общей литературы; 3) религіозный панславизмъ—соединеніе всѣхъ славянъ въ одной православной церкви; 4) культурный панславизмъ—соединеніе всѣхъ славянъ въ области языка и церкви, этихъ двухъ условій общей культуры; 5) народный или національный панславизмъ—соединеніе всѣхъ славянскихъ народовъ въ одинъ народъ подъ названіемъ славянскаго.

Политическое соединеніе славянъ было бы безцѣльно, такъ какъ политическій долгъ каждаго гражданина, т. е. военная служба и денежныя подати вездѣ одинаковы; оно было бы и недостижимо, ибо славяне никогда не были соединены политически и потому у нихъ нѣтъ общаго историко-поли-

тическаго сознанія; напротивъ того, у каждаго славянскаго племени политическая исторія протекала особнякомъ и нерѣдко даже между разными племенами возникали несогласія и раздоры. И въ дѣйствительности славянскій народъ ни въ цѣломъ, ни въ какой-либо части, или партіи его, не стремится къ политическому соединенію; ни въ Австріи, ни на Балканскомъ полуостровѣ, ни въ Россіи не существуетъ политико-панславистской партіи. Но славяне должны стремиться и дѣйствительно стремиться къ другому рода единенію, къ другому виду панславизма: къ историческому панславизму славянскихъ первоучителей Кирилла и Меодія, къ историческому панславизму ихъ достойнаго преемника св. Владиміра, то есть къ восстановленію Кирилло-Меодіевскаго просвѣтительнаго подвига, къ восстановленію народнаго и культурнаго единства. Благодаря подвигамъ св. Владиміра, русское племя осталось вѣрно этому преданію, этимъ основамъ народнаго и культурнаго единства славянскаго народа; оно осталось вѣрнымъ православнои церкви, кириллицѣ и древнеславянскому языку, изъ котораго развился міровой и литературный языкъ русскій. Сербамъ и болгарамъ также удалось сохранить православную церковь, одну изъ основъ славянскаго культурнаго единства, а потому имъ не можетъ быть затруднительно принять міровой языкъ русскій, какъ литературный для высшей науки. Западныя славяне: чехи, словаки, словенцы и хорваты должны возвратиться къ богослуженію на родномъ и искони присущемъ церкви древне-славянскомъ языкѣ, и они на самомъ дѣлѣ стремятся къ этому народному культурному единству всего славянскаго народа и предпочитаютъ поэтому языкъ русскій, единственный литературный языкъ славянскій, чтобы воспользоваться русской литературой, а видѣть съ тѣмъ и поддерживать свое племенное нарѣчіе. Русскій же языкъ одинъ только можетъ стать общеславянскимъ потому, что онъ развился изъ старославянскаго церковнаго, литературнаго языка, что онъ употребляется большимъ по численности славянскимъ племенемъ, признается міровымъ языкомъ и имѣетъ большую литературу.

Все это достижимо, и даже австрійскій основной государственный законъ предоставляетъ славянамъ право осуществлять народное и культурное единство безъ нарушенія вѣроподданческой преданности.

И славяне, подобно нѣмцамъ, должны быть однимъ народомъ, ибо отъ національнаго и культурнаго единства зависитъ могущество и сила народа, слѣдовательно культурное развитіе и міровое значеніе.

Славяне не только образуютъ единый историческій организмъ по финическому типу, но проявляютъ еще большее единство со стороны духовной, какъ наприм., въ нарѣчіяхъ, въ области повѣи, искусства музыки, народныхъ пѣсень и т. д.

По закону въ Австріи всѣ племена въ государствахъ пользуются одинаковыми правами и изъ этой равноправности славянъ съ нѣмцами вытекаетъ и возможность для славянъ въ нынѣшній торжественный день основать славянское школьное общество св. Владиміра по примѣру нѣмецкаго въ Берлинѣ или итальянскаго въ Римѣ. Что же касается народнаго и культурнаго единства славянскаго народа, то оно необходимо, возможно и законно, а стремленіе къ этому единству—къ народному и культурному панславизму—честно, ибо оно идетъ историческимъ путемъ, предначертаннымъ такими дѣятелями, которые причислены къ яку святыхъ, какъ кн. Владиміръ, и оба исполнителя славянскаго исторіи, первоучители Кириллъ и Меодій. Русскій на-

родъ можетъ гордиться тѣмъ, что въ царствованіе государя императора Александра Александровича состоялись торжества 900-лѣтія памяти св. Владиміра и 1,000-лѣтіе памяти святыхъ Кирилла и Меѳодія.

Рѣчь доктора Живнаго была встрѣчена единодушными и долгими рукоплесканіями. Затѣмъ, прочтенъ былъ гимнъ св. Владиміру, написанный К. Е. Случевскимъ и положенный на музыку В. И. Глазачевъ. Гимнъ этотъ былъ исполненъ хоромъ и по желанію присутствовавшихъ повторенъ. Затѣмъ, слово было предоставлено О. Э. Миллеру, очертившему исторически вліяніе христіанской религіи на народныя міровоззрѣнія. При Владимірѣ новая вѣра сразу переродила язычнковъ и сдѣлала ихъ нравственнѣе и добрѣе. Объ этомъ говорятъ лѣтописи и законодательства тогдашнихъ временъ, отрицающія убійства, милующія виновныхъ и основанныя на христіанской любви. Новая вѣра была принята добровольно, безъ принудительныхъ мѣръ и въ то время, когда въ Европѣ господствовала инквизиція, на Руси не было много меча, кромѣ духовнаго. Такъ было до XVII и XVIII вѣка; приближаясь къ этому времени законодательство дѣлается строже, введеніе цивилизаціи сопровождается кровавыми мѣрами и, затѣмъ, въ самый разгаръ «просвѣтительнаго» періода, въ разгаръ философствованій о гуманности, миллионы крестьянъ закрѣпощаются и получаютъ свободу только при гуманнѣйшемъ и полномъ чистой христіанской любви царствованіи императора Александра II. На этомъ мѣстѣ ораторъ былъ прерванъ сочувственными аплодисментами и въ дальнѣйшей рѣчи высказалъ надежду, что мы, такъ называемые интеллигенты, не сдѣлавшіе до сихъ поръ для простаго народа ничего, проникнемся духомъ христіанской любви, принесенной намъ съ крещеніемъ, и пополнимъ этотъ пробѣлъ, и тогда всѣ Юліаны отступники должны будутъ преклониться предъ нами и воскликнуть: «Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!»

Какіе существенные слѣды оставитъ послѣ себя это безпримѣрное въ лѣтописяхъ исторіи русское правдovanje годовщины христіанской Руси — покажетъ ближайшее будущее. Но если и не осуществится мысль Живнаго — объ учрежденіи славянскаго школьнаго общества, то, во всякомъ случаѣ, русское общество обѣихъ столицъ озаботится возведеніемъ въ нихъ, какъ и въ древнемъ столькомъ Кіевѣ, храма, достойнаго памяти великаго просвѣтителя Руси. Нынѣшнія церкви во имя князя Владиміра въ Петербургѣ, на Петербургской сторонѣ и въ Москвѣ — на Куляшкахъ замѣчательны одною своею древностію. Жаль также, что къ правдovanію 15-го іюля не успѣли отстроить церковь древняго Херсонеса, гдѣ русскій князь просвѣтился свѣтомъ христіанскаго ученія.

ЛѢТОПИСЬ
ПЕТЕРБУРГСКИХЪ ПРОВОДШЕШІЙ

1703—1879 гг.

И. И. КАРАТЫГИНА

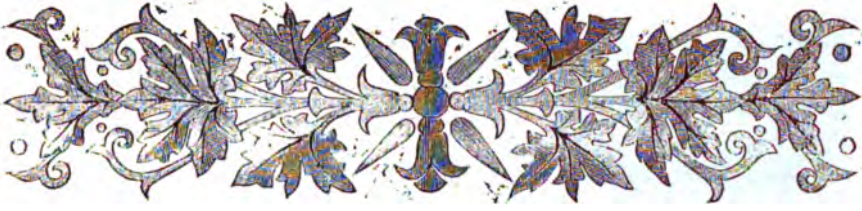
ПРИЛОЖЕНИЕ
къ
„ИСТОРИЧЕСКОМУ ВѢСТНИКУ“

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФИ А. С. СУВОРИНА. ВЪТЪЛЪВЪ ПЕР., 11—2

1888

ЛѢТОПИСЬ ПЕТЕРБУРГСКИХЪ НАВОДНЕНІЙ.

АВОДНЕНІЯ для Петербурга то же, что изверженія Везувія для Неаполя. Одно стѣитъ другому: тамъ — огонь, здѣсь — вода; но, нельзя не сознаться, что на долю Петербурга выпало изъ двухъ золь меньшее. «Вода — воръ, огонь — разбойникъ», говорятъ у насъ въ простонародьи: у первой все же что-нибудь да отнимешь; но второй — пожираетъ все, безвозвратно. Если жители Портичи и Соренто спокойно живутъ у подножія Везувія, то въ Петербургѣ, въ Галерной гавани, задолго до теперешняго укрѣпленія ея береговъ, жили и прожили цѣлыя поколѣнія, борясь, чуть не каждую осень, съ наводненіями и не соглашаясь переселиться изъ низменнаго родимаго уголка въ болѣе высокія и безопасныя части города. Привычка — вторая натура.

Несомнѣнно, что острова и побережья Невы подвергались опустошительнымъ наводненіямъ въ глубочайшей древности. Первое сказаніе лѣтописей о наводненіи въ Ижорскомъ краѣ находимъ подъ 6569—6572 годами (1061—1064 г.). Это было въ несчастное княженіе Изяслава (Димитрія) Ярославовича. Повѣствуя о злодѣйскихъ набѣгахъ половцевъ и усобицахъ удѣльныхъ князей, лѣтописецъ говоритъ, что всѣмъ этимъ бѣдствіямъ были «знаменія»: «рѣка Волховъ шла вверхъ пять дней; кровавая звѣзда цѣлую недѣлю являлась на Западѣ¹⁾; солнце утратило свое обыкновенное сіяніе и восходило безъ лучей, подобно мѣсяцу»... Слѣдовательно,

¹⁾ Пенгре (Péngre) въ своей «Кометографіи» говоритъ, что кометы являлись въ Европѣ повсемѣстно съ 1060 по 1065 г. съ 29 августа до половины мая.

(замѣчаетъ В. Н. Берхъ ¹⁾), надобно заключить, что Балтійское море, поднявшись въ то время до большой высоты, удержало воды Ладожскаго озера и заставило всѣ впадающія въ него рѣки принять противное направленіе.

Василій Никитичъ Татищевъ ²⁾ замѣчаетъ, что это могло быть отъ причины весьма естественной, а именно, весной, отъ скопленія льдовъ выше пороговъ. Н. М. Карамзинъ говоритъ: «Волховъ, дѣйствительно, течетъ иногда обратно въ озеро Ильмень». Съ этимъ мнѣніемъ можно бы согласиться, ежели бы обратное теченіе Волхова продолжалось не пять сутокъ, а нѣсколько часовъ. По новѣйшимъ свѣдѣніямъ, собраннымъ о рѣкѣ Волховѣ, извѣстно, что весной, когда ледъ, покрывающій рѣку, вдругъ взломаетъ, то въ узкихъ мѣстахъ образуются изъ него плотины, препятствующія настоящему теченію рѣки. Такъ какъ вода, прибывающая изъ Волховца съ быстротою, находитъ преграду, то и заставляеть рѣку Волховъ течъ въ озеро Ильмень, на нѣсколько часовъ, пока скопившійся ледъ промочетъ ³⁾.

Авторъ интересной книги: «Преобразованная (или Пересозданная) Россія», современникъ Петра Великаго—брауншвейгъ-люнебургскій резидентъ Фридрихъ-Христіанъ Веберъ ⁴⁾ сообщаетъ о наводненіи случившемся на берегахъ Невы до построенія С.-Петербурга. «Въ 1691 году»,—говоритъ онъ,—«было здѣсь наводненіе и простиралось до шведской крѣпости Нюнипанца, находившейся на рѣкѣ Охтѣ, разстояніемъ отъ нынѣшней Петропавловской крѣпости въ 5 верстахъ». Рыбаки, обитавшіе въ нынѣшней петербургской части), рассказывали ему, что черезъ каждыя пять лѣтъ случались здѣсь наводненія, отъ которыхъ они обыкновенно убѣгали на Дудергофскую гору. «Судя по рассказамъ ихъ, надобно полагать»,—продолжаетъ Веберъ,—«что вода поднималась на 25 футовъ выше ординара».

Хотя Веберъ не прилагаетъ доказательствъ, но зная, насколько было низменно тогда положеніе береговъ Невы и многихъ частей нынѣшняго Петербурга, съ нимъ легко можно согласиться, убѣждаясь еще болѣе тѣмъ, что ежели бы рыбаки знали поближе какое-нибудь мѣсто, не затопляемое водой, то не имѣли бы надобности ѣхать, или бѣжать для спасенія за 25 верстъ.

Затѣмъ, съ перваго же года основанія Петербурга, Нева, какъ бы вызывая Петра Великаго на борьбу съ собою, хлынула на создаваемый имъ городъ.

¹⁾ Подробное историческое извѣстіе о всѣхъ наводненіяхъ бывшихъ въ С.-Петербургѣ. Спб. 1826 г., 86 стр. въ 8 д. л.

²⁾ Род. въ 1686, † 1750 г. См. Карамзина, томъ II, примѣч. 113.

³⁾ Щекатовъ, Географическій Словарь, томъ I, стр. 1025.

⁴⁾ «Das Veränderte Russland», томъ III, стр. 19.

1703.

Со дня заложения Петербурга прошло лишь два мѣсяца; работы по возведенію бастионовъ Петропавловской крѣпости, по плану начертанному Петромъ, были въ полномъ разгарѣ, но 19-го августа внезапно были прерваны наводненіемъ; оно разнесло часть лѣса и строительныхъ матеріаловъ и превратило лагерь нашихъ войскъ, на рубежѣ нынѣшней Петербургской и Выборгской сторонъ, въ непроходимое болото. На другой же день начальствовавшій войсками, князь Аникита Ивановичъ Репнинъ¹⁾, писалъ государю, находящемуся тогда въ Лодейномъ Полѣ:

«Зѣло, государь, у насъ жестока погода с' моря и набиваетъ въ нашемъ мѣстѣ, гдѣ я стою съ полками, воды аж до моего ставишки; ночесъ въ Преображенскомъ полку в' полночь у харчевниковъ многихъ сонныхъ людей и рухлядь ихъ помочило, а жители здѣшнія, государь, сказываютъ, что во нынѣшнемъ времени всегда то мѣсто заливаесть».

1705.

Съ вечера, съ 4 на 5 октября, вода въ Невѣ поднялась на столько, что подмочила припасы, сложенные въ новыхъ амбарахъ, на адмиралтейскомъ дворѣ, уже обнесенномъ валомъ. Въ «Юрналѣ» Петра I говорится даже о потопленіи многихъ домовъ, однако же наводненіе, продолжавшееся лишь четыре часа, особенно сильныхъ поврежденій или убытковъ не причиняло.

1706.

Объ этомъ наводненіи государь писалъ А. Д. Меншикову:

«Третьяго дня (9-го сентября) вѣтромъ вестъ-зюйдъ такую воду нагнало, какой, сказываютъ, не бывало. У меня въ хоромахъ было сверху пола 21 дюймъ и по городу и на другой сторонѣ по улицѣ свободно ѣздили на лодкахъ. Однакожь не долго держалась: мевѣ трехъ часовъ. И зѣло было утѣшно смотрѣть, что люди по кровлямъ и по деревьямъ, будто во время потопа сидѣли — не точию мужики, но и бабы. Вода хотя и зѣло велика была, бѣды большой не сдѣлала. — Изъ Парадиза».

Парадизомъ, т. е. «раемъ», Петръ Великій называлъ свой возлюбленный Петербургъ. Съ этимъ прозвищемъ плохо ладится рассказъ о наводненіи и его сравненіе съ потопомъ: послѣдній, какъ извѣстно, случился послѣ изгнанія нашихъ прародителей изъ рая.

¹⁾ Родился въ 1668, умеръ въ Ригѣ 8 іюля 1726 года.

Резидентъ Веберъ говоритъ въ своей книгѣ о двухъ наводненіяхъ, бывшихъ въ 1713 году, при которыхъ всѣ острова были покрыты водою. Первое случилось ночью и жители, почти сонные, спасались въ уносимыхъ постройкахъ. За отсутствіемъ свидѣтельства русскихъ современниковъ можно заключить безошибочно, что онъ говоритъ объ одномъ изъ двухъ предъидущихъ. В. Н. Берхъ, почерпавшій извѣстія о наводненіяхъ при Петрѣ I изъ книги Вебера, не обошелъ бы молчаніемъ этого сообщенія иностраннаго писателя.

1707.

На другой день отъѣзда Петра I изъ Петербурга (2-го декабря) въ ночи съ 3-го на 4-е декабря была жестокая «буря съ моря», непродолжительная, которая однако же «наведеннымъ страхомъ дѣло у всѣхъ отъ рукъ отбила».

1710.

Въ «Юрналѣ» 1710 года записано: «Противъ 10-го дня декабря, въ ночи, на рѣкѣ Невѣ прибыла великая вода и той же ночи сошла вся; а на другой день, противъ 11-го числа въ ночь, также прибывала противъ прежней въ поля. И въ тотъ день былъ зѣло великой вѣтръ съ моря».

По поводу этого наводненія баронъ Генрихъ Гюйсенъ говоритъ въ своемъ описаніи Петербурга: «надо замѣтить, что при низменности мѣста, на которомъ построенъ С.-Петербургъ, каждый сильный вѣтеръ съ моря угрожаетъ большою опасностью и несчастіями. Въ мою бытность такая морская погода случалась два раза и какъ въ подобныхъ случаяхъ всѣ острова покрываются водою и часто приходится спасаться на шлюпкахъ, то покойному герцогу Курляндскому, ¹⁾ жившему у самой рѣки едва удалось сберечь свою жизнь. Особенно опасны и причиняютъ много вреда эти бури въ ночное время, какъ тоже однажды при мнѣ случилось, когда людей, еще не опомнившихся отъ сна, вдругъ понесетъ быстрина съ ихъ домами и скотомъ».

1715.

Этого наводненія, 5-го ноября, Веберъ былъ очевидцемъ. Вода возвысилась на 7 футовъ 4 дюйма. ²⁾ Вода, говоритъ онъ, снесла всѣ мосты и деревянныя укрѣпленія береговъ рѣки Невы. По описанію сему, замѣчаетъ В. Н. Берхъ (стр. 5), нельзя опредѣлить вы-

¹⁾ Мужъ цесаревны Анны Іоанновны, умершій на станціи Кигѣнь 9-го января 1711 года.

²⁾ Веберъ, т. I, стр. 469.

соту оной; но надобно замѣтить, что Исаакіевскаго моста чрезъ Неву тогда еще не было: первый мостъ поставленъ въ 1728 году. По мостамъ же, чрезъ малыя рѣчки наведеннымъ, нельзя сдѣлать заключенія, ибо берега оныхъ были тогда низки.

1716.

Наводненіе при жестокомъ штормѣ. Адмиралъ Алексѣй Ивановичъ Нагаевъ упоминаетъ въ своихъ запискахъ: «что отъ нея (т. е. отъ воды) вреда было въ С.-Петербургѣ, того я, пріѣхавъ туда въ октябрѣ, ни отъ кого не слыхалъ и самъ не видалъ. Въ Ревелѣ же военную шведскую гавань разорило и три корабля на берегъ выкинуло». О штормѣ въ Ревелѣ капитанъ-командоръ и начальникъ тамошняго порта Сиверсъ писалъ генералъ-адмиралу графу Ѳ. М. Апраксину ¹⁾ слѣдующее:

«Сіятельнѣйшій графъ генералъ-адмиралъ, мой милостивый государь Ѳеодоръ Матвѣевичъ! Писанія вашего высоко-графскаго сіятельства, ноября 5-го до 6-го чиселъ изъ Абова, сейчасъ получилъ, которыя меня въ такой великой печали еще обрадовали. Съ великою смертельною печалію принужденъ доносить вашему высокому графскому сіятельству, какая Божія воля, здѣсь, при Ревелѣ, чинилась причина.

«Сего ноября 10-го числа по утру, до свѣту, стала погода великая нордъ норд-вестъ и нордъ; отчего одинъ ящикъ изъ новой гавани изломался весь; къ ночи утихла погода. Ноября 12-го числа тише была и четыре корабля изъ новой гавани въ старую переехали.

«Сегожъ ноября 13-го числа въ 6 часу по полуночи, погода изъ моря зѣло сильна стала съ помянутымъ вѣтромъ; а въ 7 часу другой ящикъ изломался, и понесло опрокинувши его вверхъ, по первую рѣшетку съ камнями и съ пушками въ гавань, какъ первой ящикъ; а потому и фланка (флангъ) крайняя. А въ 3 часу по полудни тогожъ числа, два ящика изъ другой гавани, какъ въ чертежу нумерами показано; а въ 4 часу пополудни послѣдшій ящикъ изъ новой гавани понесло.

«Когда фланку крайнюю понесло, корабль «Антоній», который за оными ящиками стоялъ, поворотился и сталъ на якорѣ; но понеже онъ отъ мели недалеча, отъ великихъ валовъ стукнулъ на мель. И потомъ больно течь сталъ и потонулъ; а разбился меньше часа.

«Когда послѣдній ящикъ изъ первой гавани понесло и разломался, тогда корабль «Фортуна» сталъ на якорѣ; а отъ лѣсовъ понесло его близко мели; а какъ якорь сталъ держать, а онъ стукнулъ на мель, отчего онъ потонулъ. Однакожъ выше «Антонія» и не такъ разбитъ.

¹⁾ Род. въ 1661 † 1728.

«Я не могу вашему высоко-графскому сіятельству писать всѣ страхи и бѣды, которые терпѣли; а буду посылать завтра чрезъ Финляндію нарочнаго офицера до вашего сіятельства съ рапортомъ и вѣдомостями объ корабляхъ, что на нихъ повредилось.

«Какъ вчерась къ ночи утихло, начали достальныя корабли изъ новой гавани въ старую выводить; и сегодня всѣ сколько могли трудились ихъ перевести въ старую гавань, въ которую, умѣстятся; дабы ежели достальная гавань испортится (отъ чего Богъ сохрани) большой бѣды не достались; а тогда и андабры попадутъ.

«Могу донести вашему высоко-графскому сіятельству, что подѣ страхомъ не много людей у насъ пропало. Вашего сіятельства и проч. Петръ Сиверсъ. Ноября 15-го дня 1716 года въ Ревелѣ».

1720—1721.

Раскольники, ненавистники Петра, заклятые враги его преобразованій и нововведеній, всячески мутили народъ, во все продолженіе его царствованія, ложными чудесами и всякими нелѣпыми пророчествами. Такъ было, между прочимъ, въ 1720 г. Явился какой-то пророкъ-пустосвятъ, предсказывавшій, что ко дню зачатія Предтечи, 23-го сентября, съ моря нахлынетъ вода на городъ, выше всѣхъ прежнихъ водъ. Она затопитъ Петербургъ и изведетъ весь народъ за отступленіе отъ православія. На Петербургскомъ островѣ у Троицкой пристани, неподалеку отъ крѣпости, стояла древняя сосна, или ольха. Чухны, жившіе здѣсь еще до основанія Петербурга, рассказывали объ этомъ деревѣ чудеса. Ночью въ Рождественскій сочельникъ 1701 года падъ деревомъ явилось внезапное зарево отъ множества восковыхъ свѣчъ на немъ зажженныхъ. Чухны, надѣвъ топоръ на жердь, стали рубить сукъ на деревѣ, думая, что свѣчи спадутъ съ него. Свѣтъ, послѣ нѣсколькихъ ударовъ исчезъ, а отъ топора остался на деревѣ рубецъ, пальца въ два, на двѣ сажѣни отъ земли. Пророкъ говорилъ, что 23-го сентября вода покроетъ берегъ на высоту именно этой самой зарубки. И чухны и русскіе вѣрили этому вранью и жители Петербурга приуныли и стали переселяться съ низменныхъ береговъ Невы на мѣста болѣе высокія. Воздержимся отъ упрековъ нашихъ предковъ въ суевѣріи: Петербургъ повѣрилъ предсказанію о наводненіи въ 1852 году; вѣрилъ въ возможность столкновенія кометы съ землею—въ 1859, а лѣтъ пять тому| назадъ—въ близкое свѣтопреставленіе. Чтобы образумить суевѣровъ, Петръ Великій, призвавъ на берегъ Невы роту преображенцевъ, приказалъ имъ срубить чудесное дерево въ своемъ присутствіи: оно рухнуло, но пень остался и еще въ 1725 году его ходили смотрѣть какъ рѣдкость. У этого самаго пня пророка наказали кну-

томъ, надѣлавъ ему насѣчекъ много ниже намѣченной высоты наводненія, а народу внушили, чтобы онъ баснямъ не вѣрилъ. Однако же, говорятъ, будто наводненіе дѣйствительно случилось въ 1720 году, но только не въ то число, которое предсказывалъ пророкъ.

Но слово «говорять»—не авторитетъ: весьма часто самая наглая ложь пускается въ ходъ подъ этою эгидою, напоминающею фальшивое клеймо золотой пробы на мѣдномъ издѣліи. О наводненіи въ 1720 году не сохранилось никакихъ свидѣтельствъ, кромѣ слова: «говорять». Всего вѣрнѣе, что пророчество сбылось въ слѣдующемъ 1721 году, о которомъ сохранились свидѣтельства несомнѣнныя. Веберъ говоритъ: ¹⁾ «ноября 5-го по старому стилю, выступила Нева съ жестокостью изъ береговъ своихъ; ибо 9 дней сряду продолжался жестокой вѣтръ отъ юго-запада. Крѣпость, которую начали строить въ 1706 году и Ладожскій каналъ, начатый въ 1718 году, были повреждены и занесены во многихъ мѣстахъ пескомъ».

Берггольдъ оберъ-каммергеръ герцога Голштинскаго ²⁾ описываетъ несчастіе это слѣдующимъ образомъ: «Ноября 5-го 1721 года пошелъ я въ 11 часовъ до полудни во дворецъ (къ герцогу) слушать проповѣдь; но служба уже кончилась, ибо его высочество слѣпшилъ ѣхать къ графу Кинскому. Около сего времени вошелъ кто-то въ залъ и сказалъ: вода прибываетъ. Я вышелъ немедленно на улицу и увидѣлъ съ удивленіемъ, что она уже выступила изъ канала при коемъ стоялъ домъ нашъ. ³⁾ Испытавшіе несчастіе сіе прежде весьма перепугались, а особливо генераль-маіоръ Штейнфлихтъ и полковникъ Бонде, жившіе въ нижнемъ этажѣ. Сосѣдъ нашъ посланникъ Стамке пришелъ также въ страхъ, ибо ему случалось нерѣдко видѣть у себя во дворѣ воду и кушанье возили ему въ то время на лодкѣ, потому что кухня его была черезъ дворъ, въ значительномъ отдаленіи отъ занимаемыхъ имъ покоевъ».

«Помянутые господа, желая побывать дома, пошли виѣстѣ со мною; но мы не могли попасть чрезъ мостъ, ибо онъ покрытъ былъ водою и возвратились назадъ. Вскорѣ послѣ сего пошелъ я опять, изъ любопытства, къ ближнимъ каналамъ, и увидѣлъ въ маломъ каналѣ, находившемся между почтовымъ дворомъ и домомъ нашего герцога, огромную барку. На той сторонѣ (на Васильевскомъ островѣ) было еще ужаснѣе: вода дошла до оконъ кофейнаго дома и по всему пространству носилось множество равныхъ судовъ. Вода

¹⁾ Веберъ: томъ II, стр. 19.

²⁾ Супругъ цесаревны Анны Петровны—отецъ императора Петра III—Карлъ Фридрихъ Гольштейнъ-Готторпскій.

³⁾ Вѣроятно на Крюковомъ каналѣ.

преслѣдовала меня такъ сильно, что я убрался опять въ домъ нашего герцога, гдѣ нашелъ всѣхъ въ великой тревогѣ; ибо погреба и кладовыя наши затопило. Не взирая на такое положеніе воды, приказалъ герцогъ закладывать карету дабы ѣхать къ графу Клинскому. Мы представляли его высочеству, что это почти невозможно, ибо лежащій ему путь не удобенъ для ѣзды большимъ экипажемъ и въ сухое время. Не взирая на многія убѣжденія наши, сѣлъ герцогъ въ свою карету, запряженную 6-ю лошадьми и взялъ съ собою тайнаго совѣтника Гипена и подполковниковъ Лорха и Салдерна».

«Карета отправилась въ путь; но выѣхавъ на площадъ и усмотря, что всѣ маленькіе мосточки (Küppel Brücken) снесены были уже водою, заѣхалъ герцогъ къ тайному совѣтнику Бассевичу¹⁾ и рѣшился ждать тамъ пониженія воды. По отбытіи герцога занялись мы домашними работами, и, поелику вода шла еще на прибыль, перевели съ большимъ трудомъ лошадей нашихъ во второй этажъ. На улицу въ сіе время было страшно выглянуть: вода мчала съ неимовѣрною быстротою равныя суда и такое множество лѣсу, что мы не могли понять откуда оный берется».

«У насъ на дворѣ во время самой большой высоты воды доходила оная лошадямъ до брюха; но, по всѣмъ улицамъ можно было свободно ѣздить въ лодкахъ. Вѣтеръ былъ такъ жестокъ, что срывалъ черепицы съ кровель. Въ половинѣ второго часа пополудни начала вода сбывать; а въ 7 часовъ вечера не было уже оной совсѣмъ на улицахъ».

«Ноября 10-го 1721 года начала послѣ обѣда опять прибывать вода и въ 6 часовъ получено было извѣстіе отъ посланника Стамке, у котораго его высочество хотѣлъ ужинать, что каналъ, передъ домомъ его находящійся, наполнился уже водою. При семъ вторичномъ случаѣ приняли с.-петербургскіе жители всевозможную предосторожность, ибо сверхъ выше приведеннаго несчастія, напугалъ ихъ еще крестьянинъ, пророчившій, что весьма скоро будетъ опять вода на три локтя выше прежней. Не взирая на сіе извѣстіе, отправился герцогъ къ г. Стамке и, прибывъ туда, отослалъ карету домой, а приказалъ прислать себѣ баржу, ибо вода выступила уже на улицы. Посланникъ убѣждалъ герцога возвратиться домой, сказывая, что 6-го ноября подняла у него вода полы; что, вѣроятно, и теперь случится можетъ. Но его высочество, не уваживъ сихъ представленій, сказалъ рѣшительно, что онъ хочетъ здѣсь ужинать. Поелику кухня была чрезъ дворъ, то люди шли съ кушаньемъ по колѣно въ водѣ. За столъ сѣли мы очень хорошо и были вскорѣ

¹⁾ Графъ Гевинигъ Фридрихъ фонъ-Вассевичъ (род. въ 1680 † 1749). Авторъ любопытныхъ записокъ о послѣднихъ годахъ императора Петра Великаго и о царствованіи Екатерины I.

обрадованы извѣстіемъ, что вода сбываетъ. Въ 11 часовъ вечера возвратились мы домой въ баржѣхъ.

«Послѣ воды, случившейся 5-го ноября читанъ былъ на всѣхъ перекресткахъ при барабанномъ боѣ имянной указъ: какъ вода начнетъ прибывать, то весь рогатый скотъ и лошадей отсылать въ лѣсъ. Въ сей вечеръ были туда отосланы всѣ придворные лошади, какъ равно и наши; въ 9 часовъ утра привели ихъ обратно».

Алексѣй Ивановичъ Нагаевъ говоритъ: «въ 1721 году, въ октябрѣ и ноябрѣ была въ С.-Петербургѣ и въ Кронштадтѣ большая вода. Самъ я оной не видалъ; ибо командированъ былъ на Черную рѣчку рубить дрова для казармъ. Послѣ извѣстился я, что его императорское величество, во время той высокой воды и шторма, выѣхавъ на буерѣ изъ Зимняго дворца на лугъ, окружающій Адмиралтейство, изволилъ тѣшиться лавированіемъ между церковью св. Исаакія и греческою, что нынѣ (?) улица».

Вотъ что говоритъ Берггольцъ о государѣ: «когда мы прибыли на свою квартиру (5-го ноября), то послали меня во дворецъ узнать, возвратился ли его величество домой, или есть ли о его величествѣ какое извѣстіе. Поутру, еще до воды, отправился царь къ графу Кинскому и государыня не имѣла о немъ извѣстія цѣлый день, хотя и отправляла трехъ курьеровъ, изъ коихъ, говорятъ, одинъ потонулъ. Сей несчастный, прибывъ къ мосточку, и не зная, что оный уже унесенъ былъ водою, остушился и погрязъ въ водѣ. Прибывъ во дворецъ, поймалъ я насилию одного нѣмца, которому пересказавъ мое порученіе, получилъ чрезъ него слѣдующій отвѣтъ: «его величество уже часъ какъ пріѣхалъ отъ графа Кинскаго и изволилъ лежать въ постели».

Основываясь на словахъ графа Сапѣги, ¹⁾ Берггольцъ говоритъ, что отъ этого наводненія князь Меншиковъ потерпѣлъ убытку на 20,000 рублей.

1723.

Въ этомъ году были два наводненія: въ октябрѣ и въ ноябрѣ мѣсяцахъ.

Во второмъ томѣ Академическихъ актовъ профессоръ Крафтъ напечаталъ: «октября 2-го числа 1723 года, была опять большая вода, выше воды 1721 года на три дюйма». Но Крафтъ не упоминаетъ изъ какого источника почерпнулъ онъ это извѣстіе. Берггольцъ, въ это же время бывшій въ Петербургѣ, объ этомъ наводненіи не упоминаетъ ни слова, а говоритъ только, что «2-го октября въ 5 часовъ послѣ обѣда отправился государь со своею флотиліею въ Кронштадтъ». Слѣдовательно въ это число не было большой воды.

¹⁾ Временщикъ кратковременнаго царствованія Екатерины I, — фельдмаршалъ † въ февралѣ 1730 года.

«Октября 6-го числа,—продолжаетъ Бергхольцъ,—былъ государь съ государынею и всѣми знатными въ большой церкви. По окончаніи литургіи, дано было всѣмъ знать, чтобъ явиться въ два часа въ домъ къ князю Меншикову, дабы оттуда слѣдовать вмѣстѣ къ закладкѣ новаго Кронштадтскаго канала и доковъ. Хотя всѣ въ назначенное время собрались, но, поелику шелъ дождь, жестокой вѣтеръ еще продолжался и мѣсто, гдѣ намѣрены были дѣлать закладку, покрыто было водою, то процессію сію и отложили до другого времени». По этому разскаву можно принять, что 6-го октября была вода, но не очень высокая. Заключение это подтверждается нижеприведенными словами Бергхольца:

Ноября 8-го, 1723 года. «Въ сію ночь дулъ вѣтръ со всею жестокостію, и вода поднялась въ три часа такъ высоко, что выступила изъ всѣхъ каналовъ, и превзошла ту высокую воду, которая случилась въ тотъ день, какъ мы въ Кронштадтѣ были, на одинъ футъ». Происшествіе это нанесло множество беспокойства и причинило значительные убытки. Вѣроятно, покрыты уже были всѣ каналы и Нева до 8-го ноября льдомъ; ибо Бергхольцъ продолжаетъ: «ноября 9-го не было уже на рѣкѣ и каналахъ льда, и капитанъ Венсъ отправился до обѣда на шлюпкѣ въ Кронштадтъ». Въ календарѣ сказано: «1723 года, покрылась Нева льдомъ 16-го ноября». Вѣроятно, не упомянуто о томъ, что она прежде была покрыта льдомъ, потому, что оный разнесло.

1724—1725.

Опять обращаемся къ повѣствованіямъ Бергхольца.

«Ноября 1-го числа, въ 10 часовъ утра, была очень высокая вода во всемъ городѣ и жестокой морской вѣтръ. Во время возвышенія воды, когда вѣтръ дулъ со всею свирѣпостію, ѣхала государыня въ шлюпкѣ изъ Лѣтняго дворца, гдѣ она еще до сихъ поръ жила, на другую сторону, дабы помолиться въ церкви Живоначальной Троицы. Но когда ея величество прибыла къ «четыремъ фрегатамъ»¹⁾ на С. Петербургскую сторону, то вода была уже такъ высока, что нельзя было дойти до кареты».

«И такъ государыня отправилась въ обратный путь, но уже не въ свой Лѣтній дворецъ, а въ государевъ Зимній съ намѣреніемъ остаться тамъ жить. Ея величество, проѣзжая мимо крѣпости, салютовала оной тремя выстрѣлами и получила столько же въ отвѣтъ».

«Послѣ обѣда, ноября 2-го числа, возвратился государь въ

¹⁾ Такъ, по украшавшимъ его ворота моделямъ фрегатомъ, назывался кофейный домъ на Петербургской сторонѣ близъ деревянной пирамиды въ память морской битвы при Гангутѣ (27-го июля 1714), при которой взято было четыре шведскіе фрегата.

С.-Петербургъ. Во время вчерашняго шторма испыталъ его величество много опасностей на пути отъ Дубковъ. Одно изъ слѣдовавшихъ за нимъ судовъ погибло и два только человѣка спаслись съ онаго. Государь поставилъ яхту свою на два якоря и такъ провелъ всю ночь. Всѣ бывшіе на оной очень трусили».

Эта самая буря была отчасти причиною смерти Петра Великаго, въ январѣ слѣдующаго 1725 года. Онъ, уже больной, спасалъ утопавшихъ у береговъ Лахты; эта простуда ожесточила недугъ государя.

Профессоръ Крафтъ подъ 5 числомъ ноября 1725 года отмѣтилъ наводненіе: «жестокій вѣтръ отъ юго-запада,—говоритъ онъ,—продолжался съ 9 часовъ до полуночи». Но,—замѣчаетъ В. Н. Берхъ,—Крафтъ умалчиваетъ опять откуда почерпнулъ сіе свѣдѣніе (стр. 19—21) и въ опроверженіе авторъ «Историческаго извѣстія о наводненіяхъ» приводитъ выписку изъ Бергхольца о 1724 годѣ, относя его къ 1725. Промакъ тѣмъ болѣе грубый, что о Петрѣ говоритъ какъ еще о живомъ лицѣ. Нѣкоторые изъ нашихъ фельетонныхъ историковъ очень наивно повторили ту же ошибку.

1726.

Наводненій, въ этомъ году было три: 18-го сентября, въ октябрѣ и 1-го ноября.

О первомъ упоминаетъ Крафтъ, не показывая точной мѣры высоты воды.

О второмъ, свирѣпствовавшемъ въ Кронштадтѣ, говоритъ въ своихъ «Запискахъ» адмиралъ Семенъ Ивановичъ Мордвиновъ: «Въ октябрѣ 1726 года была большая вода отъ шторма съ моря, отчего весь Кронштадтъ потопленъ былъ, кромѣ высокаго мѣста, гдѣ нынѣ церковь Богоявленія, и Екатерининской улицы».

Крафтъ по поводу наводненія 1-го ноября говоритъ, что профессоръ Лейтманъ опредѣлилъ возвышеніе воды сверхъ Невскаго ординара на 8 футовъ и 2 дюйма съ дробями, т. е., что она была на 8 дюймовъ выше воды 1721 года. Изъ сего вывода, продолжаетъ Крафтъ, можно опредѣлять высоту водъ 1721, 1723 и 1725 гг. Вѣроятно, Крафтъ имѣлъ еще нѣсколько данныхъ, о коихъ умолчалъ.

Въ семь часовъ поутру 1-го ноября 1726 года, насталъ жестокий вѣтръ отъ юго-запада, продолжался въ одной силѣ шесть часовъ.

Алексѣй Ивановичъ Нагаевъ говоритъ объ этомъ наводненіи: «1726 года была въ Кронштадтѣ и въ Петербургѣ высокая вода; мнѣ случилось въ то время быть въ караулѣ въ кронштадтской цитадели. Вода выгнала насъ вечеромъ изъ каральнаго дома, вѣзаннаго во внутренность вала, и потомъ, прибывая постепенно, сло-

няла насъ съ банкета на банкетъ, потомъ и всю пупечную платформу покрыло, а по сему и должны мы были отсиживаться на цитадельскихъ пушкахъ, и были окачиваемы морскими валами, перекатывавшимися чрезъ цитадельскій брустверь. До полуночи пребывали мы въ отчаяніи живота; однако, Богъ спасъ всѣхъ насъ безъ упаду».

По случаю этого наводненія состоялся слѣдующій имянной указъ:

«Понеже въ прошломъ 1721, ноября 5 и въ нынѣшнемъ 1726 ноября 1-го числа, отъ прибылой, нечаянной воды, за нивостью здѣсь въ строеніяхъ, обывателямъ есть не безъ разворенія; того ради, сожалѣя о нихъ, ея императорское величество указала: для опасности отъ такой же воды, всякое строеніе впредь кому гдѣ надлежитъ строить, выше нынѣшней бывшей воды на футъ, и для того вездѣ на строеніяхъ поставить знаки; о чемъ въ народъ и архитекторамъ объявить. Екатерина. Ноября 21-го дня 1726 года».

Чулковъ говоритъ, что послѣ этого наводненія образовался на Малой рѣкѣ Невѣ небольшой новый островъ, который, отъ пустоты, названъ островъ Вуянъ. На семъ островѣ, продолжаетъ онъ, по близости онаго отъ биржи и купеческой корабельной пристани, построены пеньковые и масляные амбары ¹⁾.

1729.

Октября 12, отъ жестокаго юго-западнаго шторма вода поднялась до 7 футовъ 1 дюйма и затопила всѣ острова. Людей погибшихъ отъ наводненія не было; но истреблено много скота и домашней птицы. Изъ низменныхъ частей города наиболѣе пострадали Васильевскій островъ и Коломна. Охотники до таинственныхъ сближеній событій историческихъ съ явленіями естественными говорили впоследствии, что это наводненіе было предвѣстникомъ смерти князя Меншикова: черезъ десять дней, именно 22 октября, онъ тихо угасть въ далекомъ, пустынномъ Березовѣ.

1732.

Крафтъ упоминаетъ, что 15 сентября была высокая вода; но, вѣроятно, онъ не имѣлъ случая собрать объ ней свѣдѣнія, ибо не показалъ высоты. По рапорту вице-адмирала Сандерса, исправлявшаго должность главнаго командира въ Кронштадскомъ портѣ, видно, что въ эту воду попортило въ Кронштадтѣ много зданій, а особенно новый каменный каналъ (Верхъ, стр. 25).

¹⁾ «Историческое описаніе Россійской коммерціи», т. VIII, стр. 737.

П. Н. Петровъ въ своей «Исторіи Петербурга» говоритъ, что наводненіе было 19-го сентября, кончилось оно скоро безъ большого вреда, хотя вода и выходила на берегъ во всѣхъ сколько-нибудь низменныхъ мѣстахъ (стр. 276).

1736.

Годъ достопамятный двумя противоположными бѣдствіями, постигнувшими Петербургъ: пожаромъ и наводненіемъ. Первый—11 августа начался въ самый полдень въ домѣ, занятомъ персидскимъ посломъ, Ахметъ-ханомъ, на Мойкѣ у Зеленаго (нынѣшняго Полицейскаго) моста. Быстро распространившееся пламя охватило многія зданія по набережной, Гостинный дворъ (нынѣшній домъ Елисеѣва) и въ теченіе восьми часовъ испепелило часть города отъ Зеленаго моста до церкви Вознесенія.

О наводненіи Крафтъ говоритъ: 10-го сентября были почти всѣ части города затоплены. Вѣтеръ дулъ отъ запада съ такою жестокостію, что, по наблюденію, оказалось, что онъ пробѣгалъ въ одну секунду 123 фута.

1744.

Два наводненія: 17-го августа и 9-го сентября. При первомъ жестокой, сѣверо-западный вѣтеръ поднялъ воду на высоту 7 футовъ. Сентября 9 задулъ поутру сильный вѣтеръ отъ востока, выгнавшій почти всю воду изъ каналовъ. Послѣ обѣда вѣтеръ началъ отходить и, установясь отъ юго-запада, дулъ съ неизмѣрною жестокостію всю ночь. Крафтъ говоритъ, что наводненіе было очень велико, но высоты воды не означаетъ (Берхъ, стр. 26).

1752.

По свидѣтельству Крафта, 22 октября, поднялась вода при западномъ вѣтрѣ до высоты 8 футовъ 5 дюймовъ, что означено и на крѣпостныхъ воротахъ. Октября 25 вода поднялась до высоты 6 футовъ; 26 числа до 7 футовъ; а 28 числа достигла опять до 6 футовъ и хотя отъ запада дулъ очень умѣренный вѣтеръ, но она простояла въ такомъ положеніи цѣлыя сутки. Впослѣдствіи получено было свѣдѣніе, что въ Балтійскомъ морѣ былъ жестокой юго-западный вѣтеръ. Декабря 11 дулъ западный вѣтеръ и вода поднялась опять до высоты 7 футовъ; но неизвѣстно долго ли оставалась въ такомъ положеніи.

Другой историографъ наводненій, Тукъ, говоритъ: «Октября 22-го числа, въ 10 часовъ вечера, насталъ жестокой штормъ отъ юго-запада, причинившій мгновенное наводненіе. Вода поднялась до высоты 9½ футовъ сверхъ ординара; всѣ острова и части города,

исключая Литейную и мѣста около Навскаго монастыря лежація, покрыты были водою. Вскорѣ послѣ полуночи сбыла вода съ тою же быстротою. Замѣчательно, что 25 и 27 чиселъ поднималась вода до 7 футовъ, а 28 октября, не взирая на безвѣтріе, стояла она цѣлыя сутки и причинила много вреда жителямъ Васильевскаго острова».

А. И. Нагаевъ пишетъ: «1752 года въ октябрѣ, была здѣсь въ С.-Петербургѣ вода больше всѣхъ прежнихъ большихъ водъ. Передъ бывшею на Васильевскомъ островѣ Морскою академіею, что нынѣ Академія Художествъ, была она выше ординарной въ Невѣ воды $9\frac{1}{2}$ футами англійскими. Покойный генералъ баронъ фонъ-Люберасъ сообщалъ мнѣ тогда, что въ Кронштадтѣ тажъ вода была выше ординарной кронштадской воды 7 футами».

С. И. Мордвиновъ говоритъ въ своихъ «Запискахъ»: «въ исходѣ октября, ночью, была вода чрезвычайно велика; весь С.-Петербургъ былъ въ водѣ. Въ то же самое время былъ въ Матисовой слободѣ пожаръ».

1754.

7-го и 8-го мая вода достигала высоты болѣе 5 футовъ.

1756.

Изъ реестровъ Крафта видно, что 29-го сентября, этого года, вода поднималась до высоты 7 футовъ 3 дюймовъ; но показаніе это несогласно съ нижеприводимымъ рапортомъ контръ-адмирала Полянскаго, который говоритъ, что высота воды въ Кронштадтѣ была, при жестокомъ вѣтрѣ отъ запада, 5 футовъ 4 дюйма; то соображая оную съ прочими наводненіями, надобно заключить, что въ С.-Петербургѣ была высота воды по самой малой мѣрѣ 8 футовъ.

Рапортъ. «Сентября 29-го числа при жестокомъ вѣтрѣ отъ W, прибыло воды сверхъ ординара 5 футовъ 4 дюйма, отъ котораго шторма два галіота бросило на военную гавань, изъ которыхъ одинъ, пришедшій изъ Ряги съ алебастромъ, у самой военной гавани потонулъ; а другой налившись водою. Впрочемъ, отъ сего шторма никакого вреда не учинилось, кромѣ, что стоящій въ Купеческой гавани на мели плывучій докъ поломалъ нѣсколько свай. Октября 2-го дня 1756 года. Контръ-адмиралъ Андрей Полянскій».

1757.

Надобно полагать, что въ 1757 году была очень жестокая буря, чему нижеслѣдующій сенатскій указъ служить доказательствомъ. У Крафта показана высота воды въ С.-Петербургѣ, октября 16-го

числа—6 футовъ; слѣдовательно была она по этому размѣру менѣе 4 футовъ въ Кронштадтѣ. Впрочемъ, можетъ быть Крафту до- ставленно невѣрное свѣдѣніе. Въ сенатскомъ указѣ сказано, что льдами повредило крѣпость и цитадель; но по календарю видно, что въ 1757 году стала Нева съ 19-го на 20-е число ноября; а по- этому и надобно заключить, что послѣ сихъ чиселъ была опять буря и высокая вода, взломавшая ледъ.

Указъ. «Состоящія въ Кронштадтѣ— кронштадтскую и цита- тельскую крѣпости, кои пришли уже въ ветхость, къ тому же и въ прошедшую осень отъ бывшихъ льдовъ съ большими водами учинилось онымъ великое поврежденіе, такъ, что и пушечныхъ выстрѣловъ вытерпѣть не могутъ, и, мѣстами, каменья высыпаются, исправить и возобновить отъ конторы кронштадтскихъ строеній. Іюля 6-го числа 1758 года».

Въ 1759 году октября 6-го—вода достигала высоты болѣе шести футовъ.

Въ 1760 году октября 8-го—высота воды достигала до 5 футовъ. Наводненіе повторилось въ тѣхъ же размѣрахъ 10-го декабря того же года ¹⁾.

1762.

Годъ воцаренія Екатерины II былъ ознаменованъ бурями и наводненіемъ. О послѣднемъ В. Н. Берхъ (стр. 13), пишетъ:

«Въ 1762 году, въ августѣ, была очень жестокая буря отъ SW (юго-запада). По рапорту секундъ-интенданта кронштадтскаго порта, Ивана Тимоосевича Голеницева-Кутузова, видно, что стоявшіе въ гавани корабли сорвало со швартововъ и весьма сильно повредило. Нѣкоторые изъ нихъ, говоритъ онъ, толкаясь другъ о друга, пере- ломали мачты, и бугшприты; не взирая на сію жестокою бурю отъ SW, не встрѣтилъ я никакихъ свѣдѣній о наводненіи. У Крафта показано: 9-го августа при SW вѣтрѣ высота воды сверхъ орди- нара 3 фута. Сильная буря разразилась надъ Петербургомъ 25-го августа того же 1762 года».

Въ 1763 году были два наводненія: 8-го октября и 18-го но- ября—вода въ обоихъ случаяхъ превышала 5 футовъ ²⁾.

1764—1775.

Съ 18-го по 22-го ноября воды Невы, при совершенномъ без- вѣтріи, стояли отъ 7 до 8 футовъ выше ординара.

Въ 1765 году 24-го и 25-го ноября вода достигала высоты 5 футовъ.

¹⁾ И. Пущкаревъ «Описание С.Петербурга», изд. 1838 г., стр. 32.

²⁾ И. Пущкаревъ, стр. 32.

«истор. вѣстн.», августъ, 1888 г., т. XXXIII.

Въ 1767 году два наводненія: 10-го іюня и 26-го сентября—
свыше 5 футовъ.

Въ 1772 году 31-го декабря наводненіе при той же высотѣ воды.

Въ 1773 году 14-го декабря—та же высота.

Въ 1775 году подобныя же два наводненія: 15-го іюня и 16-го
августа ¹⁾).

1777.

Объ этомъ, страшномъ, по своимъ размѣрамъ и опустошеніямъ,
наводненія сохранились рассказы четырехъ очевидцевъ: Тука,
Крафта, Георги и императрицы Екатерины II.

Тукъ, писавшій въ 1799 году, говорить: «Послѣднее и самое
разрушительное наводненіе случилось 10-го сентября 1777 года,
три дня послѣ новолунія и во время самого низкаго стоянія баро-
метра. Почти весь Петербургъ былъ на два локтя подъ водою, а
Васильевскій островъ и Петербургская сторона претерпѣли весьма
много: малые дома, мосты и деревья сдѣлались жертвою сего на-
водненія. Галіоты, боты и большія барки причинили также неимо-
вѣрный вредъ, ибо плавали по улицамъ. Ежели бы Балтійское
море имѣло приливы и отливы, то не мудрено, что въ Петербургѣ
поднялась бы вода въ сіе время, подобно какъ въ Бристолѣ, до 50
и 60 футовъ».

Академикъ Крафтъ сообщаетъ слѣдующія подробности:

«Сентября 9-го числа было небо облачное, склонное къ дождю,
сильный вѣтръ отъ SW (Ю. З.) и барометръ началъ опускаться
примѣтно, такъ, что къ полуночи упалъ онъ до 27 дюймовъ 5 ли-
ній. Не взирая на сія явные признаки, непримѣтно еще было по-
вышенія воды. Послѣ полуночи началъ вѣтръ свѣжѣть и отходить
къ западу, бывъ сопровождаемъ порывами до 7 часовъ утра (10-го
числа). Въ продолженіе сего жестокаго вѣтра, выступила Нева, въ
5 часовъ утра, изъ береговъ и наводнила мгновенно низменные
части города. Въ 6 часовъ утра было самое высокое возвышеніе
воды: 10 футовъ и 7 дюймовъ, сверхъ ординара. Вскорѣ послѣ
того отошелъ вѣтръ къ NW и вода начала сбывать съ такою ско-
ростію, что къ 7 часамъ утра понизилась она на одинъ футъ, а
въ полдень вступила въ берега. Во время сего наводненія замѣ-
чено, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Васильевского острова били под-
земные ключи.

«Въ Кронштадтѣ начала выступать вода изъ береговъ, между
4 и 5 часами утра. Самая большая высота оной была 7 футовъ
6 дюймовъ. Слѣдовательно была вода сія ниже петербургской 3 фут.
1 дюймомъ. Замѣчательно, что въ наводненіе 1752 года была вода

¹⁾ И. Пушкиревъ, стр. 32.

въ Кронштадтѣ высотой 6 ф. 6 дюйм., а въ С.-Петербургѣ 8 ф. 5 дюйм. т. е. разность между сими двумя водами простиралась только до 1 фут. 11 дюймовъ.

«Во время сего наводненія замѣтили въ Шлюссельбургѣ необыкновенное положеніе воды: 10-го сентября въ 5 часовъ утра сбывла тамъ вода до того, что всѣ суда обмѣляли. Причиною сему было то, что сильный юго-западный вѣтръ отогналъ всю воду отъ Шлюссельбурга къ берегамъ Ладожскаго озера.

«По рассказамъ корабельщиковъ была въ Балтійскомъ морѣ 9-го сентября жестокая буря отъ SW. (юго-запада)».

Георги въ своемъ описаніи Петербурга говоритъ (стр. 41): «передъ наводненіемъ, бывшимъ 10-го сентября 1777 года, продолжалась буря уже два дня сряду, при западномъ и юго-западномъ вѣтрѣ; возвышеніе воды продолжалось до 9 часовъ утра, доколѣ вѣтръ началъ утихать; вода потомъ стекла столь скоро, что въ 12 часовъ, т. е. въ самый полдень, уже берега не были болѣе объемлемы водою. Отъ сего наводненія освобождены были токмо Литейная и Выборгская части города; въ частяхъ же, понятыхъ водою, оно и въ маловременномъ своемъ продолженіи причинило весьма великій вредъ. Суда были занесены на берегъ. Небольшой купеческій корабль переплылъ мимо Зимняго дворца чрезъ каменную набережную; Любской, яблоками нагруженный корабль, занесенъ былъ вѣтромъ на 10 сажень отъ берега въ лѣсъ, находящійся на Васильевскомъ островѣ, въ коемъ большая часть наилучшихъ и наиблагодѣйнейшихъ деревъ отъ селъ бури пропала. По всѣмъ почти улицамъ, даже и по Невской перспективѣ, ѣздили на маленькихъ люлькахъ. Множество оградъ и заборовъ опрокинуто было; малые деревянные дома искривились отъ жестокаго сотрясенія ими претерпѣннаго; даже нѣкоторыя самыя маленькія хижины неслись по водѣ и одна изба переплыла на противулежащій берегъ рѣки. Буря не токмо препятствовала истеченію рѣчной воды въ море, но и самая морская вода стремилась въ устья рѣки, какъ то и особливо примѣчено было при устьѣ Малой Невы. Сіе наводненіе случилось во время ночи: почему множество людей и скотовъ пропало».

Въ дополненіе къ этимъ свѣдѣніямъ прибавимъ еще слѣдующія: Буря нанесла огромный вредъ садамъ и роцамъ Петербурга. Богачъ Яковлевъ, владѣлецъ дачи на Петергофской дорогѣ, публиковалъ въ вѣдомостяхъ о продажѣ двухъ тысячъ мачтовыхъ деревьевъ, вырванныхъ этою бурей съ корнемъ. Въ Лѣтнемъ саду она поломала и повредила множество липъ изъ которыхъ нѣкоторыя инвалиды до нынѣ скрѣплены желѣзными скобками и подперты костылями¹⁾; та же буря разрушила въ Лѣтнемъ саду и фонтаны

¹⁾ Такъ говоритъ г. Пыляевъ («Старый Петербургъ» стр. 109—110), но едва ли эти скобки и костыли могли сохраниться въ теченіе 110 лѣтъ, послѣ многихъ буръ и наводненій 1824 и 1879 годовъ.

послѣ того уничтоженныя. Повалено повсемѣстно множество оградъ, заборовъ, палисадинокъ. На Смоленскомъ кладбищѣ повреждена церковь (нынѣшняя малая св. Троицы), размыты окружавшіе его валы, многія могилы. Лавки въ Андреевскомъ рынкѣ, на Петербургской, и повсемѣстно, кромѣ Гостиннаго двора (каменные) были уничтожены съ товарами. Въ обѣихъ Коломнахъ, на Мѣщанской, болѣе ста домовъ со всѣми строеніями и людьми разнесло; на взморьѣ смыло острогъ съ находившимися въ немъ арестантами въ числѣ трехсотъ человекъ. Разливъ захватилъ окрестности столицы на одиннадцать верстъ и когда сбыла вода—трупы людей и животныхъ валялись по полямъ и по дорогамъ.

Гибель цѣлаго острога съ арестантами послужила поводомъ къ городскому слуху о потопленіи многихъ арестантовъ въ Петропавловской крѣпости и въ числѣ ихъ, содержавшейся въ Алексѣевскомъ рavelинѣ, княжна Таракановой—выдававшей себя за дочь императрицы Елисаветы Петровны отъ брака ея съ Алексѣемъ Разумовскимъ. Это преданіе послужило сюжетомъ для множества романтическихъ сказокъ иностраннымъ писателямъ—и для прекрасной картины покойному Флавицкому. Сказочники и художники, какъ и поэты полны въ сіюемъ творчествѣ, но исторіи требуетъ правды и рушится вымыслами. По поводу картины «Княжна Тараканова» покойный М. Н. Лонгиновъ напечаталъ въ «Русскомъ Архивѣ» (1866 г. стр. 651—656) слѣдующую любопытную замѣтку:

«Дочь Елисаветы, или самозванка - авантюристка, Тараканова, арестованная Алексѣемъ Орловымъ въ Ливорнской гавани (12-го февраля 1765 года) была привезена, въ началѣ мая, Грейгомъ, въ Петербургъ и заключена въ казематъ Алексѣевского ravelина.

«У ней уже тогда была чахотка въ довольно сильной степени, а къ зимѣ конецъ ея видимо приближался. Тараканова слѣдовала всегда обрядамъ римско-католической церкви и была даже въ Италіи въ связяхъ съ іезуитами, надѣясь на ихъ помощь. Но передъ смертью она захотѣла непременно исповѣдаться и причаститься у православнаго священника. Вѣроятно, что такая странность происходила отъ непреодолимаго желанія убѣдить другихъ въ истинѣ происхожденія, которое она себя приписывала и показать, что она исполняла будто бы чуждые ей католическіе обряды только потому, что жила на чужбинѣ, гдѣ не было служителей церкви православной, въ лонѣ которой она, будто бы, родилась и была воспитана въ дѣтствѣ. Дѣло было затруднительное. Тараканова не знала русскаго языка, который также будто бы забыла, будучи увезена въ дѣтствѣ за границу. Она знала по-французски и по-нѣмецки. Послѣ разныхъ поисковъ нашли священника (имя его я забылъ и не записалъ) церкви на Невскомъ проспектѣ (на мѣстѣ, гдѣ теперь Казанскій соборъ) знавшаго нѣмецкій языкъ. На немъ исповѣдалъ онъ Тараканову, 30-го ноября 1775 года, и донесъ о томъ, что слышалъ

отъ нея, начальству. Она каялась во многихъ грѣхахъ, преимущественно любовныхъ; но твердо и постоянно стояла на томъ, что ея происхожденіе именно то, которое она себѣ всегда приписывала. Съ этимъ она умерла 4-го декабря 1775 года, то есть слишкомъ за два года до наводненія, во время котораго она будто бы погибла. Этимъ оканчивается разсказъ графа Влудова о заточеніи и смерти Таракановой.

«Впрочемъ, мнѣ (Лонгинову) достовѣрно извѣстно, что преданіе о гибели Таракановой во время наводненія существовало издавна: извѣстный авантюристъ Винскій, котораго любопытныя записки были въ рукахъ покойнаго А. И. Тургенева, рассказываетъ въ нихъ, что вскорѣ послѣ наводненія 1777 года его посадили въ крѣпость за какія-то продѣлки, что онъ увидѣлъ на стѣнѣ своего каземата слова: «о, diol!» и что сторожъ разсказалъ ему о заточеніи Таракановой, бывшей будто бы беременною, въ этомъ же казематѣ и о гибели ея во время наводненія. Хотя разсказъ этотъ и близокъ къ событію, но неопровержимые документы доказываютъ, что или сторожъ ошибся или солгалъ, или же что самъ Винскій выдумалъ для чего либо небывалый случай.

«Г. З., хорошо знакомый съ мѣстностію, говорилъ мнѣ въ прошломъ году, что въ 1826 году, на небольшой площадкѣ, обращенной въ садикъ, близь Алексѣевского рavelина, находилась насыпь, и старожилы крѣпости говорили ему, что это могила Таракановой».

Всѣ эти свѣдѣнія были сообщены М. Н. Лонгинову въ 1860 году графомъ Дмитріемъ Николаевичемъ Влудовымъ, читавшимъ всѣ подлинныя современныя бумаги, касающіяся поимки Таракановой въ Италіи, пребыванія ея въ крѣпости и ея кончины и докладывавшій это дѣло, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, покойному государю (Николаю Павловичу) въ 1828 году. «Такимъ образомъ», говоритъ Лонгиновъ— «я могу сообщить публикѣ истину, которую она услышитъ еще въ первый разъ, не будучи принуждена сомнѣваться въ чемъ-либо: я тогда же записалъ разсказъ графа, который и передаю теперь читателямъ».

Императрица Екатерина II—очевидица наводненія 1777 года писала о немъ Гримуу:

«Я очень рада, что вчера въ полдень, возвратилась въ городъ изъ Царскаго. Была отличная погода; но я говорила: «посмотрите, будетъ гроза» потому, что наканунѣ мы, съ княземъ Потемкинымъ, воображали себѣ, что беремъ крѣпость штурмомъ. Дѣйствительно, въ девять часовъ пополудни, поднялся вѣтеръ, который началъ съ того, что порывисто ворвался въ окно моей комнаты. Дождикъ шелъ небольшой; но, съ той минуты, понеслось въ воздухѣ все, что угодно: черепицы, желѣзные листы, стекла, вода, градъ, снѣгъ. Я очень крѣпко спала. Порывъ вѣтра разбудилъ меня въ пять часовъ. Я позвонила и мнѣ доложили, что вода у моего

крыльца и готова залить его. Я сказала: «если такъ, то отпустить часовыхъ съ внутреннихъ дворовъ; а то, пожалуй, они вздумаютъ бороться съ напоромъ воды и погубить себя»; сказано, сдѣлано; желая узнать поближе, въ чемъ дѣло, я пошла въ Эрмитажъ. Нева представляла зрѣлище разрушенія Иерусалима. По набережной, которая еще неокончена, громоздились трехмачтовые, купеческіе корабли. Я сказала: «Воже мой?—Виржа перемѣнила мѣсто, графу Михаилу придется устроить таможенно тамъ, гдѣ былъ эрмитажный театръ». Сколько разбитыхъ стеколъ! Сколько опрокинутыхъ горшковъ съ цвѣтами! И какъ будто подстать цвѣточнымъ горшкамъ, на полу и на диванахъ лежали фарфоровые горшки съ каминновъ. Нечего сказать, тутъ-таки похоронили! И къ чему это? Но, объ этомъ нечего и спрашивать. Нынче утромъ ни къ одной дамѣ не придетъ ее парикмахеръ, не для кого служить обѣдню и на куртажъ будетъ пусто. Кстати, десертъ Бретѣйля ¹⁾ (который давно прибылъ и опочилъ послѣ трудовъ и опасностей, весь цѣлый, не надтреснутый и не разбитый въ послѣдней комнатѣ Эрмитажа) нынѣшнею ночью едва не сдѣлался жертвою урагана. Большое окно упало на землю подлѣ самого стола, весьма прочнаго, на которомъ десертъ разставленъ, вѣтромъ сорвало съ него тафтяную покрывку, но десертъ остался цѣлехонекъ.—Обѣдаю дома, вода сбыва и, какъ вамъ извѣстно, я не потонула. Но еще немногіе показываются изъ своихъ берлогъ. Я видѣла, какъ одинъ изъ моихъ лакеевъ подхѣхалъ въ англійской коляскѣ; вода была выше задней оси, и, лакей, стоявшій на запяткахъ, замочилъ себѣ ноги. Но довольно о водѣ, поговоримъ о винѣ: погреба мои залиты водою, и Богъ вѣсть, что съ ними станется. Прощайте; четыре страницы довольно во время наводненья, которое съ каждымъ часомъ уменьшается».

Вѣрная себѣ самой, императрица писала Гримму о страшномъ наводненіи тѣмъ же шутивнымъ тономъ, какимъ, три года тому назадъ писала Вольтеру о Пугачевщинѣ. Но и здѣсь, какъ тогда, она бодрилась, не желая обнаружить душевной тревоги и обращенія къ Божіей помощи предъ философомъ и безбожникомъ. Въ разгаръ наводненія она приказала дворцовому священнику служить молебень, при чемъ сама усердно молилась съ колѣнопреклоненіемъ. По минованіи опасности, она призвала къ себѣ во дворецъ оберъ-полицеймейстера Николая Ивановича Чичерина и вотъ, что по этому поводу рассказываетъ маститый г. Кичеевъ («Русскій Архивъ» 1866 г. изд. второе, стр. 981).

«... Когда онъ явился, то императрица дала себѣ трудъ встать, поклониться въ поясъ и изволила сказать:

¹⁾ Род. въ 1738 † 1807. Министръ внутреннихъ дѣлъ во Франціи послѣ Некера въ 1789. Дежоне (dejeune) сервизъ для завтрака.

— Благодарствуй, Николай Ивановичъ! По милости твоей погибло нѣсколько тысячъ (?) моихъ добрыхъ подданныхъ!

«Этотъ неожиданный и ироническій выговоръ отъ великой государыни до того тронулъ генерала Чичерина, что съ нимъ тутъ же во дворцѣ сдѣлался ударъ. Его чуть живого отвезли домой и онъ вскорѣ умеръ.

«Маркова ¹⁾ велѣно было отставить отъ службы, впредь не опредѣлять ни къ какимъ должностямъ и выслать изъ Петербурга въ 24 часа, что въ точности и исполнено.

«Конечно (воскликаетъ г. Кичеевъ) можетъ показаться неправдоподобнымъ, какимъ образомъ великая и премудрая государыня, даже вопреки правдивой пословицѣ, что и царь воды не удержитъ, такъ легко повѣрила явной и наглой клеветѣ на Чичерина и Маркова? Но все это будетъ понятно, когда вспомнимъ, что сердце Царевы въ рудѣ Вожіей».

Будетъ еще понятнѣе, если мы скажемъ, по свидѣтельству того же г. Кичеева, что Чичеринъ былъ большой руки взяточникъ, а Марковъ—его правою рукою. Хотя оба были обвинены въ томъ, что наводненіе постигло столицу, вслѣдствіе безпорядочнаго содержанія городскихъ сточныхъ трубъ—но это было только предлогомъ къ ихъ увольненію за взяточничество, доходившее чуть не до грабежа. Нѣтъ худа безъ добра! Вода смываетъ грязь, а наводненіе смыло двухъ грязныхъ людей.

В. Н. Берхъ, авторъ книги: «Подробное историческое извѣстіе о всѣхъ наводненіяхъ бывшихъ въ С.-Петербургѣ» (Спб. 1826 г. 86 стр. въ 8 л. л.) приводитъ слѣдующіе документы, относящіеся до наводненія 1777 года ²⁾.

Нѣкоторыя общія замѣчанія о разлитіяхъ.

Три обстоятельства въ семь случаѣ заслуживаютъ вниманія:

- 1) Состояніе луны.
- 2) Годовое время.
- 3) Вѣтръ.

По большей части наводненія случались около полной луны.

Наводненіе 1721 года было въ день полной луны, а въ 1826 году, одинъ день спустя. Въ разсужденіи же годового времени, наводненія въ Невѣ бывали всегда осенью. Опытномъ извѣстно, что осенью вода бываетъ въ морѣ выше, и отъ поверхности земной она не столь глубока, въ сіе время года, какъ весною. Что принадлежитъ до вѣтра, то предлежитъ разсмотрѣнію:

¹⁾ Взятчикъ, казнокрадъ, развратникъ, тиранъ своихъ дѣтей и крѣпостныхъ. Онъ былъ послѣднимъ убитъ въ своемъ имѣннѣ подъ Москвою, 14-го сентября 1812 года.

²⁾ В. Н. Берхъ, стр. 37—59.

- 1) Съ которой стороны его стремлѣніе.
- 2) Положеніе Балтійскаго моря.
- 3) Паденіе въ него Невы.
- 4) Ладожское озеро.

Вода воздымается въ Невѣ обыкновенно съ зюхъ-востовымъ (юго-западнымъ) вѣтромъ, ибо Финскій заливъ лежитъ отъ него на сей румбъ, и такъ сей вѣтръ SW гонить прямо въ него изъ Балтійскаго моря воду.

Ботническій заливъ, хотя также истекаетъ изъ Балтійскаго моря, избавленъ отъ наводненія, по той причинѣ, что имѣетъ многія изъ себя теченія, конми онъ отъ излишней воды освобождается.

Ладожское озеро лежитъ гораздо выше поверхности Балтійскаго моря; и такъ, съ одной стороны теченіе рѣки, съ другой, напротивъ, гонимая вода изъ моря сугубо Неву надуваютъ; сіе умножаютъ еще находящіяся въ ней пороги.

Мѣсто сей рѣки, наиболѣе подверженное сему приключенію, находится между С.-Петербургомъ и Кронштадтомъ, гдѣ она течетъ съ болѣею быстриною.

Сверхъ того, положеніе устья ея къ тому способствуетъ, ибо она у Кронштадта дѣлается уже, а выше Кронштадта расширяется такъ, что при противномъ вѣтрѣ, вода изъ нея изливается въ море съ трудомъ. И если сей противный вѣтеръ продолжится, то сямъ принуждена она разливаться по сторонамъ. Надобно, чтобъ вѣтеръ $\frac{1}{2}$ (южный) дулъ нѣсколько дней сряду и поворотилъ бы къ ZW (юго-западу), чтобъ произвестъ великое наводненіе; ибо первую оному причину должно полагать въ Зундѣ, гдѣ сей вѣтеръ, умножая приливъ, препятствуетъ отливу. И такъ, дуя нѣсколько дней, столько накопитъ воды, что она, наконецъ, выходитъ изъ береговъ своихъ; причина же, отчего вѣтры отъ ZW вѣютъ чаще осенью, нежели въ другое время, можетъ быть та, что стужа по NO (сѣверо-восточный вѣтеръ) начинается равнѣ; и такъ, воздухъ, соблюдая свое равновѣсіе, будучи теплѣе на сторонѣ ZW (юго-запада), стремившійся оттолъ къ NO (сѣверо-востоку), что причиняетъ и продолжаетъ сей опасный вѣтеръ.

Съ 9 на 10-е число вода была въ Адмиралтействѣ сверхъ ordinarily на 9 футовъ 3 дюйма. Въ Галерной гавани до 12 футовъ, противъ бывшей въ 1752 году больше на 1 футъ 1 дюймъ. Приключенныя этою водою убытки сколько извѣстій собрать было можно, слѣдующіе:

Изъ адмиралтейскихъ судовъ, бывшихъ въ С.-Петербургѣ на мель занесено:

Большой пропорція 4, на Матисовомъ островѣ.

Плашхуоть 1, у Галерной гавани.

Трембакулъ 1, за Литейнымъ дворомъ.

Яхта, прибывшая изъ Кронштадта 1, между Калинкинской и Екатерингофомъ.

Водовикъ 1, у кирпичныхъ заводовъ.

Отправлены были въ Кронштадтъ съ мундирными и съ аммуниционными вещами:

Галіотъ 1, у провіантскихъ магазиновъ.

Бота (боты):

Одинъ у тѣхъ же магазиновъ на сваяхъ.

Два у Муханова острова.

Стоящую на невскомъ большомъ фарватерѣ брандвахту совсѣмъ унесло, и о людяхъ, спаслись ли, извѣстія нѣтъ.

Въ Новой Голландіи на конусахъ и на провіантскихъ магазинахъ, во многихъ мѣстахъ, кровлю сорвало.

Въ Кронверкской верфи элинги поломало; стоящіе въ оной на элингахъ два бота снесло, изъ коихъ одинъ потонулъ, а другой у С.-Петербургской крѣпости сталъ на сваяхъ.

У Подворнаго дома вновь сдѣланная нынѣ стѣна вывалилась.

Въ Кронштадтъ отправлены были мастеровые на двухъ судахъ, изъ коихъ одно, на которомъ 174 человекъ, занесло на мель и люди всѣ спаслись.

А о другомъ, на которомъ людей 79 человекъ съ корабельнымъ подмастерьемъ, извѣстія нѣтъ.

Какая утрата въ припасахъ послѣдовала, собираются извѣстія; но теперь извѣстно, что всѣ лѣса, кои въ амбаровъ лежали, разпесены.

Въ провіантскихъ магазинахъ:

Подмочило нижніе ярусы въ полкуля и утраты будутъ до 300 кулей, да залито мяса до 60 бочекъ.

Поставленной подрядчиками муки, коя еще отдана не была, при магазинахъ потонуло 4 барки, числомъ до 2,000 кулей.

Въ Партикулярной верфи:

Элинги, пристани, черезъ каналы мосты и у строенія крыльца разломало.

Лѣса дубовые и сосновые и доски разнесло.

Въ магазинахъ, въ мастерскихъ и въ свѣтлицахъ полы выломало и заборы поломало.

Печи и у каналовъ каменныхъ берега размыло, провіантъ и пеньку помочило.

Мосты черезъ рѣки всѣ разнесло.

Людей потоплено сколько извѣстно:

Въ Адмиралтейскихъ слободахъ:

Боцманъ 1.

Боцманъ же съ женою 2.

У Коллежскихъ:

У одного подканцеляриста: мать, жена и дѣти.

Да у кописта жена беременная и дочь.

Въ Галерной гавани:

Каюль-юнга 1.

Матросскихъ дѣтей 3.

Женщинъ 2.

Да не находится при командѣ:

Квартирмейстеръ 1.

Матросовъ 6.

Плотниковъ 6.

Въ Адмиралтейскихъ слободахъ и въ Галерной гавани не мало партикулярныхъ домовъ, не только разломало, но и совсѣмъ съ мѣста снесло.

«Указъ ея императорскаго величества самодержицы всероссійской, изъ государственной Адмиралтействъ-Коллегіи, главному галернаго флота и порта командиру, оной Коллегіи господину вице-президенту и кавалеру графу Ивану Григорьевичу Чернышеву. Въ представленіи вашего сіятельства объявлено, что ея императорское величество, по обыкновенному своему вѣрнопоподанныхъ попеченію, желая, чтобъ въ случаѣ наводненія (отъ котораго впредь да сохранить Богъ) всякое зло отъ того произойти могущее отвращено или уменьшено было, для предувѣдомленія жителей и особливо тѣхъ частей города, которыя болѣе оному подвержены быть могутъ, всемилостивѣйше повелѣть соизволила Адмиралтейской коллегіи учредить въ городѣ знаки и сигналы. По собраннымъ же о водѣ и наводненіи обстоятельствамъ оказалось: ординарная вода въ Адмиралтействѣ по футъ-штоку четыре фута, на большомъ невскомъ фарватерѣ и въ Галерной гавани по футъ-штоку, семь футъ восемь дюймъ, у Подзорнаго дома шесть футъ одиннадцать дюймъ, каналъ въ Адмиралтействѣ, отъ ординарной воды до верху восемь футъ пять дюймъ, Екатерининскій каналъ отъ ординарной воды до верху шесть футъ девять дюймъ. А притомъ, по прежнимъ небольшимъ наводненіямъ примѣчено, что когда вода сверхъ ординарной прибавляется будетъ сверхъ трехъ футъ, тогда вода въ Коломнѣ и по оконечность Васильевскаго острова, т. е. въ слободахъ Галерной гавани, на берега выходитъ; а когда

въ Адмиралтействѣ воды сверхъ ordinarily пять футъ шесть дюймъ, тогда въ Коломнѣ вода выходитъ до Полковаго двора, а въ Галерной гавани вся слобода потоплена. Въ нынѣ жѣ наводненіе сверхъ ordinarily воды было въ Адмиралтейскомъ каналѣ у футъ-штока десять футъ шесть дюймъ; въ Галерной гавани у футъ-штока двѣнадцать футъ, а въ городѣ, по улицамъ, было четыре фута шесть дюймъ; въ Галерной гавани свѣтлицы матросскія потоплены были на одиннадцать футъ четыре дюйма, какая вода и при оконечности Коломны быть имѣла. Вслѣдствіе котораго именнаго ея императорскаго величества указа и по сообразнымъ обстоятельствамъ, Адмиралтействъ-Коллегія, помянутые знаки и сигналы учредила нижеслѣдующимъ образомъ: когда въ Коломнахъ и по оконечности Васильевского острова (т. е. въ слободахъ Галерной гавани) вода на берега входитъ начнется, то данъ будетъ сигналъ для Коломенъ изъ Подворнаго дома, а для Васильевского острова въ Галерной гавани, тремя выстрѣлами изъ пушекъ и въ обѣихъ сихъ мѣстахъ поднять будетъ, на шпичахъ, днемъ красный флагъ, а ночью по три фонаря; для жителей въ Коломнахъ учрежденъ будетъ пекеть у Калинкина моста, отъ котораго по первой пушкѣ пойдетъ барабанщикъ до Алатченна моста ¹⁾ и обойдетъ Коломню бивъ въ барабанъ; то же будетъ сдѣлано и въ Галерной гавани, отъ стоящей близъ оной гауптвахты, отъ коей барабанщикъ по слободамъ ходитъ и въ барабанъ бить будетъ, не для того, чтобъ отъ сей прибыли и въ другихъ частяхъ города опасность отъ наводненія была, но токмо чтобъ обыватели въ оныхъ про то знали и въ Коломнѣ и по оконечности Васильевского острова, живущіе въ дома возвращались; сдѣланъ будетъ сигналъ изъ Адмиралтейства поднятіемъ на шпичѣ со всѣхъ четырехъ сторонъ по красному флагу, а ночью по фонарю. Въ случаѣ же возвышенія воды до такого градуса, что можетъ пролиться и внутрь города, тогда для всѣхъ въ ономъ жителей сдѣланъ будетъ сигналъ въ Адмиралтейской крѣпости, пятью выстрѣлами изъ пушекъ и выставлены будутъ на Адмиралтейскомъ шпичѣ со всѣхъ четырехъ сторонъ днемъ бѣлые флаги, а ночью по два фонаря; то по сей стрѣльбѣ, къ побужденію жителей къ предосторожности, будутъ бить въ Адмиралтействѣ въ колоколь; но токмо не набатнымъ, но продолжительнымъ звономъ. Къ вѣщшему спасенію людей содержаны быть имѣютъ при Коломнахъ, въ двухъ мѣстахъ, довольно число гребныхъ большихъ судовъ, а именно: у Алатченна моста и на рѣкѣ Пряжкѣ, которымъ, въ случаѣ наводненія, гдѣ нужда требовать будетъ, подъѣзжать и всякое вспоможеніе чинить повелѣно, что сдѣлано будетъ и отъ Партикулярной верфи. И по указу ея императорскаго величества Адмиралтействъ-Коллегія опредѣлила: 1) о учрежденіи упомяну-

¹⁾ Пыльпильіи Аларчинъ; назывался такъ по имени капитана Алатченна.

тыхъ сигналовъ въ главную полиціймейстерскую канцелярію сообщить съ тѣмъ, чтобъ оно опубликовано было, и о напечатаніи въ газетахъ писать въ комиссію Академіи Наукъ и въ Правительствующій Сенатъ такое же представить при репортѣ. 2) Для произведенія оныхъ въ Галерной гавани и въ Подзорномъ домѣ имѣть по три пушки, также красные флаги и фонари во всякое время готовыми; для наблюденія жъ воды, къ Подзорному дому изъ престарѣлыхъ доброму и исправному штурману и для подъему флаговъ и фонарей матросъ два человѣка, а для пальбы канониръ три человѣка и при нихъ по унтеръ-офицеру, или капралу, коихъ командировать отъ здѣшней корабельной и артиллерійской командъ. А въ Галерной гавани опредѣлить по разсмотрѣнію вашего сіятельства, кого разсудите, артиллерійскихъ же Артиллерійской экспедиціи. А въ Адмиралтействѣ возвышеніе наблюдать вахтенному совѣтнику. 3) При Подзорномъ домѣ изъ Галерной гавани будущимъ офицерамъ или штурманамъ наблюдать: какъ лишь только вода по футъ-штоку сверху ординарной будетъ возвышаться до трехъ футъ съ половиною, то, въ ту самую минуту велѣть сдѣлать изъ пушекъ по три выстрѣла, и ежели то днемъ случится, то выставить на шпичахъ флаги, а ежели ночью, то фонари. 4) При Каляинкиномъ мостѣ поставить футъ-штокъ и учредить пекетъ изъ шести человѣкъ, при одномъ офицерѣ, гдѣ быть и барабанщику, а для наблюденія воды штурману или подштурману, и, по первой пушкѣ отъ того пекета идти барабанщику до Алатчина моста и обойти Коломню; то же сдѣлать и въ Галерной гавани: отъ гауптвахты идти барабанщику по слободамъ Галерной гавани и бить въ барабанъ. 5) Въ Адмиралтействѣ вахтенному совѣтнику наблюдать, какъ возвышеніе воды сверхъ трехъ футъ, сверхъ ординарной, такъ и слушать отъ Подзорнаго дому и въ Галерной гавани пальбы и когда она произведена будетъ, то тотъ же самый часъ на Адмиралтейскомъ шпичѣ днемъ выставить со всѣхъ четырехъ сторонъ красные флаги, а ночью фонари. 6) Тому жъ вахтенному совѣтнику, въ случаѣ возвышенія воды, накрѣпко и неотходно смотрѣть, что какъ только вода въ Адмиралтействѣ по футъ-штоку будетъ сверхъ ординарной до пяти футъ съ половиною, то ту самую минуту сдѣлать съ крѣпости изъ пушекъ пять выстрѣловъ и выставить со всѣхъ четырехъ сторонъ днемъ бѣлые флаги, а ночью зажженные фонари и бить въ колоколь, но не набатнымъ, а продолжительнымъ звономъ. 7) Для тѣхъ сигналовъ пушки имѣть всегда заряженныя, а флаги и фонари во всякой готовой исправности, дабы ни одной минуты тѣми сигналами промедлено не было, подъ опасеніемъ неупустительной по законамъ строгости; а экспедиціямъ интендантской и артиллерійской, какъ пушки съ порохомъ и принадлежностями, такъ флаги и фонари отпустить въ непродолжительномъ времени. 8) Вышеписанные сигналы, на шпичахъ флаги подымать

на самомъ верхнемъ концѣ, а и фонари, конечно, выше бѣ какъ на половинѣ подняты были, а особливо на Адмиралтейскомъ шницѣ. 9) Интендантской экспедиціи для вспоможенія въ случаѣ большого наводненія жителямъ, поставить при Коломнѣ, на Черной рѣчкѣ, при Алатчениномъ мостѣ и на рѣчкѣ Пряжкѣ, по восьми большихъ гребныхъ судовъ и отдать въ вѣдѣніе командира надъ полковымъ дворомъ, которому, какъ только отъ Подзорнаго дому трехъпушечный сигналъ сдѣланъ будетъ, тотчасъ командировать на оныя суда для гребли съ полковаго двора при офицерѣ команду, и приказать, въ случаѣ большого наводненія ѣхать въ Коломнахъ по улицамъ и при случившемся несчастіи забирать людей; сіе самое, что до судовъ принадлежитъ, сдѣлать и въ Партикулярной верфи и имѣть сколько можно въ Фонтанкѣ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ больше наводненіе бываетъ. 10) Вышеписанному наблюденію воды продолжаться доколѣ рѣки льдомъ покроется и тогда всѣхъ, находящихся у Подзорнаго дома и въ Галерной гавани для того наблюденія собрать командамъ и ежегодно продолжать, начиная съ 15 числа августа мѣсяца и все, что къ тому принадлежитъ распорядить и устанавливать, а Интендантской экспедиціи и въ Коллегію рапортовать и то дѣлать ежегодно. 11) Для жительства будущей при Подзорномъ домѣ для наблюденія наводненія командѣ, Интендантской экспедиціи построить караульню. О чемъ къ вамъ, господину вице-президенту и кавалеру послать указъ; а таковъ же въ контору Партикулярной верфи посланъ и въ экспедицію о всемъ томъ, а равно и публикаціи въ полиціямейстерскую канцелярію и въ комиссію Академіи Наукъ сообщено, и въ Правительствующій Сенатъ рапортъ представленъ. Сентября 22 дня 1777 года.

	Въ Адмиралтействѣ.	У Калинина моста.	Въ Галерной гавани.	У Подзорнаго дома.
	Фут. Дюйм.	Фут. Дюйм.	Фут. Дюйм.	Фут. Дюйм.
Ординарная вода по футъ-штокамъ	4 —	6 —	7 8	6 11
А когда будетъ	7 —	9 —	10 8	9 11
Тогда въ Коломнѣ вода.				
А когда	9 6	11 6	13 2	12 5
Тогда обѣ Коломни въ водѣ.				
Въ нынѣшнее наводненіе съ 9 на 10 сентября	14 6	16 6	18 2	17 5
Въ наводненіе 25 сентября	8 8	10 8	12 4	11 7
Въ наводненіе 16 октября ¹⁾	9 11	11 11	13 7	12 10

¹⁾ Судя по этимъ двумъ числамъ можно предполагать, что въ томъ же 1777 году было еще два наводненія.

Ординарная вода:

Въ адмиралтействѣ по футъ-штоку . . .	4 фут.	— д.
На большомъ невскомъ фарватерѣ и въ Галерной гавани по футъ-штоку . . .	7	8 »
У Подворнаго дома	6	11 »

Примѣчено:

Что когда вода сверхъ ординарной прибавляться будетъ сверхъ 3 футъ, тогда вода въ Коломнѣ и по оконечность Васильевского острова, т. е. въ слободахъ Галерной гавани, на берега выходитъ.

А когда воды въ Адмиралтействѣ выше
ординарной 5 фут. 6 д.

Тогда вода въ Коломнѣ выходитъ до полковаго двора. А въ Галерной гавани вся слобода потоплена.

Въ нынѣшнее наводненіе сверхъ ординарной воды было:

Въ Адмиралтейскомъ каналѣ у футъ- штока	10 фут.	6 д.
Въ Галерной гавани у футъ-штока . . .	12	» — »
А въ городѣ по улицамъ было	4	» 6 »
Въ Галерной гавани свѣтлицы матросскія потоплены были на	11 фут.	4 д.

Какая вода и при оконечности Коломны быть имѣла.

Проектъ объявленія отъ полиціи и напечатанія въ газетахъ.

«Ея императорское величество по обыкновенному своему о вѣрноподданныхъ попеченію, имѣя матернее соболюзнованіе о претерпѣвшихъ въ бывшее наводненіе всемилостивѣйше адмиралтействъ коллегіи повелѣть соизволила, учредить въ городѣ знаки и сигналы, дабы сколь возможно отвратить, или уменьшить сіе зло, предупредимленіемъ той части города жителей, которые наиболѣе сему неzapпному бѣдствію подвержены быть могутъ.

«Когда въ Коломнахъ и по оконечности Васильевского острова (т. е. въ слободахъ Галерной гавани) вода на берега выходитъ начеть, то данъ будетъ сигналъ для Коломенъ изъ Подворнаго дома, а для Васильевского острова въ Галерной гавани, тремя выстрѣлами изъ пушекъ и въ обѣихъ сихъ мѣстахъ поднять будетъ, на шпичахъ, днемъ — красный флагъ, а ночью по три фонаря. Для жителей въ Коломнахъ учрежденъ будетъ бекетъ. У Калинкина моста, отъ котораго по первой пушкѣ, пойдетъ барабанчикъ до Алатченина моста и обойдетъ Коломну бивъ въ барабанъ. Тоже будетъ сдѣлано и въ Галерной гавани, отъ стоящей близъ оной

гауптвахты, отъ коей барабанщикъ по слободѣ ходить и въ барабанъ бить будетъ.

«Но для того, чтобъ отъ сей прибылой воды и въ другихъ частяхъ города опасность отъ наводненія была; но также, чтобъ обыватели въ оныхъ про то знали, и въ Коломнѣ и въ оконечности Васильевского острова живущіе, въ дома возвращались, сдѣланъ будетъ сигналъ изъ Адмиралтейства поднятіемъ на шпигль со всѣхъ четырехъ сторонъ по красному флагу, а ночью по фонарю.

«Въ случаѣ же возвышенія воды до такого градуса, что можетъ прилечь и внутрь города, тогда для всѣхъ въ ономъ жителей сдѣланъ будетъ сигналъ съ Адмиралтейской крѣпости, пятью выстрѣлами изъ пушекъ и выставлены будутъ на адмиралтейскомъ шпигль, со всѣхъ четырехъ сторонъ, днемъ—бѣлые флаги, а ночью по два фонаря.

«Но какъ ночью не во всякомъ домѣ пальбу слышать можно, то по сей стрѣльбѣ къ побужденію жителей къ предосторожности, будутъ бить въ Адмиралтействѣ въ колоколь. Но только не набатнымъ, а продолжительнымъ звономъ.

«Къ вѣщшему спасенію людей содержаны быть имѣютъ при Коломнахъ въ двухъ мѣстахъ, довольное число большихъ гребныхъ судовъ, а именно—у Алатченна моста и на рѣкѣ Пряжкѣ, котормъ, въ случаѣ наводненія, гдѣ нужда требовать будетъ, подѣзжать и всякое вспомоганіе чинить повелѣно, что сдѣлано будетъ и отъ Партикулярной верфи».

Кромѣ того, послѣ этого наводненія по повелѣнію императрицы, инженеръ-генералъ Вауеръ составилъ гидрографическій планъ Петербурга.

1788.

Исторіографъ Петербургскихъ наводненій В. Н. Берхъ (стр. 77) отмѣтилъ только въ своей сравнительной таблицѣ: «26-го и 27-го числа сентября—высота воды 7 футовъ 5 дюймовъ». Эту коротенькую замѣтку пополняемъ свидѣтельствомъ очевидца. Александръ Васильевичъ Храповицкій ¹⁾ записалъ въ своемъ «Дневникѣ» ²⁾.

26-го сентября. «Съ десятого часа вечера до трехъ часовъ за полночь вода возвышалась сверхъ обыкновенной на 8 ф. 4 д. большаго преда въ городѣ не сдѣлала ³⁾ и только выходила на улицы въ набережной Милліонной и по берегамъ Мойки и Фонтанной.

¹⁾ Статсъ-секретарь Екатерины II. Родился 7-го марта 1749 года, умеръ 29-го декабря 1801 года.

²⁾ Изданіе А. О. Вазунова. Спб. 1874 г. въ 8 д. л., стр. 162.

³⁾ Газумѣется, кромѣ несчастной Гавани, Коломни, Екатерингофа, Рѣваго, Гутуевского и прочихъ острововъ.

27-го сентября. «Разговоръ о наводненіи (съ Екатериною II): «не знаю, не сдѣлалось ли чего съ флотами въ Балтійскомъ и Черномъ морѣ?»

1802.

Годъ замѣчательный вообще въ геологическомъ отношеніи: при наводненіи въ сентябрѣ, вода достигала высоты 7 футовъ 5 дюймовъ. Пострадали, по обыкновенію, низменныя окраины, заселенныя бѣдняками. Смоленское кладбище на три четверти было залито водою; заборы, канавки и могилы потерпѣли значительныя поврежденія. Всѣхъ же наводненій въ сентябрѣ и октябрѣ мѣсяцахъ было три, о чемъ Евгеній Волховитиновъ (впослѣдствіи митрополитъ кievской) писалъ другу своему Василю Игнатьевичу Македонцу ¹⁾ отъ 23-го октября 1802 года:

«У насъ было три наводненія, и первое—ужасное. Мнѣ случилось на ту пору ѣхать въ Пустынь: по всей Коломнѣ ѣхалъ я по водѣ въ пол-аршина, да и по Петергофской дорогѣ верстѣ пять то же».

Отъ 15-го ноября того же года. «14-го числа во второмъ часу по полудни доходило и до насъ землетрясеніе, но только слабое; что во всемъ Петербургѣ только три человека замѣтили оное: 1) англійская посланница, наливавшая въ то время кофе; 2) одинъ пансіонскій учитель, стоявшій прислонясь къ стѣнѣ, въ третьемъ этажѣ дома, да 3) Гамбургскій купецъ, державшій въ рукахъ стаканъ пуншу ²⁾. Такъ я слышалъ отъ Николая Петровича Румянцева, сочлена нашего въ комитетѣ. Всѣ вышеупомянутые господа не сочли это землетрясеніемъ, а собственнымъ головокруженіемъ. Однакожъ, записали и когда изъ Москвы получены о семъ вѣсти, то они, справясь съ записками, нашли тотъ же самый день и часъ. Въ Москвѣ чувствовано было въ семи мѣстахъ, какъ изъ репорта видно, а въ Кіевѣ минутъ пятнадцать оно продолжалось, съ чувствительнымъ подъ землею шумомъ. Получены также репорты о томъ же изъ Калуги, Тулы, Курска и Вѣлороссіи. Прошедшею весною въ Перми было еще чувствительнѣе землетрясеніе. И все это въ Россіи дѣло бывалое и прежде, и, слѣдовательно, яко натуральное происшествіе, не можетъ наводить никакого страха. Надобно ожидать какого-нибудь извѣстія объ изверженіи огнедышущихъ горъ. Всѣ другія пророчества излишни. Предъ тѣмъ были у насъ великія отъ моря наводненія».

¹⁾ «Русскій Архивъ», 1870, стр. 496—516.

²⁾ Вѣроятно, подъ его ногами и полъ ходнемъ ходилъ; но едва ли это авторитетъ.

ГРАФЪ ДЕ БОННЕВАЛЬ (ОСМАНЪ ПАША).
Съ гравированнаго портрета прошлаго столѣтія Августа Винда.

АРАКЧЕЕВСКИЙ СЫНОКЪ ¹⁾.

XXXIV.

ШУМСКИЙ въ сопровожденіи Квашнина болѣе трехъ часовъ рыскалъ по городу, отыскивая повсюду ненавистнаго улана, и, по мѣрѣ того, что фонъ-Энзе не оказывался нигдѣ, влоба Шумскаго все росла. Они уже были въ двухъ главныхъ ресторанахъ, гдѣ обыкновенно собиралась вся полковая молодежь завтракать и обѣдать. Затѣмъ были въ полку у двухъ-трехъ лицъ, гдѣ фонъ-Энзе бывалъ болѣе или менѣе часто.

На квартиру офицера Шумскій ѣхать не хотѣлъ:

— Во-первыхъ, — говорилъ онъ Квашнину, — не скажется дома и не пустить, а во-вторыхъ, если и пустить, то чортъ его знаетъ, что можетъ провойти. А бить человека у него же на дому какъ-то не охота. Ни въ своей квартирѣ не могу я его отдуть, ни въ его собственной.

Но послѣ рысканья по городу, Шумскій, не столько усталый, сколько возбужденный, рѣшился сразу на то, что считалъ за минуту невозможнымъ. Такъ всегда бывало съ нимъ.

— Чтожъ дѣлать? — Поѣдемъ къ нему на домъ, — сказалъ онъ.

— Не хорошо, — замѣтилъ Квашнинъ: — пусти меня въ качествѣ секунданта объясниться, а чтожъ такъ поравбойничьи врываться.

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXIII, стр. 217.

«истор. вѣстн.», сентябрь, 1888 г., т. XLXIII.

— Не мы разбойники—онъ разбойникъ!—вскрикнулъ Шумскій.

— Ну, нѣтъ, братецъ ты мой, ты такъ судишь, а я сужу такъ, что разбойничаешь-то ты, а онъ защищается.

— Ну, ладно, теперь не время философствовать.

И Шумскій приказалъ кучеру ѣхать къ улану.

— Послушай, Михайлъ Андреевичъ, — выговорилъ Квашнинъ, когда экипажъ полетѣлъ на Владимірскую, гдѣ жилъ уланъ, — уговоръ, пріятель, лучше денегъ. На эдакій ладъ я тебѣ помогать не стану. Ѣхать—пойдемъ, но если чтѣ... Я драться съ нимъ не стану.

— И не нужно—самъ справлюсь, — отрѣзалъ Шумскій.

— Да я и въ квартиру не войду, — прибавилъ Квашнинъ: — ты затѣялъ поединокъ, тебѣ нуженъ секундантъ — я не отказываюсь и просижу, можетъ быть, изъ-за тебя годъ цѣлый въ крѣпости. Что дѣлать? Попріятельски! Но лѣзть къ человѣку въ квартиру вдвоемъ и колотить его—это, пріятель, по моему и киргизы не дѣлаютъ. И у азіатовъ на счетъ гостепрійства законы и обычаи строгіе.

— Ахъ, отвяжись, — нетерпѣливо вымолвилъ Шумскій: — я ему сдѣлаю мое предложеніе вторично, согласится — разстанемся прілично, не согласится—увиджу, что дѣлать. А ты хоть сиди на улицѣ и жди.

— Ладно, — прибавилъ Квашнинъ.

И они замолчали.

Черезъ нѣсколько минутъ рысакъ Шумскаго уже домчалъ ихъ до дома, гдѣ жилъ уланъ. Квашнинъ не двинулся изъ экипажа. Шумскій выскочилъ, сбросивъ почему-то шинель около Квашнина и поднялся по лѣстницѣ въ квартиру улана, гдѣ былъ лишь всего одинъ разъ.

— Не думалъ я тогда, зачѣмъ придется мнѣ сюда пріѣзжать, — пробурчалъ онъ, подымаясь по лѣстницѣ. Черезъ мгновеніе онъ прибавилъ:

— Нѣтъ, пожалуй, могъ думать. Еще съ того разу, въ церкви, на похоронахъ, я почувалъ, что онъ влюбленъ въ нее.

И въ памяти Шумскаго ясно, отчетливо, возстали подробности его первой встрѣчи съ баронессой, какъ онъ былъ сразу пораженъ и плѣненъ красавицей, какъ смущался и краснѣлъ, будто школьникъ, уланъ. Между тѣмъ, съ тѣхъ поръ сколько прошло времени, а дѣла фонъ-Эне, повидимому, не подвигались впередъ. Онъ только два раза слышалъ объ немъ отъ барона, какъ объ родственникѣ и самъ, однажды, дерзко заговорилъ объ уланѣ съ самой Евой. И послѣ этой роковой дерзости съ его стороны, баронесса прекратила свои сеансы.

Вспоминая и размышляя, Шумскій, отчасти усталый, тихо подымался по лѣстницѣ.

Уланъ, человѣкъ не богатый и вдобавокъ акуратный нѣмецъ,

жилъ не только не выше средствъ, но, напротивъ, занималъ помѣщеніе гораздо болѣе скромное, и вообще жилъ гораздо скромнѣе, нежели могъ бы жить. Хотя квартира его заключалась въ четырехъ комнатахъ, однако, часто бывали въ ней знатные и богатые гвардейцы, извѣстные на весь Петербургъ и любили тутъ засиживаться до полуночи. Вообще все, что было гвардейцевъ въ Петербургѣ, всѣ любили, а главное уважали фонъ-Энзе за что-то, чего они и не могли объяснить. А это была цѣльность натуры полу-нѣмца, полу-русскаго, точность и ровность его поведенія. Фонъ-Энзе былъ всегда одинъ и тотъ же. Всѣ его знавшіе какъ-то бессознательно чувствовали, что могутъ отвѣчать за улана, знати заранѣе, какъ поступить онъ въ какомъ обстоятельствѣ. Кромѣ того, всякій зналъ, что такъ, какъ поступить уланъ, можетъ и даже долженъ поступить всякій изъ нихъ. Часто случалось, что офицеры, не только сослуживцы фонъ-Энзе, но и другихъ полковъ говорили: «Даже фонъ-Энзе такъ сказалъ!» «Даже фонъ-Энзе такъ думаетъ!» И это заявленіе принималось всѣми въ расчетъ.

Шумскій повзвонилъ у дверей. Ему отворилъ деньщикъ улана — латышъ; на вопросъ офицера, дома ли баринъ, лакей отвѣчалъ, что нѣтъ.

— Да не врешь ли ты! — вскрикнулъ Шумскій.

— Никакъ нѣтъ-съ, — отозвался латышъ.

Но малый, добросовѣстный до глупости, не могъ согласовать своей фязіономіи съ словами. По его лицу Шумскій ясно прочелъ, что фонъ-Энзе не сказывается дома.

— Ты врешь! — вскрикнулъ онъ. — Пусти, я самъ освидѣтельствую.

Онъ отстранилъ, почти оттолкнулъ, деньщика отъ дверей и шагнулъ въ прихожую.

Но въ ту же минуту противоположная дверь отворилась и въ прихожую, притворяя дверь за собою, появился пріятель фонъ-Энзе, офицеръ его же полка, Мартенсъ.

Остановившись предъ дверью, офицеръ сложилъ руки на груди и, откидывая слегка голову назадъ, выговорилъ презрительно:

— Не кричите, какъ пьяный мужикъ, въ чужой квартирѣ, г. Андреевъ!

Шумскій при этой фамиліи измѣнился въ лицѣ, глаза его засверкали бѣшенствомъ. Онъ понялъ сразу, какое огромное значеніе имѣетъ эта фамилія на устахъ улана, котораго онъ видалъ не больше трехъ разъ. Стало быть все многимъ и многимъ извѣстно.

Онъ двинулся къ Мартенсу, уже собираясь броситься на него, какъ звѣрь, но тотъ хладнокровно протянулъ руку впередъ и выговорилъ сильно измѣнившимся, но тѣмъ болѣе твердымъ и энергичнымъ голосомъ:

— Господишъ Шумскій! Хотя вы и флигель-адъютантъ, а я про-

стой офицеръ, тѣмъ не менѣе я не сочту за честь вступить съ вами въ потасовку. Кромѣ того, предупреждаю васъ, какъ честный человѣкъ, что я очень силенъ. Даю вамъ честное слово, что я могу васъ совершенно легко уложить тутъ полумертвымъ при помощи однихъ кулаковъ. Но я не желаю такого состязанія.

— И я не желаю съ вами дѣло имѣть. Мнѣ нуженъ фонъ-Энзе! — закричалъ Шумскій.

— Фонъ-Энзе нѣтъ дома.

— Лжете, онъ тутъ! Онъ прячется!

Мартенсъ разсмѣялся жалчно и выговорилъ:

— Такъ какъ я не давалъ честнаго слова съ вами не драться и вы говорите мнѣ дерзости, то имѣю честь объявить вамъ, что сейчасъ же пришлю къ вамъ секунданта.

— Шалишь! — вскрикнулъ Шумскій. — Мнѣ нуженъ фонъ-Энзе. Какъ хитро! Подставлять пріятеля вмѣсто себя. Да кой прахъ мнѣ, если я васъ убью! Мнѣ зтаго паршиваго щенка нужно.

Мартенсъ измѣнился въ лицѣ. Руки его слегка дрожали. Видно было, что онъ дѣлалъ огромныя усилія, чтобы не броситься на Шумскаго.

— Фонъ-Энзе дома нѣтъ. А вамъ я приказываю немедленно выйти отсюда! Или я васъ вытащу за воротъ и спущу вверхъ ногами по всей лѣстницѣ, — выговорилъ Мартенсъ совершенно дрожащимъ голосомъ, но не страхъ, а злоба и необходимость себя сдерживать вволновали его. Шумскій стоялъ передъ нимъ тоже возбужденный и готовый на все, но вмѣстѣ съ тѣмъ соображалъ:

«Съ нимъ связываться только дѣло запутывать! Мнѣ того нужно!»

— Ладно, — выговорилъ онъ, — съ вами я могу и послѣ управиться, а теперь мнѣ нужно фонъ-Энзе, и я его достану. Не уйдетъ онъ отъ меня, если только не убѣжитъ изъ Петербурга. Не отвертиса!

Шумскій повернулся къ выходной двери, но приостановился снова и крикнулъ:

— Скажите ему, что я въ свой чередъ даю честное слово, что мы будемъ драться. И драться на смерть!

— Давайте всякія слова, — мѣрно проговорилъ Мартенсъ, — но не честныя. Такихъ у васъ быть не можетъ.

— Вольшое надо терпѣнье, — отозвался холодно Шумскій, — чтобы мнѣ тебѣ не проломить голову.

— Громадное надо, — отозвался смѣясь Мартенсъ. — Удивляюсь! Но дѣло въ томъ, что оно невозможно.

— Невозможно потому, что я теперь не желаю связываться. По очереди, пожалуй: послѣ фонъ-Энзе отправлю и тебя на тотъ свѣтъ.

Мартенсъ не отвѣчалъ ни слова и только принялся хохотать, уже безъ малѣйшаго отбѣнка гнѣва.

Шумскій быстро спустился по лѣстницѣ и вышелъ на крыльцо. Экипажъ подъѣхалъ. Онъ сѣлъ.

— Ну, что?—выговорилъ Квашнинъ, пристально вглядываясь въ пріятеля.

Ему хотѣлось догадаться по лицу и фигурѣ Шумскаго, что могло произойти въ квартирѣ.

«Какъ будто ничего»,—подумалъ онъ,—«если бы сдѣлились, то, почитай, и мундиръ былъ бы въ безпорядкѣ».

Но на повторенный имъ вопросъ Шумскій не отвѣтилъ ни слова.

— Пошелъ домой!—крикнулъ онъ кучеру.

И, только доѣхавъ уже до Морской, Шумскій вымолвилъ:

— Конечно, дома не сказанъ, выслалъ своего пріятеля, думалъ, дуракъ, что я съ нимъ сдѣлюсь. Вотъ дураки-то! мнѣ его нужно на тотъ свѣтъ отправить, чтобы отвязаться отъ него, а онъ воображаетъ, что можно себя другимъ замѣнить!

XXXV.

Когда Шумскій уже нѣсколько успокоившійся былъ снова дома, то въ его собственной передней его встрѣтили и Шванскій и Васька вмѣстѣ. У обоихъ были смущенныя лица и растерянный видъ.

— Что такое?—выговорилъ тревожно молодой человекъ.

Шванскій съѣжился, какъ всегда, и развелъ руками по воздуху, какъ бы сопровождая этимъ жестомъ тѣ слова, которыя только предполагалось вымолвить, но на которыя не хватало храбрости.

Кончикъ ловкимъ движеніемъ отошелъ шага на четыре въ сторону. Зная барина хорошо, онъ предпочелъ быть въ резервѣ, чтобы первый взрывъ и первое нападеніе выдержалъ Шванскій.

— Что такое?—повторилъ гнѣвно Шумскій.

— Авдотья Лукьяновна...—проговорилъ Шванскій и опять повторилъ тотъ же жестъ.

— Здѣсь!—закричалъ Шумскій.

— Здѣсь,—едва слышно отозвался наперстникъ, струсивъ.

Шумскій понялъ все. Если бы присутствіе Авдотьи въ его квартирѣ было такое же, какъ за день назадъ, то Шванскій не былъ бы такъ смущенъ. Очевидно, что Авдотья явилась домой при иныхъ условіяхъ.

Шумскій двинулся въ комнаты и крикнулъ на весь домъ тѣмъ своимъ голосомъ, отъ котораго вздрагивала вся его квартира:

— Авдотья! Авдотья!

Мамка, ожидавшая питомца въ его спальнѣ, появилась на порогѣ ея.

— Ну!—вскрикнулъ онъ, подступая.

— Прогнали, — отозвалась Авдотья кратко.

— Что? Кто? — проговорилъ Шумскій тихо и, вполтную приближившись къ мамѣ, схватилъ ее за платье, стиснулъ въ кулакѣ нѣсколько складокъ съ ея плеча и пригнулся лицомъ къ лицу женщины.

Казалось, онъ готовъ былъ растерзать ее.

Но Авдотья не испугалась.

— Прогнали, — заговорила она тихо. — Пришла, Пашутка, и у барона побывала. Онъ приближалъ къ намъ и приказалъ мнѣ собраться, стоялъ надо мною, покуда я узелокъ завязывала, проводилъ меня самъ чуть не до двора и очень трясся. И руки у него и ноги ходуномъ ходили, а самъ бѣлый, какъ смерть.

— А баронесса? Она? Спать?..

— Какъ, то-ись?

— Спать?.. Проснулась?

— Проснулась во время, вставши ужъ была.

— Ничего съ нею худого не было отъ питья?

— Да, я не помню.

Наступило молчанье.

— Какъ не помню? — выговорилъ, наконецъ, Шумскій едва слышно.

— Да такъ-сь, нельзя было: вѣдь вы же знаете. Платка, какъ было условлено, вы не нашли.

Шумскій вспомнилъ, что, пораженный встрѣчей съ офицеромъ, онъ и не глянулъ на окошко.

— Такъ ты не помню? — повторилъ онъ, помолчавъ снова.

— Нѣтъ-сь.

— Ну, это хорошо, — выговорилъ онъ и какъ бы сразу успокоился. — Это счастливо. Ну, теперь иди, рассказывай, какъ, чтѣ было.

Шумскій прошелъ въ свою спальню, усадилъ няньку и заставилъ ее подробно рассказывать все.

Но Авдотья рассказывать было нечего: она кратко повторила то же самое. Въ квартиру явилась Пашута, побывала въ кабинетѣ у барона и затѣмъ тотчасъ же уѣхала. Баронъ пришелъ къ дочери и выгналъ няньку. Что наиболѣе поразило Авдотью во всемъ этомъ, былъ экипажъ, въ которомъ пріѣзжала Пашута.

— Въ каретѣ! На рысакахъ! — повторяла она.

Эта подробность имѣла значеніе и для Шумскаго. Бѣглая, укрывавшаяся въ городѣ горничная, должна была, по мнѣнію Шумскаго, жить и ночевать, скрываясь отъ розысковъ, въ какомъ-нибудь вертепѣ съ бродягами. Какимъ же образомъ явилась она къ барону въ каретѣ? Стало быть, она у кого-либо, кто покровительствуетъ ей во всемъ дѣлѣ.

— Неужто-жъ баронъ ничего не сказалъ тебѣ? — въ десятый разъ спрашивалъ Шумскій.

— Какъ есть—ничего. Вошелъ, трёсся весь, блѣдный, приказалъ собираться и надо мною все стоялъ. Такъ меня если не руками, такъ глазками, изъ дому вытолкалъ. Такъ и глядѣлъ на меня ястребомъ. Меня эти его глаза будто сзади подпихивали. Выскочила я, себя не помни, спасибо не распорядился. Добрый баринъ! Вѣдь онъ бы меня могъ у себя на конюшнѣ розгами выдрать. Я все та же крѣпостная.

Шумскій махнулъ рукою на мамку и отвернулся.

Женщина поняла движеніе и вышла изъ спальни.

Молодой человѣкъ просидѣлъ нѣсколько минутъ, глубоко задумавшись, ватѣмъ пришелъ въ себя и услыхалъ въ гостиной мѣрные шаги ходившаго взадъ и впередъ Квашнина.

— Петя!—крикнулъ онъ,—иди сюда!

Квашнинъ вошелъ своей мягкой походкой и сѣлъ у окна, противъ Шумскаго.

— Ты слышалъ, понялъ?—вымолвилъ этотъ.

— И понялъ, и не понялъ.

— Да вѣдь все пропало,—заговорила Шумскій,—ее прогнали. Поганая дѣвка бѣгаетъ и орудуетъ. Пойми ты—все пропало. Теперь мнѣ хоть и фонъ-Энзе убить, то толку не будетъ никакого. Если баронъ прогналъ дуру-мамку, то стало быть знаетъ, кто такой господинъ Андреевъ. Да это что! Мартенсъ и тотъ знаетъ. Стало быть весь городъ знаетъ.

— Не хорошо,—проговорилъ Квашнинъ.

— Что не хорошо? Стыдно! Стыдно, что ли? Охъ, ты...

Шумскій хотѣлъ выговорить «дуракъ», но занулся. Наступило молчанье. Наконецъ, Шумскій выговорилъ:

— Чтожъ мнѣ теперь дѣлать? Выручи, Петя, скажи, что мнѣ дѣлать.

Квашнинъ развелъ руками.

— Чтожъ я-то могу. Это, голубчикъ, такая путанная исторія, что ее чортъ самъ не распутаетъ. Понятное дѣло, что твоя ватя не выгорѣла. Ну, чтожъ я скажу? Скажу, слава Богу!

— Слушай. Не говори ты мнѣ такихъ глупостей,—глухимъ голосомъ проговорилъ Шумскій, взбѣсившись снова.

— Не могу я не говорить. Какже не сказать, слава Богу? Изъ любви къ тебѣ говорю. Не могу я желать, чтобы ты въ солдаты попалъ.

Шумскій махнулъ рукой и отвернулся отъ пріятеля. Потомъ онъ всталъ и началъ ходить изъ угла въ уголъ по комнатѣ.

Квашнинъ молчалъ; потомъ обратился съ вопросомъ къ пріятелю—увязать ли ему, или обождать, но Шумскій не слыхалъ вопроса. Онъ ходилъ сгорбившись, задумавшись. Выраженіе лица было угрюмое, сосредоточенное. Видно было, что голова страшно работаетъ. Иарѣдка онъ глубоко вздыхалъ.

Прошло около получаса молчанія. Квашиниъ откинулся на спинку кресла и разсѣянно смотрѣлъ на улицу. Онъ сознавался самъ себѣ, что все дѣло Шумскаго приняло благопріятный оборотъ. Какъ тотъ ни хитро ватѣялъ, какъ ни дерзко велъ свои подкопы и траншеи, все-таки все раскрылось. И стало быть теперь все обстоятъ благополучно. Единственно, что еще приходится распутать—поединокъ съ фонъ-Энзе, вслѣдствіе котораго ему, Квашинину, придется высидѣть, пожалуй, очень долго въ крѣпости.

«Государь смерть не любитъ этихъ заморскихъ ватѣй—драться на смерть другъ противъ друга,—думалъ Квашиниъ.—Хоть онъ и сынъ временщика, а все-таки по головкѣ не поглядятъ. Если же его Аракчеевъ упасетъ отъ суда, тогда и мнѣ ничего не будетъ».

— Стой!—вдругъ воскликнулъ Шумскій такъ, что Квашиниъ невольно вадрогнулъ.—Стой! Что же это я? Ахъ ты, Господи!—отчаянно забормоталъ Шумскій.—Что же это я! Вѣдь я дуракъ.

Голосъ его былъ настолько странный, смущенный, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ оттѣнкомъ какой-то радости, что Квашиниъ невольно уставился на пріятели глазами.

— Вотъ уже заднимъ умомъ-то крѣпокъ,—проворчалъ Шумскій.—Господа помилуй! Да какъ же я раньше-то? Какъ это я раньше не догадался?

Онъ подошелъ ближе къ Квашинину, нагнулся къ нему и произнесъ:

— Да вѣдь если она мнѣ наскучить, такъ можно отъ нея и отдѣлаться?

Онъ проговорилъ это, какъ аксіому, добытую послѣ упорной работы надъ задачей.

— Я женюсь,—говорилъ онъ, снова нагибаясь къ Квашинину.—И если наскучить, ну и похерю—и свободенъ! И какъ мнѣ эдакая глупость на умъ не приходила!

Квашиниъ разинулъ ротъ, опустилъ на колѣни руки, которыя были скрещены на груди и глядѣлъ на Шумскаго недвижно и безсмысленно, какъ истуканъ.

— Что?—едва слышно, тихимъ шепотомъ произнесъ онъ.

— Женюсь, а коли что—подсыплю хоть мышьяку и похерю..

— Кого?—прошепталъ Квашиниъ.

— Господи!—Еву!—нетерпѣливо воскликнулъ Шумскій.

Квашиниъ откачнулся на спинку кресла, опустилъ глаза и ввдохнулъ. Потомъ онъ заволновался на мѣстѣ, задвигалъ руками, всталъ и не обычной, не мягкой, а какой-то пьяной походкой двинулся изъ комнаты.

— Что ты? куда ты?—удивился Шумскій.

Квашиниъ вялся за киверъ, обернулся къ Шумскому, хотѣлъ что-то сказать, но махнулъ киверомъ и пошелъ.

— Стой! Петя! Куда ты?

— Не могу,—обернулся Квашининъ,—не могу: я тебя боюсь, ей-Богу, боюсь! Я думалъ, такихъ на свѣтѣ не бываетъ.

— Что ты путаешь?—произнесъ тихо Шумскій.

— Я думалъ... Что же это? Есть предѣлы! Ну того опойлъ, другого убилъ... Мерзость, гадость, преступленіе всякое легко дается... Набаловался, благо все есть, благо сынъ государева любимца, всесильнаго вельможи. Ну, пакости, пожалуй даже воруй, пьянствуй, убивай. Чтожъ? Благо позволяютъ! Но ее-то, которую сказываешь, любишь, обожаешь—ума рѣшился... Предложеніе ей дѣлать, идти въ церковь, стоять въ храмѣ подъ вѣнцомъ, зная, что ты ее отравишь, когда наскучить!..

Квашининъ быстрыми шагами вышелъ въ прихожую. Не надѣвъ своей шинели, онъ самъ отворилъ себѣ дверь на улицу.

Очутившись на сыромъ воздухѣ, онъ снова снялъ надѣтый киверъ, потеръ себѣ рукой лобъ и, ватѣмъ, зашагалъ по тротуару.

Шумскій не остановилъ пріятеля, стоялъ на томъ же мѣстѣ, задумавшись, и, наконецъ, улыбнулся.

— А если онъ правъ?—думалось ему.—Вѣдь вотъ хотѣлъ фонъ-Энзе изъ-за угла убить, а храбрости не хватило, пошелъ на поединокъ. Ну, какъ я въ дуракахъ останусь? Ну, какъ у меня не хватить храбрости съ ней покончить потомъ?.. Да перепугъ Квашинина это и доказываетъ. Не хватить, не хватить храбрости!..

Шумскій постоялъ нѣсколько мгновеній въ той же позѣ среди горницы и прошепталъ, наконецъ, едва слышно:

— Если ужъ очень прискучить, то право хватить храбрости. Ну, другому поручу, найму... Нѣтъ! Рѣшено! Ёду и дѣлаю предложеніе! Въ годъ, два не прискучить, а тамъ—найму кого-нибудь подсыпать, а самъ и присутствовать не буду. Всякій день такое на свѣтѣ бываетъ! Только объ концахъ думай, только концы умѣй куда слѣдуетъ дѣвать.

Шумскій позвалъ Копчика и сталъ было одѣваться въ статское платье, чтобы ѣхать къ барону, но остановился и выговорилъ:

— Нѣтъ, сегодня поздно. Завтра поѣду.

XXXVI.

На другой день до полудня, Шумскій точно также въ статскомъ платьѣ и на извозчикѣ отправился къ Нейдшильду.

Когда «господинъ Андреевъ» позвонилъ у подъѣзда барона, дверь отворилъ ему тотъ же Антипъ и, увидя его, ахнулъ и сталъ улыбаться во всю рожу. По глупой фигурѣ лакея, выразившей что-то неопредѣленное, не то насмѣшку, не то глупую радость, но вмѣстѣ съ тѣмъ и какое-то холопское торжество побѣдителя, Шумскій сразу понялъ, что въ домѣ даже людямъ все извѣстно.

Тѣмъ не менѣе фигура лакея раздосадовала его.

— Дома баронъ?—выговорилъ онъ, насупившись.

— Дома-съ,—продолжалъ улыбаться Антипъ,—только они приказали васъ не пущать. А вотъ, пожалуйста, получить... или позволите, я сейчасъ вынесу. Тутъ пакетъ съ деньгами... Для васъ они передали...

— Съ какими деньгами?—изумился Шумскій.

— А должно быть жалованье.

Шумскій невольно улыбнулся.

Антипъ двинулся было по лѣстницѣ, притворивъ дверь на носъ г. Андрееву, но Шумскій крикнулъ ему вслѣдъ:

— Отдай деньги барону обратно.

Но въ эту минуту онъ невольно схватилъ себя за голову. Если баронъ—человѣкъ благовоспитанный, высылаетъ ему черезъ лакея его жалованье секретаря, то, стало быть, онъ ничего не знаетъ или почти ничего. Онъ не знаетъ, что имѣетъ дѣло съ Шумскимъ. Что же онъ знаетъ? Стало быть, онъ продолжаетъ считать его Андреевымъ? Иначе онъ не прислалъ бы нѣсколькихъ рублей, которые перестаютъ быть долгомъ, если баронъ знаетъ, что все секретарство было—комедіей и переодѣваніемъ.

Въ эту минуту Антипъ уже снова явился на крыльцѣ съ пакетомъ, на которомъ было написано: «Господину Андрееву со вложеніемъ тридцати рублей».

Шумскій стоялъ, размышлялъ и не зналъ, что дѣлать.

— Извольте получить,—говорилъ Антипъ попрежнему, торжественно правдуя какую-то побѣду своего барина надъ этимъ господиномъ секретаремъ.

— Поди, голубчикъ, доложи барону, что я убѣдительно прошу его принять меня, хотя бы на минуточку.

— Какъ можно-съ,—отозвался лакей.—Строго не приказано.

— Ну, сдѣлай милость. На вотъ тебѣ.

Шумскій быстро досталъ какую-то ассигнацію, сунулъ ее въ руку лакею и прибавилъ:

— И еще дамъ. Ты знаешь—я никогда не жалѣю, пакетъ отнеси барону и скажи—я жду и прошу, ради Господа Бога, на одну минуту меня принять.

Лакей поколебался. Ассигнація была для него соблазнительна, и онъ двинулся какъ бы нехотя въ домъ.

Шумскій ждалъ.

Черезъ нѣсколько минутъ появился снова Антипъ, уже рысью съ тѣмъ же пакетомъ въ рукахъ и не только не улыбаясь, а съ испуганнымъ видомъ быстро заговорилъ:

— Нельзя-съ! нельзя-съ! и вы тоже—меня подвели! я эдакимъ барина и не видывалъ, думалъ—убѣтъ. Нате ваши деньги—ступайте съ Богомъ.

И лакей снова сунулъ пакетъ.

— Ну, ладно. Деньги все-таки отдай барону и скажи ему отъ меня, что завтра будетъ у него флигель-адъютантъ Шумскій по очень важному дѣлу. Эдакъ около полудня. Пускай подождетъ. Понялъ ты?

— Слушаю-сь, а деньги-то какъ же?

— Тѣфу ты, Господи!

Шумскій махнулъ рукой, повернулся на каблучкахъ и пошелъ съ крыльца.

И снова та же мысль вернулась къ нему и тревожила его.

«Чтожь Пашута сказала? Что знаетъ баронъ и чего не знаетъ? Знай онъ, что секретарь Андреевъ флигель-адъютантъ Шумскій, онъ не выслалъ бы денегъ. Стало быть, Пашута рассказала только ухищренья г. Андреева и заставила выгнать изъ дому Лукьяновну. Но вѣдь Лукьяновна—мамка Шумскаго: если Пашута и ничего не сказала, то можно догадаться, что между Андреевымъ и Шумскимъ есть нѣчто общее».

— Чортъ его знаетъ, этого стараго дурака,—воскликнулъ Шумскій вслухъ, быстро идя по панели.—Именно чортъ его знаетъ—что онъ могъ понять и чего никогда не сообразить... Подлаживаться къ разумѣнню дураковъ—мудреное дѣло.

Вернувшись домой, Шумскій снова потребовалъ мамку къ себѣ.

Авдотья, на его вопросы, снова съ буквальной точностью отвѣчала то же самое.

— Да какъ ты полагаешь, Дотюшка,—стараясь придать нѣжность голосу, говорилъ Шумскій,—догадывается онъ, что я не Андреевъ.

— Не знаю, голубчикъ.

Шумскій отпустилъ мамку и позвалъ Шваньскаго. Когда вѣрный Лепорелло вошелъ къ нему въ спальню, онъ принялъ сурово-гнѣвный видъ. Сѣвъ на кресло Шумскій скрестилъ руки на груди и встрѣтилъ Шваньскаго злобной улыбкой, на этотъ разъ дѣланной ради остратки.

— Ну-сь, Иванъ Андреичъ, какъ вы полагаете: теперь кому камушекъ изъ рѣки вытаскивать?

Шваньскій съѣжился, какъ всегда, задвигалъ руками и, отлично понимая вопросъ своего патрона, постарался сдѣлать видъ, что онъ какъ есть ничего не понимаетъ.

— Ты слыхалъ, чучело, пословицу, что одинъ дуракъ въ рѣчку камень броситъ, а семеро умныхъ его не вытащутъ?.. Кто Пашутѣ далъ ножъ? Кто ее выпустилъ?

— Михаилъ Андреевичъ, я же ей-Богу...

— Молчи! Ты все дѣло изгадилъ! Ты меня безъ ножа зарѣзалъ! Можетъ быть и Васька виноватъ. И у него, вижу,—рыло въ пуху. Но все-таки ножикъ ты далъ. Ну, теперь, голубчикъ мой, или ты мнѣ ровыщешь въ Питерѣ поганую Пашутку и приволокешь опять

сюда въ чуланъ или—ищи себѣ другое мѣсто. Посмотримъ—кто тебя возьметъ въ адъютанты, да будетъ тебѣ по три и больше тысячъ въ годъ на чай давать.

— Михаилъ Андреевичъ! Будьте милостивы и справедливы,—заговорилъ Шванскій.

Лицо его развѣхалось, сморщилось, и онъ готовился заплакать.

Шумскій сдерживался, чтобы не разсмѣяться при той фizioноміи, которая представилась его глазамъ. Шванскій, смахивавшій всегда на обезьяну, теперь съ слезливымъ и печальнымъ лицомъ, былъ совсѣмъ уморителемъ.

— Будьте справедливы,—заговорилъ снова Шванскій, утирая пальцами сухіе глаза.—Я вамъ вѣрно служу, всѣмъ сердцемъ какъ рабъ къ вамъ привязанъ. А вы вдругъ эдакое говорите! Не пойду я! Хоть бейте—никуда не пойду. Я помимо васъ на свѣтѣ никого не имѣю. Я сирота.

— Ахъ, скажите на милость! тебѣ и шестьдесятъ лѣтъ будетъ—ты будешь плакаться, что сирота. А ты вотъ что—ты казанскую сироту не представляй, а иди, выдумывай, какъ розыскать Пашутку и приволочь сюда.. Вѣстимое дѣло—черезъ полицію. Я тебѣ даю право дѣйствовать при розыскахъ поганой дѣвки отъ имени самого графа. А сейчасъ я напишу ему письмо, и чѣмъ-нибудь напугаю, а чрезъ три дня отъ дрожайшаго родителя получу казенную бумагу къ петербургскому оберъ-полиціймейстеру. Денегъ бери сколько хочешь, слышишь? Ну, пятьсотъ бери... Хоть тысячу дамъ—чортъ возьми! Только розыщи проклятую собаку, которая мнѣ жить не даетъ.

Шванскій сразу пересталъ хныкать, сразу выпрямился и вздохнулъ свободнѣе. Онъ зналъ, что при возможности—ссылаться не только на самого Аракчеева, но хотя бы только на Шумскаго, да еще и при деньгахъ, онъ въ три дня легко найдетъ бѣгянку, а слѣдовательно можетъ и пожить и примириться съ своимъ патрономъ.

— Я радъ по гробъ служить,—заговорилъ онъ.—Ну, извольте, такъ ужъ и положимъ, что я виноватъ.—Такъ я же свою вину и заглажу. Пожалуйста на первое время записочку вашей руки къ оберъ-полиціймейстеру, что дѣвка графская крѣпостная розыскивается. Да пожалуйста для начала рубликовъ двѣсти, а тамъ видно будетъ.—Можетъ и этого хватить.

Но про себя Шванскій думалъ:

«Нѣтъ ужъ, голубчикъ, что триста рублей мнѣ одному перепадетъ—за это отвѣчаю. Мнѣ кстати скоро жениться».

Шумскій написалъ записку, какъ говорилъ Шванскій, затѣмъ выкинулъ своему Лепорелло изъ стола двѣ сотенныхъ бумажки и выговорилъ:

— А на словахъ прибавь, что завтра либо послѣ завтра полу-

читъ онъ именной строжайшій приказъ графа объ розысканіи бѣглою дѣвкѣ.

— Слушаю-сь.

И Шванскій уже сдерживалъ то веселое настроеніе, которое явилось въ немъ при видѣ крупныхъ ассигнацій. Онъ зналъ отлично, что къ вечеру одна изъ нихъ будетъ истрачена на полицію, а другая—въ его карманѣ.

Шумскій, оставшись одинъ, задумался и сидѣлъ, бессознательно глядя на прохожихъ и на проѣзжихъ. Иврѣдка онъ вставалъ, ходилъ по комнатѣ взадъ и впередъ и снова садился. Наконецъ, онъ вспомнилъ, что все еще одѣтъ въ сюртукъ, синеватый бархатный жилетъ съ бронзовыми пуговицами, что на немъ шарфъ съ розовенькими разводами и съ англійской модной булавкой, изображавшей голову Веллингтона. И онъ началъ не спѣша и улыбаясь раздѣваться, при чемъ, владя платье на стулъ, заговорилъ вслухъ:

— Да, представленію конецъ. Больше въ семь костюмѣ господина секретаря барона Нейдшильда мнѣ не путешествовать. Шабашъ! А главное никакого чорта изъ всего этого не вышло и надобно законнымъ, благопристойнымъ порядкомъ, какъ дураку какому, доставать ее посредствомъ вѣнчанья въ церкви. Что же дѣлать! Ничего! Тамъ послѣ, сказываю, видно будетъ. У самого-то, вѣстимо, духу не хватитъ раздѣлаться, коли надобсть... Поѣдемъ путешествовать на какія-нибудь цѣлебныя воды... Заплатить хорошія деньги, какъ не найти человѣчка, который меня искуснѣйше одовитъ!

И Шумскому вспомнился пріятель Квашнинъ, пораженный его словами, когда самому ему эта мысль пришла вдругъ въ голову и была какъ откровеніе.

«Да, малый не дуракъ, не глупѣе другихъ,—подумалось ему.— А опалѣлъ!.. Но всѣ они такъ. Кабы я уродился такой же, какъ они всѣ, такъ—понятное дѣло думалъ бы и жилъ бы иначе. Но когда мнѣ наплевать на весь міръ Божій! Когда я чувю, что презираю всѣмъ сердцемъ все—сверху до низу. Все земнородное! А пуще всего людей и ихъ дурацкіе законы! Чтожь? таковъ уродился! Я знаю, что иной разъ затѣваю «преступленіе», а вдумайся-ко въ это слово, что оно означаетъ? «Преступленіе законовъ»,—значить шаганье черезъ законъ. Еслибъ оно было невозможно, было бы сверхъестественно, такъ я бы и не шагаль. А коли я это могу дѣлать не будучи чародѣемъ, стало быть законы преступать человѣку можно, а если можно, то мнѣ и должно».

— Вонъ какъ,—улыбнувшись, вслухъ прибавилъ Шумскій,—сказываю, какъ по книжкѣ читаю. Вотъ эдакъ-то у насъ въ Пажескомъ корпусѣ профессоръ изъ русскихъ нѣмцевъ иногда толковалъ охотникамъ про одну новую науку, которую мы прозвали песья логика.

Надѣвъ снова мундиръ и приказавъ заложить коляску, Шумскій выѣхалъ къ Квашнину. Онъ хотѣлъ самъ отвезти ему забытую имъ шинель и кстати скорѣе повидаться съ пріятелемъ, такъ какъ они разстались вчера при особенныхъ условіяхъ.

Подозрительный отъ природы человѣкъ, онъ уже начиналъ подозревать и обвинять Квашнина.

«Не хочется ему въ секунданты идти—вотъ онъ сегодня и придрался. Какое ему дѣло—Ева и что съ нею будетъ! Изобразилъ изъ себя обиженного да и ушелъ, не прощаясь. Авось моля отверчусь отъ секундантства».

Но черезъ минуту Шумскій мысленно совнавался, что онъ напрасно клеветаетъ на Квашнина.

— А вотъ увидимъ,—рѣшилъ онъ.

Довхавъ на Галерную, онъ узналъ отъ той же вѣчно-дохматой кухарки пріятеля, что его нѣтъ дома. Такъ какъ женщина, при всей своей ужасной фигурѣ, была не глупа, то Шумскій объяснилъ ей подробно свое порученіе баряну.

— Скажи Петру Сергѣевичу, чтобы онъ непременно былъ у меня завтра утромъ. Да вотъ бери ихъ шинель.

Отѣхавъ отъ дома пріятеля, Шумскій задумался, куда поѣхать, чтобы найти другого секунданта.

«Нынѣ,—думалось ему,—такая мода пошла—двухъ надо секундантовъ. Скоро дойдутъ до того, что два человѣка будутъ драться, а по цѣлому полку секундантовъ будутъ стоять да смотрѣть. А при эдакомъ людствѣ мудренѣе, конечно, и тайну сохранить».

Перебравъ мысленно всѣхъ своихъ пріятелей, онъ пришелъ къ убѣжденію, что трудно выбрать кого-либо изъ нихъ. Главная бѣда заключалась въ томъ, что онъ съ ними постепенно какъ-то разошелся. Въ прежнія времена, ежедневно бывали въ его домѣ сборища и попойки, и человѣкъ до двадцати жили почти на его счетъ, пили, кутили и брали денегъ взаймы съ отдачей «непременно завтра».—Тогда было возможно кличь кликнуть: человѣкъ десять предложили бы свои услуги. Теперь же, съ той поры, что онъ, занятый баронессой, пересталъ принимать разношерстную стаю блодливовъ,—будетъ нѣсколько мудренѣе. Разумѣется, открой онъ завтра вновь попрежнему трактиръ у себя на квартирѣ—черезъ недѣлю опять всѣ стануть пріятелями. Но вѣдь секундантъ нуженъ не сегодня завтра.

XXXVII.

Послѣ долгихъ размышленій Шумскій рѣшилъ ѣхать къ капитану Ханенко.

Толстый и добродушный хохолъ тоже давно не бывалъ у Шумскаго, но этотъ не былъ похожъ на остальныхъ. Онъ больше выку-

риваль трубокъ, нежели пилъ, бывая у Шумскаго, денегъ никогда у него взаймы не бралъ. Однажды, при внезапномъ предложеніи денегъ со стороны Шумскаго, выпучилъ глаза, разсмѣялся и вымолвилъ, качая головой:

— Вѣдь вотъ доходятъ же люди умные до такого безобразія. Ну, просить кто—дѣлать нечего, дашь. И я даю. А какъ же это, сударь вы мой, самому-то взаймы предлагать. Ахъ, вы, аракчеевскій сынокъ!

Конечно, этотъ случай рѣдкій и удивительный расположилъ Шумскаго въ его пользу.

— Поѣду къ хохлу!—рѣшилъ онъ.

Ему казалось, что Ханенко, не смотря на свое добродушіе и хохлацкую лѣнь, разлитую во всей его толстой фигурѣ, будетъ человѣкомъ самымъ подходящимъ. Онъ уменъ, хитеръ, человѣкъ бывалый, даже въ Сибирь ѣздилъ. Квашнинъ все-таки мямля, а этотъ хоть и толстякъ, а когда дѣло касалось до разрѣшенія какого-нибудь спорнаго или мудренаго дѣла, оказывался человѣкомъ хладнокровно и здраво судящимъ и твердо рѣшающимъ.

— Какъ это я раньше объ немъ не подумалъ, перечислялъ всякую шушеру, а объ Ханенкѣ забылъ!—удивлялся онъ.

Капитанъ жилъ тоже на Васильевскомъ островѣ, но въ противоположной отъ барона сторонѣ, на вывѣдѣ къ какому-то кладбищу. Человѣкъ почти бѣдный, Ханенко, съ трудомъ содержалъ себя въ гвардіи. Всѣ деньги уходили на поддержаніе офицерскаго гонора, а на квартиру и пропитаніе оставалось очень мало.

Когда Шумскій велѣлъ кучеру ѣхать къ Ханенко, тотъ не сразу вспомнилъ, гдѣ живетъ офицеръ, на столько давно уже не бывалъ тамъ съ барининомъ.

Экипажъ помчался, а Шумскій, раздумывая, началъ тревожиться. Ему начинало казаться, что Ханенко откажется наотрѣзъ. Не такой онъ человѣкъ, чтобы лѣзть въ такую исторію и пострадать еще по службѣ. Если его исключать изъ полка за секундантиство, то онъ, дѣйствительно, совершенно пропащій человѣкъ. Предложить ему денегъ хотя бы двѣ-три тысячи—онъ не возьметъ.

— Ну, да увидимъ!—чуть не вскрикнулъ онъ, наконецъ.

Уже на вывѣдѣ съ Острова, около какого-то моста, Шумскій подѣхалъ къ крошечному деревянному домику, покосившемуся набокъ. Появленіе его экипажа произвело на улицѣ извѣстнаго рода переполохъ. Хотя давно не бывалъ онъ здѣсь, тѣмъ не менѣе увидалъ кое-гдѣ знакомыя рожицы мальчишекъ, знакомую фигуру старика не то хозяина, не то дворника сосѣдняго дома, и еще болѣе знакомую фигурку старушки, которая, кажется, была просвириной. Всѣ эти люди не кланялись ему, но улыбались вмѣсто поклоновъ.

Не успѣлъ онъ выйти изъ экипажа, какъ мальчуганъ лѣтъ одиннадцати отворилъ дверь домика и закричалъ:

— Пожалуйте, баринъ откушали, чай пьютъ.

Шумскій двинулся на крылечко и изъ-за фигуры мальчугана увидѣлъ въ сѣняхъ толстаго капитана, идущаго на встрѣчу. Онъ шелъ съ трубкой въ зубахъ, задымивъ всѣ сѣни, переваливаясь, какъ утка, въ темнолиловомъ шелковистомъ, но сильно замасляномъ халатѣ. Халатъ былъ перевязанъ старымъ военнымъ шарфомъ и большія серебряныя кисти его смѣшно болтыхались на животѣ.

— За что жалуете?—заговорилъ онъ басомъ—Что приключилось? Милости прошу...

Будучи не даромъ хохломъ—Ханенко сразу сообразилъ, что если флигель-адъютантъ Шумскій является вдругъ къ нему среди дня, не выдавшись очень долго, то очевидно у него есть дѣло или просьба.

— Пожалуйте, пожалуйста. Чтожъ! Рады служить,—заговорилъ Ханенко и, пропустивъ впередъ гостя, переваливаясь, пыхтя и дымя изъ трубки, двинулся за нимъ.

Когда они усѣлись въ крошечной горницѣ съ двумя тоже крошечными окошечками на улицу, Шумскій, нѣсколько смущаясь, Богъ вѣсть почему, заговорилъ о цѣли своего прибытія.

Онъ никогда не могъ понять—почему иногда случалось ему въ жизни смущаться при столкновеніи съ нѣкоторыми личностями. Дерзкій и высокомерный отъ природы, презрительно относившійся ко всему и ко всѣмъ, онъ будто самъ конфузился иныхъ людей. И онъ не понималъ причины этого.

А причина была простая, Шумскій слегка смущался, когда ему приходилось имѣть дѣло съ людьми въ высшей степени добрыми и честными.

Таковъ былъ хохоль Ханенко. Доброта сердца, прямой умъ, честность мыслей и дѣйствій, рѣзко сказывались въ толстякѣ. И вотъ эти свойства Ханенко заставляли Шумскаго смущаться. Онъ будто невольно, инстинктивно, вопреки собственному желанію, чувствовалъ превосходство такихъ людей надъ собой.

Шумскій объяснилъ свое дѣло кратко, а именно рассказалъ, что полу-нѣмецъ фонъ-Энзе, уланъ, оскорбилъ его и что поэтому онъ обязанъ потребовать у него удовлетворенія и драться съ нимъ. И вотъ онъ является къ пріятелю—просить его помощи. Квашнинъ уже далъ свое согласіе, но нуженъ второй секунданта.

Ханенко пересталъ сосать трубку. Клубы густого дыма разошлись. Онъ опустилъ глаза и лицо его слегка насушилось.

«Откажетъ», подумалъ Шумскій.

Прошло нѣсколько мгновеній молчанія и Шумскій заговорилъ снова:

— Я надѣялся, что вы въ качествѣ моего пріятеля не откажете мнѣ. Отвѣтственности большой не можетъ быть: ну посадятъ въ крѣпость—посидите. А я тогда готовъ многое на себя взять,—нерѣшительно прибавилъ онъ,—чтобы у васъ не было изъ-за меня лишнихъ расходовъ. Да въ крѣпости много чего казеннаго...

— Тонсь это какже-съ?—отозвался Ханенко сумрачно,—на вашъ счетъ стало быть я буду въ крѣпости сидѣть?

— Ну да. Чтожь изъ этого?

— А то изъ этого, Михаилъ Андреевичъ, что за время моего пребыванія въ крѣпости, я преобразусь, такъ сказать, въ вашу содержанку? Я сударь мой, хоть и толстѣ, а все не дѣвка. Да не въ этомъ дѣло! Прежде, чѣмъ дать свое согласіе, я буду просить васъ объяснить мнѣ главное для меня обстоятельство. Какъ и чѣмъ оскорбилъ васъ господинъ уланъ фонъ-Энзе? За что вы вступаетесь?

Шумскій разинулъ ротъ и отчасти вытаращилъ глаза. Подобнаго вопроса онъ не ожидалъ, а отвѣчать на него было невозможно. И молодой человѣкъ вмѣсто отвѣта вдругъ расхохотался почти добродушно.

Ханенко улыбнулся хитрой улыбкой.

— Что-съ! такъ вотъ извольте мнѣ сказать, чѣмъ онъ собственно оскорбилъ васъ?

Шумскій невольно началъ смѣяться еще больше. Ему казался забавнымъ оборотъ разговора. Какъ же сказать Ханенко, что оскорбленіе фонъ-Энзе заключается въ томъ, что онъ не пустилъ его ночью воровать честь неповинной, предательски опоенной дѣвушки? А помимо этого дѣянія фонъ-Энзе не было ничего.

Шумскій пересталъ смѣяться и подумалъ:

«Ахъ, чортъ тебя, хохла, подери! Вотъ задачу задалъ».

Лгать Шумскому не хотѣлось. Объяснить все и сказать правду тоже не хотѣлось да было и невозможно. Онъ молчалъ.

— Вы меня извините,—началъ онъ, наконецъ—но мнѣ бы не хотѣлось въ данномъ случаѣ, какъ говорятъ французы, mettre les points sur les i—иначе говоря, ставить точки на i?

— Это сударь мой, Михаилъ Андреевичъ, можно такъ съ разными точками поступать въ пустякахъ да еще во Франціи,—улыбаясь, произнесъ Ханенко.—Но мы съ вами живемъ въ Россійской имперіи, говоримъ о дѣлѣ серьезномъ, такъ уже вы соизвольте въ этомъ случаѣ словъ точками не замѣнять. Вамъ, конечно, какъ человѣку образованному извѣстно, что, къ примѣру сказать, въ разныхъ, вотъ, романахъ, точками замѣщаются все больше неприличныя происшествія съ героями.

И хохоль, съостривъ, началъ добродушно смѣяться.

— Приключеніе же ваше, полагаю, не надо точками призакрыть,—прибавилъ онъ.

«Ахъ ты, бестія!»—подумалъ про себя Шумскій и молчалъ окончательно, не зная, какъ ему вывернуться.

— Извольте,—выговорилъ онъ,—я вамъ объясню подробно, въ чемъ заключается оскорбленіе фонъ-Энзе. Оно ни въ чемъ не заключается... но я...

— Вотъ-съ я такъ-то и думалъ,—выговорилъ Ханенко.—Я такъ

и полагалъ, что аккуратный и добropорядочный нѣмецъ не погѣветъ оскорблять зря арапчеевскаго сына, какъ васъ прозываютъ. Какая ему охота! А стало быть вы сами тутъ что-нибудь изволили неосторожно сдѣлать.

— Дѣло простое,—заговорилъ рѣшительно Шумскій.—Онъ и я равно влюблены въ одну дѣвушку. Она относится къ намъ обоимъ совершенно одинаково. Одинъ изъ насъ долженъ уступить. На это ни онъ, ни я—не согласны. Слѣдовательно нужно, чтобы одинъ изъ насъ немедленно отправился на тотъ свѣтъ, не мѣшая другому отправляться въ храмъ подъ вѣнецъ.

— Тѣ-э-късь,—проговорилъ Ханенко.—Ну, чтожъ, это похоже на правду.

И послѣднiя слова хохолъ ухитрился сказать такъ, что они прямо значили, по отгѣнку его голоса: «врать-то ты умѣешь».

Тѣмъ не менѣе теперь уже Ханенко былъ въ затрудненiи. Сказать Шумскому, что онъ жметъ и требовать истины—онъ не могъ. Надо было принять все за правду и дать отвѣтъ.

— Вотъ что, дорогой мой Миханлъ Андреевичъ,—заговорилъ Ханенко.—Я хоть въ обществѣ питерскомъ не вращаюсь—средства мнѣ не дозволяютъ, но я все-таки дворянинъ и въ порядочномъ обществѣ и у себя въ Хохландiи и здѣсь въ столицѣ—бывалъ. Слыхалъ я, что когда приглашаютъ кого въ секунданты, то якобы дѣлаютъ ему честь. Слыхалъ я, что отказываться—считается великой подлостью. Такъ ужъ стало быть люди разсуждаютъ, ну, такъ и мы будемъ говорить, оставя въ сторонѣ собственный способъ врѣнiя. Такъ вотъ стало быть: я не могу отказать вамъ! Только позволете мнѣ прибавить—вы все-таки власть имущiй человѣкъ. Будемъ мы всѣ трое равно виноваты. Васъ, конечно, графъ Арапчеевъ выпарапаетъ изъ бѣды: скажетъ словечко государю—и будете вы чисты и правы, яко агнецъ. Такъ позволете васъ просить общать, потоварищески, и объ насъ съ Квашиннымъ не забыть. А то, знаете ли, несправедливо будетъ, если вы будете разгуливать по Невскому, а мы двое съ Квашиннымъ сидѣть цѣлый годъ въ казематѣ. Это вѣдь не утѣшенiе, что вы предлагаете насъ за это время, яко бы двухъ дѣвицъ-шведокъ на содержанiе взять.

Шумскій сталъ горячо увѣрять капитана, что онъ почти увѣренъ заранѣе въ благополучномъ исходѣ дуэли, но еще болѣе увѣренъ въ заступничествѣ графа-отца!

— Я знаю навѣрное, что батюшка всячески постарается меня выгородить, а слѣдовательно и моихъ секундатовъ. Такъ по рукамъ, стало быть?

— Извольте-съ... Гдѣ наше не протряхалось... Извольте...

Ханенко уже протягивалъ руку, но вдругъ рука его остановилась на воздухѣ, лицо омрачилось тревожнымъ выраженiемъ, и онъ принялъ руку назадъ.

— Стойте! Хороши мы оба.. Ну, а если, добрѣйшій Михаилъ Андреевичъ, нѣмецъ-то васъ, какъ пить дастъ, ухлопаетъ на мѣстѣ. Тогда что? Ась?

Шумскій глядѣлъ въ лицо толстяка съ легкимъ удивленіемъ и тотчасъ же разсмѣялся.

— Вы вовсе объ этомъ не подумали,—сказалъ Ханенко.—Вотъ то-то молодежь. Ну, а извольте разсудить, если вы на мѣстѣ мертвымъ останетесь, то насъ съ Квашнинымъ, живыхъ начальство подъ соусомъ съѣстъ. Тотъ же вашъ батюшка засудитъ и въ Камчатку угонитъ за то, что мы помогли его сына убить. И я-то, тоже гусь хорошъ, сразу не сообразилъ. Вы-то будете въ обществѣ съ праведниками, а мы-то съ камчадалами.

— Да этого не можетъ быть,—воскликнулъ Шумскій.—Я не буду убитъ. Я знаю...

— Какъ же это такъ? Что же вы заговоренный, что ли? Васъ пуля не беретъ?

— Ну, на это,—рѣшительно выговорилъ Шумскій,—я ничего не могу вамъ сказать. Сами посудите, что если я мертвымъ буду, такъ я ужъ хлопотать объ васъ не могу. Стало быть, какъ знаете. Хотите отказаться—откажитесь. Но этимъ вы меня поставите въ самое затруднительное положеніе.

Наступило молчаніе. Ханенко набилъ трубку, запалилъ ее и, снова задымивъ горницу, заговорилъ изъ облаковъ:

— Вотъ что, Михаилъ Андреевичъ, я человѣкъ пожилой и бывалый, поэтому предусмотрительный. Есть средства. Напишите вы предъ поединкомъ пространное письмо къ вашему родителю, да напишите краткое письмо или докладъ на имя государя императора. Изобразите въ нихъ все, скажите, что Квашнина и меня всячески уговорили, что мы васъ изъ всѣхъ силъ останавливали, ну, и такъ далѣе. Вы человѣкъ умный, знаете, что написать. Вотъ эти два письма вы въ боковой кармашекъ сюртука и положите. Авось, коли васъ пуля прострѣлитъ, такъ въ другое какое мѣсто, а не продырявитъ эти письма,—пошутить снова Ханенко.

Эта мысль очень понравилась Шумскому. Онъ посидѣлъ еще нѣсколько минутъ, потомъ крѣпко пожалъ руку толстяку и вышелъ отъ него.

Шумскій вышелъ изъ маленькаго домика и покинулъ хохла, какъ рѣдко случалось ему покидать людей. Обыкновенно различаясь съ кѣмъ-либо, онъ презрительно и насмѣшливо относился къ тому, кого покидалъ и къ тому, что отъ него слышалъ. Теперь же, уходя отъ толстяка-капитана, онъ не могъ ничего выискать надъ чѣмъ бы пришлось презрительно издѣваться. Однако, онъ все-таки ворчалъ, садясь въ коляску.

— Туша! Тюфякъ! Славная, однако, природа у него! Добродѣ-

тельный! Людямъ и Богу угодный человекъ. Жирю на тѣлѣ много, а все-таки душа-то постаня!

Вернувшись домой, Шумскій занялся вопросомъ, что прежде предпринять: заставить фонъ-Энзе драться или дѣлать предложеніе.

— Это зависитъ отъ баронессы Евы,—усмѣхнулся онъ.—Если она улана не любить, можно прежде руку и сердце предложить. Если она его любитъ, нужно прежде его убить.

— Но если она его не любить, то и драться съ нимъ не нужно?—вдругъ воскликнулъ онъ.—Чортъ знаетъ, какая у меня въ головѣ не разбериха. Третьяго дня рѣшилъ съ нимъ драться на смерть, а вчера порѣшилъ жениться, съ тѣмъ, что похерю, когда наскучить... А драться все-таки глѣзу... Да! Безъ этого ни чтѣ не выгорить!..

Черезъ часъ размышленій Шумскій думалъ:

«Первое дѣло драться и убить.. Второе дѣло жениться и тоже... Ну да это не теперь... Только... вотъ еще какой вопросъ? Чтѣ, если онъ меня уложитъ на повалъ, женится на Евѣ, и будутъ они вмѣстѣ надо мной подшучивать, покуда я буду лежать, гнить и вонять... Глупо! Такъ глупо, что даже дрожь беретъ и не со страху, а со злости. А можно ли дѣло такъ вести, что глупого конца не будетъ, а умный конецъ будетъ. Конечно, можно. Убить его просто какъ пса, изъ-за угла, самъ цѣль будешь... А это изволите видѣть—преступленіе. Стало быть, что глупо, то законно и правильно. А что умно, то неправильно... А разумъ восхваляется людьми, глупость осмѣивается, презирается. Вотъ тутъ и живи, по ихнему... И будучи семи пядей во лбу — все-таки дуракъ будешь. Мнѣ бы надо было жить въ древнѣйшія времена или еще черезъ тысячу лѣтъ, когда люди заживутъ почеловѣчески, а не по книжкѣ... Нѣтъ, каковѣ была скотина тотъ, кто первый выдумалъ—добродѣтель. Весь Божій міръ изгадилъ!»

Графъ Е. Салиасъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ ¹⁾.

XXXI.

И ни за что рисковать имъ не буду; въ противномъ случаѣ отецъ, мать и братъ, не только не постараются облегчить мнѣ затрудненія, то есть сдѣлать мнѣ дорогу болѣе удобной въ матеріальномъ отношеніи, но, напротивъ того, рады будутъ связать мнѣ руки и ноги, лишь бы со мной не разлучаться, а братъ сказаль, что съ моей стороны — уже не говоря о разлукѣ — сущій вадоръ пускаться въ дальнюю дорогу безъ вѣрнаго попутчика, лишь въ сопровожденіи, готовыхъ со мной ѣхать, глупаго долговязаго камердинера Проньки да шутихи Прасковьи, о которыхъ я же должна заботиться. И въ самомъ дѣлѣ Александръ разсудилъ здраво. Съ какой стати мнѣ разѣзжать въ трескучіе морозы по непріятельской, хотя и усмиреной чужой землѣ? Того гляди, придется плохо и мнѣ, и Пронькѣ и Прасковьѣ; къ тому же польскаго языка совсѣмъ не знаю; они тоже его не знаютъ.

«Александръ умоляетъ меня и не думать въ этомъ году о Варшавѣ; рисуется онъ мнѣ мою будущность въ Польшѣ самими чер-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXIII, стр. 236.

ными красками, а на вопросъ чего боится, отвѣчалъ, что его томить какія-то скверныя предчувствія, и что если онъ со мной разлучится, то и его можетъ постигнуть несчастье. Я сочла эту тираду плодомъ разстроеннаго воображенія (*j'ai traité cette tirade comme fruit de son imagination exaltée*); какъ бы ни было, я брата успокоила, и мы порѣшили: о Варшавѣ мнѣ въ этомъ году и не думать, а въ маѣ переселиться, если не къ нему на лѣто, то возобновить мою прежнюю дѣвическую жизнь до поры до времени, то есть, отправиться съ моими стариками въ Михайловское, а квартиру сдать, потому что тратить на нее деньги мнѣ не по силамъ. Польши же боюсь хуже огня. Братъ Александръ совершенно входитъ въ мое положеніе, и очень досадуетъ на Сергѣя Львовича, который такъ запуталъ дѣла, что не могъ сдержатъ обѣщанія отдать мнѣ должное: не получаю отъ отца съ декабря ни полушки, довольствуясь высылаемою тобой частью изъ жалованья, да процентами съ ничтожной суммы, отданной нашему другу Лихардову. По крайней мѣрѣ проценты вѣрны, и эта сумма находится въ рукахъ истинно преданнаго намъ и акуратнаго человѣка, горячо любящаго всѣхъ насъ. Онъ тоже удивляется твоему рѣшенію связать себя съ Варшавой, говоря, что толку большого отъ этого тебѣ ожидать нечего...

... «6-го марта 1832 года. Вчера я показала, или лучше сказать, передала твое письмо Александру, въ которомъ опровергаешь подробно нелѣпую басню о твоей ссорѣ съ Ангелемъ, раздутой до небывалыхъ размѣровъ. Александръ былъ у меня сегодня, и сказалъ, что прочелъ его Сергѣю Львовичу отъ доски до доски. Мой дражайшій родитель, повидимому, очень былъ радъ, и безпрестанно прерывалъ чтеніе брата словами: «*Dieu, Dieu merci, que la volonté du ciel soit faite!*» Не напиши ты этого подробнаго письма Александру, то первому твоему письму дражайшій бы и не повѣрилъ—доказательства были довольно въ немъ слабы,—и сплетня пошла бы гулять по всѣмъ знакомымъ, значить по всему Петербургу, при помощи одной изъ твоихъ недоброжелательницъ; не назову ее,—самъ знаешь. Впрочемъ, и кромѣ нея, у тебя есть недоброжелательницы: ты—не въ обиду будь тебѣ сказано—комплименты дамамъ говорить не мастеръ, а всегда ухитряешься съ ними быть въ размовкахъ, отпуская имъ рѣзкости, если онѣ въ разговорахъ тебѣ противурѣчатъ...

«Невѣстка моя—Наташа сдѣлается скоро матерью, и будетъ, увѣряю тебя, самой гѣжной и примѣрной матерью. Жаль только, что теперь не бережетъ здоровья. По ея словамъ, она принуждена чуть ли не всякій вечеръ являться на спектакли и вечера, значить проводить безсонныя ночи. Александръ мечетъ противъ этого грома и молніи (*Alexandre jette feu et flamme*), но выбранившись хорошенько, всегда уступаетъ ея убѣжденіямъ, что выѣзжать необходимо, и отправляется съ женой вмѣстѣ, вѣвая на балахъ во

всю мочь (*il y baille à gorge déployée*). Я совѣтывала ему тоже плясать, и танцами лѣчить скуку; припомнила брату, какъ онъ, бывало, любилъ быстрое движеніе, бѣганье и особенно живую пляску—свойственную нашей африканской крови; братъ увѣряетъ, что хотя ему и тяжело насиловать природу, но строго слѣдовать ей, въ его лѣта и положеніи, смѣшно! А какіе же его лѣта? Вообразилъ себя старикомъ—вотъ и все. Правда, неприятностей у него бездна съ этимъ сладчайшимъ Б. (*avec ce doucegeux de B.*)¹⁾. Сладчайшій готовъ, на словахъ, умереть за Россію, а на дѣлѣ русскихъ ненавидитъ, и выбралъ моего брата—русскаго до конца ногтей (*qui est russe jusqu'au bout des ongles*)—ковалищемъ отпущенія (*en qualité de bouc émissaire*). Б. послалъ ему неприятную рацею (*une harangue bien desagreceable*) за то, что братъ напечаталъ стихи не по его вкусу и вздумалъ читать ему правоученія, которыя подъ стать бывшимъ его гувернерамъ—французу Руслѣ и нѣмцу Гауеншильду. Александръ отвѣчалъ Б. съ достоинствомъ, какъ подобаетъ старинному русскому дворянину (*comme un gentilhomme russe, et gentilhomme de vieille souche*), и безподобно сдѣлалъ. Онъ умнѣе господина Б. во сто разъ, а преданъ царю и отечеству болѣе чѣмъ этотъ господинъ въ миліонъ разъ. Наконецъ, у брата борода слишкомъ густа, чтобы съ нимъ поступали какъ со школьникомъ (*à la fin des fins mon frère a trop de barbe au menton pour être écolier*). Знаетъ, слава Богу, какъ писать, и что писать...

«Эта исторія очень возмутила брата, который мнѣ признался, что его вырвало жолчью. Очень, очень понимаю. (*Je le comprends on ne peut mieux*).

«А что братъ Левъ? И на него слетни. Носятся слухи, будто бы онъ у васъ въ Варшавѣ напроказилъ по своему (*on prétend, qu'il a fait des siennes*); хотя онъ ничего, Боже сохрани, противъ чести и нравственности не сдѣлалъ, но, какъ говорятъ—помѣстилъ, въ послѣднее время, столько денегъ въ желудки своихъ товарищей по полку, нагружая оныя устрицами и шампанскимъ, что, въ концѣ концовъ, долженъ былъ прибѣгнуть къ долгу довольно почтенному; остается узнать, кто этотъ долгъ заплатитъ. Надѣюсь, что ты тутъ не при чемъ (*mais dernièrement, à ce qu'on dit, il a mis tant d'argent dans les estomacs de ses camarades de régiment, en les bourrant d'huitres et de champagne, qu'à la fin des fins il a été obligé de contracter une dette assez respectable. Reste à savoir, qui payera les*

¹⁾ Ольга Сергѣевна всегда была крайне осторожна въ письмахъ, а потому не выставляла фамилій цѣлкомъ, но какъ можно догадаться, тутъ рѣчь идетъ о недоброжелателѣ Пушкина, Бенкендорфѣ, и нанесенной этимъ послѣднимъ первому неприятности, въ видѣ письменнаго запроса, возмѣдствіе напечатанія безъ предварительнаго разрѣшенія стихотворенія «Древо яда» («Анчаръ») въ альманахѣ «Сѣверные цвѣты» на 1832 годъ, изданномъ Пушкинымъ въ пользу родныхъ барона А. А. Дельвига.

rots cassés; j'espère que vous n'y êtes pour rien). Объ этомъ долгѣ раз-
благовѣстия Сергѣю Львовичу; онъ прослезился и запѣлъ свой ро-
мансъ «Que la volonté du ciel soit faite», но умоляетъ меня спро-
сить у тебя по секрету: правда ли это, и сколько Леонъ задол-
жалъ? Александру ничего еще неизвѣстно, но и онъ, вѣроятно, услы-
шитъ отъ добрыхъ людей означенную (la susmentionnée) новость.
Если же Леонъ отъ тебя скрываетъ истину, то можешь провѣдать
обо всемъ у его пріятеля Алексѣя Николаевича Вульфа. Онъ и Левъ
неразлучны, но Вульфъ и съ тобой откровененъ.

«Имъ обоимъ очень кланяется (приказываетъ тебѣ передать
этотъ поклонъ) Анетъ Кернъ (Annette Kern). Она здѣсь, и проси-
дѣла у меня третьяго дня весь вечеръ. Такая же веселая, какъ и
была, и, какъ говоритъ Александръ, попрежнему такъ же добра
какъ хлѣбъ, который ѣдятъ (tout aussi bonne, comme du pain que l'on
mange); поручила тебѣ передать Лелькѣ безпутному, хотя и храб-
рому капитану, (quoi qu'au vaillant capitaine), что она бережетъ свой
альбомъ какъ глазъ, такъ какъ храбрый капитанъ нацарапалъ
туда порусски свои стихи въ ея честь: «Какъ можно не сойти
съ ума»,¹⁾ не смотря на то, что опасный соперникъ Леона—души
впрочемъ въ «капитанѣ» нечающій — (догадываешься, что этотъ
соперникъ братъ Александръ)—когда-то посмѣялся надъ стихами
Льва, сказавъ о повѣи Лельки: «хочетъ меня перещегоолять, помимо
половицы: «куда конь съ копытомъ мчится, туда ракъ съ
квашней тащится». А я-то и боюсь; что Леонъ—если рассказан-
ные его подвиги (ses hauts faits) не сплетня,—въ самомъ дѣлѣ съ
ума сошелъ».

Не привожу буквально прочихъ писемъ моей матери за апрѣль,
въ которыхъ она упоминаетъ о дѣятельности дяди Александра съ
января 1832 года, считая совершенно излишнимъ повторять давно
уже извѣстное всякому, кто изучалъ труды нашего поэта въ хро-
нологическомъ порядкѣ. Въ моей же хроникѣ, излагающей семей-

¹⁾ Считаю не лишнимъ привести эти стихи дяди Льва:

«Какъ можно не сойти съ ума,
«Внимая вамъ, на васъ люблюсь,
«Венера древняя мила
«Чудеснымъ поясомъ красуюсь.
«Альмена, Геркулеса мать,
«Съ ней въ рядъ, конечно, можетъ стать.
«Но чтобъ молнии и любви
«Ихъ такъ усердно какъ и васъ,
«Ихъ спрятать нужно имъ отъ васъ,
«У нихъ вы лавку перебили»...

Упомянувъ о поэтической выходкѣ Льва Сергѣевича, Анна Петровна Кернъ
замѣчаетъ въ своихъ запискахъ, что она дѣйствительно показала дядѣ Алексан-
дру эту выходку, и онъ, прочитавъ ее, сказалъ обо Львѣ Сергѣевичѣ: «Il a aussi
beaucoup d'esprit».

ныя событія Пушкиныхъ и Павлицевыхъ, ограничиваюсь указаніемъ, что Ольга Сергѣевна въ письмахъ къ мужу за апрѣль говорить объ усердномъ посѣщеніи братомъ архивовъ какъ инспекторскаго департамента, такъ и другихъ правительственныхъ учреждений, куда ему, по высочайшему повелѣнію, былъ открытъ безпрепятственный доступъ, для собранія матеріаловъ къ историческимъ трудамъ; въ то же время Пушкину разрѣшенъ былъ и осмотръ библіотеки Вольтера.

Говоритъ Ольга Сергѣевна также, что братъ сообщилъ ей о его намѣреніи написать подробную, вполнѣ безпристрастную, исторію нашего сѣвернаго Аннибала—Суворова, основываясь также и на иностранныхъ источникахъ, и получилъ уже изъ московскаго архива официальные донесенія знаменитаго полководца о его дѣйствіяхъ противъ французовъ, въ Италіи и Швейцаріи.

Кромѣ того, Ольга Сергѣевна пишетъ, что Пушкинъ приступилъ тогда къ фантастической драмѣ «Русалка», задавшись мыслію перенести на русскую почву преданіе, избранное уже сюжетомъ многихъ иностранныхъ романовъ и даже оперъ—какъ напримѣръ «Le lac des fées» Обера, «La dame du lac» Буальде и т. д. «Не выйдетъ ли это нѣчто въ родѣ «Ундины» Василя Андреевича?» заключаетъ письмо Ольга Сергѣевна.

Наконецъ, въ письмѣ отъ 28 апрѣля, мать говоритъ о великодушнѣмъ братѣ, издаваемаго въ пользу братьевъ Дельвига альманахъ «Сѣверные цвѣты»,—за который Александръ Сергѣевичъ получилъ тоже не мало непріятностей. Сообщаетъ она, между прочимъ, что ея братъ залумалъ приступить къ изданію и ежедневной политической газеты, при чемъ не могу не упомянуть, что Ольга Сергѣевна посмотрѣла на это предпріятіе весьма неблагопріятно. «Mon pauvre frère—пишетъ она мужу—veut se mettre en train de profaner son génie poétique, et de le profaner uniquement pour subvenir à ses besoins matériels; mais, d'après ce qu'il m'a raconté, en m'exposant sa position précaire, il ne saurait faire autrement. (Мой бѣдный братъ готовъ осквернить свой поэтическій геній, и осквернить его единственно для того, чтобы удовлетворить насущнымъ матеріальнымъ потребностямъ; но судя по тому, что онъ мнѣ рассказывалъ, описывая свое ненадежное положеніе, Александръ иначе и поступить не можетъ). Но куда ему, съ его высокой соверцательной идеальной душою, окунуться въ самую обыденную прозу—продолжаетъ Ольга Сергѣевна—возиться съ будничнымъ вздоромъ, прочитывать всякій день полицейскія извѣстія, кто пріѣхалъ, кто уѣхалъ, кто на улицѣ невначай разбилъ себѣ носъ, кого потащили за уличные безпорядки въ часть, сколько публики было въ театрахъ, какая актриса или актеръ тамъ восторгался, болтать всякій день о дождѣ и солнцѣ (parler quotidiennement de la pluie et du beau temps), а что всего хуже—печатать да разбирать безчисленныя побасенки иностран-

ныхъ лгуновъ, претендующихъ на политическія свѣдѣнія—чортъ съ ними! Гораздо лучше предоставить всѣ эти пошлости Булгарану и Гречу. (Et ce qui est bien pis—c'est d'imprimer et de colporter un million de sornettes, dont les menteurs étrangers nous régaleront à tout bout de champs,—menteurs, qui se pavant de chanter politique, puissent tous les diables les emporter! Il serait bien mieux de mettre toutes ces balivernes aux ordres des messieurs Булгаринъ et Гречъ).»

Упомянувъ, что дядя Александръ имѣеть въ виду взять къ себѣ въ помощь, въ качествѣ распорядителя по изданію газеты, Наркиза Ивановича Отрѣшкова, Ольга Сергѣевна рассказываетъ мужу о проектируемомъ сотрудничѣ между прочимъ слѣдующій анекдотъ:

«Наркизъ Ивановичъ прекрасный молодой человѣкъ, такъ что для газеты лучше и не надо; аккуратный, честный, работающій, но увы! такъ безнадежно влюбленъ во французскій языкъ, что коверкаетъ его не меньше твоего пана Мицковича, а слѣдовательно дѣйствуетъ мнѣ на нервы ужаснѣйшимъ образомъ. Поймешь меня, когда тебя спрошу: каково твоему музыкальному уху выносить фальшивыя ноты? Слущая однако намеки, Наркиза Ивановича, я не могла удержаться отъ смѣха. Вообрази, соглашаясь въ серьезномъ разговорѣ съ моимъ мнѣніемъ, онъ пожелалъ отпустить мнѣ комплиментъ, и сказать пофранцузски, что я умная женщина (que je suis une femme sage), да брякнулъ мнѣ какъ разъ наоборотъ; и запѣлъ: Madame, madame, vous êtes une sage femme, une sage femme» (то есть, если перевести порусски: «сударыня, сударыня! вы бабка повивальная, повивальная»). Я—каюсь въ согрѣшеніи—отвѣчала ему на родномъ,—не на французскомъ языкѣ: «а кто вамъ рассказаль, что я акушерка, Наркизъ Ивановичъ? Будущій сотрудникъ растерялся, и рассыпался въ извиненія, но былъ на столько уменъ, что не обидѣлся»...

Мысль моего дяди издавать ежедневную газету не осуществилась. Мать моя сказала «и слава Богу», но Плетневъ и Соболевскій поспѣвовали, а князь Петръ Андреевичъ Вяземскій выражаетъ свое объ этомъ сожалѣніи въ своихъ воспоминаніяхъ. «Журналъ Пушкина,—пишетъ покойный князь,—не состоится, по крайней мѣрѣ, на будущій годъ; жаль: литературная шайка Грече-Булгаринская остается въ своей силѣ»...

Желаніе князя Вяземскаго объ изданіи Пушкинымъ ежедневнаго печатнаго органа въ столицѣ заявлено, между прочимъ, и въ слѣдующихъ его строкахъ къ И. И. Дмитріеву:

«Молодой или будущій газетчикъ занятъ своей беременностью. Тяжелый подвигъ, особенно при недостаткѣ сотрудниковъ. Пришлите что-нибудь новорожденному на зубокъ... Благословите его на новое поприще»...

Говоря объ этомъ, считаю не лишнимъ замѣтить, что покойный князь Петръ Андреевичъ Вяземскій, во время своихъ частыхъ

посѣщеній моей матери лѣтомъ 1856 года, когда она, живя на дачѣ Лѣснаго института, была близкой его сосѣдкой, высказалъ ей въ одной изъ бесѣдъ—которой я былъ очевиднымъ свидѣтелемъ,—мысль, что перо Александра Сергѣевича, если бы онъ управлялъ ежедневнымъ печатнымъ органомъ, не замедлило бы облагородить русскую повременную литературу, придавъ ей настоящій, а не фальшивый русскій характеръ, такъ какъ главная газета—«Сѣверная Пчела»—слѣдовательно и другіе журналы, были монополіей корчившихъ изъ себя русскихъ, поляка Булгарина, нѣмца Греча ¹⁾, и исполняли концерты по камертону нѣмца же Бенкендорфа да не совсѣмъ русскаго Дубельта. Гдѣ же тутъ могло настоящей Русью пахнуть?»...

Не приводя подробно сообщеній моей матери за апрѣль 1832 г., извлекаю лишь одну выдержку изъ ея письма отъ 27 числа, послѣ того какъ Александръ Сергѣевичъ, въ одномъ изъ разговоровъ съ нею, выразилъ крайнее свое неудовольствіе, что онъ слыветъ въ большомъ свѣтѣ «единственно» сочинителемъ, вслѣдствіе чего и обозвали его таковымъ, для отличія отъ прочихъ его однофамильцевъ Мусиныхъ-Пушкиныхъ, Бобрищевыхъ-Пушкиныхъ и т. д.

«Братъ опять сдѣлался уже черезчуръ раздражительнымъ—пишетъ Ольга Сергѣевна—и принимаетъ къ сердцу такія бездѣлицы, которыя надо бы пропускать мимо ушей. Представь себѣ, до сихъ поръ не можетъ переварить (*jusqu' à présent il ne peut digérer*) рассказъ своего пріятели ²⁾,—который, легко можетъ быть и выдумалъ сплетню для краснаго словца,—будто бы при развѣдѣ съ какого-то бала, когда прислуга закричала «карета Пушкина готова», нѣкто изъ господъ, ожидавшихъ очереди, полюбопытствовалъ спросить: какого Пушкина? и получилъ на этотъ вопросъ отъ кого-то громкій отвѣтъ: «сочинителя!»

«Братъ—продолжаетъ Ольга Сергѣевна—передалъ мнѣ это великое происшествіе съ пѣной у рта (*l'écume à la bouche*), говоря, что онъ не какъ сочинитель, а какъ столбовой русскій дворянинъ посѣщаетъ открытое для него, какъ и для всякаго подобнаго ему дворянина, высшее общество, и что отнюдь не желаетъ служить предметомъ любопытства, въ качествѣ курьезнаго звѣря, господамъ зѣвакамъ («*et ne se soucie d'aucune façon d'être le point de mire, à l'instar d'une bête curieuse, aux messieurs les badauds*»). Къ этому Александръ прибавилъ, что если бы въ данномъ случаѣ, да и во всѣхъ другихъ, его называли для отличія отъ однофамильцевъ чи-

¹⁾ Дѣйствительно Гречъ былъ изъ нѣмцевъ, помимо своей русской грамматики.

Л. П.

²⁾ Фамилія не выставлена.

Л. П.

новникомъ иностранной коллегіи Пушкинымъ—ему гораздо было бы пріятнѣе. Въ иностранной коллегіи другихъ Пушкиныхъ нѣтъ».

Высказанную сестрѣ досаду Пушкинъ излиялъ,—впрочемъ, тремя годами позже—въ своихъ «Египетскихъ ночахъ», намекая, какъ догадываюсь, на приводимый Ольгой Сергѣевной рассказъ, когда говорить, что Чарскаго, имѣвшаго несчастье писать и печатать стихи, звали въ журналахъ поэтомъ, а въ лакейскихъ—сочинителемъ и излагаетъ ватѣмъ слѣдующія мысли, выстраданныя имъ самимъ:

«Не смотря на великія преимущества, коими пользуются стихотворцы—пишетъ Александръ Сергѣевичъ—эти люди подвержены большимъ невыгодамъ и непріятностямъ. «Зло самое горькое, самое нестерпимое для стихотворца есть его званіе и прозвище, которымъ онъ заклеименъ, и которое никогда отъ него не отпадаетъ. Публика смотритъ на него какъ на свою собственность; по ея мнѣнію, онъ рожденъ для ея пользы и удовольствія. Возвратится ли онъ изъ деревни, первый встрѣчный спрашиваетъ его: «не привезли ли вы намъ чего-нибудь новенькаго?» Задумается ли онъ о разстроенныхъ своихъ дѣлахъ, или о болѣзни милаго ему человѣка, тотчасъ пошлая улыбка сопровождаетъ пошлое восклицаніе: «вѣрно что-нибудь сочиняетъ!» Влюбится ли онъ, красавица его покупаетъ себѣ альбомъ въ англійскомъ магазинѣ, и ждетъ уже элегіи. Пріѣдетъ ли онъ къ челоуѣку, почти съ нимъ незнакомому, поговорить о важномъ дѣлѣ, тотъ уже кличетъ своего сына, и заставляетъ читать стихи такого-то, и мальчишка угощаетъ стихотворца его изуродованными стихами. А это еще цвѣты ремесла! Каковы же должны быть ягоды? Чарскій признавался что привѣтствія, запросы, альбомы и мальчишки такъ ему надоѣли, что поминутно онъ принужденъ былъ удерживаться отъ какой-нибудь грубости».

Въ дальнѣйшихъ, слѣдующихъ, строкахъ Пушкинъ очень удачно рисуетъ собственный свой портретъ, начиная съ его отношеній къ свѣту до своей страсти къ печеному картофелю включительно; картофель въ печеномъ видѣ Ольга Сергѣевна всегда приготовляла дядѣ Александру, когда онъ у нея засиживался долѣе обыкновеннаго:

«Чарскій—говоритъ дядя—употреблялъ всевозможныя старанія, чтобы сгладить съ себя несносное прозвище. Онъ избѣгалъ общества своей братіи литераторовъ, и предпочиталъ имъ свѣтскихъ людей, даже самыхъ пустыхъ, но это не помогало ему. Разговоръ его былъ самый пошлый, и никогда не касался литературы... Въ своей одеждѣ онъ всегда наблюдалъ самую послѣднюю моду съ радостью и суевѣріемъ молодого москвича, въ первый разъ отъ роду пріѣхавшаго въ Петербургъ. Въ кабинетѣ его, убранномъ какъ дамская спальня, ничто не напоминало писателя:

книги не валялись по столамъ и подъ столами; диванъ не былъ обрызганъ чернилами; не было того безпорядка, который обличаетъ присутствіе музъ и отсутствіе метлы и щетки. Чарскій былъ въ отчаяніи, если кто-нибудь изъ свѣтскихъ его друзей заставлялъ его съ перомъ въ рукахъ. Трудно повѣрить, до какихъ мелочей могъ доходить человѣкъ, одаренный, впрочемъ, талантомъ и душою. Онъ прикидывался то страстнымъ охотникомъ до лошадей, то отчаяннымъ игрокомъ, то самымъ тонкимъ гастрономомъ, хотя никакъ не могъ отличить горской породы отъ арабской, никогда не помнилъ козырей, и втайнѣ предпочиталъ печеный картофель всевозможнымъ изобрѣтеніямъ французской кухни. Онъ велъ жизнь самую разсѣянную, торчалъ на всѣхъ балахъ, объѣдался на всѣхъ дипломатическихъ обѣдахъ, и былъ на всякомъ вечерѣ такъ же неизбѣжимъ, какъ Рязановское мороженое. Однакожъ, онъ былъ поэтъ, и страсть его была неодолима. Когда находила на него такая дрянь (такъ называлъ онъ вдохновеніе) ¹⁾, Чарскій запирался въ своемъ кабинетѣ и писалъ съ утра до поздней ночи. Онъ признавался искреннимъ своимъ друзьямъ, что тогда только и зналъ истинное счастье. Остальное время онъ гулялъ, чинясь и притворяясь, и слыша поминутно славный вопросъ: «не написали ли вы чего-нибудь новенькаго?..»

«Сегодня жду къ себѣ мою милую и добрую невѣстку Наташу» — пишетъ Ольга Сергѣева мужу отъ 6-го мая. — «Она готовится сдѣлаться очень скоро матерью, а пока не увижу моего будущаго племянника или племянницу, не хочу и помышлять объ отъѣздѣ не только въ твою «дурацкую Польшу» — не въ огорченіе будь тебѣ сказано (*n'en vous déplaît*) — о чемъ можешь отложить всякое житейское попеченіе — ²⁾ но и куда бы ни было изъ Петербурга. Александръ опять сталъ меня убѣждать переселиться къ нему послѣ родовъ жены на все хѣто съ тѣмъ, чтобы нянчиться съ новымъ или новой Пушкиной — кого Богъ ему пошлетъ — но чѣмъ я могу быть полезной? и безъ меня публики у него будетъ довольно.

«Наташа страдаетъ ужасными головокруженіями, но страданія переноситъ безропотно. Она, можно сказать, ангелъ терпѣнія и кротости: отъ нея никто не слышитъ ни досаднаго слова, ни жалобы. Докторъ запретилъ ей выѣзжать на вечера и въ театръ, но совѣтывалъ гулять всякій день по немножку, буде хорошая погода, а Наташа у меня долго не засидится; Александръ за нею пріѣдетъ. Видя ее страдающую, онъ страдаетъ не меньше, чѣмъ она, такъ что я ему

¹⁾ Однажды Ольга Сергѣевна спросила брата, будетъ ли онъ вечеромъ у Талынинныхъ? — Никакъ не могу, такъ какъ чувствую, что сегодня на меня найдеть дрянь, и буду много писать, — отвѣчалъ Пушкинъ. Л. П.

²⁾ Эта фраза написана порусски. Л. П.

сказала въ шутку: «A vous voir, on dirait que ce n'est pas Наташа, mais vous, qui subissez tous les martyrs de l'enfement». Онъ поручилъ мнѣ тебя извѣстять, что твой пріятель и товарищъ по лицу Дурасовъ сдѣланъ надняхъ камеръ-юнкеромъ. Къ этому Сашка-шалунъ (а онъ шалунъ, когда захочетъ) прибавилъ, что и тебѣ туда же дорога, потому что Паскевичъ, когда съ тобой объясняется, приходитъ отъ тебя въ восторгъ, и при вѣрной оказіи омолотитъ тебя, если не внутри, такъ снаружи; но, сказавъ, что ты у Паскевича на хорошемъ счету, (que tu es en très bonne odeur auprès de Паскевичъ) братъ сообщилъ о тебѣ, увы! и четыре раза увы! (helas, et quatre fois hélas!) новую сплетню: дѣло въ томъ, что сюда пожаловалъ изъ Варшавы его знакомый, нѣкто Литке, который ему побожился (qui lui a juré ses grands Dieux), будто бы тебя снабжаютъ жалованьемъ не въ пять тысячъ рублей ассигнаціями, какъ ты писалъ, а въ пять тысячъ золотыхъ—(à raison de cinq mille пятиалтынный, chrétienement parlant). Александръ этому повѣрилъ, да и написалъ брату Льву, съ тѣмъ однако, чтобы «храбрый капитанъ» тебѣ не проболтался, правда ли это? Оказывается вѣдоръ, о чемъ Левъ и далъ знать Александру—тоже отъ тебя по секрету. Между тѣмъ, Сергій Львовичъ, который было такъ обрадовался, когда я ему говорила о пяти тысячахъ рубльяхъ, рассчитывая по этому, что могу обойтись безъ его помощи, впалъ—какъ говорилъ Александръ—въ отчаяніе (est tombé de son haut), когда услышалъ отъ брата новость господина Литке о пяти тысячахъ золотыхъ, и сейчасъ же развязалъ языкъ (il a délié sa langue) передъ матушкой, а она, само собою разумѣется, объѣздила своихъ знакомыхъ подѣлиться соображеніемъ, что если переѣду къ тебѣ въ Варшаву, то познакомлюсь съ одной лишь нетопленной комнатою, да двумя-тремя стульями, совершенно ветхими. Александръ говоритъ, что хотя сплетня и пошла гулять дальше, но онъ бы мнѣ о томъ и не заикнулся, если бы не получалъ опроверженія отъ брата (s'il n'aurait pas reçu un démenti de son frère là dessus).

«Впрочемъ, во всякомъ случаѣ, сдѣлаешь мнѣ большое удовольствіе, если и ты письменно подтвердишь Александру неосновательность разсказа Литке, точно такъ же, какъ уже опровергнулъ и пущенные нелѣпые толки о твоей чудовищной размолвкѣ съ Энгелемъ. Александръ, хотя и считаетъ тебя человѣкомъ рыцарски правдивымъ, но мало ли что могутъ ему натрубить, да и меня поставить въ неловкое положеніе; могутъ подумать, что, рассказывая о твоихъ пяти тысячахъ, я хвастунья. Къ счастью Александръ догадался всю эту сплетню распутать».

19-го мая 1832 года у Александра Сергѣевича родилась дочь, названная при крещеніи Маріей, въ честь покойной бабки Пушкина—Марья Алексѣевны Ганнибалъ. Ольга же Сергѣевна, какъ видно изъ ея письма къ моему отцу, отправленнаго изъ квартиры

дяди Александра, склонясь на просьбу послѣдняго, переѣхала къ нему на короткій срокъ, за нѣсколько дней до появленія на свѣтъ новорожденной. Въ письмѣ отъ 22-го мая, моя мать сообщаетъ, что она «вынуждена была объявить брату напрямикъ о необходимости скорого своего отъѣзда въ Варшаву, не смотря на ея отвращеніе, какъ она выражалась—къ «дурацкой Польшѣ», потому что жить на два ховяйства было немыслимо. Поддержки же отъ Сергѣя Львовича ожидать не предстояло возможности, такъ какъ его казна перешла цѣликомъ въ ящики воровъ-управляющихъ, которые, набивъ себѣ карманы золотомъ, благодумствуютъ и процвѣтаютъ безнаказанно на счетъ стариковъ. (Toute la fortune de mon père, grâce à son inexpérience, est passée dans les tiroirs de ses archivistes d'intendants, qui seuls rengorgent d'or et prospèrent impunément, au détriment de nos vieux).

Дядя Александръ—какъ мать, впрочемъ, и ожидала,—возсталъ противъ ея предположенія, говоря сестрѣ, что пока да что, онъ самъ придетъ къ сестрѣ на помощь, съѣздитъ въ Михайловское, и не только прогонитъ оттуда мошенника приказчика, но отдастъ его за воровство подъ судъ, чѣмъ и спасетъ les très chers parents, которые и будутъ выдавать ей правильно проценты съ причитавшейся матери моей суммы, а моему отцу нечего-де связывать себя съ Варшавой; Варшава для русскихъ не постоянное пребываніе, но постоянный дворъ. Такъ дядя и выразился; въ концѣ же концовъ настоялъ, чтобы Ольга Сергѣевна провела лѣто у стариковъ, прибавивъ, что самъ будетъ стараться перевести впоследствии изъ Варшавы сюда Николая Ивановича, если осенью суждено уже будетъ разстаться съ сестрой.

На другой же день послѣ этого разговора, дядя Александръ черкнулъ въ Михайловское приказчику требованіе выслать на его имя немедленно,—подъ страхомъ короткой, но самой безпощадной расправы—часть слѣдующихъ Сергѣю Львовичу денегъ. Острастка подѣйствовала: плутъ управляющій струсиль, и выслалъ если не все требуемое, то часть, которую ддя и вручилъ Сергѣю Львовичу—къ большой радости послѣдняго,—убѣдивъ при этомъ своего отца снабдить сестру извѣстной цифрой, которая могла бы отдалить еще на четыре мѣсяца ея отъѣздъ въ Варшаву.

«По милости моего добраго Александра—пишетъ мать Николаю Ивановичу отъ 30-го мая—можешь мнѣ изъ твоего жалованья за іюнь и іюль выслать меньше. Полученныя отъ отца деньги пойдутъ и на уплату квартиры, и на столъ, и на пару новыхъ для меня скромненькихъ платьевъ. Кромѣ того, Александръ принудилъ меня продать ему мебель, оцѣнивъ ее гораздо выше того, что она стоитъ на самомъ дѣлѣ. Сказалъ, что она ему будто бы необходима, а если ему ее не продамъ, то этимъ его обижу. На эти полученные отъ него деньги я купила мебель по дешевле, и въ меньшемъ количе-

ствѣ, имѣя въ виду переѣхать осенью къ тебѣ; возьму купленную съ собой. Теперь сижу у брата, и онъ мнѣ объявилъ, чтобы я и не думала отъ него уѣхать раньше субботы. Невѣстка чувствуетъ себя хорошо, а малютка у нея хоть куда; на кого будетъ больше похожа, нельзя сказать, но кажется скорѣе на отца, и выйдетъ такая же крикунья, какъ и онъ, судя по тому, что голосить и теперь очень исправно».

Во второй половинѣ іюня старики Пушкины рѣшили ѣхать въ Михайловское, на все лѣто и осень. Хозяйство ихъ шло очень плохо; Александръ же Сергѣевичъ, заботясь о своемъ семействѣ, не могъ заниматься постоянно ихъ просвѣщеніемъ, и сказалъ сестрѣ: «не могу сидѣть надъ моимъ отцомъ съ указкой. Онъ, слава Богу, совершеннолѣтній. Самъ пускай вѣдается, какъ знаетъ!»

Дѣла Сергѣя Львовича не только не улучшились, но произошло и нѣчто худшее: избалованные безпечнымъ бариномъ мужики порѣшили, до будущаго 1833 года, не платить Сергѣю Львовичу оброка, и подкрѣпили такое рѣшеніе поджогомъ своихъ же четырнадцати хатъ, и хлѣба, съ цѣлю получить право на неплатежъ (*ils ont résolu — пишетъ Ольга Сергѣевна — se trouvant au cabaret, d'incendier 14 maisons et de brûler le blé, dans l'espoir d'avoir le droit à ne pas le faire*). Сергѣй Львовичъ прискакалъ съ Надеждой Осиповной въ Михайловское, велѣлъ «пейзанамъ» собраться у крыльца, затопалъ на нихъ обѣими ногами, предложилъ нѣсколько вопросовъ, въ родѣ слѣдующаго: «когда же сдѣлаетесь людьми, пьяныя свиньи», и... тѣмъ дѣло кончилось.

«Пейзане» почесали покорные затылки, не внесли все-таки ни гроша, а мошенникъ управляющій остался княжить и владѣть еще на четыре года, пока не былъ выгнанъ моимъ отцомъ, о чемъ рѣчь впереди.

Ольга Сергѣевна, выѣхавъ въ половинѣ іюля изъ Петербурга въ Михайловское къ родителямъ, сдала милую ей квартиру въ домѣ Дмитріева, и рассталась съ нею — какъ она мнѣ говорила — заливаясь горькими слезами.

«Покидая мое разоренное гнѣдышко — сообщила мнѣ она — я подчинилась ничѣмъ неодолимому чувству грусти. Предвидѣла я, что не только этотъ любимый мною уютный уголокъ исчезаетъ для меня на вѣки, но и родной мнѣ Петербургъ, къ которому отъ души привязана, въ которомъ родилась, росла, радовалась, страдала — Петербургъ, гдѣ обитаетъ все что близко къ сердцу — долго, а можетъ быть никогда меня не увидитъ. Мнѣ казалось, что комнаты, окна, двери, печки дома Дмитріева говорили мнѣ: «зачѣмъ и на что насъ покидаешь?»

Сопровождая своихъ родителей въ деревню, Ольга Сергѣевна простилась, скрѣпя сердце, съ Александромъ Сергѣевичемъ, но такъ какъ она ему ничего не говорила о принятомъ ею рѣшеніи отпра-

виться изъ Михайловскаго прямо въ Варшаву, увѣривъ, что сдала квартиру изъ экономіи, а мебель беретъ съ собой въ деревню съ тѣмъ, чтобы перевести ее вновь на другую квартиру, которую непременно найметъ въ Петербургѣ осенью, то Александръ Сергѣевичъ на этотъ разъ, не смотря на свой даръ предчувствія, ей повѣрилъ, и когда сестра, прощаясь съ нимъ и съ невѣсткой, не могла удержаться отъ рыданій, то очень удивился этому, и спросилъ ее о причинѣ ея отчаянія и грусти, которую объяснить себѣ не можетъ, такъ какъ Михайловское не Богъ знаетъ какъ отъ него далеко, а если она уже такъ жалѣетъ его и Наталью Николаевну, то ничто ей не мѣшаетъ пріѣзжать къ нимъ изъ Михайловскаго, да и совсѣмъ къ нимъ переселиться.

«Я должна была выдержать роль до конца»,—говорила мнѣ мать,— «то есть не обмолвиться брату ни единымъ словомъ, что считаю предстоявшую съ нимъ разлуку, если не вѣчной, то очень и очень долговременной».

Привожу затѣмъ ея дальнѣйшія слова—на сколько ихъ помню. Мать рассказала мнѣ объ этой тяжелой для нея минутѣ приблизительно такъ:

«Александръ очень обрадовался моему приходу, и одобрилъ мой планъ ѣхать черезъ нѣсколько дней къ родителямъ, говоря, что лучше ничего и выдумать нельзя; мечтать же о побѣдѣ въ Варшаву нечего, такъ какъ въ этомъ нѣтъ никакого смысла. Совѣтывалъ онъ мнѣ продолжать въ деревнѣ писать мои воспоминанія, заниматься живописью, и не принимать къ сердцу пустяковъ, помня, что смертные живутъ не два, а одинъ только разъ».

«Невѣстка была особенно ласкова и родственна; опять показала мнѣ новорожденную Машу. Тутъ-то волновавшая меня чувства побѣдили рассудокъ: поцѣловавъ и перекрестивъ малютку, я истерически зарыдала, чему братъ очень удивился. Онъ проводилъ меня на слѣдующій день до Подгорнаго Пулкова, не доверѣвая, что лишніе его проводы для меня были и лишними, какъ говорить пословица—слезами. Но и тутъ о Варшавѣ я ему не заикнулась; однако, благословивъ его, я обняла Александра, мучительно рыдая. Никогда еще я такъ не скорбѣла при прежнихъ съ нимъ разлукахъ; казалось мнѣ, теряю его безвозвратно. Если бы только могла предвидѣть, что во время моего отсутствія соврѣтъ противъ него заговоръ мерзавцевъ, жаждавшихъ его крови, то ни за что на свѣтѣ не удалилась бы изъ Россіи, а во что бы ни стало склонила Николая Ивановича бросить Варшаву, и переѣхать ко мнѣ въ Петербургъ. При всемъ томъ, въ моемъ воображеніи рисовались картины мрачнѣе одна другой».

«Прощаясь со мною, Александръ сказалъ: — Олинька! если такъ тебѣ грустно со мной разставаться, то чтобы не было еще грустнѣе, совѣтую тебѣ не оборачиваться назадъ,

когда твой экипажъ тронется, и на меня не смотрѣть вслѣдъ. Примѣта вѣрная».

«Но совѣту брата, я не послѣдовала, и когда двинулась моя карета, не вытерпѣла, чтобы не обернуться, и еще разъ взглянула на удалявшася брата»...

Итакъ—съ половины іюля до половины октября—Ольга Сергѣевна провела послѣднее время своего пребыванія на русской землѣ—съ которой затѣмъ разсталась на довольно длинный періодъ—у родителей въ Михайловскомъ, посѣщая вмѣстѣ съ ними въ Тригорскомъ своихъ подругъ Вульфовыхъ (братъ ихъ Алексѣй Николаевичъ служилъ въ одномъ изъ полковъ, расположенныхъ тоже въ Варшавѣ), и лежавшихъ не далеко отъ Михайловскаго вотчины Ганнибаловыхъ, Шушеринныхъ, Рокотовыхъ и другихъ знакомыхъ, о которыхъ я упоминалъ уже въ прежнихъ главахъ моей хроники.

Между тѣмъ, отъѣздъ моей матери въ Варшаву къ отцу, гдѣ онъ тогда окончательно устроился и прискалъ новую квартиру, сдѣлался для Ольги Сергѣевны неизбежнымъ, и скрывать этотъ отъѣздъ отъ стариковъ не было уже никакой возможности.

«На той недѣлѣ, — пишетъ она Николаю Ивановичу отъ 6-го августа,—я объявила папѣ и мамѣ о моемъ намѣреніи встрѣтить меня осенью въ Варшавѣ на нанятой уже съ этой цѣлью (*dans ce but*) тобой квартирѣ, а также и о дальнѣйшей невозможности играть вовсе не присущую мнѣ роль и дѣвушки, и вдовушки, между тѣмъ какъ я ни то, ни другое. Можешь себѣ вообразить, какую я сцену вынесла послѣ этого, и вынесла въ мои-то лѣта! «Дражайшій» изъ себя вышелъ (*le draжайшій est sorti hors de ses gonds*), мама тоже, оба не понимая никакъ, что я четыре года замужемъ, а въ разлукѣ съ мужемъ гораздо болѣе года, и что не могу же ихъ забавлять моей особой до второго пришествія (*et que je ne peux pas les amuser par ma personne jusqu'au jour du jugement dernier*) безъ развода съ тобою, а развода совершенно не желаю, къ чему, впрочемъ, кажется, и не предстоитъ ни малѣйшаго повода. Я, по словамъ Александра, Пенелопы второго изданія (*moi, au dire d'Alexandre, je suis une Penelope d'une seconde édition*), а что касается до тебя, мой дорогой, — сердись или не сердись для меня все равно, — ты, слава Богу, далеко не такъ обворожителевъ, чтобы записаться въ новѣйшіе Донъ-Жуаны, (*et à ce qui vous concerne, mon cher, ne vous en déplaît—cela m'est parfaitement égal—vous êtes bien loin d'être séduisant, pour que votre nom soit inscrit au registre des Dons - Juans modernes*), и даже если бы ты не уступалъ въ красотѣ не только Донъ-Жуану, но и самому Нарцису, то и тогда не счумѣлъ бы этимъ качествомъ воспользоваться какъ слѣдуетъ: вести съ дамами интересныя для нихъ бесѣды никакъ не можешь,

а желая отпустить дамамъ сколько-нибудь сносный комплиментъ, поподчуешь ихъ такой — по невинности души твоей — дерзостью, вслѣдствіе которой онѣ рады будутъ съ тобой и не встрѣчаться. Опасень, нечего говорить!

«Все это я высказала дражайшимъ, и истощила передъ ними много доказательствъ необходимости переселенія къ тебѣ, помимо моего какого-то непонятнаго отвращенія къ Польшѣ, гдѣ вдали отъ родныхъ рѣдко услышу и родное, русское слово. Моей рѣчью я ихъ повидимому убѣдила: по крайней мѣрѣ «Мольеровскихъ сценъ» послѣ этого уже не было: теперь отецъ ограничивается тѣмъ, что обливаетъ меня слезами, а Вульфамъ, Рокотовымъ и Веніамину Петровичу Ганшибалу проповѣдуетъ мое упрямство. Лучшее бы доказательство иначе, что меня любить. Мать же, увѣряя будто бы ты слишкомъ занятъ службой, чтобы обо мнѣ думать, — а въ Варшавѣ у тебя въ свободные часы бедна, дескать, пріятелей вполнѣ меня замѣняющихъ, (каково?!)—твердитъ мнѣ всякій Божій день, что она не можетъ привыкнуть къ моему намѣренію жить съ тобою. Каково мнѣ переносить всё ея причитыванія? Еще хорошо, что я упростила родителей ничего пока не писать брату Александру о моемъ рѣшеніи; не то, присоединился бы къ нимъ, и сталъ бы угощать меня тоже, правда, не изустными, но совершенно напрасными письменными сценами, для чего и радъ былъ бы преодолѣть свою лѣнь на переписку, — переписку, которая подѣйствовала бы какъ нельзя хуже на мои нервы. Къ счастью, нервы теперь, у меня окрѣпли, а мой первобытный нравъ опять взялъ преимущество¹⁾. Я веселѣе и беззаботнѣе чѣмъ всякая другая, которая очутилась бы на моемъ мѣстѣ. Что дѣлать? Стараюсь разсѣяться прогулкою, при хорошей погодѣ, а при дурной — чтеніемъ и живописью; кромѣ того, утѣшаю себя мыслию, что покидая родителей помимо ихъ воли, покидая друзей, мѣста, среди которыхъ провела нѣсколько свѣтлыхъ лѣтъ моей жизни, вновь найду тебя, мой мнимый Донъ-Жуанъ; а ты имѣешь въ виду мое благополучіе, и отъ тебя зависитъ уже затѣмъ всецѣло и мое счастье».

Привожу затѣмъ нѣкоторыя выдержки изъ писемъ Ольги Сергѣевны къ моему отцу за августъ того же 1832 года, на сколько письма эти касаются Александра Сергѣевича.

Въ одномъ изъ нихъ моя мать, рассказывая о домашнемъ бытѣ своего брата, и упоминая о ея послѣднихъ съ нимъ свиданіяхъ, сообщаетъ уже не пофранцузки, а порусски:

... «Александръ, когда возвращался при мнѣ домой, цѣловалъ свою жену въ оба глаза — считая это привѣтствіе самымъ подходящимъ выраженіемъ нѣжности, а потомъ отправлялся въ дѣтскую, любоваться своей «Машкой», какъ она находится или на рукахъ

¹⁾ Послѣдняя фраза порусски, и слово «первобытный» подчеркнуто. Л. П.

у кормилицы, или почиваетъ въ колыбелькѣ, и любовался ею довольно долго, часто со слезами на глазахъ, забывалъ что супъ давно на столѣ.

«Говорилъ онъ мнѣ, что дѣвочку называлъ Маріей и въ честь бабушки, а отчасти потому, что не хотѣлъ дать дочери другого имени, которое можно было бы коверкать, согласно народной фантазіи, чего и будетъ всегда избѣгать, если Богъ пошлетъ ему дальнѣйшихъ наслѣдниковъ. Братъ увѣряетъ, что ни одинъ народъ такъ не коверкаетъ собственныя имена, какъ мы, русскіе; и, къ сожалѣнію, не одно наше простонародье. Напримѣръ, имена женскія: Евдокія, у насъ—Авдотья, Аквиліна—Акулина, Агрипина—Аграфена, Елена—Алѣна, Февронія—Хавронья, а мужскія: Иосифъ—Осипъ, Флоръ—Фролъ, Антоній—Антонъ, Парфеній—Парфѣнъ, такъ что изъ благозвучныхъ именъ—въ особенности изъ Февроніи и Флора—наши соотечественники возлюбленные ухитрились сотворить уже не имена, а клички, безобразныя для уха».

Въ другомъ письмѣ Ольга Сергѣевна, сообщая мужу о настроеніи духа брата-поэта, и соболѣзнуя о его мнительности, излагаетъ слѣдующія мысли Пупкина, которыя и перевожу, такъ какъ это письмо моей матери—подобно прочимъ—за исключеніемъ предшествоващаго—французское:

... «Александръ мнѣ сказалъ, что не вѣрить прочности своего семейнаго счастья. Въ своей Наташѣ онъ, правда, видитъ совершенство, и даетъ голову на отсѣченіе (*il met sa tête en gage*), что она въ отношеніи къ нему всегда пребудетъ чиста и непорочна, и что иначе, при ея христіанскомъ благочестіи и страхѣ Божиемъ, быть не можетъ; быть иначе не можетъ также и потому, что она видитъ передъ собой человѣка, который любитъ ее—сказать лучше влюбленъ въ нее безъ памяти,—предупреждаетъ, какъ можетъ, ея желанія, на сколько они удобоисполнимы,—человѣка, который молить Создателя, чтобы всѣ предназначенныя ей свыше невзгоды пали не на нее, а на него. Но, не смотря на свою увѣренность, братъ говорилъ мнѣ, что онъ иногда считаетъ себя самымъ несчастнымъ существомъ (*un être des plus malheureux*)—существомъ, близкимъ къ сумасшествію, когда видитъ свою жену, разговаривающую и танцующую на балахъ съ красивыми молодыми людьми; одно уже прикосновеніе чужихъ мужскихъ рукъ къ ея рукѣ причиняетъ ему приливы крови къ головѣ (*lui fait monter le sang à la tête*), и тогда на него находитъ мысль, не дающая ему покоя, что жена его, оставаясь ему вѣрной, можетъ измѣнять ему мысленно (*mentalement*). На мое замѣчаніе, что онъ сражается съ привидѣніями, Александръ мнѣ сказалъ, что моя мысль несправедлива, и опять повторилъ свое предположеніе о возможности не фактическаго предпочтенія,—которое, по благородству и благочестію Наташи, пред-

полагать въ ней просто грѣшно—но о возможности предпочтенія ею мысленнаго другихъ передъ нимъ. Разговоръ мой съ нимъ происходилъ, разумѣется, съ глазу на глазъ, и онъ молилъ меня Христомъ и Богомъ не упоминать Наташѣ о сказанномъ ни полслова. Признался мнѣ братъ, что онъ во время каждаго бала дѣлается мученикомъ, а затѣмъ проводитъ отъ гнетущей его, тяжелой мысли, бессонныя ночи¹⁾.

Какъ видно по напечатаннымъ письмамъ дяди къ Натальѣ Николаевнѣ изъ Москвы—куда онъ ѣздилъ въ концѣ сентября, недѣли на три,—Пушкинъ намекаетъ ей, хотя и въ шуточномъ дружескомъ тонѣ, на то, что ея бесѣды съ посторонними кавалерами ему не совсѣмъ по нутру, а въ письмѣ отъ 27-го сентября говоритъ между прочимъ: «Не хорошо только, что ты пускаешься въ разныя кокетства: принимать П...а тебѣ не слѣдовало, во-первыхъ потому, что при мнѣ онъ у насъ ни разу не былъ, а во-вторыхъ «хоть я въ тебѣ и увѣренъ», но не должно свѣту подавать поводъ къ сплетнямъ». Отъ 30-го числа дядя шутитъ слѣдующимъ образомъ: «Мы (т. е. Пушкинъ и Баратынскій) всякій день видимся. А до женъ намъ и дѣла нѣтъ. Грѣхъ тебя мнѣ подовѣрвать въ невѣрности къ тебѣ и въ разборчивости къ женамъ друзей моихъ. Я только завидую тѣмъ изъ нихъ, у коихъ супруги не красавицы, не ангелы прелести, не Мадонны etc. etc. Знаешь русскую пѣсню: «Не дай Богъ хорошей жены, хорошу жену часто въ пиръ зовуть, а бѣдному-то мужу въ чужомъ пиру похмѣлье, да и въ своемъ тошнить»...

Въ заключеніе не могу не замѣтить, что по словамъ моей матери, Наталья Николаевна, будучи права довольно веселаго, любила

¹⁾ Въ изданной академикомъ Я. К. Гротомъ книгѣ «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники» (стр. 211), напечатанъ одинъ изъ сохранившихся въ бумагахъ П. А. Плетнева списковъ съ автографовъ дяди; въ немъ находится пропущенная въ окончательномъ текстѣ XV и XVI строфа къ VI главѣ Евгения Онѣгина, въ которой безсмертный поэтъ художественно изображаетъ собственныя свои чувства, упоминаемая въ вышеприведенномъ письмѣ моей матери:

- Да, да, вѣдь ревности припадки—
- Волянь, такъ точно какъ чума,
- Какъ черный сплинъ, какъ лихорадка,
- Какъ поврежденіе ума.
- Она горячкой пламенѣетъ,
- Она свой жаръ, свой бредъ имѣетъ,
- Сны злые, призраки свои.
- Помилуй Богъ, друзья мои!
- Мучительнѣй вѣтъ въ мірѣ казни
- Ея терзаній роковыхъ.
- Повѣрьте мнѣ: кто вынесъ ихъ,
- Тотъ ужъ конечно безъ боязни
- Взойдетъ на пламенный костеръ,
- Или шюю склонитъ подъ топоръ».

иногда подшучивать надъ родными и хорошими знакомыми, и подшучивать надъ ними въ глаза, а никакъ не за глаза, зачастую, впрочемъ, не разбирая въ игривомъ ли расположеніи духа ея слушатели или нѣтъ. Она вообще любила, въ веселыхъ бесѣдахъ, ихъ поддразнивать (*les taquiner*), не думая ихъ обижать. Въротно и вышеприведенные намеки мужа были ничѣмъ инымъ, какъ результатомъ того же добродушнаго поддразниванія, которое, однако, Пушкинъ терпѣть вообще не могъ, будь подобное поддразниванье словесное или письменное. Короче, покойная моя тетка не поняла мужа съ этой стороны какъ слѣдуетъ, не постигнувъ его до крайности неровный характеръ—характеръ при томъ подозрительный, мнительный. И безъ поддразниваній въ шуточномъ тонѣ, онъ былъ ожесточенъ серьезными поддразниваньями «добрыхъ людей», которые и тогда уже были не прочь утопить Пушкина въ столовой ложкѣ, выжидая только удобнаго для этого случая.

Александръ Сергѣевичъ останавливался въ Москвѣ у своего друга Павла Войновича Нащокина, посѣщалъ — какъ выше сказано—Сонцовыхъ, Евгения Абрамовича Баратынскаго, Михаила Петровича Погодина, котораго впоследствии приглашалъ помогать ему въ архивныхъ трудахъ ¹⁾, но занять былъ преимущественно исполненіемъ своихъ литературныхъ предиріятій. «Мнѣ пришелъ въ голову романъ (въротно дядя имѣлъ тогда въ виду «Капитанскую дочку») — пишетъ Пушкинъ Натальѣ Николаевнѣ, — и я въротно за него примусь; но покажѣсть, голова моя кругомъ идетъ при мысли «о газетѣ». Какъ-то слажу съ нею? Дай Богъ здоровья Отрыжкову (такъ дядя прозывалъ всегда Наркиса Ивановича Отрѣшкова, о которомъ я упоминалъ выше); авось вывезетъ».

.....

XXXII.

Не распространяясь подробно о томъ, какъ мой дѣдъ и бабка привыкли, въ концѣ концовъ, къ мысли, что разлучѣ съ дочерью рано ли поздно ли имъ не миновать, и не описывая подробно послѣдніе дни пребыванія Ольги Сергѣевны въ Михайловскомъ, скажу, что моя мать покинула родительскій очагъ 6-го октября 1832 года, недѣли за полторы до возвращенія дяди Александра изъ Москвы въ Петербургъ, гдѣ онъ опять перемѣнилъ квартиру, поселившись въ болѣе для него удобной, хотя и болѣе дорогой—на Большой Морской, въ домѣ тогдашняго богача Жадимеровскаго.

¹⁾ Въ слѣдующемъ году, по ходатайству Пушкина, архивы, кромѣ тайнаго, открыты были и Погодину, какъ видно изъ письма къ нему моего дяди отъ 5-го марта слѣдующаго 1833 года. Л. П.

Ольга Сергѣевна выѣхала 6-го октября изъ Михайловскаго во Псковъ, куда ее провожали, кромѣ родителей, и воспитыя дядей ея подруги—обитательницы Тригорскаго—Анна Николаевна Вульфъ, сестра ея Евпраксія Николаевна Вревская, ихъ мать Прасковья Александровна Осипова, и кузены Ганнибалы—Семень Исаковичъ и Веніаминъ Петровичъ; по милости неизмѣнной веселости всей этой беззаботной компаніи, настроившихъ на мажорный тонъ расположеніе духа какъ стариковъ Пушкиныхъ, такъ и уѣзжавшей, разлука обошлась безъ лишнихъ патетическихъ сценъ со стороны Сергѣя Львовича и Надежды Осиповны; дѣдъ удалился въ уголь, и тихо заплакалъ; прослезилась и бабка, послѣ чего оба стали проклинать Варшаву и Польшу. При окончательномъ разставаньи, Сергѣй Львовичъ написалъ любовное письмо Николаю Ивановичу, а Надежда Осиповна, не сказавъ о зятѣ, по обыкновенію, ни полслова, вручила дочери только записку Льву Сергѣевичу, и просила ее поклониться брату «Тригорскихъ сосѣдокъ»—Алексѣю Николаевичу Вульфу.

Изъ Пскова Ольга Сергѣевна отправилась въ дальнѣйшій путь на Варшаву—черезъ Динабургъ, Вильно и Брестъ-Литовскъ—въ сопровожденіи двухъ прислугъ; ѣхала на почтовыхъ, но въ собственной каретѣ, приобретенной на часть выхлопотанныхъ Александромъ Сергѣевичемъ у Сергѣя Львовича денегъ.

Послѣднее письмо Ольги Сергѣевны Николаю Ивановичу, гдѣ она сообщаетъ ему все изложенное мною выше, помѣчено изъ Динабурга.

По пріѣздѣ Ольги Сергѣевны въ Варшаву открывается постоянная, послѣдовательная съ нею переписка дѣда и бабки. Сергѣй Львовичъ и Надежда Осиповна сообщаютъ ей въ стройномъ, систематическомъ порядкѣ событія, касающіяся какъ ихъ семейнаго очага, такъ и обстоятельствъ, случившихся съ покойнымъ нашимъ поэтомъ. Переписка эта и послужила мнѣ, главнымъ основаніемъ, при веденіи настоящей хроники съ конца 1832 по 1836 годъ, т. е. до кончины бабки. Разказы же о событіяхъ 1837 года, заканчивающіе отдѣлъ моихъ воспоминаній, предлагаемыхъ читателямъ «Историческаго Вѣстника» основаны преимущественно на записанныхъ мною словахъ моихъ родителей, и дополняются какъ изустными сообщеніями лицъ, стоявшихъ болѣе или менѣе близко къ Александру Сергѣевичу, такъ и нѣсколькими письмами остававшагося въ живыхъ Сергѣя Львовича. Передавалъ онъ моимъ родителямъ, кромѣ письменныхъ сообщеній, и изустно не мало фактовъ, слышанныхъ мною отъ Ольги Сергѣевны и Николая Ивановича впоследствии, когда онъ ихъ постигъ въ 1842 и 1846 годахъ.

«Милые безцѣнные мои дѣти, Оля и Леонъ»—пишетъ Надежда Осиповна отъ 20-го октября. «Пишу вамъ въ Варшаву обоимъ: вы теперь вмѣстѣ. Благодарю тебя, Оля, за оба письма изъ Динабурга

и Бреста. Они были мнѣ—хотя и грустнымъ, но все-таки большимъ утѣшеніемъ въ первые дни горькой разлуки съ тобою—отъ которой не могу еще опомниться, а ты, милый Леонъ, будь въ насъ увѣренъ: сдѣлаемъ все, что сочтемъ возможнымъ вывести тебя изъ настоящихъ твоихъ денежныхъ затрудненій, лишь бы ты взялъ себѣ отпускъ, а тамъ совсѣмъ у насъ поселился. Слава Богу, внесъ и ты долю въ бессмертный вѣнокъ послѣднихъ подвиговъ славной русской арміи! Весьма и весьма уже долго ведешь кочующую жизнь безъ опредѣленной до сихъ поръ будущности, и утѣшь насъ, бѣдныхъ твоихъ стариковъ! Александръ возвратился въ Петербургъ, но у насъ въ Михайловскомъ не будетъ. Собственноручныхъ отъ него извѣстій и послѣ нашей съ тобой, Ольга, разлуки отъ него не было—статья можетъ и писалъ, но письма не дошли; свѣдѣнія же о его возвращеніи получили отъ П. А. Осиповой, а она—отъ третьяго лица (*par une personne tierce*). Такимъ образомъ, мы только отъ нея узнали, что онъ пріѣхалъ изъ Москвы съ мучительнымъ ревматизмомъ въ правой ногѣ, но не смотря на это, во-зится съ переборкой на новую квартиру; узнали мы и то, что у его Наташи показались опять нѣкоторые признаки беременности, чему Александръ очень радъ. Лишь бы берегла себя, не то онъ съ ума сойдетъ отъ безпокойства.

«Онъ отъ насъ отрѣзанный комоть: все равно что въ разлукѣ, а вы, Оля и Леля,¹⁾ отъ насъ далеко, очень далеко. Такая разлука со всѣми нашими дѣтьми раздражаетъ мое сердце (*cette séparation avec tous nos enfants me navre le coeur*). Какая старость, Боже мой, выпала на нашу долю—проводить послѣдніе дни жизни вдаль отъ дѣтей! Отцу вашему,—какъ предчувствую—долго не вынести подобнаго горя: онъ сдѣлался въ послѣднее время такъ хворъ, что мнѣ просто страшно, а на той недѣлѣ очень, кромѣ того, простудился; всякая беадѣлица вызываетъ у него нестерпимые приступы кашля; вчера же приступъ былъ такъ ужасенъ, что его чуть-чуть не задушило (*et hier l'accès était si terrible, que papa a manqué d'être étouffé*). Единственнымъ для него лѣкарствомъ—получать отъ васъ извѣстія, какъ можно чаще, и писать вамъ; тогда онъ и чувствуетъ облегченіе. Можешь послѣ этого, милый Леонъ, судить, какъ благотворно подѣйствуетъ на него ожидаемое свиданіе съ тобой! Можешь ли сомнѣваться въ томъ, что съ нашей стороны мы готовы на всѣ жертвы, лишь бы осуществить его? (*Juge donc, cher Léon, combien le plaisir de te revoir lui fera du bien, et si nous ne sommes pas capables de faire tous des sacrifices, pour nous procurer cette douce satisfaction?*) Ради Бога—не лишай насъ надежды тебя увидѣть еще разъ. Папа поручаетъ тебѣ сказать, что онъ тебѣ сейчасъ выслать бы деньги, если бы могъ заложить что-нибудь, но

¹⁾ Уменьшительныя имена писаны по-русски.

къ несчастію заложить-то ему теперь нечего! Надо прискаты дру-
гой источникъ—короче, во чтобы ни стало (*bref, coûte qui coûte*),
расчитывай всегда на него, и на меня: знаешь мою дѣятельность,
когда дѣло касается моихъ дѣтей (*tu sais, comme je suis active
quand il s'agit de mes enfants*).

«Непремѣнно будемъ ожидать тебя, Леонъ, весной, къ маю, послѣ
нашего возвращенія сюда въ Михайловское изъ Москвы, а въ
Москву—если только папа оправится—непремѣнно должны уѣхать
прямо отсюда въ декабрѣ, по дѣламъ о наслѣдствѣ бѣднаго нашего
Василія Львовича. Вотъ уже болѣе года, какъ его на свѣтѣ не
стало».

Сергѣй Львовичъ, дѣйствительно, какъ видно изъ послѣдующихъ
его писемъ, страдалъ припадками сильнаго кашля, о чемъ и распро-
страняется довольно подробно, а объ Александрѣ Сергѣевичѣ сооб-
щаетъ младшему сыну и дочери слѣдующее:

«Наконецъ, Александръ написалъ, и все что о немъ рассказы-
вали, оказалось сушею правдой. Письмо его о беременности Наташи
тоже усилило мою радость: я радъ почти такъ же какъ и онъ, но
въ то же время письмо это и огорчило меня, когда прочелъ о его
физическихъ страданіяхъ, превысившихъ разсказъ Прасковьи
Александровны. Ревматизмъ разыгрался у него въ ногѣ еще до
выѣзда изъ Москвы, и, судя по письму, Александръ страдаетъ ужасно
(*il souffre mort et martyre*). Снаружи нога какъ нога: ни красноты,
ни опухоли, но адская—поистинѣ адская—внутренняя боль дѣлаетъ
его мученикомъ; говорить, что боль отражается во всеѣ тѣлѣ, да
и въ правой рукѣ, почему и почеркъ не твердый и не разборчи-
вый, который насилу изучилъ, читая болѣе часа довольно длинное,
не смотря на болѣзнь сына, посланіе. Не можетъ онъ безъ ноющей
боли ни лечь, ни сѣсть, ни встать, а ходить тѣмъ болѣе; отлучаться
же изъ дома Александръ былъ принужденъ и ради перемѣны квар-
тиры, и ради другихъ дѣлъ, опираясь на палку какъ восьмидесяти-
лѣтній старецъ, (*comme un octogenaire*). Жалуется, что Наташа дала,
во время его отсутствія, слишкомъ большую волю прислугѣ, почему
и вынужденъ былъ по пріѣздѣ, не смотря на болѣзнь, поколотить
хорошенько извѣстнаго вамъ пьяницу Алешку за великіе подвиги
оного, и отослать его назадъ въ деревню. Алешка всегда пользовался
отсутствіемъ барина, чтобы повеселиться посвоему. Мой бѣдный Саша,
кромѣ болѣзни и домашнихъ заботъ, имѣетъ непріятности всякаго
рода относительно его сочиненій. Бенкендорфъ придирается къ нему
неимоверно, что и причиняетъ моему сыну ужасное настроеніе
духа. Достаточно прочесть его письмо, чтобы это замѣтить. (*Benken-
dorff lui fait des chicanes inouïes, ce qui rend mon fils d'une humeur
atroce, dont on s'aperçoit, rien qu'en lisant sa lettre*). Александръ
говоритъ, что не можетъ, милая Ольга, вспоминать о тебѣ безъ слезъ,
и очень сѣтуетъ, что ты скрыла передъ нимъ твой роковой планъ

убхать отъ него и отъ насъ въ Варшаву, куда,—если бы Александръ только предвидѣлъ твое намѣреніе—ни за что тебя бы не пустили. Говорить, что дѣломъ или тебя къ себѣ выпишетъ, или же—если обстоятельства позволяютъ—самъ за тобой въ Варшаву заѣдетъ. Да и въ самомъ дѣлѣ: отчего Сашѣ въ Польшу не прокатиться? Объ этой странѣ (de ce pays) онъ только судить по книгамъ, журналамъ, моимъ рассказамъ и рассказамъ знакомыхъ, да по твоимъ, Леонъ, короткимъ письмамъ, а настоящей-то Варшавы и настоящей Польши въ глаза не видалъ; между тѣмъ, и этотъ край могъ бы заинтересовать Александра не менѣе Бессарабіи и такъ же, какъ она, послужить богатымъ предметомъ его поэтическихъ вдохновеній. Наташа вѣрно его отпустить на недѣлю, пожалуй на мѣсяцъ, а тамъ и ты бы, Ольга, пріѣхала съ нимъ вмѣстѣ. Но увы! чувствую, что строю воздушные замки (mais hélas! je sens que je fais des chateaux en Espagne), а строить ихъ въ мои дѣта и жалко и грустно... Сынъ очень беспокоится о вашемъ здоровьѣ друзья мои, Лея и Оля, а вмѣсто того, чтобы вамъ писать, проситъ васъ черезъ меня объяснить напечатанную въ газетѣ статью подъ рубрикой «Варшава». Въ статьѣ сказано, что погода въ Варшавѣ хотя и ненастная, но число умирающихъ и больныхъ значительно уменьшается. Слѣдовательно, какъ онъ полагаетъ, у васъ эпидемія, и большая смертность? Отвѣтите пожалуйста на это и мнѣ и Александру, а на его молчаніе не глядите. Переписывается только съ пріятелями, а переписываться съ нами, родными, не имѣетъ привычки. Если же написалъ мнѣ теперь, то какимъ-то чудомъ. . .

... «Александръ очень доволенъ твоей встрѣчей съ Елизаветой Алексѣвной¹⁾. Воображаю, какъ она тебѣ обрадовалась, не видавши столько дѣтъ! Въ ея гостепріимномъ домѣ опять увидишь все наше русское, родное; не почувствуешь себя, по крайней мѣрѣ, на чужбинѣ (au moins tu n' y sera pas dépaycée), и отведешь съ нею душу, вспоминая о давно минувшемъ твоёмъ дѣтствѣ. Всѣ мы поручаемъ себя ея доброй памяти (nous nous vouons tous à son bon souvenir). Передай ей это!» . . .

Въ декабрѣ, какъ видно изъ писемъ, дѣдъ и бабка выѣхали въ Москву по дѣламъ о наслѣдствѣ послѣ Василія Львовича, и останавливались въ Твери на нѣсколько дней, откуда Сергѣй Львовичъ сообщаетъ дочери трагическую смерть А. А. Шишкова въ слѣдующихъ словахъ:

«Здѣсь произошло надняхъ ужасное событіе: молодой Шишковъ,

¹⁾ Супруга фельдмаршала Паскевича, рожденная Грибоѣдова. Съ ея матерью Пушкины состояли въ родствѣ.

преlestный поэтъ (un charmant poète), которому Александръ нѣкогда посвятилъ посланіе, палъ мертвымъ, пораженный кинжаломъ на улицѣ среди бѣлаго дня. Несчастнаго отправилъ на тотъ свѣтъ господинъ Ч—ъ, который уже убилъ на дуэли господина Н—ва. Убийца позволилъ себѣ отовзваться, въ присутствіи Шишкова, не совсѣмъ лестно о женѣ послѣдняго. Шишковъ, въ порывѣ негодованія, нанесъ послѣ того наглому клеветнику должное возмездіе. Ч. настоялъ (l'a sommé), что бы Шишковъ слѣдовалъ за нимъ со всѣми наличными свидѣтелями. Всѣ отправились вслѣдъ за враждовавшими въ полномъ—само собою разумѣется—убѣжденіи, что злополучная исторія закончится не иначе какъ поединкомъ не на животъ, а на смерть; но Ч—въ, прежде нежели дойти до своей квартиры, внезапно бросается на Шишкова и зарѣзываетъ его (et l'assassine) нѣсколькими ударами... Затѣмъ отдастъ самъ себя въ руки правосудія, въ качествѣ убійцы. Можешь себѣ представить, какой въ городѣ произошелъ переполохъ! Александру ничего однако не пишу; не желаю, что бы онъ первый узналъ отъ меня объ ужасной кончинѣ человѣка, къ которому былъ искренно расположенъ. Сообщая тебѣ объ этомъ неслыханомъ злодѣяннн, воздерживаюсь отъ дальнѣйшихъ по этому предмету разсужденій.

«Катастрофа меня поразила.. происшествіе не веселое, нечего сказать, но заставляющее меня не мало призадумываться, и приводящее въ содроганіе (je m'abstiens de faire mes reflexions. Cela m'a terrassé!.. Cela n'est pas gai, il n'y a rien à dire, mais cela me fait penser beaucoup, et me donne la chaire de poule, chaque fois quand j' y songe)».

Считаю не лишнимъ замѣтить, что дядя Александръ дѣйствительно написалъ А. А. Шишкову любезное посланіе, начинающееся слѣдующими строками:

•Шалунъ, увѣнчанный Эратой, и Венерой,
•Ты ль узника малпянь въ владѣнія свои,
•Въ помѣстьѣ мирное межъ Пиндомъ и Цитерой,
•Гдѣ пѣжился Тибудалъ, Мелецкій и Шарня?
•Тебѣ, бакованный питомецъ Апполона,
•Съ ихъ лирой соглашать игривую свирѣль:
•Веселье рѣзвое и нимфы Геликона
•Твою счастлиную качали колыбель.)
•

Сергѣй Львовичъ, прїѣхавъ съ женой въ Москву мѣсяца на три, остановился первое время у своего вятя М. М. Сонцова, въ домѣ «Дуракова», на счетъ чего и шутить съ дочерью и сыномъ Львомъ, порусски, въ слѣдующихъ строкахъ:

1) См. соч. Пушкина. Изданіе Суворова, т. III, стр. 42.

«Не могу, милыя мои дѣти, удержаться отъ смѣха, посылая вамъ адресъ съ фамиліей нашего ховяина. Но да утѣшится сей гражданинъ почтенный, сообразивъ, что онъ въ сущности совсѣмъ не то, чѣмъ его всѣ смертные называютъ, а главное—да возвеселится и возрадуется, что съ моимъ пріѣздомъ поселился у него человекъ—смѣю васъ увѣрить—подобно моему зятю—не совсѣмъ глухой, съ чѣмъ и можно онаго гражданина поздравить».

Левъ Павлицевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ПРОКОНСУЛЬ КАВКАЗА¹⁾.

VII.

ИМПЕРАТОРЪ Александръ I неизмѣнно благоволилъ Ермолову, но, въ особомъ смыслѣ, не довѣрялъ ему. На это много причинъ и главною было различіе характеровъ.

Не смотря на тождество лѣтъ, не смотря на то, что государь цѣнитъ Ермолова, а послѣдній всей душой преданъ государю,—нѣчто внутреннее раздѣляетъ ихъ.

Ермоловъ, по самому темпераменту, чуждъ «міровой скорби» и почти исключительно считается съ фактами практической жизни. Первымъ, по времени, русскимъ Гамлетомъ, первымъ «человѣкомъ сороковыхъ годовъ», первымъ «лишнимъ человѣкомъ» въ Россіи (объ этомъ типѣ см. у Тургенева) былъ Александръ I.

Въ Ермоловѣ, не смотря на высокій постъ, ключемъ бьетъ непосредственность. Какъ только годы утомили кровь, а общее теченіе политической жизни позволило сосредоточиться, весь внутренній бытъ государя обратился въ скорбное чувство неудовлетворенности и безсильной жажды идеала. Государя заѣдала болѣзненная склонность къ выворачиванію всякой изнанки, къ скептическому анализу всякаго факта, всякой идеи.

Ермоловъ, просто «человѣкъ дѣла». При своемъ обширномъ умѣ, государь склоненъ къ доктринерству, къ замѣнѣ дѣйствительности предвзятыми теоріями. Отсюда неисчислимыя противурѣчія.

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXIII, стр. 258.

Государь былъ либераломъ. Будущее царствованіе не безосновательно подовѣрѣвало Ермолова въ нѣсколько свободномъ отношеніи къ установившейся рутинѣ. Но либерализмъ государя, благодаря игнорированію «человѣка» со всѣми его хорошими и дурными сторонами, принялъ какую-то неземную оболочку; для населенія его либеральныхъ палестинъ требовались почти ангельскія души.

Идеальныя стремленія Александровской эпохи отразились и на Ермоловѣ; но, въ его лицѣ, они соединились съ русской сметкой. Либерализмъ Ермолова менѣе возвышенъ, но болѣе практиченъ. Не возлагая на человѣческую совѣсть «бремена тяжелыя и неудобносымыя», онъ приходился по мѣркѣ большому числу людей и прилагался къ болѣе массѣ событій.

Назначенный въ 1821 году главнокомандующимъ русской арміи, которую предполагалось послать въ Италію на помощь австрійцамъ, Ермоловъ неохотно принимаетъ начальство и болѣе всѣхъ радуется отъѣзду экспедиціи. Могло ли быть иначе? Государь желалъ поддержать этой экспедиціей божественный принципъ, насколько онъ представляется всякой установленной властью, противъ свойственныхъ человѣчеству увлеченій. Гдѣжь логика! — долженъ былъ подумать Ермоловъ. За что онъ преслѣдовалъ хана шекинскаго? (Вѣдь тоже, въ нѣкоторомъ родѣ, «установленная власть»). Почему защищаетъ итальянскихъ деспотовъ? (Ужели потому, что они тираниствовали на европейскій ладъ!) При этомъ, какъ практикъ военнаго дѣла, Ермоловъ не могъ игнорировать интриги Австріи и трудность предстоящаго театра войны. Представляясь государю въ Лейбахѣ, Ермоловъ не скрывалъ своихъ мыслей и, кажется, убѣдилъ въ бесполезности экспедиціи¹⁾.

Поднялись греки. Снова появляется на сценѣ «божественный принципъ», на этотъ разъ, въ пользу султана. «Государь часто говорилъ со мною о грекахъ, — шепчетъ Ермоловъ, — я утверждалъ о необходимости войны въ защиту ихъ, въ спасеніе! Безуспѣшно! Государь старался доказать мнѣ противное»²⁾. Разумѣется тоже безуспѣшно.

Другой случай внутренняго противурѣчія между государемъ и Ермоловымъ представляетъ нѣкто Ванъ-Галенъ. Для Ермолова — это храбрый помощникъ и честный малый, весьма кстати явившійся въ моментъ осады черкесскаго аула; для государя это испанскій республиканецъ, представитель мятежнаго принципа. Если «провонсулъ» нѣсколько держался взглядовъ запорожскаго атамана Сѣрка: «Помогай чортъ людямъ, то и имъ въ крайности не слѣдуетъ брезгать», то государь выказывалъ иногда излишнюю прямо-

¹⁾ Записки Ермолова, II, 126. Погодинъ, 243.

²⁾ Погодинъ, 244.

линейность. Исполняя настойчиво выраженную волю государя, Ермоловъ удалил Ванъ-Галена, давъ ему, однако, денегъ на дорогу ¹⁾.

Еще задолго до Ермолова, государь съ недовѣріемъ смотрѣлъ на военную предприимчивость мѣстнаго начальства. Издали казалось, что не черкесы насъ вызываютъ, а мы ихъ вызываемъ. Читая великолѣпныя реляціи Ртищева, государю не разъ приходило въ голову: не предприняты ли многіе наши походы въ горы только ради отличія и добычи. Незнакомство петербургскихъ сферъ съ мѣстными условіями заходило такъ далеко, что однажды, всего за годъ до Ермолова, прочитавъ донесеніе Ртищева объ экспедиціи князя Эрстова въ Чечню, государь выразилъ свое неудовольствіе и рекомендовалъ поднорить спокойствію на кавказской линіи дружескіе и ласковыя сношенія, какъ это удалось относительно киргизовъ, населяющихъ сибирскую линію ²⁾.

И вдругъ, та система открытаго вызова, тѣ приемы войны, которые только прорывались при Циціановѣ и Ртищевѣ, взяты Ермоловымъ въ основаніе кавказской политики! Конечно, Ермоловъ убѣдилъ государя въ томъ, что заискиваніе дружбы и добраго сосѣдства съ черкесами ни къ чему хорошему не ведетъ; но математика не всегда рѣшаетъ вопросы жизни. Прямое требованіе подданства, съ захватами лучшихъ земель, пожарами ауловъ и казнями мятежниковъ, глубоко противурѣчили натурѣ императора.

Вудучи увѣренъ въ безграничной преданности, благородіи, прямодушіи, талантахъ, честности и безкорыстіи Ермолова, государь не могъ, однако, кое-что забыть изъ исторіи 1812 года.

— Какъ поступить съ плѣнными?— спрашиваетъ Ермолова партизанъ Фигнеръ.

— Вступившимъ съ оружіемъ въ русскую землю — смерти! — отвѣчаетъ Ермоловъ ³⁾.

— *Noir comme le diable*, — отоваялся государь, — *mais tout autant de moyens* ⁴⁾.

«*Homme aux grands moyens*», — прозвали Ермолова въ войну 1812 года ⁵⁾.

Читая красиво изложенныя, неотразимо логичныя, но грозныя по смыслу соображенія Ермолова, государь не разъ думалъ: «горе черкесамъ!» Кто знаетъ, не къ одной ли изъ такихъ минутъ относится посмертная записка государя, въ которой онъ упрекаетъ себя въ лѣности, когда другіе бѣдствуютъ ⁶⁾.

Какъ всегда бываетъ съ людьми противъ воли принимающими

¹⁾ Записки Ванъ-Галена, «Истор. Вѣстн.» 1884 г., июнь, 651.

²⁾ Зиссерманъ, I, 328.

³⁾ Фигнеръ, Партизанъ Фигнеръ. «Истор. Вѣстн.» 1884 г., ноябрь, 140.

⁴⁾ Записки де-Санглена, «Рус. Стар.» 1888 г., мартъ, 551.

⁵⁾ Погодинъ, 138.

⁶⁾ «Рус. Стар.» 1888 г., декабрь, 658.

извѣстный принципъ, государь, уступая въ главномъ, тѣмъ упорнѣе отстаивалъ свой взглядъ въ мелочахъ. Представленные Ермоловымъ доводы въ пользу наступательной политики были убѣдительны. Человѣкъ такого обширнаго ума, какъ государь, не могъ не согласиться. Тѣмъ настойчивѣе порицалъ онъ всякое дѣйствительное или кажущееся увлеченіе на этомъ пути.

Однимъ изъ такихъ случаевъ былъ отказъ въ наградѣ князю Бековичу-Черкасскому. Безъ артиллеріи и пѣхоты, съ одними казаками, онъ прошелъ въ горы, внезапно напалъ на кабардинскіе аулы, разгромилъ измѣнившихъ намъ князей и узденей, и выказалъ чрезвычайную распорядительность. Но предпріятіе не понравилось государю, подозрѣвавшему здѣсь безцѣльное молодечество и жестокость. По этому поводу онъ высказалъ Ермолову совершенно вѣрную общую мысль: истребленіе ауловъ только озлобляетъ; военная храбрость уважается и отличается только тогда, когда она употреблена противъ вооруженнаго непріятеля и соединена съ дисциплиной, дающей возможность, въ минуту побѣды, приостановить мщеніе. Князю Бековичу-Черкасскому отказано въ георгіевскомъ крестѣ.

Взглянемъ на дѣло безпристрастно. Скептицизмъ Александра I по отношенію къ рѣшительному направленію, данному Ермоловымъ, имѣетъ подъ собою не только нравственно-законную, но и практическую почву. Ермоловъ стоялъ слишкомъ близко къ цѣли, лично рисковалъ, былъ человѣкъ изъ плоти и крови, являлся почти заинтересованной стороной, чтобы быть вездѣ умѣреннымъ и безпристрастнымъ. Систематическій контроль государя всегда напоминалъ ему о великодушіи даже къ непобѣжденному врагу. Допускаемъ, что для самого Ермолова подобный контроль былъ лишнимъ. Но кто поручится, что онъ не имѣлъ значенія по отношенію къ сотнямъ и тысячамъ подчиненныхъ Ермолова. Разоряя аулы, они должны были думать о томъ, чтобы не разорить его болѣе, чѣмъ необходимо и что за суровымъ «проконсуломъ», который, можетъ быть, на многое посмотреть съ римской точки, стоитъ еще императоръ Александръ I, который навѣрно такъ не посмотритъ.

Можно думать, что если бы надъ герцогомъ Альбою и генераломъ Фези былъ такой контроль, не было бы ни отпаденія Нидерландовъ отъ Испаніи, ни краснорѣчивыхъ реляцій, представлявшихъ наши неудачи на Кавказѣ, въ видѣ пожара ауловъ, гибели жителей въ пламени ихъ обиталищъ и проч., заставившихъ, наконецъ, императора Николая написать барону Розену — одному изъ предшественниковъ Ермолова на Кавказѣ: «впредь повелѣвается доносить только правду, а не вымыслы...»¹⁾

Какъ бы то ни было, въ Петербургѣ знали объ инстинктивномъ

¹⁾ Зиссерманъ, II, 78.

нерасположеніи государя къ рѣшительнымъ мѣрамъ Ермолова на Кавказѣ, и часто пользовались этимъ нерасположеніемъ. Исходившія отъ Ермолова представленія къ наградамъ встрѣчали въ Петербургѣ сильное противудѣйствіе. Даже оберъ-священникъ отказалъ въ наградѣ протоіерею тифлискаго госпиталя¹⁾. Подобное отношеніе тѣмъ болѣе раздражало Ермолова, что прежде, напримѣръ, въ Отечественную войну, его голосъ имѣлъ большой вѣсъ при наградахъ отличившимся. Чтобы выйти изъ этого, для начальника довольно страннаго, положенія, Ермоловъ былъ вынужденъ жаловаться государю на несправедливость къ служащимъ на Кавказѣ. «Къ милостямъ вапимъ императорскимъ величествомъ изливаемымъ, — заключаетъ Ермоловъ свой всеподданиѣйшій рапортъ, — присовокушите, государь, и то, чтобы могъ я достойнымъ обѣщать достойное воздаяніе»²⁾.

· VIII.

Ермоловъ имѣлъ одно изъ тѣхъ лицъ, которыя, увидѣвъ разъ, не забываютъ. Улыбка не шла къ нему; крупныя черты, благодаря сдвинутымъ бровямъ, легко принимали суровое выраженіе; большіе, огненные, сѣрые глаза блестѣли изъ-подъ шапки стоящихъ дыбомъ волосъ. Но онъ былъ истинно прекрасенъ, когда задумается. Определенный, строгій взглядъ, высокій ростъ, богатырское сложеніе—все свидѣтельствовало объ умѣ, физической и нравственной силѣ. Находили, что въ общемъ, эта своеобразная красота имѣетъ въ себѣ нѣчто львиное.

Ермолову ничего не стоило провести нѣсколько мѣсяцевъ въ горахъ; послѣ утомительнаго перехода, до глубокой ночи заниматься дѣлами; съ зарей, прежде сигнальнаго выстрѣла, произвести осмотръ лагеря³⁾.

Однажды, въ Тифлисѣ, Ермолову, во время утренней прогулки, подають прошеніе старуха-грузинка и ея красавица-дочь. Ермоловъ, всегда цѣнитель красоты, не остался равнодушенъ, но счелъ долгомъ овладѣть собою. «Прошеніе беру, — сказалъ онъ черезъ переводчика, — и сдѣлаю по немъ все, что могу, но приказываю въ другой разъ не попадаться на глаза; иначе вышлю изъ города». «Вотъ прошеніе, — обратился онъ къ секретарю Устимовичу, — не знаю отъ кого оно; прошу тебя дать по немъ полнѣйшее удовлетвореніе и затѣмъ объявить просительницѣ, чтобы она избѣгала со мной всякой встрѣчи»⁴⁾.

¹⁾ Погодинъ, 257.

²⁾ Акты, VI, ч. I, № 25.

³⁾ Записки Ванъ-Галена, «Истор. Вѣстн.» 1884 г., июнь, 662.

⁴⁾ Верже, А. П. Ермоловъ и его кабинетныя жены, «Рус. Стар.» 1884 г., сент., 524.

«истор. вѣстн.», скитянгъ, 1888 г., т. XXXI.

Свою нравственную силу Ермоловъ умѣлъ передать подчиненнымъ. Слова «Алексѣй Петровичъ приказалъ, Алексѣй Петровичъ послалъ» имѣли магическое дѣйствіе. Исчезали горы и пропасти; забывались опасности. Изъ массы начальствующихъ, Ермоловъ выдѣляется умѣніемъ одушевить исполненіе служебнаго долга. Каждый изъ его подчиненныхъ чувствовалъ себя не только чиновникомъ или офицеромъ, связаннымъ со службой уголовной отвѣтственностью и получаемымъ жалованьемъ, но членомъ великой русской семьи, обязаннымъ защищать и возвышать ее всѣми силами ума и оружія (не говоримъ объ исключеніяхъ). Какъ и лучшие люди Екатерининскаго вѣка, всѣ они, отъ начальниковъ частей до послѣдняго писца и новобранца, носятъ въ себѣ гордое сознаніе національной задачи и государственной чести. «Никогда неразлучно со мной чувство, что я россиянинъ»¹⁾,— говоритъ Ермоловъ. Тоже, хотя въ менѣе латинской формѣ, сказали бы о себѣ его многочисленные сослуживцы даже не русскаго происхожденія.

Въ походѣ Ермоловъ позволялъ себѣ почти товарищескую фамильярность и этимъ путемъ ознакомился со всѣми офицерами своего корпуса²⁾. На дисциплину это не только не имѣло вреднаго вліянія, но позволяло Ермолову иногда потребовать отъ человѣка большаго, чѣмъ простое исполненіе обязанностей. «Ты не менѣе каждаго дѣлаешь по должности,—пишетъ онъ князю Мадатову,— и не мало еще сдѣлаешь по дружбѣ и давней связкѣ»³⁾.

Чувство дружбы связывало его съ нѣкоторыми изъ подчиненныхъ. Назовемъ Ховена, Вельяминова, Мадатова... Другіе, преимущественно молодежь, смотрѣли на него съ почтительнымъ удивленіемъ. Мы уже назвали Муравьева...

Узнавъ, что хорошій офицеръ намѣренъ оставить кавказскій корпусъ, Ермоловъ, «побуждаясь пользою, которую онъ можетъ доставить службѣ его императорскому величеству», удержаніемъ способныхъ людей, не стѣснялся, письменно, въ самыхъ любезныхъ выраженіяхъ, просить остаться въ полку. «Служба ваша, — говорится въ концѣ одного изъ такихъ приглашеній, — въ командованіе мною корпусомъ, не останется безъ особеннаго вниманія, ибо я умѣю цѣнить заслуги товарищей моихъ по службѣ»⁴⁾.

Вліяніе Ермолова на подчиненныхъ тѣмъ болѣе замѣчательно, что, обыкновенно, болѣе любятъ щедрыхъ начальниковъ; Ермоловъ же былъ скупъ какъ на казенныя деньги, такъ и на награды. Представленіе дѣлалось послѣ нѣсколькихъ отличій⁵⁾ и потому

¹⁾ Записки о посольствѣ въ Персію, 78.

²⁾ Сочин. Давыдова, II, 91, 98.

³⁾ Погодинъ, 236.

⁴⁾ Записки Ермолова, II, прил. 150, 385.

⁵⁾ Давыдовъ, II, 91.

всякая награда, исходатайствованная Ермоловымъ не только цѣнилась высоко, но характеризовала человѣка и не могла быть дѣломъ случая.

Но умѣя отдать должное заслугамъ, Ермоловъ былъ безпощаденъ, когда ему приходилось карать нерадѣніе, трусость и корыстолюбіе ... «Изъ мыслей вашихъ подчиненныхъ,—писалъ онъ командиру полка, не рѣшившемуся отбить русскихъ плѣнныхъ у шайки кабардинцевъ,—нельзя изгнать, что вы были или подлый трусъ или измѣнникъ... Прошу васъ успокоить ихъ послѣднимъ отвѣдомъ въ Россію. Я принялъ мѣры, чтобы, проѣзжая село Солдатское, вы не были осрамлены оставшимися жителями; конечно, я это сдѣлалъ не для спасенія труса, но сохраняя нѣкоторое уваженіе къ носимому вами чину»¹⁾.

«Такого-то майора,—объявляется въ приказѣ по поводу отогнанныхъ девяти лошадей,—я потому не удостоиваю наказанія, что уже нѣтъ бѣдшаго, какъ быть пренебрежену хищниками и мнѣ остается только остеречь его, чтобы самого когда-нибудь не утащили»²⁾.

Ермоловъ запретилъ извурять войска фронтowymi ученіями, увеличилъ мясную и винную порцію, собственною властью дозволилъ носить вмѣсто касокъ папахи, вмѣсто ранцевъ холщевые мѣшки³⁾ и, вдобавокъ къ шинелямъ, ввелъ овчинные полушубки. Последнее случилось такимъ образомъ. При обзорѣнн краѣ въ 1816 и 1817 годахъ, нѣкоторые ханы, по восточному обычаю, дарили Ермолову лошадей, збрую, оружіе, шали и прочія вещи. «Не хотѣлъ я,—объясняется въ приказѣ по корпусу,—обидѣть ихъ отказомъ принять подарки; неприличнымъ почиталъ воспользоваться ими; потому, вмѣсто дорогихъ вещей, согласился принять овецъ (отъ разныхъ хановъ 7,000). Сихъ дарю я полкамъ; хочу, чтобы солдаты, товарищи мои по службѣ, видѣли сколько пріятно мнѣ стараться о пользѣ ихъ...» Далѣе приказываетъ, чтобы «въ первый годъ овецъ въ пищу не употреблять, а стараться разводить. Впослѣдствіи времени будутъ и мясо и полушубки, которые сэберегутъ дорогое здоровье солдата, а полушубки, сверхъ того, сохранять и амуницию...»⁴⁾.

Такимъ образомъ Ермоловъ, безъ всякаго обремененія казны, совершилъ подвигъ, о которомъ напрасно мечтаютъ гуманисты и знатоки военнаго дѣла. (Напрямѣръ, покойный генераль Фадѣевъ).

Безкорыстіе Ермолова переходило въ страсть къ сохраненію казеннаго интереса. Однажды, замѣтивъ, что расходъ (29 р. 25 к.),

¹⁾ Погодинъ, 320. Зиссерманъ, I, 374.

²⁾ Записки Ермолова, II, Прил. 398.

³⁾ Погодинъ, 386.

⁴⁾ Записки Ермолова, II, Прил. 377.

выведенный бакинскимъ казначействомъ на упаковку 6,650 червонцевъ, много превышаетъ дѣйствительную стоимость холста, Ермоловъ потребовалъ для осмотра самыя мѣнки¹⁾. Его скупость на казенные деньги часто очень стѣсняла подчиненныхъ.

Исторія съ солдатскими полушубками составляетъ ничтожную часть сдѣланныхъ Ермоловымъ сбереженій казеннаго расхода. По возвращеніи изъ Персіи имъ представлено 100,000 руб., оставшіеся отъ суммъ отпущенныхъ на содержаніе посольства. На эти деньги построены тифлисскій госпиталь и комиссаріатскія зданія²⁾. Нѣсколько рескриптовъ императоровъ Александра и Николая свидѣтельствуютъ о миллионныхъ остаткахъ по кавказскому казначейству, которые должны быть отнесены «единственно къ неутомимымъ трудамъ и благоразумнымъ распоряженіямъ Ермолова».

Отъ аренды для себя Ермоловъ отказался. Люди, видѣвшіе дурную сторону во всемъ, что ни дѣлалъ Ермоловъ, объясняли отказъ желаніемъ впоследствии получить болѣе. «Какъ жалъ, — говоритъ Ковалевскій по адресу этихъ критиковъ, — что сами они, въ этомъ случаѣ, не послѣдовали примѣру Ермолова. Отъ этого наши финансы, конечно, много бы выиграли».

Десятилѣтнее управленіе Ермолова положило неизгладимый отпечатокъ на весь строй кавказской жизни. Мы даже не пытаемся перечислить все сдѣланное имъ для устройства гражданственности на Кавказѣ. Два фоліанта «Актовъ собранныхъ кавказской археологической комиссіей» заставляютъ удивляться не тому, что въ дѣятельности Ермолова, касающейся самыхъ разнообразныхъ предметовъ, среди массы полезнаго, встрѣчаются ошибки, а тому, что европеецъ и военный—спеціальность котораго, до сихъ поръ, была одинаково чужда проведенію дорогъ, восточной дипломатіи, медицины³⁾, горному дѣлу, минеральнымъ водамъ, колонизаціи и т. д. и т. д.,—человѣкъ ежеминутно отрываемый многочисленностью своихъ обязанностей—умѣлъ такъ скоро разобратся въ этомъ хаосѣ.

Сознавая въ себѣ недостатокъ свѣдѣній по гражданской части, Ермоловъ не только любилъ выслушивать мнѣнія подчиненныхъ, но, что рѣдко случается съ людьми въ положеніи Ермолова, любилъ приписывать все хорошее, сдѣланное въ этомъ отношеніи, своимъ болѣе опытнымъ помощникамъ. Однажды былъ такой случай. Вслѣдствіе настояній изъ Петербурга, Ермоловъ былъ вынужденъ послать туда свое мнѣніе объ устройствѣ калмыцкаго народа; запоздавшее же мнѣніе астраханскаго губернатора Бухарина послалъ особо съ объясненіемъ, что считаетъ его несравненно основательнѣй и полезнѣй своего⁴⁾.

¹⁾ Акты, VI, ч. I, № 72.

²⁾ Записки Ермолова, II, 73. Давыдовъ, II, 90.

³⁾ Санитарная часть — предметъ особыхъ попеченій Ермолова.

⁴⁾ Давыдовъ, II, 76.

Понятно, что, подъ начальствомъ Ермолова, каждый работалъ за двоихъ и всю душу вкладывалъ въ исполненіе порученнаго дѣла. Дибичъ; по возвращеніи изъ Грузіи, свидѣтельствуеть, что онъ нашелъ тамъ войска одушевленные духомъ временъ Екатерины и Суворова. Пѣхота дѣлала по 50 верстъ въ сутки, въ особенности когда ею предводительствовалъ Ермоловъ. Даже въ послѣдствіи, когда Ермоловъ уже не стоялъ въ рядахъ арміи, одно его появленіе среди войскъ, въ особенности тамъ, гдѣ были его старые подчиненные, попрежнему возбуждало неизмѣримый и безграничный восторгъ.

Давыдовъ пишетъ, что у него хранятся копии писемъ къ Ермолову отъ подчиненныхъ; нѣкоторыя писаны на смертномъ одрѣ, когда человѣкъ говоритъ одну истину; многіе оканчиваются мыслію: «да продлитъ Богъ и благословитъ его жизнь и командованіе»¹⁾.

IX.

Смерть императора Александра надолго измѣнила судьбу Кавказа, навсегда—судьбу Ермолова.

По складу ума императоръ Николай не былъ расположенъ пускаться въ отдаленныя области мистицизма и морали. За то онъ мѣгъ отлично рассмотреть близко стоящіе предметы. На мѣръ онъ смотрѣлъ проще покойнаго государя. На сколько колебанія были въ характерѣ Александра I, на столько же они противурѣчили болѣе простому міровоззрѣнію императора Николая. Такая законченность жизненной задачи, въ данную минуту, вовсе не была дурнымъ качествомъ. Николаевское міровоззрѣніе имѣло большой смыслъ, какъ противудѣйствіе увлеченіямъ и нѣкоторой распущенности Александровской эпохи. Если Александръ будилъ мысль, то Николай, прежде всего, умѣлъ комбинировать общественныя силы. Къ этому надо прибавить замѣчательную силу воли, жажду дѣятельности, доходящій до самопожертвованія патріотизмъ, идеально-честное отношеніе къ тому, что онъ считалъ своей обязанностью и вѣрность данному слову. Извѣстно, что, не смотря на антипатію къ конституціонному режиму, императоръ Николай сохранилъ конституцію Финляндіи и сохранилъ бы польскую конституцію, если бы сами поляки не заняли вызывающее положеніе. Вообще, духъ рыцарства былъ въ характерѣ Николая, какъ и прочихъ членовъ семьи, не исключая императора Павла.

Между братьями болѣе общаго, чѣмъ думаютъ обыкновенно. Оба считали себя охранителями легитимизма въ Европѣ²⁾, оба, во

¹⁾ Давыдовъ, II, 98, 102.

²⁾ Разница только въ томъ, что Александръ, до конца жизни оставаясь сто-

ния доктрины, защищали Турцію и Австрію, оба, въ духѣ своего времени и народа, увлекались милитаризмомъ ¹⁾, наконецъ, оба неясно понимали простую сѣрую жизнь ²⁾.. Указавъ нарядъ параллельныхъ недостатковъ, мы могли бы дополнить сравненіе рядомъ параллельныхъ добродѣтелей. Александръ и Николай любили искренность и прямодушіе. Необходимо даже замѣтить, что въ характерѣ послѣдняго было несравненно болѣе этихъ элементовъ, нежели въ характерѣ старшаго брата. Какъ «человѣкъ дѣловой», императоръ Николай представляетъ даже несомнѣныя преимущества...

Откуда же громадная разница въ общемъ направленіи, внутреннемъ и внѣшнемъ содержаніи обонхъ царствованій? Почему эта разница не въ пользу эпохи Николая?

. Весьма значительная доля непрактичности въ характерѣ Александра I смягчалась свойственной ему широтой взгляда и гуманизмомъ. Поэтому все, что было въ его время талантливаго и свѣтлаго, само собою является коррективомъ его царствованія. Императору Николаю не доставало только широты взгляда и это тѣмъ хуже, что, въ его лицѣ, односторонность міросозерцанія соединялась съ желѣзной рукой. Поэтому все, что было тупого и узкаго въ русскомъ характерѣ той эпохи, всплываетъ на поверхность и, ничѣмъ не сдержанное, занимаетъ сцену. Какъ-то такъ случилось, что Александру говорили правду, Николаю только то, что ему нравилось.

Александра, съ широкими планами и идеализмомъ, понимали, можетъ быть, два десятка образованныхъ русскихъ людей его времени. Геній Николая общедоступнѣй, болѣе по мѣркѣ среднему русскому человѣку того времени. Онъ болѣе удовлетворялъ если не истиннымъ потребностямъ Россіи, то ея общественному мнѣнію. Николай гораздо болѣе былъ сыномъ своего вѣка, чѣмъ Александръ

ронникомъ свободныхъ учреждений, требовалъ только, чтобы «они были ирочны правильностью способа ихъ установленія» (Соловьевъ, императоръ Александръ I, 187), Николай же видѣлъ зло въ самихъ либеральныхъ учрежденіяхъ:

¹⁾ Но Александръ, послѣ Аустерлица, убѣдился въ томъ, что не рожденъ полководцемъ (Соловьевъ, 177). Николай же, съ непонятнымъ ослѣпленіемъ до самой Крымской кампаніи, принималъ фронтоную вышивку заготовленность къ мобилизаціи. Въ 1841 году, государь, начальникъ кавказскаго корпуса Головинъ и начальникъ отдѣльнаго отряда Граббе составляютъ каждый по запискѣ о способахъ умиротворенія Кавказа (Зиссерманъ, II, 204—216). Повидному никто не догадывался, что война не направляется по волѣ бюрократіи.

²⁾ Чрезвычайно отдаленнымъ отношеніемъ къ жизни отъывается слѣдующая революція императора Николая по поводу двухъ евреевъ, нарушившихъ карантинныя правила: «виновныхъ прогнать сквозь 1,000 человѣкъ 12 разъ. Слава Богу смертной казни у насъ не бывало и не мнѣ ее вводить». («Рус. Старина» 1883 г. декабрь, 660).

Но, съ основательностью можно предположить, что и императоръ Александръ I имѣлъ не совсѣмъ отчетливое представленіе оцѣнности денежной единицы. (Воспоминанія кн. Горчакова).

своего; онъ чувствовалъ за собой «всю Россію». Роковое совпаденіе вкусовъ, приведшее къ разочарованіямъ Крымской кампаніи!

Если даже теперь многіе поклоняются узкой самоувѣренности Николаевского царствованія, то, что сказать о поколѣніи менѣе опытномъ и развитомъ, чувствовавшемъ еще болѣе отвращенія къ обязанностямъ самоуправленія и кругомъ опутанномъ крѣпостными идеями и отношеніями!

Итакъ, мы безусловно далеки отъ мысли возлагать на императора Николая отвѣтственность за общее направленіе русской жизни его времени. Но «прикажи русскому человѣку погрозить, онъ побѣдетъ». Императору Николаю стоило только дать намекъ; менѣе того, въ минуту безпечности, положить въ сторону просвѣщенные и гуманные принципы брата, для того, чтобы получился другой тонъ, вышло другое освѣщеніе. Въ незамкнутую дверь, сами собой, выступаютъ невѣжество и обскурантизмъ. Разъ выпущенное на эту наклонную плоскость, общество падаетъ все ниже и ниже. Дошло до отрицанія необходимости ума и таланта, чтобы быть хорошимъ слугою царю¹⁾. Официально говорится: «наука въ военномъ дѣлѣ не болѣе, какъ пуговица къ мундиру»²⁾.

Въ человѣкѣ есть способность становиться въ уровень своего положенія. Если общій тонъ не хорошъ, то частныя подробности невольно принимаютъ окраску общаго тона. Поэтому—происходитъ автоматическое пониженіе характеровъ. Не только государственные таланты не возникаютъ въ эпоху Николая, но сами собой меркнутъ старыя свѣтила. Даже немногіе выдающіеся люди прошлаго царствованія, сохранившіе подъ собою почву, мельчаютъ и размѣниваются на мелочь. Нессельроде весь ушелъ на изысканія лучшаго слога для своихъ депешъ; Сперанскій, отложивъ попеченіе о принципахъ, занялся юридической компиляціей; Киселевъ посвятилъ себя живому дѣлу, но даетъ ему исключительно бюрократическую окраску... Быстрота сочиненія официальныхъ бумагъ—единственный гражданскій талантъ цѣнимый высшими сферами Николаевского времени.

Г. Филипповъ, въ своихъ воспоминаніяхъ о князѣ Паскевичѣ, съ неподражаемой наивностью, рассказываетъ о томъ, какъ герой Карса, Эрверума и Эривани рассылаетъ во всѣ управленія главнаго штаба ярлычки съ какимъ-то образцовымъ почеркомъ³⁾. Вотъ до чего сила обстоятельствъ, вѣтеръ общаго теченія, могутъ разжалопать даже очень выдающійся таланты!

Итакъ, масса обстоятельствъ обуславливала появленіе новой фор-

¹⁾ Стоюнинъ, Консерваторы сороковыхъ годовъ («Истор. Вѣст.» 1882 г. январь, 17).

²⁾ «Рус. Архивъ», 1875 г., I, 219.

³⁾ «Древняя и Новая Россія», 1878 г., I, 82.

маціи должностныхъ лицъ и личный характеръ новаго государя былъ только каплей, переполнившей чашу. На берегахъ Невы должно было утвердиться новое поколѣніе, а старое или поддѣлаться къ нему или сойти со сцены.

Никогда не имѣя сильныхъ связей въ Петербургѣ, Ермоловъ, за время кавказской службы, что называется, окончательно отсталъ отъ Петербурга. О немъ рассказывали анекдоты, читали его письма, хвалили его распорядительность или порицали его жестокость и интриги, но, въ итогѣ, смотрѣли какъ на провинціала и немного чудака. Еще за нѣсколько лѣтъ до кончины Александра I, Ермоловъ былъ силенъ въ Петербургѣ только личнымъ благоволеніемъ государя.

Собственноручная записка найденная въ кабинетѣ государя проливаетъ свѣтъ на какой-то подкопъ противъ Ермолова еще при Александрѣ. Сначала говорится о томъ, «что пагубный духъ вольномыслія или либерализма разлитъ между войсками». Далѣе слѣдуетъ перечисленіе именъ и во главѣ ихъ Ермоловъ. Замѣчаній и отмѣтокъ нѣтъ при фамиліяхъ; но, вообще, перечень, поставленный въ связь съ началомъ записки, получаетъ неблагоприятный для Ермолова оттѣнокъ¹⁾.

По смерти Александра I, Кавказъ, какъ и вся Россія, присягнулъ сначала Константину, потомъ Николаю. Но, въ послѣднемъ случаѣ была сдѣлана декоративная ошибка: присяжные листы посланы съ обратнымъ фельдъегремъ, а не съ особымъ чиновникомъ или адъютантомъ. Мелочь объясняемая тѣмъ, что манифестъ засталъ Ермолова на походѣ въ Чечню; однако, на нее обратили вниманіе въ Петербургѣ. Къ этому надо прибавить, что въ числѣ арестованныхъ по дѣлу 14-го декабря было много друзей и знакомыхъ Ермолова, что одному изъ арестованныхъ, знаменитому автору «Горе отъ ума», Грибоедову, служившему въ это время на Кавказѣ, Ермоловъ далъ возможность сжечь компрометирующія бумаги и что вслѣдствіе неимѣнія священника въ станицѣ Червленной и необходимости посылать за нимъ въ Кизляръ, присяга, въ главной квартирѣ, замедлилась на три дня²⁾.

Короче. Слава либерала предшествовала Ермолову въ то время, когда прошла мода на либерализмъ; случайное совпаденіе мелочныхъ обстоятельствъ бросало на него тѣнь излишней преданности цесаревичу и, наконецъ, всей своей нравственной фигурой, онъ представлялъ диссонансъ съ новыми людьми и новымъ направлениемъ. Строго говоря «пѣсня Ермолова была спѣта».

Но даже не благоволя къ Ермолову, даже расходясь съ нимъ во взглядахъ, государь почтилъ бы въ немъ представителя слав-

¹⁾ «Русская Старина», 1883 г., декабрь, 658, 659.

²⁾ Шишмановскій. «Русскій Архивъ», 1875 г., II, 399.

ной эпохи, неутомимаго слугу покойнаго брата и искреннаго патриота. По всей вѣроятности, онъ далъ бы ему понять, что именно не нравится ему въ кавказскомъ корпусѣ и удержался бы отъ дальнѣйшаго выраженія неудовольствія. Но для этого надобно было или нормальное положеніе вещей или несомнѣнная, непрерывная удача ермоловской системы на Кавказѣ. Къ сожалѣнію, именно въ это время случилось нѣчто дискредитировавшее Ермолова въ глазахъ новаго государя.

Наши отношенія къ Персіи давно были неудовлетворительны. Эта страна потеряла слишкомъ много отъ усиленія русскаго вліянія на Кавказѣ, но еще не вполне увѣрилась въ своемъ безсиліи. Ермоловъ разрушилъ планы наслѣдника престола Абасъ-Мирзы, мирнымъ путемъ возвратитъ хотя часть утраченнаго по гулистанскому договору. Между тѣмъ измѣнники, въ особенности царевичъ Александръ, поощряли попытку снова утвердиться на Кавказѣ. Сочувствіе магометанскаго населенія не подлежало сомнѣнію. Кстати, въ Персіи, около этого времени, завелась кое-какая регулярная армія. Она была «выдумана на наше счастье», по выраженію Муравьева¹⁾, но невѣжество персіянъ позволяло принять ее за нѣчто серьезное.

Ермоловъ неоднократно предупреждалъ правительство о неизбежности разрыва съ Персіей. Что-то трагическое—точно тѣнь предчувствія—въ его послѣднемъ донесеніи императору Александру. Обидно показалось Ермолову подозрѣніе въ желаніи вызвать войну съ Персіей. Ему ли, ученику Кутузова, Багратиона, Суворова, Зубова и Наполеона искать случая украситься дашевыми лаврами!²⁾ Чтобы доказать отсутствіе личныхъ видовъ, онъ предлагаетъ, на случай войны, назначить другого начальника, а, въ ожиданіи ея, имѣть въ Персіи независимаго отъ него дипломатическаго агента³⁾.

По приказанію императора Александра Ермолову отвѣтили, что давно толкуютъ о враждебномъ настроеніи Персіи, между тѣмъ все обстоитъ благополучно. «Да и въ самомъ дѣлѣ—прибавляетъ отъ себя министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Нессельроде—трудно представить, чтобы персіяне были такъ глупы: начали войну, когда мы въ мирѣ съ цѣлымъ свѣтомъ»⁴⁾.

«Ваше сіятельство,—возражаетъ Ермоловъ,—не изволите отвергнуть основанной на опытѣ истины, что, для избѣжанія войны, нѣрѣдко есть вѣрнымъ средствомъ самая къ войнѣ готовность»⁵⁾.

¹⁾ Записки Муравьева, «Русскій Архивъ», 1886 г. апрѣль, 490.

²⁾ О персіянахъ онъ писалъ около этого времени. «Бога самого беру во свѣдѣніи, что Онъ не создавалъ ничего презрительнѣйшаго». Зиссерманъ, I, 418.

³⁾ Донесенія 12-го іюля 1825 г. Записки Ермолова, II, Прилож. 117.

⁴⁾ Ibid. 198.

⁵⁾ 10-го декабря 1825 г., ibid. 199.

Какъ бы то ни было, вѣроломство персіянъ превзошло своей неожиданностью даже предусмотрительность Ермолова. Князь Мещиковъ, посланный въ Персію съ извѣщеніемъ о вступленіи на престолъ императора Николая и подтвержденіемъ гулистанскаго мира, отлично тамъ принятый, готовъ на всевозможныя уступки; Ермоловъ, парализованный желаніемъ нашей дипломатіи доказать миролюбіе персіянамъ, лишенъ возможности принять какія-либо мѣры на персидской границѣ; работы по укрѣпленію пограничнаго поста «Миракъ» остановлены по требованію русскаго посланника... Вдругъ получается извѣстіе, что 16-го іюля 1826 года паша Эриванскій нападаетъ именно на миракскій постъ; наслѣдникъ престола Абасъ-Мирза, съ большими силами переходитъ черезъ Араксъ и, истребивъ слабый русскій отрядъ, осадилъ крѣпость Шушу; тотчасъ возмущились южныя, пограничныя Персіи ханства; курдская конница, прорвавшись въ Грузію, разворила нѣмецкую колонію въ шестидесяти верстахъ отъ Тифлиса; изъ роты, прикрывавшей провіантскій транспортъ и окруженной враждебными полчищами, спаслось 38 человекъ; вездѣ показались признаки мятежа.

Успѣхи персіянъ на этомъ остановились. 20-го августа Ермоловъ уже доноситъ государю: «Непріятель далъ время собрать войска; дѣла приняли другой видъ»¹⁾. Тотчасъ началось движеніе отрядовъ; 2-го сентября князь Мадатовъ разбилъ персіянъ при Шамхорѣ; 4-го имъ же, безъ выстрѣла, заняты Елисаветполь; часть магометанъ высказалась за насъ; общее направленіе кампаніи было обезпечено по плану Ермолова²⁾. Но роковое для него впечатлѣніе на императора уже совершилось.

Не надо забывать, что, при тогдашнихъ средствахъ сообщенія и отсутствіи телеграфовъ, государю не легко было составить вѣрное представленіе о положеніи театра войны. Во всякомъ случаѣ ему не понравилось, во-первыхъ, что Ермоловъ ведетъ оборонительную войну, во-вторыхъ, что онъ не самъ выступилъ противъ персіянъ, а послалъ князя Мадатова. Отсюда нѣсколько строгихъ предписаній дѣйствовать «непремѣнно наступательно»³⁾ и рескриптъ 11-го августа, которымъ, «для предупрежденія всякаго недоразумѣнія», разрѣшается Ермолову «въ случаѣ нездоровья или какого другого непредвидимаго препятствія, ввѣрить начальство надъ корпусомъ генералъ-адъютанту Паскевичу, какъ старшему послѣ васъ»⁴⁾.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что образъ дѣйствія императора Николая въ настоящемъ случаѣ не представляется чѣмъ-то

¹⁾ Записки Ермолова, II, Прилож., 273.

²⁾ Ibid. 286.

³⁾ Ibid. 212, 214, 216, 218.

⁴⁾ Ibid. 218.

исключительнымъ въ исторіи этого государя, — личнымъ относительно Ермолова. Гораздо позднѣй, именно въ 1844 г., послѣ цѣлаго ряда неудачъ на Кавказѣ, когда, очевидно, оставалось только одно средство — смѣнить слабого Нейдгарта и предоставить болѣе обширныя полномочія его преемнику, государь самъ, въ своемъ петербургскомъ кабинетѣ, составилъ планъ будущей кампаніи и, сдѣлавъ старику Нейдарту весьма не косвенный выговоръ за прежнія неудачи, прибавляетъ: «невозможнаго я не требую ни отъ тебя, ни отъ войскъ; но требую откровеннаго отвѣта, берешься ли сіе исполнить какъ непремѣнную мою волю?» ¹⁾ Далѣе, отношенія, созданныя въ 1841 году между Головинымъ — начальникомъ края и Граббе — начальникомъ отдѣльнаго отряда, были буквальныймъ повтореніемъ отношеній, установленныхъ, имъ между Ермоловымъ и Паскевичемъ. Очевидно, присылка такихъ «помощниковъ», какъ Паскевичъ и Граббе, входила въ систему; это было проявленіе своего рода гуманизма государя къ генераламъ, которыхъ онъ считалъ неспособными, но, въ то же время, не желалъ обезкуражить прямымъ отозваніемъ съ занимаемаго поста.

Читая выговоры и строгія предписанія Ермолову въ первые дни персидской кампаніи, невольно вспоминаешь писанное когда-то Потемкинымъ Екатеринѣ. «Матушка родная, избавь меня отъ досадъ; опричь спокойствія, нужно мнѣ имѣть свободную голову» ²⁾.

Но не напрасно Жиркевичъ называетъ Ермолова человѣкомъ «необыкновеннаго ума... въ сраженіяхъ примѣрно хладнокровнымъ» ³⁾. «Стараться буду — отвѣчаетъ онъ на категорическій приказъ государя дѣйствовать наступательно — во всемъ выполнить волю вашу, всемилостивѣйшій государь, не увлекаясь неумѣстной опрометчивостью; дѣйствія мои, сколько умѣю, подвергаю разсчетамъ правдоподобнымъ и гнусные поступки персіянъ не выведутъ меня изъ терпѣнія». Далѣе объясняетъ почему, въ данную минуту, возможны только оборонительныя дѣйствія и что, для наступательныхъ, настанетъ время послѣ совершеннаго освобожденія нашихъ земель отъ непріятеля и обезпеченія продовольствія арміи ⁴⁾. Государь согласился ⁵⁾.

Отношеніе Ермолова къ Паскевичу представляется глубоко патриотическимъ. Симпатизировать ему онъ не могъ. Тѣмъ не менѣе, не только поручаетъ ему отрядъ уже организованный подъ начальствомъ Мадатова для освобожденія Шуши, но даетъ ему въ помощники Вельяминова — знатока Кавказа и кавказской войны. «Сими спѣдвѣніями можетъ онъ быть для васъ полезнымъ» ⁶⁾.

¹⁾ Зиссерманъ, II, 352.

²⁾ «Русскій Архивъ», 1865 г., стр. 770.

³⁾ Записки Жиркевича, «Русская Старина»; 1874 г., т. X, 635.

⁴⁾ Записки Ермолова, II, Прилож., 272.

⁵⁾ Ibid. 224.

⁶⁾ Изъ инструкціи Паскевичу, *ibid.*, 283.

Въ побѣдѣ Ермоловъ увѣренъ и только старается смягчить для Мадатова лишеніе команды, согласное съ волей государя, но обидное съ точки зрѣнія военнаго честолюбія. «Не оскорбитесь ваше сіятельство, что вы лишаетесь случая быть начальникомъ отряда, тогда какъ предложитъ ему назначеніе блистательное. Конечно, это не сдѣлаетъ вамъ удовольствія, но случай сей не послѣдній, и вы безъ сомнѣнія успѣете показать, сколько... можете принести пользы службѣ государя¹⁾»).

Съ своей стороны, мы увѣрены, что Паскевичъ, безъ помощи Ермолова, умѣлъ бы ориентироваться и побѣдить персіянъ 13-го сентября при Елисаветполѣ; но было бы несправедливостью промолчать, что Ермоловымъ сдѣлано все для предупрежденія ошибки Паскевича и обезпеченія побѣды за Россіей.

Намъ остается объяснить, почему Ермоловъ во всю эту кампанію, сдѣлалъ только небольшое, но крайне трудное и необходимое движеніе изъ Тифлиса на казахскую дистанцію, помѣшавшее лезгинамъ соединиться съ Абасъ-Мирзою? Почему, вмѣсто послышки Паскевича, онъ самъ не принялъ начальства надъ дѣйствующей арміей, на что имѣлъ право даже по смыслу рескрипта 11-го августа?

Двѣ причины. Во-первыхъ, изъ Тифлиса онъ имѣлъ подъ рукой Дагестанъ, спокойный въ данную минуту, но ежеминутно готовый запылать. Изъ центра позиціи онъ могъ направлять силы туда, гдѣ онѣ окажутся болѣе необходимыми²⁾.

Во-вторыхъ, Ермоловъ зналъ сомнительное состояніе умовъ на Кавказѣ. Жители Тифлиса, въ ожиданіи персіянъ, зарывали въ землю свои сокровища; грузинъ, маіоръ князь Челокаевъ, прежде участвовавшій въ возстаніи противъ насъ, по порученію своихъ единомышленниковъ, пріѣхалъ изъ Кахетіи въ Тифлисъ разузнать положеніе дѣлъ; вездѣ признаки волненій или та грозная тишина, которая имъ предшествуетъ.

Ермолову, прежде всего необходимо было замаскировать малочисленность войскъ. (Въ Тифлисѣ оставалось только 400 человѣкъ гарнизона и одна батарея вскорѣ отправленная въ армію). Онъ достигаетъ этого своимъ театральнымъ спокойствіемъ. Ежедневно,

¹⁾ Погодинъ, 371.

²⁾ Можно указать нѣсколько аналогическихъ распоряженій Ермолова изъ эпохи далеко предшествовавшей вторженію персіянъ. Напримѣръ, 27-го мая 1819 года . . . «Опасаясь, чтобы жители владѣній Андреевскихъ, Аксаевскихъ и Костековскихъ не поколебались въ вѣрности (вслѣдствіе измѣны народовъ Дагестана) по легкомыслію своему, отправилъ я начальника корпуснаго штаба генералъ-маіора Вельяминова, на Кавказскую линію... Самъ я остался въ Груніи, дабы видѣть, что предпримуть сосѣдственныя оной горскіе народы, отъ которыхъ посланные приняты въ Тавризѣ сыномъ шаха Абасъ-Мирзою весьма благосклонно». Акты VI, ч. II, № 16. Даже князь Цициановъ, — въ важныхъ случаяхъ посылалъ иногда подчиненныхъ, на которыхъ могъ вполнѣ разсчитывать.

будто въ веселомъ расположеніи, онъ совершаетъ обычную прогулку по городу и будто серьезно занимается грузинскимъ ополченіемъ. Князь Челокаевъ повѣрилъ наружному спокойствію Ермолова и принялъ его за дѣйствительную силу; грузинское дворянство увлеклось ополченіемъ и забыло царевича Александра... а, между тѣмъ, князь Мадатовъ съ Паскевичемъ сдѣлали свое дѣло. Общій взрывъ былъ отклоненъ.

Ермоловъ зналъ, что личныя обстоятельства требуютъ отъ него чего-нибудь блестящаго, громкаго. Онъ предпочитаетъ спокойствіе ввѣреннаго ему края, своей славѣ. Давъ Паскевичу своихъ лучшихъ сподвижниковъ и отправивъ его на вѣрную побѣду, Ермоловъ не только остается въ тѣни, не только рискуетъ карьерой, но даже принимаетъ на себя обидныя нареканія. «Это безпримѣрное самопожертвованіе—говоритъ Давыдовъ—переносащее насъ въ лучшія времена Рима, было оцѣнено лишь самымъ органичнымъ числомъ людей, а большинство ставитъ этотъ великій подвигъ въ важнѣйшую ошибку въ жизни этого человѣка, подвигъ, который, не смотря на многіе другіе совершенные имъ въ теченіе жизни, составляетъ едва ли не самый блестящій алмазъ въ его славномъ вѣнцѣ» ¹⁾.

Понятны обстоятельства вызвавшія въ государѣ преувеличенное представленіе объ опасности вторженія персіянъ. При этихъ условіяхъ, инстинктивное нерасположеніе къ системѣ Ермолова легко могло превратиться въ недоувѣріе къ его способностямъ. Но, когда обстоятельства выяснились, слѣдовало или, возвративъ Ермолову все довѣріе, отозвать Паскевича или, въ противномъ случаѣ, отозвать Ермолова. Вмѣсто этого государь пытается отыскать середину въ той берлогѣ, въ которой, по народнымъ примѣтамъ, два медвѣдя не уживаются. Безсознательно создается порядокъ вещей, при которомъ на Ермолова возлагаются всѣ выговоры, практически невыполнимыя распоряженія и отвѣтственность, а честь и довѣріе остаются за Паскевичемъ. Ермоловъ, не смотря на опалу, вовсе не выказываетъ той уступчивости, которою отличился, напримѣръ, Кутузовъ при Аустерлицѣ и крѣпко держитъ въ своихъ рукахъ общее руководство дѣйствіями. Донося о намѣреніи Паскевича, послѣ сраженія при Елисаветполѣ, преслѣдовать персіянъ за Араксъ, онъ прямо говоритъ: «я воспретилъ сіе движеніе» ²⁾ и весьма настойчиво указываетъ на причины, заставившія его на время отложить наступленіе: недостатокъ войска, природу страны, а, главное, недостатокъ продовольствія. Паскевичъ принимаетъ это за желаніе отнять лишній лавръ. Для объясненій Ермоловъ посылаетъ къ нему князя Долгорукова. ³⁾ Но давно извѣстно: когда люди органически

¹⁾ Сочиненія, II, 78.

²⁾ Записки Ермолова, II, Прил. 289.

³⁾ Погодинъ, 360.

неспособны другъ друга понять, всякія объясненія порождаютъ новыя недоразумѣнія. Для разбора пререканій на Кавказъ посылается Дибичъ. Въ рескриптѣ по этому поводу сказано, что ему подробно извѣстны намѣренія государя и что онъ уполномоченъ «на всѣ мѣры» ¹⁾.

Не касаясь Дибича-полководца, скажемъ о немъ только какъ о начальникѣ императорскаго штаба. Ему не доставало той стойкости убѣжденій, того гражданскаго мужества, для которыхъ, говоря правду, было мало мѣста въ царствованіе Николая.

Еще задолго до персидской кампаніи, по требованію Ермолова, государемъ сдѣлано распоряженіе объ откомандированіи на Кавказъ 20 пѣхотной дивизіи ²⁾. Уже то обстоятельство, что эта дивизія, не смотря на настояніе Ермолова, пришла только въ декабрѣ 1826-года, т. е. черезъ годъ, ³⁾ должно быть поставлено насчетъ штаба. Но еще болѣе относится къ нему частное распоряженіе, сопровождавшее присылку подкрѣпленій. Въ видахъ акклиматизаціи на театрѣ дѣйствія, государь предписываетъ размѣстятъ войска 20 дивизіи по мелкимъ крѣпостямъ кавкасской линіи, а 22 дивизію, занимавшую до сихъ поръ эти мѣста, употребить на усиленіе дѣйствующей противъ персіанъ арміи. Ермоловъ поставленъ въ необходимость объяснить «чрезвычайное неудобство» этого распоряженія (потребуется много времени пока вновь пребывшія войска размѣстятся по постамъ «на большомъ пространствѣ разсыпаннымъ»); смѣнившіяся войска должны будутъ проходить черезъ горы въ глубокую зиму; начальникамъ новыхъ войскъ будетъ незнакомъ характеръ горной войны) и просить разрѣшенія оставить полки 22 дивизіи на старыхъ мѣстахъ ⁴⁾.

Та же исторія повторилась съ приказомъ «ни въ какомъ случаѣ» полковъ не раздѣлять. Опять Ермолову представляется надобность въ перепискѣ и опять разрѣшается необходимое раздѣленіе «въ томъ предположеніи, что, при послѣдующихъ военныхъ дѣйствіяхъ, Ермоловъ не упуститъ случая соединить разрозненные части» ⁵⁾.

Государь могъ сдѣлать непрактическое распоряженіе въ спеціально-военномъ вопросѣ; это не его спеціальность. Но умѣнье распоряжаться практически и, гдѣ надо, подсказать государю принципъ независимости дѣйствующей арміи отъ какихъ бы то ни было вышнихъ канцелярій, обязательно для начальника императорскаго штаба.

И такъ,—если Дибичу извѣстны желанія государя, то не онъ станетъ имъ противурѣчить. Зная это, слѣдовало ожидать, что, при-

¹⁾ Рескриптъ 3-го февраля 1827 года. Записки Ермолова, II, Прилож. 241.

²⁾ Записки Ермолова, II, Прилож. 200.

³⁾ Погодинъ, 851.

⁴⁾ Записки Ермолова, II, Прил. 211, 268.

⁵⁾ *Ib.* 229, 287.

ѣхавъ въ Тифлисъ, Дибичъ не пойдетъ противъ теченія. Будь Ермоловъ десять разъ правъ,—Дибичъ не рѣшится открыто стать на его сторону.

Изъ нѣкоторыхъ намековъ официальной переписки можно заключить, что Дибичъ понималъ Ермолова, что у нихъ былъ подробный разговоръ о положеніи, которое императоръ Николай, конечно, неожиданно для него самаго, создалъ на Кавказѣ и что они согласились съ однимъ фельдъегеремъ, каждый отъ себя, писать государю. Но старый левъ не захотѣлъ тянуть агонію своей власти на Кавказѣ. вмѣсто объясненія, Ермоловъ подалъ слѣдующее прошеніе объ отставкѣ:

«Не имѣвъ счастья заслужить довѣренность В. И. В., долженъ я чувствовать, сколько можетъ беспокоить В. В. мысль, что при теперешнихъ обстоятельствахъ дѣла здѣшняго края поручены человѣку неимѣющему ни довольно способностей, ни дѣятельности, ни доброй воли. Сей недостатокъ довѣренности В. И. В. поставляетъ и меня въ положеніе чрезвычайно затруднительное. Не могу я имѣть нужной въ военныхъ дѣлахъ рѣшительности, хотя бы природа и не совсѣмъ отказала мнѣ въ оной. Дѣятельность моя охлаждается той мыслью, что не буду я умѣть исполнить волю Вашу, всемилоствѣйшіи государь.

«Въ семъ положеніи, не видя возможности быть полезнымъ для службы, не смѣя однако же просить объ увольненіи меня отъ командованія кавказскимъ корпусомъ, ибо въ теперешнихъ обстоятельствахъ, можетъ это быть приписано желанію уклониться отъ трудностей войны, которыхъ я совсѣмъ не считаю непреодолимыми; но устраняя всѣ виды личныхъ выгодъ, всеподданнѣйше осмѣливаюсь представить В. И. В. мѣру сію, какъ согласную съ пользою общей, которая всегда была главною цѣлью моихъ дѣйствій»¹⁾.

Хотя не подлежитъ сомнѣнію, что, при отправленіи Дибича изъ Петербурга, судьба Ермолова была отдана въ его полное распоряженіе, но мнѣніе будто Ермоловъ Дибичемъ уволенъ отъ службы неосновательно. Свидѣтельство князя Варшавскаго въ этомъ дѣлѣ уясняетъ очень много. Устами г. Филиппова, своего военного секретаря, онъ положительно говоритъ, что всѣ симпатіи Дибича были на сторонѣ Ермолова, что онъ всячески упрашивалъ его остаться на Кавказѣ; но Ермоловъ былъ непреклоненъ въ своей рѣшимости удалиться, и Дибичъ былъ вынужденъ дать ходъ рескрипту о назначеніи Паскевича главнокомандующимъ кавказскаго корпуса. Паскевичъ ошибается только въ мотивахъ поведенія Дибича. «Ермоловъ былъ уже старъ и слѣдовательно не могъ быть опасенъ Дибичу; а на меня онъ завистливо смотрѣлъ какъ на своего соперника; я былъ однихъ съ нимъ лѣтъ и заявилъ уже свой военный та-

¹⁾ Записки Ермолова, II, Прил. 244.

лантъ»¹⁾. Для «Ермоловыхъ» сорокъ девять лѣтъ—еще далеко не предѣлъ годности таланта.

Ермоловъ въ-время понялъ, что люди способные внести творческую мысль, брать на свою отвѣтственность, самостоятельно обдумать и рѣшить—вышли изъ моды. На смѣну генераловъ Александровской эпохи, смотрѣвшихъ на парадъ какъ на праздничную декорацию, идетъ поколѣніе видѣвшее въ парадѣ главную задачу жизни. Настала эпоха бумажной дѣловитости. Не могъ же онъ, съ наивностью тогдашняго благонамѣреннаго чиновничества, не чувствовать себя лишнимъ въ этой атмосферѣ тупой бюрократіи и высокопоставленнаго невѣжества. Онъ самъ сошелъ со сцены.

Нѣсколько мелкихъ неприятностей при сдачѣ управленія. Въ простой кибиткѣ, десять лѣтъ тому назадъ, Ермоловъ пріѣхалъ въ Тифлисъ; такимъ же способомъ теперь покинулъ его навсегда. Забыли дать конвой, и онъ рисковалъ попасть въ руки чеченцевъ.

По дорогѣ въ Россію, Ермоловъ заѣхалъ въ Таганрогъ «единственно для того, чтобы видѣть мѣсто кончины императора Александра, вмѣстѣ съ которымъ—записано въ его дневникѣ—похоронено и мое счастье».

«Какая тишина послѣ шумной жизни! Какое уединеніе послѣ всегдашняго множества людей!»²⁾.

Впереди лежало тридцать пять лѣтъ вынужденной праздности!

X.

Ермоловъ имѣлъ горячихъ сторонниковъ, но и непримиримыхъ враговъ.

Говорили, что онъ честолюбивъ.

Есть пошлый и низкій видъ честолюбія, стремящійся увеличить свою личную власть и богатство. Послѣ знакомства съ біографіей Ермолова, едва ли кто станетъ отрицать возвышенныя цѣли въ его честолюбіи. Такое честолюбіе, если оно не соединено съ преступными и пошлыми средствами—законное право таланта, единственное ручательство человѣческаго прогресса. Притча о талантѣ, пущенномъ въ обращеніе, приложима къ честолюбіямъ въ родѣ Ермоловскаго.

Далѣе. За Ермоловымъ крѣпко утвердилась репутація интригана. Чтобы судить о причинахъ, надо возвратиться далеко назадъ, къ эпохѣ 12-го года.

Въ Отечественную войну, государь не только сдѣлалъ ошибку, противопоставивъ Наполеону двухъ лицъ съ неясными предѣлами

¹⁾ «Древняя и Новая Россія», 1878, I, 84.

²⁾ Погодинъ, 353, 354.

власти и взаимнаго подчиненія, но, согласно привычкѣ никому вполнѣ не довѣрять, счелъ нужнымъ имѣть изъ арміи извѣстія помимо главнокомандующихъ и, именно, на Ермолова возложилъ обязанность частно извѣщать обо всемъ происходящемъ на театрѣ войны. Впослѣдствіи, отправляя Кутузова для принятія начальства надъ всей арміей, чтобы лучше ориентировать его, государь передаетъ ему личныя донесенія Ермолова. Поступокъ, въ данномъ случаѣ, можетъ быть и полезный для дѣла, объясняемый не одной забывчивостью государя, но несомнѣнно вредный для Ермолова. Новый главнокомандующій легко могъ предположить возможность новыхъ личныхъ, неизвѣстныхъ ему, донесеній Ермолова? Кутузовъ прежде до того благоволившій къ Ермолову, что послѣдняго, въ кампанію 1805 года, называли *l'enfant gâté du général*, теперь холодно отнесся къ нему. Исторія съ письмами этимъ не оканчивается. Если свѣдѣнія Давыдова и самого Ермолова вѣрны, по смерти Кутузова, письма перешли къ Барклаю-де-Толли и, легко представить удовольствіе съ какимъ послѣдній читалъ рассказы о своихъ ошибкахъ, о недовѣрїи къ нему войскъ и о необходимости единоначалія въ арміи! ¹⁾

Неправда ли, какая богатая канва для репутаціи интригана! Но не забудемъ, что обязанности вѣроподданнаго выше всякаго житейскаго этикета. Событія шли съ захватывающею быстротой. Въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ находилась Россія, никто, — тѣмъ болѣе лицо, которому самъ государь приказалъ немедленно себя извѣщать, — не имѣлъ права не только скрывать отъ него истину, но на минуту замедлить попытку открыть глаза государя на дѣйствительное положеніе арміи.

Ермолова можно упрекнуть въ томъ, что, отлично понимая слабую сторону cadaго, онъ, совершенно сознательно, пользовался этой слабой стороной для того, чтобы вести человека по дорогѣ общественной пользы; его можно упрекнуть въ нѣкоторой склонности оправдать цѣль средствами (на сколько это допускается въ обшденной жизни), но отъ этого до интриги неизмѣримое разстояніе.

Современники даже изъ самыхъ расположенныхъ къ нему, на примѣръ, цесаревичъ Константинъ Павловичъ — замѣчая привычку Ермолова управлять за кулисами, прозвали его «патеромъ Груберомъ» (имя извѣстнаго въ то время петербургскаго іезуита). Но уже то обстоятельство, что они называли его открыто и въ шутку, нисколько не прерывая съ нимъ наилучшихъ отношеній ²⁾, достаточно убѣждаетъ въ томъ, что именно «іезуитизма» не было въ характерѣ Ермолова.

¹⁾ Записки Ермолова, I, 224; Погодинъ, 123; Дубровинъ, «Военный Сборникъ», 1869, XI, 42.

²⁾ Записки Ермолова, II, Прилож. 28, 37.

«истор. вѣсти.», сентябрь, 1888 г., т. XLIII.

Не видимъ «интриги» и въ привычкѣ Ермолова откровенно говорить о службѣ своихъ предшественниковъ и современниковъ.

«Нашель многихъ частей безпорядокъ, — доносить онъ императору Александру, — превышающимъ мои ожиданія; вижу, однако же, что постояннымъ упражненіемъ и временемъ могу возстановить уничтоженный и учредить доселе не введенный порядокъ» ¹⁾. «Равнодушіе (къ государственному интересу) многихъ изъ начальниковъ на линіи допустило чеченцевъ поселиться на Терекѣ» ²⁾. «Но не мое дѣло разсуждать о томъ, что упущено; я обязанъ представить средства, какъ впредь поступать надлежитъ» ³⁾. «Если бы обстоятельства мнѣ одному грозили лишеніемъ репутаціи, умѣлъ бы я заставить молчать частныя мои выгоды; но когда затмѣвается слава оружія нашего и не въ приличномъ видѣ является могущество и величіе русскаго государя, репутація моя перестаетъ быть достояніемъ частнымъ и не должна терпѣть или отъ неблаговоленія ко мнѣ лично министра (графа Нессельроде) или отъ совершеннаго невѣжества его относительно дѣлъ здѣшней страны и состоянія Персіи» ⁴⁾. Въ донесеніи государю о необходимости ограничить ханскую власть Ермоловъ извиняетъ князя Циціанова. («Необходимость вырвала у него въ пользу хановъ трактаты снисходительныя»). Но о Гудовичѣ сказано, что онъ «безъ всякой нужды» вызвалъ бѣжавшаго хана; о Ртищевѣ — и того хуже: онъ призвалъ явнаго измѣнника, неоднократно водившаго персидскія войска въ наши предѣлы и истребившаго батальонъ русскихъ войскъ ⁵⁾.

Чтобы надлежащимъ образомъ цѣнить отзывы Ермолова о другихъ, слѣдуетъ, во-первыхъ, принять во вниманіе его отзывы о своихъ ошибкахъ (приведенный выше случай съ мнѣніемъ астраханскаго губернатора Вухарина), во-вторыхъ, его взглядъ вообще на общественные интересы и государственную службу.

Строгій къ себѣ, Ермоловъ могъ ли слабо относиться къ другимъ? Самъ неутомимый, безкорыстный, весь отданный интересамъ общественной пользы, могъ ли онъ вообще допускать распущенность по службѣ? Весь проникнутый античнымъ взглядомъ на государство, какъ силу поглощающую человѣка, станетъ ли онъ входить въ расчеты обыкновеннаго житейскаго кумовства? Гдѣ требованія государства, тамъ «по Ермолову», отступаютъ на второй планъ личныя соображенія, деликатность, даже гуманизмъ. Если онъ не жалѣлъ черкесовъ, почему же станетъ онъ жалѣть тѣхъ, которые, косвенно, были причиной черкесскихъ иллюзіи?

¹⁾ Записки Ермолова, II, Прил. 41.

²⁾ Ib. 66.

³⁾ Ib. 65.

⁴⁾ Ib. 257.

⁵⁾ Ib. 34.

Не только мы не видимъ «интриги» въ характерѣ Ермолова, но, напротивъ, когда онъ называетъ свою службу «простодушной» и «простосердечной» ¹⁾, то это не риторическая фигура, а названіе вещи ея именемъ.

Еще упрекаютъ Ермолова въ «панибратствѣ съ молодыми офицерами, посредствомъ котораго онъ (будто бы) старался приобрести и, дѣйствительно, приобрѣлъ себѣ такую огромную популярность» ²⁾.

«Ищеть популярности» и, вдругъ, такая требовательность по службѣ, какую видимъ у Ермолова! «Желаетъ нравиться молодымъ офицерамъ» и — какъ никто — скупъ на казенныя деньги и награды!.. Очевидно, упрекъ основанъ на какомъ-то недоразумѣніи.

Для того, чтобы съ горстью войска, дѣлать то, что дѣлалъ Ермоловъ, мало одной мишурной популярности. Но давно извѣстно, что истинная популярность не приобретается съ умысломъ, а приходитъ сама собой, какъ дань истинному достоинству.

Не «популярность» нужна была Ермолову, а «душа» подчиненнаго ему корпуса офицеровъ. Считаая нужнымъ предоставлять иногда начальникамъ частей большую самостоятельность, разсчитывая на ихъ дѣйствія «по собственному усмотрѣнію, сообразно съ обстоятельствами», Ермоловъ, понятно, долженъ былъ держать человѣка на уровнѣ его отвѣтственности. Простой фрунтовой субординаціи здѣсь уже мало; мало казенныхъ отношеній генерала къ маіорамъ, поручикамъ и т. д. Надо лично узнать человѣка и нравственно поднять его. Отсюда необходимость извѣстнаго сближенія не только съ молодыми офицерами, но даже съ нижними чинами.

Манера Ермолова не могла нравиться высшему начальству эпохи Николая Павловича; но это была манера Багратіона, Кутузова и многихъ генераловъ Екатерининскаго вѣка. Ермоловъ только довелъ ее до совершенства, но и это не по предвзятому плану, а потому, что добродушіе, простота и безукоризненная вѣжливость были въ его природѣ и, сами собой, проявлялись всякій разъ, когда онъ не считалъ нужнымъ казаться грознымъ или парировать высокопоставленную заносчивость или бездарность.

По словамъ Погодина, Ермоловъ каждому старался сказать что-нибудь лестное и пріятное, и въ этомъ отношеніи иногда «лило было черезъ край, что впрочемъ замѣчалось только впоследствии» ³⁾.

«Вѣжливость — давалъ онъ отеческій совѣтъ молодому Фигнеру — есть самая дешевая монета, но всегда въ хорошемъ курсѣ. Я поставилъ себѣ за правило никогда не отдавать поклонъ сидя. Я всегда передъ каждымъ прапорщикомъ вставалъ» ⁴⁾.

¹⁾ Записки Ермолова, II, Прил. 181, 259.

²⁾ Слова в. кн. Михаила Павловича. Погодинъ, 448.

³⁾ Погодинъ, 449.

⁴⁾ «Историческій Вѣстникъ» 1881, I, 149.

Кстати замѣтимъ, что съ прислугой Ермоловъ «жилъ поэтетически. Ласка, забота о довольствѣ, о семействахъ, желаніе доставить удовольствіе обнаруживалось при всякомъ случаѣ». Его управитель Кирилль Максимовичъ жилъ у него 45 лѣтъ ¹⁾.

Дѣйствительнымъ недостаткомъ Ермолова является, во-первыхъ, его неправильное отношеніе къ Кутузову.

Тактика престарѣлаго главнокомандующаго, оставившаго французовъ ихъ собственной участи, на жертву морозовъ, голода и болѣзней, имѣла, съ внѣшней стороны, мало блестящаго и потому понятно чувство молодежи, у которой, такъ сказать, изъ рукъ вырывали случай отличиться. Молодые генералы, послѣ бѣгства французовъ изъ Москвы, плохо слушали Кутузова, и Ермоловъ, къ сожалѣнію, не былъ исключеніемъ.

«Фельдмаршалъ—признается Ермоловъ въ своихъ запискахъ—приказалъ идти впередъ, но отнюдь не далѣе Днѣпра... Не выходя изъ комнаты фельдмаршала, рѣшился я, выискавъ пристойный предлогъ, перейти Днѣпръ» ²⁾.

Принимая во вниманіе одинаковость шансовъ и при способѣ Кутузова и при болѣе дѣятельномъ преслѣдованіи непріятеля, надо предпочесть первый уже въ силу принципа единоначалія въ дѣйствующей арміи, который, въ эпоху разлада между Багратиономъ и Барклаемъ, такъ энергично отстаивалъ Ермоловъ.

Болѣе серьезнымъ недостаткомъ является самонадѣянность Ермолова. Говоримъ о томъ сравнительно незначительномъ количествѣ войска, съ которымъ онъ предпринялъ и надѣялся совершить покореніе Кавказа.

Отговариваться незнаніемъ театра войны Ермоловъ не могъ, да и не сталъ бы. Еще при Зубовѣ онъ основательно познакомился съ Кавказомъ. Честолюбивая мысль когда-нибудь повелѣвать въ этихъ горахъ, тогда еще запала въ его душу. Ранней опытностью въ кавказскихъ дѣлахъ объясняется, почему, вступивъ въ управленіе краемъ, Ермоловъ тотчасъ угадываетъ вѣрную дорогу и, безъ малѣйшихъ колебаній, идетъ къ опредѣленной цѣли. Почему же только въ вопросѣ о числѣ войскъ онъ выказываетъ положительную непредусмотрительность.

Отъ отвѣтственности въ этомъ случаѣ Ермолова повидимому освобождаетъ то, что почти ежегодно (хотя часто безуспѣшно) онъ обращается за подрѣзками. Но, еще вопросъ, былъ ли онъ довольно настойчивъ въ этихъ требованіяхъ? Столь убѣдительный во всѣхъ другихъ случаяхъ, почему онъ не постарался быть убѣдительнымъ только въ вопросѣ о количествѣ войска, необходимаго для покоренія Кавказа?

¹⁾ Погодинъ, 449.

²⁾ Погодинъ, 163. Записки Ермолова, I, 256.

Однажды самъ государь обратилъ вниманіе на непослѣдовательность Ермолова въ этомъ вопросѣ. «Какъ согласить,—спрашиваетъ государь,—просьбу о прибавкѣ къ грузинскому корпусу 26,000, съ прежнимъ увѣреніемъ, что три полка,—все чего желаетъ Ермоловъ и «большее число было бы излишкомъ»¹⁾). Вообще энергическія настоянія о присылкѣ войскъ начинаются только за годъ до персидской войны.

Чтобы вполнѣ оправдать Ермолова, надобенъ, съ его стороны, ясный и подробный расчетъ военныхъ силъ, дѣйствительно необходимыхъ для покоренія Кавказа. Но такового, несмотря на обширныя теоретическія и практическія познанія Ермолова въ военномъ дѣлѣ, нигдѣ не находимъ, а напротивъ, существуютъ признаки, что онъ не прочь начать завоеваніе Закаспійскаго края съ 1,000 человекъ пѣхоты!²⁾

Ермоловъ, конечно, зналъ, что въ Петербургѣ всякое комплектованіе кавказскаго корпуса будетъ принято крайне неохотно. Но, познакомившись съ его характеромъ, читатель вѣроятно допуститъ, что не въ желаніи подлаживаться къ кому бы то ни было находится причина умѣренности въ вопросѣ о числѣ войскъ.

Въ настоящемъ случаѣ Ермоловъ едва ли не дѣйствуетъ какъ тотъ русскій мастеровой, который, рассчитывая на свою ловкость, хочетъ обойтись однимъ топоромъ. Инструментъ былъ плохъ въ томъ отношеніи, что отличное войско было малочисленно. До нѣльзя ограничивая окупаціонный корпусъ, Ермоловъ надѣялся на свою личную энергію, усердіе и талантъ и осповательно полагался на несравненныя качества русскихъ войскъ. Но качество не безпредѣльно можетъ замѣнять количество. Кромѣ ума, въ самыхъ распоряженіяхъ, необходима достаточная сила для ихъ осуществленія.

Съ этой точки, на Ермолова падаетъ отвѣтственность не только за неудачный ходъ нашихъ операцій въ началѣ персидской кампаніи, но и за самую медленность покоренія Кавказа. Если бы Ермоловъ, вскорѣ по вступленіи въ управленіе краемъ, испросилъ столько войска, сколько дѣйствительно необходимо, не было бы надобности въ грозномъ языкѣ его приказовъ горцамъ, въ казни аманатовъ и экзекуціяхъ. Начавъ наступленіе съ небольшими силами, самъ онъ ежеминутно могъ очутиться въ положеніи близкомъ къ самооборонѣ. Отсюда крайнее напряженіе въ лагерѣ побѣдителей и «горе побѣжденнымъ».

Когда покореніе страны рѣшено, достаточное количество войска нравственно обязательно для завоевателя; оно—долгъ гуманизма; всякая скупость въ этомъ отношеніи, если только она не предписывается безусловной необходимостью, просто безчеловѣчна.

¹⁾ Записки Ермолова, II, Матер. 87, 92.

²⁾ Записки Ермолова, II, Прил. 121, 123. См. также выше л. 28 па об.

XI.

Ермоловъ сначала поселился около Орла, въ с. Лукьянчиковѣ, имѣніи его отца. «Собираюсь заниматься хозяйствомъ, о которомъ пресмѣшныя имѣю понятія,—пишетъ онъ отсюда своему другу Ховену.—Но не такъ велико состояніе и не такъ многосложно управленіе, чтобы, наконецъ, и я не сдѣлался экономомъ» ¹⁾. Сельскимъ хозяиномъ онъ однако не сдѣлался, а продалъ Лукьянчиково, купилъ деревянный домъ въ Москвѣ тысячъ въ пятнадцать. «и, съ этого времени, какъ Магометъ съ бѣгства изъ Мекки въ Медину, считаетъ дни своей мудрости» ²⁾.

Пропили года. Неблаговоленіе государя смѣнилось знаками расположенія. Не было недостатка въ попыткахъ возвратитъ Ермолова на колею общественной дѣятельности. «Я хочу васъ всѣхъ стариковъ собрать около себя и беречь какъ старыя знамена»,—сказалъ однажды государь ³⁾. Послѣдовало назначеніе въ члены государственнаго совѣта.

Фактъ несомнѣнный—Ермоловъ оказался негоднымъ для государственнаго совѣта той эпохи. «Никто, никогда не слышалъ его голоса—говоритъ современникъ—и даже большую часть времени онъ проводилъ въ полудремотѣ или, по крайней мѣрѣ, съ закрытыми глазами, не обращая повидимому ни малѣйшаго вниманія на все, что докладывалось; когда же, при встрѣчавшихся разногласіяхъ, секретари подходили спрашивать о его мнѣніи, обыкновенный отвѣтъ его былъ: «съ тою стороною, на которой окажется больше голосовъ». По одному дѣлу (кажется Строгоновыхъ съ Всеволожскимъ) очень сложному и запутанному, онъ просто сказалъ, что не можетъ произнести никакого мнѣнія, потому что «не понимаетъ этого дѣла». Когда же тогдашній предсѣдатель графъ Новосильцевъ возразилъ, что не считаетъ себя въ правѣ принять такой отзывъ, какъ неумѣстный со стороны члена государственнаго совѣта, то послѣ довольно продолжительнаго уклоненія, возвратился къ стереотипному своему отвѣту: «съ большинствомъ голосовъ» ⁴⁾. Въ совѣтъ онъ не вѣдиль подъ различными предлогами. Въ Петербургѣ начали говорить, что онъ смѣется надъ совѣтомъ ⁵⁾. Го-

¹⁾ «Русская Старина», 1876, т. XVI, 230.

²⁾ Погодинъ, 403.

³⁾ Ib. 399.

⁴⁾ Погодинъ, 402. Кстати замѣтить, что хотя верхняя палата англійскаго парламента считается судебной инстанціей, по, по издревле сложившемуся обычаю, лорды не-юристы уклоняются отъ подачи голоса по вопросамъ чисто-юридическимъ. По этому, 4-го сентября 1844 года, дѣло О'Конеля разсматривалось только пятью лордами и было рѣшено въ пользу О'Конеля большинствомъ только одного голоса, не смотря на то, что въ этой же залѣ парламента находилась масса перовъ, не расположенныхъ къ ирландскому агитатору.

⁵⁾ Погодинъ, 377.

сударь былъ недоволенъ этимъ уклоненіемъ. Но, вмѣсто того, чтобы, присоединясь къ общему хору, сдѣлать по крайней мѣрѣ видъ «дѣлового человѣка», Ермоловъ началъ проситься въ Москву. Желанное разрѣшеніе наконецъ получено, но, подъ предлогомъ «чрезмѣрно усилившихся занятій», государь не принялъ Ермолова передъ отъѣздомъ ¹⁾).

Такъ какъ никто не повѣритъ, чтобы у Ермолова не хватало способностей для занятій въ государственномъ совѣтѣ, то остается предположить, въ самомъ устройствѣ, въ самой роли этого государственнаго учрежденія (того времени), нѣчто мѣшавшее Ермолову серьезно къ нему отнестись. Въ исторіи уклоненія Ермолова отъ занятій государственнаго совѣта повторяются мотивы заставившіе его, вопреки настояніямъ Дибича, удалиться съ Кавказа. Другіе могли принять мишуру за дѣло; но Ермолову, созданію эпохи русской инициативы и александровскаго идеализма, уже нельзя было довольствоваться пережевываніемъ крошечныхъ идей, съ которыми носились корифеи тогдашней правительственной сферы. Гордость же и «простосердечіе» не позволяли лавировать между противоположными убѣжденіями.

Къ этому надо прибавить, что, въ періодъ занятій Ермолова въ совѣтѣ, его, случайно или съ умысломъ, назначали въ комитеты не имѣвшіе отношенія къ его прошедшей дѣятельности и обходили при назначеніяхъ въ комитеты военнаго характера, хотя ихъ председатели, не имѣя ружныхъ специальныхъ свѣдѣній, частнымъ образомъ, обращались къ Ермолову съ вопросами ²⁾. Однажды Ермоловъ прямо заявилъ государю, что онъ военный и что всѣ возлагаемыя на него порученія не соответствуютъ его свѣдѣніямъ и опытности. Но государь отвѣтилъ комплиментомъ: «вѣрно ты слишкомъ любишь отечество, чтобы желать войны; намъ нуженъ миръ для преобразованій и улучшеній; но, вслучаѣ войны, я употреблю тебя» ³⁾).

Ермолову предложили мѣсто председателя въ генераль-аудиторіатѣ. Онъ далъ такой отвѣтъ. «Единственнымъ утѣшеніемъ была для меня приязанность войска; готовъ принять всякую должность, которую государю угодно возложить на меня, но только не могу быть наказателемъ» ⁴⁾).

Сдержанность Ермолова тѣмъ болѣе понятна, что, среди знаковъ вниманія, выпадавшихъ иногда на долю, попадались прямыя оскорбленія. То созданный имъ въ Тифлисѣ Ермоловскій проспектъ переименуется въ Головинскій ⁵⁾ то исторіку Устрялову поручать

¹⁾ Погодинъ, 401.

²⁾ Ibid. 397, 399.

³⁾ Ibid. 399.

⁴⁾ Ib. 397; 399.

⁵⁾ Ib. 439.

написать о «недостаткѣ способностей» у Ермолова ¹⁾, то на официальном приемѣ заставить ждать нѣсколько часовъ. Въ тяжелый годъ Крымской войны московское дворянство избрало Ермолова начальникомъ своего ополченія; москвичи поздравляли другъ друга, какъ съ одержанной побѣдой; но выборы не были утверждены.

Итакъ, Ермолову осталось только печальное сознаніе таланта бесполезнаго въ землѣ своей. Онъ зарылся въ антресоляхъ своего московскаго дома, писалъ и переписывалъ воспоминанія, переплеталъ книги, сблизился съ небольшимъ кружкомъ понимавшихъ его людей и осыпалъ сарказмами бездарныхъ представителей тогдашней администраціи. Вообще, нѣтъ ни одного свидѣтельства, чтобы Ермоловъ, еще недавно колоссальная рабочая сила, сдѣлалъ попытку снова выдвинуться и занять положеніе соответственное его заслугамъ и таланту.

Можно сказать—Ермоловъ учился всю жизнь. Въ Петербургѣ, молодымъ офицеромъ, онъ бралъ уроки математики; сосланный въ Кострому, основательно изучилъ латинскій языкъ. Къ своимъ учителямъ Гайму, Груздеву, Лясковскому всегда писалъ дружеское расположеніе ²⁾. Служивцамъ Ермолова въ Тифлисѣ были одинаково доступны: его домъ, столъ и библиотека ³⁾.

«Библиотека его, говоритъ Погодинъ, была отборная, особенно, что касается до военнаго дѣла, до политики и вообще исторіи. Онъ выписывалъ и получалъ тотчасъ все примѣчательное преимущественно на французскомъ языкѣ. Значительная часть книгъ испещрена его примѣчаніями на поляхъ» ⁴⁾.

Въ походѣ возилъ за собою книги и нерѣдко устраивалъ литературные вечера ⁵⁾. Представимъ: возстаніе въ Чечнѣ; идетъ Ермоловъ; кружокъ близкихъ людей раздѣляетъ его походную трапезу; послѣ обѣда Грибоѣдовъ читаетъ нѣсколько явленій изъ «Горе отъ ума», тогда только-что оконченной ⁶⁾..

Шумъ битвы, лагерная жизнь и серьезность общественной роли, выпавшей на его долю, не иссушили сердца, не заглушили струю поэзіи. «И вашу прелестную женщины, воспоминаетъ онъ о Вильнѣ, испыталъ я очаровательную силу; вамъ обязанъ многими въ жизни пріятными минутами» ⁷⁾.

Былъ женатъ три раза на черкешенкахъ Сюйда, Татай и Суланумъ ⁸⁾.

¹⁾ Погодинъ, 373, 406.

²⁾ Ibid. 12, 16.

³⁾ Записки Ванъ Галепа, «Истор. Вѣст.» 1884 г., июль, 672.

⁴⁾ Погодинъ, 448.

⁵⁾ Записки Муравьева, «Рус. Архивъ» 1886 г., № 4, стр. 496, 513.

⁶⁾ Шимаповскій, «Рус. Архивъ» 1876 г., II, 338.

⁷⁾ Записки Ермолова, I, 6.

⁸⁾ Верже, А. П. Ермоловъ и его любовныя жепы на Кавказѣ, «Рус. Страница», 1884 г., сентябрь.

Хорошіе, дышавшіе искреннимъ вдохновеніемъ, стихи оживляли его даже въ глубокой старости. Благородство чувства и возвышенность мыслей въ «Оссіанѣ» сдѣлали для него пріятнымъ чтеніе этой поэмы въ прозаическомъ переводѣ Кострова¹⁾. Какъ хорошъ былъ сѣдовласый герой Кавказа, — вспоминаетъ г. Бартепевъ, — когда онъ говорилъ, что поэты суть гордость націи. Съ какимъ сожалѣніемъ онъ выразился о ранней смерти Лермонтова²⁾.

Слогъ Ермолова блещетъ силой и латинизмами. Тяжелая екатерининская конструкция придаетъ ему своеобразную красоту. Это готическая стрѣлка въ сочетаніяхъ современнаго зданія. Неправильность формы легко забывается, благодаря нравственной высотѣ облакаемой ею мысли. На каждой страницѣ остроты, меткія, нерѣдко злая характеристики, оригинальные обороты. Между строкъ чувствуется какъ бы присутствіе Курбскаго. Многие боялись официальной переписки Ермолова. «Во что обмакиваете вы перо ваше, — писалъ ему Давыдовъ, — потому что съ него стекаютъ не чернила, а жечь»³⁾.

Къ сожалѣнію, не только до сихъ поръ не существуетъ полнаго собранія сочиненій Ермолова (къ нимъ надо присоединить значительную часть его приказовъ и другихъ официальныхъ бумагъ), но и то изданіе «Записокъ» съ приложеніями, которое имѣется⁴⁾, во всѣхъ отношеніяхъ (отъ нумераціи и брошюровки, до вѣрности текста и варіантовъ) оставляетъ желать лучшаго.

Вережливость, которою Ермоловъ отячался на службѣ, въ интересахъ казны, онъ перенесъ въ свою частную жизнь. «Былъ очень расчетливъ, — поясняетъ Погодинъ, — но не скупъ». Выѣхавъ изъ Тифлиса въ простой кибиткѣ, съ третнимъ жалованьемъ въ карманѣ, онъ все-таки, въ концѣ концовъ, устроилъ свои дѣла почти съ помощью одной только пенсіи. Проживалъ не болѣе трехъ тысячъ въ годъ⁵⁾.

Въ концѣ пятидесятихъ годовъ, общее вниманіе Россіи привлекалъ, жившій въ Москвѣ, почти никуда не выѣзжавшій, старый генералъ, вѣжливо сдѣлавшійся полуминюической личностью. Волининство повторяло о немъ массу анекдотовъ, но знало достоверно только то, что, въ 12-мъ году, онъ оказалъ большія услуги государству; онъ же усмирилъ Кавказъ и, съ его удаленіемъ, здѣсь начался рядъ неудачъ, поставившій русское владычество въ этомъ краѣ въ весьма двусмысленное положеніе. О причинахъ отставки говорили темно и различно. Цензурныя условія не позволяли разъяснить попросъ.

¹⁾ Фигнеръ, «Истор. Вѣст.» 1881 г., I, 152.

²⁾ «Рус. Архивъ» 1863 г., стр. 859.

³⁾ Погодинъ, 7.

⁴⁾ Два тома, Москва, 1865—1869 г.

⁵⁾ Погодинъ, 450.

Знаменитый обитатель Москвы, казалось, весь ушелъ въ прошедшее, но жизнь страстно искала его. «Представьте, — рассказывалъ великій князь Михайлъ Павловичъ, — только-что провѣдали (на Кавказѣ), что ѣдетъ сынъ Ермолова (выпущенный изъ кадетскаго корпуса), народъ сталъ сбѣгаться на почтовую дорогу и встрѣчать его на станціяхъ торжественными привѣтствіями» ¹⁾.

Когда плѣннаго Шамиля спросили: что онъ прежде всего хочетъ видѣть въ Москвѣ? Онъ отвѣчалъ: «Ермолова». Студенческая молодежь ловила рѣдкій случай появленія бывшаго «проконсула». Портретъ его, вышедшій въ это время, раскупался также быстро, какъ и портретъ тогдашняго «героя дня» Гарibaldi. Толпа собиралась у подъѣзда дома, въ которомъ ожидали Ермолова. Былъ такой случай: въ общественномъ собраніи прекратились танцы, когда пронесся слухъ: кто этотъ сѣдой генералъ въ черномъ фракѣ ²⁾.

Пушкинъ посвятилъ Ермолову страницу своей поэтической прозы; Белинсаузенъ назвалъ его именемъ островъ на Тихомъ Океанѣ; онъ вдохновилъ Лермонтову одно изъ лучшихъ стихотвореній; немногіе избранные съ трепетомъ входили въ скромно обставленный кабинетъ, «гдѣ никнулъ головой лавровой» нѣкогда грозный полководецъ.

Ермоловъ скончался 12 апрѣля 1861 года, спокойно сядя въ креслѣ, 84-хъ лѣтъ отъ роду. Незадолго передъ смертью онъ продиктовалъ письмо къ министру путей сообщенія Чевкину, въ которомъ убѣждалъ не продавать иностранцамъ варшавскую желѣзную дорогу и графинѣ Влудовой, прося ее передать князю Горчакову какое-то политическое замѣчаніе.

О. Уманецъ.

МОРСКОЙ КАДЕТСКИЙ КОРПУСЪ ВЪ 1823—1828 ГОДАХЪ.

(Изъ воспоминаній генералъ-маіора Петра Васильевича Митурича).

I.

ВЪ ЯТАГО СЕНТЯВРЯ 1822 года, въ квартирѣ отца моего, въ домѣ Румеля, на углу Средняго проспекта и 14-й линіи Васильевскаго острова, происходило маленькое семейное торжество, по случаю именинъ матушки. Отецъ мой, Василій Павловичъ Митуричъ, служилъ въ департаментѣ народнаго просвѣщенія и очень незадолго передъ тѣмъ получилъ мѣсто начальника отдѣленія, что дѣлало его и матушку въ этотъ день особенно счастливыми. Собралось много гостей, большею частію сослуживцевъ отца по департаменту и по морскому корпусу, гдѣ онъ также служилъ преподавателемъ. Были и многіе родные, въ числѣ которыхъ—Маркъ Филипповичъ Горковенко, инспекторъ классовъ морского кадетскаго корпуса.

Вечеромъ, когда сѣли играть въ бостонъ, Маркъ Филипповичъ позвалъ меня въ другую комнату и велѣлъ мнѣ принести какую-нибудь книгу. Я былъ тогда мальчуганомъ, удивительно маленькимъ для своихъ почти девяти лѣтъ, но тотчасъ сообразилъ, что мнѣ предстоитъ нѣчто въ родѣ экзамена, и подалъ любимыя мои «Сказки Эмина». Маркъ Филипповичъ, увидя, что я очень бойко читаю, сказалъ:

— Ну, братецъ, эти сказки ты, кажется, навзусь знаешь! Нѣтъ, дай-ко мнѣ другую книжку?

Отецъ, услышавши это, подалъ ему только-что полученный, новый номеръ «Вѣстника Европы».

— Вотъ,—говорить Горковенко,—тутъ ты покажешь мнѣ свою прыть!

Я взялъ книгу и съ указаннаго мѣста прочиталъ ему половину страницы также бойко, какъ и «Сказки Эмина». Затѣмъ, по приказанію его, прочиталъ Символъ Вѣры и довольно хорошо отгѣчалъ ему на нѣсколько вопросовъ изъ таблицы умноженія.

— Недурно!—продолжалъ онъ, обращаясь къ отцу.—А что, Василій Павловичъ, хотите его отдать теперь? У меня въ ротѣ есть вакансія, а съ новаго года мы его и совсѣмъ зачислимъ?

Матушка, услышавши это, стала просить оставить меня дома, хоть до новаго года, ссылаясь на то, что мнѣ еще въ октябрѣ только минеть девять лѣтъ.

— Ну, какъ хотите,—сказалъ Горковенко,—пожалуй оставьте до новаго года, а я все-таки его зачислю, а то, до новаго года, можетъ случиться, что всѣ казенныя вакансіи будутъ разобраны.

Такимъ образомъ, участь моя была рѣшена, и съ этого дня матушка стала смотрѣть на меня, какъ на самаго дорогого гостя. Четыре мѣсяца промелькнули счастливо, и незамѣтно приблизилось 8-е января 1823 года. Последнее время матушка, да и я, глядя на нее, сильно грустили, хотя только-что сдѣланная мнѣ кадетская форма меня нѣсколько утѣшала. Въ то время, поступавшіе въ корпусъ должны были обмундировываться на собственный счетъ.

Утромъ 8-го января, послѣ чая, матушка велѣла мнѣ надѣть кадетскую форму, и вмѣстѣ съ нею и батюшкой мы отправились на Псковское подворье. Тамъ, послѣ литургіи, знакомый намъ іеромонахъ, отецъ Василій, отслужилъ молебенъ, благословилъ меня съ приличнымъ наставленіемъ, и надѣлъ мнѣ на шею образокъ, чтобъ я не забывалъ его словъ и какъ можно чаще обращался съ молитвою къ Богу. Затѣмъ, благословила меня матушка и, со слезами простившись со мной, отправилась домой, а мы съ батюшкой—прямо въ корпусъ къ Марку Филипповичу. Его мы застали въ полномъ мундирѣ и уже въ прихожей, собравшимся уходить, однакожь онъ воротился въ свой кабинетъ, написалъ коротенькую записку и, отдавая ее отцу, сказалъ:

— Ну, Василій Павловичъ, извините, я тороплюсь къ директору,—потрудитесь сами сдать его дежурному офицеру.

Пришедши въ 4-ю роту, батюшка представилъ меня по принадлежности, и я, простившись съ нимъ, отправился въ 1-е отдѣленіе съ братомъ моимъ старшимъ Павломъ, который уже второй годъ былъ кадетомъ.

Надо сказать, что въ то время всѣхъ ротъ въ корпусѣ было

пять, и въ каждой изъ нихъ имѣлось по четыре большихъ дортуара, называвшихся отдѣленіями. Въ нихъ помѣщалось до тридцати человекъ, въ числѣ коихъ было пять гардемариновъ. Старшій гардемаринъ завѣдывалъ отдѣленіемъ.

У насъ былъ старшимъ гардемаринъ Кадниковъ. Онъ назначилъ мнѣ столъ и кровать возлѣ брата, за тѣмъ заставилъ меня читать порусски и пофранцузски, спросилъ изъ ариметики и изъ молитвъ, какія я зналъ, потомъ велѣлъ мнѣ продекламировать какое-нибудь стихотвореніе, но такъ какъ басенъ и стиховъ я зналъ много, то онъ выбралъ изъ нихъ стихотвореніе Шишкова: «Красны какъ пришли денечки»... и проч.

Декламація моя до того восхитила Кадникова, что онъ, позвавъ своихъ товарищей, заставилъ меня повторить. Все въ отдѣленіи притихло и взоры всѣхъ обратились на меня. Воодушевленный такимъ вниманіемъ, я прочиталъ стихотвореніе во второй разъ съ большимъ еще чувствомъ, громко и отчетливо.

Послѣ этого, какъ со стороны гардемариновъ, такъ равно и кадетъ, послѣдовали громкіе аплодисменты. Нѣкоторые пожелали было, чтобъ я сказалъ еще какое-нибудь стихотвореніе, но въ это время гардемарину Ограновичу принесли пирогъ отъ корпуснаго повара, чѣмъ ежедневно награждались дежурные по корпусу, а потому всѣ старшіе обратились къ Ограновичу, или, лучше сказать, къ пирогу, кусочекъ котораго перепалъ и на мою долю.

— Ну, Петръ,—сказалъ мнѣ братъ, когда я подошелъ къ нему, чтобъ подѣлиться съ нимъ моею добычей,—ты теперь неуязвимъ!

— Какъ неуязвимъ, что это значитъ?—спросилъ я его.

— А это значитъ,—отвѣчалъ онъ,—что тебя теперь никто не тронетъ, не то, что меня, въ началѣ, бывало калачивали до синяковъ ни за что, ни про что; не только отнять все принесенное изъ дома, но за сопротивленіе еще отколотятъ, а на твоей сторонѣ теперь гардемаринны и всѣ эти большаки,—увидишь, что до тебя ни одинъ негодилъ не посмѣетъ коснуться.

Вскорѣ пришелъ Маркъ Филипповичъ и, потребовавъ Кадникова и меня, спросилъ перваго относительно моихъ познаній, а потомъ, оборотясь ко мнѣ, сказалъ:

— Ты будешь во второмъ классѣ. Табелъ выдастъ тебѣ старшій отдѣленія... совѣтую учиться прилежно.

Тутъ забилъ барабанъ и насъ повели въ столовую залу. Не видавши никогда такой огромной залы, я пришелъ въ величайшій восторгъ. Дѣйствительно, зала эта была едва ли не единственная въ Петербургѣ. Ширина ея позволяла развернутому кадетскому дивизиону проходить церемоніальнымъ маршемъ и по сторонамъ оставалось еще довольно мѣста для начальства и музыкантовъ, длина же ея такова, что, стоя на одномъ концѣ, при хоршемъ только зрѣніи, можно было узнать лицо на другомъ концѣ залы.

а, между тѣмъ, въ ней не было ни одной колонны, такъ какъ потолокъ держится на вѣстахъ, подвѣшенныхъ къ стропиламъ. Въ мое время, въ этой залѣ обѣдали заразъ всѣ пять ротъ, а также корабельное училище и морская гимназія, имѣвшія тогда помѣщеніе въ зданіяхъ морского корпуса.

Когда всѣ заняли свои мѣста, то по барабану прочитана была молитва и по барабану же мы сѣли и принялись за обѣдъ. Обѣдъ состоялъ, какъ и обыкновенно въ будни, изъ трехъ блюдъ: шей, или супу, соуса и жаркого. Чаще впрочемъ, вмѣсто соуса, котораго вообще кадеты не любили, давали кашу. Въ воскресенье и праздники подавалось еще пирожное и на хорахъ играла музыка. Ужинъ былъ постоянно изъ двухъ блюдъ: горячаго и каши, или, вмѣсто каши, говядина подъ соусомъ. Вообще столъ былъ простой, но сытный; недовольны были воспитанники одной только «говидкой», какъ они называли жаркое, порціи котораго были дѣйствительно до того мизерны, что большинство кадетъ проглатывало ихъ цѣликомъ.

По возвращеніи изъ залы, Кадниковъ, вручая мнѣ табель, то есть недѣльное расписаніе класныхъ занятій, сказалъ:

— А чтобы ты не запутался, отыскивая классы, я назначилъ твоего одноклассника Янышева руководить тебѣ на первое время.

Такая предосторожность была отнюдь не лишней, ибо класныя комнаты принадлежали не какому-нибудь классу, а преподавателямъ, которые постоянно занимались въ однихъ и тѣхъ же комнатахъ, такъ что намъ, во время каждой перемѣны, приходилось кочевать, или изъ одной амфилады классовъ въ другую, или изъ одного этажа въ другой. Впрочемъ, я скоро изучилъ этотъ порядокъ и твердо зналъ въ какомъ этажѣ и въ какой комнатѣ училъ каждый изъ преподавателей нашего класса.

Въ два часа, по повѣсткѣ барабана, мы отправились въ классы. Янышевъ привелъ меня въ самый отдаленный классъ верхняго этажа, куда войти надо было поднявшись на три ступеньки и говорить:

— Ну, вотъ, помни, въ понедѣльникъ и въ среду надо въ эти часы приходить сюда, — это классъ учителя русскаго языка, Севастьяна Тимоѣевича Ф...а, а послѣ обѣда въ другіе дни недѣли тутъ бываетъ черченіе и рисованіе...

Едва успѣлъ онъ это проговорить, какъ закричали «Марко, Марко!..» и всѣ бѣгомъ бросились на мѣста. Вошелъ Маркъ Филипповичъ, а за нимъ и учитель.

— Вотъ, даю вамъ еще одного ученика, новичка, — сказалъ Горковенко, указывая на меня учителю, — прошу любить да выискивать, чтобъ вышелъ добрый малый, — и приказалъ мнѣ занять мѣсто возлѣ Янышева.

Севастьянъ Тимоѣевичъ Ф...ъ былъ небольшого роста старичекъ, весь сѣдой. Знанія его, какъ я узналъ впоследствии, были весьма

ограничены. Уроковъ онъ намъ никогда не объяснялъ, а цѣлый классъ,— тогда лекціи были по два часа,—или спрашивалъ, или заставлялъ насъ писать подъ диктовку, но самъ тетрадей нашихъ никогда не просматривалъ, а поручалъ просмотръ ихъ четвернымъ кадетамъ, оставшимся въ этомъ классѣ на второй годъ, которые и сами не отличались въ правописаніи. Вообще воспитанники не любили этого учителя, и другого названія ему не было, какъ: «Савоська—пьяная моська». Бывало онъ, только придетъ въ классъ, сейчасъ же выложитъ на столъ свою огромную табакерку, которая многихъ избавляла отъ записи лѣнливыми,—и начинаетъ вызывать учениковъ.

— Что, знаешь сегодняшній урокъ?—Отвѣчай!..

— Не совсѣмъ хорошо, Севастьянъ Тимошеевичъ,— говорилъ обыкновенно вызванный, и, между тѣмъ, преспокойно вынималъ изъ кармана грошъ и клалъ въ табашный сундукъ учителя.

— Ну, смотри у меня, въ слѣдующій классъ знать!.. Непременно спрошу!—обыкновенно говаривалъ тотъ. Но и въ слѣдующіе разы маневры продолжались тѣ же и Ф...ъ уходилъ изъ класса всякій разъ очень довольный, ибо тавлѣнка его всегда наполнялась грошами и пятаками. Мы тогда считали эту методу преподаванія русскаго языка отличною, потому что и овцы были цѣлы и волки—сыты.

Въ перемѣну классовъ Янышевъ привелъ меня въ средній этажъ, въ классъ географіи. Тутъ учитель былъ молодой человекъ М...ъ, только-что вышедшій изъ морской гимназіи. Это былъ господинъ, слѣдовавшій во всемъ современности и въ преподаваніи придерживавшійся новаго метода. Тогда только-что вошло въ употребленіе изучать географію пѣніемъ, и хотя новатору очень трудно было ввести эту методу, по особому взгляду на нее инспектора классовъ, однакожь его настойчивость восторжествовала въ концѣ концовъ. Получивъ желанное разрѣшеніе, онъ вооружился огромною палкою и велѣлъ намъ пѣть тѣ рѣки и горы, на которые будетъ указывать.

Съ перваго раза пѣніе наше какъ-то не ладилось, но потомъ пошло отлично. Кадеты сами раздѣлились на голоса и, слѣдуя палкѣ учителя, орали на все зданіе:

«Объ съ Иртышемъ,
 «Тазъ, Енисей,
 «Лена, Тана, Яна,
 «Индигирка и Колыма
 «Проте-ка-каютъ по Россі-и-и!».

Случалось, Марко Филипповичъ, запыхавшись, влетитъ къ намъ въ классъ и начнетъ насъ бранить и болванами, и дураками, и олухами за нашъ ревъ, который не даетъ возможности заниматься другимъ учителямъ; но такъ какъ мы нисколько не унимались,

то географію съ пѣніемъ перевели въ отдѣльную залу танцованія, гдѣ мы могли уже свободно задавать какіе угодно концерты.

Не знаю насколько полезна эта метода, но помню очень хорошо, что когда меня спрашивали назвать отдѣльно указанную рѣку, то я долженъ былъ пропѣть въ умѣ всю пѣсню, начиная съ Оби, и только попавши въ тактъ вѣрно называлъ указанное.

По возвращеніи изъ классовъ, намъ роздали по булкѣ изъ муки второго сорта, величиною съ блюдечко; такую же булку мы получали и по утрамъ, съ тою только разницею, что тогда она была нѣсколько мягче, чѣмъ вечеромъ. Не вкусенъ показался мнѣ этотъ хлѣбецъ.

— А что,—спросилъ я брата,—даютъ здѣсь когда-нибудь чаю?

— Какъ же,—отвѣчалъ онъ,—поди въ умывальную, тамъ стоитъ курганъ съ водой,—почерпни ковшемъ и пей сколько душѣ угодно, вотъ тебѣ и чай! Другого намъ не даютъ.

Но, видя, что глаза мои полны слезъ, онъ прибавилъ:

— Э, милый Пета, полно горевать! Черезъ недѣлю привыкнешь и забудешь объ чаѣ.

Слова его меня мало утѣшили, мнѣ неудержимо хотѣлось плакать и, чтобъ не замѣтили другіе, я вышелъ въ стеклянную галерею-корридоръ, соединявшій роты и тамъ, на какой-то рухляди, какъ Марій на развалинахъ Карагана, принялся оплакивать свое горе. Однакожъ, морозъ заставилъ меня вскорѣ вернуться въ роту, но въ то время какъ я только подходилъ къ двери, оттуда вышелъ Липкинъ, кадетъ пятого класса, и замѣтивъ, при свѣтѣ фонаря, мое измазанное лицо, спросилъ:

— Митуркинъ, о чемъ ты плачешь? Вѣрно тебя кто-нибудь поколотилъ?

— Нѣтъ, такъ, скучно! — отвѣчалъ я.

— Ну, скажи мнѣ правду! — продолжалъ онъ... Липкинъ этотъ былъ добрейшій души воспитанникъ; обласкавъ меня, онъ заставилъ открыть ему настоящую причину моихъ слезъ и сказалъ:

— Такъ пойдемъ со мною! правда, у меня нѣтъ чаю, но есть молоко, которымъ я съ тобой подѣлюсь.

Я ужасно обрадовался и сейчасъ же юркнулъ за нимъ въ людскую подвального этажа. Комната, въ которую мы вошли, не смотря на тяжелый воздухъ, пропитанный запахомъ кожи, сала и какимъ-то особеннымъ казарменнымъ смрадомъ, показалась мнѣ тогда раемъ.

— Осипъ Зыковъ,—вскричалъ Липкинъ,—давай молока!

— Сейчасъ, сударь,—отвѣчалъ кто-то, и тутъ только я разглядылъ человѣка, занимавшагося сапожнымъ мастерствомъ, сидя какъ на тронѣ, на двухъ поставленныхъ другъ на другѣ табуретахъ, чтобы быть поближе къ огарку на высокомъ подоконникѣ. Онъ быстро спустился, и я увидѣлъ пребезобразную фигуру, которую, какъ я послѣ узналъ, кадеты прозвали Иосифомъ Прекраснымъ.

Подавъ Липкину молоко, онъ, обратясь ко мнѣ, сказалъ:

— Вашъ тятенька нанялъ меня къ вамъ въ дядьки, а потому, сударь, не безпокойтесь: къ побудѣи всегда ваше платице и сапожки будутъ вычищены и починены.

Утоливъ здѣсь свой голодъ и жажду, и поблагодаривъ Липкина, я отправился въ роту, гдѣ уже строились къ ужину.

На другой день первые утренніе часы мы сидѣли въ классѣ дьякона П—о, извѣстнаго своею необыкновенною силою. Онъ легкохонько ломалъ пополамъ пятаки и гривны, свертывалъ въ узлы кочерги, и относительно его силы въ корпусѣ ходили безчисленные анекдоты. Но, какъ учитель, онъ былъ такой же, какъ и Ф—ъ, заставлялъ насъ также долбить и также никогда ничего не объяснялъ, ссылаясь обыкновенно на руководство. «Краткая священная исторія церкви Ветхаго и Новаго завѣта, изданная для народныхъ училищъ» была такъ, по его мнѣнію, хороша и понятно изложена, что всякое толкованіе было излишне.

Съ лѣнивыми онъ большею частію справлялся самъ, говоря:

— Вотъ, какъ я дамъ тебѣ тумака, такъ ты улетишь у меня на небеса и сотворишь тамъ чудеса! и «тумакъ» его каждой спинѣ былъ очень долго памятенъ. Мною онъ былъ постоянно весьма доволенъ, ибо врядъ ли кто зубрилъ такъ усердно, какъ я, за то священная исторія до такой степени впиалась въ мою память, что могу и теперь проговорить ее на память отъ начала до конца.

Вторые часы была у насъ ариметика; преподаватель — Шишкинъ, отличный математикъ, превосходно объяснялъ свой предметъ, но былъ къ намъ необыкновенно строгъ и възыскателенъ. Онъ рѣдко записывалъ лѣнивыхъ, а, по тогдашнему общему обычаю, справлялся съ ними самъ. За каждую ошибку полагалась «кокоска» въ затылокъ, принаровленная такъ ловко, что получившій ее непременно стучался лбомъ въ классную доску. Такіе удары, отъ коихъ заразы выростали двѣ шишки, кадеты называли обыкновенно дуллетами. Мнѣ тоже одинъ разъ выпала на долю подобная «кокоска», при отысканіи общаго наибольшаго дѣлителя, но дуллетъ не удался, вѣроятно изъ снисхожденія къ моимъ лѣтамъ и росту. Впрочемъ, благодаря гардемаринамъ нашего отдѣленія, которые усердно занимались со мною ариметикою, я сталъ вскорѣ у Шишкина четвертымъ ученикомъ по классу.

Въ первые послѣобѣденные часы мы были на чистописаніи у самаго свирѣпаго учителя, семидесятилѣтняго З—а, вооруженнаго оселкомъ, на которомъ онъ обыкновенно точилъ свой перочинный ножикъ. Этотъ учитель не столько обращалъ вниманіе на чистописаніе, сколько на порядокъ и тишину въ классѣ, а потому, какъ только нарушалось спокойствіе, онъ тотчасъ же награждалъ шалуновъ своимъ оселкомъ, которымъ и гвоздилъ по головамъ направо и налѣво, приговаривая свою обычную поговорку: «грѣшнымъ дѣ-

ломъ, прости Господи!» и эти «вагвоздки» надолго оставались въ памяти удостоившихся ихъ получить.

Послѣдніе часы была исторія; учитель, старикъ В—ъ, очень любилъ разсказывать, но говорилъ такъ вяло и монотонно, что его почти никто не слушалъ, при томъ же онъ былъ къ намъ весьма снисходителенъ, а потому наша «краткая русская исторія» шла до крайности плохо.

Въ среду преподаватели были тѣ же, что и въ понедѣльникъ, но едва только роздали намъ вечернія булки, какъ закричали: «строитесь!» и повели насъ въ залу танцованія. Тутъ я увидѣлъ учителя М—скаго, тоже старика лѣтъ шестидесяти, который едва волочилъ ноги, а припрыгивать уже никакъ не могъ. Занятія его состояли въ выправленіи нашихъ ногъ и въ указаніи намъ шаге впередъ и назадъ, и глиссе въ бокъ. Для выправленія ногъ, онъ изрядно шлепалъ по колѣнамъ, такъ что мои товарищи помельче сильно морщились и чуть не плакали. Видя это, и желая избѣжать шлепковъ, я надумалъ самъ, глядя какъ учили ихъ, выравнивать свои ноги. И вотъ я началъ развертывать свои носки все болѣе и болѣе, въ мѣрѣ приближенія моей очереди предстать предъ учителемъ. Наконецъ, я растопырился до того, что едва держался на ногахъ. Подошедши ко мнѣ учитель сказалъ: «прекрасно!» закричалъ музыкантамъ: «играй перегурдимъ!» и, взявъ меня за руки, повлекъ за собою шаге впередъ. Но, отъ неестественнаго положенія ногъ, я съ перваго же шага повалился, и, конечно, ударился бы объ полъ, ежелибъ учитель не поддержалъ меня. Всѣ засмѣялись и даже музыка стихла. М—скій, поставивъ меня снова въ надлежащую позицію, взялъ за руки, и мы съ нимъ, при звукахъ перегурдима, опять начали шаге. На этотъ разъ оно сошло сносно, но глиссе никакъ не удавалось, а потому учитель, позвавъ всезнающаго Янышева, приказалъ ему учить меня отдѣльно, мнѣ же сказалъ: «надѣюсь, г. Митуричъ, что вы, при вашемъ желаніи и стараніи, скоро догоните насъ!» Это непривычное «вы» повліяло на меня такъ сильно, что черезъ нѣсколько же классовъ я уже отплясывалъ не хуже Янышева и получилъ отъ учителя похвалу.

Въ четвергъ я былъ въ первый разъ въ классѣ французскаго языка. Преподаватель, Чижевъ, мужчина среднихъ лѣтъ, съ самыми изящными манерами и чрезвычайно деликатный, благородный человѣкъ. Его такъ любили воспитанники, что даже самые отъявленные лѣнтяи, которые у прочихъ преподавателей ровно ничего не дѣлали, ему исправно готовили уроки. Занятія наши состояли въ чтеніи и переводѣ французскихъ анекдотовъ, въ изученіи словъ и начальныхъ грамматическихъ правилъ. Все это я проходилъ уже дома и здѣсь мнѣ пришлось только повторять старое.

Нерѣдко въ началѣ занятій Чижова въ корпусѣ, учителя-товарищи упрекали его въ томъ, что онъ никого не записываетъ за лѣность.

— Да, помилуйте, господа, кого же я буду записывать, когда всѣ воспитанники готовятъ мнѣ исправно уроки! — отвѣчалъ онъ.

— Да, знаемъ мы ихъ, — говорили всѣ, — вотъ посмотрите, на экзаменѣ они исправно провалятъ васъ, а вы не имѣете даже и оправданія, ибо журналъ вашъ чистъ...

Однакожъ, ожиданія ихъ не исполнились: на годовомъ экзаменѣ, послѣ математики, французскій языкъ въ двухъ младшихъ классахъ, гдѣ только и преподавалъ Чижевъ, сошелъ лучше всѣхъ прочихъ предметовъ.

Всѣ прочіе преподаватели иностранныхъ языковъ въ корпусѣ были иностранцы: нѣмцы, французы и англичане, коверкавшіе русскій языкъ на разные манеры. Замѣчательно, что съ перваго урока, нѣкоторые изъ нихъ становились потѣхою для воспитанниковъ, въ то время, какъ другіе, также съ перваго же разу, умѣли поставить себя такъ высоко во мнѣніи кадетъ, что никому даже и въ голову не приходило сыграть съ ними какую-нибудь штуку, какъ ни было это легко при ихъ незнаніи русскаго языка.

Въ пятницу у насъ былъ рисовальный классъ; учитель, нѣкто А—ъ — идіотъ, или, лучше сказать, полуумный господинъ. Онъ страшно боялся кадетъ, и чего только они съ нимъ не выдѣлывали. Бывало рисовальную кисточку вымажутъ перцомъ, нюхательнымъ табакомъ, словомъ, всякой гадостью, а онъ, по привычкѣ своей, обмакнетъ ее въ воду и оближетъ. И ничего, развѣ ужъ очень горько покажется, — выплюнетъ и что-то проворчитъ про себя. Если случалось, занумятъ въ классѣ, а онъ закричитъ «тише!» — буда ему неминуемая. Всѣ сейчасъ набрасываются на него:

— Ахъ, ты сапожникъ! это на дворянъ-то ты такъ смѣешь кричать, пошелъ вонъ!...

И онъ, безъ всякаго возраженія, собираетъ всѣ рисунки, забираетъ въ шкафъ и смиренно уходитъ въ табельную, ждать тамъ окончанія класса. Разъ, наконецъ, и онъ вошелъ въ азартъ, хотѣлъ жалопаться инспектору классовъ, но его за эту продерзость прокатили по лѣстницѣ съ третьяго этажа, послѣ чего онъ уже и не являлся въ классы. Мѣсто его заступилъ г. Погонкинъ, очень хорошій художникъ и человекъ съ характеромъ, державшій классъ въ строгой дисциплинѣ, но занимавшійся только съ тѣми, кто имѣлъ способности и охоту учиться искусству рисованія.

II.

Проходили дни за днями, недѣли за недѣлями, и я все болѣе и болѣе свыкался съ корпусною жизнію. Наконецъ, наступили и каникулы. Гардемарины и старшихъ классовъ кадеты отправились въ плаваніе, въ походъ, а младшіе классы были отпущены по домамъ. Тѣ кадеты, которые, за неимѣніемъ родныхъ, оставались въ

корпусѣ, были отправлены на лѣто въ Ораніенбаумъ. Эти два мѣсяца я провелъ дома очень весело; впрочемъ, въ будни мы почти ежедневно занимались съ отцомъ повтореніемъ пройденнаго, а по утрамъ ходили съ братомъ къ учителю математики М. Н. Божеянову, жившему очень близко отъ насъ и котораго отецъ взялъ преимущественно для брата, чтобы тотъ повторилъ геометрію. На этихъ урокахъ и я ознакомился съ началами этой науки и это предварительное знакомство съ предметомъ оказалось мнѣ въ послѣдствіи настолько пригоднымъ, что у Шишкина по геометріи я сдѣлался первымъ ученикомъ.

По окончаніи каникулъ, когда пришло время являться въ корпусъ, я-таки порядкомъ поплакалъ и съ грустію въ сердцѣ отправился съ братомъ въ свою роту.

Скоро однакожь все вошло въ свою обычную колею и скучать было некогда, потому что весь день былъ занятъ: въ пять часовъ насъ будили, въ семь—вели въ классы, откуда въ одиннадцать часовъ, послѣ двухъ утреннихъ лекцій, приходили въ роты и сейчасъ же начиналось фронтное ученье. Черезъ полчаса послѣ ученья—обѣдъ, а послѣ него въ два часа—опять въ классы, на двѣ вечернія лекціи. Въ шесть часовъ, послѣ раздачи булокъ было: одинъ разъ въ недѣлю танцваніе, одинъ разъ—гимнастика, то есть лазанье по вантамъ на мачту, и одинъ разъ—баля. Въ восемь часовъ шли опять въ столовую къ ужину, такъ-что едва успѣвали готовить уроки, и зачастую готовили ихъ послѣ ужина.

6-го ноября, въ день исповѣдника Павла, былъ храмовой корпусный праздникъ. Въ этотъ день, во-первыхъ, насъ разбудили въ семь часовъ; послѣ молитвы дали по булкѣ изъ бѣлой муки; потомъ въ девять часовъ повели къ обѣднѣ, гдѣ послѣ литургіи были проповѣди и молебны; послѣ церковной службы всѣ офицеры и учителя отправились къ Марку Филипповичу на пироги, куда потребовали и насъ съ братомъ. Въ столовой залѣ, за обѣдомъ, былъ супъ съ пирожками, вмѣсто говядины на жаркое—телятина съ огурцами, а взамѣнъ обыкновеннаго пирожнаго—торты съ вареньемъ, изъ коихъ каждая была разрѣзана на двѣнадцать довольно порядочныхъ порцій. На хорахъ гремѣла музыка. Говорю: гремѣла, потому-что, на этотъ разъ, участвовалъ полный хоръ корпусныхъ музыкантовъ, въ промежуткахъ же между нѣсами пѣли пѣвчіе,—хоръ корпусныхъ кантонистовъ. Тогда кадеты не заставляли пѣть, а потому во всѣхъ церковныхъ службахъ участвовали кантонисты, считавшіеся тогда лучшими пѣвчими на всемъ Васильевскомъ островѣ. Въ шесть часовъ вечера насъ снова привели въ столовую залу для танцевъ. Тогда не было еще обычая приглашать на вечера постороннихъ, и даже корпусныя дамы не являлись на этотъ праздникъ. Присутствовали только: дежурный капитанъ, пять дежурныхъ офицеровъ и учитель танцванія М.....ій, но тутъ онъ уже

не шлепалъ по колѣнамъ, а съ пріятною улыбкою составлялъ пары и распорядился танцами. Танцы продолжались до девяти часовъ вечера и въ продолженіе ихъ намъ ровдали по яблоку, по нѣскольку грецкихъ орѣховъ и по горсти изюму, а по окончаніи ихъ дали намъ ужинать, чѣмъ и заключился праздникъ.

Около половины ноября начались экзамены. Первымъ, и самымъ главнымъ былъ—изъ математики. Экзаменаторами были корпусные офицеры. Я назначенъ былъ къ лейтенанту Ю....у, который призывалъ меня къ себѣ на квартиру три раза и больше поилъ чаемъ и кормилъ лакомствами, нежели экзаменовалъ. Тогда балловъ еще не употребляли, а замѣняли ихъ простыми отмѣтками: весьма хорошо, очень хорошо, хорошо, изрядно, посредственно и худо. Ю....ъ далъ мнѣ отмѣтку весьма хорошую.

По прочимъ же предметамъ экзаменовали насъ учителя, которые имѣли обыкновеніе не показывать своихъ отмѣтокъ, а потому узнать ихъ мы не могли ранѣе, какъ послѣ святокъ, при выпускѣ и переводѣ воспитанниковъ изъ класса въ классъ.

Святки я провелъ дома и, разумѣется, очень весело. Явившись въ корпусъ, я получилъ новую табель, въ которой мнѣ были поставлены отмѣтки изъ всѣхъ предметовъ хорошія, и я былъ переведенъ въ 3-й классъ восьмымъ ученикомъ. По этой табели, какъ предметы преподаванія, такъ и учителя, остались прежніе.

Въ февралѣ насъ посѣтилъ директоръ корпуса, полный адмиралъ Карцевъ, старикъ лѣтъ семидесяти, человекъ больной, рѣдко выходившій изъ своей квартиры. Къ его приходу готовились такъ, какъ бы ждали самаго почетнаго гостя. Всѣ учителя и офицеры были въ полныхъ мундирахъ; въ ротяхъ все было вымыто и вычищено; одѣяла на кроватяхъ были положены новыя; насъ также нарядили въ праздничное платье. Ждали его въ классы, однакожъ онъ пришелъ только къ обѣду и обошелъ роты. Всѣ мы стояли у кроватей. По нашему отдѣленію онъ проходилъ, ни къ кому не обращаясь, но, увидя меня, сказалъ:

— Какой малютка! что ты скучаешь здѣсь?

— Нѣтъ, не скучаю,—отвѣчалъ я.

— А хочешь домой?

— Очень бы желалъ, да вѣдь до субботы не отпустить!..

— Ну, отпустите его до понедѣльника!—вымолвилъ директоръ, обращаясь къ ротному командиру.

Затѣмъ, повели насъ въ столовую, гдѣ былъ улучшенный противъ обыкновеннаго столъ. Директоръ попробовалъ пробу, которая была, конечно, еще лучше нашего обѣда и, поблагодаривъ начальство за порядокъ, простился съ нами. Такимъ образомъ, я видѣлъ директора, во всѣ два съ половиною года пребыванія моего при немъ въ корпусѣ, одинъ только разъ. Послѣ обѣда я явился съ Іосифомъ Прекраснымъ домой, къ великому удивленію родителей.

Въ апрѣлѣ случилось со мною печальное приключеніе.

Въ классахъ какъ-то нечаянно разбили мою аспидную доску, а потому, послѣ фронтового ученья, я отправился въ табельную, чтобы взять новую.

Надо сказать, что тогда всякій, кто терялъ какую-либо книгу, или разбивалъ доску, могъ безпрепятственно получить новую, росписавшись въ табельной книгѣ, а потомъ, при выпускѣ, все сосчитывалось вмѣстѣ и заразъ вычиталось. То же самое было и въ ротахъ: кто разобьетъ, на примѣръ, стекло,—роспишется только въ книгѣ, и такъ какъ за это никакого взыскапія не полагалось, то считалось стыдомъ утаить это отъ начальства. Чаше, впрочемъ, богатые воспитанники принимали это на себя и расписывались въ книгѣ за бѣдныхъ.

Получивъ новую доску, я спокойно возвращался въ роту, какъ вдругъ бѣжавшій по коридору гардемаринъ третьей роты, желая задержать другого, догонявшаго его, толкнулъ меня на него, а тотъ со всего разбѣга швырнулъ меня въ сторону и я затылкомъ такъ ударился объ стѣну, что тутъ же растянулся. Возвращаясь назадъ, эти господа увидѣли, что я лежу въ безчужденномъ состояніи, тотчасъ подняли меня и принесли въ роту, гдѣ привяли во мнѣ полное участіе наши отдѣленные гардемарины: послали сію же минуту за фельдшеромъ, а сами, между тѣмъ, безпрестанно прикладывали мнѣ къ головѣ холодные компрессы. Пришелъ, наконецъ, старшій фельдшеръ, но всѣ труды его привести меня въ сознаніе остались тщетными. Всѣ пошли обѣдать, а бѣдный братъ мой до того былъ огорченъ, считая меня почти умершимъ, что не пошелъ къ столу, и, сидя около меня, горько плакалъ, но послать къ родителямъ не смѣлъ. Ему это строго запретили старшіе, чтобы даромъ не пугать отца и мать,—увѣряя, что я очнусь и все пройдетъ.

Однакожъ, всѣ вернулись изъ залы, а я все лежалъ, какъ пласть. Тогда гардемарины уговорили кадета Забудскаго послать за его братомъ, который считался хорошимъ медикомъ и жилъ подлѣ корпуса. Сначала Забудскій, какъ посторонній медикъ, положительно отказался прійти, говорил, что не имѣетъ никакого права распорядиться въ корпусѣ, гдѣ есть свои врачи; но, по усиленной просьбѣ всѣхъ, пришелъ, велѣлъ фельдшеру принести мушку и горчичники, и самъ поставилъ мнѣ на спину мушку, а къ ногамъ горчицу. Это подѣйствовало и къ двумъ часамъ я открылъ глаза. Всѣ обрадовались, особенно братъ,—онъ плакалъ, цѣловалъ и обнималъ меня, точно воскресшаго изъ мертвыхъ. Послѣ этого, всѣ ушли въ классы и я остался съ неизвѣннымъ мнѣ Осипомъ Зыковымъ, который по приказанію Забудскаго мѣнялъ у меня на головѣ безпрестанно компрессы.

Такъ пролежалъ я въ ротѣ три дня; и странно, никто не за-

мѣтилъ моего отсутствія на занятіяхъ, даже въ классномъ журналѣ я не былъ помѣченъ больнымъ. Послѣ этого невольно вѣрится, что нѣкоторые воспитанники уходили изъ корпуса на цѣлые дни и это проходило имъ безнаказанно. При этомъ нельзя не отмѣтить, какъ велика была сила товарищества въ корпусѣ: ни я, ни братъ, не говорили дома ни слова о случившемся, и родители узнали объ этомъ приключеніи со мною только въ каникулы, и то случайно отъ Осипа Зыкова.

Корпусный праздникъ этого года прошелъ тѣмъ же порядкомъ, какъ и предыдущій. Мы веселились напропалую, не предчувствуя, какая гроза готовилась разразиться на завтра.

Чуткія уши нѣкоторыхъ воспитанниковъ слышали еще ночью пальбу и утромъ сообщили намъ объ этомъ. Мы всѣ знали, что пушечные выстрѣлы означаютъ прибыль воды, но такъ какъ подобныя явленія въ Галерной гавани случались не рѣдко, то особеннаго вниманія на это никто не обратилъ.

Однакожь, когда разсвѣло, и мы, придя въ классы, бросились къ окошкѣмъ, выходящимъ на набережную, то увидѣли зрѣлище необычайное: наша величественная рѣка бушевала страшно; по ней ходили морскія волны съ барашками и вода была значительно на прибыли.

— Господа!—сказалъ какой-то кадетъ, войдя въ классъ,—мостъ разведенъ и перевозки прекращены, значить—«язычники не будутъ». Язычниками воспитанники звали преподавателей иностранныхъ языковъ, которые большею частію жили на той сторонѣ Невы.

Потомъ кто-то еще сообщилъ, что въ табельной нѣтъ ни одного учителя,—даже и свирѣпаго старика З.....а. Всѣ эти вѣсти расположили насъ съ какой-то особенной веселости.

Мы не мало шутили надъ проходившими и проѣзжавшими, съ которыхъ жестокой вѣтеръ срывалъ шляпы, шапки, плащи и салоны. Но вотъ изъ-за рѣшетокъ начала выступать на мостовую вода.

Съ моря дулъ настоящій ураганъ, который я останавливалъ теченіе рѣки; наконецъ вода стала быстро заливать мостовую и разливаться по набережнымъ Невы, Фонтанки и всѣхъ каналовъ.

Въ одну минуту суда и барки очутились на улицахъ и площадяхъ. И это казалось тѣмъ ужаснѣе и страшнѣе, что случилось, можно сказать, мгновенно и неожиданно. Огромныя бѣдствія причиненныя этимъ наводненіемъ хорошо извѣстны. Въ гавани, на Васильевскомъ островѣ, на Петербургской сторонѣ и въ Коломнѣ они были особенно значительны. Сотни людей потеряли въ этотъ день почти все имущество; иные лишились половины своего семейства, другіе получили смертельныя болѣзни; наконецъ, были и такіе, которые не находились въ это время въ столицѣ и, возвратясь, не нашли и слѣдовъ жилищъ своихъ, унесенныхъ волнами.

Всѣ катера адмиралтейскіе и дворцовыя были пущены въ ходъ по повелѣнію императора для спасенія несчастныхъ. Одинъ изъ такихъ катеровъ на нашихъ глазахъ съ величайшимъ трудомъ присталъ къ избѣ, несомой волнами и снялъ съ крыши нѣсколько человекъ. Эти несчастные давно уже кричали и простирали руки, моля о помощи.

Видя такую ужасную картину, какое сердце не дрогнуло бы и не пожелало бы отъ души скорѣйшаго прекращенія этого бѣдствія! Но... въ насъ не было состраданія къ ближнему, мы, напротивъ, желали, чтобы вода все возвышалась, чтобы намъ, подобно кадетамъ пятой роты, пришлось перетаскивать въ верхній этажъ самимъ свои столы и кровати. Въ этой заботѣ мы сновали безпрестанно, то къ окнамъ, мимо которыхъ быстро проносились: мебель, бревна, дрова, ладьи, платформы, городскія будки, словомъ, все плавающее, то бѣжали на галерею любоваться дворами, по которымъ плавали корыта, ушаты, швабры, боченки, бочки. Нѣкоторые кадеты начали даже устраивать плотъ для катанья, но это предпріятіе, къ сожалѣнію ихъ, разрушилъ дежурный по корпусу капитанъ.

Не знаю, какимъ образомъ уцѣлѣлъ нашъ обѣдъ, ибо кухни была затоплена водою; насъ, однакожъ, въ обычный часъ накормили по положенію. При этомъ, къ чести кадетъ, не могу умолчать, что во время стола каждый изъ насъ удѣлялъ изрядную часть своей порціи, чтобы отдать дѣтямъ нашихъ служителей, которые сидѣли на галереяхъ съ матерями около своего скарба, дрожащія отъ холода и совершенно голодныя, такъ какъ изъ подвального этажа едва только кое-что успѣли спасти.

Вечернихъ классовъ не было, и всѣ, съ этой радости, бѣгали, то любоваться рѣкою, то разливомъ воды на дворахъ. И я, безумецъ, радовался вмѣстѣ съ другими и ни разу не подумалъ о родителяхъ, которые были, можно сказать, на волосокъ отъ смерти. Никогда не прощу себѣ этой моей безпечности и глупѣйшаго забвенія.

Надо сказать, что мѣстность Средняго проспекта Василевскаго острова гораздо ниже набережной, такъ что, въ то время, когда около корпуса самое большое возвышеніе воды не достигало и семи футовъ,—у дома Румеля вода была девять футовъ.

Изъ разсказа батюшки я узналъ слѣдующее: въ этотъ день онъ, по обычаю, отправился въ должность, въ девять часовъ утра, но, дойдя съ большимъ трудомъ, по причинѣ сильнаго вѣтра, до набережной, увидѣвъ, что переправа черезъ рѣку невозможна, а между тѣмъ изъ мостовыхъ рѣшетокъ вода стала уже понемногу пробиваться на улицу. Это заставило его поспѣшить домой. Кое-какъ дошелъ онъ до Большаго проспекта, далѣе же пришлось ему идти по водѣ, которая около дома доходила ему почти по колѣна. Онъ

застала мать въ большомъ испугѣ. Она была одна: кухарка не возвратилась еще съ рынка, а горничная ушла куда-то безъ спросу. Но приходъ отца оживилъ ее; она тотчасъ побѣжала на кухню, чтобъ захватить чего-нибудь съѣстнаго, потомъ бросила нѣсколько подушекъ и одѣяло на высокую лежанку, находившуюся въ спаль-ной, хотѣла еще кое-что захватить, но вода стала уже вливаться въ комнаты, а потому, отецъ и мать вмѣстѣ съ маленькимъ моимъ братишкою взмоглись на лежанку. Между тѣмъ, вода прибывала все болѣе и болѣе. Бревна и доски, разбивъ рамы, врывались въ комнату и ломали въ ней столы, стулья, комоды и прочія вещи. Наконецъ, вода до того возвысилась, что до поверхности лежанки оставалось не болѣе вершка. Мать въ ужасномъ страхѣ стала мо-лить Господа о помилованіи, отецъ, въ отчаяніи, придумывалъ средства къ спасенію. Какъ утопающій хватается за соломенку, такъ отецъ, поймавъ подплывшую къ самой лежанкѣ доску, со-ставилъ планъ добраться на этой доскѣ, черезъ открытыя двери сѣней на чердакъ и тамъ проломать возлѣ лежанки потолокъ. Онъ хотѣлъ уже приводить этотъ планъ въ исполненіе, какъ вдругъ онъ и мать услышали надъ своими головами шорохъ, будто кто-то отгребалъ песокъ на чердакѣ. Отецъ съ радостью закричалъ:

— Спаситель!

— Живы ли вы, Василій Павловичъ?—отвѣчалъ голосъ нашего рисовальнаго учителя Погонкина, который, не смотря на страшную бурю, пробрался изъ противоположнаго фаса дома на напѣ чердакъ съ топоромъ и ломомъ.

— Прикажете ломать потолокъ?—спросилъ онъ.

— Ломайте!—отвѣчалъ отецъ.

Но, какъ только онъ началъ дѣйствовать топоромъ, штукатурка посыпалась такими кусками, что мать въ отчаяніи закричала:

— Остановитесь, ради Бога, вы убьете ребенка!

Однако, онъ отбилъ уже настолько доски, что могъ просунуть къ отцу ломъ и топоръ.

— Вы отбивайте покуда сами штукатурку, вамъ это удобнѣе, а я пойду за ручной пилой, — сказалъ онъ.

Но теплая молитва матери была услышана...

Отецъ, сидѣвшій съ краю лежанки, увидѣлъ первый, что вода начала сбывать, и сообщилъ объ этомъ матушкѣ. Можно себѣ пред-ставить, какъ они обрадовались и какъ горячо благодарили Бога!

Когда вернулся Погонкинъ съ пилой, вода сбывла уже болѣе фута, поэтому вскрытіе потолка было отложено, тѣмъ болѣе, что и въ небольшую, пробитую скважину дуло неимовѣрно. Такъ отецъ съ матерью просидѣли на лежанкѣ всю ночь до разсвѣта.

Утромъ вѣтеръ до такой степени стихъ, что мостъ на Невѣ былъ уже наведенъ къ девяти часамъ. Въ десять часовъ приѣхалъ къ отцу его родственникъ Кирѣевъ съ шестью подводами, чтобы

перевести ихъ къ себѣ; но нагружать подводы оказалось почти нечѣмъ. Вся мебель была до того исковеркана, что ее пришлось бросить; набралось вещей всего на двѣ подводы, и то больше подмоченныя книги, огромный шкафъ съ которыми, какимъ-то чудомъ уцѣлѣлъ.

Черезъ два дня послѣ этой катастрофы насъ отпустили, и батюшка, по желанію моему, пошелъ показать намъ полное разрушеніе нашего прежняго жилища.

Подходя къ Среднему проспекту, я пересталъ даже узнавать столь знакомую мѣстность: ни одного забора, ни одинъ воротъ не уцѣлѣло, все было снесено, а дома стояли съ выбитыми, или разбитыми рамами, — нѣкоторые съ сорванными крышами, — другіе въ развалинахъ, — точно послѣ пожара.

Грустно было смотрѣть на эту картину разрушенія и мы поспѣшили ее оставить.

Въ домѣ Кирѣевыхъ, гдѣ помѣщались теперь мои родители въ отдѣльной, небольшой квартирѣ, вода произвела также разрушеніе въ подвальномъ этажѣ, гдѣ находились кухня и прачешная хозяйина, но мы нашли ихъ почти уже исправленными, между тѣмъ, какъ бѣдному Румелю трудно было поправиться и въ нѣсколько лѣтъ. Въ особенности жалѣлъ старикъ своего сада, въ конецъ загубленнаго водою.

III.

Изъ полученной 8-го января табели на 1825 годъ, я узналъ, что переведенъ въ четвертый классъ, четвертымъ по успѣхамъ ученикомъ. Преподаватели остались прежніе, за исключеніемъ Ѳ.....а, мѣсто котораго по русскому языку заступилъ статскій совѣтникъ Г.....въ. Этого учителя всѣ называли Тредьяковскимъ, вѣроятно потому, что говорилъ онъ всегда на распѣвъ. Въ отвѣтъ ему и воспитанники чуть не пѣли.

— Ѳедоръ Васильевичъ, здравствуйте, здравствуйте! — стройнымъ хоромъ встрѣчалъ его весь классъ.

— Шляпички, мыльнички, здравствуйте, здравствуйте! — отвѣчалъ онъ на это привѣтствіе.

Теперь, получивъ вмѣстѣ съ чиномъ генеральскую витушку, онъ очень былъ доволенъ, когда кадеты величали его превосходительствомъ.

Мы проходили у него синтаксисъ, но какимъ-то особымъ образомъ. Напримѣръ, онъ спрашивалъ:

— Ну, милый мой, скажи мнѣ, какъ древніе опредѣляли добродѣтель?

— Проведутъ прямую линію, окраятъ ее съ обѣихъ сторонъ и полагаютъ на одномъ ея концѣ скупость, а на другомъ — глу-

пость,—то средняя точка этой линіи представить добродѣтель,—отвѣчаетъ вызванный.

— Прекрасно,—говоритъ Г....ъ,—а почему же это такъ?

— Кто равно удаляется отъ скупости и глупости вашего превосходительства, тотъ есть добродѣтельный человѣкъ,—поясняетъ ученикъ.

— Чудесно!—вотъ тебѣ, милый мой, и заключеніе силлогизма,—добавляетъ учитель.

Таковыми-то мудрыми и поучительными примѣрами напичканы были наши тетради.

У этого преподавателя была еще одна слабость: онъ чуть ли не родился въ корпусѣ, а потому очень любилъ разсказывать исторію этого заведенія. Отъ воспитанниковъ другихъ классовъ мы уже знали его разсказы о томъ, что на мѣстѣ корпуса прежде былъ сахарный заводъ, за какую цѣну онъ былъ купленъ казною при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, и какъ основанъ былъ тутъ потомъ морской кадетскій корпусъ.

Пользуясь этимъ, одинъ изъ коноводовъ класса, нѣкто Воейковъ, и говоритъ разъ:

— Господа, надѣюсь, что силлогизмы всѣмъ надоѣли,—будемъ его занимать сами? Во-первыхъ, если онъ придетъ къ намъ въ ударѣ, то есть въ хорошемъ расположеніи духа, — начнемъ деликатнымъ образомъ съ сахарнаго завода, а если нѣтъ,—то я первый подаю ему свое сочиненіе въ стихахъ; разборъ ихъ займетъ съ полчаса, ну, а потомъ кто?

— И,—откликнулся Безумовъ, — онъ задалъ мнѣ басню Крылона,—надѣюсь угостить его минутъ на двадцать.

— А у меня сочиненіе въ прозѣ,—говоритъ Саломехинъ, — да такое, что онъ его и въ часъ не раскусить.

Приходитъ Г.....ъ, явно не въ духѣ. Должно-быть шильнички-мыльнички сильно огорчили его въ первые часы. О сахарномъ заводѣ нечего было и вспомнить...

— Ваше превосходительство, вы приказали мнѣ написать сочиненіе,—говоритъ Воейковъ,—и я написалъ, въ стихахъ...

— Вотъ ужъ стихковъ-то вашихъ я сильно не долюбляю,—морщится Г.....ъ, однако беретъ тетрадь и читаетъ громко:

«Вѣтеръ дуетъ мимо классовъ,
«Соловей свиститъ дугой,
«По тропинкѣ дѣдка Власовъ
«Вредеть къ рѣчкѣ за водою!...

— Что за дичь написалъ ты, неразумная голова! Какъ же вѣтеръ-то у тебя дуетъ мимо классовъ?

— Да такъ, Ѳедоръ Васильевичъ,—вотъ мы сидимъ теперь въ классѣ, а вѣтеръ дуетъ вдоль набережной,—отвѣчалъ Воейковъ.

— Очень разумно!—продолжалъ Г.....ъ,—ну а соловей-то—«свистить дугой»?

— Подыметъ голову и свистить, а звуки, по тяготѣнью земли, принимаютъ фигуру дуги—параболы...

— Глухая ты голова! Вотъ, какъ покажу я эти твои стишки Марко Филипповичу, такъ онъ такую тебѣ выпишетъ параболу, что до выпуска не забудешь. Чтобы писать стихи, надо имѣть для этого особый даръ, а кто, не имѣя его, пописываетъ ихъ, тотъ все равно, что попиваетъ, сирѣчь пьянствуетъ. Пошелъ, возьми свою тетрадь! Да и впредь прошу всѣхъ не подавать мнѣ стиховъ!..

Выходить Безумовъ.

— Вы приказали мнѣ,—говорить онъ,—приготовить басню Крылова.

— Такъ, ну, говори!

— Вѣда, коль пироги начнетъ печи пирожникъ, а сапоги точать сапожникъ...

— Врешь!—кричитъ Г.....ъ,—вотъ я скажу, такъ будетъ бѣда,—и онъ начинаетъ басню самъ.

— Да, вѣдь, и я тоже говорю,—ваше превосходительство,—говорить Безумовъ.

— Нѣтъ, безумная голова, у тебя нѣтъ бѣды!.. Ну, говори?

Безумовъ опять по своему. Начинается хохотъ. Г.....ъ опять съ жаромъ декламируетъ, а время между тѣмъ идетъ и обѣщанныя десять минутъ Безумовъ дѣйствительно утягиваетъ.

Наконецъ Саламаховъ подаетъ сочиненіе. Г.....ъ читаетъ:

— «Исторія Морского кадетскаго корпуса, написанная съ разсказа товарища, который слышалъ ее отъ очевидца основанія этого заведенія его превосходительства Федора Васильевича Г.....ва».

— Да ты, мой милый, хронологи-то, какъ видно, совсѣмъ не знаешь? Ну, какъ же могъ я быть очевидцемъ, какъ это событіе было болѣе чѣмъ за семьдесятъ лѣтъ назадъ, а мнѣ теперь всего только пятьдесятъ пять лѣтъ отъ роду?

Подобныхъ закорючекъ Саламаховъ надѣлалъ много, и вѣрно достигъ цѣли: съ сочиненіемъ его Г.....ъ провозился до окончанія класса...

Но довольно о преподаваніи и преподавателяхъ моихъ классовъ. Въ остальныхъ, за немногими исключеніями, было то же самое, ибо всѣ учителя, кромѣ иностранныхъ языковъ и закона Божія, были воспитанники одной и той же морской гимназій, которая снабжала корпусъ хорошими математиками и весьма плохими словесниками. Неуспѣхъ происходилъ еще и отъ того, что корпусное начальство, по причинѣ весьма ограниченнаго учительскаго пенсіона, держало учителей на службѣ до глубокой старости, или до самой смерти. Такое же состраданіе оказывалось и взрослымъ воспитанникамъ. Такъ, напримѣръ, со мною въ классѣ было до пяти кадетъ, кото-

рые по три раза «оставались въ точкѣ», по корпусному выраженію, т. е. сидѣли по три года въ классахъ. Они давно уже брили бороды и каждому было не менѣе двадцати лѣтъ, а, между тѣмъ, они-то и были главными коноводами во всѣхъ дурныхъ предпріятіяхъ.

Взысканія полагались: за лѣность въ математикѣ—розги, а, по прочимъ предметамъ, оставляли въ обѣдъ на хлѣбъ и супъ, ставили за «голодный» столъ, гдѣ пищею служилъ только хлѣбъ съ водою, вписывали на черную доску, сажали на праздники въ карцеръ, и, наконецъ, надѣвали сърую арестантскую куртку. Но всѣ эти наказанія мало дѣйствовали, ибо стыдъ и совѣсть были сильно забиты, а физически никто не страдалъ: всѣмъ этимъ лѣнтяямъ товарищи ихъ по классу исправно выносили изъ-за стола части своихъ порцій; кромѣ того, кто имѣлъ деньги, могъ свободно купить себѣ, чего пожелаетъ, а неимущихъ кормили богатые.

Физическое воспитаніе кадетъ было чисто спартанское. Не говоря уже о ротномъ командирѣ, каждый отдѣленный офицеръ имѣлъ право сѣчь, сколько душъ его было угодно, и при этомъ со стороны воспитанника считалось поворомъ просить прощенія или кричать отъ боли. Иной выдержать двѣсти розогъ, всѣ пальцы себѣ искусаеть, но ни разу не пикнетъ. Гардемарины за провинность били, большіе кадеты колотили и обижали маленькихъ, словомъ въ полной мѣрѣ преобладало кулачное право. Жаловаться было еще хуже,—отколотятъ вдвое.

Отдѣленные офицеры, обязанные дежурить по лазарету и по корпусу, дежурили въ ротѣ по недѣлямъ, а потому въ роту являлись только утромъ, чтобы разбудить кадетовъ и отправить въ классы, потомъ приходили къ обѣду и, наконецъ, къ ужину и перекличкѣ. Съ уходомъ офицера, послѣ девяти часовъ вечера, уходили и кадеты, охотники до приключеній,—одни домой, другіе въ театръ, а нѣкоторые «на фуражировку». «Фуражиры» имѣли даже свои костюмы, напимѣръ: баринъ, барыня и лакей идутъ на Невскій въ магазинъ и пока барыня выбираетъ и торгуется, баринъ и лакей песьма ловко поруютъ.

Драки между кадетами случались нерѣдко. Иногда дрались между собою цѣлыя роты, а разъ даже была генеральная драка двухъ корпусовъ: Морского и Горнаго. Какъ-то случилось, что воспитанниковъ обоихъ заведеній привели въ одно время играть на Смоленское поле. Дѣло начали маленькіе, затрогивая другъ друга. Наши кричали:

— Горные, задорные!

А тѣ имъ:

— Морскіе, воровскіе!

Пошла перепалка. За маленькихъ вступились большіе и, такимъ образомъ, произошла общая свалка, которую офицеры ни коимъ образомъ остановить не могли, пока сами кадеты не прекратили ее.

Съ этого побоища многіе вернулись съ пробитыми головами и разными ушибами, но никому, никогда—ни полслова! все было штокрыто.

Одѣвали насъ въ куртки такого сукна, которое съ ворсомъ было не менѣе полутора пальца толщины; и эта одежда служила намъ одинаково, и лѣтомъ, и зимою. Ежедневное же наше платье было всегда въ лохмотьяхъ и заплатахъ, кромѣ тѣхъ воспитанниковъ, которые носили собственное платье.

Существовали различныя и своеобразныя моды. Напримѣръ, «старины», т. е. тѣ, которые сидѣли въ корпусѣ по десять, или около того лѣтъ, разставляли свои бьюки внизу клиньями, такъ, чтобы ими были закрыты носки сапоговъ; кромѣ того, у каждаго изъ нихъ былъ кожаный поясъ съ бронзовыми левиками и цѣпочкою. Другіе же, вмѣсто прямыхъ бортовъ пуговицъ, нашивали ихъ, какъ у гвардейцевъ на лацканахъ, и на все это самодурство никто не обращалъ ни малѣйшаго вниманія.

Въ залу, въ классы, и особенно въ баню, не смотря на значительное разстояніе, водили зимою по дворамъ и открытымъ галереямъ безъ шинелей, которыя берегли и выдавали только увольнявшимся въ отпускъ. Известныя мѣста отстояли отъ ротъ довольно далеко, и для этого, зимою, въ ночное время валялись въ прихожихъ нѣсколько старыхъ, холодныхъ шинелей, до того изорванныхъ и испачканныхъ, что не только надѣтъ, но и взглянуть на нихъ было тошно.

Фронту учили старые кадеты, возведенные въ званіе ефрейторовъ, которые, согласно тогдашнимъ военнымъ обычаямъ, колотили учащихся вдоволь, и по щекамъ, и по зубамъ, и всѣ смотрѣли на это, какъ на самое необходимое при обученіи фронту.

Я описалъ всю черную сторону нашего заведенія, которое считалось первокласснымъ, и по своимъ финансовымъ средствамъ было далеко выше второклассныхъ или, такъ называемыхъ, — среднихъ учебныхъ заведеній. Что же было тогда у нихъ, трудно даже себѣ и представить! Помню только одно; когда въ 1826 году всѣ наши «старины», отъявленные лѣнтая, были переведены въ Дворянскій полкъ, то большая часть изъ нихъ сдѣланы были тамъ учителями!

Но, довольно объ этомъ!

IV.

Въ день апостола Марка, 25-го апрѣля, отецъ пошелъ поздравить Марка Филипповича Горковенко съ днемъ его ангела. У него засталъ онъ много гостей, въ числѣ коихъ былъ и Николай Вестужевъ. Съ этимъ послѣднимъ отецъ часто встрѣчался и у Заральевскихъ, и у Носковыхъ, а потому они сошлись, какъ знако-

мые, и Бестужевъ, поздоровавшись, сказалъ, указывая на Горковенко:

— Что это, Василій Павловичъ, вы не жените этого лысаго? Вѣдь онъ скоро останется совсѣмъ безъ волосъ!

— Намъ съ вами нечего объ немъ хлопотать, — отвѣчалъ отецъ, — онъ уже самъ поваялся о себѣ.

— Какъ, у него ужъ есть невѣста, ахъ онъ лысый! Пойду сейчасъ разбраню его!.. а вѣдь мнѣ, своему другу и товарищу, — ничего не сказалъ.

— Нѣтъ, — продолжалъ отецъ, — теперь не говорите, сконфузите: онъ разговариваетъ съ княземъ Шихматовымъ.

— Какъ, опять новость!.. Такъ неужели онъ посватался на княжнѣ?

— Да, — отвѣчалъ отецъ.

Тутъ разговоръ прекратился потому-что пригласили всѣхъ къ столу. Послѣ закуски, или, лучше сказать, послѣ цѣлаго обѣда, когда всѣ стали откланиваться, Маркъ Филипповичъ сказалъ отцу:

— Оставайтесь, Василій Павловичъ, на пару словъ.

По уходѣ гостей, онъ пригласилъ батюшку въ кабинетъ и говорить:

— Мнѣ давеча Бестужевъ предложилъ по секрету: не хочу ли я быть членомъ комиссіи для улучшенія государственныхъ дѣлъ, куда предварительно приглашаются лица желающія и могущія принести пользу. Впослѣдствіи, говоритъ онъ, эта комиссія раздѣлится на комитеты, въ коихъ, по его предположенію, я могу быть полезенъ по части учебной и педагогической. Заручившись моимъ согласіемъ, онъ обѣщалъ внести имя мое въ общій списокъ уже многихъ лицъ, туда вписавшихся.

— Да какъ же это, — сказалъ отецъ, — составляется такая важная комиссія безъ высочайшаго указа?.. Тутъ что-нибудь не такъ и вы напрасно дали свое согласіе на внесеніе вашего имени въ списокъ. Ходятъ темные слухи о какомъ-то тайномъ будто бы заговорѣ, — но знаю въ какой степени эти справедливы, — но, мнѣ кажется, надо во всякомъ случаѣ быть осторожнымъ.

— Да, вѣдь куда не обозначится эта комиссія явно, я, конечно, не буду участвовать ни въ какихъ собраніяхъ, — сказалъ Горковенко.

На этомъ разговоръ кончился, но не прошло и года, какъ Маркъ Филипповичъ чувствительно поплатился за то, что его имя стояло во главѣ списка. Конечно, онъ оправдался, но внезапный арестъ и осмотръ квартиры жестоко его взволновали; тѣмъ болѣе, что не долго до этого онъ только-что женился на княжнѣ Шихматовой.

Къ отцу въ домъ иногда заезживалъ іеромонахъ Невской Лавры Меодій, приходившійся матушкѣ какъ-то родственникомъ, — чело-

вѣкъ очень ученый и краснорѣчивый. Впослѣдствіи онъ былъ архимандритомъ и ректоромъ, кажется, псковской семинаріи. 5-го сентября онъ также пришелъ поздравить мать съ днемъ ея ангела и, говоря о бывшемъ въ прошломъ году наводненіи, разсказалъ намъ:

— Масса народа суевѣрно думаетъ, что такое страшное несчастье посѣтило столицу не даромъ, и что оно предвѣщаетъ какую-нибудь бѣду, еще большую. Старики при этомъ вспоминаютъ 1777 годъ, въ который, передъ самымъ рожденіемъ государя, Петербургъ потерпѣлъ также сильное наводненіе; это наводненіе повторилось, хотя и въ меньшей степени, въ годъ его восшествія на престоль. Эти-то почти забытые случаи и внушаютъ народу тревожное ожиданіе какой-то печальной перемѣны въ судьбахъ Того, въ комъ привыкъ онъ видѣть хранителя своихъ судебъ. Кажется, это мнѣніе народа раздѣляетъ и самъ императоръ: какъ бы въ предвѣдѣніи какого-то несчастья, всѣ мысли его получили грустное направленіе, которое еще болѣе поддерживается въ немъ болѣзнью супруги. Доктора, истощивъ всѣ пособія медицины, не находили для императрицы Елисаветы Алексѣевны другого средства поправленія здоровья, какъ южный климатъ, и мѣстомъ пребыванія ея избрали Таганрогъ. Императоръ, желая лично обозрѣть, что сдѣлано для спокойствія его супруги, назначилъ на 1-е сентября свой отъѣздъ изъ столицы. Въмѣсто Казанскаго собора, гдѣ онъ имѣлъ обыкновеніе молиться передъ отъѣздами изъ Петербурга, онъ, на этотъ разъ, назначилъ Невскую Лавру и еще 30-го августа, посѣтивши монастырь, сказалъ митрополиту, что 1-го сентября, въ четыре часа утра, желаетъ отслужить молебенъ предъ гробницею св. Александра Невскаго. Онъ пріѣхалъ къ намъ, дѣйствительно, ровно въ четыре часа утра безъ всякой свиты. Я участвовалъ въ служеніи съ другими іеромонахами и не могъ не видѣть, съ какимъ благоговѣніемъ молился государь, стоя почти весь молебенъ на колѣняхъ. Во время чтенія евангелія онъ приказалъ положить оное къ нему на голову. На другой день утромъ, когда я былъ у митрополита по дѣламъ службы, пріѣхалъ флигель-адъютантъ и вручилъ владыкѣ 500 рублей, присланные государемъ для братіи. На вопросъ высокопреосвященнаго: въ какомъ состояніи оставилъ онъ его величество? посланный отвѣчалъ: «Въ весьма грустномъ. Всю дорогу былъ печаленъ и молчаливъ. На Пулковской горѣ приказалъ остановиться, и стоя въ коляскѣ на ногахъ, долго и уныло смотрѣлъ на столицу, какъ бы навѣки прощаясь съ нею».

Такъ кончилъ Меесодій свою рѣчь и слова его глубоко запечатлѣлись въ моей памяти, тѣмъ болѣе, что вскорѣ послѣ этого отецъ прочиталъ въ газетахъ о путешествіи императора по Крыму и о возвращеніи его величества въ Таганрогъ съ лихорадочными припадками, которые съ 6-го ноября стали постепенно увеличиваться.

Въ исходѣ ноября, какъ теперь помню, сидѣли мы въ рисовальномъ классѣ, когда пришелъ дежурный по корпусу офицеръ Шпицбергъ и увлекъ съ собою учителя нашего Погонкина. Всѣ мы видѣли, какъ сгруппировались преподаватели въ одномъ изъ классовъ и о чемъ-то говорили, должно быть печальному, потому что многіе изъ нихъ даже плакали. Это, однакожъ, осталось для насъ секретомъ, но на другой день и намъ сообщена была горестная новость, что 19-го ноября не стало всѣми любимаго монарха.

Послѣдовала присяга императору Константину, его отреченіе и присяга вновь императору Николаю I. Наступило и 14-е декабря.

Въ этотъ день отецъ, по обычаю, пошелъ въ свой департаментъ, но, дойдя до Петровской площади, увидѣлъ тамъ гвардейскіе полки и множество народа. Это заставило его вернуться назадъ и обойти площадь Адмиралтейскимъ и Крюковымъ каналами и Большою Морскою, но, выйдя на Вознесенскій проспектъ, ему вздумалось пойти опять на площадь, чтобъ взглянуть, какъ онъ полагалъ, на парадъ. Съ трудомъ пробрался онъ сквозь густую толпу народа впередъ. Это было въ тотъ самый моментъ, когда императоръ передавалъ своего царственного сына, будущаго наследника, на сохраненіе вѣрнымъ ему преображенцамъ. Видя это и слыша разговоры толпы, отецъ понялъ въ чемъ дѣло, и ему невольно пришла на мысль комиссія для улучшенія государственныхъ дѣлъ и Бестужевъ. А потому, по добру, по здорovu, успѣвши онъ тѣмъ же путемъ къ дому, и выйдя уже на Галерную улицу слышалъ пушечные выстрѣлы.

Вѣсть о бунтѣ дошла и до нашего корпуса. И вотъ, вся мелкота нашей роты, не понимая даже слова «бунтъ», со страхомъ и трепетомъ направилась къ канцеляріи, посмотрѣть, какъ бунтуеть стоявшій тамъ всегда гвардейскій часовой. Мы подкрались къ коридору, гдѣ стоялъ павловець, и изъ-за угла стали пристально смотрѣть на него...

— Что вы на меня такъ воззрились,—вскричалъ вдругъ солдатъ,—вотъ я васъ!.. и стукнулъ объ полъ прикладомъ...

Мы во всю мочь пустились бѣжать въ роту, гдѣ и увѣряли всѣхъ, что солдатъ до того разбунтовался, что чуть не убилъ насъ прикладомъ.

V.

Весною 1826 года, когда я былъ уже въ пятомъ классѣ, не помню хорошенько, но кажется въ апрѣлѣ, пріѣхалъ къ намъ въ первый разъ государь императоръ. Не будучи ни кѣмъ узнавъ, онъ поднялся по парадной лѣстницѣ во второй этажъ и прошелъ въ приемную залу. Тамъ дежурный сержантъ, то есть гардемарины въ тесахъ и фуражкѣ, встрѣтилъ его величество и спросилъ:

— Кого вамъ угодно видѣть, ваше превосходительство?

— Я хочу видѣть классы,—сказалъ императоръ.

Изъ этой залы двое дверей вели въ двѣ отдѣльныя амфилады классовъ. Сержантъ отперъ одну изъ нихъ и государь услышалъ шумъ, крикъ, гвалтъ, увидѣлъ бѣганье по столамъ, игру въ чехарду, драки, — словомъ остановился пораженный и съ гнѣвомъ спросилъ:

— Гдѣ же ваши учителя, гдѣ офицеры?

Въ эту минуту запыхавшись вбѣжалъ помощникъ директора И. С. Сульменевъ и началъ рапортовать его величеству о благополучіи заведенія.

— Вижу, вижу,—сказалъ государь,—въ какомъ благополучіи вы пребываете!

Затѣмъ явились и дежурные: ротный командиръ и офицеръ, а за ними и инспекторъ классовъ. Учителя также пробрались въ классы и успѣли предупредить воспитанниковъ о прибытіи въ корпусъ его величества. Это было уже болѣе какъ въ четверть третьяго часа, тогда какъ классы должны начинаться ровно въ два часа, но преподаватели наши имѣли привычку сидѣть въ табельной минутѣ пятнадцать, двадцать, а иногда и цѣлыхъ полчаса. Надобно сказать, что въ это время, на мѣсто адмирала Карцева, назначенъ былъ директоромъ корпуса вице-адмиралъ Рожновъ, но такъ какъ онъ былъ командированъ осмотрѣть корабельные дѣла въ Архангельской губерніи, то заведеніемъ временно управлялъ И. С. Сульменевъ.

Когда все пришло въ порядокъ, его величество пошелъ по классамъ. У насъ не было учителя исторіи Струковского, который умеръ еще въ январѣ мѣсяцѣ, а потому на вопросъ императора:

— Чей это классъ?

Кадетъ Исевичъ, длинный, высокій, худой, отвѣчалъ:

— Покойника Струковского, ваше императорское величество!
Государь улыбнулся и сказалъ:

— А, здѣсь и покойники учатъ!

Въ слѣдующемъ классѣ его величество обратилъ вниманіе на одного изъ нашихъ «старинъ» съ ремнемъ, левиками и разставленными внизу брюками. Онъ вызвалъ его впередъ и въ удивленіи воскликнулъ:

— Это что за форма?

Далѣе попался на глаза его величеству одинъ воспитанникъ въ заплатахъ и лохмотьяхъ, и онъ при этомъ изволилъ замѣтить:

— Такъ не одѣваютъ и арестантовъ!

Прошедши весь рядъ классовъ, императоръ спросилъ:

— А тамъ что?

Сульменевъ отвѣчалъ:

— Танцевальный классъ, ваше величество!

Но когда отворили дверь, то государь увидѣлъ тамъ священника и сказалъ:

— Такъ у васъ священники учатъ танцовать?

Ошибка эта случилась оттого, что не успѣли предупредить его величество, что танцевальный урокъ бываетъ всегда послѣ вечернихъ классовъ, а по утрамъ здѣсь постоянно занимается священникъ съ двумя параллельными классами, для которыхъ нѣтъ другого достаточно вмѣстительнаго помѣщенія, кромѣ этой залы.

Осмотрѣвъ музеумъ и библиотечку, государь обошелъ роты и тамъ нашелъ много безпорядковъ. Сбросивъ тюфякъ съ одной кровати, онъ увидѣлъ хранившіеся подъ нимъ: сало, свѣчи, коньки, веревки, гвозди и бутылку съ ваксой, хорошо еще, что не съ виномъ, а то и это по временамъ бывало. На все это его величество только указывалъ, говоря:

— Это что?.. Это что?

Проходя обратно черезъ столовую залу и музеумъ, императоръ, дойдя до конференцъ-залы, спросилъ приказную книгу и собственноручно написалъ приказъ. Къ сожалѣнію, я помню только окончаніе его:

«... одѣть и обувь прилично, вымыть, выстричь, выбрить, дать бодрую осанку и молодецкій взглядъ».

На другое утро послѣ этого у насъ въ корпусѣ явились уже новые порядки: намъ роздали праздничное платье для всѣдневнаго употребленія и были сняты мѣрки для постройки новаго.

Дежурство по корпусу было отмѣнено, а взамѣнъ того дежурство по ротамъ установлено было, вмѣсто недѣльнаго, ежедневное, такъ что офицеръ обявлялся безотлучно быть при воспитанникахъ цѣлыя сутки. Такимъ образомъ, за порядкомъ въ классахъ стали слѣдить всѣ пять дежурныхъ офицеровъ. Учителя, къ нашему сожалѣнію, стали являться въ классы по барабану. Покойники замѣнены были живыми преподавателями. Наши «старшины» должны были проститься навсегда съ своими ремнями и левиками. Всѣхъ насъ буквально вымыли и выстригли, а рослыхъ и выбрили. Въ ротамъ и классахъ явилась чистота, какой прежде не бывало. Строго, подъ угрозой сотни роговъ, наказано было подъ тюфяки ничего не класть и въ столахъ, кромѣ казенныхъ вещей, ничего не имѣть. Сапоги даже выдали новые, такъ что ножныхъ пальцевъ теперь ни у кого не было видно. Словомъ, громъ грянулъ!..

Для обученія фронту прислали солдатъ-саперовъ, народъ молодой, изъ кантонистовъ, грамотный, который выражался всегда учтиво и фигурально, напримѣръ:

— Господа-съ, не резонировать, не фантазировать, и черезъ то порядка службы не нарушать!—Господинъ Вороновъ-съ,—не толкаться! Вы толкнете сего, сей толкнетъ онаго, и черезъ это повалится весь родъ человѣческій!

Или:

— Господа-съ, старайтесь подаваться корпусомъ впередъ, но не упираясь на оное!.. Какъ можно, господа-съ, во фронтѣ смѣяться!— Это величайшій грѣхъ и преступленіе противъ дисциплины и военного порядка!

И преступники, дѣйствительно, строго наказывались за этотъ грѣхъ, но не смотря на это, при слѣдующемъ ученьи, снова впадали въ то же преступленіе. Впрочемъ, надо отдать справедливость этимъ солдатамъ: мастера своего дѣла! Въ короткое время они такъ искусно насъ выправили, что въ слѣдующемъ году на майскомъ парадѣ мы были несколько не хуже другихъ корпусовъ, и во время церемоніального марша заслужили отъ императора похвалу:

— Хорошо, моряки!

Въ этотъ годъ, по случаю большого ремонта корпуса, каникулы начались въ половинѣ мая и я былъ отпущенъ домой до 1-го сентября. Гардемарины и кадеты, которымъ некуда было ѣхать въ отпускъ, переведены были въ особо для того нанятый огромный домъ между 9-й и 10-й линіями по Большому проспекту. Я очень сожалѣлъ, что не попалъ въ кампанію, впрочемъ нашъ пятый классъ весь остался, только шестой и гардемарины отправлены были въ началѣ іюня въ море, кадеты въ Маркизову лужу, какъ называли тогда моряки часть Финскаго залива отъ устья Невы до Кронштадта, а гардемарины—на эскадру, назначенную для крейсера въ Балтикѣ.

Каникулы я провелъ дома очень пріятно, но они были такъ продолжительны, что я, наконецъ, радъ былъ ихъ окончанію. Явившись въ корпусъ, я узналъ много новаго: директоромъ корпуса, вмѣсто вице-адмирала Рожнова, который получилъ другое назначеніе, опредѣленъ былъ извѣстный кругосвѣтный плаватель И. О. Крузенштернъ. Морская гимназія уничтожена. Корабельное училище переведено отъ насъ въ зданіе адмиралтейства, гдѣ и поставлено во главѣ вновь сформированнаго учебно-рабочаго экипажа. Всѣ наши роты перестроены, гардемарины назначены въ одну роту подъ названіемъ гардемаринской, кадеты распределены были въ три роты по классамъ и возрастамъ, и, наконецъ, самые маленькіе были отдѣлены въ 4-ую роту, подъ названіемъ «резервной» или малолѣтней. Туда, по моему малому росту, назначили и меня съ званіемъ фельдфебеля. Малолѣтняя рота въ зданіе корпуса еще не переводилась и пока оставалась въ наемномъ домѣ.

Когда я явился туда, то дежурный офицеръ объявилъ, что мнѣ дозволено посѣщать классы моихъ товарищей, но не иначе, какъ тогда, когда рота перейдетъ въ зданіе корпуса, а до тѣхъ поръ, около двухъ мѣсяцевъ, я долженъ заниматься одинъ, чтобъ не отстать отъ товарищей.

Исполнить это было бы для меня очень трудно, если бы въ ротномъ командирѣ малолѣтней роты князь Сергѣй Александровичъ Шихматовъ не нашелъ я второго отца и превосходнаго руководителя моихъ занятій. Онъ былъ капитанъ 2-го ранга гвардейскаго экипажа и воспитывался въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, но и по выходѣ изъ него мичманомъ въ 1800 г. продолжалъ неуспынно заниматься науками и иностранными языками. Онъ достигъ того, что свободно владѣлъ, какъ новѣйшими языками: французскимъ, нѣмецкимъ и англійскимъ, такъ и древними—греческимъ и латинскимъ. Въ глубокомъ же знаніи славянскаго языка, котораго постигъ всѣ тонкости, могли съ нимъ сравниться, развѣ только немногіе изъ тогдашнихъ филологовъ. Онъ рано возымѣлъ склонность къ поэзи и стихи его удостоены были лестнаго вниманія блаженной памяти императора Александра I, выразившагося въ пожалованіи ему пенсіи по 1500 р. въ годъ съ переводомъ его въ гвардейскій экипажъ. Въ 1809 году Россійская Академія избрала князя дѣйствительнымъ членомъ, а въ 1811 году, при учрежденіи «Всѣды любителей русскаго слова», онъ поступилъ и въ это общество съ тѣмъ же званіемъ. Въ томъ же году, при учрежденіи императорскаго Царскосельскаго лицея, князь былъ приглашенъ занять мѣсто инспектора этого заведенія, но уклонился отъ такой чести и остался въ прежнемъ званіи ротнаго командира морского корпуса. Впослѣдствіи Академія, въ вознагражденіе его литературныхъ трудовъ, присудила ему большую золотую медаль съ надписью: «Отличную пользу Россійскому слову принесшему». Наконецъ, въ 1824 году онъ былъ высочайше назначенъ членомъ главнаго правленія училищъ, съ составленіемъ при прежнихъ должностяхъ. Такая награда, при его чиѣ капитанъ-лейтенанта, въ тогдашнее время была безпримѣрна.

Князь Сергѣй Александровичъ былъ самый ревностный христіанинъ; онъ не скрывалъ, въ угожденіе міру, своей привязанности къ церкви и уважалъ лицъ духовнаго, и въ особенности монашескаго, званія. Для дѣтей своей роты онъ былъ отличнѣйшій воспитатель, наставникъ и педагогъ; дѣятельность его была по истинѣ изумительна: съ утра до вечера онъ былъ съ своими питомцами, или въ ротѣ, или въ классахъ; въ концѣ каждаго мѣсяца онъ экзаменовалъ всю роту, зналъ недостатки каждаго воспитанника и старался исправить ихъ; онъ руководилъ преподаваніемъ учителей и занятіями воспитанниковъ; онъ научилъ насъ молиться. Каждую субботу онъ спрашивалъ слѣдующее воскресное евангеліе и объяснялъ намъ его значеніе; молитвъ церковныхъ мы изучили много и умѣли перевести каждую изъ нихъ на русскій языкъ. Ежедневно утромъ и вечеромъ читались вполнѣ всѣ утреннія и вечернія молитвы, которыя, по истеченіи года, почти всѣ воспитанники знали наизусть. Въ праздничные дни, передъ обѣднемъ, читались

акаонсты Спасителю, или Божьей Матери; они и до сихъ поръ остались твердо въ моей памяти.

И замѣчательно, что все это дѣлалось, не то, чтобы по приказанію и съ неохотою, а напротивъ, всѣ наперерывъ старались угодить тому, кого любили и уважали, какъ отца, и князь дѣйствительно довелъ свою роту до того, что она во всѣхъ отношеніяхъ была образцовая.

По воскресеньямъ князь приходилъ въ роту къ чтенію акаонста, а потому я обязанъ былъ въ этотъ день являться къ нему послѣ утренняго чая съ рапортомъ и всегда заставлялъ въ его обширной прихожей множество всякаго народа, получавшаго отъ него вспомошествованіе. Занятіе нѣсколькихъ должностей и пенсія давали ему въ годъ до семи тысячъ рублей, которые, при готовомъ казенномъ помѣщеніи, при скромной жизни, и при самомъ строгомъ соблюденіи постовъ, употреблялись преимущественно на дѣла благотворительности и на дѣтей его роты. Такъ, въ праздничные дни, лѣтомъ, онъ водилъ воспитанниковъ гулять по островамъ и тамъ угощалъ ихъ чаемъ и лакомствами; кромѣ того, покупалъ и дарилъ имъ мячи, коньки, серсо, лото и другія игрушки.

Ходилъ я въ классы этой роты и занимался продолженіемъ курса моихъ товарищей подъ руководствомъ самого князя, который тотчасъ же увидѣлъ, что кромѣ математики, во всѣхъ прочихъ предметахъ я очень слабъ, а потому занялся со мною и повтореніемъ. Имѣя такого руководителя, я удвоилъ стараніе и въ два съ половиною мѣсяца, которые провели мы въ паемномъ домѣ, приобрѣлъ несравненно болѣе знаній, чѣмъ во всѣ предидущіе года. Много занималъ меня князь также чтеніемъ, которое, при его поясненіяхъ, принесло мнѣ не малую пользу и развило большую охоту къ ученью.

Наконецъ, мы перебрались въ корпусъ. Рота наша была отдѣлана, какъ игрушечка, а когда я пошелъ въ классы къ своимъ товарищамъ, то не нашелъ ничего похожаго на прежнее: коридоры всѣ крытые, теплые, вездѣ паркетъ, чистота всюду необыкновенная! И куда дѣвались всѣ наши старички!.. ни одного не осталось: изъ тридцати пяти бывшихъ моихъ товарищей по классу я нашелъ только двадцать пять. Порядки совсѣмъ другіе, учителя почти всѣ новые и при томъ лучшіе преподаватели того времени: русской словесности—Плаксинъ, исторіи—звѣстный исторіографъ Шульгинъ, географіи—Максимовичъ, начертательной геометріи—Остроградскій, Закона Божія—священникъ Березинъ, академикъ и прекраснѣйшій человѣкъ, котораго всѣ кадеты любили и уважали.

При поступленіи моемъ въ классъ, каждый изъ этихъ преподавателей старался испытать меня, что я знаю и на чемъ хромаю, и тутъ я вполнѣ уразумѣлъ насколько обязанъ занятіямъ со мною князя Сергѣя Александровича, ибо это испытаніе показало, что я

не только не отсталъ отъ класса, но и развитъ болѣе своихъ товарищей. Директоръ корпуса, справившись обо мнѣ, спросилъ меня: «самъ ли я готовился, или занимался кто со мною?» Я, разумѣется, объяснилъ ему, кто былъ моимъ руководителемъ, и на это онъ мнѣ сказалъ, что я долженъ усердно благодарить Бога за своего наставника, который, при многихъ своихъ обязанностяхъ, нашелъ еще время отдѣльно заниматься со мною.

Осматривая въ свободное время классы и залы, я не мало удивился: въ прежнее время, бывало, послѣ ремонта недѣли черезъ двѣ, много черезъ три, нельзя было порядочнаго человѣка ввести въ классъ,—все уже было испачкано, изрѣзано, испарано; между тѣмъ какъ теперь, прошла цѣлая треть, а все выглядѣло, какъ новое. Всѣ одѣты чисто, платье и обувь приличныя, всѣ умыты и причесаны, выглядять весело. Вотъ какую огромную перемену произвела могучая воля того, кто вытащилъ насъ изъ грязи и направилъ такимъ путемъ, чтобы мы могли быть впоследствии полезными сынами отечеству.

Передъ Рождествомъ государь удостоилъ своимъ посѣщеніемъ малолѣтнюю роту. Князь по обычаю былъ съ нами и встрѣтилъ императора. Мы встали, каждый у своей кровати. Войдя, его величество сказалъ:

— Бѣгомъ всѣ ко мнѣ!

Всѣ окружили его и весело смотрѣли ему въ глаза, ожидая дальнѣйшихъ приказаній. Эта наивность ему понравилась, и онъ многихъ потрепалъ по щекамъ. Потомъ велѣлъ одному раздѣться тотъ живо это исполнилъ, и, само собою разумѣется, что все на немъ оказалось чисто и опрятно, такъ какъ князь ежедневно наблюдалъ за этимъ.

За тѣмъ его величество осмотрѣлъ подробно всѣ отдѣленія и пейгаузъ, обратилъ вниманіе на большія гравированныя картины, изображающія разныя сцены изъ морскихъ битвъ, которыми увѣштана была рекреационная зала, и, уходя, обнялъ и поцѣловалъ князя, сказавъ, что пришлетъ къ нему директоровъ другихъ корпусовъ для осмотра порядка, какой онъ нашелъ у него.

— А твоимъ дѣтямъ,—прибавилъ императоръ,—я пришлю го-стинца.

Въ первое же воскресенье мы удостоились получить по полуфунту царскихъ конфетъ на каждого.

Въ праздникъ Рождества, я, по обычаю, долженъ былъ на третій день явиться въ роту для перемены бѣлья и получилъ приказаніе остаться до прихода князя и отпустить провожатого, такъ какъ домой меня проводить потомъ казенный служитель. Всѣхъ насъ оставленныхъ было восемь кадетъ и къ намъ присоединились

еще четыре гардемарина, бывшіе воспитанники князя. Когда роту увели въ залъ обѣдать, пришелъ князь и приказалъ намъ надѣть шинели въ рукава и наушники, потомъ рассадилъ насъ на наемныхъ извозчиковъ. Мы отправились въ 17-ю линію на Малый проспектъ и остановились у одного стараго дома, въ залѣ второго этажа котораго было собрано до семидесяти нищихъ. Тутъ князь, проведя насъ въ сосѣдную комнату, сказалъ:

— Друзья мои, по слову евангельскому, мы всѣ должны служить убогой братіи, а потому прошу каждого изъ васъ быть на этотъ разъ слугою и съ христіанскимъ смиреніемъ угостить ихъ тѣмъ, что найдете въ сосѣдной комнатѣ.

За тѣмъ онъ назначилъ каждому дѣло, и, вошедши снова въ залу, мы всѣ принялись усердно отправлять возложенныя на насъ обязанности: накрыли столы, разставили посуду, гардемарины рѣзали пироги, мясо и раздавали горячее.

Между тѣмъ, нищіе, приглашенные къ столу, спросили князя:

— За кого же, благодѣтель, прикажешь намъ молиться?

— Молитесь за нихъ,—сказалъ онъ, указывая на насъ.

За обѣдомъ мы сами подавали имъ кушанье, а по окончаніи его, четыре гардемарина стали у выходныхъ дверей съ мѣшками мѣдныхъ денегъ, и, согласно приказанію князя, одѣляли каждого гривною. При этомъ нѣкоторые изъ нищихъ обращались еще къ князю, прося его щедротъ для ихъ убогихъ дѣтей, и тогда онъ самъ, изъ своего мѣшка, добавлялъ, кому гривну, кому и двѣ.

Когда проводили гостей, князь далъ намъ позавтракать и строго наказалъ объ угощеніи не говорить никому. Возвратившись тѣмъ же порядкомъ въ роту, мы были еще на четверть часа задержаны пригонкою новаго платья, а потомъ были отпущены съ казенными служителями по домамъ. Эта пригонка платья и должна была служить всѣмъ объясненіемъ задержанія насъ въ корпусѣ.

На такомъ же пиру и такимъ же дѣятелемъ былъ я и на Пасхѣ 1827 года.

Послѣ святокъ классныя наши занятія пошли съ большимъ успѣхомъ, ибо лекціи, вмѣсто 2-хъ, сдѣланы были 1½ часовыя, слѣдовательно, для приготовленія уроковъ мы имѣли утромъ и вечеромъ по часу лишняго времени; кромѣ того, все намъ обстоятельно объяснялось, а чего не понимали, то съ охотою повторялось учителемъ, по первому обращенію къ нему воспитанника. Наконецъ, по просьбѣ преподавателей, Маркъ Филипповичъ, чтобъ вознаградить потерянное, особенно по русскому языку, время, нашелъ возможнымъ увеличить число уроковъ по нѣкоторымъ предметамъ насчетъ искусства, которыми въ этотъ годъ мы почти совсѣмъ не занимались. Не смотря, однакожь, на всѣ эти льготы, зна-

чительно помогавшія нашимъ занятіямъ, князь и тутъ не оставлялъ руководить меня по всѣмъ предметамъ, во все время, до самыхъ каникулъ.

VI.

Въ каникулы 1827 года я назначенъ былъ въ кампанію на бригъ, или, лучше сказать, на яхту «Князь Пожарскій» для плаванія въ Маркизовой лужѣ. Здѣсь изучилъ я на практикѣ много словъ изъ лексикона морскихъ терминовъ, научился лазать по вантамъ, подыматься и спускаться по одной веревкѣ; ознакомился съ компасомъ и лагомъ, а главное съ моремъ и съ окрестностями Петербурга. Былъ нѣсколько разъ въ Стрѣльнѣ, въ Петергофѣ, въ Ораніенбаумѣ и въ Кронштадтѣ. Впрочемъ, постоянная наша якорная стоянка была подъ Петергофомъ, особенно во время пребыванія тамъ царской фамиліи.

Однажды командиръ нашего брига, вернувшись съ берега, приказалъ мнѣ сейчасъ же отправиться въ Петергофъ и явиться къ князю Шихматову, котораго я найду въ нижнемъ этажѣ дворца, въ генераль-адъютантскихъ комнатахъ. Съ радостью отправился я на берегъ, отыскалъ князя и былъ имъ очень обласканъ. Послѣ завтрака онъ велѣлъ мнѣ идти къ малолѣтней ротѣ, которую привели изъ Ораніенбаума, и сопровождать ее, вмѣстѣ съ дежурнымъ офицеромъ, во время гулянья по Петергофскому саду. Исполняя приказанія князя, я встрѣтилъ роту, уже идущую на прогулку, и примкнулъ къ ней. Долго бродили мы изъ одной аллеи въ другую, какъ вдругъ неожиданно встрѣтили государя.

Поздоровавшись съ нами, онъ сбросилъ съ себя сюртукъ и приказалъ дѣтямъ валить его на траву. Кадеты кинулись стремительно, схватили его, кто за ноги, кто за руки, смѣльчаки взообразились даже его величеству на плечи, но ничего не могли сдѣлать, — всѣ валились съ него, какъ мухи. Потомъ государь приказалъ слѣдовать за нимъ и, когда подошли къ главному каскаду, scomандовалъ:

— Бѣгомъ наверхъ! и кто первый подыметса, тому фунтъ конфектъ!

Маневръ этотъ повторялся нѣсколько разъ. Разумѣется, многіе поскользывались въ водѣ, падали и скатывались по водѣ внизъ, другіе съ разбѣгу попадали прямо въ хорошенькую куртинку наверху и всю ее нзмляли. Въ это время проходила императрица и, увидя свою куртину нзмятою, сказала:

— Экія глупыя дѣти!

— Хорошенько, хорошенько ихъ, — замѣтилъ государь, — и меня, какъ главнаго зачинщика!

Императрица улыбнулась и пошла далѣе, а намъ приказано было бѣгомъ отправляться на пристань, куда мы успѣли прибѣ-

жать прежде его величества, догонявшего насъ верхомъ. Здѣсь государь отпустилъ насъ, а самъ на катерѣ отправился на бригъ «Пожарскій».

Вскорѣ Петергофъ опустѣлъ. Царская фамилія переѣхала въ Царское Село, мы становились на якорь уже подъ Кронштадтомъ.

Здѣсь-то, пользуясь отпускомъ, узналъ я, какая гроза разразилась недавно надъ этимъ городомъ; но, прежде чѣмъ приступить къ описанію ея, долгомъ считаю сказать въ какомъ состояніи находился нашъ флотъ при бывшемъ министрѣ маркизѣ-де-Траверзе.

Маркизь былъ того мнѣнія, что для Россіи флотъ вовсе не нуженъ, — лишняя трата денегъ, которыя могли бы идти на предметы болѣе полезные для государства. Задавшись такою мыслию, онъ мало обращалъ вниманія на флотъ и привелъ его почти къ нулю. Правда въ гавани стояло до двадцати кораблей, но изъ нихъ въ море могли выйти не болѣе пяти, остальные же были негодны, да и не имѣли вооруженія, которое большею частію было расхищено. Контроль былъ до того слабый, что транспортныя и другія мелкія суда, пользуясь этимъ, принимали провизію на одну и ту же кампанію два раза, и въ Ревелѣ, и въ Кронштадтѣ. Портовые магазины свободно продавали жителямъ города и иностранцамъ, по дешевой цѣнѣ, разные матеріалы и вещи, такъ что въ Кронштадтѣ не было дома, въ которомъ бы не нашлось во вседневномъ употребленіи вещей съ казенными клеймами.

Между тѣмъ, офицеры не получали жалованья по цѣлымъ третямъ и жили кое-какъ, перебиваясь изо дня въ день. Многіе не имѣли даже вовсе мундира, и начальство поневолѣ смотрѣло на это сквозь пальцы. Вступали въ караулъ въ сюртукахъ и тамъ уже надѣвали казенный мундиръ, единственный и общій для всѣхъ офицеровъ.

Разсказывали мнѣ анекдотъ, что, по случаю ожидавшагося въ Кронштадтѣ прибытія какого-то важнаго лица, комендантъ осматривалъ всѣ гауптвахты. Въ одной изъ кордегардій онъ нашелъ офицера такого маленькаго роста, что рукава мундира почти волочились по землѣ и никакъ не позволяли ему отсалютовать саблею. Тотчасъ было написано въ экипажъ форменное отношеніе о томъ, чтобы назначили другого офицера «сообразно мундира», что и было исполнено.

Въ канцеляріяхъ и штабахъ было также не мало злоупотребленій. Для примѣра скажу, что многіе получали крестъ св. Георгія за 16-ть шестимѣсячныхъ кампаній, вмѣсто 18-ти установленныхъ закономъ. Я самъ впоследствии служилъ на фрегатѣ «Александръ Невскій» подъ командою капитана 2-го ранга И—а, который мнѣ говорилъ, что и ему этотъ крестъ достался такимъ же образомъ за сто рублей.

Императоръ Николай Павловичъ, при вступленіи своемъ на престолъ, зналъ уже всѣ эти злоупотребленія, а потому и пожелалъ вырвать ихъ съ корнемъ. И вотъ въ одно прекрасное утро прибыли въ Кронштадтъ два полка и слѣдственная комиссія. Къ вечеру гостинный дворъ, биржа и почти всѣ улицы были обставлены цѣпью солдатъ.

Разнесся слухъ, что наавтра будутъ осматривать всѣ дома и лавки. Господи, какой паническій страхъ напалъ на всѣхъ!.. Лишь только стемнѣло, начали выносить изъ домовъ разныя казенныя мѣдныя и желѣзныя вещи и бросать въ адмиралтейскій каналъ, но, увы! всего не вынесешь. Въ концѣ концовъ, все-таки, на другой день, при осмотрѣ, нашлось въ каждомъ домѣ казенное, начная съ крыши, покрытой желѣзными листами съ казеннымъ клеймомъ, отъ комнатъ, обитыхъ казенною парусиною, и до кухни, гдѣ также конфисковывалось не малое количество кочерегъ, щипцовъ, топоровъ, подсвѣчниковъ и проч.

Въ гостинномъ дворѣ, въ нѣкоторыхъ лавкахъ, за полками съ краснымъ товаромъ, найдены были цѣпи, якоря, блоки и другія портовые принадлежности. Когда же дѣло дошло до биржи, гдѣ была, можно сказать, самая суть, то въ ночь, наканунѣ осмотра, произошелъ пожаръ, истребившій всѣ биржевыя лавки и весь складъ лѣса, приготовленнаго къ отпуску за границу.

Складъ лѣса представлялъ изъ себя квадратную площадь, по полуверстѣ въ каждой сторонѣ, которая, кромѣ двухъ перекрестныхъ дорогъ, была вся завалена пилеными досками, сложенными въ видѣ треугольниковъ на нѣсколько сажень высоты. Лѣсъ былъ все сухой, выдержанный, и когда все это запыдало, то образовалась такая страшная печь огненная, отъ которой въ городѣ во многихъ домахъ перелопались стекла. Жаръ былъ до того нестерпимый, что тушить пожаръ не представлялось никакой возможности, а потому все вниманіе было обращено на гавань, къ которой лѣсная биржа примыкала одной стороною своего квадрата. Тамъ стояло до пяти сотъ купеческихъ судовъ и переполохъ былъ ужасный. Каждый командиръ заботился о своемъ кораблѣ, желая какъ можно скорѣе выбраться на рейдъ. Суда сталкивались, ломались, шумъ, крикъ, брань на разныхъ языкахъ оглашали гавань, пароходовъ же для вывода судовъ изъ гавани явилось на этотъ разъ только два. Но, благодаря Бога, сгорѣло, какъ мнѣ говорили, не болѣе трехъ судовъ, такъ какъ вѣтеръ былъ не прямо на гавань.

Этотъ огонь окончательно искинулъ всѣ кронштадтскія прегрѣшенія, и хотя много народа пострадало за казнокрадство, но за то зло было дѣйствительно вырвано съ корнемъ. Впослѣдствіи, не разъ случалось мнѣ видѣть, что матросы, неся изъ порта на корабль какія-нибудь вещи, обронять нечаянно одну какую-нибудь

изъ нихъ на улицѣ, и изъ проходящихъ никто, не только не коснется ея, но всякій обходитъ, какъ зачумленную.

Съ того времени и флотъ нашъ, да и самый Кронштадтъ въ нѣсколько лѣтъ сдѣлались неузнаваемы.

Кронштадтъ двадцатыхъ годовъ былъ грязный, болотистый городишка, съ полуразвалившимися отъ осѣданія почвы домами, съ самою плохою защитою съ моря. Крѣпости и стѣнки гаваней были больше деревянными и сгнившія, а, между тѣмъ, онъ считался главнымъ портомъ Россіи. При императорѣ Николаѣ городъ принялъ совсѣмъ другую фязіономію: болота исчезли, улицы и площади распланированы и обставлены прекрасными зданіями, городъ обнесенъ съ трехъ сторонъ оборонительной стѣной и превосходнѣйшими казармами, выстроенъ новый, первоклассный госпиталь, съ моря встали на стражѣ каменные твердыни, выстроенъ новый докъ, весь изъ гранита, взглянувъ на который невольно скажешь, что это игрушечка изъ англійскаго магазина.

Остальные двѣ недѣли кампаніи нашей мы провели на бригѣ «Пожарскій», большею частію подъ парусами. Утромъ насъ учили примѣрному заряжанію орудій, а также отдачѣ и уборкѣ парусовъ (брамселей), послѣ же обѣда, — поворотамъ брига, при чемъ командовали кадеты подъ непосредственнымъ надзоромъ вахтеннаго лейтенанта. Погода въ это время стояла чудесная, вѣтеръ тихій. Бывало, идетъ бригъ самымъ малымъ ходомъ подъ всѣми парусами; въ одного поворота до другого времени проходитъ 1½ часа и въ этотъ промежутокъ гвардейскіе пѣсельники, собравшись на шкафутѣ (около середины судна) поютъ свои молодецкія пѣсни. Порой весельчакъ пускаются и въ плясъ, выдѣлывая ногами такіа колѣнца, которымъ позавидовалъ бы любой балетмейстеръ. Я же съ четверными товарищами удалялся, обыкновенно, въ это время на бокъ (носовая часть судна), гдѣ мы съ упоеніемъ слушали рассказы унтеръ-офицера Постникова, большого начетчика священнаго писанія. Онъ отлично, словно по книгѣ, повѣствовалъ намъ о жизни и мученическихъ страданіяхъ святыхъ угодниковъ Воинихъ. Онъ насъ впервые познакомилъ съ исторіею церкви и мы не мало дивились его памяти. Мы обстоятельно узнали отъ него о всѣхъ гоненіяхъ на христіанъ: при какомъ императорѣ было каждое изъ нихъ, сколько времени продолжалось, и кто именно, и какъ пострадалъ во время его за вѣру. Онъ также довольно подробно объяснилъ намъ съ какою цѣлью собирались вселенскіе соборы и кто изъ отцовъ и пастырей церкви были на каждомъ изъ нихъ главными дѣятелями.

Конечно, трудно было ожидать отъ нижняго чина такихъ обширныхъ знаній, но ларчикъ просто отпирался, — черезъ три мѣсяца послѣ кампаніи я случайно спросилъ нашего капитанармуса, который также былъ прежде унтеръ-офрдеромъ гвардейскаго эки-

пажа, о Постниковѣ и онъ мнѣ рассказывалъ всю его біографію. Оказалось, что Постниковъ въ 1812 г. окончилъ съ отличнымъ успѣхомъ курсъ с.-петербургской семинаріи и предполагалъ идти въ духовную академію, но патріотизмъ, охватившій тогда всѣхъ, заставилъ и его, не дождавшись экзаменовъ, оставить семинарію и поступить вольноопредѣляющимся въ одинъ изъ гвардейскихъ полковъ. Во время Отечественной войны онъ получилъ за отличіе знакъ военнаго ордена и званіе унтеръ-офицера. По возвращеніи же гвардіи въ Петербургъ, онъ, согласно своей просьбѣ, переведенъ былъ въ гвардейскій экипажъ, гдѣ, окончивъ узаконенный срокъ службы, отказался отъ офицерскаго чина и остался въ прежнемъ званіи еще на пять лѣтъ, съ тѣмъ, чтобы по истеченіи этого времени выйти въ чистую отставку съ пенсіономъ.

— Но,—продолжалъ мой рассказчикъ,—человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ,—судьба не судила ему дожидаться отставки и ²/₃ прапорщичьяго жалованія: недавно онъ заболѣлъ и надняхъ мы его схоронили.

Послѣ этого не мудрено, что онъ насъ такъ увлекалъ своими рассказами изъ предмета, изученнаго имъ специально.

Ровно въ полдень 1-го августа бригъ «Пожарскій» вошелъ въ Неву и мы опшартовались у пристани противъ нашего корпуса.

Явившись въ роту послѣ трехъ-дневнаго отпуска, я узналъ весьма печальную новость: князь подалъ въ отставку, чтобы удалиться въ монастырь. Всѣ горевали, теряя въ немъ добраго начальника и самаго попочительнаго отца; но груствѣе всѣхъ, конечно, было мнѣ. Взысканный его милостями, любившій его всѣмъ сердцемъ, я лишился въ немъ добраго совѣтника, руководителя и наставника въ то именно время, когда переходилъ на высшій курсъ, гдѣ его указанія и совѣты были бы для меня неоцѣненны. Не мало было пролито мною слезъ, но что дѣлать, судьбы Божія неисповѣдимы, надо было покориться Его святой волѣ.

22-го октября, князь въ послѣдній разъ отпраздновалъ съ нами ротный праздникъ. Послѣ молебна онъ многимъ воспитанникамъ роздалъ подарки и мнѣ достался самый дорогой: книжка его стихотвореній съ собственноручною его надписью въ весьма лестныхъ для меня выраженіяхъ. Эта книжечка и теперь хранится у меня, какъ драгоценный памятникъ о моемъ незабвенномъ благодѣтелѣ.

Въ этотъ же день нашъ ротный офицеръ А. А. О...ъ, котораго всѣ очень уважали, предложилъ мнѣ составить на прощаніе князю рѣчь отъ имени роты, и далъ мнѣ идею, какъ долженъ я написать ее. Дня черезъ четыре я показалъ ему свое произведеніе и онъ его одобрилъ, однакожь взялъ къ себѣ на исправленіе. На другой день онъ возвратилъ мнѣ рѣчь, чтобы переписать ее на-

чисто, выучить и въ началѣ ноября сказать ему наизусть. Тутъ только увидѣлъ я, что сюжетъ остался мой, но куда дѣвались всѣ мои слова и выраженія?..²⁾

А. А. такъ искусно все это обработалъ, что рѣчь вышла прекрасная.

Наконецъ, 7-го ноября, послѣ классовъ, князь пришелъ проститься съ ротой. Мы всѣ были собраны въ рекреационномъ залѣ. Сказавъ намъ прощальное слово, въ которомъ онъ преподавалъ въ послѣдній разъ свои отеческія наставленія, князь поклонился намъ и хотѣлъ идти, какъ въ это время А. А. О...ъ заявилъ ему, что фельдфебель проситъ позволенія сказать слово отъ имени роты. Князь видимо былъ этимъ тронутъ. Волѣе половины рѣчи я сказала громко и отчетливо, но, когда дошелъ до самаго чувствительнаго мѣста, всѣ воспитанники заплакали и самъ князь прослезился. Тутъ уже я не могъ продолжать, будучи отъ природы нервнаго темперамента,—просто сталъ захлебываться отъ слезъ. Видя это, князь подошелъ ко мнѣ, обнялъ, поцѣловалъ, и, взявши рѣчь мою, сказалъ, что дочтаетъ ее дома и оставитъ на память. Затѣмъ, поблагодаривъ еще разъ всѣхъ за любовь къ нему, онъ окончательно простился съ нами и болѣе мы его уже не видѣли.

Долго, долго вспоминали мы князя; впрочемъ, любя его искренно, я не могъ отъ него отрѣшиться и постоянно собиралъ о немъ свѣдѣнія.

Ротнымъ командиромъ, вмѣсто князя, назначенъ былъ капитанъ 1-го ранга А. А. К...й, человекъ очень добрый. Онъ любилъ дѣтей, много о нихъ заботился, и всѣми силами старался сохранить бывший до него порядокъ, но все же вполне замѣнить своего предшественника онъ не могъ.

Въ декабрѣ шли у насъ экзамены обычнымъ порядкомъ и уже подходили къ концу, какъ вдругъ мы получили описаніе Наваринской битвы. Записку эту каждый изъ насъ обязанъ былъ переписать для себя, ибо въ слѣдующемъ году мы должны были проходить морскія эволюціи и сраженія. Тутъ мы почти забыли наши экзамены; читали и перечитывали эту записку до того, что, наконецъ, заучили ее. Чертили наизусть днепозиціи эскадръ, знали мѣсто и названіе каждаго корабля во время боя и съ гордостію рассказывали всѣмъ, что нашъ флотъ, ни на ученьи, ни въ эволюціяхъ, ни даже во время боя, ни въ чемъ не уступалъ ни англійскому, ни французскому.

Фактъ историческій, но давно мннувшій!..¹⁾

Подходили праздники; я рвался поскорѣе домой, и какъ нарочно, встрѣтилось препятствіе: два офицера нашей роты заболѣли

¹⁾ Воспоминанія писаны въ началѣ семидесятыхъ годовъ.

и мнѣ пришлось дежурить за нихъ. Такъ я долженъ былъ пробыть въ корпусѣ даже рождественскій сочельникъ и только въ первый день праздника, послѣ обѣдни, могъ отправиться домой. Братъ былъ давно уже дома и сообщалъ тамъ, что оба мы переведены въ гардемаринскій курсъ и я—третьимъ въ успѣхахъ по обоямъ нашимъ классамъ. Разумѣется, я былъ встрѣченъ съ разпростертыми объятіями и никогда не видѣлъ еще я батюшку такимъ довольнымъ и веселымъ. Мы отправились вмѣстѣ съ нимъ съ виватами къ нашей роднѣ и вездѣ онъ рекомендовалъ насъ «молодыми гардемаринами, окончившими кадетскій корпусъ съ отличнымъ успѣхомъ».

Наканунѣ новаго 1828 года, гостей у насъ было не много. Въ полночь, когда подавали шампанское, налили и намъ, какъ гардемаринамъ, по полному бокалу. Мы поздравили дорогихъ родителей съ новымъ годомъ, а батюшку еще и съ днемъ его ангела. Онъ обнялъ насъ, поцѣловалъ и подарилъ каждому по прекраснѣйшему чертежному инструменту, вещь необходимую на гардемаринскомъ курсѣ.

Такъ весело и съ полнымъ душевнымъ спокойствіемъ окончилъ я 1827 годъ.

П. Митуричъ.

БОГДАНЪ ХМЕЛЬНИЦКІЙ И БЛАГОДАРНАЯ РОССІЯ.

ВЪ КІЕВѢ воздвигнуть памятникъ гетману Богдану Хмельницкому. Исторія этого памятника, въ прямомъ смыслѣ слова, «темна и запутанна». Заглядывать въ эту исторію мы не станемъ—да и не можемъ, по неимѣнію матерьяла—хотя предполагаемъ, въ ней очень много любопытнаго и поучительнаго. Не коснемся мы и мутной исторіи постройки памятника, въ которой также не мало загадочнаго, страннаго, и даже совсѣмъ непонятнаго... Мы, въ настоящей замѣткѣ нашей, обратимъ вниманіе только на тѣ надписи, которыми съ двухъ сторонъ украшенъ памятникъ знаменитаго гетмана. Надписи эти чрезвычайно любопытны и замѣчательны сами по себѣ, и служатъ прекрасною характеристикой для переживаемой нами эпохи...

На одной сторонѣ памятника Хмельницкому видимъ извѣстное рѣшеніе Переяславской рады (6 января 1654 года), по которому Малороссія окончательно присоединилась къ Россіи. Народъ, на вопросъ Хмельницкаго, къ кому хотятъ козаки поступить въ подданство,—къ хану ли Крымскому, султану ли Турецкому, королю Польскому или православному государю великой Россіи—отвѣчалъ знаменитыми, историческими словами: «волимъ подъ царя восточнаго, православнаго!» Эти слова прекрасно выразили то глубокое убѣжденіе народнаго множества, которое, уже и за двадцать лѣтъ до появленія Хмельницкаго, видѣло единственный путь къ спасенію въ присоединеніи къ «великой православной Россіи». На основаніи этого именно возрѣнія, козачество толпами переселялось съ лѣвой

стороны Дѣпра на правую, изъ польскихъ областей въ русскія, и занимало тѣ земли, которыя отводило переселенцамъ Московское государство. Въ этомъ крикъ толпы на Переяславской радѣ выразился именно тотъ «гласъ народа», противъ котораго Богдану Хмельницкому никакъ нельзя было идти, не отказавшись отъ той исторической роли народнаго вождя, которую онъ на себя «volens-nolens» принялъ... Этому «гласу народа», конечно, умѣстно было явиться въ надписи на памятникѣ Хмельницкаго, потому что главная заслуга его въ исторіи нашего отечества заключается исключительно въ томъ, что онъ повиновался «гласу народа». И если бы строители памятника ограничились только этою надписью, то показали бы, что они понимаютъ историческую роль Богдана Хмельницкаго и воздвигаютъ памятникъ не ему лично, а той знаменательной эпохѣ, когда разрозненныя части Руси соединились во-едино по естественному влеченію однородности. Памятникъ, воздвигнутый въ память воссоединенія Малороссіи съ «великою Россією», могъ бы увѣнчиваться статуею Богдана Хмельницкаго, какъ вождя, стоявшаго во главѣ анти-польскихъ стремленій козачества, какъ характернаго, типическаго представителя той кровавой и бѣдственной эпохи... И только!

Но строители, къ сожалѣнію, не удовольствовались одною надписью. Воздвигая памятникъ Богдану Хмельницкому, они захотѣли во что бы то ни стало возвеличить его, возвести его въ герои, а всю его дѣятельность представить себѣ въ видѣ ряда подвиговъ, совершенныхъ на пользу и благо Россіи (о которой онъ менѣе всего заботился!). Въ виду всего этого, они рѣшились, кромѣ первой надписи, поставить на памятникѣ козацкому гетману еще и другую, которая должна несомнѣнно приводить въ недоумѣніе каждаго русскаго человѣка, знакомаго съ исторіею своего отечества не по учебникамъ, не по дѣтскимъ книжкамъ, а по источникамъ, изображающимъ историческихъ дѣятелей въ видѣ живыхъ и яркихъ образовъ... Это вторая надпись гласитъ: «Богдану Хмельницкому великая недѣлимая Россія». Кому принадлежит основная идея этой курьезной надписи? Кому мы обязаны окончательной ея редакціей? Кто рѣшился говорить отъ лица «великой, недѣлимой Россіи» и отводить ея признательности мѣсто на пьедесталѣ памятника Богдану Хмельницкому?—Мы не знаемъ. Если вѣрить свидѣтельству г. Микѣшина, то эта надпись была придумана членами Кіевской думы, которые будто бы особенно хлопотали о ея измышленіи. Но, кто бы ни придумалъ эту странную надпись, кому бы ни принадлежала честь ея изобрѣтенія и помѣщенія на памятникѣ Хмельницкаго, она всегда будетъ свидѣтельствовать только о глубокомъ невнаніи русской исторіи со стороны тѣхъ, кто эту надпись измыслилъ и со стороны тѣхъ, кто ее допустилъ. «Великая недѣлимая Россія», положительно, ничѣмъ не обязана Богдану Хмельниц-

• истор. вѣсти., снтябрь, 1838 г., т. XXIII.

кому, и потому не может воздвигать ему памятниковъ. Можно сказать даже болѣе: Богданъ Хмельницкій обязанъ великой Россіи своимъ спасеніемъ, потому что не могъ справиться съ движеніемъ, которое было имъ вызвано въ козацествѣ; и если бы царь Алексѣй Михайловичъ не внялъ мольбамъ его и всего малороссійскаго народа и не принялъ бы Малороссію подъ свою «высокую руку» — Богданъ не сносилъ бы головы! Онъ самъ ясно видѣлъ и понималъ, что долженъ будетъ пасть жертвою того сильнѣйшаго революціоннаго движенія, которымъ пользовался, какъ орудіемъ противъ Польши; самъ не дерзалъ поощрять дальнѣйшее развитіе этого движенія, и даже вынужденъ былъ противъ него бороться, принимая мѣры къ его усмиренію. А между тѣмъ, раздражаемыя, разжигаемыя Богданомъ Хмельницкимъ народныя страсти не могли умиротвориться результатами, достигнутыми путемъ трактатовъ и соглашеній съ Польшею... Борьба козачества съ Польшею достигла уже такого апогея взаимной ненависти, такъ усложнилась всякими вопросами социальными и религіозными, приобрѣла такой ужасный, неумолимый «характеръ борьбы за существованіе во что бы то ни стало», — что, въ дальнѣйшемъ развитіи, эта борьба должна была бы окончиться несомнѣнною и полною гибелью козачества, которому не подъ силу было тягаться съ Польшею и ея союзниками. Умиротворить Малороссію могла только «великая Россія», достаточно сильная для того, чтобы бороться съ Польшею безъ всякой посторонней помощи, а главное — безъ возбужденія тѣхъ опасныхъ инстинктовъ народной массы, которыми долгое время успѣшно пользовался Хмельницкій. Великая Россія приняла на себя борьбу съ Польшею, — борьбу долгую и трудную — отвлекла главныя силы Польши отъ Малороссіи, избавила козачество отъ позорной необходимости союза съ татарами, ввела миръ и порядокъ въ управление разворванной страной, и доставила возможность Богдану Хмельницкому умереть въ почетѣ и богатствѣ, умереть въ постели, а не на плахѣ... За все это «великая Россія» воздвигла памятникъ Хмельницкому!

Но логика лапидарнаго вдохновенія на этомъ не остановилась: — оно къ одному крупному абсурду прибавило другой, вѣроятно для того, чтобы первый былъ еще болѣе очевиденъ и освященъ. Авторы надписи, выступившіе отъ лица «великой Россіи», рѣшились еще добавить «великая и недѣлимая Россія», т. е. — другими словами: «великая Россія, обязанная своею недѣлимостью» Богдану Хмельницкому, воздвигла ему памятникъ въ честь оказанной имъ незабвенной услуги. Если бы не это имѣлось въ виду, то, конечно, не было бы ни малѣйшей надобности прибавлять лишнее прилагательное къ существительному «Россія»! Если же это прилагательное было поставлено именно съ тою цѣлью, которую мы указываемъ (а другой цѣли и быть не могло!), то наивные измыслители пресловутой надписи на памятникѣ Хмельницкому въ одномъ

этомъ прилагательномъ дали новое и блистательное доказательство своего глубочайшаго историческаго незнанія, или, лучше сказать,— своего полного пренебреженія къ знанію русской исторіи.

«Недѣлимая» Россія была бы еще обявана поставить памятникъ Богдану Хмельницкому, если бы онъ (хотя и по нуждѣ примкнувъ къ Московскому государству) служилъ вѣрою и правдою царю Алексѣю Михайловичу, заботился о закрѣпленіи тѣсной связи между Малороссіей и «великой Россіей» и также честно и правдиво отстаивалъ, съ оружіемъ въ рукахъ, «недѣлимую» Россію отъ ея враговъ, какъ царь Алексѣй Михайловичъ отстаивалъ Малороссію отъ Польши. Но что же мы видимъ? Въ теченіе трехъ съ половиною лѣтъ, протекшихъ отъ Переяславской рады, до смерти Хмельницкаго (27 іюля 1657 года), знаменитый гетманъ малороссійскій заботится исключительно о своихъ личныхъ выгодахъ и всѣми мѣрами охраняетъ отдѣльность Малороссіи отъ Московскаго государства и въ церковномъ, и въ административномъ, и въ военномъ отношеніи. Этого мало: Богданъ Хмельницкій «не помогаетъ, а мѣшаетъ» дѣйствіямъ московскаго войска въ войнѣ, начатой царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ за освобожденіе Малороссіи отъ польскаго владычества; а въ то время, когда война съ Польшею осложняется для Московскаго государства войною шведскою, Богданъ дѣйствуетъ уже прямо какъ измѣнникъ, какъ нарушитель данной имъ присяги и тѣхъ условій, на основаніи которыхъ совершилось принятіе Малороссіи въ подданство Московскому государству. Богданъ не только открыто сносится, какъ самостоятельный и независимый владѣтель, съ государствами иноземными (Венгріей, Молдавіей и Валахіей), съ которыми онъ не могъ сноситься безъ вѣдома великаго государя, но даже и съ прямыми врагами «великой Россіи»—со шведами, даже и съ крымскимъ ханомъ, съ которыми онъ не имѣлъ право входить, помимо Москвы, ни въ какія сношенія.

Но, можетъ быть, дѣйствія московскаго государя и его воеводъ давали поводъ Хмельницкому къ такому мелочному предательству и къ прямымъ нарушеніямъ обязанностей вѣрноподданнаго, подтвержденныхъ присягою? Нѣтъ; и царь, и воеводы, и бояре московскіе—выполняли съ буквальною точностью всѣ принятыя ими на себя обязательства и относились къ зазорнымъ и незаконнымъ дѣйствіямъ Хмельницкаго не только снисходительно, но даже и черзчуръ мягко. Да Хмельницкій вовсе и не выжидалъ важныхъ и серьезныхъ поводовъ для отпаденія отъ «великой Россіи» и для прямой измѣны Московскому государю... Достаточно было, чтобы до него дошла какая-нибудь польская сплетня¹⁾, совершенно нелѣпая, не-

¹⁾ Казаки, пріѣхавшіе изъ Вильны, доносили гетману: «Ляхи намъ сказывали, что царскіе послы постановили договоръ по Поляновскимъ статьямъ, и войску Запорожскому со всею Малороссією быть въ королевской сторонѣ по прежнему».

сообразная ни съ какой логикой, и гетманъ уже поднимался и кричалъ во всеуслышанье полковникамъ: «Надобно отступить отъ царской руки; а пойдемъ гдѣ Великій Владыко повелить быть, — не подъ христіанскимъ государемъ, такъ подъ бусурманомъ!» По счастью, гетманъ ничего не могъ сдѣлать безъ полковниковъ, а «полковники гетману отказывали впрямь, что они отъ государя не отступятъ и по всему свѣту измѣнниками слыть не хотятъ».

Чрезвычайно любопытно то, что Богданъ коварствовалъ и лукавилъ съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ и съ его посланными съ самаго перваго момента поступленія Малороссіи въ подданство «великой Россіи» — и до послѣдняго издыханія... Онъ, и по отношенію къ Московскому государю, оставался постоянно тѣмъ же хитрымъ и вѣроломнымъ Запорожскимъ гетманомъ, котораго такъ искусно и послѣдовательно вскормила и воспитала себѣ на гибель польско-іезуитская почва. Но на дѣлѣ выяснилось, что именно тѣ орудія интриги, коварства, обмановъ и вѣроломствъ, которыя такъ успѣшно примѣнилъ Хмельницкій въ своихъ отношеніяхъ къ Польшѣ — оказывались совершенно непригодными при сношеніяхъ съ Москвою, потому что Москва дѣйствовала съ полнымъ сознаніемъ своего значенія, своего могущества, и своего достоинства, и не признавала никакихъ уступокъ и отступленій отъ единожды принятаго обычая и установленнаго обряда.

Коварства гетмана начались съ перваго же дня его вступленія въ подданство «великой Россіи». Тотчасъ послѣ того, какъ народъ на Переяславской радѣ провозгласилъ знаменитое: «волимъ подъ царя восточнаго, православнаго!» — гетманъ побѣхалъ съ бояриномъ Василюмъ Васильевичемъ Бутурлинымъ въ соборную церковь. Тамъ онъ долженъ былъ присягнуть на вѣрность и подданство царю Алексѣю Михайловичу передъ архимандритомъ, священниками и дьяконами, пріѣхавшими изъ Москвы. Присягу приходилось произносить по чиновной книгѣ, присланной изъ Москвы. Гетманъ тотчасъ же слукавилъ и попытался уклониться отъ присяги: онъ потребовалъ, чтобы бояринъ Бутурлинъ «присягнулъ за государя, что ему казакъ польскому королю не выдавать, за нихъ стоять и вольностей не нарушать». Бутурлинъ, какъ настоящій московскій бояринъ и вѣрный царскій слуга, отвѣчалъ: «Въ Московскомъ государствѣ того, чтобы за великаго государя присягать, никогда не бывало и впередъ не будетъ; тебѣ, гетману, и говорить объ этомъ непристойно, потому что всякій подданный повиненъ присягнуть своему государю». Гетманъ отозвался тѣмъ, что долженъ посоветоваться съ полковниками и вышелъ изъ собора; а бояринъ съ московскимъ духовенствомъ долго дожидались его въ церкви. Гетманъ попыталъ подослать къ боярину двухъ полковниковъ съ подговорами и тѣ дерзнули замѣтить, что «Польскіе короли подданнымъ своимъ всегда присягаютъ». Но Бутурлинъ на это прямо отрѣзалъ: «Польскіе короли поддан-

нымъ своимъ присягаютъ, но этого въ образецъ ставить непристойно, потому что это короли не вѣрные и не самодержцы— на чемъ и присягаютъ, на томъ никогда въ правдѣ своей не стоять». Такъ полковники ничего и не могли сдѣлать, и гетманъ, послѣ разныхъ колебаній и увертокъ, вынужденъ былъ присягнуть государю за себя и за все войско Запорожское, при чемъ Бутурлинъ ему и полковникамъ напомнилъ, что «великій государь изволилъ ихъ принять подъ свою высокую руку по ихъ челобитью и имъ его государскую милость надобно помнить, великому государю служить и радѣть и всякаго добра хотѣть».

Послѣ такого начала, продолженіе отношеній Хмельницкаго къ Москвѣ, какъ мы уже замѣтили выше, было еще хуже:—это былъ рядъ неблагоприятныхъ поступковъ, рядъ нарушеній присяги и обязанностей подданнаго, рядъ дѣйствій, которыми гетманъ и другимъ подавалъ примѣръ къ своеволю и неисполненію прямыхъ обязанностей по отношенію къ Московскому государю ¹⁾.

Этотъ способъ дѣйствій нисколько не мѣшалъ однакоже Богдану Хмельницкому писать великому государю медорѣчивыя заявленія о своей преданности къ престолу и безпрестанно напоминать о своихъ заслугахъ. Но провести Москву на этихъ лъстивыхъ писаніяхъ не удавалось. Въ Москвѣ, лучше, чѣмъ въ Варшавѣ, умѣли отличать правду отъ лжи, и гораздо болѣе вѣрили дѣламъ, нежели словамъ. Въ отвѣтъ на сладкія рѣчи, царь напоминалъ Богдану о неисполненіи имъ прямыхъ обязанностей. Прослышавъ о томъ, что Богданъ сдалъ, за старостью и болѣзнью, гетманство сыну своему, Юрію—царь Алексѣй Михайловичъ писалъ старому гетману: «Вамъ бы, гетману, сыну своему Юрію приказать, чтобы онъ намъ, великому государю, служилъ вѣрою и правдою; а мы, увидя его вѣрную службу и въ цѣлости сохраненную присягу, стали бы держать его въ милостивомъ жалованьи».

Для того, чтобы дать полное и вѣрное понятіе о значеніи Богдана Хмельницкаго для «великой и недѣлимой Россіи», мы не станемъ входить въ разборъ длиннаго ряда отношеній его къ Московскому государю (для этого пришлось бы изложить весь ходъ войны Россіи съ Польшою и Швеціею); мы обратимъ вниманіе только на тѣ переговоры, которые Богданъ Хмельницкій велъ съ московскими боярами въ послѣдніе дни жизни. Эти переговоры превосходно характеризуютъ и ту, и другую сторону, и слишкомъ хорошо выясняютъ все, что сдѣлано было Богданомъ на пользу «недѣлимости» Россіи.

¹⁾ Такъ напр. онъ прямо зацѣпалъ Кіевского митрополита, когда тотъ самовольно не допускалъ постройки крѣпости въ Кіевѣ, государевымъ служилымъ людямъ не давалъ никакого пристанища, и даже открыто отказывался отъ принесенной имъ присяги на вѣрность государю.

Въ апрѣлѣ 1657 года къ Хмельницкому былъ отправленъ изъ Москвы окольникій Ѳеодоръ Васильевичъ Бутурлинъ для разбора жалобъ, приходившихъ изъ Малороссіи «на гетманово злодѣйство и неправду», а также и для уясненій самовольныхъ сношеній гетмана съ сосѣдними государствами, и многихъ другихъ его дѣйствій, на которыя великій государь рѣшился, наконецъ, обратить серьезное вниманіе.

Богданъ не на шутку опасался этого посольства и очень хорошо понималъ, что онъ не можетъ дать никакого правильнаго объясненія на запросы Бутурлина. Поэтому, онъ употребилъ всевозможныя уловки и хитрости, чтобы, по возможности, оттянуть время свиданія съ посланнымъ Московскаго государя. Сначала онъ отказалъ за болѣзнью принять Бутурлина, потомъ, даже и принявъ его у себя, за болѣзнью же отказался слушать «рѣчи посольскія о великихъ государскихъ дѣлахъ», и просилъ ихъ отложить до другаго рава. Между тѣмъ, по его порученію, хитрая лиса, войсковою писарь Иванъ Выговскій, пытался отвести глаза Бутурлину льстивыми и совершенно-безсмысленными рѣчами. Страшными клятвами убѣждая Бутурлина въ томъ, что «Хмельницкій и все войско Запорожское великому государю во всемъ истинные слуги и подданные безо всякой шатости», Выговскій въ то же время чрезвычайно курьезно объяснялъ, что «съ Шведскимъ королемъ, съ Рагоци (венгерскимъ владѣтельнымъ княземъ), съ Молдаванами и Волохами гетманъ соединился не для чего иного, только на славу, честь и хвалу великому государю».

Но, конечно, москвича мудрено было провести этими дѣтскими побрякушками. Бутурлинъ въ отвѣтъ на льстивыя и занскивающія рѣчи пана писаря, отвѣчалъ просто и прямо: «намъ въ великое подивленіе, какими мѣрами то чинится, что у гетмана и войска Запорожскаго съ непріятелемъ царскаго величества, Шведскимъ королемъ, ссылка и соединеніе, и всякое добротство отъ великаго государя переносится на Шведскаго короля да на Рагоци Венгерскаго, и войско Запорожское, всякое вспоможеніе чинить непріятелямъ царскаго величества безъ воли и повелѣнія великаго государя. Дѣлаете вы это, забывъ страхъ Божій и свое обѣщаніе, данное предъ св. Евангеліемъ. Блюдитесь, чтобы вамъ за такія неправды не навести на себя гнѣвъ Божій!»

Тѣ же самыя рѣчи, немного складнѣе высказанныя и приправленныя цвѣтами краснорѣчія, Бутурлинъ услышалъ и отъ самого гетмана, который добавилъ къ нелѣпымъ доводамъ войскового писаря, только еще одно очень неудачное объясненіе; оправдывая свой совершенно незаконный союзъ съ Швеціей, Молдавіей и Валахіей, Богданъ говорилъ: «еслибъ я не соединился со Шведами, Венграми, Молдаванами и Волохами, то соединились бы съ ними Поляки». (!?)

Отвѣтъ Бутурлина на эти іезуитскіе парадоксы звучалъ негодованіемъ и съ начала до конца былъ проникнутъ такою суровою правдою, противъ которой не сильна была никакая іезуитская казуистика. Приводимъ его здѣсь почти дословно:

«Гетмань!» сказалъ Бутурлинъ, — «стыдно тебѣ говорить такія непристойныя слова. Надобно бы тебѣ помнить Бога и присягу свою; надобно было тебѣ помнить царскаго величества милость и отъ непріятелей оборону... Когда побѣдою царскаго величества поляки учинились безсильны, то на развореніе и на грабежъ много у васъ друзей стало; а какъ непріятели ваши, польскіе и литовскіе люди, вамъ были страшны и сильны, то освободиться отъ нихъ никто вамъ не помогъ, только одинъ великій государь... Тебѣ самому памятно, какъ приходилъ я со многими ратными людьми тебѣ на помощь противъ поляковъ и крымскихъ татаръ: въ то время ты былъ очень нивокъ, а къ намъ держалъ любовь большую. Носи платье разноцвѣтное, а слово держи одинаковое». Навиданіе этой рѣчи была такъ неотразимо, что гетманъ ужъ ничего не могъ противъ нея высказать и только сталъ увѣрять; что «онъ вѣрный подданный царскаго величества и никогда отъ его высокой руки не отлучится» и т. д. Затѣмъ, ссылаясь на свою болѣзнь, просилъ дать ему время на отвѣты по государевымъ запросамъ.

Это говорилось 9-го іюня, а 18-го явилось налицо живое доказательство вѣрнопоподданнической преданности Богдана: пріѣхали къ нему шведскіе и венгерскіе послы. На строгій вопросъ Бутурлина: «зачѣмъ пріѣхали послы?» Богданъ опять сталъ льстить и лукавить и прибѣгать къ дѣтскимъ уловкамъ. Убѣждая Бутурлина всякими клятвами въ томъ, что «ни онъ, никто изъ живущихъ въ Малой Россіи, отъ высокой руки царскаго величества не отступень», старый гетманъ далъ еще новое, третье (за одну недѣлю!) объясненіе поводовъ къ заключенію союза съ Швеціей и Венгріей. «Что мы прибрали къ себѣ въ товарищество Шведа и Рагоци, не обославшись съ великимъ государемъ, — сказалъ гетманъ, — то это сдѣлали мы изъ страха, потому что Ляхи задаютъ фантазія великія, и подъ клятвою утверждаютъ, что царское величество насъ отдало имъ».

Бутурлинъ даже ничего не отвѣтилъ на этотъ сумбуръ противурѣчивыхъ оправданій и перешелъ къ требованію объясненій другимъ предосудительнымъ поступкамъ гетмана, а также и къ требованію отвѣтовъ на царскіе запросы по поводу избранія на гетманство Юрія Хмельницкаго и постройки крѣпости въ Кіевѣ. И на всѣ эти запросы и требованія объясненій, гетманъ опять лукавилъ, хитрилъ, отказывался отвѣчать, просилъ отложить рѣшеніе дѣла, ссылаясь на болѣзнь, слабость, старость и такъ далѣе. А писарь Выговскій и есаулъ Ковалевскій «по гетманскому приказу» (какъ они въ томъ сами сознались Бутурлину) кричали и говорили такія «шумныя» и «развратныя» рѣчи, что Бутурлинъ

былъ вынужденъ нѣсколько разъ ихъ останавливать, при чемъ онъ говорилъ имъ:

«Вамъ, писарю и есаулу, приставать къ гетмановымъ словамъ непригоже и говорить шумно не годится: это обычай негодныхъ людей. Какъ вы Бога не боитесь и стыда не имѣете: это ли братская любовь?»¹⁾

Эти переговоры происходили ровно за полтора мѣсяца до смерти Богдана Хмельницкаго, который съумѣлъ-таки добиться того, что сынъ его, Юрій, не присягнувъ царю при жизни отца. Сѣмяна, посѣянные Богданомъ Хмельницкимъ, оказались, къ сожалѣнію, всхожими. Результаты его лукавой политики сказались въ двухъ душахъ его сына и во всей послѣдующей горестной исторіи Малороссіи, отъ смерти Богдана до измѣны Мазепы. Замѣтимъ вкратчѣ, что и въ послѣднемъ случаѣ, Малороссія была спасена отъ конечной гибели только здравымъ смысломъ малороссійскаго народа и спокойною, твердою политикою Московскихъ государей. Но всѣ эти соображенія были, очевидно, чужды тѣмъ, кто рѣшился на памятникъ Хмельницкаго воздавать честь и хвалу его памяти, отъ имени «великой, и недѣлимой Россіи»!

Въ заключеніе всего сказаннаго нами, добавимъ только, что еще ни одинъ изъ русскихъ народныхъ героевъ — даже такихъ, какъ Мининъ и Пожарскій — не былъ удостоенъ на своемъ памятникѣ надписью въ родѣ той, какую мы читаемъ на памятникѣ Богдана Хмельницкаго. А, между тѣмъ, подобная надпись, по нашему глубокому убѣжденію, могла бы явиться только на памятникѣ царя Алексѣя Михайловича, который одинъ на своихъ плечахъ вынесъ всѣ тягости воссоединенія Малороссіи съ великой Россіей, принявъ ее въ подданство. На памятникѣ царю Алексѣю Михайловичу, въ барельефахъ пьедестала, Богданъ Хмельницкій могъ бы занять подобающее ему мѣсто. Мы думаемъ, что только царю Алексѣю великая Россія и обязана своею недѣлимостью — и никому болѣе.

П. Полевой.

¹⁾ Такіе укоры со стороны русскаго посла, ясно указывающіе на спокойствіе и достоинство его поведенія и образа дѣйствій, не мѣшаютъ покойному П. И. Костомарову говорить неоднократно въ своей книгѣ «Богданъ Хмельницкій» о какой-то «грубости» московскихъ пословъ и бояръ въ сношеніяхъ съ Хмельницкимъ и казацкою старшиной. Еще курьезнѣе его отзывъ о послѣднихъ переговорахъ гетмана съ Москвою (на стр. 269 т. III той же книги):

«Въ этомъ объясненіи Москвичей съ украинскимъ гетманомъ высказалось наглядно (?) различіе Юга и Сѣвера Руси. Раздѣленные въ теченіе многихъ вѣковъ половиною русскаго міра не могли, при одинаковыхъ дѣлахъ и стремленіяхъ, скоро сойтись и понять другъ друга. А главное, Москва не могла понять, что можно быть истинно русскимъ и вмѣстѣ свободнымъ человѣкомъ, вѣрнымъ подданнымъ государя — и говорить правду (!)». Къ сожалѣнію, почтенный историкъ, очень напоминающій намъ въ этихъ рассужденіяхъ Богдана Хмельницкаго, не объяснилъ намъ: — что онъ разумѣетъ подъ правдой, не объяснилъ и того, какъ можно оставаться вѣрноподаннымъ, и нарушать присягу.

ПАВЕЛЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ КАТЕНИНЪ.

(Биографическій и историко-литературный очеркъ).

РЕДИ НАШИХЪ писателей первой половины нынѣшняго столѣтія есть не мало лицъ, почти забытыхъ исторіей литературы, но въ свое время имѣвшихъ несомнѣнное, и иногда не малое, значеніе; ихъ извѣстность и при жизни ихъ меркла, конечно, передъ славой литературныхъ корифеевъ въ родѣ Пупкина, но ихъ все-таки читали, о нихъ судили въ журналахъ, и произведенія ихъ не оставались безъ вліянія на публику. Изученіе дѣятельности этихъ писателей, рядомъ съ изученіемъ гениальныхъ вождей литературнаго движенія въ ту или другую эпоху, существенно необходимо для того, чтобы можно было болѣе или менѣе полно судить о данномъ времени въ отношеніи его литературнаго значенія. Къ числу такихъ личностей въ нашей литературѣ принадлежитъ и Павелъ Александровичъ Катенинъ.

Родился онъ 11-го декабря 1792 года въ родовой деревнѣ своего отца, въ Костромской губерніи; мать его была гречанка, дочь генерала Пурпуры. Первоначальное воспитаніе получилъ онъ въ домѣ своихъ родителей и очень рано началъ служить. До 18-тилѣтняго возраста онъ находился въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, а въ 1810 году поступилъ въ Преображенскій полкъ портупей-прапорщикомъ. Наступившая вскорѣ Отечественная война 1812 г. дала ему возможность отличиться въ нѣсколькихъ сраженіяхъ: при Бородинѣ, Люценѣ, Бауценѣ, Кульмѣ и Лейпцигѣ, что повело за собой быстрое повышеніе служебнаго положенія Катенина.

Съ раннихъ лѣтъ онъ почувствовалъ склонность къ поэзіи и началъ писать стихи, первые печатные опыты которыхъ относятся къ 1810 г. въ «Цвѣтникѣ» Венитцаго и Измайлова. Піесы его помѣщались въ тогдашнихъ журналахъ и альманахахъ и вначалѣ представляли, главнымъ образомъ, переводы и подражанія (изъ Виргилія, Оссіана, Гесснера) эпического и лирическаго характера. Но особенную любовь имѣлъ Катенинъ къ драмѣ и уже въ 1811 году былъ поставленъ на сценѣ его переводъ трагедіи Корнелія «Ариадна». Въ то время Катенинъ, живя въ Петербургѣ, вошелъ въ очень близкія сношенія со всѣми выдающимися петербургскими литераторами, между прочимъ съ Жуковскимъ, Грибоѣдовымъ и Пушкинымъ. Знакомство Катенина съ послѣднимъ относится къ 1818 г., когда, по словамъ Анненкова ¹⁾, гениальный поэтъ, уже тогда пользовавшійся значительной извѣстностію, пришелъ однажды прямо въ квартиру Катенина, съ которымъ до того времени не былъ знакомъ, и, подавая ему свою трость, сказалъ: «я пришелъ къ вамъ, какъ Діогенъ къ Антисфену: побей, но выучи!» «Ученаго учить—только портить», отвѣчалъ Катенинъ. Съ тѣхъ поръ дружескія связи ихъ не прерывались.

Работая для театра (въ 1816 г. вышелъ въ Петербургѣ его переводъ трагедіи Расина «Эсѳирь»), Катенинъ писалъ въ это время и въ нномъ родѣ—главнымъ образомъ баллады: «Наташа» (1814 г.), «Убийца» (1815 г.), «Лѣшій» (1816 г.) и сдѣлалъ переводъ Бюргеровой «Леноры» подъ названіемъ «Ольга». По поводу этого послѣдняго произведенія, напечатаннаго въ «Вѣстникѣ Европы» 1816 г. № 9 и въ «Сынѣ Отечества» того же года № 24, появилась въ «Сынѣ Отечества» 1816 г. № 27 статья «О вольномъ переводѣ Бюргеровой баллады «Ленора», принадлежавшая Гнѣдичу, который подписался подъ ней псевдонимомъ «Житель Тентелевой деревни». Въ этой статьѣ Гнѣдичъ осуждаетъ переводъ Катенина и противопоставляетъ ему гораздо лучшій, по его мнѣнію, переводъ этой баллады, сдѣланный Жуковскимъ; но въ № 30 этого же журнала за Катенина вступаетъ тогда еще мало извѣстный А. С. Грибоѣдовъ въ статьѣ «О разборѣ вольнаго перевода Бюргеровой баллады «Ленора» и весьма остроумно отражаетъ нападки Гнѣдича (упрекавшаго Катенина, главнымъ образомъ, въ нарушеніи правилъ грамматики и логики), выставляя на видъ, что въ переводѣ Катенина сохраненъ болѣе характеръ народности. Повдѣе, въ «Вѣстникѣ Европы» 1823 г. № 3 въ анонимной статьѣ «О стихотвореніяхъ г. Катенина» (продолженіе которой было обѣщано, но не появлялось) въ доказательство несправедливыхъ нападокъ современной критики на Катенина припоминается и эта полемика по поводу «Ольги»; въ этой статьѣ, между прочимъ, авторъ выска-

¹⁾ А. С. Пушкинъ. Матеріалы для его біографіи, стр. 50.

зываетъ такое сужденіе о Катенинѣ: «ни одинъ изъ современныхъ намъ стихотворцевъ не былъ такъ часто и такъ несправедливо критикованъ» (стр. 193); «уже въ первыхъ опытахъ (Катенина) видно было дарованіе, которое обѣщало современемъ хорошаго поэта. Языкъ оныхъ благороденъ, приличенъ описываемымъ предметамъ, приятенъ для слуха; но онъ не имѣлъ еще той силы, которая, какъ мы увидимъ впоследствии, составляетъ особенное достоинство стиховъ г. Катенина» (стр. 194). Poleмика по поводу «Ольги» интересна какъ эпизодъ изъ исторіи тогдашнихъ литературныхъ направленій и вкусовъ.

Стоявшій въ очень близкихъ отношеніяхъ къ тогдашнему театальному міру¹⁾, Катенинъ имѣлъ очень большое вліяніе на развитіе знаменитаго Вас. Андр. Каратыгина²⁾. Послѣдній повзникъ съ нимъ у князя Шаховскаго, собиравшаго у себя большое общество театраловъ и извѣстныхъ литераторовъ. Каратыгинъ учился у Шаховскаго декламации и подъ его руководствомъ готовился для сцены; но знакомство съ Катенинымъ, который вмѣстѣ съ Грибоѣдовымъ и нѣкоторыми другими яено понималъ и нерѣдко высказывался объ излишней рутинѣ въ преподавательскихъ приемахъ князя Шаховскаго, побудило его перейти подъ новое руководство. Съ этого времени (въ 1816—1817 г.) и до первыхъ твердыхъ шаговъ Каратыгина на сценѣ Катенинъ съ любовію посвящалъ немало труда и времени на усовершенствованіе таланта будущаго артиста.

Страстное участіе, которое принималъ Катенинъ въ театальныхъ дѣлахъ, доставило ему и весьма значительную непріятность:

¹⁾ Въ первый же годъ своего знакомства съ Пушкинымъ Катенинъ помирилъ послѣдняго съ княземъ А. А. Шаховскимъ, извѣстнымъ комикомъ; онъ самъ привезъ къ нему А. С—ча, и ласковый пріемъ, сдѣланный хозяиномъ, надолго установилъ между Пушкинымъ и княземъ Шаховскимъ дружескія отношенія (Анненковъ, Матеріалы, 60). Онъ же помирилъ Пушкина и съ артисткой А. М. Колосовой (впоследствии Каратыгиной), первые дебюты которой Пушкинъ, какъ поклонникъ К. С. Семеновой, игравшей въ тѣхъ же роляхъ, въ которыхъ выступила и Колосова, встрѣтилъ рѣзкой эпиграммой (см. соч. Пушкина, изд. Литер. Ф., I, 213), а черезъ два года, въ 1821 г., поэтъ уже писалъ Катенину граціозное посланіе: «Кто мнѣ пришлетъ ея портретъ, черты волшебницы прекрасной...» (Соч., I, 240—241), гдѣ извиняется въ своемъ несправедливомъ поступкѣ относительно Колосовой. 11 мая 1826 г. Катенинъ писалъ изъ Петербурга Пушкину: «меня просила Колосова непремѣнно въ первомъ къ тебѣ письмѣ сказать за нее пропасть хорошихъ вещей; только гдѣ я ихъ возьму? Положимъ, что онѣ сказаны, и твоя очередь отвѣчать...» (А. С. Пушкинъ, I, М. 1881 г., стр. 62—63). Въ письмѣ отъ 6 іюня того же года Катенинъ извѣщаетъ Пушкина, что поклонъ его А—рѣ М—нѣ переданъ (тамъ же, 63).

²⁾ Въ письмѣ къ Пушкину отъ 24 ноября 1825 г. Катенинъ говоритъ: «читалъ (въ театально-литературномъ комитетѣ трагедію «Андромаха», которую представилъ туда Катенинъ, желая, чтобы она была поставлена на сценѣ) мой ученикъ Каратыгинъ, какъ видно, весьма хорошо, ибо трагедія понравилась, и ее опредѣлили принять...» (А. С. Пушкинъ, I, 69).

7 ноября 1822 г. состоялось распоряженіе о высылкѣ его изъ Петербурга за шиканье въ театрѣ артисткѣ К. С. Семеновой, находившейся въ то время подъ покровительствомъ петербургскаго генераль-губернатора графа Милорадовича ¹⁾.

О послѣднихъ дняхъ этой печальной исторіи такъ рассказываетъ въ своихъ «Запискахъ» братъ артиста, Петръ Андр. Каратыгинъ, также артистъ и также пользовавшійся совѣтами и указаніями Катенина въ дѣлѣ сценическаго искусства:

«Въ одно «прекрасное утро» (и именно 7-го ноября) я пришелъ къ Катенину часовъ въ 11-ть и просилъ прослушать меня въ какой-то новой роли; онъ занялся со мною, — вдругъ входитъ слуга и докладываетъ, что пріѣхалъ полиціймейстеръ Чихачевъ. Катенинъ очень удивился.

— Это что за посѣщеніе? Что ему отъ меня надобно ²⁾?—сказалъ Катенинъ, велѣлъ его пригласить въ гостиную и вышелъ къ нему.

Я остался одинъ въ кабинетѣ и вскорѣ услышалъ оттуда довольно крупный разговоръ; хотя словъ я не могъ слышать, но по тону Катенина ясно было, что съ нимъ творится что-то недоброе. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вернулся въ кабинетъ съ воспаленнымъ лицомъ и въ сильномъ раздраженіи.

— Ну, поздравь меня, Петруша; меня высылаютъ изъ Петербурга!

— За что?

— Не знаю.

— Когда же?

— Сію минуту; мнѣ не дадутъ даже законныхъ 24-хъ часовъ; Чихачеву приказалъ графъ Милорадовичъ теперь же вывести меня за заставу: онъ тамъ ждетъ; я сейчасъ долженъ дать ему форменную подписку—не въѣзжать въ обѣ столицы.

Говоря это, онъ сѣлъ къ письменному столу.

— Прощай,—сказалъ онъ, поцѣловавъ меня,—кланяйся брату и всѣмъ своимъ».

¹⁾ Объ этомъ такъ говорить въ своихъ дневникѣ знакомый близко съ этой исторіей отецъ артиста, Андр. Вас. Каратыгинъ: «1822 г., сент. 18. Поликсена, трагедія В. А. Озерова (Агамемнонъ — Брянскій, Пирръ — В. Каратыгинъ, Гекуба—Семенова, Поликсена—Азаревичева). Приѣмъ Василія (Каратыгина) въ роли Пирра былъ чрезвычайный. Это породило зависть въ г-жѣ Семеновой, которая обратила свое мнѣніе на П. А. Катенина, будто бы онъ при вызовѣ ея кричалъ: не надо. Она сама неправильно поступила, выведя за собою на сцену свою ученицу Азаревичеву, которую хотя и вызывали, но очень слабо.., и г. Катенину запрещено было ѣздить въ театры. Ноября 7. Сего числа въ 11 час. утра П. А. Катенинъ высланъ изъ города, съ подпискою его руки, дабы не въѣзжать ни въ одну столицу». (См. статью «Русскій театръ въ царствованіе Александра I» въ «Русск. Старинѣ», т. XXIX, 1880 г., стр. 272—273).

²⁾ До того Катенину было объявлено только запрещеніе ѣздить въ театры.

Далѣ авторъ «Записокъ» передаетъ, что Катенинъ, тотчасъ же выѣхавши за заставу столицы, остановился на нѣкоторое время въ одномъ изъ трактировъ на Петергофской дорогѣ, чтобы устроить свои хозяйственныя дѣла съ квартирой, экипажами, лошадьми, бібліотекой и проч. Передъ отъѣздомъ въ этомъ трактирѣ («Красный Кабачокъ») былъ устроенъ прощальный обѣдъ, на которомъ присутствовали литературные, театральные и военные друзья Катенина. Отецъ артиста, Андрей Вас. Каратыгинъ, желая выразить Катенину свою признательность за занятія съ сыновьями, рѣшился сопровождать его въ деревню. По словамъ того же П. А. Каратыгина, всѣ, конечно, были изумлены такой строгостью наказанія: «впоследствии я слышалъ отъ нѣкоторыхъ моихъ знакомыхъ, что его подоврѣвали принадлежавшимъ какому-то тайному обществу, что многие были уже на замѣчаніи у правительства и что Александръ I, не желая дѣлать огласки и наказывать явно опасныхъ либераловъ, далъ секретное предписаніе петербургскому и московскому генералъ-губернаторамъ—слѣдить за ними и при случаѣ дозволять имъ, придравшись къ этимъ господамъ, высылать ихъ немедленно изъ столицы»¹⁾. Разумѣется, это соображеніе нуждается въ провѣркѣ, и едва ли оно имѣетъ мѣсто по отношенію къ Катенину, который до того пользовался благосклонностію императора, какъ хорошій служака и талантливый писатель.

Катенинъ уѣхалъ въ свою деревню Костромской губерніи, Кологривскаго уѣзда и прожилъ тамъ почти десять лѣтъ. Въ 1819 году былъ написанъ имъ драматическій отрывокъ «Пиръ Іоанна Безземельнаго». Въ 1821 году въ Петербургѣ вышла его передѣлка комедіи Грессѣ «Le méchant» подъ названіемъ «Сплетни»; въ 1822 году напечатанъ былъ его переводъ «Сиды» Корнеля, въ стихахъ. Въ деревнѣ Катенинъ продолжалъ заниматься переводами и сочиненіемъ оригинальныхъ пиесъ для театра; между первыми можно назвать «Обманъ въ пользу любви», комедія Маривѣ (Les fausses confidences), 1827 г.; между послѣдними—«Андромаха», трагедія въ 5 д., Спб. 1827 г. и другія, частію оставшіяся неизданными; въ это же время написано имъ немало и мелкихъ эпическихъ и лирическихъ стихотвореній. Но главнымъ занятіемъ Катенина въ деревнѣ было основательное изученіе иностранныхъ, древнихъ и новыхъ, классиковъ, чтѣ для Катенина, владѣвшаго нѣсколькими иностранными (и между ними однимъ древнимъ—латинскимъ) языками, не представляло трудности; плодомъ этихъ занятій явился рядъ статей, напечатанныхъ въ «Литературной Газетѣ» барона Дельвига 1830 г. подъ заглавіемъ «Размышленія и разборы».

Какова была для Катенина, привыкшаго къ шумной столичной жизни, деревенская обстановка, видно изъ письма его къ Пуш-

¹⁾ Записки Петра Андреевича Каратыгина. Спб. 1880 г., стр. 91—94.

кину (высланному въ то время съ юга въ село Михайловское отъ 9 мая 1825 г. изъ Кологрива: «сдѣлай одолженіе, извѣсти меня обо всемъ (т. е. о новой ссылке поэта); ты пересталъ ко мнѣ писать такъ давно; я самъ два года съ половиной живу такъ далеко отъ всего, что не знаю: ни гдѣ ты, ни что дѣлалъ, ни что съ тобой дѣлали; а коли ты мнѣ все это расскажешь, ты удовлетворишь желаніе истинно-пріятельское. Отъ меня не жди новостей: живу я въ лѣсу, въ дичи, въ глуши, въ одиночествѣ, въ скукѣ и стиховъ рѣшился не писать: *carmina nulla salam*»²⁾)... На это письмо Пушкинъ отвѣчалъ изъ Михайловскаго, отъ 14 сентября 1825 года: «ты не можешь себѣ вообразить, милый и почтенный Павелъ Александровичъ, какъ обрадовало меня твое письмо, знакъ неизмѣнлившейся твоей дружбы... Наша связь основана не на одинаковомъ образѣ мыслей, но на любви къ одинаковымъ занятіямъ. Ты огорчаешь меня увѣреніемъ, что оставилъ поэзію, общую нашу любовницу... Послушайся, милый, запрись да примись за романтическую трагедію въ 18-ти дѣйствіяхъ (какъ трагедіи Софьи Алексѣевны). Ты сдѣлаешь переворотъ въ нашей словесности и никто болѣе тебя того не достоинъ»³⁾)... Впрочемъ, и раньше Пушкинъ не забывалъ своего друга. Еще до высылки Катенина въ деревню Пушкинъ въ письмѣ къ брату Льву Сергѣевичу изъ Кишинева, отъ 27 іюня 1821 г., между прочимъ, спрашиваетъ: «что дѣлаетъ Катенинъ»⁴⁾. Въ посланіи къ Я. Н. Толстому изъ Кишинева отъ 26 сентября 1822 г. Пушкинъ спрашиваетъ и о Катенинѣ⁵⁾; въ письмѣ къ Н. И. Гнѣдичу отъ 27 сентября 1822 г. поэтъ пишетъ: «Катенинъ писалъ мнѣ; не знаю, получилъ ли мой отвѣтъ»⁶⁾...

31 декабря 1820 г. была представлена въ Петербургѣ упомянутая (тогда еще не напечатанная) передѣлка Катенина «Сплетки», гдѣ въ тирадахъ Зельскаго нѣкоторые находили намеки на Пушкина. Вскорѣ послѣ этого появилось посланіе Пушкина къ Чаадаеву, въ «Сынѣ Отечества» 1821 г. № 35, гдѣ въ стихѣ: «И сплетней разбирать игривую ватѣю» Катенинъ увидѣлъ неблагопріятный намекъ на свою комедію. Услыхавъ объ этомъ, Пушкинъ писалъ Катенину отъ 19 іюля 1822 г. изъ Кишинева: «ума не приложу, какъ ты могъ взять на свой счетъ стихъ: «И сплетней разбирать игривую ватѣю». Это простиительно всякому другому, а не тебѣ. Развѣ ты

¹⁾ Изъ своего изгнанія Пушкинъ спрашивалъ объ этой исторіи съ Катенинымъ въ письмѣ къ кн. П. А. Вяземскому изъ Кишинева, отъ 5-го апрѣля 1823 г.: «Правда ли, что говорить о Катенинѣ? Мнѣ никто ничего не пишетъ» (Соч., VII, 49).

²⁾ А. С. Пушкинъ, I, 53.

³⁾ Соч., VII, 153, 154.

⁴⁾ Тамъ же, 22.

⁵⁾ Тамъ же, 40.

⁶⁾ Тамъ же, 42.

не знаешь несчастныхъ сплетней, коихъ я былъ жертвою, и не твоей ли дружбѣ (по крайней мѣрѣ, такъ понималъ я тебя) обязанъ я первымъ извѣстіемъ объ нихъ? Я не читалъ твоей комедіи, никто объ ней мнѣ не писалъ; не знаю, задѣлъ ли меня Зельскій; можетъ быть—да, вѣроятно—нѣтъ...¹⁾ а черезъ два дня Пушкинъ писалъ объ этомъ и брату: «если увидишь Катенина, увѣрь его, ради Христа, что въ посланіи моемъ къ Чаадаеву нѣтъ ни одного слова объ немъ; вообрази, что онъ принялъ на себя стихъ: «И сплетней разбирать игривую ватію»; я получилъ отъ него полу-кислое письмо...²⁾».

Поневоля оторванный отъ столь привычной ему театральной и литературной среды въ Петербургѣ и перенесенный въ совершенно иную обстановку, Катенинъ, однако же, глубоко оскорбленный не справедливымъ поступкомъ съ нимъ, не добивался особенно своего возвращенія. Объ этомъ можно догадываться изъ слѣдующаго мѣста въ письмѣ къ нему его ученика В. А. Каратыгина, отъ 20 янв. 1825 г.: «Жаль, очень жаль, что Вася нѣтъ здѣсь; Вы бы полюбовались на дѣло рукъ Вашихъ³⁾; но это отъ Вася зависитъ, Павелъ Александровичъ. Примите совѣтъ всѣхъ, Вася истинно-любящихъ: если, какъ Вы писали и какъ я слышалъ отъ другихъ, Государь заѣзжалъ къ Вамъ нарочно и спрашивалъ ховяина, стало-быть онъ хотѣлъ посѣтить Вася, то, мнѣ кажется, Вашъ долгъ есть благодарить его за это и вмѣстѣ съ тѣмъ сказать слова два о Вашемъ возвращеніи; по всему видно, что онъ только этого ждетъ... Что для Вася значитъ написать десять строкъ? Неужели Вамъ не надоѣло жить съ медвѣдями? А иначе это не можетъ кончиться; неужели я съ Вами не увижусь болѣе? Это горько! Но, впрочемъ, Вы лучше знаете, что Вамъ должно дѣлать; я писалъ это, слѣдуя единственно сердцу»⁴⁾.

Въ 1832 г. Катенинъ снова переѣзжаетъ на постоянное жительство въ Петербургъ; въ этомъ году его пріятель Н. Бахтинъ издалъ въ 2-хъ частяхъ «Сочиненія Катенина, писанныя въ стихахъ»; въ концѣ второй части къ нимъ было присоединено, по желанію П. А.—ча, нѣсколько стихотвореній его друга кн. Николая Голицына. Въ это изданіе вошло не все, написанное Катенинымъ—даже изъ мелкихъ его вещей, не говоря о крупныхъ, вышедшихъ ранѣе отдѣльно; первая часть посвящена оригинальнымъ произведеніямъ, вторая переводамъ. Издатель предпослалъ первой части предисловіе, въ которомъ говоритъ о несправедливости русской критики къ

¹⁾ Соч., VII, 85.

²⁾ Тамъ же, 86.

³⁾ Т. е. на успѣхъ, который незадолго до этого имѣлъ Каратыгинъ въ «Семирамидѣ».

⁴⁾ «Русск. Старина», т. XXIX, 286—287.

поэтической дѣятельности Катенина и опредѣляетъ главные черты Катенина, какъ писателя. Изданіе было привѣтствовано въ «Литер. Прибавл. къ Русскому Инвалиду» 1833 г. № 26 весьма сочувственнымъ отзывомъ Пушкина, въ которомъ, между прочимъ, читаемъ: «что касается до несправедливой холодности, оказываемой публикой сочиненіямъ г. Катенина, то во всѣхъ отношеніяхъ она дѣлаетъ ему честь: во-первыхъ, она доказываетъ отвращеніе поэта отъ мелочныхъ способовъ добывать успѣхи, а, во-вторыхъ, и его самостоятельность. Никогда не старался онъ угождать господствующему вкусу въ публикѣ, напротивъ: шелъ всегда своимъ путемъ, творя для самого себя, что и какъ ему было угодно...»¹⁾ Въ слѣдующемъ 1833 г., 7 января, Катенинъ избранъ былъ, вмѣстѣ съ Пушкинымъ, въ дѣйствительные члены Россійской Академіи²⁾, и, вѣроятно, къ этому времени относится записка Катенина къ Пушкину, не отгѣченная годомъ, а только числомъ (8 февраля, — д. б. 1833 г.), въ которой онъ говоритъ: «какъ думаешь, любезнѣйшій Александръ Сергѣевичъ: не лучше ли вмѣсто отчета о полѣтѣ Академіи, который былъ бы приличнѣе старому служивому, написать мнѣ къ великому дню 21 октября «Обзоръ русской словесности въ осьмнадцатомъ столѣтіи»? Онъ можетъ, кажется, выйти и для пишущаго и для служащихъ пріятнѣе. Хотѣлось бы посоветоваться съ тобой насчетъ источниковъ, пособій и проч.»³⁾ Намъ не извѣстно, исполнилъ ли Катенинъ это свое намѣреніе. На первыхъ же порахъ по вступленіи въ Академію Катенинъ не поладилъ съ нѣкоторыми изъ членовъ, что видно изъ письма его отъ 1 мая 1833 г. къ секретарю Академіи П. И. Соколову; дѣло въ томъ, что на засѣданіи 29 апрѣля 1833 г. при обсужденіи нѣкоторыхъ вопросовъ, касавшихся академическаго Словаря, Соколовъ сдѣлалъ замѣчаніе Катенину, будто онъ чрезмѣрно кричитъ въ засѣданіи; это замѣчаніе было поддержано другимъ членомъ (прот. Мысловскимъ), который, впрочемъ вида, что такое настроеніе къ Катенину не раздѣляется собраніемъ, съ гнѣвомъ оставилъ засѣданіе. Въ письмѣ къ Соколову Катенинъ выражаетъ желаніе и надежду, что такой случай болѣе не повторится⁴⁾.

Не долго однако пришлося Катенину оставаться въ Петербургѣ: въ мартѣ 1834 г. онъ отправляется на Кавказъ, назначенный туда въ Эриванскій карабинерный полкъ, о чемъ извѣщаетъ Пушкина запиской отъ 10 марта 1834 г.: «одожди меня своимъ посѣщеніемъ

¹⁾ Соч., V, 192.

²⁾ См. некрологъ Катенина, составленный П. А. Плетневымъ въ «Отчетахъ Импер. Акад. Наукъ по Отдѣлу русск. языка и словесности» за 1852—1865 гг., стр. 59—62.

³⁾ А. С. Пушкинъ, I, 65.

⁴⁾ М. И. Оужомлинговъ, «Исторія Россійской Академіи», выи. VII, 1885, стр. 89—91, 495.

въ понедѣльникъ вечеромъ; во вторникъ по утру я отправляюсь въ далекій путь въ Грузію...»¹⁾ На Кавказѣ онъ не покидалъ занятій поэзіей и живо интересовался ходомъ современной литературы, о чемъ свидѣлствуютъ нѣсколько писемъ его къ Пушкину изъ Ставрополя²⁾. Въ 1836 г. Катенинъ назначенъ былъ комендантомъ крѣпости Кизляръ, а черезъ два года онъ, въ чинѣ генераль-маіора, вышелъ въ отставку и переѣхалъ въ свою деревню, гдѣ и провелъ остатокъ своей жизни, предаваясь занятію литературой въ своей прекрасно-составленной библіотекѣ. Онъ умеръ 23 мая 1853 г.

Дружба къ Катенину Пушкина составляетъ, конечно, одну изъ свѣтлыхъ чертъ жизни и поэтической дѣятельности перваго. Доказательства этой дружбы мы видѣли выше; вотъ еще нѣсколько данныхъ для этого, разсѣянныхъ въ разныхъ мѣстахъ сочиненій великаго поэта. 4 декабря 1825 г. Пушкинъ пишетъ Катенину изъ Михайловскаго: «какъ бы хорошо было, если бы нынѣшней зимой я былъ свидѣтелемъ и участникомъ твоего торжества³⁾. Участникомъ—ибо твой успѣхъ не можетъ быть для меня чуждымъ; но вспомнить ли обо мнѣ, Богъ вѣсть... Прощай, милый и почтенный. Вспомни меня во время перваго представленія «Андромахи»⁴⁾. Въ письмѣ отъ 3 февраля 1826 г. Катенинъ спрашиваетъ Пушкина: «къ какому К—ну ты пишешь нѣчто о Колосовой⁵⁾? Многіе думаютъ, что ко мнѣ; но я въ первый разъ прочелъ эти стихи въ печатной книгѣ. Ты часто изволишь ставить начальныя буквы таинственно»⁶⁾. Пушкинъ на это вскорѣ (въ февралѣ же) отвѣчалъ: «стихи о Колосовой были написаны въ письмѣ, которое до тебя не дошло. Я не выставилъ полнаго твоего имени, потому что съ Катенинымъ говорить стихами только о ссорѣ моей съ актрисою показалось бы немного страннымъ...» и далѣе въ томъ же письмѣ читаемъ: «душа проситъ твоихъ стиховъ; но знаешь ли что? Въ-мѣсто альманаха не затѣять ли намъ журнала въ родѣ Edinburgh Review? Голосъ истинной критики необходимъ у насъ; кому же, какъ не тебѣ, забрать въ руки общее мнѣніе и дать нашей словесности новое, истинное направленіе? Покамѣстъ кромѣ тебя нѣтъ у насъ критика. Многіе (въ томъ числѣ и я) много тебѣ обязаны; ты отучилъ меня отъ односторонности въ литературныхъ мнѣніяхъ, а односторонность есть пагуба мысли. Если бы согласился ты сло-

¹⁾ А. С. Пушкинъ, I, 66.

²⁾ Тамъ же, 66—73.

³⁾ Въ это время предстояло первое представленіе «Андромахи», трагедіи Катенина, которая уже, какъ мы видѣли выше, была сдана въ театр и получила одобреніе комитета.

⁴⁾ Соч., VII, 167.

⁵⁾ Вышеупомянутое посланіе: «Кто мнѣ пришлетъ ея портретъ...»

⁶⁾ А. С. Пушкинъ, I, 60.

«истор. вѣстн.», смитинъ, 1838 г., т. XXXI.

жить разговоры твои на бумагу, то великую пользу принесъ бы ты русской словесности...» ¹⁾. Въ томъ же 1826 г., въ началѣ іюня, Пушкинъ писалъ къ кн. П. А. Вяземскому: «жаль мнѣ, что съ Катенинымъ ты никакъ не ладишь, а для журнала онъ—находка» ²⁾. О критическомъ пониманіи Катенина Пушкинъ такъ выразился въ письмѣ къ П. А. Плетневу отъ 7 января 1831 г., послѣ выхода своего «Бориса Годунова»: «любопытно будетъ видѣть отзывы нашихъ Шлегелей, изъ коихъ одинъ Катенинъ знаетъ свое дѣло...» ³⁾. Въ предисловіи къ отдѣльному изданію послѣдней главы Онѣгина Пушкинъ, по поводу пропущенной главы этого романа, въ которой описывалось путешествіе Онѣгина, говоритъ: «П. А. Катенинъ (коему прекрасный поэтический талантъ не мѣшаетъ быть и тонкимъ критикомъ) замѣтилъ намъ, что сіе исключеніе, можетъ быть и выгодное для читателей, вредитъ однакоже плану цѣлаго сочиненія, ибо чрезъ то переходъ отъ Татьяны уѣздной барышни, къ Татьянѣ знатной дамѣ становится слишкомъ неожиданнымъ и необъясненнымъ—замѣчаніе, обличающее опытнаго художника» ⁴⁾.

Уважаая Катенина, какъ критика, Пушкинъ цѣнилъ его и какъ поэта; это видно столько же изъ послѣдней приведенной замѣтки, сколько и изъ другихъ мѣстъ его сочиненій. Въ первой главѣ «Евгенія Онѣгина» Пушкинъ говорилъ, перебирая русскихъ поэтовъ:

«... Пашъ Катенинъ воскресилъ
Корнеля гоній величавый» ⁵⁾.

«Андромаху» его Пушкинъ склоненъ былъ считать «лучшимъ произведеніемъ нашей драмы, по силѣ истинныхъ чувствъ, по духу истинно трагическому» ⁶⁾ и, набрасывая планъ своего сочиненія «о драмѣ» (1830), не забылъ въ немъ Катенина ⁷⁾. Въ 1828 г. Катенинъ написалъ, съ посвященіемъ Пушкину, стихотвореніе «Старая былъ», въ которомъ рассказываетъ, что князь Владиміръ на пиру у себя, гдѣ состязались два пѣвца, грекъ и русскій, подарилъ первому коня и латы, а второму—кубокъ, данный Свято-

¹⁾ Соч., VII, 176.

²⁾ Тамъ же, VII, 181.

³⁾ Тамъ же, VII, 256.

⁴⁾ Соч., III, 406. А вотъ отзывъ Катенина о второй пѣснѣ Онѣгина въ письмѣ къ Пушкину: «Деревенскій бытъ въ ней такъ же хорошо выведенъ, какъ городской въ первой. Ленскій нарисованъ хорошо, а Татьяна много общается. Замѣчу тебѣ однако (ибо ты меня посвятилъ въ критика), что по сіе время дѣйствіе еще не началось; разнообразность картинъ и прелесть стихотворенія, при первомъ чтеніи скрадываютъ этотъ недостатокъ; но размышленіе обнаруживаетъ его; впрочемъ, его уже теперь исправить нельзя, а остается тебѣ другое дѣло: вознаградить за него вполнѣ въ слѣдующихъ пѣсняхъ» (А. С. Пушкинъ, I, 61, отъ 14 марта 1826 г.).

⁵⁾ Соч., III, 241.

⁶⁾ Тамъ же, V, 144.

⁷⁾ Тамъ же, V, 141.

славу Цимисхиёмъ ¹⁾. Пушкинъ отослалъ это стихотвореніе въ «Сѣверные Цвѣты». Затѣмъ, въ томъ же году Катенинъ написалъ посланіе къ Пушкину, въ которомъ говоритъ, что завѣтный кубокъ не пропалъ:

• Изъ рукъ онъ въ руки попался
• И даже часто не впадеъ:
• Гулялъ, бродилъ по бѣлу свѣту,
• Но къ настоящему поуту
• Пришелъ однако на житье.
• Ты съ нимъ, счастливецъ, проживаешь;
• Въ него ты черезъ край вливаашъ
• Свое волшебное питье,
• Въ которомъ Ваха лозъ огнистыхъ
• Румяный, сочный, вкусный плодъ
• Растворенъ свѣжестію чистыхъ,
• Живительныхъ кастальскихъ водъ ²⁾.

На это Пушкинъ отвѣтилъ Катенину посланіемъ, въ которомъ отказывается отъ подносимаго кубка, заканчивая посланіе такими стихами:

• Останься ты въ строяхъ Парпаса,
• Предъ дѣломъ кубокъ наливаай,
• И лавръ Корнея или Тасса
• Одинъ съ похмелья пожинай ³⁾.

Катенинъ не сочувствовалъ тому романтическому направленію поэзіи, вожакомъ и лучшимъ представителемъ котораго въ то время у насъ былъ Пушкинъ; однако, природное поэтическое чутье давало ему способность чувствовать и восторгаться красотами пушкинской поэзіи: будучи чистымъ классикомъ по своимъ литературнымъ склонностямъ, Катенинъ уважалъ и цѣнилъ въ лицѣ Пушкина чистую поэзію, независимую отъ направленія. Пушкинъ, съ своей стороны, не могъ не оцѣнить въ Катенинѣ широкаго литературнаго образованія, вѣрный вкусъ, способность понимать изящное и прамую, открытую стойкость теоретическихъ воззрѣній; онъ уважалъ его за самостоятельность мнѣнія, хотя бы и не согласнаго съ его собственнымъ; объ этой чертѣ характера Катенина Пушкинъ такъ говоритъ въ упомянутой статьѣ по поводу выхода въ свѣтъ сочиненій Катенина: «... онъ (Катенинъ) даже до того простеръ свою гордую независимость, что оставлялъ одну отрасль поэзіи, какъ скоро становилась она модною, и удалялся туда, куда не сопровождало его ни пристрастіе толпы, ни образцы какого-нибудь писателя, увлекающаго за собою другихъ. Такимъ образомъ, бывъ однимъ изъ первыхъ приверженцевъ романтизма, первый введши въ кругъ

¹⁾ Соч. П. Катенина, I, 84—97.

²⁾ Соч., I, 99.

³⁾ Соч., II, 45.

возвышенной поэзіи языкъ и предметы простонародные, онъ первымъ отрекся отъ романтизма и обратился къ классическимъ идоламъ, когда читающей публикѣ начала нравиться новизна литературнаго преобразованія» ¹⁾. Дружба Пушкина къ Катенину сохранилась до послѣднихъ дней жизни великаго поэта, о которыхъ весьма обстоятельно, по живымъ слухамъ, сообщилъ Катенину В. А. Каратыгинъ въ письмѣ отъ 19 марта 1837 г. ²⁾.

Нельзя, разумѣется, всѣмъ похваламъ, обращеннымъ Пушкинымъ къ Катенину, особенно въ письмахъ, придавать значеніе категорической оцѣнки литературнаго достоинства послѣдняго; многія изъ нихъ порождены были дружбою и сердечнымъ расположеніемъ, иныя имѣли свою причину въ свѣтской деликатности поэта; но нѣтъ основанія думать, чтобы все благопріятное, что высказалъ Пушкинъ о Катенинѣ, какъ поэтѣ и критику, было лишено со стороны перваго серьезнаго и безпристрастнаго признанія. Съ мнѣніями Пушкина о Катенинѣ не всегда были согласны литературные друзья великаго поэта. Такъ, кн. П. А. Вяземскій смѣялся надъ увѣренностью Катенина въ своемъ драматическомъ талантѣ, и полагають, что именно противъ Катенина направлены были слѣдующіе стихи кн. Вяземскаго въ посланіи къ Дмитріеву:

«... Иль утромъ возмечтавъ, что комикомъ рожденъ,
 «На скуку вечеромъ съываетъ городъ онъ,
 «Иль, и того смѣшнѣй, любовникъ краснощекій
 «Вздвигаетъ на стихахъ въ элегіи: къ жестокой»... ³⁾.

Вѣроятно, по поводу этихъ стиховъ Пушкинъ писалъ къ Вяземскому въ 1820 г.: «Катенинъ стѣбитъ чего-нибудь получше и поваже. Онъ оповдалъ родиться и своимъ характеромъ и образомъ мыслей весь принадлежитъ 18 столѣтію. Въ немъ та же авторская снѣсь, тѣ же литературныя сплетни и интриги, какъ и въ прославленномъ вѣкѣ философіи» ⁴⁾. Эти строки указываютъ на то, что еще въ самомъ началѣ своего знакомства съ Катенинымъ Пушкинъ хорошо видѣлъ его слабыя стороны. Другого, подобнаго этому по рѣзкости, отзыва Пушкина о Катенинѣ мы не встрѣчаемъ, и можно думать, что въ приведенномъ находится, по крайней мѣрѣ, такая же доля преувеличенія, какъ и въ позднѣйшихъ—съ характеромъ противоположнымъ; можетъ быть, тѣсная дружба съ Вяземскимъ также не осталась безъ вліянія на этотъ отзывъ, когда, по собственному заявленію Пушкина, онъ далеко не свободенъ былъ отъ односторонности и рѣзкой крайности въ своихъ литературныхъ сужденіяхъ.

¹⁾ Соч., V, 192—193.

²⁾ «Русск. Старина», т. XXIX, стр. 288—289.

³⁾ Соч., кн. П. А. Вяземскаго, III, 295.

⁴⁾ Соч., VII, 7. Что и поздиже кн. Вяземскій не измѣнилъ своего мнѣнія о Катенинѣ, видно изъ одного мѣста въ письмѣ къ послѣднему (отъ 1825 г.) В. А. Каратыгина («Русская Старина», т. XXIX, стр. 287).

Послѣдними словами умирающаго В. Л. Пушкина, по словамъ его знаменитаго племянника въ письмѣ къ Плетневу отъ 9-го сентября 1830 г., были: «какъ скучны статьи Катенина!» ¹⁾. А. А. Бестужевъ также не сочувствовалъ литературнымъ мнѣніямъ Катенина, и 21-го марта 1825 г. Пушкинъ писалъ къ нему: «надѣюсь, что, наконецъ, отдашь справедливость Катенину. Это было бы кстати благородно, достойно тебя. Ошибаться и усовершенствовать сужденія свои сродно мыслящему созданію» ²⁾.

Все это ясно показываетъ, что Пушкинъ не только дорожилъ дружбой Катенина, какъ человѣка, но и отдавалъ справедливость его литературнымъ мнѣніямъ, не смотря на несочувствіе послѣднимъ большей части молодыхъ представителей тогдашней русской литературы, рѣшительно ставшихъ подъ знамя романтическаго направленія; великій умъ Пушкина не далъ ему быть одностороннимъ и въ этомъ случаѣ и дозволилъ выдѣлить въ Катенинѣ среди отсталого и слабого черты, достойныя признанія и уваженія.

Въ тѣсныхъ дружескихъ сношеніяхъ былъ Катенинъ и съ другимъ гениальнымъ поэтомъ нашимъ, А. С. Грибоѣдовымъ. Объ этомъ свидѣлствуютъ нѣсколько писемъ Грибоѣдова къ Катенину ³⁾.

Съ Грибоѣдовымъ Катенинъ познакомился еще ранѣе, чѣмъ съ Пушкинымъ, между 1815 и 1817 годами: въ 1815 г. Грибоѣдовъ вступилъ въ кружокъ петербургскихъ литераторовъ, въ которомъ вращался и Катенинъ, и весьма вѣроятно, что ихъ знакомство относится ко времени ранѣе 1817 г., такъ какъ въ 1816 г., какъ мы видѣли, Грибоѣдовъ вступается въ «Сынъ Отечества» за Катенина противъ нападокъ на него Гнѣдича; въ 1817 г. ихъ отношенія были настолько тѣсны, что они вмѣстѣ сочиняютъ комедію въ трехъ дѣйствіяхъ «Студентъ», еще и теперь вполне не напечатанную ⁴⁾; къ 1817 году (19-го октября) относится и письмо Грибоѣдова къ Катенину при посылкѣ ему рукописнаго экземпляра сатирическаго стихотворенія «Лубочный театръ»; стихотвореніе написано было въ отвѣтъ на замѣчанія Загоскина въ «Сѣверномъ Наблюдателѣ» на грибоѣдовскій переводъ пьесы «Молодые супруги»,

¹⁾ Соч., VII, 286.

²⁾ Тамъ же, 118.

³⁾ Три изъ нихъ напечатаны въ изданіи Евгр. Сергеевскаго «А. С. Грибоѣдовъ и его сочиненія», Спб. 1868, стр. 37—46; одно г. Майковымъ въ «Сборникѣ, издаваем. студентами Импер. Спб. Университета», вып. 2-й (Спб. 1860), стр. 240—242 и одно въ «Всемирномъ Трудѣ» 1868, № 2; послѣднее, какъ весьма важное для исторіи «Горя отъ ума» было нѣсколько разъ перепечатываемо: въ «Русск. Библіотекѣ» М. Стасюлевича, т. V («А. С. Грибоѣдовъ, Спб. 1875»), стр. 229—232, въ «Русск. Архивѣ» 1886, № 11, стр. 287—288 и въ иллюстрированномъ изданіи «Горя отъ ума» (приложеніе къ журн. «Будильникъ»), М. 1887 подлинникъ его хранится въ театрѣ Корша, въ Москвѣ.

⁴⁾ Свѣдѣнія о ней имѣются въ статьѣ г. Майкова «Замѣтки объ А. С. Грибоѣдовѣ» въ «Сборникѣ студентовъ Спб. Универс.», II, 294—240.

и невозможность напечатать эту пародію тогда же въ одномъ изъ журналовъ побудила Грибоѣдова распространять ее между пріятелями въ спискахъ. Письмо начинается такъ: «Что ты, душа моя Катенинъ, надѣюсь, что не сердиться на меня за письмо, а если сердиться, такъ сдѣлай одолженіе—перестань. Ты знаешь, какъ я много, много тебя люблю...» Далѣе передаются извѣстія о литературныхъ новостяхъ и общихъ друзьяхъ, между которыми упоминаются: Ченеговъ, Жандръ ¹⁾, Вѣгичевъ.

Въ послѣднихъ числахъ августа 1818 г. Грибоѣдовъ отправился изъ Петербурга въ Персію. Въ февралѣ 1820 г. онъ пишетъ изъ Табриза къ Катенину: «Я очень давно не писалъ къ тебѣ. Не извиняюсь, потому что знаю, какъ это неизвинительно. Прости, не пей въ уваженіе прежней и, дасть Богъ, всегдашней нашей дружбы. Мнѣ дали извѣстіе о смерти Дарьи Андреевны. Кому не жаль матери. Но, можетъ статься, ты уже утѣшенъ» ²⁾. Въ письмѣ изъ Табриза къ неизвѣстному лицу отъ 17-го ноября 1820 г. Грибоѣдовъ рассказываетъ, какъ видѣлъ во снѣ Катенина—лишнее свидѣтельство живой памяти о другѣ, оставшемся въ Петербургѣ ³⁾. Слѣдующія два письма къ Катенину, напечатанныя Серчевскимъ въ изданіи сочиненій Грибоѣдова, не отмѣчены годомъ; но можно заключать, что они написаны Грибоѣдовымъ уже изъ Петербурга, куда онъ пріѣхалъ въ 1824 г. и когда уже Катенина тамъ не было. Въ первомъ изъ нихъ, отмѣченномъ 14-го февраля, читаемъ: «братъ твой былъ у меня и очень обрадованъ разсказами о тебѣ, какъ ты веселишься и танцуешь въ Костромѣ» и далѣе: «ты требуешь моего мнѣнія о твоихъ «Сплетняхъ» и «Сидѣ» ⁴⁾. «Сплетни», сколько я помню, не произвели на меня пріятнаго впечатлѣнія; онѣ не веселы, и слогъ не довольно натураленъ, хотя и есть иные стихи превосходные. Въ «Сидѣ» есть одна сцена (особенная), которая мастерски переведена и читана мною и перечитана сто разъ публично и про себя. Это встрѣча Дига съ Родригомъ, въ домѣ Хилоны, не помню, въ концѣ ли 3-го или 4-го акта; ее безъ слезъ читать нельзя; вообще, весь переводъ тебѣ приноситъ много чести, но также попадаютъ и небрежности въ слогъ, жесткости и ошибки противъ языка (для тѣхъ, кто ихъ замѣчать хочетъ); точно такія же погрѣшности повредили твоему напечатанному отрывку изъ «Андромахи», не въ мнѣніи безпристрастныхъ сѣнителей изящнаго, но тѣхъ, которые давно уже каждый шагъ твой оспариваютъ на по-

¹⁾ Въ «Сынѣ Отечества» 1816, № 1 есть письмо Катенина (отъ 2-го января 1816 г.), которымъ онъ сопровождаетъ отрывокъ изъ перевода «Госоліи» Расина, сдѣланный А. А. Жандромъ, при чемъ хвалитъ этотъ переводъ и рекомендуетъ его редактору.

²⁾ А. С. Грибоѣдовъ и его сочиненія. Изд. Е. Серчевскаго, стр. 87.

³⁾ Тамъ же, стр. 47.

⁴⁾ Первая пьеса надана въ 1821 г., вторая—въ 1822.

прищѣ трудовъ и славы. Зачѣмъ ты не даешь сыграть «Андромахи»¹⁾? Семенова душою этого желаетъ; соединеніе такихъ двухъ талантовъ, какъ она съ Каратыгинымъ, не всегда случается; можетъ быть, онъ въ чужіе края отправится²⁾, и тогда трагедія твоя опять будетъ лежать въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ»³⁾. Въ другомъ письмѣ, помѣченномъ 17-го октября и относящемся, вѣроятно, къ этому же времени, Грибоѣдовъ пишетъ: «жалъ, что не могу попасть къ тебѣ въ Кострому, а такъ давно собираюсь. Но мнѣ есть утѣшеніе: коли не съ тобою, такъ о тебѣ бесѣдую часто и съ тѣми даже, съ кѣмъ ты не знакомъ и кто тебя не стѣбитъ. Надняхъ все какъ-будто судьбою устроено, чтобы мнѣ сердцемъ и мыслями перенестись къ тебѣ, почтенный другъ. Люди менѣе несправедливы на твой счетъ; стало, и объ нихъ можно передать тебѣ вѣсти. Чаше прежняго произносятъ твое имя Андромахи, которая должна явиться въ альманахѣ; въ Парижѣ вышли о тебѣ отзывы, исполненные уваженія; въ театрѣ превозносятъ Каратыгина и тебѣ приписываютъ развитіе его дарованія. Мы помѣнялись ролями. Бывало, получу отъ тебя нѣсколько строкъ, и куда Востокъ дѣнется; не помню, гдѣ, съ кѣмъ, въ Табризѣ воображу себя вдругъ между прежними друзьями, опомнюсь, вздохну глубоко и предаю себя на волю Божию. Но я былъ добровольнымъ изгнанникомъ, а ты!.. Милый, любезный другъ, не тужи,—право, не о чемъ и не о комъ. Тебѣ грустить не должно; всѣ мы здѣсь ужаснѣйшая дрянь...» Письмо оканчивается такъ: «Еще разъ прощай и полюби меня постарому. Обнимаю тебя отъ души. Ей Богу, готовъ бы сейчасъ въ ссылку, лишь бы этимъ тебѣ купить облегченіе жестокой и неzasлуженной судьбы»⁴⁾.

Но самымъ извѣстнымъ, по своей важности для исторіи русской литературы, памятникомъ, свидѣтельствующимъ о близкихъ отношеніяхъ къ Катенину творца «Горя отъ ума», является упомянутое и нѣсколько разъ напечатанное письмо Грибоѣдова къ Катенину въ защиту знаменитой комедіи. Авторъ послѣдней, отвѣчая на письмо Катенина о «Горѣ отъ ума», даетъ хотя краткую, но весьма выразительную и драгоцѣнную характеристику тѣхъ теоретическихъ воззрѣній, которыхъ онъ держался въ своей поэтической дѣятельности. Катенинъ отнесся къ комедіи своего друга съ точки зрѣнія классической теоріи, которую считалъ единственно справедливой; усмотрѣвъ въ «Горѣ отъ ума» уклоненія отъ этой

¹⁾ «Андромаха» сдана была на театръ въ концѣ 1825 г.

²⁾ Въ письмѣ къ Катенину отъ 20-го января 1825 г. В. А. Каратыгинъ извѣщаетъ его, что графъ Милородовичъ очень настаиваетъ на томъ, чтобы онъ (Каратыгинъ) отправился за границу и особенно въ Парижъ. («Русск. Старина», т. XXIX, стр. 287).

³⁾ А. С. Грибоѣдовъ и его сочиненія, стр. 41—42.

⁴⁾ А. С. Грибоѣдовъ и его сочиненія, стр. 43—46.

исповѣдуемой имъ теоріи, онъ нашелъ въ ней много погрѣшностей, о которыхъ и высказался въ письмѣ къ Грибоѣдову; письмо это до сихъ поръ неизвѣстно, и о возраженіяхъ Катенина узнаемъ мы лишь изъ отвѣтнаго письма Грибоѣдова. Катенинъ находилъ неудачнымъ самый планъ комедіи; связь отдѣльныхъ сценъ между собою находилъ произвольною, характеры комедіи—портретными и, вообще, видѣлъ въ ней болѣе дарованія автора, чѣмъ необходимаго по его мнѣнію, знакомства съ теоретическими требованіями этого рода поэтическаго творчества. Грибоѣдовъ отвѣчаетъ на эти упреки, и вотъ главнѣйшія изъ его возраженій. Планъ своей комедіи онъ находитъ «простымъ и яснымъ по цѣли и исполненію». Относительно произвольной связи сценъ въ комедіи Грибоѣдовъ замѣчаетъ: «такъ же, какъ и въ натурѣ всякихъ событій, мелкихъ и важныхъ; чѣмъ невзвѣннѣе, тѣмъ болѣе увлекаютъ въ любопытство». О портретности характеровъ онъ говоритъ: «портреты, и только портреты, входятъ въ составъ комедіи и трагедіи; въ нихъ есть однако черты, свойственныя многимъ другимъ лицамъ, а инныя всему роду человѣческому—на столько, на сколько каждый человѣкъ похожъ на всѣхъ своихъ двуногихъ собратій...» На упрекъ въ томъ, что въ комедіи обнаружилось болѣе дарованія, нежели искусства, Грибоѣдовъ замѣчаетъ: «самая лестная похвала, которую ты могъ мнѣ сказать; не знаю, стою ли я?..» По отношенію къ Катенину это письмо къ нему важно потому, что даетъ понятіе и о собственной поэтической его теоріи, о которой мы скажемъ подробнѣе ниже; кромѣ того, оно еще разъ свидѣтельствуетъ о томъ уваженіи, съ которымъ относился творецъ «Горя отъ ума» къ литературнымъ вкусамъ Катенина: «критика твоя, хотя и жестокая и вовсе несправедливая, принесла мнѣ истинное удовольствіе тономъ чистосердечія, котораго я напрасно буду требовать отъ другихъ людей; не уважая искренности ихъ, негодую на ихъ притворство. Чортъ ли мнѣ въ ихъ мнѣніи?» и въ другомъ мѣстѣ: «ты воленъ просвѣтить меня, и коли вздумаешь, я поваймусь отъ тебя съ благодарностію. Вообще я ни передъ кѣмъ не таился и сколько разъ повторяю, что тебѣ обязанъ зрѣлостію, объемомъ и даже оригинальностью моего дарованія, если оно есть во мнѣ...»

Обращаемся теперь къ краткому обзору литературной дѣятельности Катенина. Въ исторіи нашей литературы онъ болѣе важенъ какъ критикъ, чѣмъ какъ поэтъ, хотя въ послѣдней области онъ написалъ гораздо больше, чѣмъ въ первой.

О «поэтикѣ» Катенина можно уже отчасти судить по тѣмъ краткимъ свѣдѣніямъ, которыя мы сообщили выше объ отношеніяхъ его къ нѣкоторымъ представителямъ русской поэтической литературы того времени; но довольно подробно изложилъ образъ своихъ литературныхъ мнѣній и самъ Катенинъ въ упомянутомъ рядѣ статей, напечатанныхъ въ «Литературной Газетѣ» бар. Дельвига

1830 г. подъ заглавіемъ: «Размышленія и разборъ». Въ этихъ статьяхъ авторъ даетъ немало соображеній о поэзи вообще и дѣлаетъ очеркъ поэзи еврейской, греческой, латинской и ново-европейской; послѣдняя изъ статей посвящена специально театру.

Катенинъ того мнѣнія, что въ дѣлѣ изящной литературы одни теоретическія разсужденія не принесутъ большой пользы, а гораздо важнѣе образцы, на внимательномъ изученіи которыхъ и должно быть основано изученіе законовъ поэтическаго творчества: «физика стала наукою дѣльною съ той только поры, когда откинули всѣ умствованія, системы и догадки, чтобы заняться единственно наблюденіемъ и испытаніемъ природы: не пора ли взяться за то же въ эстетикѣ?» («Литерат. Газ.», I, 29). Слишкомъ большое разногласіе въ пониманіи достоинствъ и недостатковъ въ поэзи объясняетъ Катенинъ тѣмъ, что въ области поэзи всякій считаетъ себя въ правѣ судить, иногда совершенно не будучи для этого подготовленъ, тогда какъ, напр., въ живописи или ваяніи судятъ лишь знатоки и вообще люди, понимающіе дѣло; а это въ свою очередь объясняетъ онъ тѣмъ, что поэзи болѣе, чѣмъ другіе виды искусства, связана съ умомъ и разсудкомъ, присущими несравненно большому кругу людей, чѣмъ пониманіе изящнаго въ живописи или ваяніи. Переходя къ собственно поэзи, Катенинъ указываетъ на нелѣпость современнаго ему дѣленія ея на классическую и романтическую: «раздѣленіе совершенно вздорное, ни на какомъ ясномъ различіи не основанное. Спорять, не понимая ни себя, ни другъ друга; со стороны примѣтно только, что, на языкѣ нѣкоторыхъ, классикъ педаантъ безъ дарованія, на языкѣ другихъ романтикъ шалунъ безъ смысла и познаній» (I, 30). Но, отвергая такое раздѣленіе въ принципѣ какъ неосновательное, Катенинъ мирится съ фактомъ и пользуется установившимися терминами «классика» и «романтика» для опредѣленія двухъ важнѣйшихъ направленій въ современной ему русской и отчасти западно-европейской поэтической литературѣ. Самъ Катенинъ, какъ сказано уже, рѣшительнымъ образомъ примыкаетъ къ «классикамъ». Отсюда вытекаетъ его рѣзкое нерасположеніе къ Шлегелю, какъ главѣ романтической школы въ Германіи; называя его то «раскольникомъ Шлегелемъ», то «хитрымъ Шлегелемъ», онъ въ одномъ мѣстѣ говоритъ о немъ: «сей Августъ Вильгельмъ Шлегель, о которомъ я принужденъ такъ часто упоминать, какъ объ основателѣ новой вѣры въ литературѣ, принадлежитъ къ числу тѣхъ отважныхъ и въ счастіи своемъ увѣренныхъ людей, которые не боятся ничего, что другимъ бы непременно во вредъ обратилось. Онъ противорѣчитъ себѣ безпрестанно и вездѣ правъ въ глазахъ своихъ поклонниковъ; большая часть изъ нихъ не замѣчаетъ противорѣчій, ловко разставленныхъ; другіе видятъ и зажимаютъ глаза; можетъ быть, иные ломаютъ голову надъ соглашеніемъ ихъ и радуются, коли

имъ хоть отчасти удастся запутать такъ, что не вдругъ распутаетъ» (II, 260). Осуждая «романтическія ватѣи» Шлегеля, Катенинъ все-таки не отказывается ему въ умѣ и дарованіяхъ; съ иными сужденіями его онъ даже согласенъ, напр., объ Эврипидѣ: «нашего времени романтики, признающіе нѣмецкаго критика (т. е. Шлегеля) своимъ учителемъ и славою, хорошо бы сдѣлали, если бы, прочитавъ со вниманіемъ замѣчанія его (объ Эврипидѣ), употребили въ наставленіе себѣ». Но это согласіе Катенина съ мнѣніемъ Шлегеля объясняется тѣмъ, что и въ Эврипидѣ Катенинъ видитъ своего рода «романтика», обнаружившаго «неуваженіе къ славнымъ предшественникамъ и иногда насмѣшки надъ нимъ, желаніе, прежде всего поправиться и попасть на вкусъ современниковъ, угожденіе чувственнымъ наклонностямъ и временнымъ прихотямъ насчетъ непремѣнныхъ правилъ искусства, истины, простоты и приличія; предпочтительный выборъ предметовъ новыхъ, неслыханныхъ, невѣроятныхъ, любопытныхъ и т. п. замашки»; въ параллель современнымъ «классикамъ» и «романтикамъ» Эврипиду-романтику въ древности соотвѣтствовалъ классикъ-Софоклъ. Эврипида, — говорятъ иронически Катенинъ, — «безгрѣшный Аристотель (Шлегель того времени) провозгласилъ торжественно всѣхъ болѣе трагикомъ; позднѣе потомство едва ли уже не перерѣшило» (I, 87). Насколько сходится Катенинъ съ Шлегелемъ въ сужденіяхъ объ Эврипидѣ¹⁾, настолько же порицаетъ онъ его за поклоненіе Шекспиру. Считая Шекспира гораздо ниже французскихъ классиковъ (Расина, Корнеля и др.), Катенинъ такъ выражается объ отношеніи Шлегеля къ великому англійскому поэту: «(Шлегель) напалъ на французовъ всѣми силами, не жалѣя въ рѣшительномъ бою никакого оружія: ни лукавыхъ намековъ, ни двусмысленныхъ изложеній, ни мелочныхъ придирокъ, ни пошлыхъ насмѣшекъ; не щадилъ ничего, не пренебрегъ ничѣмъ для одержанія временной побѣды и принесенія цѣлаго театра, справедливо во всѣхъ отношеніяхъ слывущаго первымъ въ Европѣ, въ жертву своему полубогу Шекспиру, имъ на нѣмецкій языкъ переведенному. Опасаясь однако укорить за пристрастіе личное, скрылъ его таинственнымъ, никому по сіе время непонятнымъ словомъ: романтическое и окружилъ своего любимца дружиною англичанъ, испанцевъ и нѣмцевъ...» (II, 260). Справедливо говоря въ одномъ мѣстѣ, что «чѣмъ ближе поэтъ новый, нашъ, обработывая предметъ древній или чуждый, подойдетъ къ свойству, быту или краскѣ избраннаго имъ мѣста, времени, народа и лица, тѣмъ превосходнѣе будетъ его произведеніе» (I, 30),

¹⁾ Къ Эврипиду Катенинъ вообще относится очень неблагоприятно, и въ одномъ мѣстѣ говоритъ о немъ даже съ нѣкоторою страстностью, понятной лишь въ полемикѣ съ современникомъ: «воля его (т. е. Эврипида), но одна сцена, давшая названіе «Ковфорамъ» (трилогіи Эсхила) во сто разъ дороже всей его трагедіи («Электра») (I, 87).

Катенинъ именно этой черты и не понялъ въ творчествѣ Шекспира, о которомъ, между прочимъ, говоритъ: «у него жители юга всѣ напитаны ростбифомъ и пудингомъ, и даже ученые гѣмцы, современники наши, не могутъ похвалиться ни одной драмой, гдѣ бы краска времени и мѣста была точно на лицѣ дѣйствующихъ французовъ, итальянцевъ, испанцевъ, русскихъ и проч.» (II, 283). Эти достоинства находитъ онъ только у французскихъ классиковъ, и особенно въ «Геолиа» Расина.

Страстный поклонникъ классицизма въ литературѣ, Катенинъ образцомъ поэтовъ считаетъ Гомера, котораго и ставитъ на недостижимую высоту. Мы видѣли, что ему нравится Эсхиль; сочувственно говоритъ онъ о Теокритѣ, о Виргиліи; преклоняется передъ Дантомъ и единственно за уваженіе къ послѣднему Боккаціо онъ мирится съ итальянскимъ новеллистомъ, котораго во всемъ остальномъ порицаетъ онъ, какъ литературнаго реформатора; по той же причинѣ неблагоприятно говоритъ онъ и о Петраркѣ, которому, кромѣ того, въ особую вину ставитъ неуваженіе къ Данту. Достойно вниманія, что высказавшись такъ противъ Боккаціо и Петрарки, Катенинъ высоко ставитъ, какъ поэтовъ, Лаврентія Медичи и Полиціана.

Поклоняясь «классикамъ», Катенинъ, разумѣется, сильно порицалъ «романтиковъ»; это послѣднее имя было для него синонимомъ литературнаго реформатора и противника классицизма вообще; такъ онъ называетъ романтикомъ итальянскаго поэта XVI вѣка Жиральди Чинтіо, который не шелъ по слѣдамъ древнихъ. Катенина тревожилъ сильный успѣхъ романтическаго направленія въ современной ему русской литературѣ; онъ нападаетъ на «моду романтизма», которая «отвлекаетъ всѣхъ отъ чтенія классиковъ» (I, 89) и такъ говоритъ о русскомъ романтизмѣ: «любопытно знать, почему наши такъ пригнѣпились къ романтизму... Россія искони не имѣла ничего общаго съ Европою западною; первыя свои познанія, художества и науки получила она вмѣстѣ съ вѣрой православною изъ Царь-града, всѣмъ рыцарямъ ненавистнаго, ими коварно завоеваннаго на время, жестоко и безумно разграбленнаго. Въ нашихъ церквахъ со слезами и въ черныхъ ризахъ умоляли на милость гнѣвъ Божій, когда крестовики въ своихъ пѣли торжественныя молебны. Правда, Петръ Первый много ввелъ къ намъ нѣмецкаго, но ужели, перенимая полезное, должны мы во всемъ обезьянничать и утратить всѣ родовыя свойства и обычаи? По счастью, это невозможно, и одна вѣра своя предостережетъ насъ отъ конечной ничтожности. Сверхъ того, все близкое въ исторіи нашей едва ли годно въ поэзію, а старина наша отнюдь не романтическая; прибѣгать же, какъ многіе дѣлаютъ съ отчаянія, къ Лифляндіи, Литвѣ, Польшѣ, Украинѣ, Грузіи, мужествомъ предковъ или современниковъ приобрѣтеннымъ, значить уже слишкомъ дешево мѣ-

нять святыю Русь» (I, 151—152). Ясно, конечно, что въ увлеченіи своемъ Катенинъ зашелъ тутъ слишкомъ далеко и не замѣтилъ, что защищаемый имъ классицизмъ едва ли не болѣе чуждъ нашей старинѣ и народности, чѣмъ ненавистный ему романтизмъ, воспитавшій въ колыбели своей чисто-народную музу Пушкина.

Главнымъ образомъ вооружается противъ романтизма Катенинъ въ томъ отдѣлѣ своихъ разсужденій, гдѣ говоритъ о литературѣ драматической, съ которой онъ наиболѣе былъ знакомъ (II, 259 и сл.). Мы не станемъ передавать этихъ возраженій, не заключающихъ въ себѣ ничего особенно любопытнаго и во многомъ намѣченныхъ въ предшествующемъ нашемъ изложеніи. Между прочимъ, одному вопросу въ этой борьбѣ романтизма съ классицизмомъ Катенинъ придавалъ большое значеніе: это — соединеніе трагическаго и комическаго. «Достойнѣйшая вниманія разница двухъ нынѣ состязающихся системъ есть смѣшеніе важнаго и смѣшного въ одной, рѣзкое раздѣленіе ихъ въ другой. Защитники трагикомическаго долго опирались на то, что въ самомъ дѣлѣ часто смѣхъ и горе въ одно время бывають; имъ давно возразили, что искусство не обявано списывать съ природы цѣликомъ, что оно въ правѣ откидывать лишнее и должно удовлетворять жаркое чувство изящнаго, а не холодныя изслѣдованія любопытства. Самъ Шлегель принужденъ прибѣгать къ инымъ началамъ; онъ утверждаетъ, что сосѣдство никакого усиливаетъ впечатлѣніе высокаго; можетъ быть — иногда, но гораздо чаще вредитъ ему... Въ содержаніи истинно-трагическомъ я не знаю, кому и надѣ чѣмъ забавляться; но въ содержаніяхъ полу-трагическихъ, безъ сомнѣнія, можетъ быть дѣло перемѣшано съ бездѣльемъ; только искусство потребно, чтобы переходъ отъ одного къ другому и въ дѣйствіи и въ разговорѣ былъ непримѣтенъ...» (II, 283); поэтому къ причинамъ, почему не нравится ему Шекспиръ, Катенинъ прибавляетъ еще ту, что у него иногда двѣ половины, благородная и каррикатурная, почти безъ связи между собою» (II, 284).

Какъ рѣшительный классикъ, Катенинъ предпочитаетъ «комедію интригъ» «комедіи нравовъ», находя въ первой больше «истинно-драматическихъ достоинствъ» (II, 291); эта же теорія привела его и къ убѣжденію въ неумѣстности изображенія низшихъ слоевъ общества на сценѣ: «мужики едва ли (исключенія въ сторону) идутъ на комическую сцену; въ ихъ жизни слишкомъ много нуждъ, трудовъ и скорбей, чтобы оставалось довольно мѣста для смѣха» (II, 292). Но здравый умъ и природный вкусъ иногда спасали Катенина отъ крайнихъ увлеченій этой теоріей: онъ, напр., не одобряетъ мнѣнія «ультра-классиковъ», возстававшихъ совершенно противъ такъ называемой драмы, середины между трагедіей и комедіей, онъ совѣтуетъ только употреблять для нея не прозу, а стихи (II, 285); въ комедіи же допускаетъ онъ и стихи, и прозу: «одни педанты мо-

гутъ еще спорить о томъ: чѣмъ писать комедіи, прозой или стихами. Ясно, что и тѣмъ и другимъ, соображаясь съ предметомъ» (II, 292). Вообще же онъ былъ рѣшительнымъ противникомъ романтизма, о которомъ говорилъ, что надобно «бѣлый свѣтъ пересодать, чтобы оправдать парадоксы новыхъ эстетиковъ» (II, 284).

Вотъ бѣглый обзоръ тѣхъ литературныхъ мнѣній, которыя высказалъ Катенинъ въ упомянутомъ рядѣ своихъ статей. Его собственная поэтическая дѣятельность сосредоточилась, главнымъ образомъ, на театрѣ, который онъ хорошо зналъ и горячо любилъ. Сюжеты для своихъ оригинальныхъ драматическихъ произведеній (очень не многихъ, такъ какъ въ этой области онъ гораздо болѣе переводилъ и передѣлывалъ) Катенинъ бралъ изъ чужой, классической («Андромаха») или западно-европейской («Пиръ Іоанна Безземельнаго», «Вражда и Любовь»), исторіи; въ произведеніяхъ же лирическихъ и эпическихъ гораздо охотнѣе обращался онъ къ русской жизни и русской старинѣ («Старая быль», «Пѣвецъ Усладь», «Мстиславъ Мстиславичъ»); изображенію послѣдней посвятилъ онъ и цѣлую большую поэму свою (названную имъ «сказкой») «Милуша» (Спб. 1834), которую очень хвалилъ Пушкинъ, что видно изъ письма къ послѣднему Катенина отъ 16 мая 1835 г.: за «Милушу» (т. е. отзывъ о ней) благодарю, хотя не вполне согласенъ съ твоимъ мнѣніемъ, яко бы оно мое лучшее твореніе ¹⁾. Въ поэмѣ этой, состоящей изъ четырехъ пѣсенъ, Милуша является дочерью вел. кн. Владиміра отъ жены его Любеды, сестра которой Провѣда прежде любившая Владиміра и хотѣвшая выйти за него замужъ, является въ сказкѣ колдуньей. Содержаніе всѣхъ четырехъ пѣсенъ наполнено описаніемъ испытаній, которыя производитъ Провѣда надъ молодымъ воиномъ Всеславомъ, женихомъ Милуши, чтобы рѣшить, достоинъ ли онъ такой невѣсты, при чемъ силою своего колдовства обращается то въ русалку, то въ красавицу-царевну, то въ бабу-ягу; въ концѣ концовъ она остается довольной Всеславомъ, и поэма оканчивается свадьбой его съ Милушей. Въ этомъ произведеніи, какъ и въ другихъ болѣе мелкихъ, гдѣ Катенинъ обращается къ русской старинѣ, народнаго колорита очень мало, хотя стремленіе къ нему автора довольно очевидно. Классическія симпатіи Катенина выразились и тутъ очень ясно въ постройкѣ одного изъ стиховъ поэмы:

«Власть слушать, власть не слушать; я пою!» (стр. 87).

Нелюбимый же романтизмъ тутъ, напротивъ, не избѣжалъ насмѣшливаго намека: описывая прибытіе Всеслава ко двору Владиміра, авторъ замѣчаетъ:

¹⁾ А. С. Пушкинъ, стр. 67—68.

- Кавказскія заоблачныя горы
- Проѣхавъ онъ въ опасныхъ хлопотахъ,
- Зачѣмъ что тамъ надревле жили вору.
- Теперь у насъ ихъ славятъ силошь въ стихахъ,
- Но романтизмъ не вѣдомъ былъ Всеславу...» (стр. 57).

Въ образецъ лирической поэзіи Катенина приведемъ его стихотвореніе «Любовь»:

- О чемъ, о чемъ въ тѣни вѣтвей
- Поешь ты ночью, соловей?
- Что пѣснь твою къ подругѣ милой
- Живить огнемъ и погнѣть силой,
- Колыхаетъ грудь, волнуется кровь?
- Живущихъ всѣхъ душа: любовь.
- Не сѣтуй, дѣвица-краса!
- Дождешься радости часа.
- Зачѣмъ въ лицѣ увяли розы?
- Зачѣмъ изъ глазъ лиются слезы?
- Къ веселью душу приготовь;
- Его даритъ тебѣ: любовь.
- Покуда дней златыхъ весна,
- Отрадой намъ любовь одна.
- Ловите, юноши, украдкой
- Влаженный часъ, часъ нѣги сладкой;
- Пробьете... любите вновь и вновь;
- Земного счастья верхъ—любовь! *)

Мы не останавливаемся долго на дѣятельности Катенина въ области поэтического творчества, такъ какъ тутъ онъ не внесъ ничего существенно важнаго, кромѣ нѣсколькихъ переводовъ, и его произведенія въ этомъ родѣ являются иллюстраціями уже отжившихъ и въ свое время его теоретическихъ воззрѣній. Впрочемъ, сравнительно съ другими представителями классической теоріи въ нашей литературѣ, нельзя не выдѣлить въ Катенинѣ указаннаго весьма замѣтнаго стремленія къ народности, хотя осуществленіе такого стремленія и оказывалось слабымъ вслѣдствіе недостатка у Катенина непосредственнаго поэтического дарованія. Этимъ стремленіемъ къ старинѣ и народности должно, кажется, объяснять и сочувствіе Катенина А. С. Шишкову, проскользнувшее въ одномъ изъ писемъ перваго къ Пушкину: «миѣ его (т. е. Шишкова) одобреніе (перевода Расинова «Баязета», сдѣланнаго Катенинымъ) тѣмъ пріятнѣе, что я съ нимъ не знакомъ; стало, онъ судитъ просто по своему вкусу, а вкусъ его не терпитъ дурного...»²⁾

Что Катенинъ дорожилъ своими не только переводными, но и оригинальными поэтическими произведеніями, на это указываетъ

*) Соч., I, 25.

2) А. С. Пушкинъ, I, 62.

одно изъ замѣчаній его на «Опытъ краткой исторіи русской литературы» Н. Греча, помѣщенныхъ въ видѣ письма къ издателю «Сына Отечества» (самоу Гречу) ¹⁾; тутъ, между прочимъ, Катенинъ упрекаетъ Греча, почему онъ причисляетъ его самого къ переводчикамъ, хотя онъ писалъ и оригинальныя вещи.

Таковъ передъ нами П. А. Катенинъ въ фактахъ его жизни и литературной дѣятельности. Какъ ни отрывочны свѣдѣнія, относительно его жизни, которыя могли мы имѣть въ своемъ распоряженіи, однако образъ этого человѣка и писателя представляется довольно яснымъ. Классикъ по своимъ литературнымъ симпатіямъ, онъ обладалъ природнымъ вкусомъ изящнаго и хотя не понималъ Шекспира, но видѣлъ красоты Пушкина и Грибоѣдова, представителей (на первыхъ порахъ) романтической школы въ нашей литературѣ. Начитанность его въ образцовыхъ произведеніяхъ изящной литературы давала его голосу вѣсъ, помимо всякой школы или направленія. Открытый характеръ Катенина, иногда увлекавшася до энтузіазма, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими сторонами его природы, доставилъ ему дружбу лучшихъ современныхъ ему писателей. Изъ отношеній его къ послѣднимъ и изъ наличныхъ фактовъ въ литературной дѣятельности надо выводить, что взглядъ Катенина, какъ критика и знатока литературы находили распространеніе и оказывали вліяніе болѣе изустнымъ путемъ, при личныхъ сношеніяхъ, чѣмъ въ печати. Въ собственныхъ своихъ литературныхъ произведеніяхъ Катенинъ является довольно слабымъ сравнительно съ такими своими современниками, какъ Пушкинъ и Грибоѣдовъ, но не хуже многихъ изъ остальныхъ писателей, трудившихся въ одно время съ нимъ на литературномъ поприщѣ. Переводы его для исторіи литературы важнѣе произведеній самостоятельныхъ.

Е. Пѣтуховъ.

¹⁾ «С. О.», 1822, ч. 76, стр. 249—261.

ИРИНАРХЪ ИВАНОВИЧЪ ВВЕДЕНСКІЙ.

(Изъ моихъ воспоминаній).

В 1843 ГОДУ я читалъ пробную лекцію для поступления преподавателемъ въ Дворянскій полкъ. Чтеніе такихъ вступительныхъ лекцій происходило обыкновенно въ штабѣ военно-учебныхъ заведеній, при первомъ кадетскомъ корпусѣ; но мнѣ почему-то назначено было читать въ самомъ заведеніи, куда я желалъ поступить. Поэтому мой дебютъ не отличался никакой парадной обстановкой. На лекціи присутствовали только начальникъ Дворянскаго полка, генералъ Н. Н. Пущинъ, инспекторъ классовъ Д. М. Павловскій, учителя, классные офицеры и воспитанники старшихъ классовъ. Чтеніе мое приняло поэтому болѣе характеръ простой бесѣды по предмету русскаго языка и литературы. Обмѣнъ мнѣній вызывали своими вопросами и замѣчаніями двое изъ преподавателей, В. В. Дерикеръ и И. И. Введенскій, съ которыми я до тѣхъ поръ не былъ совсѣмъ знакомъ. Послѣ лекціи оба они выразили мнѣ теплое товарищеское сочувствіе. Когда мы вышли вмѣстѣ изъ корпуса, по дорогѣ къ Тучкову мосту, Введенскій тутъ же съ свойственной ему простотою и задушевностью пригласилъ насъ къ себѣ пить чай. Онъ жилъ у самаго моста, на углу Средняго проспекта. Мы зашли и втроемъ провели вечеръ въ непринужденной бесѣдѣ, какъ будто уже цѣлые годы были знакомы.

Дерикеръ преподавалъ въ Дворянскомъ полку теорію словесности въ среднихъ классахъ и въ то же время участвовалъ въ «Библіотекѣ для Чтенія», какъ ближайшій помощникъ О. И. Сен-

ковскаго по редакціи журнала. Но онъ потомъ оставилъ эти занятія, посвятивъ себя исключительно медицинѣ и впоследствии пользовался авторитетомъ, какъ одинъ изъ извѣстныхъ врачей-гомеопатовъ. При его постоянныхъ работахъ и значительной практикѣ мы видались уже не часто. Но знакомство мое съ И. И. Введенскимъ утвердилось прочно и продолжалось до самой его кончины.

Это былъ человекъ замѣчательный во многихъ отношеніяхъ. Сынъ бѣднаго сельскаго священника, Введенскій прошелъ всѣ ступени длинной учебной лѣстницы съ пензенскаго духовнаго училища и саратовской семинаріи до московской духовной академіи и Петербургскаго университета, откуда и вышелъ кандидатомъ философскаго факультета. Тяжело было ему пройти этотъ долгій путь, который онъ началъ восьмилѣтнимъ ребенкомъ и окончилъ на двадцать восьмомъ году возраста. Иринархъ Ивановичъ не любилъ говорить объ этомъ, но въ рѣдкія минуты полной откровенности рассказывалъ нѣкоторые эпизоды своей школьной и студенческой жизни, изъ которыхъ можно было видѣть, сколько страшныхъ лишеній перенесъ онъ въ лучшіе годы своей молодости и какимъ упорнымъ, непрерывнымъ трудомъ добылъ себѣ обширныя познанія. Между тѣмъ, его разносторонняя образованность и знаніе древнихъ и новыхъ языковъ и литературъ до поступленія въ Дворянскій полкъ едва доставляли ему возможность перебиваться уроками и переводами. Только съ полученіемъ постояннаго мѣста въ корпусѣ онъ могъ посвятить себя тому труду, который былъ ему по душѣ. Познакомивъ съ нимъ, я удивлялся разнообразію его занятій. Кромѣ ежедневныхъ уроковъ въ Дворянскомъ корпусѣ и Артиллерійскомъ училищѣ, онъ составлялъ обширныя записки для воспитанниковъ по теоріи словесности и исторіи русской литературы, готовилъ магистерскую диссертацию въ видахъ занятія профессорской кафедрой въ Петербургскомъ университетѣ, переводилъ статьи для журналовъ и работалъ по критикѣ и библіографіи въ «Библіотекѣ для Чтенія» и «Отечественныхъ Запискахъ». Не говорю уже о томъ, что при такихъ обширныхъ трудахъ онъ успѣвалъ слѣдить за всѣмъ сколько-нибудь замѣчательнымъ въ русской и иностранныхъ литературахъ. У него всегда можно было найти новую дѣльную книгу, едва только она появлялась въ свѣтъ и черезъ день или два была уже прочитана имъ, и прочитана такъ, что онъ могъ вполне передать ея содержаніе и мѣтко опредѣлить ея достоинства или недостатки. Скоро Введенскій напалъ на занятіе, которое и доставило ему особенную извѣстность въ нашемъ образованномъ обществѣ: это были переводы Диккенса, Купера, Теккерея и другихъ англійскихъ романистовъ, до тѣхъ поръ едва извѣстныхъ у насъ по именамъ. Мнѣ хорошо памятенъ первые шаги его въ этомъ дѣлѣ.

Однажды мы съ Введенскимъ читали Байронова «Сарданапала». Чтеніе это въ своемъ родѣ было довольно курьезно: оба мы познакомились съ англійскимъ языкомъ самоучкою, безъ учителя, съ помощію только грамматики и лексикона, а потому совсѣмъ не знали живого выговора, произносили слова по приближительному указанію словаря Уокера и потому понимали другъ друга только тогда, когда читали глазами, смотря одновременно въ книгу. Мы смѣялись, думая, что если какой-нибудь англичанинъ полюбопытствуетъ послушать наше чтеніе, то едва ли скоро узнаетъ въ немъ свой родной языкъ, что вскорѣ и оказалось на дѣлѣ.

— А что,—сказалъ Введенскій,—не принятъ ли серьезно за англійскій языкъ? Вѣдь выговора у насъ совсѣмъ нѣтъ, да и въ фразировкѣ-то мы еще далеко не сильны. Надобно взять учителя. Хочешь вмѣстѣ брать уроки: у меня есть на примѣтѣ подходящій джентельменъ.

Я согласилась. Условились, что заниматься будемъ въ квартирѣ Введенскаго по два раза въ недѣлю. Къ намъ присоединился еще одинъ товарищъ, учитель нѣмецкаго языка въ томъ же Дворянскомъ полку, Е. Э. Краузолдъ, столько же знавшій по-англійски, какъ и мы. Вскорѣ въ назначенный день явился и англичанинъ. Это былъ мистеръ Гильмаръ, преподаватель англійскаго языка въ Высшемъ Коммерческомъ пансіонѣ, помѣщавшемся въ 1-й линіи Васильевскаго острова. Заведеніе это, устроенное на счетъ петербургскаго биржевого купечества, существовало недолго: большинство воспитанниковъ въ немъ были англичане, и въ началѣ Крымской войны пансіонъ закрылся. Гильмаръ прежде всего спросилъ, читаемъ ли мы по-англійски, и когда мы прочли по нѣскольکو строкъ, онъ съ видомъ крайняго недоумѣнія заявилъ, что ничего не понимаетъ. Но еще больше удивился онъ, когда мы вслѣдъ затѣмъ сказали ему, что читаемъ Байрона въ оригиналѣ и въ доказательство перевели небольшіе отрывки по его указанію. Онъ замѣтилъ, что не встрѣчалъ еще такихъ странныхъ учениковъ. Уроки наши, понятно, начались чтеніемъ. Черезъ нѣсколько времени Введенскій какъ-то спросилъ меня:

— Не думаешь ты извлечь изъ англійскихъ уроковъ матеріальную выгоду?

— Какую же выгоду?

— А переводить для журналовъ. Теперь хорошій англійскій переводъ съ удовольствіемъ вездѣ возьмутъ. Пора намъ бросить эту Жоржъ Зандъ, которая всѣмъ ужъ надоѣла съ своей бабьей эмансипаціей. Давай-ка переводить Диккенса! Вотъ посмотри, я взялъ ливрезоны его романа... Какая прелесть!

— Маѣ не совладать съ нимъ.

— Ну вотъ еще... работай и набьешь руку.

Но я рѣшительно отказался, какъ потому, что не находилъ въ

себѣ достаточно силъ для передачи такого своеобразнаго писателя, такъ и отъ того, что въ это время занять былъ работою надъ первымъ моимъ литературнымъ трудомъ: «Очеркъ исторіи русской поэзіи». Эта книжка такъ занимала меня, что не хотѣлось отрываться отъ нея для другой работы. Когда я прочелъ Иринуру Ивановичу первыя главы моего сочиненія, онъ самъ настойчиво началъ совѣтовать мнѣ заняться исключительно этимъ трудомъ. Когда книжка моя явилась въ печати, онъ далъ о ней подробный и весьма лестный отзывъ въ «Современникѣ», редакторомъ котораго тогда былъ, если не ошибаюсь, А. В. Никитенко. Но Введенскій не отказался отъ своей мысли познакомить русскую публику съ Диккенсомъ, и вскорѣ въ томъ же журналѣ началъ печататься его переводъ романа «Домби и сынъ», встрѣченный читателями съ большимъ участіемъ. Затѣмъ начали появляться одинъ за другимъ романы «Давидъ Копперфильдъ», «Замогильныя записки Пикквикскаго клуба» и т. д. Можно положительно сказать, что Введенскій познакомилъ наше общество съ современной англійской литературой и заставилъ полюбить ее. Въ нѣкоторыхъ литературныхъ кружкахъ упрекали его за то, что онъ въ своихъ переводахъ замѣнялъ англійскія народныя выраженія чисто русскими пословицами и идиотизмами. Но что же оставалось дѣлать, когда своеобразный языкъ Диккенса и его неуловимый юморъ при точномъ переводѣ утрачивали свой колоритъ и даже могли казаться непонятными? Стоитъ прочесть романъ «Домби и сынъ» въ другомъ переводѣ, который печатался въ «Отечественныхъ Запискахъ», чтобы оправдать Введенскаго въ мнимомъ злоупотребленіи руссизмами. Если его переводъ отделяется иногда отъ оригинала по внѣшней передачѣ фразы, то онъ вполне близокъ къ нему по духу.

Трудолюбіе и энергія Введенскаго были поразительны: занятый цѣлый день уроками въ учебныхъ заведеніяхъ, онъ проводилъ ночи за чтеніемъ и журнальной работою. При всемъ томъ онъ вовсе не былъ какимъ-нибудь нелюдимомъ и находилъ время для удовольствій и общества. Правда, онъ не любилъ театра, но зато лѣтомъ позволялъ себѣ прогулки и поѣздки за городъ, а зимою каждую недѣлю собирались у него по пятницамъ пріятели, и самъ онъ бывалъ у меня раза два въ мѣсяцъ по вторникамъ, когда приходили общіе знакомые. На вечерахъ у Введенскаго чаще другихъ бывали Владиміръ Дмитріевичъ Яковлевъ, авторъ имѣвшей въ свое время большой успѣхъ книги «Италія», Григорій Евлампіевичъ Благовѣстовъ, впоследствии редакторъ журнала «Дѣло», и Владиміръ Николаевичъ Рюминъ, издатель «Общезанимательнаго Вѣстника». Нѣсколько позже сталъ посѣщать эти вечера Н. Г. Чернышевскій, тогда еще молодой человекъ, скромный и даже нѣсколько застѣнчивый. Въ немъ особенно выдавалось противорѣчіе между его мягкимъ, женственнымъ голосомъ и рѣзкостью мнѣній, нерѣдко очень

оригинальныхъ по своей парадоксальности. Иногда заѣзжалъ и Дерикеръ. Предметомъ разговоровъ были преимущественно литературныя новости, но часто затрогивались и вопросы современной политики. Въ 1847—1848 годахъ политическія событія въ Европѣ сдѣлались даже главною, почти исключительною, темою бесѣдъ, какъ и въ другихъ кружкахъ тогдашней петербургской молодежи. Иностранныя газеты, хотя сильно кастрируемыя цензурой, читались съ жаднымъ любопытствомъ. Реформы Пія IX и народное движеніе въ Италіи, а затѣмъ февральская революція въ Парижѣ и отголоски ея почти во всей западной Европѣ отодвинули литературныя интересы на второй планъ и обратили общее вниманіе на современныя политическія событія. Съ этимъ связывались, конечно, и вопросы социальныя, и сочиненія Прудона, Луи Влана, Пьера Леру, нерѣдко вызывали обсуждения и споры. Впрочемъ, горячихъ почитателей социализма въ этомъ кружкѣ не было.

Какихъ же взглядовъ держался Введенскій? Нѣкоторые изъ его знакомыхъ считали его крайнимъ либераломъ, а М. П. Погодинъ, у котораго онъ во время своихъ московскихъ скитаній жилъ въ домѣ и работалъ для «Москвитянина», называлъ его, говорятъ, родоначальникомъ нигилистовъ. Это, по моему мнѣнію, несправедливо. Что у Введенскаго были убѣжденія, которыя по тому времени многимъ должны были казаться слишкомъ несогласными съ авторитетно-консервативными взглядами, а протестъ противъ рутинныхъ мнѣній въ наукѣ и литературѣ высказывался имъ смѣло и рѣзко, этого отвергать нельзя. Правда и то, что изъ-подъ тяжелаго гнета тогдашней духовной школы, съ ея подавляющимъ режимомъ и схоластикой, онъ вынесъ взглядъ далеко не согласный съ принятыми вѣрованіями, но онъ никогда не былъ пропагандистомъ своихъ личныхъ воззрѣній. Нигилистомъ же его никакъ нельзя назвать. Можетъ ли это понятіе примѣняться къ человѣку, который горячо любилъ искусство, восхищался Байрономъ и Шекспиромъ и посвятилъ самыя сердечныя свои труды переводу на русскій языкъ такихъ писателей, какъ Диккенсъ и Куперъ, у которыхъ нѣтъ и тѣни того грубаго реализма, какимъ отличались всѣ вожделѣнія нашихъ нигилистовъ? Кто былъ свидѣтелемъ его литературныхъ сужденій и слышалъ, какъ мало придавалъ онъ значенія тенденціи въ искусствѣ и какъ живо чувствовалъ эстетическую сторону художественнаго произведенія, тотъ, конечно, никогда не причислялъ бы его къ школѣ нашихъ поклонниковъ утилитаризма. Онъ интересовался радикальными мнѣніями въ литературѣ и политикѣ, но не раздѣлялъ ихъ.

Въ 1848 году Иринархъ Ивановичъ женился на Александрѣ Ивановнѣ Кубасовой, сестрѣ одного изъ своихъ сослуживцевъ по Дворянскому полку. Лучшаго выбора онъ не могъ сдѣлать. Жена его была энергическая женщина, столько же трудолюбивая, какъ

и онъ, и вполне раздѣлявшая его вкусы и убѣжденія. Она, по желанію мужа, начала учиться англійскому языку и вскорѣ такъ овладѣла имъ, что начала помогать мужу въ переводахъ. При этомъ въ ней не было нисколько педантизма, присущаго многимъ женщинамъ, прикосновеннымъ къ литературѣ. Введенскій переехалъ на другую квартиру въ томъ же домѣ, болѣе помѣстительную, и вечера у него по пятницамъ продолжались, не теряя прежняго характера пріятельской бесѣды, но еще болѣе оживились вліяніемъ умной и любезной хозяйки. Службное и матеріальное положеніе Введенскаго начало мало-по-малу улучшаться. Не смотря на то, что онъ не получилъ профессорской катедры въ университетѣ, хотя и выдержалъ магистерскій экзаменъ, педагогическая дѣятельность его расширилась. Начальникъ военно-учебныхъ заведеній Я. И. Ростовцевъ оцѣнилъ знанія и энергію Введенскаго, и онъ былъ назначенъ главнымъ наставникомъ-наблюдателемъ за преподаваніемъ русскаго языка и словесности, а вмѣстѣ съ тѣмъ ему поручено было составленіе руководствъ по предмету теоріи прозы и поэзіи. Онъ принялся за это дѣло съ обычнымъ трудолюбіемъ и настойчивостью.

Въ эту пору удалось ему, наконецъ, осуществить давно занимавшую его мысль съѣздить за границу. Всего болѣе привлекала его Англія, и пробывъ нѣсколько недѣль въ Германіи и Франціи, онъ пріѣхалъ въ Лондонъ. Тамъ, между прочимъ, посѣтилъ онъ Диккенса и представилъ ему свои переводы его произведеній. Введенскій любилъ потомъ рассказывать объ этомъ своемъ визитѣ любимому писателю, который сначала принялъ его сдержанно, но послѣ довольно продолжительной бесѣды объ англійской литературѣ, отнесся къ нему съ теплымъ участіемъ. Диккенса, по словамъ Иринарха Ивановича, интересовало и положеніе русской литературы, и онъ выразилъ сожалѣніе, что при незнаніи языка не можетъ съ нею ознакомиться. И, повидимому, эти слова не были простымъ комплиментомъ вѣжливаго иностранца.

— Два часа, проведенные у Диккенса, — говорилъ Иринархъ Ивановичъ, — останутся навсегда мнѣ памятными, какъ лучшія минуты въ моей жизни.

По возвращеніи изъ-за границы, Введенскій опять принялся за свои разностороннія работы — чтеніе лекцій, составленіе руководствъ для военно-учебныхъ заведеній и переводы. Но ему готовился ударъ, который онъ самъ давно уже предвидѣлъ. Отъ напряженныхъ письменныхъ занятій, въ особенности по ночамъ, при одной свѣчѣ, у него мало-по-малу слабѣли глаза, и не смотря на помощь окулистовъ, онъ, наконецъ, совсѣмъ потерялъ зрѣніе. Понятно, какое это было страшное несчастіе для человѣка, для котораго чтеніе составляло такую-же потребность какъ насущный хлѣбъ, и который жилъ преимущественно своимъ литературнымъ перомъ. Не смотря на то

Введенскій не прекращалъ ни педагогической, ни литературной дѣятельности. Я. И. Ростовцевъ разрѣшилъ ему продолжать читать лекціи. Наканунѣ урока Александра Ивановича прочитывала мужу то, что по его указанію нужно было для полнаго объясненія предмета, и благодаря счастливой памяти онъ запоминалъ не только факты и хронологическія цифры, но и довольно обширныя цитаты въ прозѣ и стихахъ. Утромъ лакей провожалъ слѣпца въ корпусъ и доводилъ въ аудиторіи до самой кафедры. Введенскій читалъ лекцію, и какъ воспитанники, такъ и дежурившіе въ классахъ офицеры говорили, что чтеніе профессора отличалось такою же полнотою и занимательностью, какъ и въ прежніе годы. Объ этомъ можно было судить и по разговорамъ съ нимъ, когда въ обычную свою пятницу, сидя въ креслѣ и бесѣдуя съ посѣщавшими его по-прежнему пріятелями, онъ высказывался по какому-нибудь научному или литературному вопросу. Въ то же время И. И. Введенскій горячо трудился надъ составленіемъ руководства по теоріи словесности: почти каждый день жена писала подъ его диктовку. Не знаю, далеко ли подвинулась эта работа и что съ нею стало послѣ его смерти.

Лѣтомъ въ послѣдніе годы жизни Введенскій жилъ на дачѣ то въ Лѣсномъ Институтѣ, то въ Старой Деревнѣ. Любимымъ его удовольствіемъ послѣ прогулокъ было купанье, къ которому онъ привыкъ еще съ дѣтства. Съ ранней весны и до осени рѣдкій день пропускалъ онъ безъ того, чтобы не выкупаться утромъ или вечеромъ. Потеря зрѣнія не мѣшала этому удовольствію. Какъ отличный пловецъ, онъ особенно любилъ купаться въ открытомъ и глубокомъ мѣстѣ. Однажды я пріѣхалъ къ нему на дачу въ Старую Деревню и встрѣтилъ его въ дверяхъ. Онъ совсѣмъ уже лишился зрѣнія и лакей велъ его подъ руку.

— А я, братъ, собрался купаться, — сказалъ онъ.

— Гдѣ же у васъ ванна? — спросилъ я.

— Какая ванна! я купаюсь тутъ, въ устьѣ Невы.

— И не боишься въ твоёмъ положеніи?

— Вотъ еще! Проводи-ка меня: посмотришь, какъ слѣпой плавать, а тамъ воротимся и будемъ чай пить.

Я согласился. Мы пришли почти къ самому взморью. Лакей раздѣлъ его, пристегнулъ ему около поясицы кожаный поясъ съ мѣднымъ кольцомъ, въ которое продѣлъ и завязалъ концомъ длинную бичевку, смотанную въ клубокъ. Я тоже хотѣлъ радѣть, чтобы при случаѣ чѣмъ-нибудь помочь слѣпому купальщику, но онъ отклонилъ это. По его словамъ, ему не нужна была никакая помощь: по теченію онъ хорошо знаетъ, въ какомъ направленіи плыть, а бичева нужна для того только, чтобы лакей подалъ ему предостерегательный знакъ, еслибы пловцу встрѣтился на пути яликъ или почему-нибудь другому слѣдовало бы воротиться. По

мѣрѣ того, какъ слѣпецъ удалялся отъ берега, лакей разматывалъ и отпускалъ бичевку, а затѣмъ при возвращеніи купальщика собиралъ ее, и, такимъ образомъ, Введенскій переплылъ на привязи всадъ и впередъ черезъ Невку. Плавалъ онъ размашисто, безъ всякихъ школьныхъ правилъ, какъ говорится саженками, и нисколько, повидимому, не утомился.

Крымская война сильно волновала Введенскаго, и въ особенности возмущало его то, что въ числѣ нашихъ враговъ были англичане, которыхъ онъ такъ прославлялъ послѣ своей побѣдки въ Лондонѣ. Послѣдній разговоръ нашъ съ нимъ былъ о томъ, можно ли примирить уваженіе къ націи, породившей Шекспира и Байрона, съ чувствомъ негодованія къ современной политикѣ Англіи. Лѣто 1855 года я провелъ у родныхъ въ Москвѣ, и тамъ въ іюлѣ мнѣ подали однажды письмо изъ Петербурга, въ которомъ извѣщали меня, что Иринархъ Ивановичъ Введенскій скончался.

А. Миллюковъ.

НОВАЯ ИСТОРИЯ КРЕСТЬЯНСКАГО ВОПРОСА ВЪ РОССИИ.

ВЗНАЧЕНИИ крестьянскаго вопроса во внутренней жизни русскаго государства въ послѣднія два столѣтія было говорено такъ много, что распространяться о немъ вновь было бы повтореніемъ давно извѣстныхъ истинъ. Скажемъ только, что изъ внутреннихъ вопросовъ это былъ наиболѣе важный вопросъ, основной, касавшійся самыхъ устоевъ русской жизни, а, между тѣмъ, не смотря на такую его важность, мы до сихъ поръ не имѣемъ полной его исторіи. Въ нашей литературѣ до послѣдняго времени не было отдѣльнаго труда, обнимающаго исторію крестьянскаго вопроса въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣковъ. Первую попытку представить очеркъ исторіи вопроса объ ограниченіи и уничтоженіи крѣпостнаго права до вступленія на престолъ императора Александра II сдѣлалъ г. Романовичъ-Славатинскій въ своемъ сочиненіи: «Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII вѣка до отмѣны крѣпостнаго права». Того же вопроса касается г. Энгельманъ въ своей книгѣ «Die Leibeigenschaft in Russland», отдѣльныя стороны его затрогивали въ своихъ трудахъ гг. Мулловъ, Ходневъ, Иконниковъ, Вешняковъ, Заблоцкій-Десятовскій и др. Задачу прослѣдить исторію вопроса во всемъ его объемѣ, какъ онъ отражался въ законодательныхъ и административныхъ сферахъ, въ литературѣ, наукѣ, въ общественныхъ кружкахъ, взялъ на себя В. И. Семевскій, авторъ извѣстнаго труда: «Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II». Результатомъ его многолѣтнихъ работъ были цѣлый рядъ статей въ «Русской Мысли» и «Русской Старинѣ», составив-

шихъ вышедшее недавно обширное двухтомное сочиненіе: «Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и въ первой половинѣ XIX вѣка».

Сочиненіе это составлено въ значительной степени на основаніи источниковъ неизданныхъ, хранящихся въ слѣдующихъ архивахъ: Вольно-Экономическаго Общества (отвѣты на задачи общества въ XVIII и первой четверти XIX вѣка, журналы и протоколы общества), министерства государственныхъ имуществъ (преимущественно дѣла бывшаго V отдѣленія Собственной его величества канцеляріи), кодификаціоннаго отдѣленія государственнаго совѣта (документы Екатерининской законодательной комиссіи и дѣла бывшаго II Отдѣленія Собственной его величества канцеляріи), Московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ (преимущественно переписка князей А. Д. и А. М. Голицыныхъ и нѣкоторыя рукописи библиотеки архива), рукописномъ отдѣленіи Императорской Публичной библиотеки, Румянцовскомъ музеѣ и собраніи рукописей редакціи «Русской Старины», а также на основаніи принадлежащихъ автору рукописей (преимущественно копій съ дѣлопроизводства нѣсколькихъ секретныхъ комитетовъ въ царствованіе императора Николая по крестьянскому вопросу). Если къ этимъ матеріаламъ прибавить множество печатныхъ сочиненій, изученныхъ авторомъ, то получится чрезвычайно обширный кругъ источниковъ, и намъ станетъ понятна та полнота, которой авторъ достигъ въ своемъ изслѣдованіи.

Прежде чѣмъ познакомить читателей съ результатомъ труда В. И. Семевскаго, считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о его отношеніи къ своему предмету. Мы не можемъ отнестись иначе, какъ съ большимъ сочувствіемъ, къ объективности автора: представляя два общественныя направленія въ разбираемомъ имъ вопросѣ, консервативное и либеральное, авторъ проявляетъ далеко не заурядное безпристрастіе. Не смотря на свое сочувствіе либераламъ, стремившимся къ освобожденію крестьянъ, авторъ указываетъ многія слабыя стороны ихъ проектовъ, происходившія частью отъ невнанія русской жизни, частью изъ эгоистическихъ побужденій, неоднократно высказываетъ мысль, что осуществленіе нѣкоторыхъ изъ ихъ проектовъ вмѣсто улучшенія крестьянскаго положенія должно было бы повести къ его ухудшенію, и признаетъ несомнѣнную заслугу за нѣкоторыми представителями консервативнаго направленія. Заслуга ихъ состоитъ въ томъ, что они удержали правительство отъ нѣкоторыхъ поспѣшныхъ шаговъ въ освобожденіи крестьянъ и указали, что освобожденіе не можетъ быть произведено безъ надѣла крестьянъ землею и безъ сохраненія общиннаго устройства, тогда какъ проекты нѣкоторыхъ либераловъ вели прямо къ обезземеленію крестьянъ и къ разрушенію общины. Такая объективность позволила автору глубже проникнуть во многія стороны разбираемаго предмета и значительно увеличила цѣнность его труда. Но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мы находимъ у автора рѣз-

кіе диссонансы съ общимъ тономъ произведенія: авторъ иногда не удерживается на почвѣ историческаго изслѣдованія и начинаетъ судить о близкой къ намъ современности, проводитъ параллели между старымъ и новымъ. Такъ, напримѣръ, изложивъ мнѣнія масона Поздѣва, отрицавшаго необходимость для крестьянъ свободы и требовавшаго отъ нихъ «предварительно освобожденія внутренняго, освобожденія отъ слабостей и пороковъ», авторъ замѣчаетъ: «Какъ напоминаетъ взгляды тѣхъ нашихъ современниковъ, которые такъ усердно кричатъ, что дѣло не въ общественныхъ реформахъ, а въ необходимости нравственнаго возрожденія людей, забывая, что извѣстный строй общества можетъ самымъ развращающимъ образомъ дѣйствовать на его членовъ, и что при этихъ условіяхъ проповѣдывать одно самоусовершенствованіе значитъ умышленно отвлекать вниманіе отъ настоящей, необходимой и плодотворной работы». Послѣ этой тирады авторъ сравниваетъ мнѣнія Достоевскаго о современныхъ общественныхъ потребностяхъ со взглядами Поздѣва и Карамзина на крестьянскій вопросъ и продолжаетъ свою филиппику такимъ образомъ: «Этимъ указаніями мы хотимъ только побудить современныхъ защитниковъ общественнаго востая поискать какихъ-нибудь новыхъ аргументовъ для подкрѣпленія своихъ взглядовъ, а не повторять затасканныхъ мнѣній Поздѣва, Карамзина и т. п. Если же они примыкаютъ къ нимъ въ одной части ихъ ученія, то для послѣдовательности слѣдовало бы принять и другую, т. е. объявить, что крѣпостное право было уничтожено преждевременно, и что если многіе освобожденные крестьяне находятся въ положеніи печальномъ, то это объясняется не недостатками самой реформы, не причинами экономическими, а нравственнымъ безобразіемъ народа, его склонностью къ пьянству и другими пороками, получившими полный просторъ съ уничтоженіемъ помѣщичьей власти. Только недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ провести далѣе эту поучительную параллель между крѣпостниками первой четверти нынѣшняго столѣтія и современными намъ защитниками общественнаго квіетизма». Все это разсужденіе представляется чрезвычайно слабымъ и натянутымъ, опровергать его положительно не стоитъ труда, и мы очень довольны, что «недостатокъ мѣста» помѣшалъ автору внести еще нѣсколько страницъ, которыя могли бы только портить его книгу.

Отмѣтимъ еще одно мѣсто, въ которомъ авторъ также отступаетъ отъ своего предмета, и также не съсѣмъ удачно. Объяснивъ роль славянофиловъ въ рѣшеніи крестьянскаго вопроса, авторъ обращается къ современному славянофильству и говоритъ: «Премники стараго славянофильства должны были бы проявить уваженіе къ его принципамъ, употребивъ всѣ свои силы и способности на изученіе того народа, который такъ высоко ставили ихъ учителя. Но, за немногими исключеніями, они предпочли повторять

общія отвлеченныя формулы славянофильства, не влагая въ нихъ новаго, живого содержанія, не примѣняя ихъ яскѣ къ потребностямъ жизни и иногда даже прямо игнорируя самыя настоятельныя народныя нужды (напомнимъ, на примѣръ, отношенія «Руси» къ вопросу о крестьянскомъ малоземельи). А въ то же время люди съ совершенно инымъ міровоззрѣніемъ, написавшіе на своемъ знамени «служеніе народу», положили много труда на изученіе русской народной жизни; теперь можно уже сказать безошибочно, что послѣдователямъ этихъ людей, а не недостойнымъ своимъ лучшимъ учителямъ эпигонамъ славянофильства принадлежитъ будущее». Рѣшительно не понимаемъ, къ чему понадобилось автору нападать на современныхъ славянофиловъ и даже обращать свой взоръ въ будущее, къ чему повторилъ онъ эти черезчуръ шаблонныя и невѣрные упреки по адресу «эпигоновъ славянофильства». Вѣдь повторять такіе упреки, уничтожать однимъ почеркомъ пера цѣлое міросозерцаніе очень легко, но при томъ и не очень ли легкомысленно? Полагаемъ, что тирады, подобныя приведеннымъ, умѣстны развѣ только въ устахъ какой-нибудь милой, нервной барыни, но никакъ не на страницахъ основательнаго, ученаго труда, какимъ является сочиненіе В. И. Семевскаго, и да не посѣтуетъ на насъ авторъ, если мы скажемъ, что подобныя мѣста въ его книгѣ производятъ самое неприятное впечатлѣніе. Но къ счастью такихъ мѣстъ очень немного и они искупаются выдающимися достоинствами изслѣдованія, съ результатами котораго постараемся познакомить читателей въ настоящемъ очеркѣ.

Первая мысль объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи принадлежитъ извѣстному любимцу царевны Софьи, кн. В. В. Голицыну, который въ разговорѣ съ иностранцемъ Невилемъ высказалъ мнѣніе о необходимости «поставить Россію на одну доску съ другими государствами и первымъ средствомъ для этого считалъ «освобожденіе крестьянъ и предоставленіе имъ тѣхъ земель, которыя они обрабатываютъ». Однако, Голицынъ ничего не могъ сдѣлать въ пользу крестьянъ и первыя попытки остановить развитіе крѣпостнаго права относятся уже къ царствованію Петра Великаго. Петръ дозволилъ дворовымъ поступать въ военную службу и безъ согласія господина; крестьянамъ, производившимъ торговлю на извѣстную сумму, разрѣшено было приписываться къ городамъ и противъ желанія помѣщика; имѣнія помѣщиковъ, разоряющихся своихъ крестьянъ, приказано было отдавать въ управленіе родныхъ владѣльцевъ; сенату было повелѣно изыскать мѣры къ ограниченію продажи людей безъ земли. Но рядомъ съ этимъ слѣдуетъ отмѣтить, что крѣпостное право усилилось при Петрѣ въ томъ отношеніи, что кабальные холопы, прежде освобождавшіеся со смертью владѣльца, были лишены этого права. При преемникахъ Петра

крѣпостное право усиливалось и распространялось безъ всякихъ ограниченій: увеличилась численность крѣпостныхъ посредствомъ приписки по ревнзіямъ и пожалованія населенныхъ имѣній, и кромѣ этого при императрицѣ Елисаветѣ помѣщикамъ предоставлено было право отправлять своихъ крестьянъ въ Сибирь на поселеніе. Крѣпостное право казалось помѣщикамъ явленіемъ вполне нормальнымъ, такъ какъ они сами были закрѣпощены государству вслѣдствіе обязательности службы; но манифестъ Петра III о вольности дворянства уничтожилъ это основаніе бытія крѣпостного права, и съ царствованія императрицы Екатерины II начинается рядъ мѣръ и проектовъ объ ограниченіи и окончательномъ упраздненіи зависимости крестьянъ отъ помѣщиковъ. Но прежде чѣмъ перейти къ царствованію Екатерины II, скажемъ нѣсколько словъ объ отношеніи къ крестьянскому вопросу до-екатерининской литературы. Объ ограниченіи помѣщичьей власти говорилъ одинъ Посошковъ: онъ желалъ точнаго опредѣленія платежей и повинностей крестьянъ въ пользу помѣщика и отдѣленія крестьянской земли отъ помѣщичьей. Татищевъ касался крестьянскаго вопроса только мимоходомъ, при чемъ отзывался, что уничтоженіе крѣпостного права «съ нашею формою правленія монаршескаго не согласуеть, и вкоренившійся обычай неволи перемѣнить не безопасно». Кантеміръ въ своихъ сатирахъ только изрѣдка говоритъ объ угнетенномъ положеніи крестьянъ. У Ломоносова мы находимъ только одну фразу, которой онъ упоминаетъ о «помѣщичьихъ отягощеніяхъ крестьянъ».

Обратимся къ императрицѣ Екатеринѣ, которая, какъ говоритъ В. И. Семевскій, «повидимому, была самымъ подходящимъ человекомъ, чтобы, если не довести до конца, то, по крайней мѣрѣ, начать измѣненіе быта крестьянъ». Еще будучи великой княгиней, она писала: «противно христіанской вѣрѣ и справедливости дѣлать невольниками людей: они всѣ рождаются свободными». Она предполагала уничтожить крѣпостное право постепенно, освобождая крестьянъ при переходѣ имѣній въ руки новыхъ владѣльцевъ; такое уничтоженіе рабства, по ея мнѣнію, должно было совершиться въ теченіе ста лѣтъ. Либеральныя вѣянія проявились сильнѣе всего въ началѣ царствованія Екатерины. По примѣру императрицы, а отчасти и по ея побужденію, крестьянскимъ вопросамъ стали заниматься въ высшихъ правительственныхъ сферахъ. Являются проекты ограниченія крѣпостнаго права (напр. П. И. Панина) и даже окончательнаго его упраздненія. Такъ нашъ посланникъ въ Парижѣ, кн. Д. А. Голицынъ, предлагалъ утвердить за крестьянами ихъ движимое имущество, дозволить имъ жаловаться на помѣщиковъ и даже даровать имъ личную свободу, безъ земли, при чемъ инициатива такого освобожденія должна была прежде всего явиться въ дворцовыхъ имѣніяхъ; вся земля, по его предположеніямъ, должна была остаться за помѣщикомъ, крестьянинъ же обра-

щался въ арендатора; конечно, такой либерализмъ былъ очень опасенъ: положеніе крестьянъ, если бы принять проектъ кн. Голицына, стало бы вполне невыносимымъ. И. П. Елагинъ предлагалъ уступить крестьянамъ землю въ потомственное пользованіе и опредѣлить размѣръ ихъ платежей и работъ, но при этомъ онъ считалъ возможнымъ искусственно устроить дворы по 4 работника въ каждомъ, чѣмъ разрушалась крестьянская община. Не довольствуясь этими записками, императрица обратилась къ только-что основанному тогда вольному экономическому обществу съ вопросомъ объ устройствѣ крестьянской собственности. Общество объявило въ печати задачу на соисканіе преміи. Тема была поставлена такимъ образомъ: «что полезнѣе для общества,—чтобы крестьянинъ имѣлъ въ собственности землю или токмо движимое имѣніе, и сколь далеко его права на то и другое имѣніе простираться должны?» На эту задачу было прислано 162 отвѣта, изъ нихъ 7 русскихъ. Первую награду получилъ французъ Беарде-де-Лабея; онъ совѣтовалъ дать крестьянамъ личное освобожденіе и движимое имущество, земельный же надѣлъ, имъ предложенный, слишкомъ малъ и обращаетъ крестьянина въ арендатора помѣщичьей земли. Наиболѣе либеральнымъ оказывается сочиненіе Граслена, который считалъ извращеніемъ естественнаго порядка какъ рабство, такъ и то положеніе вещей, когда правомъ собственности на землю пользуются люди, не занимающіеся ея обработкой. Изъ русскихъ сочиненій укажемъ мнѣніе Полѣнова: онъ отнесся критически къ существовавшимъ отношеніямъ между помѣщиками и крѣпостными, требовалъ предоставленія крестьянамъ земли въ наследственное пользованіе, прекращенія продажи крестьянъ въ розницу безъ земли, огражденія отъ произвола помѣщика движимаго имущества крестьянина, точнаго опредѣленія его повинностей и предоставленія права выкупа на волю за опредѣленную сумму, хотя и ставилъ введеніе всѣхъ этихъ мѣръ въ зависимость отъ желанія помѣщиковъ. Сочиненіе Полѣнова оставалось не напечатаннымъ до 60-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія, такъ какъ критика современнаго строя отличается въ немъ большою рѣзкостью; напечатано было сочиненіе Беарде-де-Лабея.

Но прежде, чѣмъ рѣшено было печатать это произведеніе, крестьянскій вопросъ былъ поднятъ въ Комиссіи для составленія новаго уложенія. Изложенію преній Комиссіи предпослѣмъ нѣсколько словъ объ отношеніи къ крестьянскому вопросу «Наказа» императрицы Екатерины. «Наказъ» составленъ подъ сильнымъ вліяніемъ Монтескье, а у него мы находимъ такую фразу: «не должно вдругъ и черезъ узаконеніе общее дѣлать великаго числа освобожденныхъ»; поэтому и въ «Наказѣ» рѣчь идетъ не объ освобожденіи крестьянъ, а объ улучшеніи ихъ быта; главныя измѣненія, которыя требуются въ «Наказѣ»—были: опредѣленіе повинностей крестьянъ

закономъ, огражденіе ихъ правъ на имущество, свобода ихъ браковъ и наказаніе помѣщиковъ, мучающихъ крестьянъ.

Обратимся къ Комиссіи для составленія новаго уложенія. Въ ней крестьянскій вопросъ возбудилъ сильнѣйшія пренія. Депутаты разныхъ сословій просили о разрѣшеніи владѣть крѣпостными и не дворянамъ, но эти притязанія встрѣтили энергическій отпоръ, какъ со стороны дворянства, такъ и со стороны нѣкоторыхъ депутатовъ не дворянъ; такъ напр., сильно возражалъ противъ нихъ депутатъ хоперской крѣпости Алейниковъ. «Мы видимъ цѣлую Европу, — говорилъ онъ, — которая въ крѣпостныхъ крестьянахъ никакой нужды не имѣетъ. И не будетъ ли предсужденія всѣмъ гг. депутатамъ и всему нашему государству предъ другими европейскими странами, когда по окончаніи сей высокославной комиссіи узаконено будетъ покупать и продавать крестьянъ какъ скотину, да еще такихъ же христіанъ, какъ и мы сами». Противъ злоупотребленій крѣпостнымъ правомъ раздавалось въ комиссіи не мало протестовъ, но дворяне отнеслись сочувственно только къ требованію запретить продажу людей по одиночкѣ. Особенно много возбудили споровъ предложенія депутата Коробьина: 1) опредѣлить закономъ повинности крестьянъ, и 2) дать имъ право собственности на имѣніе. Въ предложеніи Коробьина была нѣкоторая неопредѣленность во второмъ пунктѣ, было не ясно, что понимаетъ онъ подъ «правомъ собственности на имѣніе»; нѣкоторые депутаты поняли его предложеніе такимъ образомъ, что онъ хочетъ отдать крестьянамъ въ собственность землю, и возстали противъ этого. Коробьинъ отвѣчалъ уклончиво, что въ его словахъ нѣтъ прямого требованія надѣлать крестьянъ землей, но все-таки не формулировалъ опредѣленно своихъ желаній. Сущность возраженій противъ перваго пункта предложенія Коробьина сводится къ тому, что невозможно опредѣлить закономъ размѣръ крестьянскихъ повинностей въ виду чрезвычайнаго разнообразія условій въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи. Весьма важно было, что противники Коробьина указывали на вредъ, могущій произойти отъ предоставленія земли въ собственность крестьянамъ, съ правомъ ея отчужденія, — въ этихъ возраженіяхъ было указаніе на пагубность безземельнаго освобожденія.

Но каковъ же былъ результатъ всѣхъ этихъ записокъ, сочиненій на премію, разсужденій въ законодательныхъ комиссіяхъ? Результатъ былъ болѣе отвлеченный, теоретическій: — крестьянскій вопросъ былъ поставленъ въ первый разъ, — практическихъ же послѣдствій, какого-либо облегченія въ судьбѣ крѣпостныхъ, не было никакихъ. Тяжесть крѣпостнаго права вызывала среди крестьянъ сильное броженіе, а отъ теоретическихъ разсужденій имъ не становилось легче. Весьма возможно, что до нихъ доходили слухи о предполагаемыхъ реформахъ, и нетерпѣніе ихъ должно было еще болѣе разрастаться. «Въ бывшей Комиссіи о сочиненіи уложенія»,

говорить авторъ одного изъ консервативныхъ разсужденій по крестьянскому вопросу, «неосторожно предлагаемыя мнѣнія отъ господъ депутатовъ, а паче отъ Коробьина, всѣяли сію заразу въ сердца низкихъ людей, тутъ находящихся депутатами, и тщетно многими лучшими сынами отечества испровержено было мнѣніе г. Коробьина: упившіяся сердца лестнымъ ядомъ симъ не могли вкусить представляемаго имъ лѣкарства, и духъ неподданства и разврата въ грубыя и несмысленныя души вкоренился, зарождающійся отъ разныхъ несправедливыхъ слуховъ и отъ разглагольствій крестьянскихъ, однодворческихъ, старыхъ службъ и другихъ низкихъ чиновъ депутатовъ, которые по разѣздѣ своемъ сѣмена сіи злыя и въ отдаленнѣйшія области Россіи распростерли». Но «злыя сѣмена» дали себя почувствовать только черезъ нѣсколько лѣтъ, когда вспыхнула пугачевщина. Пугачевъ приманилъ къ себѣ крестьянъ обѣщаніемъ земли и свободы, чего не давала имъ императрица. Вибиковъ прекрасно понималъ значеніе Пугачева, говоря: «не Пугачевъ важенъ—важно общее негодованіе». Я. Е. Сиверсъ, представляя по окончаніи бунта государынѣ свои предположенія, что слѣдуетъ дѣлать, писалъ: «я позволю себѣ сказать, что неограниченное рабство погубить государство, и, мнѣ кажется, я не ошибаюсь, считая невыносимое рабское иго главною причиною волнений отъ Оренбурга до Казани и на нижнемъ теченіи Волги». Но авторъ упомянутаго разсужденія не смущался такими соображеніями и полагалъ, что «за такое всеобщее преступленіе слѣдовало бы крестьянъ, если бы и не были рабами, предать въ рабство, дондеже искоренятся злыя сѣмена въ сердцахъ ихъ».

Въ обсужденіи крестьянскаго вопроса при Екатеринѣ II не малую роль играли литература и журналистика. Обличенія злоупотребленій помѣщиковъ встрѣчаются въ сатирическихъ журналахъ, комедіяхъ императрицы, Фонъ-Визина и Княжнина, стихотвореніяхъ и прозаическихъ статьяхъ Сумарокова, особенно же въ «Почтѣ духовъ» и «Зрителѣ» Крылова. Но не всегда такія обличенія проходили свободно: такъ не была напечатана ода Катенина «На рабство», а Радищевъ жестоко поплатился за свое «Путешествіе». Замѣтимъ еще, что рядомъ съ обличеніями мы встрѣчаемъ иногда идеализацію быта крѣпостныхъ подъ управленіемъ благодѣтельныхъ помѣщиковъ.

Но, не смотря на всякія либеральныя вѣянія, подводя итоги сдѣланному въ пользу крестьянъ при Екатеринѣ, мы видимъ, что положеніе ихъ не только не улучшилось, но даже ухудшилось. Въ пользу ихъ было принято правительствомъ нѣсколько весьма несущественныхъ мѣръ (продажа людей безъ земли запрещена была только при продажѣ имѣній съ аукціона, запрещено вольноотпущеннымъ вновь закрѣпощаться и др.), но за то было дозволено помѣщикамъ отдавать своихъ людей въ каторжную работу съ пра-

вомъ братъ ихъ обратно по своему усмотрѣнію, крѣпостное право введено въ Малороссіи и Слободской Украйнѣ, роздана масса населенныхъ имѣній. Однако, какъ замѣчаетъ В. И. Семевскій, «если необходимо признать, что въ царствованіе Екатерины было сдѣлано гораздо болѣе для усиленія и распространенія крѣпостного права, чѣмъ для его ограниченія, нельзя не считать ея большою заслугою, что она громко поставила вопросъ о необходимости улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ».

Кратковременное царствованіе императора Павла ознаменовалось главнымъ образомъ неумѣренной раздачей казенныхъ крестьянъ¹⁾. Вскорѣ по вступленіи на престолъ императора Павла были прикрѣплены къ землѣ крестьяне на Дону и въ губерніяхъ: Екатеринославской, Вознесенской, Кавказской и Таврической. Въ литературѣ крестьянскій вопросъ за это время находился подъ запретомъ. Однако же на дѣлѣ были приняты нѣкоторыя мѣры для улучшенія быта крѣпостныхъ: въ Малороссіи было запрещено продавать ихъ безъ земли, и для всей Россіи опредѣленъ размѣръ барщины, въ количествѣ трехъ дней въ недѣлю. Относительно послѣдней мѣры надо замѣтить, что она мало исполнялась, а для Малороссіи являлась повышеніемъ крестьянскихъ повинностей,—такъ тамъ установилась барщина двухдневная.

Восшествіе на престолъ императора Александра I было встрѣчено съ самыми радостными надеждами, ожидалось между прочимъ и облегченіе участи крестьянъ. Императоръ имѣлъ въ этомъ отношеніи весьма благія намѣренія. Его воспитатель Лагарпъ въ своемъ историческомъ курсѣ старался внушить ему очень высокое мнѣніе о крестьянствѣ, какъ о сословіи, наименѣе испорченномъ и наиболѣе приносящемъ пользы; Лагарпъ съ сочувствіемъ рассказывалъ о возстаніяхъ рабовъ и гладіаторовъ, онъ говорилъ: «по какому праву человекъ можетъ безнаказанно угнетать себя подобныхъ и требовать отъ нихъ безропотнаго перенесенія жесточайшихъ страданій? Жестоко было бы зажимать ротъ страдальцамъ, чтобы не слышать ихъ криковъ и рыданій, и въ высшей степени неблагоприятно доводить людей до отчаянія съ его гибельными послѣдствіями». Кружокъ, сгруппировавшійся около молодого императора тоже весьма сочувственно относился къ крестьянству. Наиболѣе консервативнымъ изъ его членовъ былъ Новосильцовъ, но и онъ возставалъ противъ злоупотребленій помѣщиковъ. Дальше всѣхъ въ своихъ нападеніяхъ на крѣпостное право шелъ гр. П. А. Строгоновъ, онъ доказывалъ, что дворянъ нечего бояться. «Чего не было сдѣлано, говорилъ онъ, въ прошедшее царствованіе противъ этихъ людей, противъ ихъ личной безопасности? Если когда-нибудь представлялся

¹⁾ Объ этомъ смотри нашу статью: «Къ характеристикѣ императора Павла». «Истор. Вѣстникъ» 1888, № 6, стр. 641—658.

поводъ бояться чего-либо, то именно въ эту эпоху. Пришло ли имъ это на мысль? Напротивъ, всякая мѣра, клонившаяся къ нарушенію правъ дворянства, выполнялась съ изумительной точностью, и именно дворянинъ приводилъ въ исполненіе мѣры, направленные противъ его собрата, противныя выгодѣ и чести сословія». Если бояться неудовольствія или возстанія, то его нужно, по мнѣнію гр. Строгонова, ожидать не со стороны дворянъ, а со стороны крестьянъ, которые «съ самаго дѣтства преисполняются ненавистью къ помѣщикамъ, своимъ притѣснителямъ». «Народъ всегда преданъ правительству: онъ вѣритъ, что императоръ готовъ его защищать, и если является какая-нибудь стѣснительная мѣра, то ее приписываютъ не государю, а министрамъ». Опасность заключается не въ освобожденіи крестьянъ, а въ удержаніи крѣпостного состоянія. Подобныя рѣчи не проходили безслѣдно для молодого императора, онъ самъ разъ высказалъ, что «слѣдуетъ удовлетворить массу народа, которая, взволнуясь и сознавъ свою силу, можетъ сдѣлаться опасною». Но не смотря на либерализмъ окружающихъ, не смотря на собственныя либеральныя мечтанія, императоръ сдѣлалъ для крѣпостныхъ чрезвычайно мало. Причиною этого въ первую половину царствованія являлась крайняя нерѣшительность императора, составлявшая одно изъ постоянныхъ свойствъ его характера, а во вторую половину преобразовательное движеніе было заторможено недовѣрчивостью, подозрительностью, постояннымъ опасеніемъ революціи, которыя развились въ императорѣ, главнымъ образомъ, подъ влияніемъ западныхъ консервативныхъ политическихъ дѣятелей.

Нерѣшительность Александра въ крестьянскомъ дѣлѣ обнаружилась съ самыхъ первыхъ шаговъ. Уже въ 1801 году онъ высказалъ желаніе, чтобы была прекращена продажа людей безъ земли, но вмѣсто того, чтобы настоять на своемъ желаніи, онъ уступилъ мнѣнію совѣта, отклонившаго эту мѣру. Все дѣло ограничилось именнымъ указомъ президенту Академіи Наукъ, барону Николаи, о непринятіи ни отъ кого объявленій для помѣщенія въ вѣдомостяхъ о продажѣ людей безъ земли. Указъ не достигъ цѣли. Приличіе было соблюдено, и вмѣсто прежнихъ объявленій появились новыя, что такой-то крѣпостной человѣкъ или такая-то крѣпостная дѣвка отпускаются въ услуженіе, а это значило, что они попрежнему продавались. Вопросъ о запрещеніи продажи людей безъ земли возбуждался еще разъ въ 1820 г., но опять безуспѣшно. Характеренъ фактъ, что императоръ, когда ему до этого вторичнаго обсужденія вопроса доложили о случаѣ продажи крестьянъ безъ земли, забылъ, что она не отмѣнена и сильно разсердился; такимъ образомъ, не смотря на сильное желаніе уничтожить продажу людей безъ земли, императоръ оба раза оказался крайне нерѣшительнымъ.

Одною изъ самыхъ важныхъ мѣръ въ пользу крестьянъ при

«истор. вѣстн.», скитверъ, 1888 г., т. XXXII.

Александръ I было учрежденіе свободныхъ хлѣбопашцевъ. Оно явилось по инициативѣ гр. С. П. Румянцова, который предложилъ дозволить помѣщикамъ отпускать своихъ крестьянъ на волю вмѣстѣ съ землею; государь отнесся весьма сочувственно къ этой мысли и въ 1803 г. появился указъ, по которому помѣщикамъ было дозволено заключать съ крестьянами тройкаго рода условія: 1) когда крестьяне получали свободу съ землею, внеся господину при самомъ освобожденіи извѣстную сумму; 2) когда при увольненіи плата рассрочивалась на извѣстное число лѣтъ, въ теченіе которыхъ они обязаны были исполнять въ пользу помѣщика опредѣленные повинности и 3) когда крестьяне, оставаясь крѣпкими землѣ, обязывались на извѣстное число лѣтъ, до смерти помѣщика или навсегда, исполнять извѣстныя повинности или платить оброкъ деньгами или продуктами. Въ этомъ законѣ было одно неудобное условіе: помѣщикъ дѣлилъ землю на участки и каждый крестьянинъ получалъ опредѣленный надѣлъ съ планомъ на него, — такимъ образомъ, общинное землевладѣніе обращалось въ подворное. Однако, это условіе обыкновенно не исполнялось и въ царствованіе Николая I было отмѣнено. Законъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ произвелъ дѣльную бурю въ тогдашнемъ обществѣ, инициатора его гр. Румянцова вездѣ поносили, вводили на него разныя клеветы и инсинуаціи. Гр. Ѳ. В. Ростопчинъ писалъ своему другу Циціанову: «Румянцову вѣрно захотѣлось или въ четвертый разъ въ службу или двухъ аршинъ голубой ленты. Но увы! отправленъ съ табакеркой! Ты представишь себѣ легко можешь, что за волненіе въ Москвѣ все сіе произвело: и ефимоны перестали читать, чтобы бранить новаго спасителя рода человѣческаго, т. е. Сергѣя Петровича». Державинъ ввелъ на Румянцова чистѣйшую небыллицу, будто крестьяне, отпущенные имъ на волю, были не крѣпостные его, а вольные, поселенные его отцомъ, фельдмаршаломъ, «на его земляхъ, вновь отъ Порты приобрѣтенныхъ».

Важность закона о свободныхъ хлѣбопашцахъ заключалась въ томъ, что онъ отнималъ у помѣщиковъ возможность безземельнаго освобожденія крестьянъ цѣлыми вотчинами. А, между тѣмъ, опасность обезземеленія крестьянъ въ эпоху Александра была довольно велика: при немъ совершилось безземельное освобожденіе въ Остзейскомъ краѣ, это было плохимъ прецедентомъ, и мысль о выгодуности такого освобожденія для землевладѣльцевъ могла бы очень легко распространиться среди нашего дворянства. Поэтому весьма важны были протесты противъ безземельнаго освобожденія, исходившіе отъ такихъ вліятельныхъ людей, какъ Сперанскій.

Изъ другихъ мѣръ, принятыхъ въ царствованіе Александра для улучшенія быта крѣпостныхъ, отмѣтимъ слѣдующія: было прекращено пожалованіе населенныхъ имѣній въ полную собственность, хотя раздавались аренды; уничтожено правило: «по холопу раба»;

запрещено запродавать трудъ крѣпостныхъ на фабрики и заводы, запрещенъ торгъ крѣпостными на ярмаркахъ, уничтожено право помѣщиковъ ссылать крѣпостныхъ въ каторжную работу.

До сихъ поръ мы обращали вниманіе на положеніе крестьянскаго вопроса въ высшихъ правительственныхъ сферахъ; посмотримъ, какую роль въ его обсужденіи при Александрѣ играли литература и наука. Вольное Экономическое Общество принимало въ разработкѣ вопроса постоянное и дѣятельное участіе; оно предложило цѣлый рядъ задачъ, рѣшеніе которыхъ должно было уяснить крестьянское дѣло: въ 1803 г. оно предложило тему о поднятій трудолюбія въ нижнихъ состояніяхъ людей, въ 1804 г.—о причинахъ дороговизны на съѣстные припасы, въ 1809 г. о сравнительной выгодѣ для помѣщиковъ и крестьянъ барщиннаго и оброчнаго хозяйства, въ 1812 г. двѣ задачи: 1) о сравнительной выгодности крѣпостного и вольнонаемнаго труда и 2) объ отдѣленіи въ помѣщичьихъ имѣніяхъ земледѣльцевъ отъ фабричныхъ. Всѣ эти задачи вызвали много отвѣтовъ самаго разнообразнаго направленія и весьма любопытныхъ. Наиболѣе интересными представляются отвѣты профессора харьковскаго университета Якоба.

Въ литературѣ крестьянскій вопросъ затрогивался Батюшковымъ, Пушкинымъ, кн. Вяземскимъ, Грибоѣдовымъ, Нарѣжнымъ и Державинымъ. Не будемъ излагать взглядовъ этихъ писателей, они большей частью извѣстны; скажемъ нѣсколько словъ о цензурныхъ стѣсненіяхъ, которыя имъ приходилось испытывать: не могли появиться въ печати «Уединеніе» Пушкина и многія стихотворенія кн. Вяземскаго, «Горе отъ ума» явилось въ свѣтъ въ слѣдующее уже царствованіе и то съ урѣзками. Серьезные научные труды пропускались съ большими препятствіями; книга Пнина «Опытъ о просвѣщеніи» была запрещена во второмъ изданіи, диссертацию Кайсарова о крѣпостномъ правѣ нельзя было перевести съ латинскаго языка, курсъ политической экономіи Шторха, читанный великимъ князьямъ Николаю и Михаилу Павловичамъ, не могъ появиться на русскомъ языкѣ, профессора петербургскаго университета Арсенъевъ и Германъ были удалены отъ службы за то, что задѣвали въ своихъ лекціяхъ крѣпостное право. Относительно журналовъ въ 1818 г. состоялось слѣдующее распоряженіе министра народнаго просвѣщенія, кн. А. Н. Голицына: «обратить вниманіе цензуры на издаваемые журналы и другія сочиненія, дабы въ нихъ ни подъ какимъ видомъ не было печатаемо ничего ни въ защищеніе, ни въ опроверженіе вольности или рабства крестьянъ, не только здѣшнихъ, но и иностранныхъ, ни вообще матерій, касающихся до распоряженій правительства».

Цензура препятствовала гласному обсужденію крестьянскаго вопроса, но не могла остановить множества рукописныхъ мемуаровъ, посвященныхъ ему. Укажемъ нѣкоторыя изъ этихъ записокъ.

Сперанскій желалъ постепеннаго уничтоженія крѣпостнаго права, при чемъ настаивалъ на надѣлѣ крестьянъ землею,—однако, надо замѣтить, что онъ болѣе думалъ о политическомъ преобразованіи Россіи. Мордвиновъ протестовалъ противъ всякаго ограниченія крѣпостнаго права и желалъ созданія въ Россіи богатой и могущественной аристократіи. Карамзинъ, Шишковъ и масоны, всѣ со своихъ особыхъ точекъ зрѣнія, защищали крѣпостное право, при этомъ масонъ Поздѣвъ высказывалъ замѣчательное презрѣніе къ русскому народу, рекомендуя «эзекутнымъ духомъ» искоренять въ немъ «духъ иллюминатскій». Н. И. Тургеневъ полагалъ, что «недозволительно думать о политической свободѣ» тамъ, гдѣ несчастные крестьяне «не знаютъ и простой свободы», и тѣмъ давалъ отличный отпоръ теоретикамъ въ родѣ Мордвинова и Сперанскаго. Одинаковыхъ взглядовъ въ этомъ отношеніи съ Тургеневымъ держался и Пушкинъ.

Вопросъ объ освобожденіи крестьянъ занималъ видное мѣсто въ планахъ декабристовъ: о немъ упоминается въ «конституціи» кн. Трубецкаго, Пестель предполагалъ дать крестьянамъ надѣлы, Рылѣевъ стоялъ за надѣленіе крестьянъ не только огородной, но и пашенной землей, временное правительство должно было выработать основныя начала освобожденія крестьянъ. Но декабристы были побѣждены, и новому императору пришлось взять на себя рѣшеніе части той задачи, которую они себѣ поставили, т. е. выработать основанія для освобожденія крестьянъ.

Императоръ Николай сознавалъ всю важность крестьянскаго вопроса, всю настоятельность возможно быстраго его рѣшенія. Эта мысль внушалась ему еще его преподавателемъ политической экономіи Шторхомъ, хотя надо замѣтить, что въ проектахъ Шторха было много неопредѣленности, что происходило отъ незнанія условій русской жизни и поземельныхъ отношеній. Императоръ неоднократно имѣлъ случай высказывать свои освободительныя стремленія. Въ 1834 г. онъ объявлялъ гр. Киселеву: «Мы займемся этимъ (т. е. крестьянскимъ вопросомъ) когда-нибудь. Я знаю, что могу рассчитывать на тебя: ибо мы оба имѣемъ тѣ же идеи, питаемъ тѣ же чувства въ этомъ важномъ вопросѣ, котораго мои министры не понимаютъ, и который ихъ пугаетъ. Видишь ли, здѣсь я со вступленія моего на престолъ собралъ всѣ бумаги, относящіяся до процесса, который я хочу вести противъ рабства, когда наступитъ время, чтобы освободить крестьянъ во всей имперіи». Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ государь высказалъ Киселеву свои намѣренія еще опредѣленнѣе: «Я говорилъ со многими изъ моихъ сотрудниковъ, и ни въ одномъ не нашелъ прямого сочувствія; даже въ семействѣ моемъ нѣкоторые были совершенно противны; не смотря на то, я учредилъ комитетъ изъ 7 членовъ для рассмотрѣнія постановленій о крѣпостномъ правѣ. Я нашелъ противодѣйствіе. По

отчету твоему о княжествах¹⁾ я видѣлъ, что ты этимъ дѣломъ занимался и тѣмъ положилъ основаніе къ будущему довершенію этого важнаго преобразованія; помогай мнѣ въ дѣлѣ, которое я почитаю должнымъ передать сыну съ возможнымъ облегченіемъ при исполненіи, и для того подумай, какимъ образомъ надлежитъ приступать безъ огласки къ собранію нужныхъ матеріаловъ и составленію проекта или руководства къ постепенному осуществленію мысли, которая меня постоянно занимаетъ, но которую безъ добраго пособія исполнить не могу». Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого государь произнесъ рѣчь о крестьянскомъ дѣлѣ въ государственномъ совѣтѣ. «Нѣтъ сомнѣнія, сказалъ онъ, что крѣпостное право въ нынѣшнемъ его у насъ положеніи есть зло, для всѣхъ ощутительное и очевидное; но прикасаться къ оному теперь было бы зломъ, конечно, еще болѣе гибельнымъ. Императоръ Александръ I, въ намѣреніяхъ ко-его въ началѣ его царствованія было даровать свободу крѣпостнымъ людямъ, впоследствии самъ отклонился отъ сей мысли, какъ еще совершенно преждевременной и невозможной въ исполненіи. Я также никогда на сіе не рѣшусь: если время, когда можно будетъ къ тому приступить, вообще еще весьма далеко, то въ настоящую эпоху всякій помыселъ о семъ былъ бы лишь преступнымъ посягательствомъ на общественное спокойствіе и благо государства. Пугачевскій бунтъ доказалъ, до чего можетъ достигнуть буйство черни. Повдѣйшія событія и поштыки сего рода доселѣ всегда были счастливо прекращаемы, что, конечно, и впредь точно также будетъ предметомъ особенной и съ Божіей помощью успѣшной заботливости правительства. Но нельзя скрывать отъ себя, что нынѣ мысли уже не тѣ, какія бывали прежде, и всякому благоразумному наблюдателю ясно, что теперешнее положеніе не можетъ продолжаться навсегда. Но если настоящее положеніе таково, что не можетъ продолжаться, а рѣшительныя къ прекращенію онаго мѣры безъ общаго потрясенія невозможны, то необходимо по крайности приготовить средства для постепеннаго перехода къ иному порядку вещей и, не утрущаясь передъ всякой перемѣной, хладнокровно обсудить ея пользу и послѣдствія. Не должно давать вольности, но должно открыть путь къ другому, переходному состоянію, связавъ съ нимъ ненарушимое право вотчинной собственности на землю. Я почитаю сіе священною своею обязанностью и обязанностью преемниковъ своихъ на престолѣ». Изъ всѣхъ приведенныхъ словъ императора мы видимъ, что онъ прекрасно понималъ ненормальность крѣпостнаго права, называлъ его «рабствомъ», искренно желалъ его уничтоженія, но разными обстоятельствами, вѣроятно же всего, противодѣйствіемъ, встрѣченнымъ имъ въ близкой ему средѣ, вы

¹⁾ Молдавія и Валахія, которыми Киселевъ управлялъ въ теченіе 5 лѣтъ съ 1829 г.

нужденъ былъ отложить тотъ процессъ, который намѣревался вести противъ него, признавъ уничтоженіе крѣпостнаго права преждевременнымъ и своею задачей сталъ считать его смягченіе и подготовку средствъ къ совершенію великаго дѣла для своего сына.

Обратимся теперь къ лицамъ, окружавшимъ императора. Изъ нихъ наиболѣе выдается гр. Киселевъ. Онъ стремился не къ совершенному уничтоженію крѣпостнаго права, но не обращенію его въ регулированное закономъ прикрѣпленіе къ землѣ. Въ 1840 г. онъ представилъ государю слѣдующую программу улучшенія быта крестьянъ: 1) устройство быта дворовыхъ людей; 2) назначеніе для крестьянъ опредѣленныхъ земельныхъ надѣловъ и предоставленіе имъ права на движимую собственность; 3) взиманіе рекрутъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ по общимъ правиламъ, установленнымъ относительно отбыванія очередей для прочихъ сословій; 4) ограниченіе права помѣщиковъ наказывать крестьянъ; 5) устройство между крѣпостными сельскаго управленія, съ сохраненіемъ вліянія помѣщиковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ предоставленіемъ крестьянамъ права обращаться въ судебныя мѣста. Изъ этихъ предположеній, одобренныхъ государемъ, исполнены были очень немногія, да и то въ искаженномъ видѣ. Киселеву приходилось иногда вступать въ бурныя пренія съ своими противниками. Въ 1847 г., возражая гр. Уварову, онъ такъ характеризовалъ тактику своихъ оппонентовъ: когда защитники ограниченія крѣпостнаго права выставляютъ общее положеніе, то имъ возражаютъ, что внезапный переворотъ опасенъ и что нужно частями и послѣдовательно исправлять зло, отсыкая его при каждомъ удобномъ случаѣ; а когда такой случай представляется, то находятъ, что текущее дѣло не можетъ возбуждать столь важныхъ сужденій. «Подобная теорія, говорилъ Киселевъ, ведетъ прямо къ тому, чтобы оставаться въ неподвижности и ожидать кровавыхъ событій, могущихъ вынудить правительство согласиться на то, въ чемъ отказать уже будетъ не въ силахъ». Дѣятельность Киселева возбуждала противъ себя неудовольствіе, про него пускали въ ходъ разныя клеветы, въ родѣ того, что онъ очень выгодно продалъ въ казну свое имѣніе въ Харьковской губ., хотя такого имѣнія у него вовсе и не было; сотрудникъ Киселева, Заблоцкій-Десятовскій, по прояскамъ кн. А. С. Меншикова, былъ забаллотированъ въ англійскомъ клубѣ.—Изъ другихъ приближенныхъ императора въ пользу крестьянъ высказывался гр. Бенкендорфъ. Онъ говорилъ: «при постоянныхъ опасеніяхъ ни до чего нельзя достигнуть. Причины взрыва, которыя во время отклонить можно, не уничтожаются нерѣшимостью, а лишь укрѣпляются, и чѣмъ позднѣе будетъ сей взрывъ, тѣмъ сильнѣе и опаснѣе». Гр. Левашевъ полагалъ, «что въ дѣлѣ, такъ близко связанномъ съ интересами двухъ противоположныхъ сословій, лучше дѣйствовать рѣшительно; всякія полумѣры бесполезны и даже вредны». Кн. Чер-

нышевъ, Волконскій, Меншиковъ, Васильчиковъ, Орловъ стояли за сохраненіе status quo. Особенно энергичнымъ противникомъ Киселева выступалъ кн. Меншиковъ, допускавшій впрочемъ безземельное освобожденіе крестьянъ и ратовавшій при этомъ противъ общиннаго землевладѣнія. Безземельное освобожденіе допускалось и въ запискѣ Сперанскаго, поданной императору еще въ началѣ царствованія. Къ счастью противъ безземелья высказались при императорѣ Николаѣ такіе авторитетные люди, какъ Киселевъ и Перовскій, хотя послѣдній и держался консервативнаго образа мыслей въ отношеніи къ крѣпостному праву. Наконецъ, упомянемъ, что въ консервативномъ смыслѣ высказывался въ это время и наследникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ: онъ былъ недоволенъ дѣятельностью Бибикова относительно введенія инвентарей въ Западномъ краѣ, въ комитетѣ 1848 г. онъ высказался за отміну закона, дарующаго крѣпостнымъ право выкупаться на волю при продажѣ имѣній съ аукциона. Однако, мы должны оговориться, что взглядъ цесаревича въ этотъ періодъ и мотивы, руководившіе его дѣйствіями, далеко еще не выяснены, и считать его направленіе вполне консервативнымъ мы никакъ не можемъ; быть можетъ заявленія его въ консервативномъ смыслѣ получать другую окраску, когда мы лучше ознакомимся съ обстоятельствами его жизни въ это время.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что изъ окружавшихъ императора лицъ многія соглашались на ограниченіе крѣпостного права, но были у нихъ и противники, да и среди нихъ самихъ не было единогласія по вопросу о томъ, что считать наиболѣе полезнымъ и своевременнымъ: мѣра, предложенная однимъ, обыкновенно, встрѣчала противодѣйствіе со стороны другихъ. Съ начала царствованія императора Николая, мы видимъ, что учреждается цѣлый рядъ комитетовъ, специально занятыхъ крестьянскимъ дѣломъ; но результаты работъ этихъ комитетовъ оказывается весьма незначительнымъ: всему мѣшало указанное разногласіе приближенныхъ государя, входившихъ въ составъ комитетовъ. Ни одинъ изъ вопросовъ, поставленныхъ комитетомъ, вполне разрѣшенъ не былъ. Не смотря на весьма обстоятельное разсмотрѣніе вопроса о запрещеніи продажи людей безъ земли, полного ея запрещенія не послѣдовало, и только не было позволено разлучать при этомъ членовъ семейства и запрещено покупать ихъ безъ земли иначе, какъ съ припискою къ населеннымъ имѣніямъ. Повинности крестьянъ опредѣлены были только въ Западномъ краѣ, благодаря энергической дѣятельности Д. Г. Бибикова. Вопросъ о запрещеніи перевода крестьянъ съ пашни во дворъ былъ рѣшенъ отрицательно, и дворовымъ было позволено заключать договоры съ помѣщиками о своемъ увольненіи. Размѣръ выкупа при отпускѣ на свободу опредѣленъ не былъ. Въ 1847 г. на всю Россію было распространено право гру-

винскихъ крестьянъ выкупаться на волю при продажѣ нѣвнѣй съ аукціона, но черезъ два года оно было отгнѣнено. Указъ объ обязанныхъ крестьянахъ, какъ мѣра необязательная, нѣмѣло мало значенія.

Неуспѣхъ правительственной дѣятельности по крестьянскому вопросу въ эту эпоху объясняется отчасти и тѣмъ обстоятельствомъ, что разбираемый вопросъ составлялъ нѣчто въ родѣ канцелярской тайны. Комитеты, его обсуждавшіе, были секретныя, казенныя; гласность не допускалась. Печать была устранена отъ этого вопроса, она была не менѣе стѣснена, чѣмъ при Александрѣ I. Известны тѣ цензурныя стѣсненія и искаженія, которымъ подвергались провведенія Пушкина, Лермонтова, Грибоѣдова, Некрасова, въ тѣхъ частяхъ, гдѣ затрогивались помѣщичьи злоупотребленія. Сравнительно большая свобода выпала на долю И. С. Тургенева, но и ему пришлось поплатиться за «Записки охотника». Журналистика должна была избѣгать упоминаній о крѣпостномъ правѣ. Принимая въ мартѣ 1848 г. депутатовъ отъ петербургскаго дворянства, императоръ сказалъ: «нѣкоторые русскіе журналы дозволили себѣ напечатать статьи, возбуждающія крестьянъ противъ помѣщиковъ, и вообще неблаговидныя, но я принялъ мѣры, и впредь этого не будетъ». Въ 1850 г. было постановлено, чтобы «сочиненія, въ которыхъ изъясняется сожалѣніе о состояніи крѣпостныхъ крестьянъ, описываются злоупотребленія помѣщиковъ или доказываются, что перемена въ отношеніяхъ первыхъ къ послѣднимъ принесла бы пользу, не должны быть вообще разрѣшаемы къ печатанію, а тѣмъ болѣе въ книгахъ, предназначенныхъ для чтенія простого народа. Несчастная боязнь революціонныхъ движеній, обуявшая наше правительство въ послѣдніе годы царствованія Николая, до чрезвычайности усилила этотъ цензурный гнетъ: профессорамъ на лекціяхъ было запрещено «въ неумѣренныхъ выраженіяхъ изъяснять сожалѣніе о состояніи крѣпостныхъ крестьянъ», въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ въ защиту крѣпостнаго права приводились тексты изъ священнаго писанія.

Но вся эта «казенность» и «секретность», весь этотъ цензурный гнетъ, не могли заглушить въ обществѣ живѣйшаго интереса къ крестьянскому вопросу: литературу нельзя было заставить совсемъ молчать, освободительныя стремленія въ ней продолжали высказываться, университетская наука въ лицѣ нѣкоторыхъ профессоровъ не падала крѣпостнаго права, общественные кружки славянофиловъ, Герцена, Бѣлинскаго, Петрашевскаго, однимъ изъ первыхъ пунктовъ своей программы ставили освобожденіе крестьянъ. По свидѣтельству Перовскаго, вопросъ объ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія сдѣлался «однимъ изъ довольно обыкновенныхъ предметовъ откровенной бесѣды въ образованныхъ состояніяхъ». Къ скорѣйшему рѣшенію вопроса побуждало и усиліе

протестовъ крестьянъ противъ помѣщичьей власти: особенно серьезно было обширное волненіе крестьянъ въ Витебской губ. въ 1847 г. и движеніе въ 10 губерніяхъ, начавшееся въ 1854 г., послѣ вызова охотниковъ въ гребную флотилію.

Вопросъ требовалъ разрѣшенія, но императору Николаю не суждено было его покончить. Черезъ годъ послѣ его смерти его преемникомъ сказаны были знаменитыя слова московскому дворянству: «Существующій порядокъ владѣнія душами не можетъ оставаться неизмѣннымъ. Лучше начать уничтожать крѣпостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно начнетъ само собою уничтожаться снизу». Въ этихъ словахъ было повтореніе мыслей, высказанныхъ при Александрѣ I гр. Строгановымъ, при Николаѣ I гр. Бенкендорфомъ, Киселевымъ и Левашовымъ, но теперь эти слова привели къ 19 февраля, когда былъ положенъ конецъ всякой нерѣшительности и всякимъ полумѣрамъ.

А. Вороздинъ.

ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ ХЕРСОНЕСА И ЕГО УЧАСТІЕ ВЪ КРЕЩЕНІИ РУСИ ¹⁾.

РЕДСТАВИТЕЛЬ одного изъ младшихъ русскихъ университетовъ, житель младшаго изъ большихъ городовъ русскихъ, я позволяю себѣ привѣтствовать въ этомъ священномъ мѣстѣ глубокую сѣдую древность одной изъ важнѣйшихъ окраинъ обширнаго царства русскаго. Одесса еще не дожидка до своего столѣтняго юбилея, а городъ Херсонесъ, на землѣ котораго мы стоимъ теперь, могъ бы праздновать свой тысячелѣтній юбилей чуть не за 500 лѣтъ до крещенія Руси. Херсонесъ на 2,200 лѣтъ старше Петербурга, болѣе, чѣмъ на 1600 лѣтъ древнѣе Москвы. Его обширныя бухты пестрѣли своими и иностранными судами, онъ жилъ полною культурною жизнію, былъ богатъ и славенъ въ то время, когда на мѣстѣ древнѣйшихъ изъ городовъ русскихъ рыскали стада дикихъ звѣрей. Эта земля есть единственный уголокъ Россіи, хорошо извѣстный древнимъ историкамъ.

Я напомню вамъ въ главныхъ чертахъ судьбы Херсонеса съ древнѣйшихъ временъ и потомъ съ большей подробностью остановлюсь на томъ моментѣ въ его исторіи, священную память котораго мы нынѣ празднуемъ.

Во времена императора Августа всѣ берега Чернаго и Азовскаго морей были усѣяны греческими колоніями, принадлежащими, конечно, римлянамъ, которымъ принадлежалъ тогда весь извѣстный міръ: у подошвы кавказскихъ горъ лежали Фазисъ, Діоскариастъ,

¹⁾ Рѣчь, читанная 15 іюня 1888 г. въ Херсонесѣ, при празднованіи 900-лѣтія крещенія Руси.

Питионтъ, у пролива Эникальскаго Пантикапея и Фанагорія; у устьевъ Дона — Танапъ, у Дѣвпра и Вуга — Ольвія и Оденъ, у Дѣвстра Тирасъ; на берегу малоазійскомъ—Синопъ, Трапезунтъ и множество др.; на южномъ берегу Крыма—Херсонесъ и Θεодосія; отъ Дуная до Востфора тянулся почти непрерывный рядъ купеческихъ конторъ. Изъ европейскихъ колоній важнѣе всѣхъ были—Пантикапея, нынѣшняя Керчь, и Херсонесъ.

Когда именно былъ основанъ Херсонесъ, съ точностью неизвѣстно; надо думать, что столѣтій за пять до того времени, во время славной борьбы грековъ съ персами и освобожденія малоазійскихъ греческихъ городовъ отъ персидскаго ига. Основали его выходцы изъ Гераклеи Понтійской, которая въ свою очередь была колоніей извѣстной Мегары. Херсонесъ погречески значитъ: полуостровъ; этимъ словомъ съ присоединеніемъ прилагательнаго — Та-врическій назывался сперва весь Крымъ; потомъ это имя приурочилось, какъ собственное, къ лучшему городу полуострова¹⁾. Первоначально Херсонесъ, какъ думали до послѣдняго времени, былъ основанъ на томъ полуостровѣ, гдѣ нынѣ находится херсонесскій маякъ, въ мѣстѣ, очень укрѣпленномъ природою, но несомнѣнно удобномъ для житія, близъ того мыса Дѣвственницы, къ которому прикрѣпилось трагическое сказаніе объ Ифигеніи; впоследствии, когда городъ разбогатѣлъ и усилился, когда окрестныя страны и самое море уже не представляли ему такихъ опасностей, онъ постепенно былъ перенесенъ на нѣсколько верстъ сѣвернѣе. Я ска-залъ: «какъ думали до послѣдняго времени» потому, что нынѣ про-изводимыя раскопки могутъ измѣнить это убѣжденіе, обоснованное не особенно прочно.

Какъ бы то ни было, несомнѣнно, что лѣтъ за 100 до Р. Х. Херсонесъ стоялъ тамъ, гдѣ мы теперь его знаемъ, между Стрѣ-лецкой бухтой на востокъ и Карантинною на западѣ, подлѣ ны-нѣшняго Севастополя и отчасти даже на его мѣстѣ. Послѣ паденія независимости Греціи, онъ долго оставался болѣе или менѣе сво-боднымъ: какъ мелкая политическая единица, онъ часто не имѣлъ другого средства отдѣлаться отъ тѣснящихъ его варваровъ, какъ поддаться другимъ, менѣе грубымъ.

Лѣтъ за 80 до Р. Х. херсонесцевъ тѣснить скиескій царь Ски-луръ; они обратились за помощью къ знаменитому уже въ то время Митридату, который началъ войну съ Скимуромъ и побѣдилъ его, но херсонесцевъ, конечно, подчинилъ своей власти. Впрочемъ, онъ былъ по отношенію къ нимъ господиномъ кроткимъ и милости-вымъ, благоустроилъ и укрѣпилъ ихъ городъ. Скоро область Хер-сонеса стала театромъ войны между Митридатомъ и его сыномъ,

¹⁾ Херсонесъ носилъ также имя Магарики, которое указывало на его происхожденіе изъ Мегары.

а потомъ—между Митридатомъ и римлянами. Митридатъ, какъ извѣстно, погибъ, и Херсонесъ достался римлянамъ.

Римляне, понимавшіе его важное значеніе, тоже оказались для Херсонеса владыками снисходительными; они, впрочемъ, и не могли иначе относиться къ нему, такъ какъ Пантикапея и другія колоніи, вошедшія въ составъ Босфорскаго царства, все болѣе и болѣе поддавались варварству, тогда какъ Херсонесъ все еще представлялъ сравнительно чистый типъ эллинской цивилизаціи. Римляне держали здѣсь свой гарнизонъ, который не отягощалъ херсонесцевъ, но избавлялъ ихъ отъ необходимости самимъ защищаться отъ враговъ. Сюда, вслѣдствіе отдаленности мѣстъ, римское правительство ссылало людей, почему-либо ему неугодныхъ. Такъ, на примѣръ, сюда былъ сосланъ Траянѣмъ св. Климентъ, и здѣсь онъ работалъ въ Инкерманскихъ каменоломняхъ; здѣсь же онъ въ 94 г. былъ сброшенъ въ море. Сюда же была сослана Флавія Домитилла, племянница Домиціана.

Въ спокойныя для этого уголка міра времена имперіи, Херсонесъ богатѣлъ и развивался. Когда Адрианъ вывелъ отсюда, какъ и изъ всѣхъ другихъ городовъ Тавриды римскій гарнизонъ, Херсонесъ оказался въ состояніи охранять себя собственными силами. Онъ былъ въ добрыхъ отношеніяхъ съ римлянами и охотно платилъ имъ подати; онъ былъ въ мирѣ и съ Босфорскимъ царствомъ и усиливался по мѣрѣ его ослабленія. Имперія не только не оказывала ему военной помощи, но сама пользовалась таковою съ его стороны. Такъ при Діоклетіанѣ Херсонесъ велъ за римскіе инт-ерсы войну съ сарматомъ Крискономъ и побѣдилъ его, за что и былъ награжденъ, сверхъ элевтеріи (вольности), которой онъ уже давно пользовался, еще ателіей, т. е. свободой отъ податей. Немного повдѣе херсонесцы помогаютъ императору Константину въ его войнѣ противъ скивовъ, за что получаютъ статую императора и другія награды. Потомъ они ведутъ счастливыя войны съ сарматами и Босфоромъ, распространяютъ свои владѣнія до Θεодосіи и даже далѣе; но главнымъ нервомъ ихъ жизни попрежнему остается торговля.

Одинъ путешественникъ (Діонъ Хризостомъ, посѣтившій Ольвію во времена Домиціана) даетъ намъ любопытную картинку жизни греческихъ городовъ, стоявшихъ на границѣ варварскихъ странъ и исполнявшихъ великую миссію распространенія цивилизаціи посредствомъ торговли; эти купцы-воины въ костюмѣ на половину варварскомъ, на половину греческомъ, всегда были готовы бросить свои лавки и конторы, чтобы вскочить на коня и скакать на битву; но матеріальные интересы не поглощали ихъ всецѣло: они любили слушать ораторовъ, поэтовъ, да и въ сраженіе шли съ пѣснями Гомера. Также жили и херсонесцы; сравнительно съ другими они чувствовали себя безопаснѣе за своими крѣпкими стѣнами, защи-

щавшими не только городъ, но и его прекрасно обработанныя окрестности (непрерывная линия укрѣпленій тянулась отъ Инкермана до Балаклавы).

Кромѣ выгоднаго географическаго положенія и искусно построенныхъ укрѣпленій, богатству и силѣ Херсонеса не мало способствовало его превосходное политическое устройство. Нѣтъ сомнѣнія, что въ главныхъ чертахъ оно было таково же во время Константина Великаго, какимъ мы его знаемъ документально въ эпоху византийскую. Въ немъ соединялись монархія съ аристократіей и демократіей. Во главѣ общины стояли протевонъ (πρωτεύων, безъ сомнѣнія выборный), облеченный такою властію, которая очень походила на царскую¹⁾; но при немъ состоялъ совѣтъ такъ называемыхъ «отцовъ города»—это принципъ аристократическій. Что собраніе всѣхъ гражданъ имѣло не маловажное, а, напротивъ, первенствующее значеніе, видно изъ формы императорскихъ посланій и рескриптовъ, которые обращаются не къ протевону и не къ сенаторамъ города, а къ «любезнымъ херсонесцамъ». Всѣ три власти уравновѣшивали другъ друга во времена мирныя. На войнѣ протевонъ, разумѣется, распоряжался самостоятельно.

Подвиги херсонесскихъ протевоновъ въ войнахъ съ варварами и босфорцами становились сюжетами народныхъ сказаній, можетъ быть, даже перелагались въ пѣсни. Часть этихъ сказаній дошли до насъ черезъ посредство византийцевъ. Таковы рассказы Константина Вагрянороднаго о протевонѣ Фарнакѣ, сынѣ Фарнака, который побѣдилъ въ единоборствѣ вождя савроматовъ, хитростію заставивъ его обернуться назадъ, и рассказъ о Гикіи, дочери протевона Ламаха, которая, пожертвовавъ мужемъ и домомъ, спасла родной городъ.

Послѣднее сказаніе такъ характерно, что я позволю себѣ привести его въ извлеченіи.

Между босфорцами и херсонесцами былъ миръ, но со стороны первыхъ неискренній; побѣжденные въ предыдущей войнѣ, они задумали овладѣть Херсонесомъ посредствомъ хитрости. У херсонесскаго протевона Ламаха, перваго богача города, была одна только дочь Гикія. Босфорцы попросили руки ея для одного изъ сыновей своего царя Асандра II, безъ сомнѣнія, надѣясь такимъ образомъ отыскать себѣ точку опоры въ самомъ Херсонесѣ, чтобы потомъ овладѣть имъ. Херсонесцы согласились, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы будущій мужъ Гикіи совсѣмъ переѣхалъ въ ихъ городъ и далъ обѣщаніе не ѣздить домой даже въ случаѣ смертельной болѣзни своего отца. Босфорцы приняли условіе, и сынъ Асандра переселился въ Херсонесъ. Скоро послѣ этого Ламахъ умеръ, оставивъ

¹⁾ Говоря про этихъ протевоновъ, Константинъ Вагрянородный постоянно употребляетъ выраженіе: σσφαυφареτῖ, носить корону.

всѣ богатства свои зятю и дочерн. Гикія совершила по немъ великолѣпныя поминки, на которыхъ угощались всѣ граждане города, и дала обѣтъ поминать его ежегодно такимъ же образомъ. Мужъ ея рѣшилъ воспользоваться однимъ изъ этихъ празднествъ, чтобы овладѣть городомъ. Онъ снесся съ отцемъ своимъ, и тотъ сталъ почасту присылать къ нему вѣрныхъ и сильныхъ людей, подъ предлогомъ извѣщеній о здоровьѣ, которые тайно отъ Гикіи и херсонесцевъ оставались въ городѣ. Надо сказать, что обширный дворъ Ламаха имѣлъ свой особый выходъ къ морю черезъ городскую стѣну и Сузскую бухту. Босфорцы пріѣзжали въ гавань Символонъ (Балаклаву), шли сухимъ путемъ къ городу, потомъ черезъ нѣсколько дней, на глазахъ у всѣхъ, будто бы снова уходили въ море. Но на самомъ дѣлѣ корабль ихъ отплывалъ безъ пассажировъ, а вѣрный человѣкъ ночью впускалъ ихъ черезъ вышеупомянутую калитку изъ Сузской бухты, и они прятались въ домѣ. Черезъ два года набралось такимъ образомъ 200 молодцовъ, готовыхъ воспользоваться предстоящими поминками Ламаха и исполнѣ естественной въ такой день безпечностью херсонесцевъ. Но въ самый день праздника утромъ въ чемъ-то провинилась одна изъ любимыхъ служанокъ Гикіи; ее заперли въ комнату, которая какъ разъ находилась надъ тѣмъ укромнымъ покоемъ, гдѣ прятались босфорцы. Служанка занялась пряжей и уронила веретено; оно закатилось въ щель пола; чтобы достать его, служанка вынула камень и въ образовавшееся такимъ образомъ отверстіе увидала босфорцевъ и услышала ихъ рѣчи. Едва ее выпустили, она успѣшила предупредить госпожу свою; та собрала старшинъ города, открыла имъ замыселъ мужа и присоветовала пока не подавать виду, что они знаютъ о приготовляющемся нападеніи, и готовиться къ празднику по обыкновенію, а къ ночи натаскать къ ея дому хворосту и дровъ и быть готовъ поражать босфорцевъ, когда они будутъ пытаться спастись. Къ вечеру Гикія постаралась напоить мужа (который не рѣшился отказываться отъ вина, чтобы не подать повода къ подозрѣнію), сама же пила только воду изъ цвѣтнаго сосуда; когда мужъ, отягченный виномъ, легъ спать, она велѣла слугамъ вынести изъ дома все, болѣе дорогое, вышла сама и вывела своихъ людей, а херсонесцы сожгли до тла ея домъ и перебили босфорцевъ.

Благодарные сограждане предложили Гикіи выстроить на общественный счетъ новый домъ, но она не только отказалась жить на мѣстѣ, оскверненномъ измѣной, а еще приказала бросать на пепелище всякій мусоръ. Награду же себѣ она выпросила еще прежде, когда открывала замыселъ мужа старѣйшинамъ: она взяла съ херсонесцевъ обѣщаніе похоронить ее, въ противность обычаю, внутри города.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Желая узнать, сдержатъ ли херсонесцы свое обѣщаніе, Гикія притворилась умершей. Посоветовав-

пись между собою, граждане, хоть и чувствовали къ ней большую благодарность, рѣшили похоронить ее на общемъ кладбищѣ. Но когда Гикию принесли къ могилѣ, она встала и осыпала херсонесцевъ упреками. Пристыженные сограждане подтвердили свое прежнее обѣщаніе клятвою, и чтобы Гикия не сомнѣвалась въ ея исполненіи, приготовили ей мавзолей, гдѣ она желала, и украсили его ея статуей. Кромѣ того, ей еще прежде были поставлены двѣ мѣдныя статуи, изображавшія ее въ разные моменты ея подвига; на базисѣ одной изъ статуй было вырѣзано описаніе послѣдняго.

Эпизодъ о похоронахъ Гикии и общій тонъ разсказа свидѣтельствуя, что дѣйствіе происходило еще во времена языческія. Начало христіанства въ Херсонесѣ относится еще къ періоду апостольскому: по преданію, Андрей Первозванный пріѣхалъ въ Херсонесъ изъ Синопа и отсюда отправился на сѣверъ. Свѣтъ новой вѣры распространялся здѣсь постепенно и не безъ противодѣйствія толпы народной, которая между прочимъ замучила еп. Василия. Съ конца III вѣка число новообращенныхъ значительно увеличивается, а со времени Константина Великаго они пользуются полнымъ спокойствіемъ. На вселенскихъ соборахъ херсонесскіе епископы занимаютъ довольно видное положеніе.

Наступила печальная для цивилизаціи пора передвиженія народовъ, театромъ котораго была прежде всего нынѣшняя южная Россія. Роскошная природа Таврическаго полуострова привлекала толпы разноплеменныхъ варваровъ. На немъ побывали Готы, часть которыхъ и осталась здѣсь навсегда, потомъ явились страшные Гунны, потомъ Авары; за ними Турки, потомъ Булгары, Узы, Хазары, Печенѣги. Подъ такими ударами пали всѣ когда-то славныя греческія колоніи при Черномъ морѣ; устоялъ только одинъ Херсонесъ. «Можетъ быть, говоритъ Рамбô, ¹⁾ ни одинъ городъ не имѣетъ болѣе славной исторіи», онъ одинъ устоялъ среди глубокаго варварства, далеко отброшенный отъ центровъ цивилизаціи, съ своими стѣнами изъ тесанаго камня, съ своими мраморными храмами, іоническими колоннами. «Онъ показалъ, что можетъ сдѣлать греческая раса, если она не подавлена римскимъ деспотизмомъ».

Когда хаотическое состояніе юго-восточной Европы стало замѣняться нѣкоторымъ порядкомъ, Херсонесъ, пользующійся автономіей попрежнему, оказался аванпостомъ византійской цивилизаціи и однимъ изъ лучшихъ перловъ въ коронѣ византійскихъ императоровъ.

Онъ соединялъ торговлей варваровъ, населявшихъ Россію, сношенія съ берегами малоазійскими и самимъ Константинополемъ; онъ служилъ базисомъ для всѣхъ сношеній съ народами такъ называемою Скиеи; на его площадяхъ толпились представители самыхъ разнооб-

¹⁾ L'empire grec au X-me siècle etc. Paris. 1870 стр. 487.

разныхъ націй; въ немъ воспитывались дипломаты, оберегавшіе своимъ искусствомъ имперію отъ страшныхъ сосѣдей (таковъ былъ тотъ Калокиръ, который убѣдилъ Святослава воевать болгаръ и тѣмъ, можетъ быть, спасъ имперію отъ преждевременной гибели); въ немъ миссіонеры, дѣятельность которыхъ для имперіи тоже имѣла важное политическое значеніе, отправляясь и къ сѣвернымъ варварамъ, учились языкамъ ихъ (такъ св. Кириллъ здѣсь учился похазарски).

Византійскіе императоры съ свойственною имъ дальновидностью цѣнили по достоинству значеніе Херсонеса и хотя вообще больше любили получать деньги изъ отдаленныхъ провинцій, нежели давать имъ, для Херсонеса не жалѣли ни средствъ, ни усилій. Не одинъ разъ они исправляли на свой счетъ его стѣны; помогали ему войскомъ—когда только могли, долго давали ему постоянную субсидію, оберегали его въ договорахъ съ варварами; короче сказать, хранили его, какъ зеницу ока.

Тѣмъ возмутительнѣе представляется намъ поступокъ одного императора, который своимъ неистовствомъ заставилъ миролюбивыхъ купцовъ херсонесскихъ не только возмутиться, но даже вмѣшаться въ дворцовую политику Константинополя.

Херсонесъ, по своей отдаленности, попрежнему служилъ мѣстомъ ссылки для политическихъ преступниковъ. Въ 704 г. сюда былъ присланъ низверженный императоръ Юстиніанъ II, прозванный впоследствии Ринотметомъ по тому случаю, что ему при низверженіи отрѣзали носъ. Онъ не терялъ надежды возвратитъ себѣ престолъ и довольно громко говорилъ о своихъ планахъ. Херсонесцы преслѣдовали его бранью и насмѣшками и собирались донести о его проискахъ императору Тиверію. Узнавъ объ этомъ, Ринотметъ бѣжалъ; при содѣйствіи друзей, онъ пробрался сперва въ Доросъ Готскій, женился на сестрѣ кагана хазарскаго, потомъ ушелъ къ болгарамъ и при ихъ помощи возвратилъ себѣ престолъ. Говорятъ, онъ грозилъ жестоко отплатить херсонесцамъ. Херсонесцы просили помощи у хазаръ, но вмѣсто арміи получили только намѣстника, который, разумѣется, не могъ защитить ихъ. Городъ жестоко пострадалъ отъ одной императорской арміи; но Ринотметъ не удовольствовался этимъ и выслалъ другую, которая должна была разорить его до тла. Херсонесцы въ отчаяніи прибѣгли къ самымъ рѣшительнымъ мѣрамъ: они и усилили свои укрѣпленія, и вызвали хазарское войско, и наконецъ провозгласили своего императора, тоже одного ссыльнаго Вардана, котораго при помощи хазаръ и измѣнившей Ринотмету арміи имъ и удалось возвести на престолъ Константинопольскій подъ именемъ Филепика. Ринотметъ былъ вторично низверженъ и казненъ. Будь хазары дальновиднѣе, они могли бы завладѣть за это время Херсонесомъ, но ихъ тянуло на

востокъ, въ степи, и каганъ ихъ думалъ только о томъ, какъ бы поддержать дружескія отношенія съ имперіей.

Черезъ сто слишкомъ лѣтъ послѣ этихъ событій, въ 831 г. византійскій вельможа Петронасъ, шурина императора Теофила, отправился черезъ Херсонесъ къ Хазарамъ, чтобы по просьбѣ ихъ кагана построить для него Саркель. Возвратившись въ 834 г. назадъ въ столицу, онъ между прочимъ сообщилъ императору свое мнѣніе о томъ, что Херсонесъ слишкомъ ужъ слабо связанъ съ имперіей; чтобы закрѣпить за нею этотъ важный пунктъ, надо послать туда намѣстника. Императоръ согласился съ его доводами и, возведя самого Петронаса изъ спаарокандидатовъ въ протоспаеоріи, послалъ его въ Херсонесъ въ званіи стратега; такимъ образомъ здѣсь рядомъ съ туземною и выборною властью протевона оказалась власть назначенная—стратега. Херсонесцы подчинились новому порядку вещей, повидимому, безъ всякаго сопротивленія. Правда, при Львѣ Мудромъ (886—912 г.) они возмутились противъ своего стратега Симеона и даже убили его, но это не имѣло никакихъ дальнѣйшихъ послѣдствій: очевидно, причиной возмущенія были личныя неудовольствія противъ Симеона, а въ подобныхъ случаяхъ византійское правительство часто смотрѣло сквозь пальцы на самосудъ провинцій.

Положеніе Херсонеса относительно центральной власти и его торговое значеніе всего лучше можно опредѣлить по совѣтамъ, которые Константинъ Багрянородный даетъ своимъ наследникамъ на тотъ, очевидно, возможный и не бывалый случай, если херсонесцы откажутся повиноваться приказамъ императорскимъ.

Тогда византійское правительство велитъ захватить всѣ херсонесскіе суда, какія только окажется возможнымъ, привести ихъ съ грузомъ въ Константинополь, и матросовъ, и херсонесскихъ пассажировъ посадить въ тюрьмы. За тѣмъ 3 императорскіе корабля будутъ отправлены, одинъ къ берегу Фамы арменійской, другой къ побережью Пафлагонскому, третій къ Вукелларійскому, и запретятъ всѣмъ этимъ мѣстностямъ торговать съ Херсонесомъ. Константинъ при этомъ замѣчаетъ, что Херсонесъ не можетъ существовать, если онъ не будетъ получать изъ азіатскихъ провинцій сѣстныхъ припасовъ и продавать тамъ товары, которые доставляются ему съ сѣвера.

За тѣмъ рекомендуется третья мѣра, всего яснѣе доказывающая какъ мало тяготились херсонесцы пребываніемъ въ ихъ городѣ стратега и вообще своимъ подчиненіемъ имперіи: стратегъ конфискуетъ 12 литровъ, которые херсонесцы получаютъ отъ правительства, и уѣдетъ изъ Херсонеса въ другой городъ.

Какъ справедливо замѣчаетъ Рамбô¹⁾, эти слова Константина

¹ Л. с. стр. 491.

(истор. вѣстн.), сентябрь, 1888 г., т. XXIII.

ясно показываютъ, что херсонесцы были скорѣе вассалами или подчиненными союзниками, нежели подданными Византіи. Не такъ распорядилось бы ревнивое къ своей власти византійское правительство, еслибъ ему отказалъ въ повиновеніи болѣе близкій и менѣе важный городъ. Да и то неизвѣстно, подѣйствовали ли бы на херсонесцевъ и такія, сравнительно кроткія, репрессаліи: если имперія могла грозить имъ захватомъ судовъ и отъѣздомъ стратега, они могли угрожать ей тѣмъ, что подчинятся кому-нибудь изъ варварскихъ сосѣдей и тѣмъ значительно усилить его на счетъ имперіи. Не всякій изъ этихъ сосѣдей былъ бы такъ близорукъ, какъ каганъ хазарскій.

Въ X столѣтіи хазары теряютъ свое прежнее политическое значеніе на югѣ Россіи, и начинается борьба о первенствѣ между печенѣгами и даровитымъ, энергичнымъ народомъ русскимъ. Но печенѣги-дикари, кочевники, не индоевропейскаго племени: не имъ принадлежало будущее.

Русскіе скоро входятъ въ постоянныя сношенія съ имперіей и выказываютъ замѣтное желаніе овладѣть Херсонесомъ. VII статья договора Игоря съ греками говоритъ, что русскій князь не долженъ присвоивать себѣ власти надъ Корсунемъ — Херсонесомъ и его городами, а въ IX статьѣ византійцы оберегаютъ отъ русскихъ херсонесцевъ, которые занимались рыболовствомъ въ устьѣ Днѣпра. Святославъ, съ которымъ русскіе выходятъ на поприще всемірной исторіи, не трогалъ Корсуни, потому что былъ занятъ другими важнѣйшими предпріятіями. Но этотъ городъ не миновалъ рукъ его сына Владиміра, который вошелъ въ него грубымъ завоевателемъ, а вышелъ изъ него христіаниномъ и равноапостольнымъ просвѣтителемъ Руси.

Я не буду приводить прекрасной легенды объ испытаніи вѣры и крещеніи Руси: въ эти дни священной памяти событія она читается во всякой избѣ, гдѣ только есть грамотный человѣкъ. Уже довѣрчивый Карамзинъ признавалъ ее только вѣроятною и говорилъ, что лѣтописецъ догадывался о рѣчахъ пословъ. Современная, болѣе строгая критика не оставила въ ней, какъ извѣстно, камня на камнѣ¹⁾. Сокрушаются и жалѣтъ объ этомъ нечего: принятіе христіанства — такой важный и многознаменательный фактъ, что онъ долженъ былъ уже въ памяти ближайшихъ поколѣній облечься въ поэтическіе образы. Не то же ли самое находимъ мы

¹⁾ Проф. московской Дух. Ак. Голубинскій въ I т. своей исторіи Русской Церкви (М. 1880) доказываетъ, что «дѣло невозможно, чтобы Владиміръ выбиралъ вѣру и для этого послалъ пословъ къ народамъ» (стр. 102); возможно, что къ нему приходили послы, но и этого не было на самомъ дѣлѣ (103); что Владиміръ крестился за 2 года до взятія Корсуни (стр. 113), вѣроятно, въ Васильевъ и тайно отъ народа (стр. 115); рассказъ о крещеніи Владиміра въ Корсуни сочиненъ какимъ-нибудь грекомъ, незнавшимъ дѣла (116—117) и т. д.

у англосаксовъ, у франковъ, у всѣхъ западныхъ народовъ, относительно Константина, крещеніе котораго переносится въ Римъ и обставляется романическими подробностями? Строгая фактичность разсказа о крещеніи Руси доказала бы или недостатокъ воображенія у нашихъ предковъ или слабость ихъ религіознаго чувства, въ которой заподозрить ихъ было бы крайне несправедливо.

Я не буду разбирать всѣхъ пунктовъ легенды, а остановлюсь на томъ, что непосредственно касается Херсонеса. Въ этомъ мѣстѣ основа легенды, при настоящихъ данныхъ, по моему убѣжденію, смѣло можетъ выдержать самую строгую критику.

«Память и похвала князю рускому Володимеру», на которой опираются тѣ, кто считаетъ Владиміра христіаниномъ до его похода на Корсунь, документъ, несомнѣнно, подлинный и во многихъ отношеніяхъ очень важный. Но это не повѣствованіе о событіи, а риторически украшенное слово, не обращающее вниманія на послѣдовательность упоминаемыхъ фактовъ; авторъ нѣсколько разъ переходитъ отъ Владиміра къ Ольгѣ и обратно; обо всѣхъ войнахъ Владиміра онъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ, и въ войнѣ съ радимирами и болгарами князю рускому «рука Господня помогаше» ему также, какъ и въ войнѣ съ Корсунемъ.

Можетъ ли эта «Память» составить достаточный противовѣсъ обстоятельному лѣтописному повѣствованію, которое даже сравниваетъ преданія, его источнику: Житію Владиміра ¹⁾, и краткому приложному разсказу?

Слишкомъ маловѣроятною представляется война Владиміра съ греками послѣ того, какъ онъ только-что принялъ новую вѣру отъ священниковъ, бывшихъ въ тѣсной связи съ церковью Константинопольскою; тогда какъ его походъ на Корсунь, предшествующій обращенію, мотивируется несравненно легче.

Весьма важное арабское свидѣтельство (Ельмакина) тоже ставитъ въ связь крещеніе Владиміра и его женитьбу на царевнѣ Аннѣ.

Наконецъ за Корсунь внутреннее основаніе и многія параллели.

Новую вѣру гораздо удобнѣе и естественнѣе принять въ такой обстановкѣ, которая гармонируетъ съ нею. Еслибъ Владиміръ крестился въ Кіевѣ, гдѣ существованіе капищъ намъ документально извѣстно, или Василѣвѣ, гдѣ мы имѣемъ основаніе предполагать таковыя, горячіе приверженцы старой вѣры легко могли бы нарушить торжественность священнаго акта ²⁾. Въ Корсунѣ, среди населенія, издавна христіанскаго, при наличности массы духовенства и множества богатоукрашенныхъ церквей, крещеніе Владиміра могло

¹⁾ Трудно согласиться съ проф. Голубинскимъ, чтобы авторъ его былъ грекъ: слишкомъ ужъ не важную роль играютъ въ немъ и херсонесцы и даже императоры.

²⁾ Тайное крещеніе я считаю несовмѣстнымъ съ характеромъ князя.

и должно было совершиться съ торжественностью, достойною государя великаго народа, а когда онъ вернулся въ Киевъ во главѣ побѣдоносной дружины, также окрещенной, съ духовенствомъ, хоругвями, мощами, церковными сосудами, противодѣйствіе новой вѣрѣ могло имѣть мѣсто только въ незначительномъ количествѣ частныхъ случаевъ.

Точно также и король франковъ Хлодвигъ крестился не въ одномъ изъ своихъ обыкновенныхъ становищъ, а въ Реймсѣ, гдѣ обстановка болѣе соотвѣтствовала акту.

Владимиръ пришелъ къ Корсуню съ твердымъ намѣреніемъ принять христіанство и этого намѣренія, конечно, не скрывалъ отъ близкихъ людей ¹⁾.

Почему ему понадобилось предварительно осадить и взять Корсунь, мы навѣрно не знаемъ: можетъ быть, недобѣрчивые греки не хотѣли пустить его, можетъ быть, онъ считалъ не совмѣстнымъ съ своимъ достоинствомъ креститься гостемъ, на чужой землѣ.

Разсказъ объ осадѣ Корсуни, за исключеніемъ эпизода о стрѣлѣ Анастаса, представляется вполне соотвѣтствующимъ дѣйствительности, такъ же какъ и грозное посольство побѣдителя въ Константинополь. Императоры въ принципѣ, разумѣется, были противъ брака сестры своей съ варварскимъ княземъ (Константинь Вагрянародный очень логично доказывалъ своимъ потомкамъ вредъ такихъ союзовъ); но нужда законы перемѣняетъ; а императоры если и не очень опасались за судьбу своей столицы, сильно нуждались въ помощи Владиміра противъ бунтовщика Варды Фоки съ товарищами.

Анна пріѣхала и поселилась въ одномъ дворцѣ, тогда какъ Владимиръ жилъ въ другомъ, по другую сторону собора. Легко себѣ представить душевное состояніе князя и его дружинниковъ, какъ бы волшебствомъ перенесенныхъ изъ воинскихъ шатровъ и крытыхъ соломой хижинъ Кіева въ богатый и старый греческій городъ съ его каменными строеніями, мраморными колоннами, изящными портиками, богато украшенными церквами, каменными и мѣдными статуями. Примемъ еще въ расчетъ, что душа Владиміра была размягчена приготовленіемъ къ великому акту, и воображеніе возбуждено блестящей перспективой, которую открывалъ ему, внуку мало кому извѣстнаго князька, бракъ съ сестрою императоровъ. И въ этомъ-то душевномъ состояніи онъ въ первый разъ жилъ вполне культурной жизнью. Понятно, что Корсунь долженъ былъ повліять на Владиміра приблизительно такъ же, какъ на Петра первые города западной Европы, имъ видѣнные, что впоследствии онъ желалъ видѣть въ своихъ городахъ то, что пріятно поразило его въ Корсуні, что этотъ городъ явился, такъ сказать, первобра-

¹⁾ «Не свѣдуще» легко могли смѣшать намѣреніе съ исполненіемъ.

вомъ нашей цивилизаціи. Не даромъ слово Корсунскій и много повдѣе было синонимомъ заграничнаго, изящнаго.

Мы не знаемъ, почему Владиміръ возвратилъ Корсунъ Византіи; трудно думать, чтобъ онъ въ самомъ дѣлѣ «вдасть» его «за вѣно царицѣ дѣля». Можетъ быть, таково было условіе временной сдачи города, можетъ быть, примѣръ отца научилъ его, что не слѣдуетъ имѣть владѣній вдали отъ главнаго ядра земли своей. Можетъ быть, его, что называется, ловко обошли искусные дипломаты византійскіе.

Если, какъ это часто бываетъ въ жизни, здѣсь дѣйствовали цѣлый рядъ причинъ, между ними не послѣднее мѣсто должна была занимать причина нравственная: Владиміръ дѣйствительно въ крещеніи «совлекъ съ себя ветхаго человѣка» и пересталъ стремиться къ завоеваніямъ. Положимъ, что въ лѣтописномъ разсказѣ объ этомъ перерожденіи Владиміра есть своя доля поэтическаго преувеличенія, все же онъ долженъ имѣть и реальное основаніе: Григорій Турскій имѣлъ такія же причины восхвалять Хлодвига, просвѣтителя франковъ; однако онъ не приписываетъ ему и тѣни подобныхъ добродѣтелей. Замѣчательно, что полстолѣтія спустя, во время войны съ греками 1043 г., внуки Владиміра и его дружинниковъ не тронули купели дѣдовъ своихъ—Херсонеса. Доскажу въ двухъ словахъ его послѣдующія судьбы. Въ XI, XII вѣкахъ Херсонесъ попрежнему оставался полуавтономнымъ, попрежнему служилъ мѣстомъ ссылки; съ русскими, которые по Тмутаракани сдѣлались почти его сосѣдями, онъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ. Въ началѣ XIII вѣка Херсонесъ оказывается подъ властію Трапезунтскихъ императоровъ. Вскорѣ Крымъ былъ занятъ татарами, но Херсонесъ удержался: въ 1253 г. Рубруквисъ видѣлъ его еще вольнымъ. Его погубили генуэзцы, которые утвердились на южномъ берегу Крыма и развили торговлю Судака и Кафы. Въ 1350 г. генуэзцы, распорядившіеся по своей волѣ въ ослабѣвшей Византіи, запретили ей торговать съ Херсонесомъ, и городъ, лишенный единственнаго нерва жизни своей, быстро сталъ умирать, такъ сказать, своею смертію. Въ 1475 г., когда Кафа и др. города южнаго берега были заняты турками, о Херсонесѣ уже нѣтъ и рѣчи: его башни, стѣны, мраморныя колонны существовали еще въ 1578 г., но жителей здѣсь не было. Это былъ трупъ, кости котораго медленно, но вѣрно истреблялись временемъ.

Этотъ трупъ былъ вызванъ къ новой жизни тѣми же русскими, предки которыхъ 800 лѣтъ назадъ здѣсь получили свѣтъ вѣры и цивилизаціи. Въ 1783 г. присоединенъ къ Россіи Крымъ, а въ слѣдующемъ 1784 г. близь развалинъ Херсонеса и отчасти изъ этихъ самыхъ развалинъ стали строить новый большой городъ Севастополь. Отчего не получалъ онъ своего древняго имени?

Самая слава Херсонеса помѣшала ему возродиться съ прежнимъ

названіемъ. За 5 лѣтъ передъ этимъ, Екатерина II, не ожидавшая, что настоящій Херсонесъ или Херсонъ, какъ его сокращали въ періодъ византійскій (отсюда и Корсунъ), достанется ей такъ скоро, назвала, ради добраго предзнаменованія, Херсономъ первый большой городъ съ гаванью, который она основала на Черномъ морѣ. Это имя удерживаетъ онъ и доселѣ.

Севастополь не прожилъ еще и полной человѣческой жизни, какъ уже приобрѣлъ всемірную извѣстность: въ немъ дружина русская получила новое крещеніе — огнемъ и кровію. Городъ обратился въ груды дымящихся развалинъ, но не прошло и 30 лѣтъ, а онъ, какъ фениксъ, возродился еще лучше, еще красивѣе прежняго.

Исторія есть наша общая наставница; изученіе прошлаго есть единственное средство догадываться о будущемъ, направлять его ко благу родины и человѣчества. Ислѣдованіе Византіи, откуда мы получили нашу вѣру, нашу литературу, наше искусство, вообще нашу духовную жизнь, такая важная область исторіи, что ея значеніе нельзя и опредѣлить немногими словами. Къ чести русскаго самосознанія, византологія внушаетъ теперь живѣйшій интересъ не только скромнымъ ученымъ, но и болѣе дальновиднымъ изъ нашихъ государственныхъ дѣятелей, которые ясно сознаютъ великія историческія задачи Россіи. Изученіе древностей Херсонеса уже оказало ей важныя услуги, окажетъ, безъ сомнѣнія, и еще большія. вмѣстѣ съ тѣмъ исторія Византіи, такъ дѣятельно теперь разрабатываемая, будетъ дѣлать для насъ все яснѣе и яснѣ судьбы Херсонеса.

Но уже и теперь всякому понятно, что славное прошлое Херсонеса, оторваннаго отъ Византійской имперіи, частью которой считался онъ, одиноко стоявшаго среди племенъ варварскихъ, на краю цивилизованнаго міра, подаетъ благія надежды молодому, но уже созрѣвшему въ страданіяхъ и борьбѣ Севастополю, тѣсно сплоченному съ могущею державою русскою. Мы твердо вѣримъ: его грядущее будетъ достойно той священной земли, на которой стоитъ онъ.

А. Кирпичниковъ.

ОЧЕРКИ СТАРИННАГО БЫТА.

I.

Казенная тетрадка.

В КОНЦѢ марта 1756 года, въ Архангельскѣ, на площади противъ губернской канцеляріи, толпы народа, собравшіяся вокругъ воздвигнутой писѣлицы, съ живымъ нетерпѣніемъ ожидали казни. Но чьей казни? Закоренѣлаго ли убійцы, великаго ли государственнаго преступника, вора ли и грабителя?... Ничуть не бывало: казнить должны были тетрадку. Пользуясь архивными дѣлами прошлаго столѣтія, мы воспроизведемъ предъ читателями случай, финаломъ котораго былъ этотъ странный, по современнымъ понятіямъ, фактъ казни неодушевленнаго предмета.

Въ морозное утро 4-го декабря 1755 года солдатскій сынъ Васька Рудный, пятнадцати лѣтъ, идя въ существовавшую въ то время въ Архангельскѣ школу солдатскихъ дѣтей, случайно нашелъ на дорогѣ, противъ дома пробирающаго мастера Соколова, завернутую въ бумагу тетрадку. Заинтересованный находкой, онъ развернулъ ее и тутъ же на улицѣ принялся просматривать, но малограмотность помѣшала ему не только понять, но даже и разобрать написанное. Завернувъ тетрадку снова въ бумагу и положивъ ее въ карманъ, школьникъ продолжалъ свой путь въ храмъ науки.

Придя въ школу, Васька Рудный раздѣлся и повѣсилъ свой полушубокъ въ прихожей, упустивъ совершенно изъ виду, что школьный его учитель, солдатъ Иванъ Волковъ, имѣетъ привычку

обыскивать на досугѣ верхнее платье учениковъ своихъ, вынимать и оставлять себѣ на память все мало-мальски цѣнное, что случайно найдется въ ученическихъ карманахъ; забылъ Васька, что не даѣе какъ дней пять тому назадъ, и онъ самъ лишился при такомъ обыскѣ своихъ трехъ копѣекъ, которыя попали въ загребистыя руки солдата-учителя и безвозвратно для Васьки погибли въ нихъ...

Между тѣмъ, дѣйствительно, гроза учениковъ, солдатъ Иванъ Волковъ, пользуясь временемъ, когда они послѣ урока играли, тщательно обыскивалъ карманы зимнихъ ихъ одеждъ, въ ожиданіи, не найдется ли тамъ опять какой монеты... Въ Васькиномъ карманѣ попалъ въ его руку свертокъ съ тетрадкой; развернувъ его, солдатъ полюбопытствовалъ взглянуть въ самую тетрадь; взглянулъ, прочиталъ нѣсколько строкъ и обомлѣлъ.

— Эге! тутъ дѣло государственное!—воскликнулъ онъ.—Нужно объявить по начальству, а не то, пожалуй, и самъ ни за что сгинешь.

Не теряя времени, онъ отправился къ начальнику своему, прапорщику Елагину, и предъявилъ найденную имъ тетрадку. Рассмотрѣвъ ее, прапорщикъ нашелъ, что въ ней написаны рѣчи, противныя христіанской религіи, и потребовалъ къ себѣ немедленно вполучнаго владѣльца этой тетрадки, несчастнаго Ваську Руднаго. Явился предъ грозныя очи прапорщика школьникъ; цвѣтушій румянецъ исчезъ съ лица его, онъ былъ блѣденъ и трясся, какъ въ лихорадкѣ: видно былъ ему страшенъ этотъ грозный прапорщикъ.

— Ахъ, ты щенокъ!—обратился къ нему Елагинъ.—Да я тебя сгною въ желѣзѣхъ! Противъ Бога идешь, тетрадки богохульныя заводилъ! Розогъ сюда!...

Ваську растянули и привязали къ скамейкѣ. Два профоса, ставшіе по сторонамъ скамьи съ лозами въ рукахъ, дали ему по одному удару каждый. Вывизгнулъ несчастный Васька, и допросъ начался.

— Откуда взялъ тетрадь эту?

— Не знаю.

Послѣдовало еще два удара и вопросъ былъ снова повторенъ. Васька видитъ, что дѣло совсѣмъ плохо, нужно говорить. «Совру», быстро промелькнула у него мысль.

— Кто тебѣ далъ ее?

— Посадскій человѣкъ, — стонетъ Васька подъ крѣпкими ударами розогъ.

— Какой посадскій человѣкъ?

— Семень Никитинъ, а чей—не знаю и прозвища его не вѣдаю.

Этого признанія для прапорщика было довольно; давъ еще нѣсколько ударовъ Васькѣ, онъ прекратилъ допросъ, отправилъ его подъ караулъ, а самъ написалъ въ Архангелогородскую губернскую канцелярію доношеніе о происшедшемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ препроводилъ туда же и богохульную тетрадку.

Прошелъ послѣ этого мѣсяцъ, въ теченіе котораго арестованный школьникъ безвыходно сидѣлъ подѣ карауломъ, ожидая рѣшенія своей участи, а дѣло о немъ, лежа въ канцеляріи, не двигалось впередъ. Наконецъ, вспомнили и о немъ, позвали въ канцелярію.

Здѣсь, 12-го января 1756 года, послѣдовалъ новый допросъ его «подѣ лозами» и при этомъ допросѣ пятнадцатилѣтній мальчикъ разсказалъ, гдѣ, когда и какимъ образомъ была имъ найдена тетрадка, что онъ ея «не читалъ и никакого по ней дѣйствія не производилъ; показалъ же при допросѣ прапорщикомъ Елагинымъ, что-де взялъ ее у посадскаго человѣка Семена Никитина, ложно, дабы избѣжать наказанія, и что теперь при допросѣ онъ показываетъ сущую правду».

Записали показаніе Васьки, дали ему подписаться и снова przeprowadили подѣ карауль, но не надолго: чрезъ нѣсколько часовъ Васька опять былъ доставленъ въ губернскую канцелярію и опять «подѣ битьемъ лозами» допрашиванъ о томъ же. Подтвердивъ вполнѣ свое предыдущее показаніе, Васька былъ отправленъ обратно подѣ карауль.

Дѣло о немъ снова остановилось; тогда не особенно торопились дѣлопроизводствомъ, руководствуясь истиной: «дѣло лежитъ—ѣсть не просить». Запертый въ тѣсной и грязной секретной каморѣ, заключенный въ мучительно тяжелыя и неудобныя желѣзныя колодки, полуголодный, вдали отъ родныхъ, въ постоянномъ страхѣ и трепетѣ за свою судьбу, въ ежеминутномъ ожиданіи, что сейчасъ потребуютъ къ допросу, а главное, къ поркѣ—Васька изстрадался. Здоровый цвѣтъ лица исчезъ; полныя румяныя щеки ввалились; онъ сдѣлался не похожъ на самого себя. Прошелъ январь, вслѣдъ за нимъ минувъ и февраль. Мученія Васьки продолжались. Неизвѣстность хуже пытки; онъ уже согласенъ на какое угодно наказаніе, лишь бы прекратить эту страшно мучительную неизвѣстность. Напряженныя мысли его теряютъ логичность, послѣдовательность; по временамъ онъ впадаетъ въ иступленіе, бьется о каменные стѣны своей темницы, молитъ Бога о смерти... Результатъ такой пытки не замедлилъ послѣдовать: съ Васькой сдѣлалась жестокая нервная горячка.

Караульный офицеръ сообщилъ въ губернскую канцелярію о болѣзни «колодника Василья Руднаго»; канцелярія, 6-го марта, przeprowadила его для излѣченія болѣзни въ архангелогородскій полковой госпиталь, гдѣ несчастный мученикъ чрезъ два дня «волею Божіею умре отъ горячей болѣзни и крѣпчайшаго запиранія въ груди».

Дѣло о тетрадкѣ съ богопротивными рѣчами послѣ смерти Васьки значительно упростилось: осталась одна лишь тетрадка, изъ-за которой загорѣлся весь сырѣ-боръ; съ нею нужно было поступить по

закону; другихъ же обвиняемыхъ по этому дѣлу болѣе никого не было.

Подканцеляристъ губернской канцеляріи долго искалъ справку въ законахъ, какъ поступить съ этой тетрадкой, и, наконецъ, нашелъ слѣдующее; въ военномъ уставѣ 1716 года въ артикулахъ 149 и 150 сказано: «Кто пасквили или ругательныя письма сочинить, прибѣсть и распространить и тако кому непристойнымъ образомъ какую страсть или зло причтѣтъ, чрезъ что его доброму имени нѣбкакой стыдъ причиненъ быть можетъ, онаго надлежитъ наказать такимъ наказаніемъ, каковою страстію онъ обруганнаго хотѣлъ обвинить; сверхъ того, палачъ такое письмо имѣеть сжечь подъ висѣлицею. Ежели невозможно увѣдать пасквилянта, однакожъ надлежитъ пасквиль отъ палача сожженъ быть подъ висѣлицею, а сочинителя онаго за безчестнаго объявить».

Подведя подъ эти статьи закона дѣло о богохульной тетрадкѣ, губернская канцелярія приказала сжечь на публичномъ мѣстѣ тетрадь и, такимъ образомъ, закончить всякія разсужденія по этому поводу.

Дѣйствительно, 29-го марта 1756 года, подъ устроенной висѣлицей былъ разложенъ костеръ изъ дровъ, около котораго находился палачъ. Собравшемуся народу прочитали «публикацію» изъ архангелогородской губернской канцеляріи, которая во всенародное извѣстіе объявляла, что найденная у умершаго школьника Василья Руднаго тетрадка за богопротивныя рѣчи, въ ней находящіяся, предается сожженію. Палачъ положилъ ее на пылающій костеръ, и чрезъ нѣсколько минутъ отъ нея не осталось ничего, кромѣ пепла, развѣяннаго вѣтромъ. Обрядъ казни былъ оконченъ.

Народъ, удовлетворенный любопытнымъ зрѣлищемъ, разошелся по домамъ, забывъ вскорѣ о существовавшемъ какомъ-то школьникѣ Васкѣ Рудномъ, и только у отца и матери его до конца ихъ жизни осталась въ сердцѣ глубокая скорбь о безвинно-погибшемъ сынѣ...

II.

Мечты канцеляриста.

Утромъ, 10-го сентября 1767 года въ одной изъ комнатъ обширной Архангелогородской губернской канцеляріи, въ числѣ прочихъ канцелярскихъ служителей, за длиннымъ столомъ, сидѣлъ копистъ Петръ Бутусовъ и выводилъ съ видимымъ удовольствіемъ, вниманіемъ и прилежаніемъ на листѣ бумаги какія-то непонятныя слова. При этомъ, онъ поминутно заглядывалъ въ лежавшее у него подъ лѣвой рукою дѣло. Еслибы кто-нибудь присмотрѣлся къ работѣ Бутусова, то убѣдился бы, что всѣ его росчерки, штрихи и завитки

обладали близкимъ и несомнѣннымъ сходствомъ съ такими же произведеніями каллиграфіи, какія находились въ концѣ страницы, на которой было раскрыто дѣло.

Весь погруженный въ свое странное занятіе, молодой копистъ мечталъ о томъ, что когда-нибудь наступитъ блаженное время, когда онъ будетъ важнымъ начальникомъ. Одна его подпись, съ безчисленнымъ множествомъ росчерковъ, составлявшихъ моду того времени, будетъ наводить на подчиненныхъ страхъ и трепеть. И вотъ теперь онъ изучаетъ и копируетъ подписи начальниковъ своихъ. Въ мысляхъ онъ рѣшилъ, что непременно будетъ подписываться подъ бумагами такъ же, какъ подписывается самый важный начальникъ, какого онъ знаетъ,—губернаторъ Головцынъ, подпись котораго внушаетъ ему невольное уваженіе и почтеніе.

И Бутусовъ выводитъ подпись за подписью. Сходство его запутанныхъ росчерковъ все ближе и ближе подходитъ къ оригиналу. Чтобы нѣсколько разнообразить свое упражненіе, онъ пробуетъ копировать не только губернаторскую подпись, но вычерчиваетъ и росчеркъ прокурора и завитки секретаря, снисходитъ даже до подписи канцеляриста. Онъ весь углубился въ свою работу, не замѣчая ничего, что происходитъ около него, не обращая вниманія на смѣхъ, шутки и громкій говоръ своихъ товарищей канцеляристовъ, рассказывающихъ другъ другу разныя городскія сплетни.

Вдругъ водворилась полная тишина; смѣхъ и говоръ внезапно стихли. Бутусовъ поднялъ глаза отъ бумаги и увидалъ въ трехъ шагахъ отъ себя самого прокурора. Молодой копистъ сразу пришелъ въ себя; всякія начальственные поползновенія вылетѣли изъ головы; въ мысляхъ предстало лишь крайне опасное его положеніе. Что дѣлать? Прежде всего, разумѣется, нужно спрятать, скрыть отъ взора прокурора обличающую бумагу съ подписями. И не долго думая, съ поспѣшностью, обнаруживающею его провинность, Бутусовъ комкаетъ бумагу и засовываетъ къ себѣ въ карманъ. Но не дремлящее око прокурора все видитъ; онъ направляется прямо къ струсившему юношѣ и спрашиваетъ его:

— Ты что тутъ дѣлалъ?

Бутусовъ растерялся окончательно; ему ужъ кажется, что начальство не только видѣло, что онъ писалъ, но даже проникло въ его сокровенныя и горделивыя мысли и мечты, которыми онъ сопровождалъ свою забаву. Нужно повиниться... И неожиданно для всѣхъ копистъ бросился въ ноги прокурору.

— Виновать! Помилуйте и простите!

Но начальство всегда начальство. Прежде чѣмъ простить, ему любопытно знать, за что человекъ просить прощенія. Потому и прокуроръ поинтересовался узнать, въ чемъ дѣло и что-такое запрещенное писалъ копистъ, если падаетъ на колѣна. Вытащивъ изъ кармана виновника бумагу, прокуроръ развернулъ ее и уви-

далъ, что въ губернской канцеляріи завелся поддѣлыватель под-писей. Дѣло серьезное, важное; его такъ оставить нельзя; на то онъ и прокуроръ.

Приказавъ взять Бутусова подъ караулъ, прокуроръ удалился въ свою комнату, чтобы на свободѣ сообразить, подъ какой законъ подвести вину кописта и какому наказанію его подвергнуть. И вотъ предъ глазами его замелькали самыя разнообразныя преступленія и наказанія, за нихъ налагаемыя.

«Кто протоколы или другіе документы, читалъ прокуроръ, переправить фальшиво и прочее въ такихъ причинахъ подобное учинить, таковымъ за преступленіе, какъ выспимъ, такъ и нившимъ, чинить смертную казнь или вѣчную на галеры ссылку, съ вырѣзаніемъ ноздрей»...

— Гмъ! глубокомысленно сообразилъ прокуроръ, не подходитъ этотъ законъ: въ семь дѣлѣ виновный документовъ фальшиво не переправлялъ. А жалъ. Слѣдовало бы его, негодяя, упечь на галеры. Какъ же! мою фамилію подъ мою руку подписалъ, да еще какъ пожоже—точно я самъ писалъ.

И опять представитель правосудія углубился въ свое чтеніе.

«Кто явно прибитые указы и повелѣнія нарочно и нагло раздереть и отбросить, и вычеркнуть... на каторгу... или смертію»...

— Но вѣдь онъ, засунувъ въ карманъ, разорвалъ простую бумагу, а не указъ какой. А тоже хорошій законъ... Взгляну-ка въ морской уставъ, тоже строгій, тамъ нѣтъ ли чего надлежащаго.

«Кто отъ лѣности, глупости или медленіемъ, однако, безъ упрямства, злости и умыслу оное не управить, что ему отъ начальника повелѣно, оный имѣеть... отъ чина вовсе или на довольное время отставленъ быть»...

— Можно бы наказать его по этому закону; онъ не дѣломъ въ канцеляріи занимался, а потому и не могъ управить повелѣннаго ему; но наказаніе мало; пощучу другого, покрѣпче.

И долго еще рылся прокуроръ въ своихъ фоліантахъ, но точнаго закона для наказанія за такое, не бывалое еще въ его практикѣ, преступленіе, какое учинилъ Бутусовъ, не находилось. Прямого закона не было; нужно поискать хотя косвеннаго. Наконецъ, попался на глаза прокурора сенатскій указъ отъ 22-го августа 1746 года, въ которомъ онъ прочиталъ слѣдующее:

«Правительствующій Сенатъ приказали: присланнаго изъ Новоладожской воеводской канцеляріи, при доношеніи, канцеляриста Каргополова, за чинимыя имъ въ той воеводской канцеляріи продерзости и безмѣрное пьянство, написать вѣчно въ напоильніе полки въ солдаты... а ежели впредъ таковыя жъ подоврительныя канцелярскіе служители явятся, то съ оными поступать по силѣ указовъ и генеральнаго регламента».

— По силѣ указовъ, по силѣ указовъ, задумался прокуроръ.

И такъ по силѣ этого указа Бутусовъ подозрителенъ и его надлежитъ за то написать въ солдаты. Это вѣрно. Такъ можно и репортовать губернатору.

Бутусова оставили подь карауломъ. Допросовъ ему никакихъ не дѣлали. Да и о чемъ было его спрашивать? Просто человекъ подозрительный во мнѣніи начальства; вотъ и вся вина его. Этому «колднику» только объявили 29 октября слѣдующее губернаторское опредѣленіе:

«Хотя оный Бутусовъ таковыя подписанія чинилъ и не подь письмами какими, но на простой бумагѣ, однако по сходству на тѣ руки видится для будущаго времени въ приказномъ чинѣ крайне сумнителенъ. И въ разсужденіи сего надлежитъ наказать его продерзости, по молодости лѣтъ, написать въ солдаты. А чтобъ отъ такихъ продерзостей другіе приказные служители впредь могли воздержаться, о томъ имъ объявить съ подпискою».

Такъ мечты Бутусова были разбиты суровою дѣйствительностью. Изученіе подписей съ росчерками, устрашающими подчиненныхъ, привело къ совершенно противоположнымъ результатамъ: несчастному копійсту пришлось тянуть лямку солдатской службы, болѣе чѣмъ трудной и тяжелой по условіямъ того времени.

III.

Преступная описка.

Въ 1771 году секретарь архангельской губернской канцеляріи поручилъ повытчику Телешову переписать набѣло ордеръ къ оберъ-коменданту Архангельска генераль-маіору Ганзеру. Засѣлъ повытчикъ за переписку. Человекъ онъ былъ опытный и привыкъ писать; на службѣ находился тридцатый годъ. Какія бумаги проходили чрезъ его руки, и все—ничего, благополучно, иногда даже похвалявали. И началъ онъ выписывать, тщательно свѣряясь съ подлинникомъ:

«Ордеръ господину оберъ-коменданту.—Сего марта 30-го дня при рапортѣ отъ вашего превосходительства подано ко мнѣ слѣдственное дѣло о перваго баталіона бѣгомъ солдатѣ Иванѣ Рѣпуховѣ»...

Все шло, по обыкновенію, благополучно: перо не мазало, буквы ложились на бумагу правильными строками, описокъ не было, подчистокъ не приходилось дѣлать. Однимъ словомъ, дѣло шло настолько хорошо, что довольный Телешовъ не торопился окончаніемъ его, прерывая свою работу частыми понюшками табаку и не только изъ своей табакерки, но и изъ табакерокъ ближайшихъ сосѣдей своихъ, съ которыми онъ, пользуясь случаемъ, вступалъ

въ бесѣду. Но не смотря на эти перерывы переписка ордера приходила къ концу, оставалось написать всего строчки четыре. Захотѣлось Телешову сдѣлать болѣе продолжительный отдыхъ. Заложивъ перо за ухо, онъ отправилъ хорошую понюшку табаку въ свой синий носъ, крякнулъ, громогласно высморкался и, обратившись къ сидѣвшему противъ него молодому подканцеляристу, спросилъ его, чтобы поговорить о чемъ-нибудь:

— Прокофьевъ, когда дадутъ тебѣ чинъ?

— Да пожалуй, что и никогда. Вонъ и вы тридцать лѣтъ на службѣ мааетесь, а все въ повытчикахъ состоите.

— Я, братъ, другое дѣло: я-то на службу неграмотный еще поступилъ, а ты въ школѣ обучался, далеко пойдешь, вы-со-ко-бла-городіемъ будешь, помни мое слово.

— Ужъ гдѣ мнѣ, Аванасій Ивановичъ. Далекое кулику до Петрова дня!

— А вотъ увидишь—подзадоривалъ юношу повытчикъ—будешь высокоблагородіемъ. Не забудь и насъ грѣшныхъ тогда,—шутя поклонился онъ въ поясъ подканцеляристу.

Окружающіе засмѣялись.

— Вотъ вы смѣтаетесь, Аванасій Ивановичъ, надо мною, а я самъ знаю, что гдѣ ужъ мнѣ въ люди выйти; останусь вѣкъ подканцеляристомъ.

— А ты, ваше высокоблагородіе, не скромничай!

На этотъ разъ разговоръ продолжался не долго. Вошелъ секретарь и спросилъ у Телешова бумагу.

— Не кончилъ еще? Вѣдь я приказалъ тебѣ скорѣе переписать!

— Сейчасъ кончу, Порфирій Семенычъ, сейчасъ кончу. Четыре строки осталось переписать.

— Ну, такъ пиши скорѣй. Ордеръ посылать надо. Губернаторъ спрашиваетъ.

При напоминаніи о губернаторѣ, рука повытчика ухватилась за леро, торчащее изъ-за уха, и принялась строчить.

Но предшествовавшій ли разговоръ не выходилъ у него изъ головы, или мысли его подавляло поднявшееся со дна сердца его, вызванное этимъ разговоромъ, горькое чувство сознанія, что какъ ни старайся, какъ ни работай онъ, не пойти ему далеко, придется до конца жизни остаться повытчикомъ; а, между тѣмъ, сколько этихъ мальчишекъ прошло мимо его въ высокоблагородіа... Говоря короче, мысли старика были далеки отъ переписываемой бумаги и вращались около соблазнительнаго для каждаго маленькаго чиновника высокоблагороднаго титула.

Результатъ такой разсѣянности повытчика оказался для него весьма плачевнымъ. Дописывая послѣднюю строку ордера: «того ради благоволите, ваше превосходительство, учинить по сему не-

укоснительно», Телешовъ вмѣсто «превосходительство» написалъ вертѣвшееся въ его головѣ «высокоблагородіе».

Дописавъ бумагу, онъ передалъ ее для подписи секретарю; затѣмъ, ордеръ этотъ былъ подписанъ губернаторомъ и отправленъ къ оберъ-коменданту. Ошибки никто не замѣтилъ.

Аккуратный нѣмецъ Ганзеръ осторожно вынулъ полученный документъ изъ конверта, внимательно прочиталъ его и грозно сверкнулъ очами.

— Какъ! я высокоблагородіе? Этого не бывать; это дерзость!

И, приказавъ запрячь лошадей, отправился къ губернатору.

— Почему, Егоръ Андреевичъ, вы меня называете высокоблагородіемъ? Я, вѣдь, моей государыни генералъ-майоръ.

— Я васъ не называю высокоблагородіемъ.

— А это что? — спросилъ комендантъ Ганзеръ и торжественно подалъ губернатору ордеръ, указавъ на немъ ошибочное «высокоблагородіе».

— Я считаю себѣ это въ крайнюю обиду, — продолжалъ онъ, — и требую сатисфакціи. За что мнѣ сдѣлана такая убавка по чину?

— Но, господинъ комендантъ, я не могу читать самъ всѣхъ исходящихъ бумагъ, да и по регламенту не обязанъ. А потому въ сей убавкѣ виновенъ не я, а секретарь и повѣтчикъ, за рукою которыхъ писанъ ордеръ; я же вашему превосходительству всякую сатисфакцію окажу; будьте покойны.

Удовлетворенный въ своей гордости комендантъ, простившись съ губернаторомъ, уѣхалъ домой.

На другой день всѣ служащіе въ губернской канцеляріи были собраны въ присутственномъ залѣ и съ недоумѣніемъ ожидали разъясненія, затѣмъ ихъ собрали. Всякій опасался за себя. Видимо, что кто-то изъ нихъ провинился и теперь имъ придется слушать это дѣло изъ устъ начальства. Но кто именно провинился? вотъ вопросъ.

•Наконецъ, явился самъ губернаторъ. Воцарилась мертвая тишина. Долго онъ говорилъ объ обязанностяхъ подчиненныхъ и о той отвѣтственности, которой они подвергаются за небрежное и невнимательное отношеніе къ своему дѣлу. Нетерпѣніе узнать, въ чемъ дѣло и страхъ за себя все болѣе и болѣе возрастали среди его слушателей.

— Не я ли попался? — пробѣгало въ мысли каждаго.

Долго и внушительно говорилъ губернаторъ. Наконецъ, перешелъ къ сути дѣла, всѣхъ интересовавшей.

— По генеральному регламенту, — раздавался его голосъ — повѣстно секретарямъ и служителямъ всѣ дѣла, исполненія требующія, прилежно разсматривать и къ отпуску чинить, дабы въ нихъ не малаго упущенія и просмотру не учинилось. Вчерашняго числа отъ меня былъ посланъ ордеръ господину оберъ-коменданту Ганзеру...

Дѣло начало разъясняться. Лица секретаря и повытчика открылись мертвенною блѣдностью.

— И въ ономъ ордерѣ,—продолжалъ губернаторъ,—изображено было въ обращеніи къ нему—ваше высокоблагородіе вмѣсто превосходительства, и тѣ выраженія онъ, господинъ комендантъ, себѣ за немалую обиду принялъ...

Секретарь злобно посмотрѣлъ на повытчика Телешова, который понялъ, въ чемъ дѣло и опустилъ взоръ книзу. Между тѣмъ, губернаторъ продолжалъ:

— Секретарю и повытчику надлежало написать ордеръ безъ всякой убавки по чину, какъ всегда и обыкновенно отъ меня такіе ордеры посылаются, каковую форму они знаютъ. Слѣдственно, обида его, господина оберъ-коменданта, произведена единственно по просмотру секретаря и повытчика, чего ради я приказываю секретарю, отъ котораго изъ экспедиціи тотъ ордеръ писанъ и отправленъ былъ...

Секретарь весь обратился въ слухъ.

— Учинить при всѣхъ репремантъ...

— Ну, слава Богу, выговоромъ отдѣлался,—подумалъ онъ.

— А повытчика на сутки сковать въ желѣзъ и подтвердить, чтобы они впредь въ таковыхъ отпускахъ осторожнѣе поступали.

Окончивъ свою рѣчь, губернаторъ удалился изъ губернской канцеляріи. На старика повытчика немедленно были надѣты тяжелые ручные и ножные кандалы, въ которыхъ онъ и пробылъ въ канцеляріи, безъ пищи, до слѣдующаго утра. Размышляя о своемъ горестномъ положеніи, онъ утѣшалъ себя тѣмъ, что другихъ за такія провинности наказываютъ и наказывали болѣе жестоко; ему былъ, напримѣръ, извѣстенъ случай, происшедшій въ первый годъ его службы въ той же губернской канцеляріи, похожій на его «преступленіе», но окончившійся гораздо болѣе серьезными послѣдствіями для виновныхъ. Вотъ что онъ вспомнилъ:

Въ сентябрѣ 1739 года въ Кольскую воеводскую канцелярію поступила «сказка» отъ безграмотнаго каптенармуса Архангелогородскаго гарнизоннаго полка Михайловскаго. Писалъ эту сказку, по просьбѣ Михайловскаго, солдатъ Галуновъ и при перепискѣ ея на бѣло пропустилъ въ титулѣ Ея Императорскаго Величества слово «Величества». Донесли объ этомъ въ губернскую канцелярію и началось слѣдствіе. Къ допросу привлекли не только Михайловскаго и Галунова, но и всѣхъ свидѣтелей, подписавшихся подъ сказкой, въ томъ числѣ и старика священника Андреянова. Надѣли на нихъ, какъ на него теперь, кандалы, посадили ихъ подъ караулъ и пошло слѣдствіе медленнымъ шагомъ впередъ. Почти годъ просидѣли эти узники въ заточеніи; въ 1740 году выпустили ихъ на поруки и, такъ какъ губернская канцелярія не могла сама разрѣшить вопроса о наказаніи ихъ за преступленіе

противъ Ея Величества особы, то и написала въ канцелярію тайныхъ розыскныхъ дѣлъ запросъ, какъ поступить съ виновными. И пришелъ оттуда отвѣтъ — всѣхъ бить кнутомъ: и солдата-переписчика и свидѣтелей... Не избѣжалъ наказанія и престарѣлый священникъ...

— Да, они болѣе меня претерпѣли, — думалъ старый понычкѣ,—я еще легко отдѣлался. Виноваты же мы въ томъ, что не досмотрѣли. Съ бумагами нужно быть, охъ, какъ осторожнымъ!

Н. Ермиловъ.

ДЕВІЕРОВСКОЕ ДѢЛО.

ДАКЪ НАЗЫВАЕМОЕ «Девіеровское дѣло» возникло въ 1857 году по обоюднымъ жалобамъ помѣщика села Хорошева, Харьковскаго уѣзда, графа Александра Петровича Девіера и игуменья Харьковскаго Хорошевскаго женскаго монастыря Антонины Чубаровой. Не важное по существу своему, это дѣло, постепенно обостряясь и разрастаясь, дошло, наконецъ, до такой крайности, что въ формальной просьбѣ графа Девіера взведено было на тогдашняго архіепископа харьковскаго Филарета Гумилевскаго тяжкое обвиненіе въ подкупѣ. Девіеровское дѣло въ свое время было предметомъ общаго вниманія, породило не мало комментаріевъ и сплетенъ въ обществѣ, стѣдло высокопреосвященному Филарету многихъ огорченій и, наконецъ, прекращено было въ слѣдующемъ 1858 году по высочайшему повелѣнію. Самъ архіепископъ Филаретъ просилъ перевести его въ какую-либо другую епархію и, дѣйствительно, по прекращеніи этого дѣла, переведенъ былъ на Черниговскую кафедру. Въ настоящее время мы имѣемъ подъ руками часть «Девіеровскаго дѣла» и нѣсколько писемъ высокопреосвященнаго Филарета къ разнымъ лицамъ по поводу этого дѣла и, на основаніи этихъ данныхъ, рѣшаемся познакомить читателей съ главными фазисами его развитія.

Дѣло открывается репортомъ игуменья Хорошевскаго женскаго монастыря Антонины Чубаровой харьковскому архіепископу Филарету, отъ 31 августа 1857 года, съ жалобой на графа Александра Девіера. «Живущій вблизи Хорошева дѣвчьяго монастыря графъ Александръ Девіеръ, — писала игуменья Антонина, — съ братьями

своими дѣлами и въ прежнее время разныя непріятности монастырю, напримѣръ: куривали сигары и пѣвали пѣсни у ограды, пускали фейерверки. Увѣщанія и просьбы мои не приносили пользы. Въ послѣднее время Александръ Девіеръ довель свои неприличные поступки до крайности. Въ маѣ мѣсяцѣ онъ сманилъ у монахини Рахили племянницу ея, жившую нѣсколько лѣтъ въ кельѣ тетки, мѣщанку Татьяну, не приукаженную, впрочемъ, къ монастырю. Происшествіе это возбудило въ сестрахъ обители сильную скорбь и смущеніе. Августа 29 числа Девіеръ явился съ одѣтою неприлично, съ открытою талією, въ свѣтское платье Татьяною въ храмъ обители, тогда какъ въ селѣ Хорошевѣ есть приходскій храмъ. Мы съ казначеею посылали благочинную покорнѣйше просить его выйти изъ храма, такъ какъ стояніе ихъ возмущаетъ сестеръ обители, тѣмъ болѣе, что они стояли неприлично и смѣялись. Но Девіеръ не исполнилъ просьбы и закричалъ на благочинную—«пошла прочь, пошла прочь», послѣ чего мы вынуждены были поставить впереди ихъ рядами монахинь, чтобы закрыть ихъ отъ юныхъ, которымъ не приходилось еще и видѣть подобнаго соблазна. Послѣ литургіи сама я съ казначеею оставались еще въ храмѣ съ нѣкоторыми сестрами, какъ услышали по монастырю крикъ. Татьяна кричала Девіеру: «бей игуменью», а Девіеръ съ палкою въ рукѣ бѣгалъ и спрашивалъ «гдѣ?» осыпая меня и сестеръ бранью. Затѣмъ входитъ къ намъ въ церковь благочинная и говорить все происшедшее, и мы съ казначеею принуждены были остаться въ церкви, пока они вышли изъ монастыря. Августа 30-го монахиня Рахиль пришла ко мнѣ со слезами, жалуясь, что Александръ Девіеръ ударилъ ее въ щеку, отъ чего она даже и упала, кричалъ, что будетъ стрѣлять въ монастырскихъ изъ ружья. Это было тогда, когда она шла съ монастырскаго огорода, гдѣ съ Рахилью было нѣсколько послушницъ. Что касается до меня, то по монашеской совѣсти говорю: Господь простить его. Но послѣднія происшествія навели ужасъ на всѣхъ, живущихъ со мною въ обители, и онѣ боятся выходить изъ келій, по страннымъ угрозамъ Девіера».

Харьковская духовная консисторія, въ которую сданъ былъ этотъ репортъ, увѣдомила о содержаніи его харьковское губернское правленіе. Послѣднее поручило ассесору своему, Нельговскому, проивести слѣдствіе о поступкахъ графа Девіера; харьковское же епархіальное начальство назначило депутатомъ по сему дѣлу съ духовной стороны члена харьковской духовной консисторіи протоіерея Іоанна Шероцкаго.

Между тѣмъ, коллежскій регистраторъ, графъ Александръ Девіеръ, состоявшій чиновникомъ канцеляріи харьковскаго губернатора И. Д. Лужина, 11-го сентября того же 1857 года, подалъ прошенія и харьковскому губернатору, и въ харьковскую духовную консисторію, съ жалобой на игуменью Хорошевскаго монастыря

Антонию, казначею монахиню Елисавету и благочинную монахиню Арсенію и другихъ лицъ за нанесеніе оскорбленія ему и женѣ его 29-го августа въ Хорошевскомъ монастырѣ. Въ прошеніи своемъ на имя консисторіи графъ А. Девіеръ писалъ, между прочимъ, слѣдующее: 29-го минувшаго августа я пошелъ съ женою своею въ Хорошевскій женскій монастырь къ обѣднѣ, и едва мы вошли въ церковь и стали на мѣстѣ съ приличнымъ святости мѣста уваженіемъ, какъ казначея этого монастыря монахиня Елисавета, тотчасъ же насъ замѣтившая, стала бранить вслухъ жену мою самыми непристойными словами. Услышавъ это, я долго не вѣрилъ самому себѣ и нѣсколько минутъ оставался въ какомъ-то непонятномъ забвеніи; но потомъ я не могъ не прийти въ себя, когда увидѣлъ, что благочинная монастыря монахиня Арсенія, по приказанію игуменьи Антонины Чубаровой, подошла къ женѣ моей и точно такъ же, какъ казначея Елисавета, начала бранить ее вслухъ. И, не смотря на скромныя просьбы мои отойти, она три раза подходила и снова повторяла свою брань. Послѣ этого, почти безъ промежутка, игуменья и казначея, оставаясь, вѣроятно, недовольными нашимъ наружнымъ спокойствіемъ, сами произвели въ церкви смятеніе и безчиніе, стали собирать нѣкоторыхъ монахинь, простыхъ женщинъ и монастырскихъ заточанокъ, изъ коихъ протянувъ цѣпи впереди насъ, приказами подавать насъ назадъ и всячески стараться вытѣснить насъ изъ церкви, чего, однако же, онѣ не достигли, потому что мы продолжали стоять и молиться, хотя со всѣхъ сторонъ были тѣснимы. По окончаніи же обѣдни, мы спѣшили выйти изъ церкви, боясь подвергнуться еще какимъ-либо неприятностямъ, между тѣмъ какъ онѣ, т. е. игуменья съ казначеей, не удовольствовавшись обидами, сдѣланными въ церкви, составили къ концу обѣдни новый планъ обидѣть насъ самымъ неслыханнымъ образомъ. Мы, не зная ничего о дальнѣйшихъ ихъ замыслахъ, выйдя изъ церкви, шли къ монастырскимъ воротамъ, за которыми, по приказанію игуменьи, ожидали насъ дворникъ монастырскій и заточанка, съ двумя ведрами помоевъ. Только-что мы приблизились къ воротамъ, и жена моя, шедшая впереди, хотѣла войти въ нихъ, какъ дворникъ подалъ знакъ заточанкѣ, и та изъ ведра обдала жену мою съ головы до ногъ самыми гадкими помоями; а вслѣдъ за нею въ свою очередь подошелъ и я, но былъ облитъ изъ другого ведра такимъ же образомъ. Помои же, которыми насъ обдали, по приказанію игуменьи, составляла въ корпусѣ, въ трапезной кухнѣ, монахиня Олимпіада, которая и учила заточанку, какъ облить насъ оными. Къ концу обѣдни заточанка съ помоями и дворникъ пришли къ воротамъ, гдѣ и ожидали насъ. Тамъ же, подлѣ воротъ, стоялъ мѣстныхъ жителей Тарасенковыхъ кучеръ, который спрашивалъ ихъ, для чего они принесли помои; на что они отвѣчали, что обливать такихъ-то, т. е. насъ, и на во-

прось его, что не будутъ ли они отвѣчать за это, они сказали, что дѣлають то, что имъ приказано. Это неслышанное оскорбленіе сдѣлано публично, при многихъ свидѣтеляхъ, которыхъ я укажу при слѣдствіи, о назначеніи коего я вошелъ куда слѣдуетъ съ подлежащимъ прошеніемъ». Въ заключеніе графъ Александръ Девіеръ просилъ харьковскую консисторію сдѣлать распоряженіе о немедленномъ удаленіи монахинь Антонины и Елисаветы отъ занимаемыхъ ими должностей, потому, между прочимъ, что, — какъ писалъ онъ, — «безъ удаленія ихъ отъ должностей нельзя надѣяться справедливыхъ показаній отъ подвѣдомыхъ имъ лицъ». Харьковская консисторія возвратила это прошеніе Девіеру, на томъ основаніи, что онъ не только не представилъ надлежащаго доказательства о своемъ бракѣ съ племянницею монахини Рахили, но умолчалъ въ прошеніи и объ имени ея; но, затѣмъ, вслѣдствіе отношенія харьковскаго губернскаго правленія отъ 24 сентября 1857 г., предписала произвести, по жалобѣ Девіера, формальное слѣдствіе члену консисторіи, протоіерею Шероцкому, въ присутствіи депутата съ гражданской стороны.

Такимъ образомъ, почти одновременно возникли два дѣла: одно, по жалобѣ игуменьи Хорошевскаго монастыря Антонины Чубаровой о нанесеніи ей и монастырю оскорбленій графомъ А. Девіеромъ; другое—по жалобѣ графа Девіера на игуменью и другихъ начальствующихъ въ монастырѣ лицъ за нанесеніе ему, Девіеру, оскорбленій. Первое изъ этихъ дѣлъ, не смотря на различныя проволокки, протесты и отводы со стороны графа Девіера, окончено слѣдствіемъ на мѣстѣ и само по себѣ не имѣло положительныхъ результатовъ. Свое обвиненіе противъ графа Девіера игуменья подтверждала свидѣтелями, противъ которыхъ Девіеръ выставилъ своихъ свидѣтелей, доказывавшихъ его невинность. Самъ Девіеръ въ своихъ показаніяхъ сознался только въ томъ, что года три-четыре тому назадъ меньшій, несовершеннолѣтній братъ его дѣйствительно пускалъ ракеты на своемъ дворѣ, въ разстояніи около версты отъ монастыря, и что онъ самъ, Александръ Девіеръ, 30-го августа, т. е. на другой день послѣ происшествія въ монастырѣ, имѣлъ встрѣчу въ селѣ Хорошевѣ съ монахиней Рахилью, которая будто бы обратилась къ его женѣ съ разными дерзкими словами, и вынужденъ былъ отстранить ее, приказавъ ей идти въ свое мѣсто, но не билъ ее. Что же касается другого дѣла по жалобѣ графа Девіера на игуменью Антонину, то оно постепенно осложнялось новыми жалобами и доносами Девіера, и при томъ не на игуменью только Антонину, но и на высокопреосвященнаго харьковскаго Филарета, и перешло, наконецъ, въ высшія инстанціи. На этомъ дѣлѣ собственно мы и остановимся и укажемъ важнѣйшіе его фазисы и внутреннюю его подкладку.

Получивъ свѣдѣніе, что слѣдствіе по жалобѣ на игуменью Ан-

тонину поручено произвести протоіерею Шероцкому, въ присутствіи депутата съ гражданской стороны, мѣстнаго станового пристава,— графъ Александръ Девіеръ вошелъ въ харьковскую консисторію, отъ 7 октября, съ новымъ прошеніемъ, въ которомъ, высказывая недовѣріе къ духовному слѣдователю, кто бы онъ ни былъ, просилъ консисторію «сдѣлать надлежащее распоряженіе, чтобы слѣдствіе, какъ по его жалобѣ, такъ и по рапорту игуменья Чубаровой, въ предупрежденіе запутанностей, было произведено одно, двумя слѣдователями вмѣстѣ, т. е. гражданскимъ и духовнымъ, и, для большей строгости и справедливости, при участіи жандармскаго оберъ-офицера. Эта просьба графа А. Девіера не была уважена консисторіей, и началось слѣдствіе, которое съ перваго же разу не предвѣщало ничего неблагопріятнаго для графа Девіера. На первый письменный запросъ слѣдователей игуменья Антонина отвѣчала имъ, что если бы и дѣйствительно нанесена была графу кѣмъ-либо обида, то это сдѣлано совершенно безъ ея вѣдома. При дальнѣйшемъ же ходѣ слѣдствія, свидѣтельскими показаніями подтвердилось, что дѣйствительно графъ Девіеръ и его жена облиты были у монастырскихъ воротъ заточанкою; но по чьему приказанію это сдѣлано,—осталось невыясненнымъ. Однако, графъ Девіеръ, не дожидаясь результатовъ слѣдствія, подалъ въ св. Синодъ два прошенія, изъ коихъ въ одномъ, отъ 13 ноября 1857 г., жаловался на харьковскую консисторію за возвращеніе ею его просьбы съ надписью, безъ удовлетворенія, а въ другомъ, отъ 20-го того же ноября, просилъ св. Синодъ постановить опредѣленіе какъ о соединеніи въ одно двухъ слѣдствій по обоюднымъ жалобамъ его графа на игуменью Антонину и этой послѣдней на него графа, такъ и о командированіи къ этому слѣдствію жандармскаго офицера, равно и объ удаленіи игуменья и казначеи изъ монастыря на время производства слѣдствія. Эти прошенія, при указахъ св. Синода отъ 31 декабря того же года, препровождены были къ высокопреосвященному харьковскому Филарету, для доставленія, по содержанію ихъ, надлежащихъ свѣдѣній св. Синоду. Независимо отъ сего, графъ А. Девіеръ 11-го декабря того же года обратился съ просьбой къ г. шефу жандармовъ князю Долгорукову о назначеніи къ слѣдствію жандармскаго офицера, при чемъ приложилъ къ просьбѣ особую секретную записку. Шефъ жандармовъ назначилъ корпуса жандармовъ генераль-маіора Богдановича состоять при означенномъ слѣдствіи и просилъ харьковскаго губернатора допустить г. Богдановича къ сему слѣдствію. Но Богдановичъ, кажется, ограничился только ознакомленіемъ съ дѣломъ и не участвовалъ въ дальнѣйшемъ производствѣ слѣдствія. Не получая никакого свѣдѣнія по сему предмету ни отъ св. Синода, ни отъ оберъ-прокурора св. Синода, архіепископъ Филаретъ молчалъ нѣкоторое время по полученіи сообщенія губернскаго правленія о прикомандированіи генерала Богдановича къ слѣдствію и затѣмъ

написалъ къ харьковскому губернатору, что безъ разрѣшенія Св-нода консисторія затрудняется допустить, кромѣ депутата, еще жандармскаго чиновника при производствѣ слѣдствія надъ духовными лицами. На домогательство г. Богдановича, чтобы оба дѣла соединить при слѣдствіи, харьковская консисторія подтвердила свое прежнее постановленіе, что противно законамъ соединять два дѣла, разные по предмету и подлежащія разбирательству двухъ разныхъ начальствъ, и, наконецъ, чрезъ высокопреосвященнаго Филарета представила этотъ вопросъ на разрѣшеніе св. Св-нода.

Между тѣмъ, графъ А. Девіеръ 14-го февраля 1858 года подалъ въ харьковскую консисторію прошеніе о прекращеніи заведеннаго по его жалобѣ на игуменью Антонину слѣдствія. «Сомнѣваясь въ томъ,—писалъ графъ Девіеръ,—что обида нанесена мнѣ съ вѣдома игуменьи, не желаю продолжать эту тяжбу, почему всеподданнѣйше прошу, дабы повелѣно было прошеніе сіе принять и заведенное мною по вышеозначенному предмету дѣло по жалобѣ моей производствомъ прекратить и предать его вѣчному забвенію, такъ какъ я обиду свою прощаю и вести далѣе искъ не намѣренъ». Консисторія постановила прекратить дѣло по жалобѣ Девіера, вслѣдствіе мировой его сдѣлки; но оставалось для консисторіи въ происшествіи Хорошевскомъ разсмотрѣть и обсудить нравственное значеніе происшества, тѣмъ болѣе, что 4-го февраля 1858 года получена была высокопреосвященнымъ Филаретомъ отъ г. губернскаго предводителя дворянства секретная записка, поданная ему тѣмъ же графомъ Девіеромъ, о совершающихся злоупотребленіяхъ и преступленіяхъ игуменьею Хорошевскаго монастыря Антониною и казначею Елисаветою. По поводу этой записки, высокопреосвященный Филаретъ предписалъ члену консисторіи протоіерею Голяховскому и благочинному Люботинскому Григорію Томашевскому «сдѣлать строжайшее и самое безпристрастное дознаніе по всѣмъ пунктамъ сей записки и провѣрить свѣдѣнія записки справками съ документами и вѣрными свѣдѣніями, гдѣ бы они ни были; что окажется,—писалъ высокопреосвященный Филаретъ,—донести мнѣ безъ всякой утайки, не принимая ни на совѣсть, ни на честь свою ничего. Такъ какъ пунктъ о приписываемомъ злоупотребленіи суммами требуетъ немедленнаго освидѣтельствованія, то о. протоіерей Голяховскій немедленно отправится въ монастырь, не ожидая прибытія благочиннаго изъ села Люботина, который въ свое время дополнить повѣрку».

Мы не имѣемъ подъ руками секретнаго дознанія протоіерея Голяховскаго и благочиннаго Томашевскаго о злоупотребленіяхъ и преступленіяхъ игуменьи Антонины и казначеи Елисаветы; но изъ черновыхъ писемъ высокопреосвященнаго Филарета можно видѣть, что вводимыя на нихъ обвиненія не были совершенно несомнѣтельны. Къ тому же и оскорбленіе, нанесенное графу Девіеру въ

монастырѣ, къ тому времени уже достаточно подтвердилось слѣдствіемъ. «Что касается до Хорошевскаго монастыря,—писалъ высокопреосвященный Филаретъ къ одному изъ членовъ св. Синода,—старался я дѣйствовать на него для спасенія душъ. Теперь вижу, что игуменія не стоила того довѣрія, которымъ пользовалась; но довѣрялъ ей по тѣмъ убѣжденіямъ совѣсти, какія имѣлъ, а не въ оскорбленіе совѣсти. Гдѣ же найти людей, которые, по сознанию или и безъ сознанія, не обманывали бы болѣе или менѣе довѣріе начальствъ?» Въ другомъ письмѣ своемъ къ синодальному же члену высокопреосвященный Филаретъ писалъ слѣдующее: «По всѣмъ свѣдѣніямъ, формальнымъ и частнымъ, экономическое устройство обители и въ частности общежитія, при всей скудости средствъ, въ примѣрно-исправномъ состояніи. Вывшіе нравственные безпорядки, особенно своевольныя отлучки изъ монастыря молодыхъ послушницъ и монахинь, рѣдкое посѣщеніе ими богослуженія, частый пріемъ въ кельи свѣтскихъ лицъ, заставляли ее быть строгою. Послику же посыланныя мною въ монастырь довѣренныя лица увѣрились, что игуменія Антонина, при всей своей благонамѣренности, не оказывала материнской мягкости въ обращеніи съ сестрами и болѣе дѣйствовала властію; то считаю должнымъ удалить ее отъ управленія обителію, помимо дѣла о Девіерѣ». И, дѣйствительно, «распоряженіемъ отъ 27-го февраля монахини Хорошевскаго монастыря Антонина и Елисавета уволены отъ должностей игуменія и казначей и имъ назначено жить до времени въ Верхо-харьковскомъ Николаевскомъ монастырѣ», въ 50 верстахъ отъ Харькова.

Но въ то время, какъ, повидимому, улегалась буря, поднятая Хорошевскимъ происшествіемъ, и принимала болѣе мирный и, такъ сказать—домашній характеръ,—графъ Девіеръ снова и съ большимъ ожесточеніемъ возбудилъ дѣло, имъ самимъ прекращенное, и на этотъ разъ бросилъ рѣшительное обвиненіе и на самого высокопреосвященнаго Филарета. 20-го февраля, 1858 года, графъ А. Девіеръ подалъ въ Харьковскую духовную консисторію прошеніе о возобновленіи слѣдствія по жалобѣ его и жены его на игуменію Антонину и казначею Елисавету, при чемъ обвинялъ въ подкупѣ высокопреосвященнаго Филарета. «Нѣсколько дней назадъ,—писалъ Девіеръ въ этомъ прошеніи,—прибылъ ко мнѣ въ домъ одинъ извѣстный мнѣ человекъ, котораго въ случаѣ необходимости поименую, съ убѣдительными, по его понятію, предложеніями отъ имени здѣшняго г. архіепископа Филарета—кончить миромъ заведенное мною дѣло о жестокихъ оскорбленіяхъ, нанесенныхъ мнѣ и женѣ моей игуменію Хорошевскаго женскаго монастыря Антониною и казначеей Елисаветой. Но, такъ сказать, вѣнецъ убѣжденія былъ не въ устахъ посредника, а въ тысячѣ пяти стахъ рубляхъ серебромъ, которые онъ и предложилъ отъ имени его высоко-

преосвященства». Выразивъ свое согласіе на мировую и принявъ предлагаемыя деньги,—такъ какъ «пріятно воспользоваться ошибкою противника, употребивъ ее на что либо благое»—графъ А. Девіеръ, однако же, просилъ консисторію продолжать начатое по его жалобѣ дѣло, на томъ основаніи, что 1) дѣла о предосудительныхъ и уголовныхъ поступкахъ монашествующихъ лицъ, на основаніи 919 статьи по 6-му продолженію XV тома свода законовъ уголовныхъ, не прекращаются даже послѣ заключенія мировыхъ сдѣлокъ; 2) что онъ Девіеръ могъ помириться только за себя, а за жену свою не имѣетъ права и не желаетъ, и 3) сдѣланное ему, Девіеру, предложеніе ясно доказываетъ вину и отвѣтственность игуменіи и казначеи и особенное покровительство имъ мѣстнаго архіепископа. «Впрочемъ,—прибавлялъ графъ Девіеръ,—если г. архіепископу Филарету угодно будетъ находящіяся у меня принадлежащія ему полторы тысячи рублей серебромъ употребить по собственному усмотрѣнію, то я обявуюсь представить ихъ при особомъ прошеніи въ духовную консисторію». Единновременно съ симъ и жена графа Девіера подала въ консисторію прошеніе о продолженіи дѣла и заявляла, что она съ своей стороны, будучи такъ же обижена, какъ и мужъ ея, не только своей законной претензіи не прекращаетъ, но напротивъ того возобновляетъ ее съ самымъ твердымъ, ничѣмъ непоколебимымъ намѣреніемъ никогда не прекращать миромъ, «на что даже,—писала она,—лишаю себя права, такъ какъ сдѣланныя мнѣ оскорбленія до того велики, что даже лишили меня здоровья».

Оба эти прошенія, очевидно, направлены были уже не столько противъ игуменьи Антонины и казначеи Елисаветы, сколько противъ самого высокопреосвященнаго Филарета, такъ какъ судьба игуменьи и казначеи во время подачи этихъ прошеній уже предрѣшена была, и черезъ недѣлю онѣ уже уволены были отъ должностей своихъ, и слѣдовательно искъ Девіеровъ долженъ бы прекратиться самъ собою, если бы онъ имѣлъ въ виду только этихъ двухъ монахинь. Внутренній, тайный смыслъ этихъ прошеній хорошо поняли какъ харьковская духовная консисторія, такъ и высокопреосвященный Филаретъ. Консисторія возвратила Девіеру прошеніе, «какъ наполненное поносительными и укорительными словами», а высокопреосвященный Филаретъ увидѣлъ въ этомъ прошеніи тяжкую для себя обиду и оскорбленіе и просилъ защиты и у харьковскаго губернатора, и у оберъ-прокурора св. Синода графа А. П. Толстого, и у членовъ св. Синода и особенно с.-петербургскаго митрополита Григорія.

Впрочемъ, въ извиненіе графа Девіера нужно замѣтить, что тайною пружиною всего дѣла былъ не онъ самъ, а отставной чиновникъ Наполовъ, на котораго собственно и жаловался, высокопреосвященный Филаретъ. «Несомнѣнно,—писалъ владыка—что г. Девіеръ, какъ малограмотный, не въ состояніи былъ сочинить

хитросплетенной бумага съ оскорбленіями для моей личности; угрѣненъ и въ томъ, что Девіеръ самъ по себѣ не злой человѣкъ, но при слабости своей послушное оружіе другого. Этого другой—никто другой, какъ отставной чиновникъ Наполовъ, бывшій подъ судомъ, не принадлежащій Харьковской губерніи, человѣкъ, какъ знаю его и по дѣламъ консисторіи о сестрахъ его и по личному сношенію, бывающій по временамъ вовсе изступленнымъ и полусумасшедшимъ, но постоянно злобный и съ страстію къ ябедничеству, готовый всегда только на то, чтобы возмущать край злыми толками и ябедами. Отъ него терплю я уже пятый годъ всякаго рода оскорбленія только потому, что по изступленной злобѣ мстить онъ за сестеръ своихъ, жившихъ въ Хорошевѣ монастырѣ, о которыхъ производилось дѣло въ консисторіи. Еще два года тому назадъ жаловался я на Наполова мѣстному жандармскому офицеру и, подробно объяснивъ дѣла Наполова, просилъ оградить меня отъ злобнаго клеветника; но г. Богдановичъ, насакавъ много обѣщаній, не сдѣлалъ ничего». «Въ августѣ прошлаго года,—писалъ архіепископъ Филаретъ митрополиту Григорію,—случилось несчастное происшествіе въ Хорошевѣ монастырѣ. Нѣкто графъ Девіеръ, живущій въ хуторѣ близъ Хорошева монастыря, сманилъ изъ монастыря послушницу мѣщанку и, женившись на ней въ другой губерніи, явился съ бывшею послушницею въ монастырскомъ храмѣ, а при выходѣ изъ монастыря былъ кѣмъ-то облитъ помоями. Оскорбленный Девіеръ началъ процессъ объ обидѣ. Это дѣло въ порядкѣ. Девіеръ самъ по себѣ не злой, да и малограмотный. Наполовъ съ изступленною злостію взялся вести и вѣдетъ за него дѣло. Мало и того. Къ формальной бумагѣ, поданной въ Петербургѣ, приложена, — какъ теперь слышу, — записка съ гнусными клеветами и противъ меня. Девіеръ, помимо вѣдѣнія Наполова, подалъ мировое прошеніе въ консисторію. Наполовъ, узнавъ о томъ, заставилъ Девіера подать просьбу о продолженіи иска, съ оскорбленіями и противъ меня. За что дѣло о монастырѣ опрокидывается противъ меня, право, не понимаю. Въ дѣлѣ объ обидѣ консисторія употребляетъ стараніе вести его законно и безпристрастно. Св. Синодъ можетъ видѣть, вытребовавъ все дѣло на свое усмотрѣніе. Если дѣло длится шесть мѣсяцевъ; то это только къ скорбямъ моимъ и уже вовсе не пожеланію моему. Оно запутывается болѣе и болѣе отъ разныхъ просьбъ Девіера. Для Девіера лично не дѣлалъ я неприятнаго. Онъ подавалъ ко мнѣ просьбу, прося разрѣшенія жениться на бывшей послушницѣ. Но я ему объяснилъ лично, что такъ какъ бывшая послушница не была даже приукажена къ монастырю, то не имѣетъ нужды въ моемъ разрѣшеніи на вступленіе въ бракъ, если желаетъ вступить».

Во всякомъ случаѣ, высокопреосвященный Филаретъ видѣлъ въ прошеніи Девіера крайнюю дерзость и тяжкое оскорбленіе себѣ,

справедливо опасался подрыва своего авторитета въ епархіи и потому рѣшился предпринять 'противъ клеветника рѣшительныя мѣры. 21-го февраля, 1858 г., секретно и конфиденціально онъ просилъ харьковскаго губернатора употребить зависящія отъ него мѣры къ обузданію и огражденію его личности отъ столь наглыхъ оскорбленій, и именно: 1) допросить г. Девіера, кто сочиняетъ и пишетъ ему просьбы; 2) допросить чиновника уголовной палаты Богуславскаго, писавшаго просьбу о прекращеніи иска,— какъ происходило дѣло примиренія, кто участвовалъ въ немъ; 3) если возможно, секретнымъ распоряженіемъ чрезъ довѣреннаго чиновника, но никакъ не жандармскаго, отобрать всѣ (ябедническія) бумаги у отставнаго чиновника Наполова, писанныя имъ за Девіеровъ, и затѣмъ поступать по усмотрѣнію. По секретному дознанію г. губернатора открылось, что примиреніе Девіера совершалось помимо всякаго участія архіепископа Филарета. «По секретному разслѣдованію губернатора дознано,—писалъ высокопреосвященный Филаретъ митрополиту Григорію,—кто давалъ деньги, кто и кѣмъ былъ посланъ къ Девіеру, «что ни въ томъ, ни въ другомъ дѣлѣ вовсе не былъ я причастнымъ». Получивъ частнымъ образомъ извѣстіе о результатахъ разслѣдованія, высокопреосвященный Филаретъ секретно и конфиденціально просилъ харьковскаго губернатора, не найдетъ ли онъ возможнымъ, «по правамъ начальника губерніи, секретнымъ распоряженіемъ немедленно удалить Наполова изъ Харьковской губерніи, какъ непрінадлежащаго къ ней и злопреднаго для спокойствія» вѣренной его смотрѣнію губерніи. Но харьковскій губернаторъ отъ 28-го февраля 1858 года увѣдомилъ высокопреосвященнаго Филарета, что «такъ какъ назначеніе формальнаго разслѣдованія по дѣламъ такого рода не зависитъ непосредственно отъ мѣстнаго начальства, а отъ разрѣшенія министерства внутреннихъ дѣлъ, по предварительномъ сношеніи онаго съ св. Синодомъ, то о такомъ ходатайствѣ вашемъ мною донесено г. министру внутреннихъ дѣлъ и сообщено г. оберъ-прокурору св. Синода графу Толстому на зависящее распоряженіе».

Такой оборотъ дѣла еще болѣе смутилъ высокопреосвященнаго Филарета, такъ какъ дѣло доводилось до высшаго начальства и могло быть представлено въ неблагопріятномъ для высокопреосвященнаго свѣтѣ. Съ этого времени начинается оживленная переписка высокопреосвященнаго Филарета съ членами и оберъ-прокуроромъ св. Синода по поводу дѣлу. Приводимъ изъ нея два отрывка изъ писемъ архіепископа Филарета къ оберъ-прокурору св. Синода, графу А. П. Толстому.

Въ письмѣ, писанномъ послѣ 22-го февраля 1858 года, высокопреосвященный Филаретъ, сообщивъ объ отношеніи своемъ къ харьковскому губернатору съ просьбой сдѣлать дознаніе по поводу введенной на него клеветы,—писалъ далѣе слѣдующее: «О семъ ва-

шему сіятельству за долгъ считаю сообщить и усерднѣйше прошу вашего содѣйствія къ огражденію меня отъ насилій злобы. Не могу объяснить себѣ наглої клеветы, взведенной на меня въ формальной бумагѣ, чѣмъ-либо инымъ, какъ домогательствомъ нѣкоторыхъ, особенно же отставнаго чиновника Наполова, дѣлающаго всѣ дѣла за Девіера и злобствующаго противъ меня за дѣло о себѣ, производившееся въ консисторіи, какъ бы то ни было очернить меня предъ высшимъ начальствомъ и тѣмъ вытѣснить меня изъ харьковской епархіи. По совѣсти, какъ предъ Господомъ говорю, что для епархіи всѣми силами старался я быть полезнымъ. Какіе получаю я доходы, употреблялъ то на духовное дѣвичье училище, то на общежитіе Хорошевскаго монастыря, то на страннопріимный домъ, то на домъ архіерейскій, такъ что, если бы пришлось мнѣ завтра выѣзжать изъ Харькова, мнѣ не съ чѣмъ было бы выѣхать. Много скорбей стоило мнѣ устроить общежитіе въ Хорошевѣ монастырѣ, и вотъ года три все было пришло въ порядокъ и настала тишина. Но случилось это несчастное дѣло объ оскорбленіи Девіера, и тотъ, кто давно ждалъ подобнаго случая, схватился за него всѣми силами. Теперь и въ монастырѣ, чѣмъ болѣе длится дѣло объ обидѣ, тѣмъ болѣе все разстроивается. И меня лично это несчастное дѣло до того, наконецъ, отяготило и разстроиваетъ здоровье души и тѣла, что не былъ бы недоволеннымъ, если бы назначена была мнѣ другая епархіа. Жаль только того, что учрежденія мои, стоявшія мнѣ много трудовъ и заботъ (дѣвичье училище, общежитіе хорошевское, страннопріимный домъ) могутъ остаться безъ прежняго призора любви. Да будетъ воля Божія во всемъ! Ходъ всего хорошевскаго дѣла, дошедшаго, наконецъ, до такой крайности, подробно излагаетъ для вашего сіятельства секретарь консисторіи. Съ своей стороны за долгъ считаю присовокупить, что г. жандармскій генераль-маіоръ Богдановичъ дѣйствуетъ съ очевиднымъ пристрастіемъ къ Девіеру и съ очевиднымъ нерасположеніемъ къ Хорошевскому монастырю. Еще до начала несчастнаго дѣла объяснялъ я ему, каковы дѣла Наполова по Хорошеву монастырю, и просилъ возможной защиты его отъ Наполова; но и послѣ того, хорошо зная то, что Девіеръ—не болѣе, какъ орудіе Наполова, онъ не только вѣритъ Девіеру, но домогается достигать всего того, чего пожелаетъ Девіеръ, или, точнѣе, Наполовъ. Потому ваше сіятельство оказали бы великое благодареніе для харьковской консисторіи, если бы благоволили употребить свое ходатайство объ уклоненіи генераль-маіора Богдановича отъ присутствія при слѣдствіи о хорошевскомъ происшествіи. И это было бы, какъ думаю, согласно и съ ходомъ дѣла. Г. Богдановичъ прикомандированъ къ слѣдствію по жалобѣ Девіера на личную свою обиду. Искъ удовлетворенія за личную обиду прекращается мировою сдѣлкой. Остается для консисторіи въ происшествіи хо-

рошевскомъ разсмотрѣть и обсудить нравственное значеніе происшествія; но это уже дѣло консисторіи, до котораго нѣтъ дѣла Девіера, а слѣдовательно и г. Богдановичу. Какъ вслѣдствіе сей просьбы, такъ и по многимъ другимъ свѣдѣніямъ, посылаемы были мною и духовныя и разныя другія лица, для дознанія и увѣщаній. И послѣ того не остается сомнѣнія, что главною причиною безпокойствъ и нестроений монастыря есть медленность дѣла, начавшагося по жалобѣ г. Девіера на монастырь, дающая просторъ возмутительнымъ толкамъ злонамѣренныхъ и легкомысленныхъ людей. Предлагаю консисторіи: а) предписать, дабы слѣдователь немедленно отправился для собранія свѣдѣній, не достающихъ къ дѣлу по жалобѣ Девіера на совершившіяся будто бы преступленія въ монастырѣ, при чемъ имѣлъ бы въ виду, что дѣло о личной обидѣ г. Девіера и жены его окончено мировою просьбою его о прекращеніи иска за обиду, почему всякое вмѣшательство его, какъ обиженнаго, не должно имѣть мѣста въ дѣлѣ; б) просить губернское правленіе, дабы предписало своему депутату немедленно явиться для участія при производствѣ слѣдствія о преступленіяхъ, соединенныхъ съ обидами Девіера и жены его; в) такъ какъ по слѣдственному дѣлу, представленному протоіеремъ Шероцкимъ въ копіи, видно, что г. Девіеръ то уклонялся отъ отвѣтовъ, то вовсе не являлся къ слѣдствію, такъ что отъ того происходила проволочка и остановка дѣла, и на него же протоіерей Шероцкій уже предъявлялъ жалобу слѣдователю, что онъ въ отвѣтахъ своихъ помѣщаетъ много неотносящагося къ дѣлу; то просить губернское правленіе, дабы учинено было должное распоряженіе и по симъ поступкамъ г. Девіера». Въ другомъ письмѣ своемъ къ синодальному оберъ-прокурору, писанномъ, вѣроятно, послѣ 28-го февраля 1858 года, высокопреосвященный Филаретъ просилъ его употребить свое ходатайство, гдѣ слѣдуетъ, объ удаленіи Наполова изъ харьковской епархіи, или же о перемѣщеніи самого высокопреосвященнаго на другую епархію. «Господа ради прошу ваше сіятельство,—писалъ архіепископъ Филаретъ,—или избавить харьковскую епархію отъ Наполова, или безъ промедленія времени указать мнѣ другое мѣсто служенія, но не оставлять меня безъ защиты и на поруганіе злымъ людямъ, отъ которыхъ и безъ того много терпѣлъ я безвинно».

Въ Петербургѣ дѣло восходило на высочайшее усмотрѣніе государя императора, который высочайше повелѣть соизволилъ—дальнѣйшее производство слѣдственныхъ дѣлъ, возникшихъ по обоимъ жалобамъ графа Девіера и игуменья Хорошевскаго монастыря прекратить, съ тѣмъ, чтобы онъ, Девіеръ, какъ подававшій оскорбительныя на высокопреосвященнаго Филарета бумаги и собственнымъ сознаніемъ уличенный въ оклеветаніи высокопреосвященнаго Филарета, по усмотрѣнію начальника губерніи, высланъ

былъ изъ губерніи на три мѣсяца, или обязанъ былъ, въ теченіе этого времени, не выѣзжать никуда изъ харьковскаго своего имѣнія, и 2) чтобы игуменья Хорошевскаго монастыря Антонина, хотя и не обнаруживается вполнѣ ея виновности во всѣхъ жалобахъ, поданныхъ графомъ Девіеромъ, но такъ какъ самые поводы къ жалобамъ сиимъ, при потребномъ со стороны ея благоразуміи, не могли бы имѣть мѣста, устранена была отъ должности и переведена на жительство въ другой монастырь. Вслѣдствіе сего высочайшаго повелѣнія и относящихся къ самому предмету дѣла канцеляріи св. Синода, св. Синодъ, между прочимъ, постановилъ: «устраненныхъ отъ должностей игуменью Антонину и казначею Елисавету, такъ какъ первая изъ нихъ обличается въ излишней строгости съ сестрами Хорошевскаго монастыря и въ весьма скудномъ содержаніи ихъ столомъ, обѣ же въ неправильномъ веденіи отчетности въ монастырскихъ суммахъ и въ частыхъ отлучкахъ изъ монастыря,—то, отрѣшивъ ихъ вовсе отъ означенныхъ должностей, съ тѣмъ, чтобы онѣ и впредь къ таковымъ не были опредѣляемы, предоставить имъ, монахинямъ Антонинѣ и Елисаветѣ, избрать для жительства какіе-либо иные монастыри внѣ Харьковской губерніи». Объ этомъ дано было знать высокопреосвященному Филарету указами св. Синода отъ 30-го мая 1858 г., за № 4703, и отъ 29-го ноября того же года, за № 1523. Самъ высокопреосвященный Филаретъ, по прекращеніи дѣла, выванъ былъ въ С. Петербургъ для присутствованія въ св. Синодѣ и затѣмъ уже перемѣщенъ былъ на Черниговскую епархію.

II.

ОДИНЪ ЛИЗЪ АВАНТЮРИСТОВЪ ПРОШЛАГО ВѢКА.

ВЪ ДЕКАБРѢ 1878 года, ко мнѣ въ гостинницу «Byzance» въ Константинополѣ зашелъ старый турокъ, Хаджи-Османъ, съ которымъ я познакомился въ Филиппополѣ, у Измаиль-бея ¹⁾, и предложилъ свои услуги для осмотра достопримѣчательностей города. Онъ говорилъ порусски и объяснилъ, что зналъ бѣлаго русскаго генерала, т. е. М. Д. Скобелева, котораго не разъ сопровождалъ въ его экскурсіяхъ по Константинополю. На мосту, въ Стамбулѣ, возвращаясь изъ турецкаго квартала, мы встрѣтили дервиша съ войлочнымъ колпакомъ на головѣ, и Османъ предложилъ мнѣ осмотрѣть текке (монастырь) вертящихся дервишей въ Перѣ. — «Мы тебѣ покажемъ гробницу Ахмета-паши», сказалъ онъ.

Я пожелалъ узнать, кто такой Ахметъ-паша и мои спутники объяснили мнѣ, что онъ былъ родомъ франкъ, принялъ исламъ и долго жилъ въ Стамбулѣ и служилъ султану Махмуду. Ахметъ-паша давно умеръ, но его и теперь помнятъ многіе турки, потому

¹⁾ Измаиль-бей, нынѣ умершій, одинъ изъ меттевели В. Румелии, т. е. крупныхъ землевладѣльцевъ этой области, владѣвшихъ въ ней обширными землями на феодальномъ правѣ. Эти меттевели потомки турецкихъ завоевателей края и болгарскихъ бояръ, припавшихъ тогда исламъ. До послѣдней войны меттевели вносили десятину, т. е. десятую часть продуктовъ съ жившихъ на ихъ землѣ болгаръ. По органическому статуту 1879 года десятина была замѣнена выкупомъ, а Измаиль-бей былъ назначенъ нашимъ гражданскимъ управленіемъ сословнымъ представителемъ верховнаго суда области. Измаиль-бей считалъ долгомъ оказывать всѣмъ русскимъ, какъ завоевателямъ края, знакъ величайшаго почтенія.

что онъ выгналъ швабовъ изъ Босны. «Русскій генералъ (т. е. Скобелевъ) уважалъ его и ходилъ на его могилу; объ немъ много книгъ написано»,—прибавилъ Османъ.

Оказалось, что этотъ Ахметъ-паша ни кто иной, какъ извѣстный графъ Бонневаль, одинъ изъ авантюристовъ прошлаго вѣка, появленіе котораго на берегахъ Босфора въ свое время вызвало не мало шуму въ Европѣ.

Жизнь и приключенія Бонневала производили сильное впечатлѣніе на умы современниковъ, которые приписывали ему много всевозможныхъ небылицъ и геройскихъ подвиговъ, никогда не имѣвшихъ мѣста. Изъ книгъ, посвященныхъ его жизни и дѣятельности можно составить цѣлую библиотеку, но наиболѣе достовѣрныя свѣдѣнія о немъ заключаются въ любопытной запискѣ принца де-Линь, изданной въ Парижѣ въ 1817 году (*Memoire sur Bonneval*) и въ историческихъ изслѣдованіяхъ одного изъ новѣйшихъ французскихъ писателей Альбера Вандаля, который основательно, по подлиннымъ документамъ парижскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ и собранію рукописей извѣстнаго знатока Востока Шеффера, изучилъ дѣятельность этого неугомоннаго искателя приключеній ¹⁾.

На другой день, я вмѣстѣ съ Османомъ и переводчикомъ отправился въ текке дервишей въ Перѣ и на прилежащемъ къ нему кладбищѣ, усѣянномъ надгробными камнями и памятниками, съ восточными надписями, мы розыскали гробницу Ахмета-паши, умершаго въ Константинополѣ, какъ сообщаютъ его биографы, 22-го марта 1747 года.

Надъ его могилой возвышается четырехугольный мавзолей, нѣсколько болшихъ размѣровъ, чѣмъ остальные, и на немъ мои спутники прочли потурецки слѣдующую надпись: «Здѣсь покоится Бонневаль-Ахметъ-паша, котораго зналъ весь свѣтъ. Онъ покинулъ свое отечество и наслѣдіе отцовъ, чтобы принять исламъ. Онъ прославился между своими, но вѣчную славу стяжалъ, ставъ въ ряды правовѣрныхъ. Испытавъ величіе и превратность судьбы и познавъ тщету дѣлъ челоувѣческихъ, онъ какъ мудрецъ исполнилъ чашу смерти въ ночь на пятницу, въ годовщину смерти величайшаго изъ пророковъ, избравъ самую благопріятную минуту, дабы предстать предъ правосудіемъ Аллаха. Двери рая да развернутся передъ Ахметомъ-пашой». На другой сторонѣ памятника написано: «Правовѣрные, почтите память усопшаго Ахмета-паши, начальника бомбардировъ, чтеніемъ первыхъ стиховъ корана».

Турки благоговѣнно повторяютъ стихи корана надъ могилкой

¹⁾ А. Вандаль посвятилъ ему отдѣльную монографію, изд. въ Парижѣ въ 1885 году «Le Pascha Bonneval» и нѣсколько главъ въ своемъ историческомъ трудѣ «Une ambassade française en Orient sous Louis XV. Paris 1887 г.».

этого усерднаго почитателя Вольтера, который въ письмѣ къ нему свое обращеніе въ мусульманство называлъ «забавнымъ маскарадомъ» ¹⁾).

Эти надписи сдѣланы по повелѣнію султана—объяснилъ мнѣ переводчикъ, а Османъ добавилъ, что если бы Ахметъ-паша былъ живъ, то пшабы не долго бы оставались въ Боснѣ — дервишъ утвердительно кивалъ головой на восточный манеръ, подтверждая эти слова.

Молва приписала побѣды турокъ надъ австрійцами въ Босніи и Сербіи въ 1737 и 38 годахъ Бонневалою, хотя онъ никакого личнаго участія въ этой кампаніи не принималъ. Эта молва была пущена въ ходъ въ Европѣ врагами кардинала Флери, обвинявшими этого осторожнаго министра въ неумѣннн воспользоваться такимъ орудіемъ для французской политики на Востокѣ, какъ Бонневаль.

Клодъ-Александръ графъ де-Бонневаль родился въ 1675 году. Онъ происходилъ отъ стараго и знатнаго дворянскаго рода Бонневалей въ Лимузенѣ, состоявшаго въ родствѣ, по женской линіи, съ королевскимъ домоу Бурбоновъ. Первоначальное воспитаніе его было поручено іезуитамъ, которые не могли сладить съ своенравнымъ мальчикомъ и приучить его къ дисциплинѣ, но онъ вполне усвоилъ ихъ правило—цѣль оправдываетъ средства. Его отправили на службу во флотъ. Министръ де-Сенъель, дѣлая смотръ гардемаринамъ, обратилъ вниманіе на его слишкомъ юный возрастъ и, узнавъ, что онъ не достигъ опредѣленныхъ уставомъ лѣтъ для морской службы, хотѣлъ вернуть его въ семью. «*On ne casse pas un homme de son gang*»—гордо отвѣтилъ юноша. Отвѣтъ понравился министру и Бонневала не только оставили во флотѣ, но и провозвели въ чинъ мичмана.

Феодальная закваска французскаго дворянина, ставящаго выше всего фамильную гордость, составляла отличительную черту его характера; такимъ онъ остался до конца, переѣхавъ въру и ставъ турецкимъ пашой. Изъ его интимныхъ писемъ къ брату, опубликованныхъ Вандалемъ, видно, что въ туркахъ его всего болѣе оскорбляло отсутствіе сословныхъ отличій и унижающее дворянина равенство всѣхъ передъ султаномъ. Перейдя на службу въ королевскую гвардію, Бонневаль составилъ себѣ военную репутацію, участвуя въ войнѣ за испанское наслѣдство, въ итальянскомъ походѣ Вандома, но особенно онъ отличился въ Нидерландахъ, подъ командой маршала Буфлера.

Служба въ королевской гвардіи сблизила его съ кружкомъ тогдашней золотой молодежи, группировавшейся около герцога Орлеанскаго, ставшаго впоследствии регентомъ Франціи. Пріѣзжая

¹⁾ Это письмо Бонневала къ Вольтеру напечатано въ полномъ «Собраніи сочиненій Вольтера», изданія Дидо.

изъ арміи въ Парижѣ, Бонневаль не только прожигалъ жизнь въ кутежахъ, но и давалъ волю своему острому языку; его эпиграммы ходили по всему Парижу, а въ нихъ онъ не разъ задѣвалъ все-силную тогда г-жу де-Ментенонъ. Это не прошло ему даромъ. Въ своихъ мемуарахъ, присланныхъ уже изъ Константинополя версальскому кабинету, Бонневаль говоритъ, что онъ былъ своимъ чело-вѣкомъ у герцога Орлеанскаго, вслѣдствіе чего его считали при дворѣ короля за развратника (libertin) и, не смотря на военныя заслуги, обошли чиномъ. Обиженный такой несправедливостью, Бонневаль написалъ военному министру Шамильяру, котораго онъ считалъ за выскочку, что если ему, Бонневалю, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ не дадутъ удовлетворенія, то онъ перейдетъ на службу къ германскому императору, военные министры котораго люди хорошаго круга (gens de qualité), умѣющіе цѣнить «равнаго себѣ». Шамильяръ былъ чело-вѣкъ не знатнаго происхожденія, сдѣлавшій себѣ карьеру не на войнѣ, а въ военной канцеляріи.

Не дожидаясь отвѣта на это письмо, Бонневаль обжалъ за границу, именно въ Вѣну, гдѣ его встрѣтили весьма благосклонно. Благодаря покровительству принца Евгенія Савойскаго, онъ былъ принятъ генералъ-маіоромъ въ имперскую армію и участвовалъ съ ней въ войнѣ противъ французовъ въ Италіи и въ походѣ въ Провансъ и Дофинзъ.

Военный судъ заочно осудилъ его за дезертерство. Но послѣ заключенія Раштатскаго мира, онъ такъ отличился подъ знаменами принца Евгенія въ войнѣ съ турками, что герцогъ Орлеанскій, благоволившій къ нему, пользуясь благоприятнымъ для Бонневаля настроеніемъ общественнаго мнѣнія, настоялъ на отмѣнѣ тяготѣвшаго надъ нимъ приговора военного суда.

Въ турецкомъ походѣ принца Евгенія Бонневаль игралъ очень видную роль и проявилъ замѣчательную храбрость и военныя дарованія—это признаютъ даже нѣмецкіе историки. Въ сраженіи при Петервардейнѣ 5-го августа 1716 года онъ былъ отрѣзанъ отъ главной арміи превосходными силами непріятели, окружившими его отрядъ со всѣхъ сторонъ. Съ бѣшенною отвагою онъ пробился черезъ густыя массы янычаръ и соединился съ принцемъ Евгениемъ—принявъ самое дѣятельное участіе въ рѣшительной побѣдѣ имперской арміи. Этотъ день покрылъ его славой и ранами. Его подвиги въ этомъ сраженіи были воспѣты въ стихахъ Жанъ-Жакомъ Руссо.

Амнистія открыла ему двери Франціи, куда онъ пріѣхалъ въ слѣдующемъ 1717 году и здѣсь женился на княжнѣ Шарлотѣ Биронъ, увлекшейся его приключеніями, ранами и боевыми подвигами. По отзыву современниковъ и между прочимъ извѣстнаго герцога Сень-Симона, Бонневаль обладалъ большимъ апломбомъ, даромъ слова, рѣдкимъ остроуміемъ и неволью подчинялъ себѣ всѣхъ

окружающихъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ свадьбы, Бонневаль неожиданно бросилъ боготворившую его жену и Францію, которая такъ снисходительно простила ему его прежнія вѣны, и возвратился на службу къ императору.

Но здѣсь положеніе его измѣнилось. Война съ турками была кончена. Австрія находилась въ мирѣ со всѣми сосѣдями. Императоръ Карлъ VI благоволилъ попрежнему къ Бонневалю, но принцъ Евгений, который цѣнилъ Бонневала на войнѣ, считалъ его человекомъ совершенно непригоднымъ въ мирное время. Кромѣ того, принцъ желалъ восстановить строгую субординацію въ арміи и былъ крайне недоволенъ слишкомъ фамиллярнымъ съ нимъ обращеніемъ Бонневала. Императоръ, опасаясь крупнаго между ними столкновенія, послѣдшилъ удалить Бонневала изъ Вѣны—онъ получилъ военный постъ въ австрійскихъ Нидерландахъ, именно въ Брюсселѣ. Здѣсь и произошла исторія, разорвавшая навсегда связи Бонневала съ имперіей.

Жена императорскаго намѣстника въ Брюсселѣ маркиза де-Пріэ, на официальномъ приѣмѣ, отозвалась неблагопріятно для испанской королевы о причинахъ ея размолвки съ мужемъ. Королева была французская принцесса, дочь регента герцога Орлеанскаго. Бонневаль счелъ долгомъ заступиться за честь своей родственницы королевы и сдѣлалъ это столь рѣзко, что былъ посаженъ подъ арестъ въ брюссельскую цитадель.

Сидя подъ арестомъ, онъ усердно раздувалъ этотъ инцидентъ и писалъ письма не только къ императору, но и къ представителямъ Франціи и Испаніи, требуя увольненія и преданія суду намѣстника де Пріэ, жена котораго позволила себѣ публично оскорбить честь и достоинство королевскаго дома Бурбоновъ.

Старанія Бонневала придать этому случаю политическій характеръ и вызвать дипломатическое вмѣшательство Мадридскаго и Версальскаго кабинета сильно встревожили Вѣну. Императоръ по настоянію принца Евгенія вызвалъ Бонневала, выпущеннаго на свободу и уѣхавшаго въ Гагу, къ отвѣту передъ наряженнымъ надъ нимъ военнымъ судомъ. Узнавъ, что принцъ Евгений открыто держитъ сторону его врага намѣстника, Бонневаль вызвалъ принца на дуэль и тѣмъ не менѣе поѣхалъ въ Вѣну, надѣясь добиться своей цѣли путемъ личнаго объясненія съ императоромъ; но его не допустили до этого, арестовали на пути и отвезли въ моравскую крѣпость Шпильбергъ, гдѣ собрался военный судъ для разсмотрѣнія его проступковъ. Напрасно протестовалъ онъ противъ состава суда, состоявшаго изъ его личныхъ враговъ; судъ приговорилъ его къ лишенію чиновъ и должностей и къ годовому заключенію въ крѣпости Шпильбергъ. Императоръ послѣ довольно долгихъ колебаній подписалъ этотъ приговоръ и Бонневаль отсидѣлъ указанный срокъ въ крѣпости. Затѣмъ его отвезли въ Тироль до границы и отпу-

стили на свободу, воспретивъ ему когда-либо возвращаться въ предѣлы имперіи.

Глубоко оскорбленный такимъ образомъ дѣйствій, Бонневаль, какъ онъ писалъ въ своихъ мемуарахъ, поклялся отомстить вѣроломной Австріи, которая за его боевыя заслуги и кровь, пролитую имъ на поляхъ сраженій подъ ея знаменами, заплатила ему тюрмой, оскорбленіями и ссылкой.

Поселившись въ Венеціи и зная близко военную и политическую организацію Австріи, онъ, побуждаемый жаждой мщениія, весь отдался составленію плана ея разгрома. Съ этой цѣлью онъ вступилъ въ дѣятельныя сношенія со всѣми враждебными имперіи элементами въ Венгріи, Трансильваніи, Валахіи и даже въ Польшѣ.

Онъ составилъ подробный планъ разчлененія Австріи, исполненіе котораго должны были принять на себя путемъ формальнаго союзнаго договора Франція и Порта; ихъ войска должны были поддержать народное возстаніе въ не нѣмецкихъ областяхъ имперіи, которое брался организовать Бонневаль. Изъ этихъ областей должно было образоваться особое вассальное княжество подъ верховной властью султана. Царство Османовъ, писалъ Бонневаль Версальскому кабинету, представляетъ крупную матеріальную силу, которою Франція можетъ и должна воспользоваться въ своей вѣковой борьбѣ съ германской имперіей, въ видахъ поддержанія равновѣсія въ Европѣ.

Онъ полагалъ, что его политическая программа будетъ благоприятно принята французскимъ посломъ въ Константинополь и рѣшился пробраться въ Константинополь для того, чтобы личнымъ участіемъ подвинуть дѣло.

Проѣхать прямо въ Константинополь моремъ ему было трудно; за нимъ слѣдили въ Венеціи и сенъорія республики не пропустила бы такого безпокойнаго челоуѣка на берега Босфора. Поэтому онъ пробрался на маленькомъ суднѣ съ небольшимъ числомъ старыхъ боевыхъ товарищей черезъ Адриатическое море въ Рагузу. Последняя была тогда независимой республикой и изъ нея верхомъ по горнымъ дорогамъ можно было безпрепятственно достигнуть Сераева въ Босніи, что Бонневаль и сдѣлалъ, написавъ изъ Рагузы длинныя посланія французскому послу Вильневу и великому визирю съ изложеніемъ своихъ плановъ.

Въ Сераево у мѣстнаго паши Бонневаль встрѣтился случайно съ австрійскимъ офицеромъ, присланнымъ для переговоровъ изъ Вѣнграда. Офицеръ посигъшилъ объяснить пашѣ, что его гость челоуѣкъ опасный, который можетъ возбудить войну между Портой и Австріей. Паша не далъ Бонневалоу пропуска и просилъ его остаться въ Сераевѣ до полученія приказаній отъ султана. Представитель императора въ Константинополь г. Тимманъ напрягъ всѣ усилія, чтобы не пускать Бонневала въ Константинополь. Виль-

невѣ же, связанный инструкціями своего кабинета, формально воспретившаго ему входить въ сношенія съ такимъ неблагонадежнымъ человѣкомъ, какъ Бонневаль, оставилъ его письмо безъ отвѣта, а ходатайство о пропускѣ въ Константинополь безъ поддержки.

Покинутый всѣми и преслѣдуемой враждой Австріи и Венеціи, которая считала появленіе Бонневалья на Балканскомъ полуостровѣ крайне вреднымъ для ея интересовъ, Бонневаль оказался въ весьма затруднительномъ положеніи; хотя турки относились къ нему дружелюбно, но султанъ предписалъ не выпускать его изъ Сераева, назначивъ ему при этомъ пенсію.

Мечтавшій дѣйствовать на Балканскомъ полуостровѣ, въ качествѣ самостоятельнаго политическаго дѣятеля, негласнаго посредника между Портой и Франціей, онъ долженъ былъ теперь искать милости султана.

Ради этого, онъ рѣшился принять исламъ и стать подданнымъ султана, сдѣлавшись изъ французскаго графа Бонневалья, родственника Бурбоновъ, турецкимъ пашей. «Я надѣваю чалму и принимаю исламъ, объяснилъ онъ мулламъ, потому что мнѣ было откровеніе свыше, что я, командуя турецкимъ отрядомъ, возьму въ плѣнъ принца Евгенія и отрѣжу ему уши», рассказывалъ Бонневаль въ письмѣ къ Вольтеру, описывая свое ренегатство.

Но перемѣна вѣры не сразу открыла ему доступъ въ столицу правовѣрныхъ; ему прибавили пенсію, но продолжали держать въ Сераевѣ, гдѣ онъ прожилъ около двухъ лѣтъ и, кажется, сблизился съ мѣстнымъ мусульманскимъ населеніемъ, которое тогда, какъ и теперь, ненавидѣло пшавовъ и поэтому симпатизировало гонимому ими Бонневалю. Онъ тогда не зналъ еще потурецки и объяснялся съ мѣстными жителями черезъ своего каваса.

Потурецки говорить онъ выучился позднѣе, а писать научился передъ заключеніемъ Бѣлградскаго мира, находясь во временной ссылкѣ въ Кастумани въ Малой Азіи.

Живя въ Босніи и получивъ право развѣзжать по ней съ представленными къ нему кавасами, Бонневаль основательно изучилъ топографію этой страны, осмотрѣлъ и составилъ планъ обороны ея крѣпостей и, наконецъ, на счетъ турецкой казны сдѣлалъ опытъ разработки ея минеральныхъ богатствъ. Но, вмѣсто искомаго золота, онъ нашелъ каменный уголь, которому турки не придавали никакой цѣны; работы были прекращены, а открытыми имъ копями воспользовались много лѣтъ спустя его злѣйшіе враги австрійцы, занявшіе Боснію послѣ Берлинскаго конгресса.

Продолжительное пребываніе въ Сераевѣ, повергавшее Бонневалья въ глубокое отчаяніе, однако спасло ему жизнь. Государственная инквизиція Венеціи признала пребываніе его въ Константинополь опаснымъ для республики и секретно приговорила его къ смертной казни черезъ наемнаго убійцу, о чемъ и былъ посланъ

приказъ венеціанскому бангу, т. е. послу въ Константинополѣ Даниилу Дольжанин¹⁾.

Уличная революція въ Константинополѣ, 1730 года, низвергнувшая съ престола миролюбиваго султана Ахмета, выдвинула Бонневала. Новый султанъ Махмудъ и его визирь Топаль (т. е. хромымъ) Османъ паша желали возстановить славу турецкаго оружія и послѣдшими вызвать Бонневала въ столицу. Онъ былъ сдѣланъ трехъ бунчужнымъ пашой и ему было поручено обученіе вновь сформированнаго отряда турецкаго регулярнаго войска, при чемъ на него было возложено специально обученіе турецкой артиллеріи.

Бонневаль занялся обученіемъ турецкаго войска съ великимъ рвеніемъ и достигъ въ этомъ отношеніи нѣкоторыхъ результатовъ. Онъ приучилъ турокъ маневрировать рассыпнымъ строемъ, настоялъ на нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ ихъ тактикѣ и вооруженіи и значительно улучшилъ турецкую артиллерію. По его указанію часть турецкой пѣхоты была вооружена длинными пиками для отраженія кавалерійскихъ атакъ.

Маневры въ Скутари на азіатскомъ берегу организованнаго имъ регулярнаго войска производили сильное впечатлѣніе какъ на турокъ, такъ и на европейскихъ резидентовъ при дворѣ султана. Нашъ представитель Вешняковъ доносилъ отъ 30-го апрѣля 1735 года изъ Константинополя императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ: «Нельзя безъ ужаса смотрѣть на слѣдствія этого дѣла для всего христіанства и особенно для сосѣднихъ съ Турціей державъ. Одно средство помѣшать дѣлу—это удалить Бонневала съ двумя его товарищами изъ Турціи, сдѣлать же этого иначе нельзя, какъ если бы одна изъ христіанскихъ державъ перезвала ихъ къ себѣ на выгодныхъ условіяхъ. Бонневаль сильно жалуется, что несчастіе и французскій посолъ (Вильневъ) довели его до такой напасти противъ его желанія и намѣренія, сильно тяготится онъ, что будучи человекомъ такихъ великихъ способностей и достоинствъ находится между такими варварами и совершенно несвѣдущими скотами. (Соловьевъ «Исторія Россіи» т. XX стр. 80)». Наши представители при Высочайшій Портъ Неплюевъ и Вешняковъ не разъ предлагали императрицѣ войти въ сношеніе съ Бонневалемъ черезъ голландскаго посла и дать ему убѣжище для общаго блага.

Когда началась война между Турціей съ одной стороны, Россіей и Австріей съ другой—турецкіе военачальники приняли планъ кампаніи, составленной Бонневалемъ. По его совѣту и указанію, турки направили свои усилія главнымъ образомъ противъ австрійцевъ и отгѣснили ихъ къ Дунаю прежде, чѣмъ русская армія подъ командой Миниха достигла этой рѣки.

¹⁾ Переписка о Бонневалѣ, хранящаяся въ секретномъ архивѣ Венеціи, опубликована А. Baschet въ его Archives de Venise и В. И. Ламанскимъ «Secrets d'état de Venise».

«Имперцевъ надо во что бы то ни стало отбросить за Дунай, русскія побѣды въ Крыму и Бессарабіи вслѣдствіе отдаленности театра ихъ дѣйствій отъ центра жизненныхъ силъ Порты пока для нея не опасны», твердилъ Бонневаль, въ совѣтахъ султана, куда его постоянно приглашали и гдѣ его мнѣнія пользовались вѣсомъ.

Побѣды турокъ въ Босніи и Сербіи и Вѣлградскій миръ оправдали предположеніе Бонневалья—успѣхи Австріи на Балканскомъ полуостровѣ были остановлены на сто слишкомъ лѣтъ. Послѣ заключенія Вѣлградскаго мира вліяніе Бонневалья ослабло, хотя онъ получалъ щедрую пенсію отъ султана—ему давали 45,000 голландскихъ флориновъ, въ годъ, что равняется 100,000 франковъ. Кромѣ того, онъ получалъ субсидіи отъ разныхъ европейскихъ дворовъ, преимущественно отъ Версальскаго кабинета. Бонневаль жилъ въ Перѣ весьма пышно, отличался благотворительностью и нисколько не стѣснялся соблюденіемъ мусульманскихъ обрядовъ, какъ о томъ свидѣтельствуешь въ своихъ мемуарахъ Казанова, посѣтившій его въ Константинополѣ.

Въ запискахъ по политическимъ вопросамъ, которые Бонневаль представлялъ султану и Версальскому кабинету, онъ обнаружилъ тонкій умъ и недюжинную политическую дальновидность. Россія была тогда въ дружбѣ и союзѣ съ Англіей, но Бонневаль въ 30-хъ годахъ прошлаго вѣка указывалъ на неизбежность ихъ столкновенія на Востокѣ и утверждалъ, что въ Восточномъ вопросѣ скорѣе возможно соглашеніе Россіи съ Франціей, чѣмъ съ Англіей.

Послѣ смерти Бонневалья, команда надъ сформированными имъ бомбардирами перешла къ его приемышу Солейману-агѣ, также ренегату, родомъ изъ Милана, а по мнѣнію нѣкоторыхъ его незаконному сыну.

Мечта Бонневалья, создать турецкое войско, обученное всѣмъ необходимымъ приемамъ европейской тактики, снабженное хорошимъ оружіемъ и офицерами, и разгромить этимъ войскомъ австрійскую имперію, не осуществлялась.

«Турецкіе солдаты, писалъ Бонневаль, превосходный боевой матеріаль, если имъ дать хорошихъ офицеровъ и оружіе; ихъ побѣда снова заставитъ трепетать Европу».

Но какъ Бонневаль, такъ и другіе европейскіе инструкторы, занимавшіеся этимъ дѣломъ, означенной цѣли не достигли и не создали такую турецкую армію, которой страстно желалъ этотъ горячій туркофилъ.

Во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что турки своими побѣдами надъ австрійцами въ 1737—39 годахъ много обязаны Бонневалю.

П. М.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Теорія науки и метафизика съ точки зрѣнія философскаго критицизма. Сочиненіе профессора А. Рилья. Переводъ съ нѣмецкаго Е. Корша. Изд. К. Т. Солдатенкова. Москва. 1888.

В ОСОВЕННЫМЪ удовольствіемъ мы встрѣчаемъ на вновь переведенной книжкѣ имя одного изъ старѣйшихъ русскихъ литературныхъ дѣятелей, чуть ли не единственнаго оставшагося въ живыхъ сотрудника и друга Герцена, Грановскаго и др., члена того вѣчнопамятнаго ученолитературнаго московскаго кружка, который въ тяжелое время сороковыхъ годовъ усмеленно раздувалъ слабый свѣточъ русской мысли. Сколько съ тѣхъ поръ мы пережили! Сколько хорошихъ людей потеряли мы! страшно и подумать. Сколько интереснаго и поучительнаго могъ бы рассказать современному поколѣнію Евгений Федоровичъ Коршъ, еслибъ захотѣлъ онъ! И мы надѣемся, что когда-нибудь и расскажетъ: «не даромъ многихъ лѣтъ свидѣтелемъ Господь его поставилъ и книжному искусству вразумилъ». Теперь же мы рады и тому, что онъ все еще работаетъ и служитъ дѣлу, которому служилъ и 50 лѣтъ назадъ.

Алонвій Риль одинъ изъ самыхъ выдающихся и солидныхъ такъ называемыхъ ново-кантіанцевъ. Вотъ что говоритъ о значеніи этой его книги почтенный переводчикъ:

«Фрейбургскій профессоръ Риль еще въ 1876 г. началъ издавать свое сочиненіе: «Философскій критицизмъ и его значеніе для положительной науки», а кончилъ его только въ 1887 г. тѣмъ именно любопытнѣйшимъ отдѣломъ, который мы предлагаемъ читателю, какъ существенный, послѣдній результатъ многолѣтней работы автора, и какъ замѣчательный выводъ изъ

всего, что сдѣлано по части философскаго критицизма въ наше время и дру- гими. Всего важнѣе тутъ цѣлостность общаго взгляда, соединенная съ не- обыкновенной точностью исслѣдованія частныхъ вопросовъ, умѣнье тонко различать, отнюдь не разрывая той жизненной связи, которая такъ безцѣнна для здраваго, то есть всегда вѣрнаго коренной природѣ своей, ума, и кото- рая однакожь такъ часто ускользаетъ изъ виду у многихъ, остроумныхъ впрочемъ изыскателей, какъ идеалистической, такъ и позитивистской школы. Умъ нашъ, правда,—чистая всеразличительность, но онъ вмѣстѣ и единъ, а при томъ мысленное различеніе вовсе вѣдь не разрывъ всегда и вездѣ также единой въ себѣ жизни. Нигдѣ завершеніе ея человѣческимъ чувствомъ и умомъ и тѣсная ихъ связь между собою не разъяснены съ такой послѣдова- тельной выдержкой, нигдѣ не устранено такъ много общепринятыхъ отчасти теоретическихъ недоразумѣній, какъ у Рила. При томъ, всѣ главные процессы постепенно развивающейся мысли и ея вліянія классифицированы и раз- смотрѣны у него такъ, что даютъ возможность дѣйствительно опредѣлить по нимъ культурный уровень какъ отдѣльной личности, такъ, пожалуй, и цѣлаго народа. Замѣчательнѣе также и вполне достоинъ подражанія истинно- критическій приѣмъ его—напоминать изъ исторіи философіи исключительно лишь то, что пригодно для лучшаго пониманія современныхъ ея положеній, никогда не заведетъ онъ васъ, какъ многіе другіе, въ неисходный лабиринтъ тѣхъ идеалистическихъ подробностей, которыя часто такъ неопредѣленны такъ плохо намъ переданы изъ десятыхъ рукъ и такъ вообще мало извѣстны, что каждый любитель готовъ смѣло толковать ихъ на свой ладъ».

Книга Рила распадается на 2 отдѣла; первый изъ нихъ, озаглавленный авторомъ: «Задачи теоріи науки вообще», заключаетъ въ себѣ 4 главы. Пер- вая называется: «Философія, какъ проблема» и оканчивается такимъ выво- домъ: «по двойственному ея пониманію, философія есть общее ученіе о на- укѣ и о практической мудрости». Вторая говоритъ «о предѣлахъ и предпо- сылкахъ знанія (авторъ привнлетъ предѣлы наблюденія, но не знанія: гдѣ кончается познаваніе «естественнаго», тамъ начинается психологическое). Третья: «о началѣ и понятіи опыта» (авторъ держится средняго взгляда, по которому опытъ есть важное, но не единственное орудіе познанія, по его убѣжденію раціонализмъ и сенсуализмъ должны быть соединены другъ съ другомъ); къ ней слѣдуетъ добавленіе: «дарвинизмъ и трансцендентальная философія». Глава четвертая говоритъ о метафизической и научной постройкѣ системъ (авторъ убѣжденъ въ невозможности системы метафизической, но надѣется, что сами точныя науки сдѣлаются болѣе философскими); за ней слѣдуетъ небольшой полемическій экскурсъ противъ ненаучности Гегелевой философіи природы.

Второй отдѣлъ книги озаглавленъ: «Метафизическія проблемы»; онъ со- стоитъ изъ пяти главъ, первая: «реальность внѣшняго міра и идеалистиче- скія теоріи», оканчивается такимъ характернымъ выводомъ: «Бытіе внѣш- няго міра есть необходимая предпосылка его подмѣщаемости». Глава вторая говоритъ «объ отношеніи психическихъ явленій къ матеріальнымъ процес- самъ»; въ третьей—авторъ высказываетъ свой взглядъ на трудный вопросъ о детерминизмѣ воли и практической свободѣ, въ четвертой разбираетъ ко- смологическую проблему безконечнаго; въ пятой, наконецъ, говоритъ о необ- ходимости и цѣлесообразности, первую онъ признаетъ принципомъ теорети- ческаго взгляда, а вторую принципомъ практическаго обсужденія фактовъ.

Разобрать теорію Рилла по существу въ «Ист. Вѣст.» неумѣстно; мы хотѣли только указать на фактъ появленія интересной книги.

Изложеніе автора, на нашъ взглядъ,—среднее: оно не такъ живо и общедоступно, какъ у Гартмана или многихъ позитивистовъ; но несравненно яснѣе и понятнѣе всѣхъ философовъ идеалистической школы.

Говорить о вѣрности и солидности перевода Е. О. Корша по малой мѣрѣ излишне. Къ сожалѣнію, у него тоже что и двадцать лѣтъ назадъ, стремленіе сочинять новыя слова (нагнетъ, предпосылка, обосновка, животненный, побуда, ватреба и пр. и пр.); между ними есть и удачныя; но большое количество ихъ бесполезно раздражаетъ читателей.

А. К.

Лекціи по исторіи римской литературы, читанныя въ Кіевскомъ и С.-Петербургскомъ университетахъ В. И. Модестовымъ. Полное изданіе (три курса въ одномъ томѣ). Спб. Изданіе Л. Ф. Пантелѣва. 1888.

Г. Модестовъ въ предисловіи такъ объясняетъ исторію появленія этого почтеннаго тома: «Выпускомъ въ свѣтъ предлагаемой книги заключается изданіе, которое давно уже ожидало окончанія. Первый курсъ лекцій, обнимавшій римскую литературу отъ начала до эпохи Августа и печатавшійся сначала въ «Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ», вышелъ въ Кіевѣ отдѣльною книгой въ 1873 г. Черезъ два года тамъ же появился второй курсъ, посвященный исключительно вѣку Августа. Въ слѣдующемъ, т. е. въ 1876 году, я выпустилъ новое изданіе перваго курса въ С.-Петербургѣ. Къ половинѣ восьмидесятихъ годовъ совершенно исчезло изъ продажи и первое изданіе второго курса. Между тѣмъ, третій курсъ, долженствовавшій объять литературу имперіи, все еще не появлялся на свѣтъ: равная другія работы, обнародованіе которыхъ по тѣмъ или другимъ соображеніямъ казалось мнѣ болѣе настоятельнымъ, отвлекали меня отъ окончанія труда, на который были потрачены мною лучшія силы въ самую цвѣтущую пору моей жизни. Когда же, наконецъ, явилась возможность взяться за изданіе третьяго и послѣдняго курса, то самъ собою возникъ вопросъ о томъ—слѣдуетъ ли ограничиться его изданіемъ, или необходимо вмѣстѣ съ нимъ и издать вышедшій изъ продажи второй курсъ. Съ этимъ вмѣстѣ возникъ новый вопросъ: выпуская въ свѣтъ второй и третій курсъ, — разумѣется, въ обновленномъ видѣ противъ того, какъ эти курсы были читаны въ началѣ семидесятихъ годовъ въ Кіевѣ,—можно ли оставлять не обновленнымъ первый курсъ, хотя уже подвергшійся обновленію во второмъ изданіи? Такимъ-то образомъ явилась мысль издать всѣ три курса разомъ и, въ видахъ удеешвленія изданія, соединить ихъ въ одной книгѣ, напечатанной болѣе убористымъ шрифтомъ». Изъ дальнѣйшаго объясненія автора оказывается, что обновленіе курсовъ главнымъ образомъ заключалось въ пополненіи столь важной въ такомъ дѣлѣ библиографіи, которая и доведена, «можно сказать, до послѣдняго дня».

Подо всѣмъ тѣмъ, что говоритъ г. Модестовъ въ томъ же предисловіи о наденіи филологическаго образованія въ нашихъ университетахъ за послѣднее время и о причинахъ этого наденія, о неумѣстности въ университетахъ перевода на латинскій языкъ исторіи г. Иловайскаго или даже Ка-

равнина и, вообще, школьного метода преподавания, всякій, кому действительно дороги интересы русской науки и кто не страдает грамматическим или какимъ инымъ фанатизмомъ, разумеется, подпишется обими руками (надежда автора, что «дѣйствующій теперь учебный планъ... можетъ быть вмигъ и даже въ самомъ скоромъ времени» невольно приводитъ на мысль печальную пословицу: «пока солнышко взойдетъ, роса глаза выѣстъ»); но не всякій согласится съ г. Модестовымъ, что исторія греческой и римской литературы не должны читаться болѣе 2-хъ разъ въ недѣлю и что чтеніе ихъ должно продолжаться, по крайней мѣрѣ, 4 семестра, т. е. два года. Къ чему такая строгая регламентация? Ужели учебный планъ заразитъ страстью къ ней и г. Модестова? Рецензентъ однажды слушалъ въ Германіи курсъ по одному часу въ недѣлю въ лѣтній семестръ, заключавшій въ себѣ обзоръ всей исторіи искусства (отъ Востока до XIX вѣка включительно) и нѣсколько разъ тамъ же слышалъ или посѣщалъ курсы по разнымъ отдѣламъ исторіи по 5, по 6 часамъ въ недѣлю; и краткій курсъ былъ полезенъ слушателямъ, такъ какъ его читалъ профессоръ опытный и даровитый, и подробные курсы при такихъ же условіяхъ приносили пользу соответственно затраченному на нихъ времени. Г. Модестовъ говоритъ: «Читающій четыре лекціи въ недѣлю по такому предмету, какъ исторія римской (или греческой) литературы, профессоръ не имѣетъ возможности углубиться въ предметъ, не въ состояніи пересмотрѣть передъ лекціей сочиненія того писателя, о которомъ онъ долженъ говорить». Но кто же ему мѣшаетъ приготовить свой курсъ лѣтомъ, и необходимо ли хоть бы, напр., г. Модестову пересматривать Тацита для общаго курса, гдѣ этому Тациту нельзя посвятить болѣе одной лекціи? Да и работающій студентъ, спеціально занимающійся въ этомъ семестрѣ исторіей литературы, можетъ безъ особаго труда слѣдить за общимъ курсомъ, хотя бы онъ читался даже не 4, а 5 и 6 часовъ въ недѣлю. Академическая свобода воли, что солнце, подъ лучами котораго возросла филологическая наука въ Германіи; изъ школы Махмана выходили хорошіе филологи даже тогда, когда онъ читалъ одного Проперція, а бездарный или формально относящійся къ дѣлу преподаватель при самомъ лучшемъ планѣ преподаванія только вобьетъ въ голову слушателей нѣсколько сотенъ фактовъ, которые останутся мертвымъ капиталомъ.

Но мы вполне согласны съ г. Модестовымъ, что исторіи литературы, какъ греческой, такъ и римской, слѣдуетъ придавать «центральное значеніе», между всѣми классическими штудіями университета, въ особенности русскаго, принимающаго въ себя молодыхъ людей, которымъ въ гимназіяхъ классицизмъ являлся съ наименѣе приглядной стороны своей. Если греческая словесность важна для всѣхъ по своему художественному богатству и полной самостоятельности, литература римская представляетъ для насъ особый интересъ по многимъ параллелямъ съ литературой русской. Мы, какъ и римляне, заимствовали литературныя формы, а отчасти и содержаніе своей словесности; какъ и римляне, мы постепенно освобождались отъ подражательности, и путь нашъ и ихъ былъ одинъ и тотъ же. У насъ, какъ и у нихъ, первые литераторы, давшіе нѣсколько образцовъ въ разныхъ видахъ «повѣи», такихъ образцовъ, которые обратили на себя вниманіе только потому, что были первыми въ своемъ родѣ (подобно тому, какъ первыя агонды лѣтомъ цѣваются, какъ бы онѣ ни были кислы) понимаютъ о себѣ очень вы-

соко и настойчиво требуютъ себя безсмертія¹⁾. Наша литература, какъ и римская, прежде всего проявила свою самостоятельность и силу въ сатиры и комедіи характеровъ и нравовъ. Это послѣднее обстоятельство только отчасти обусловлено заимствованіемъ литературныхъ формъ, отчасти же зависитъ отъ несомнѣннаго сходства въ характерахъ обоихъ народовъ, о причинахъ котораго было бы слишкомъ долго говорить. Это сходство обуславливаетъ многія параллели въ древне-русской и древне-римской словесности: такъ у насъ, какъ и у римлянъ національная религія очень скоро уступила иноземной, оставивъ въ словесности только крайне слабые слѣды; у насъ, какъ и у римлянъ, въ письменности развитіе прозы далеко опередило развитіе поэзіи, стихъ долго остается свободнымъ отъ всякихъ вышнихъ украшеній въ родѣ аллитераціи, ассонанса или римины и т. д. и т. д.

Въ виду всѣхъ этихъ параллелей и въ виду основного педагогическаго закона, одинаково обязательнаго какъ для высшей, такъ и для высшей школы, что неизвѣстное хорошо усваивается только тогда, когда оно связывается съ извѣстнымъ, исторія римской литературы посредственнаго достоинства, но составленная русскимъ, будетъ болѣе полезной для русскихъ студентовъ, нежели прекрасная книга такого же содержанія, переведенная съ нѣмецкаго или съ англійскаго. Но книга г. Модестова—результатъ многолѣтнихъ трудовъ солиднаго спеціалиста, опытнаго профессора и человѣка съ незауряднымъ литературнымъ талантомъ. Поэтому никто не удивится, если появленіе ея насъ болѣе радуется, нежели обрадовало бы появленіе въ русскомъ переводѣ всѣхъ лучшихъ университетскихъ учебниковъ, составленныхъ въ Германіи.

Г. Модестовъ удержалъ въ своей книгѣ форму лекцій; эта форма представляетъ нѣкоторыя выгоды, такъ какъ оживляетъ изложеніе, но имѣетъ и дурныя стороны: читателямъ нѣсколько не будутъ назидательны указанія на латинскихъ авторовъ, недавно прокомментированныхъ на параллельномъ курсѣ, и многія повторенія и резюме окажутся лишними. Но авторъ защитилъ себя отъ нареканія, заявивъ въ предисловіи, что первоначальная выработка этихъ лекцій стоила ему слишкомъ большого труда для того, чтобы измѣнять ихъ форму. Составъ книги таковъ: первая 8 лекцій посвящены начаткамъ самостоятельной римской литературы; до 16-й лекціи идетъ исторія подражательной римской литературы до Гракковъ; отъ 16-й до 32-й лекцій—литература отъ Гракковъ до Августа, отъ 32-й до 46-й—вѣкъ Августа, отъ 4-й до 56-й включительно литература при императорахъ до Адриана; затѣмъ отъ 740 стр. до конца книги идетъ краткое (привѣтъ сказать, слишкомъ краткое и конспектообразное) обзорѣніе послѣдующихъ судебъ римской литературы. Больше всего труда положено и больше всего проявляется самостоятельности въ первомъ отдѣлѣ; интереснѣе всего для чтенія отдѣлы третій и четвертый; авторъ справедливо гордится богатствомъ библиографическаго отдѣла въ своей книгѣ, въ которомъ, дѣйствительно, трудно найти хотя одинъ существенный недосмотръ. Авторъ приводитъ массу отрывковъ, какъ прозаическихъ такъ и поэтическихъ, послѣдніе почти всегда въ стихо-

¹⁾ Ср. извѣстное самоняніе Сумарокова съ тѣмъ, что г. Модестовъ говоритъ на стр. 89 объ Эниидѣ. Это общее явленіе подражательныхъ литературъ, также Петрарка, какъ авторъ Африки, мнилъ себя равнымъ Виргилію, Готшедъ—равнымъ Вуало и т. д.

творныхъ переводахъ, иногда въ своихъ собственныхъ, болѣею частью довольно удачныхъ (какъ на исключеніе укажемъ на переводъ изъ Эппія на стр. 89); не понимаемъ только, почему оставлены безъ перевода цитаты изъ Персія, Марціала и другихъ поетовъ имперіи. Изложенія содержанія крупныхъ произведеній составлены очень обстоятельно и ясно.

Съ оригинальной орфографіей римскихъ именъ въ родѣ: Кесарь, Кирке, волей неволей приходится помириться, но Мноридатъ, понтификъ нѣсколько непріятно рѣжутъ глаза. Но это и нѣкоторые мелкіе недосмотры такія ничтожныя пятнышки, что они не могутъ портить книги г. Модестова, которой желаемъ отъ всей души полного успѣха.

А. К.

Очерки исторіи южно-русскихъ апокрифическихъ сказаній и пѣсень. Н. Ѡ. Сумцова. Кіевъ. 1888.

Стремленіе дополнить библейскія и церковныя свѣдѣнія о разныхъ ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ содало обширный отдѣлъ народной литературы, такъ называемые апокрифы. По замѣчанію проф. Порфирьева, «съ литературной точки зрѣнія апокрифическія сказанія составляютъ обширную область богатаго религіознаго зноса, въ которомъ среди заблужденій встрѣчается много замѣчательныхъ идей, смѣлыхъ и оригинальныхъ мотивовъ, много въ высшей степени трогательныхъ и поэтическихъ картинъ. Потому эти сказанія были всегда любимы, переходили отъ одного народа къ другому, проникали въ искусство и литературу, доставляли, особенно въ древніе и средніе вѣка, сюжеты для духовной поэзіи, живописи и скульптуры и вообще имѣли огромное вліяніе на складъ тѣхъ религіозныхъ народныхъ понятій, которыя еще до сихъ поръ существуютъ въ народныхъ массахъ». Изученіе апокрифовъ необходимо и для словесниковъ, и для историковъ, и для этнографовъ,—оно много уясняетъ въ народной психологіи, въ особенностяхъ народныхъ воззрѣній и быта. Г. Сумцовъ поставилъ себѣ задачей разобратъ апокрифы, встрѣчающіеся въ южной Руси, изслѣдовать ихъ происхожденіе и составъ, сдѣлать сводъ того, что собрано было по этому предмету гг. Чубинскимъ, Драгомановымъ, Кулишемъ, Новосельскимъ, Балитовскимъ и др. Въ южной Руси апокрифы нашли благопріятныя условія для своего развитія и распространенія. Они проникли туда изъ Византіи и Болгаріи, преимущественно въ XI—XV ст., и изъ Польши, въ XVI—XVII ст., во-первыхъ, путемъ устной передачи отъ грековъ и болгаръ, посѣщавшихъ Русь и отъ русскихъ странниковъ-богомольцевъ, ходившихъ въ Константинополь, на Афонъ и въ Палестину; во-вторыхъ, черезъ византійскія сочиненія апологетическія, экзегетическія и историческія, преимущественно черезъ Пален и Хроники, и черезъ польскія схоластическія проповѣди, и въ-третьихъ, непосредственно въ формѣ апокрифическихъ книгъ. Въ народной памяти, по замѣчанію г. Сумцова, сохранились наиболѣе апокрифы византійскаго и болгарскаго источниковъ; въ рукописяхъ сохранились сказанія, проникшія въ Галицію изъ Польши. Передавая апокрифы въ Великоороссію, Малороссія получила нѣкоторые изъ нихъ обратно въ великорусской обработкѣ, напримѣръ, сказанія и пѣсни о 12 пятницахъ. Апокрифы оказывали сильное вліяніе на народную словесность, изъ нихъ возникли многіе духовные стихи и другія народныя устныя произведенія. Г. Сумцовъ указываетъ, какъ церковно-апокрифическіе мо-

тивы въ такихъ произведеніяхъ тѣсно иногда переплетаются съ древнѣйшими мненческими. Разбирая отдѣльные апокрифическія сказанія, г. Сумцовъ прибѣгаетъ часто къ сравненіямъ южно-русскихъ сказаній съ великорусскими, западно-славянскими и византійскими, и почти постоянно старается прослѣдить указанное влияние ихъ на устныя созданія народа. Всего въ книжкѣ разобрано 46 апокрифовъ, сводъ сдѣланъ очень обстоятельный и подробный, хотя исследование далеко не вседѣ, (особенно въ вопросахъ общихъ), отличается самостоятельностью. В.

Краткій хронологическій очеркъ исторіи города Смоленска, его достопримѣчательности, учебныя заведенія, благотворительныя и общественныя учрежденія. Изданіе Смоленскаго Губернскаго Статистическаго Комитета. Смоленскъ. 1888.

Книжка эта обязана своимъ появленіемъ на свѣтъ Божій особому случаю, именно посѣщенію города Смоленска великимъ княземъ Владиміромъ Александровичемъ, который былъ здѣсь недавно проездомъ изъ Варшавы. Отсюда вытекаетъ и прямое назначеніе книжки—служить указателемъ и путеводителемъ при обзорѣнн смоленискихъ достопримѣчательностей и равныхъ мѣстныхъ учреждений. Задача, конечно, узкая, но если вспомнить, что большинство нашихъ губернскихъ статистическихъ комитетовъ не даютъ даже и такихъ книжекъ и въ теченіе цѣлыхъ десятковъ дѣтъ спятъ непробуднымъ сномъ, заставляя забывать о самомъ существованіи ихъ,—то нельзя не отнестись одобрително къ смоленискому статистическому комитету и за эту работу.

Большая часть книги составляетъ работу компилятивную. Только глава о Свирской церкви въ Смоленскѣ представляетъ самостоятельный трудъ и выгодно выдѣляется среди другихъ главъ книги новизною сообщаемыхъ фактовъ. Свирскій храмъ, построенный около 1180 года смоленискимъ княземъ Давидомъ Ростиславичемъ, въ 1611 году, по взятіи г. Смоленска поляками, былъ обращенъ въ костелъ и оставался въ такомъ видѣ до 1655 года. Польская эпоха оставила глубокіе слѣды какъ въ живописи, такъ и въ архитектурѣ церкви. «Мѣстные» образа въ иконостасѣ почти все польскаго письма и имѣютъ польскія или латинскія надписи. Ликъ св. Николая чудотворца—настоящій портретъ польскаго магната XVII стол., съ смѣлымъ прерзательнымъ взглядомъ и длинными усами, опущенными внизъ, какъ это дѣлалось у поляковъ и малороссовъ. Стѣнное писаніе также частью принадлежитъ польской эпохѣ. Такъ, на одной изъ переднихъ колоннадъ храма изображенъ Спаситель въ терновомъ вѣнцѣ и подъ нимъ подпись: «Ессе homo!», на другой Матерь Божія съ надписью: «Mater dolorosa». Здѣсь же, въ Свирской церкви, находится гробница смоленискаго князя Давида Ростиславича († 1197 г.), вытесанная изъ бѣлаго известняка. Гробница эта была найдена въ развалинахъ смоленискаго Ворисоглѣбскаго монастыря, гдѣ былъ похороненъ упомянутый князь.

Замѣчательно, что, не смотря на краткость книги и ея, такъ сказать, конспективный характеръ, она расходится въ Смоленскѣ, какъ мы слышали, весьма успѣшно, хотя и цѣна на нее назначена довольно высокая—1 рубль за 99 страницекъ in octavo. Фактъ этотъ служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ того, что публика нуждается въ подобнаго рода изданіяхъ. Нужно

удивляться поэтому, отчего наши статистическіе комитеты или хотя бы частныя лица въ провинціи такъ мало проявляютъ свою дѣятельность въ области печатнаго слова...

Н. Д.—скій.

Историческій очеркъ попытокъ католиковъ ввести въ Южную и Западную Россію григоріанскій календарь. Н. Ф. Сумцова. Кіевъ. 1888.

Главною причиною недовольства православныхъ реформою календаря, произведенною папою Григоріемъ XIII, являются соображенія каноническія, которыми новый календарь не могъ удовлетворить: новое времяисчисленіе произвело перемѣну въ правднованіи Пасхи, такъ что христіанская Пасха иногда совпадаетъ съ епрейской или даже бываетъ ранѣе ея, а это противорѣчитъ постановленію Никейскаго вселенскаго собора. Вмѣстѣ съ этимъ православные видѣли въ григоріанскомъ календарѣ одно изъ новыхъ проявленій самовластия католической церкви и рѣшительно его отвергли. Календарь сдѣлался однимъ изъ необходимыхъ атрибутовъ римской церкви, и при своей пропагандѣ въ Южной и Западной Россіи католики усиленно настаиваютъ на его принятіи. Оборуду этой пропаганды и того противодѣйствія, которое ей весьма энергично оказывали южно-руссы, посвящена разсматриваемая книжка г. Сумцова. Кромѣ указанныхъ выше, у южно-руссовъ были свои спеціальныя мотивы противодѣйствія календарю: католики сразу стали сводить его насильственнымъ путемъ и, разумѣется, этимъ только вооружили противъ него православныхъ. Защита стараго календаря стала символомъ борьбы съ полонизмомъ и латинствомъ, и это сознавалось южно-русскими полемистами. Особенно сильно велась полемика въ XVI вѣкѣ, къ которому относятся наиболѣе замѣчательныя сочиненія противъ новаго календаря, а именно «Ключъ царства небеснаго» Герасима Смотрицаго, «Книжица» Василія Суражскаго, сочиненія Стефана Зиванія, Христофора Филалета и Льва Мамонича. Въ произведеніяхъ этихъ полемистовъ высказаны всѣ существенныя научныя, каноническія и практическія возраженія противъ григоріанской реформы, дальнѣйшая полемика ничего новаго къ нимъ не прибавила и даже, по замѣчанію г. Сумцова, въ ней замѣтено упадокъ, между тѣмъ какъ пропагандистскія стремленія католиковъ стали въ XVII вѣкѣ гораздо сильнѣе. Г. Сумцовъ довольно подробно анализируетъ сочиненія католиковъ, особенно Саковича, Брожека, Дубовича и Рутки, отмѣчаетъ, что въ научномъ отношеніи они стоятъ выше предшествующихъ трудовъ и даютъ католикамъ перевѣсъ надъ православными. Однако, не смотря на это оживленіе, въ XVII вѣкѣ споръ о календарѣ замираетъ и возобновляется только въ наше время въ Галиціи. Агитація началась со стороны поляковъ: въ 1862 г. нѣкто А. Z. выпустилъ брошюру: «Polityka negwów», въ которой предлагалъ русынамъ отказаться отъ кириллицы и стараго календаря, въ замѣнъ чего обѣщалъ согласіе поляковъ на умноженіе русскихъ школъ въ край и признаніе края польско-русскими. Энергичными пропагандистами новаго календаря выступаютъ, кромѣ А. Z., помѣщикъ Полянскій и ксендзь Стояновскій. Но всѣмъ этимъ попыткамъ въ органахъ мѣстной печати дается сильный отпоръ. Особенно выдаются статьи газеты «Дѣло», въ которой пишетъ извѣстный галицко-русскій публицистъ и историкъ Стефанъ Качала. Разборомъ статей г. Качалы и «Дѣла» г. Сумцовъ заключаетъ свой интересный очеркъ.

А. В.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Славянскіе отголоски о русскомъ праздникѣ 15-го іюля. — Русская литература въ оцѣнкѣ англійскаго журнала. — Славянское движеніе и его враги. — Брошюра противъ короля Мидана. — «Политическій гаремъ», сербскій памфлетъ. — Обиіе брошюра противъ австрійской политики. — Брошюры Грегра, Вашатаго, Нейварта. — Протестъ Ригера. — Брошюра сербскаго профессора Стрельковича и статья русскаго профессора. — Пресидованія славянскихъ школъ въ Австріи.

ДИНОДУШНОЕ и торжественное празднованіе на всей Руси годовщины ея девятисотлѣтняго существованія какъ державы христіанской не могло не отозваться и въ средѣ европейскихъ народовъ, раньше насъ принявшихъ ученіе Христа. Но, при тѣхъ враждебныхъ отношеніяхъ, въ какихъ находится теперь противъ Россіи почти вся Европа, нельзя было и ожидать, чтобы она сочувственно встрѣтила чисто русское, національное торжество. Нѣмецкая печать не перестаетъ кричать о панславизмѣ, понимая подъ этимъ словомъ — стремленіе Россіи уничтожить европейскую цивилизацію и замѣнить нѣмецкое преобладаніе — славянскимъ. Напрасно докторъ Живный объяснялъ нѣмцамъ, къ какого рода панславизму стремится славянскія племена, вакабаленныя Австрію. Германія только и твердитъ, что ее собирается поглотить Россія. Объ этомъ толкуютъ и англійскія и итальянскія газеты, а польскія стараются даже доказать, что князь Владиміръ не сдѣлалъ ничего особеннаго, крестивши Русь, такъ какъ въ его время въ Кіевѣ было уже много христіанъ. Только славянскіе періодическіе органы оцѣнили, какъ должно, значеніе празднованія 15-го іюля. Галицкія, чешскія, моравскія газеты взываютъ къ культурному единенію славянъ, «къ организаціи славянскаго дѣла». Онѣ съ грустью вспоминаютъ также о славянской разрозненности, о тѣхъ родственныхъ племенахъ, которыя погибли для славянскаго міра, поглощенные нѣмецкимъ элементомъ, какъ полабы или по-

моряне, населяющіе вышнюю Померанію. «Нужно желать, говорятъ «Кромержскія Новины», чтобы свято-владимірское торжество сообщило вѣрнымъ славянскимъ силамъ побужденіе къ напряженному, энергическому труду съ цѣлью устанавленія одинаковаго письменнаго языка, одной народной церкви. Ни одинъ народъ не отстоялъ себя даромъ безъ борьбы, и славянамъ западнымъ и южнымъ также предстоитъ отстаивать себя противъ нѣмецкаго вліянія путемъ скорѣйшей, внутренней, культурной организаціи, не ожидая вышняго воздѣйствія. Въ другихъ странахъ, подъ ногами распространителей христіанства, падали народы, теряли самостоятельность, раздавались крики горя и боли, а надъ берегами среброструйнаго Днѣпра, безъ насилій, безъ мученій, добровольно народъ идетъ на зовъ своего мудраго властителя и охотно принимаетъ крещеніе, какъ при Ростиславѣ моравскомъ. Разсвѣтъ просвѣщенія у трона славнаго Симеона болгарскаго скоро нашелъ отголосокъ и между славянами приднѣпровскими. Русскій народъ принявъ христіанство, вассаловъ собою большую часть Европы отъ господства ислама». «Червоная Русь» газета г. Маркова привѣтствуетъ «народъ умѣющій уважать свое прошлое, свою исторію, чтить своихъ героев». Будущность такого народа вѣчна». Газета «Великая Сербія» выражаетъ желаніе, чтобы опять заблесталъ крестъ на церкви св. Софіи и чтобы надъ градомъ св. Константина русскій орелъ двуглавый расширилъ свои мощныя крылья.

— Въ июльскомъ номерѣ «Атенеума» появился неожиданно «обзоръ континентальной литературы отъ іюля 1887 года до конца іюня 1888 (Continental literature, July 1887 to June 1888). Прежде подобныя обзоры являлись въ первомъ или послѣднемъ номерѣ каждаго года и намъ не разъ приходилось давать объ нихъ отчетъ. Обыкновенно, обзоры русской литературы выходили довольно слабы, хотя и были подписаны, на ряду съ вовсе неизвѣстными именами какъ Ачкавиадзе, иногда именами профессоровъ, какъ г. Николая Стороженко. На этотъ разъ отчетъ о тринадцати европейскихъ литературахъ составленъ довольно обстоятельно, лицами, знакомыми съ дѣломъ. О бельгійской литературѣ писали даже двое — извѣстный публицистъ Э. Лавеле и П. Фредерикъ, послѣдній, впрочемъ, только о книгахъ на фламандскомъ языкѣ. О Франціи далъ отчетъ Ж. Леваллуа, о Германіи профессоръ Циммерманъ, объ Италіи Воргъ, объ Испаніи Ріаньо, о Швеціи, Норвегіи и Даніи Анфельдъ Іегеръ, и Петерсенъ, о Голандіи Ван-Кампенъ, Венгріи Вамбери, Греціи Ламбросъ, Польшѣ Адамъ Вельциковскій, Россіи шесть столбцовъ посвятилъ П. Кропоткинъ. Печаль съ потери Гаршина, критикъ вспоминаетъ о смерти Надсона, въ прошломъ году, но придаетъ слишкомъ много значенія молодому поэту, говоря, что онъ «обѣщаль занять мѣсто, оставленное вакантнымъ Лермонтовымъ, или, по крайней мѣрѣ, очень близко сравняться съ нимъ». Оцѣнка Гаршина, «напоминающаго въ его военныхъ разсказахъ лучшія страницы Л. Н. Толстого и Тургенева» — вѣрна. Г. Короленко расхваленъ за его разсказы о Сибири, хотя сибирская жизнь гораздо лучше очерчена въ повѣстяхъ гг. Мачтега и Мамина. О первомъ изъ нихъ критикъ отзывается, впрочемъ, съ похвалою. Послѣднему роману Н. Д. Хвощинской «Обязанности» отдана должная похвала, но напрасно упоминается о г-жѣ Шабельской, о талантѣ которой говорить еще рано, такъ же какъ о г-жѣ Дмитріевой, Корвинѣ, Вольскомъ, Щегловѣ, Ливневѣ, Муравлинѣ и «миссъ Крестовской» (не псевдонимъ). Гг. Саловъ, Чеховъ, Немаровичъ-Данченко, гр. Салиасъ, г. Ясинскій заслуживаютъ упоминанія такъ же какъ г. Минскій

за его «Гесеманскую ночь», но ужь ми какъ не г. Антокольскій, мемуары котораго ставятся чуть не на ряду съ «воспоминаніями» И. А. Гончарова. Отдается также справедливость запискамъ гр. Сологуба, Полевого, Гилярова-Платонова, письмамъ Крамского, издавнымъ г. Стасовымъ, Кавелина—изданнымъ г. Борсаковымъ, но гдѣ критикъ прочелъ мемуары г. Данилевскаго? По части критики съ похвалою упоминается о «Русскихъ писателяхъ» О. Ф. Миллера (разборъ соч. Аксакова, Мельникова и Островскаго) о критическихъ этюдахъ гг. Арсеньева, Пыпина, Тимоеева (о Шекспирѣ). Щедрину и Глѣбу Успенскому воздается, конечно, должная хвала. Изъ серьезныхъ сочиненій упоминается о разборѣ профессоромъ Карѣевымъ «Войны и Мира» съ точки зрѣнія философіи исторіи; о двухъ томахъ изслѣдованія «Слово о Полку Игоревѣ» г. Барсова, сборникахъ бѣлорусской старины гг. Шейна и Ромашова, исторіи среднихъ вѣковъ г. Стасюлевича, казанскаго университета—профессора Булича, исторіи Сибири—г. Андріевича, трудамъ гг. Сухомлинова, Татищева, Трачевскаго. Изъ философскихъ трудовъ названы «Исторія Мысли» П. Л. Лаврова, «Задачи этики» Кавелина, изслѣдованія г. Пругавина о расколѣ; по археологій работы гр. Вобриискаго, г. Пташицкаго, по законовѣдѣнію г. Таганцева. Статья оканчивается упоминаніемъ о смерти въ прошломъ году, Каткова, П. Анненкова, Бородина и Розенгейма, поэзія котораго названа «изумительною и возвышенною» (*admirable poetry of a higher style*), что уже слишкомъ сильно сказано, хотя авторъ «Федоры» заслуживаетъ и добраго слова и безпристрастной оцѣнки.

— Славянское движеніе все разрастается, не смотря на всѣ старанія нашихъ враговъ затормозить его. И между ними злѣйшіе враги не нѣмцы, старающіеся окатоличить сербовъ Воеви и Герцеговины, даже не мадьяры, свирѣпствующіе въ земляхъ населенныхъ хорватами, сербами, словенцами, румынами,—это православный король Сербіи Миланъ, озлобленный ненавистникъ всего славянства и своихъ подданныхъ за то, что они не хотятъ «колочествовать» передъ Австріей по примѣру своего монарха. (Замѣтимъ, что это нисколько не дипломатическое выраженіе употребилъ серьезный «Times», упрекая Висмарка за то, что канцлеръ сталъ совершенно на сторону Россіи. Это было, правда, завѣщано умирающимъ Вильгельмомъ I, но «можно было соблюсти интересы Россіи и не холоствуя передъ нею»). У Милана, однако, его подчиненіе интересамъ Австріи дошло до того, что сербамъ прежде чѣмъ думать объ избавленіи отъ австрійскаго яга, слѣдуетъ позаботиться о томъ, какъ бы избавиться отъ этого австрійца въ славянской шкурѣ, готоваго содрать шкуру съ своихъ подданныхъ, чтобы подослать ее подъ ноги своего апостолическаго и католическаго милостивца. Въ прошломъ мѣсяцѣ даже въ Сербіи, возмущенной послѣднимъ скандаломъ Милана, прогнавшаго свою жену, вышла брошюра, передающая его подвиги. Начинается она разсказомъ о томъ, какъ этотъ король милостію Франца-Иосифа и волею Европы вознегодвалъ на своихъ министровъ за то, что они не позволили ему проанести, при открытіи скупщины, рѣчь, оскорбительную для Россіи. Онъ не хотѣлъ прогнать ихъ тотчасъ же за такую дерзость, надѣясь, что скупщина, не раздѣляющая взглядовъ радикальной партіи, дастъ ему возможность избавиться отъ нея, какъ онъ уже избавился отъ либераловъ и Рястича. Но вопреки его ожиданіямъ, палата, выбранная законнымъ путемъ и безъ насилій, оказалась вполне солидарна съ министерствомъ. Она утверждала всѣ предлагаемыя имъ мѣры и приняла, между прочимъ, законъ объ оставленіи даннаго отъ

казны оружія у резервистовъ собранныхъ на маневры. Подозрительный Миланъ, власть котораго поддерживается только регулярною арміею, вѣрною солдатскою дисциплиной и чуждою патріотизма, объявляя Груичу, что скупщина замышляетъ низвергнуть его съ престола и потому ее надо распустить. Премьеръ отвѣчалъ, что въ конституціонномъ правленіи не распускаютъ палаты, принимающихъ всѣ правительственные проекты, и что скорѣе министерство подастъ въ отставку.—Такъ я увольняю министерство!—вскричалъ король и тотчасъ же послалъ за своимъ старымъ клеветомъ Христичемъ, памятнымъ народу страшными жестокостями, съ какими онъ усмирилъ въ 1883 году Зайчарское возстаніе. Въ новый кабинетъ вошли—Міатовичъ, бывший министромъ при Гарашаничѣ, Георгіевичъ, сдѣлавшійся изъ атеиста и революціонера — послушнымъ слугою Милана, и другія такія же личности. Она тотчасъ же закрыли только-что выбранную скупщину и назначили новыя выборы, но чтобы набрать въ новую палату приверженцевъ правительства, объявили, что открытъ большой заговоръ и начали захватывать всѣхъ либераловъ и радикаловъ, чтобы помѣшать ихъ избранію въ члены скупщины. Понятно, что отъ Христича Миланъ перейдетъ къ своему возлюбленному Гарашанину и въ Сербіи начнется прежнее австрійское правленіе и гоненіе на все славянство, ненавидимое ренегатомъ Миланомъ. И теперь уже Груичъ, выходя въ отставку, прямо объявилъ, что министерство низвергнуто по приказанію Австріи, заявившей кромѣ того требованіа, чтобы эмигранты, вернувшіеся въ отечество вслѣдствіе амнистіи, были снова прогнаны и всѣ либеральныя газеты запрещены. Миланъ, не замедливъ, конечно, исполнить это приказаніе.

— Да и мыслимы ли въ австрійской провинціи, какою сдѣлалась Сербія, такіе органы общественнаго мнѣнія какъ «Велика Сербія», такія статьи какъ «Политическій гаремъ». (Врошюру противъ Милана приписываютъ той же гниотѣ). Изъ статьи, вышедшей и отдѣльно, говорится, что Австрія во чтобы то ни стало старается доказать, будто ей сердце пылаетъ пламенною любовью къ балканскимъ народамъ. Она безпрестанно кокетничаетъ съ черногорцами, албанцами, македонцами, болгарами, даже съ турками, и не находя удовольствія въ союзѣ съ мадьярами, рѣшается на политическую поландрію, то есть на федерацію, желая подражать въ многобрачіи туркамъ. Ей мало босняковъ и герцеговинцевъ, она общается принести въ приданое черногорцамъ—Герцеговину и Далмацію, сербамъ—Боснію и старую Сербію, болгарамъ—Фракію и Македонію, грекамъ—Эпиръ и Фессалію, албанцамъ—Охридъ и земли по Дрему, лишь бы только они согласились заключить союзъ съ престарѣлой имперіей, думающей обновить свои охряхлѣвшія силы въ соединеніи съ молодыми народами. Она согласна даже на равноправную федерацію этихъ народовъ, только подъ ея гегемоніей. Она, правда, стара и отвратительна, но любитъ переодѣваться и, въ настоящую минуту, щеголяетъ въ полутурецкомъ и полуболгарскомъ костюмѣ. Умѣя торговаться, она купила на дипломатическомъ рынкѣ въ Берлинѣ совсѣмъ за безцѣнокъ Боснію и Герцеговину, не желая при этомъ ни обмановъ, ни плутней, а теперь сбрасывается, вѣроятно, по той же цѣнѣ купить даже Царьградъ и подарить его святому отцу, въ награду за то множество благословеній, которыя онъ въ теченіе полутора ста лѣтъ посылалъ австрійскимъ арміямъ, хотя единственнымъ результатомъ этихъ благословеній было то, что черно-желтыя войска побывалась на каждомъ шагѣ. Въ замѣнъ такого подарка папа, конечно,

развелъ бы Австрію съ мадьяромъ, и развѣшилъ ей многомужіе съ балканскими народами, которыхъ осчастливилъ бы католицизмомъ, воздвигнувъ на святой Софіи вмѣсто полумѣсяца—паискую тиару. Какъ бы хорошо зажили тогда паписты, отодвинувъ назадъ слишкомъ далеко уже ушедшую впередъ европейскую цивилизацію. Такой «политическій гаремъ» подъ именемъ федерацій Австрія жаелаетъ завести на Балканскомъ полуостровѣ и играть въ немъ роль «султанши Валиде». «Неужели сербы, спрашиваетъ брошюра, дадутъ себя увлечь обѣщаніями такого предмета, какое Австріи и принадлежать не можетъ? Вѣдь это было бы гибелью свободы, народной жизни и православной вѣры». Могъ ли Миланъ, уже вступившій въ этотъ «политическій гаремъ», допустить въ печати такое оскорбленіе австрійскаго величества?..

— Австрійской политикѣ, въ послѣднее время, сильно доставалось и отъ самихъ австрійскихъ подданныхъ. Передъ закрытіемъ рейхстага громилъ ее не только славяне, но и вѣмцы. Затѣмъ, появилось множество политическихъ брошюръ, а не двѣ какъ въ Сербіи. Вся сущность ихъ сводится къ обвиненіямъ въ антинаціональной политикѣ. Вождь младочеховъ Грегрь прямо обвинилъ министра Таафе въ томъ, что онъ не сдержалъ обѣщаній, данныхъ имъ самимъ и короною. Не только не были удовлетворены желанія чеховъ, относительно самоуправленія въ чешскомъ королевствѣ и коронованія императора чешскимъ королемъ въ Прагѣ, но самая конституція, гарантирующая гражданскія права чеховъ нарушена правительствомъ во всѣхъ статьяхъ. Свобода печати сдѣлалась фикціею вслѣдствіе систематической и неутомимой конфискаціи чешскихъ газетъ, осмѣливающихся высказывать сужденія, неудобныя правительству. Свобода сходокъ и ассоціацій уважается также мало, какъ и свобода печати. Сходки избирателей поминутно и произвольно запрещались и хотя имперскій судъ отиѣнялъ постановленія мѣстныхъ властей, но тогда уже когда выборы были произведены и лица, неприятныя администраціи, не могли высказать на сходкахъ своихъ программъ. Развѣ такой макіавелизмъ приличенъ уважающему себя правительству? Особенно возмутителенъ, продолжаетъ Грегрь, образъ дѣйствій правительства, запретившаго, по проискамъ мадьяръ, празднованіе въ Вѣнѣ юбилея хорватскаго епископа Штросмайера. Теперь его обвиняютъ въ томъ, что онъ прислалъ поздравленіе съ празднованіемъ крещенія Руси. «Въ Вѣнѣ очевидно забыли, что въ борьбѣ съ мадьярской революціей помощь столицы пришла отъ хорватовъ. Славяне никогда не забудутъ историческое нареченіе о благодарности австрійскаго дома. Это запрещеніе служитъ печальнымъ доказательствомъ того, какъ низко пала имперія подъ давленіемъ мадьярской тираніи». Далѣе Грегрь доказываетъ, что уровень народнаго благосостоянія въ Австріи быстро понижается; крестьяне и ремесленники разворены и, не смотря на то, что налоги возросли до 120 милліоновъ гульденовъ, государственный долгъ, увеличился на 521 милліонъ. Чехи, постоянно обманываемые правительствомъ, честно поддерживали его въ теченіе девяти лѣтъ, но оно не сдѣлало для нихъ ничего. «Зато повсемѣстно общее обѣдненіе, ускливающееся недовѣріе. Не откуда почерпнуть того энтузіазма, который по теоріи Бисмарка необходимъ для веденія побѣдоносной войны. Пока народы, входящіе въ составъ государства, видятъ въ немъ лишь смирительный домъ, отъ нихъ трудно ждать энтузіазма для защиты страны отъ враговъ».

— Другой младочехъ Вашатый говоритъ въ своей брошюрѣ о виѣнней политикѣ Австріи. Эта политика «не соответствуетъ, ни интересамъ имперіи,

ни интересамъ подданныхъ, ни даже интересамъ династїи. Австрогерманскій союзъ полезенъ лишь для Германїи, тылъ которой Австрія обязана прикрывать на случай войны съ Франціей. Говорятъ, что договоръ заключенъ для охраненія мира. Хорошо миръ, для поддержанія котораго требуются многолѣтнія и усиленныя вооруженія! Наши сѣверные и южные сосѣди были всегда нашими вѣднѣйшими врагами. Германія, пользуясь вліяніемъ Россїи, и теперь можетъ дать Австріи такой же толчокъ, какимъ наградила ее въ 1866 году за услуги, оказанныя ей въ 1864-мъ. Для Австріи только одинъ путь обезпечить себя въ будущемъ—это союзъ съ Россїей. Съ нею Австрія сталкивается лишь на Балканскомъ полуостровѣ, но тамъ Россія приобрѣла вліяніе такими огромными жертвами, что уничтожить его нельзя никакими средствами. Она никогда не воевала съ Австріей и даже спасла ее отъ мадьяръ, при Виагошѣ, а чѣмъ отплатила ей за это Австрія? Новое пораженіе Франціи было бы бѣдствіемъ для Европы и окончательнымъ подчиненіемъ ея Германїи».

— Нѣмецкій депутатъ, Нейвартъ, профессоръ политической экономіи, говоритъ о непомѣрныхъ вооруженіяхъ Австріи. Напомнивъ, что военный бюджетъ, простиравшійся въ десятилѣтіе до 1877 года до 1,090 милліоновъ гульденовъ, а къ 1887 году возросшій до 1,384 милліоновъ, поглощаетъ теперь уже почти половину дохода гражданъ, Нейвартъ спрашиваетъ: для чего и противъ кого мы вооружаемся, не смотря на плачевное положеніе нашего народнаго хозяйства? Мы вызываемъ на войну Россію изъ-за Балканскаго полуострова, но какіе же у насъ на немъ интересы, требующіе кровавыхъ жертвъ? Было бы безуміемъ если бы два государства, обладающіе расплавленной валютой и финансы которыхъ такъ плохи, вдумали бы напасть другъ на друга. «Министръ финансовъ Дунаевскій, возражая Нейварту, доказывалъ, что условія въ которыхъ живетъ Австрія, требуютъ не жалѣть ничего для успленія боевой готовности, что упадокъ финансовъ войнѣ не помѣшаетъ: въ пятидесятихъ годахъ подтверждали, что Россія не въ состояніи вести войну, а передъ 1870-мъ годомъ, писали, что и Германія не имѣетъ, средствъ двупутъ такія огромныя массы войска во Францію, а между тѣмъ обѣ эти державы нашли нужные имъ милліарды для веденія войны. Ригеръ въ своей газетѣ «Politik», органѣ старочеховъ, говоритъ, что изъ всѣхъ народовъ Австріи войны желаютъ, только мадьярскіе шовинисты.

— И они, дѣйствительно, обрушились на австрійское правительство за его слабость и неумѣнно подавлять стремленія, враждебныя дуалистической системѣ. Органъ министра Тиссы, газета «Nemzet» совѣтуетъ императору «покончить съ гнилою машиною цислейтанскаго парламентаризма». Другая официальная газета «Egyertetes» потребовала для Венгріи отдѣльной арміи: «При нынѣшней организаціи арміи, говоритъ газета,—она прямое орудіе абсолютизма. Благодаря этому орудію, императорская власть, если пожелаетъ, можетъ повставовить централизацію и уничтожить конституцію. Это мечъ, направленный прямо противъ венгерскаго народа, это учрежденіе, полное духа, враждебнаго мадьярамъ. Мадьярскаго языка въ арміи не признаютъ, офицерамъ приказываютъ говорить по-нѣмецки даже въ частныхъ бесѣдахъ. Арміей управляетъ, даже не военное министерство, а лица прямо подчиненныя императору. Большая часть главныхъ начальниковъ—эрдгерцоги, которыми руководятъ исключительно династическіе интересы. Пора поваботиться объ отвращеніи опасности и замѣнить эту организацію—венгерскою армією, не-

посредственно подчиненному нештскому кабинету». По распоряженію прокурорскаго надзора былъ конфискованъ номеръ газеты «Nemzet» со статьею, порицавшею правительство за предоставленіе слишкомъ большой свободы славянскимъ національностямъ. Министръ-президентъ Таафе раздраженнымъ тономъ объявилъ въ рейхстагѣ, что онъ никогда не допуститъ, чтобы иностраннаго государства, какъ Венгрія, вмѣшивались во внутреннія дѣла Австріи. Въ палатѣ поднялся шумъ: мадьяры и стоящіе за нихъ нѣмцы стали кричать, что Венгрія не иностранное государство. Министръ утверждалъ, что словъ его не разслышали и что онъ говорилъ: «Венгрія и иностраннаго государства». Въ то же время онъ намекнулъ, что для Австріи желательнаго устройства ея на болѣе широкихъ федеративныхъ началахъ. Это еще болѣе оаолобило мадьяръ, набросившихся теперь не на австрійскія, а на германскія газеты, также возставшія на «непомѣрные притязанія этого азіатскаго народа, расположившагося лагеремъ посреди европейскихъ народовъ». «Kreuzzeitung» предложилъ предать суду за оскорбленіе величества всѣ мадьярскія газеты, обвиняющія не только императора, но и папу въ явномъ поощреніи сепаратистскихъ стремленій австро-венгерскихъ славянъ. Льва XIII мадьяры упрекаютъ за то, что, не смотря на всѣ ихъ витриги, онъ принялъ Штросмайера и хорватскихъ надомниковъ, отправившихся въ Римъ поздравить папу съ его юбилеемъ. Онъ разрѣшилъ имъ также представлять не только свои религіозныя, но и политическія желанія и, по желанію папы, кардиналъ Хропловичъ отслужилъ въ часовнѣ Кирила и Меодія объѣдню на хорватскомъ языкѣ.

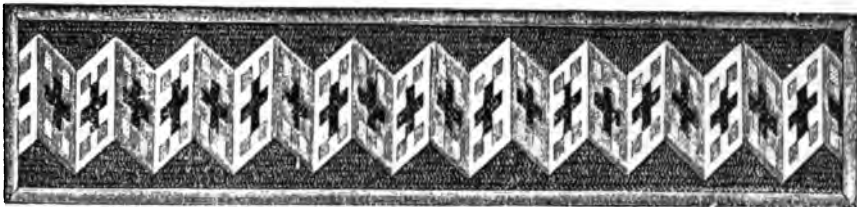
— Сербскій профессоръ П. Стретьковичъ развилъ въ своей брошюрѣ подробную программу славянскаго объединенія, возбуждвшую сильное впечатлѣніе. Вотъ ея главныя основанія. Всѣ славянскія племена, въ силу начала народности, подобно нѣмцамъ и итальянцамъ, имѣютъ право освободиться отъ чужеземной тирани и жить независимо, исповѣдуя какую угодно вѣру, говоря своимъ языкомъ, не теряя свою народную самобытность. Всѣ славяне составляютъ одну общую, славянскую «вадругу», подобную солнечной системѣ, въ которой Россія занимаетъ мѣсто солнца, а остальные славянскія племена— мѣсто планетъ. Международныи языкъ между ними—русскій; во внѣшнихъ сношеніяхъ, для всѣхъ обязательно защищать славянство общими силами, но, на основаніи равноправности, жить въ мирѣ со всѣми другими народами. Такіе акты, какъ уступка части Польши нѣмцамъ, Востни и Герцеговинны австрійцамъ—большая ошибка. Дипломатія не должна была вводить иноплеменниковъ въ славянскій споръ. Освобожденіе славянъ и соединеніе ихъ въ небольшія государства, въ родѣ Швейцаріи или Баваріи, должно необходимо повести ихъ къ объединенію подъ главенствомъ Россіи. Почтенный профессоръ нѣсколько увлекается, указывая на то, что у славянъ прежде чѣмъ у западныхъ народовъ были такіа учреждения какъ судъ присяжныхъ во всѣхъ дѣлахъ, вѣче, княжескіе съѣзды, русскіе соборы, польскіе сеймы, «жупная правда», «Нѣманичевы зборови». Были, но не удержались, тогда какъ западныя учреждения развиваются и укрѣпляются. Но въ то время, когда даже благоразумные нѣмцы допускаютъ законность стремленій славянъ къ экспансію, у насъ русскій профессоръ В. И. Ламапскій исключаетъ вовсе изъ славянскаго семейства одно изъ самыхъ образованныхъ племенъ—чеховъ. Признавая, что «пятимилліонный чешскій народъ упорно не желаетъ оѣмечиться, усердно стремится къ общенію съ роднымъ славянствомъ и таготиветъ къ

Россіи», профессоръ все-таки находитъ, что чехи должны быть включены, вмѣстѣ съ австрійской Цислейтаніею, въ составъ новой «Соединенной Германіи», гдѣ могутъ играть роль оппозиціи вмѣстѣ съ эльзасцами и датчанами въ парламентѣ и стараться расторгнуть эту соединенную Германію на сѣверную—протестантскую и южную—католическую. Повтому г. Ламанскій великодушно отдаетъ нѣмцамъ, уже поглотившимъ полабскихъ и балтійскихъ славянъ, еще семь милліоновъ славянъ (со словенцами) для того только, чтобы нѣмцы отреклись отъ восточной половины Австріи—на что они, конечно, никогда не согласятся и уже теперь открыто заявляютъ свои притязанія и на Балканскій полуостровъ. Г. Ламанскій утверждаетъ даже, что чехи неспособны къ какому-нибудь политическому существованію, потому что старой чешской аристократіи больше нѣтъ и ея конфискованными имѣніями владѣютъ теперь до двухсотъ семействъ нѣмецкаго происхожденія. Спорухъ того, живущіе по окраинамъ королевства чехи совсѣмъ отмѣчены, а рабочій классъ заботится только о своихъ матерьяльных, но не политическихъ, интересахъ. Странно слышать подобные аргументы отъ русскаго профессора и еще считающагося выдающимся славистомъ. И изъ-за двухсотъ, выродившихся аристократическихъ семей, да изъ-за безземельныхъ жителей окраинъ, между которыми два процента жидовъ, г. Ламанскій отрекается отъ цѣлаго племени, несправедливо обвиняя его рабочіе классы, ничего не говоря объ его интеллигенціи. Неужели профессора ничему не научила тысячелѣтная исторія родины Жишки, Гусса, Іеронима Пражскаго? Огражденные горами отъ нѣмцевъ, чехи не только успѣли отстоять свою національность, но и остались народомъ, у котораго было блестящее прошлое и которое можетъ надѣяться на государственную будущность. Вѣдь и Болгарія черезъ пять вѣковъ приобрѣла свою независимость. Если Аксаковъ не признавалъ чеховъ братьями изъ религіознаго фанатизма, то политическій фанатизмъ г. Ламанскаго еще менѣе заслуживаетъ одобренія. Въ послѣднее время что-то ужъ слишкомъ часто приходится отмѣчать странныя выходки нашихъ профессоровъ. То одинъ изъ нихъ является защитникомъ болгарскихъ палачниковъ, то другой, объявляя, что въ Россіи все гниль и прахъ, видитъ ея спасеніе въ одномъ католицизмѣ, то, наконецъ третій предлагаетъ благодушно и безъ всякаго повода отмѣчить семимилліонное славянское племя... И какъ будто мало у славянъ враговъ, кромѣ русскихъ профессоровъ! Да у тѣхъ же словенцевъ, которыхъ г. Ламанскій собирается выдать головою нѣмцамъ, вмѣстѣ съ чехами есть господа Вотпяки, Клюпы, Хрены, Пфейферы, распинающіеся за Австрію. Есть редакторъ газеты «Slovenzki Narod» Поклюкеръ, котораго, на придворномъ балу, Францъ Іосифъ упрекнулъ въ руссофильствѣ и доброавстрійскій редакторъ началъ съ тѣхъ поръ осыпать клеветами Россію въ своей газетѣ. На юбилей Штросмайера въ Вѣнѣ, гдѣ были даже поляки и старочехи, не было ни одного словенца. Имъ, конечно, неловко было явиться съ придворнаго бала на праздникъ къ старому епископу. Но по счастью славянская интеллигенція и славянскій народъ далеко не одно и то же. Тамъ гдѣ ихъ стремленія сходятся, правительственныя мѣры встрѣчаютъ сильный отпоръ и осужденіе.

— Такъ, по словамъ брошюры Ригера, въ засѣданіи австрійскаго рейхсрата младочехъ Герольдъ и старочехъ Ригеръ, выразили энергическое порицаніе дѣйствіямъ министра народнаго просвѣщенія Гауча и разбили всѣ доводы его защитника, барона Думрейха, старавшагося оправдать притѣсненія, какимъ подвергается школьное дѣло въ славянскихъ провинціяхъ Австріи.

Герольдъ привелъ рядъ неопровержимыхъ фактовъ, доказывающихъ, что оиѣмеченіе чешскихъ школъ принимаетъ колоссальныя размѣры. Ригеръ заявилъ, что правительство, поддерживающее министра на этомъ пути, прямо нарушаетъ конституцію. «Не забывайте, прибавилъ Ригеръ, что Австрія состоитъ изъ отдѣльныхъ національностей и каждая изъ нихъ имѣетъ право отстаивать свой языкъ, свое племя. Неужели вы не сознаете, сколько безмыслія, сколько противорѣчія въ вашихъ мѣрахъ? Вы постоянно твердите о свободѣ и конституціи и, между тѣмъ, хотите, чтобы меньшинство поглотило большинство. Если хотятъ возвратиться къ политикѣ германизации и централизаціи времяя Маріи Терезіи, то придется прежде истребить все славянскіе народы имперіи». Ригеръ осуждалъ также правительственную политику въ Босніи и Герцеговинѣ и стремленіе оиѣмечить ихъ называлъ нелѣпнымъ. Симпатію этихъ провинцій можно приобрести только уважая ихъ національность. Притѣсненіямъ славянской школы необходимо положить конецъ. Правительство должно имѣть настолько мужества, чтобы—или не признавать конституціи, или управлять согласно съ конституціей. «Мы не расположены долѣе терпѣть беззаконія, закончилъ онъ. Народъ нашъ всегда дорожилъ своей школою. Изъ жертвъ, какія онъ приносилъ школьному дѣлу, вы можете понять, что онъ придаетъ огромное значеніе національному воспитанію. Мы отлично понимаемъ, что отъ этого зависитъ вопросъ о самомъ существованіи чешскаго народа; знаемъ, что иначе чехи будутъ осуждены на вымираніе, а потому будемъ энергически отстаивать право подростяющаго поколѣнія на народную школу. Мы не хотимъ ни отъ кого никакихъ милостей, мы требуемъ только того, что намъ предоставляетъ законъ и конституція». Итъчъ эта проишвела сильное впечатлѣніе и даже болѣе честные нѣмецкіе органы заговорили о справедливости чешскихъ требованій и о необходимости убрать изъ кабинета не въ мѣру усерднаго министра просвѣщенія, имя котораго съ презрѣніемъ и негодованіемъ провозносятъ вся Чехія. Впрочемъ, правительство найдетъ конечно средство отстоять этого министра народнаго отупѣнія. Прусскія газеты, говоря о разграниченіи сферы вліянія Россіи и Австріи на Балканскомъ полуостровѣ и признавая, что русская дипломатія сдѣлала огромную ошибку, купивъ передъ войною нейтралитетъ Австріи, уступкою ей Босніи и Герцеговины, совѣтуетъ однако не обременять эти провинціи непомерными налогами и не стараться оиѣмечить ихъ. Иначе народъ возненавидитъ австрійское правительство, какъ ненавидятъ его въ Сербіи, отданной въ кабалу вѣнскихъ кредитныхъ учреждений. Оттого тамъ массы все болѣе и болѣе тяготеютъ къ Россіи. Эти тяготѣнія нѣмецкія газеты признаютъ и въ Румыніи, хотя въ ней и сидитъ Гогенцоллернъ, не сумѣвшій приобрести любовь народа. Такими сужденіями очень недоволены вѣнскія газеты, обвиняющія Германію въ томъ, что она поддерживаетъ, въ политикѣ русскіе интересы.

С М Ъ С Ъ.

ПОСВЯЩЕНИЕ ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. Въ Томскѣ, 22-го іюля, торжественно открытъ университетъ. Послѣ молебствій, въ университетской церкви и слова, провознесеннаго епископомъ, присутствующіе перешли въ актовъй залъ университета, гдѣ попечитель прочелъ высочайшее повелѣніе объ открытіи медицинскаго факультета томскаго университета и объявилъ университетъ открытымъ. Громкое «ура» огласило залу. Послѣ народнаго гимна, попечитель произнесъ рѣчь о значеніи университетской науки вообще и о задачахъ томскаго университета. Рѣчь была покрыта дружными рукоплесканіями. Затѣмъ попечитель прочелъ пріветственныя телеграммы, присланныя университету великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ, министрами внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, университетами и учеными обществами. Вновь назначенный профессоръ Маліевъ сказалъ рѣчь о необходимости поддержки университетской работы мѣстнымъ обществомъ. Правитель канцеляріи попечителя прочелъ историческую записку о возникновеніи и осуществленіи мысли объ университетѣ въ Сибири. Предсѣдатель медицинскаго общества въ Тобольскѣ сказалъ пріветственное слово университету. Хоръ пѣвчихъ исполнилъ молитву и актъ кончился. Вечеромъ состоялся обѣдъ по подпискѣ, а въ военномъ лагерѣ народное гулянье съ фейерверкомъ. Зданіе открытаго университета и университетскій садъ были иллюминированы. Многія зданія, домъ городской думы, присутственныя мѣста, контрольная палата и частныя квартиры уиѣшавы гирляндами и флагами. Въ Омскѣ, въ тотъ же день, въ залѣ военно-окружнаго суда происходило торжественное засѣданіе омскаго отдѣла географическаго общества по случаю открытія сибирскаго университета. На засѣданіи были прочитаны адресъ отдѣла и рѣчь о задачахъ образованія въ Сибири. По окончаніи засѣданія предсѣдатель отдѣла, выразилъ благодарность Державному Покровителю народнаго просвѣщенія въ Россіи, явленную въ отдаленной окраинѣ. Единодушное «ура» присутствовавшихъ было покрыто народнымъ гимномъ.

Древнія фрески, открытыя въ Мѣстѣ. Въ Києво-Михайловскомъ монастырѣ открыты древнія фрески. 22-го іюня, когда сняты были верхніе ярусы иконостаса Святополюкова храма, на крестообразныхъ столбахъ, составляющихъ основаніе алтарной арки, подъ слоемъ обвалившейся по мѣстамъ штукатурки, обнаружена живопись. Настоятель монастыря немедленно уведомилъ объ этомъ профессора А. В. Прахова, который въ тотъ же день, приѣхавъ на мѣсто, констатировалъ, что открытая живопись — фрески. Тогда настоятель послалъ въ Франценсбадъ обер-прокурору синода телеграмму объ открытіи, проф. же Праховъ приступилъ къ дальнѣйшему исследованію царской арки. Съ 23-го іюня пошли непрерывныя работы: вызваны рабочіе занимавшіеся тѣмъ же дѣломъ въ Кирилловской церкви и, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ и руководствомъ профессора Прахова, снимаютъ тупыми ножами поодиѣйшіе слои штукатурки, освобождаютъ фрески. Къ вечеру 24-го іюня обнаружена площадь фресокъ въ 226 кв. аршинъ. Освобождаются отъ поодиѣйшей штукатурки сначала западныя стороны обохъ столбовъ алтарной арки, то-есть тѣ именно, которыя были заставлены иконостасомъ. Открытыя фрески несомнѣнно современны постройкѣ храма, сооруженнаго, какъ извѣстно, въ 1108 году великимъ княземъ Києвскимъ Святополюкомъ Михайломъ Наяславичемъ, правнукомъ Владиміра святаго. Стиль ихъ, насколько можно судить по открытымъ немногимъ изображеніямъ, занимаетъ средину между фресками Києво-Софійскаго собора и Кирилловской церкви, что соответствуетъ и вѣхѣ построенія храма. Надписи чисто греческія: къ концу слова *σμος* не приставленъ *Ъ*, какъ во фрескахъ переходной эпохи, когда работавшіе ихъ русскіе мастера писали погречески.

Стесямидесятитѣ Пантилеймоновской церкви. 27-го іюля, въ день великомученика Пантилеймона, Пантилеймоновская церковь праздновала свой храмовой праздникъ. Въ этотъ день исполнилось ровно сто семьдесятъ лѣтъ со дня построенія означенной церкви Петромъ Великимъ въ 1718 году. Церковь эта сооружена въ память побѣды, одержанной Петромъ Великимъ надъ шведами при Гангутѣ, 27-го іюля 1714 года. Сначала церковь была деревянная, но, затѣмъ, когда въ то же число, 27-го іюля 1720 года, одержана была новая побѣда надъ шведами при Гренграмиѣ, то морскимъ вѣдомствомъ было постановлено, въ знакъ своего усердія къ памяти великомученика, дважды покровительствовавшаго русскимъ войскамъ въ морскихъ битвахъ со шведами, — соорудить новое каменное зданіе храма. 27-го іюля 1739 года состоялось освященіе каменнаго храма. До 1783 года при Пантилеймоновской церкви существовала другая, деревянная, во имя великомученицы Екатерины, но въ 1783 году по высочайшему повелѣнію была упразднена и вмѣсто ея устроенъ придѣлъ въ каменномъ зданіи.

Смоленскій музей. Въ зданіи смоленской городской думы открылся для публики археолого-историческій музей. Основаніе ему было положено еще годъ назадъ, по почину городского головы А. Н. Энгельгардта, который убѣдилъ думу дать для музея бесплатное помѣщеніе и самъ первый внесъ въ него, въ видѣ пожертвованій, много старинныхъ вещей: пушекъ, ядеръ каменныхъ и чугунныхъ, монетъ различныхъ эпохъ, предметовъ курганныхъ раскопокъ и т. п. Пожертвованія потекли въ музей изобильно. Теперь многія коллекціи музея (какъ, напр., коллекція монетъ, рукописей, старинныхъ ивразцовъ и т. п.) отличаются замѣчательной полнотой и систематичностью и могутъ оказать мѣстной исторіи серьезную услугу. Образовательное значеніе музея, впрочемъ, значительно уменьшается тѣмъ, что за входъ въ него назначена плата, правда, очень небольшая, всего 10 коп. съ посѣтителя, но все-таки дѣлающая музей доступнымъ далеко не для всѣхъ. Музей открытъ для публики два дня въ недѣлю — въ воскресенье и среду, съ 12 до 3 час. пополудни.

Орловская архивная комиссія. Что иногда самыя лучшія намѣренія могутъ привести къ самымъ плачевнымъ результатамъ, доказательствомъ можетъ служить мѣстная ученая архивная комиссія. Основанная болѣе трехъ лѣтъ назадъ покойнымъ Н. В. Калачовымъ, она до сихъ поръ не только не явила себя какими-либо серьезными трудами, но даже и до настоящаго времени не выработала программы занятій, не усвоила себѣ метода разбора древностей и ограничивается принятиемъ къ свѣдѣнію сообщаемаго ей кѣмъ-либо изъ членовъ того или другого факта, случайно выхваченнаго изъ давно прошедшихъ воспоминаній, и «любезно преподносимаго комиссіи» (изъ рѣчи товарища председателя, сказанной въ засѣданіи комиссіи 1-го декабря прошлаго года). Странно, что многіе члены комиссіи давно сознавали всю бесполезность существованія этого учрежденія, но никто изъ нихъ не рѣшался высказывать этого вслухъ, пока, наконецъ, самъ товарищъ председателя комиссіи, П. П. Шеншинъ, не высказалъ нѣсколько горькихъ истинъ по поводу дѣятельности архивной комиссіи. Вотъ что говорилось въ этой рѣчи. «Открытіе покойнымъ Н. В. Калачовымъ въ Орлѣ ученой архивной комиссіи имѣло, конечно, цѣлью розысканіе, а слѣдовательно и разумное сохраненіе равнаго вида памятниковъ глубокой старины. Открывая комиссію, Н. В. высказалъ убѣжденіе, что въ недалекомъ будущемъ скажутся результаты трудовъ комиссіи и что общество, сознавъ ихъ полезность и даже необходимость, съ благодарностію отнесется къ нимъ. Со времени открытія комиссіи прошло болѣе трехъ лѣтъ; число членовъ увеличилось съ 15 на 64; но, къ сожалѣнію, труды комиссіи не только не приводятъ къ желаемымъ и ожидаемымъ результатамъ, но даже не получили того систематически правильнаго направленія, которое тамъ необходимо во всѣхъ занятіяхъ, даже и менѣе серьезныхъ. Правда, въ дѣятельности орловской архивной комиссіи были проблескъ разумной и кипучей жизни; знатоки и любители архивнаго дѣла составили изъ себя подкомиссію, дѣятельно принялись за разработку древностей... но увы! горячая ихъ дѣятельность, по странному стеченію обстоятельствъ, на первыхъ же порахъ была встрѣчена какимъ-то непопятнымъ, холоднымъ равнодушіемъ комиссіи... дѣятельные члены съ горемъ махнули руками на подобное отношеніе и перестали совершенно заботиться! Для усиленія денежнаго фонда комиссія установила членскіе взносы, но и этотъ сборъ остается отчасти еще нѣ собраннымъ, отчасти же непочатымъ, въ видѣ непроявительнаго сбереженія. При подобномъ направленіи или, лучше сказать, способѣ веденія дѣла, конечно, архивная комиссія никогда не достигнетъ намѣченныхъ ей основателемъ цѣлей и никогда не станетъ на ряду съ комиссіями, подобными тамбовской и тверской». Далѣе товарищъ председателя высказалъ пожеланіе, чтобы трехлѣтній опытъ послужилъ хорошимъ урокомъ для комиссіи и чтобы послѣдняя, при добромъ желаніи и твердой волѣ своихъ дѣателей дала, наконецъ, правильное теченіе своему дѣлу. Результатомъ этой рѣчи было, между прочимъ, возобновленіе распавшейся было подкомиссіи въ прежнемъ ея составѣ; но прошло уже почти четыре мѣсяца со времени послѣдняго засѣданія, а ни комиссія, ни подкомиссія попрежнему ничѣмъ себя не заявляютъ. Интереснымъ, только съ другой стороны, представляется и то, что въ послѣднемъ засѣданіи постановили, «для большаго распространенія свѣдѣній о дѣятельности комиссіи», печатать журналы и труды комиссіи въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ, которыхъ никто не читаетъ, кромѣ волостныхъ писарей. Нѣкоторые мѣстные педагоги еще года два назадъ были избраны въ члены комиссіи, но до сихъ поръ не получали изъ комиссіи увѣдомленія объ этомъ и въ засѣданія не являлись; поэтому, на послѣднемъ собраніи они были предложены во второй разъ и, конечно, не забаллотированы, но извѣщены ли они объ этомъ — можетъ быть, опять нѣтъ.

Отчетъ о дѣятельности Прибалтійскаго Православнаго Братства Христа Спасителя и Покрова Божіей Матери, за 1887 годъ. По баллотировкѣ, произведенной въ засѣданіи совѣта, личный составъ его, на основаніи устава, образовался на отчетный годъ изъ 18-ти лицъ: предсѣдатель М. Н. Галкинъ-Враской, товарищъ предсѣдателя Н. Н. Колесовъ, дѣлопроизводитель Г. А. Тройницкій, канцеляр Л. А. Артамоновъ, бухгалтеръ Е. П. Никольская, и 13 членовъ. Въ теченіе года состоялось три общіихъ собранія. Совѣтъ братства имѣлъ въ отчетномъ году 11 засѣданій, причемъ имъ было рѣшено 135 разнаго рода вопросовъ, заявленій и ходатайствъ, а также составлены отчетъ братства за 1886 г. и проектъ сметы на текущій 1888 г. Въ качествѣ мѣстныхъ органовъ, способствующихъ ближайшему осуществленію задачъ братства, было въ отчетномъ году шесть отдѣленій: Эстляндское въ г. Ревелѣ, основанное въ 1883 г. Гривское, въ м. Грива, Илукстскаго уѣзда, Курляндской губ., возникшее въ 1884 г. Гольдингенское, въ г. Гольдингенѣ, Курляндской губ., учрежденное въ 1886 г. Отдѣленіе это предназначено ближайшимъ образомъ завѣдывать братскими учрежденіями и его недвижимостію въ Гольдингенѣ и въ окрестностяхъ. Феллинское, открытое въ концѣ 1886 г., въ районѣ феллинскаго благочинія. Іеввенское, въ м. Іевве, Эстляндской губ., учрежденное 1-го февраля отчетнаго года. Дѣйствуя въ предѣлахъ той же губерніи какъ и эстляндское-ревельское отдѣленіе и преслѣдуя общія цѣли братства, новооткрытое іеввенское отдѣленіе постановило себѣ ближайшею цѣлью приврѣніе и воспитаніе сиротъ женскаго пола, а также оказаніе медицинскій помощи мѣстному восточному населенію; и Вольмарское-Саргѣевское, въ г. Вольмарѣ, Лифляндской губ., открытое въ половинѣ отчетнаго года и начавшее свои дѣйствія лишь съ 1-го октября. Отдѣленіе это заботится главнѣйше о нуждахъ вольмарскаго православнаго прихода. Сверхъ того, 1-го іюля минувшаго года, учреждено еще одно, седьмое мѣстное отдѣленіе — Вольмарское, завѣдующее райономъ вольмарскаго благочинія. Всѣ поименованныя отдѣленія братства, управляясь въ сферѣ предначертанной имъ общимъ братскимъ уставомъ, располагаютъ собственными спеціальными средствами, составляющимися изъ членскихъ взносов, мѣстныхъ пожертвованій и т. п., имѣютъ право приобретать недвижимости и вообще дѣйствуютъ въ этомъ отношеніи на правахъ самостоятельныхъ юридическихъ лицъ. Къ числу мѣстныхъ братскихъ органовъ относятся также учрежденный въ Ригѣ стрелотельный комитетъ по возобновленію яковштадтскаго храма. Комитетъ этотъ нынѣ уже закончилъ свои занятія. Въ Прибалтійскомъ краѣ, рядомъ съ мѣстными отдѣленіями Прибалтійскаго православнаго братства, но независимо отъ нихъ, дѣйствуютъ также существующія уже около двухъ десятилѣтій и болѣе отдѣльныя православныя же братства, задачи коихъ вполне тождественны съ соединеннымъ братствомъ, таковы братства: Рижское — Петропавловское, Эзельское — Свято-Николаевское, Венденское — Спасо-Преображенское, Либавское — Николаевское и Тукуммо-Тальсенское — Свято-Николаевское. Со всѣми этими братствами совѣтъ Прибалтійскаго братства поддерживаетъ сношенія и обмѣнивается годовыми отчетами.

Къ 1-му января 1887 г. капиталовъ братства оставалось, въ процентныхъ бумагахъ и наличныхъ деньгахъ, — 247,761 р. 49 к., изъ нихъ — 191,009 р. 99 к. составляла неприкосновенный капиталъ (общій и спеціальный), а 56,751 р. 50 к. — расходную сумму. Въ 1887 г. поступило доходовъ всего 24,105 р. 95 к., и произведено расходовъ 41,423 р. 71 к. Превышеніе расходовъ надъ доходами на 17,317 р. 76 к. объясняется, затратами на устройство и обстановку яковштадтскаго храма, на что въ 1887 г. употреблено 20,690 р. 76 к., тогда какъ спеціальнаго сбора поступило въ теченіе года лишь 1,731 р. 25 к. Но, выдѣляя особо обороты суммъ по яковштадтскому храму, получается въ итогѣ по прочимъ статьямъ братскаго бюджета: доходовъ — 22,374 р. 70 к. и расхо-

довъ — 20,732 р. 95 к. Членскихъ взносов поступило 929 р., но, во всякомъ случаѣ, такъ мало сравнительно съ числомъ состоящихъ по спискамъ братчиковъ, что совѣтъ братства, послѣ неоднократно повторившихся имъ просьбъ о болѣе акуратномъ доставленіи членскихъ взносов, вынужденъ былъ, къ сожалѣнію, сознать недостаточность и даже бесполезность подобныхъ напоминаній, и постановилъ нынѣ обратиться къ другимъ, болѣе дѣйствительнымъ и необходимымъ въ интересахъ братства способамъ пріема таковыхъ взносовъ.

Весьма значительную доходную статью составили, по примѣрамъ прошлыхъ лѣтъ, денежныя пожертвованія и разныя случайныя поступления, коихъ собрано 9,568 р. 91 к., т. е. почти вдвое болѣе противъ смѣтнаго предположенія.

† Въ Варнаулѣ (Томской губ.), на 44-мъ году Александръ Александровичъ Вагановъ, одинъ изъ энергичныхъ и безкорыстныхъ дѣятелей по крестьянскому дѣлу. Первоначально А. А., окончивъ курсъ въ школахъ гвардейскихъ подпрапорщиковъ, поступилъ въ лейб-гусары, но оставался въ военной службѣ недолго. Затѣмъ, 13 лѣтъ, съ 1869 г. по 1882 г., А. А. служилъ по судебному вѣдомству въ качествѣ участковаго мирового судьи во Псковѣ, гдѣ оставилъ по себѣ самую лучшую память. Состоя затѣмъ до конца жизни, въ званіи почетнаго мирового судьи, А. А. былъ въ 1882 г. командированъ на Алтай въ составѣ отправившейся туда комиссіи, а съ 1883 г. былъ назначенъ на должность помощника Алтайскаго горнаго округа по земельной части. Послѣднія 5 лѣтъ жизни А. А. весь отдавалъ земельному и крестьянскому дѣлу на Алтай съ безавѣтною преданностію. Каждый крестьянинъ, нуждавшійся въ его совѣтѣ или указаніи, могъ быть увѣренъ, что найдетъ въ А. А. самаго внимательнаго руководителя и совѣтника. Многія тысячи крестьянъ помянутъ его добромъ.

† Василій Петровичъ Поливановъ. По окончаніи курса на математическомъ факультетѣ Рашельевского лицея, онъ былъ командированъ, въ составѣ ученой экспедиціи академика Шренка, на устье Амура въ половинѣ 1853 года. Экспедиція вышла изъ Кронштадта на фрегатѣ «Аврора». Въ только-что возникшемъ тогда Николаевскѣ она пробыла два года и возвратилась чрезъ Сибирь въ 1856 г. въ Петербургъ, съ массой новыхъ матеріаловъ по фаунѣ, флорѣ и этнографіи вѣдыванной ею страны. Труды этой экспедиціи изданы Академіею Наукъ. По возвращеніи изъ экспедиціи, покойный В. П. принималъ дѣятельное участіе въ трудахъ археографической комиссіи. Изъ многихъ трудовъ покойнаго замѣчательна историческая разработка документовъ по стрѣльцкому бунту: «Дѣло Шакловитаго».

† Лекторъ нѣмецкаго языка при петербургскомъ университетѣ, переводчикъ на нѣмецкій языкъ «Записокъ Охотника» Тургенева, «Ревизора» Гоголя и пѣсенъ Колюцова, — Александръ Федоровичъ Видертъ. Родомъ москвичъ, А. Ф. получилъ первоначальное образованіе въ Москвѣ, и, поступивъ затѣмъ въ харьковскій университетъ, пріобрѣлъ тамъ ученую степень кандидата по историко-филологическому факультету. Въ Москвѣ Видертъ былъ близокъ съ Катковымъ, Грановскимъ, Кудрявцевымъ, Шестаковымъ, Вулаевымъ, во время пребыванія въ Петербургѣ — съ княземъ П. А. Вяземскимъ, Плетновымъ, Никитенко. Съ 1852 по 1856 г. Видертъ пробылъ за границей, гдѣ занимаясь преимущественно въ Берлинѣ, и знакомилъ нѣмецкую публику съ произведеніями нашихъ писателей, какъ въ печатныхъ сочиненіяхъ, такъ и въ публичныхъ чтеніяхъ. Въ 1858 г. Видертъ поступилъ на службу преподавателемъ нѣмецкаго языка въ 3-ю московскую гимназію, а въ 1864 г. занялъ мѣсто лектора нѣмецкаго языка въ харьковскомъ университетѣ, откуда былъ приглашенъ лекторомъ въ петербургскій историко-филологическій институтъ. Съ 1852 г. онъ былъ сотрудникомъ нашихъ и весьма многихъ нѣмецкихъ повременныхъ изданій, помѣщая въ нихъ бо-

дѣе 30-ти критическихъ статей, не говоря о письмахъ изъ-за границы, о литературѣ, театрѣ, искусствѣ, и вообще умственной жизни въ Германіи, печатавшихся въ «Московскихъ» и «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» съ 1852 до 1856 г. Въ 1854 г. вышелъ нѣмецкій переводъ «Записокъ Охотника» И. С. Тургенева, подъ заглавіемъ: «Aus dem Tagebuch eines Jägers»; въ 1857 г. этотъ переводъ напечатанъ вторымъ изданіемъ. Въ томъ же году появился переводъ «Ревизора», затѣмъ переводъ пѣсень Кольцова — Alexei Kolzov's «Rusische Lieder» въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ Германіи. Наконецъ статьи энциклопедическаго словаря Врокгауза (10-е изд.) о русскихъ писателяхъ — Гоголѣ, Кантемирѣ, Кольцовѣ, Кошловѣ, Лермонтовѣ, Ломоносовѣ, Пушкинѣ, Жуковскомъ, Тургеневѣ принадлежатъ Видерту.

† 2-го іюня, послѣ продолжительной болѣзни, Александръ Васильевичъ Яковлевъ. По своей разнообразной, выдающейся служебной, литературной и общественной дѣятельности покойный пользовался большою нѣвѣстностью не только въ своемъ родномъ городѣ Петербургѣ, но и во всей Россіи. Почти всю свою дѣятельность А. В. Яковлевъ принадлежалъ прошлому царствованію, во многихъ событіяхъ котораго онъ принималъ болѣе или менѣе, близкое участіе. Съ 60-хъ годовъ А. В. съ особеннымъ усердіемъ занимался экономическими и финансовыми вопросами, работая въ этомъ направленіи теоретически, въ журналахъ, брошюрахъ, и т. п., и практически; его налюбленною спеціальностью былъ народный кредитъ, организація и распространеніе общедоступныхъ кредитныхъ, ссудосберегательныхъ и другихъ учреждений. Въ послѣдніе годы онъ былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ въ нѣвѣстной кахановской комиссіи. Покойный издалъ въ 1868 г. капитальное сочиненіе «О народномъ кредитѣ», потомъ написалъ рядъ статей и брошюръ о сельскихъ ссудосберегательныхъ товариществахъ, вмѣстѣ съ княземъ Васильчиковымъ издалъ нѣвѣстное сочиненіе «Мелкій земельный кредитъ» и др.; имъ же былъ выработанъ нормальный уставъ ссудосберегательныхъ товариществъ и другихъ сельскихъ кредитныхъ учреждений.

† Въ Кларасѣ, въ Швейцаріи, 18-го іюня, послѣ тяжелой болѣзни, нѣвѣстный русскій публицистъ, профессоръ сравнительной географіи и статистики въ невшательской академіи Левъ Ильичъ Мечниковъ. Онъ былъ и политическимъ дѣятелемъ. Въ 1860 году онъ участвовалъ въ экспедиціи Гарibaldi противъ неаполитанскихъ Вурбонновъ. Въ 1863 г. принималъ участіе въ польскомъ возстаніи, затѣмъ сражался въ Испаніи въ 1868 году. Имъ написана по-французски «Исторія Японіи». Въ настоящее время печатается въ Парижѣ новый трудъ его по географіи.

† 30-го іюня, въ Царскомъ селѣ, скромный труженникъ на поприщѣ народнаго просвѣщенія, Николай Петровичъ Животовскій. По окончаніи курса въ здѣшнемъ университетѣ по физико-математическому факультету, Н. П. поступилъ на службу въ главное управленіе военно-учебныхъ заведеній, а когда въ 1871 г. положено было начало постоянной комиссіи педагогическаго музея, онъ перешелъ въ нее въ качествѣ секретаря и завѣдующаго музеемъ. Онъ неутомимо работалъ въ теченіи почти 17 лѣтъ и въ эти годы, вмѣстѣ съ предсѣдателемъ комиссіи генераломъ В. И. Коховскимъ, ими организованы всѣ разнообразныя виды дѣятельности педагогическаго музея, который приобрѣлъ заслуженную нѣвѣстность не только въ Россіи, но и за границей. На ряду съ этимъ дѣломъ, Н. П. 1872 г. издалъ «Стѣнную естественно-историческій атласъ», получившій одобреніе учебнаго комитета народнаго просвѣщенія въ Брюсселѣ. Затѣмъ имъ изданы: «Стѣнныя таблицы по физикѣ», «Картинныя для нагляднаго преподаванія физической географіи», нѣсколько народныхъ чтеній, произнесенныхъ въ аудиторіи педагогическаго музея, «Таблицы (20) по математической географіи», составленныя въ сотрудничествѣ съ Я. И. Ковальскимъ, и, наконецъ, «Учебный ботаническій атласъ», въ двухъ выпускахъ. Въ 1883 г. Н. П. осуществилъ свою завѣтную

мысль объ устройствѣ учебнаго ботаническаго сада при педагогическомъ музеѣ (на частныя средства). Садъ этотъ существуетъ и въ настоящее время и содержитъ до 400 видовъ растений. Кроме того, Н. П. принималъ дѣятельное участіе въ усовершенствованіи и удешевленіи картинъ на стеклѣ для волшебнаго фонаря, изготовлявшихся въ фотографіи его жены, стоимость которыхъ, благодаря этому, теперь значительно понизилась. Чрезмѣрныя занятія надломали здоровье Н. П.—ча, и въ 1886 г. онъ вынужденъ былъ покинуть педагогическій музей. Но, не смотря на быстро развивавшійся недугъ (чахотка), онъ, все-таки, продолжалъ руководить исполненіемъ его работъ (второй выпускъ «Учебнаго ботаническаго атласа» вышелъ въ прошломъ году). Силы его угасали постепенно, и онъ скончался тихо, оплакиваемый родными. Въ частной жизни Н. П. былъ неизмѣннымъ другомъ и пріателемъ каждого, кто имѣлъ съ нимъ какое-либо дѣло. Ему не было еще сорока лѣтъ.

† 12-го іюля въ Самарѣ, Петръ Александровичъ Гедриновичъ, одинъ изъ весьма дѣятельныхъ сотрудниковъ петербургскаго юридическаго общества. Еще на студенческой скамейкѣ, покойный обратилъ на себя вниманіе разсужденіемъ подъ заглавіемъ: «О договорѣ между отсутствующими». Въ 1873 г. П. А. кончилъ курсъ кандидатомъ правъ и за свои усилія былъ оставленъ при петербургскомъ университетѣ. Вскорѣ послѣ того онъ былъ приглашенъ въ Александровскій лицей, на кафедру римскаго и гражданскаго права, гдѣ проявилъ несомнѣнный лекторскій талантъ. Строгое исполненіе преподавательскихъ обязанностей, въ связи съ весьма дѣятельнымъ участіемъ, которое принималъ покойный въ комиссіи по составленію проекта гражданскаго уложенія въ конецъ подорвали и безъ того распатанныя силы молодого ученаго и привели къ роковой развязкѣ. Покойный умеръ отъ скоротечной чахотки на 38 году.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Переяславскій ботикъ Петра Великаго.

Въ іюльской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», въ отдѣлѣ «Смѣсь» въ статьѣ «ботикъ Петра Великаго» сообщаются свѣдѣнія о небрежномъ храненіи ботика «Фортуна». Свѣдѣнія эти заимствованы изъ корреспонденціи газеты «Новое Время» № 4,395. Своевременно въ газету «Новое Время» мною послано опроверженіе этой корреспонденціи, которое и было пропечатано въ первыхъ числахъ іюня.

Очевидно, составитель отдѣла «Смѣсь» въ «Историческомъ Вѣстникѣ» пропустилъ мое опроверженіе и потому въ интересахъ справедливости я считаю нужнымъ вновь повторить, что свѣдѣнія о храненіи ботика, сообщенныя какъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» такъ и въ корреспонденціи, помѣщенной въ № 4,395 газеты «Новое Время» не вѣрны.

Ботикъ Петра Великаго «Фортуна» охраняется весьма тщательно и заботливо. Зданіе, въ которомъ онъ помѣщенъ, каменное, крытое желѣзомъ, стѣны его внутри и снаружи, какъ и потолокъ, оштукатурены и выкрашены, полъ тоже выкрашенъ. Зданіе это содержится въ полномъ порядкѣ и всякое малѣйшее поврежденіе въ немъ своевременно исправляется. Въ видахъ сбереженія отъ гніенія, ботикъ Петра I-го поставленъ на нарочито сдѣланной на полу площадкѣ, возвышающейся надъ поломъ на $\frac{3}{4}$ аршина.

Всѣ вещи, оставшіяся отъ флотиліи Петра I-го и принатыя владимірскимъ дворянствомъ, сохраняются по описи и всѣ налицо, — помѣщены на сдѣланныхъ для того полкахъ по номерамъ, одна отъ другой отдѣльно, при каждой вещи имѣются номеръ и печатное названіе ея. Слѣдовательно, какъ ботикъ, такъ и музей далеко не въ заброшенномъ видѣ. Если на ботикѣ

«Фортуна» и есть какія поврежденія отъ гніенія, то они образовались до 1803 года, т. е. тогда, когда ботикъ не былъ принятъ на храненіе дворянствомъ, а хранился въ заброшенномъ видѣ въ деревянномъ балаганѣ.

Лхты, фрегаты, галеры и ботики, о которыхъ упоминается въ указѣ Петра I-го и которыхъ нѣтъ налицо, не были приняты дворянствомъ для храненія и они, по преданію, сгорѣли во время бывшаго въ Переяславѣ пожара, когда ботикъ и другія вещи сохранялись въ Переяславѣ. Что касается до слуховъ о продажѣ одного изъ зданій на сломъ, то слухи эти основательны. Дѣйствительно, предполагалось продать домъ, находящійся въ сторовѣ отъ зданія ботика, безъ всякаго назначенія, и къ ботикъ не имѣющей совершенно никакого отношенія, а, между тѣмъ, требующій значительнаго ремонта, но и то вслѣдствіе моего заявленія на бывшемъ очередномъ дворянскомъ собраніи 18-го января настоящаго года, дворянство единогласно постановило: домъ не продавать и ремонтировать его изъ суммъ ежегодно отпускаемыхъ на содержаніе ботика. Затѣмъ, всѣ другія зданія какъ-то: домъ для сторожа съ хозяйственными службами и ротонда—дѣтнее помѣщеніе для посѣтителей—содержатся въ полномъ порядкѣ, при постоянной поддержкѣ. Даже и сады при ботикѣ, такъ какъ это есть мѣсто постоянного помѣщенія лѣтомъ жителей Переяслава для гулянья, содержатся въ чистотѣ и порядкѣ: дорожки усыпаны пескомъ, надѣланы лавочки, столы и проч.

Охрана ботика и наблюденіе за содержаніемъ зданій поручена дворянствомъ переяславскому уѣздному предводителю. При ботикѣ имѣется постоянный сторожъ обязательно изъ отставныхъ матросовъ, на обязанности коего подъ личной отвѣтственностью лежатъ слѣдить за цѣлостью вещей по описи.

Въ заключеніе считаю нужнымъ сказать, что ботикъ императора Петра I-го не нуждается и въ средствахъ для сохраненія. Для этого у дворянства есть особый капиталъ, такъ называемый Вельсковскій, образовавшійся изъ выкупной ссуды за надѣлы крестьянъ села Велькова, процентовъ съ коего вполне достаточно для поддержанія необходимыхъ для ботика зданій: музея и сторожки. Достаточно сказать, что отъ прошлаго трехлѣтія изъ суммъ, отпускаемыхъ на содержаніе зданій при ботикѣ, за ремонтомъ трехъ зданій при ботикѣ и за удовлетвореніемъ содержаніемъ сторожа, мною сдѣлано сбереженіе въ суммѣ 446 рублей.

Переяславскій уѣздный предводитель дворянства П. Самсоновъ.

Поправка къ „Семейной хроникѣ“ г. Павлицева.

Въ юнсовской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» 1883-го года, въ статьѣ Л. Н. Павлицева «Изъ семейной хроники», сказано, что «Пушкинъ поручилъ Плетиеву предложить баронессѣ Софьѣ Михайловнѣ Дельвигъ купить у нея свой портретъ, писанный Кипренскимъ, по заказу барона Антона Антоновича Дельвигъ, на что Софья Михайловна и изъявила согласіе, продавъ его Пушкину за 1000».

Портретъ, о которомъ говоритъ г. Павлицевъ, былъ дѣйствительно заказанъ отцомъ моимъ, барономъ Антономъ Антоновичемъ Дельвигъ, Кипренскому, но мать моя, Софья Михайловна Варатынская, бывшая баронесса Дельвигъ, никогда не продавала егѣ Пушкину, а вотъ какъ это было: Пушкинъ, когда былъ женихомъ, пріѣхалъ къ моей матери и сталъ ее просить продать ему этотъ портретъ, желая подарить его своей невѣстѣ. Мать моя, разувѣтая, не согласилась продать его, но, наконецъ, должна была уступить настоятельной просьбѣ Пушкина и подарила ему портретъ, которымъ очень дорожила.

Этотъ рассказъ я часто слышала отъ моей матери, скопчавшейся 4-го марта 1888 года, на 82-мъ году своей жизни.

Баронесса Елизавета Дельвигъ.

1822.

Достопамятный годъ въ лѣтописяхъ Петербурга; подобнаго не бывало донынѣ, т. е. въ теченіе ста восьмидесяти пяти лѣтъ и едва ли скоро дождутся подобнаго жители нашей сѣверной столицы. Нева вскрылась 6-го марта, застыла 10-го ноября: навигація продолжалась девять мѣсяцевъ и четыре дня. Въ первый день Пасхи (2-го апрѣля) женщины ходили въ кисейныхъ платьяхъ, мужчины въ однихъ сюртукахъ; лѣто было неизмѣнно самое благодатное и урожайное.

Но самое начало года было ознаменовано наводненіемъ. В. Н. Берхъ пишетъ (стр. 78): «Наводненіе было 23-го января 1822 года въ полночь; но объ этомъ не дошло до насъ никакого письменнаго виѣдѣнія».

По журналу, веденному въ Галерной гавани, видно, что вода возвышалась тамъ ночью въ это число до 8 футовъ и 5 дюймовъ.

У Аларчина моста выступила вода изъ канала и покрыла улицы фута на полтора. На театральной площади лежало множество льда, вынесеннаго водою изъ канала. Наводненіе это продолжалось два или три часа и причинило только не значительный вредъ жителямъ Галерной гавани.

1824.

Очевидцы наводненія 1777 года увѣряли своихъ дѣтей, что оно было гораздо бѣдственнѣе, нежели наводненіе 1824, а, между тѣмъ, это послѣднее гораздо глубже врѣзалось въ память петербургскихъ жителей, на много лѣтъ оставивъ по себѣ неизгладимые, печальные слѣды. Напоминанію о немъ способствовали, быть можетъ, донынѣ сохранившіяся помѣтки на стѣнахъ домовъ, въ видѣ жестяныхъ, а кое-гдѣ и мраморныхъ, досчечекъ съ надписью: 7-го ноября 1824 года; развороченныя плиты набережной Фонтанки, Мойки, Екатерининскаго и Крюкова каналовъ, выровненныя и перемощенныя лишь десять лѣтъ тому назадъ; наконецъ, множество страшныхъ эпиводическихъ рассказовъ и преданія о таинственной связи этого наводненія съ жизнію императора Александра I: оно двѣнадцатію мѣсяцами и двѣнадцатію днями предшествовало его кончинѣ, а наводненіе 10-го сентября 1777 года—тремя мѣсяцами и двумя днями—его рожденію.

Извѣстно, что рѣзкимъ атмосферическимъ перемѣнамъ, помимо барометрическихъ колебаній, предшествуютъ многія предзнаменованія въ видѣ явленій, повидимому, не могущихъ имѣть никакой связи съ перемѣнами погоды. Люди ученые смѣются надъ этими народными примѣтами, не удостоивая изслѣдовать ихъ научнымъ

путемъ, можетъ быть, потому, что и наука не могла бы дать прямого отвѣта на вопросъ: почему это такъ?

Катастрофѣ 7-го ноября 1824 года было немало предвѣстниковъ еще мѣсяца за четыре до этого рокового дня.

Лѣтомъ, камень, лежащій близъ берега Каменнаго острова, былъ весь покрытъ водою, что по примѣтѣ старожиловъ предвѣщало необыкновенное повышеніе воды къ осени.

Иванъ Ивановичъ Мартыновъ¹⁾, одинъ изъ исторіографовъ наводненія, говоритъ въ своихъ письмахъ, что одна знакомая ему дама, въ августѣ 1824 года, гуляя на Петровскомъ островѣ, замѣтила, что муравьи необыкновенно высоко устроили свои склады зимнихъ запасовъ, именно на верхней перекладнѣ воротъ.

— Что это значитъ?—спросила она стараго начальника брандвахты, Лебедева, прогуливавшагося съ нею.

— Это весьма дурно, сударыня,—отвѣчалъ старикъ,—въ тотъ годъ, когда бытъ наводненію, муравьи всегда дѣлаютъ свои гнѣзда на мѣстахъ возвышенныхъ. Въ нынѣшнемъ году бытъ большой водѣ: совѣтую вамъ поселиться какъ можно выше.

За нѣсколько дней до наводненія, извѣстный физикъ и механикъ Роспини (жившій на углу Вознесенскаго проспекта и Офицерской улицы) замѣтилъ, что его барометры ушли такъ низко, какъ онъ еще никогда не видывалъ. Это обстоятельство до того его встревожило, что онъ едва не помѣшался.

Были проявленія и предчувствій. Такъ аптекаръ Имзенъ (противъ Казанскаго собора) за два дня до наводненія перебрался изъ нижняго этажа въ верхній. Въ отвѣтъ на шутки пріятеля надъ этимъ переселеніемъ онъ отвѣчалъ: «я буду смѣяться, когда вы всѣ будете плакать!»

Еще того удивительнѣе были примѣры проявленія предчувствія въ инстинктѣ животныхъ. Наканунѣ наводненія кошка въ одномъ домѣ перетаскала своихъ котятъ на ту ступеньку лѣстницы, до которой не достигла вода. Во многихъ домахъ крысы и мыши изъ подваловъ перебрались на чердаки.

Къ сожалѣнію, наука не обращаетъ должнаго вниманія на подобныя явленія; чаще всего она доискивается причинъ по послѣдствіямъ, т. е. послѣ совершившихся событій. Такъ юстиція всего чаще караетъ преступленія, нежели предупреждаетъ ихъ; такъ медицина—анатомируетъ трупъ умершаго отъ болѣзни, отъ которой она не въ состояніи была излѣчить больного.

Ровно черезъ сорокъ дней послѣ наводненія, ученый академикъ

¹⁾ Профессоръ, эллинистъ, переводчикъ греческихъ классиковъ, еще того болѣе извѣстный, какъ человѣкъ доброй и благороднѣйшей души. Скончался 20-го октября 1838 года, погребенъ на Смоленскомъ кладбищѣ.

Шубертъ ¹⁾, по просьбѣ генералъ-адъютанта Бенкендорфа, одного изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ высочайше утвержденнаго комитета для пособія пострадавшимъ отъ наводненія, составилъ на нѣмецкомъ языкѣ слѣдующую записку: «О причинахъ наводненія 1824 года» ²⁾.

«Ваше превосходительство выразили желаніе, чтобы я письменно изложилъ то, что имѣлъ честь вамъ доложить на вашъ вопросъ касательно наводненія. Весь Васильевскій островъ благословляетъ имя лица, которому я теперь пишу, и каждый считаетъ себя счастливленнымъ его порученіями. И такъ, я спѣшу съ истиннымъ удовольствіемъ исполнить приказаніе вашего превосходительства, хотя я и не могу сообщить много свѣдѣній, да и тѣ, можетъ быть, подвергнутся порицанію.

«Намъ не только задолго впередъ извѣстно, что происходитъ на небѣ, мы даже можемъ съ математическою точностью опредѣлить физическую причину, которая производитъ всякое движеніе, или его останавливаетъ. Напротивъ того, то, что происходитъ гораздо ближе къ намъ, въ атмосферѣ и во внутренности земли, намъ очень мало извѣстно. Природа какъ будто не допускаетъ слишкомъ точныхъ наблюденій надъ собою и скрываетъ отъ насъ частности своей мастерской, или, скорѣе всего, мы до того дальноворки, что не можемъ ясно видѣть происходящаго вблизи надъ нашей головой или подъ нашими ногами. Мы не знаемъ «откуда приходитъ и куда направляется вѣтеръ», т. е. намъ неизвѣстна ни точка, откуда онъ начинается и гдѣ онъ перестаетъ, ни причина того и другого. Въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій мы ведемъ споры о силѣ, колеблющей землю подъ нашими ногами, и объ аэролитахъ, падающихъ намъ на голову, и безуспѣшны до сихъ поръ были всѣ наши изслѣдованія о томъ, окружены ли полюсы твердой землею, вѣчнымъ льдомъ или открытымъ моремъ, хотя намъ и извѣстна всякая гора на лунѣ, и мы распознаемъ образованіе и таяніе льда у полюсовъ Марса. Физика земного шара осталась далеко позади этой высшей физики, которая принадлежитъ къ области астрономіи, и успѣхи были сдѣланы только въ томъ ея отдѣлѣ, который основывается на астрономіи и математикѣ, какъ, на примѣръ, теорія радуги, приливовъ и отливовъ и т. д. При наступленіи извѣстнаго періода, какъ, на примѣръ, при приливѣ, повторяющемся ежедневно два раза, открывается обширное поле для вычисленій математиковъ и на этой почвѣ они стоятъ твердо. Но неправильныя переменныя погоды, не подчиняющейся, повидимому, законамъ опредѣленныхъ сроковъ, не дозволяютъ математикѣ стѣснить ихъ своими оковами, и это

¹⁾ Фридрихъ-Теодоръ (Федоръ Федоровичъ) Шубертъ, родился въ Голшплатѣ 19/30-го октября 1758, умеръ въ Петербургѣ 9/21-го октября 1825.

²⁾ «Русская Старина», изд. 1877 г., т. XX, стр. 708—712.

убѣждаетъ меня, что небесныя тѣла, отдаленныя на огромное пустое пространство отъ нашей атмосферы, не имѣютъ на ея состояніе никакого вліянія, и что перемѣна нашей погоды не имѣетъ ничего общаго съ астрономіей.

«Такъ какъ луна, безъ сомнѣнія, къ намъ ближе всѣхъ остальныхъ небесныхъ тѣлъ, то послѣ того, какъ астрологи перестали справляться съ положеніемъ планетъ для того, чтобы разяснить происходящее на землѣ, мы думали сдѣлать исключеніе для луны и даже математики рѣшили: «если луна ежедневно два раза поднимаетъ воду въ океанѣ, то какъ же ей не произвести того же дѣйствія въ болѣе легкомъ воздушномъ пространствѣ?» Но на это, повидимому, правдоподобное предположеніе, по моему мнѣнію, легко отвѣчать слѣдующимъ образомъ. Приливъ и отливъ распространяются только на нѣсколько футовъ подъ поверхностью воды, но на днѣ морскомъ ни тотъ, ни другой не ощутительны, и если бы тамъ были обитатели, то они не имѣли бы понятія ни о приливѣ, ни объ отливѣ. Точно также дѣйствіе луны можетъ касаться только поверхности нашей атмосферы, простирающейся, можетъ быть, верстъ на сто надъ нами. Она тамъ, можетъ быть, и поднимается и опускается ежедневно по два раза на нѣсколько футовъ, но мы, живущіе на днѣ этого воздушнаго океана, ничего въ этомъ отношеніи не замѣтимъ, и перемѣны въ нашей погодѣ, происходящія здѣсь внизу, нисколько не будутъ зависѣть отъ луны. О другихъ планетахъ не можетъ быть и рѣчи, вслѣдствіе ихъ чрезвычайной отдаленности. Но, однако, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что приливъ и отливъ, а слѣдственно косвеннымъ путемъ и луна, могутъ имѣть вліяніе на наводненія, о которыхъ здѣсь собственно и идетъ рѣчь.

«Наводненія, опустошавшія нынѣшнею осенью (1824 г.) часть Германіи и Франціи, происходятъ не отъ тѣхъ причинъ, какъ наши. Рейнъ, Мозель, Рона, стекающіе съ Швейцарскихъ горъ, обыкновенно весною выступаютъ изъ своихъ береговъ, когда таютъ снѣга на этихъ горахъ; осенью вода въ нихъ незначительно прибываетъ отъ частыхъ дождей; въ этотъ же разъ и та и другая причина оказали свое дѣйствіе. Осень была обильнѣе чѣмъ когда-либо грозами и проливными дождями; морозъ въ сентябрѣ покрылъ необыкновенно рано Альпы снѣгомъ, который, растаявши въ концѣ октября подъ вліяніемъ оттепели, стекалъ съ горъ, такъ что въ этотъ разъ осень и весна оказывали свое дѣйствіе въ одно и то же время. Къ этому присоединились еще землетрясенія, которыя выгнали рѣчки изъ береговъ и образовали новые источники.

«Такъ какъ Нева не стекаетъ съ горъ, но спокойно выходитъ изъ Ладожскаго озера, то наводненіе здѣсь можетъ быть только слѣдствіемъ засоренія устья, или отъ западныхъ бурныхъ вѣтровъ: это послѣднее и было причиною наводненія 7-го ноября. При на-

водненіи все зависитъ отъ трехъ обстоятельствъ: отъ направленія, силы и продолжительности вѣтровъ. Не могу предположить, чтобы приливъ воды въ Финскомъ заливѣ или въ Балтійскомъ морѣ былъ въ состояніи одинъ произвести такое дѣйствіе, какъ оказалось 7-го ноября. Нужно искать причины болѣе отдаленной, въ Сѣверномъ морѣ или Атлантическомъ океанѣ. Тамъ должны были нѣсколько дней свирѣпствовать бури съ западнымъ вѣтромъ, которыя гнали воды Сѣвернаго моря черезъ Скагерракъ. Дѣйствіе ихъ должно еще увеличиться, когда сѣверный вѣтеръ въ Каттегатѣ прогоняетъ воды черезъ Зундъ и Вельты въ Балтійское море. Здѣсь же, чтобы произвести наибольшее дѣйствіе, должны свирѣпствовать южныя или юго-западныя бури; иначе наводненіе коснулось бы только береговъ Пруссіи и Курляндіи. Наконецъ, для того, чтобы наводненіе дошло до С.-Петербурга, необходимо, чтобы въ самомъ Финскомъ заливѣ были бури съ запада. Чтò, дѣйствительно, въ Атлантическомъ океанѣ и Сѣверномъ морѣ передъ 7-мъ ноябремъ свирѣпствовали бури, доказываютъ намъ кораблекрушенія у береговъ Великобританіи, Германіи и Скандинавіи, и на это, вѣроятно, луна имѣла, хотя косвенное и незначительное, вліяніе.

«Извѣстно, что приливы и отливы обусловливаются притягательною силою солнца и луны, особенно послѣдней. Слѣдовательно, эта сила увеличивается: 1) когда солнце и луна дѣйствуютъ взаимно, вмѣсто того, чтобы противодѣйствовать другъ другу; 2) когда сила каждаго изъ этихъ небесныхъ тѣлъ, въ особенности луны, сама по себѣ значительна. Первое бываетъ, когда солнце и луна идутъ по одному направленію или стоятъ одинъ противъ другого, что случается при новолуніи или полнолуніи. Второе же бываетъ, когда солнце, въ началѣ весны или осени, проходитъ черезъ экваторъ, въ особенности же при наибольшей близости луны къ землѣ, потому что ея притягательная сила увеличивается въ вдвое большей мѣрѣ соразмѣрно отдаленію ея отъ земли. Такъ какъ всякое физическое дѣйствіе требуетъ времени для своего проявленія, то вслѣдствіе того сильнѣйшій приливъ бываетъ три или четыре дня по новолуніи или полнолуніи осенью, чтò почти совпадаетъ съ временемъ наибольшаго приближенія луны къ землѣ. 7-й ноябрь случился наканунѣ новолунія и четыре дня спустя послѣ наибольшаго приближенія къ землѣ луны—и дѣйствіе луны было, поэтому, неощутительно.

«Совпаденіе всѣхъ вышеизложенныхъ обстоятельствъ бываетъ такъ рѣдко, что, по всей вѣроятности, пройдутъ многіе годы, можетъ быть, даже полстолѣтія, прежде чѣмъ Провидѣніе дозволитъ совершиться подобному несчастію. Все это время, вѣроятно, употребится съ пользою разумнымъ правительствомъ и будутъ приняты всѣ мѣры къ уменьшенію вреда отъ будущихъ наводненій. Хотя никакія человѣческія усилія не могутъ измѣнить направле-

ніе или силу бурь, но существуютъ мѣстныя обстоятельства, увеличивающія зло, отстранить которыя и было бы весьма полезно. Сюда принадлежатъ мелководія, мели и наносы, находящіеся какъ въ Невѣ, такъ и въ ея каналахъ, и, не будучи уничтожены заблаговременно, увеличивающіеся съ каждымъ годомъ. Эти засоренія не только все болѣе и болѣе затрудняютъ плаваніе между Петербургомъ и Кронштадтомъ, но и увеличиваютъ всякое наводненіе, не только потому, что они дѣлаютъ болѣе узкимъ русло Невы, но и потому еще, что они уменьшаютъ силу ея теченія; это, по моему мнѣнію, объясняется слѣдующимъ образомъ.

«Если бы Нева не заливалась въ море, то бури съ запада въ Финскомъ заливѣ произвели бы только движенія воды къ востоку, не поднимая уровня воды, какъ это и бываетъ въ океанѣ при буряхъ, продолжающихся нѣсколько дней и по одному направленію. Тутъ всегда бываетъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, связь съ теченіемъ по противоположному направленію, вслѣдствіе чего вода снова уходитъ. Поэтому всякое препятствіе, затрудняющее это теченіе, измѣняетъ дѣло: у береговъ и подводныхъ камней образуется прибой волнъ и т. д. Однимъ изъ главнѣйшихъ препятствій служить рѣка, заливающаяся въ море по направленію, противоположному натиску воды. Слѣдствіемъ этого бываетъ, конечно, борьба двухъ враждебныхъ силъ, и вода, будучи тѣснама съ противоположныхъ сторонъ, такъ сказать, сдавливается въ срединѣ и образуетъ возвышенность, съ вершины которой она, вслѣдствіе своей тяжести, стекаетъ во всѣ стороны. Этотъ высій пунктъ находится теперь между Петербургомъ и Кронштадтомъ и, можетъ быть, достигалъ 7-го ноября высоты болѣе 20-ти футовъ, но онъ, конечно, не остается постоянно на одномъ мѣстѣ. При ослабленіи, отъ какой бы то ни было причины, одной изъ борющихся силъ, другая въ той же мѣрѣ увеличивается и, пріобрѣтая перевѣсъ, отодвигаетъ высшую точку воды, отъ которой и бываетъ наводненіе къ болѣе слабой сторонѣ; къ этой послѣдней поэтому и образуется наибольшій стокъ воды. Это очевидно примѣняется къ отмелямъ Невы, которыя не только затрудняютъ, слѣдовательно и ослабляютъ теченіе рѣки, но и содѣйствуютъ наводненію, препятствуя стоку воды на извѣстную глубину, о чемъ выше изложено. Этимъ самымъ, высшая точка воды, которую можно назвать средоточіемъ наводненія, подвигается все болѣе и болѣе къ Петербургу; поднимаясь на водяную гору, мы тѣмъ самымъ погружаемся болѣе въ глубину и находимся при этомъ въ положеніи, далеко не въ томъ, въ которомъ былъ Магометъ: не мы подвигаемся къ горѣ, а гора приближается къ намъ. Лучшимъ средствомъ противъ этого зла, которое подобно раку, незамѣтно все болѣе и болѣе проявляющему свою разрушительную силу, служатъ: постепенное возвышеніе береговъ Невы и низменныхъ частей города,

происходящее само собою отъ построекъ и дѣйствія растительности; устройство новыхъ каналовъ, особенно же очистка Невы, которая оказала бы самое благодѣтельное вліяніе на судоходство и торговлю. При этомъ рождается другой вопросъ: почему Нева, съ того злополучнаго дня, почти ежедневно, даже при умѣренномъ вѣтрѣ, прибываетъ фута на четыре. Причиною этому служить частью то, что съ 7-го ноября господствовали сильные западные вѣтры съ столь малымъ исключеніемъ, что вѣтеръ одного дня былъ какъ бы продолженіемъ вѣтра предъидущаго дня, и Нева едва находить время понизиться до своего нормальнаго уровня. Еще есть, можетъ быть, и другая причина, о которой мы здѣсь почти ничего не знаемъ, а именно: можетъ быть, на моряхъ Балтійскомъ и Сѣверномъ все еще продолжаютъ бури съ запада, чему естественнымъ послѣдствіемъ является то, что вода, скопившись въ закрытомъ водоемѣ Балтійскаго моря, не могла еще явиться обратно черезъ Зундъ и поэтому прибываетъ въ Неву при каждомъ западномъ вѣтрѣ.

«Пользуюсь этимъ случаемъ увѣрить ваше превосходительство, и проч. *Ө. Ө. Шубертъ*».

С.-Петербургъ, 17-го декабря, 1824 года.

Къ диссертациі ученаго академика считаемъ не лишнимъ присоединить замѣтку ученаго гидрографа В. Н. Берха ¹⁾.

«Особеннаго замѣчанія заслуживаетъ, что ноября 7-го и 10-го чиселъ, было въ Сан-Франциско, что въ Калифорніи, весьма высокое наводненіе при S. W. (Ю. З.) штормѣ, каковаго старожилы не запомнятъ. Приключеніе сіе доказываетъ намъ, какою немовѣрною силою движуты были воды океана: ибо дѣйствовали одинаково при берегахъ Швеціи, Франціи и Россіи.

«С.-Петербургъ находится въ 59° 56' сѣверной широты; С.-Франциско въ широтѣ 37° 48' 30". Географическое разстояніе между сими двумя мѣстами 10.538 верстъ».

Впрочемъ, болѣе или менѣе, ошибочныя догадки о причинахъ наводненія, теорія приливовъ и отливовъ, законы штормовъ и т. п. не входятъ въ программу нашихъ лѣтописей. Перейдемъ къ пофѣствованіямъ современниковъ, пытавшихся, въ одной общей картинѣ, изобразить всѣ ужасы катастрофы; затѣмъ, перейдемъ къ отдѣльнымъ, эпизодическимъ разсказамъ очевидцевъ о наводненіи въ различныхъ частяхъ города.

Первымъ бытописцемъ страшнаго дня 7-го ноября 1824 года—былъ явѣстный въ свое время писатель и публицистъ *Ө. В. Булгаринъ* ¹⁾.

¹⁾ «Подробное историческое извѣстіе о всѣхъ наводненіяхъ, бывшихъ въ Санктпетербургѣ». Спб. 1826, въ 8 д. л., стр. 61—62.

¹⁾ «Литературные листки 1824 года» №№ XXI и XXII.

«День 6-го ноября, предшествовавшій наводненію, былъ самый неприятный. Дждь и пронизательный холодный вѣтеръ съ самого утра, воздухъ съ сыростью. Къ вечеру вѣтеръ усилится и вода значительно возвысилась въ Невѣ. Въ семь часовъ я уже видѣлъ на Адмиралтейской башнѣ сигнальные фонари для предостереженія жителей отъ наводненія. Въ ночь настала ужасная буря: сильныя вѣтры юго-восточнаго ¹⁾ вѣтра потрясали кровли и окна. Стекла звучали отъ плесковъ крупныхъ дождевыхъ капель. Безпечные жители столицы спокойно почивали по дневныхъ трудахъ, не обращая вниманія на буйство стихій. Съ разсвѣтомъ мы увидѣли, что вода чрезвычайно возвысилась въ каналахъ и сильно въ нихъ волновалась. Сначала появились на улицахъ только люди, вышедшіе изъ домовъ своихъ за дѣлами; но около 10 часовъ утра, при постепенной прибыли воды, толпы любопытныхъ устремились на берега Невы, которая высоко воздымалась пѣнистыми волнами и съ ужаснымъ шумомъ и брызгами разбивала ихъ о гранитные берега. Когда жители Адмиралтейской стороны еще не предвидѣли несчастія и съ любопытствомъ смотрѣли на сей грозный феноменъ природы, уже низменныя мѣста, лежащія по берегамъ Финскаго залива и при устьѣ Невы, были затоплены, и жители Галерной гавани, Канонерскаго острова, Гутуевскаго, деревень: Емельяновки, Тентелевой и казеннаго чугунаго завода близъ Екатерингофа, терпѣли бѣдствіе. Невозможно описать того ужаснаго явленія, которому были свидѣтелями люди, бывшіе въ сіе время на берегу Финскаго залива и чудесно спасшіеся отъ погябели. Необозримое пространство водъ казалось кипящею пучиною, надъ которою распростертъ былъ туманъ отъ брызговъ волнъ, гонимыхъ противу теченія и разбиваемыхъ ревущими вихрями. Бѣлая пѣна клубилась надъ водяными громадами, которыя безпрестанно увеличивались, наконецъ, яростно устремились на берегъ. Множество деревянныхъ строеній, подверженныхъ первымъ ударамъ и сильному напору огромной массы воды, не могли противустоять, поколебались въ своемъ основаніи и съ трескомъ обрушились. Люди спасались, какъ могли, въ уцѣлѣвшіе дома, на бревнахъ, плавающихъ крошкѣхъ, поротахъ; нѣкоторые лишились жизни при семъ случаѣ. Весь домашній скотъ и пожитки погибли. Вода безпрестанно прибывала, вѣтеръ усилывался и, наконецъ, возвышеніе воды въ Финскомъ заливѣ простерло бѣдствіе на цѣлый городъ. Навя, встрѣтивъ препятствіе въ своемъ теченіи и не могши излиться въ море, возросла въ берегахъ своихъ, наполнила каналы и чрезъ подземныя трубы хлынула въ видѣ фонтановъ на улицы. Въ одно мгновеніе вода полилась чрезъ края набережныхъ изъ рѣки и всѣхъ кана-

¹⁾ Преобладающая ошибка: вѣтеръ былъ юго-западный, главный Неву вѣститъ; при вѣтрѣхъ восточномъ и юго-восточномъ вода бываетъ на убыли.

ловъ и наводнила улицы. Трудно представить себѣ смятеніе и ужасъ жителей при семъ внезапномъ явленіи. Погреба, подвалы и всѣ нижнія жилища тотчасъ наполнились водою. Каждый спасалъ, что могъ, и выносился на верхъ, оставляя въ добычу водѣ свое имущество. Нѣкоторые, слишкомъ заботливые, при спасеніи вещей и товаровъ, погибли въ погребахъ. Между тѣмъ, толпы народа, бывшаго на улицахъ, бросились въ дома, другіе поспѣшили въ свои жилища; но прибывшая вода принудила ихъ спастись, гдѣ кто могъ. Кареты и дрожки, которыя сперва развѣзжали по водѣ, начали всплывать и спастись на высокихъ мостахъ и по чужимъ дворамъ. Въ первомъ часу пополудни весь городъ (кромѣ Литейной, Каретной и Рождественской частей) залитъ былъ водою, вездѣ почти въ ростъ человѣка, и въ нѣкоторыхъ низкихъ мѣстахъ (какъ напримѣръ, на перекресткѣ Большой Мѣщанской и Вознесенской улицъ, у Каменнаго моста) болѣе нежели на полторы сажени. Видъ съ бельведера дома Котомина былъ ужасный и величественный. Разъяренные волны свирѣпствовали на Дворцовой площади, которая съ Невою составляла одно огромное озеро, излившееся Невскимъ проспектомъ, какъ широкою рѣкою, до самаго Аничковскаго моста. Мойка скрылась отъ взоровъ и соединилась, подобно всѣмъ каналамъ, съ водами, покрывавшими улицы, по которымъ неслись лѣса, бревна, дрова и мебель. Вскорѣ мертвое молчаніе водворилось на улицахъ. Около двухъ часовъ появился на Невскомъ проспектѣ г. военный генералъ-губернаторъ, графъ М. А. Милорадовичъ, на двѣнадцати-весельномъ катерѣ для поданія помощи и ободренія жителей. Нѣсколько малыхъ лодокъ проѣхало по Морской и большой катеръ съ нѣсколькими людьми различнаго званія, спасшимися отъ гибели на берегу Невы, сперва приставалъ къ нашему дому, а послѣ того остановился воулѣ дома Косиковскаго. На другой день этотъ катеръ стоялъ въ Морской улицѣ на мели.

«Но бѣдствія на Адмиралтейской сторонѣ (кромѣ Коломны) не были столь ужасны, какъ въ вышеупомянутыхъ селеніяхъ на берегу Финскаго залива, въ поперечныхъ линіяхъ Васильевскаго острова, близъ Смоленскаго поля, на Петербургской сторонѣ и вообще въ мѣстахъ низкихъ, заселенныхъ деревянными строеніями. Тамъ большая часть домовъ повреждена; иные смыты до основанія; всѣ заборы ниспровергнуты и улицы загромождены были лѣсомъ, дровами и даже хижинами. На многихъ улицахъ, во всѣхъ низкихъ частяхъ города, лежали изломанныя барки и одно паровое судно огромной величины съ завода г. Берда очутилось въ Коломнѣ воулѣ сада митрополита римскихъ церквей Сестренцевича Богуша ¹⁾. На Невѣ всѣ плувучіе мосты сорваны, исключая Сам-

¹⁾ Примѣчаніе В. Н. Верга (стр. 66—67). Надобно воздать особенную благодарность г. флота генералъ-интенданту Василю Михайловичу Головинну († 1831).

соньевскаго и прелестнаго моста, соединяющаго Каменный островъ съ Петербургскою стороною. Всѣ чугунные и каменные мосты уцѣлѣли; но гранитная набережная Невы поколебалась и многіе камни, особенно на пристаняхъ, сдвинуты съ мѣста.

«Въ третьемъ часу по полудни вода начало сбывать; въ 7 часовъ уже стали ѣздить въ экипажахъ по улицамъ, и тротуары во многихъ мѣстахъ сдѣлались проходимыми. Въ ночь улицы совершенно очистились отъ воды, которая снова подчинилась своимъ законамъ теченія, оставивъ плачевные слѣды своего кратковременнаго буйства».

Александръ Павловичъ Вашуцкій¹⁾ описалъ день наводненія болѣе прочувствованно и не менѣе правдиво, хотя въ указаніи направленія вѣтра впалъ въ ту же ошибку какъ и Булгаринъ.

«День 6-го ноября былъ; въ некоторомъ образомъ предвѣстникомъ будущаго несчастія: дождь шелъ съ самаго утра, вѣтеръ былъ рѣзокъ, холоденъ и дулъ съ чрезвычайною силой; къ ночи вода уже значительно возвысилась. Жители города, отвыкшіе отъ наводненій, безопасно отдавали вечеръ разсѣянію, и ночь спокойно провели въ отдыхѣ; самые осторожные полагали, что случайное возвышеніе воды, по обыкновенію, сбудетъ къ утру; къ несчастью, не такъ было. Въ ночь поднялся свѣжій вѣтеръ съ юго-востока; порывы его, съ часу на часъ усиливаясь, превратились въ ужасную бурю. Къ исходу десятаго часа послѣ полуночи, я вышелъ на берегъ Невы противъ Зимняго дворца; толпы народа стояли на гранитной набережной, о которую съ шумомъ разбивались волны, непрерывно гонимыя бурей; выраженіе какого-то недоумѣнія, удивленія или любопытства, замѣняло на лицахъ зрителей страхъ или робость: такъ мало предвидѣли они мѣру близкаго и неотразимаго несчастія. Вскорѣ вода брызнула изъ подземныхъ трубъ, потомъ хлынула чрезъ гранитные затворы рѣкъ и каналовъ, и съ смутнымъ шумомъ, широкими волнами полилась по улицамъ (кромѣ Литейной, Каретной и Рождественской частей). Я не могъ уже пройти въ Большую Морскую, въ домъ военнаго генераль-губернатора, но изъ оконъ Зимняго дворца попеременно видѣлъ ужасныя дѣйствія разъяренной стихіи, на площади противъ дворца, на Невѣ, въ Большой Миліонной, и на сторонѣ, къ Адмиралтейству обращенной.

ва благовременное поднятіе камелей на берегъ. Ежели бы сіи два огромные ковчега оставались еще на рѣкѣ, то 7-го ноября сорвало бы ихъ съ якорей, понесло бы между 7-ю и 8-ю линіями, куда вѣтеръ и теченіе стремились съ великою силою и сокрушило бы большую часть домовъ по сей улицѣ находящихся. Не говорю, во чтобы стали разломка и новая постройка, ибо стащить ихъ на воду едва ли возможно было.

¹⁾ Умеръ въ исходѣ 1860 годовъ, даровитый и трудолюбивый писатель, въ 1847—1848 г. редакторъ «Иллюстраціи», въ 1824 г. былъ адъютантомъ графа М. А. Милорадовича.

Зрѣлища сего описать невозможно. Зимній дворецъ, какъ скала, стоялъ среди бурнаго моря, выдерживая со всѣхъ сторонъ натискъ волнъ, съ ревомъ разбивавшихся о крѣпкія его стѣны, и орошавшихъ ихъ брызгами почти до верхняго этажа; на Невѣ вода кипѣла какъ въ котлѣ, и съ неимовѣрною силой обратила вспять теченіе рѣки; набережные дома казались парусами кораблей, нырявшихъ среди волнъ; всѣ мосты были сорваны и разнесены на части; два тяжелыя флашкоута сѣли на гранитный парапетъ противу Лѣтнаго сада; барки и другія суда съ быстротою молніи неслись какъ щепки вверхъ по рѣкѣ; отчаянные люди, съ распростертыми руками, въ оцѣпенѣніи ожидали неминуемой гибели; огромныя массы гранита были сдвинуты съ мѣста или вовсе опрокинуты.

«На площади противъ дворца другая картина: подѣ небомъ, почти чернымъ, темная зеленоватая вода вертѣлась какъ въ огромномъ водоворотѣ; по воздуху, высоко и быстро крутясь, носились широкіе листы желѣза, сорванные съ крыши новаго строенія Главнаго штаба: буря играла ими какъ пухомъ; два длинные деревянные тротуара, поперегъ между заборовъ недоконченнаго зданія сдѣлали плотину, на которую волны упирали съ ревомъ и, достигнувъ высоты ея, полились въ Малую Миліонную. Въ Большую Миліонную чрезъ узкій переулочъ, выходящій на Неву, вдвинуло водою огромную барку, перегородившую улицу. Люди, застигнутые водою, лѣзали въ окна, на фонари, цѣплялись за карнизы и балконы домовъ, прятались на вершинахъ деревь, посаженныхъ вокругъ бульваровъ, садились на имперіялы каретъ; лошади тонули въ запряжкѣ. По Невѣ плыли брусъя краснаго дерева, ящики и тюки съ товарами; у 1-го Кадетскаго корпуса стояла барка съ сѣномъ, возлѣ зданія 12 Коллегій такихъ же двѣ. По линіямъ разметаны были барки съ дровами и угольемъ; къ балкону одного дома прибило два большія транспортныя судна, два таковыя же внесло въ переулочъ; часть разбитаго сельдянаго буяна занесена была бурей изъ 4-го квартала Васильевской части на Петербургскую сторону, гдѣ, близъ Троицкой церкви, стояло нѣсколько барокъ съ огромнымъ грузомъ: по улицамъ 1-й Адмиралтейской части плавали могильные кресты, занесенные съ кладбищъ, на чрезвычайно далекомъ разстояніи расположенныхъ!..

«Но что значили бѣдствія Адмиралтейской стороны (кромя Коломны) въ сравненіи съ зарѣчными частями города, близко къ заливу лежащими, или съ мѣстами, по берегамъ онаго расположенными, гдѣ вода доходила до 16 футъ! Здѣсь не предвидѣли еще грозной опасности, а тамъ—въ Гавани, на Канонерскомъ и Гутуевскомъ островахъ, въ Екатерингофѣ, въ деревняхъ Тентелевой, Емельяновкѣ, Афтовой, и на Чугунномъ заводѣ, терпѣли бѣдствіе, при одномъ воспоминаніи котораго сердце невольно содрогается!!

Зрѣлища уничтоженія и гибели были наиболѣе ужасны на Чугунномъ заводѣ: съ самаго начала наводненія, рабочимъ позволено было возвратиться въ свои жилища, отдѣльно отъ завода расположенныя; но быстрота прибывавшей воды уже препятствовала имъ достигнуть до оныхъ; спасая собственную жизнь на крышахъ и въ верхнемъ жилѣ завода, сіи несчастные должны были видѣти потерю своей собственности и—что еще ужаснѣе!—смерть женъ и дѣтей, гибнувшихъ почти передъ ихъ глазами, не имѣя возможности подать имъ какую-либо помощь!

«Въ два часа с.-петербургскій военный генералъ-губернаторъ, графъ М. А. Милорадовичъ, на 12-весельномъ катерѣ появился на Невскомъ проспектѣ; многіе частные люди на лодкахъ выѣхали на улицы, по коимъ несчастные были спасаемы ими. Въ началѣ третьяго, вода пошла на убыль, а къ ночи улицы совершенно освободились отъ оной».

Самуилъ Ивановичъ Аллеръ ¹⁾, какъ житель Смольнаго монастыря не можетъ назваться очевидцемъ наводненія: онъ только компилировалъ рассказы другихъ, или пользовался официальными документами. Тѣмъ не менѣе его нельзя миновать при выдержкахъ изъ рассказовъ о 7-го ноября 1824 года.

«Еще 6-го ноября, особенно къ вечеру, сильный юго-западный вѣтеръ, вздымавшій ужасными порывами своими воду въ рѣкахъ и каналахъ Петербурга, до самыхъ береговъ, казалось предвѣщалъ столицѣ грозное бѣдствіе. Но большая часть оной, какъ юные воины на полѣ брани, не испытавъ еще опасности, оставались спокойными зрителями, тѣмъ больше, что къ ночи вѣтеръ сталъ нѣсколько утихать; не смотря на то, однакожъ, зажженные фонари, для означенія необыкновеннаго возвышенія воды, съ Адмиралтейской башни не были снимаемы и пушечные выстрѣлы слышны были неоднократно въ продолженіе ночи. 7-го числа рано по утру, вѣтеръ сильно началъ увеличиваться, а въ 10 часу превратился въ ужасную бурю, которая не токмо срывала крыши съ домовъ и вырывала большія деревья съ корнями, но даже обратила естественное теченіе самой Невы въ противную сторону. Въ то время было до 6 град. тепла по Реомюрову термометру; барометръ опустился чрезвычайно низко, почти до 27 д., а воздухъ сдѣлался весьма густъ.

«Въ 10 часовъ вода начала выступать изъ береговъ, а въ началѣ 12 часа наводнились уже двѣ трети города, и только большая половина Литейной и Московской части, также Каретная и Рождественская, кромѣ нѣкоторыхъ прибрежныхъ мѣстъ, оставались невалитыми водою. Такимъ образомъ, вода съ чрезмѣрною скоростью возвышалась до 3 часа. Между тѣмъ, не многіе пред-

¹ Родился въ 1788, умеръ въ ноябрѣ 1860 года, авторъ первой книги посвященной описанію наводненія.

видѣли предстоявшее несчастье; иные смотрѣли съ любопытствомъ, какъ вода изъ рѣшетокъ подземныхъ трубъ била фонтанами; другіе, примѣчая постепенное возвышеніе оной, вовсе не заботились о спасеніи собственности и даже жизни своей, пока, наконецъ, вдругъ въ улицы со всѣхъ сторонъ не хлынула вода, которая заливала экипажи, потопила нижнія жилия домовъ, ломала заборы, разрушала мостки, крыльца, фонарные столбы и несущимися обломками выбивала не только стекла, но даже самыя рамы, двери, перилы, ограды и проч. Тогда всеобщее смятеніе и ужасъ объяли жителей. Никто не зналъ за что ввязаться: ибо рѣдкій находился тамъ, гдѣ ему надлежало быть. Въ полдень улицы представляли уже быстрыя рѣки, по коимъ носились барки, гальоты, гауптвахты, будки, крыши съ домовъ, дрова, всякій хламъ, трупы домашняго скота и проч.

«Среди порывовъ ужасной бури, повсюду слышны были крикъ отчаянный людей, ржанье коней, мычаніе коровъ, вой собакъ. Въ сіе самое время изъ середины города придворные конюхи и служители частныхъ людей спѣшили въ бродъ на возвышенную часть онаго для спасенія сихъ животныхъ. Многіе, особенно прѣбавшіе, извозчики, торгующіе крестьяне и прочаго званія люди, бывъ застигнуты внезапнымъ наводненіемъ на улицахъ и площадяхъ и не зная высшей части города, стремились для спасенія себя и лошадей своихъ туда, гдѣ вода по низости мѣста была гораздо выше и гдѣ они дѣлались жертвою яростныхъ волнъ. Домашній скотъ, преимущественно лошади, находясь на волѣ не на привязи, спасался самъ, гдѣ только могъ примѣтить возвышеніе, напротивъ того бывший въ конюшняхъ и хлѣвахъ, коего не успѣли изъ сего заключенія освободить, большею частью погибъ, особенно отъ того, что повсюду полы, не прибитые гвоздями, были силою воды подняты и несчастныя животныя проваливались. Во многихъ домахъ вторые и третьи этажи представляли конюшни.

«Вскорѣ люди начали ѣздить по улицамъ на шляпкахъ, лодкахъ, катерахъ и даже плотахъ для спасенія утопавшихъ; но вѣтеръ былъ такъ силенъ, что собственная ихъ жизнь была въ опасности, и они сами принуждены были искать спасенія на дворахъ, изъ коихъ нѣкоторые, будучи окружены большими строеніями и находясь въ защитѣ отъ вѣтра, служили имъ какъ бы гаванью. По разлитіи воды Исаакіевскій мостъ, представлявшій тогда крутую гору, былъ силою бури разорванъ на части, которыя понеслись противъ теченія рѣки въ равныя стороны, такъ что нѣсколько плашкотовъ онаго съ находившимися въ то время на нихъ людьми, взошли на возвышенный берегъ Адмиралтейства. Большая часть прочихъ мостовъ не устояли также противъ ужасной бури.

«Нева разъяренная представляла страшную и плачевную картину. По ней неслись съ Васильевского острова къ Охтѣ барки съ сѣномъ, дровами, угольями, плоты бревенъ, гальоты, разныя

суда и обломки строеній, на коихъ погибавшіе съ распростертыми руками молили о спасеніи. Даже по нѣкоторымъ улицамъ видны были подобныя суда съ грузомъ; плившіе по онымъ дрова, бревна, доски и прочіе строительные матеріалы покрывали въ иныхъ мѣстахъ всю поверхность воды. Самое же ужаснѣйшее зрѣлище было въ Галерной гавани и на казенномъ чугунномъ заводѣ. Въ гавани многіе дома могли бы еще устоять противъ ярости волнъ и вѣтра, еслибъ не претерпѣли величайшаго вреда отъ большихъ судовъ, носившихся тамъ съ такою быстротою, что и твердые дома, на кои они находили, мгновенно разрушались, и многіе люди, коихъ жилища такимъ образомъ сносились, спасали жизнь свою на тѣхъ же самыхъ судахъ, отъ которыхъ претерпѣвали толь ужасное бѣдствіе. Однакожъ, тѣ дома, кои были подъ защитою большихъ деревьевъ, уцѣлѣли наружностію своею болѣе нежели другіе, стоявшіе на открытыхъ мѣстахъ. Отъ купеческой биржи и другихъ торговыхъ мѣстъ плыли брусья краснаго дерева, бочки и тюки съ товарами. Съ Смоленскаго кладбища, гдѣ были разрушены самыя твердые памятники съ желѣзными оградами, неслись во множествѣ деревянные кресты съ могилахъ и проч.

«И такъ вода прибывала до 2 часовъ и каждымъ дюймоу увеличивала отчаяніе уstraшенныхъ жителей, какъ вдругъ барометръ неожиданно поднялся до 30 д. и вода пріостановилась на четверть часа; а въ четверть третьяго начала вдругъ сбывать гораздо съ большею скоростію, нежели съ какою прибывала. Нельзя описать чрезвычайной радости жителей, они возносили одѣ теплыя молитвы ко Всевышнему за его милосердіе.

«Вслѣдъ за симъ настгла ночная темнота, и въ тотъ вечеръ невозможно было еще узнать о всѣхъ бѣдствіяхъ сего памятнаго и рокового дня, кои представлялись жителямъ не столь ужасными, каковыми они были на самомъ дѣлѣ. Едва, однакожъ, уменьшилась нѣсколько вода, какъ возникло, не смотря на темноту, сообщеніе по улицамъ; тѣ, коихъ вода застигла на дорогѣ или кои принуждены были искать спасенія своего въ незнакомыхъ домахъ, отправились еще по поясъ въ водѣ къ жилищамъ своимъ, чтобы обрадовать домашнихъ своихъ, или пѣшкомъ или на такихъ экипажахъ, какіе только могли найти по дорогѣ. Но что было вѣрнѣе и безопаснѣе идти пѣшкомъ по водѣ или ѣхать на чемъ-нибудь? Улицы были завалены всякимъ хламомъ, плававшимъ по водѣ, а среди самыхъ мостовыхъ у рѣшетокъ надъ подземными трубами сдѣлались прососы, въ кои проваливались экипажи съ лошадьми... При томъ не было никакой возможности засвѣтить по улицамъ фонари: ибо тѣ изъ нихъ, кои были прикрѣплены къ стѣнамъ домовъ, повредились отъ вѣтра, а другіе, находившіеся на особыхъ деревянныхъ столбахъ, были или опрокинуты или даже снесены водою.

«На другой день рано по утру народъ уже толпился по тѣмъ

улицамъ, гдѣ взорамъ онаго представлялись слѣды столь разрушительнаго и ужаснаго дня. По всѣмъ сторонамъ видны были кружки людей, внимательно съ сокрушеніемъ слушавшихъ извѣстія о всѣхъ влосчастіяхъ послѣ наводненія. Вскорѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что наиболѣе потерпѣли: большая часть Васильевскаго острова, Коломна, Екатерингофъ... Почти во всѣхъ сихъ мѣстахъ остались только кое-гдѣ заборы; строенія же, какъ жилия, такъ и нежилая, почти всѣ повреждены болѣе или менѣе, смотря по мѣстному ихъ положенію, а нѣкоторыя изъ нихъ даже совсѣмъ не найдены на мѣстахъ. Конечно, въ Адмиралтейскихъ частяхъ и вездѣ, гдѣ строенія каменные, сіе наводненіе не имѣло столь пагубныхъ послѣдствій, однако, потопленіе всего нижняго жилья, разнаго рода магазиновъ, лавокъ, лабазовъ и погребовъ, изъ коихъ не было возможности въ столь короткое время спасти товары и запасы, нанесло несмѣтныя потери въ торговомъ и хозяйственномъ отношеніи.

«На другой день Галерная гавань представляла видъ ужаснѣйшихъ развалинъ: тамъ большія суда и гальоты лежали во множествѣ по улицамъ и дворамъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ были ряды домовъ, сдѣлались площади, поперекъ улицъ стояли и лежали снесенные дома и крыши; разными обломками и домашнею утварью была большая часть улицъ такъ завалена, что почти не было возможности пройти, со всѣхъ сторонъ подъ грудями развалинъ видны были трупы людей и домашняго скота. Множество животныхъ лежали полумертвыми отъ усталости послѣ борьбы съ волнами. По всѣмъ линіямъ разбросаны были заборы, палисады, мостки и даже въ нѣкоторыхъ брусья краснаго дерева; берега же Невы были завалены судами, будками и равнымъ хламомъ... Въ Чекушахъ, гдѣ снесено множество домовъ, преимущественно повреждены были кожевенные заводы. Въ иныхъ мѣстахъ сдѣлалась такая перемѣна, что трудно было узнать и самую знакомую улицу, даже мѣсто жительства своего. Тамъ люди принуждены были спастись на плоткахъ, кои сколачивали они изъ обломковъ строенія»...

Слѣдующій разговоръ одного изъ нашихъ повѣйшихъ историковъ ¹⁾ изображаетъ намъ страданія и личныя впечатлѣнія императора Александра I.

«Нева, выступивъ изъ береговъ, разлилась по улицамъ и площадямъ столицы; угрожая людямъ, нарушившимъ тишину и необитаемость ея негостепріимыхъ береговъ, всеобщимъ разрушеніемъ и уничтоженіемъ. Обломки деревянныхъ домовъ и утвари носились по улицамъ; катера спасали людей. Населеніе было въ страшной агоніи; видѣли ясно, что если морской вѣтеръ продолжится еще часа два, то городъ погибъ. Провидѣніе, на этотъ разъ, отклонило гибель; вѣтеръ началъ стихать и перемѣнять на-

¹⁾ Е. П. Ковалевскій, «Графъ Влудовъ и его время». Спб. 1866, стр. 150—152.

правление: вода убыла; но бѣдствія, которыя она оставила за собою, были огромны.

«Государь, въ порывѣ своей сострадательной души, работалъ неуспынно, какъ во время наводненія, такъ и послѣ него, посѣщая жилища бѣдняковъ и принося имъ помощь вещественную и утѣшеніе. Едва вода на столько стекла, что можно было проѣхать по улицамъ, онъ отправился въ Галерную. Тутъ страшная картина разрушенія предстала передъ нимъ. Видимо пораженный, онъ остановился и вышелъ изъ экипажа; нѣсколько минутъ стоялъ онъ непродвигая ни слова; слезы медленно текли по щекамъ; народъ обступилъ его съ воплемъ и рыданіемъ: «за наши грѣхи Богъ насъ караетъ»,—сказалъ кто-то изъ толпы.—«Нѣтъ, за мои!»—отвѣчалъ съ грустію государь; самъ распорядился о временномъ приютѣ и пособіи пострадавшимъ, оставивъ для исполненія и наблюденія одного изъ своихъ генераль-адъютантовъ, и отправился на Литейный заводъ. Онъ подѣхалъ къ уцѣлѣвшему зданію, вокругъ котораго толпился народъ, и, вошедши въ него, увидѣлъ другого рода картину: на полу и нарахъ лежали двѣнадцать или болѣе труповъ, иные уже въ гробахъ, другіе ожидали еще своего вѣчнаго помѣщенія. Государь и тутъ нѣсколько времени оставался. Онъ какъ будто намѣренно пыталъ себя этимъ зрѣлищемъ, чтобы внутренними муками искупить тотъ грѣхъ, который создало его мрачное воображеніе. Какъ бы то ни было, но народъ опять увидѣлъ въ немъ прежняго своего Александра; подавленная любовь выразилась съ новой силой.

«Двѣ эпохи въ жизни Александра особенно способствовали къ тому, чтобы соединить существованіе его съ существованіемъ народа и утвердили многочисленныя связи ихъ сопрягавшія. Эпохи сіи суть—событія въ 1812 и бѣдствіе Петербурга въ 1824 г. Тутъ онъ является героемъ своего отечества, мужественнымъ защитникомъ своего народа, его подпорою и спасителемъ». Эти слова принадлежатъ С. С. Уварову, который былъ однимъ изъ исполнителей воли Александра во время бѣдствій 1824 года.

«На воспримчивую душу Александра это событіе имѣло важное вліяніе; въ ней долженъ былъ совершиться переломъ къ прежней энергіи, которая уже и начала было проявляться. Къ несчастію, оно не осталось также безъ послѣдствій на его здоровье; не смотря на крѣпость свою, оно не могло безъ ущерба выдержать столько потрясеній нравственныхъ, такихъ трудовъ и усилій физическихъ».

И. И. Мартыновъ, въ письмахъ своихъ о наводненіи, рассказываетъ о посѣщеніи государемъ Чугуннаго завода, говорить:

«Какими потоками слезъ орошалъ ангелъ нашъ, при воплѣ и рыданіи окружавшихъ его несчастливцевъ, пережившихъ наводненіе; какъ онъ утѣшалъ ихъ—самъ неутѣшимый!..»

Александръ смотрѣлъ на ужасы наводненія съ балкона Зимняго дворца и такъ изобразилъ его Пушкинъ:

«И въ думѣ, скорбными очами,
 «На злое бѣдотвѣе глядѣлъ:
 «Стояли стогна озерами
 «И въ нихъ, широкими рѣками
 «Виввались улицы. Дворецъ
 «Казался островомъ печальнымъ...»

Сохранилось преданіе будто мимо дворца неслись по волнамъ колыбель съ плачущимъ младенцемъ и гробъ (быть можетъ пустой). Это было какъ бы напоминаніемъ императору о таинственной, пророческой связи наводненій съ его рожденіемъ и кончиною. Благодаря энергическимъ распоряженіямъ графовъ Милорадовича, Комаровскаго, Бенкендорфа, и другихъ административныхъ лицъ, усердно исполнявшихъ повелѣнія императора, много было спасено несчастныхъ отъ неминуемой смерти. Личное участіе Александра въ подавіи помощи погибавшимъ было бы напраснымъ рискомъ здоровья и собственной его жизни: главнокомандующій не дерется съ непріятелями наряду съ солдатами... Но со слѣдующаго же дня, цѣлую недѣлю, государь посѣщалъ мѣста разворенныя наводненіемъ, утѣшая пострадавшихъ и помогая имъ. О впечатлѣніяхъ своихъ императоръ передавалъ самъ графу Евграфу Федотовичу Комаровскому ¹⁾, временному генералъ-губернатору Петербургской части и одному изъ главныхъ дѣятелей въ выдачѣ пособій и облегченія участи пострадавшимъ.

«8-го ноября,—рассказываетъ онъ,—на другой день наводненія, я получаю записку отъ бывшаго тогда начальникомъ главнаго штаба его величества генералъ-адъютанта Дибича, чтобы я въ три часа послѣ обѣда явился въ комнаты государя. Послѣ меня пріѣхали генералъ-адъютанты: Деллерадовичъ и Бенкендорфъ. Намъ позвали немедленно въ кабинетъ императора. Государь намъ сказалъ: «Я призвалъ васъ, господа, чтобы вы подали самую скорую и дѣятельную помощь несчастнымъ, пострадавшимъ отъ ужаснаго вчерашняго происшествія», — и у него примѣтны были слезы на глазахъ. «Я увѣренъ, что вы раздѣляете мои чувства состраданія», — и продолжалъ говорить съ такимъ чувствительнымъ краснорѣчіемъ, что мы сами были чрезвычайно тронуты. «Я назначаю васъ,—присовокупилъ императоръ,—временными военными губернаторами варьчныхъ частей города, что вы увидите изъ сегодняшняго приказа. Вотъ вамъ инструкція наскоро составленная; сердца ваши ее дополняютъ. Поѣзжайте отсюда прямо къ министру финансовъ, который имѣетъ повелѣніе выдать каждому изъ васъ по 100.000

¹⁾ «Русскій Архивъ» 1867 г., стр. 1296—1299. Графъ родился 18-го ноября 1769, скончался 18-го октября 1848 года.

«истор. вѣстн.», сентябрь, 1888 г., т. XXXIII.

рублей на первый случай». Мы вышли изъ кабинета государя восхищенные тѣмъ, что слышали и сказали: «жаль, если разговоръ сей не сохранится для потомства, ибо онъ изобразилъ бы императора Александра таковымъ, каковъ онъ точно есть и послужилъ бы лучшимъ панегирикомъ его небесной души; но останется памятникомъ начертанная собственною его величества рукою инструкція, государемъ намъ данная, въ коей видна его нѣжная и отеческая попечительность о несчастныхъ, пострадавшихъ отъ наводненія и въ коей ничего не было упущено къ услажденію ихъ плачевной участи.

«Генераль-адъютантъ Депперадовичъ назначенъ былъ военнымъ губернаторомъ въ Выборгскую часть, я — на Петербургскую сторону, а Бенкендорфъ — на Васильевскій островъ. Мы въ тотъ же вечеръ получили опредѣленную сумму. Мое мѣстопробываніе было назначено въ домъ коменданта крѣпости, куда я и отправился ночевать. Мы подчинены были военному генераль-губернатору графу Милорадовичу, которому и должны были дѣлать наши донесенія; но находящаяся мѣстная полиція и квартировавшія въ этой части города войска состояли подъ непосредственнымъ нашимъ начальствомъ.

«Между тѣмъ, учреждены были и на адмиралтейской сторонѣ частные комитеты, которыхъ предсѣдателями были гг. сенаторы. Эти комитеты были подчинены центральному комитету подъ предсѣдательствомъ князя Алексѣя Борисовича Куракина. Мы также учредили при себѣ комитеты изъ особъ, пользующихся наиболѣе уваженіемъ обывателей той части города.

«На другой день моего пріѣзда на Петербургскую сторону, къ которой присоединены были Каменный и Аптекарскій острова, я побѣхалъ осматривать оную, и никакъ не могъ представить себѣ такого опустошенія, каковое я нашелъ повсемѣстно. Всѣ заборы были снесены, всѣ мосты, даже черезъ каналы, раздѣляющіе улицы, сорваны, такъ что никакого сообщенія между ними не было; множество фонарей и нѣсколько будокъ были истреблены водою. По сдѣланному послѣ счету до 160 барокъ разной величины и нѣсколько галіотовъ находились на улицахъ. Извѣстно, что на Петербургской сторонѣ, всѣ почти обывательскіе дома деревянные въ одинъ этажъ, кромѣ Большого проспекта, во всѣхъ этихъ домахъ вѣтромъ разбило стекла, а вода разрушила печи, особенно въ слободкѣ называемой Колтовской; на берегу взморья вода была вышиною въ три аршина. Тамъ многіе ветхіе дома совсѣмъ были снесены. Жителей, по самымъ вѣрнымъ свѣдѣніямъ, погибло на Петербургской сторонѣ до 90 душъ обоого пола. Я не зналъ сначала за что приняться. Пріѣхавъ въ Колтовскую и увидя множество жителей безъ пріюта и безъ пищи, я приказалъ, на первый случай, кое-какъ ихъ размѣститъ по сосѣдямъ, и роздалъ лично болѣе нуж-

дающимъ до 2,500 рублей; призвалъ къ себѣ священниковъ и церковныхъ старость и далъ имъ деньги, чтобы по ихъ усмотрѣнью, они подавали всякій день милостыню бѣднымъ и нищимъ; послалъ отыскать стекольщиковъ и печниковъ, но, къ несчастію, какъ оно было уже въ глубокую осень, и всѣ мастерове разошлись по своимъ деревнямъ, то и посланы были нарочные, чтобы воротить ихъ всѣхъ назадъ, и въ нихъ уже не было болѣе недостатка. Комитетъ, при мнѣ находившійся, состоялъ изъ шести членовъ: четверо было изъ дворянъ, а двое купцовъ. Петербургская сторона раздѣлена (была) на четыре квартала, первый кварталъ порученъ былъ сначала коллежскому асессору Львову, а потомъ, Мельяну; второй—коллежскому совѣтнику Агаѣонову; третій—купцу Шубину; четвертый—купцу же Шулъгину. Дѣйствительному статскому совѣтнику Кермпиковскому поручены были Каменный и Аптекарскій острова, а дѣйствительный статскій совѣтникъ Лагода находился въ комитетѣ и получалъ отъ меня иногда особыя порученія. Сверхъ того, въ каждомъ кварталѣ учреждены были особыя комитеты, въ которыхъ члены находились извѣстные своимъ хорошимъ поведеніемъ изъ мѣщанъ и изъ ремесленниковъ. Эти квартальные комитеты назначены были въ помощь члену частнаго комитета, которому ввѣренъ былъ кварталъ. Изъ обывателей избраны были надежные и честные люди, которые раздавали въ каждомъ кварталѣ пищу, состоявшую въ скоромные дни изъ щей съ говядиной, а въ постные изъ кашицы со снѣтками, гречневой каши и хлѣба съ солью. При всякомъ изъ сихъ раздателей находился офицеръ внутренней стражи, съ двумя рядовыми, для порядка. Сначала раздавалось ежедневно пиши до 2,000 порцій, а когда устроены были печи въ домахъ бѣдныхъ, то отпускали имъ дрова и муку. При гарнизонномъ баталіонѣ, расположенномъ на Петербургской сторонѣ, учреждена была швальня, въ которой шили: армяки, тулупы и раздавалась также прочая одежда и обувь, какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ. Этимъ завѣдывалъ баталіонный командиръ, полковникъ Елистратовъ. Стронительная часть поручена была находившемуся при штабѣ моемъ квартирмейстерской части подпоручику барону Корфу и архитектору Беретти, жившему на Петербургской сторонѣ. Восстановленіе фонарей, будокъ и заборовъ возложено было на находившагося при мнѣ по особымъ порученіямъ майора Кельчевскаго. Канцелярію мою управлялъ штабъ-офицеръ майоръ Репешко; равно и адъютанты мои Жеребцовъ, графъ Толстой и Варонковскій были употреблены по разнымъ предметамъ. Обязанность членовъ комитета была: всякой день обходить по утру и во всякомъ домѣ осматривать поврежденія слѣланная водою; войти въ состояніе хозяина дома, а также находившихся въ ономъ жильцовъ и, соразмѣрно потери ихъ, назначать вспомошествованія, сначала самыя необходимыя, ибо эти вспо-

моществованія возобновлялись нѣсколько разъ, соразмѣрно суммѣ находившейся въ распоряженіи комитета. Всякое послѣ объѣда всѣ члены собирались у меня и мы, въ общемъ засѣданіи, разсматривали представленныя членами комитета списки и назначали денежныя пособія, которыя члены получали подъ свои росписки тотчасъ и на другой день раздавали по принадлежности, и, такимъ образомъ, это повторялось каждый день. Мнѣ казалось, что это былъ наилучшій способъ доставлять пособія. На третій день моего на Петербургской сторонѣ пребыванія, 10-го ноября, посетилъ меня государь. Наканунѣ того дня присланы были дрожки въ одну лошадь съ кучеромъ съ императорской конюшни, чтобъ находиться въ нанятой у самого перевыза квартирѣ. Я встрѣтилъ государя, какъ онъ изволилъ выходить изъ катера. Его величество началъ рассказывать мнѣ, что наканунѣ былъ свидѣтелемъ зрѣлища ужаснаго. На четвертой верстѣ петергофской дороги находился казенный литейно-чугунный заводъ, состоявшій у самаго взморья; деревянные казармы были построены для жительства рабочихъ людей, принадлежавшихъ къ заводу. Въ девять часовъ утра 7-го ноября, вѣтеръ сталъ подниматься, вода прибывать; ударили въ колоколъ, чтобъ распустить съ работы людей; всѣ бросались къ своимъ жилищамъ, но уже было поздно,—вода, съ такою скоростью прибывала, что этимъ несчастнымъ невозможно было достигнуть казармъ, гдѣ находились ихъ жены и дѣти, и, вдругъ, большую часть сихъ жилищъ понесло въ море. Каково же было положеніе этихъ бѣдныхъ людей, видящихъ ихъ семейства погибающими и не имѣющихъ способовъ подать имъ малѣйшую помощь,—примѣтно было, что государь внутренно страдалъ, рассказывая объ этомъ ужаснѣйшемъ происшествіи и присовокупить изволилъ: «Я бывалъ въ кровопролитныхъ сраженіяхъ, и видалъ мѣста послѣ битвы, покрытыя бездушными трупами, слышалъ стоны раненыхъ, но это неизбѣжный жребій войны; а тутъ, увидѣлъ людей, вдругъ, такъ сказать, осиротѣвшихъ, лишившихся въ одну минуту всего, что для нихъ было любезнѣе въ жизни; это ни съ чѣмъ сравниться не можетъ». Потомъ, государь, сѣлъ на дрожки и я поѣхалъ впередъ. Сначала я повезъ его величество къ Тучкову мосту; тутъ, посреди проспекта стоялъ преогромный галіотъ, такъ, что мы принуждены были сойти съ дрожекъ и идти пѣшкомъ. Государю хотѣлось видѣть второй кадетскій корпусъ, но когда мы вышли на берегъ Невы, то все парадное мѣсто покрыто было барками, бревнами и такимъ множествомъ дровъ, что и пѣшкомъ шагу впередъ было сдѣлать невозможно. Между тѣмъ, императоръ у меня спрашивалъ, что я успѣлъ сдѣлать въ это короткое время, и, кажется, отвѣтомъ моимъ былъ доволенъ; приказывалъ, чтобъ я ничего не щадилъ для призрѣнія бѣдныхъ. Потомъ, кое-какъ, мы пробрались на Каменно-островскій проспектъ; тутъ открылось намъ необозримое поле ого-

родовъ, и мы могли добхать только до Карповки, ибо мость черезъ оную былъ сорванъ; но Бетанкуровъ мость на Каменный островъ уцѣлѣлъ. Государь сошелъ съ дрожекъ и сказалъ мнѣ: «Какое ужасное опустошеніе. Ну, братъ, тебѣ предстоитъ много труда. Я почти не узнаю»,—продолжалъ его величество,—«проспектъ, по которому я столько лѣтъ безпрестанно ѣзжалъ!». Что болѣе всего удивило государя, это двѣ преогромныя барки съ углями, въ коихъ находилось нѣсколько тысячъ четвертей онаго (?), приведенныя за нѣсколько дней до наводненія, для Монетнаго двора. Эти барки стояли подлѣ ограды деревянной церкви св. Троицы, и вышиною своею равнялись почти съ нею. Государь, осыпавъ меня, по обыкновенію, милостивыми привѣтствіями, изволилъ на катерѣ возвратиться во дворецъ, обѣщавъ еще скоро меня посѣтить. Мнѣ сказывали послѣ, что священникъ служилъ обѣдню въ церкви св. Троицы, при чемъ находилось и нѣсколько молещичиковъ; когда вѣтеръ усилился и понесло барки съ углями прямо на ограду, вдругъ сдѣлалось темно; между тѣмъ, вода начала входить въ церковь. Священникъ предложилъ всѣмъ находившимся въ оной исповѣдаться и причаститься, полагая, что эти барки, ударясь о церковь разрушатъ ее, и что смерть ихъ неизбежна; но, къ счастью, въ оградѣ было нѣсколько большихъ березъ, которыя, вѣроятно, остановили стремленіе барокъ до тѣхъ поръ, какъ начала вода убывать».

Страшно было на Петербургской сторонѣ, но на долю Васильевскаго острова досталась чаша горя переполненная черезъ край; здѣсь, богачи-негоціанты и биржевики теряли милліоны въ видѣ товаровъ, хранившихся въ биржевыхъ сараяхъ, кладовыхъ и въ таможенныхъ пакгаузахъ; бѣдняки лишались послѣдняго имущества! Наводненіе не пощадило даже «послѣднихъ жилищъ» и съ особеннымъ неистовствомъ свирѣпствовало на Смоленскомъ кладбищѣ. Приводимъ разсказъ о томъ о. С. И. Златовича изъ его историческаго очерка¹⁾.

«Со страшною силою вода хлынула на кладбище и поднялась надъ нимъ почти на 10 футовъ. Всѣ кладбищенскіе заборы были снесены, мосты и мостки уничтожены; кресты съ могилъ унесены на Выборгскую сторону, гдѣ, въ морскомъ госпиталѣ всю зиму крестами топили печи. Земляныя насыпи на могилахъ смыты; каменные и металлическія надгробныя плиты сдвинуты съ мѣста и занесены землею. Даже большая часть памятниковъ была свалена, частію напоромъ волнъ, частію паденіемъ вырванныхъ съ корнемъ и сломанныхъ деревьевъ. Деревянная церковь Архистратига Михаила, въ 1818 году совершенно перестроенная духовникомъ госу-

¹⁾ «Русская Старина», изд. 1873 г., т. VIII, стр. 190—191.

даря протопресвитеромъ Криницкимъ¹⁾, была размыта до такой степени, что послѣ наводненія служить въ ней не было возможности. Въ большой церкви вода влилась въ подвалъ и уничтожила хранившіеся тамъ церковныя книги, документы и подняла полъ²⁾. Вода прошла и въ богадѣльню и затопила ее. Три старушки думали спастись на печкѣ и потонули³⁾. Другіе убѣжали на чердакъ и тамъ спаслись; но ихъ убогіе пожитки всѣ унесены водою. Въ богадѣльнѣ вода сломала деревянную галлерею, размыла печи, испортила полы. Всѣ кладбища всѣ заборы, сарай, деревянныя избушки для огородниковъ—были размыты, сломаны, унесены. Унесло водою и траурное заведеніе: поплыли дроги, плащи, шляпы, попоны... Въ сѣверной сторонѣ одного каменнаго дома образовались трещины и самая стѣна отъ дома отдѣлилась. Вообще, послѣ наводненія, все Смоленское представляло картину полного разрушенія»...

Государь посѣтилъ Смоленское кладбище на четвертый день послѣ наводненія, о чемъ сохранился въ церковныхъ книгахъ слѣдующій рапортъ къ благочинному:

«Сего ноября 11 числа въ четвертомъ часу по полудни, его императорское величество всемилостивѣйшій нашъ государь императоръ Александръ Павловичъ, обзрѣвая водою разворенныя жилища, благоволилъ всемилостивѣйше посѣтить и наше кладбище. Взшедъ въ церковь, помолился иконамъ, оглянулъ церковь и, въ болѣзнь сердца, поклонился покойникамъ и изволилъ выйти вонъ. Прощедъ за колокольню, посмотрѣлъ тамъ и пошелъ назадъ при богадлѣ⁴⁾ у богадѣленокъ спросилъ. «Какъ велика была вода?» Тѣ отвѣтствовали. Послѣ изволилъ сказать, чтобы онѣ много не скорбѣли: «Я вашъ покровитель»; изъ насъ же ни съ кѣмъ ни слова не говорилъ. О семъ вашему преподобію репортуя. Протоіерей Георгій Петровъ⁵⁾. Ноября 15 дня, 1824 года».

Помимо опустошеній и развореній на кладбищѣ и въ домахъ ему принадлежавшихъ, наводненіе оставило по себѣ на немъ неизгладимые слѣды въ отношеніи нравственномъ: оно усилило и увеличило нищенство и бродяжничество, по городу вообще, по Смо-

¹⁾ Павелъ Васильевичъ Криницкій скончался на 84 году 6-го декабря 1835 года. Погребенъ на Смоленскомъ кладбищѣ въ придѣлѣ св. Сергія и Вакха.

²⁾ Уцѣлѣли церковныя и метрическія книги съ 1785 года, хранившіяся на колокольнѣ.

³⁾ Не три а пять богадѣленокъ утонуло: Татьяна Иванова Вабина, Дарья Иванова Ведица, Анна Федотова Воброва, Соломонида Савельева и Матрена Тимоосева. Полуистлѣвшіе останки Вединой найдены были въ маѣ 1825 года.

⁴⁾ Это не ошибка: богадлѣ встарину говорилось вмѣсто богадѣльни, что гораздо яснѣе передаетъ мысль о пріютѣ для Бога.

⁵⁾ Первый настоятель Смоленскаго кладбища, скончался 84 лѣтъ 28-го іюля 1825 года.

ленскому кладбищу въ особенности. Говоримъ не объ истинной нищетѣ, но о тѣхъ обоего пола пролетаріяхъ, которые создали себѣ изъ недавняго наводненія доходную статью. Они, какъ будто, родились изъ ила, нанесеннаго волнами взморья и Невы. Эти люди инфузоріи Божью ниву избрали для своей жатвы. Каждый, или каждая изъ нихъ, пристава къ посѣтителѣмъ, импровизировали или повторяли затверженные рассказы о понесенныхъ ими страданіяхъ, опасностяхъ, убыткахъ и утратахъ. По ихъ словамъ каждый, или каждая изъ нихъ, и всѣ поголовно овдовѣли, либо осиротѣли. Эти легенды были такъ правдоподобны, и мрачная обстановка развореннаго кладбища съ размытыми могилами и перекосившимися памятниками такъ гармонировала съ ними, что даянія слушателей сыпались щедрою рукою. Тонъ и характеръ просьбъ измѣнялись по мѣрѣ отдаленія отъ церкви: робкіе, приниженные въ первыхъ рядахъ, оборванцы и салопницы становились дерзче и наглѣе на окраинахъ кладбища.. И пять, и шесть, и десять лѣтъ прошло со времени наводненія, но нищенство продолжалось, хотя рѣже и рѣже звучали рассказы о погибшихъ 7-го ноября женахъ, мужьяхъ и дѣтяхъ...»

Мы еще возвратимся въ эту «юдоль плачевную», но теперь перейдемъ къ рассказамъ эпизодическимъ о страшномъ наводненіи, людей разныхъ возрастовъ и званій.

Замѣшанный въ декабрьскую смуту Александръ Петровичъ Вѣляевъ 2-й, въ эпоху наводненія юноша двадцати одного года, поспяцаетъ ему слѣдующія страницы своихъ воспоминаній ¹⁾.

«Наводненіе 1824 года 7-го ноября началось въ ночь съ 6-го на 7-е. 6-го числа былъ сильный западный вѣтеръ, который затѣмъ превратился въ страшную бурю, такъ что теченіе Невы остановилось и вода стала заливать берега. Въ вечернемъ приказѣ я былъ назначенъ дежурнымъ по баталіону, а братъ мой дежурнымъ на императорскій катеръ, стоявшій противъ дворца у дворцовой набережной. Когда я шелъ отъ Калинкина моста, гдѣ мы жили, въ казармы, по набережной Мойки, то едва не былъ сбитъ съ ногъ силою урагана, такъ что, державшись только за перила изъ всей силы, могъ подвигаться. Вода уже била фонтанами изъ всѣхъ водосточныхъ трубъ, заливая улицы и захватывая всѣхъ пѣшеходовъ, которые должны были по водѣ спѣшить къ своимъ домамъ или своимъ должностямъ. Всего болѣе было жалъ бѣдныхъ дамъ, захваченныхъ этимъ внезапнымъ разливомъ. По мѣрѣ подъема воды стали показываться по улицамъ лодки, и одна изъ нихъ съ флигель-адъютантомъ Германомъ направилась въ наши ворота и этимъ проливомъ пристала къ каменной лѣстницѣ, гдѣ вода стояла уже на 5-й ступени изъ нижняго въ верхній этажъ. На этой лодкѣ

¹⁾ «Русская Старина», изд. 1881 г., т. XXX, стр. 15—18.

отправилось нѣсколько матросовъ съ офицерами для поданія помощи въ различныхъ мѣстностяхъ. Въ Невѣ вода поднялась уже выше набережной; ураганъ страшно свирѣпѣлъ, волненіе на Невѣ сдѣлалось громаднымъ; плыть внизъ по рѣкѣ уже не было возможности, все несло вверхъ противъ теченія. Когда противъ дворца показалась сѣнная барка, уже вполонину затопленная и люди кричали и просили помощи, государь, увидѣвъ ихъ изъ окна бѣдствующихъ, послалъ генераль-адъютанта Бенкендорфа, который въ этотъ день былъ дежурнымъ, приказать катеру снять этихъ несчастныхъ. Генераль передалъ приказаніе брату моему, командиру катера, который, сѣвъ на казачью лошадь, располагалъ подъѣхать къ катеру, такъ какъ у дворца вода была выше пояса; но когда онъ увидѣлъ, что генераль тоже располагаетъ направиться къ катеру, то соскочилъ въ воду и они оба по лонсъ въ водѣ, страшно холодной, достигли катера и взошли въ него. Барка уже много подалась вверхъ противъ теченія, и, когда люди были спасены, катеръ поворотилъ ко дворцу, такъ какъ ему приказано было снять только этихъ людей. Но когда 18 человекъ силачей гребцовъ начали грести, то катеръ не подавался ни на шагъ. Братъ мой, управлявшій рулемъ, крикомъ поощрялъ гребцовъ навалиться (терминъ морской), но всѣ ихъ усилія были тщетны, и когда уже сломалось нѣсколько весель, и катеръ, не смотря на всю силу 18 могучихъ весель, несло вверхъ противъ теченія, братъ доложилъ генералу, что внизъ они уже плыть не могутъ, а надо поворотить по вѣтру и гдѣ будутъ погибающіе, то подать имъ помощь. Генераль долженъ былъ согласиться съ этимъ доводомъ, не смотря на то, что былъ въ одномъ мундирѣ, такъ же какъ и братъ, и что они промокли до костей. Если они спаслись отъ смертельной простуды, то обязаны были этимъ, конечно, сильному нервному возбужденію и физическимъ усиліямъ при удержаніи катера, когда онъ долженъ былъ останавливаться для снятія погибавшихъ въ разныхъ мѣстахъ. Такъ имъ посчастливилось спасти нѣсколько человекъ на сальномъ буйнѣ, на Петербургской сторонѣ. Не видя уже болѣе утопавшихъ или бывшихъ въ опасности, они рѣшились дать отдохнуть отъ чрезмѣрныхъ усилій матросамъ и дать обсушиться какъ себѣ, такъ и имъ, потому что одежда ихъ была такъ мокра, что какъ будто они сейчасъ только вытащены были изъ глубины. Брызги валовъ, безпрестанно вершинами своими подававшихъ въ катеръ и обливавшихъ людей съ головы до ногъ, не давали возможности даже бурному вѣтру хоть сколько-нибудь просушить ихъ. Они подъѣхали къ одному дому на Петербургской сторонѣ, котораго верхній этажъ былъ еще свободенъ отъ затопленія; но какъ входа въ домъ нигдѣ не было, то генераль разрѣшилъ выбить одно изъ оконъ. Толстую доску, называемую сходней, которая кладется съ катера на берегъ, для входа, нѣсколько разъ раскатали матросы

и такъ сильно ударили ею въ окно, что обѣ рамы съ трескомъ вылетѣли въ комнату. Квартира эта принадлежала одному очень милому, по отзывамъ брата, семейству, сколько помнится, Огаревыхъ. Они приняли ихъ, конечно, съ большимъ радушіемъ и самымъ нѣжнымъ участіемъ; снабдили сухимъ бѣльемъ, халатами, такъ какъ мундиры ихъ были совершенно мокры, напоили чаемъ съ ромомъ, а также команду и спасенныхъ людей. Къ утру буря стихла и они отправились во дворецъ. Когда генералъ Бенкендорфъ доложилъ государю обо всемъ, что было ими сдѣлано и отовзался съ похвалою о мужествѣ и распорядительности брата, какъ командира катера, государь приказалъ тотчасъ же надѣть на него орденъ Владиміра 4-й степени. Братъ, 18 лѣтній юноша, никакъ не хотѣлъ надѣть крестъ, отговариваясь, безъ сомнѣнія отъ искренняго сердца, что ничего не сдѣлалъ достойнаго такой награды, но генералъ сказалъ: «не ваше дѣло, молодой человекъ, рассуждать, когда государю угодно васъ наградить». Помнится, что Бенкендорфъ получилъ табакерку съ портретомъ государя и рассказывали, не знаю правда ли, что ему зачтенъ какой-то значительный казенный долгъ. Когда же братъ вернулся съ караула, съ какимъ восторгомъ я и всѣ товарищи узнали о его подвигѣ и наградѣ, но когда мы со службы пришли домой, то въ квартирѣ своей нашли страшное опустошеніе: мебель, платье, бѣлье, все было почти уничтожено. Не смотря на то, мы посовѣстились записаться въ списокъ пострадавшихъ отъ наводненія, которымъ повелѣно было выдать пособіе, соотвѣтственно потери каждаго. Сколько было несчастныхъ, которые болѣе насъ нуждались въ пособіи отъ казны. Списки составлялись по всѣмъ пострадавшимъ частямъ города; такъ какъ мы жили у Калинкина моста въ низовьяхъ рѣки, то вода въ нашихъ комнатахъ стояла выше роста человѣка; фортепьяно нашего товарища Бодиско обратилось въ лодку, потому что плавало въ комнатѣ со всѣмъ тѣмъ, что на немъ стояло.

«У многихъ домовъ, какъ оказалось утромъ, фундаменты были подмыты и еслибъ это наводненіе продолжилось дня два или три, то можно было ожидать страшнаго паденія многихъ зданій. Бертовскій пароходъ чуть ли не первый и не единственный въ то время, перевозившій пассажировъ въ Кронштадтъ, занесенъ былъ на Царицынъ лугъ и тамъ обмелѣлъ¹⁾».

«На другой день были назначены команды изъ всѣхъ гвардейскихъ полковъ при офицерахъ убирать расплывшіеся лѣса и другой хламъ, занесенный на улицы. Особенно пострадала Галерная

¹⁾ Ничего этого не было, на Царицыномъ Лугу обмелѣла одна только сѣнная барка.

Замѣтка очевидца, смотрѣвшаго на наводненіе, со времени его начала до убыва воды изъ оконъ Мраморнаго дворца.

гавань, гдѣ жители низкихъ домиковъ и подвальныхъ квартиръ сдѣлались первыми и самыми многочисленными жертвами. Грустно было смотрѣть, когда попадались трупы утопленниковъ, а также видѣть несчастныхъ бѣдняковъ, оставшихся въ живыхъ и потерявшихъ все свое скудное имущество. Государь самъ ѣздилъ по всѣмъ наводненнымъ мѣстамъ, утѣшалъ пострадавшихъ, общая имъ помощь и поистинѣ уподоблялся ангелу утѣшителю. Какъ ни клеветала на него злоба людей, но нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что всѣ его стремленія были возвышенными стремленіями, что сердце его было полно любви къ человѣчеству, а недостатки и слабости, какіе онъ могъ имѣть какъ человѣкъ и промахи или фальшивыя убѣжденія въ управленіи,—съ избыткомъ искупались прекрасными, высокими качествами его благороднѣйшей души. Онъ умеръ въ вѣрѣ, съ покаяніемъ и любовью къ Господу, прижавъ къ сердцу животворящій крестъ Господень.

«Я не говорю уже о его мягкомъ и очаровательномъ обращеніи со всѣми. Когда онъ увидѣлъ моего брата съ командой матросовъ на работахъ, онъ съ улыбкой спросилъ, сейчасъ же узнавъ его:—«А почему ты безъ креста?» Братъ, растерявшись отъ неожиданной встрѣчи, отвѣчалъ:—«Не успѣлъ надѣтъ, ваше величество!» На работы съ командою офицеры выходили въ старыхъ мундирахъ и запросо, не ожидая встрѣтиться лицомъ къ лицу съ государемъ».

Придворный протоіерей Іоаннъ Випоградовъ (въ эпоху наводненія діакономъ 24-хъ лѣтъ) рассказываетъ въ своихъ запискахъ ¹⁾ объ ужасахъ во время катастрофы на Васильевскомъ островѣ.

«Ноября 7-го того же 1824 года, въ началѣ 12 часа по полуночи, долготерпѣливый, но праведный Богъ посѣтилъ Петербургъ, а паче нашъ островъ неслыханнымъ наводненіемъ. Кратко было оно, но ужасно и гибельно. Съ означеннаго часа до двухъ пополудни вода, вышедшая изъ береговъ своихъ за день ранѣе, лилась быстро съ обильнымъ потокомъ во дворы, по улицамъ, въ нижніе этажи и покрыла весь островъ на весьма высокую мѣру. У насъ, въ соборномъ дворѣ ²⁾, было оной до цѣлой печатной сажени; между тѣмъ какъ 1747 (вѣроятно 1777?) года наводненіе помнившіе увѣряли, что тогда въ семь дворѣ воды было менѣе $\frac{1}{4}$ аршина. Комнаты нижняго этажа, гдѣ я квартировалъ были залиты оною до двухъ аршинъ; въ обѣихъ церквахъ полы покрыты были вершковъ на 5. Правду сказать, ужасно и вспомнить о семъ событіи. Какъ съ горы вода катилась во всѣ мѣста,—большія барки съ грузомъ своимъ плыли по проспектамъ острова, дрова и бревна очень скоро наполнили дворы,—лошади тонули съ упряжью и экипажами, куры, коровы—все гибло въ сіи страшныя минуты; а люди, не успѣвшіе

¹⁾ «Русская Старина», изд. 1878 г. Томъ XXII стр. 571—574.

²⁾ Св. Андрея Первозваннаго, по шестой линіи.

укрыться куда-нибудь, цѣплялись по проспектамъ за вѣтви деревьевъ и висѣли, пока могли, а тамъ или, при помощи, спасались, или падали въ воду. Двѣ лошади выпряженныя приплыли къ намъ во дворъ; долго плавали по оному и, наконецъ, какимъ-то инстинктомъ попали на довольно высокое церковное крыльцо и тутъ нашли исцеленное спасеніе. Корова, вѣроятно, желая спастись отъ смерти, подымалась на высокое сквозное крыльцо; но вода залила сіе бѣдное животное, морозъ окостенилъ ее и въ такомъ положеніи я видѣлъ ее висящую. Дома и колокольни были наполнены застигнутыми водою. Добрые жители острова, на проспектахъ жившіе, выкидывали изъ оконъ веревки и втаскивали погибавшихъ.

«Вода оставила по себѣ много странныхъ и смѣшныхъ слѣдовъ своего посѣщенія, не говоря о плачевныхъ и достойныхъ сожалѣнія. Напримѣръ: всѣ книги мои, брошенныя въ торопяхъ на кухонную печь, съ сею печью упали въ воду, только библія, въ четырехъ томахъ, раскиданная по разнымъ мѣстамъ сей печи, уцѣлѣла, какъ бы на устроенныхъ для каждаго тома столбикахъ. Ломберный столъ—выѣхалъ изъ зала чрезъ три комнаты въ спальню, съ салфеткою, которая какъ-то въ безпорядкѣ на немъ лежала, но не мокрая; а бочка съ квасомъ изъ закрытаго подпола, выплывъ въ цѣлости, угнѣвдилась въ спальнѣ на кровати! У меня и вездѣ печи попадали отъ воды, но только тѣ, которыя въ тотъ день были топлены.

«На третій день послѣ наводненія сердце мое повлекло меня въ 17-ю линію и ея окрестности. Тамъ я видѣлъ добрѣйшаго императора—утѣшителя несчастныхъ подданныхъ и съ нимъ графа Мих. Андр. Милорадовича. Послѣдній спросилъ у меня: «что батюшка! отпѣвать кого пришли?»; «Я пришелъ», в. с—во, поплакать объ участи согражданъ»,—отвѣчалъ я. «Да, и мы затѣмъ же пришли съ государемъ», кончилъ Милорадовичъ—и оба поднялись они по линіи на превысокую дровяную гору, пробираясь по среднему проспекту. Не могу и теперь безъ слезъ рассказывать плачевныхъ картинъ, водою начертанныхъ. Улица у 17-й линіи, направо, идущая къ Смоленскому кладбищу, наполнена была могильными крестами, которые водою снесены съ (своихъ мѣстъ сюда. Не подалеку отъ сихъ могильныхъ памятниковъ подошелъ я къ прешірокому черному гробу: плачущая при немъ женщина стала просить меня отпѣть покойницъ, на что я извинился ей моимъ саномъ діакона; напоследокъ она раскрыла гробъ, и что представилось очамъ моимъ, мало зрѣвшимъ отъ множества слезъ? Довольно пожилая мать съ дочерью, зрѣлыхъ лѣтъ дѣвицею, одѣтыя въ шелковые зеленаго цвѣта капоты, руками и ногами крѣпко обнявшіяся, лицомъ къ лицу! Ихъ такъ нашли въ лодкѣ, въ 17-й линіи; а домъ, гдѣ жили онѣ, изъ 21-й линіи переплылъ въ 14-ю. По сей линіи вообще у каждаго дома почти готово было домовище (гробъ); ибо каждый по-

чти домъ вмѣщалъ въ себѣ мертвеца, или извлеченнаго изъ развалинъ, или только освобожденнаго оттуда. Другія линіи были также непроходимы отъ нанесенныхъ домовъ, барокъ, бревенъ дровъ и пр. Недѣли времени и тысячи людей нужны были, чтобы очистить и привести въ порядокъ нашъ островъ... О Васильевскій островъ! я сказываю только частицу. Прочіе предметы горести сокрыты были отъ взора моего, да и не достало бы силы описывать все. Бѣдная гавань, Черная рѣчка, Чекуши—что потеряли! Дѣти, отцы, матери, кровные, сосѣди—они передадутъ потомству неописуемая утраты.

«Можно ли при семъ съ душевною благодарностію не вспомнить о милосердіи государя Александра? Не говоря о томъ, что онъ личною своею утѣшалъ несчастныхъ, въ самую грозу переплывъ Неву, и жилъ на островѣ около четырехъ сутокъ; по мановеніи его явились средства къ облегченію участи разорившихся. Паперти церковныя сдѣлались мѣстомъ раздаянія царевой милостыни, у насъ на острову открылись дома для пріюта и питанія; Адмиралтейская сторона безостановочно подавала заневской сторонѣ хлѣбъ и другіе припасы; устроились комитеты. Родительница Александра I-го, мать всѣхъ бѣдныхъ — императрица Марія — открыла новыя убѣжища подъ кровомъ своимъ для воспитанія дѣтей, потерявшихъ въ наводненіи родителей или воспитателей».

Прибавлю нѣсколько анекдотовъ относящихся къ 7-му ноября 1824 года, слышанныхъ отъ достовѣрныхъ людей.

Покойникъ, похороненный за два дня до наводненія на Смоленскомъ кладбищѣ, въ день потопа приплылъ въ гробъ въ свою квартиру, гдѣ жилъ ¹⁾.

На чердакѣ дома плававшего по взморью найдены два младенца въ люлькѣ, преспокойно спящіе ²⁾.

Діаконъ Александръ Андреевичъ Голубевъ, чтобы спастись отъ воды, коею былъ захваченъ въ своей квартирѣ, головой сахарной пробилъ потолокъ и прошелъ туда (?) съ женою, гдѣ и дождался убыли водной.

Не лишены интереса воспоминанія о наводненіи петербургскаго старожила О. А. Пржецлавскаго ³⁾, писавшаго подъ псевдонимомъ «Циприуса». Онъ описываетъ бѣдствіе на мѣстѣ своего жительства—въ Галерной улицѣ. Этотъ разсказъ, чуждый фразерства и всякихъ вычуръ пополняетъ наши выписки изъ сказаній о страшнѣйшей катастрофѣ.

¹⁾ Это былъ, вѣроятно, тотъ неугомный вдовецъ о которомъ въ своихъ запискахъ упоминаетъ П. А. Каратыгинъ (см. ниже).

²⁾ Трөгательно, но неправдоподобно! Вой и ревъ бури, шумъ и плескъ волнъ, самая качка дома носящагося по нимъ должны были разбудить младенцевъ.

³⁾ «Русская Старина», изд. 1874 г. Том. XI, стр. 671—678.

«Вечеръ 6-го ноября 1824 г. я провелъ на балѣ въ одномъ домѣ у Семеновскаго моста, гдѣ пробылъ до поздней ночи. Возвращаться домой было далеко, мы жили тогда съ Парчевскимъ въ Галерной улицѣ, въ домѣ Коммерческаго общества, на углу Замятина переулка. Дулъ очень сильный сѣверо-западный вѣтеръ; онъ то нагонялъ, то разрывалъ и разгонялъ темныя осеннія тучи, такъ что звѣздное небо поминутно то прояснялось, то опять затемнялось. Проѣзжая черезъ Екатерининскій каналъ и Мойку, я замѣтилъ, что вода стоитъ необыкновенно высоко. Имѣя спѣшную работу, я, на другой день, собрался рано ѣхать въ канцелярію, которая была въ домѣ Галашевской, на Фонтанкѣ, у Семеновскаго моста. Ровно въ 9-ть часовъ я съ портфелемъ вышелъ черезъ нашъ дворъ на набережную, думая найти тамъ извозчика. Но, взглянувъ на Неву, я остановился, пораженный неожиданнымъ, ужасающимъ зрѣлищемъ. Вся набережная, по самымъ края гранитныхъ плитъ парапета, была полна, какъ полный сосудъ, и вода брызгала уже черезъ край на троттуары. Рѣка, какъ глазомъ завидѣть, состояла изъ бѣлоснѣжной пѣны, по которой неслись и кружились сотни разныхъ судовъ, множество сѣна и дровъ изъ разбитыхъ барокъ. Исаакіевскаго флашкотнаго моста не было и слѣда. На улицахъ изъ водосточныхъ трубъ били фонтаны. Нельзя было и подумать ѣхать куда-нибудь. Я насилу пробрался домой черезъ дворъ, наполовину уже залитый водою изъ подземной трубы. Между тѣмъ, одинъ, гостившій у насъ, пріѣзжій изъ провинціи, видя что дѣлается, успѣлъ сбѣгать въ булочную и колбасную и возвратился съ запасомъ провизіи дня, по крайней мѣрѣ, на четыре.

«Я не стану описывать подробностей наводненія 7-го ноября, довольно всѣмъ извѣстныхъ, но расскажу одинъ эпизодъ этого страшнаго дня, происходившій въ нашемъ домѣ. Въ немъ, съ Замятина переулка, ведущаго къ Невѣ, въ нижнемъ этажѣ, возвышавшемся надъ уровнемъ улицы едва на нѣсколько ступеней, была большая зала. Тамъ въ послѣднее время учредили бесплатную Ланкастерскую школу взаимнаго обученія, для чего и застроили всю залу скамейками, возвышавшимися амфитеатромъ почти до самаго потолка. Тутъ обучалось много дѣтей обоего пола. Уроки начинались очень рано, такъ что въ день наводненія всѣ дѣти были уже налицо, когда Нева начала выступать изъ береговъ. Изъ родителей этихъ дѣтей наплась всего одна мать настолько умная, что около 9-ти часовъ заѣхала въ училище и увезла свое дитя. Всѣ прочіе остались одни, такъ какъ никто изъ учителей не пришелъ. Въ половинѣ 10-го часа переулкъ былъ уже залитъ и вскорѣ вода стала пробираться въ залу. Къ счастью были скамейки, постепенно возвышающіяся, и дѣти спасались на нихъ по мѣрѣ того, какъ вода возвышалась. Вода, какъ извѣстно, съ девяти часовъ утра постоянно прибывала до 2-хъ часовъ пополудни и весь Петербургъ

былъ въ паническомъ страхѣ; никто не могъ предвидѣть, когда и на чемъ прибыль остановится. Въ Галерной улицѣ и въ переулкѣ вода достигла высоты порядочнаго человѣческаго роста. Дѣти, собравшіеся на верхнихъ скамейкахъ, вали себя сначала смиренно, и мы въ домѣ даже не знали, что они тутъ. Но, послѣ полудня, когда вода не переставала возвышаться, страхъ и голодъ заставили дѣтей сперва плакать, потомъ отчаянно кричать. Хотя мы жили безъ всякаго сообщенія съ залой со стороны Галерной, но вопли несчастныхъ дѣтей, сквозь толстыя стѣны, слышались во всемъ домѣ. Это было невыразимо грустно, можно было думать, что дѣти тонуть и взываютъ о помощи, а подать ее не было никакой возможности. Мудрый законъ Петра I, требующій, чтобы во всѣхъ домахъ были лодки, по славянской безпечности обветшалъ и ни въ одномъ домѣ лодки не было. Жалобный, раздражающій душу, хоръ на минуту умолкалъ, потомъ возобновлялся съ новой силой и это продолжалось цѣлый день. Въ два часа пополудни вода пошла на убыль; она быстро понижалась и къ 6-ти часамъ улицы были уже свободны отъ воды. Тогда только отцы и матери стали съѣзжаться и развезли дѣтей по домамъ. Если бы въ домахъ были лодки, то родители, конечно, явились бы ранѣе.

«Наводненіе 7-го ноября 1824 года было явленіе исключительное, а въ лѣтописяхъ мѣстной навигаціи—единственное. Съверо-западный вѣтеръ, остановившій теченіе Невы, дулъ постоянно и съ одинаковою силою цѣлыхъ 12-ть часовъ по одному румбу, безъ малѣйшаго уклоненія. Какъ только онъ своротилъ немного къ сѣверу, то вода стала быстро убывать. Замѣчательно, что извѣстія о наводненіи не были напечатаны ни въ одной газетѣ, дѣлали тайну изъ того, чему было 400,000 свидѣтелей. Только черезъ годъ позволено было г. Аллеру, эконому Смольнаго монастыря, напечатать брошюру съ описаніемъ подробностей наводненія, а немного ранѣе воспѣвалъ ихъ въ напечатанномъ диамрамѣ графъ Хвостовъ:

... свирѣпствовалъ Ворей,
 «И сколько въ этотъ день погибло лошадей!
 Тамъ множество различныхъ нравъ
 «Лежало кверху ноги вдрать!»¹⁾.

¹⁾ Графъ Хвостовъ, дѣйствительно послѣдствіемъ воспѣть ужасное событіе столь же ужасными стихами, однако же не на другой день наводненія. Пушкинъ по обыкновенію, надѣваясь надъ горемычною музою графа Хвостова, сказалъ въ «Мѣдномъ Всадникѣ»:

... Съ дворовъ
 «Своими лодки. Графъ Хвостовъ,
 «Поэтъ любимый небесами,
 «Ужъ пѣлъ бессмертными стихами
 «Несчастье Невскихъ береговъ».

Извѣстный въ свое время авторъ и переводчикъ многихъ водевилей и комическій артистъ Петръ Андреевичъ Каратыгинъ ¹⁾ (въ годъ наводненія девятнадцатилѣтній воспитанникъ театрального училища), вспоминая о наводненіи, ровно чрезъ полвѣка послѣ катастрофы, рассказываетъ многія любопытныя о ней подробности, которыхъ былъ очевидцемъ, или основываясь на городскихъ слухахъ того времени. Живость и юморъ изложенія, до нѣкоторой степени, искупаютъ многія неточности, могущія ввести въ заблужденіе довѣрчиваго читателя или историка бѣдствія Петербурга. Уваженіе къ исторической правдѣ и къ памяти покойнаго заставило насъ, въ выносахъ, на основаніи самыхъ достовѣрныхъ и компетентныхъ свидѣтельствъ, исправить нѣкоторые промахи и недоглядки его разсказа.

«Грозное 7-е ноября 1824 г. живо въ моей памяти, хотя уже полстолѣтія прошло съ тѣхъ поръ.

«Еще ночью, наканунѣ того злополучнаго дня, мы слышали въ просонкахъ бурное завываніе вѣтра, отъ сильныхъ порывовъ котораго дрожали рамы въ нашей спальнѣ; но петербургскимъ жителямъ такая музыка въ привычку,—она съ малолѣтства зачастую насъ убаюкивала.

«Поутру, въ обычный часъ, собрались мы въ залѣ на молитву и тутъ, подойдя къ окнамъ, увидѣли необыкновенное возвышеніе воды въ Екатерининскомъ каналѣ: барки съ дровами готовы были вылѣзть за перела, изъ подземныхъ трубъ били на улицу фонтаны. Насъ это сначала очень забавляло; съ иныхъ прохожихъ срывало вѣтромъ шляпы и фуражки въ канаву, и они напрасно хлопотали достать ихъ оттуда, что возбуждало у насъ общій смѣхъ; мы еще никакъ не предполагали, что черезъ нѣсколько часовъ разыграется такая страшная драма! Въ то время учителя не пришли къ намъ въ классы и мы не отходили отъ окошекъ. Между тѣмъ, буря ежеминутно усиливалась и вода мутными волнами хлестала черезъ край за рѣшетку изъ канавы. Наконецъ, съ шумомъ хлынула на улицу и черезъ нѣсколько мунуть передъ нашими глазами образовалось широкое озеро. Весь нашъ дворъ залило водою. Кто-то изъ моихъ товарищей посадилъ въ корыто кошку и пустилъ ее плавать по двору. Молодежь наша все еще легкомысленно забавлялась, не предчувствуя близкой опасности. Но вскорѣ мы смекнули, что дѣло идетъ не на шутку. На улицѣ, мимо нашихъ оконъ, неслись будки часовыхъ, бревна, дрова, разбитыя лодки, барки и разный хламъ. Кое-гдѣ виднѣлась утопающая лошадь или собака; люди спасались на заборахъ, на крышахъ одноэтажныхъ домовъ; общее

¹⁾ Родился 29 іюня 1806 г., скончался 24 сентября 1879 г., погребенъ на Смоленскомъ кладбищѣ. «Записки» его были изданы въ 1880 г. (Спб., 336 стр., въ 8 д. л.). О наводненіи, см. стр. 120—126.

бѣдствіе начало намъ представляться въ страшныхъ картинахъ; тогда лица нашихъ балагуровъ и смѣльчаковъ вытянулись и поблѣднѣли. Густыя, сѣрыя тучи быстро неслись по небу; извѣдка выглядывало солнце, чтобъ освѣтить всеобщую гибель и разрушеніе. Нашъ домовый священникъ, отецъ Петръ, жилъ тогда въ нижнемъ этажѣ; къ нему побѣжали нѣкоторые изъ воспитанниковъ и просили его пойти въ церковь и отслужить молебенъ о прекращеніи бури; но онъ, бѣднякъ, былъ тогда въ страшныхъ попыхахъ и, совсѣмъ растерявшись, махнулъ намъ рукой и отвѣчалъ:

— «Послѣ, послѣ, а теперь лучше помогите мнѣ вытаскивать мои пожитки и мебель въ верхній этажъ!..»

«И они начали помогать ему выбираться изъ его квартиры, на четверть залитой уже водою.

«Другіе воспитанники бросились въ кухню, которая тоже находилась внизу, и спасали хлѣбъ и съѣстные припасы.

«Воспитанницы помѣщались въ третьемъ этажѣ и безпрестанно высовывались въ форточки. Бѣдная кошка все еще плавала въ корытѣ и неистово мяукала. Воспитанница Прилуцкая, за которой тогда ухаживалъ покойный Григорьевъ (Петръ Ивановичъ), со слезами всѣхъ упрашивала спасти ея любимую кошку! Григорьевъ, въ угоду своей Дульцинеѣ, порыцарски рѣшился на отважный подвигъ. Тогда съ двухъ сторонъ нашего двора помѣщались дрова! Онъ вскочилъ на нихъ и началъ перебѣгать изъ стороны въ сторону, стараясь ухватить корыто. Но въ это самое время вода подмыла дрова, они расплылись и притиснули его; онъ очутился посреди двора, погорло окруженный дровами, и хотя онъ отлично плавалъ, но тутъ не было ему никакой физической возможности выкарабкаться на верхъ.

«Въ третьемъ этажѣ послышался ужасный визгъ, плачь, крикъ и стонъ. Разумѣется, Прилуцкая кричала больше всѣхъ. Могла ли она не сострадать отважному рыцарю, который для ея любимой кошки рѣшился на такое самоотверженіе! Гдѣ-то достали длинную, толстую веревку и бросили ему съ крыльца, онъ кое-какъ ухватился за нее, и мы всѣ притянули его къ крыльцу. Его тотчасъ раздѣли, уложили въ постель, вытерли виномъ и напоили горячимъ чаемъ съ ромомъ, который принесъ ему нашъ инспекторъ. Благодаря молодости и необыкновенно-крѣпкой его натурѣ, никакихъ дурныхъ послѣдствій съ нимъ не было; онъ проспалъ до утра и всталъ, какъ встрепанный. За то прелестная его Дульцинея вполнѣ оцѣнила его рыцарское мужество и самоотверженіе и сдѣлалась съ тѣхъ поръ вдвое къ нему благосклоннѣе. Но, увы! школьная любовь такъ же, какъ и дружба, непрочна; первая любовь, какъ первый блинъ, бываетъ зачастую комомъ!

«По выходѣ изъ училища, Прилуцкая вышла замужъ за другого, а Григорьевъ женился на другой.

**This book is a preservation photocopy.
It was produced on Hammermill Laser Print natural white,
a 60 # book weight acid-free archival paper
which meets the requirements of
ANSI/NISO Z39.48-1992 (permanence of paper)**

**Preservation photocopying and binding
by
Acme Bookbinding
Charlestown, Massachusetts

1995**

